1894 годъ. Январь.

1894 № 33-34
с приложен

Годъ 6-й.

Книга 1-я.

№ 33.

„Артистъ"

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

и

литературы

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., соб. д.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ЧЕРНЫЙ МОНАХЪ, разсказъ **А. П. Чехова** 1
II. ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ПЕРОВЪ, опытъ характеристики, **А. А. Киселева** (съ снимками съ рисунковъ **В. Г. Перова**) 17
III. РѢШЕНІЕ, повѣсть **Л. Ф. Нелидовой** 27
IV. ДВА ИНОСТРАННЫХЪ КОМПОЗИТОРА: 1) Филиппэ Педрелль, ст. **Ц. А. Кюи** (съ портретомъ) 49
V. ДОРОГОЙ ДРУГЪ, очеркъ **Д. Н. Мамина-Сибиряка** 58
VI. СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ, ПОРТРЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ:

Портретъ *В. Г. Перова* . . 18
„ *Ф. Педрелля* . . 57
„ *Н. С. Тихонравова.* 95
„ *К. Н. Рыбакова*, въ роли Облопошева. 110

Рисунки **В. Г. Перова:**
„Въ Мытищахъ“ 19
„За круглымъ столомъ“ . . 20
„Пріѣзжій“ 21
„Отъ заутрени“ 22
Этюдъ головы мальчика . . 23
Этюды головы Пугачева. . . 24
Этюдъ женщины 25
Этюдъ дѣвушки, бросающейся въ рѣку. . . 26

„Въ лѣсу“, картина **Коппаи** 173
„Заря“, картина **Синибальди** 16
Пейзажъ **В. В. Переплетчикова** . . . 70
„Ламповщикъ“, рис. **Л. О. Пастернака.** 196

Декораціи **А. Ѳ. Гельцера:**
„Гамлетъ“, актъ 1-й 83
„Марія Шотландская“ 84
„Воевода“, актъ 1-й 85
„Графъ де Ризооръ“ 86
„Орлеанская дѣва“, 4 декораціи 152—158

VII. ТРОНУЛОСЬ ЛИ ВПЕРЕДЪ ТЕМНОЕ ЦАРСТВО? Послѣреформенные типы въ драмахъ А. Н. Островскаго, ст. **Ц. П. Балталона** 70
VIII. НАШИ РУССКІЕ ДЕКОРАТОРЫ. 1) *Анатолій Ѳедоровичъ Гельцеръ* (съ снимками съ его декорацій), ст. **Г.** 83
IX. ВО ИМЯ ДРУЖБЫ, разсказъ **Е. П. Гославскаго** 87
X. ПАМЯТИ Н. С. ТИХОНРАВОВА, рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общ. Люб. Р. Словесности **Н. И. Стороженкомъ** (съ портретомъ *Н. С. Тихонравова*) 95
XI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Замѣтки читателя.—(Современный герой). **И. И. Иванова** 97
XII. СВОБОДНЫЙ ТЕАТРЪ, ст. **А. Н. Веселовскаго** 111
XIII. CREDO, стихотв. **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ** 115
XIV. „ТАНЦОВАЛЬНАЯ СЮИТА“, для ф.-п. 1) Вальсъ. Муз. **Э. Ф. Направника.** 118
XV. „ГВЕНДОЛИНА“, опера **Э. Шабріэ.**—Пѣсня за прялкой (изъ I дѣйствія). 124
XVI. ИЗЪ ШАХЪ АЗИСА (съ армянскаго.) *Моя участь*, стихотвореніе **Ю. А. Веселовскаго** 127
XVII. А. С. ДАРГОМЫЖСКІЙ (съ портретомъ), ст. **И. Корзухина** 128
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Москва. Малый театръ: „Жизнь“, ст. **И. И. Иванова.**—„Кручина“, ст. **Х.**—„Сельская честь“.—„Я играю большую роль“.—„На тотъ свѣтъ“. 136
Большой театръ: Характеръ репертуара.—Гастроли г-жи Булычевой.—Новые исполнители нѣкоторыхъ партій, ст. **В. В.** 149
Наша сцена съ точки зрѣнія художника. Постановка „Орлеанской дѣвы“ въ бенефисъ г. Гельцера на сценѣ Больш. театра, ст. **Глаголя** (съ снимками съ декорацій). 150
Театръ г. Корша: „Елка“.—„Сгоряча“.—„Райскій уголокъ“.—„Туръ вальса“.—„Флипотъ“.—„Горькая судьбина“.—„Каково вѣется, таково и мелется“.—„Не такъ живи какъ хочется“, ст. **Р. С. Т.** 159
Малорусская труппа, ст. **А. Я—ва** 162
Гастроли Фредерика Февра, ст. **Х.** 153
Конкурсъ картинъ въ Обществѣ Любителей Художествъ, ст. **А. К.** 166
Частная итальянская опера, ст. **В. В.** 169
Русское Музыкальное Общество.—Экстренное симфоническое собраніе.—4-е и послѣднее квартетныя собранія 1-й серіи, ст. **Н. Д. Кашкина.**—Концертъ учащихся въ Московск. консерваторіи, ст. **В. В.** 170
Концертъ г. Пабста, ст. **Н. Д. Кашкина** 172
Московское Филармоническое Общество: 3-е, 4-е и 5-е симфоническія собранія, ст. **В. В.** 174
Духовный концертъ въ Синодальномъ училищѣ, ст. **С. Н. Кругликова.** 176

„АРТИСТЪ“

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

1894 годъ. Январь.

№ 33.

Годъ 6-й. Книга 1-я.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Пименовская улица, собственный домъ.

1894.

Въ журналѣ по прежнему будутъ принимать участіе:

проф. **Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій**

и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ѳ. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Аренсъ, К. Д. Бальмонтъ, В. В. Билибинъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. А. и Ю. А. Веселовскіе, П. П. Веймарнъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, Н. С. Генкинъ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, С. С. Голоушевъ, В. А. Гольцевъ. Н. М. Городецкій, Е. П. Гославскій. Г. Н. Грессеръ, А. О. Гунстъ, М. А. Давидова, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, И. И. Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, А. Н. Канаевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Ѳ. А. Куманинъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, М. И. Лавровъ, М. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, А. А. Луговой, Е. Н. Лѣткова, В. Е. Маковскій, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, проф. Н. А. Осокинъ, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, И. Н. Потапенко, И. М. Прянишниковъ, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, Н. А. Сергѣевъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, А. С. Степановъ, А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ. М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Я. Я. Шанксъ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ.

Подписная цѣна остается прежняя.

	Безъ доставки.	Съ достав. и перес.	Съ перес. за гран.
На годъ	10 р.	12 р.	14 р.
На полгода	6 „	7 „	8 „

Вмѣстѣ съ журналомъ „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“:

На годъ.	13 р.	16 р.	18 р.
На полгода.	8 „	10 „	11 „

Допускается разсрочка на новыхъ условіяхъ: при подпискѣ на „Артистъ“—**2 р.** и затѣмъ **ежемѣсячно по 1 руб.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала—3 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по **2 р.** съ пересылкою.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1894 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

(ГОДЪ 4-й).

Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 8 до 12 актовъ драматическихъ произведеній.

☞ Съ февральской книжки въ журналѣ будутъ прибавлены отдѣлы: ☜

Хроника и корреспонденціи.

Съ 1894 года подписка на „Театральную Библіотеку“ будетъ приниматься какъ отъ подписчиковъ на „Артистъ“, такъ и отдѣльно отъ „Артиста“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для подписчиковъ на „Артистъ“:

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.
На годъ	3 р.	4 р.
На полгода	2 „	3 „

Отдѣльно отъ „Артиста“:

На годъ	7 р.	8 р.
На полгода	4 „	5 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ на *одну „Театральную Библіотеку“*—2 р. и затѣмъ **ежемѣсячно по 1 р.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ *на оба журнала вмѣстѣ*—3 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ по 1 р. съ пересылкой.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 р. съ пересылкой.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„АРТИСТЪ“

ПРОДАЮТСЯ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ

РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ:

А. А. Писемскаго.

„Сѣдые мхи“.
Безъ рамы—26×16 вер. Въ рамѣ—34×24 вер. Цѣна—400 р.

„Горѣлый лѣсъ“.
Безъ рамы—25×40 сант. Въ рамѣ—50×65 сант. Цѣна 150 руб.

В. К. Штемберга.

„Ребенокъ съ кошечкой“.
Безъ рамы—11×14 вер. Въ рамѣ—16×20 вер. Цѣна—200 руб.

Н. С. Матвѣева.

„Стрѣлецъ“. Безъ рамы 12×8 вершк. Въ рамѣ 17×14 вершк.—**225 р.**

Проф. *Клевера.*

Четыре времени года. Четыре панно (каждое 23×10 вершковъ). Цѣна—**1000** руб.

Н. А. Сергѣева.

Пейзажи: **„Adagio“.** Безъ рамы 33×20 вершк. Въ рамѣ 44×33 вершк.—**1200 р. „Послѣдній аккордъ“.** Безъ рамы 12×9 верш. Въ рамѣ 20×15 вершк.—**500 р.**

АКВАРЕЛИ:

Художника *Мартынова.*

„Сакля въ Крыму“. Цѣна 85 р. Въ рамѣ 15×17 верш. Безъ рамы 9×11 верш.

Скадовскаго.

Крымскіе виды—по 75 рублей.

А. Бенуа.

„Пейзажъ“—200 р. Въ рамѣ 59×49 сант. Безъ рамы 33×24 сант.

Художн. *Стрѣлковскаго.*

„Малороссы“. Безъ рамы 10×12 верш. Въ рамѣ 18×24 верш. Цѣна 150 р.

БЮСТЫ

РАБОТЫ

К. С. Шиловскаго-Лошивскаго:

А. П. Ленскаго въ роли Д. Сезара де Базанъ. ***В. Н. Давыдова*** въ роли Гарпагона. Высота 60 сантиметровъ. Цѣна по **25** руб.

ВЫШЕЛЪ № 33 (ЯНВАРЬ 1894 Г.) ЖУРНАЛА

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Я играю большую роль“, шут. въ 1 д. **Д. В. Гарина. „Погоня за призраками“**, ком. въ 4 д, **Л. Фульда,** перев. **С. Г. „Супруги Оленины“**, др. въ 4 д. **П. П. Штеллера. „Страшная месть“**, фарсъ въ 4 д. **И. И. Мясницкаго, „На тотъ свѣтъ“** шут. въ 1 д. **Г. Н. Грессеръ. „Докторъ принимаетъ“**, шутка въ 1 д. **И. Щеглова,** Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію въ ноябрѣ 1893 г.

Условія подписки см. 4 стр. обложки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

		Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
	(Экземпляры №№ 1 и 4 всѣ распроданы).			
5	книгъ 1-го сезона $18^{89}/_{90}$ г. (№№ 2—3 и 5—7)	6 р. 50 к.	8 р. 50 к.	8 р. 75 к.
7	книгъ 1890 г. (№№ 5—11)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7	„ 2-го сезона $189^0/_1$ (№№ 8—14)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7	„ 1891 г. (№№ 12—18)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7	„ 3-го сезона $189^1/_2$ (№№ 15—21)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
9	„ 1892 г. (съ апрѣля 92 г. по январь 93 г. — №№ 1—5 „Дневника Артиста“ и №№ 22—25 „Артиста“)	6 „ 20 „	7 „ 70 „	8 „ — „
12	„ 1892 г. (№№ 19—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	10 „ — „	12 „ 50 „	12 „ 80 „
10	„ 1890 г. и $189^0/_1$ г. (№№ 5—14)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
10	„ 1891 г. и $189^1/_2$ г. (№№ 12—21)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11	„ $189^0/_1$ и 1891 г. (№№ 8—18)	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14	„ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18)	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
12	„ 1893 г. (№№ 26—32 „Артиста“ и №№ 6—10 „Дневника Артиста“)	10 „ — „	12 „ 50 „	12 „ 80 „
16	„ (№№ 2—3 и 5—18)	20 „ 75 „	26 „ 50 „	27 „ — „
19	„ (№№ 2—3 и 5—21)	24 „ 75 „	31 „ 50 „	32 „ 20 „
26	„ (№№ 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	28 „ — „	35 „ 50 „	36 „ 30 „
28	„ (№№ 2—3 и 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	31 „ — „	39 „ 20 „	40 „ — „
38	„ (№№ 5—32 „Артиста“ и №№ 1—10 „Дневника Артиста“)	38 „ — „	48 „ — „	49 „ — „
40	„ (№№ 2—3 и 5—32 „Артиста“ и №№ 1—10 „Дневника Артиста“)	41 „ — „	52 „ — „	53 „ — „

При выпискѣ съ наложеннымъ платежомъ слѣдуетъ присылать предварительно одну треть стоимости выписываемыхъ книгъ.

ДЛЯ Гг. ПОДПИСЧИКОВЪ

НА НАШЪ ЖУРНАЛЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ *журнала „АРТИСТЪ“*

ПРЕДЛАГАЕТЪ

по особо удешевленнымъ цѣнамъ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Русскій художественный Архивъ 1892—1893 г. 6 выпусковъ съ 60 фототипіями вмѣсто 12 руб.—6 руб. съ пересылкой.

Pougin. Dictionnaire du théâtre. Роскошное изданіе, съ 8-ю художественными хромолитографіями, болѣе 300 рисунковъ и гравюръ (вмѣсто 20 р.)—**8** р. безъ перес., съ пересылкой **10** р.

Figaro-Salon съ 86 по 92 годъ; за всѣ 7 лѣтъ (вмѣсто 42 р.)—**21** р. съ перес.

„ отдѣльно каждый годъ (кромѣ 88 и 91 годовъ) (вмѣсто 6 р.)—**3** р. съ перес.

Sallon Illustré за 92 г. 4 вып. (вмѣсто 4 р.)—**3** руб. съ перес.

Goncourt. L'art du XVIII siècle, два роскошныхъ тома съ 70 рисунк. (вмѣсто 80 р.)—**40** р. съ перес.

L'art français (1789—1889), съ 100 гравюрами (вмѣсто 32 р.)—**18** руб. съ перес.

Césare Vecellio. Costumes anciens et modernes, роскошное изданіе въ 2 томахъ (вмѣсто 15 р.)—**10** р. съ пер.

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія книжнаго магазина журнала „Артистъ“,

Москва, Страстной бул., д. Адельгеймъ.

БУДНИ

27 разсказовъ **В. В. Подкольскаго. Цѣна 1 р.**

УЮТНЫЙ УГОЛОКЪ,

повѣсть **И. А. Салова** (роскошное миніатюрное изданіе). **Цѣна 80 коп.**

ВЛЮБЛЕННЫЙ ДЬЯВОЛЪ

новелла **Казотта**, перев. съ французскаго. (*Роскошное миніатюрное изданіе*). **Цѣна 80 к.**

ЗОЛОТЫЯ РОЗСЫПИ,

Романъ **В. М. Михеева** въ 2 част. **Цѣна 2 руб.**

ВОСПОМИНАНІЯ АКТЕРА А. А. АЛЕКСѢЕВА.

(Съ двумя портретами). **Цѣна 1 рубль.**

1-й томъ

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

Влад. А. Александрова.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Содержаніе: 1) **«Пѣснь горя»**, др. въ 3 д. 2) **«На жизненномъ пиру»**, др. въ 4 д. 3) **«Въ селѣ Знаменскомъ»**, пьеса изъ народной жизни въ 4 д. 4) **«Спорный вопросъ»**, др. въ 4 д.

Цѣна **2** руб., для подписчиковъ «Артиста» **1** р. **50** к.

Съ натуры, 13 разск. **И. А. Салова.** Ц. 1 р.

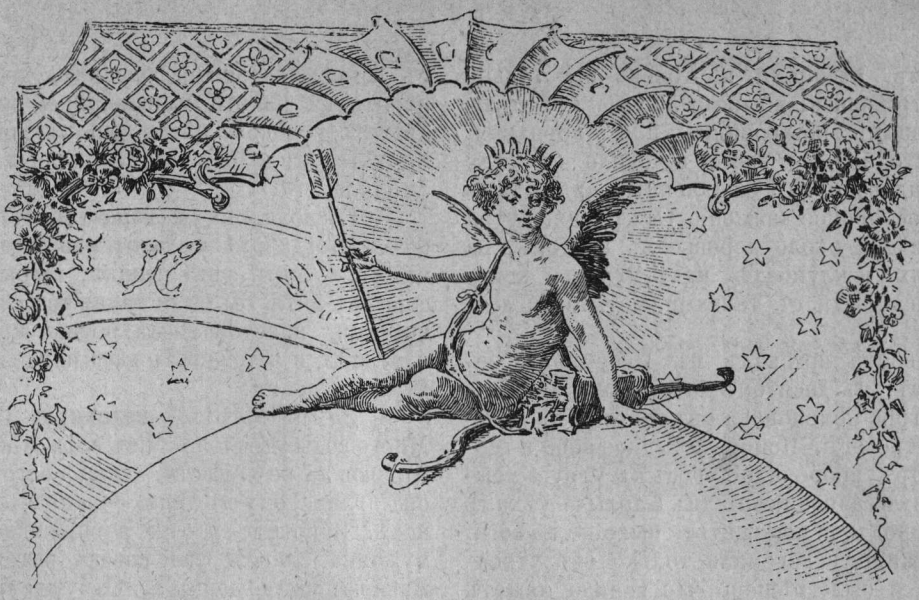
Сирень, 15 разск. **С. Н. Филиппова.** Ц. 1 р. 25 к.

Указатель піесъ для любительскихъ спектаклей Ц. 50 коп., для подписчиковъ на «Артистъ» — 25 коп.

Устройство сцены для любителей. Ц. 50 к., для подписчиковъ на „Артистъ“ — 25 коп.

Выписывающіе изъ книжн. магаз. журн. „Артистъ“ **за пересылку не платятъ.**

Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ.



Черный монахъ.

I.

Андрей Васильевичъ Ковринъ, магистръ, утомился и разстроилъ себѣ нервы. Онъ не лѣчился, но какъ-то вскользь, за бутылкой вина поговорилъ съ пріятелемъ докторомъ, и тотъ посовѣтовалъ ему провести весну и лѣто въ деревнѣ. Кстати же пришло длинное письмо отъ Тани Песоцкой, которая просила его пріѣхать въ Борисовку и погостить. И онъ рѣшилъ, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно проѣхаться.

Сначала—это было въ апрѣлѣ—онъ поѣхалъ къ себѣ, въ свою родовую Ковринку и здѣсь прожилъ въ уединеніи три недѣли, потомъ, дождавшись хорошей дороги, отправился на лошадяхъ къ своему бывшему опекуну и воспитателю Песоцкому, извѣстному въ Россіи садоводу. Отъ Ковринки до Борисовки, гдѣ жили Песоцкіе, считалось не больше семидесяти верстъ, и ѣхать по мягкой весенней дорогѣ въ покойной рессорной коляскѣ было истиннымъ наслажденіемъ.

Домъ у Песоцкаго былъ громадный, съ колоннами, со львами, на которыхъ облупилась штукатурка, и съ фрачнымъ лакеемъ у подъѣзда. Старинный паркъ, угрюмый и строгій, разбитый на англійскій манеръ, тянулся чуть ли не на цѣлую версту отъ дома до рѣки и здѣсь оканчивался обрывистымъ, крутымъ, глинистымъ берегомъ, на которомъ росли сосны съ обнажившимися корнями, похожими на мохнатыя лапы; внизу нелюдимо блестѣла вода, носились съ жалобнымъ пискомъ кулики и всегда тутъ было такое настроеніе, что хоть садись и балладу пиши. За то около самого дома, во дворѣ и во фруктовомъ саду, который вмѣстѣ съ питомниками занималъ десятинъ тридцать, было весело и жизнерадостно даже въ дурную погоду. Такихъ удивительныхъ розъ, лилій, камелій, такихъ тюльпановъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная съ ярко бѣлаго и кончая чернымъ, какъ сажа, вообще такого богатства цвѣтовъ, какъ у Песоцкаго, Коврину не случалось видѣть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Весна была еще только въ началѣ, и самая настоящая роскошь цвѣтниковъ пряталась еще въ теплицахъ, но ужъ и того, что цвѣло вдоль аллей и тамъ и сямъ на клумбахъ, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя въ царствѣ нѣжныхъ красокъ, особенно въ ранніе часы, когда на каждомъ лепесткѣ сверкала роса.

То, что было декоративною частью сада и что самъ Песоцкій презрительно обзывалъ пустяками, производило на Коврина когда то въ дѣтствѣ сказочное впечатлѣніе. Какихъ только тутъ не было причудъ, изысканныхъ уродствъ и издѣвательствъ надъ природой! Тутъ были шпалеры изъ фруктовыхъ деревьевъ, груша, имѣвшая форму пирамидальнаго тополя, шаровидные дубы и липы, зонтъ изъ яблони, арки, вензеля, канделябры и даже 1862 изъ сливъ—цифра, означавшая годъ, когда Песоцкій впервые занялся садоводствомъ. Попадались тутъ и красивыя, стройныя деревца съ прямыми и крѣпкими, какъ у

пальмъ, стволами и, только пристально всмотрѣвшись, можно было узнать въ этихъ деревцахъ крыжовникъ или смородину. Но что больше всего веселило въ саду и придавало ему оживленный видъ, такъ это постоянное движеніе. Отъ ранняго утра до вечера около деревьевъ, кустовъ, на аллеяхъ и клумбахъ, какъ муравьи, копошились люди съ тачками, мотыгами, лейками...

Коринъ пріѣхалъ къ Песоцкимъ вечеромъ, въ десятомъ часу. Таню и ея отца Егора Семеновича онъ засталъ въ большой тревогѣ. Ясное, звѣздное небо и термометръ пророчили морозъ къ утру, а между тѣмъ садовникъ Иванъ Карлычъ уѣхалъ въ городъ, и положиться было не на кого. За ужиномъ говорили только объ утренникѣ и было рѣшено, что Таня не ляжетъ спать и въ первомъ часу пройдется по саду и посмотритъ, все ли въ порядкѣ, а Егоръ Семеновичъ встанетъ въ три часа и даже раньше.

Коринъ просидѣлъ съ Таней весь вечеръ и послѣ полуночи отправился съ нею въ садъ. Было холодно. Во дворѣ уже сильно пахло гарью. Въ большомъ фруктовомъ саду, который назывался коммерческимъ и приносилъ Егору Семеновичу ежегодно нѣсколько тысячъ чистаго дохода, стлался по землѣ черный, густой, ѣдкій дымъ и, обволакивая деревья, спасалъ отъ мороза эти тысячи. Деревья тутъ стояли въ шашечномъ порядкѣ, ряды ихъ были прямы и правильны, точно шеренги солдатъ, и эта строгая педантическая правильность и то, что всѣ деревья были одного роста и имѣли совершенно одинаковые кроны и стволы, дѣлали картину однообразной и даже скучной. Коринъ и Таня прошли по рядамъ, гдѣ тлѣли костры изъ навоза, соломы и всякихъ отбросовъ, и изрѣдка имъ встрѣчались работники, которые бродили въ дыму, какъ тѣни. Цвѣли только вишни, сливы и нѣкоторые сорта яблонь, но весь садъ утопалъ въ дыму, и только около питомниковъ Коринъ вздохнулъ полной грудью.

— Я еще въ дѣтствѣ чихалъ здѣсь отъ дыма,—сказалъ онъ, пожимая плечами,—но до сихъ поръ не понимаю, какъ это дымъ можетъ спасти отъ мороза.

— Дымъ замѣняетъ облака, когда ихъ нѣтъ...—отвѣтила Таня.

— А для чего нужны облака?

— Въ пасмурную и облачную погоду не бываетъ утренниковъ.

— Вотъ какъ!

Онъ засмѣялся и взялъ ее за руку. Ея широкое, очень серьезное, озябшее лицо съ тонкими черными бровями, поднятый воротникъ пальто, мѣшавшій ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, въ подобранномъ отъ росы платьѣ умилила его.

— Господи, она уже взрослая!—сказалъ онъ.—Когда я уѣзжалъ отсюда въ послѣдній разъ, пять лѣтъ назадъ, вы были еще совсѣмъ дитя. Вы были такая тощая, длинноногая, простоволосая, носили короткое платьице, и я дразнилъ васъ цаплей... Что дѣлаетъ время!

— Да, пять лѣтъ!—вздохнула Таня.—Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Скажите, Андрюша, по совѣсти,—живо заговорила она, глядя ему въ лицо,—вы отвыкли отъ насъ? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Вы мужчина, живете уже своею, интересною жизнью, вы величина... Отчужденіе такъ естественно! Но какъ бы ни было, Андрюша, мнѣ хочется, чтобы вы считали насъ своими. Мы имѣемъ на это право.

— Я считаю, Таня.

— Честное слово?

— Да, честное слово.

— Вы сегодня удивлялись, что у насъ такъ много вашихъ фотографій. Вѣдь вы знаете, мой отецъ обожаетъ васъ. Иногда мнѣ кажется, что васъ онъ любитъ больше, чѣмъ меня. Онъ гордится вами. Вы ученый, необыкновенный человѣкъ, вы сдѣлали себѣ блестящую карьеру, и онъ увѣренъ, что вы вышли такой оттого, что онъ воспиталъ васъ. Я не мѣшаю ему такъ думать. Пусть.

Уже начинался разсвѣтъ, и это особенно было замѣтно по той отчетливости, съ какою стали выдѣляться въ воздухѣ клубы дыма и кроны деревьевъ. Пѣли соловьи и съ полей доносился крикъ перепеловъ.

— Однако пора спать,—сказала Таня.—Да и холодно.—Она взяла его подъ руку.—Спасибо, Андрюша, что пріѣхали. У насъ неинтересные знакомые, да и тѣхъ мало. У насъ только садъ, садъ, садъ,—и больше ничего. Штамбъ, полуштамбъ,—засмѣялась она—апортъ, ранетъ, боровинка, окулировка, копулировка... Вся, вся наша жизнь ушла въ садъ, мнѣ даже ничего никогда не снится, кромѣ яблонь и грушъ. Конечно, это хорошо, полезно, но иногда хочется и еще чего нибудь для разнообразія. Я помню, когда вы бывало пріѣзжали къ намъ на каникулы, или просто такъ, то въ домѣ становилось какъ то свѣжѣе и свѣтлѣе, точно съ люстры и съ мебели чехлы снимали. Я была тогда дѣвочкой и все-таки понимала...

Она говорила долго и съ большимъ чувствомъ. Ему почему-то вдругъ пришло въ

голову, что въ теченіе лѣта онъ можетъ привязаться къ этому маленькому, слабому, многорѣчивому существу, увлечься и влюбиться — въ положеніи ихъ обоихъ это такъ возможно и естественно! Эта мысль умилила и насмѣшила его, онъ нагнулся къ милому, озабоченному лицу и запѣлъ тихо:

Онѣгинъ, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну...

Когда пришли домой, Егоръ Семенычъ уже всталъ. Коврину не хотѣлось спать, онъ разговорился со старикомъ и вернулся съ нимъ въ садъ. Егоръ Семенычъ былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, съ большимъ животомъ и страдалъ одышкой, но всегда ходилъ такъ быстро, что за нимъ трудно было поспѣть. Видъ онъ имѣлъ крайне озабоченный, все куда-то торопился и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто опоздай онъ хоть на одну минуту, то—все погибло!

— Вотъ, братъ, исторія...—началъ онъ, останавливаясь, чтобы перевести духъ.— На поверхности земли, какъ видишь, морозъ, а подними на палкѣ термометръ саженя на двѣ повыше земли, тамъ тепло... Отчего это такъ?

— Право, не знаю,—сказалъ Ковринъ и засмѣялся.

— Гм... Всего знать нельзя, конечно... Какъ бы обширенъ умъ ни былъ, всего туда не помѣстишь. Ты вѣдь все больше насчетъ философіи?

— Да. Читаю психологію, занимаюсь же вообще философіей.

— И не прискучаетъ?

— Напротивъ, этимъ только я и живу.

— Ну дай Богъ...—проговорилъ Егоръ Семенычъ, въ раздумьи поглаживая свои сѣдые бакены.—Дай Богъ... Я за тебя очень радъ... Радъ, братецъ...

Но вдругъ онъ прислушался и, сдѣлавши страшное лицо, побѣжалъ въ сторону и скоро изчезъ за деревьями, въ облакахъ дыма.

— Кто это привязалъ лошадь къ яблонѣ?—послышался его отчаянный, душу раздирающій крикъ.—Какой это мерзавецъ и каналья осмѣлился привязать лошадь къ яблонѣ? Боже мой, Боже мой! Перепортили, перемерзили, перескверпили, перепакостили! Пропалъ садъ! Погибъ садъ! Боже мой!

Когда онъ вернулся къ Коврину, лицо у него было изнеможенное, оскорбленное...

— Ну что ты подѣлаешь съ этимъ анафемскимъ народомъ?—сказалъ онъ плачущимъ голосомъ, разводя руками.—Степка возилъ ночью навозъ и привязалъ лошадь къ яблонѣ... замоталъ, подлецъ, возжищи туго-на-туго, такъ что кора въ трехъ мѣстахъ потерлась. Каково? Говорю ему, а онъ—толкачъ толкачомъ и только глазами хлопаетъ! Повѣсить мало!

Успокоившись, онъ обнялъ Коврина и поцѣловалъ въ щеку.

— Ну, дай Богъ... дай Богъ... — забормоталъ онъ. Я очень радъ, что ты пріѣхалъ. Несказанно радъ... Спасибо.

Потомъ онъ все тою же быстрой походкой и съ озабоченнымъ лицомъ обошелъ весь садъ и показалъ своему бывшему воспитаннику всѣ оранжереи, теплицы, грунтовые сараи и свои двѣ пасѣки, которыя называлъ чудомъ нашего столѣтія.

Пока они ходили, взошло солнце и ярко освѣтило садъ. Стало тепло. Предчувствуя ясный, веселый, длинный день, Ковринъ вспомнилъ, что вѣдь это еще только начало мая и что еще впереди цѣлое лѣто, такое же ясное, веселое, длинное, и вдругъ въ груди его шевельнулось радостное, молодое чувство, какое онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда бѣгалъ по этому саду. И онъ самъ обнялъ старика и нѣжно поцѣловалъ его. Оба, растроганные, пошли въ домъ и стали пить чай изъ старинныхъ фарфоровыхъ чашекъ, со сливками, съ сытными, сдобными кренделями— и эти мелочи опять напомнили Коврину его дѣтство и юность. Прекрасное настоящее и просыпавшіяся въ немъ впечатлѣнія прошлаго сливались вмѣстѣ, отъ нихъ въ душѣ было тѣсно, но хорошо.

Онъ дождался, когда проснулась Таня, и вмѣстѣ съ нею напился кофе, погулялъ, потомъ пошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ за работу. Онъ внимательно читалъ, дѣлалъ замѣтки и изрѣдка поднималъ глаза, чтобы взглянуть на открытыя окна, или на свѣжіе, еще мокрые отъ росы цвѣты, стоявшіе въ вазахъ на столѣ, и опять опускалъ глаза въ книгу, и ему казалось, что въ немъ каждая жилочка дрожитъ и играетъ отъ удовольствія.

II.

Въ деревнѣ онъ продолжалъ вести такую же нервную и безпокойную жизнь, какъ въ городѣ. Онъ много читалъ и писалъ, учился итальянскому языку, и когда гулялъ, съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что скоро опять сядетъ за работу. Онъ спалъ такъ мало, что всѣ удивлялись; если нечаянно уснетъ днемъ на полчаса, то уже потомъ не спитъ всю ночь, и послѣ безсонной ночи, какъ ни

въ чемъ не бывало, чувствуетъ себя бодро и весело.

Онъ много говорилъ, пилъ вино и курилъ дорогія сигары. Къ Песоцкимъ часто, чуть ли не каждый день пріѣзжали барышни сосѣдки, которыя вмѣстѣ съ Таней играли на рояли и пѣли; иногда пріѣзжалъ молодой человѣкъ, сосѣдъ, хорошо игравшій на скрипкѣ. Ковринъ слушалъ музыку и пѣніе съ жадностью и изнемогалъ отъ нихъ, и послѣднее выражалось физически тѣмъ, что у него слипались глаза и клонило голову на бокъ.

Однажды послѣ вечерняго чая онъ сидѣлъ на балконѣ и читалъ. Въ гостиной въ это время Таня—сопрано, одна изъ барышень—контральто и молодой человѣкъ на скрипкѣ разучивали извѣстную серенаду Брага. Ковринъ вслушивался въ слова—они были русскія — и никакъ не могъ понять ихъ смысла. Наконецъ, оставивъ книгу и вслушавшись внимательно, онъ понялъ: дѣвушка, больная воображеніемъ, слышала ночью въ саду какіе-то таинственные звуки, до такой степени странные и прекрасные, что она должна была признать ихъ гармоніей священной, которая намъ, смертнымъ, непонятна и потому обратно улетаетъ въ небеса. У Коврина стали слипаться глаза. Онъ всталъ и въ изнеможеніи прошелся по гостиной, потомъ по залѣ. Когда пѣніе прекратилось, онъ взялъ Таню подъ руку и вышелъ съ нею на балконъ.

— Меня сегодня съ самаго утра занимаетъ одна легенда,—сказалъ онъ.— Не помню, вычиталъ ли я ее откуда, или слышалъ, но легенда какая то странная, ни съ чѣмъ не сообразная.. Начать съ того, что она не отличается ясностью. Тысячу лѣтъ тому назадъ какой то монахъ, одѣтый въ черное, шелъ по пустынѣ, гдѣ то въ Сиріи, или Аравіи... За нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ онъ шелъ, рыбаки видѣли другого чернаго монаха, который медленно двигался по поверхности озера. Этотъ второй монахъ былъ миражъ. Теперь забудьте всѣ законы оптики, которыхъ легенда, кажется, не признаетъ, и слушайте дальше. Отъ миража получился другой миражъ, потомъ отъ другого третій, такъ что образъ чернаго монаха сталъ безъ конца передаваться изъ одного слоя атмосферы въ другой... Его видѣли то въ Африкѣ, то въ Испаніи, то въ Индіи, то на дальнемъ сѣверѣ... Наконецъ онъ вышелъ изъ предѣловъ земной атмосферы и теперь блуждаетъ по всей вселенной, все никакъ не попадая въ тѣ условія, при которыхъ онъ могъ бы померкнуть. Быть можетъ, его видятъ теперь гдѣ нибудь на Марсѣ или на какой нибудь звѣздѣ Южнаго Креста. Но, милая моя, самая суть, самый гвоздь легенды заключается въ томъ, что ровно черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ монахъ шелъ по пустынѣ, миражъ опять попадетъ въ земную атмосферу и покажется людямъ. И будто бы эта тысяча лѣтъ уже на исходѣ... По смыслу легенды, чернаго монаха мы должны ждать не сегодня—завтра.

— Странный миражъ,—сказала Таня, которой не понравилась легенда.

— Но удивительнѣе всего,— засмѣялся Ковринъ,—что я никакъ не могу вспомнить откуда попала мнѣ въ голову эта легенда. Читалъ гдѣ? Слышалъ? Или, быть можетъ, черный монахъ снился мнѣ? Клянусь Богомъ, не помню. Но легенда меня занимаетъ. Я сегодня о ней цѣлый день думаю.

Отпустивъ Таню къ гостямъ, онъ вышелъ изъ дому и въ раздумьи прошелся около клумбъ. Уже садилось солнце. Цвѣты оттого, что ихъ только что полили, издавали влажный, раздражающій запахъ. Въ домѣ опять запѣли, и издали скрипка производила впечатлѣніе человѣческаго голоса. Ковринъ, напрягая мысль, чтобы вспомнить, гдѣ онъ слышалъ, или читалъ легенду, направился не спѣша въ паркъ и незамѣтно дошелъ до рѣки.

По тропинкѣ, бѣжавшей по крутому берегу мимо обнаженныхъ корней, онъ спустился внизъ къ водѣ, обезпокоилъ тутъ куликовъ, спугнулъ двухъ утокъ. На угрюмыхъ соснахъ кое-гдѣ еще отсвѣчивали послѣдніе лучи заходящаго солнца, но на поверхности рѣки былъ уже настоящій вечеръ. Ковринъ по лавамъ перешелъ на другую сторону. Передъ нимъ теперь лежало широкое поле, покрытое молодой, еще не цвѣтущей рожью. Ни человѣческаго жилья, ни живой души вдали, и кажется, что тропинка, если пойти по ней, приведетъ въ то самое неизвѣстное загадочное мѣсто, куда только что опустилось солнце и гдѣ такъ широко и величаво пламенѣетъ вечерняя заря.

— Какъ здѣсь просторно, свободно, тихо! — думалъ Ковринъ, идя по тропинкѣ.— И кажется, весь міръ смотритъ на меня, притаился и ждетъ, чтобы я понялъ его...

Но вотъ по ржи пробѣжали волны и легкій вечерній вѣтерокъ нѣжно коснулся его непокрытой головы. Черезъ минуту опять порывъ вѣтра, но уже сильнѣе—зашумѣла рожь и послышался сзади глухой ропотъ сосенъ. Ковринъ остановился въ изум-

леніи. На горизонтѣ, точно вихрь или смерчъ, поднимался отъ земли до неба высокій черный столбъ. Контуры у него были не ясны, но въ первое же мгновеніе можно было понять, что онъ не стоялъ на мѣстѣ, а двигался съ страшной быстротой, двигался именно сюда, прямо на Коврина, и чѣмъ ближе онъ подвигался, тѣмъ становился все меньше и яснѣе. Ковринъ бросился въ сторону, въ рожь, чтобы дать ему дорогу, и едва успѣлъ это сдѣлать...

Монахъ въ черной одеждѣ, съ сѣдой головой и черными бровями, скрестивъ на груди руки, пронесся мимо... Босыя ноги его не касались земли. Уже пронесясь саженн на три, онъ оглянулся на Коврина, кивнулъ головой и улыбнулся ему ласково и въ то же время лукаво. Но какое блѣдное, страшно блѣдное, тощее лицо! Опять начиная расти, онъ пролетѣлъ черезъ рѣку, неслышно ударился о глинистый берегъ и сосны и, пройдя сквозь нихъ, изчезъ, какъ дымъ.

— Ну вотъ видите ли...—пробормоталъ Ковринъ.—Значитъ, въ легендѣ правда.

Не стараясь объяснить себѣ странное явленіе, довольный однимъ тѣмъ, что ему удалось такъ близко и такъ ясно видѣть не только черную одежду, но даже лицо и глаза, пріятно взволнованный, онъ вернулся домой.

Въ паркѣ и въ саду покойно ходили люди, въ домѣ играли—значитъ только онъ одинъ видѣлъ монаха. Ему сильно хотѣлось разсказать обо всемъ Танѣ и Егору Семеновичу, но онъ сообразилъ, что они навѣрное сочтутъ его слова за бредъ и это испугаетъ ихъ; лучше промолчать. Онъ громко смѣялся, пѣлъ, плясалъ мазурку, ему было весело и всѣ,—гости и Таня находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное и что онъ очень интересенъ.

III.

Послѣ ужина, когда уѣхали гости, онъ пошелъ къ себѣ въ комнату и легъ на диванъ: ему хотѣлось думать о монахѣ. Но черезъ минуту вошла Таня.

— Вотъ, Андрюша, почитайте статьи отца...—сказала она, подавая ему пачку брошюръ и оттисковъ.—Прекрасныя статьи. Онъ отлично пишетъ.

— Ну, ужъ и отлично!—говорилъ Егоръ Семеновичъ, входя за ней и принужденно смѣясь; ему было совѣстно.—Не слушай, пожалуста, не читай! Впрочемъ, если хочешь уснуть, то пожалуй читай. Прекрасное снотворное средство.

— По моему, великолѣпныя статьи и — сказала Таня съ глубокимъ убѣжденіемъ.—Вы прочтите, Андрюша, и убѣдите папу писать почаще. Онъ могъ бы написать полный курсъ садоводства.

Егоръ Семенычъ напряженно захохоталъ, покраснѣлъ и сталъ говорить фразы, какія обыкновенно говорятъ конфузящіеся авторы. Наконецъ онъ сталъ сдаваться.

— Въ такомъ случаѣ прочти сначала статью Гоше и вотъ эти русскія статейки,—забормоталъ онъ, перебирая дрожащими руками брошюры,—а то тебѣ будетъ непонятно. Прежде чѣмъ читать мои возраженія, надо знать, на что я возражаю. Впрочемъ ерунда... скучища. Да и спать пора, кажется.

Таня вышла. Егоръ Семенычъ подсѣлъ къ Коврину на диванъ и глубоко вздохнулъ.

— Да, братецъ ты мой...—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія...—Такъ то, любезнѣйшій мой магистръ. Вотъ я и статьи пишу, и на выставкахъ участвую, и медали получаю... У Песоцкаго, говорятъ, яблоки съ голову и Песоцкій, говорятъ, садомъ себѣ состояніе нажилъ... Однимъ словомъ, богатъ и славенъ Кочубей. Но спрашивается: къ чему все это? Садъ, дѣйствительно, прекрасный, образцовый... Это не садъ, а цѣлое учрежденіе, имѣющее высокую государственную важность, потому что это, такъ сказать, ступень въ новую эру русскаго хозяйства и русской промышленности. Но къ чему? Какая цѣль?

— Дѣло говоритъ само за себя.

— Я не въ томъ смыслѣ. Я хочу спросить: что будетъ съ садомъ, когда я помру? Въ томъ видѣ, въ какомъ ты видишь его теперь, онъ безъ меня не продержится и одного мѣсяца. Весь секретъ успѣха не въ томъ, что садъ великъ и рабочихъ много, а въ томъ, что я люблю дѣло—понимаешь?—люблю, быть можетъ, больше чѣмъ самого себя. Ты посмотри на меня: я все самъ дѣлаю. Я работаю отъ утра до ночи. Всѣ прививки я дѣлаю самъ, обрѣзку—самъ, посадки—самъ, все—самъ. Когда мнѣ помогаютъ, я ревную и раздражаюсь до грубости. Весь секретъ въ любви, то есть въ зоркомъ хозяйскомъ глазѣ да въ хозяйскихъ рукахъ, да вотъ въ томъ чувствѣ, когда поѣдешь куда нибудь въ гости на часокъ, сидишь, а у самого сердце не на мѣстѣ, самъ не свой, боишься, какъ бы въ саду чего не случилось. А когда я умру, кто будетъ смотрѣть? Кто будетъ работать? Садовникъ? Работники? Да? Такъ вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный: первый врагъ въ нашемъ дѣлѣ не заяцъ, не хрущъ и не морозъ, а чужой человѣкъ.

— А Таня?—спросилъ Ковринъ, смѣясь. — Нельзя сказать, чтобы она была вреднѣе, чѣмъ заяцъ. Она любитъ и понимаетъ дѣло.

— Да, она любитъ и понимаетъ. Если послѣ моей смерти ей достанется садъ и она будетъ хозяйкой, то конечно лучшаго и желать нельзя. Ну, а если, не дай Богъ, она выйдетъ замужъ?—зашепталъ Егоръ Семеновичъ и испуганно посмотрѣлъ на Коврина. То-то вотъ и есть! Выйдетъ замужъ, пойдутъ лѣти, тутъ ужъ о садѣ некогда думать. Я чего боюсь главнымъ образомъ: выйдетъ за какого нибудь молодца, а тотъ сжадничаетъ и сдастъ садъ въ аренду торговкамъ—и все пойдетъ къ чорту въ первый же годъ! Въ нашемъ дѣлѣ бабы—бичъ Божій!

Егоръ Семеновичъ вздохнулъ и помолчалъ немного.

— Можетъ, это и эгоизмъ, но откровенно говорю: не хочу, чтобы Таня шла замужъ. Боюсь! Тутъ къ намъ ѣздитъ одинъ фертъ со скрипкой и пиликаетъ; знаю, что Таня не пойдетъ за него, хорошо знаю, но видѣть его не могу! Вообще, братъ, я большой таки чудакъ. Сознаюсь.

Егоръ Семенычъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ, и видно было, что онъ хочетъ сказать что-то очень важное, но не рѣшается.

— Я тебя горячо люблю и буду говорить съ тобой откровенно,—рѣшился онъ наконецъ, засовывая руки въ карманы.—Къ нѣкоторымъ щекотливымъ вопросамъ я отношусь просто и говорю прямо то, что думаю, и терпѣть не могу такъ называемыхъ сокровенныхъ мыслей. Говорю прямо: ты единственный человѣкъ, за котораго я не побоялся бы выдать дочь. Ты человѣкъ умный, съ сердцемъ, и не далъ бы погибнуть моему любимому дѣлу. А главная причина—я тебя люблю, какъ сына... и горжусь тобой. Если бы у васъ съ Таней наладился какъ нибудь романъ, то—что жъ?—я былъ бы очень радъ и даже счастливъ. Говорю это прямо, безъ жеманства, какъ честный человѣкъ.

Ковринъ засмѣялся. Егоръ Семеновичъ открылъ дверь, чтобы выйти, и остановился на порогѣ.

— Если бы у тебя съ Таней сынъ родился, то я бы изъ него садовода сдѣлалъ,—сказалъ онъ, подумавъ.—Впрочемъ, сіе есть мечтаніе пустое... Спокойной ночи!

Оставшись одинъ, Ковринъ легъ поудобнѣе и принялся за статьи. У одной было такое заглавіе: „О промежуточной культурѣ“, у другой: „Нѣсколько словъ по поводу замѣтки г. Z о перештыковкѣ почвы подъ новый садъ“, у третьей—„Еще объ окулировкѣ спящимъ глазкомъ“—и все въ такомъ родѣ. Но какой непокойный, неровный тонъ, какой нервный, почти болѣзненный задоръ! Вотъ статья, кажется, съ самымъ мирнымъ заглавіемъ и безразличнымъ содержаніемъ: говорится въ ней о русской антоновской яблонѣ. Но начинаетъ ее Егоръ Семеновичъ съ „audiatur altera pars“ и кончаетъ—„Sapienti sat“, а между этими изреченіями цѣлый фонтанъ разныхъ ядовитыхъ словъ по адресу „ученаго невѣжества нашихъ патентованныхъ гг. садоводовъ, наблюдающихъ природу съ высоты своихъ кафедръ“, или г. Гоше, „успѣхъ котораго созданъ профанами и дилетантами“, и тутъ же некстати натянутое и неискреннее сожалѣніе, что мужиковъ, ворующихъ фрукты и ломающихъ при этомъ деревья, уже нельзя драть розгами.

„Дѣло красивое, милое, здоровое, но и тутъ страсти и война, подумалъ Ковринъ. Должно быть, вездѣ и на всѣхъ поприщахъ идейные люди нервны и отличаются повышенной чувствительностью. Вѣроятно, это такъ нужно“.

Онъ вспомнилъ про Таню, которой такъ нравятся статьи Егора Семеновича. Небольшого роста, блѣдная, тощая, такъ что ключицы видно; глаза широко раскрытые, темные, умные, все куда-то вглядываются и чего-то ищутъ; походка какъ у отца, мелкая, торопливая. Она много говоритъ, любитъ поспорить, и при этомъ всякую даже незначительную фразу сопровождаетъ выразительной мимикой и жестикуляціей. Должно быть, нервна въ высшей степени.

Ковринъ сталъ читать дальше, но ничего не понялъ и бросилъ. Пріятное возбужденіе, то самое, съ какимъ онъ давеча плясалъ мазурку и слушалъ музыку, теперь томило его и вызывало въ немъ множество мыслей. Онъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ, думая о черномъ монахѣ. Ему пришло въ голову, что если этого страннаго, сверхъестественнаго монаха видѣлъ только онъ одинъ, то, значитъ, онъ боленъ и дошелъ уже до галлюцинацій. Это соображеніе испугало его, но не надолго.

— Но вѣдь мнѣ хорошо и я никому не дѣлаю зла; значитъ, въ моихъ галлюцинаціяхъ нѣтъ ничего дурного, подумалъ онъ и ему опять стало хорошо.

Онъ сѣлъ на диванъ и обнялъ голову руками, сдерживая непонятную радость, наполнявшую все его существо, потомъ опять прошолся и сѣлъ за работу. Но мысли, которыя онъ вычитывалъ изъ книги, не удовлетворяли его. Ему хотѣлось

чего то гигантскаго, необъятнаго, поражающаго. Подъ утро онъ раздѣлся и нехотя легъ въ постель. Надо же было спать!

Когда послышались шаги Егора Семеновича, уходившаго въ садъ, Ковринъ позвонилъ и приказалъ лакею принести вина. Онъ съ наслажденіемъ выпилъ нѣсколько рюмокъ лафита, потомъ укрылся съ головой; сознаніе его затуманилось, и онъ уснулъ.

IV.

Егоръ Семеновичъ и Таня часто ссорились и говорили другъ другу непріятности.

Какъ-то утромъ они о чемъ-то повздорили. Таня заплакала и ушла къ себѣ въ комнату. Она не выходила ни обѣдать, ни чай пить. Егоръ Семеновичъ сначала ходилъ важный, надутый, какъ бы желая дать понять, что для него интересы справедливости и порядка выше всего на свѣтѣ, но скоро не выдержалъ характера и палъ духомъ. Онъ печально бродилъ по парку и все вздыхалъ — „ахъ, Боже мой, Боже мой!“ и за обѣдомъ не съѣлъ ни одной крошки. Наконецъ, виноватый, замученный совѣстью, онъ постучалъ въ запертую дверь и позвалъ робко:

— Таня! Таня?

И въ отвѣтъ ему изъ-за двери послышался слабый, изнемогшій отъ слезъ и въ то же время рѣшительный голосъ:

— Оставьте меня, прошу васъ.

Томленіе хозяевъ отражалось на всемъ домѣ, даже на людяхъ, которые работали въ саду. Ковринъ былъ погруженъ въ свою интересную работу, но подъ конецъ и ему стало скучно и неловко. Чтобы какъ-нибудь развѣять общее дурное настроеніе, онъ рѣшилъ вмѣшаться и передъ вечеромъ постучался къ Танѣ. Его впустили.

— Ай, ай, какъ стыдно!—началъ онъ шутливо, съ удивленіемъ глядя на заплаканное, покрытое красными пятнами, скорбное лицо Тани.—Неужели такъ серьезно? Ай! ай!

— Но еслибы вы знали, какъ онъ меня мучаетъ!—сказала она, и слезы, горючія, обильныя слезы брызнули изъ ея большихъ глазъ.—Онъ замучилъ меня!—продолжала она, ломая руки.—Я ему ничего не говорила... ничего... Я только сказала, что нѣтъ надобности держать... лишнихъ работниковъ, если... если можно, когда угодно, имѣть поденщиковъ. Вѣдь... вѣдь работники уже цѣлую недѣлю ничего не дѣлаютъ... Я... я только это сказала, а онъ раскричался и наговорилъ мнѣ... много обиднаго, глубоко оскорбительнаго. За что?

— Полно, полно,—проговорилъ Ковринъ, поправляя ей прическу.—Побранились, поплакали и будетъ. Нельзя долго сердиться, это не хорошо... тѣмъ болѣе, что онъ васъ безконечно любитъ.

— Онъ мнѣ... мнѣ испортилъ всю жизнь,—продолжала Таня, всхлипывая.—Только и слышу одни оскорбленія и... и обиды. Онъ считаетъ меня лишней въ его домѣ. Что же? Онъ правъ. Я завтра уѣду отсюда, поступлю въ телеграфистки... Пусть...

— Ну, ну, ну... Не надо плакать, Таня. Не надо, милая... Вы оба вспыльчивы, раздражительны, и оба виноваты. Пойдемте, я васъ помирю.

Ковринъ говорилъ ласково и убѣдительно, а она продолжала плакать, вздрагивая плечами и сжимая руки, какъ будто ее въ самомъ дѣлѣ постигло страшное несчастье. Ему было жаль ее тѣмъ сильнѣе, что горе у нея было не серьезное, а страдала она глубоко. Какихъ пустяковъ было достаточно, чтобы сдѣлать это созданіе несчастнымъ на цѣлый день, да и пожалуй на всю жизнь! Утѣшая Таню, Ковринъ думалъ о томъ, что кромѣ этой дѣвушки и ея отца, во всемъ свѣтѣ, днемъ съ огнемъ не сыщешь людей, которые любили бы его, какъ своего, какъ родного; если бы не эти два человѣка, то пожалуй онъ, потерявшій отца и мать въ раннемъ дѣтствѣ, до самой смерти не узналъ бы, что такое искренняя ласка и та наивная, не разсуждающая любовь, какую питаютъ только къ очень близкимъ, кровнымъ людямъ. И онъ чувствовалъ, что его полубольнымъ, издерганнымъ нервамъ, какъ желѣзо магниту, отвѣчаютъ нервы этой плачущей, вздрагивающей дѣвушки. Онъ никогда бы ужъ не могъ полюбить здоровую, крѣпкую, краснощекую женщину, но тощая, слабая, несчастная Таня ему нравилась.

И онъ охотно гладилъ ее по волосамъ и плечамъ, пожималъ ей руки и утиралъ слезы... Наконецъ она перестала плакать. Она еще долго жаловалась на отца и на свою тяжелую, невыносимую жизнь въ этомъ домѣ, умоляя Коврина войти въ ея положеніе; потомъ стала мало по малу улыбаться и вздыхать, что Богъ послалъ ей такой дурной характеръ, въ концѣ концовъ, громко разсмѣявшись, назвала себя дурой и выбѣжала изъ комнаты.

Когда немного погодя Ковринъ вышелъ въ садъ, Егоръ Семеновичъ и Таня уже, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляли рядышкомъ по аллеѣ и ѣли ржаной хлѣбъ съ солью, такъ какъ оба были голодны.

V.

Довольный, что ему такъ удалась роль миротворца, Ковринъ пошелъ въ паркъ. Сидя на скамьѣ и размышляя, онъ слышалъ стукъ экипажей и женскій смѣхъ—это пріѣхали гости. Когда вечернія тѣни стали ложиться по саду, неясно послышались звуки скрипки, поющіе голоса, и это напомнило ему про чернаго монаха. Гдѣ то, въ какой странѣ, или на какой планетѣ носится теперь эта оптическая несообразность?

Едва онъ вспомнилъ легенду и нарисовалъ въ своемъ воображеніи то темное привидѣніе, которое видѣлъ на ржаномъ полѣ, какъ изъ-за сосны, какъ разъ напротивъ, вышелъ неслышно, безъ малѣйшаго шороха человѣкъ средняго роста съ непокрытой сѣдой головой, весь въ темномъ и босой, похожій на нищаго, и на его блѣдномъ, точно мертвомъ лицѣ рѣзко выдѣлялись черныя брови. Привѣтливо кивая головой, этотъ нищій, или странникъ безшумно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ, и Ковринъ узналъ въ немъ чернаго монаха. Минуту оба смотрѣли другъ на друга — Ковринъ съ изумленіемъ, а монахъ ласково и, какъ и тогда, немножко лукаво, съ выраженіемъ себѣ на умѣ.

— Но вѣдь ты миражъ,—проговорилъ Ковринъ.— Зачѣмъ же ты здѣсь и сидишь на одномъ мѣстѣ? Это не вяжется съ легендой.

— Это все равно, — отвѣтилъ монахъ не сразу, тихимъ голосомъ, обращаясь къ нему лицомъ.—Легенда, миражъ и я—все это продуктъ твоего возбужденнаго воображенія. Я призракъ.

— Значитъ, ты не существуешь?—спросилъ Ковринъ.

— Думай, какъ хочешь,—сказалъ монахъ и слабо улыбнулся.—Я существую въ твоемъ воображеніи, а воображеніе твое есть часть природы, значитъ, я существую и въ природѣ.

— У тебя очень старое, умное и въ высшей степени выразительное лицо, точно ты въ самомъ дѣлѣ прожилъ больше тысячи лѣтъ,—сказалъ Ковринъ.—Я не зналъ что мое воображеніе способно создавать такіе феномены. Но что ты смотришь на меня съ такимъ восторгомъ? Я тебѣ нравлюсь?

— Да. Ты одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые по справедливости называются избранниками Божіими. Ты служишь вѣчѣ. Твои мысли, намѣренія, твоя ая наука и вся твоя жизнь нобѣ божественную небесную печать, такъ какъ посвящены они разумному и прекрасному, то-есть тому, что вѣчно.

— Ты сказалъ: вѣчной правдѣ... Но развѣ людямъ досдупна и нужна вѣчная правда, если нѣтъ вѣчной жизни?

— Вѣчная жизнь есть, — сказалъ монахъ.

— Ты вѣришь въ безсмертіе людей?

— Да, конечно. Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее. Безъ васъ, служителей высшему началу, живущихъ сознательно и свободно, человѣчество было бы ничтожно; развиваясь естественнымъ порядкомъ, оно долго бы еще ждало конца своей земной исторіи. Вы же на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше введете его въ царство вѣчной правды—и въ этомъ ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословеніе Божіе, которое почило на людяхъ.

— А какая цѣль вѣчной жизни?—спросилъ Ковринъ.

— Какъ и всякой жизни—наслажденіе Истиное наслажденіе въ познаніи, а вѣчная жизнь представитъ безчисленные и неисчерпаемые источники для познанія, и въ этомъ смыслѣ сказано: „въ дому Отца Моего обители многи суть“.

— Если бы ты зналъ, какъ пріятно слушать тебя!—сказалъ Ковринъ, потирая отъ удовольствія руки.

— Очень радъ.

— Но я знаю: когда ты уйдешь, меня будетъ безпокоить вопросъ о твоей сущности. Ты призракъ, галлюцинація. Значитъ, я психически боленъ, не нормаленъ?

— Хотя бы и такъ. Что смущаться? Ты боленъ, потому что работалъ черезъ силу и утомился, а это значитъ, что свое здоровье ты принесъ въ жертву идеѣ и близко время, когда ты отдашь ей и самое жизнь. Чего лучше? Это то, къ чему стремятся всѣ вообще одаренныя свыше, благородныя натуры.

— Если я знаю, что я психически боленъ, то могу ли я вѣрить себѣ?

— А почему ты знаешь, что геніальные люди, которымъ вѣритъ весь свѣтъ, тоже не видѣли призраковъ? Говорятъ же теперь ученые, что геній сродни умопомѣшательству. Другъ мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображенія насчетъ нервнаго вѣка, переутомленія, вырожденія и т. п. могутъ серьезно волновать только тѣхъ, кто цѣль жизни видитъ въ настоящемъ, то-есть стадныхъ людей.

— Римляне говорили: mens sana in corpore sano.

— Не все то правда, что говорили римляне или греки. Повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ—все то, что отличаетъ пророковъ, поэтовъ, мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ человѣка, то-есть его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо.

— Странно, ты повторяешь то, что часто мнѣ самому приходитъ въ голову,— сказалъ Ковринъ.—Ты какъ будто подсмотрѣлъ и подслушалъ мои сокровенныя мысли. Но давай говорить не обо мнѣ. Что ты разумѣешь подъ вѣчной правдой?

Монахъ не отвѣтилъ. Ковринъ взглянулъ на него и не разглядѣлъ лица: черты его туманились и расплывались. Затѣмъ у монаха стали изчезать голова, руки; туловище его смѣшалось со скамьей и съ вечерними сумерками, и онъ изчезъ совсѣмъ.

— Галлюцинація кончилась!—сказалъ Ковринъ и засмѣялся.—А жаль.

Онъ пошолъ назадъ къ дому веселый и счастливый. То немногое, что сказалъ ему черный монахъ, льстило не самолюбію, а всей душѣ, всему существу его. Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлаютъ человѣчество достойнымъ царствія Божія, то-есть избавятъ людей отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій, отдать идеѣ все — молодость, силы, здоровье, быть готовымъ умереть для общаго блага—какой высокій, какой счастливый удѣлъ! У него пронеслось въ памяти его прошлое, чистое, цѣломудренное, полное труда, онъ вспомнилъ то, чему учился и чему самъ училъ другихъ, и рѣшилъ, что въ словахъ монаха не было преувеличенія.

На встрѣчу по парку шла Таня. На ней было уже другое платье.

— Вы здѣсь?—сказала она.—А мы васъ ищемъ, ищемъ... Но что съ вами?—удивилась она, взглянувъ на его восторженное, сіяющее лицо и на глаза, полные слезъ.—Какой вы странный, Андрюша!

— Я доволенъ, Таня,—сказалъ Ковринъ, кладя ей руки на плечи. Я больше, чѣмъ доволенъ, я счастливъ! Таня, милая Таня, вы чрезвычайно симпатичное существо. Милая Таня, я такъ радъ, такъ радъ!

Онъ горячо поцѣловалъ ей обѣ руки и продолжалъ:

— Я только что пережилъ свѣтлыя, чудныя, неземныя минуты. Но я не могу разсказать вамъ всего, потому что вы назовете меня сумасшедшимъ, или не повѣрите мнѣ. Будемъ говорить о васъ. Милая, славная Таня. Я васъ люблю и уже привыкъ любить. Ваша близость, встрѣчи наши по десяти разъ въ день стали потребностью моей души. Не знаю, какъ я буду обходиться безъ васъ, когда уѣду къ себѣ?

— Ну!—засмѣялась Таня. Вы забудете про насъ черезъ два дня. Мы люди маленькіе, а вы великій человѣкъ.

— Нѣтъ, будемъ говорить серьезно!— сказалъ онъ.—Я возьму васъ съ собой, Таня. Да? Вы поѣдете со мной? Вы хотите быть моей?

— Ну!—сказала Таня и хотѣла опять засмѣяться, но смѣха не вышло и красныя пятна выступили у нея на лицѣ.

Она стала часто дышать и быстро—быстро пошла, но не къ дому, а дальше въ паркъ.

— Я не думала объ этомъ... не думала!—говорила она какъ бы въ отчаяніи, сжимая руки.

А Ковринъ шелъ за ней и говорилъ все съ тѣмъ же сіяющимъ, восторженнымъ лицомъ.

— Я хочу любви, которая захватила бы меня всего, и эту любовь только вы, Таня, можете дать мнѣ. Я счастливъ! Счастливъ!

Она была ошеломлена, согнулась, съежилась и точно состарѣлась сразу на десять лѣтъ, а онъ находилъ ее прекрасной и громко выражалъ свой восторгъ:

— Какъ она хороша!

VI.

Узнавъ отъ Коврина, что не только романъ наладился, но что даже будетъ свадьба, Егоръ Семеновичъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, стараясь скрыть волненіе. Руки у него стали трястись, шея надулась и побагровѣла, онъ велѣлъ заложить бѣговыя дрожки и уѣхалъ куда-то. Таня, видѣвшая, какъ онъ хлестнулъ по лошади и какъ глубоко, почти на уши надвинулъ фуражку, поняла его настроеніе, заперлась у себя и проплакала весь день.

Въ оранжереяхъ уже поспѣли персики и сливы; упаковка и отправка въ Москву этого нѣжнаго и прихотливаго груза требовала много вниманія, труда и хлопотъ. Благодаря тому, что лѣто было очень жаркое и сухое, понадобилось поливать каждое дерево, на что ушло много вре-

мени и рабочей силы, и появилась во множествѣ гусеница, которую работники и даже Егоръ Семеновичъ и Таня, къ великому омерзенію Коврина, давили прямо пальцами. При всемъ томъ нужно уже было принимать заказы къ осени на фрукты и деревья, и вести большую переписку. И въ самое горячее время, когда, казалось, ни у кого не было свободной минуты, наступили полевыя работы, которыя отняли у сада больше половины рабочихъ; Егоръ Семеновичъ, сильно загорѣвшій, замученный, злой, скакалъ то въ садъ, то въ поле и кричалъ, что его разрываютъ на части и что онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ.

А тутъ еще возня съ приданымъ, которому Песоцкіе придавали не малое значеніе; отъ звяканья ножницъ, стука швейныхъ машинъ, угара утюговъ и отъ капризовъ модистки, нервной, обидчивой дамы, у всѣхъ въ домѣ кружились головы. И какъ нарочно, каждый день пріѣзжали гости, которыхъ надо было забавлять, кормить и даже оставлять ночевать. Но вся эта каторга прошла незамѣтно, какъ въ туманѣ. Таня чувствовала себя такъ, какъ будто любовь и счастье захватили ее врасплохъ, хотя съ четырнадцати лѣтъ была увѣрена почему то, что Ковринъ женится именно на ней. Она изумлялась, недоумѣвала, не вѣрила себѣ... То вдругъ нахлынетъ такая радость, что хочется улетѣть подъ облака и тамъ молиться Богу, а то вдругъ вспомнится, что въ августѣ прійдется разставаться съ роднымъ гнѣздомъ и оставлять отца, или, Богъ вѣсть откуда, прійдетъ мысль, что она ничтожна, мелка и недостойна такого великаго человѣка, какъ Ковринъ—и она уходитъ къ себѣ, запирается на ключъ и горько плачетъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Когда бываютъ гости, вдругъ ей покажется, что Ковринъ необыкновенно красивъ и что въ него влюблены всѣ женщины и завидуютъ ей, и душа ея наполняется восторгомъ и гордостью, какъ будто она побѣдила весь свѣтъ, но стоитъ ему привѣтливо улыбнуться какой-нибудь барышнѣ, какъ она ужъ дрожитъ отъ ревности, уходитъ къ себѣ—и опять слезы. Эти новыя ощущенія завладѣли ею совершенно, она помогала отцу машинально и не замѣчала ни персиковъ, ни гусеницъ, ни рабочихъ, ни того, какъ быстро бѣжало время.

Съ Егоромъ Семеновичемъ происходило почти то же самое. Онъ работалъ съ утра до ночи, все спѣшилъ куда то, выходилъ изъ себя, раздражался, но все это въ какомъ то волшебномъ полуснѣ. Въ немъ уже сидѣло какъ будто бы два человѣка: одинъ былъ настоящій Егоръ Семеновичъ, который, слушая садовника Ивана Карловича, докладывавшаго ему о безпорядкахъ, возмущался и въ отчаяніи хваталъ себя за голову, а другой не настоящій, точно полупьяный, который вдругъ на полусловѣ прерывалъ дѣловой разговоръ, трогалъ садовника за плечо и начиналъ бормотать:

— Что ни говори, а кровь много значитъ. Его мать была удивительная, благороднѣйшая, умнѣйшая женщина. Было наслажденіемъ смотрѣть на ея доброе, ясное, чистое лицо, какъ у ангела. Она прекрасно рисовала, писала стихи, говорила на пяти иностранныхъ языкахъ, пѣла.. Бѣдняжка, царство ей небесное, скончалась отъ чахотки.

Не настоящій Егоръ Семеновичъ вздыхалъ и, помолчавъ, продолжалъ:

— Когда онъ былъ мальчикомъ и росъ у меня, то у него было такое же ангельское лицо, ясное и доброе. У него и взглядъ, и движенія, и разговоръ нѣжны и изящны, какъ у матери. А умъ? Онъ всегда поражалъ насъ своимъ умомъ. Да и то сказать, не даромъ онъ магистръ! Не даромъ! А погоди, Иванъ Карлычъ, каковъ онъ будетъ лѣтъ черезъ десять! Рукой не достанешь!

Но тутъ настоящій Егоръ Семеновичъ, спохватившись, дѣлалъ страшное лицо, хваталъ себя за голову и кричалъ:

— Черти! Перескверни, перепоганили, перемерзили! Пропалъ садъ! Погибъ садъ!

А Ковринъ работалъ съ прежнимъ усердіемъ и не замѣчалъ сутолоки. Любовь только подлила масла въ огонь. Послѣ каждаго свиданія съ Таней, онъ счастливый, восторженный, шелъ къ себѣ и съ тою же страстностью, съ какою онъ только что цѣловалъ Таню и объяснялся ей въ любви, брался за книгу, или за свою рукопись. То, что говорилъ черный монахъ объ избранникахъ Божіихъ, вѣчной правдѣ, о блестящей будущности человѣчества и проч., придавало его работѣ особенное, необыкновенное значеніе и наполняло его душу гордостью, сознаніемъ собственной высоты. Разъ, или два въ недѣлю, въ паркѣ, или въ домѣ онъ встрѣчался съ чернымъ монахомъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, но это не пугало, а напротивъ восхищало его, такъ какъ онъ былъ уже крѣпко убѣжденъ, что подобныя видѣнія посѣщаютъ только избранныхъ, выдающихся людей, посвятившихъ себя служенію идеѣ.

Однажды монахъ явился во время обѣда и сѣлъ въ столовой у окна. Ковринъ обрадовался и очень ловко завелъ разговоръ съ Егоромъ Семеновичемъ и съ Таней о томъ, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушалъ и привѣтливо кивалъ головой, а Егоръ Семеновичъ и Таня тоже слушали и весело улыбались, не подозрѣвая, что Ковринъ говоритъ не съ ними, а со своей галлюцинаціей.

Незамѣтно подошелъ Успенскій постъ, а за нимъ скоро и день свадьбы, которую, по настойчивому желанію Егора Семеновича, отпраздновали „съ трескомъ“, то-есть съ безтолковой гульбой, продолжавшейся двое сутокъ. Съѣли и выпили тысячи на три, но отъ плохой, наемной музыки, крикливыхъ тостовъ и лакейской бѣготни, отъ шума и тѣсноты не поняли вкуса ни въ дорогихъ винахъ, ни въ удивительныхъ закускахъ, выписанныхъ изъ Москвы.

VII.

Какъ то въ одну изъ длинныхъ зимнихъ ночей, Ковринъ лежалъ въ постели и читалъ французскій романъ. Бѣдняжка Таня, у которой по вечерамъ болѣла голова отъ непривычки жить въ городѣ, давно уже спала и изрѣдка въ бреду произносила какія-то безсвязныя фразы.

Пробило три часа. Ковринъ потушилъ свѣчу и легъ, долго лежалъ съ закрытыми глазами, но уснуть не могъ, оттого, какъ казалось ему, что въ спальнѣ было очень жарко и бредила Таня. Въ половинѣ пятаго онъ опять зажегъ свѣчу и въ это время увидѣлъ чернаго монаха, который сидѣлъ въ креслѣ около постели.

— Здравствуй,—сказалъ монахъ и, помолчавъ немного, спросилъ:—О чемъ ты теперь думаешь?

— О славѣ,—отвѣтилъ Ковринъ.—Во французскомъ романѣ, который я сейчасъ читалъ, изображенъ человѣкъ, молодой ученый, который дѣлаетъ глупости и чахнетъ отъ тоски по славѣ. Мнѣ эта тоска непонятна.

— Потому что ты уменъ. Ты къ славѣ относишься безразлично, какъ къ игрушкѣ, которая тебя не занимаетъ.

— Да, это правда.

— Извѣстность не улыбается тебѣ. Что лестнаго, или забавнаго, или поучительнаго въ томъ, что твое имя вырѣжутъ на могильномъ памятникѣ и потомъ время сотретъ эту надпись вмѣстѣ съ позолотой? Да и къ счастью, васъ слишкомъ много, чтобы слабая человѣческая память могла удержать ваши имена.

— Понятно,—согласился Ковринъ.—Да и зачѣмъ ихъ помнить? Но давай поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Напримѣръ о счастьи. Что такое счастье?

Когда часы били пять, онъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ ноги на коверъ, и говорилъ, обращаясь къ монаху:

— Въ древности одинъ счастливый человѣкъ въ концѣ концовъ испугался своего счастья—такъ оно было велико!—и, чтобы умилостивить боговъ, принесъ имъ въ жертву свой любимый перстень. Знаешь? И меня, какъ Поликрата, начинаетъ немножко безпокоить мое счастье. Мнѣ кажется страннымъ, что отъ утра до ночи я испытываю одну только радость, она наполняетъ всего меня и заглушаетъ всѣ остальныя чувства. Я не знаю, что такое грусть, печаль или скука. Вотъ я не сплю, у меня безсонница, но мнѣ не скучно. Серьезно говорю: я начинаю недоумѣвать.

— Но почему?—изумился монахъ.—Развѣ радость сверхъестественное чувство? Развѣ она не должна быть нормальнымъ состояніемъ человѣка? Чѣмъ выше человѣкъ по умственному и нравственному развитію, чѣмъ онъ свободнѣе, тѣмъ большее удовольствіе доставляетъ ему жизнь. Сократъ, Діогенъ и Маркъ Аврелій испытывали радость, а не печаль. И апостолъ говоритъ: „постоянно радуйтеся“. Радуйся же и будь счастливъ.

— А вдругъ прогнѣваются боги?—пошутилъ Ковринъ и засмѣялся.—Если они отнимутъ у меня комфортъ, и заставятъ меня зябнуть и голодать, то это едва ли прійдется мнѣ по вкусу.

Таня между тѣмъ проснулась и съ изумленіемъ, и ужасомъ смотрѣла на мужа. Онъ говорилъ, обращаясь къ креслу, жестикулировалъ и смѣялся; глаза его блестѣли и въ смѣхѣ было что то странное.

— Андрюша, съ кѣмъ ты говоришь?—спросила она, хватая его за руку, которую онъ протянулъ къ монаху.—Андрюша! Съ кѣмъ?

— А? Съ кѣмъ?—смутился Ковринъ.—Вотъ съ нимъ.. Вотъ онъ сидитъ,—сказалъ онъ, указывая на чернаго монаха.

— Никого здѣсь нѣтъ... никого! Андрюша, ты боленъ!

Таня обняла мужа и прижалась къ нему, какъ бы защищая его отъ видѣній, и закрыла ему глаза рукой.

— Ты боленъ!—зарыдала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Прости меня, милый, дорогой, но я давно уже замѣтила, что ду-

ша у тебя разстроена чѣмъ то... Ты психически боленъ, Андрюша...

Дрожь ея сообщилась и ему. Онъ взглянулъ еще разъ на кресло, которое было уже пусто, почувствовалъ вдругъ слабость въ рукахъ и ногахъ, испугался и сталъ одѣваться.

— Это ничего, Таня ничего...—бормоталъ онъ, дрожа.—Въ самомъ дѣлѣ я немножко нездоровъ... пора уже сознаться въ этомъ.

— Я уже давно замѣчала... и папа замѣтилъ,—говорила она, стараясь сдержать рыданія. Ты самъ съ собой говоришь, какъ-то странно улыбаешься... не спишь. О, Боже мой, Боже мой, спаси насъ!—проговорила она въ ужасѣ.—Но ты не бойся, Андрюша, не бойся, Бога ради не бойся...

Она тоже стала одѣваться... Только теперь, глядя на нее, Коринъ понялъ всю опасность своего положенія, понялъ, что значатъ черный монахъ и бесѣды съ нимъ. Для него теперь было ясно, чтъ онъ сумасшедшій.

Оба, сами не зная зачѣмъ, одѣлись и пошли въ залу: она впереди, онъ за ней. Тутъ ужъ, разбуженный рыданіями, въ халатѣ и со свѣчей въ рукахъ стоялъ Егоръ Семеновичъ, который гостилъ у нихъ.

— Ты не бойся, Андрюша,—говорила Таня, дрожа какъ въ лихорадкѣ,—не бойся... Папа, это все пройдетъ... все пройдетъ...

Коринъ отъ волненія не могъ говорить. Онъ хотѣлъ сказать тестю шутливымъ тономъ:—„Поздравьте: я, кажется, сошелъ съ ума“, но пошевелилъ только губами и горько улыбнулся.

Въ девять часовъ утра на него надѣли пальто и шубу, окутали его шалью и повезли въ каретѣ къ доктору. Онъ сталъ лѣчиться.

VIII.

Опять наступило лѣто, и докторъ приказалъ ѣхать въ деревню. Коринъ уже выздоровѣлъ, пересталъ видѣть чернаго монаха и ему оставалось только подкрѣпить свои физическія силы. Живя у тестя въ деревнѣ, онъ пилъ много молока, работалъ только два часа въ сутки, не пилъ вина и не курилъ.

Подъ Ильинъ день вечеромъ въ домѣ служили всенощную. Когда дьячокъ подалъ священнику кадило, то въ старомъ громадномъ залѣ запахло точно кладбищемъ и Коринъ стало скучно. Онъ вышелъ въ садъ. Не замѣчая роскошныхъ цвѣтовъ, онъ погулялъ по саду, посидѣлъ на скамьѣ, потомъ прошелся по парку; дойдя до рѣки, онъ спустился внизъ и тутъ постоялъ въ раздумьи, глядя на воду. Угрюмыя сосны съ мохнатыми корнями, которыя въ прошломъ году видѣли его здѣсь такимъ молодымъ, радостнымъ и бодрымъ, теперь не шептались, а стояли неподвижныя и нѣмыя, точно не узнавали его. И въ самомъ дѣлѣ, голова у него острижена, длинныхъ красивыхъ волосъ уже нѣтъ, походка вялая, лицо, сравнительно съ прошлымъ лѣтомъ, пополнѣло и поблѣднѣло.

По лавамъ онъ перешелъ на тотъ берегъ. Тамъ, гдѣ въ прошломъ году была рожь, теперь лежалъ въ рядахъ скошенный овесъ. Солнце уже зашло и на горизонтѣ пылало широкое красное зарево, предвѣщавшее на завтра вѣтренную погоду. Было тихо... Всматриваясь по тому направленію, гдѣ въ прошломъ году показался впервые черный монахъ, Коринъ простоялъ минутъ двадцать, пока не начала тускнуть вечерняя заря...

Когда онъ вялый, неудовлетворенный, вернулся домой, всенощная уже кончилась. Егоръ Семеновичъ и Таня сидѣли на ступеняхъ террасы и пили чай. Они о чемъ то говорили, но, увидѣвъ Коврина, вдругъ замолчали, и онъ заключилъ по ихъ лицамъ, что разговоръ у нихъ шелъ о немъ.

— Тебѣ, кажется, пора уже молоко пить,—сказала Таня мужу.

— Нѣтъ, не пора... — отвѣтилъ онъ, садясь на самую нижнюю ступень.—Пей сама. Я не хочу.

Таня тревожно переглянулась съ отцомъ и сказала виноватымъ голосомъ:

— Ты самъ замѣчаешь, что молоко тебѣ полезно.

— Да, очень полезно!—усмѣхнулся Коринъ. — Поздравляю васъ: послѣ пятницы во мнѣ прибавился еще одинъ фунтъ вѣсу.—Онъ крѣпко сжалъ руками голову и проговорилъ съ тоской:—Зачѣмъ, зачѣмъ вы меня лѣчили? Бромистые препараты, праздность, теплыя ванны, надзоръ, малодушный страхъ за каждый глотокъ, за каждый шагъ—все это въ концѣ концовъ доведетъ меня до идіотизма. Я сходилъ съ ума, у меня была манія величія, но за то я былъ веселъ, бодръ и даже счастливъ, я былъ интересенъ и оригиналенъ. Теперь я сталъ разсудительнѣе и солиднѣе, но зато я такой, какъ всѣ, я—посредственность, мнѣ скучно жить... О, какъ вы жестоко поступили со мной! Я видѣлъ галлюцинаціи, но кому это мѣшало? Я спрашиваю: кому это мѣшало?

— Богъ знаетъ, что ты говоришь!— вздохнулъ Егоръ Семеновичъ.—Даже слушать скучно.

— А вы не слушайте.

Присутствіе людей, особенно Егора Семеновича, теперь ужъ раздражало Коврина, онъ отвѣчалъ ему сухо, холодно и даже грубо, и иначе не смотрѣлъ на него, какъ насмѣшливо и съ ненавистью, а Егоръ Семеновичъ смущался и виновато покашливалъ, хотя вины за собой никакой не чувствовалъ. Не понимая, отчего такъ рѣзко измѣнились ихъ милыя, благодушныя отношенія, Таня жалась къ отцу и съ тревогой заглядывала ему въ глаза, она хотѣла понять и не могла, и для нея ясно было только, что отношенія съ каждымъ днемъ становятся все хуже и хуже, что отецъ въ послѣднее время сильно постарѣлъ, а мужъ сталъ раздражителенъ, капризенъ, придирчивъ и неинтересенъ. Она уже не могла смѣяться и пѣть, за обѣдомъ ничего не ѣла, не спала по цѣлымъ ночамъ, ожидая чего-то ужаснаго, и такъ измучилась, что однажды пролежала въ обморокѣ отъ обѣда до вечера. Во время всенощной ей показалось, что отецъ плакалъ, и теперь, когда они втроемъ сидѣли на террасѣ, она дѣлала надъ собой усилія, чтобы не думать объ этомъ.

— Какъ счастливы Будда и Магометъ, или Шекспиръ, что добрые родственники и доктора не лѣчили ихъ отъ экстаза и вдохновенія!—сказалъ Коринъ.—Если бы Магометъ принималъ отъ нервовъ бромистый калій, работалъ только два часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собаки. Доктора и добрые родственники въ концѣ-концовъ сдѣлаютъ то, что человѣчество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться геніемъ и цивилизація погибнетъ. Если бы вы знали—сказалъ Коринъ съ досадой,—какъ я вамъ благодаренъ!

Онъ почувствовалъ сильное раздраженіе и, чтобы не сказать лишняго, быстро всталъ и пошелъ въ домъ. Было тихо и въ открытыя окна несся изъ сада ароматъ табака и ялаппы. Въ громадномъ темномъ залѣ на полу и на рояли темными пятнами лежалъ лунный свѣтъ. Коврину припомнились восторги прошлаго лѣта, когда также пахло ялаппой и въ окнахъ свѣтилась луна. Чтобы вернуть прошлогоднее настроеніе, онъ быстро пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, закурилъ крѣпкую сигару, и приказалъ лакею принести вина. Но отъ сигары во рту стало горько и противно, а вино оказалось не такого вкуса, какъ въ прошломъ году. И что значитъ отвыкнуть! Отъ сигары и двухъ глотковъ вина у него закружилась голова и началось сердцебіеніе, такъ что понадобилось принимать бромистый калій.

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Таня говорила ему:

— Отецъ обожаетъ тебя. Ты на него сердишься за что-то, и это убиваетъ его. Посмотри: онъ старѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Умоляю тебя, Андрюша, Бога ради, ради своего покойнаго отца, ради моего покоя, будь съ нимъ ласковъ!

— Не могу и не хочу.

— Но почему?—спросила Таня, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.—Объясни мнѣ, почему?

— Потому что онъ мнѣ не симпатиченъ, вотъ и все, — небрежно сказалъ Коринъ и пожалъ плечами. — Но не будемъ говорить о немъ. Онъ твой отецъ.

— Не могу, не могу понять!—проговорила Таня, сжимая себѣ виски и глядя въ одну точку. — Что-то непостижимое, ужасное происходитъ у насъ въ домѣ. Ты измѣнился, сталъ на себя не похожъ... Ты, умный, необыкновенный человѣкъ, раздражаешься изъ-за пустяковъ, вмѣшиваешься въ дрязги... Такія мелочи волнуютъ тебя, что иной разъ просто удивляешься и не вѣришь: ты ли это? Ну, ну, не сердись, не сердись,—продолжала она, пугаясь своихъ словъ и цѣлуя ему руки.—Ты умный, добрый, благородный. Ты будешь справедливъ къ отцу. Онъ такой добрый!

— Онъ не добрый, а добродушный. Водевильные дядюшки, вродѣ твоего отца, съ сытыми добродушными физіономіями, необыкновенно хлѣбосольные и чудаковатые, когда-то умиляли меня и смѣшили, и въ повѣстяхъ, и въ водевиляхъ, и въ жизни; теперь же они мнѣ противны. Это эгоисты до мозга костей. Противнѣе всего мнѣ ихъ сытость и этотъ желудочный чисто бычій или кабаній оптимизмъ.

Таня сѣла на постель и положила голову на подушку.

— Это пытка,—проговорила она, и по ея голосу видно было, что она уже крайне утомлена и что ей тяжело говорить.— Съ самой зимы ни одной покойной минуты... Вѣдь это ужасно, Боже мой! Я страдаю...

— Да, конечно, я — Иродъ, а ты и

твой папенька—египетскіе младенцы. Конечно!

Его лицо показалось Танѣ некрасивымъ и непріятнымъ. Ненависть и насмѣшливое выраженіе не шли къ нему. Да и раньше она замѣчала, что на его лицѣ уже чего-то недостаетъ, какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ онъ остригся, измѣнилось и лицо. Ей захотѣлось сказать ему что-нибудь обидное, но тотчасъ же она поймала себя на непріязненномъ чувствѣ, испугалась и пошла изъ спальни.

IX.

Ковринъ получилъ самостоятельную каѳедру. Вступительная лекція была назначена на второе декабря, и объ этомъ было вывѣшено объявленіе въ университетскомъ корридорѣ. Но въ назначенный день онъ извѣстилъ инспектора студентовъ телеграммой, что читать лекціи не будетъ по болѣзни.

У него шла горломъ кровь. Онъ плевалъ кровью, но случалось раза два въ мѣсяцъ, что она текла обильно, и тогда онъ чрезвычайно слабѣлъ и впадалъ въ сонливое состояніе. Эта болѣзнь не особенно пугала его, такъ какъ ему было извѣстно, что его покойная мать жила точно съ такою же болѣзнью десять лѣтъ, даже больше; и доктора увѣряли, что это не опасно, и совѣтовали только не волноваться, вести правильную жизнь и поменьше говорить.

Въ январѣ лекція опять не состоялась по той же причинѣ, а въ февралѣ было уже поздно начинать курсъ. Пришлось отложить до будущаго года.

Жилъ онъ уже не съ Таней, а съ другой женщиной, которая была на два года старше его и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ. Настроеніе у него было мирное, покорное, онъ охотно подчинялся, и когда Варвара Николаевна — такъ звали его подругу—собралась везти его въ Крымъ, то онъ согласился, хотя предчувствовалъ, что изъ этой поѣздки не выйдетъ ничего хорошаго.

Они пріѣхали въ Севастополь вечеромъ и остановились въ гостиницѣ, чтобы отдохнуть и завтра ѣхать въ Ялту. Обоихъ утомила дорога. Варвара Николаевна напилась чаю и легла спать, и скоро уснула. Но Ковринъ не ложился. Еще дома, за часъ до отъѣзда на вокзалъ онъ получилъ отъ Тани письмо и не рѣшился его распечатать, и теперь оно лежало у него въ боковомъ карманѣ, и мысль о немъ непріятно волновала его. Искренно, въ глубинѣ души, свою женитьбу на Танѣ онъ считалъ теперь ошибкою, былъ доволенъ, что окончательно разошелся съ ней и воспоминаніе объ этой женщинѣ, которая въ концѣ-концовъ обратилась въ ходячія живыя мощи и въ которой, какъ кажется, все уже умерло, кромѣ большихъ, пристально вглядывающихся, умныхъ глазъ—воспоминаніе о ней возбуждало въ немъ одну только жалость и досаду на себя. Почеркъ на конвертѣ напомнилъ ему, какъ онъ года два назадъ былъ несправедливъ и жестокъ, какъ вымещалъ на ни въ чемъ неповинныхъ людяхъ свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью. Кстати же онъ вспомнилъ, какъ однажды онъ рвалъ на мелкіе клочки свою диссертацію и всѣ статьи, написанныя во время болѣзни, и какъ бросалъ въ окно, и клочки, летая по вѣтру, цѣплялись за деревья и цвѣты; въ каждой строчкѣ видѣлъ онъ странныя, ни на чемъ не основанныя претензіи, легкомысленный задоръ, дерзость, манію величія, и это производило на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ читалъ описаніе своихъ пороковъ; но когда послѣдняя тетрадка была разорвана и полетѣла въ окно, ему почему-то вдругъ стало досадно и горько, онъ пошелъ къ женѣ и наговорилъ ей много непріятнаго. Боже мой, какъ онъ изводилъ ее! Однажды, желая причинить ей боль, онъ сказалъ ей, что ея отецъ игралъ въ ихъ романѣ непривлекательную роль, такъ какъ просилъ его жениться на ней; Егоръ Семеновичъ нечаянно подслушалъ это, вбѣжалъ въ комнату и съ отчаянія не могъ выговорить ни одного слова, и только топтался на одномъ мѣстѣ и какъ-то странно мычалъ, точно у него отнялся языкъ, а Таня, глядя на отца, вскрикнула раздирающимъ душу голосомъ и упала въ обморокъ. Это было безобразно.

Все это приходило на память при взглядѣ на знакомый почеркъ. Ковринъ вышелъ на балконъ, была тихая, теплая погода, и пахло моремъ. Чудесная бухта отражала въ себѣ луну и огни, и имѣла цвѣтъ, которому трудно подобрать названіе. Это было нѣжное и мягкое сочетаніе синяго съ зеленымъ, мѣстами вода походила цвѣтомъ на синій купоросъ, а мѣстами, казалось, лунный свѣтъ сгустился и вмѣсто воды наполнялъ бухту, а въ общемъ какое согласіе цвѣтовъ, какое мирное, покойное и высокое настроеніе.

Въ нижнемъ этажѣ, подъ балкономъ, окна вѣроятно были открыты, потому что отчетливо слышались женскіе голоса

и смѣхъ. Повидимому, тамъ была вечеринка.

Ковринъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, распечаталъ письмо и, войдя къ себѣ въ номеръ, прочелъ: „Сейчасъ умеръ мой отецъ. Этимъ я обязана тебѣ, такъ какъ ты убилъ его. Нашъ садъ погибаетъ, въ немъ хозяйничаютъ уже чужіе, то-есть происходитъ то самое, чего такъ боялся бѣдный отецъ. Этимъ я обязана тоже тебѣ. Я ненавижу тебя всей моей душой и желаю, чтобы ты скорѣе погибъ. О, какъ я страдаю! Мою душу жжетъ невыносимая боль... Будь ты проклятъ. Я принята тебя за необыкновеннаго человѣка, за генія, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшимъ".

Ковринъ не могъ дальше читать, изорвалъ письмо и бросилъ. Имъ овладѣло безпокойство, похожее на страхъ. За ширмами спала Варвара Николаевна и слышно было, какъ она дышала, изъ нижняго этажа доносились женскіе голоса и смѣхъ, но у него было такое чувство, какъ будто во всей гостиницѣ кромѣ его не было ни одной живой души. Оттого что несчастная, убитая горемъ Таня въ своемъ письмѣ проклинала его и желала его погибели, ему было жутко, и онъ мелькомъ взглядывалъ на дверь, какъ бы боясь, чтобы не вошла въ номеръ и не распорядилась имъ опять та невѣдомая сила, которая въ какіе-нибудь два года произвела столько разрушеній въ его жизни и въ жизни близкихъ.

Онъ уже по опыту зналъ, что когда разгуляются нервы, то лучшее средство отъ нихъ; это работа. Надо сѣсть за столъ и заставить себя, во что бы то ни стало, сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли. Онъ досталъ изъ своего краснаго портфеля тетрадку, на которой былъ набросанъ конспектъ небольшой компилятивной работы, придуманной имъ на случай, если въ Крыму покажется скучно безъ дѣла. Онъ сѣлъ за столъ и занялся этимъ конспектомъ, и ему казалось, что къ нему возвращается его мирное, покорное, безразличное настроеніе. Тетрадка съ конспектомъ навела даже на размышленіе о суетѣ мірской. Онъ думалъ о томъ, какъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя, или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку. Напримѣръ, чтобы получить подъ сорокъ лѣтъ кафеду, быть обыкновеннымъ профессоромъ, излагать вялымъ, скучнымъ, тяжелымъ языкомъ обыкновенныя и при томъ чужія мысли, однимъ словомъ, для того, чтобы достигнуть положенія посредственнаго ученаго, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лѣтъ, работать дни и ночи, перенести тяжелую психическую болѣзнь, лѣчиться, пережить неудачный бракъ и продѣлать много всякихъ глупостей и несправедливостей, о которыхъ пріятно было бы не помнить. Ковринъ теперь ясно сознавалъ, что онъ посредственность, и охотно мирился съ этимъ, такъ какъ по его мнѣнію каждый человѣкъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что онъ есть.

Конспектъ совсѣмъ было успокоилъ его, но разорванное письмо бѣлѣло на полу и мѣшало ему сосредоточиться. Онъ всталъ изъ за стола, подобралъ клочки письма и бросилъ въ окно, но подулъ съ моря легкій вѣтеръ и клочки разсыпались по подоконнику. Опять имъ овладѣло безпокойство, похожее на страхъ, и стало казаться, что во всей гостиницѣ кромѣ него нѣтъ ни одной души... Онъ вышелъ на балконъ... Бухта, какъ живая, глядѣла на него множествомъ голубыхъ, синихъ, бирюзовыхъ и огненныхъ глазъ и манила къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было жарко и душно, и не мѣшало бы выкупаться.

Вдругъ въ нижнемъ этажѣ подъ балкономъ заиграла скрипка и запѣли два нѣжныхъ женскихъ голоса. Это было что-то знакомое. Въ романсѣ, который пѣли внизу, говорилось о какой-то дѣвушкѣ, больной воображеніемъ, которая слышала ночью въ саду таинственные звуки и рѣшила, что это гармонія священная, намъ смертнымъ непонятная... У Коврина захватило дыханіе и сердце сжалось отъ грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой онъ давно уже забылъ, задрожала въ его груди.

Черный высокій столбъ, похожій на вихрь или смерчъ, показался на томъ берегу бухты. Онъ съ страшной быстротой двигался черезъ бухту по направленію къ гостиницѣ, становясь все меньше и темнѣе, и Ковринъ едва успѣлъ посторониться, чтобы дать дорогу... Монахъ, съ непокрытой сѣдой головой и съ черными бровями, босой, скрестивши на груди руки, пронесся мимо и остановился среди комнаты.

— Отчего ты не повѣрилъ мнѣ—спросилъ онъ съ укоризной, глядя ласково на Коврина.—Если бы ты повѣрилъ мнѣ тогда, что ты геній, то эти два года ты провелъ бы не такъ печально и скудно.

Ковринъ уже вѣрилъ тому, что онъ избранникъ Божій и геній, онъ живо припомнилъ всѣ свои прежніе разговоры съ чернымъ монахомъ и хотѣлъ говорить, но кровь текла у него изъ горла прямо на

грудь и онъ, не зная что дѣлать, водилъ руками по груди, и манжетки стали мокрыми отъ крови. Онъ хотѣлъ позвать Варвару Николаевну, которая спала за ширмами, сдѣлалъ усиліе и проговорилъ:

— Таня!

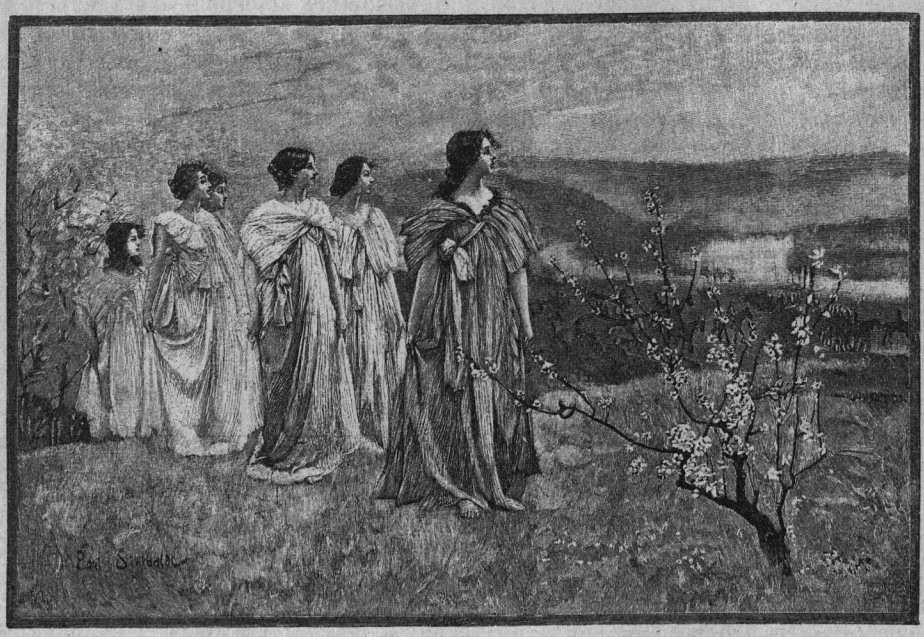
Онъ упалъ на полъ и, поднимаясь на руки, опять позвалъ:

— Таня!

Онъ звалъ Таню, звалъ большой садъ съ роскошными цвѣтами, обрызганными росой, звалъ паркъ, сосны съ мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смѣлость, радость, звалъ жизнь, которая была такъ прекрасна. Онъ видѣлъ на полу около своего лица большую лужу крови и не могъ уже отъ слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо. Внизу подъ балкономъ играли серенаду, а черный монахъ шепталъ ему, что онъ геній и что онъ умираетъ потому только, что его слабое человѣческое тѣло уже утеряло равновѣсіе и не можетъ больше служить оболочкой для генія.

Когда Варвара Николаевна проснулась и вышла изъ-за ширмъ, Ковринъ былъ уже мертвъ и на лицѣ его застыла блаженная улыбка.

Антонъ Чеховъ.



„Заря“, картина Синибальди. (Парижскій Салонъ 1893 г.).

Василій Григорьевичъ Перовъ.

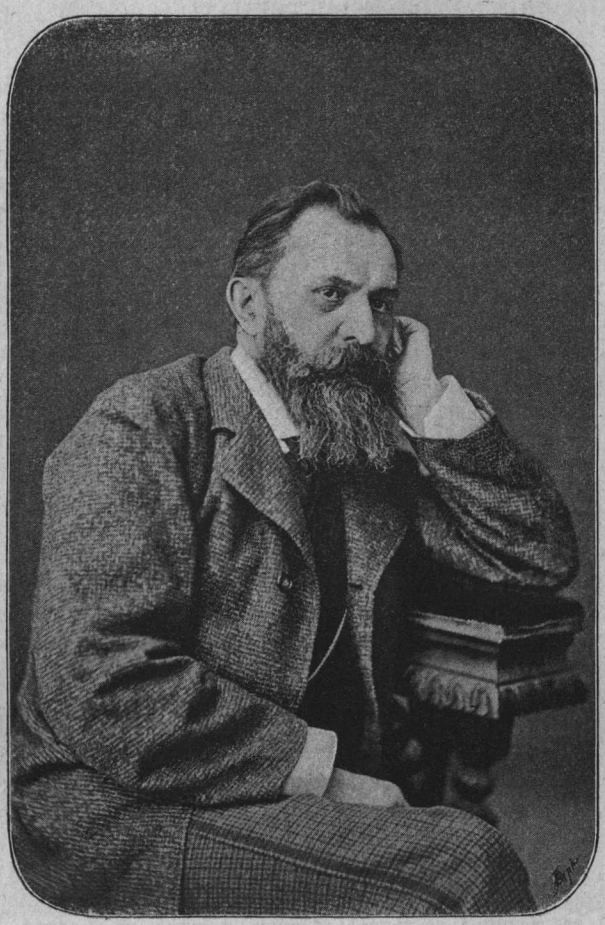
Опытъ характеристики его таланта.

I.

Совѣтъ Академіи Художествъ въ рапортѣ, представленномъ отъ имени вице-президента академіи министру Двора въ 1868 году, ходатайствуя о продленіи В. Г. Перову, тогда уже академику, въ видѣ особой Монаршей милости, пенсіонерскаго содержанія, сверхъ истекавшаго въ томъ году срока, еще на два года, между прочимъ, говоритъ: «...Перовъ, обнаружившій отличный талантъ свой еще до отправленія его въ 1862 году за границу пенсіонеромъ отъ правительства, возвращенъ оттуда по особому Высочайшему разрѣшенію, объявленному 29 іюля 1864 года, для изученія русскаго народнаго быта, къ которому онъ по врожденнымъ своимъ наклонностямъ, проживая въ центрѣ Россіи, Москвѣ, имѣетъ призваніе. Трудясь постоянно и неутомимо, онъ произведеніями своими доказываетъ постепенное развитіе своего таланта при строгомъ изученіи природы»...

Эти строки рапорта представляютъ въ сжатомъ résumé существенную и вѣрную характеристику таланта Перова, въ то же время указывая на двѣ самыя крупныя индивидуальныя черты личности Перова, какъ художника и какъ человѣка. Высочайшее *разрѣшеніе*, данное Перову, возвратиться изъ-за границы до истеченія срока пенсіонерства, о которомъ просилъ ходатайствовать академію самъ Перовъ, чувствуя себя за границей совершенно оторваннымъ отъ той почвы, на которой только и могъ произрастать его талантъ, отъ русской жизни и русскихъ типовъ, представляетъ едва ли не единственный примѣръ въ исторіи нашихъ молодыхъ художниковъ пенсіонеровъ. Несомнѣнно бывали случаи тоски по родинѣ, и многіе изъ питомцевъ академіи неодолимо скучали заграницей по Россіи. Но эта тоска не имѣла прямого отношенія къ ихъ художественной работѣ, къ ихъ творчеству, которое легко мирилось съ сюжетами и моделями, чуждыми ихъ работѣ. Говорятъ, что Перовъ не понялъ цѣли, съ какой отправляетъ академія своихъ питомцевъ за границу: вмѣсто того, чтобы только учиться техникѣ живописи у великихъ европейскихъ мастеровъ, онъ думалъ, что онъ долженъ создавать картины французской народной жизни. Но это не вѣрно. Академія, кромѣ изученія техники, что стояло, разумѣется, на первомъ планѣ и что могло быть достигаемо копированіемъ европейскихъ образцовъ, какъ и дѣлалось когда-то въ старину, впослѣдствіи требовала уже отъ пенсіонеровъ, избравшихъ какъ историческій, такъ и бытовой жанръ, самостоятельныхъ работъ того и другого рода, въ которыхъ обнаруживалось бы не только техническое усовершенствованіе, но и развитіе творческой мысли. И большинство русскихъ художниковъ, бывшихъ пенсіонерами академіи одновременно съ Перовымъ, и раньше, и послѣ его, какъ Е. Сорокинъ, Бронниковъ, Грузинскій, Харламовъ, Худяковъ, Мясоѣдовъ, А. Поповъ, Риццони, Карнѣевъ, Рѣпинъ, Полѣновъ и др. писали за границей много картинъ изъ туземной бытовой народной жизни, не находя въ этомъ противорѣчія съ своими творческими потребностями. Но Перовъ не былъ питомцемъ академіи. По своимъ врожденнымъ наклонностямъ, какъ справедливо говоритъ рапортъ, воспитавшись и живя въ центрѣ Россіи, онъ имѣлъ призваніе исключительно къ воспроизведенію русскаго народнаго быта и потому всѣ его парижскія попытки возсоздать французскую жизнь и типы, какъ и впослѣдствіи его библейскіе сюжеты, рѣшительно ему не давались. Особенно интересна въ этомъ случаѣ у Перова потребность внутренней душевной связи съ объектомъ творчества. Онъ несомнѣнно могъ сочинить сцену и списать съ натуры любыя попавшіяся ему модели не хуже другихъ. Но этого ему было мало. Ему надо было знать и душевно прочувствовать ту внутреннюю жизнь, которая даетъ смыслъ и значеніе внѣшнимъ образамъ и отсутствіе или недоступность которой лишали эти

образы въ глазахъ Перова главнаго художественнаго интереса. И это потому, повторяю, что онъ не былъ питомцемъ академіи, которая съ педантической строгостью требовала отъ своихъ питомцевъ прежде всего полнаго отрѣшенія отъ всякаго живого творчества, безжалостно отрывала отъ ихъ тѣхъ идеаловъ, которые, смутно возникая въ ихъ душѣ изъ созерцаній окружающей жизни, влекли ихъ къ искусству, и взамѣнъ давала имъ однѣ сухія формулы классической пластики Съ самаго начала его талантъ развивался самостоятельно и свободно, благодаря счастливымъ условіямъ, въ которыя онъ попалъ первоначально въ школѣ Ступина въ Арзамасѣ, а потомъ въ московской школѣ живописи и ваянія. Традиціонная метода усвоенія классическаго рисунка и композиціи, внѣ которой для академіи не существовало искусства, хотя и была признана официально въ упомянутыхъ школахъ, но она не навязывалась такъ настойчиво, не охватывала такъ безвыходно свободное дыханіе творчества въ молодыхъ, впечатлительныхъ и податливыхъ натурахъ пробуждающихся талантовъ, какъ это было въ академіи Но передъ устойчивыми и неподатливыми самородками, каковъ былъ Перовъ, она благоразумно отступала, предоставляя ихъ самостоятельному развитію и въ то же время школа не отказывала имъ въ помощи и поощреніи. И въ самомъ дѣлѣ, все самобытное, оригинальное и содержательное, давшее своеобразную живую физіономію русскому искусству и открывшее ему новые пути въ будущемъ, получило прочную первоначальную закваску художественнаго развитія въ московской школѣ живописи, или гдѣ-либо внѣ академіи, или же, если и пользовалось совѣтами академическихъ профессоровъ, то на особыхъ правахъ вольноприходящихъ, на которыхъ не распространялась со всей строгостію обязательная нивелировка индивидуальныхъ оттѣнковъ призванія; или же, наконецъ, было не признано академіей и уходило отъ нея ни съ чѣмъ. Достаточно назвать такія имена, какъ Ѳедотовъ, Шишкинъ, Куинджи, Викторъ Васнецовъ, Владиміръ Маковскій, Иларіонъ Прянишниковъ, Василій Васильевичъ Верещагинъ и изъ молодыхъ — Дубовской, Архиповъ и нѣкоторые другіе. Всѣ эти художники имѣли или только косвенное отношеніе къ академіи, или и вовсе не были въ ея школѣ.



В. Г. Перовъ.

Другая черта въ рапортѣ академіи, характеризующая Перова, какъ личность, лежитъ въ томъ поводѣ, по которому совѣтъ академіи ходатайствовалъ за Перова: въ недостаткѣ его матеріальныхъ средствъ къ существованію. Само по себѣ это довольно обычное явленіе въ средѣ нашихъ художниковъ въ большинствѣ случаевъ не составляетъ характерной личной особенности, а лежитъ часто во внѣшнихъ условіяхъ, или же просто объясняется непопулярностью художника, отсутствіемъ таланта и т. д. Но у Перова постоянныя матеріальныя затрудненія, фатально преслѣдовавшія его всю жизнь, вытекали прямо изъ особенныхъ свойствъ его личности. Онъ не былъ ни расточителенъ, ни лѣнивъ, ни несчастливъ въ продажѣ своихъ картинъ. Популярность его, въ смыслѣ спроса на его произведенія, была очень велика и картины его не застаивались въ его мастерской. При этомъ онъ работалъ много и усердно, и нерѣдко былъ

осаждаемъ заказами. Но Перовъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, безсребреникъ. Работая всегда по призванію, съ любовью и добросовѣстно заканчивая до мелочей свои картины, на что требовалось не мало времени, онъ никогда не цѣнилъ ихъ дорого, уступалъ сравнительно за безцѣнокъ и, получивъ плату, никогда не отказывалъ въ помощи своимъ товарищамъ-бѣднякамъ.

Наконецъ, разсматриваемый здѣсь академическій докладъ о Перовѣ, помимо характеристики его личности и таланта, представляетъ для насъ еще и другой, не менѣе важный интересъ. Онъ документально свидѣтельствуетъ о томъ, что академія въ роли верховной покровительницы русскаго искусства не всегда ограничивалась

узкой задачей насажденія въ Россіи только классическихъ традицій итальянскаго Возрожденія. Въ томъ поощреніи, которое оказалъ Ѳедотову Брюлловъ, еще можно было видѣть случайное увлеченіе, мимолетную прихоть одного лица, взглянувшаго на Ѳедотова не болѣе, какъ на диллетанта, безъ всякихъ опасеній относительно его дальнѣйшаго вліянія на цѣлую школу. И все-таки Брюлловъ былъ самый живой и наиболѣе отзывчивый на всякое новое движеніе въ искусствѣ изъ всѣхъ профессоровъ академіи того времени. Но поощреніе Перова академіей шестидесятыхъ годовъ, когда она вооружалась противъ всякихъ единичныхъ и коллегіальныхъ стремленій и попытокъ ея питомцевъ къ національности, къ самобытной оригинальности, поощреніе Перова, этого профессіональнаго бытового художника, выступающаго открыто съ своимъ реализмомъ противъ ея заповѣдныхъ эклектическихъ принциповъ и въ то время (1868 г.) уже настолько сильнаго живымъ обаяніемъ своего таланта, что академія не могла не видѣть въ немъ несомнѣнной причинной связи, даже главнаго стимула всѣхъ тѣхъ мятежныхъ молодыхъ броженій въ академіи, противъ которыхъ она боролась,—было со стороны академіи по меньшей мѣрѣ опрометчиво.

Между тѣмъ этотъ интересный докладъ академіи какъ бы щеголяетъ полнымъ пониманіемъ значенія Перова и хлопочетъ о безпрепятственномъ развитіи его дальнѣйшаго вліянія на школу. Перечисляя далѣе въ этомъ докладѣ работы Перова, совѣтъ академіи пишетъ: «Изъ произведеній его одно, бывшее на Парижской всемірной выставкѣ: „Дѣти, находящіеся въ ученіи у мастерового, тащатъ въ гору чанъ съ водою въ зимній бурный день», заслужило всеобщее вниманіе иностранцевъ, всегда болѣе строгихъ, что весьма естественно, къ художникамъ чужеземнымъ; кромѣ того и на прошлогодней выставкѣ въ академіи было также нѣсколько картинъ этого художника, по всей справедливости заслуживающаго право на особенное поощреніе (картины эти были: «Чистый понедѣльникъ», «Учитель рисованія» и «Утопленница»), чтобы дать ему возможность трудиться еще нѣкоторое время безъ заботы о насущномъ содержаніи, особенно въ настоящее тяжелое для художниковъ время, когда нѣтъ

никакого сбыта ихъ произведеніямъ. Во вниманіе къ такой полезной дѣятельности *отечественнаго таланта*,..» и т. д. Какъ бы подчеркивая эпитетомъ—*отечественный* талантъ то, отличительное отъ академическаго режима, направленіе Перова, черпающаго свои сюжеты и типы изъ нѣдръ родной почвы и трактующаго ихъ въ духѣ обыденной реальной дѣйствительности, которое академія, согласно своимъ принципамъ, считала низкимъ родомъ живописи, члены совѣта, писавшіе рапортъ, очевидно, не замѣчали, что направленіе это въ

рукахъ Перова и его сподвижниковъ уже тогда являлось мощнымъ орудіемъ противъ рутины академической школы и скоро должно было отвлечь отъ нея всѣ молодыя художественныя силы, чтобы создать внѣ академіи независимый самостоятельный культъ національнаго искусства.

Если, однако, мы оставимъ въ сторонѣ этотъ достопамятный документъ, на которомъ я такъ долго удерживалъ вниманіе читателя, и обратимся къ тому, какъ академія вообще относилась къ явленіямъ новаго движенія въ русскомъ искусствѣ, къ сближенію его съ реальной жизнью, мы увидимъ цѣлый рядъ постановленій и мѣръ, предпринятыхъ академіей, которыя существенно противорѣчатъ другъ другу и представляютъ какъ бы перемежающуюся лихорадку послабленій и репрессалій по отношенію къ новой жизни, врывающейся со всѣхъ сторонъ въ академію. Встрѣтивъ холодно, даже враждебно величайшее явленіе русской живописи, картину А. А. Иванова «Явленіе Христа народу», выставленную въ 1858 году въ Петербургѣ, не смотря на высокій стиль и безукоризненную классическую правильность рисунка, за то только, что въ картинѣ выразилась реальная историческая правда въ воспроизведеніи національныхъ типовъ, академія въ томъ же году привѣтствовала первое появленіе реальной бытовой картинки Перова «Пріѣздъ станового на слѣдствіе», наградивъ художника большой серебряной медалью. Въ 1861 году, послѣ цѣлаго ряда тріумфовъ въ академіи и въ печати, Перовъ получаетъ отъ академіи большую золотую медаль за картину «Проповѣдь въ селѣ» и право ѣхать за-границу пенсіономъ отъ правительства, а въ 1862 г. академія даетъ званіе профессора К. Б. Венигу за огромный холстъ «Ангелы возвѣщаютъ гибель Содому», въ которой нель-

зя усмотрѣть ничего, кромѣ исполненія условныхъ требованій традиціонной программной академической композиціи. Казалось бы, изъ вышесказаннаго слѣдуетъ такой выводъ, что академія строго разграничивала монументальную историческую живопись отъ бытового жанра, преслѣдуя въ первой исключительно подражаніе классическимъ образцамъ и допуская и поощряя во второмъ реальную жизненную правду. Вѣдь одновременно съ Перовымъ большую золотую медаль получилъ и Якоби за «Привалъ арестантовъ», а вслѣдъ затѣмъ и многіе жанристы, послѣдовавшіе примѣру Перова, также щедро поощрялись академіей. Но вотъ въ слѣдующемъ за «Содомомъ» Венига 1863 году является въ академіи картина Ге «Тайная вечеря», опрокинувшая всѣ традиціи академіи, и тѣмъ не менѣе она приводитъ въ восторгъ академическій ареопагъ и художникъ удостоивается за нее званія профессора, а картина его пріобрѣтается въ музей академіи, «какъ произведеніе, явившееся первой попыткой *реально трактовать религіозно-историческіе сюжеты съ примѣненіемъ эффектовъ бытовой живописи*». Такъ мотивируетъ это пріобрѣтеніе Ѳ. И. Булгаковъ въ своей книгѣ «Наши художники» на основаніи академическихъ документовъ.

Легковѣрные оптимисты съ радостію видѣли въ этомъ шагѣ отреченіе академіи отъ старыхъ схоластическихъ воззрѣній на задачи высокаго искусства. И нельзя было не увлечься въ то время общимъ стремленіемъ къ обновленію. Казалось, совѣтъ академіи покаялся въ своемъ несправедливомъ равнодушіи къ великому творцу «Явленія Христа народу», внесшему первое освѣженіе въ залы академіи. Старые профессора съ оживленными лицами прохаживались по выставкѣ, останавливаясь передъ выдающимися новинками живого реальнаго направленія. Я не могу забыть, какъ трое изъ нихъ: Бруни, Марковъ и Босинъ на моихъ глазахъ громко восхищались свѣжею струей реализма въ картинѣ Пукирева «Неравный бракъ», бывшей въ томъ же 63 году на выставкѣ и тоже заслужившей своему автору званіе профессора. Боголюбовъ и Ге служили живой связью между старымъ и новымъ поколѣніемъ художниковъ, сближая ихъ между собою и внося всюду идею обновленія.

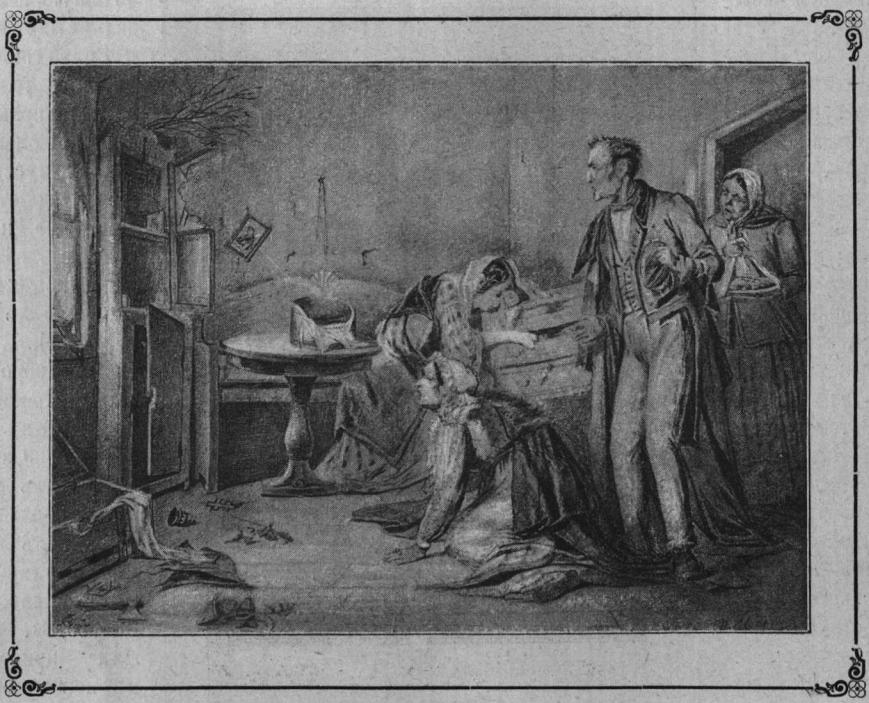
Но это возбужденное состояніе продолжалось недолго. Въ томъ же году послѣдовала реакція и двѣнадцать молодыхъ талантливыхъ художниковъ должны были оставить академію, такъ сказать, наканунѣ окончанія курса, потому что заданныя имъ совѣтомъ академіи программы на большую золотую медаль («Пиръ Валгаллы» и «Волки гонятся за луной») не только не отвѣчали новымъ вѣяніямъ въ смыслѣ сближенія искусства съ живой дѣйствительностію, но превышали всякую возможность отнестись къ ихъ исполненію хотя бы съ малѣйшей исторической добросовѣстностію. Протестъ художниковъ противъ этихъ программъ былъ отвергнутъ и они ушли изъ академіи. Съ тѣхъ поръ все живое и талантливое, безкорыстно привязанное къ искусству, мало-помалу присоединялось къ новому очагу и не прошло и десяти лѣтъ, какъ внѣ академіи основался сильный художественный центръ, притянувшій къ себѣ всѣ общественныя симпатіи и положившій прочное основаніе новому самостоятельному русскому искусству. Само собою разумѣется, что Перовъ былъ однимъ изъ первыхъ, присоединившихся къ этому центру, и своимъ именемъ, тогда уже прославленнымъ и стоявшимъ во главѣ именъ русскаго бытового жанра, много способствовалъ расширенію популярности новаго учрежденія.

II.

Трудно сказать, какую бы физіономію имѣла наша русская школа въ настоящее время не только въ области бытового жанра, но и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ нашего искус-

ства, еслибъ Перова совсѣмъ не было. Хотя вопросъ этотъ на первый взглядъ покажется праздной выдумкой досужей фантазіи и рѣшеніе его можетъ быть только крайне проблематично, но не всякая проблема безплодна и въ данномъ случаѣ несомнѣнно, что мало-мальски серьезная попытка придти къ правдоподобному его рѣшенію привела бы насъ къ безспорно важнымъ результатамъ, по отношенію къ разысканію тѣхъ началъ, откуда вытекаютъ многія характерныя особенности новѣйшаго искусства. Не говоря уже объ очень многихъ современныхъ художникахъ бытового жанра, произведенія которыхъ явно обнаруживаютъ прямое происхожденіе ихъ отъ Перова, мы открыли бы (я въ томъ глубоко убѣжденъ) безконечную густую сѣть генетической связи съ произведеніями Перова такихъ современныхъ мастеровъ, въ которыхъ не осталось уже съ ними никакого родственнаго сходства. Нельзя также отрицать и того, что картины Перова вызвали къ жизни много новыхъ художниковъ въ другихъ сферахъ живописи, давъ первый толчекъ ихъ художественнымъ инстинктамъ, благодаря внутреннему интересу этихъ картинъ. Многіе изъ современныхъ художниковъ съ глубокой признательностію вспоминаютъ еще это благотворное вліяніе на нихъ Перова, хотя во взглядахъ своихъ на задачи искусства они давно и далеко разошлись къ нимъ. Но, къ сожалѣнію, между современной художественной молодежью, теперь нерѣдко циркулируетъ и такое мнѣніе, что талантъ Перова представляетъ очень незначительную величину и что если взвѣсить его сомнительныя заслуги русскому искусству съ тѣмъ несомнѣннымъ вредомъ, который онъ нанесъ ему своей прописной тенденціей, своимъ хромающимъ рисункомъ и невозможнымъ колоритомъ, то едва ли не придется пожалѣть, что вліяніе его оставило таки довольно глубокіе слѣды въ нашемъ искусствѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія сужденія подтверждаютъ собою безсмертное значеніе басни Крылова «Листы и корни», а въ нѣкоторыхъ, увы! невольно вспоминается и «Свинья подъ дубомъ».

Но чтобы не распространяться болѣе по такому щекотливому вопросу, я попытаюсь сдѣ-



лать болѣе близкую къ истинѣ оцѣнку дѣйствительныхъ заслугъ и недостатковъ таланта Перова, принимая къ свѣдѣнію время, среду и другія условія и обстоятельства жизни, особенно вліявшія на характеръ и творчество этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго русскаго художника.

Къ прекрасному изданію фототипій съ картинъ Перова, предпринятому Д. А. Ровинскимъ *), приложена краткая, но довольно обстоятельная біографія Перова, составленная Н. П. Собко, къ которой я и прошу обратиться читателя, желающаго познакомиться съ жизнеописаніемъ Перова. Здѣсь же я коснусь только тѣхъ сторонъ его жизни, которыя объясняютъ собою характеръ его личности, какъ художника.

*) Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія. 60 фототипій съ его картинъ безъ ретуши. Текстъ Н. П. Собко, изданіе Д. А. Ровинскаго. СПБ. 1892 г.

Будучи незаконнымъ сыномъ барона Криденера, который вскорѣ потомъ женился на его матери, Перовъ въ дѣтствѣ не терпѣлъ, кажется, никакихъ неудобствъ, сопряженныхъ обыкновенно съ положеніемъ этого рода. Любимый въ семьѣ и не встрѣчая препятствій къ развитію своихъ склонностей, онъ рано почувствовалъ призваніе къ искусству и еще въ уѣздномъ Арзамасскомъ училищѣ любимымъ предметомъ его, тогда еще десятилѣтняго мальчика, было рисованіе. Несчастливая судьба его семьи, гонимой разными обстоятельствами съ мѣста на мѣсто, изъ одного конца Россіи въ другой, не касаясь души ребенка своей тяжелой стороной, напротивъ, благотворно вліяла на раннееразвитіе его ума и сердца, расширяя его кругозоръ и постоянно давая новую пищу его наблюдательности и созерцательной вдумчивости. Эпизоды его жизни въ школѣ Ступина показываютъ уже твердо сложившійся характеръ и сознательное стремленіе не только къ изученію живописи, но и къ самостоятельному творчеству. Въ то же время страсть къ чтенію помогала ему пополнять недостатки образованія, которое не могли ему дать ограниченныя средства родителей. Разумѣется, лишенное системы и авторитетнаго контроля, чтеніе это не вполнѣ достигало цѣли, но, воспринимаемыя съ чуткостью и упорствомъ самоучки, воззрѣнія писателей жадно всасывались его душой, укрѣпляя и совершенствуя въ ней его природныя наклонности къ правдѣ, искренности и человѣколюбію.

Въ Московскую школу живописи и ваянія онъ поступилъ въ 1852 г. уже 19-тилѣтнимъ юношей, съ опредѣленно сложившимся характеромъ и съ значительнымъ умѣньемъ наблюдать жизнь и подмѣчать ея типичныя стороны. Восторженно и нѣжно относясь къ искренней добротѣ и безкорыстію, онъ уже умѣлъ тонко и ѣдко подшучивать надъ глупостью, лицемѣріемъ, чванствомъ и для приложенія этихъ свойствъ къ творчеству ему не доставало только твердаго знанія рисунка и красокъ. Ими то исключительно онъ и занялся съ усердіемъ въ школѣ, не отличавшейся въ то время высокимъ уровнемъ состава преподавателей. Все, что могли дать ему Скотти, Мокрицкій и Зарянко въ дѣлѣ усовершенствованія техники, — Перовъ воспринялъ полностью, не поддаваясь вліянію ихъ воззрѣній на задачи искусства, — воззрѣній болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для школы. Исключеніе составлялъ одинъ только Егоръ Яковлевичъ Васильевъ, кроткій, скромный и безконечно добрый идеалистъ. Онъ не навязывалъ никому своихъ взглядовъ, но относился любовно и по-товарищески къ ученикамъ, помогая чѣмъ могъ наиболѣе бѣднымъ изъ нихъ. Почувствовавъ и на себѣ все обаяніе этой любвеобильной натуры, когда въ самую критическую минуту матеріальной нужды Васильевъ пригласилъ его къ себѣ жить и тѣмъ далъ возможность продолжать ученіе въ школѣ, Перовъ привязался къ нему всей душою, всю жизнь вспоминалъ объ немъ съ благодарностью и обезсмертилъ его имя, описавъ впослѣдствіи его личность въ своемъ прекрасномъ разсказѣ «Фанни подъ № 30» *).

Такимъ образомъ въ теченіе шести лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ живописи въ качествѣ ученика, Перовъ неустанно работалъ надъ самимъ собой, руководствуясь собственнымъ

*) Художественный журналъ 1881 г. №№ 1-й 2-й.

инстиктомъ и тѣми немногими образцами искусства, какія ему изрѣдка удавалось видѣть въ Москвѣ. Тогда еще не было у насъ ни Румянцевскаго музея, ни одной частной картинной галлереи, доступной для посторонних посѣтителей. Иллюстрированныя художественныя изданія и фотографіи съ картинъ, столь распространенныя въ настоящее время, тогда еще не существовали, а гравюры и офорты, художественно исполненные, попадались на глаза только у немногихъ любителей. Нечѣмъ было провѣрять и регулировать свои художественныя стремленія; не на чемъ было изощрять свой вкусъ. Единственнымъ средствомъ теоретически уяснить себѣ свое призваніе было чтеніе изящной литературы и живая бесѣда въ кругу товарищей. Удивительно ли, что Гоголь и его школа писателей сороковыхъ годовъ отразились на творчествѣ Перова болѣе властно, чѣмъ итальянская, Брюлловская, Тропининская, или какая бы то ни была художественная школа.

Послѣ этюда головки мальчика, посланной въ академію и награжденной малой серебряной медалью, Перовъ въ слѣдующемъ 1858 году посылаетъ туда же первую свою картину «Пріѣздъ станового на слѣдствіе», которая обращаетъ на себя вниманіе не только академіи, но и всего интеллигентнаго Петербурга. Печать дружно заговорила объ ней, отдавая ей первое мѣсто среди всѣхъ бытовыхъ картинъ академической выставки. Перовъ явился въ ней вполнѣ зрѣлымъ художникомъ, такъ сказать, во всеоружіи своего таланта. Направленіе его творчества рѣзко и характерно опредѣлилось. Примитивная, наивная тенденція проходитъ красной нитью по всей картинѣ. Но въ тоже время въ картинѣ столько искренней теплоты, живопись ея исполнена во всѣхъ дѣталяхъ такъ любовно и тонко, отрицательные типы подобраны такъ искусно, что въ то время, когда смѣлая оцѣнка уродливыхъ общественныхъ явленій жизни была свѣжею новинкой въ нашей живописи, такая картина, совершенно понятно, должна была произвести всеобщую сенсацію. Дѣйствительно, она привела въ восторгъ всѣхъ зрителей, къ какому бы лагерю они ни принадлежали. Сторонники либеральнаго направленія восхищались въ ней мѣткостью обличительнаго юмора, академисты же восхваляли вѣрность типовъ и замѣчательную отдѣлку деталей.

Картина эта можетъ служить пророческимъ показателемъ того направленія, котораго главнымъ образомъ будетъ держаться Перовъ почти всю свою жизнь. Все, что сдѣлано имъ вслѣдъ за тѣмъ до поѣздки его за-границу, и очень многое, сдѣланное послѣ этой поѣздки, носитъ болѣе или менѣе тотъ же характеръ, какъ по концепціи сюжетовъ, такъ и по исполненію ихъ. Разумѣется, темпераментъ ху-

дожника, мѣняясь съ его возрастомъ, давалъ разные оттѣнки этому направленію. Иногда положительный элементъ бралъ перевѣсъ надъ отрицательнымъ, принимая то трагическій характеръ («Тройка», «Проводы покойника», «Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу», «Старики родители на могилѣ сына» и др.), то идиллическій («Гитаристъ», «Чистый понедѣльникъ», «Птицеловъ»). Одно время онъ увлекался портретами и въ постоянномъ стремленіи передать во внѣшнемъ образѣ внутренній міръ человѣка прекрасно разрѣшилъ эту задачу въ портретахъ В. В. Безсонова и Ѳ. М. Достоевскаго. Но ироническая жилка юмориста, подмѣчающаго смѣшныя стороны жизни, такъ ярко выступившая въ первый періодъ его дѣятельности въ цѣломъ рядѣ картинъ, хотя и и рѣже появлялась впослѣдствіи, но не покидала его въ теченіе всей жизни (1862 года—«Художникъ-любитель»; 1866 г. — «Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ»; 1868 г.—„У желѣзной дороги“; 1871 г.—«Охотники» и «Рыболовъ»; 1874 г. — «Голубятникъ» и 1879 г.—«Рыбаки») и подъ конецъ жизни вылилась въ литературной формѣ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, совершенно аналогичныхъ по духу и характеру исполненія съ его живописными произведеніямч. Тѣмъ не менѣе лучшими произведеніями его кисти слѣдуетъ считать тѣ его картины, въ которыхъ онъ совершенно отрѣшается отъ тенденціи и юмора и достигаетъ высокой трагической поэзіи въ изображеніи глубокихъ душевныхъ страданій человѣка. Такими произведеніями смѣло можно назвать, къ сожалѣнію, неконченную его вещь «Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу» и «Учителя рисованія». Въ этихъ двухъ маленькихъ картинкахъ Перовъ является великимъ художникомъ, въ которомъ поэтъ-психологъ окончательно восторжествовалъ надъ тенденціознымъ публицистомъ и юмористомъ-обличителемъ. Это была высшая кульминаціонная точка чистаго художественнаго творчества, но она прошла почти незамѣтно, какъ для публики, такъ и для самого Перова, который, не кончивъ одной изъ нихъ («Пріѣздъ институтки»), обратился снова къ своему обычному жанру, на этотъ разъ болѣе крупныхъ размѣровъ, и къ портретной живописи. Въ картинѣ «Птицеловъ», за которую Перовъ получилъ званіе профессора, онъ еще держится на высотѣ идиллической поэзіи, хотя критика восхваляла ее главнымъ образомъ за комическій элементъ, который только она и видѣла въ ней. Но самой громкой славы удостоилась его большая картина «Привалъ охотниковъ», несомнѣнно, за то, что въ ней снова выступилъ наружу комизмъ Перова, хотя и въ нѣсколько фельетонномъ характерѣ веселаго анекдота.

Послѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ портретовъ, которыми, впрочемъ, онъ не могъ занять первенствующей роли между другими выдающимися нашими портретистами того времени, и затѣмъ послѣ единственной неудавшейся попытки возвыситься снова до чистой трагической поэзіи въ уничтоженной имъ картинѣ «Дѣвушка, бросающаяся въ воду» и въ элегической сценѣ «Старыхъ родителей на могилѣ сына» (картина эта была написана, но потомъ изрѣзана на части и отъ нея остались только отдѣльныя головы старика и старухи родителей), Перовъ неожиданно обращается къ историческому и библейскому жанру и даже пробуетъ свои силы въ аллегорическомъ родѣ, изобразивъ голое женское тѣло подъ видомъ феи, разсыпающей цвѣты, которую на лету цѣлуетъ амуръ, назвавъ эту картину «Весна».

Я не буду разсматривать здѣсь этихъ послѣднихъ произведеній, такъ какъ возникновеніе ихъ въ головѣ, а не въ душѣ Перова совпадаетъ съ появленіемъ въ немъ болѣзни, остановившей дальнѣйшее развитіе его таланта въ его прирожденной сферѣ и очень скоро сведшей его въ могилу. Въ этюдахъ для «Пугачевскаго бунта» и для «Никиты-пустосвята» еще чувствуется его отличительный характеръ въ замѣчательномъ подборѣ типовъ казацкой вольницы и фанатическихъ представителей раскола. Но въ картинахъ, кромѣ этихъ отдѣльныхъ типовъ, нѣтъ уже прежняго Перова, нѣтъ его таланта, нѣтъ художника. Какъ бы насильственно сочиненныя на преднамѣренно вы-

думанныя темы, онѣ уже не имѣютъ въ себѣ и слѣдовъ той внутренней душевной необходимости, той искренности и наивности, которой отличалась вся его творческая дѣятельность по современному бытовому жанру.

То была его родная стихія, то была настоящая дѣйствительная жизнь, среди которой онъ выросъ, возмужалъ и развился, согласная съ природными наклонностями его духа, безъ всякаго посторонняго насильственнаго давленія, которому онъ всегда энергично сопротивлялся, какъ это мы видимъ во многихъ случаяхъ, разсказанныхъ намъ Н. П. Собко въ его біографіи. Потому то обаяніе таланта Перова было такъ сильно и плодотворно въ исторіи нашего національнаго искусства. Искренняя любовь къ живой правдѣ, отысканіе внутренняго смысла явленій жизни современнаго человѣка путемъ его психологическаго анализа — стало девизомъ цѣлой эпохи въ нашей бытовой живописи, слѣдовавшей по пути, проложенному ей дѣятельностью Перова.

Приложенныя къ этому очерку иллюстраціи могутъ познакомить читателя съ нѣкоторыми интимными сторонами въ процессѣ творчества Перова. Тутъ есть и первоначальные наброски карандашемъ, какъ-бы занесенные въ альбомъ для памяти, и исканіе подходящаго выраженія для намѣченнаго имъ типа, какъ напримѣръ, въ лицѣ Пугачева; есть и довольно законченныя композиціи въ карандашѣ, провѣренныя по натурѣ прежде, чѣмъ перенести ихъ на холстъ, какъ рисунокъ «Чаепитія въ Мытищахъ». Интересенъ и рисунокъ голой женской фигуры, въ которомъ Перовъ искалъ передачи движенія въ задуманной имъ картинѣ «Дѣвушка, бросающаяся въ рѣку», не доведенной имъ до конца и впослѣдствіи передѣланной въ «Плачъ Ярославны». Всѣ эти рисунки, какъ и снимки съ двухъ масляныхъ картинъ: «Бесѣда за круглымъ столомъ» и «Голова юноши», еще не были воспроизведены нигдѣ, являются передъ публикой впервые и представляютъ различные моменты въ процессѣ развитія художественныхъ идей Перова.

А. Киселевъ.

Рѣшеніе.

(повѣсть).

Вкушая, вкусихъ мало меду и се азъ умираю.
1-я книга Царствъ.

Городъ N.—старинный университетскій городъ со всѣми необходимыми аттрибутами большого города въ наши дни. Въ немъ два театра, кромѣ университета нѣсколько учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, кромѣ оффиціальныхъ Губернскихъ Вѣдомостей издаются газеты разнообразныхъ направленій, существуютъ женскіе курсы, есть пассажъ и гостиный дворъ, дворянскій клубъ и ежемѣсячный толстый журналъ.

За послѣднія двадцать лѣтъ, по общему замѣчанію, N. усиленно обстраивается и украшается грандіозными постройками въ новѣйшемъ Европейскомъ вкусѣ и стилѣ. Постройки являются на смѣну городскихъ старинныхъ домовъ, какіе напоминали собой не Европейскій стиль, а русскія помѣщичьи усадьбы прежняго времени.

Какъ разъ именно такой барскій старый домъ уцѣлѣлъ и стоитъ еще и теперь въ N. на углу одной изъ аристократическихъ улицъ въ лучшей части города. Когда-то онъ принадлежалъ князьямъ Г., затѣмъ переходилъ изъ рукъ въ руки и достался по наслѣдству небогатому помѣщику вдовцу — Черенину, обладателю родового бездоходнаго имѣнія и огромнаго количества дочерей невѣстъ, неожиданно получившихъ себѣ приданое.

На семейномъ совѣтѣ долгое время обсуждался вопросъ: какимъ образомъ поступить, чтобы выгоднѣе пустить въ оборотъ наслѣдство, чтобы хватило на всѣхъ сестеръ, окупило ремонтъ и приносило должное количество вѣчныхъ, какъ время, вѣрныхъ, какъ самая смерть, процентовъ.

Въ результатѣ совѣщанія рѣшено было перестроить домъ и отдать подъ *меблированныя комнаты*.

Съ весны въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ передѣлывали и приспособляли древнія хоромы къ новымъ потребностямъ и современному вкусу одни за другими каменьщики, плотники, маляры и обойщики.

Къ осени надъ бѣлыми, заново-выкрашенными колоннами, подъ угрюмымъ фронтономъ съ неснятымъ лѣпнымъ гербомъ перваго титулованнаго владѣльца—появилась синяя вывѣска на двухъ языкахъ, съ ошибкою во французскомъ: *Maison teubl*é. *Меблированныя комнаты*. На широкомъ столбѣ у воротъ, украшенныхъ львами, повѣсили бѣлую за стекломъ бумажку съ обозначеніемъ свободныхъ комнатъ, а въ стеклянныхъ дверяхъ бывшей великолѣпной швейцарской прибили черную доску съ обозначенными мѣломъ фамиліями квартирантовъ.

Впрочемъ, благодаря ли дворянскому происхожденію владѣльца, или тому, что самый домъ былъ въ аристократической части города, но меблированныя комнаты приняли сразу характеръ извѣстной порядочности. Жильцы подобрались спокойные люди, частью семейные. Были кое-кто изъ начинающихъ учителей, адвокатовъ; былъ профессоръ—одинокій старикъ, старуха генеральша съ моськой и горничной и нѣсколько одинокихъ женщинъ различныхъ возрастовъ и профессій.

Почти все былъ народъ трудовой, проводившій большую часть дня внѣ дома. Съ утра домъ пустѣлъ. Населеніе расходилось по службамъ, урокамъ и занятіямъ. Мужскія и женскія фигуры въ шляпахъ и верхнемъ платьѣ появлялись каждая у своихъ дверей. Замки щел-

кали въ дверяхъ, фигуры удалялись по корридору, и во всемъ огромномъ помѣщеніи наступало временное затишье. Занятыми оставались не болѣе двухъ-трехъ комнатъ въ обоихъ этажахъ дома.

Въ глубинѣ верхняго корридора, свѣтлаго, но узкаго, явно выкроеннаго изъ бывшей амфилады съ выгадываньемъ мѣста, виднѣлась темная подъ красное дерево дверь съ номеромъ и миніатюрной карточкой. На карточкѣ значилось: Марія Евграфовна Болотина. Профессіи не было означено.

Владѣтельница 9-го номера представляла собою нѣкоторое исключеніе среди другихъ квартирантовъ дома Черенина. У нея не было ни служебныхъ, ни какихъ либо другихъ обязательныхъ занятій внѣ дома. Она выходила въ неопредѣленное время дня по дѣламъ или для прогулки и составляла всей своей особой живую и интересную загадку для любознательныхъ жильцовъ меблированныхъ комнатъ.

Причинъ для этого было нѣсколько.

Прежде всего она была молода, хороша собой и притомъ одинока; тѣмъ болѣе страннымъ и непріятнымъ для другихъ казался рѣшительный отказъ молодой жилицы отъ знакомства съ кѣмъ бы то ни было изъ самыхъ почтенныхъ старожиловъ дома, сосѣдей по этажу и корридору. Госпожа Болотина разъ навсегда и на отрѣзъ отклонила всѣ ходатайства въ этомъ смыслѣ со стороны общей прислуги—горничной и корридорнаго, расторопнаго малаго, ежедневно появлявшагося по утрамъ въ дверяхъ комнаты съ громадной вязанкой заиндевѣвшихъ, облѣпленныхъ мохомъ дровъ.

На круглыхъ часахъ надъ лѣстницей въ это время било девять—урочный часъ для служащихъ всѣхъ профессій, чиновниковъ и учительницъ. Весь домъ по обыкновенію пустѣлъ, а въ угловомъ номерѣ едва начиналась утренняя жизнь.

Гнилой, сырой запахъ и холодъ распространялись отъ дровъ, въ маленькой передней комнатѣ.

— Прикажете топить, барышня?—неизмѣнно спрашивалъ корридорный, съ грохотомъ сваливая охабку передъ печью и выпрямляя спину въ суконной жилеткѣ поверхъ розовой рубахи.

— Непремѣнно, Андрей. И скорѣй, пожалуйста. Какой холодъ!—также неизмѣнно еще за дверями говорила барышня.

Въ это время она не успѣвала еще окончить туалета и выходила изъ дверей спальни, кутаясь въ тепломъ, наскоро наброшенномъ, утреннемъ халатикѣ.

— Еще здравствуйте! — говорилъ Андрей, дѣлая поклонъ, о чемъ можно было догадаться по движенію спины, такъ какъ голова оставалась засунутою въ жерло громадной старинной печи, гдѣ онъ одною рукою поправлялъ дрова.

— Пожалуйста не жалѣйте дровъ, Андрей!

— Чего ихъ жалѣть! Помилуйте! Дрова хозяйскія.

Голова появлялась изъ печи и худое лицо, блѣдное лицо постояннаго городского жителя съ синими подглазинами и дурными зубами, поворачивалось въ сторону барышни.

— Кажется и такъ стараемся, Марья Евграфьевна. Ну, только одно—комнаты ваши натопить невозможно. Комната угловая, сами видите—сарай, сарай чистый. Хоть бы къ сосѣдкѣ погрѣться зашли. Какъ просили-то!

На замѣчаніе это не послѣдовало отвѣта.

Марія, или, какъ ее чаще называли, Мирра Евграфовна, уже сидѣла за самоваромъ и кофейнымъ приборомъ. Развернутый листъ новой газеты лежалъ поверхъ всего, покрывая подносъ съ посудой. Она отстранила газету, налила кофе и стала пить, не отрываясь глазами, по привычкѣ быстро пробѣгая свѣжіе, пахнувшіе еще сыростью и краскою листы.

Чистая скатерть, чищенный самоваръ и остатки разрозненной, но изящной и дорогой сервировки придавали видъ нѣкоторой домовитости одинокому завтраку въ холодной комнатѣ. Мирра перевернула газету и отложила въ сторону. Допивъ кофе, она стала заботливо приводить въ порядокъ маленькое хозяйство. Всѣ пріемы обличали постоянную, ежедневную привычку и опытныя и умѣлыя руки. Старенькая съ облѣзшей позолотой настоящая саксонская чашечка была тщательно вытерта вышитымъ чайнымъ въ кружевахъ полотенцемъ. Посуда и съѣстное быстро исчезли куда-то. Горничная взяла самоваръ, а хозяйка внимательнымъ взглядомъ окинула на половину неубранную еще комнату.

Это была большая, высокая комната съ дешевыми бѣленькими обоями, какіе часто бываютъ въ меблированныхъ комнатахъ, но съ старинной прекрасной мебелью, какой обыкновенно въ нихъ не бываетъ. Мебель придавала особенный характеръ всему помѣщенію.

Старинный комодъ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями и ручками, узенькая на точеныхъ ножкахъ консоль, на которой помѣщалась лампа, вольтеровское кресло, диванъ и письменный столъ громадныхъ размѣровъ—уютно размѣстились по ковру и паркету. Мебель принадлежала къ комнатѣ и была получена отъ хозяевъ, къ которымъ очевидно перешла по наслѣдству вмѣстѣ съ домомъ. Но было что-то особенное въ расположеніи этой мебели. Что-то дѣвическое, простое и въ то же время милое и изящное было во всемъ, что помѣщалось въ этой комнатѣ и на этой мебели.

Трудно было догадаться по обстановкѣ о занятіяхъ хозяйки.

Книги занимали всѣ открытыя полки въ простѣнкѣ у письменнаго стола; книги лежали вездѣ на столахъ; газеты русскія и иностранныя виднѣлись между книгами. Но рядомъ съ ними на каминѣ стояли восхитительныя бездѣлушки; недоконченная женская работа была разложена на рабочемъ столикѣ и сама хозяйка рѣшительно не имѣла ничего общаго съ видомъ синяго чулка или нигилистки, въ чемъ была заподозрѣна при первомъ же своемъ появленіи въ домѣ Черенина.

Это была высокая, казавшаяся еще выше отъ худобы, бѣлокурая дѣвушка. Прелестнѣйшіе волосы не падали небрежными косами, а были туго скручены и подобраны на затылкѣ въ красивой прическѣ. Худоба не портила ея, а производила скорѣе впечатлѣніе чего то хрупкаго, несложившагося. Можно было подумать, что она еще ростетъ, хотя Миррѣ шелъ уже 23-й годъ. Къ довершенію впечатлѣнія, она рѣшительно не оказывала обычнаго пристрастія къ черному цвѣту, занявшему за послѣднее время первое мѣсто въ туалетѣ современныхъ дамъ. Домашнее платье изъ англійской матеріи въ родѣ пледа красиво драпировало граціозную фигуру съ широкими плечами и узкой, стянутой въ корсетѣ тальей.

Молодая дѣвушка неслышно и быстро переходила по комнатѣ, доканчивая на ходу свой туалетъ, а также и туалетъ комнаты. Она полила цвѣты, заботливо касаясь рукой каждаго растенія, отрывая пожелтѣвшіе листы, бросила въ каминъ ненужныя письма и бумаги, перетерла вещицы и книги. Все это дѣлалось аккуратно и ловко и только чуть-чуть торопливо. Казалось, нельзя было потерять ни одной лишней минуты. Нѣсколько разъ она быстрыми шагами почти перебѣгала комнату, переставливая и перенося вещи. Наконецъ, исполнивъ необходимыя утреннія обязанности, она сняла домашнія толстыя перчатки и подошла къ письменному столу.

Безукоризненный порядокъ на немъ поддерживался, казалось, съ особеннымъ стараніемъ и любовью. Маленькая розовая фарфоровая, напоминавшая игрушку, чернильница стояла посерединѣ рядомъ съ сафьянной папкой съ вензелемъ подъ короной.

Мирра сѣла къ столу, развернула папку, вынула оттуда разрѣзанные на четвертушки, какія приготовляютъ для отправленія въ типографію, листки бумаги, положила передъ собой съ лѣвой стороны желтенькій томикъ иностраннаго изданія и, быстро взглядывая въ книгу, стала покрывать листы, одинъ за однимъ, крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ.

Нѣсколько томовъ толстыхъ словарей лежали также близко подъ рукой съ правой стороны, но она не заглядывала въ нихъ. Видимо работа была привычная. Иногда она останавливалась, бросала перо и задумывалась, неподвижно глядя передъ собой; озабоченное выраженіе появлялось въ лицѣ и она прочитывала одинъ, два, три раза вслухъ неподдавшуюся фразу. И затѣмъ работа возобновлялась съ прежнею быстротой.

Серебряные мужскіе часы луковицей, въ старинномъ футлярѣ звучно шептали на столѣ въ глубокой тишинѣ комнаты. Солнце сквозь сѣрую парусинную занавѣску освѣщало смягченнымъ, желтоватымъ отблескомъ наклоненную фигуру дѣвушки. Она работала напряженно, неотрываясь, какъ работаютъ работницы настоящія. Часы шли. Исписанные листы одинъ за однимъ откладывались въ сторону. Поперечная, едва замѣтная поутру, морщина между бровей обозначилась рѣзче. Лицо сразу стало казаться не только не моложавѣе, но старѣе своихъ лѣтъ. Не выпуская пера, она верхнимъ концомъ нѣсколько разъ нетерпѣливо откидывала непокорную прядь волосъ, безсознательно тяжелѣе и ниже всѣмъ корпусомъ склоняясь къ столу.

Утомленіе начинало сказываться послѣ перваго же часа работы въ неровности быстрыхъ движеній, съ которыми она обмакивала перо, приподнималась и двигала стуломъ. Оно увеличивалось замѣтно съ каждымъ часомъ, но вѣроятно работу невозможно было перервать.

Взявъ перо въ лѣвую руку, переводчица въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ быстро шевелила въ воздухѣ правой, тонкими, усталыми пальцами и снова наклонялась къ листамъ.

Выраженіе усталости, рабочаго напряженія, серьезное и слегка печальное, было трогательно въ молодомъ лицѣ, принадлежавшемъ какъ разъ къ тому типу лицъ, какія вырабатываются только привольной и безпечной жизнью съ дѣтскихъ лѣтъ и какія даже и въ наши дни женскихъ курсовъ, женскаго труда и служебныхъ занятій — глазъ недовольно привыкъ еще видѣть въ неустанной, напряженной работѣ.

Мирра откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Рука съ перомъ свѣсилась внизъ.

Стукъ въ дверь заставилъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ и вскочить на ноги

— Entrez!—крикнула она почему-то по французски, нагибаясь и собирая въ одну пачку разбросанные по столу, исписанные листки.

«Только бы не гости! Господи! Не дадутъ кончить. Ай, какъ мало!...»

Она, не разгибаясь, отмѣчала карандашемъ цифры на уголкахъ готовыхъ страницъ и, не поворачивая головы, повела глазами на растворенную дверь.

II.

Гостей не было. Почтальонъ принесъ письма. Одно было изъ редакціи журнала съ на-

поминаніемъ о срокѣ и различными указаніями относительно работы.

Выраженіе досады и нетерпѣнія мелькнуло въ глазахъ дѣвушки. Она бросила письмо и отошла отъ стола. Часы показывали два. Она не замѣтила, какъ пропустила время завтрака. Аппетитъ пропалъ; во рту былъ сухой, непріятный вкусъ. Но ѣсть было нужно, хотя бы для того, чтобы занять время, такъ какъ голова отказывалась продолжать работу.

Мирра подошла къ окну въ маленькой спальнѣ рядомъ, встала колѣнями на подоконникъ и открыла форточку.

Въ глубинѣ между рамами помѣщалась импровизированная кладовая, единственная возможная въ меблированныхъ комнатахъ. Нужно было глубоко по локоть засунуть руку, чтобы достать свертокъ, старательно завязанный въ оберточную бумагу. Внутри въ бумагѣ оказался кусокъ сыру и масло, завернутое въ пергаментъ.

Не закрывая форточки, сторонясь плечомъ отъ холода, Мирра торопливо намазала хлѣбъ, завязала оставшееся и снова спустила на шнуркѣ между рамами.

Для экономіи времени завтракъ происходилъ обыкновенно безъ посуды, тутъ же надъ промасленной бумажкой, съ глубокимъ сознаніемъ неблаговидности подобнаго образа дѣйствія, подъ страхомъ, что кто-нибудь войдетъ и—сохрани Боже—увидитъ. Обставить завтракъ болѣе удобнымъ образомъ не было возможности: возня съ посудой отняла бы слишкомъ много времени.

Все было разсчитано такъ, чтобы не потерять лишней минуты даромъ. Приходилось соединять два дѣла разомъ: ходить по комнатѣ и завтракать на ходу, давая отдыхъ усталымъ членамъ. Голова между тѣмъ не переставала работать. Неудавшіяся фразы оставленнаго перевода не выходили изъ памяти.

Мирра медленно переходила взадъ и впередъ по комнатѣ съ хлѣбомъ въ рукѣ.

Она была молода и самостоятельна, одинокая жизнь началась для нея недавно, но привычка думать вслухъ — неизбѣжная привычка одинокихъ людей—вырабатывалась мало-по-малу также и у нея. Литературная работа помогала этому. Съ живостью, подъ вліяніемъ блеснувшей мысли, она подошла къ столу, быстро раскрыла словарь и черезъ минуту захлопнула его, безнадежно покачавъ головой.

«Невозможно! Нигдѣ въ мірѣ не найдется подобныхъ словъ. И навѣрное опять какая-нибудь гадость, какъ въ прошлый разъ», подумала она вслухъ, вспоминая свое смущеніе, когда на просьбу перевести слово, не найденное въ лексиконѣ, знакомая француженка отказалась на отрѣзъ его произнести и дала совѣтъ: не обращаться за справками ни къ кому другому въ виду совершенно непристойнаго смысла самой фразы.

«Да, навѣрное опять въ томъ же родѣ. Догадаться можно по смыслу. Но какъ же сказать? Нужно же перевести. Нельзя пропустить», раздумывала она, съ озабоченнымъ видомъ, перебирая въ умѣ разнообразныя подходящія выраженія и не останавливаясь ни на одномъ.

«Бываютъ злополучныя слова! къ чему ихъ писать и переводить? Зачѣмъ говорить! Зачѣмъ онъ говоритъ ихъ—этотъ странный Florand, и дѣлаетъ то, о чемъ говоритъ, и губитъ Julie...

Послѣ трехъ лѣтъ работы и десятка переведенныхъ романовъ Марья Евграфовна не могла привыкнуть относиться къ нимъ безучастно, съ точки зрѣнія лишь переводной работы, считаясь съ количествомъ печатныхъ листовъ и газетныхъ строкъ и оставляя въ сторонѣ лица—живыя или вымышленныя—романическихъ героевъ и героинь.

Судьба ихъ интересовала ее. Каждый разъ по поводу нихъ ей приходили на умъ собственныя мысли, являлось желаніе по своему распорядиться ихъ судьбой. Стоило поддаться этому желанію, дать волю себѣ и, незамѣтно переплетаясь между собой, присоединялись размышленія другого рода. Судьба героевъ приравнивалась къ своей личной судьбѣ. Мечты о ней уносили ее одинаково далеко изъ фантастическаго міра переводныхъ романовъ и изъ міра дѣйствительности—срочной работы и меблированныхъ комнатъ.

Переводный романъ съ французскаго не нравился ей ни по языку, ни по содержанію.

Языкъ представлялъ непреодолимыя трудности въ видѣ новыхъ словъ, очевидно сочиненныхъ самимъ авторомъ, не находимыхъ ни въ какихъ словаряхъ. Содержаніе было вычурно и въ то же время безцвѣтно, полно двусмысленныхъ положеній, но не въ прежнемъ легкомъ и игривомъ родѣ, какъ въ произведеніяхъ Поль де Кока или Мюрже. Въ основаніе романа полагались физіологическія, чуть ли не медицинскія свѣдѣнія, трактовавшіяся въ напряженномъ, псевдо-научномъ тонѣ, съ изобиліемъ подробностей отнюдь не литературнаго свойства. Модныя словечки въ родѣ «*истеріи, гипнотизма, вырожденія*»—были всѣ на лицо. Любовь въ ея обычномъ романическомъ значеніи не играла никакой роли. Все сводилось къ чудачеству, къ физіологіи и нервамъ, и выраженіе изумленія, недоумѣнія и подчасъ непритворнаго, какъ бы дѣтскаго ужаса чередовалось нерѣдко въ лицѣ переводчицы во время ея работы.

Чтобъ успокоиться сколько-нибудь, она старательно припоминала вычитанные критическіе отзывы, хвалебные и одобрительные, съ которыми относились къ представителямъ французъ-

скаго натурализма представители русской журнальной и газетной критики. Соображенія эти не всегда дѣйствовали успокоительно. Была сторона дѣла, въ которой она по собственному мнѣнію могла чувствовать себя, если не знатокомъ, то судьей и можетъ быть болѣе тонкимъ и проницательнымъ, нежели могъ быть каждый изъ литературныхъ критиковъ. Это была сторона чувства, душевныхъ отношеній между лицами романа. Въ томъ видѣ, какими представлялъ ихъ авторъ, они не удовлетворяли ее.

«Новая школа... Положимъ, каждый воленъ понимать чувство по своему. Но все же странное пониманіе!» думала Марія Евграфовна, припоминая и стараясь представить себѣ особенно поразившую ее, только что переведенную сцену любовнаго объясненія между героемъ и героиней романа.

«Романъ... Любовь... Говорятъ о любви, а между тѣмъ ея то и нѣтъ ни у кого. Главное нѣтъ любви. Въ этомъ все», по-своему объясняя себѣ сложное романическое положеніе, думала она. «Не любитъ ее Florand и она — графиня эта, не любитъ его. Всѣ что-то хотятъ испытать, хотятъ доказать... Но что? Что для каждаго времени своя форма, своя манера въ любви. Тургеневскія героини отжили свой вѣкъ, какъ теперь говорятъ. Онѣ сантиментальны, онѣ смѣшны теперь своей идеализаціей простого, естественнаго чувства. Все сводится къ нему въ концѣ концовъ, а романистъ обязанъ рисовать жизнь такою, какъ она есть, безъ прикрасъ и розовыхъ облаковъ на Тургеневскій манеръ. И хотя бы пришлось навести холодъ и ужасъ на читателя...

«Но развѣ правда жизни только въ этомъ ужасѣ? Не нужно розовой сантиментальности. Но зачѣмъ же (уже съ тоскою думала она) зачѣмъ выставлять, описывать только одно дурное? Для чего покрывать все этимъ слоемъ грязи, въ которой живутъ и умираютъ они — эти Florand и Julie? Можетъ быть у французовъ оно такъ? Послѣднее время много пишутъ и говорятъ объ упадкѣ нравовъ во Франціи. Но у насъ, напримѣръ, въ Россіи. Здѣсь, напримѣръ, у насъ въ N. Теперешніе знакомые?

Выраженіе оживленнаго, тревожнаго любопытства засвѣтилось въ ея лицѣ. «Неужели въ самомъ дѣлѣ все это дурное — возможное тамъ, возможно также и здѣсь среди насъ. Тутъ, близко, гдѣ-нибудь среди знакомыхъ людей, эти сцены паденія женщинъ, жестокости и грубаго насилія со стороны мужчинъ? У насъ? въ нашемъ кругу?»...

Она недовѣрчиво усмѣхнулась. Ей представились лица этихъ знакомыхъ — мужчины и женщины, приличные люди въ нарядныхъ, хорошо сшитыхъ платьяхъ, въ чистомъ бѣльѣ, среди комфорта и приличія и довольства домашней обстановки. Примѣнить къ нимъ похожденія французскихъ героинь, казалось, очевидно совершенно невозможнымъ.

Было время и какъ будто еще недавно, когда самая мысль о возможности, о существованіи въ книгахъ и въ жизни подобныхъ похожденій ни на одно мгновеніе не могла бы прійти въ ея голову.

Марія Евграфовна хорошо помнила содержаніе своей домашней родительской библіотеки. За неимѣніемъ отдѣльной комнаты библіотека помѣщалась въ деревенскомъ домѣ, въ большихъ шкафахъ вдоль стѣнъ столовой. Книги въ величайшемъ порядкѣ были разставлены за стекломъ на полкахъ. Самый видъ ихъ — прекрасныхъ изданій классическихъ авторовъ на различныхъ языкахъ въ дорогихъ переплетахъ — былъ особенный, серьезный и какъ бы внушительный, не имѣвшій ничего общаго съ видомъ жиденькихъ, желтенькихъ томиковъ, на спѣхъ въ редакціи разрѣзанныхъ, французскихъ романовъ. Теперь въ качествѣ переводчицы, по требованію журнальной моды ей приходилось имѣть дѣло исключительно съ желтыми томиками.

Въ то время вокругъ нея читали Тургенева и не читали ихъ. Марія Евграфовна любила думать о «*томъ времени*», возвращаться къ нему въ своихъ воспоминаніяхъ.

Прошло всего пять лѣтъ со смерти отца и едва четыре года съ тѣхъ поръ какъ умерла ея мать, и съ ея смертію распалась семья. Но не эти роковыя, ужасныя событія, измѣнившія навсегда ея собственную жизнь, притягивали къ себѣ ея воспоминанія. Ночью ей случалось иногда видѣть страшные сны переживать еще разъ во снѣ всѣ эти, такъ быстро одно за однимъ обрушившіяся на нее, несчастія. Днемъ же по собственному желанію, она любила вызывать въ памяти лишь тихія, радостно-мирныя картины своего безмятежно-счастливаго дѣтства.

До сихъ поръ, доживъ до двадцати слишкомъ лѣтъ, Марьѣ Евграфовнѣ по глубокому ея убѣжденію, не случалось встрѣтить людей лучше ея матери и отца. Въ ея глазахъ они остались навсегда безупречными образцами благородства и доброты, семейныхъ добродѣтелей и преданности долгу, дѣлу общественному, безъ котораго она не могла представить себѣ своего отца.

Отецъ ея, въ свое время хорошо извѣстный въ N. губерніи — Евграфъ Михайловичъ Болотинъ, большую часть своей жизни провелъ въ деревнѣ, въ небольшомъ собственномъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ. Съ открытія земскихъ учрежденій онъ служилъ по выборамъ, вначалѣ посредникомъ и затѣмъ мировымъ судьей. Впослѣдствіи пришлось переѣхать съ семьей въ N., ближайшій губернскій городъ, гдѣ онъ взялъ мѣсто также въ земствѣ, рѣшительно отказавшись отъ чиновничьей карьеры, въ кото-

рой могъ бы имѣть успѣхъ, благодаря происхожденію и связямъ съ мѣстной родовой и служебной аристократіей.

Переѣздъ изъ деревни имѣлъ цѣлью воспитаніе дѣтей—дочери и двухъ сыновей. Съ теченіемъ времени цѣль была достигнута. Сыновья поставлены были на ноги и пошли своей дорогой, не разрывая связи съ роднымъ гнѣздомъ.

Библіотека, служившая столовой, служила въ то же время любимымъ сборнымъ мѣстомъ семьи. Здѣсь засиживались за домашними обѣдами и ужинами, за безконечными разговорами вокругъ чайнаго стола.

Знакомая картина со всею точностью мельчайшихъ подробностей неожиданно встала въ памяти Маріи Евграфовны. Столовая, обѣдъ и почему то среди всего съ особенной живостью старая серебряная суповая чаша, которую подавали за обѣдомъ у нихъ въ семьѣ. Мирра ясно видѣла передъ собою старую чашу: позолота на ней почернѣла и сошла внутри, и одинъ бокъ слегка помялся, вдавился посерединѣ. Лакей тоже старый, въ широкихъ, не по рукѣ, перчаткахъ вносилъ чашу, перегибаясь жилетомъ впередъ, ловко мимо прибора матери, не задѣвая ея, ставилъ чашу по серединѣ стола. Отецъ, братья, англичанка, гости, если случались, уже сидѣли вокругъ...

«Да, хорошее было время! Хорошая старая чаша! И тѣ всѣ, которые сидѣли вокругъ нея, были всѣ тоже хорошіе, хорошіе люди... Были тогда и теперь должны быть. Не можетъ быть!.. Ложь и клевета, что ихъ больше нѣтъ. Клевещутъ и лгутъ французскіе романисты, подтасовываютъ свои *человѣческіе документы*.

Марія Евграфовна, какъ бы оспаривая невидимаго врага, бросила почти враждебный взглядъ въ сторону желтаго томика на столѣ.

Кто же правъ? Кто скажетъ, кто знаетъ навѣрное? Научиться понимать людей, хорошее и дурное въ нихъ... Главное—узнать, научиться понимать жизнь. Какая она? Что тамъ, не въ книжкахъ, не у Тургенева и не въ романахъ, а на самомъ дѣлѣ, за стѣнами, за стеклами этихъ оконъ, въ этой жизни?..

Она вздохнула.

Въ двадцать три года «эту жизнь» она все еще знала по дѣтскимъ воспоминаніямъ, по книжкамъ, романамъ и собственнымъ переводамъ.

Часы на лѣстницѣ за стѣной тонкимъ звукомъ пробили нѣсколько разъ.

Мирра вздрогнула и подняла глаза на окно.

Размышленія и мечты разлетѣлись мигомъ. По тому, какъ падалъ свѣтъ изъ окна на бумагу, на столъ, она знала, что было поздно, что замѣшкалась съ завтракомъ и не должна была терять болѣе ни минуты. Воспоминанія и мечты о романическихъ героиняхъ отступили на задній планъ, а на первомъ планѣ стали опять слова, не занесенныя ни въ какіе лексиконы, изумительныя слова, запутанныя предложенія, которыя нужно было распутать, сдѣлать понятными читателю и приготовить во время, къ приходу разсыльнаго изъ типографіи.

Перо въ маленькой рукѣ снова забѣгало по листамъ. Въ тишинѣ комнаты заслышались отрывочныя фразы.

«La dèche, la dèche!» Кажется, этого тоже въ порядочномъ обществѣ не говорятъ... Ну, все равно!

Осенній день начиналъ темнѣть.

Въ корридорѣ за дверями раздались голоса, звукъ шаговъ и щелканье ключей. Это жильцы возвращались со службы по домамъ.

III.

Громкіе мужскіе шаги остановились у ея дверей. Кто-то сильно постучалъ палкой въ дверь и въ ту же минуту, не дожидаясь приглашенія, высокій человѣкъ въ барашковомъ пальто, въ высокой шапкѣ и калошахъ, хлопнувъ дверью, вошелъ въ комнату.

Мирра, не отрываясь отъ стола, повернула голову, ожидая увидѣть знакомую фигуру посыльнаго изъ типографіи, неизмѣнно приходившаго за рукописью къ четыремъ часамъ, и вдругъ сконфузилась и встала, замѣтивъ свою ошибку.

Вошелъ человѣкъ еще молодой, блѣдный, сутуловатый и рыхлый. Онъ сбросилъ калоши посреди передней, положилъ сырую отъ дождя шапку и палку на бархатную скатерть на столѣ и, не снимая пальто, съ протянутой рукой подошелъ къ хозяйкѣ.

— Не узнаете?—весело сказалъ онъ,—пожимая, съ явнымъ недоумѣніемъ поданную ему, руку.—Мы съ вами видались въ редакціи «*Мѣсяца*». Петръ Николаевичъ Вересовъ, мой патронъ, такъ сказать...

— Monsieur Алексѣевъ?—краснѣя, вопросительно проговорила Мирра.

— Вотъ и не угадали! Андреевъ,—все также весело поправилъ онъ.—Семенъ Алексѣевичъ. И являюсь къ вамъ по порученію того же Вересова.

Онъ разстегнулъ пальто, распахнулъ его и остановился передъ хозяйкой, не приглашавшей его сѣсть.

— Прямо изъ редакціи. Безалаберщина тамъ у нихъ идетъ страшенная, я вамъ скажу. Артельщика услали куда-то. Ну вотъ я и вызвался слетать за переводомъ къ вамъ. А то номеръ завтрашній наполнить нечѣмъ. Ей Богу! Сергѣевъ обѣщалъ фельетонъ — надулъ. Липманъ заболѣлъ. Самойловичъ и такъ одинъ, и передовицу—знаете, и Гладстона сегодня рѣчь—

все одинъ. Да и насчетъ корреспондентовъ на этотъ разъ подгуляли мы, признаться сказать. Что, у васъ-то готово?

— Мнѣ очень жаль, но переводъ не готовъ. Артельщикъ приходитъ обыкновенно позднѣе. Впрочемъ, я сама сегодня опоздала. Извините! Я сама пришлю, какъ только кончу—предложила Мирра.

— Нѣтъ, отчего же, не бѣда. Я подожду,— съ видимой охотой заявилъ Андреевъ, но не сѣлъ на указанный ему стулъ, а только сбросилъ на него свое пальто и, не интересуясь предложенными газетами, принялся прохаживаться большими шагами по комнатѣ.

Мирра тотчасъ же вернулась къ столу, подвинула книгу ближе и, осуждая себя за непростительную разсѣянность и потерю времени, старалась наверстать потерянное, писать какъ можно скорѣе и сосредоточить все свое вниманіе на переводѣ.

Это рѣшительно не удавалось ей на этотъ разъ.

Неожиданный гость оказывался необыкновенно безпокойнымъ гостемъ.

Онъ ходилъ по комнатѣ, останавливался то передъ однимъ, то передъ другимъ столомъ, бралъ въ руки книги и вещицы, разсматривалъ и ставилъ обратно, задѣвая по дорогѣ разставленную мебель, въ полголоса, сквозь зубы, напѣвая какой-то мотивъ.

Взглянувъ на него нѣсколько разъ изъ-за рукописи, Мирра припомнила его лицо, а также и то, что она точно видѣла его раза два въ редакціи и что ей точно представлялъ его знакомый человѣкъ—Вересовъ. Она тогда же рѣшила не продолжать знакомства, такъ какъ осталась недовольна первымъ впечатлѣніемъ. Но онъ явился къ ней, очевидно, не какъ знакомый, а лишь изъ любезности къ Вересову, взявшись замѣнить артельщика. И однако это не мѣшало ему держать себя съ нею какъ давнишнему, короткому знакомому.

Молодой человѣкъ прохаживался по комнатѣ, не обращая вниманія на работу, предлагалъ вопросы и, не дожидаясь отвѣта, велъ разсказы самъ о дѣлахъ редакціи, о своемъ сотрудничествѣ и вліяніи на дѣла газеты.

Біографія его была неизвѣстна Маріи Евграфовнѣ и вообще мало была извѣстна.

Семенъ Андреевъ (онъ любилъ полнымъ именемъ подписывать свои статьи и даже замѣтки и отчеты) состоялъ репортеромъ въ редакціи «*Мѣсяца*»—газетѣ литературной и политической. Происхожденія онъ былъ темнаго, состоянія бѣднаго. Бѣдность помѣшала ему въ свое время окончить курсъ юридическихъ наукъ въ университетѣ. Наскучивъ перебиваться грошевыми уроками, онъ пристроился къ газетѣ и сталъ поставлять корреспонденцію, дневникъ происшествій, работать перомъ, ногами и ножницами, наводить справки, бѣгать и исполнять редакціонныя порученія, изъ простого репортера превращаясь мало-по-малу *въ своего*, нужнаго человѣка въ редакціи. Съ нимъ не церемонились, его держали въ черномъ тѣлѣ, но къ нему привыкали, не стѣснялись его присутствіемъ и волей-неволей вводили въ курсъ домашнихъ, редакціонныхъ тайнъ и дѣлъ.

Самъ Андреевъ, по его словамъ, былъ далекъ отъ мысли удовлетвориться своею настоящей скромной ролью и въ будущемъ. Мечты его уносились далеко на поприщѣ газетной дѣятельности. Смирный, старательный и безгласный въ редакціи, онъ излагалъ эти мечты теперь экспромптомъ для самого себя, въ незнакомомъ мѣстѣ, передъ посторонней женщиной, приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись его собственному воображенію.

Знакомыя и незнакомыя фамиліи и имена то и дѣло раздавались въ ушахъ Марьи Евграфовны, сопровождаясь цѣлыми характеристиками. По словамъ Андреева, дѣла редакціи были извѣстны ему какъ свой карманъ. Сотрудниковъ онъ зналъ поголовно всѣхъ и былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ редакторомъ.

— Липманъ, ну, положимъ, онъ еврей и Самойловичъ также, но молодцы! Старательные и работаютъ страсть какъ. Да и приходится нашему брату работать двадцать часовъ въ сутки,—говорилъ онъ, заложивъ руки въ карманы брюкъ и потягивая на ходу носомъ, какъ бы съ помощью всѣхъ пяти чувствъ желая произвести изслѣдованіе квартиры и обстановки, имѣя въ виду описать ее въ ближайшей корреспонденціи.

— Работа вѣдь каторжная. Начальство сибаритствуетъ по обыкновенію, а ты лямку тяни. Иной разъ, надо правду сказать, вѣдь какъ выходитъ номеръ. А чортъ его знаетъ какъ! Кто его составлялъ? Да никто! — съострилъ онъ и засмѣялся самъ, забывая, что повторяетъ чужую остроту.

— Одно надо сказать, я это всегда говорю, знакомецъ вашъ Вересовъ — голова. Хорошая голова! Мы съ нимъ вмѣстѣ теперь въ двухъ изданіяхъ сотрудничаемъ. Я веду областной отдѣлъ, у него литературный. Я беру десять копѣекъ за строчку, впослѣдствіи еще надбавлю. Что на нихъ смотрѣть. Я съ нимъ въ родствѣ. Я ему двоюродный сотрудникъ...

Мирра, молча, не поднимая головы, улыбнулась одними губами.

— Братъ двоюродный по матери,—не смущаясь, поправился Андреевъ и, удовлетворившись осмотромъ, усѣлся невдалекѣ отъ стола напротивъ хозяйки. Продолжая болтать, не спрашивая позволенія, онъ досталъ изъ жилетнаго кармана коробочку шведскихъ спичекъ и закурилъ, послюнивъ предварительно расклеившуюся папироску, и сплюнулъ на коверъ.

Краска залила разомъ все лицо дѣвушки.

Она ниже наклонила голову, продолжая писать, но черезъ минуту встала, перешла въ другой конецъ комнаты и молча поставила пепельницу на письменный столъ подлѣ гостя.

Молодой человѣкъ не замѣтилъ этого знака вниманія. Онъ былъ занятъ разсматриваніемъ фотографическихъ карточекъ въ альбомѣ, который тутъ же взялъ на столѣ. Время отъ времени онъ предлагалъ вопросы относительно портретовъ незнакомыхъ лицъ, дѣлалъ вслухъ свои замѣчанія.

Мирра отвѣчала односложно, записывая переводъ съ стенографической быстротой. Не отрывая глазъ отъ рукописи, не глядя, она видѣла каждое движеніе своего гостя. Онъ продолжалъ перелистывать альбомъ и не замѣчать пепельницы и, докуривъ, погасилъ окурокъ на блюдечкѣ ея чашки съ чернымъ, холоднымъ кофеемъ, который она оставляла отъ утренняго завтрака и пила во время работы.

— Пожалуйста, monsieur Андреевъ. Вотъ пепельница

— Спасибо! Мегсі!... А готово уже!—съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ какъ бы даже сожалѣнія произнесъ Андреевъ, поправляя въ скривившейся оправѣ очки, неправильно сидѣвшіе на носу.

Мирра, кончивъ переводъ, стоя подбирала листы рукописи, чтобы вложить въ приготовленный большого размѣра конвертъ.

Рѣзкое замѣчаніе на минуту готово было сорваться у нея въ отвѣтъ на слова *двоюроднаго сотрудника* (она уже успѣла пришпилить къ нему эту кличку), предлагавшаго и на будущее время свои услуги по части доставленія ея переводовъ въ редакцію. Съ высоты своего роста она въ первый разъ теперь отчетливо разглядѣла все его лицо, выставлявшееся передъ нею изъ золотообрѣзныхъ листковъ развернутаго альбома.

Лицо было сѣрое и заурядное, съ очками въ кривой оправѣ, съ необыкновенныхъ размѣровъ, мясистой и длинной верхней губой надъ сѣрыми зубами, не дурное и не красивое, а впрочемъ, какъ нельзя болѣе довольное, повидимому, въ эту минуту собою, и ею, и всѣмъ случившимся.

— Но что же случилось? И развѣ случилось что-нибудь?

Этотъ вопросъ задала себѣ Марія Евграфовна по уходѣ гостя, остановившись посреди комнаты и оглядываясь вокругъ.

Въ воздухѣ стоялъ еще запахъ дрянного табаку. На полу были слѣды пепла и грязныхъ калошъ и два толстые окурка, намокшіе въ кофе, лежали на блюдечкѣ саксонской чашки.

Что это было?

Не мечты, не герои французскихъ романовъ, жизнь, да, сама жизнь съ своими героями по зову ея входила, врывалась въ ея меблированную комнату...

Мирра простояла съ минуту, приложивъ ладони къ вискамъ, чувствуя тяжесть въ головѣ. Потомъ тряхнула головой, отворила форточку и, позвавъ горничную, вышла на обычную прогулку.

IV.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя! Сейчасъ, дайте раздѣться... И не говорите мнѣ впередъ всѣхъ этихъ милыхъ словъ и комплиментовъ.

— Это не комплиментъ, Анна Михайловна.

— Все равно! Я вамъ говорю, я давно знаю цѣну *литературнымъ дѣятелямъ*, какъ вы величественно выражаетесь. Въ томъ числѣ и себѣ самой...

— Вы не знаете...

Мирра раскрыла было ротъ, чтобы возражать, но поцѣлуй, звонко раздавшійся въ маленькой передней, не далъ ей вставить слова.

— Прежде всего здравствуйте! Мы вѣдь еще и не поздоровались съ вами какъ слѣдуетъ на улицѣ. Какъ отлично, что мы встрѣтились. Но все же, что бы вы ни говорили... Нѣтъ, вы неправы и для вашего убѣжденія у меня даже сравненіе есть вѣрное и живописное, коли хотите.

— Хочу, Анна Михайловна, непремѣнно!— улыбаясь говорила хозяйка,—продолжая, очевидно раньше, на улицѣ, начатой, разговоръ и также въ шляпкѣ съ нерастаявшими пушистыми снѣжинками, съ счастливымъ и оживленнымъ лицомъ, держа за обѣ руки гостью, вошла вмѣстѣ съ нею изъ передней.

Вошедшая — высокая, полная, еще молодая дама—быстро прошла комнату, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ обстановкой, чувствующій себя какъ дома, сняла мѣховую мужского фасона шапочку, оправила волосы и, не снимая боа, присѣла на диванъ у стола съ лампой.

— Такъ то, милочка моя!—начала она, поднявъ разрумянившееся на морозѣ, улыбающееся лицо и складывая и разглаживая на колѣняхъ длинныя перчатки.—Ну что, все хорошо? Здоровы? Веселы? Вы блѣдны что то?

— Нѣтъ, отлично! Здорова Сто лѣтъ не видала васъ. Дайте сюда перчатки,— укоризненно произнесла Мирра.

— Невозможно! Некогда было. Сама не знаю, какъ сегодня удалось вырваться.

— Прямо изъ редакціи?

— Нѣтъ, заходила домой взглянуть на Митю. Не бойтесь—обѣдала и чай пила и еще разъ буду съ вами, если дадите.

— Непремѣнно. Будемъ чай пить, будемъ болтать.. Да, а сравненіе ваше — перебила она вдругъ самою себя. —Насчетъ литературныхъ дѣятелей. Вы забыли. Это интересно.

— Сравненіе...—Анна Михайловна улыбнулась.—Нѣтъ, это я такъ. Очень ужъ вы много значенія придаете титуламъ. Хоть они и литературные, а все же титулы.

— Сравненіе, сравненіе! — повторила Мирра и взяла ее за руку.

— Рѣзко оно немного, но если хотите... Приходила ли вамъ когда нибудь въ голову мысль о сравненіи... о сходствѣ между литераторами и Либиховскимъ бульономъ?

Мирра засмѣялась.

— Это напоминаетъ мнѣ французскую игру въ сравненія. Quelle ressemblance y a-t-il entre vous et une tasse de thé?

— Нѣтъ, нѣтъ, серьезно! Я не шучу. При вашей молодости вамъ не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію. Чтобы не было напрасныхъ ожиданій, лишнихъ разочарованій, — прибавила гостья, неожиданно переходя изъ шутливаго въ серьезный тонъ.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что писатели, птичка моя... Я давно хотѣла вамъ это сказать. Только что же вы не садитесь? Сядьте. Этакъ будетъ ловчѣе говорить. И слушайте хорошенько. Такъ вотъ писатели — и конечно писательницы — все, что въ нихъ есть лучшаго, чувства, мысли свои, все, что они думаютъ и знаютъ хорошаго — все это они вкладываютъ въ писанія свои. Книги, рукописи — это экстрактъ изъ нихъ, изъ ихъ ума и сердца, точь въ точь какъ въ Либиховскомъ бульонѣ. Ну, а мяса затѣмъ... — Она на секунду остановилась и быстро взглянула вверхъ. — Мяса послѣ, говорятъ, и собаки не станутъ ѣсть.

Убѣжденное, почти строгое выраженіе появилось въ лицѣ Анны, когда она произносила свою маленькую тираду.

Мирра слушала ее внимательно, наклонивъ голову, играя концомъ боа и проводя имъ себя по лицу.

— Остроумно. Только грустно помириться съ тѣмъ, что вы говорите, — начала она серьезно послѣ минутнаго молчанія и тотчасъ прибавила болѣе веселымъ тономъ.

— Нѣтъ! Не хочу вѣрить. Просто, вы слишкомъ много бываете въ своей редакціи и тамъ эти ваши тамошніе писатели дѣйствуютъ вамъ на нервы и сердятъ васъ. Да, да, навѣрное. А знаете, у меня было всегда какъ разъ наоборотъ. У меня всегда являлось страстное желаніе видѣть близко людей, которые могли писать эти превосходныя, удивительныя вещи. И почему имъ самимъ не быть хорошими, все же я не вижу. Развѣ не бываетъ исключеній? — примирительно спросила она.

— Бываютъ вѣроятно. И пусть они будутъ всегда, и я рада буду, если вы причислите меня къ ихъ числу, — отозвалась Анна, ласково дотрогиваясь рукой до плеча Мирры. — Ну, что вы задумались? Давайте говорить о другомъ. Богъ съ нимъ, съ сравненіемъ, готова взять его назадъ. Что вы сдѣлали хорошаго за недѣлю? А славная у васъ комната, — прибавила она, переса живаясь поудобнѣе на широкомъ диванѣ съ старинными, шитыми подушками и оглядываясь кругомъ.

При вечернемъ освѣщеніи со спущенными занавѣсками и затопленнымъ каминомъ комната казалась меньше и уютнѣе. Бѣлесоватые обои потемнѣли, пятна на мебели не бросались въ глаза. Корридорный не поскупился принести «хозяйскихъ» дровъ и пріятная теплота располагала къ бесѣдѣ.

Лицо Мирры все свѣтилось оживленіемъ; утренней усталости не осталось на немъ и слѣда. Лицо гостьи — неправильное, но эффектное и привлекательное, съ большими, темными, прекрасными глазами — носило слѣды утомленія болѣе постояннаго, усталости всей, болѣе продолжительной, непокойной или трудовой, пережитой жизни.

Взаимное расположеніе, повидимому, самое искреннее, установилось и поддерживалось между обѣими женщинами съ недавняго времени. Анна Михайловна была чуть не на двадцать лѣтъ старше Мирры. Онѣ ранѣе часто и много разъ встрѣчались у общихъ знакомыхъ и — обѣ предубѣжденныя — умышленно не обращали вниманія другъ на друга. Случайный разговоръ, горячій споръ сблизилъ ихъ. Обѣ сдѣлали неожиданное, пріятное открытіе и съ той поры старались быть неразлучны, пользуясь каждымъ случаемъ, рѣдкимъ свободнымъ временемъ, остававшимся отъ обязательныхъ занятій у обѣихъ.

Анна Михайловна Дорожинская, дружбой съ которой гордилась Мирра Евграфовна, была лицомъ довольно извѣстнымъ въ мѣстномъ литературномъ мірѣ. Она служила секретаремъ въ редакціи «Союза», недавно основаннаго, но уже успѣвшаго пріобрѣсти расположеніе публики, перваго провинціальнаго литературнаго журнала, признаннаго и распространеннаго также и въ столицахъ. Кромѣ завѣдыванія дѣлами редакціи, она сотрудничала тамъ же по вопросамъ литературной критики, изрѣдка проникая и въ бельлетристику въ остроумныхъ, миніатюрныхъ вещицахъ, немного на иностранный манеръ, не придавая имъ сама никакого значенія въ художественномъ отношеніи. Важна была главнымъ образомъ финансовая сторона дѣла. Необходимо было содержать себя и двоихъ дѣтей, не прибѣгая къ помощи мужа, съ которымъ давно были прерваны всякія сношенія.

Писательствомъ она начала заниматься съ давнихъ поръ, чуть ли не тотчасъ же послѣ выхода своего изъ института и неудачнаго замужества, которое продолжалось не долго. Разставшись съ мужемъ, тогда еще едва начинавшимъ, но уже и тогда подававшимъ блестящія надежды, молодымъ человѣкомъ — практическимъ врачомъ, она осталась безъ средствъ и долго бѣдствовала, не умѣя оста-

новиться ни на чемъ, переходя отъ акушерства къ стенографіи и отъ службы у нотаріусовъ на телеграфъ. Акушерство отняло нѣсколько лѣтъ ученія и труда; она занялась имъ серьезно и готова была подумать, что нашла наконецъ свою дорогу.

Обучившись на курсахъ и блистательно сдавъ экзамены, Анна бодро взялась за практику. Но первыя же попытки, первые визиты при наилучшихъ, повидимому, условіяхъ, въ достаточныхъ и образованныхъ семьяхъ доказали ей полную непригодность ея для подобнаго рода дѣятельности при томъ взглядѣ на ея профессію, на акушерку, который установился и продолжалъ держаться въ обществѣ. Во время ученія Анна увлекалась теоретическими свѣдѣніями и клинической практикой и такъ же какъ въ клиникѣ она разсчитывала впослѣдствіи прійти, подать помощь больной, сдѣлать свое дѣло и, окончивъ его, уйти съ сознаніемъ исполненной обязанности. Оказывалось, что этого было недостаточно. Требовалось другое, то, что она не могла и не умѣла дать — развлеченіе больныхъ, дежурство у постели выздоравливающихъ, способность и умѣніе забавлять скучающихъ паціентокъ, въ продолженіе девяти-дневнаго обязательнаго лежанія, разсказываніемъ анекдотовъ, городскихъ сплетенъ, слуховъ и новостей. Неумѣніе объясняли гордостью и нежеланіемъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ пробъ, несмотря на благополучный исходъ болѣзней, практика стала уменьшаться. Она сама прекратила ее и оборвала сразу по обыкновенію, не съумѣвъ добиться казенной службы и казеннаго мѣста и повернувъ къ давно привлекавшей ее литературной дѣятельности, которую начала съ успѣхомъ описаніемъ впечатлѣній и разочарованій на поприщѣ акушерства. За успѣшнымъ началомъ послѣдовали, какъ водится, разочарованія и на новомъ пути. Пришлось медленно, шагъ за шагомъ подниматься по ступенямъ литературной карьеры, обратившись къ писанію стиховъ и дѣтскихъ повѣстей съ грошевымъ вознагражденіемъ въ дѣтскихъ и второстепенныхъ журналахъ, чтобы послѣ многихъ лѣтъ и многихъ мытарствъ добраться наконецъ до большихъ столичныхъ газетъ и опредѣленнаго положенія, хотя и въ провинціальномъ, но установившемся журналѣ, имѣвшемъ успѣхъ и извѣстную репутацію.

Устроиться надолго и прочно ей до сихъ поръ не удавалось нигдѣ. Редакторы обыкновенно первое время весьма цѣнили ея вкусъ и литературныя познанія, отдавали должное аккуратности и серьезному, добросовѣстному отношенію къ работѣ. По мнѣнію большинства, талантливая сотрудница въ этомъ именно смыслѣ нерѣдко переходила границу, которая устанавливается въ этихъ случаяхъ естественно, сама собой, по безмолвному соглашенію житейскимъ тактомъ и журнальною опытностью.

Добросовѣстность, доводившаяся ею до щепетильности, была подчасъ несовмѣстима съ требованіями журнальной и газетной полемики, съ условіями горячей, спѣшной, ежедневной работы. Чрезмѣрная брезгливость и нетерпимость была смѣшной и излишней въ глазахъ товарищей-сотрудниковъ. Она казалась прямо неудобной и стѣснительной для редакторовъ, которые естественно желали оставаться полными хозяевами въ своемъ дѣлѣ.

Съ чисто женскимъ упорствомъ Анна Михайловна настаивала на своемъ и не шла на уступки. Она отказывалась писать корреспонденціи изъ Лиссабона, сидя у себя на Пескахъ въ Петербургѣ; отказывалась передергивать выраженія, полемизируя съ противоположнымъ лагеремъ, на томъ только основаніи, что это былъ враждебный лагерь и потому что такъ было нужно въ интересахъ своего. Она волновалась, спорила, враждовала съ статьями и съ людьми, наживала себѣ враговъ и уходила сама, бросая нерѣдко весьма выгодныя положенія и упрочивая за собой репутацію безпокойнаго характера и неуживчиваго человѣка.

Какъ бы то ни было, скитанія по редакціямъ дали ей то, чего обыкновенно недостаетъ большинству женщинъ, живущихъ литературнымъ трудомъ — навыкъ и опытъ въ журнальномъ дѣлѣ. Въ качествѣ опытной сотрудницы она была приглашена и въ N, въ редакцію «Союза» — молодого журнала, тогда только что начинавшаго свою дѣятельность.

Оригинальная программа журнала и личность знакомаго человѣка редактора и условія изданія безъ издателя, на артельныхъ основаніяхъ, на паяхъ, одинаковыхъ для каждаго изъ сотрудниковъ — все это вмѣстѣ влекло ее въ N. и она безъ сожалѣнія оставила Петербургъ.

Въ N. на этотъ разъ ее не ожидали никакія разочарованія. Все устроилось повидимому наилучшимъ образомъ. Временами ей казалось, что она близка къ осуществленію одного изъ завѣтнѣйшихъ желаній своей жизни — возможности думать о завтрашнемъ днѣ безъ смятенія и душевной тревоги съ спокойствіемъ работника, который знаетъ, что работа у него есть и онъ не рискуетъ на завтра остаться безъ нея. Она считала свое положеніе достаточно упроченнымъ и не задумалась подвинуться и уступить часть работы, такъ же какъ и она сама, необезпеченной и еще неопытной, начинающей переводчицѣ, которую тотчасъ же приняла подъ свое покровительство, ввела въ редакцію и устроила для нея также постоянный заработокъ.

Болотиной послѣ смерти родителей по раздѣлѣ наслѣдства и уплатѣ долговъ достались въ сущности ничтожныя средства. Приходилось пополнять недостающее необходимое собственнымъ усиленнымъ трудомъ и она съ радостью

схватилась за переводную работу. Домашнее свѣтское образованіе принесло пользу въ знаніи языковъ. Редакція «Союза» охотно помѣщала у себя художественно исполненные переводы, и сверхъ всякаго обыкновенія молодая переводчица не испытывала недостатка въ работѣ.

Разговоры, общее дѣло и общее положеніе сблизили обѣихъ женщинъ; разговорами поддерживалась ихъ близость и отношенія. Обѣ видимо особенно цѣнили это и находили прелесть въ бесѣдахъ, происходившихъ почти всегда безъ постороннихъ участниковъ, съ глазу на глазъ. Нерѣдко, покончивъ дѣла въ редакціи, Анна Михайловна, не заходя домой, отправлялась прямо въ меблированныя комнаты. Онѣ вмѣстѣ обѣдали и бесѣда затягивалась до поздняго вечера.

Анна заложила руку за голову, откинулась къ круглому валику и повторила вопросъ.

— Много работали? Что вашъ романъ? Подвигается?

— Завтра думаю кончить. Тороплюсь,—отвѣчала Мирра, присаживаясь на диванѣ бокомъ, чтобы удобнѣе было разговаривать и не спуская глазъ съ лица своего друга.— Знаете ли вы эту вещь? Это новая. Въ продажѣ еще нѣтъ и я получила не изъ *Союза*, а изъ редакціи *Мѣсяца* черезъ Петра Николаевича.

— Ого! Вотъ какъ!.. Вашъ неизмѣнный адъютантъ. Значитъ мы на расхватъ. Отлично! — похвалила Анна.—А нашъ N. не на шутку думаетъ соперничать со столицами. Давно ли кажется устроился нашъ *Союзъ* и вотъ теперь появился и *Мѣсяцъ* молодой. Не достаетъ только *Зари* или *Звѣздочки*. Все какъ-то не приходилось и до сихъ поръ я мало видѣла газету. Вы читали? Говорятъ недурно. Вересовъ хвалилъ.

—Да, можетъ быть. Я просматривала первые нумера. Одно только странно: кто это завѣдуетъ у нихъ тамъ переводнымъ отдѣломъ?

— А что? Не хорошо?

— Не хорошо—мало сказать. Ужасно! Довольно мнѣ было труда въ *Союзѣ* съ послѣдними вещами Зола. Но это... брр... Она покачала головой съ видомъ отвращенія.—Странно, что до сихъ поръ я не могу привыкнуть.

— Къ чему?—внимательно приглядываясь къ ней, спросила Анна Михайловна.

Мирра покраснѣла и заторопилась, что съ нею случалось иногда въ минуты волненія.

— Да, вотъ... Цѣлое утро сегодня... Вы не знаете этой вещи,—начала она, торопливо и горячо и такимъ тономъ, какъ будто въ чемъ-то оправдывалась.—Но все равно, вы читали другія и имѣете понятіе о манерѣ автора. Ну и вотъ представьте себѣ: все, что есть самаго преувеличенно-гадкаго —знаете, какъ это у нихъ часто бываетъ, все такое неестественно-отвратительное у Мопассана, у Зола—все это здѣсь во сто разъ хуже, циничнѣе, отвратительнѣе. До чего договорятся наконецъ эти французы! Право, мнѣ кажется, я не рѣшусь подписать перевода своими буквами.—Она подняла голову и нерѣшительно заглянула въ глаза собесѣдницы.

— Можетъ быть это глупо, но мнѣ неловко встрѣчаться съ знакомыми и думать, что они всѣ думаютъ... что они всѣ знаютъ... что я все это знаю. И не только знаю, но вѣдь еще думаю надъ тѣмъ какъ бы получше перевести на русскій языкъ, чтобы сдѣлать понятными и другимъ всѣ эти ихъ ужасы. Странно! Какъ долго держится мода на этотъ реализмъ. И отчего это мнѣ, именно мнѣ пришлось имѣть дѣло съ нимъ, именно этимъ способомъ зарабатывать себѣ деньги, чтобы жить? — печально заключила она.

Анна приподнялась слегка на локоть и неопредѣленно усмѣхнулась.

Нервный тонъ и неподдѣльное огорченіе, которые слышались въ словахъ дѣвушки, по самой сущности своей и въ устахъ кого-нибудь другого не могли бы пожалуй возбудить ея особаго сочувствія. Грубость и цинизмъ въ книжкахъ, какъ ни велики они были въ описаніяхъ французскихъ романистовъ, блѣднѣли передъ скрытымъ цинизмомъ и грубостью дѣйствительной жизни, съ которой съ самыхъ раннихъ лѣтъ ей приходилось имѣть ежедневныя столкновенія. Не знать этого и ужасаться было простительно только такой совсѣмъ еще зеленой, нетронутой юности. Но именно эта нетронутость и дорога была Аннѣ Михайловнѣ. Она возбуждала не сочувствіе, а почти материнское чувство жалости и нѣжности къ этому, такъ не похожему на нее существу, для котораго все это могло оставаться невѣдомымъ до этого времени. Хотѣлось по отношенію къ нему сдѣлать то, чего въ свое время никто не позаботился сдѣлать для нея самой—возможно дольше предохранить отъ этого знанія и—разъ оно было неизбѣжно—насколько возможно облегчить пріобрѣтеніе печальной опытности.

Анна, не отвѣчая, взяла маленькую руку, положила себѣ на колѣни и начала проводить по ней своей все еще красивой, безъ колецъ и браслетъ, бѣлой, тонкой рукой.

— Что же вы молчите?—окликнула ее Мирра.—Вы можетъ быть находите, что это преувеличеніе, излишняя pruderie, какъ нашла недавно Лидія Алексѣевна Дольникова.

— Я думаю о томъ, что мнѣ отвѣтить вамъ, дорогая,—ласково отозвалась Анна. — Прежде всего, мнѣ кажется, вы напрасно смѣшиваете эти два положенія. Вы — Мирра Евграфовна Болотина и вы—переводчица, двѣ маленькія буквы *М. Б.*—это совсѣмъ не одно и то же. По крайней мѣрѣ не должно быть однимъ и тѣмъ же въ глазахъ свѣта. Зачѣмъ же вы помогаете смѣшивать...

— Я хочу отъискать причину, — не давая договорить, перебила ее съ большой живостью Мирра.

— Причину? Чего?

— Какъ это сказать! Отношенія... Да, странаго отношенія ко мнѣ людей.

— Но въ чемъ же оно выражается?

Мирра медленно, слово за слово повторила вопросъ.

— Въ чемъ оно выражается! Не знаю съумѣю ли я хорошо объяснить. Но вы все понимаете, вы должны и это понять.

Розовые круги обозначились ярче на ея лицѣ. Она высвободила руки, сцѣпила ихъ пальцами и охватила колѣни.

— Дѣло въ томъ, — не поворачивая головы и глядя прямо передъ собой въ каминъ на огонь, продолжала она, — съ нѣкотораго времени я начала замѣчать, что люди стали иначе относиться ко мнѣ. Правда, не столько люди вообще, сколько главнымъ образомъ мужчины. Знакомые мнѣ мужчины, — послѣ минутной паузы прибавила она.

— А! Въ чемъ же перемѣна? Давно? — съ участіемъ, съ живымъ интересомъ во взглядѣ и голосѣ отозвалась Анна.

— Давно ли! Да, я думаю... давно. Какъ я теперь понимаю, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ у меня не стало дома и пришлось работать такъ и жить одной по квартирамъ и вотъ теперь въ меблированныхъ комнатахъ, — задумчиво проговорила она, какъ бы соображая и припоминая прошлое.

Обѣ женщины помолчали съ минуту.

Мирра встала, оправила платье и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь передъ диваномъ.

— Знаете, я много объ этомъ думала и часто мнѣ хотѣлось вмѣсто того, чтобы переводить, исписывать эти безконечные листы безконечныхъ переводовъ, написать вотъ это — то самое, что я думаю. Много можно было бы сказать и вышло бы интересно. Увѣряю васъ. Но разумѣется, я не съумѣю. Я никогда не умѣла писать. А жаль, что вы не хотите.

Анна Михайловна смотрѣла такъ, какъ будто она дѣйствительно вполнѣ хорошо понимала и заранѣе совершенно знала все то самое, о чемъ думала и что хотѣла и не могла написать ея юная пріятельница. Поэтому она не сдѣлала никакого вопроса, а только покачала головой и проговорила:

— Не хочу.

— Отчего?

— Оттого что откуда ни начать, а сведешь непремѣнно на то, что называется у насъ этимъ нелѣпымъ названіемъ — женскимъ вопросомъ. Я сама преслѣдую подобныя статьи въ нашей редакціи. Это все равно, что на шарманкѣ арію изъ Троватора разъиграть, — отвѣчала она.

Мирра остановилась передъ диваномъ.

— Не все равно. Я думаю, смотря потому кто и какъ будетъ играть. Нѣтъ, позвольте. Мы съ вами кажется не злоупотребляемъ, не часто говоримъ объ этомъ вопросѣ. Женскій вопросъ, женскій вопросъ! Богъ мой! Но вѣдь сдѣлали съ одной стороны какое-то пугало, съ другой — мишень для злого остроумія, для злыхъ и всегда нехорошихъ выходокъ изъ несчастнаго вопроса, и никто не видитъ и не хочетъ понять, что никакого *вопроса* нѣтъ и не можетъ быть. Поймите! Прежде всего и главное — *вопроса* не можетъ быть.

— Какая вы нервная сегодня, — замѣтила Анна.

— Да, можетъ быть. Плохо спала, ѣсть принесли что-то гадкое, чего нельзя было проглотить, и весь день въ обществѣ романическихъ героевъ, которыхъ въ жизни нельзя было бы пустить на порогъ. Но все равно. Женскій вопросъ! — опять тотчасъ же повторила она. — Какъ можно сдѣлать пошлымъ самое простое и самое серьезное, неизбѣжное дѣло въ жизни! И кто только ни прикладывалъ къ этому своихъ рукъ! Самые лучшіе, самые умные. Помните у Толстаго эту выходку о томъ, что для поддержанія равноправности необходимо мужчинамъ идти въ кормилицы въ воспитательный домъ. Кажется, что то въ родѣ этого, помните? Эхъ, кабы они знали! Какъ вы думаете, вы не знаете, есть ли у нихъ дочери? Нѣтъ у нихъ дочерей? — спросила она, и не объяснивъ кто эти «*они*» и не дождавшись отвѣта, тотчасъ же продолжала.

— Жаль будетъ, если никто не разскажетъ никогда и не напишетъ этого какъ слѣдуетъ, художественно и вѣрно, вотъ такъ, какъ Толстой описываетъ своихъ восхитительныхъ героинь. Тутъ нуженъ художникъ настоящій, большой. А всѣ эти повѣсти и романы, Америки и акушерки... Да, вотъ удивительное дѣло! Непремѣнно нужна была почему то акушерка и непремѣнно Америка. Нельзя никакъ было безъ Америки. Помните: покинуть родительскій домъ, бѣгство и соединеніе съ героемъ въ Америкѣ... Все это никуда негодится, потому что... Она перевела дыханіе, торопясь и захлебываясь словами.

— Потому что можно идти и не идти въ акушерки, можно быть и не быть героиней, бѣгать и не бѣгать въ Америку. А вѣдь тутъ все дѣло въ томъ, что нельзя, нельзя иначе. И героя нѣтъ, и дома нѣтъ, и выбора нѣтъ, и какой же вопросъ? Нѣтъ вопроса! Въ этомъ вся сила. Развѣ меня, васъ спрашивалъ кто-нибудь, чего мы хотѣли и какъ мы хотѣли устроить судьбу свою! Развѣ вы можете не быть секретаремъ въ редакціи, не писать своихъ разсказовъ въ «Союзѣ?» Чѣмъ вы безъ нихъ прокормите себя, Вѣрочку свою и Митю? Развѣ я могу жить по дру-

гому, не брать этихъ переводовъ и хотя бы бросить въ печку свой скверный романъ? Завтра я брошу, непремѣнно брошу! Я доставлю себѣ это удовольствіе. Но сегодня — не смѣю. И онъ будетъ лежать и пачкать тамъ мой письменный столъ. А потомъ они пришлютъ мнѣ чего нибудь еще хуже, еще грязнѣе и циничнѣе, и я не посмѣю отказаться. И я — дѣвушка изъ хорошей, честной семьи...

Она опять успѣла сдѣлать нѣсколько поворотовъ по комнатѣ и остановилась противъ дивана, закинувъ, ярко освѣщенную каминомъ, голову, глядя сверху внизъ разгорѣвшимися, блестящими глазами.

— У нихъ вѣдь почти всѣ любимые герои непремѣнно князья и графы. Но покойная мама также урожденная Претфусъ, графиня Претфусъ, и Болотины хорошая дворянская фамилія, ничуть не хуже всѣхъ этихъ идеальныхъ семействъ, которыя онъ такъ любитъ описывать — хотя бы тотъ же графъ Толстой. И все таки я должна буду жить такъ и читать и переводить эту грязь, и только благодаря ей, у меня будетъ завтра кофе къ завтраку и обѣдъ изъ кухмистерской.

— Мы пойдемъ завтра къ татарамъ, въ татарскій ресторанъ. Петръ Николаевичъ обѣщалъ показать, — заговорила Анна, стараясь шуткой дать другое направленіе разговору; но въ лицѣ шутки у нея не было, и Мирра какъ будто не слыхала ея словъ.

— Мнѣ жаль, что вы не хотите сдѣлать этого, написать, — продолжала она, вздохнувъ, заводя руки назадъ за спину въ любимой позѣ, въ которой обыкновенно всего покойнѣе было рукамъ послѣ усиленной письменной работы. — Съ вашимъ талантомъ вамъ бы это удалось. И какой отличный сюжетъ для разсказа! И заглавіе готово хоть сейчасъ: *Два дня изъ жизни одинокой женщины.*

— Это въ родѣ: «Четыре дня на полѣ сраженія», — безъ улыбки замѣтила Анна.

— О, стоитъ! Бываютъ дни, простые дни повидимому, когда ничего особеннаго не случается въ этой маленькой комнатѣ, но которые стоятъ сраженій. Странные люди! Зачѣмъ имъ нужна была Америка? Гдѣ, въ какой пустынѣ американской можетъ быть женщина такъ безпомощна и одинока, какъ она бываетъ здѣсь — въ меблированныхъ комнатахъ!

Она быстрымъ движеніемъ отвела руки изъ за спины и закрыла лицо.

Анна Михайловна не встала, какъ можно было ожидать, и не бросилась утѣшать. Было ли это тепло отъ камина или другая причина, но она сняла съ шеи боа и отодвинулась отъ подушекъ. Энергическое, съ мелкими, уже и по вечерамъ замѣтными морщинками, лицо было серьезно, почти сурово. Она молча перебирала и скручивала въ пальцахъ конецъ ленты отъ банта у пояса.

Мирра тихо опустилась на диванъ.

— Замужъ вамъ нужно выйти, — выговорила наконецъ Анна такъ убѣжденно и просто, какъ будто давала совѣтъ принять ложку извѣстнаго лѣкарства, дѣйствіе котораго было несомнѣнно въ подобныхъ случаяхъ

Мирра усмѣхнулась.

— За кого?

— Ну разумѣется... — но она почему то остановилась.

Мирра почти съ торжествующимъ видомъ подняла голову.

— Разумѣется!.. Вотъ видите ли! Вамъ не только некого указать, нѣтъ никакого извѣстнаго человѣка, котораго вы могли бы назвать, но вы затрудняетесь даже сказать, какимъ именно долженъ онъ быть, этотъ человѣкъ, котораго вы пожелали бы мнѣ въ мужья.

— Разумѣется хорошій человѣкъ...

Темныя брови дрогнули быстрымъ, насмѣшливымъ движеніемъ и невыплаканныя слезы слышались въ голосѣ, когда она начала возражать:

— Была когда то, помнится въ «Отечественныхъ запискахъ», начата повѣсть подъ заглавіемъ: «Хорошій человѣкъ», да такъ и осталась недоконченной. Видно и тогда трудно было найти хорошее опредѣленіе тому, что это такое. А въ наше время, я думаю, и еще труднѣй.

Анна молча качала головой.

— Вы думаете — не такъ?

Но она не о томъ думала.

Выраженіе жалости и грусти, тихой и покорной печали, совершенно несвойственое энергическому лицу, появилось на немъ внезапно, когда Анна взяла обѣ руки молодой дѣвушки и ласково притянула ее къ себѣ.

— Знаю, птиченька моя, — тихо начала она, заглядывая въ потупленное лицо, закрытое спутанными прядями выбившихся волосъ и осторожно заправляя ихъ назадъ. — Знаю, что не того хотите вы. Мнѣ не нужно объяснять этого. Не того и можетъ, и долженъ желать свѣжій, живой человѣкъ. Вся жизнь еще передъ вами впереди. Кто же не знаетъ этого ожиданія, этихъ грезъ о будущемъ счастьѣ и мечтаній о немъ блаженныхъ! Въ нихъ самихъ уже счастье. Но — что хотите — не могу же я!.. Я-то знаю вѣдь, что они не сбываются. Не сбываются, — повторила она въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ блеснувшихъ, вдругъ поднявшихся на нее глазъ. — Потому то я и не могу не желать для васъ хотя бы и болѣе простыхъ, болѣе скромныхъ и все таки цѣнныхъ даровъ. А по-просту сказать — добраго, преданнаго мужа, который увезъ бы васъ отсюда, отъ вашихъ переводовъ и изъ меблированныхъ комнатъ, и сталъ бы работать съ вами и за васъ, и не давалъ бы вамъ надрываться надъ работой. Что вы такъ на меня смотрите? Удивляетесь?

— Удивляюсь,—повторила Мирра и высвободила руки.

Анна тяжело вздохнула.

Виноватое, почти пристыженное выраженіе на минуту прошло по ея лицу и также быстро смѣнилось выраженіемъ рѣшимости.

— Послушайте! Нѣтъ, я не беру своихъ словъ назадъ. Годъ тому назадъ, меньше — полгода можетъ быть я не сказала бы вамъ этого. И если теперь говорю *вамъ*...

— Не говорите,—перебила ее Мирра, волнуясь сама и не замѣчая ея также возраставшаго волненія.—Вы были замужемъ, Анна Михайловна, и предпочли разстаться съ своимъ мужемъ. Простите, что я про это говорю, но я также не могу представить себѣ никого, съ кѣмъ бы я могла желать теперь прожить цѣлую жизнь. Можетъ быть... я и могла бы себѣ это представить. Можетъ гдѣ нибудь и есть они—такіе люди. Но вѣдь ихъ нѣтъ вокругъ насъ съ вами.

И какъ бы чувствуя въ себѣ приливъ прежняго раздраженія, она снова поднялась съ мѣста и встала, прислонясь къ книжнымъ полкамъ напротивъ дивана, подавшись впередъ и упершись ладонями въ нихъ.

— Съ этого вѣдь и начался нашъ разговоръ, вспомните! Есть что то оскорбительное въ томъ, какъ теперь люди относятся ко мнѣ. Не переводы же въ этомъ виноваты, въ самомъ дѣлѣ! Я не знаю, въ чемъ вина и кто виноватъ, но я это чувствую. Не можетъ быть ошибки, или преувеличенія, или излишней pruderie, когда бываютъ минуты,—каждый нервъ, каждый кусочекъ во мнѣ возмущается и чувствуетъ себя оскорбленнымъ. Назвать, показать пальцами этого нельзя, но... Но вотъ онъ—все равно, кто-нибудь—пріѣдетъ ко мнѣ сюда и взойдетъ и сядетъ вотъ здѣсь, и положитъ ногу вотъ такъ...

Она не перемѣнила позы и не показала какъ, а только сдѣлала презрительное движеніе головой снизу вверхъ.

— Ну, словомъ такъ, какъ, я знаю, онъ ни за что въ свѣтѣ не положилъ бы, если бы ему пришлось сидѣть—не говорю уже въ гостиной, но хотя бы въ домашнихъ комнатахъ, гдѣ-нибудь въ диванной у насъ, еслибы тутъ сидѣла мамаша или покойный папа. Да, да! Бѣдная миссьюша! Гувернантка наша миссъ Габсонъ,—пояснила она. Что она сказала бы, еслибы могла видѣть! Въ обморокъ упала бы. Да и не это одно, все ужасно! Не испытавши, нельзя представить себѣ этого чувства... беззащитности... Именно! Сегодня вотъ напримѣръ этотъ,—этотъ Семенъ Андреевъ—*двоюродный сотрудникъ*. Эта сцена... Она разсказала сцену.

Анна слушала молча, не прерывая ни словомъ, скручивая въ пальцахъ давно оторванную отъ подушки кисть. Что-то вздрагивало въ ея лицѣ около опустившихся губъ. Глаза возбужденно блестѣли въ тѣни.

— Вы скажете пустяки! Но вѣдь въ другомъ мѣстѣ онъ не позволилъ бы себѣ этихъ пустяковъ. Тотъ же Семенъ Андреевъ подтянулся бы и не посмѣлъ. Вѣдь дома дѣвушку, женщину—стѣны уже защищаютъ ее. Домашніе, старые слуги, самыя вещи семейныя, давнишнія, привычныя—все это вмѣстѣ дѣлаетъ вокругъ это... Какъ это сказать! Эту респектебельность, эту атмосферу уваженія. Да, вотъ именно. Безъ нея нельзя. А здѣсь... Она холоднымъ взглядомъ оглянулась вокругъ.

— Надо мною смѣются, что я вожу за собой свои вещицы, ковры, подушки, tout ce qui me reste,—а я не могу. И этого недовольно, слишкомъ мало. И быть всегда съ этимъ непокойнымъ, напряженнымъ чувствомъ... Иногда думается, что можетъ быть я и не права, и ни у кого можетъ и въ мысляхъ не было. Всѣ вѣдь теперь большею частью довольно плохо воспитаны, и пожалуй, просто не знаютъ, мало вниманія обращаютъ на это. А мнѣ между тѣмъ кажется тотчасъ, что все дѣлается нарочно, съ цѣлью выказать мнѣ неуваженіе, оскорбить меня, потому что и не стоитъ трудиться обращать на меня вниманіе. И, разумѣется, не стоитъ стѣснять себя для меня. Можно развалиться... и курить... окурки... И вообще сдѣлать все какъ поудобнѣе, потому что никого вѣдь тутъ нѣтъ и я такъ одна... И всегда одна! И всегда...—Она вдругъ умолкла и молчала съ минуту.—Понятно ли это для васъ? Приходилось-ли когда-нибудь вамъ...

Мирра не договорила вопроса и испуганно смотрѣла передъ собой.

Анна Михайловна лежала на диванѣ лицомъ въ старую вышитую подушку съ оторванной кистью. Все ея большое, полное тѣло колебалось и вздрагивало отъ сдерживаемыхъ рыданій; но ни подушка, ни платокъ не помогали, и жалкія, нервныя всхлипыванія безпомощно раздавались въ тишинѣ комнаты.

Въ одну минуту Мирра была уже подлѣ нея на колѣняхъ передъ диваномъ.

— Милая, родная! Что вы? Что съ вами?—съ тревогой говорила она, покрывая поцѣлуями лицо Анны, заглядывая ей въ глаза, ни на минуту не переставая называть ее нѣжнѣйшими именами.

— Виновата! Это все я надѣлала глупой своей болтовней. Никогда не буду. Ахъ, какъ ужасно! Голубчикъ, радость моя! Простите меня.

Она обѣими руками взяла заплаканное лицо, повернула его къ себѣ и поцѣловала нѣсколько разъ.

— Ну, простите же меня!

— Что вы со мной сдѣлали!—проговорила наконецъ Анна, глубоко переводя дыханіе и прикладывая платокъ къ глазамъ.

Н. В. ЛЕБЕДЕВЪ.

„Лихая свекровь“

(Передвижная [illegible] 1893 г.)

ГЕЛІОГРАВЮРА

Бёше въ Берлинѣ.

Право репродукціи принадлежитъ „Артисту“.

ARTIST. „REPRODUCTION" BERLIN.

Слезы лились неудержимо. Неправильныя, мягкія черты опухли отъ слезъ. Всякое самообладаніе, энергія исчезли изъ нихъ и, за минуту красивая голова съ изящнымъ шиньономъ, прикрытымъ кружевами, приняла то самое безнадежно-удрученное, скорбное выраженіе, которое къ извѣстнымъ годамъ дѣлается какъ бы одинаковымъ и общимъ для множества опечаленныхъ женскихъ лицъ, безразлично—въ испанскихъ кружевахъ и бабьихъ платкахъ.

— Я сдѣлала вамъ больно? Простите ли вы меня?—повторяла Мирра, пораженная этой перемѣной въ лицѣ своего друга, не спуская съ нея глазъ и не вставая съ колѣнъ.

Анна положила обѣ руки ей на плечи и низко наклонилась горячимъ, мокрымъ лицомъ.

— Птиченька! Вы мнѣ сдѣлали .. Вы мнѣ своими наблюденіями душу всю перевернули, все въ душѣ до самаго дна. И поднялись теперь такія дрожжи...

Голосъ ея оборвался, но она скрѣпилась и тотчасъ же продолжала:

— Ничего, ничего, пройдетъ! Ну, будетъ такъ стоять! Что же вы такъ стоите? Встаньте. Нѣтъ, это не отъ того. Благодарствуйте, не хочу ни воды, ни вина. А вотъ чаю бы, это хорошо.

— Отлично! Чаю... Давно нужно было. Сію минуту.

Мирра позвонила и приказала вошедшей дѣвушкѣ подать самоваръ.

— Нѣтъ, теперь все прошло. Это бываетъ со мной, находитъ иногда. Il y a des jours où ça me prend, такъ, безъ причины, Богъ знаетъ почему. И хорошо, что случилось здѣсь съ вами и у васъ, а не дома, когда я одна и до смерти напугала бы бѣднаго Митю.

Обѣ женщины встали.

Мирра готовила столъ и сервизъ къ чаю, неслышно двигаясь по комнатѣ, доставая изъ разнообразныхъ мѣстъ необходимыя принадлежности и посуду, для которой не было отдѣльнаго буфета.

Анна Михайловна переходила за ней, останавливалась съ разсѣяннымъ выраженіемъ, брала въ руки какую-нибудь вещицу, близко поднося къ близорукимъ глазамъ и тотчасъ же опускала и ставила на мѣсто, ни на минуту не переставая говорить.

Лампу перенесли на чайный столъ. Горничная внесла самоваръ. Обѣ уютно помѣстились у стола и хозяйка заботливо опустила голубой абажуръ въ сторону заплаканнаго лица.

V.

Горничная—молодая, миловидная дѣвушка—три раза безъ зову, изъ одного усердія входила въ комнату. Въ послѣдній разъ она вышла съ заспаннымъ и удивленнымъ лицомъ, рѣшившись идти спать и не приходить болѣе.

Въ корридорахъ дома Черенина погасили огни и всѣ звуки прекратились и огни погасли и въ комнатахъ жильцовъ. Въ девятомъ номерѣ горѣла лампа, самоваръ стоялъ на столѣ и ничто въ положеніи и разговорѣ обѣихъ женщинъ не предвѣщало скораго окончанія затянувшагося вечера.

Анна Михайловна сидѣла у стола передъ недопитой и остывшей чашкой. Бѣлые, тонкіе пальцы проворно крошили отрѣзанный хлѣбъ; заплаканные глаза блестѣли нервнымъ, почти истерическимъ возбужденіемъ и живая, страстная, взволнованная рѣчь не умолкала ни на мгновеніе. Какъ будто какая-то загородка опрокинулась, мѣшавшая этому изліянію откровенности.

Мирра слушала, повернувшись бокомъ, прижавшись лицомъ къ спинкѣ кресла. Колпакъ на лампѣ, приподнятый въ ея сторону, бросалъ свѣтъ на ея лицо. Нѣжный профиль тонко, почти до прозрачности выдѣлялся на обитой сафьяномъ, старинной, красной подушкѣ, поразительно на этомъ фонѣ напоминая собою камею. Она сидѣла не шевелясь и молчала.

— Понимаете ли вы меня? Да нѣтъ! Вамъ невозможно представить себѣ во всемъ объемѣ,—говорила Анна, безпрестанно мѣняя положеніе, жестикулируя съ усиленной живостью, которая была свойственна ей во время разговора вообще. Она облокотилась обѣими руками на столъ и, опустивъ въ ладони лицо, вся сгорбившись и слегка раскачиваясь, смотрѣла прямо на свою слушательницу.

— Поймите, что я одна изъ тѣхъ, которыя пережили то время... съ начала, съ утренней зари такъ сказать, и вотъ — до сегодняшняго вечера... Вы были ребенкомъ тогда, до васъ дошли только отголоски, потому что уже черезъ десять, двѣнадцать лѣтъ все было не то, неузнаваемо! Но мы... мы попали въ самый потокъ, мы первыя отвѣдали новаго вина и можемъ сказать—выпили чашу до дна.

Она глубоко перевела дыханіе и продолжала.

— Въ молодости живешь вѣдь безъ разсчета, не оглядываясь. Потомъ наступаетъ пора, когда начинаешь заниматься ариѳметикой, подводить счеты, озираться назадъ. Для меня она теперь наступила. Поздно! Къ сожалѣнію черезъ чуръ поздно. Но не въ этомъ сила. Поздно, но за то можетъ быть и ясно... Господи! Съ какой ясностью представляется мнѣ теперь это время...

Она всплеснула руками и вдругъ спохватилась.

— Но, Мирра Евграфовна, можетъ быть теперь поздно вообще и не au figuré? Птиченька моя, я заговорю васъ. Вамъ спать пора?

Мирра молча, не поднимая головы, сдѣлала негодующій, отрицательный жестъ и Анна тотчасъ просіяла и успокоилась.

— Отлично, когда такъ. Будемте говорить.

Вы вѣрно замѣтили давеча,—продолжала она,—что до сихъ поръ у насъ никто серьезно и правдиво не писалъ объ этомъ времени. Все какія то однобокія обсужденія. Одни точно на заказъ для «Гражданина»; другія—ужъ и не знаю для кого и для чего. Для того, чтобы говорить и не сказать ничего. А между тѣмъ есть ли еще во всей нашей русской жизни другое время, болѣе интересное и главное—болѣе замѣчательное по своимъ послѣдствіямъ? Вѣдь всему, что случилось потомъ, сѣмена были сѣяны въ то время,—съ удареніемъ сказалала она.—Всему! Нѣтъ исключеній! Любопытно бы прослѣдить, какъ все это складывалось и шло одно за другимъ, de fil en aiguille, подвести итоги, оглянуться на пройденное... Есть у Musset прелестная фраза; не помню я именно гдѣ, но помню ее наизусть: «Il y a un danger terrible a savoir ce qui est possible, car l'ésprit va toujours plus loin. «Да ce qui est possible—что можно—это мы узнали. Но мы забыли, потеряли различіе, понятіе утратили о томъ, что знали Адамъ и Ева въ раю: что такое зло и добро.

— А въ самомъ дѣлѣ, что это такое теперь?—спросила вдругъ Мирра и быстрымъ движеніемъ поднялась отъ подушки.—Зло и добро?—повторила она, какъ бы сама прислушиваясь къ звуку своихъ словъ.—Что такое это въ наше время. Думала объ этомъ я...

— Что же вы думали?—спросила Анна, видя, что она хочетъ сказать, потянулась черезъ столъ и долила себѣ изъ чайника остывшій чай. — Пить хочется. Я такъ много говорю. Ну и что же вы думали? — повторила она, поднося чашку къ губамъ и изъ за ободка чашки все также возбужденно-блестящими глазами засматривая въ ея лицо.

Сама Анна помнила и знала хорошо, что въ ея годы она не думала о такихъ вопросахъ. Не потому, чтобы они въ то время кѣмъ бы то ни было считались рѣшенными; но потому, что не до нихъ было среди неослабѣвавшаго возбужденія тогдашней, хотя бы и ежедневной, будничной жизни, какая была въ ея молодые годы. Думать объ этомъ было некогда. Вопросы «личной нравственности», какъ тогда говорилось, сданы были въ архивъ и тамъ они лежали до времени, никѣмъ не тронутые, ни для кого ненужные и никому неинтересные.

Также лежали они и въ душѣ Анны. Размышленія о нихъ, невольное по временамъ обращеніе къ тому, что она сама за одно съ другими называла однимъ общимъ именемъ—своимъ *несчастнымъ институтствомъ*, подавлялось съ такимъ стараніемъ, преслѣдовалось съ такимъ искреннимъ рвеніемъ, что, казалось, ото всего съ теченіемъ времени не должно было остаться и слѣда.

Но съ теченіемъ времени произошло нѣчто для всѣхъ неожиданное. Правда, времени прошло не мало, и сама Анна не могла бы съ точностью опредѣлить начало срока, такъ тонко и непримѣтно совершался поворотъ. Несомнѣнно было однако, что первые признаки его она почувствовала въ себѣ задолго до знакомства съ Марьей Евграфовной. Сомнѣніе давно колебало прежнія, казавшіяся несомнѣнными, основанія и какъ ни трудно было этого ожидать, при первомъ же столкновеніи не сорокалѣтняя, много жившая, много видѣвшая и испытавшая на своемъ вѣку женщина оказывала вліяніе и пересоздавала молодую дѣвушку, а, напротивъ поддавалась сама ея вліянію, незамѣтно заимствуя и усвоивая себѣ то самое, что еще недавно отрицалось ею въ жизни, въ силу если не колебавшагося уже убѣжденія, то хотя бы долголѣтней жизненной практики.

Перемѣна совершилась незамѣтно, почти безсознательно для обѣихъ женщинъ. Мирра очень удивилась бы, если бы кто-нибудь вздумалъ указать ей на эту перемѣну въ ея другѣ, какъ на результатъ ея личнаго вліянія. Все дѣлалось какъ бы само собой, шагъ за шагомъ, непримѣтно, но и неуклонно въ одномъ направленіи.

Мирра не курила сама и благодаря частымъ мигренямъ плохо выносила табакъ. Анна курила много, какъ умѣютъ курить женщины, не затягиваясь и усиленно дымя, въ разсѣянности прожигая платье и зажигая папиросу одну отъ другой. Она начала курить тайкомъ съ четырнадцати лѣтъ въ отдушники, въ потайныхъ уголкахъ института. И вдругъ въ одинъ обыкновенный, ничѣмъ особеннымъ не отмѣченный день, безъ повода и предварительнаго разговора, она объявила Миррѣ, что не будетъ курить.

Не смѣя вѣрить, Мирра не возразила ничего, въ тайнѣ про себя радуясь рѣшенію.

Старая привычка между тѣмъ вмѣстѣ съ необходимостью постоянной умственной работы, мучительно давала себя чувствовать.

Анна крѣпилась, боролась сама съ собой и заболѣла наконецъ особенной, весьма тяжелой формой нервной болѣзни. Докторъ, лѣчившій ее, приписалъ все воздержанію отъ куренія, ставшаго необходимою потребностью организма. Онъ не только разрѣшалъ, но прямо требовалъ куренія, грозилъ возможностью сумасшествія отъ лишенія его.

Анна не сошла съ ума, не послушалась и не продолжала курить.

По общему замѣчанію многихъ изъ знавшихъ ее, она стала почти одновременно обращать больше вниманія на себя, на туалеты свои и наружность. Она отпустила себѣ волосы, давно остриженные, и съ помощью Мирры стала причесывать ихъ по новому и къ лицу.

Съ улыбкой не то смущенной не то за-

стѣнчивой, которая казалась странной на ея уже немолодомъ, серьезномъ лицѣ, она обращалась къ Миррѣ съ вопросами относительно свѣтскаго этикета и за подробностями домашняго, семейнаго обихода, сознаваясь чистосердечно, что вела до сихъ поръ жизнь богемы и мало обращала вниманія на «все-такое».

И нигдѣ это возращеніе къ прошлому, не институтскому, но еще болѣе раннему, семейному строю, въ видѣ уступокъ требованіямъ свѣтскаго тона и внѣшности не сказывалось въ ней съ такой силой, какъ въ присутствіи Мирры Болотиной.

Здѣсь, въ этой комнатѣ, такъ мало походившей на ея собственную, вблизи этой дѣвушки, желавшей обратить въ салонъ меблированную комнату, составлявшей собой живой и полный контрастъ тому, чѣмъ была въ ея годы она сама, Анна, по собственному признанію чувствовала себя физически подтянутой и подобранной. Все то, что она оцѣнила въ прошедшемъ, что желала возвратить и возстановить въ себѣ самой, она находила здѣсь въ мягкой и изящной формѣ, не въ противорѣчіи, а напротивъ въ соединеніи съ тѣмъ, что ей осталось неизмѣнно-дорогимъ и необходимымъ для нея: съ самостоятельностью жизни, возможностью умственнаго труда, способностью и любовью къ отвлеченной мысли.

Единственнымъ недостаткомъ Мирры Евграфовны, въ глазахъ Анны, была ея молодость. Но отъ этого недостатка она исправлялась съ каждымъ днемъ, а до тѣхъ поръ самой Аннѣ любопытно было наблюдать, какъ одна и та же мысль различнымъ образомъ отражалась и переработывалась въ головахъ ихъ обѣихъ — «представительницъ двухъ различныхъ поколѣній», какъ говорила она, смѣясь, какими и были онѣ въ дѣйствительности.

Мирра, задумавшись, не отвѣчала на вопросъ. Анна еще разъ окликнула ее.

— Что я думаю! Ахъ, это всегда мои самыя трудныя мысли, — заговорила она съ серьезнымъ лицомъ, видимо отдаваясь во власть «трудныхъ мыслей».

— Зло и добро... Что можно и чего нельзя... Да, но скажите вы: бываетъ ли это съ вами? — задумчиво продолжала она. — Представляете-ли вы себѣ то, что вы думаете и говорите въ видѣ какихъ-нибудь... Ну вотъ, какъ мнѣ это вамъ объяснить! Примѣровъ? Нѣтъ. Рисунковъ? Тоже нѣтъ, несовсѣмъ. Въ видѣ образовъ? Да! Я иначе думать не умѣю. Я все рисую себѣ свои мысли. И вотъ, когда я думаю о томъ, что вы сейчасъ говорили, мнѣ представляется... Нѣтъ, не смѣйтесь, пожалуйста!

— Вы не сказали ничего смѣшного, — нетерпѣливо возразила Анна.

— Я хочу сказать, что мнѣ представляются эти понятія о добрѣ и о злѣ, какъ будто бы это были какія-нибудь подпорочки. Знаете — загородочки, — помогая себѣ жестами и вся нахмурившись отъ усилія заставить понять себя, — объясняла Мирра. — Какъ въ Швейцаріи бываетъ, помните? Такіе узкіе, узенькіе переулочки между полями, съ изгородью по обѣимъ сторонамъ. И по нимъ нужно идти. Загородочки означаютъ дорогу. По одну сторону можно, иди смѣло, это будетъ хорошо. По другую — нельзя, злое, дурное, грѣхъ. Ясно это?

Для ясности она перегнулась бокомъ надъ столомъ въ сторону Анны, чертя рукой по скатерти воображаемый рисунокъ, озабоченно слѣдя и стараясь угадать по лицу производимое впечатлѣніе.

Анна одобрительно кивнула ей головой.

— Вы понимаете меня? Ну и вотъ, прежде этими загородочками, этими указаніями была полна жизнь. Пока мы были дѣтьми, мы слушались ихъ, не разсуждали и не задумывались. И всегда знали, какъ поступить. Развѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ чемъ нибудь неважномъ, могли быть колебанія. Но главное... Главное было всегда несомнѣнно, колебаній быть не могло. Замѣтьте, я вѣдь не хочу сказать, вѣдь не то, чтобы не дѣлать зла. Но дѣлая зло, знать, что переходишь по ту сторону, называть вещи собственными именами. Сознаніе должно оставаться. При томъ же все было запомнено съ самыхъ раннихъ, съ дѣтскихъ лѣтъ. Обо всемъ говорили, учили тогда же, когда учили... ну хотя бы, что нельзя на улицу безъ перчатокъ, нельзя ѣсть съ ножа, надо слушаться старшихъ, папу и маму... И такъ одно за другимъ охватывало всю жизнь и складывалось... Она остановилась, пріискивая выраженіе. — Складывался уставъ того, что можно и чего нельзя. Но главное — не то! Главное — это спокойствіе. Это увѣренность въ томъ, что поступаешь именно какъ должно и идешь по настоящей дорогѣ.

Мирра говорила съ большимъ одушевленіемъ и вдругъ остановилась, открыла было ротъ и опять замолчала и продолжала, спустя минуту, какъ бы совсѣмъ другимъ, упавшимъ голосомъ.

— А потомъ... Потомъ я ужъ и не знаю! Случилось что-то, чего я не умѣю понять. Загородочки стали ломаться одна за другой. Сколько ихъ поломано! Боже мой! Цѣлое кладбище. И гдѣ дорога? Куда теперь идти? Я не хочу никого осуждать, но... мнѣ страшно, Анна Михайловна! Теперь я... такъ часто не знаю... Ничего, ничего я не знаю! Какъ мнѣ быть и что дѣлать съ собой. И мнѣ страшно бываетъ теперь. За другихъ, за себя...

— И когда подумаешь, что мы были первыя, которыя стали ломать эти ваши «загородочки», какъ вы говорите, — тихо, какъ бы про себя выговорила Анна.

— Вы!

— Я. И я вмѣстѣ съ другими. Теперь имя имъ легіонъ, но тогда насъ было немного, стоявшихъ во главѣ тогдашняго передового движенія.

Анна выслушала рѣчь Мирры съ напряженнымъ вниманіемъ, не перебивая и лишь невесело усмѣхаясь на иныхъ словахъ. И та же невеселая усмѣшка появилась на ея лицѣ, когда она повторила:

— Да-съ, ломали. Насъ тогда въ Петербургѣ за эту ломку называли нигилистками. Это названіе стало впослѣдствіи смѣшнымъ, комичнымъ. Тогда въ извѣстныхъ кружкахъ оно было почетнымъ. Всѣ другія прозванія: реалистки и соціалистки, и проч. и проч.—все это явилось впослѣдствіи. Но ломка началась нами и съ насъ. Когда подумаешь...

— Вамъ тяжело думать!

— Нѣтъ, не думать тяжело. Тяжело вспоминать, на что ушли силы, молодость, цвѣтъ жизни. Вотъ именно на ломку этихъ вашихъ загородочекъ. Да, да!

Она быстро тонкими пальцами собирала крошки на столѣ, и, наклонивъ голову въ бокъ, разбрасывала ихъ опять по скатерти.

— Все требовалось раскрошить вотъ такъ! Сломать все отъ А до Z, отъ мелкаго до большого. Начинали, какъ водится, съ внѣшности, съ декораціи: прически мѣнять, рѣзать косы. Юбки, трены... Кто-то изъ французовъ, помнится, назвалъ женское платье: un voile mystérieux. Ну вотъ долой ихъ — эти вуали. Не нужно юбокъ. Нуженъ чуть ли не сюртукъ длиннополый, чуть ли не мужскія панталоны. Кажется теперь все мелко, ничтожно. Но позвольте! Нужно было тогда усиліе надъ собой, затрата душевныхъ силъ, чтобы рѣшиться надѣть хотя бы эту юбку - сюртукъ, спокойно перенести общее удивленіе, негодующіе взгляды, подчасъ ярость, возбуждавшуюся этими нововведеніями. Къ тому же это была только внѣшность, а ломалось и передѣлывалось все. Вы знаете... И ни въ чемъ можетъ быть ломка не сказалась чувствительнѣе и глубже, какъ въ отношеніи мужчинъ и женщинъ между собой.

Мирра сидѣла, не спуская съ Анны блестящихъ глазъ. Давешняго утомленія не осталось въ нихъ и слѣда. Было одно напряженное, страстное вниманіе.

Анна стиснула пальцы такъ, что они хрустнули, опустила голову и съ минуту молчала.

— Да, всему, о чемъ съ такой тоской вы говорили мнѣ давеча—и этому современному отношенію къ намъ мужчинъ начало положено было въ то время. Раньше не было лучше, нѣтъ, я не то хочу сказать; но прямѣе было, проще, опредѣленнѣе. Такъ ужь и знялъ по крайней мѣрѣ...

Она махнула рукой.

— Не знаю, можетъ быть это дурно и разумѣется доказываетъ эгоизмъ съ моей стороны, но мысль — старая и любимая о томъ, что будетъ *послѣ*, о золотомъ вѣкѣ въ будущемъ—временами какъ-то перестаетъ занимать меня. Прежде меня несказанно утѣшала, теперь не утѣшаетъ больше мысль о томъ, что вотъ я въ настоящую минуту терзаюсь, мучаюсь, а когда то, черезъ сотни лѣтъ кому-то будетъ легче, благодаря этому моему мученію. Во-первыхъ, все чаще представляется вопросъ: будетъ ли? Кто это обѣщалъ? А во вторыхъ—тяжело было страдать. Нѣтъ, знаете, слишкомъ... Нельзя такъ, нельзя! Я бы хотѣла...

— Чего?—осторожно, почти шепотомъ и не поднимая глазъ, спросила Мирра, чувствуя, что она колеблется, но все же хочетъ сказать.

Анна въ тонъ ей, сама не замѣчая, до шепота понизила голосъ.

— Я бы хотѣла, чтобы знали другіе, не потомки... Нѣтъ! Не отъ страха передъ судомъ и не для оправданія въ глазахъ потомства... Ничего этого не нужно! Но чтобъ знали, знялъ же наконецъ хоть одинъ человѣкъ вочто обошлась... эта ломка. Каково было пережить это время. Мѣру этого страданія,— договорила она и глухое, сдавленное рыданіе снова заслышалось въ ея шепотѣ.

— Понимаете ли вы, почему я расплакалась? Я не плакса вообще, вы знаете. Но вашъ разсказъ напомнилъ такъ много... пережитого. И все... Богъ мой!

Голосъ ея сорвался. Она вдругъ схватилась обѣими руками за голову.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ опять оно. Не спрашивайте. Не могу! Всю цѣпь страданій, униженій... Особеннаго, этого особеннаго женскаго униженія... Господи! Не... не могу я...

— Не говорите. Не будемъ говорить про это,—въ волненіи умоляла Мирра.

Багровая краска залила щеки Анны.

— Да и невозможно! Какъ мнѣ съ вами про это говорить? Вы дѣвочка, вы дѣвушка. Вы вонъ давеча: «развалился, ногу не такъ положилъ». Что же мнѣ-то вамъ сказать! Примѣръ тоже прикажете привести. Не могу. Не могу я примѣровъ, ни аллегорій. Вы сами давеча сказали: называть вещи собственными именами. И прекрасно! На что лучше! Извольте! Будемъ называть вещи собственными именами. Ну и что же! Какое же имя собственное можно дать этому тогдашнему нашему образу дѣйствія? Вы понимаете о чемъ я говорю? Развратъ. Неправда ли? О разумѣется! Другого имени не можетъ быть. Развратъ!—Она особенно рѣзко и громко съ умышленной грубостью выговорила еще разъ то же слово. —Такъ и думали всѣ. Такъ и теперь думаютъ. И вы такъ думаете? А между тѣмъ его не было. Знаете ли, повѣрите ли,— почти воплемъ вырвалось у нея.—Не было его тогда. Не было, говорю я вамъ, слышите ли?

Хотя признаки внѣшніе были всѣ на лицо. Отдаваться безъ любви, не по разсчету, не по страсти—по *убѣжденію*... Да почти что по чувству долга,—медленно, слово за слово выговаривала она, сощуривъ глаза, какъ бы всматриваясь во что то далекое передъ собой, забывая собственную оговорку относительно юной собесѣдницы и разсуждая уже сама съ собой, передумывая свои мысли вслухъ.

— Счастья, радости тутъ не было... развѣ въ рѣдкомъ случаѣ. Сладострастія—ни тѣни...Убѣжденіе—другого нѣтъ слова. Такъ нужно было въ то время и все. Такъ оно и было... Любопытно, могло ли это быть у другихъ, у женщинъ другихъ національностей? Юдифь, Marion или кто тамъ еще у нихъ. Нѣтъ, все не то. И не то, да и у всѣхъ этихъ Marion, если бы онѣ на то пошли, иначе все было бы обставлено и послѣдствія были бы, конечно, не тѣ, дѣтей не могло быть. Ну, а если есть послѣдствія, есть дѣти! Двое ребятъ несчастныхъ... И теперь, когда давно, давно уже нельзя больше жить, не смѣть, не имѣть права...даже и умереть...

Она замолчала.

Настала пауза. которую ни та, ни другая не торопились прервать.

Мирра встала, поправила дрова въ каминѣ, принесла платокъ и, закутавшись, вернулась на свое мѣсто.

— Холодно,—сказала она.—Не холодно ли вамъ?

Анна не отвѣчала. Едва ли она слышала о чемъ ее спрашивали.

Никогда еще, ни разу въ жизни и ни передъ кѣмъ она не допускала себя до этого признанія. Оно вырвалось у нея самовольно и грубо, неожиданно для нея самой. За минуту она не знала, что скажетъ сама. И что то болѣе грубое и жестокое, нежели былъ смыслъ ея словъ, то постыдное и ужасное, о чемъ она старалась не думать, хотя и никогда не могла позабыть, разбуженное, развороченное теперь неожиданно налетѣвшимъ, безпорядочнымъ вихремъ, выросло и встало передъ нею живьемъ.

Какъ это бываетъ въ минуты крайняго возбужденія, воспоминанія, обрывки мыслей, картины съ страшной быстротой поднимались и проносились въ ея воображеніи. Картины казались всѣ сплошь безотрадными. Воспоминанія были мрачны.

Она сидѣла, откинувшись назадъ, съ пылающимъ лицомъ, нервически проводя обѣими руками по ручкамъ кресла. Въ большой комнатѣ не хватало воздуха. Колючая, знакомая боль поднималась въ боку. И покрывая все, воспоминанія, и боль, и мысли –глухое, безотчетное раздраженіе закипало во всемъ ея существѣ, требуя себѣ выхода. Хотѣлось сдѣлать больно кому нибудь, уязвить противника, найти виноватаго. Виноватаго не находилось.

Не могла быть виноватой и дѣвушка съ робкими глазами, съ тревогой, почти съ испугомъ смотрѣвшая на нее.

Анна рѣзкимъ движеніемъ отвернула голову въ сторону и закрыла глаза.

Молчаніе продолжалось и не дѣйствовало успокоительно.

Въ тишинѣ комнаты отчетливо раздавались разнообразные ночные звуки жилого дома. Мышь скреблась гдѣ то; трещала рыночная, разсыхающаяся мебель; за досчатой перегородкой слышался сонный храпъ и безсвязное бормотанье во снѣ.

Часы на лѣстницѣ за стѣной пробили три удара дребезжащимъ, жидкимъ звукомъ. Никто не слыхалъ ихъ.

Мирра первая прервала молчаніе.

VI.

Въ первый разъ со времени ихъ сближенія Анна Михайловна забыла разницу въ лѣтахъ, на которую любила ссылаться во время разговоровъ.

Откровенность ея не обрадовала, а, напротивъ, испугала Мирру. Она понимала, что ее нельзя было считать шагомъ впередъ въ смыслѣ дружбы, болѣе тѣснаго обоюднаго сближенія. Все было вызвано не усилившеюся степенью довѣрія, не естественнымъ желаніемъ облегчить сердце искреннимъ, задушевнымъ признаніемъ. Передъ нею былъ скорѣе всего просто нервный припадокъ. Она не знала, какія причины вызвали его, какъ и не могла знать, чѣмъ онъ могъ окончиться.

Бывали случаи раньше, когда Миррѣ удавалось успокоить, развлечь и разговорить Анну во время домашнихъ непріятностей, неудовольствій съ дѣтьми, съ редакціей. Она умѣла отыскать каждый разъ примирительные элементы, найти выходъ, хорошую сторону всякаго дурного положенія. Въ этотъ разъ не находилось ничего.

Мирра чувствовала, что никогда еще душевное настроеніе ея друга не было мрачнѣе и безотраднѣе. Все, что оставалось недосказаннымъ въ словахъ Анны, что могло оставаться непонятнымъ самой Миррѣ въ ея годы, безъ личнаго опыта и въ ея положеніи,—она понимала, скорѣе угадывала смутно, но вѣрно безошибочнымъ душевнымъ инстинктомъ, какъ мы понимаемъ опасность, никогда сами не видавши и не испытавши ея.

Но пониманія было недостаточно. Нужно было сдѣлать то, что она всегда просто и легко дѣлала раньше и къ чему не знала какъ приступиться теперь.

«И что! Что ей скажу! Какія слова? Какъ будто могутъ помочь слова!»—думала она, не находя словъ и не стараясь найти ихъ, сама

смущенная и подавленная тяжелымъ впечатлѣніемъ.

— Не будемъ говорить про это,—сказала она наконецъ просто, съ особенной мягкостью и нѣжной жалостью глядя на Анну.—Да, пожалуйста, не нужно. Слова не приведутъ ни къ чему. Все равно! И право это только разстраиваетъ васъ. Когда-нибудь на досугѣ напишите лучше.

Анна усмѣхнулась нервической и недоброй усмѣшкой.

— Писать! Ну нѣтъ! Рано. Нельзя писать. Время не пришло,—скороговоркой, быстро перебивая и стуча по столу тонкими пальцами, заговорила она.—Да и гдѣ мнѣ! Не сумѣю. Сюжетъ такой больной и сложный. Время трудное и мудреное. Да!—прибавила она и тяжело перевела дыханіе.—Трудное было время! Много въ жертву ему принесено и все перемололось, простилось все и забыто давно, а вотъ это—обида женская—помнится и болитъ, не забывается до сихъ поръ. Можетъ быть потому, что теперешнее многое бередитъ больное мѣсто. Переходное время...

— Ну вотъ! Видите! Вотъ именно переходное время!—радостно вступилась было Мирра, но Анна рѣзко перебила ее.

— Позвольте! Въ сущности это безсмыслица. Каждое данное время бываетъ переходнымъ по отношенію къ послѣдующему. Ну и что же изъ того! Та сцена, которую вы разсказали давеча, съ *двоюроднымъ* сотрудникомъ одинаково непріятна во всѣ времена, а такія ли бывали сцены! Настоящіе люди рано сошли со сцены. Гдѣ они, куда дѣвались—Богъ знаетъ. Словно вѣтромъ выдуло цѣлое поколѣніе. Разбрелись вѣроятно въ разныя стороны и доживаютъ жизнь гдѣ нибудь въ одиночку по угламъ. Ну, а тѣ, что уцѣлѣли или выступили на смѣну имъ...—горькая усмѣшка скривила ея мягкія, дѣтски-пухлыя губы.—Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣтила въ себѣ, что не могу равнодушно читать въ иностранной беллетристикѣ знаете чего? Смѣшно сказать! Описанія утонченнаго и изысканнаго обращенія съ женщинами мужчинъ. У насъ, положимъ, его и въ романахъ не найдешь, а въ жизни—по вашей теоріи сломанныхъ загородокъ вѣжливость вѣдь это тоже загородка въ своемъ родѣ и не малая—и вотъ она перестала существовать. Подать стулъ, отворить дверь, поднять платокъ женщинѣ, не говорю уже уступить мѣсто въ собраніи, въ омнибусѣ—все это кончилось и я полагаю...—Она сдѣлала значительную паузу.—Я полагаю, не возобновится никогда. Finis! Платковъ поднимать больше не будутъ. Это слишкомъ выгодно для тѣхъ, кому это выгодно.

— Да но вмѣсто подниманія платковъ... Какъ можно! Какъ можете вы останавливаться на подобныхъ мелочахъ?—начала было Мирра.

Анна перебила ее.

— Вмѣсто подниманія платковъ,—повторила она и замолчала сама.

Неизъяснимое выраженіе прошло по ея оригинальному, все еще глубоко-взволнованному лицу. На минуту она отвернулась и опустила глаза, и какъ бы тотчасъ же устыдившись минутной слабости, вдругъ подняла на Мирру свои прекрасные, съ слѣдами пролитыхъ слезъ, но рѣшительно и смѣло смотрѣвшіе глаза.

— Вмѣсто подниманія платковъ,—тихо сказала она еще разъ.—Что вы этимъ хотите сказать? Вы берете это какъ мѣрку, какъ послѣднюю степень всего самаго мелочнаго и ничтожнаго? А знаете ли вы! Да, вамъ я это могу, я хочу вамъ это сказать. Знаете ли вы, что я... Вотъ вы видите меня! И вотъ бывали минуты въ жизни, когда я отдала бы не задумываясь, хотя бы и права первородства за то... Да, только за то, чтобы кто-нибудь пожелалъ поднять для меня платокъ. Васъ удивляетъ! Я понимаю, это должно удивлять. Но это такъ. Какъ, почему—это другой вопросъ. Было бы слишкомъ долго его поднимать теперь. Но дѣло въ томъ, что... никто не желалъ поднимать платка. Чего то во мнѣ нѣтъ, не хватаетъ для этого,—прибавила она съ обычной своей усмѣшкой.—Теперь то я знаю чего. И вотъ смотрите на меня!

Она выпрямилась во весь ростъ и подошла близко къ красному креслу.

— Смотрите, я такая на видъ, я кажусь сильной, но въ сущности вы напримѣръ, хоть вы и съежились и забились тамъ въ своемъ креслѣ, въ жизни вы навѣрное сильнѣе меня и я слабѣе васъ. Теперь, когда я узнала цѣну теоріямъ и стала считаться не съ теоріями, а съ жизнью самой и такой, какая она есть, я поняла одну несомнѣнную истину. Женщина каждая должна усвоить ее себѣ на всю жизнь. Каковы бы ни были господствующія теченія и теоріи, среди мужчинъ и для мужчинъ, а слѣдовательно и въ живой дѣйствительной жизни, она сильна и имѣетъ цѣну и значеніе какъ самка. Да, прежде всего и больше всего. Да, да! Что вы такъ смотрите на меня? И до тѣхъ поръ сильна, пока остается привлекательна какъ самка. C'est cru! Ну, что дѣлать. Въ нашъ вѣкъ героевъ Мопассана и Зола passez moi cette crudité. Вы молоды, но и вы дойдете путемъ опыта до того же убѣжденія. Слушайте! Нѣтъ той умницы, краснорѣчивой, ученой, талантливой, но старѣющей женщины, которую любой мужчина, девяносто девять изъ ста, не промѣнялъ бы—не на красавицу, нѣтъ! Зачѣмъ такъ много! Не нужно такъ много! Просто на первую молодую, свѣженькую мордашку. Замѣтьте—я давно сдѣлала это наблюденіе—мужчина, разговаривая съ женщиной, никогда не слушаетъ, *что* она говоритъ. Онъ смотритъ, *какъ* она это говоритъ. Иначе не бываетъ. Для серьезнаго разговора онъ пред-

почтетъ всегда общество товарищей—мужчинъ, холостую бесѣду, клубъ, ресторанъ... Ахъ, да развѣ вы этого не понимаете! Зачѣмъ вы заставляете меня доказывать эти трюизмы!—съ раздраженіемъ вдругъ воскликнула она и тотчасъ же продолжала.—Мы живемъ не въ переходное, а въ безтолковое время. Все спуталось, исчезло соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Въ прежнія времена было проще и предусмотрительнѣй. Женщины воспитывались для мужчинъ и такія именно, какія требовались для нихъ. Нужно было говорить по французски, имѣть салонные таланты, танцевать менуэтъ, и обучали всему нужному, необходимому для того, чтобы получить подходящаго мужчину, выйти замужъ, имѣть семью, составить партію, исполнить свое жизненное назначеніе. А теперь что кому нужно! Кто это знаетъ? Кто скажетъ вамъ? Все сбилось, все смѣшалось. И кому нужны мы, такія какъ мы есть теперь, искалѣченныя, изломанныя сами въ общей ломкѣ, немолодыя, но и недовольно старыя, чтобы считать себя отжившими свой вѣкъ. Тѣ, кто вели съ нами когда-то умные разговоры, занимались проведеніемъ благодѣтельныхъ теорій, не нашли удобнымъ связать судьбу свою съ одною изъ насъ. Неподходящее дѣло! Развѣ фиктивнымъ бракомъ. Это было тоже знаменіе времени. Il faut que jeunesse se passe все равно—d'une ou d'autre manière. Мы этого не понимали тогда. Мы все переводили на свой, на тогдашній языкъ. И то, чему мы отдали безъ оглядки себя, жизнь свою, душу и тѣло, то для нихъ послужило... стадіей развитія. Такъ, кажется, это теперь называется. Они пережили эту стадію, какъ нѣмцы молодые переживаютъ свое буршество. Они перешагнули, когда понадобилось, черезъ опрокинутыя загородки, отряхнулись и пошли себѣ своей дорогой... *другой* дорогой. И затѣмъ... Затѣмъ всѣ нашли себѣ на новой дорогѣ вѣроятно и какъ разъ ко времени наивныхъ миленькихъ барышень восемнадцати-лѣтнихъ или купеческихъ дочерей съ французскимъ языкомъ и приданымъ. Что же, неправда? И такимъ образомъ... Что это? Вы плачете? Да, о чемъ же вы-то плачете? Какой вздоръ! Перестаньте плакать! Перестаньте! — вдругъ окликнула она, не договоривъ своей мысли и замолчала, чувствуя приливъ такого раздраженія, которое перехватывало горло и не давало говорить.

Ей вдругъ сдѣлалось непріятно все: комната, обстановка, и разговоръ, и этотъ вечеръ, въ который она дала такую волю откровенности, и всего болѣе эта плачущая фигура, такъ мало похожая на то, о чемъ она только что говорила, такая молодая и граціозная въ своей наклоненной позѣ, въ слезахъ, съ развившимися волосами...

«Навѣрное ни одного сѣдого»! Богъ знаетъ откуда и почему мелькнуло въ головѣ Анны. Она сама поймала себя на этой мысли, которую тутъ же про себя обозвала «мерзкой» и однако не въ силахъ была отдѣлаться отъ нея.

«Слезы! Нервничанье! Отвратительно! И съ чего она вздумала расплакаться. И съ какой стати я на старости лѣтъ вздумала пуститься въ откровенничанье?» думала она, осуждая себя и не находя въ душѣ своей привычной, почти материнской нѣжности, которую чувствовала всегда къ молодой дѣвушкѣ.

— Къ вамъ мои размышленія вовсе не относятся, Марія Евграфовна. Вамъ платки поднимали и поднимать будутъ, всю жизнь, не безпокойтесь. И ваше время конечно еще не ушло. Подождите! Найдется еще и для васъ prince Charmant!—говорила она съ неожиданною для самой себѣ грубостью, не будучи въ состояніи отогнать отъ себя тѣ же мысли, глядя сверху внизъ тревожнымъ и мрачнымъ, почти озлобленнымъ взглядомъ.

Бываютъ въ видѣ рѣдкихъ исключеній женщины, къ которымъ слезы идутъ и которыя не дурнѣютъ, но хорошѣютъ въ то время, когда плачутъ.

Мирра Евграфовна принадлежала къ ихъ числу.

Лицо ея почти не измѣнялось; она не рыдала и не всхлипывала. Чистыя, свѣтлыя капли навертывались на рѣсницахъ, держались мгновеніе и сбѣгали одна за одной, почти не оставляя слѣда и, когда рѣсницы поднимались—молодые, увлаженные, блестящіе слезами глаза принимали выраженіе такой дѣтски-трогательной, кроткой прелести, которой трудно было противостоять.

Мирра молчала. Слезы мѣшали ей говорить, но и не будь ихъ, она не съумѣла бы отвѣтить на вопросъ. Наврядъ ли она и сама знала, о чемъ она плакала. Впечатлѣніе печальнаго разочарованія въ чемъ-то, что было дорого и казалось хорошо и было разбито и разломано на ея глазахъ, оставалось въ ея душѣ послѣ словъ Анны. Она не знала, была ли права Анна. Она чувствовала только, что ей было жаль Анну и вмѣстѣ съ нею почему-то жаль и самое себя и мучительно жаль еще кого-то, какихъ-то еще другихъ дѣвушекъ и женщинъ, которыхъ она не знала, но которыя тоже страдали и тоже должны были въ будущемъ еще страдать. Она тихо плакала, откинувшись головою къ красной подушкѣ, опустивъ руки, не скрывая и не удерживая своихъ слезъ.

Къ тому же физическая усталость сказывалось все неодолимѣе. Говорить вообще становилось трудно. Разговоръ не приводилъ ни къ чему, ни къ какому окончательному выводу. Мирра больше нездала его, ожидая и желая въ душѣ только одного: окончанія разговора и вмѣстѣ съ нимъ окончанія вечера. Часовъ въ комнатѣ не было, но она чувствовала—времени прошло много.

Анна вздохнула и медленно, какъ бы нехотя, отдѣлилась отъ стѣны.

— О чемъ вы плачете? — все еще сурово спросила она, подвигая маленькій складной стулъ и садясь рядомъ съ кресломъ.—Вотъ видите ли, мы и сквитались: давеча я, теперь вы. Что же васъ огорчило? Мои изобличенія? Мое отношеніе къ женщинамъ? Или можетъ быть къ мужчинамъ?—иронически допрашивала она и, не получая отвѣта, тотчасъ же прибавила:

— Если не себя, такъ ужъ не меня ли вы оплакиваете! Не трудитесь. Напрасно. Очень сожалѣю, что разстроила васъ. И вообще я кажется горячилась, наговорила лишняго, — уже мягче прибавила она.—Ахъ устала я, устала! Это все отъ того. Нѣтъ, не сегодня только устала, а вообще... Этимъ, пожалуй, и можете резюмировать сегодняшній разговоръ мой,—грустно сказала она и опустила голову. — Жить устала я, птиченька, вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь всѣмъ намъ—тогдашнимъ можно считать теперь, какъ бы вы думали? Какъ въ военное время, годъ за два. Развѣ мнѣ сорокъ лѣтъ! Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ. Устала сама и боюсь усталости для другихъ... Хотя про сегодняшній вечеръ этого нельзя сказать. Мы были неутомимы. Пора, однако. Довольно. Всего не переговоришь.

Она поморщилась, схватившись рукою за бокъ и, зѣвая, закрылась платкомъ.

— А желала бы я знать, сколько теперь можетъ быть времени? Который часъ? Поздно или можетъ быть рано уже? А, Мирра Евграфовна, какъ вы думаете?

Она вынула маленькіе золотые часы изъ бокового карманчика вверху лифа и, взглянувъ, испуганно поднялась съ мѣста.

— Это безуміе! Знаете, знаете сколько! Нѣтъ, они не стоятъ. Шесть часовъ. Утра, утра, милочка моя. Ночь прошла. Да теперь свѣтаетъ навѣрное.

Она подошла къ окну и дернула стору.

Октябрьскій дождливый день чуть брезжилъ въ двойныя окна, снаружи покрытыя каплями.

Мирра подняла другія занавѣски.

Комната наполнилась сѣрымъ, блѣднымъ свѣтомъ, медленно разлившимся по предметамъ и не достигшимъ угловъ, въ которыхъ какъ-бы ютились ночныя тѣни. Въ лампѣ огонь пожелтѣлъ. Каминъ казался черной ямой. Въ комнатѣ сразу стало непріютно и холодно.

Обѣ женщины стояли рядомъ, не глядя другъ на друга.

— Что это мы словно заговорщики или преступники по совершеніи преступленія,—заговорила Анна, устало усмѣхаясь и стала натягивать перчатку.—Какъ вы блѣдны. Воображаю, на кого я похожа.

Она подошла къ зеркалу, взяла шапочку и боа и вдругъ обратилась къ Миррѣ, положивъ обѣ руки ей на плечи и смотря прямо въ глаза.

— Птиченька, обѣщаете ли вы мнѣ? Нѣтъ, не то... я не то хотѣла сказать. А вотъ что: помните, теперь счеты кончены, уплата уплачена полностью. Жертвъ искупительныхъ... Такъ нѣтъ же, не должно ихъ больше быть — этихъ жертвъ, слышите ли вы! Вы не должны быть жертвой, погибнуть. Вы должны остаться такою какъ вы есть... чистою. Понимаете ли вы меня? И если нужно...

— Вамъ отдохнуть нужно, успокоиться. Голубчикъ, не будемъ говорить. Вы уходите? Не уходите, останьтесь у меня. Насъ не потревожатъ. Вы не пойдете въ редакцію?—держа ея руки, съ усталымъ лицомъ и умоляющимъ выраженіемъ говорила Мирра.

— Не пойду! Какъ это можно. Переодѣнусь и пойду сейчасъ. Вы знаете, я не манкирую никогда. Да, пора, пора! Прощайте, дитя мое. Не провожайте меня, ложитесь скорѣй. Увидимся въ субботу на лекціи.

Она кивнула головой и пошла усталой походкой, заматывая на ходу боа, по корридору, тускло освѣщенному сѣрымъ свѣтомъ тусклаго утра, еле брезжившаго въ двойныя, зеленыя стекла, залитыя дождемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Нелидова.

Два иностранныхъ композитора.

Въ настоящее время музыка переживаетъ тяжелый—нужно надѣяться—проходящій кризисъ повсемѣстнаго упадка. Часто приходится припоминать слова, которыми г. Рубинштейнъ кончаетъ свою книгу: «не наступаютъ-ли въ музыкальномъ искусствѣ *сумерки боговъ*?!»

Причинъ этого упадка много; намѣчу лишь важнѣйшія.

Во первыхъ, *отсутствіе истинно геніальныхъ композиторовъ*. Всѣ величайшіе композиторы середины нынѣшняго столѣтія сошли уже въ могилу.

Со смертію Берліоза французы лишились композитора, часто угловатаго до некрасиваго, страннаго до непонятнаго, но весьма талантливаго и весьма оригинальнаго. Смерть Гуно, симпатичнаго автора *Фауста*, тоже тяжело отразилась на французскомъ искусствѣ. Оставшіеся многочисленные французскіе композиторы—хорошіе техники, яркіе колористы, но они не могутъ выйти изъ заколдованнаго круга *Фауста* и его варіантовъ. Вѣроятно, Бизэ удалось-бы выбиться на самостоятельную дорогу и достигнуть крупныхъ результатовъ (*Кармэнъ* служитъ въ этомъ порукой), но ранняя кончина ему въ этомъ помѣшала. Выдается нѣсколько изъ группы французскихъ композиторовъ Сенъ-Сансъ, изумительный техникъ, великолѣпный музыкантъ; но онъ холоденъ и бѣденъ мелодическимъ творчествомъ. Желаютъ выдаться изъ этой группы такъ называемые «молодые» (Vincent d'Indy, Брюно и др.), но они вносятъ только въ тѣ же варіанты *Фауста* элементы какофоніи и нелогичности. Можно подумать, что они достигаютъ оригинальности чисто механическимъ пріемомъ: написавъ самую ординарную музыку, они ставятъ у нѣкоторыхъ случайныхъ нотъ случайные діэзы и бемоли; выходитъ фальшиво и некрасиво, но оригинально.

Со смертью Вагнера и Листа исчезли въ Германіи двѣ личности, которымъ можно не симпатизировать, но крупнаго значенія которыхъ невозможно отвергать; двѣ личности съ рѣшительнымъ вліяніемъ на направленіе музыки, обогатившія ее новыми элементами. Въ настоящее время остается въ Германіи Брамсъ—глубокій звуковой мыслитель, но не свѣточъ; о молодыхъ крупно талантливыхъ композиторахъ что-то не слышно. Скандинавскіе композиторы Григъ и Свендсенъ никогда руководящаго значенія не имѣли.

Въ Италіи уцѣлѣлъ престарѣлый Верди. Слѣдуетъ удивляться его энергіи и свѣжести, но не его послѣднія оперы спасутъ отъ банкротства оскудѣвшія творческія силы современныхъ композиторовъ. Къ тому-же настоящую, вполнѣ заслуженную славу Верди составляютъ не *Отелло*

и не *Фольстафъ*, а *Риголетто*. Восходящія итальянскія свѣтила, Масканьи и Леонковалло, осуществляютъ полнѣйшій упадокъ и даже профанацію искусства.

Мы въ послѣдніе годы утратили двухъ крупныхъ и самобытныхъ музыкальныхъ дѣятелей—Мусоргскаго и Бородина, а совсѣмъ уже недавно весьма талантливаго, хотя и менѣе оригинальнаго,—Чайковскаго.

Вторая причина современнаго упадка музыки заключается въ *торжествѣ звука надъ музыкой*. Звукъ побѣдилъ и подчинилъ себѣ музыку. Прежде оркестровка служила для колоритной передачи музыкальной мысли; теперь музыка существуетъ для того, чтобы оркестровка могла предстать въ самомъ эффектномъ и авантажномъ видѣ. Придумываютъ какой-либо оркестровый эффектъ и къ нему подгоняютъ музыку, особенно пригодную для этого эффекта, такую музыку, при которой онъ могъ бы выступить особенно ярко. Это весьма естественно, этому нечего удивляться. Всякій день изобрѣтаютъ новые музыкальные инструменты, краски оркестра дѣлаются все богаче; какъ не воспользоваться этимъ богатствомъ, какъ въ этомъ новомъ дѣлѣ удержаться въ должныхъ границахъ, не перейти черезъ край? А если взять въ соображеніе, что гораздо легче изобрѣсти какой-либо красивый оркестровый эффектъ, чѣмъ создать красивую музыкальную фразу, то станетъ понятно, отчего у современныхъ композиторовъ культъ музыки перешелъ въ культъ звука. Звукъ—это якорь спасенія ихъ творческаго убожества. Культъ звука, погоня за эффектами начались со временъ Берліоза и продолжаютъ пріобрѣтать все большее число адептовъ.

Что касается публики, то культъ звука, какъ наиболѣе доступный, всегда былъ у нея на первомъ планѣ. Чѣмъ объяснить особенную любовь публики къ музыкѣ вокальной (прикладной), произведенія которой стоятъ несравненно ниже произведеній музыки инструментальной (чистой)? Тѣмъ, между прочимъ, что голосъ человѣческій—самый привлекательный по звуку изъ всѣхъ инструментовъ. Чѣмъ объяснить успѣхъ банальнѣйшихъ итальянскихъ оперъ и возможность появленія на сценѣ, даже въ настоящее время, *Фаворитокъ* и *Лючій?* Ихъ вокальной удобоисполнимостью и ихъ превосходнымъ исполненіемъ, то есть торжествомъ звука надъ музыкой. Чѣмъ объяснить успѣхъ нѣкоторыхъ, весьма сомнительныхъ пѣвцовъ? Тѣмъ, что у нихъ былъ блестящій *si*-бемоль, или *ut*-діэзъ, выслушавъ который, истинные меломаны удалялись изъ театра.

Въ настоящее время въ музыкѣ инструментальной оркестръ начинаетъ играть роль итальянскихъ пѣвцовъ, звукъ его начинаетъ дѣйствовать обаятельно на слушателей, совершенно оттѣсняя музыку на задній планъ. Кто не замѣтилъ въ симфоническихъ концертахъ послѣднихъ лѣтъ, съ какимъ скучающимъ равнодушіемъ слушаетъ публика симфоніи Бетховена и Шумана, въ которыхъ звукъ подчиненъ музыкѣ, и какъ она готова рукоплескать чему-угодно, лишь бы тамъ была достигнута оркестровая звучность и виртуозность?

Третья причина современнаго упадка музыки заключается въ *несмѣтномъ количествѣ композиторовъ*. Кто теперь не сочиняетъ и не издаетъ своихъ сочиненій? Есть теперь композиторы, которые однимъ пальцемъ сочиняютъ на фортепіано мелодіи. Ихъ музыкальные секретари записываютъ эти мелодіи, гармонизуютъ, инструментуютъ. Затѣмъ подобныя сочиненія печатаются, красуются въ витринахъ нотныхъ магазиновъ, исполняются на концертныхъ эстрадахъ и на театральныхъ сценахъ; авторовъ вызываютъ, подносятъ лавровые вѣнки, а распространенныя газеты поютъ хвалы этимъ композиторамъ, въ творчествѣ которыхъ принимаетъ участіе только одинъ палецъ. Какъ публикѣ разобраться въ этомъ наплывѣ всевозможныхъ звуковъ, какъ среди него не заглохнуть нѣкоторымъ истинно прекраснымъ произведеніямъ?

Въ настоящее время, чтобы пробиться, композиторъ имѣетъ только одно средство: писать много и самому развозить и исполнять свои произведенія. Да не подумаетъ читатель, что я осуждаю это средство. Разъ оно—единственное, то объ его осужденіи не можетъ быть и рѣчи. Но это средство тяжелое, даже если этотъ развозъ сопровождается неизмѣнными тріумфами, иногда впрочемъ эфемерными; и не всякій композиторъ можетъ такимъ образомъ давать ходъ своимъ произведеніямъ. Значитъ, слишкомъ часто популяризуются сочиненія не наиболѣе того достойныя, а случайныя, тѣ, которыя стали предлагаемымъ въ разносъ товаромъ.

Прежде этого развоза не существовало, и композиторы, не признанные при жизни, получали послѣ смерти надлежащую оцѣнку и занимали подобающее мѣсто. Такъ было съ Бетховеномъ, Шуманомъ, Глинкой. Въ настоящее время едва-ли можно на это разсчитывать, именно вслѣдствіе обилія композиторовъ и матеріальной трудности между ними разобраться. Теперь потомство можетъ проскочить и черезъ геніальнаго композитора. Нѣчто подобное мы и видимъ. Въ послѣднее время Западъ началъ интересоваться нашей музыкой, но черезъ Глинку онъ проскочилъ, онъ слишкомъ поздно съ нимъ познакомился; онъ лучше знаетъ и болѣе цѣнитъ музыку новыхъ русскихъ композиторовъ—Чайковскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова, чѣмъ музыку Глинки.

Правда, театръ—могучее средство для популяризаціи, и достаточно одной удачной (въ смыс-

лѣ успѣха) оперы, чтобы составить имя композитору и чтобы провести за собою и другія его сочиненія. Но еще болѣе, чѣмъ о книгахъ, приходится сказать объ операхъ: *habent sua fata*. Вспомнимъ, что ни *Кармэнъ*, ни *Фаустъ* на первыхъ порахъ успѣха не имѣли, а вошли во вкусъ публики только при послѣдующихъ представленіяхъ. Но подобный шансъ для нашихъ композиторовъ не существуетъ, ибо наша настоящая дирекція не возобновляетъ оперъ, когда-либо убранныхъ со сцены, и можно увѣренно сказать, что ни *Кроатка* Дютша, ни *Каменный Гость* Даргомыжскаго, ни *Борисъ Годуновъ* Мусоргскаго не займутъ на сценѣ подобающаго мѣста до обновленія нынѣшней дирекціи.

Четвертая причина упадка современной музыки заключается въ томъ, что «*борьба за существованіе*»—результатъ подавляющей конкурренціи—*проникла и въ искусство*. Слѣдствіемъ этого является: спѣшное и безостановочное производство; превращеніе искусства въ ремесло; погоня за успѣхомъ во что бы то ни стало; отсутствіе убѣжденій, стиля, отсутствіе артистической совѣсти и т. д., и т. д.

—

Можно судить, какое отрадное впечатлѣніе произвело на меня, среди современнаго прискорбнаго музыкальнаго броженія, знакомство съ двумя композиторами убѣжденными, честными, весьма талантливыми и никому у насъ неизвѣстными,—бельгійцемъ Жильсономъ и испанцемъ Педреллемъ. Замѣчательно, что оба они принадлежатъ къ двумъ народностямъ, которыя дали въ XVI вѣкѣ истинно великихъ композиторовъ (бельгійцы—Жоскенъ-де-Пре, Орландо Лассо; испанцы—Моралесъ, Викторіа), а потомъ какъ-бы совершенно изсякли для музыкальнаго творчества *).

Познакомить читателей, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ этими двумя выдающимися композиторами и составляетъ задачу предлагаемой замѣтки.

I.

Фэлипэ Педрелль.

Педрелль родился въ Тортозѣ (Каталонія) въ сороковыхъ годахъ; ему теперь около 45-ти, 47-ми лѣтъ. Онъ съ одинаковой энергіей занимается и музыкальной композиціей—и музыкальной критикой. У него пять оперъ: *Послѣдній Абенсарагъ*, *Казимодо*—юношескія произведенія, *Тассъ*, *Клеопатра* и *Пиренеи*—произведенія зрѣлаго возраста. Кромѣ того онъ написалъ трехголосную *мессу* съ хорами, оркестромъ, органомъ и арфами, *Requiem*, *Te Deum*; *12 Orientales* В. Гюго, *12 Consolations* Т. Готье для пѣнія съ фортепіано; лирическую поэму *Мазепа*, симфоническую поэму *Excelsior*, симфоническія сцены *Пѣсня горъ*; написалъ *Побѣдный маршъ* и много мелкихъ произведеній для фортепіано, пѣнія, оркестра.

Его литературная дѣятельность не менѣе обширна. Кромѣ множества статей критическихъ и полемическихъ, разбросанныхъ по всѣмъ важнѣйшимъ газетамъ Испаніи и испанской Америки, онъ издалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, съ критическимъ изслѣдованіемъ ихъ происхожденія подъ названіемъ „*Великіе безъимянные поэты и музыканты*“; напечаталъ брошюры: „*Древніе и современные испанскіе музыканты въ ихъ произведеніяхъ*“, „*Опытъ методической и раціональной библіографіи*“, „*Въ пользу нашей музыки*“ (извлеченіе изъ этой объемистой брошюры имѣется и на французскомъ языкѣ — *Pour notre musique*). Онъ основалъ и велъ нѣсколько музыкальныхъ изданій, имѣющихъ цѣлью спасти отъ забвенія великихъ испанскихъ мастеровъ прошлыхъ столѣтій. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ состоитъ редакторомъ *Музыкальной иллюстраціи*, издающейся въ Барселонѣ. Въ настоящее время онъ подготовляетъ, подъ заглавіемъ *Hispaniae schola musica sacra*, библіотеку шедевровъ испанской религіозной музыки XVI, XVII и XVIII вѣковъ,—колоссальный трудъ, имѣющій высокое художественное значеніе не только для Испаніи, но и для всего музыкальнаго міра. Это изданіе будетъ заключать въ себѣ произведенія не менѣе 20 испанскихъ композиторовъ, сопровождаемыя біографическимъ и критическимъ очерками. Изданію будетъ предпослано общее предисловіе. Будетъ оно выходить отдѣльными томами по три въ годъ, въ Барселонѣ, у издателя Juan B-ta Pujol. Первый его томъ долженъ появиться въ непродолжительномъ времени.

Не довольствуясь этимъ, Педрелль часто дѣлаетъ публичныя сообщенія, посвященныя народному искусству и ознакомленію слушателей съ славнымъ музыкальнымъ прошлымъ Испаніи. Послѣдняя, недавняя серія этихъ сообщеній имѣла особенный успѣхъ. Въ ней онъ сравнивалъ итальянца Палестрину (1514—1594) съ испанцемъ Викторіа (1540—1613?) и исполненіемъ многихъ отрывковъ ихъ произведеній доказалъ высокое художественное значеніе стараго испанскаго композитора. Наконецъ онъ настойчиво добивался и добивается основанія народнаго испанскаго лирическаго театра.

*) Еще въ Бельгіи были и есть композиторы не безъ достоинствъ, какъ наприм. Гретри, Геваръ, (болѣе извѣстный какъ ученый), Раду, Петеръ Бэнуа; испанскихъ современныхъ композиторовъ, хоть сколько-нибудь замѣтныхъ,—совершенно не знаю.

Привожу дословно общую оцѣнку дѣятельности и значенія Педрелля, сдѣланную однимъ весьма компетентнымъ испанскимъ музыкантомъ—Л. Пухолемъ.

«Никто не служилъ испанской музыкѣ съ такой преданностью и самоотверженіемъ, какъ Педрелль; никто для нея столько не сдѣлалъ. Ему удалось даже возбудить интересъ въ нѣкоторой части публики, всегда относящейся враждебно къ новымъ идеямъ. Понятно, что это ему далось не даромъ; не обошлось безъ чувствительныхъ и глубокихъ ранъ. Другой давно бы отказался отъ этой трудной, неблагодарной задачи, но Педрелль, благодаря своей энергической, страстной и убѣжденной натурѣ, точно мужаетъ съ каждымъ нанесеннымъ ему ударомъ, точно находитъ источникъ новыхъ силъ и бодрости въ опасностяхъ трудной борьбы.

«Большинство его произведеній было исполнено и въ Испаніи, и внѣ Испаніи, и всякій разъ ихъ исполненіе сопровождалось ожесточенной борьбой его приверженцевъ съ его противниками. Послѣдніе состоятъ изъ композиторовъ, пострадавшихъ отъ критическихъ статей Педрелля, дружно сплотившихся противъ него и этой сплоченностью достигнувшихъ значительнаго вліянія, и изъ массы публики, незнающей ни Педрелля, ни его музыки, не желающей съ ней познакомиться и смѣло довѣряющей всѣмъ небылицамъ, про нее распространяемымъ.

«Педрелль путешествовалъ по Италіи, Франціи, Австріи. Всюду онъ былъ очень хорошо принятъ. Но вслѣдствіе своей натуры, прямой, независимой, допускающей лишь абсолютную искренность и полную свободу мысли и поступковъ, онъ далеко не достигнулъ того успѣха, котораго могъ бы добиться при большей гибкости характера и способности къ интригамъ.

«Въ настоящее время онъ - неоспоримый основатель и глава новой испанской музыкальной школы, которая быстро распространяется и считаетъ въ своихъ рядахъ даровитыхъ адептовъ и энергическихъ бойцовъ. Уже не смѣютъ отрицать открыто ни его значеніе, ни его значительный талантъ. Но глухая, закрытая борьба продолжается съ прежнимъ ожесточеніемъ и лишь только представится какой случай, будь онъ кстати или не кстати, про него разсказываютъ и пишутъ такія невѣроятныя, неожиданныя, нелѣпыя вещи, которыя невозможно себѣ и вообразить.

«Но Педрелль видитъ, съ какимъ убѣжденіемъ, постоянствомъ, рѣшимостью, друзья его защищаютъ и устно, и письменно; и онъ доволенъ, не смотря на наносимые удары; онъ чувствуетъ, что въ этой непрерывной борьбѣ, защищаемыя имъ истины несомнѣнно восторжествуютъ, хотя, быть можетъ, его уже и не будетъ въ живыхъ и онъ не услышитъ первые возгласы окончательнаго торжества. Вотъ въ чемъ заключается его утѣшеніе, вотъ что его побуждаетъ преслѣдовать свою гигантскую задачу, продолжать свою поистинѣ изумительную и необычайную дѣятельность въ пользу испанскаго искусства».

—

Самое крупное музыкальное произведеніе Педрелля—*Пиренеи*, трилогія въ трехъ картинахъ (актахъ) съ прологомъ. Она написана не на нарочно сдѣланное либретто, а она—самый текстъ драматической поэмы того-же названія, каталонскаго поэта Балягуэра,—разумѣется, съ нѣкоторыми урѣзками. Вслѣдствіе этого въ текстѣ *Пиренеевъ* мы не встрѣчаемъ никакихъ обще-оперныхъ банальностей; напротивъ того, самъ по себѣ онъ представляетъ художественное произведеніе, а стихи его проникнуты истинной поэзіей. Сюжетъ *Пиренеевъ* глубоко патріотическій: онъ изображаетъ нѣсколько эпизодовъ Альбигойскихъ войнъ, кончается освобожденіемъ Испаніи отъ нашествія французовъ и торжествомъ народной независимости.

Прологъ («Anima mater»). Въ глубинѣ сцены Пиренеи—«оплотъ свободы Испаніи», сначала подернутыя туманомъ, потомъ видимыя все болѣе и болѣе отчетливо и къ концу пролога освѣщенныя яркими солнечными лучами. На авансценѣ Бардъ, обращаясь къ публикѣ, разсказываетъ вкратцѣ содержаніе пролога. Разсказъ его прерывается и иллюстрируется хорами за сценой: хоромъ монаховъ, прославляющихъ Господа; ансамблемъ изъ любовныхъ игръ (cour d'amour) въ замкѣ Фуа; хоромъ инквизиторовъ на дымящихся развалинахъ этого замка; побѣднымъ хоромъ испанцевъ, отразившихъ вторженіе французовъ. Бардъ обращается вдохновенно къ публикѣ съ предсказаніями отечеству славы, свободы, царства справедливости,—и прологъ оканчивается четвернымъ торжественнымъ хоромъ, поющимъ *Alleluia*.

Первый актъ. («Графъ Фуа»)—прекрасная, полная, живописная, средневѣковая бытовая картина. Дѣло происходитъ въ замкѣ Фуа, въ 1218 г. Весь Проватъ полонъ ужасами войны; только въ замкѣ Фуа царитъ еще спокойствіе; въ немъ нашли убѣжище трубадуры, жонглеры, и графиня поддерживаетъ общую бодрость духа, не смотря на зловѣщіе, отовсюду проникающіе слухи. Графиня организуетъ для своего двора любовныя игры (cour d'amour) Являются жонглеры, является Лунный Лучъ—молодая мавританка, взятая въ плѣнъ испанцами и пламенно сроднившаяся со своимъ новымъ отечествомъ, — она поетъ и танцуетъ Orientale. Она поетъ также народную символическую пѣсню *Смерть Жанны*, гдѣ Жанна олицетворяетъ отечество. («Моя любовь скрылась, а когда вернется,—меня уже не будетъ въ живыхъ. Моя любовь—Солнце, а я—Луна, а

никогда Солнце съ Луной не обнимутся»). Изнѣженный трубадуръ Мираваль любезничаетъ съ Бруниссендой, одной изъ придворныхъ дамъ графини. Другая придворная дама, Гемескія, его ревнуетъ и предлагаетъ диспутъ (Tenson) на тему: можно ли довѣрять измѣнившему любовнику, можетъ ли оказаться вѣрнымъ невѣрный? Споръ трубадуровъ: одинъ осуждаетъ невѣрнаго; другой говоритъ, что слѣдуетъ подчиняться всякимъ влеченіямъ сердца. Гемескія рѣшаетъ споръ, злобно присоединяясь къ осужденію.— Трубадуръ Мираваль поетъ *Lai* (жалобная пѣсня), старинную народную легенду о томъ, какъ мужъ убилъ возлюбленнаго своей жены и подалъ ей за обѣдомъ его сердце съ вопросомъ: «вкусно ли?» — «Такъ вкусно,— отвѣчала жена,— что я этотъ вкусъ сохраню на вѣки», и умерла съ голоду. Наконецъ Сикаръ, воинственный трубадуръ, поетъ пѣсню о бѣдствіяхъ отечества и возбуждаетъ всеобщій энтузіазмъ, прерванный входомъ кардинала легата съ доминиканцами, представителями инквизиціи. Бурная сцена между легатомъ и графиней. Легатъ именемъ папы и Симона Монфорскаго (французскаго предводителя въ походѣ противъ Альбигойцевъ) требуетъ, чтобы всѣ покаялись и покорились ему. Графиня возражаетъ, что въ замкѣ Фуа хозяинъ одинъ — графъ, а за его отсутствіемъ — она, графиня, и объявляетъ легата плѣннымъ. Но легатъ уже захватилъ замокъ Фуа: на башнѣ замка развѣвается уже знамя папы и французскаго короля; легатъ предаетъ анаѳемѣ еретиковъ. На дворѣ буря, страшный ударъ молніи; всѣ стекла разбиты въ дребезги, двери и окна отворяются настежъ. Общій ужасъ: женщины, кромѣ графини, падаютъ на колѣни; легатъ торжествуетъ. Въ это время слышны глухіе подземные удары; полъ у ногъ легата раскрывается; выходятъ изъ подземелья рыцари, графъ Фуа, съ мечемъ и знаменемъ, хватаютъ легата и доминиканцевъ,— и актъ кончается торжественнымъ, восторженнымъ провозглашеніемъ славнаго девиза графовъ: «Foix pour Foix et par Foix!»

Второй актъ («Лунный Лучъ»). 27 лѣтъ спустя, 1245 годъ. Утомленный безконечной, непосильной борьбою, потерявъ всякую надежду, графъ Фуа нашелъ убѣжище въ монастырѣ Больбона, среди Пиренеевъ. Въ этомъ монастырѣ погребены его предки; монахи ему преданы. Но и здѣсь онъ опасается преслѣдованія инквизиціи. Не желая, чтобы трупъ его попалъ въ ея руки, онъ воспользовался смертью одного монаха, приказалъ его выдать за себя и хоронить съ графскими почестями. Однако Альбигойскій замокъ Монсегюръ еще держится, помощь графа была бы весьма могущественна; объ этой помощи приходятъ просить его вѣрные Лунный Лучъ и Сикаръ. Лунный Лучъ вызываетъ графа пѣсней *Смерть Жанны*. Пѣсня сливается съ похоронымъ напѣвомъ монаховъ. Графъ не выходитъ; безпокойство овладѣваетъ Луннымъ Лучомъ. Но вотъ показывается какой то монахъ, его спрашиваютъ о графѣ. «Графъ умеръ»,— отвѣчаетъ онъ, и въ это время входитъ на сцену похоронная процессія: несутъ гробъ, покрытый чернымъ сукномъ съ вышитымъ на немъ гербомъ графовъ Фуа; отворяютъ заржавленную желѣзную дверь фамильнаго склепа, которая издаетъ зловѣщій скрипъ, ставятъ гробъ въ склепъ, затворяютъ двери; процессія удаляется съ замирающимъ вдали пѣніемъ. Лунный Лучъ узнала въ неизвѣстномъ монахѣ графа; и она, и Сикаръ убѣждаютъ его подать помощь Монсегюру, принять начальство надъ уцѣлѣвшими остатками Альбигойцевъ. Но всѣ убѣжденія тщетны; послѣ 40 лѣтъ борьбы, послѣ потоковъ пролитой крови, послѣ нечеловѣческихъ усилій, графъ потерялъ всякую надежду: «меня нѣтъ болѣе въ живыхъ», повторяетъ онъ постоянно. Тогда Лунный Лучъ разсказываетъ графу, что его отецъ, захваченный однажды измѣнически графомъ Аура и спасенный отъ вѣрной смерти графиней Аура, поклялся послѣдней, что онъ и его потомки всегда явятся на зовъ и на выручку изъ опасности ея потомкамъ. «А если-бы мои потомки не явились, то я покину гробъ, но сдержу свою клятву». Теперь графиня Аура съ дочерьми въ осажденномъ Монсегюрѣ ждетъ спасенья отъ пламени инквизиціи. Но графъ Фуа и тутъ упорно отказывается. Тогда Лунный Лучъ идетъ къ склепу, стучитъ въ желѣзную дверь, вызываетъ покойнаго графа: «возстань изъ гроба, потому что твой сынъ не хочетъ сдержать твою клятву». Тутъ рѣшимость графа падаетъ: онъ посылаетъ Сикара оповѣстить свой приходъ. Но въ ту же минуту получается извѣстіе, что Монсегюръ палъ, разрушенъ до основанія, всѣ его защитники сожжены на гигантскомъ кострѣ, а инквизиція сейчасъ будетъ въ монастырѣ. Тогда и графъ рѣшается погибнуть: онъ отказывается отъ обмана, сбрасываетъ монашескую рясу и предается въ руки инквизиціи со словами: «Пусть вѣтеръ развѣетъ мой прахъ и занесетъ его на Пиренеи; когда часъ настанетъ, изъ него возродится мститель, который освободитъ отечество» Инквизиторъ передаетъ графа въ руки своихъ прислужниковъ и надменно восклицаетъ: «Графъ Фуа въ нашихъ рукахъ; Монсегюръ палъ; вселенная намъ принадлежитъ». Хоръ поетъ хвалу Риму.

Третій актъ («Паниссарская битва»); сорокъ лѣтъ спустя, 1285 г. Паниссарское ущеліе въ Пиренеяхъ. Лагерь испанцевъ. Лунный Лучъ (ей уже 80 лѣтъ) роетъ могилу съ пѣсней о *Смерти Жанны*, и на вопросъ, кому предназначена могила, отвѣчаетъ: «мнѣ; Пиренеи имѣютъ душу и живутъ. Они воспрянули ради нашей свободы. Когда для нихъ настанетъ часъ воз-

мездія, я лягу въ могилу и закрою на-вѣки глаза». Вся картина проникнута пламеннымъ патріотизмомъ, подготовляетъ и прославляетъ окончательную побѣду испанцевъ надъ французами. Король Донъ-Педро Аррагонскій обѣщалъ французамъ свободный пропускъ; испанцы должны спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ, а только въ случаѣ измѣнившихся обстоятельствъ по трижды поданному сигналу напасть на врага. Безнаказанность французовъ возмущаетъ Лунный Лучъ; она собираетъ вокругъ себя испанцевъ и воинственной кровожадной пѣсней возбуждаетъ къ мести Но предводитель испанцевъ приказываетъ пробить зорю и разойтись по мѣстамъ. А между тѣмъ французы уже начали отступленіе. Тогда Лунный Лучъ подаетъ сигналъ, испанцы бросаются на французовъ и истребляютъ ихъ поголовно. Побѣдный хоръ; торжественный въѣздъ Донъ - Педро. Когда король скрылся, Лунный Лучъ падаетъ въ могилу со словами: «Довольно жить: — Пиренеи свободны». Эта суровая, воинственная картина смягчена личностью Лизардо. Это — дѣвушка (Лиза), молодая сицилiанка, полюбившая короля; переодѣтая, она поступила въ ряды войска, всюду слѣдуетъ за королемъ, совсѣмъ ему неизвѣстная, и довольствуется счастіемъ изрѣдка на него взглянуть, когда онъ проѣзжаетъ мимо. Она поетъ трогательную пѣсню «о звѣздѣ»: «Я полюбила утреннюю звѣзду; она смотритъ, но не на меня. Сдѣлайте мнѣ серебряный гробъ, и пусть она на немъ отражается и блеститъ, когда меня въ него положатъ».

Таковъ сюжетъ *Пиренеевъ*. Обычная оперная тема — любовь не играетъ въ немъ почти никакой роли. Весь онъ проникнутъ національной гордостью и чувствомъ глубокаго, страстнаго патріотизма.

Перехожу къ оперным формамъ *Пиренеевъ*. Педрелль — убѣжденный, но не крайній вагнерiанецъ. За исключеніемъ основныхъ темъ (Leitmotiv), его принципы очень схожи со стремленіями новой русской школы, съ которыми онъ очень хорошо знакомъ. Вотъ какимъ образомъ онъ высказывается на этотъ счетъ въ своей брошюрѣ «*Въ пользу нашей музыки*». «Каждому дѣйствующему лицу должна быть присуща его собственная, индивидуальная мелодико-гармоническая характеристика, и эта характеристика, въ зависимости отъ общаго хода драмы и отъ положенія дѣйствующихъ лицъ, должна развиваться и перерождаться, отражая въ себѣ всѣ внѣшнія проявленія драматическаго дѣйствія.

«Слѣдовательно, не должно сосредоточивать весь музыкальный интересъ въ оркестрѣ и уничтожать значеніе вокальныхъ партій, играющихъ въ передачѣ драмы первенствующую роль. Оркестръ не имѣетъ права присваивать себѣ главныя темы, предоставляя дѣйствующимъ лицамъ лишь отрывки этихъ темъ, или речитативы, лишенные, если ихъ взять отдѣльно, самостоятельнаго значенія и музыкальнаго содержанія.

«Дѣйствующимъ лицамъ поручается въ операхъ ходъ драмы, они поддерживаютъ сценическій интересъ, роль ихъ не можетъ ограничиваться только дополненіемъ оркестра. Они произносятъ слова, которыя музыка должна олицетворять, въ нихъ сосредоточивается сущность драмы и сущность музыки этой драмы. За весьма рѣдкими исключеніями, имъ должно принадлежать музыкальное преобладаніе. И пусть ихъ основныя темы видоизмѣняются всякій разъ, какъ того потребуетъ ходъ драмы: являясь во всемъ разнообразіи тональностей, ладовъ, инструментовки, они не утратятъ своего единства и сообщатъ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ желаемую полноту и всесторонность».

И въ самомъ дѣлѣ принципъ основныхъ темъ проведенъ во всей операхъ строго и послѣдовательно; повсюду онѣ поручены голосамъ, нигдѣ онѣ не мѣшаютъ оркестру и оркестръ имъ не мѣшаетъ, какъ то бываетъ иногда у Вагнера, и въ развитіи своемъ онѣ тоже болѣе разнообразятся, чѣмъ у Вагнера.

Хотя въ своихъ оперныхъ формахъ Педрелль является послѣдователемъ Вагнера, но произведеніе свое хотѣлъ онъ сдѣлать глубоко національнымъ и потому употреблялъ въ немъ почти исключительно старинные народные напѣвы, разумѣется съ нѣкоторыми варіантами, и церковныя темы средневѣковыхъ испанскихъ композиторовъ. Онъ опредѣляетъ школу, къ которой принадлежитъ произведеніе, не по стилю произведенія, какъ мы *), а по его содержанію, по характеру его темъ.

Приведу еще нѣсколько выдержекъ изъ поименованной выше брошюры Педрелля. «Характеръ лирической школы заключается въ народной пѣснѣ, выраженной въ художественной формѣ. . Народная пѣсня — этотъ *голосъ народовъ*, это чистое первичное вдохновеніе невѣдомыхъ пѣвцовъ — и по своему тексту, и по своей музыкѣ, служитъ мѣриломъ творческихъ силъ народа... Безцѣнныя сокровища, заключающіяся въ народныхъ пѣсняхъ, въ рукахъ лицъ, способныхъ понять стремленія народнаго генія, представили дивный матеріалъ для художественной обработки, послужили отправной точкой для различныхъ лирическихъ школъ и породили капитальныя произведенія въ исторіи искусства... Народная пѣсня даетъ содержаніе, выраженіе; современное искусство даетъ внѣшнюю оболочку, богатство формы. Счастливое соединеніе того съ другимъ воплощаетъ въ оперномъ произве-

---

*) *Каменный Гость*, не смотря на полное отсутствіе русскихъ темъ, представляетъ по стилю своему одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ новой русской школы.

деніи не только мѣстный колоритъ, но и колоритъ эпохи... Въ народной пѣснѣ заключается художественный темпераментъ страны... Интимные, короткіе *lied* (нѣмецкое названіе, которому нѣтъ соотвѣтствующаго на другихъ языкахъ) не что иное, какъ перерожденная народная пѣсня, а народная лирическая драма — расширенные, развитые *lied*».

Таковы принципы Педрелля, и въ *Пиренеяхъ* они выдержаны съ полною силой убѣжденія и зрѣлостью опытнаго художника.

Широкихъ темъ, пѣвучихъ кантиленъ, принадлежащихъ самому Педреллю, въ *Пиренеяхъ* мало. Имѣющіяся — красивы, благозвучны, но не особенно рельефны и оригинальны. Но небольшія основныя темы и коротенькія характерныя фразы, частью заимствованныя у народа, частью у средневѣковыхъ испанскихъ композиторовъ, частью созданныя самимъ Педреллемъ въ народномъ духѣ — всѣ типичны и превосходны. Онѣ носятъ характеръ двухъ народностей — испанской и мавританской (Лунный Лучъ), что ихъ не мало разнообразитъ. Въ разработкѣ этихъ темъ и фразъ Педрелль являетъ замѣчательную талантливость, мастерство и разнообразіе. Примѣняясь къ ходу пьесы и къ сценическому положенію, онъ ихъ расширяетъ, сжимаетъ, измѣняетъ ихъ ритмъ, инструментовку, гармонизацію. Въ гармонизаціи Педрелля — положительное творчество; она не только у него красива, но нерѣдко отличается силою, новизною и разнообразіемъ, такъ какъ онъ къ своимъ темамъ одинаково удачно примѣняетъ и суровость старинныхъ средневѣковыхъ ладовъ, и всю раффинированную роскошь современной гармоніи.

Я не знаю оперы, въ которой мѣстный колоритъ и колоритъ эпохи былъ бы соблюденъ съ большей правдой и выдержкой. Что-же касается характеристики дѣйствующихъ лицъ, то она нѣсколько стушевана и вотъ почему: основныя темы присвоены не только дѣйствующимъ лицамъ, но и предметамъ, идеямъ — паденію отечества, возрожденію отечества, девизу графовъ Фуа и т. п. Эти темы, встрѣчаясь въ рѣчахъ разныхъ дѣйствующихъ лицъ, придаютъ имъ тотъ же по временамъ однообразный оттѣнокъ (то же самое и у Вагнера). Нѣкоторое однообразіе въ музыкѣ ощущается также вслѣдствіе частаго употребленія тѣхъ же модуляціонныхъ пріемовъ, какъ-то: послѣдовательнаго повышенія, или пониженія темы діатоническаго или хроматическаго (то же самое и у Вагнера) и вслѣдствіе нѣкотораго, мѣстами, велерѣчія дѣйствующихъ лицъ (то же самое и у Вагнера).

Нужно-ли говорить, что вся музыка *Пиренеевъ* отличается благородствомъ, отсутствіемъ общихъ мѣстъ, отсутствіемъ дешевыхъ эффектовъ, полной связью музыки со сценическимъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ и съ текстомъ?

Прологъ короткій: въ немъ находится какъ-бы изложеніе главнѣйшихъ основныхъ темъ *Пиренеевъ*, весьма типичныхъ и сразу приковывающихъ вниманіе. Спокойно-красивая рѣчь Барда, декламаціоннаго характера съ изрѣдка выступающими мелодическими фразами; хоры самаго разнообразнаго характера, прерывающіе эту рѣчь; послѣдовательное появленіе основныхъ темъ; грандіозное окончаніе съ внушительными вокальными и инструментальными массами, — представляютъ значительный интересъ и дѣлаютъ прологъ весьма привлекательнымъ.

Первая картина. Послѣ разговора двухъ трубадуровъ, разговора нѣсколько длиннаго и утомительнаго, не смотря на интересъ темъ, остроумное ихъ употребленіе и оригинальность гармонизацій, наступаетъ рядъ сценъ весьма музыкальныхъ и симпатичныхъ по своему колориту. Это, во-первыхъ, вступленіе къ «любовнымъ играмъ» (cour d'amour), соло и ансамбль со значительнымъ развитіемъ, полный спокойной красоты и благозвучія. (У Педрелля опера раздѣлена на сцены, связанныя между собою непрерывнымъ теченіемъ музыки, а сцены эти написаны въ разговорной формѣ, то-есть дѣйствующія лица поютъ по очереди одно за другимъ. Но, когда сюжетъ и сценическое положеніе это дозволяютъ, Педрелль охотно прибѣгаетъ и къ отдѣльнымъ, закругленнымъ нумерамъ и къ ансамблямъ. Подобныхъ нумерозъ въ первой картинѣ *Пиренеевъ* не мало).

Далѣе слѣдуютъ мимическія игры и балетъ. Музыка этихъ игръ въ высшей степени народна, типична, пикантна въ ритмическомъ и гармоническомъ отношеніи. Одна изъ ритурнелей почти буквально воспроизводитъ ритурнель романса Балакирева «Пѣсня Селима»; въ серединѣ игръ находится красивый и оригинальный эпизодъ въ $^5/_4$, который однако Педрелль образуетъ осторожно изъ двухъ тактовъ — одного въ $^3/_4$, другого въ $^2/_4$; всюду почти замѣтно вліяніе мавританской музыки съ двумя увеличенными секундами ея гаммы. Мы восхищаемся испанскимъ колоритомъ въ *Кармэнъ* Бизэ, но сколько въ этомъ колоритѣ блѣдности и дѣланности сравнительно съ колоритомъ *Пиренеевъ!*

Прекрасный контрастъ съ этимъ яркимъ нумеромъ составляетъ слѣдующій за нимъ любовный разговоръ Мираваля съ Брунисендой. Педрелль держитъ его въ полусвѣтѣ: изнѣженный Мираваль не способенъ на сильное выраженіе страсти; но все, что онъ говоритъ, — мягко, симпатично съ меланхолическимъ оттѣнкомъ. Аккомпаниментъ прелестный, колоритъ музыки средневѣковый. Кончается разговоръ крошечнымъ дуэтомъ.

Съ появленіемъ Луннаго Луча, опять является яркая музыка, на этотъ разъ съ преобладающимъ мавританскимъ колоритомъ. Она поетъ сначала — *Orientale*, потомъ пѣсню — *Смерть*

Жанны. Обѣ мелодіи просты, хотя основаны на восточной гаммѣ, но являются въ блестящемъ гармоническомъ и особенно ритмическомъ нарядѣ, сопровождаемомъ разными модуляціонными неожиданностями.

Диспутъ (Tenson) служитъ какъ бы продолженіемъ и заключеніемъ бывшей уже сцены любезничанья Мираваля съ Бруниссендой, и характеръ его такой же: преобладаетъ діатонизмъ трезвучія, средневѣковые лады, съ прибавленіемъ граціи и юмора, основаннаго на подражаніи схоластическимъ музыкальнымъ формамъ. Кончается диспутъ крошечнымъ тріо женскихъ голосовъ (диспутирующіе трубадуры—юноши; ихъ роли поручены женщинамъ).

Слѣдующая затѣмъ жалобная пѣснь (Lai), одинъ изъ лучшихъ нумеровъ этого дѣйствія и по формѣ, и по содержанію. По формѣ—вслѣдствіе ловкаго чередованія пѣнія съ наигрываніями арфы, богатыми фигурной орнаментикой; по содержанію — вслѣдствіе симпатичной прелести, теплоты и красивой простоты темъ. Текстъ пѣсни весьма драматическій, но музыку Педрелль не драматизируетъ, потому что это не разсказъ, а старинная легенда, слова которой укладываются на тѣ же самые напѣвы. Этотъ нумеръ, равно какъ и много другихъ въ *Пиренеяхъ*, получаетъ особенную прелесть отъ употребленія средневѣковыхъ ладовъ съ ихъ неопредѣленной тональностью и неопредѣленнымъ мажоромъ и миноромъ.

Начало патріотической пѣсни Сикара (Sirvente) очень хорошо; но въ серединѣ Педрелль сбивается на общеевропейскую, даже слегка итальянскую современную музыку. Это эффектно, благодарно въ вокальномъ отношеніи, но является диссонансомъ, пятномъ (впрочемъ *единственнымъ*) среди безупречно и сплошь выдержаннаго колорита эпохи.

Входъ кардинала - легата характеризованъ хроматической послѣдовательностью уменьшенныхъ квинтъ и кварть, сначала безъ всякой гармонизаціи (это звучитъ странно и дико), потомъ гармонизованныхъ и подчасъ нѣсколько мелодраматично (уменьшенный септаккордъ). Рѣчь легата и отвѣты графини — сильны и энергичны; у перваго проникнуты зловѣщею злобой, у второй — полны благородства и даже женственности. Проклятіе легата образчикъ суровой, церковной средневѣковой музыки. Появленіе графа съ дружиной основано на блестящей фразѣ девиза Фуа, сдѣлано очень сжато и должно произвести на сценѣ значительное впечатлѣніе.

Вторая картина значительно короче предыдущей и менѣе интересна въ музыкальномъ отношеніи. Она превосходно написана, въ выдержанномъ стилѣ, съ вѣрнымъ всегда настроеніемъ, но мѣстами въ ней чувствуется бѣдность музыкальнаго содержанія. Однако и въ ней должно отмѣтить слѣдующіе превосходные эпизоды. Самое начало, хоръ монаховъ—*De profundis*, холодный, безнадежный, буквальное воспроизведеніе средневѣковаго напѣва, сначала въ униссонъ, потомъ гармонизованнаго трезвучіями. Онъ эффектно сливается съ пѣсней Луннаго Луча — *Смерть Жанны*. Особенно хорошо окончаніе хора при понижающихся, замирающихъ басахъ. Входъ переодѣтаго графа отлично характеризованъ церковнымъ колоритомъ музыки. Рѣчь его полна глубокой, безнадежной скорби (ходъ квартсекстаккордами). Похоронная процессія и обрядъ похоронъ сопровождаются мрачной, суровой музыкой. Эта же музыка послужила въ значительной степени матеріаломъ для разсказа Луннымъ Лучомъ легенды объ отцѣ графа. Въ этой легендѣ вновь являются всѣ лучшія качества Педрелля — простая выразительность и удивительный мѣстный колоритъ. Особенно безподобны въ этой легендѣ ея начало и конецъ. Явленіе вѣстника гибели Монсегюра сопровождается двумя эффектными аккордами, звучащими какъ похоронный звонъ. Самый разсказъ вѣстника нѣсколько рутинно-мелодраматиченъ (хроматическое движеніе увеличенныхъ квинтъ *). —Заключительная рѣчь графа отличается силою и шириною, но, мѣстами не безъ насильственныхъ модуляцій.

Третья картина представляетъ рѣзкую противоположность съ только что описанной, и мрачная музыка суроваго религіознаго характера смѣняется музыкой яркой, радостной, торжествующей, воинственнаго характера. Среди этого блеска, на этомъ свѣтломъ фонѣ чрезвычайно симпатично и художественно выдѣляются личности Луннаго Луча съ ея типичною пѣснью—*Смерть Жанны* и воспоминаніями прошлаго и Лизы (Лизардо). Послѣдняя охарактеризована въ трехъ очаровательныхъ эпизодахъ. Первый—когда она разсказываетъ своему начальнику, что она, какъ сицилiанка, обожаетъ своего короля Донъ-Педро *); второй—когда Лунный Лучъ открываетъ Лизѣ ея прошлое; третій – пѣсня Лизы «о звѣздѣ». Не знаешь, какому изъ этихъ трехъ эпизодовъ отдать предпочтеніе: столько въ нихъ нѣжности, мягкости, женственности, ласки, изящества, оригинальности. Личность Лизы, хотя и эпизодическая, но, можетъ быть, очерчена удачнѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ оперы.

Еще въ этомъ актѣ слѣдуетъ отмѣтить воинственную пѣсню Луннаго Луча, возбуждающую испанцевъ къ мести. Въ этой пѣснѣ много энергіи, доходящей до дикаго, необузданнаго;

*) Въ подобныхъ случаяхъ Мейерберъ употреблялъ уменьшенные септакорды; современные композиторы прибѣгаютъ къ увеличеннымъ квинтамъ.

*) Донъ-Педро былъ и Аррагонскимъ, и Сицилійскимъ королемъ.

хоръ ее подхватываетъ весьма эффектно; она замѣчательна чередованіемъ побѣднаго мажора съ мстительнымъ минóромъ.

Превосходно построенъ на ритмѣ марша разговоръ начальника испанскаго отряда съ посланнымъ французскаго короля.

Конецъ оперы блестящій: торжественный проѣздъ короля Донъ-Педро черезъ сцену, сопровождаемый побѣднымъ хоромъ. Въ музыкѣ финала мастерски скрещиваются, чередуются, сливаются въ одно цѣлое, всѣ важнѣйшія соотвѣтственныя основныя темы съ мягкими фразами Лизы и Луннаго Луча и съ разнообразными, яркими до рѣзкости фанфарами, играющими въ этой картинѣ выдающуюся роль. Это—грандіозное окончаніе грандіознаго произведенія, проникнутаго народнымъ духомъ и глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, произведенія, которымъ Испанія вправѣ гордиться. По своему выдержанному стилю, по силѣ убѣжденія, искренности, съ которой оно написано, по отсутствію какихъ бы то ни было уступокъ вкусамъ публики, наконецъ по своей оригинальности, зрѣлости, обдуманности, законченности и талантливости, оно составляетъ самое отрадное явленіе среди современнаго меркантильнаго ремесленнаго направленія оперной музыки. Это—произведеніе благороднаго, крупнаго художника съ самыми возвышенными, самыми идеальными стремленіями.

—

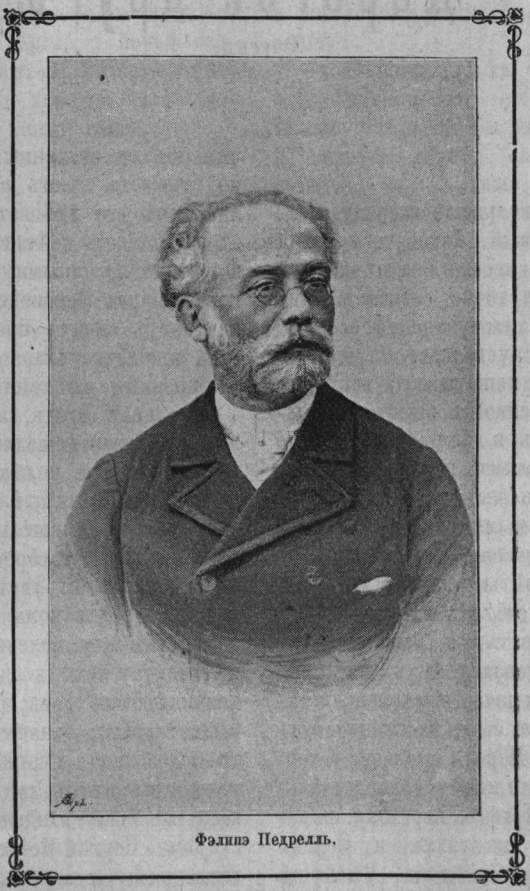
У меня не мало и другихъ сочиненій Педрелля. И въ нихъ мы находимъ тѣ же характеристическія черты творчества испанскаго композитора. Но нигдѣ онѣ такъ не сконцентрированы и не проявляются такъ ярко, какъ въ *Пиренеяхъ;* поэтому можно ограничиться краткимъ анализомъ этой оперы, чтобы составить себѣ довольно вѣрное понятіе объ этомъ выдающемся, достойномъ всякаго уваженія музыкальномъ дѣятелѣ.

Въ будущемъ году *Пиренеи* должны быть поставлены въ Барселонѣ для открытія сезона. Пожелаемъ же и Педреллю и его произведенію успѣха, котораго они оба такъ достойны.

Клавираусцугъ *Пиренеевъ* изданъ въ Барселонѣ съ тремя текстами—испанскимъ, итальянскимъ и французскимъ. Мнѣ не случалось видѣть болѣе совершенное изданіе и по необыкновенной четкости, и по изяществу. Оно дѣлаетъ честь нотопечатному мастерству испанцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ц. Кюи.



Фэлипэ Педрелль.

Дорогой другъ.

Очеркъ.

I.

Дождь шелъ уже нѣсколько дней сряду, мелкій, холодный, назойливый. Какой-то больной контрастъ представляли весело пестрѣвшіе на куртинахъ цвѣты,—они точно сознательно не желали соглашаться съ наступающей осенью. Георгины еще только распускались, астры—тоже. Сергѣй Петровичъ испытывалъ какую-то особенную нѣжность именно къ этимъ запоздалымъ осеннимъ цвѣтамъ и каждый разъ, когда шелъ на дачу къ Чубарскимъ, непремѣнно останавливался въ садикѣ передъ террасой и молча любовался этими нѣмыми свидѣтелями наступавшей осени. Оказывалось, что Сергѣй Петровичъ очень любилъ цвѣты и каждое лѣто долженъ былъ отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи, т. е. не отказывать, а какъ-то такъ выходило, что онъ оставался безъ цвѣтовъ. Была и своя небольшая дача, выстроенная для неприхотливаго холостяка, былъ распланированъ и садикъ, но экономка Марѳа Семеновна и горничная Наташа поднимали между собой отчаянную войну именно въ моментъ переѣзда на дачу, когда устраиваются цвѣтники, и Сергѣй Петровичъ оставался безъ цвѣтовъ. Въ душѣ онъ давалъ отчаянныя клятвы, что непремѣнно откажетъ этимъ милымъ фуріямъ, заставляющимъ его любоваться чужими цвѣтами, но эта рѣшимость сейчасъ же парализировалась совершенно логичными разсужденіями, что вѣдь новая Марѳа Семеновна и новая Наташа только повторятъ своихъ предшественницъ. Сказывалась привычка стараго холостяка къ покою, къ инерціи, къ лѣни.

Да, шелъ дождь, а Сергѣй Петровичъ стоялъ въ чужомъ садикѣ и любовался чужими цвѣтами. Нѣтъ, положительно, онъ долженъ отказать и экономкѣ, и горничной—довольно, будетъ. Съ этой мыслью онъ бодро направился прямо на террасу, сбросилъ непромокаемое пальто и вошелъ въ гостиную безъ доклада,—въ качествѣ друга дома онъ имѣлъ право позволить себѣ эту маленькую свободу. На столикѣ въ углу лежалъ сѣрый цилиндръ—значитъ, хозяинъ былъ дома, дверь налѣво, въ будуаръ, была закрыта—значитъ, хозяйка была чѣмъ-то недовольна. Сергѣй Петровичъ зналъ всѣ мелочи въ этомъ домѣ и всѣ привычки. Да и кому же было ихъ знать, какъ не старому другу дома? Сергѣй Петровичъ съ видомъ эксперта даже прищурилъ одинъ глазъ, стараясь мыслен-

но разрѣшить вопросъ: разсердилась Евгенія Ивановна вообще, т. е. такъ, какъ иногда умѣютъ сердиться женщины — дождь идетъ, портниха испортила платье, ну, однимъ словомъ, нервы, или разсердилась по частному случаю, т. е. на Антона Ѳедорыча. Отвѣтомъ на эти тонкія размышленія послужилъ осторожный скрипъ двери изъ хозяйскаго кабинета, а затѣмъ показалась и голова самого домовладыки. На его лицѣ появилась радостная улыбка: Сергѣй Петровичъ не могъ придти болѣе кстати.

— Ахъ, дорогой другъ, какъ я радъ тебя видѣть!

Этимъ было все сказано: когда супруги ссорились, они начинали относиться къ Сергѣю Петровичу съ особенной нѣжностью. Онъ являлся нѣкоторымъ буферомъ самого несомнѣннаго семейнаго счастья. Приливъ нѣжныхъ дружескихъ чувствъ прикрывалъ собой какую-нибудь неразрѣшимую семейную непріятность, а въ этомъ матеріалѣ недостатка не было. Вотъ и сейчасъ Антонъ Ѳедорычъ смотритъ на дорогого гостя такими виновато-благодарными глазами, какъ напроказившая собака. Онъ взялъ дорогого друга за рукавъ и, ступая на цыпочкахъ, ввелъ его въ свой кабинетъ.

— *У насъ* ревность, дорогой другъ... — прошепталъ онъ, подмигивая на закрытую плотно дверь.—Да-съ, ревность.

У Сергѣя Петровича по какой-то дикой ассоціаціи идей мелькнула мысль о новой горничной Чубарскихъ, но Антонъ Ѳедорычъ предупредилъ его,—они такъ хорошо были знакомы, что могли читать между строкъ.

— Нѣтъ, Маша тутъ не причемъ, дорогой другъ...

— Нервы?

Плечи Антона Ѳедорыча поднялись, а потомъ онъ уже безъ всякой видимой побудительной причины лукаво подмигнулъ дорогому другу.

— Въ сущности, положа руку на сердце, я долженъ сознаться, дорогой другъ, что Женя до извѣстной степени права... Гмъ... да...

— Она права?!.

Сергѣй Петровичъ даже отступилъ въ нѣкоторомъ священномъ ужасѣ и смѣрялъ Антона Ѳедорыча вопросительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы. Антонъ Ѳедорычъ обманывалъ свою жену?!... Нѣтъ, это было что-то такое до того дикое и несообразное, что не укладывалось ни въ какія рамки. Антонъ Ѳедорычъ былъ уже въ томъ почтенномъ возрастѣ, когда молодыхъ и красивыхъ женъ не обманываютъ. У него былъ уже тотъ облѣзлый, подержаный видъ, какой приличествуетъ солидному петербурскому мужу,—онъ женился именно въ тотъ моментъ, когда мужчина чувствуетъ солидную усталость, теряетъ аппетитъ къ холостой свободѣ и ищетъ тихихъ семейныхъ радостей. Да, и вдругъ въ эту тихую пристань ворвался шквалъ... Прибавьте къ этому, что семья была образцовая и Чубарскіе слыли примѣрно-счастливой парочкой. Прибавьте къ этому еще то, что Сергѣй Петровичъ уже второй годъ былъ серьезно влюбленъ въ Евгенію Ивановну и, какъ ему казалось, могъ разсчитывать на взаимность, если бы не считалъ узы дружбы священными. Онъ припомнилъ нѣсколько такихъ прогулокъ, длинные разговоры съ глазу на глазъ, краснорѣчивые взгляды—нѣтъ, онъ умѣлъ держать себя въ рукахъ и героически душилъ въ себѣ всякое внѣшнее проявленіе подтачивавшаго его чувства. Онъ даже приносилъ жертвы—да, пожалуйста, не смѣйтесь, это было. Былъ цѣлый рядъ очень предпріимчивыхъ претендентокъ на его мужскую свободу и онъ даже былъ мысленно не прочь пожертвовать собой, тѣмъ болѣе, что уже находился въ критическомъ возрастѣ; но стоило ему только сравнить любую изъ этихъ милыхъ особъ съ Евгеніей Ивановной и всякая иллюзія исчезала.

— Я съ тобой говорю, Сергѣй Петровичъ, какъ съ старымъ испытаннымъ другомъ,—говорилъ хозяинъ, прислушиваясь къ шагамъ въ гостиной.—Да, съ другомъ... Видишь ли, въ чемъ дѣло... гмъ... да...

Онъ подошелъ къ другу совсѣмъ близко, взялъ его за бортъ сѣренькой лѣтней визитки и заговорилъ какъ то особенно быстро, глотая слюну:

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... да... гмъ... Мнѣ, видишь ли, сегодня до зарѣзу нужно уѣхать изъ дому. Ты понимаешь? Я, вѣроятно, не вернусь домой. . скажу, что опоздалъ на поѣздъ... да... Я знаю, что ты пуританинъ и будешь меня презирать... Да, да... Въ мои годы увлеченія дѣлаются тяжелыми, но что подѣлаешь съ этой подлой живучестью. Ахъ, еслибы ты *ее* видѣлъ: золотистые волосы... кожа—молоко... А какъ она смѣется, какъ дурачится! Котенокъ, а не женщина...

— Я не понимаю одного, причемъ тутъ я?..

— Подожди... Мнѣ очень трудно быть сейчасъ откровеннымъ съ тобой... И, главное, я люблю Женю, а *это* такъ... случайное маленькое знакомство. Женя немного холодна, сдержанна, какъ всякая порядочная женщина. . А тутъ хлынуло такое сладкое безуміе, точно мнѣ двадцать лѣтъ... да...

— Все-таки, я не поним...

— Постой...

Хозяинъ разстегнулъ визитку, взялъ дорогого друга за оба лацкана и притянулъ его къ себѣ еще ближе.

— Видишь ли, Женя подозрѣваетъ что-то... У женщинъ есть на это какое-то проклятое чутье. Да... Опредѣленнаго она ничего не знаетъ, а только подозрѣваетъ... Когда я утромъ, за чаемъ, сказалъ между прочимъ, что можетъ

быть мнѣ придется вечеромъ уѣхать... Ну, однимъ словомъ, съ этого началось, и она устроила мнѣ сцену... Да... Женщины чувствуютъ соперницу инстинктивно, хотя, клянусь тебѣ, душой я не измѣняю Женѣ и очень ее люблю. Но... Нѣтъ, она такая милая... да... И вотъ еслибы ты остался у насъ сегодня на весь вечеръ... Женя такъ тебя любитъ, а еслибы ты зналъ ее... гмъ... Знаешь на женщинъ больше всего дѣйствуетъ самый звукъ словъ, а не ихъ смыслъ... А у тебя есть положительный талантъ именно такъ разговаривать... я наблюдалъ...

— Какой тамъ талантъ, помилосердуй...

— Перестань пожалуйста. Что за скромность!.. Однимъ словомъ, пожертвуй для меня однимъ вечеромъ... Всего однимъ вечеромъ, голубчикъ! Ахъ, какъ много проживаешь вечеровъ совершенно напрасно, а тутъ какой-нибудь одинъ вечеръ... Знаешь, бываютъ такіе моменты, когда часъ идетъ за годъ... Однимъ словомъ, ты меня понимаешь!..

Сергѣй Петровичъ всей фигурой выражалъ какую-то дрянную нерѣшительность, и это возмущало Антона Ѳедорыча. Право, байбакъ какой-то, размазня, тюфякъ...

— Послушай, Антонъ Ѳедорычъ, *это* у тебя давно?

— Около двухъ недѣль... Знаешь, этакое милое дачное знакомство. Она живетъ съ какой то теткой... кажется, даже есть мужъ, т. е. догадываюсь о его существованіи по нѣкоторымъ признакамъ. Вполнѣ приличная особа... А какъ она мило умѣетъ отдаваться... Вѣдь въ этомъ именно вся женщина...

— Довольно, довольно... Охотно вѣрю.

Въ порывѣ благодарности Антонъ Ѳедорычъ расцѣловалъ дорогого друга и такъ его стиснулъ, что тотъ едва вырвался.

— О, всего одинъ вечеръ!.. Полцарства за одинъ вечеръ...—повторялъ онъ съ легкомысліемъ разыгравшагося теленка...

II.

Когда заговорщики вышли въ гостиную, гдѣ сидѣла Евгенія Ивановна, Сергѣй Петровичъ довольно логично подумалъ:

— Ахъ, какіе мы всѣ подлецы, мужчины.

Да, ему было совѣстно, особенно когда онъ посмотрѣлъ на эту цвѣтущую молодую женщину, любящую, вѣрящую, чистую. Вѣдь Евгенія Ивановна была такъ хороша, а всякая красота уже несетъ въ самой себѣ оправданіе. Сергѣю Петровичу показалось, что она никогда еще не была такъ чудно хороша, эта жертва мужского эгоизма и дешевенькихъ увлеченій. Прежде всего, у Евгеніи Ивановны былъ великолѣпный ростъ, чудная свѣжая кожа, красивая головка, русые волосы съ золотистымъ отливомъ, очаровательные сѣрые глаза — однимъ словомъ, все хорошо. Конечно, носъ могъ быть немного правильнѣе, но и этотъ недостатокъ въ глазахъ Сергѣя Петровича превращался въ достоинство, потому что придавалъ лицу извѣстную пикантность, ту маленькую оригинальность, которую такъ охотно прощаютъ очень богатымъ людямъ. Затѣмъ, красивая женщина могла имѣть только сѣрые глаза — это было убѣжденіемъ Сергѣя Петровича. Наконецъ, ему нравилась манера одѣваться и больше всего манера держать себя, особенно когда Евгенія Ивановна начинала смотрѣть на Сергѣя Петровича немного изподлобья, причемъ «капризная прядь» слегка вившихся волосъ спускалась на этотъ бѣлый, точно выточенный изъ слоновой кости лобъ. О, она была хороша, вся хороша, каждой линіей, каждой черточкой, каждымъ движеніемъ... И рядомъ это чудовище, которое называлось Антономъ Ѳедорычемъ! Сергѣй Петровичъ искренно раскаивался, что вошелъ въ тайное соглашеніе съ такимъ человѣкомъ и продалъ себя за чечевичную похлебку дружбы. Есть положенія, когда оправданій не полагается.

— Я такъ рада васъ видѣть, Сергѣй Петровичъ...

Онъ поцѣловалъ маленькую, крѣпкую, бѣлую ручку и еще разъ почувствовалъ себя порядочнымъ мерзавцемъ. Антонъ Ѳедорычъ виновато юлилъ глазами, заискивающе улыбался и оказывалъ дорогому другу всѣ знаки вниманія, какія только были въ его распоряженіи. Послѣднее было даже лишнимъ: онъ продавалъ себя впередъ, и Евгенія Ивановна раза два посмотрѣла на него презрительно—прищуренными глазами.

— Вы, кажется, сегодня собирались ѣхать по дѣлу?— спросила она съ уничтожающимъ равнодушіемъ.

— Да, т.-е. могу и не ѣхать, Женя. Все этотъ Карповъ... Мнѣ необходимо его видѣть, а завтра онъ уѣзжаетъ.

— Тогда нужно ѣхать, дорогой мой, а я здѣсь поскучаю одна...

— Если позволите, я съ удовольствіемъ поскучаю вмѣстѣ съ вами...—нашелся Сергѣй Петровичъ.—Да... Съ удовольстіемъ.

— Я думаю, что твой Карповъ позволитъ тебѣ напиться чаю вмѣстѣ съ нами?—спрашивала Евгенія Ивановна, выдерживая тонъ.— Сергѣй Петровичъ очень любезенъ, и мы будемъ съ нимъ музицировать...

Чай прошелъ скучно, а Антонъ Ѳедорычъ держалъ себя, какъ гимназистъ, которому назначено первое любовное свиданіе. Онъ ерзалъ на стулѣ, подъ столомъ смотрѣлъ на часы, смотрѣлъ съ тоской на дверь и кончилъ тѣмъ, что проговорилъ убитымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Женя, я не поѣду...

Она только горько улыбнулась.

— Перестань болтать глупости... И ты напрасно думаешь, что я хочу удержать тебя. Самое лучшее, если ты переночуешь въ городѣ... Я говорю тебѣ серьезно, потому что дѣло прежде всего.

Извергъ довелъ ее до того, что она сама начала упрашивать его и онъ только, поломавшись, уступилъ этимъ усиленнымъ просьбамъ. Все это было до того гадко, что Сергѣй Петровичъ все время старался не смотрѣть на него и почувствовалъ себя совсѣмъ гадко, когда Антонъ Ѳедоровичъ на прощанье съ особенной выразительностью трясъ его руку.

Потомъ въ садикѣ мелькнула шляпа Антона Ѳедорыча.

— Какъ онъ, бѣдняжка, торопится...—замѣтила она, не обращаясь ни къ кому, а потомъ прибавила:—Вѣдь онъ просилъ васъ провести вечеръ со мной, Сергѣй Петровичъ? Да?.. Увѣрялъ васъ, что вы единственный человѣкъ, съ которымъ я не буду скучать?..

— Гмъ... да... т.-е. вообще, Антонъ Ѳедорычъ всегда любезенъ, и мнѣ иногда даже совѣстно, потому что чѣмъ же я могу отплатить.

— Платятъ той же монетой...

Она неожиданно засмѣялась и посмотрѣла на Сергѣя Петровича какимъ то вызывающимъ взглядомъ. Потомъ наступила пауза, потому что Сергѣй Петровичъ рѣшительно не могъ проговорить ни одного слова. Она еще разъ улыбнулась и потомъ проговорила усталымъ голосомъ.

— Мы немного пройдемся...

Горничная подала лѣтнюю накидку и зонтикъ. Евгенія Ивановна съ разсѣяннымъ видомъ надѣла шляпку и еще разъ посмотрѣла на своего кавалера загадочно-улыбавшимися глазами.

— Идемъ...

Въ ея движеніяхъ явилась какая то особенная рѣшительность, и онъ молча любовался этой красавицей. Да, настоящая красавица... Даже горничная и та любовалась барыней,— онъ это видѣлъ и съ благодарностью посмотрѣлъ на нее, какъ на свою тайную сообщницу.

Они вышли въ садъ. Дача стояла въ полурощѣ, и изъ садика открывался довольно сносный видъ. Внизу лѣпились маленькія дачки, за ними желтой змѣйкой вилась линія желѣзной дороги, дальше зеленой стѣной уходилъ смѣшанный лѣсъ. Она внимательно осмотрѣла куртины съ завявшими цвѣтами и проговорила:

— Вотъ краснорѣчивое доказательство, что ни одинъ лѣтній солнечный день не вернется...

Что она хотѣла сказать этой фразой?.. Онъ даже что то хотѣлъ отвѣтить, но въ этотъ моментъ тамъ, внизу, раздался рѣзкій свистокъ. Это отходилъ дачный поѣздъ въ Петербургъ. Вотъ взмылъ кверху клубъ бѣлаго пара, вотъ съ тяжелымъ грохотомъ выдвинулся поѣздъ и гремучей змѣей скрылся въ сосновомъ лѣскѣ

— Какъ онъ счастливъ, бѣдняжка...—замѣтила она, провожая глазами потянувшуюся изъ-за лѣса струю дыма.—Послушайте, что же вы не предложите мнѣ свою руку, Сергѣй Петровичъ? Вы забываете свои обязанности...

Она могла шутить, она могла улыбаться...

Выйдя изъ садика, онъ повелъ ее по мокрой песчаной дорожкѣ налѣво, къ парку. Тамъ не было грязно даже въ дождь. Сергѣй Петровичъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ она крѣпко оперлась на его руку. Даже шелестъ модной шелковой юбки доставлялъ ему удовольствіе. Падавшія съ деревьевъ капли дождевой воды заставляли ее вздрагивать и улыбаться.

— Я люблю гулять именно въ такую погоду, Сергѣй Петровичъ. Что то такое бодрое есть въ этой осени и немножко грустное... Хочется помечтать, забыться, куда-то унестись, какъ летятъ сейчасъ перелетныя птицы на югъ.

Она опять улыбнулась, но на этотъ разъ какъ то печально, сдерживая невольный вздохъ. Сергѣй Петровичъ замеръ отъ нахлынувшей на него такой хорошей жалости. Ему хотѣлось ее приласкать, успокоить, утѣшить, сказать что то такое хорошее, чтобы это чудное лицо просвѣтлѣло и глаза улыбнулись.

О чемъ они говорили—трудно сказать. Есть такіе разговоры, передать содержаніе которыхъ трудно, потому что они состоятъ изъ полусловъ, намековъ и подстрочныхъ переводовъ. Почему то Евгенія Ивановна заговорила о своемъ дѣтствѣ, потомъ привела нѣсколько эпизодовъ изъ дѣвичьей жизни, и Сергѣй Петровичъ понялъ почему то, что она никогда не любила мужа. Да, они играли въ мужа и жену, представляя публикѣ примѣръ счастливой парочки. Ахъ, какъ часто это случается и какъ часто дѣйствующія лица такой комедіи сами вѣрятъ своему несуществующему счастью.

Домой Евгенія Ивановна вернулась немного усталая, но съ зарумянившимся лицомъ. Въ ея русыхъ волосахъ блестѣло нѣсколько капель дождевой воды. Спускались быстрые осенніе сумерки и въ гостиной привѣтливо горѣла большая лампа подъ моднымъ краснымъ абажуромъ. Евгенія Ивановна велѣла убрать лампу и сѣла къ роялю, перебирая на память знакомые мотивы. Сергѣя Петровича поразило, какъ она дѣлала переходы отъ грустныхъ поэтическихъ мелодій къ бѣшеннымъ цыганскимъ мотивамъ, а отъ нихъ къ сантиментальнымъ мотивамъ старинныхъ романсовъ. Свѣтъ падалъ на нее изъ дверей, и Сергѣй Петровичъ видѣлъ только одну освѣщенную часть лица, точно въ ней, въ Евгеніи Ивановнѣ, сейчасъ боролись и свѣтъ и тьма.

— Вамъ нравится?—тихо спросила она и, не дожидаясь отвѣта, весело разсмѣялась.—Садитесь, сыграемте что-нибудь въ четыре руки... на память. Впрочемъ, нѣтъ, не нужно...

Она перешла къ дивану и устало сѣла въ самый уголокъ. Сергѣю Петровичу показалось, что она сейчасъ такая маленькая.

— Сергѣй Петровичъ, разскажите мнѣ откровенно, любили ли вы когда нибудь?.. Только, пожалуйста, не придумывайте ничего.

Она сама указала ему скамеечку у своихъ ногъ. Онъ повиновался, чувствуя, какъ у него въ головѣ закружилась вся комната и какъ его подхватила и понесла какая то сила. Что онъ говорилъ? Ахъ, да, онъ разсказалъ ей въ третьемъ лицѣ всю свою исторію тайной любви къ ней, т.-е. третьимъ лицомъ являлась она. Вѣдь онъ столько лѣтъ вынашиваетъ это чувство, какъ святыню, онъ молится на нее, онъ счастливъ однимъ ея присутствіемъ, онъ страдаетъ за нее и понимаетъ гораздо больше, чѣмъ она когда нибудь могла предполагать. Да, все это вѣрно... И, главное, онъ никогда не смѣлъ на что нибудь надѣяться, какъ не надѣются, что божество спустится до простого смертнаго. Онъ счастливъ этой недоступностью своей богини, счастливъ собственнымъ ничтожествомъ.

— А вотъ богиня совсѣмъ васъ не любитъ... —тихо отвѣтила она, опуская свою руку къ нему на голову. — Нисколько... да. Она ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ, какъ и слѣдуетъ богинѣ...

Было двѣнадцать часовъ ночи, когда дорогой другъ уходилъ съ дачи. Онъ старался не смотрѣть на горничную, подававшую пальто, какъ воръ, который уносилъ изъ дома самое дорогое. Въ саду онъ остановился и посмотрѣлъ на полуосвѣщенныя окна гостиной, потомъ провелъ рукой по лицу, точно хотѣлъ проснуться отъ какого-то сна, потомъ быстро зашагалъ мимо клумбъ съ осенними цвѣтами, на ходу сорвалъ бѣлую астру и быстро скрылся въ темнотѣ осенней глухой ночи.

III.

Бываютъ странные сны и еще болѣе странныя пробужденія.

Такъ было и съ Сергѣемъ Петровичемъ, когда онъ на другой день проснулся у себя въ кабинетѣ,—онъ спалъ на широкомъ турецкомъ диванѣ. Открывъ глаза, онъ что-то сразу припомнилъ и быстро сѣлъ. Потомъ онъ оглядѣлъ стѣны своего кабинета, шкафъ съ книгами, письменный столъ, фотографіи на стѣнѣ и остановился на довольно соблазнительной нимфѣ, нарисованной извѣстнымъ художникомъ. «Какъ это глупо... Нѣтъ, больше: неприлично, вульгарно, гадко».

— Къ чорту нимфу!..—вслухъ рѣшилъ Сергѣй Петровичъ, опять закрывая глаза, чтобы яснѣе вызвать какую-то картину въ воображеніи. —Ахъ, милая, милая, милая...

Онъ позвонилъ и быстро началъ одѣваться. Смазливая горничная, подававшая умываться, замѣтила, что баринъ сегодня особенно старательно занялся своимъ туалетомъ. Правда, онъ всегда былъ внимателенъ къ своей особѣ по утрамъ, но сегодня по преимуществу. Вытирая шею полотенцемъ, Сергѣй Петровичъ рѣшилъ про себя, что и горничную къ чорту, вмѣстѣ съ проклятой нимфой. Да, все къ черту... Вообще, въ его домѣ отнынѣ не должно быть ничего *такого*.

— Ахъ, милая, милая...

Когда подали кофе, Сергѣй Петровичъ почувствовалъ, что ему тѣсно и душно въ комнатѣ. Онъ вышелъ на террасу и долго смотрѣлъ на пустовавшій садикъ, въ которомъ должны были рости его собственные цвѣты. О, теперь будетъ не то... Какъ жаль, что лѣто прошло! Въ сущности, онъ самъ виноватъ, что поддавался глупой экономкѣ. Нѣтъ, теперь все будетъ по другому... Ему и самому хотѣлось сдѣлаться лучше, чище, свѣтлѣе. Въ душѣ поднималась такая сладкая тревога, такая запоздалая радость... Сергѣю Петровичу хотѣлось и плакать, и смѣяться, кого-то обвинять, что онъ прожилъ всю жизнь по свински, когда можно было устроиться нѣсколько иначе. Да-съ, иначе...

— Ахъ, милая, милая...

Веркувшись въ кабинетъ, Сергѣй Петровичъ заперъ дверь на ключъ, досталъ изъ ящика вчерашнюю астру и поцѣловалъ ее. Это была ребяческая выходка, смѣшная и нелѣпая во всякое другое время, но сейчасъ она имѣла самое серьезное значеніе. Это были первые цвѣты, напоминавшіе о любимой женщинѣ—нѣтъ, слово «любимая» слишкомъ жалко и ничтожно, чтобы выразить вполнѣ все то, что сейчасъ переживалъ Сергѣй Петровичъ. Вѣдь онъ прожилъ до своихъ сорока лѣтъ, не любя. Были увлеченія, шаблонныя интрижки, вообще—глупости. А настоящее охватило его только сейчасъ. Въ немъ проснулась какая то жажда совершать что-нибудь необыкновенное, большое, чтобы всѣ это видѣли и всѣ сказали: до сихъ поръ мы всѣ не знали, что такое Сергѣй Петровичъ. И такой человѣкъ могъ прожить до сорока лѣтъ, не совершивъ рѣшительно ничего... Вѣдь женщины глубоко правы, когда онѣ дарятъ свои симпатіи знаменитымъ людямъ, громкимъ именамъ, тѣмъ мужчинамъ, которые такъ или иначе проявили ярко свою индивидуальность. Этотъ подъемъ духа, скрытая энергія и повышенный тонъ дѣйствуютъ неотразимо, вызывая въ отвѣтъ лучшія и самыя дорогія чувства. Да, для этого стоитъ знать, рисковать, жертвовать собой...

Совершать какой-нибудь подвигъ въ стѣнахъ собственной своей дачи довольно трудно—нужна другая обстановка, что-нибудь необыкновенное, а затѣмъ и время было неподходящее — утромъ всѣ великіе люди только еще приготовляютъ себя. Вообще, великое событіе требуетъ своей обстановки. Машинально Сергѣй Петровичъ направился въ паркъ. Дождь пересталъ, но небо продолжало хмуриться. Дача занимала склонъ горы и подходившую къ ней равнину. Паркъ расположенъ былъ на самомъ верху и тамъ былъ свой пуантъ, съ котораго открывался видъ на всю дачную городьбу. Именно на этомъ пуантѣ и остановился Сергѣй Петровичъ, отыскалъ глазами знакомую зеленую крышу и деревянную башенку съ балкономъ.

— Милая...—прошепталъ онъ, протягивая руки впередъ.—И я столько времени не подозрѣвалъ, что она меня любитъ!.. Гдѣ у меня были глаза? А какъ она страдала, бѣдная...

Этотъ бурный потокъ радостныхъ мыслей былъ прерванъ воспоминаніемъ объ Антонѣ Ѳедоровичѣ и его вчерашней исповѣди. Ахъ, какой мерзавецъ этотъ Антонъ Ѳедоровичъ... И онъ, этотъ мерзавецъ, являлся теперь живой стѣной, отдѣлявшей его навсегда отъ любимой женщины. У Сергѣя Петровича сдѣлалось страшное лицо при одной мысли объ этомъ законномъ соперникѣ. Вызвать его на дуэль? Просто убить, какъ убиваютъ вредное животное?.. И онъ, Сергѣй Петровичъ, долженъ быть свидѣтелемъ тѣхъ ласкъ, которыя супруги позволяютъ въ присутствіи близкихъ друзей. Сергѣй Петровичъ припомнилъ, какъ это скверное животное цѣловало при немъ Евгенію Ивановну и теперь впередъ скрежеталъ зубами отъ безсильной ярости. О, нѣтъ, онъ долженъ будетъ устранить его во что бы то ни стало, даже путемъ преступленія... Вотъ и тотъ подвигъ, которымъ онъ проявитъ свою любовь. Въ ужасѣ Сергѣй Петровичъ даже закрылъ глаза, такъ ярко представилась ему картина этого подвига. Распростертый по землѣ трупъ Антона Ѳедоровича съ страшно зіяющими ранами въ груди — такъ и будетъ сказано въ репортерскомъ отчетѣ во всѣхъ газетахъ. Ему даже нравились эти уголовныя слова: «распростертый трупъ», «зіяющая рана въ груди». А дальше онъ видѣлъ уже самого себя на скамьѣ подсудимыхъ, спокойнаго, съ твердой рѣшимостью во взглядѣ, слышалъ собственное послѣднее слово: «Гг. присяжные засѣдатели!.. Есть святыя чувства, которыя самый обыкновенный человѣкъ не позволитъ попирать никому... Да, я убилъ своего стараго друга, но причину этого преступленія я унесу съ собой въ могилу. Судите меня по всей строгости закона: я готовъ пострадать. И если бы мой старый другъ могъ какимъ-нибудь чудомъ воскреснуть, я убилъ бы его во второй разъ»...

— Ну, послѣднее можно, пожалуй, и не говорить,—вслухъ подумалъ Сергѣй Петровичъ, соображая всѣ обстоятельства дѣла.—Это уже рисовка, а тутъ все дѣло въ одной искренности. Однако, который теперь часъ?

Было всего еще десять часовъ. Она навѣрно еще спитъ. О, спи, милая, милая... Онъ видѣлъ эту спальню, ея кровать, защищенную японской ширмочкой, даже чувствовалъ какой то одуряющій ароматъ крѣпкихъ японскихъ духовъ, который онъ вчера унесъ изъ этого святилища. Да, она спитъ и можетъ быть видитъ во снѣ его, Сергѣя Петровича... А какъ она обнимала его, какія слова шептала, какъ ласкалась къ нему!.. А теперь все это спитъ: и ласки, и поцѣлуи, и объятія, и заворожившій его шепотъ, и смѣхъ русалки. Боже мой, какъ хороша жизнь, когда проснутся эти глаза, а съ ними и весь міръ. Для такой женщины стоитъ пойти на все, до преступленія включительно.

Раньше часа онъ не могъ идти на свиданье, а ждать цѣлыхъ три часа было настоящей пыткой. Шагая по аллеѣ, Сергѣй Петровичъ впередъ старался представить себѣ эту сегодняшнюю встрѣчу и замиралъ отъ восторга. Вѣдь это его первая и послѣдняя, единственная любовь... Въ одиннадцать часовъ онъ былъ опять у себя дома, чтобы еще разъ переодѣться, а кстати необходимо было захватить книгу, какъ предлогъ для визита на всякій случай. Дѣлая всѣ эти приготовленія, Сергѣй Петровичъ могъ только удивляться собственной безсовѣстности: хоть бы тѣнь угрызенія совѣсти... Вѣдь это не хорошо обманывать своего стараго друга, даже очень не хорошо, совсѣмъ гнусно, а онъ шелъ на свиданіе съ совершенно спокойной совѣстью. Э, не все ли равно! Да и что такое совѣсть, ежели разобрать...

Съ какимъ трепетомъ шелъ онъ по знакомой дорожкѣ къ дачѣ Чубарскихъ. Вотъ и садикъ пестрѣетъ осенними цвѣтами, а на террасѣ... У него помутилось въ глазахъ отъ счастья.

— Ради Бога осторожнѣе, — проговорила она, отворяя ему дверь террасы.— *Онъ* только что вернулся... Кстати, не дѣлайте такого глупо-торжественнаго лица. Будьте, какъ всегда...

Его поразилъ больше всего спокойный тонъ, которымъ она говорила. У него замерли на языкѣ тѣ слова, которыя онъ повторялъ съ ранняго утра и несъ сюда, какъ святыню. И видъ у нея былъ такой же, какою онъ привыкъ видѣть ее изо дня въ день. У Сергѣя Петровича что-то точно порвалось въ душѣ и онъ посмотрѣлъ на нее такими жалкими умоляющими глазами, точно хотѣлъ найти ту, вчерашнюю Евгенію Ивановну. Она сдѣлала знакъ глазами: «онъ идетъ». Дѣйствительно, на террасу вошелъ Антонъ Ѳедоровичъ, немного измятый, усталый, съ кислымъ выраженіемъ лица.

— А, дорогой другъ,—лѣниво протянулъ онъ, зѣвая.

— Вы, повидимому, недурно воспользовались своимъ маленькимъ временемъ?—замѣтила Евгенія Ивановна.

— Да, долженъ сознаться, что того... Въ сущности, я ужасно жалѣлъ, что поѣхалъ и ты напрасно не удержала меня.

Когда жена отвернулась, Антонъ Ѳедоровичъ лукаво подмигнулъ дорогому другу. Это ужъ было слишкомъ... Шла двойная игра. Вывела изъ неловкаго положенія горничная, явившаяся съ докладомъ, что завтракъ готовъ. Это было новое испытаніе. Евгенія Ивановна держала себя съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и это произвело на Сергѣя Петровича непріятное впечатлѣніе. Онъ ожидалъ смущенно опущенныхъ глазъ, застѣнчивыхъ улыбокъ, непрошеннаго румянца, а тутъ какъ есть ничего, такъ что онъ даже усумнился въ существованіи вчерашняго дня. Только одинъ разъ онъ замѣтилъ на себѣ ея пристальный взглядъ,—она разсматривала его съ какимъ-то любопытствомъ, какъ смотрятъ на человѣка, который пришелъ въ домъ въ первый разъ. Вообще, онъ ожидалъ совсѣмъ не этого и по логикѣ ошибшагося человѣка во всемъ обвинялъ вернувшагося не во время Антона Ѳедоровича, котораго возненавидѣлъ еще сильнѣе.

— Вы, кажется, безъ меня поссорились?—пошутилъ Антонъ Ѳедоровичъ, приходя въ веселое настроеніе.

Она вся вспыхнула, встала и ушла, не сказавъ ни слова.

— Мы сердимся...—объяснилъ Антонъ Ѳедоровичъ, провожая жену глазами и прибавилъ шепотомъ:—Ахъ, какая женщина, какая женщина!..

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и сдѣлалъ жестъ въ сторону Петербурга.

IV.

Бываютъ до нелѣпости странныя положенія, и именно въ такомъ положеніи очутился Сергѣй Петровичъ. Случившееся съ нимъ приключеніе окончательно и навсегда вышибло его изъ той колеи, по которой онъ шелъ до сихъ поръ, а будущее было неизвѣстно. Въ сорокъ лѣтъ любятъ тяжело, и каждый солнечный день здѣсь покупается слишкомъ дорогой цѣной. Прежде всего его совершенно сбило съ толку поведеніе Евгеніи Ивановны. Что онъ такое для нея и что она для него? Ему было стыдно за свои несбывшіяся мечты, за свое юношеское увлеченіе, за охватившій его восторгъ... Да, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ именно мужчинамъ, которыхъ женщины любятъ – это было ясно, и для этого не нужно быть ни молодымъ, ни красивымъ, ни богатымъ, ни талантливымъ. Любовь именно слѣпа... И все-таки обидно, горько, тяжело. Нужно быть Антономъ Ѳедорычемъ, чтобы пользоваться успѣхомъ у женщинъ. Вообще, Сергѣй Петровичъ чувствовалъ себя гадко. Ему начинало казаться, что все случившееся какой-то безобразный сонъ.

На Сергѣя Петровича напала такая хандра, что онъ нѣсколько дней никуда не показывался изъ дому. Онъ точно хотѣлъ кому-то отомстить этимъ сидѣньемъ.. А вотъ возьму и буду сидѣть у себя дома, какъ кикимора. Подъ этимъ рѣшеніемъ притаилась скромная мысль, именно, дать почувствовать *ей*, что онъ ушелъ первый, а это уже стоило цѣлой побѣды. Но въ разгарѣ этого стоицизма, Сергѣй Петровичъ получилъ коротенькую записочку, состоявшую всего изъ двухъ предложеній: «Какъ вамъ не совѣстно... Я скучаю». Подписи не было, но Сергѣй Петровичъ зналъ руку и безъ подписи. Съ нимъ случилась странная вещь: весь стоицизмъ и всякая рѣшимость исчезли съ поразительной быстротой, смѣнившись бурной радостью. О, все забыть, все простить, все понять—какое это счастье...

Онъ полетѣлъ на дачу Чубарскихъ съ неприсвоенной его возрасту быстротой. Голова кружилась, мысли путались, въ глазахъ стоялъ радужный туманъ. На его счастье Антона Ѳедорыча не было дома. Она заставила его подождать цѣлыхъ полчаса, прежде чѣмъ показалась такая усталая, разбитая, недовольная.

— Посмотрите на себя въ зеркало,—предложила Евгенія Ивановна.

Онъ подошелъ и увидѣлъ глупо и радостно улыбавшееся лицо. Развѣ такихъ мужчинъ любятъ? У него упало сердце.

— Я былъ нездоровъ...—пробормоталъ онъ въ свое оправданіе.

— Цѣлыхъ три дня? Глупости... Подойдите сюда и смотрите мнѣ въ глаза.

— Евгенія Ивановна, если бы вы знали, какъ вы меня измучили...

Она засмѣялась беззаботно, весело, поджигающе, какъ иногда смѣются расшалившіяся дѣти. Черезъ мгновенье она смѣялась уже въ его объятіяхъ, напрасно стараясь вырваться.

— Да вы съ ума сошли, несчастный?!.. Антонъ Ѳедорычъ дома...

И опять смѣхъ, прерывавшійся поцѣлуями, капризными движеніями, объятіями.

— Я пожалуюсь Антону Ѳедорычу... Неужели вы его не боитесь, безумный мужчина?

— Я? О, я его презираю... я его убью... вообще, уничтожу. Только...

— Только что? Пожалуйста, не дѣлайте такихъ страшныхъ глазъ, точно вы въ первый разъ пришли въ фотографію и хотите сняться во всей красѣ.

— Могу сказать одно, что вы меня совершенно не знаете, Евгенія Ивановна...—шеп-

талъ онъ, теряя голову отъ счастья. — О, сколько передумалъ я за эти дни!..

— Хорошо. Разсказывайте, а я буду слушать, — проговорила она совершенно другимъ тономъ, приводя въ порядокъ волосы.—Женщины любятъ, чтобы имъ говорили о любви, даже когда ихъ обманываютъ... Клянитесь, что вы любите еще въ первый разъ, что еще никто, никогда и никого такъ не любилъ, что вы никого и никогда не полюбите, что... Садитесь у моихъ ногъ и говорите.

И безумецъ сидѣлъ у ея ногъ и разсказывалъ о своемъ безуміи. Она сдѣлалась вдругъ серьезна и слушала его внимательно. Онъ все ей разсказалъ, что передумалъ и перечувствовалъ за эти дни и былъ пораженъ, когда на его лицо упала горячая слеза.

— Милая, что съ тобой?

— Такъ, ничего... Такъ ты рѣшилъ, что такихъ мужчинъ, какъ ты, женщины не любятъ?

— Да... Я въ этомъ увѣренъ.

— А я?

— Ты сама не вѣришь себѣ... Я не забуду никогда, какъ ты смотрѣла на меня на другой день за завтракомъ. Ты, вѣроятно, раскаивалась и даже не вѣрила, что все это могло быть. Женщины любятъ, чтобы мужчина былъ немного нахалъ, чтобы онъ немного обманывалъ, чтобы, вообще, держалъ себя такъ, что вотъ сейчасъ онъ исчезнетъ... Все это я знаю и понимаю и не могу быть такимъ. Да, я смѣшонъ въ твоихъ глазахъ своей ребяческой искренностью, своимъ запоздалымъ чувствомъ, но я не умѣю быть другимъ. Я весь тутъ... И сейчасъ я знаю, что я не долженъ былъ говорить вотъ именно этого и что я окончательно гублю себя этими дѣтскими признаніями, но что дѣлать, если я потерялъ голову... Все равно, будь что будетъ!..

— Мнѣ больше всего нравится эпизодъ съ астрой. Не достаетъ только локона любимой женщины. Принесите сюда ножницы.

Онъ повиновался. Она подошла къ зеркалу и отрѣзала одну прядь своихъ чудныхъ волосъ.

— Вотъ рыцарь, вамъ, на память отъ дамы сердца...

Она опять засмѣялась, потомъ достала его часы, открыла крышку, положила подъ нее волосы и проговорила съ комической торжественностію:

— Я отдаю вамъ лучшую часть самой себя... Это будетъ вашимъ талисманомъ, который отгонитъ самыя черныя мысли.

Дальше опять начались дурачества и посыпался неудержимый смѣхъ. Наконецъ, она утомилась, забилась въ уголокъ дивана и проговорила усталымъ голосомъ:

— Вы, дѣйствительно, совсѣмъ другой, Сергѣй Петровичъ, а не тотъ, какимъ я васъ знала раньше. Сейчасъ вы еще сами не дадите себѣ отчета, а въ свое время и это придетъ. Знаете, когда женщина отдается мужчинѣ, она уже теряетъ девяносто процентовъ своего женскаго обаянія, какъ всякая вещь, поступившая въ собственность. Это глубоко вѣрно психологически, и всѣ женщины теряютъ именно на этомъ... Недавній идеалъ, недавнее совершенство, недоступная мечта реализируются слишкомъ просто—я не хочу сказать больше. Прибавьте къ этому еще то, болѣе или менѣе искусно скрытое, торжество мужчины, добившагося цѣли... Это очень грустно и обидно для женщины, но это такъ. И вы такой же, какъ всѣ... Еще немножко и вы настолько привыкнете къ собственному счастью, что будете смотрѣть на него, какъ на нѣчто очень обыкновенное, а я въ вашихъ глазахъ сдѣлаюсь...

— Ни слова больше! Ради Бога, ни слова!

Нѣтъ, это было что-то невѣроятное, захватывающее, безумное. Сергѣй Петровичъ возвращался домой, какъ пьяный, пьяный отъ счастья. Было уже темно, и онъ кому-то погрозилъ кулакомъ, а потомъ расхохотался.

— Я схожу съ ума,—мелькнуло у него въ головѣ.—Э, все равно...

Ему показалось, что кто-то хохочетъ другой, и дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Потомъ онъ остановился, зажегъ спичку и посмотрѣлъ на спрятанный въ часахъ талисманъ. Да, они, эти волосы составляли частичку ея еще утромъ, а теперь принадлежатъ ему. Глупое слово: принадлежатъ... И онъ еще могъ сомнѣваться?

Счастье идетъ быстрыми шагами и Сергѣй Петровичъ не замѣчалъ, какъ летѣли дни за днями. Ему даже хотѣлось крикнуть солнцу: остановись. А глупая планета—земля продолжала вертѣться, какъ громадный клубокъ, наматывавшій на себя часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы; сердце билось, приближая каждымъ новымъ ударомъ къ небытію... Какъ вообще велико и мало въ одно и то же время счастье каждаго человѣка!.. Въ самый разгаръ счастья Сергѣя Петровича наступилъ роковой моментъ переѣзда съ дачи. Да, всему свое время и всему свой конецъ. У него сжалось сердце отъ предчувствія чего-то недобраго, что ждало его тамъ, впереди. И чего бы онъ не далъ, чтобы остаться на дачѣ навсегда, до самой смерти. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, существуютъ эти дурацкіе города и еще болѣе дурацкій обычай переѣзжать съ дачи осенью.

— Мнѣ жаль разставаться съ нашей дачей,—замѣтила однажды Евгенія Ивановна въ присутствіи мужа и посмотрѣла на Сергѣя Петровича такими глазами, которые были краснорѣчивѣе всякихъ словъ. — Здѣсь было такъ уютно, покойно...

— На тебя осенью обыкновенно нападаетъ институтская сантиментальность, — довольно грубо отвѣтилъ Антонъ Ѳедорычъ.—Я, напримѣръ, съ удовольствіемъ ѣду на дачу и съ удовольствіемъ ѣду съ дачи... Всякая перемѣна уже сама по себѣ составляетъ цѣль. Не правда ли, дорогой другъ?

— О, да... т.-е. я не могу согласиться.

Между Антономъ Ѳедорычемъ и Сергѣемъ Петровичемъ установились какія-то странныя отношенія, начиная съ того, что они взаимно старались избѣгать другъ друга. Открытой причины для этого не было, а все выходило какъ-то такъ, само собой.

V.

Сергѣй Петровичъ жилъ на Моховой. У него была великолѣпная квартира, какія устраиваютъ себѣ богатые холостяки. Первымъ дѣломъ онъ устроилъ очищеніе этой квартиры, какое произвелъ у себя на дачѣ; всѣ фривольнаго содержанія картины были убраны, та же участь постигла двухъ Венеръ, пикантныя терракоты, китайскую запретную бронзу, кипсэки съ игривыми рисунками. Однимъ словомъ, произведенъ былъ полный разгромъ, потому что впереди предвидѣлась возможность, что сама богиня удостоитъ своимъ посѣщеніемъ эту холостую обитель. По пути Сергѣй Петровичъ подтянулъ свою экономку и горничную, а затѣмъ, уже неизвѣстно для чего, нанялъ себѣ «человѣка», которому рѣшительно нечего было дѣлать въ домѣ.

— Ты у меня смотри...—довольно строго внушалъ баринъ.

— Слушаю-съ.

Все оно какъ-то солиднѣе, когда дверь будетъ отворять не горничная, а «человѣкъ».

Чубарскіе жили на Николаевской. У нихъ была совсѣмъ роскошная квартира, какую могутъ имѣть люди съ годовымъ бюджетомъ въ двадцать тысячъ. Правда, что оригинальнаго во всей обстановкѣ ничего не было, а просто была нагромождена заказная роскошь, какъ ее понимаютъ мебельные магазины и обойщики. У Антона Ѳедорыча совершенно не было вкуса къ обстановкѣ, а Евгенія Ивановна относилась къ ней равнодушно,— достаточно, если все прилично, какъ у другихъ.

Когда Сергѣй Петровичъ явился къ Чубарскимъ съ первымъ визитомъ, ему показалось, что Евгенія Ивановна совсѣмъ не та, какой была на дачѣ.

— Неужели все это, что было, только глупый дачный романъ? — съ ужасомъ подумалъ Сергѣй Петровичъ.—Впрочемъ, я дѣлаюсь мнительнымъ...

Первое время онъ ужасно ревновалъ Евгенію Ивановну къ мужу, который какъ на зло нарочно при немъ позволялъ разныя нѣжности. Всѣ эти объятія мимоходомъ, случайныя безешки и другіе знаки супружескаго вниманія коробили Сергѣя Петровича, пока онъ не привыкъ къ нимъ, потому что видѣлъ, съ какимъ отвращеніемъ принимала ихъ Евгенія Ивановна. Да, ко всему можно привыкнуть, особенно, когда другого выхода не оставалось.

— Какое у тебя страшное лицо, дорогой другъ, — удивлялся Антонъ Ѳедорычъ съ затаеннымъ ехидствомъ. — Можно подумать, что ты влюбленъ. Говорятъ, что въ этомъ положеніи люди глупѣютъ; по крайней мѣрѣ это вѣрно относительно меня. Вотъ спроси Женю, когда я ухаживалъ...

— Слушая тебя, можно подумать, что ты постоянно влюбленъ, — отвѣтила съ женской находчивостью Евгенія Ивановна.

Сергѣй Петровичъ покорно переносилъ ехидство друга и очень мучился своей ненаходчивостью. Вернувшись домой, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что придумывалъ отвѣты убійственно-остроумные, отъ которыхъ Антону Ѳедорычу не поздоровилось бы. Онъ проклиналъ собственную робость и боялся только одного, что Евгенія Ивановна перестанетъ его уважать. Показаться смѣшнымъ въ глазахъ любимой женщины—вѣдь это конецъ всему. Женщины все могутъ понять, простить, извинить, кромѣ этого.

Но худшее было еще впереди.

Разъ Сергѣй Петровичъ провожалъ Евгенію Ивановну въ оперу,—у нихъ была абонированная ложа въ бель-этажѣ. И раньше ему случалось бывать съ ней въ театрѣ, но теперь онъ испытывалъ особенный приливъ гордости: когда остался съ ней въ ложѣ вдвоемъ. Она была такъ красива, когда сидѣла у барьера и не обращала никакого вниманія на разсматривавшіе ее бинокли. А какъ она была эффектна, когда они подъ руку гуляли въ фойе. Мужчины почтительно давали дорогу, женщины провожали завистливыми взглядами, вслѣдъ доносился восторженный шепотъ: «какая красавица... ахъ, какая красавица!» И Сергѣй Петровичъ задыхался отъ счастья, что эта чудная женщина принадлежитъ именно ему, Сергѣю Петровичу... Ему хотѣлось даже крикнуть на весь театръ: «она—моя». Послѣ второго дѣйствія Евгенія Ивановна отказалась идти въ фойэ. Это ничтожное обстоятельство сначала не обратило на себя вниманія Сергѣя Петровича, но онъ взглянулъ на свою даму и похолодѣлъ— на ея чудномъ лицѣ появилось то тревожно-ласковое выраженіе, которое ему было такъ знакомо. Но сейчасъ это выраженіе относилось не по его адресу. Сергѣй Петровичъ замеръ отъ ужаснаго подозрѣнія и принялся молча наблюдать за своей дамой. Евгенія Ивановна нѣсколько разъ раскланивалась съ знакомыми, но это было не то. У Чубарскихъ было большое знакомство, но это все были люди отчасти необхо-

димые по дѣловымъ отношеніямъ, отчасти просто знакомые, которые появлялись на вечеринкахъ и исчезали.

Сергѣй Петровичъ почувствовалъ инстинктивно присутствіе соперника и сталъ искать его въ партерѣ и въ ложахъ, продолжая наблюдать, куда смотритъ Евгенія Ивановна. Вотъ она кивнула знакомому старичку-генералу,—конечно, не онъ,—потомъ стала разсматривать въ бинокль ложу, гдѣ сидѣлъ начинающій адвокатъ—тоже не онъ, дальше слѣдовалъ офицеръ изъ конвоя, желѣзнодорожный инженеръ, цивилизованный купчикъ, богатый нѣмецъ, дамскій докторъ... Но въ этой толпѣ не было того, кого искалъ Сергѣй Петровичъ.

— У меня болитъ голова,—заявила Евгенія Ивановна послѣ третьяго акта.—Проводите меня домой.

Сомнѣній не могло быть: она его встрѣтила. Въ головѣ Сергѣя Петровича быстро сложилась цѣлая картина: она была влюблена въ этого неизвѣстнаго, а потомъ произошла любовная ссора и они разстались на лѣто. Теперь въ театрѣ произошла случайная встрѣча и старая любовь поднялась съ новой силой. Евгенія Ивановна больше не замѣчала Сергѣя Петровича и всю дорогу упорно молчала, откинувшись въ уголъ кареты и полузакрывъ глаза.

— Нѣтъ, Антонъ-то Ѳедорычъ какой дуракъ!—съ бѣшенствомъ думалъ Сергѣй Петровичъ.—Нѣтъ, гдѣ у этого болвана были глаза, когда его водили за носъ? И такъ глупо попасться... Нѣтъ, это возмутительно. Просто, дуракъ, и только...

Въ головѣ Сергѣя Петровича мысли вертѣлись вихремъ, и онъ чувствовалъ, какъ начинаетъ презирать измѣнницу. Онъ на время даже смѣшалъ себя съ Антономъ Ѳедорычемъ и вошелъ въ роль обманутаго самымъ безсовѣстнымъ образомъ мужа.

Вернувшись домой, Сергѣй Петровичъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Да, все было разбито, уничтожено, попрано... И это могла сдѣлать *она!* Получалось что-то чудовищное, невозможное... Сергѣй Петровичъ смотрѣлъ теперь на свою собственную квартиру какъ на кладбище, на которомъ было похоронено все дорогое. Единственнымъ воспоминаніемъ объ этомъ дорогомъ являлись несчастныя астра и спрятанная въ часахъ прядь русыхъ волосъ. Эти реликвіи теперь говорили только о томъ, что были другія астры и другіе локоны, которыя давались на память тому, другому.

Начались дни испытанія. Сергѣй Петровичъ давалъ себѣ тысячу разъ слово порвать эту позорившую его искреннее чувство связь и не могъ. Его убивало собственное безсиліе. Затѣмъ являлись сомнѣнія: а можетъ быть онъ ошибается? Онъ слишкомъ былъ ослѣпленъ собственной страстью и мучился призраками собственнаго воображенія. Какія ужасныя ночи безъ сна, съ галлюцинаціями и мучительной дремотой и еще болѣе мучительные дни. Сергѣй Петровичъ до мельчайшихъ подробностей разобралъ всю исторію своего короткаго счастья и съ ужасомъ находилъ, что въ самыхъ интимныхъ сценахъ чувствовалось присутствіе этого неизвѣстнаго третьяго лица, оно сказывалось въ формировкѣ фразы, въ самыхъ интонаціяхъ, потому что она въ эти моменты думала о другомъ. Затѣмъ, онъ еще съ большой внимательностью отнесся къ ея привычкамъ и мельчайшимъ деталямъ всей обстановки и костюмовъ. И здѣсь съ яркой убѣдительностью опять выступалъ *онъ*, какъ грозный призракъ. Да, *онъ* незримо присутствовалъ здѣсь, все наполнялъ собой и на все клалъ свою печать. Она одѣвалась такъ, какъ это нравилось ему, она убирала волосы по его вкусу, она любила тѣ вещи, съ которыми такъ или иначе были связаны воспоминанія о немъ. Сергѣй Петровичъ теперь могъ пересчитать эти вещи по пальцамъ и по нимъ до извѣстной степени возстановить портретъ неизвѣстнаго соперника. Никакой сыщикъ не могъ бы произвести такого дознанія.

— Онъ есть...—повторялъ Сергѣй Петровичъ, ломая руки.—Его нѣтъ!

А она ничего не подозрѣвала, поглощенная неожиданной встрѣчей. Она была слишкомъ полна своей внутренней тайной. Это спокойствіе возмущало Сергѣя Петровича больше всего.

— Нѣтъ, я его найду!—клялся онъ самому себѣ.—Я его поставлю на барьеръ, если на то пошло. Вы еще не знаете, господа, что такое Сергѣй Петровичъ... да-съ. Я шутить съ собой не позволю!

А тутъ еще круглый болванъ мужъ. Этотъ истуканъ рѣшительно не желалъ ничего замѣчать, и Сергѣю Петровичу хотѣлось ему крикнуть:

— Ты, старый дуракъ, что смотрѣлъ?..

Этотъ обманутый вдвойнѣ мужъ теперь вызывалъ въ Сергѣѣ Петровичѣ какое-то органическое—отвращеніе, о ревности къ нему больше не могло быть и рѣчи.

VI.

Муки и душевныя терзанія Сергѣя Петровича продолжались въ теченіе всего зимняго сезона. Евгенія Ивановна держала себя съ нимъ какъ и раньше, полосы равнодушія смѣнялись припадками совершенно неожиданной нѣжности. И было достаточно одного ея ласковаго взгляда, чтобы всѣ его сомнѣнія разлетѣлись прахомъ. Онъ ненавидѣлъ самого себя за эту преступную слабость, ненавидѣлъ ее, но продолжалъ плыть по теченію. Объясниться откровенно съ самой Евгеніей Ивановной онъ не рѣшался, хо-

тя и дѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Сергѣй Петровичъ, какъ всѣ безхарактерные люди, все ожидалъ чего-то, того случая, который его выручитъ.

И такой случай явился.

Это было въ разгарѣ зимняго сезона, на одномъ изъ вторниковъ у Чубарскихъ. Общество собралось смѣшанное и довольно скучное. Евгенія Ивановна не умѣла быть настоящей хозяйкой и обыкновенно отбывала свою повинность съ сдержанной зѣвотой. Ахъ, какіе всѣ они скучные и неинтересные!.. А между тѣмъ нельзя, нужно улыбаться, дѣлать любезный видъ, поддерживать разговоры, вообще притворяться въ теченіе цѣлаго вечера. Такъ было и тутъ: выручалъ хозяйку обыкновенно Сергѣй Петровичъ, занимая дамъ, подсаживаясь за болвана къ винтерамъ и вообще выдѣлывая все то, къ чему обязываетъ отвѣтственное званіе друга дома. Антонъ Ѳедорычъ и въ такомъ критическомъ положеніи умѣлъ оставаться неисправимымъ эгоистомъ и являлся у себя дома какимъ-то гостемъ.

Въ затруднительныхъ случаяхъ эта тварь обращалась къ Сергѣю Петровичу и говорила:

— Дорогой другъ, займите какъ нибудь вонъ того старичка. Онъ помѣшанъ на гомеопатіи... Что тебѣ стоитъ прикинуться злѣйшимъ гомеопатомъ? А вотъ тамъ генеральша Истолбина... Она выжигаетъ по дереву или что-то такое вообще. Однимъ словомъ, ты меня понимаешь, дорогой другъ...

И дорогой другъ превращался въ злѣйшаго гомеопата, а потомъ открывалъ, что генеральша не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о выжиганіи по дереву, а занимается спиритизмомъ. Впрочемъ, всѣ эти маленькіе сюрпризы совершенно выкупались одной благодарной улыбкой хозяйки, пожатіемъ маленькой руки, и за эту цѣну Сергѣй Петровичъ бросился бы въ Ніагару или въ жерло Везувія—не все ли равно.

Итакъ, вторникъ былъ нормально скученъ. Обычные посѣтители сидѣли съ такими обиженными лицами, точно дѣлали величайшее одолженіе уже тѣмъ, что дышутъ. Въ гостиной дамы вполголоса вели безконечный разговоръ о послѣднихъ модахъ, о новыхъ матеріяхъ, о послѣднемъ концертѣ, о скандалѣ съ одной изъ недавнихъ посѣтительницъ вторниковъ. Мужчины пробовали быть любезными, но эти героическія попытки заканчивались болѣе или менѣе удачнымъ бѣгствомъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ разсказывались такіе интересные анекдоты. Даже Сергѣй Петровичъ не выдержалъ и тайкомъ направился изъ гостиной въ кабинетъ, проклиная не безъ основанія всю женскую половину человѣческаго рода.—Вѣдь такъ нельзя же, господа... Вѣдь это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое!

Въ залѣ Сергѣй Петровичъ сдѣлался свидѣтелемъ довольно комической сцены. Вошелъ какой-то офицеръ и натолкнулся прямо на хозяина.

— Ахъ, очень, очень радъ...— бормоталъ Антонъ Ѳедорычъ, очевидно не узнавая гостя.— Какъ вамъ не совѣстно забывать насъ!.. Я уже говорилъ нѣсколько разъ женѣ... А вотъ и она.

Офицеръ что-то пробормоталъ въ свое извиненіе и издали раскланялся съ хозяйкой, которая остановилась и смотрѣла на него округлившимися испуганными глазами. Въ первую минуту Сергѣй Петровичъ подумалъ, что и она тоже не узнала новаго гостя, и про себя готовъ былъ даже разсмѣяться надъ этимъ комическимъ видомъ, но она быстро подошла къ гостю, подала ему руку и съ дѣланнымъ равнодушіемъ проговорила:

— Вы, господа, незнакомы кажется? Владиміръ Васильевичъ Петриковъ... Сергѣй Петровичъ...

Окончаніе всей сцены мелькнуло для Сергѣя Петровича въ какомъ-то туманѣ, и для него ясно было только одно, именно, что передъ нимъ стоялъ *онъ*, тотъ настоящій *онъ*, котораго онъ напрасно разыскивалъ въ теченіе всего сезона. Въ сущности, какъ соперникъ, этотъ Петриковъ ничего особенно не представлялъ, потому что не былъ ни особенно молодымъ, ни особенно красивымъ. Сергѣй Петровичъ даже замѣтилъ, что у него смѣшно торчали уши, лобъ былъ малъ, усы закручены колечкомъ — и только. Затѣмъ, этотъ нахалъ посмотрѣлъ на дорогого друга съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ, съ какимъ смотрятъ на подержанную мебель. А глаза у него были замѣчательные, упрямые, властные, покоряющіе.

Все дальнѣйшее происходило уже въ какомъ-то туманѣ. Къ дамамъ въ гостиную Петриковъ не пошелъ.

— Знаете, Антонъ Ѳедоровичъ, я плохой дамскій кавалеръ,—довольно фамильярно объяснялъ онъ.

— Напрасно Владиміръ Васильичъ... А Женя еще недавно мнѣ говорила про васъ...

— Ничего я не говорила про Владиміра Васильича!—рѣзко отвѣтила Евгенія Ивановна, вспыхнувъ.—Развѣ говорятъ о людяхъ, которые забываютъ...

Офицеръ поклонился, улыбнулся одними глазами и отправился съ хозяиномъ въ кабинетъ. Евгенія Ивановна осталась посреди гостиной одна. Уже одна ея поза говорила за себя: эти безсильно опущенныя руки, это скрытое желаніе вернуть нахала, этотъ взглядъ, которымъ она его проводила до самыхъ дверей. Да, это былъ *онъ*...

Дальнѣйшія событія происходили въ такомъ порядкѣ. Сергѣй Петровичъ очутился въ гостиной и проявилъ необыкновенное оживленіе.

Онъ шутилъ, смѣялся и даже сдѣлался остроумнымъ. Да, его часъ пришелъ... Евгенія Ивановна была удивлена, когда онъ въ третьемъ лицѣ высказалъ ей нѣсколько очень горькихъ истинъ. Нѣтъ, онъ былъ положительно въ ударѣ и дамы хохотали до слезъ. Какъ онъ милъ, этотъ Сергѣй Петровичъ!.. Одна Евгенія Ивановна не раздѣляла общаго настроенія и смотрѣла на Сергѣя Петровича такими равнодушными глазами, въ которыхъ былъ написанъ его смертный приговоръ.

Офицеръ такъ и не показался вплоть до самаго ужина. Въ столовой и разыгрался финалъ всей исторіи. Сначала Сергѣй Петровичъ упорно молчалъ, наблюдая выдержаннаго соперника уничтожающимъ взглядомъ. Потомъ онъ ни съ того, ни съ сего выпилъ сразу двѣ рюмки водки, хотя обыкновенно этого не дѣлалъ, и вдругъ разошелся. Какъ онъ былъ милъ, этотъ милый Сергѣй Петровичъ, и какъ всѣ опять смѣялись. Закончилось это представленіе тѣмъ, что милый Сергѣй Петровичъ ни съ того, ни съ сего, точно съ печи упалъ, отвѣсилъ Петрикову крупную дерзость. Тотъ посмотрѣлъ на неизвѣстнаго господина своими упрямыми глазами, сдѣлалъ нервное движеніе однимъ плечомъ и обратился къ хозяину:

— Извините меня, Антонъ Ѳедорычъ, но я рѣшительно не понимаю, что этому... этому господину нужно отъ меня?

— Что мнѣ нужно?—глухо отозвался Сергѣй Петровичъ, чувствуя, какъ блѣднѣетъ, трясется и перестаетъ видѣть.—Этотъ господинъ, т.-е. я, покажетъ вамъ... поккажетъ...

Онъ быстро подошелъ къ офицеру и погрозилъ ему пальцемъ подъ самымъ носомъ. Петриковъ быстро поднялся, но въ этотъ моментъ подскочилъ Антонъ Ѳедорычъ, схватилъ дорогого друга подъ руку и увлекъ изъ столовой.

— Дорогой другъ, мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько теплыхъ словъ...

Сергѣй Петровичъ сдѣлалъ попытку освободиться, а потомъ неожиданно проговорилъ:

— Антонъ Ѳедорычъ, а вѣдь ты великій дуракъ...

— Сейчасъ могу согласиться даже съ этимъ, дорогой другъ, только ради Бога успокойся.

Они прошли въ кабинетъ, гдѣ Антонъ Ѳедорычъ подалъ взволнованному дорогому другу стаканъ холодной воды. Сергѣй Петровичъ выпилъ, провелъ рукой по лицу и неожиданно захохоталъ.

— Ха-ха!.. А мнѣ тебя жаль, Антонъ Ѳедорычъ. Ты думаешь, что я сбѣсился? Да? Думаешь, что я пьянъ?

— Ничего не думаю... Хочешь еще воды?

— Нѣтъ, постой...

Поднявшись съ кресла, Сергѣй Петровичъ проговорилъ тономъ трагическаго актера:

— Этотъ Петриковъ... да, Петриковъ... Онъ негодяй... да!.. Онъ любовникъ Евгеніи Ивановны, и я его убью.

Тутъ ужъ Антонъ Ѳедорычъ не выдержалъ и расхохотался.

— Ахъ, голубчикъ, что ты сказалъ...—заливался онъ.—Любовникъ? Ха-ха!.. Вѣдь объ этомъ я долженъ позаботиться, а ты... Конечно, я цѣню твои чувства, понимаю твое участіе, но все-таки ты слишкомъ горячо вошелъ не въ свою роль... Вѣдь это я долженъ ревновать, а не ты.

Сергѣй Петровичъ посмотрѣлъ на Антона Ѳедорыча непонимавшими глазами, безсильно опустился въ кресло и только махнулъ рукой. Да, онъ вышелъ изъ своей роли и ревновалъ, какъ имѣетъ право ревновать только мужъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Декоративный мотивъ (Костромская губ.) В. В. Переплетчикова.

Тронулось ли впередъ темное царство?

Послѣреформенные типы въ драмахъ А. Н. Островскаго.

ГЛАВА I.

Вступленіе.

Значеніе дѣятельности Островскаго.—Субъективный элементъ въ его произведеніяхъ.—Группировка пьесъ и типовъ.

«Драматическое искусство, какъ и вообще всѣ искусства и художества, занесено было въ Россію извнѣ, но благодаря нашей благодатной почвѣ, принялось и пустило корни. Театръ у насъ уже упрочилъ за собой сочувствіе и любовь народную; потребность созерцанія собственной жизни возбуждена въ русскихъ — отъ высшихъ до низшихъ слоевъ общества, *но до сихъ поръ не явилось таланта, который бы съумѣлъ дать нашей сценѣ необходимую ширину* и *полноту*» *).

Такъ писалъ И. С. Тургеневъ въ «Отеч. Запискахъ» по поводу одной плохой драмы, вышедшей въ свѣтъ въ 1846 году. А въ слѣдующемъ 1847 году на литературное поприще выступилъ Александръ Николаевичъ Островскій, которому суждено было своею литературною дѣятельностью не только осуществить высказанныя пожеланія поэта, но и далеко опередить ихъ, занявъ самое выдающееся мѣсто въ нашей драматической поэзіи. До него русская литература уже обладала нѣсколькими замѣчательными драматическими произведеніями, и сцена наша уже могла гордиться двумя великими комедіями: *Горе отъ ума* и *Ревизоръ*. Но этихъ комедій было недостаточно для существованія русскаго театра, для созерцанія въ немъ собственной жизни. Необходимо было расширить сценическій горизонтъ сообразно съ новыми потребностями жизни, и успѣхами художественной литературы. Въ то время какъ *Горе отъ ума* Грибоѣдова было у насъ первой комедіей, проникнутой свѣтомъ высокихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, еще не вполнѣ ясныхъ въ примѣненіи къ тогдашнему русскому быту, а *Ревизоръ* Гоголя — великимъ художественнымъ образцомъ комедіи, хотя и поучительной въ своемъ общественномъ значеніи, но все же еще, по старой эстетической теоріи, по преимуществу *смѣшной* комедіей — Островскій создалъ рядъ комедій, совсѣмъ не смѣшныхъ и тѣмъ не менѣе высоко художественныхъ и обоснованныхъ на ясно сознанныхъ общественныхъ идеалахъ. Въ *Ревизорѣ* Гоголя еще чувствуется явное стремленіе автора отдать преобладающее мѣсто смѣхотворному элементу, какъ въ самомъ сюжетѣ комедіи, построенномъ на цѣломъ рядѣ взаимныхъ недоразумѣній случайнаго характера, такъ и въ подборѣ многихъ внѣшнихъ комическихъ положеній и сценическихъ подробностей, начиная съ паденія двери и кончая фа-

*) Соч. Тургенева, посл. изд. 1883 г. т. I, 271.

миліями дѣйствующихъ лицъ. Пьесы Островскаго, напротивъ, смѣшатъ очень мало, смѣшатъ исключительно внутреннимъ, а не внѣшнимъ комизмомъ, возбуждая общественную мысль непосредственно своимъ содержаніемъ. Послѣ нихъ не остается мѣста узкому воззрѣнію на комедію, какъ на произведеніе, которое *обязано* вызывать въ зрителѣ смѣхъ. Соединивъ въ своихъ произведеніяхъ такія свойства, какъ ясность общественныхъ идеаловъ, художественный реализмъ и оригинальность формы и содержанія, Островскій оставилъ намъ цѣлый репертуаръ пьесъ, по своему богатству и разнообразію, вполнѣ достойный названія русскаго театра. Всесторонне охвативъ въ немъ русскую жизнь, онъ сумѣлъ вдохнуть въ свои художественные образы глубокую бытовую типичность, составляющую главное достоинство его творчества. Эта типичность, въ соединеніи съ яснымъ пониманіемъ явленій русской жизни, служитъ главнымъ источникомъ славы Островскаго. Въ настоящее время его имя настолько популярно, его пьесы такъ близко затрогиваютъ интересы нашей жизни, что изученіе свойствъ его таланта и выясненіе смысла представленныхъ имъ явленій составляетъ насущную потребность образованнаго общества.

Значеніе литературной дѣятельности Островскаго еще мало оцѣнено критикой. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи надо провести нѣкоторое различіе между его произведеніями, написанными до 1861 г. (всего 16 пьесъ), которыя имѣли достойнаго критика въ лицѣ Добролюбова, и остальными его пьесами (32), написанными позднѣе. Тѣмъ не менѣе, теперь, когда литературная дѣятельность Островскаго закончилась, чувствуется потребность изучить вновь всѣ его произведенія во всемъ ихъ объемѣ и разнообразіи, чего не могъ сдѣлать Добролюбовъ, при жизни котораго талантъ Островскаго еще не успѣлъ развернуться вполнѣ. Одинъ изъ современныхъ критиковъ *) справедливо замѣтилъ, что относительно произведеній Островскаго въ нашемъ обществѣ держится предразсудокъ, будто они посвящены изображенію исключительно московскаго купеческаго быта.

Такое представленіе о пьесахъ Островскаго, дѣйствительно, слишкомъ узко. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, оказывается, что изъ 48 пьесъ, написанныхъ Островскимъ, только 15 касаются купеческаго быта, въ остальныхъ же 33 пьесахъ купеческихъ типовъ не встрѣчается. Значеніе пьесъ Островскаго гораздо шире, нежели кажется на первый взглядъ: онѣ обнимаютъ собою почти полвѣка русской жизни, изъ котораго одна половина относится къ эпохѣ крѣпостной, дореформенной, а другая—къ эпохѣ позднѣйшей, послѣреформенной.

*) Г. Скабичевскій.

На протяженіи такого долгаго періода народной жизни, богатаго событіями и общественными перемѣнами, Островскій изображаетъ намъ господствующіе нравы, понятія и перемѣны, происходящія во всѣхъ городскихъ сословіяхъ; мы встрѣчаемъ у него самые разнообразные типы: богатыхъ помѣщиковъ, разорившихся дворянъ, крѣпостныхъ баръ, крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, дѣльцовъ и промышленниковъ новаго происхожденія, интеллигентныхъ людей, учителей, студентовъ, актеровъ и актрисъ... Это цѣлый міръ, раздѣляющійся на двѣ рѣзко отличающихся въ бытовомъ отношеніи группы, на общество дореформенное и послѣреформенное. Кромѣ того, особенное мѣсто занимаютъ пьесы историческія, въ которыхъ на сцену являются люди и бытъ 16 и 17 столѣтій. Само собою разумѣется, что точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать этотъ богатый художественный матеріалъ, очень многочисленны, почти неистощимы. Изображенныя имъ явленія можно разсматривать съ точки зрѣнія психологической, исторической, общественной, спеціально-художественной, со стороны сценической техники, по отношенію къ личности автора и процессу его творчества и т. п.

Интересную задачу могло бы представить собою изученіе пьесъ Островскаго съ точки зрѣнія художественной; для этой цѣли пришлось бы, не ограничиваясь общимъ очеркомъ, остановиться на разборѣ каждой пьесы въ отдѣльности, чего мы въ настоящее время не имѣемъ въ виду.

Но одна изъ важнѣйшихъ точекъ зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, прежде всего должны разсматриваться типы, созданные Островскимъ, это точка зрѣнія общественно-бытовая, съ которой разсматривались его старыя пьесы Добролюбовымъ. Для того, чтобы оцѣнить въ этомъ отношеніи значеніе произведеній Островскаго, надо принять во вниманіе историческую эпоху, въ теченіе которой развивалась его литературная дѣятельность и которой онъ служилъ вѣрнымъ выразителемъ. Это—недавно пережитая нами эпоха освобожденія крестьянъ и другихъ реформъ прошлаго царствованія. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и связанныя съ нимъ дальнѣйшія преобразованія, каковы введеніе гласнаго и безсословнаго суда, земскихъ и городскихъ учрежденій, всеобщей воинской повинности, возникновеніе народной школы, распространеніе высшаго образованія въ обществѣ, подъемъ научной и литературной дѣятельности, —эти событія раздѣлили нашу новѣйшую исторію на двѣ различныхъ эпохи: крѣпостную и свободную отъ крѣпостной зависимости. Понятно, что этотъ мирный переворотъ, совершившійся во имя началъ справедливости, не могъ не отразиться на нашей литературѣ, ко-

торая и сослужила въ этотъ разъ двойную службу: она въ своихъ типахъ отразила всѣ совершившіяся въ обществѣ перемѣны и освѣтила свои произведенія новымъ свѣтомъ гуманности и уваженія къ свободѣ личности. Большая часть произведеній литературы этого времени проникнута гуманными стремленіями ихъ авторовъ; чѣмъ глубже міросозерцаніе писателя, тѣмъ ярче отражаетъ онъ въ своихъ произведеніяхъ идеалы освободительной эпохи. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ и Островскій.

Художественныя достоинства и жизненная правда въ пьесахъ Островскаго уже заслужили себѣ прочную и давнюю славу; но драматическая форма его произведеній, заслоняющая собою личность автора, нерѣдко подаетъ поводъ къ заключенію, будто въ нихъ не отражается личное міровоззрѣніе, идеалы и цѣли автора, и они представляютъ собою «ничего болѣе, какъ объективно-безпристрастныя представленія жизни безъ малѣйшаго побужденія что-либо осмѣять или оплакать» *).

Такое мнѣніе вытекаетъ, какъ намъ кажется, изъ односторонняго взгляда на задачу реальнаго искусства и не оправдывается пьесами Островскаго. Безпристрастный художникъ, конечно, ставитъ въ своемъ произведеніи на первый планъ правдивые образы, невольно врѣзывающіеся въ его воображеніе; но онъ не можетъ совершенно уйти изъ своего произведенія, и отсутствіе въ его поэтической дѣятельности предвзятой цѣли не исключаетъ извѣстнаго отношенія автора къ изображаемымъ явленіямъ жизни; онъ долженъ въ своей творческой дѣятельности сохранить за собой свободу выбора изъ числа наблюдаемыхъ образовъ, онъ *выбираетъ* тѣ или другія сцены и явленія, а тамъ, гдѣ дѣлается выборъ, необходимо допустить и сознательныя задачи творчества. Такимъ образомъ, поэтъ, изображая жизнь извѣстнымъ способомъ, содѣйствуетъ ея освѣщенію и пониманію въ опредѣленномъ направленіи. Мы судимъ о намѣреніяхъ, побужденіяхъ и взглядахъ драматурга по тому выбору явленій жизни, на которыхъ останавливается его вниманіе, по тѣмъ положеніямъ, въ которыя онъ ставитъ дѣйствующихъ лицъ; по сопоставленію между собою различныхъ пьесъ, въ которыхъ одно и то же явленіе жизни освѣщается одинаковымъ образомъ; иногда по заглавію, которое онъ даетъ пьесѣ (напримѣръ, «Гроза», «Лѣсъ») и наконецъ по рѣчамъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, являющихся выразителями его мнѣній. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы услышать судъ самого Островскаго надъ изображаемыми явленіями жизни, слѣдуетъ прислушаться къ нѣкоторымъ рѣчамъ и заключительнымъ монологамъ Жадова въ «Доходномъ мѣстѣ», Кулигина въ «Грозѣ», Глумова въ комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты», Несчастливцева въ «Лѣсѣ», Платона въ «Правда хорошо, а счастье лучше», Мелузова въ «Талантахъ и поклонникахъ» и т. д. Въ рѣчахъ всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ выражаются, кромѣ ихъ собственныхъ взглядовъ и характеровъ, также и взгляды автора и точка зрѣнія, съ которой онъ освѣщаетъ русскую жизнь.

Сообразно съ нашей задачей мы дѣлимъ произведенія Островскаго, не считая переводныхъ, на три группы. Къ первой должны быть отнесены тѣ пьесы, въ которыхъ изображается дореформенное общество, такихъ 25: «Семейная картина» (1847), «Свои люди—сочтемся» (1847), «Утро молодого человѣка» (1850), «Неожиданный случай» (сцены въ альманахѣ «Комета» 1851), «Бѣдная невѣста» (1852), «Не въ свои сани не садись» (1853), «Бѣдность не порокъ» (1854), «Не такъ живи, какъ хочется» (1854), «Въ чужомъ пиру похмѣлье» (1856), «Доходное мѣсто» (1856), «Праздничный сонъ до обѣда» (1857), «Не сошлись характерами» (1858), «Воспитанница» (1859), «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» (1860), «Гроза» (1860), «Тяжелые дни» (1860), »Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861), «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь» или «Женитьба Бальзаминова» (1861), «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» (1863), «Шутники» (1864), «Пучина» (1866), «На бойкомъ мѣстѣ» (1865), «Горячее сердце» (1869), «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ» (1872), «Поздняя любовь» (1874).

Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести тѣ пьесы, въ которыхъ изображается послѣреформенное общество; такихъ 16: «На всякаго мудреца довольно простоты» (1868), «Бѣшеныя деньги» (1870), «Лѣсъ» (1871), «Не все коту масленица» (1871), «Трудовой хлѣбъ» (1874), «Богатыя невѣсты» (1876), «Волки и овцы» (1875), «Правда хорошо, а счастье лучше» (1877), «Послѣдняя жертва» (1878), «Безприданница» (1879), «Сердце не камень» (1880), «Невольницы» (1881), «Таланты и поклонники» (1882), «Красавецъ-мужчина» (1883), «Безъ вины виноватые» (1884), «Не отъ міра сего» (1885).

Къ третьей группѣ можно отнести 6 историческихъ и одну фантастическую пьесу: «Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ» (1862), «Воевода» (1865), «Тушино» (1867), «Василиса Мелентьева» (1868), «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» (1867), «Комикъ XVII столѣтія» (1873), «Снѣгурочка» (1873).

Не имѣя намѣренія въ настоящемъ очеркѣ разсматривать этотъ обширный матеріалъ во

*) Исторія новѣйшей русской литературы А. М. Скабичевскаго. 1891 г., стр. 429.

А. АРХИПОВЪ.

„По этапамъ“

(Передвижная выставка 1893 г.)

ГЕЛІОГРАВЮРА

Бёше въ Берлинѣ.

Право репродукціи принадлежитъ „Артисту“.

ARTIST. „REPRODUCTION" BERLIN.

всемъ его объемѣ, съ надлежащей полнотой, мы ограничимъ нашу задачу разсмотрѣніемъ изъ многочисленныхъ типовъ, созданныхъ Островскимъ, лишь нѣкоторыхъ, представляющихъ собою наибольшій интересъ съ общественно-бытовой точки зрѣнія, и остановимъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, на трехъ группахъ: на послѣреформенныхъ типахъ интеллигентныхъ людей, крѣпостныхъ баръ и купцовъ. Но прежде чѣмъ приступить къ ихъ характеристикѣ, необходимо разъяснить, во избѣжаніе недоразумѣній, въ какомъ смыслѣ мы дѣлимъ послѣреформенные типы Островскаго на эти группы. Между существующими общественными классами нельзя провести рѣзкой опредѣленной границы, какъ это бывало прежде, и потому мы далеки отъ мысли группировать литературные типы, такъ сказать, по ихъ виду на жительство и дѣйствительной принадлежности къ тому или другому сословію. Названіе группъ слѣдуетъ принимать не въ смыслѣ внѣшней сословности, а въ смыслѣ внутренней, нравственной физіономіи разбираемыхъ лицъ, въ смыслѣ преобладающихъ интересовъ ихъ жизни, ихъ духа и направленія; а въ этомъ отношеніи, каждая изъ этихъ трехъ группъ имѣетъ свою собственную физіономію и отличительныя черты. Здѣсь для насъ не такъ важны занятія или профессія выводимой личности, какъ ея душевный складъ и стремленія. Такъ, напр., Жадовъ въ «Доходномъ мѣстѣ», принадлежащій по своему положенію къ средѣ чиновниковъ, отнесенъ нами къ интеллигенціи, по своему образованію, идеаламъ и стремленіямъ; Несчастливцевъ, характеризующій собою, — по своему внѣшнему положенію, современнаго актера, также разсматривается нами, главнымъ образомъ, какъ одинъ изъ представителей интеллигенціи, потому что онъ не только «говоритъ и чувствуетъ, какъ Шиллеръ», но и поступаетъ, какъ истинно-гуманный и просвѣщенный человѣкъ.

ГЛАВА II.

Типы интеллигентныхъ людей.

Объ идеальныхъ типахъ въ произведеніяхъ Островскаго. Нароковъ. — Мелузовъ. — Корпѣловъ. — Грунцовъ.—Несчастливцевъ.—Глумовъ.

> **Чепуринъ.** Я только удивляюсь на васъ: какъ это вы при всей вашей учености, всякіе вы языки знаете, и никакого себѣ профиту не имѣете. „Трудовой хлѣбъ.“ Д. I,яв. 6.

Идеальные типы въ пьесахъ Островскаго можно раздѣлить на самобытные и культурные. (Слово «идеальные» мы употребляемъ въ смыслѣ—лучшіе изъ существующихъ въ данную эпоху). Самобытныя идеальныя личности обязаны своими достоинствами, главнымъ образомъ, счастливымъ особенностямъ своей натуры; онѣ развиваются совершенно самостоятельно, какъ цвѣтокъ въ лѣсной глуши, помимо всякаго вліянія образованія; они отъ природы надѣлены настолько чуткимъ организмомъ и любящимъ сердцемъ, что неблагопріятные элементы окружающей среды не въ силахъ загрязнить ихъ природной чистоты и заглушить ихъ нравственной силы. Эти самобытныя личности являются продуктомъ не столько воспитанія, сколько неуловимыхъ законовъ наслѣдственности, подъ вліяніемъ которыхъ складываются свойства племенъ и народностей. Существованіе такихъ симпатичныхъ натуръ не составляетъ, конечно, исключительной принадлежности русскаго народа: оно является лишь выраженіемъ того простого факта, что и русскій народъ, по своимъ племеннымъ свойствамъ, способенъ и призванъ къ цивилизаціи. Присутствіе въ народѣ такихъ глубокихъ, въ нравственномъ отношеніи, натуръ, которыя, даже помимо разнаго того сознанія и научной мысли, руководимыя преимущественно чувствомъ, отвращаются отъ окружающаго ихъ грубаго строя жизни и проявляютъ симпатичныя человѣчныя черты—служитъ залогомъ нашего общественнаго развитія; это — та необходимая почва, благопріятная и воспріимчивая, безъ которой не могло бы разспространяться истинное просвѣщеніе массы. Островскій сумѣлъ съ глубокою силою обрисовать эти симпатичныя натуры въ лицѣ трехъ женскихъ типовъ: Катерины (Гроза), Параши (Горячее сердце) и Вѣры Филипповны (Сердце не камень). Но всѣ эти непосредственныя натуры не могутъ, безъ помощи образованія, достигнуть высокаго нравственнаго развитія: имъ недостаетъ пониманія окружающей жизни, развитой мысли, идей.

Въ дополненіе къ этой группѣ самобытныхъ характеровъ у Островскаго являются представители интеллигенціи, въ лицѣ Кулигина, Кисельникова, Жадова и—Корпѣлова, Грунцова, Несчастливцева, Мелузова, Нарокова, Глумова. Такимъ образомъ, эти двѣ группы типовъ, самобытныхъ и культурныхъ, какъ бы являются выразителями двухъ необходимыхъ факторовъ прогресса: чувства и мысли, нравственныхъ побужденій и цивилизующихъ идей.

Типы интеллигентныхъ людей въ пьесахъ Островскаго носятъ на себѣ отпечатокъ, зависящій отъ особенностей его таланта. Островскій, какъ *бытовой* поэтъ, по преимуществу, и при томъ поэтъ-*драматургъ*, интересуется, главнымъ образомъ, такими сторонами характеровъ и такими жизненными положеніями, въ которыхъ проявляется способность избраннаго лица къ дѣйствію, къ сопротивленію, къ борьбѣ при встрѣчѣ съ противоположными характерами. Поэтому, онъ изображаетъ интел-

лигентныхъ людей лишь въ такіе моменты жизни, когда они стоятъ лицомъ къ лицу съ малообразованной толпой или съ грубыми представителями противоположнаго имъ направленія, и здѣсь, въ борьбѣ за огражденіе своего идеала, обнаруживаютъ свою нравственную силу, или слабость; при этомъ одни не выдерживаютъ натиска неблагопріятныхъ обстоятельствъ и постепенно падаютъ въ пучину окружающей пошлости; другіе, наоборотъ, и среди враждебной толпы, сохраняютъ свое нравственное достоинство и независимость. Въ интеллигентныхъ типахъ Островскаго не встрѣчается той широты мысли и глубины идеальныхъ стремленій, какіе мы видимъ, напримѣръ, въ подобныхъ типахъ Тургенева: ихъ цѣли болѣе узки, просты и обыденны, но и эти интеллигентные борцы въ обыденныхъ условіяхъ жизни,— такъ же, какъ и Тургеневскіе идеальные типы, возвѣщаютъ, при сравненіи ихъ между собой, о перемѣнахъ къ лучшему въ общественныхъ нравахъ и понятіяхъ, о прогрессивномъ движеніи русскаго общества. Въ эпоху дореформенную интеллигенція была у насъ еще очень немногочисленна, почти вся она сосредоточивалась въ столицахъ, въ небольшихъ кружкахъ. Западная наука имѣла еще очень слабое вліяніе на жизнь; она представлялась чѣмъ-то совершенно отвлеченнымъ, не имѣвшимъ никакого примѣненія къ крѣпостному складу народной жизни, и порождала лишь одно резонерство, внутренній разладъ человѣка съ самимъ собой и съ обществомъ. Когда питомцы университетской философіи попадали въ грубую среду, гдѣ блаженствовали Юсовы и Бѣлогубовы, то они не могли не очутиться одинокими. Имъ не за что было ухватиться, негдѣ было искать поддержки: ни общество, ни само правительство, ни народъ еще не нуждались въ ихъ услугахъ; поэтому среда быстро засасывала ихъ и губила ихъ молодыя мечты. Просвѣщенный человѣкъ—на родной почвѣ неминуемо становился лишнимъ человѣкомъ. И вотъ, мы видимъ, какъ въ дореформенныхъ пьесахъ Островскаго болѣе или менѣе гибнутъ или терпятъ жалкое существованіе въ непосильной борьбѣ съ средой бывшій студентъ Кисельниковъ въ «Пучинѣ», отставной учитель Ивановъ въ «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и Жадовъ въ «Доходномъ мѣстѣ», не смотря на всю скромность ихъ первоначальныхъ стремленій: жить честно, трудиться и не брать взятокъ. Такіе благородные проводники свѣтлыхъ взглядовъ въ практическую жизнь, какъ Жадовъ, — встрѣчались довольно рѣдко. Поэтому изображеніе ихъ въ комедіи было очень трудною задачею для художника. Между тѣмъ эти лица все-таки нужны были Островскому, какъ воспитательный, нравственный противовѣсъ другимъ. Поэтому въ его пьесахъ типы дореформенной интеллигенціи блѣднѣе другихъ типовъ,—отрицательныхъ, не такъ живы и ярки, какъ они, и носятъ на себѣ черты идеализаціи. Такъ, напримѣръ, въ «Доходномъ мѣстѣ» для того, чтобы не закончить пьесу вполнѣ невыгодно для перваго борца и проводника просвѣтительныхъ идей въ жизнь,—авторъ заставляетъ Жадова, уже пришедшаго просить доходнаго мѣста, во время удержаться отъ этого шага и влагаетъ въ его уста воодушевленную рѣчь объ идеалахъ молодаго поколѣнія и о его будущей роли въ обществѣ. Типы дореформенной интеллигенціи требовали идеализаціи ихъ въ литературѣ, такъ какъ вліяніе ихъ въ жизни было еще слишкомъ незначительно. Никто еще не нуждался въ этихъ людяхъ, въ ихъ занятіяхъ, въ ихъ талантахъ, въ ихъ честности; при крѣпостномъ строѣ жизни имъ нечего было дѣлать.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о типахъ интеллигенціи въ новыхъ, послѣреформенныхъ пьесахъ Островскаго. Они схвачены авторомъ въ художественномъ отношеніи легко и свободно, безъ всякихъ натяжекъ, безъ идеализаціи: видно, что въ жизни уже не мало разнообразныхъ представителей людей этого типа. Они очерчены въ пьесахъ Островскаго ярко и понятно даже тогда, когда являются въ пьесѣ на второмъ планѣ и на короткое время; таковы, напримѣръ, студентъ Грунцовъ въ «Трудовомъ хлѣбѣ» и студентъ Мелузовъ въ «Талантахъ и поклонникахъ». Не смотря на то, что представители послѣреформенной интеллигенціи занимаютъ скорѣе униженное, чѣмъ почетное мѣсто въ обществѣ и предоставляютъ первенствующую, руководящую роль другимъ,— они все-таки смотрятъ бодрѣе, увѣреннѣе, веселѣе, чѣмъ ихъ дореформенные предшественники. Они уже не одиноки, какъ прежде; они уже пользуются нѣкоторымъ расположеніемъ къ себѣ въ обществѣ, у нихъ есть свѣтлыя традиціи въ прошломъ, для нихъ явилась нѣкоторая возможность служить общественнымъ и народнымъ интересамъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Островскій сумѣлъ съ замѣчательной сердечной теплотой и прозорливостью заглянуть въ своеобразный міръ русской послѣреформенной интеллигенціи и выдвинуть на первый планъ лучшія его стороны въ «Трудовомъ хлѣбѣ», въ «Лѣсѣ», въ «Талантахъ и поклонникахъ», въ лицѣ Корпѣлова, студентовъ Грунцова и Мелузова, актера Несчастливцева и артиста Нарокова. Это самый симпатичный и поэтическій уголокъ русской жизни. Нравы и понятія этого уголка сложились недавно: условіями воспитанія этихъ людей и интересами жизни, связующими ихъ въ дружное общество, являются, съ одной стороны, наука и искусство, а съ другой, тяжкій трудъ, житейскія невзгоды, матеріальныя лишенія.

Это міръ, гдѣ господствуетъ простота отношеній въ соединеніи съ настоящей поэзіей мысли и чувства; здѣсь вы не услышите звучныхъ и ложныхъ фразъ о добродѣтели, не встрѣтите натянутыхъ приличій; но за то найдете искреннюю дружбу, горячее сочувствіе всему истинно-человѣческому. Обратите вниманіе на старика-артиста Нарокова въ «Талантахъ и поклонникахъ».

Въ то время, какъ богатые люди, князь Дулебовъ, чиновникъ Бакинъ и практическій дѣлецъ Великатовъ, дающіе тонъ всему провинціальному обществу, соперничаютъ между собою въ томъ, кому удастся купить или развратить актрису Нѣгину, — бѣдный, разорившійся антрепренеръ Нароковъ, попавшій на службу къ своему бывшему служителю, одинъ только съ замираніемъ сердца слѣдитъ за успѣхами нарождающагося таланта молодой артистки, приноситъ ей роль, имъ самимъ переписанную, и съ благоговѣніемъ оставляетъ себѣ на память нѣсколько листковъ отъ поднесенныхъ артисткѣ вѣнковъ. Это едва замѣченный въ провинціальномъ обществѣ, самый униженный и самый искренній почитатель таланта и цѣнитель искусства. Когда Нѣгина, поддавшаяся соблазну широкаго артистическаго поприща, уѣзжаетъ изъ города, бѣднякъ Нароковъ, чтобы *достойнымъ* образомъ проводить артистку, закладываетъ послѣднюю цѣнную вещь свою и произноситъ слѣдующую прощальную рѣчь: «Александра Николаевна! Первый бокалъ за вашъ талантъ! Я горжусь тѣмъ, что первый замѣтилъ его. Да и кому же здѣсь, кромѣ меня, замѣтить и оцѣнить дарованіе!? Развѣ здѣсь понимаютъ искусство? Развѣ здѣсь искусство нужно? Развѣ здѣсь... о, проклятіе!» Нароковъ самъ былъ прежде антрепренеромъ театра, но разорился потому, что влагалъ въ свое дѣло болѣе артистическаго увлеченія, нежели коммерческаго разсчета, аккуратно выплачивалъ жалованье актерамъ и не угождалъ дурнымъ вкусамъ публики и капризамъ вліятельныхъ особъ.

Другой искренній поклонникъ Нѣгиной и ея таланта, студентъ Мелузовъ, мечталъ, до рѣшенія ея судьбы, до ея паденія, о тихой семейной жизни съ ней, старался просвѣтить ее помощью науки. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ чистыхъ мечтахъ и встрѣтивъ на вокзалѣ желѣзной дороги торжествующія насмѣшки своихъ враговъ, онъ произноситъ, обращаясь къ чиновнику Бакину, слѣдующія характерныя слова:

«У насъ, у горемыкъ, у тружениковъ, есть свои радости, которыхъ вы не знаете, которыя вамъ недоступны. Дружескія бесѣды за стаканомъ чая, за бутылкой пива о книжкахъ, которыхъ вы не читаете, о движеніи науки, которой вы не знаете, объ успѣхахъ цивилизаціи, которыми вы не интересуетесь».

Бакинъ. «Вы не обидчивы; а я думалъ, что вы меня на дуэль вызовете».

Мелузовъ. «Дуэль? Зачѣмъ! У насъ съ вами и такъ дуэль, постоянный поединокъ, непрерывная борьба. Я просвѣщаю, а вы развращаете».

Слѣдующія слова изъ письма Мелузова къ Нѣгиной дополняютъ характеристику отношеній руководящаго общества къ студенту: «Всѣ они смотрятъ на меня враждебно, или съ насмѣшкой, чего я, какъ ты сама знаешь, не заслуживаю».

Другой представитель интеллигенціи, честный и безкорыстный труженикъ, учитель Корпѣловъ, живетъ въ такомъ матеріальномъ стѣсненіи, что ему нечѣмъ заплатить за квартиру. Но онъ, какъ истинный философъ, не падаетъ духомъ и ищетъ себѣ утѣшенія въ «живительной влагѣ», которая у него, впрочемъ, «изсякла», — въ гитарѣ, въ книгѣ и, наконецъ, въ самоутѣшительномъ юморѣ, направленномъ на свое собственное горькое житье. Вотъ образецъ своеобразныхъ разговоровъ между нимъ и студентомъ Грунцовымъ:

Грунцовъ *(едва переводя духъ)*. Здравствуй, domine!

Корпѣловъ. Здравствуй, юноша. Шагалъ?

Грунцовъ. Шагалъ.

Корпѣловъ. Много стадій?

Грунцовъ. Шесть верстъ за заставу, на дачу. Барченокъ одинъ за лекціи двадцать рублей долженъ.

Корпѣловъ. Результатъ?

Грунцовъ. Nihil. Пристяжную новую покупаетъ.

Корпѣловъ. Male, сирѣчь, не хорошо. Динаріи, юноша, имѣешь?

Грунцевъ. Нѣтъ, отче!

Корпѣловъ. Зѣло потребны.

Чтобы выручить Корпѣлова изъ затрудненія, Грунцовъ закладываетъ свои часы и отдаетъ ему нужныя деньги. Эти люди охотнѣе сближаются съ простыми, бѣдными людьми низшихъ сословій, нежели съ представителями высшаго общества и чиновниками: съ первыми у нихъ оказывается болѣе сходныхъ чертъ жизни, нежели со вторыми. Такъ, напримѣръ, Корпѣловъ и Грунцовъ сближаются съ лавочникомъ Чепуринымъ, тоже трудовымъ и честнымъ человѣкомъ. Чепуринъ удивляется тому, что образованный человѣкъ живетъ въ такой бѣдности, и между нимъ и Корпѣловымъ происходитъ слѣдующій разговоръ.

Чепуринъ. Я только удивляюсь на васъ: какъ это вы при всей вашей учености, всякіе вы языки знаете, и никакого себѣ профиту не имѣете.

Корпѣловъ. А оттого я профиту не имѣю, что отъ самой юности паче всего возлюбилъ шатаніе. Какъ кончилъ курсъ, такъ и пошелъ

бродить по лицу земному: гдѣ у товарищей погостишь, гдѣ на дешевомъ учительскомъ мѣстѣ поживешь. Юношей въ гимназію, да въ университеты готовилъ, рубликовъ шестьдесятъ въ годъ, да изъ нихъ еще бѣдной сестренкѣ удѣлялъ. Въ Тамбовѣ годъ, въ Ростовѣ полгода, въ Кашинѣ три мѣсяца, въ Ветлугу на недѣльку погостить хаживалъ; и прожилъ я такъ лѣтъ семнадцать, какъ единъ день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитарѣ играть. Съ какой котомкой вышелъ изъ Москвы, съ такой же и вернулся.

Чепуринъ. Да, тоже, видно, жизнь-то никому не легка, горя-то про всякаго довольно.

Корпѣловъ. Ты какое видѣлъ?

Чепуринъ. Лыкомъ подпоясано-съ. Я недавно и человѣкомъ-то сталъ, а жить-то началъ въ лошадиной запряжкѣ...

Артистъ Нароковъ также старается повѣдать свое горе простой необразованной Домнѣ Пантелѣевнѣ, матери актрисы Нѣгиной, и растолковать ей, какое *счастье* доставляло ему служеніе искусству во время его антрепренерской дѣятельности, на которую онъ истратилъ все свое состояніе. Въ заключеніе, онъ говоритъ ей: «И вотъ я, человѣкъ образованный, съ тонкимъ вкусомъ, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждомъ шагу оскорбляютъ мое артистическое чувство». Въ столкновеніяхъ своихъ съ разбогатѣвшими чиновниками и барами, эти люди всегда приходятъ въ пьесахъ Островскаго къ полному разрыву съ ними вслѣдствіе невозможности взаимнаго пониманія и противоположности ихъ симпатій и стремленій. Когда Корпѣловъ, обратившись съ просьбою о деньгахъ къ старому товарищу, разбогатѣвшему чиновнику Потрохову, встрѣчаетъ съ его стороны вмѣсто обѣщанной помощи холодный и оскорбительный пріемъ, между ними происходитъ слѣдующая сцена:

Потроховъ. Ты здѣсь еще, мой милый? шелъ бы ты домой спать.

Корпѣловъ. Пойду, пойду. Что это ты выдумалъ, stultissime! Мнѣ милостыньку высылать, гнать меня! Али ты не знаешь кто я? Вѣдь я Корпѣловъ: честный, благородный труженикъ, а не нищій, не шутъ. Ты бы за честь долженъ считать, что старый товарищъ, трудящійся человѣкъ не погнушался тобой, глупымъ лежебокомъ. Ты бы за честь долженъ считать, что я обращался съ тобой, какъ съ равнымъ по образованію, что я попросилъ у тебя одолженія.

Потроховъ. Что такое, что такое?

Корпѣловъ. Да, конечно, за честь... потому что я человѣкъ, homo sapiens, а ты опоекъ, полувалъ, юфть.

Потроховъ. Ты захмѣлѣлъ, любезный!

Корпѣловъ. Нѣтъ, ты захмѣлѣлъ отъ глупости и отъ денегъ, которыя тебѣ даромъ достались. Ты думаешь, что, кто бѣденъ, тотъ и попрошайка, что всякому можно подавать милостыню. Ошибся, милый... Да я... я не хочу быть богатымъ, мнѣ такъ лучше. Ты вотъ и съ деньгами, да не умѣлъ сберечь благородства; а я мерзъ, зябъ, голодалъ, а все-таки джентльменъ передъ тобой. Приди ко мнѣ, и я приму тебя учтивѣе, и угощу честнѣй своимъ трудовымъ хлѣбомъ! А если тебѣ нужда будетъ, такъ послѣднимъ подѣлюсь. Прощай (*Уходитъ.*) («Трудовой хлѣбъ» д. II, явл. IX).

Но такія рѣчи, исполненныя душевной энергіи, нравственной высоты и независимости, Корпѣловъ произноситъ только въ исключительныхъ случаяхъ жизни, подъ вліяніемъ прилива страсти или сильно задѣтаго самолюбія. Въ обыкновенныхъ же условіяхъ жизни, онъ, хотя и является человѣкомъ нравственно развитымъ и уважающимъ личность другого, но, съ другой стороны, слабымъ, мягкимъ, уступчивымъ, не оказывающимъ, вслѣдствіе этого, никакого вліянія на окружающую среду; въ его поведеніи чувствуется недостатокъ истиннаго самолюбія и личнаго достоинства; самая наклонность Корпѣлова къ нѣкоторому добродушному шутовству, къ произнесенію юмористическихъ рѣчей, совершенно непонятныхъ для окружающихъ, является жалкимъ и послѣднимъ утѣшеніемъ человѣка, сознающаго свое умственное превосходство надъ людьми, не способными оцѣнить его. Въ своей обыденной жизни этотъ интеллигентный нищій, добровольно отказавшійся отъ богатства и карьеры, ради честнаго трудового хлѣба, все-таки не развиваетъ никакой практической дѣятельности, не вкладываетъ въ свою личную жизнь никакой разумной мысли, идеи, какъ этого можно было бы ожидать отъ истинно интеллигентнаго человѣка. Корпѣловъ отличается въ этомъ отношеніи болѣе отрицательными, нежели положительными качествами: онъ сохраняетъ неприкосновенною свою честность, устраняясь отъ болѣе широкой общественной дѣятельности. Мы не замѣчаемъ, чтобы онъ любилъ свое учительство, увлекался своимъ спеціальнымъ трудомъ; объ этой сторонѣ своей жизни Корпѣловъ не говоритъ ни слова и потому настоящая причина его «шатанія» по лицу земли русской остается недостаточно выясненной въ этой пьесѣ Островскаго. Но за то нѣтъ сомнѣнія, что Корпѣловъ представляетъ собою типъ интеллигентнаго человѣка, примирившагося съ своимъ ничтожнымъ, пассивнымъ, малоуважаемымъ положеніемъ въ обществѣ и не ищущимъ никакого выхода изъ этого положенія на болѣе достойную его дорогу.

Сравнительно съ учителемъ Корпѣловымъ, другой представитель интеллигенціи, актеръ Несчастливцевъ въ «Лѣсѣ» является личностью,

надѣленною высокою степенью нравственнаго развитія и личнаго достоинства. Въ художественномъ отношеніи онъ можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ и полныхъ образовъ въ числѣ позднѣйшихъ типовъ, созданныхъ Островскимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдающимся и оригинальнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Этотъ типъ представляетъ собою прекрасное сочетаніе типическихъ чертъ актера вообще съ типическими чертами русскаго интеллигентнаго человѣка. Поэтому, при изученіи личности Несчастливцева въ пьесѣ Островскаго, особый интересъ представляетъ собою задача—прослѣдить взаимное отношеніе и вліяніе въ немъ этихъ двухъ сторонъ: актера и человѣка. Несчастливцевъ, талантливый, провинціальный актеръ, уже составившій себѣ имя, является въ комедіи въ тотъ моментъ жизни, когда, перессорившись со всѣми антрепренерами на югѣ Россіи, вслѣдствіе ихъ интригъ и неуваженія къ искусству, онъ пробирается пѣшкомъ изъ Керчи въ Вологду въ надеждѣ найти тамъ труппу.

— «Да, братъ Аркадій,—говоритъ онъ своему товарищу по профессіи, котораго встрѣчаетъ по дорогѣ изъ Вологды въ Керчь—«разбился я съ театромъ; а ужъ и жаль теперь. Какъ я игралъ! Боже мой, какъ я игралъ!» Въ этихъ словахъ уже сказывается та благородная искра, которая освѣщаетъ и согрѣваетъ собою жизнь человѣка, съ увлеченіемъ отдающагося своему призванію.

Одно воспоминаніе о своей игрѣ и о лестномъ отзывѣ о ней и сочувствіи со стороны сценической знаменитости вызываетъ на его глазахъ искреннія слезы умиленія; это воспоминаніе о минутахъ артистическаго увлеченія дѣлаетъ его вполнѣ счастливымъ и заставляетъ сожалѣть объ ихъ утратѣ. Несчастливцевъ не смотритъ на свою дѣятельность съ узко-эгоистической точки зрѣнія, какъ на средство удовлетворенія своего тщеславія или составленія карьеры; напротивъ того, онъ смотритъ на свое искусство, какъ на серьезную общественно-воспитательную задачу. На сценѣ онъ считаетъ себя истолкователемъ предъ лицомъ публики тѣхъ высокихъ думъ и глубокихъ чувствъ, которыя вложены поэтами въ ихъ произведенія. Его страстная преданность искусству выражается и въ томъ увлеченіи, съ которымъ онъ отдается соблазнительной мечтѣ объ основаніи собственной труппы и подыскиваетъ себѣ такую актрису, которая удовлетворила бы его артистическому идеалу. Вообразивъ, что онъ на самомъ дѣлѣ встрѣтилъ такую актрису въ лицѣ несчастной дѣвушки Аксюши, спасенной имъ отъ самоубійства, Несчастливцевъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ выраженіяхъ, исполненныхъ благороднаго артистическаго увлеченія, уговариваетъ ее поступить вмѣстѣ съ нимъ на сцену.

«И тамъ есть горе, дитя мое; но за то есть и радости, которыхъ другіе люди не знаютъ. Зачѣмъ же даромъ изнашивать свою душу? Кто здѣсь откликнется на твое богатое чувство? Кто оцѣнитъ эти перлы, эти брилльянты слезъ? Кто, кромѣ меня? А тамъ... О! Если половину этихъ сокровищъ ты бросишь публикѣ, театръ развалится отъ рукоплесканій. Тебя засыплютъ цвѣтами, подарками. Здѣсь на твои рыданія, на твои стоны нѣтъ отвѣта; а тамъ за одну слезу твою заплачетъ тысяча глазъ. Эхъ, сестренка! Посмотри на меня. Я нищій, жалкій бродяга, а на сценѣ я принцъ. *Живу его жизнью, мучусь его думами*, плачу его слезами надъ бѣдною Офеліей и люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ. А ты? Ты молода, прекрасна, у тебя огонь въ глазахъ, музыка въ разговорѣ, красота въ движеніяхъ. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, такъ и останешься». (Д. IV, явл. 6).

Перечитывая этотъ лирическій монологъ, исполненный искренняго увлеченія и глубокой вѣры въ искусство, мы чувствуемъ въ лицѣ Несчастливцева все обаяніе личности артиста, съ широкимъ взглядомъ на общественное значеніе своего благороднаго поприща. Увлеченіе Несчастливцева невольно передается намъ и врывается въ нашу душу съ неотразимою силою. Чтобы создать такой симпатичный образъ актера, надо было такъ любить, такъ глубоко цѣнить и понимать сценическое искусство, какъ любилъ и понималъ его Островскій. Изъ приведеннаго монолога, также какъ изъ многихъ другихъ сценъ и положеній Несчастливцева, можно составить себѣ ясное понятіе о его артистическомъ идеалѣ. На первый планъ въ игрѣ драматическаго артиста онъ ставитъ выраженіе живого чувства; а отъ его личности онъ требуетъ, прежде всего, глубоко впечатлительной натуры, богатой жизненнымъ опытомъ. «Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса?» — говоритъ онъ Аркадію: — «Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мнѣ нужно? Душа мнѣ, братецъ, нужна, жизнь, огонь... Бросится женщина въ омутъ головой отъ любви—вотъ актриса. Да чтобъ я самъ видѣлъ, а то не повѣрю. Вытащу изъ омута, тогда повѣрю». (Д. II, явл. 2). Для него сценическое искусство—не плодъ одной холодной, теоретической работы разсудка, требующей отъ исполнителя лишь полнаго спокойствія и самообладанія; напротивъ, такой актеръ, какого представляетъ собой Несчастливцевъ, вступая на сцену, продолжаетъ жить на ней своею жизнью; онъ вкладываетъ въ свою игру часть своей души, своего реальнаго опыта, своихъ чувствъ, страстей и страданій. Поэтому для Несчастливцева не существуетъ строгихъ границъ между сценой и жизнью: на сцену онъ приноситъ опыты своей жизни; а въ жизни нерѣдко пользуется эле-

ментами драматической поэзіи и средствами сцены для выраженія своихъ дѣйствительныхъ чувствъ.

Вліяніе сценической профессіи на характеръ Несчастливцева выражается не въ однихъ только его планахъ, мечтахъ и увлеченіяхъ, оно идетъ гораздо дальше: привычка играть на сценѣ и увлеченіе этимъ искусствомъ кладутъ свой отпечатокъ на всѣ его дѣйствія, поступки и душевныя состоянія. Онъ какъ бы постоянно играетъ и въ самой жизни; онъ не пропускаетъ ни одного случая, который можетъ обогатить запасъ его сценическихъ наблюденій; подобно художнику, постоянно ищущему въ природѣ и жизни типическихъ чертъ, живыхъ красокъ, выразительныхъ положеній, Несчастливцевъ, вращаясь среди людей, какъ бы испытываетъ на нихъ свои декламаторскія силы и продолжаетъ упражняться въ мимикѣ, стараясь обогатиться новыми пріемами и средствами воздѣйствія на публику, на людей. Когда Счастливцевъ разсказываетъ ему о томъ, какъ его схватилъ одинъ актеръ, исполнявшій роль Лянунова, Несчастливцевъ замѣчаетъ:

«Эффектно! Надо это запомнить».

Въ иныхъ случаяхъ онъ невольно прибѣгаетъ къ своему искусству для достиженія своихъ цѣлей, вслѣдствіе чего его игра уже перестаетъ быть одной игрой, но обращается въ одинъ изъ способовъ вліянія на окружающихъ людей. Такова, напримѣръ, сцена между Несчастливцевымъ и Восьмибратовымъ. Узнавъ, что деревенскій кулакъ безцеремонно обсчитываетъ на 1000 рублей его тетку, воспользовавшись ея непрактичностью, Несчастливцевъ рѣшается вмѣшаться въ это дѣло самъ. Но какъ? Чувствуя искреннее негодованіе противъ кулака, онъ все-таки прибѣгаетъ къ своему таланту, къ мимикѣ и слову: въ началѣ сцены онъ надѣваетъ на себя ордена, разыгрывая роль грознаго полковника, затѣмъ онъ говоритъ Восьмибратову о чести,—и такъ выразительно произноситъ эти слова, что, противъ всякаго ожиданія, достигаетъ своей цѣли, расшевеливъ это чувство въ мужикѣ и заставивъ его собственноручно возвратить присвоенныя деньги. Въ другомъ случаѣ Несчастливцевъ, какъ человѣкъ, иронизируетъ надъ недоучкой Булановымъ, и, какъ актеръ, въ моментъ его откровеннаго признанія въ своемъ невѣжествѣ, снимаетъ передъ нимъ шляпу, извиняясь, что ничѣмъ ему въ этомъ случаѣ не можетъ помочь. Рѣшившись погостить въ домѣ своей тетушки и не желая шокировать ее своимъ званіемъ, онъ играетъ передъ ней роль майора въ отставкѣ, въ теченіе двухъ дѣйствій, до тѣхъ поръ, пока новыя, раскрывшіяся передъ нимъ обстоятельства, не заставляютъ его снять съ себя маску. Въ своихъ рѣчахъ Несчастливцевъ постоянно цитируетъ фразы изъ тѣхъ произведеній, которыя онъ изучалъ или въ которыхъ игралъ на сценѣ, примѣняя ихъ къ своимъ жизненнымъ положеніямъ и къ окружающимъ людямъ. Такимъ образомъ, въ Несчастливцевѣ постоянно перемѣшиваются между собою два элемента: съ одной стороны, его личныя чувства, мысли и побужденія, вполнѣ искреннія и правдивыя, а съ другой стороны, тѣ искусственныя, подчасъ преувеличенныя и восторженныя формы выраженія, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, какъ страстный актеръ. Вслѣдствіе этой особенности типа, почти каждая сцена, въ которой участвуетъ Несчастливцевъ, требуетъ тонкаго анализа для рѣшенія вопроса, гдѣ въ немъ говоритъ актеръ и гдѣ человѣкъ, и въ какихъ случаяхъ эти два существа гармонически сливаются въ немъ между собою. Поэтому нельзя видѣть въ Несчастливцевѣ только типъ современнаго провинціальнаго актера: сценическая профессія является въ немъ только одной и притомъ вовсе не главной стороной его характера. На первый планъ въ пьесѣ Островскаго Несчастливцевъ выступаетъ своею общечеловѣческою стороною и характеризуется преимущественно, какъ развитой человѣкъ своего времени, подвергающій анализу, какъ окружающія его явленія жизни, такъ и свое собственное положеніе. Несчастливцевъ не получилъ систематическаго образованія; но его природнаго ума и прирожденнаго таланта коснулся геній такихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, и это вліяніе поэзіи сообщило складку идеализма его мечтамъ и чувствамъ, развило въ немъ отзывчивость ко всему человѣчному; прочувствовавъ слова такихъ поэтовъ и понявъ ихъ значеніе въ примѣненіи къ окружающей жизни, онъ получаетъ право, какъ представитель искусства, занять свое мѣсто между интеллигентными людьми своего времени.

Авторъ не показываетъ намъ Несчастливцева въ театральной сферѣ, среди публики, гдѣ могли бы непосредственно обнаружиться свойства его таланта и вліянія его, какъ актера; мы составляемъ себѣ представленіе объ его игрѣ только по его сценическимъ манерамъ и привычкамъ, по его любимымъ занятіямъ и воспоминаніямъ.

Авторъ приводитъ Несчастливцева не на сцену, а въ усадьбу помѣщицы Гурмыжской, гдѣ онъ ставитъ его въ соприкосновеніе съ представителями высшаго губернскаго общества, среди котораго актеръ Несчастливцевъ оказывается единственною свѣтлою личностью. Здѣсь, въ прекрасно обрисованныхъ отношеніяхъ Несчастливцева къ своей родной тетушкѣ, къ товарищу по профессіи Счастливцеву, къ дѣвушкѣ Аксюшѣ и къ остальному обществу—на первый планъ выдвигается не личность актера, но личность глубоко симпатичнаго человѣка, одареннаго талантомъ и умомъ, съ неутомимымъ стремленіемъ къ идеалу.

Нѣкоторыя детали въ изображеніи Несчастливцева напоминаютъ Корпѣлова: тотъ же «трудовой» хлѣбъ, добываемый цѣною горькихъ лишеній, съ постояннымъ странствованіемъ по лицу родной земли «изъ Керчи въ Вологду» и обратно, съ легковѣснымъ чемоданомъ за плечами. Только въ Несчастливцевѣ причина этихъ странствованій ясна и опредѣленна: они внушаются ему его артистическимъ идеаломъ, его безкорыстнымъ служеніемъ искусству. Здѣсь для насъ не остается сомнѣнія (какъ относительно Корпѣлова), что причина его «шатанія» лежитъ не въ немъ самомъ, не въ слабыхъ сторонахъ его характера, а въ окружающей средѣ, не умѣющей оцѣнить истинный талантъ. Несчастливцевъ въ отношеніи нравственной энергіи и силы характера стоитъ выше Корпѣлова: онъ такъ «гордъ», что стыдится, даже послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія своего, возвратиться къ своей богатой тетушкѣ въ рубищѣ бѣднаго актера; и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ свои послѣднія деньги для того, чтобы устроить счастье своей бѣдной сестры. Самъ Несчастливцевъ характеризуетъ себя словами: «дитя природы, взлелѣянное несчастьемъ». Эти слова дѣйствительно выражаютъ одну изъ сторонъ его жизни и воспитанія. Изъ разсказовъ самой тетушки, г-жи Гурмыжской, мы узнаемъ, что, осиротѣвши очень рано, Несчастливцевъ остался на ея попеченіи; но богатая тетушка ограничила всѣ свои заботы о немъ тѣмъ, что приготовила его въ юнкера и затѣмъ предоставила его собственнымъ силамъ; вслѣдствіе этого онъ отсталъ отъ своихъ товарищей по образованію и, лишенный всякой поддержки извнѣ, не разъ находился въ молодости на краю нищеты и гибели. Онъ, не смотря на это, пробилъ себѣ жизненную дорогу совершенно самостоятельно. Такимъ образомъ, его характеръ еще съ молоду закалился для жизненной борьбы и подготовилъ его къ безпокойной скитальческой жизни. Поэтому, онъ имѣетъ полное право примѣнить къ себѣ фразу: «О, мнѣ по душѣ кровавыя потѣхи!», которую онъ произноситъ въ поэтическомъ, иносказательномъ смыслѣ, въ примѣненіи къ своей жизненной борьбѣ и къ своему таланту. Но Несчастливцевъ является столько же дитятею невзгодъ и природныхъ дарованій, сколько питомцемъ искусства, облагораживающее вліяніе котораго является другимъ источникомъ его умственнаго и нравственнаго развитія. Уважая въ себѣ актера-трагика, онъ еще ревнивѣе оберегаетъ въ себѣ человѣческое достоинство, не желая вступать въ компромиссы съ своею совѣстью и нравственнымъ идеаломъ. По его собственному сознанію, эта послѣдняя черта его характера бываетъ нерѣдко причиною его жизненныхъ неудачъ: «Знаешь ты меня, — говоритъ онъ Счастливцеву — левъ вѣдь я, подлости не люблю, — вотъ мое несчастіе». Понятно что при такихъ условіяхъ, его міровоззрѣніе не отличается радужнымъ колоритомъ, и въ его словахъ и сужденіяхъ часто звучитъ горькая иронія, невеселыя нотки. Такъ, напримѣръ, когда Булановъ заговариваетъ о своемъ несчастіи, Несчастливцевъ отвѣчаетъ: «Вздоръ, не вѣрю. Ты счастливъ. Несчастливъ тотъ, кто угождать и подличать не умѣетъ». Несчастливцевъ является въ пьесѣ уже утомленнымъ жизненною борьбою странникомъ, жаждущимъ отдыха и родственнаго привѣта послѣ долгихъ лѣтъ честнаго и тяжелаго труда. Онъ изъ самолюбія, пожалуй, и не зашелъ бы къ теткѣ; но знакомыя родныя мѣста, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, шевелятъ въ немъ воспоминаніе о давно минувшихъ невинныхъ играхъ, оживляютъ его родственныя чувства и побуждаютъ завернуть, вмѣстѣ съ товарищемъ, въ усадьбу своей тетки, о личности которой онъ утратилъ ясное представленіе. Однако, не предчувствуя ничего добраго, онъ вступаетъ въ ея имѣніе со словами: «Туда ведетъ меня мой жалкій жребій!» И дѣйствительно, въ усадьбѣ помѣщицы Гурмыжской Несчастливцева постигаетъ рядъ неожиданныхъ разочарованій. Переступая родственный порогъ, Несчастливцевъ идеализируетъ личность своей тетки, воображая ее себѣ благочестивою и доброю старушкою, которая, если и несподобна, по своимъ устарѣвшимъ понятіямъ, оцѣнить его, какъ актера, то во всякомъ случаѣ сумѣетъ принять единственнаго племянника послѣ пятнадцатилѣтней разлуки. И вотъ, побуждаемый столько же деликатностью, сколько самолюбіемъ, Несчастливцевъ въ первый моментъ своего появленія въ домѣ тетки разыгрываетъ роль богатаго барина, будто бы остановившагося въ городѣ и пришедшаго въ имѣніе пѣшкомъ, вмѣсто прогулки. Онъ больше всего опасается, чтобы тетка не приписала его появленіе въ ея домѣ какимъ-либо матерьяльнымъ побужденіямъ и разсчетамъ; ему хотѣлось бы, наоборотъ, встрѣтить въ ней ничѣмъ не смущаемыя, искреннія родственныя чувства: онъ такъ усталъ и такъ жаждетъ этого теплаго участія! Какъ бы невольно поддаваясь этой потребности, онъ прежде всего пишетъ теткѣ причудливую по формѣ записку въ стихахъ:

Судьба моя жестокая!
Жестокая судьба моя!
Ахъ, теперь одна могила. (Д. III, явл. 2).

Затѣмъ, при первомъ свиданіи съ нею, онъ прямо высказываетъ свои чувства: «Могу ли я забыть васъ! Вы не знаете моего сердца. Я помнилъ васъ, помню и буду помнить... Когда я посылалъ эти четки, я думалъ: «добрая женщина, ты возьмешь ихъ въ руки и будешь молиться. О, помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ!» (Д. III, явл. 7.). Не трудно бы-

ло бы чуткому сердцу разгадать въ этихъ словахъ, слегка затемненныхъ сценическими эффектами, дѣйствительныя чувства своего племянника и сердечно отозваться на нихъ. Но г-жа Гурмыжская занята совсѣмъ другимъ и къ этимъ изъявленіемъ чувствъ остается совершенно глуха. Несчастливцевъ однако продолжаетъ идеализировать смиреніе своей тетки и отстаивать ея достоинства до половины IV дѣйствія, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ всѣхъ полученныхъ впечатлѣній, у него не раскрываются глаза на истинное отношеніе тетки къ мальчишкѣ Буланову, къ племянницѣ Аксюшѣ и къ нему самому. Онъ убѣждается, что вмѣсто теплаго родственнаго участія, гостепріимства и отдыха, на которые онъ разсчитывалъ, онъ встрѣчаетъ со стороны своей тетки низкія своекорыстныя побужденія, матеріальные разсчеты и оскорбительное презрѣніе къ личности «комедіанта». Въ концѣ пьесы Несчастливцевъ, возмущенный всѣмъ этимъ, снова надѣваетъ на плечи свой походный ранецъ—чемоданъ и уходитъ пѣшкомъ изъ усадьбы, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ. Замѣчательна эта сцена.

Гурмыжская (*пожимая плечами*). Комедіанты!

Несчастливцевъ. Комедіанты? Нѣтъ, мы артисты, благородные артисты, а комедіанты—вы. Мы коли любимъ, такъ ужъ любимъ; коли не любимъ, такъ ссоримся или деремся; коли помогаемъ, такъ ужъ послѣднимъ трудовымъ грошомъ. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благѣ общества, о любви къ человѣчеству. А что вы сдѣлали? Кого накормили? Кого утѣшили? Вы тѣшите только самихъ себя, самихъ себя забавляете. Вы комедіанты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счетъ двухъ-трехъ такихъ мерзавцевъ, какъ Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Дѣвушка бѣжитъ топиться; кто ее толкаетъ въ воду? Тетка. Кто спасаетъ? актеръ Насчастливцевъ! «Люди, люди! Порожденіе крокодиловъ! Ваши слезы — вода! Ваши сердца—твердый булатъ! Поцѣлуи — кинжалы въ грудь; львы и леопарды питаютъ дѣтей своихъ, хищные враны заботятся о птенцахъ, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если бы я могъ остервенить противъ этого адскаго поколѣнія всѣхъ кровожадныхъ обитателей лѣсовъ!» (изъ «Разбойниковъ» Шиллера).

Милоновъ. Но позвольте, за эти слова можно васъ къ отвѣту.

Булановъ. Да просто къ становому. Мы всѣ свидѣтели.

Несчастливцевъ (*Милонову*). Меня? Ошибаешься. (*Вынимаетъ пьесу Шиллера „Разбойники“.*) Цензуровано. Смотри! Одобряется къ представленію. Ахъ ты, злокачественный мужчина! Гдѣ же тебѣ со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, какъ Шиллеръ, а ты, какъ подьячій. Ну, довольно! Въ дорогу, Аркашка! Прощайте. (*Кланяется всѣмъ.*)

Эта обличительная тирада, съ которою Несчастливцевъ обращается въ этой сценѣ къ представителямъ окружающаго общества, умѣстно примѣняя къ жизни свои сценическія познанія и свое искусство, является однимъ изъ тѣхъ моментовъ, когда актеръ и человѣкъ могущественно сливаются въ немъ въ одно существо. Не пустыми холодными фразами звучатъ эти слова: въ его устахъ они являются естественнымъ выводомъ изъ всего испытаннаго имъ въ домѣ своей тетушки, вмѣстѣ съ тѣмъ,—истолкованіемъ смысла всей пьесы.

Вообще образъ Несчастливцева производитъ и долженъ производить со сцены глубокое и двоякое впечатлѣніе: съ одной стороны, этотъ идеалистъ своею мрачною фигурою уставшаго, изстрадавшагося и униженнаго интеллигентнаго человѣка производитъ впечатлѣніе крайне грустное; но съ другой, его нравственное превосходство надъ окружающей средой и гордое сознаніе своей личной независимости, съ которымъ онъ удаляется со сцены, оставляетъ впечатлѣніе свѣтлое и отрадное, укрѣпляющее надежду на будущую, болѣе почетную роль въ обществѣ подобныхъ личностей. Заключительныя слова Несчастливцева, равно какъ и вся его личность, являются, среди другихъ типовъ Островскаго, самымъ энергическимъ выраженіемъ протеста противъ темныхъ сторонъ современныхъ общественныхъ нравовъ. Центральное значеніе личности Несчастливцева въ комедіи «Лѣсъ» вытекаетъ изъ его противопоставленія крѣпостной барской средѣ, по отношенію къ которой онъ играетъ ту же роль, что и студентъ Мелузовъ въ «Талантахъ и поклонникахъ», т. е. ведетъ съ ея вліяніемъ *непрерывную борьбу, постоянный поединокъ*. Но почему же этотъ протестъ вложенъ въ уста актера, артиста? По нашему мнѣнію, въ этомъ совмѣщеніи нельзя видѣть ни простой случайности, ни намѣренія автора идеализировать и возвеличить въ глазахъ общества значеніе актера. Напротивъ того, это совпаденіе вполнѣ типично, вполнѣ характеризуетъ состояніе нравовъ въ данный моментъ и потому художественно. Область искусства даетъ у насъ больше необходимаго простора для выраженія взглядовъ, нежели сфера науки или, еще менѣе, область практической дѣятельности; поэтому, влагая такого рода протестъ въ уста актера, огражденнаго отъ нападокъ общества, во первыхъ, своимъ званіемъ «комедіанта» и, сверхъ того, «разрѣшеніемъ цензуры», авторъ избралъ въ высшей степени характерное положеніе для своего героя.

До сихъ поръ мы разсматривали типы интеллигенціи, разумѣя подъ этимъ именемъ не весь, безъ различія, культурный слой общества, а лишь

ту сравнительно небольшую группу образованныхъ людей, въ которой житейскіе разсчеты и выгоды не вытѣснили собою стремленія къ идеалу, не заглушили дѣйствія общихъ идей и нравственныхъ убѣжденій. Но въ числѣ послѣреформенныхъ типовъ Островскаго есть одинъ замѣчательный типъ, представляющій собою образецъ искаженія истинной интеллигенціи и могущій, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить переходомъ отъ группы интеллигентныхъ людей къ группѣ чиновниковъ и дѣльцовъ. Это—типъ карьериста Глумова въ комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты». Глумовъ—совсѣмъ не то, что Корпѣловъ и Несчастливцевъ, съ ихъ безкорыстнымъ и самоотверженнымъ идеализмомъ: его связываютъ съ ними только двѣ черты: образованіе и небольшой остатокъ честности. Глумовъ настолько уменъ и образованъ, что даже всею низостью своихъ поступковъ не въ состояніи изгладить въ себѣ слѣдовъ мыслящаго и просвѣщеннаго человѣка. Онъ производитъ впечатлѣніе субъекта, который еще вчера былъ порядочнымъ интеллигентнымъ человѣкомъ и только что рѣшился продать свою совѣсть за житейскія блага: общественное положеніе и деньги: «Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы на всю Москву, а самъ баклуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо умѣть пользоваться ихъ слабостями... Эпиграммы въ сторону! Этотъ родъ поэзіи, кромѣ вреда, ничего не приноситъ автору, примемся за панегирики (*Вынимаетъ изъ кармана тетрадь.*) Всю желчь, которая будетъ накипать на душѣ, я буду сбывать въ этотъ дневникъ, а на устахъ останется только медъ. Одинъ, въ ночной тиши, я буду вести лѣтопись людской пошлости». Глумовъ имѣетъ ясныя и правильныя понятія о томъ, какія отношенія должны существовать между людьми, сознающими свое нравственное достоинство; онъ вполнѣ понимаетъ, въ чемъ должна состоять настоящая общественная дѣятельность образованнаго человѣка: «Нѣтъ, вы дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ лицу стать съ моимъ меньшимъ братомъ. Дайте мнѣ возможность самому видѣть его насущныя нужды и удовлетворить имъ скоро и сочувственно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько силъ хватитъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы моя работа приносила дѣйствительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужнаго для благосостоянія массы. Переливать изъ пустого въ порожнее, считать это службой и получать отличія — я несогласенъ». Несмотря на то, что Глумовъ профанируетъ выражаемыя здѣсь горькія истины, произнося ихъ въ угоду либеральному болтуну Городулину, тѣмъ не менѣе въ нихъ звучитъ сознаніе умственно развитого человѣка. Взглядъ Глумова на условія дѣйствительной плодотворной общественной дѣятельности—это взглядъ всякаго интеллигентнаго человѣка. Внутренняя иронія надъ окружающимъ его обществомъ скрывается во всѣхъ рѣчахъ Глумова, когда онъ старается попасть въ тонъ вліятельныхъ людей, стоящихъ несравненно ниже его по развитію.

Источникъ нравственнаго паденія Глумова состоитъ въ томъ, что онъ—человѣкъ средней руки. Онъ неспособенъ къ самоотверженной дѣятельности, къ неравной борьбѣ, подобно Несчастливцеву; нѣтъ у него также и Корпѣловской скромности требованій и его слабохарактерности: онъ не можетъ, подобно Корпѣлову, ограничиться долей труженика честнаго, бѣднаго и не имѣющаго никакого значенія въ обществѣ. Напротивъ того, Глумовъ настойчивъ, честолюбивъ и практиченъ; онъ желаетъ жить, составить себѣ карьеру, опредѣленное положеніе въ обществѣ, добиться богатства, выйти въ люди. Преступно ли такое желаніе, само по себѣ, съ точки зрѣніе нравственной? Нисколько. Нельзя требовать и ожидать, чтобы все общество состояло изъ самоотверженныхъ идеалистовъ, изъ героевъ. Всегда будетъ существовать масса личностей средняго нравственнаго уровня, которыя могутъ остаться честными и полезными для общества дѣятелями, которыя дѣйствительно будутъ «работать прилежно, сколько силъ хватитъ», подъ условіемъ удовлетворенія ихъ честолюбія. Руководящее общество должно предъявлять къ своимъ дѣятелямъ такія требованія, чтобы они могли оставаться честными и искренними безъ всякаго геройскаго напряженія. Если бы на долю Глумова выпали такія нормальныя условія общественной дѣятельности, при которыхъ можетъ удовлетвориться честолюбіе образованнаго человѣка, онъ, вѣроятно, остался бы честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ.

А между тѣмъ этотъ молодой человѣкъ, понятія котораго были воспитаны подъ вліяніемъ просвѣщенія и реформъ 60-хъ годовъ, въ духѣ уваженія къ достоинству личности, попадаетъ въ общество людей, проникнутыхъ дореформенными понятіями, враждебно относящихся къ новому порядку вещей, къ новому духу времени, людей вліятельныхъ и невѣжественныхъ, требующихъ преклоненія и лести. Для составленія карьеры въ такомъ обществѣ требуется подлость и низость. И Глумовъ смѣло и рѣшительно вступаетъ на этотъ новый для него путь. Онъ надѣваетъ молчалинскую маску и разыгрываетъ предъ вліятельнымъ генераломъ *роль* дореформеннаго чиновника, постоянно трепещущаго предъ важной особой; онъ берется за составленіе для этого генерала прожекта «о вредѣ реформъ вообще», такъ какъ самъ генералъ, «доживъ до шестидесятилѣтняго возраста, сохранилъ въ себѣ умъ

шестилѣтняго ребенка» и совсѣмъ не владѣетъ современнымъ литературнымъ слогомъ. Затѣмъ Глумовъ притворяется благоговѣйно выслушивающимъ совѣты другого вліятельнаго барина, котораго наставленій даже прислуга «ни за какія деньги» не соглашается слушать! Путемъ такихъ холопскихъ униженій, для полученія протекціи, планъ Глумова быстро подвигается къ осуществленію. Вліятельныя лица уже готовы осыпать его всѣми благами жизни. Но здѣсь встрѣчается неожиданное и, повидимому, случайное препятствіе. Глумовъ имѣлъ неосторожность изливать въ своемъ дневникѣ затаенный имъ остатокъ честнаго негодованія противъ людей, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Злосчастный дневникъ попадаетъ въ ихъ руки; всѣ узнаютъ въ немъ свои портреты. Чѣмъ же оканчивается пьеса? Казалось бы, что теперь всѣ должны покинуть Глумова навсегда, узнавъ его искренніе взгляды и понятія. Но этого не случилось. Наоборотъ, все это общество, послѣ первыхъ минутъ негодованія, рѣшаетъ, что Глумовъ все-таки дѣловой и нужный ему человѣкъ и что его слѣдуетъ вновь приблизить къ себѣ. Г-жа Мамаева беретъ на себя трудъ устроить это примиреніе. И Глумовъ, конечно, вернется къ этой вліятельной средѣ для окончательнаго составленія карьеры. Съ этихъ поръ онъ станетъ болѣе остороженъ съ дневникомъ или, быть можетъ, совсѣмъ перестанетъ писать его, заглушитъ послѣдній остатокъ честности; не заглушить ему только своего зрѣлаго, просвѣщеннаго сознанія и пріобрѣтенныхъ когда-то понятій; къ дореформенной молчалинской наивности ему нѣтъ возврата. Общій смыслъ пьесы по отношенію къ личности Глумова таковъ: интеллигенція, при новомъ строѣ жизни, наступившемъ послѣ реформъ, сдѣлалась необходима; при новыхъ, болѣе сложныхъ условіяхъ общественной жизни, общество не можетъ обойтись безъ услугъ и знаній интеллигенціи,—но такой интеллигенціи, какъ Глумовъ, т. е. способной идти на всякіе компромиссы съ своею совѣстію и скрывающей свои искренніе взгляды. Такимъ образомъ, исторія молодого карьериста Глумова и его честнаго дневника есть не что иное, какъ исторія извращенія истинной интеллигенціи, подъ вліяніемъ реакціонныхъ элементовъ. Самоотверженные интеллигентные люди, подобные Несчастливцеву, хотя и составляютъ душу интеллигенціи, но въ общей массѣ они встрѣчаются сравнительно рѣдко: на ихъ долю выпадаетъ слишкомъ неравная, неблагодарная борьба. Преобладающими явленіями въ жизни интеллигентныхъ слоевъ общества остаются жалкая глумовщина и скромная корпѣловщина. Глумовщина — это широкое явленіе, очень характерное для современныхъ нравовъ и отмѣчающая своимъ клеймомъ массу образованныхъ людей; глумовщина разлита у насъ всюду, она проникаетъ собою всѣ сферы нашей жизни, составляя какъ-бы атмосферу, въ которой мы живемъ и дышемъ; глумовщина—это всякій компромиссъ, всякая сдѣлка интеллигентнаго человѣка съ своими основными убѣжденіями, вознаграждаемая нѣкоторой свободой дѣятельности и значеніемъ въ обществѣ. Корпѣловщина, наоборотъ, представляетъ собою добровольное удаленіе изъ сферы общественной въ скорлупу личной, домашней жизни, съ тайными тревогами и сочувствіями и со всякими дневниками для потомства. Современной интеллигенціи приходится жить и развиваться въ этихъ трехъ направленіяхъ, подмѣченныхъ чуткимъ талантомъ Островскаго; она или возвышается до Несчастливцева или колеблется между корпѣловщиной и глумовщиной.

Ограничивая этими послѣреформенными типами характеристику интеллигентныхъ людей, выведенныхъ въ пьесахъ Островскаго, и припоминая все сказанное нами о Нароковѣ, Мелузовѣ, Грунцовѣ, Корпѣловѣ, Несчастливцевѣ и Глумовѣ, мы имѣемъ основаніе заключить, что нашъ драматургъ сумѣлъ съ достаточною ясностью и глубиною обрисовать въ этихъ типахъ всѣ наиболѣе существенныя черты современной интеллигенціи: ея умственное и нравственное развитіе, самоотверженные идеальные порывы, безсословный демократическій духъ, матеріальную необезпеченность и незначительность ея общественной роли. Соединеніе въ этой средѣ такихъ контрастовъ уже само по себѣ служитъ признакомъ ея силы, живучести и молодости; этотъ слой интеллигентныхъ людей является у насъ свѣжей, довольно широко распространенной, но еще непризнанной общественной силой. Самая необходимость существованія честной интеллигенціи подвергается сомнѣніямъ. Очевидно, что ея время еще не наступило, и болѣе серьезная общественная роль, полное развитіе и примѣненіе ея здоровыхъ силъ и знаній къ служенію родинѣ—составляетъ вопросъ нашего будущаго общественнаго развитія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ц. Балталонъ.

„Гамлетъ“, актъ 1-й, карт. 1-я, декорація А. Ѳ. Гельцера.

Наши русскіе декораторы.

I.

Анатолій Ѳедоровичъ Гельцеръ.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ образованія русскаго придворнаго театра, вниманіе управляющихъ театральнымъ дѣломъ обратилось на внѣшнюю обстановку представленій, и изъ-за-границы постоянно выписывались болѣе или менѣе талантливые декораторы. Среди нихъ яркою звѣздою блеститъ имя знаменитаго Гонзаго, который оставилъ слѣды своей декоративной дѣятельности не только въ области театральныхъ постановокъ, но и въ декорированіи пригородныхъ дворцовъ и окружающихъ ихъ парковъ. Такой декораторъ могъ бы составить себѣ славу не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ: не даромъ чуть не на вѣсъ золота цѣнятся его эскизы, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія было не мало талантливыхъ иностранцевъ, являвшихся представителями декораціонной живописи, и среди нихъ особенно можно отмѣтить имя Роллера, обладавшаго несомнѣннымъ дарованіемъ, и имѣвшаго вліяніе на своихъ помощниковъ, Журделя и Ѳедорова. Съ 60-хъ годовъ нашего столѣтія рѣзко выступаетъ на первый планъ школа русскихъ декораторовъ, съ Шишковымъ и Бочаровымъ во главѣ. Когда мелодраму смѣнила историческая хроника въ стилѣ реальной школы, отъ декораторовъ потребовалось помимо фантазіи и извѣстной техники, серьезное изученіе отечественной старины при строгомъ соблюденіи общей гармоніи декораціи съ текстомъ автора. Фантастически-нелѣпая архитектура «Княжой гридницы» оперы «Русланъ и Людмила», немедленно замѣняется изящной, въ чисто-русскомъ стилѣ композиціей русскаго декоратора. «Смерть Іоанна Грознаго» ставится подъ наблюденіемъ извѣстнаго археолога Прохорова. Пьеса Островскаго «Василиса Мелентьева», «Тушино» и «Дмитрій Самозванецъ» вызываютъ спросъ на точныя копіи съ царскихъ теремовъ. Роскошная обстановка Пушкинскаго «Бориса Годунова» на Императорской петербургской сценѣ въ 1870 году окончательно упрочиваетъ при театрахъ гегемонію русскихъ художниковъ.

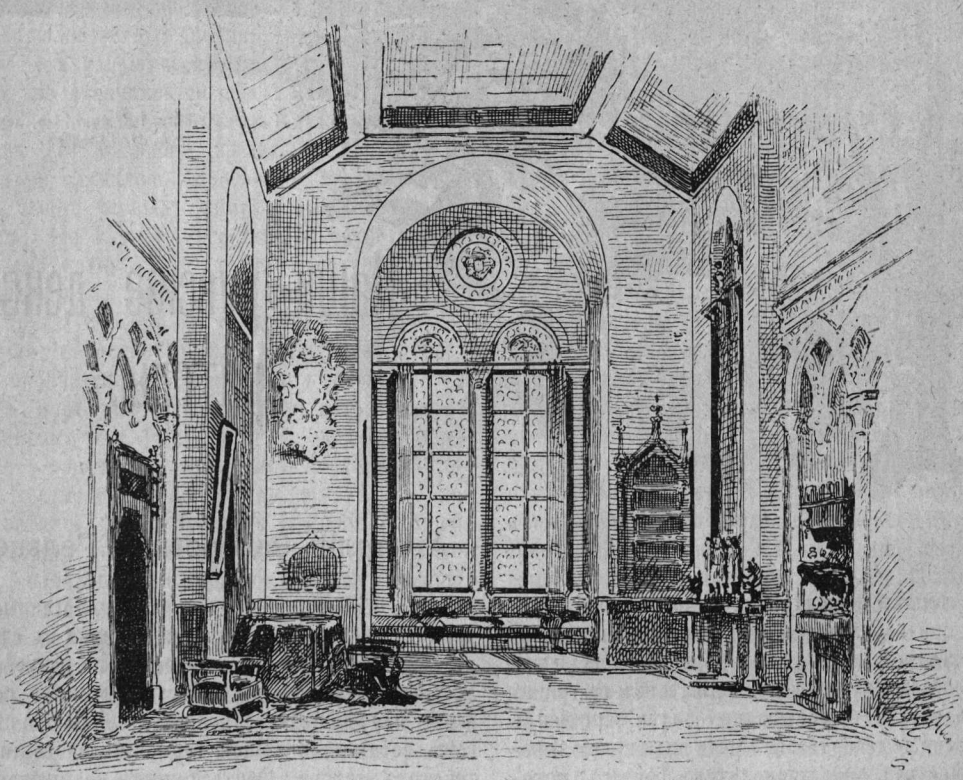
Декораціи стали колоритнѣе, сочнѣе, освободились отъ тѣхъ условностей, которымъ такъ или иначе платили должную дань иностранцы. Въ 70-хъ годахъ М. А. Шишковъ основываетъ

при Академіи Художествъ декораціонный классъ; и на призывъ его откликаются молодые художники, среди которыхъ нѣкоторые дѣлаются не только достойными своего учителя, но и двигаютъ впередъ излюбленное ими искусство.

Въ Москвѣ школы не образуется; въ Большомъ театрѣ декораціонное дѣло совсѣмъ не двигается впередъ и замираетъ на одной точкѣ. Но съ 80-хъ годовъ въ Маломъ театрѣ выступаетъ талантъ, ярко и выпукло отличающійся отъ прочихъ московскихъ декораторовъ, молодой художникъ Анатолій Ѳедоровичъ Гельцеръ.

Гельцера замѣтили не сразу. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы сразу обнаружить свое дарованіе. Талантъ его развивался исподволь, постепенно; школой его служила практика. Онъ пополнялъ неустанными занятіями недостатки систематическаго художественнаго образованія, котораго не могла дать ему Москва въ 70-хъ годахъ. Вступивъ въ должность старшаго декоратора Малаго театра, онъ, не стѣсняясь, могъ постепенно развернуть свои силы и достигнуть, наконецъ, первенствующаго мѣста среди другихъ московскихъ собратій по искусству.

А. Ѳ. принялся за серьезное изученіе натуры. Примѣняясь къ текущему репертуару, онъ началъ изучать пейзажъ средней полосы Россіи, работая лѣтомъ съ натуры масляными красками, — и западную архитектуру для пьесъ европейскаго репертуара, подбирая систематическую коллекцію увражей, и на мѣстѣ, заграницей, изучая памятники, представлявшіе для него интересъ. Совершенствуясь годъ отъ года, присматриваясь къ декораціямъ западныхъ мастеровъ, онъ достигаетъ къ половинѣ 80-хъ годовъ уже значительной степени совершенства, и его декораціи къ «Звѣздѣ Севильи» Лопэ де Вега заставляютъ говорить о себѣ не только Москву, но и Петербургъ. Не только колоритъ и серьезное изученіе перспективы отличаетъ молодого декоратора, но и серьезное проникновеніе самымъ текстомъ пьесы. Гельцеръ отлично понимаетъ, что декорація только фонъ, на которомъ развивается дѣйствіе. Поэтому его композиція отвѣчаетъ тексту пьесы и является плодомъ изученія послѣдняго. При поднятіи занавѣса зритель сразу охватывается должнымъ настроеніемъ для полнаго воспріятія самой пьесы, и это настроеніе строго гармонируетъ съ замысломъ авторскаго текста. Зловѣщій тонъ декораціи макбетовскаго замка заставляетъ ожидать кровавой трагедіи, совершающейся въ его стѣнахъ. Занесенный снѣгомъ Эльсиноръ, озаренный мерцающими лучами мѣсяца, вѣетъ тихою поэзіею, и своею суровостью говоритъ о какой-то таинственной скандинавской легендѣ. Ярко озаренное солнцемъ скошенное поле съ



„Марія Шотландская". Зала во дворцѣ, декорація А. Ѳ. Гельцера.

рядомъ убѣгающихъ въ даль коленъ, въ драмѣ «За право и правду», раскрываютъ передъ нами реальную панораму чисто-русскаго пейзажа. Словомъ, каждая декорація даетъ извѣстное настроеніе и способствуетъ болѣе яркому и болѣе правильному воспринятію впечатлѣнія отъ данной пьесы.

Въ настоящемъ году Гельцеръ за 20 лѣтъ службы получилъ наградный бенефисъ въ Большомъ театрѣ, что дало ему возможность написать цѣлую коллекцію превосходныхъ декорацій для «Орлеанской дѣвы» Шиллера. Намъ хорошо извѣстна декораціонная обстановка этой трагедіи въ трушѣ герцога Мейннингенскаго и мы, не смущаясь, можемъ сказать, что композиціи Гельцера въ значительной мѣрѣ превосходятъ и по замыслу, и по выполненію работы профессора Брюкнера. Начиная съ дуба рѣзко выдающіяся изъ ряда художественныя произведенія:

Борисъ Годуновъ, Пушкина.—Ночь, садъ, фонтанъ.

Гроза, Островскаго.—Оврагъ за домомъ.

Воевода, Островскаго.—Улица съ видомъ на Волгу.

Звѣзда Севильи, Лопэ де Вега.—Цѣлый рядъ декорацій въ мавританскомъ стилѣ.

Медея, гг. Буренина и Суворина.—Священная роща.

Забытая усадьба, др. И. В. Шпажинскаго.—Лѣсъ.

Жизнь прожить, Тарновскаго.—Внутренность разрушеннаго замка.

Гернани, Гюго.—Внутренность склепа.

Макбетъ, Шекспира.—Дворъ замка, парадная зала.

„Воевода", актъ 1-й, декорація А. Ѳ. Гельцера.

друидовъ въ прологѣ, продолжая видами дворцовыхъ залъ, превосходными пейзажами, площадью Реймсскаго собора и кончая полемъ битвы, гдѣ по Шиллеру умираетъ Іоанна, — все это плодъ серьезнаго изученія, плодъ работъ долгихъ мѣсяцевъ.

Едва ли кто-нибудь изъ другихъ декораторовъ, равныхъ по таланту съ Гельцеромъ, несетъ такой непосильный трудъ, какъ онъ, давая каждый сезонъ цѣлые десятки декорацій. Малый театръ находится исключительно на его иждивеніи. Нерѣдко за двѣ, за три недѣли приходится скомпановать и написать 5—6 декорацій, одновременно удовлетворяя и требованіямъ начальства, и авторскимъ замысламъ, и принципамъ археологіи, и тѣмъ техническимъ пріемамъ, которымъ подчинена декораціонная живопись. Здѣсь мы отмѣтимъ только тѣ его работы, которыя спеціально были отмѣчены печатью и вызовами публики, какъ

Смерть Агриппины, г. Буренина.—Дворецъ Нерона.

Севильскій обольститель, г. Бѣжецкаго.—Кладбище.

Зимняя сказка, Шекспира.—Облачная декорація.

Гамлетъ, Шекспира.—Терраса Эльсинора, отдаленное мѣсто террасы (для Москвы сдѣлано повтореніе, оригиналы же писаны для Петербурга); открытая галлерея для 5-го акта.

Рюи Блазъ, Виктора Гюго.—Комната короля, комната королевы.

Графъ де Ризоръ, Сарду.—Ратуша въ Брюсселѣ.

За право и правду, г. Полевого.—Поемный лугъ, Тверской кремль.

Марія Шотландская, Біернсона.—Тронный залъ и комната Нокса.

Наконецъ, къ этому списку слѣдуетъ причислить и всѣ, только что написанныя деко-

раціи къ *Орлеанской дѣвѣ*, представляющія высшую кульминаціонную точку работъ молодого декоратора. Его можно назвать молодымъ, не смотря на двадцатилѣтнюю службу при театрахъ. А. Ѳ. родился въ 1852 году 21-го марта и теперь находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Учился онъ въ Строгановскомъ московскомъ училищѣ и окончилъ курсъ со званіемъ ученаго рисовальщика. Изученіемъ декораціоннаго искусства и перспективы онъ занимался у московскаго декоратора П. А. Исакова (ученика Роллера, о которомъ сказано выше), и въ 1888 году заступилъ его мѣсто, переведенный изъ Большого театра, гдѣ онъ занималъ должность помощника декоратора г. Вальца, съ 1873 года. Большой театръ обладаетъ пятью выдающимися декораціями г. Гельцера: внутренностью собора для *Фауста*, видомъ города для *Маккавеевъ*, руинами для *Уріэля Акосты*, замкомъ Гудала для *Демона* и декораціей 1-го акта для *Аскольдовой могилы*. Петербургъ знакомъ съ талантомъ г. Гельцера по декораціямъ къ *Гамлету* и по павильону въ японскомъ вкусѣ, написанному для комедіи *Сестры Саморуковы*.

Г.

„Графъ де Ризоръ". Ратуша, декорація А. Ѳ. Гельцера.

Во имя дружбы.

(Разсказъ.)

Темнѣло. Варвара Михайловна вошла въ открытую дверь кабинета, быстро оглянула его и, замѣтя лежавшаго на тахтѣ мужа, сразу измѣнилась въ лицѣ.

— Коля, ты здѣсь, ты здѣсь?—проговорила она нервнымъ, тревожнымъ голосомъ.—Въ такой темнотѣ?

Николай Александровичъ вздрогнулъ отъ неожиданности и въ очевидномъ смущеніи поспѣшно и неловко поднялся на ноги.

— Ты лежалъ?..—продолжала молодая женщина.—Что съ тобой? Тебѣ нездоровится?

Николай Александровичъ отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ, прилегъ же, просто, понѣжиться въ ожиданіи времени, когда можно будетъ зажечь огонь. Онъ старался сказать все это какъ можно проще и успокоительнѣе, но самъ же чувствовалъ, что голосъ его звучитъ далеко не такъ, какъ бы это хотѣлось ему. Досадуя на себя, онъ невольно отвернулся отъ устремленныхъ на него, все шире и шире открывавшихся глазъ жены и, отойдя, сначала медленно сталъ зажигать висѣвшую надъ столомъ лампу и затѣмъ, покосясь назадъ, направился къ окнамъ и еще болѣе медленно началъ опускать сторы.

Жена не трогалась съ мѣста и точно ждала чего-то. Ея блѣдное, худенькое, очевидно, преждевременно поблекшее личико все какъ-то передергивалось, нервно, болѣзненно.

Наконецъ, Николай Александровичъ прошелъ къ столу и, вынувъ изъ лежавшаго на немъ портфеля бумаги, сталъ ихъ просматривать.

— Ну,—сказалъ онъ,—Варя, извини—мнѣ надо работать.

— Коля,—произнесла она дрожащимъ голосомъ.—Колечка... Я право не знаю... но мнѣ все что-то кажется...—Она суетливо подбѣжала къ нему и схватилась за его плечи.—Точно у тебя что-то есть... Точно ты что-то скрываешь отъ меня, какое-нибудь несчастіе!.. Милый, скажи, скажи мнѣ... что, что такое?

Его передернуло. Онъ схватился за свою бороду, сжалъ ее и, задержавъ вздохъ, сказалъ, какъ бы подавляя закипавшее въ немъ раздраженіе:

— Варя, это, наконецъ, невыносимо. У тебя разстроены нервы, ты не виновата въ этомъ... но должна же ты это знать... Тебѣ все «кажется»... кажутся разные ужасы... Я знаю, ты запугана... Такъ вѣдь должна же ты вѣрить мнѣ, когда я говорю, что ничего подобнаго нѣтъ. А то вѣдь и я не съ веревочными же нервами... Между тѣмъ, какъ мнѣ надо работать... Успокойся же и поди, постарайся чѣмъ-нибудь поразвлечься.

Она не то чтобы успокоилась, но прямо перешла къ какой-то наивной, дѣтской радости.

— Такъ, значитъ, я ошиблась, ошиблась?—заговорила она уже улыбаясь.—И ты это правду говоришь? Ничего нѣтъ, все благополучно? Ну, хорошо, хорошо, я вѣрю, вѣрю. Милый, прости же меня въ такомъ случаѣ.—Она поцѣловала его.

Онъ пожалъ плечами и потянулся за перомъ.

— Да,—спохватилась она,—но развѣ ты не поѣдешь съ нами къ Новицкимъ?

— Къ Новицкимъ?—онъ обернулся и только тутъ замѣтилъ ея нарядное платье.—Это на именины ихъ Вани? Какъ видишь, не могу. А ты что же, ты и Васю, и Маню берешь? Да? Ну, и прекрасно: поѣзжайте себѣ. Только укутайтесь хорошенько: холодно.

Варвара Михайловна еще разъ поцѣловала его и вышла.

Николай Александровичъ положилъ перо на край стола, охватилъ руками свой лобъ и опрокинулся на спинку кресла, какъ бы въ изнеможеніи отъ только-что перенесенной пытки. Красивое, только слегка развѣ черезчуръ полное, лицо его сразу расплылось, опустилось, какъ у спящаго. Минуту, по крайней мѣрѣ, просидѣлъ онъ въ такомъ положеніи, не шевелясь, весь вытянувшись и только усиленно моргая глазами, отчего картина, на которую былъ устремленъ его взоръ, точно тряслась и прыгала.

«Я Христова силота
Отволяла волота»,—

необыкновенно залихватски-весело запѣлъ вдали картавый, дѣтскій голосёнокъ.

Онъ невольно улыбнулся, но сейчасъ же грустно-грустно покачалъ головой и, передернувъ плечами, склонился къ лежавшему передъ нимъ «дѣлу».

Слова, фразы читаемой имъ бумаги, сначала вполнѣ для него мертвыя, мало-по-малу стали оживать. Онъ докончилъ страницу, перевернулъ ее и, обдумывая прочитанное, въ то же время сталъ читать дальше.

Вдругъ изъ гостиной раздался громкій и капризный плачъ.

«Что тамъ еще?—морщась, подумалъ Николай Александровичъ.—«Ахъ, уѣзжали бы себѣ скорѣе. Фу, ты—опять!»

Послѣднее относилось уже къ Варварѣ Михайловнѣ, которая, какъ слышалъ онъ по ея шагамъ, снова возвращалась къ нему.

— Ну, что же еще, Варечка?—сказалъ онъ, едва она показалась въ дверяхъ.

— Не сердись, Колечка,—начала она.—Но мнѣ опять что-то... Видишь ли, мы ужъ совсѣмъ собрались, одѣлись и вдругъ... Такъ точно сердце сжалось... И, право, я думаю, не остаться ли намъ... А дѣтишки сейчасъ и въ слезы... А? какъ ты полагаешь?

— Я тебѣ уже говорилъ... Тебѣ, прежде всего, развлеченія нужны.

— Да?—сказала она, играя своей муфтой.—Ты находишь?.. Ну, въ такомъ случаѣ, что же, пожалуй... И дѣти будутъ такъ рады...

— Иди же къ нимъ. Еще вспотѣютъ, ожидая.

— Ахъ, да, да!—засуетилась она.—И можетъ быть ужъ и вспотѣли... Ахъ, какъ же это я... Все эти нервы... Прощай же...—Она почти убѣжала.

Черезъ минуту въ квартирѣ водворилась полнѣйшая тишина.

— Вотъ и одинъ, на цѣлыхъ, по крайней мѣрѣ, три часа,—сказалъ самъ себѣ Николай Александровичъ.—Что же теперь дѣлать? Думать? Да развѣ мало было всевозможныхъ думъ! Развѣ ужь не все, не все рѣшительно думано и передумано! Нѣтъ, исхода нѣтъ—ни откуда, никакого.

— О-о, Господи!—почти простоналъ онъ и быстро и нервно сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ прихожей позвонили. Онъ вздрогнулъ и быстро остановился, испуганно прислушиваясь и смотря въ темный пролетъ двери. Горничная принесла ему письмо.

Онъ взглянулъ на почеркъ.—Отъ Злобина! Отъ Злобина! Ну, конечно, вѣдь я же писалъ ему... и забылъ?! Но что-то тамъ, Боже, что онъ пишетъ?

Онъ по своей привычкѣ хотѣлъ вскрыть письмо ножичкомъ, но въ торопяхъ не нашелъ его и, чертыхнувшись, оборвалъ конвертъ руками.

При первой строчкѣ онъ весь замеръ. Письмо было предлинное и калиграфія его невозможна.

Досадуя на то и другое, Николай Александровичъ старался однимъ взглядомъ пробѣжать по всему содержанію листка. Слово одной строки, третьей, десятой—и все стало яснымъ.

— Какъ и слѣдовало ожидать! — вслухъ, усмѣхаясь, проговорилъ Николай Александровичъ.—Гдѣ ужь тутъ!..—Онъ сложилъ письмо и положилъ его въ вынутый изъ стола ящикъ.

— Но вѣдь это было послѣдней надеждой,—сказалъ онъ себѣ совершенно здраво и хладнокровно.—Да, послѣдней! Теперь уже окончательно все погибло.

Взглянувъ на столъ, онъ случайно увидѣлъ завалившійся подъ бумагу ножикъ и, взявъ его, сталъ отшлифовывать свои ногти.

«Нѣтъ»,—думалъ онъ,—«это ужасно интересно: какъ это, столько ожидая отъ этого письма, я въ то же время могъ совершенно забыть о немъ... Удивительно!

Прошло нѣсколько минутъ. Онъ не отрывался отъ своей работы надъ ногтями, и, казалось, весь ушелъ въ нее. Только гдѣ-то на днѣ его души смутно ныла, болѣла, точно старая-старая рана.

Опять раздался звонокъ. Онъ отозвался на него съ еще большимъ волненіемъ: выбѣжалъ въ корридоръ, крикнулъ горничную и, едва давъ ей опередить себя, остановился у дверей въ прихожую и сталъ смотрѣть сквозь щель.

— Баринъ только одни дома, и то, никакъ, занимаются,—долетѣлъ до него голосъ дѣвушки.

«Экая дура»,—подумалъ онъ.«Сказала бы, что никого нѣтъ дома!..»

Но гость былъ уже въ прихожей. Въ его высокой, широкоплечей, крупной фигурѣ Николай Александровичъ легко узналъ своего стараго, еще школьнаго товарища.

«И все-таки совсѣмъ не во время»,—подумалъ онъ, и, отворивъ двери, сказалъ:

— Ты, Владиміръ Ивановичъ? Какими судьбами?..

— Вотъ тѣ и на!—пробасилъ тотъ громко и весело.—Да провѣдать пріѣхалъ. Домочадцы отсутствуютъ, значитъ, здоровы. Ну, а ты какъ? Ничего?.. И то слава Богу!.. Охъ, братъ, и снѣжище валитъ!—и отряхая со своей роскошной бороды прилипшіе къ ней хлопья, онъ первый отправился въ глубь квартиры.

Вяло поплелся за нимъ хозяинъ.

— Эй, гдѣ же ты тамъ застрялъ?—кричалъ гость уже изъ кабинета.—Бумагъ-то, бумагъ-то навалено!.. Ба-а-атюшки вы мои, свѣтики!

— Да, есть-таки,—подтвердилъ Николай Александровичъ, входя и берясь за рукописи.—И все крайне спѣшныя.

— Да? Ну, я не помѣшаю. Вотъ посмотрю на твою рожу, выкурю папироску—и поѣхали съ орѣхами... Или, впрочемъ, врешь, подожду Варвару Михайловну: съ ребятишками-то, чай, не засидится.

— Не знаю ужь право.

— Что? Ахъ ты, сдѣлай милость! Дѣлецъ какой!.. Да я хоть въ столовую уйду, въ такомъ случаѣ. Вотъ возьму газету, сяду—и хоть за покойника почитай.—Онъ захохоталъ и бросился въ кресло.

Жизнью, бодростью, весельемъ вѣяло отъ этого крѣпкаго, разрумяненнаго морозомъ молодца.

Николай Александровичъ, глядя на него, втайнѣ даже позавидовалъ ему.

Тотъ между тѣмъ, закусивъ зубами длинный, янтарный мундштукъ и прищурившись отъ попавшаго въ его лѣвый глазъ дыма, сталъ пристально смотрѣть на него.

— Что ты такъ?—невольно выдавая себя, сказалъ Николай Александровичъ.

— Да вотъ смотрю,—отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ,—точно, какъ-будто... не то ты осунулся, не то вообще постервѣлъ... А здоровъ, говоришь?

— Да что же, клясться тебѣ, что ли?—огрызнулся Николай Александровичъ.

— Вотъ оно какъ!—Владиміръ Ивановичъ еще пронзительнѣе впился въ блѣдное лицо пріятеля.—И все у тебя въ полномъ благополучіи? Ни въ чемъ никакихъ недочетовъ?

Тотъ не выдержалъ и опустилъ глаза.

— То-то и есть-то,—даже нѣсколько строго произнесъ Владиміръ Ивановичъ,—меня не обманешь. Я еще третьяго дня замѣтилъ, что что-то не ладно съ тобой. Но что же однако? Надѣюсь, не тайна?

Николай Александровичъ нахмурилъ брови, и, неуклюже повернувшись, пошелъ къ своему столу.

Владиміръ Ивановичъ, закинувъ ногу на ногу и глубоко затягиваясь папиросой, съ шумомъ выпускалъ изъ себя цѣлыя облака дыма. Оба молчали. Первый сталъ что-то царапать ножичкомъ на уголкѣ стола. Второй, сверкая глазами, смотрѣлъ на его сутулую спину и думалъ: «и чего ты молчишь, горюнокъ?»

— Что же,—вымолвилъ наконецъ послѣдній,—скажешь ты, что съ тобой?

— Да ничего же рѣшительно!.. Что пристaлъ?

— Ну, это ты, положимъ, врешь,—вскипѣлъ тотъ.—А скрываться отъ меня, это, конечно, твоя полная воля. Только глупо это. Да что тамъ за секреты!.. Тайны, конечно, у тебя никакой быть не можетъ... Такъ почему бы, казалось, обижать человѣка... Человѣка, который, такъ или иначе со школьной скамьи привыкъ тебя считать своимъ другомъ... И... и... вообще...—Онъ взялъ стоявшую на столѣ пепельницу, громко выдулъ въ нее изъ мундштука окурокъ и, протушивъ его пальцемъ, прибавилъ: —А впрочемъ, чортъ, твое дѣло!

— Прежде всего, глупо тебѣ злиться,—какъ то неопредѣленно, вяло, точно совсѣмъ что-нибудь другое желая сказать, произнесъ Николай Александровичъ.

— Ужь таковъ характеръ. Да не мямли же, наконецъ. Ну, случилась тамъ какая-нибудь глупость, ну, и давай ее сюда: разложимъ, распотрошимъ, разберемъ.—Умъ хорошо, а два лучше!..

— А если тутъ и сотни, и тысячи умовъ ничего не надумаютъ,—вдругъ сильно и горячо, вскидывая глаза на пріятеля, заговорилъ было Николай Александровичъ, но сейчасъ же оборвалъ и продолжалъ уже тихо и съ перерывами:—Дружба!.. Какая, милый ты мой, въ нашемъ возрастѣ, при нашихъ положеніяхъ, можетъ быть дружба. Мы не гимназисты, не кадеты; это имъ только извинительно забавляться подобными химерами. Дружба!.. «Всѣ други, всѣ пріятели»...—старая пѣсня.

Владиміръ Ивановичъ по этому тону товарища понялъ, что съ нимъ случилось серьезное несчастіе.

— И тѣмъ не менѣе, ты выскажешься мнѣ,—сказалъ онъ, вставъ и тихо и нѣжно кладя свою руку на плечо друга. Тотъ быстро обернулся къ нему.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ это!..—заговорилъ онъ съ болѣзненнымъ ожесточеніемъ.—Вѣдь, помочь ты мнѣ не въ силахъ, ну, рѣшительно таки не въ силахъ... Не совѣты, не разсужденія мнѣ нужны.

— А что же?..

Николай Александровичъ порывисто вскочилъ.

— Что?—онъ сверкнулъ глазами и вдругъ почти завизжалъ, какъ то хрипло, точно придавленный шмель.—Деньги, деньги, деньги, мой ангелъ, много денегъ, цѣлая сумма, цѣлыхъ двѣ тысячи!.. Вотъ, вотъ что мнѣ нужно. Вотъ, и сказалъ тебѣ, повѣдалъ. Помогай же, выручай друга. Ну, ну, давай, давай ихъ, вываливай...

Онъ сильно жестикулировалъ и все ближе и ближе наступалъ на Владиміра Ивановича.

— Доказывай же свою дружбу, доказывай,—продолжалъ онъ и выкрикнулъ эти слова такъ неловко, что поперхнулся и сильно закашлялся.

— Коля,—прошепталъ наконецъ Владиміръ Ивановичъ, хватая его за руку...—такъ неужели же ты это—изъ казеннаго ящика?

— А то откуда же?—отвѣчалъ тотъ, еле переводя духъ.—На то я и казначей!.. На то я и казначей, голубчикъ... Да, хапнулъ таки, хапнулъ... Чѣмъ мы, въ самомъ дѣлѣ, хуже другихъ?!. Только вотъ что обидно: не для себя... нѣтъ, куда мнѣ! На что мнѣ такія день-

ги!.. Чорта ли въ нихъ!.. А все-таки хоть кутнулъ бы что ли, или какъ тамъ прочіе... А я, какъ твои гимназисты, во имя дружбы, изъ состраданія... Понимаешь, зацѣпилъ, хапнулъ... Очень просто, съ легкимъ сердцемъ, съ доблестнымъ девизомъ: во имя дружбы... А тутъ, какъ на грѣхъ,—новый директоръ и съ часу на часъ ревизія... Понимаешь, понимаешь ты, чѣмъ пахнетъ то это?.. Понимаешь, другъ ты мой единственный—вѣдь, растрата... Гибель, позоръ... Все прахомъ, все къ чорту!.. Все, все, и служба, и доброе имя, и Варя, и дѣти... Нищенство, лохмотья!..

Владиміръ Ивановичъ былъ совершенно подавленъ.

— Молчишь?—продолжалъ Николай Александровичъ уже болѣе спокойнымъ тономъ. То-то и есть. И, вѣрно, нечего, рѣшительно нечего, тебѣ говорить. Денегъ у тебя нѣтъ, достать ты ихъ не можешь...

— Постой, постой,—проговорилъ, наконецъ, Владиміръ Ивановичъ. У меня лично нѣтъ, и достать мнѣ ихъ трудно... Но все же развѣ ужъ это такая громадная сумма?.. Только приди въ себя, будь хладнокровенъ.

Николай Александровичъ, послѣ своей вспышки, совсѣмъ какъ то ослабъ и опустился. Онъ сѣлъ передъ столомъ и заговорилъ тихо и сдержанно, только по временамъ, отдѣльными мѣстами, снова увлекаясь:

— Ты говоришь, что двѣ тысячи рублей сумма ужъ не такая громадная, чтобы и т. д. Да, съ одной стороны, это вѣрно: я ежегодно получаю чуть не вдвое больше, такъ что казалось бы... Но, вѣдь, въ сущности, собственно цифра здѣсь имѣетъ значеніе вполнѣ второстепенное... Суть въ томъ, что требуется извѣстная денежная единица и ея нѣтъ и достать ее негдѣ.

— Но неужели же такъ-таки и негдѣ?—вставилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да, такъ таки и негдѣ. Ужь въ этомъ положись на меня. И замѣть, замѣть ты себѣ, не эти двѣ тысячи, а прямо таки необходимую въ данномъ случаѣ сумму. Ужъ такая это проклятая заколдованная штука эти деньги. Онѣ, положимъ, и вообще-то не любятъ подобныхъ намъ съ тобой практиковъ. Но онѣ обладаютъ особенно ехидною способностью прятаться отъ насъ именно тогда, когда у насъ является крайняя въ нихъ нужда. Вспомни, провѣрь хоть на себѣ. У тебя, положимъ, десять, двадцать, тридцать добрыхъ знакомыхъ; всѣ они не безъ средствъ: у каждаго въ любое время найдется десять-пятнадцать рублей, чтобы заплатить за тебя гдѣ-нибудь въ ресторанѣ за обѣдъ или ужинъ, однимъ словомъ, за какую-нибудь прихоть, роскошь. Только замедли ты схватиться за бумажникъ при появленіи на столѣ «счета», и всякій изъ нихъ поспѣшитъ заплатить за тебя, конфузливо и важно, (это глядя по характеру), прошептавъ: помилуйте, сочтемся. И въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ говорить—какіе-нибудь рубли, которые мы бросаемъ на свое удовольствіе. Да, но случись съ тобой нужда, случись даже, что черезъ нѣсколько дней ты имѣешь получить изрядную сумму, а теперь, сегодня, сейчасъ-то у тебя не хватаетъ тѣхъ же десяти-пятнадцати рублей;—для выдачи на обѣды женѣ, для уплаты въ лавку, для уплаты, тѣмъ болѣе, доктору за визитъ къ твоему больному ребенку—поди-ка сунься ты къ этимъ твоимъ пріятелямъ!.. Ты обѣгаешь всѣхъ, всѣхъ ихъ: и у того—«вчера только уплатилъ за квартиру», у другого—«только что купилъ выигрышный билетъ», у третьяго—«самъ жду не дождусь двадцатаго», у четвертаго, чортъ его знаетъ, что еще... Но всѣ тебя будутъ угощать виномъ и сигарами, улыбаясь говорить «помилуйте, такая ничтожная сумма», и никто-никто тебѣ не дастъ ни рубля. А почему?—потому что тебѣ приспичило, потому что тебя постигла несчастная случайность. Ахъ, эти несчастныя случайности, онѣ имѣютъ по отношенію другъ къ другу какую-то симпатію, какую-то притягательную силу. Случись она съ тобой, и куда и къ кому ты не являйся—ты вездѣ и вездѣ встрѣтишь ея сестрицу, кузину, или вообще одну изъ ея безчисленныхъ родственницъ. А въ результатѣ тебѣ изъ за этой «ничтожной суммы», какъ это ни дико, какъ это ни нелѣпо, приходится рисковать чуть ли не здоровьемъ своихъ близкихъ.

Онъ сталъ закуривать папиросу; пальцы его слегка дрожали. Пріятель слушалъ его не безъ досады, но молчалъ, какъ бы что-то выжидая.

— Это я все по поводу «ничтожныхъ денегъ»,—снова заговорилъ Николай Александровичъ,—ну, а если тебѣ приспичитъ крайность въ сотняхъ или тысячахъ,—тогда лучше и не утруждай себя, а прямо, по личной симпатіи, либо черезъ перила моста, либо подъ поѣздъ, либо тамъ дозу стрихнина, что ли...

— Ну, однако довольно тебѣ юродствовать,—перебилъ его Владиміръ Ивановичъ.—Ты скажи мнѣ толкомъ, ты, какъ слѣдуетъ, ищешь этихъ денегъ?

Николай Александровичъ вздернулъ плечами и затѣмъ, грустно улыбаясь, началъ снова:

— Да что ты, за сумасшедшаго меня считаешь? Можетъ быть, я и юродствую теперь, но вѣдь эта блажь является послѣ всего, что только можно было сдѣлать. Я тебѣ говорю денегъ нѣтъ нигдѣ... Мы, вмѣстѣ съ этимъ самымъ дружкомъ перешарили все рѣшительно... Всѣхъ мало-мальски состоятельныхъ людей, всѣхъ, кажется безъ исключенія столичныхъ ростов-

щиковъ... даже въ провинцію закидывали удочки. И всюду — та же самая несчастная случайность... И ждать больше нечего...

— А кто же этотъ дружокъ?

— Развѣ я до сихъ поръ не сказалъ этого?—Оленевъ, не знаешь,—юноша у насъ такой есть. Ему, видишь ли, тоже зарѣзъ былъ: вексель протестовали. Ну, извѣстное дѣло, является ко мнѣ блѣдный, весь трясется: спасите, позоръ... отецъ узнаетъ, кондрашка его хватитъ и т. д. и т. д. Да чѣмъ же, говорю, чѣмъ, чортъ васъ возьми, я могу помочь вамъ?— Какія у меня деньги!.. А онъ и указываетъ за рѣшотку, въ уголокъ... Я даже топнулъ на него. Не отстаетъ, плачетъ, чуть на колѣни не падаетъ... И божится-клянется, что черезъ недѣлю, крайній срокъ—черезъ недѣлю, все мнѣ сполна возвратитъ. Да... телеграмму даже показывалъ, отъ бабки какой-то, что деньги уже высланы... Фу ты, чортъ, просто въ голову ударило... Мальчикъ такъ и реветъ... Господи, да вѣдь не каменный же въ самомъ дѣлѣ... И знаю, что нельзя, что ни подъ какимъ видомъ нельзя этого, а въ то же время такое соображеніе: вѣдь на недѣлю, на недѣлю всего—что за бѣда, кому какой убытокъ... А тутъ вѣдь смертью, самоубійствомъ вѣетъ...

— Ну, а онъ?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Обманули. Приходитъ, рветъ на себѣ волосы... Бабка, говоритъ, хоть и телеграфировала, что деньги уже высланы, но затѣмъ передумала и не послала, ссылаясь на близкій срокъ полученія имъ денегъ отъ какого-то арендатора... А срокъ этотъ черезъ два мѣсяца слишкомъ... Вотъ, и сѣли мы на мель... Я же, впрочемъ, на первыхъ порахъ, еще его же успокоивалъ... Полноте, говорю, стоитъ поискать, перехватимъ, замажемъ... Принялись искать... Ищемъ—проходитъ недѣля, другая. А тутъ вдругъ грозное извѣстіе о перемѣнѣ директора... Заскакали мы съ нимъ... Онъ уже, впрочемъ, и доскакался: давеча заѣзжалъ—боленъ, горячка нервная... Съ душой, съ душой юноша... Спасибо хоть, что не изъза подлеца...

Онъ опять потянулся къ огню, затѣмъ курнулъ разъ, другой и, бросивъ папироску, сталъ продолжать:

— Но вѣдь ты пойми, я вѣдь это совершенно здраво: все, все испробовано и гибель уже наступила... Да, это фактъ, дѣйствительный, неотразимый. И, понимаешь, какъ-то до сихъ поръ не опомнишься, что ли, а только, точно вчужѣ, самъ на себя удивляешься... Какъ, какъ, Боже мой, это можетъ быть: разорилъ, обворовалъ, убилъ, уничтожилъ всю семью своими собственными, этими вотъ самыми руками.. и... и... и ничего: хожу, говорю, даже ѣмъ, даже сплю... Нѣтъ, вѣдь ты разсуди, разсуди; это что же такое: кошмаръ, сонъ, или сумасшествіе, безуміе?.. Но вѣдь нѣтъ, нѣтъ, я мыслю, я понимаю...Вотъ видишь, бесѣдую, толкую, разбираюсь въ собственныхъ ощущеніяхъ... А давеча даже иронизировалъ, ломался, юродствовалъ, самъ себя ублажая, самъ себя потѣшая... А до тебя лукавилъ съ Варенькой... лукавилъ съ дѣтьми... приказывалъ Варенькѣ укутать ихъ хорошенько, чтобы не простудились...Непростудились!!. Господи, подлость то, подлость-то какая... низость... И доживаетъ, доживаетъ же до этого человѣкъ!..

Онъ стиснулъ руками голову и, казалось, такъ бы и провалился куда-нибудь въ преисподнюю. Владиміръ Ивановичъ, глядя на эти муки, переживалъ ихъ почти такъ же живо, какъ и самъ разсказчикъ. При имени Варвары Михайловны онъ, какъ бы вспомнилъ, что давно уже собирался спросить про нее.

— А жена знаетъ объ этомъ?—глухо произнесъ онъ.

Николай Александровичъ весь какъ-то скорчился.

— Нѣтъ, нѣтъ,—голосъ его зазвучалъ въ крайней степени болѣзненно и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтски-умоляюще,—она... она еще ничего... ничего... Я, по крайней мѣрѣ, скрываю... хотя какъ будто и начинаетъ догадываться... Вотъ тутъ, напримѣръ, давеча... Но, впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ еще...

— Но, милый, зачѣмъ же это?.. Вѣдь должна же она узнать?..

— Должна?.. Ты думаешь, что должна?.. Да, да, конечно, ты правъ, правъ... Само собою, потому что все равно не нынче—завтра... Да и, знаешь, я уже давно собирался... Но... но духу не хватаетъ... духу!.. Понимаешь—этакъ точно петлей!.. онъ провелъ рукой по своему горлу.—А ты не одобряешь, по твоему, надо, необходимо?.. Да и понятно, по здравому смыслу, по логикѣ: чего же ждать, не обманешь... А только задумаешь—и готово: петля!..

— Но вѣдь если же необходимо это... Надо же побороть себя...

— А ты думаешь и здѣсь у меня только одно малодушіе? А ты развѣ забылъ, развѣ не знаешь, что такое Варенька?.. А? говори, отвѣчай!.. Ты не знаешь, сколько ей пришлось вынести, выстрадать... Ты забылъ этотъ рядъ смертей?.. А прочіе ужасы, эти семейныя драмы... Вѣдь какъ шишки, какъ шишки валилось, отовсюду, со всѣхъ сторонъ... И не только ее, и меня, и всѣхъ насъ забило, заколотило... И едва только стали отдыхать, едва приподняли головы... А Варенькина болѣзнь... Вѣдь сердце-то еле-еле!.. Да доктора то такъ и сказали: берегите — еще одно потрясеніе и... и... понимаешь?.. А что же можетъ быть ужаснѣе настоящей бѣды?.. Значитъ, прямое, сознательное убійство... Оно, положимъ, я въ сущности уже совершилъ его, еще тогда, растаявъ

передъ положеніемъ юноши... спасая его жертвой своей Варички, жертвой матери своихъ дѣтишекъ... Но, но доконать-то, доконать-то!.. Господи, Боже мой!.. да за что же, за что же, наконецъ!?... И нѣту спасенія, нѣту жалости!..

Онъ, наконецъ, умолкъ, въ полномъ изнеможеніи, припадая головой на брошенныя на столъ руки. Владиміръ Ивановичъ не находился, что сказать ему, чувствуя, что всякія пустыя утѣшенія были бы только оскорбительны... Вдругъ въ головѣ его мелькнула мысль.

— Слушай,—сказалъ онъ громко,—но вѣдь у Варвары Михайловны есть серебро, бриллианты... и, должно быть, на изрядную сумму.

Николай Александровичъ поднялъ голову и скривилъ губы какой-то жалко-насмѣшливой улыбкой:

— И ты думалъ, что я настолько обалдѣлъ, что забылъ про это? Нѣтъ, милый, и это обдумано. Нужно двѣ тысячи, всѣ вещи могутъ принести, я это точно знаю, тысячу съ небольшимъ, значитъ—не хватаетъ половины, и, слѣдовательно, сущность дѣла не измѣняется... Это во-первыхъ. Хотя, конечно, имѣть въ рукахъ и половину—что-нибудь, дазначитъ... Но главное-то во второмъ... а второе, — опять Варя: вещи у нея, и получить ихъ безъ выясненія ей извѣстнаго инцидента невозможно... Слѣдовательно, все это никуда не годится.

Владиміръ Ивановичъ такъ весь и закипѣлъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это, однако, что то крайне дикое... Это я и слышать не хочу. Постой, сколько, ты говоришь, могутъ дать вещи?

— Тысячу двѣсти рублей.

— Тысячу двѣсти?—подхватилъ тотъ. У меня,—я могу достать хоть сегодня же,—двѣсти... Итого не хватаетъ шестисотъ... И изъ-за этой дряни... Да что ты, милый другъ!..

— Да вѣдь не найдешь ты этой дряни!..

— Вздоръ, не вѣрю...—Владиміръ Ивановичъ поднялся и заходилъ по комнатѣ такъ, что стоявшія на этажеркѣ бездѣлушки стали дребезжать.—Вздоръ, самъ же достанешь, только встряхнись... И вотъ что, какъ хочешь, но Варварѣ Михайловнѣ, прежде всего ради этихъ ея вещей, надобно все разсказать...

— Нѣтъ, нѣтъ... я уже говорилъ тебѣ,— запротестовалъ Николай Александровичъ,—ни за что—будь, что будетъ... не могу, не могу...

— Да ты опомнись!. .Что это за «будь, что будетъ»! Вѣдь самъ же говоришь, что не нынче завтра... и тогда уже полный крахъ...

— Да, это такъ... Но нѣтъ, нѣтъ...— Николай Александровичъ опять совершенно растерялся. — Понимаешь ты, вѣдь я вижу, вижу это: какъ только это ужасное слово—такъ она этакъ за сердце, и... и навзничь, навзничь... Не даромъ, не даромъ мнѣ это такъ ясно... Нѣтъ, что угодно, но только не это...

— Да пойми ты, что просто ты боленъ,— убѣждалъ его пріятель... Сейчасъ ужъ и навзничь!.. Да что она, совсѣмъ глупенькая, что ли? Ну, конечно, не сразу, подготовить, помягче, поделикатнѣе... А то вникни ты въ эту чудовищную нелѣпость: изъ боязни сегодня испугать ее одною еще только возможностью факта, ты завтра же готовишься опрокинуть на нее уже самый фактъ, фактъ во всей его ужасной дѣйствительности. Ну, не чудовищно ли это?.. Ну, возможно ли это?.. Николай Александровичъ, опомнись!..

— Я понимаю,—шепталъ тотъ, понимаю... Но... но вѣдь еще можетъ быть... можетъ быть...

— Что? Что еще тамъ за можетъ быть? Какую еще тамъ надеждишку нашелъ?

— Никакой—а такъ... все-таки...

— Нѣтъ, коли такъ, я переговорю съ ней...

Николай Александровичъ такъ и кинулся на него...

— Нѣтъ, нѣтъ, не смѣй... ужъ лучше я самъ, самъ...

— А, да пробовалъ же ты... не можешь...

— Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ, весь дрожа, Николай Александровичъ,—подожди... у меня мелькаетъ... можно что-нибудь другое...

— Да что же другое то?!..—съ сердцемъ крикнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Другое!—безпомощно блуждая глазами, точно ища это другое вокругъ себя, пролепеталъ тотъ.—Другое? Да вѣдь должно же что-нибудь быть? Да невозможно же это въ самомъ дѣлѣ, чтобы такъ и погибнуть... всѣмъ и разомъ... Нѣтъ, нѣтъ...—Онъ схватился за руки товарища и судорожно сталъ прижиматься къ его груди.

— Слушай, слушай,—снова заговорилъ было онъ и, не кончивъ, зашепталъ уже совсѣмъ безумно:—родной, голубчикъ, спаси, спаси насъ... дай, достань, дай!..

Владиміръ Ивановичъ сжалъ его въ своихъ объятіяхъ. Слезы посыпались изъ его глазъ на эту, бившуюся о его плечо, бѣдную, изступленную голову. Страстная, пожирающая все его существо, жажда спасти этого несчастнаго и сознаніе, что онъ вполнѣ безсиленъ въ этомъ, какъ то боролись, какъ то гнели другъ друга. На помощь первому чувству вскорѣ появилась еще какая-то душевная сила. Разсудокъ его началъ ослабѣвать, затемняться.

— Милый, дорогой, полно, успокойся,— безсильно и растерянно шепталъ онъ, все крѣпче и нѣжнѣе прижимая къ груди своего друга и вдругъ, оттолкнувъ его, сказалъ твердо, почти рѣзко:

— Скажи, твоя жена хорошая, добрая женщина? Такъ?..

Тотъ, не отвѣчая, смотрѣлъ на него своими обезумѣвшими глазами.

— Да, я это знаю... Она пойметъ и, Богъ дастъ, все будетъ спасено.

— Но... какимъ же образомъ?—точно проснулся Николай Александровичъ.

— Это ужъ дѣло мое.—Владиміръ Ивановичъ крѣпко ударилъ по своей мощной груди.— Только бы здѣсь, здѣсь у нея хватило, а за остальное я ручаюсь, остальное—вздоръ!..

— Но ты все-таки хочешь ей сказать?

— Слушай,—перебилъ его Владиміръ Ивановичъ, — ты боишься ей сообщить, что надъ тобой, надъ всѣми вами готова разразиться эта катастрофа? Такъ? Этого ей нельзя говорить?

— Да, этого... Но въ чемъ же дѣло?..

— Такъ я тебѣ даю слово, понимаешь, мое честное слово, что этого «страшнаго» я ей не открою. Но вообще поговорю, а что именно, пока еще и самъ не знаю. Надо подумать...

Онъ сильно потеръ свой лобъ и продолжалъ.—Вотъ что: ты теперь все равно ни къ чорту не годишься. Она должна скоро придти. Оставь же насъ однихъ. А самъ поди прогуляйся, что ли, или зайди куда-нибудь... Однимъ словомъ, дай намъ съ ней для переговора такъ около часа.

Николай Александровичъ началъ было протестовать, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ уступить.

По уходѣ Николая Александровича, Владиміръ Ивановичъ выпилъ въ столовой два стакана воды и, возвратясь въ кабинетъ, сталъ обдумывать планъ своихъ дѣйствій. Ждать пришлось не долго. Онъ встрѣтилъ хозяйку въ прихожей и сообщилъ ей, что ея супругъ по случаю головной боли пошелъ немного прогуляться, онъ же, Владиміръ Ивановичъ, имѣетъ къ ней неотложное дѣло, почему и проситъ ее теперь же, немедленно, дать ему возможность переговорить съ ней. Скоро оба они сидѣли въ ея кабинетикѣ.

— Ну, — спросила она нѣсколько тревожно,—что же такое?

— Прежде всего, не пугайтесь,—началъ онъ тихо и, въ то же время пристально наблюдая за ней.—Много на свѣтѣ всякихъ бѣдъ, много и всякихъ несчастныхъ людей. Всего, конечно, не оплачешь и всѣмъ не поможешь, но...

Въ глазахъ ея задрожалъ болѣзненный огонекъ.

— Варвара Михайловна, прежде всего твердость,—сказалъ онъ, перебивъ свою рѣчь.—Прямо скажу вамъ, я пришелъ просить у васъ помощи, а тотъ, у кого ее просятъ, конечно, долженъ быть сильнѣе того, кто ее ожидаетъ. Не такъ ли? Если вы не поручитесь мнѣ, что выслушаете меня хладнокровно, я буду лишенъ возможности высказать вамъ мою просьбу.

— Я совершенно покойна,—твердо и сочувственно сказала она.—Говорите же.

— Благодарю васъ.— Онъ нѣжно пожалъ своей громадной рукой ея нѣжную и слабую ручку и, поднявшись, сталъ тихо ходить по паркету.

— Дѣло,—снова началъ онъ,—касается меня и моей старухи-матери. Вотъ въ чемъ его суть.

И онъ просто и сжато разсказалъ ей извѣстную исторію, только съ легкими, необходимыми въ силу перемѣны дѣйствующаго лица, варіаціями въ деталяхъ.

— Денегъ этихъ,—заключилъ онъ,—взять мнѣ негдѣ. Я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ. Лучшій мой другъ, вашъ мужъ, и тотъ безсиленъ мнѣ помочь. Теперь одна надежда на васъ. Сжалитесь—мы со старухой живы, нѣтъ—погибли.

При послѣднихъ словахъ голосъ его задрожалъ неподдѣльной тоской. Голова невольно опустилась. Рѣшительная минута наступила.

— И вы могли сомнѣваться? — заговорила наконецъ она, запинаясь отъ волненія,—Для васъ и вашей матушки?... Но... слушая васъ, я мысленно уже перебрала всѣхъ своихъ знакомыхъ, всѣхъ, у кого могутъ быть хоть какія-нибудь деньги... И пока знаю навѣрное, что могу получить, хоть сегодня же, только девятьсотъ рублей.

— Девятьсотъ рублей? Навѣрное?—недовѣрчиво переспросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да. Отъ Лизы Егорьевой, ей кто то далъ на храненіе, и она даже просила меня взять ихъ къ себѣ...

— Девятьсотъ рублей!.. У васъ есть девятьсотъ рублей!... Помимо серебра и брилліантовъ?...—въ порывѣ, охватившей его радости, вскрикнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Серебро и брилліанты?!—весело подхватила Варвара Михайловна.—А я то глупая, думаю-думаю... Господи, значитъ, мы спасены?

— Спасены, спасены!—задыхаясь отъ счастья, какъ то рычалъ онъ, забывая, что передъ нимъ слабая и больная женщина, и чувствуя въ ней только спасительницу своего друга и всей его семьи. Онъ упалъ передъ ней на колѣни и безсвязно бормоча: «родная, голубушка, милая», сталъ осыпать поцѣлуями ея руки.

А она, маленькая, хрупкая, склонилась надъ этимъ повергнутымъ передъ ней великаномъ и какъ мать гладила и ласкала его курчавую голову, испытывая всѣмъ существомъ своимъ какую-то свѣтлую, восторженную, невѣдомую ей силу торжества надъ чѣмъ-то темнымъ, страшнымъ, неумолимымъ.

Въ своемъ увлеченіи они не замѣтили, какъ прозвонилъ въ прихожей звонокъ, какъ, затѣмъ, въ дверяхъ появился Николай Александровичъ... А онъ, какъ сталъ на порогѣ, такъ и замеръ. Радость, которою такъ и дышала группа этихъ родныхъ ему лицъ, сразу же объяснила ему все. Онъ постоялъ и, пятясь, на цыпочкахъ, также незамѣтно и исчезъ.

Охватившее его счастье было просто нестерпимо. Не помня себя, достигъ онъ своего кабинета. Ему хотѣлось и плакать, и хохотать, и пѣть, и плясать, и обнять, и зацѣловать всѣхъ,

всѣхъ, весь Божій свѣтъ. И, вѣроятно безотчетно покоряясь всѣмъ этимъ желаніямъ, онъ, задыхаясь и хрипя, сталъ широко открывать и закрывать свой ротъ, округленно и быстро размахивать руками и выдѣлывать ногами какія-то ни съ чѣмъ не сообразныя па. Хорошо, что никто не заглянулъ къ нему въ эту минуту. Даже скоро прибѣжавшій къ нему Владиміръ Ивановичъ, и тотъ не засталъ этого зрѣлища. Они обнялись, расцѣловались. Николай Александровичъ началъ было что-то говорить, но нѣжный другъ послалъ его къ чорту, и, объявивъ, что спѣшитъ къ «жиду», немедленно скрылся.

На другой день была произведена ревизія. Николай Александровичъ удостоился особой благосклонности со стороны новаго начальника. Сослуживцы искренно поздравили его. Послѣ обѣда онъ подсѣлъ къ прилегшей на кушеткѣ женѣ. За окномъ гудѣла непогода. Въ комнаткѣ же, какъ казалось ему, было какъ-то необыкновенно уютно. Розовый фонарь бросалъ на всю незатѣйливую обстановку какую-то особенно нѣжную прелесть. Все располагало къ интимной, задушевной бесѣдѣ.

— А, знаешь, Варя,—тихо сказалъ онъ, беря и гладя руку жены,—вѣдь, Володя обманулъ тебя.

— Въ чемъ это?

— А вотъ слушай.—И Николай Александровичъ принялся изобличать своего друга.

Выслушавъ, Варвара Михайловна долго молчала.

— Но все-таки,—наконецъ, произнесла она, я не совсѣмъ понимаю, почему ты прямо не объяснилъ мнѣ всего этого? Вѣдь вотъ, знаю же я теперь—и ничего со мной не происходитъ такого...

— Теперь другое дѣло, — мягко перебилъ онъ. — Опасность уже миновала. Все уже въ прошломъ. А тогда, ты пойми только: Владиміръ Ивановичъ, конечно, нашъ общій другъ, ты горячо, нѣжно его любишь, такъ, но въ сущности то, все-таки онъ посторонній человѣкъ, не «своя рубаха». А вѣдь какъ ни вертись, всѣ мы эгоисты. Бѣда друга, вызывая въ насъ состраданіе, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы заставляетъ насъ чувствовать въ данный моментъ наше превосходство надъ нимъ. Желая ему помочь, мы прежде всего начинаемъ мыслить, думать, и это то и служитъ спасеніемъ. Тогда какъ, наоборотъ, наша собственная личная бѣда прежде всего вызываетъ въ насъ ужасъ, который сразу же подавляетъ наши мыслительныя способности... Ты говоришь про себя... гдѣ ужъ!.. Я, я и то совершенно растерялся... Одно мое поведеніе относительно Володи... Вспомнить стыдно...

— Да,—снова заговорила Варвара Михайловна,—ты правъ, правъ... Но какіе же мы съ тобой, въ такомъ случаѣ, несчастные, дрянные, жалкіе... И неужели же всѣ люди такіе же?

— Намъ съ тобой слишкомъ много пришлось вынести,—отвѣчалъ онъ,—жизнь искалѣчила... Впрочемъ, довольно объ этомъ!..

— Да,—подтвердила она,—довольно. Итакъ во имя дружбы, я спасла и тебя, и себя, и дѣтей. Но вѣдь это восхитительно.

— Восхитительно,—согласился онъ.—И знаешь что: такіе случаи, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ ни возникали они, должны дѣйствовать на насъ цѣлительно.... Я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что просто ожилъ, помолодѣлъ... Помилуй, духъ поднимается, бодритъ какъ-то, просыпается давно забытая вѣра въ людей, въ самого себя. Правда?

— Правда,—отвѣчала она, склоняясь головой къ его плечу.—Мнѣ тоже такъ хорошо, такъ радостно. И знаешь, какъ бы мнѣ хотѣлось теперь, уже дѣйствительно, оказать кому-нибудь помощь, настоящую, дѣйствительную помощь... такъ же вотъ спасти кого-нибудь... и чтобы это былъ не ты, не дѣти, не родня... а... ну, хоть всѣ, всѣ, которые ходятъ безъ пріюта и крова подъ этой стонущей метелью... Слышишь, какъ она стонетъ?.. точно живая. Коля, и зачѣмъ это все, все на свѣтѣ такъ печально, такъ ужасно?

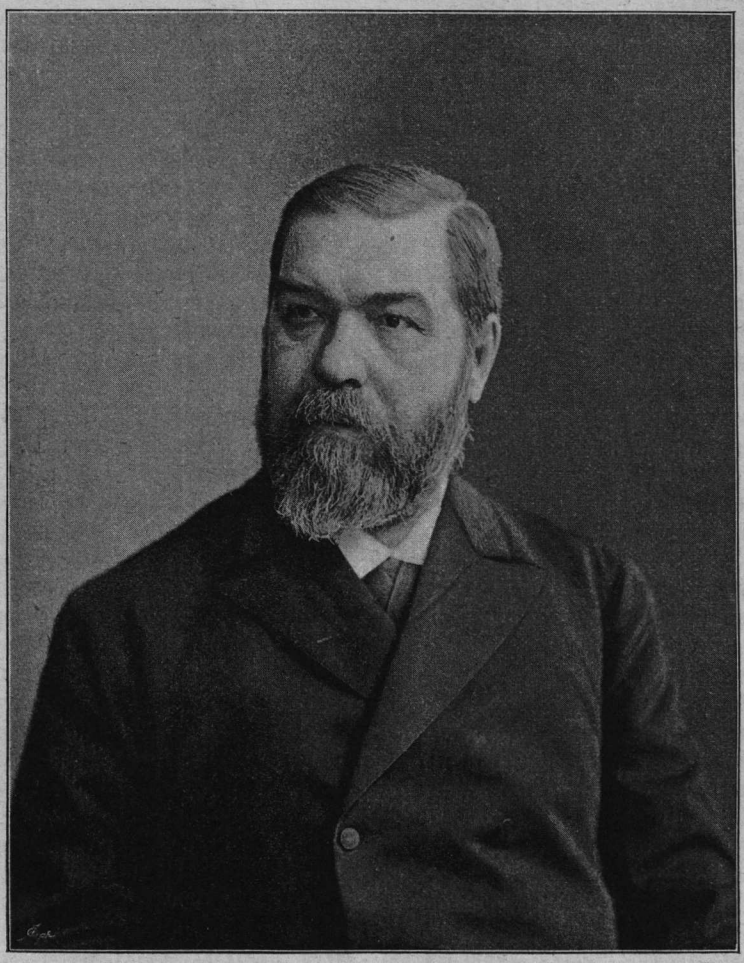
Онъ поцѣловалъ ея руку и грустно подумалъ: «нѣтъ, никакая дружба не исцѣлитъ насъ»...

Метель продолжала стонать и плакать... Окно засыпалось снѣгомъ все болѣе и болѣе... И все чаще и чаще среди этого бѣлаго пушистаго налета, тамъ и сямъ, вспыхивали и снова меркли отдѣльныя брилліантовыя звѣздочки...

Е. Гославскій.

Памяти Н. С. Тихонравова.*)

Мм. Гг.! Пять дней тому назадъ мы опустили въ могилу тѣло нашего дорогого незабвеннаго предсѣдателя. Еще такъ недавно раздавался съ этой каѳедры его тихій, но проникавшій въ душу, голосъ, а теперь онъ уже тамъ, откуда не доносятся къ намъ никакіе голоса, гдѣ царствуетъ вѣчное безмолвіе. Считая неумѣстнымъ, въ виду свѣжей могилы покойнаго предсѣдателя нашего заниматься подробной оцѣнкой его многосторонней дѣятельности, тѣмъ болѣе, что этому предмету будетъ посвящено одно изъ ближайшихъ засѣданій О. Л. Р. С., я намѣренъ сегодня напомнить вамъ въ общихъ чертахъ нравственный образъ человѣка, вырваннаго изъ нашей среды неумолимой смертью, человѣка, котораго я имѣлъ случай слушать въ университетѣ и къ которому впослѣдствіи былъ привязанъ узами благодарности и долголѣтней дружбы. Н. С. былъ типическимъ представителемъ традицій



московскаго университета въ лучшую пору его существованія; онъ поступилъ въ университетъ въ ту эпоху, когда каѳедры историко-филологическаго факультета были заняты такими людьми, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Леонтьевъ, Буслаевъ. Хотя Н. С. слушалъ всѣхъ этихъ профессоровъ, но главнымъ руководителемъ его въ занятіяхъ былъ Ѳ. И. Буслаевъ, который съ гордостью считаетъ его своимъ ученикомъ. О времени пребыванія своего въ университетѣ Н. С. всегда вспоминалъ съ восторгомъ. Это былъ тотъ идеальный міръ, куда онъ любилъ уходить отъ мелочныхъ дрязгъ дѣйствительности. Обыкновенно сдержанный и скупой на слова, онъ воодушевлялся и дѣлался словоохотливымъ въ

*) Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества Люб. Р. Словесности 5 декабря, временнымъ предсѣдателемъ Н. И. Стороженкомъ.

разсказахъ о любимыхъ наставникахъ. Юность Н. С. совпала съ тѣмъ подъемомъ общественнаго духа, который охватилъ всю Россію, съ восшествіемъ на престолъ Александра II. Словно теплое дуновеніе весны пронеслось тогда надъ русской землей; всѣ вдругъ почувствовали, что настало новое время и съ энтузіазмомъ привѣтствовали его зарю. И правительство не обмануло ожиданій общества; реформы слѣдовали за реформами, возбуждая въ обществѣ самыя радужныя надежды. Въ то время, какъ зрѣлые люди работали въ комитетахъ по крестьянскимъ дѣламъ, молодежь работала въ воскресныхъ школахъ. Какъ человѣкъ живой, Н. С. не остался чуждъ этому движенію; онъ отдалъ свой воскресный досугъ народному образованію и былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ воскресныхъ школъ, которыя подъ его руководствомъ сослужили не малую службу темному люду Москвы. Въ 1859 г. Н. С. былъ избранъ въ адъюнкты московскаго университета. Съ этихъ поръ начинается его плодотворная научная дѣятельность, не прекращавшаяся до самой его смерти. Дѣятельность эта, помимо научныхъ критическихъ достоинствъ, отличалась еще творческимъ характеромъ и замѣчательной широтой созерцанія. Покойный не любилъ идти по стезѣ, пробитой другими и пережевывать старое. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы пробивать новые пути, открывать неизвѣстное. Онъ избиралъ предметомъ своихъ изслѣдованій самые темные уголки русской литературы и освѣщалъ ихъ при помощи имъ самимъ открытыхъ памятниковъ. Даже въ послѣдній годъ своей жизни Н. С. обрадовалъ русскую науку двумя открытіями: онъ открылъ путешествіе въ Іерусалимъ инока Варсонофія и новую чисто-русскую редакцію Александріи. Но Н. С. не былъ только кабинетнымъ ученымъ. Онъ обладалъ замѣчательными практическими и административными способностями, которыя впослѣдствіи нашли себѣ широкое примѣненіе въ его ректорской дѣятельности. Покойный А. Ю. Давидовъ, который, кажется, могъ быть судьею въ дѣлѣ ума, не разъ выражается о Н. С., что у него была министерская голова. Какъ ректоръ, Н. С. дорожилъ прежде всего честью и достоинствомъ университета и высоко держалъ знамя университетскаго самоуправленія, горячо и умѣло отстаивая его отъ всякихъ посягательствъ. Строгій и неуклонный исполнитель закона, онъ требовалъ и отъ другихъ такого же отношенія къ закону. Противники покойнаго объясняли такое отношеніе къ закону педантизмомъ и пристрастіемъ къ формализму, но они жестоко ошибались. Въ строгомъ соблюденіи закона Н. С. видѣлъ единственную гарантію правильнаго хода университетской жизни. Когда его упрекали за формализмъ, онъ всегда отвѣчалъ: «нужно соблюдать и форму, если она насъ охраняетъ». Разъ Н. С. стоялъ на почвѣ закона, онъ говорилъ твердымъ и увѣреннымъ тономъ и, рискуя своимъ положеніемъ, смѣло отстаивалъ то, что считалъ справедливымъ. Всѣ, слѣдившіе за ректорской дѣятельностью покойнаго, знаютъ, какъ искусно онъ умѣлъ пользоваться всѣми предоставленными ему закономъ правами, чтобы отстаивать честь и достоинство родного университета. Въ бумагахъ Н. С. по всей вѣроятности найдутся тѣ приснопамятные актовые отчеты, въ которыхъ онъ давалъ суровые уроки настоящему, сопоставляя его съ славнымъ прошедшимъ московскаго университета. Оставивъ ректорство, а черезъ нѣсколько лѣтъ и профессуру, Н. С. весь предался научной дѣятельности. Главнымъ занятіемъ послѣднихъ лѣтъ его жизни были работы надъ текстомъ Гоголя. Н. С. успѣлъ уже издать въ свѣтъ пять томовъ полнаго собранія сочиненій своего любимаго писателя и приготовилъ къ печати остальные два. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ его изданіи мы впервые имѣемъ истинный текстъ Гоголя, очищенный отъ всякихъ искаженій и снабженный массой драгоцѣнныхъ примѣчаній, обнаруживающихъ въ издателѣ бенедиктинское трудолюбіе и необыкновенный критическій тактъ. Высоко цѣня заслуги Н. С. въ разработкѣ исторіи Русской Литературы, О. Л. Р. С. избрало его послѣ смерти С. А. Юрьева своимъ предсѣдателемъ. Хотя Н. С. по болѣзни и не имѣлъ возможности часто собирать Общество, но по мѣрѣ силъ принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ общества, далъ правильный ходъ дѣлу о постановкѣ памятника Гоголю, задумалъ и издалъ сборникъ въ память 75-лѣтняго существованія Общества и неоднократно читалъ на нашихъ публичныхъ засѣданіяхъ свои рефераты, изъ которыхъ послѣдній, бывшій его лебединой пѣсней, былъ выслушанъ здѣсь съ такимъ вниманіемъ. Н. С. умеръ слишкомъ рано и для науки, и для нашего общества. Проработавъ, не покладая рукъ, всю свою жизнь, онъ все таки далеко не успѣлъ выполнить всего задуманнаго. Можно сказать, пользуясь сравненіемъ поэта, что онъ почилъ какъ творецъ средь начатаго міроздания. Послѣ него осталась масса матеріаловъ, замѣтокъ, начатыхъ работъ и даже трудовъ, совершенно оконченныхъ, которые онъ, необыкновенно строгій къ себѣ, не считалъ достойными появиться въ свѣтъ. На его ближайшихъ ученикахъ, знавшихъ его намѣренія и планы, зажегшихъ свои свѣтильники у источника свѣта, сошедшаго въ могилу, лежитъ священная обязанность продолжать его дѣло, довести до конца начатое. Этимъ они покажутъ, что дѣйствительно чтутъ его память, что они были достойны чести имѣть такого учителя.

Н. Стороженко.

Литературное обозрѣніе.

Замѣтки читателя.

Современный герой.

Въ настоящее время въ русской литературѣ царствуетъ образцовая «тишь да гладь». Мы переживаемъ, повидимому, исключительно счастливую эпоху, когда «писатели пописываютъ, а читатели почитываютъ». И совершаются эти процессы необыкновенно спокойно и смирно. Карлейль, характеризуя одного когда-то весьма популярнаго англійскаго романиста, утверждалъ, что читатели произведеній этого автора должны наслаждаться его талантомъ непремѣнно лежа на диванѣ... До такой степени усладительно и комфортабельно его творчество: оно не поднимаетъ у читателя надоѣдливыхъ, трудно-разрѣшимыхъ вопросовъ, не волнуетъ его крови и будто дѣтскою пѣсней баюкаетъ его нервы... Можно читать и не читать, можно закрыть книгу на какомъ угодно мѣстѣ,—и погрузиться въ сладостную истому...

Вотъ такая картина невольно вспоминается, когда подумаешь о современныхъ читателяхъ и современной литературѣ. Это будто молчаливый сговоръ авторовъ и публики взаимно охранять душевное спокойствіе другъ друга и художественныя удовольствія превращать въ самые безобидные, едва замѣтные, будничные процессы. И мы присутствуемъ при самомъ умилительномъ зрѣлищѣ. Авторы пишутъ, какъ и всегда писали,—много и аккуратно,—но на душѣ у нихъ должно быть необыкновенно ясно и спокойно. Читатель, лежащій на диванѣ, не особенно придирчивъ. Если чтеніе болѣе или менѣе интересно, занимательно въ чисто внѣшнемъ смыслѣ—онъ вполнѣ доволенъ. Идеи, вопросы—это все давно забытыя вещи и самое лучшее, если писатель не станетъ вызывать ихъ изъ мрака забвенія. Читателемъ овладѣетъ скука, недовольство, нравственное томленіе,—и писатель рискуетъ попасть въ разрядъ смѣшныхъ донъ-кихотовъ...

Предъ его глазами ежедневно вырабатывается и совершенствуется самый современный типъ литературы. Газеты наполняютъ фельетоны романами, повѣстями, вообще всѣмъ, что принято считать художественной литературой. И наполняютъ весьма удачно—съ практической точки зрѣнія. Опредѣленное число строкъ—и эффектный пассажъ, драматическая сцена, появленіе интереснаго незнакомца. Каждый разъ непремѣнно нѣсколько капель крѣпкаго наркотическаго вещества для возбужденія полусоннаго читателя. Что выйдетъ въ результатѣ всѣхъ этихъ упражненій—никому нѣтъ дѣла. Вѣдь чтеніе—только процессъ, безъ опредѣленной цѣли и какихъ бы то ни было серьезныхъ намѣреній. Иной привыкъ выкуривать въ день опредѣленное число папиросъ,—отчего же съ такою же легкостью не привыкнуть прочитывать ежедневно нѣсколько строкъ или страницъ литературы? Все-таки этимъ вносится извѣстное разнообразіе въ тѣ часы, когда лежишь на диванѣ, и можно даже составить убѣжденіе, что занимаешься умственнымъ трудомъ, слѣдишь за литературой. При случаѣ, можно даже по-

бесѣдовать на литературную тему, — также спокойно, ровно, отчасти даже пренебрежительно-равнодушно... Въ результатѣ—репутація человѣка просвѣщеннаго, «идущаго съ вѣкомъ наравнѣ» спасена и при этомъ не принесено въ жертву ни единой минуты душевнаго спокойствія, не потревожена не единая капля драгоцѣнной крови.

Отношеніе публики къ литературѣ несравненно важнѣе, чѣмъ положеніе самой литературы,—уже потому, что это положеніе въ сущности само по себѣ никогда не бываетъ ни особенно жалкимъ, ни безнадежнымъ. Талантливые писатели всегда имѣются на лицо. Разговоры о запустѣніи художественной нивы, о полномъ паденіи художественнаго творчества—праздные разговоры. Нельзя указать времени, когда бы эти разговоры не слышались одновременно въ печати и въ обществѣ.

Когда Пушкинъ создавалъ свои величайшія произведенія—«Бориса Годунова» и «Евгенія Онѣгина»—русскіе читатели тосковали объ отсутствіи литературныхъ талантовъ и громко, съ полнымъ убѣжденіемъ заявляли, что былъ Пушкинъ, написавшій такія прелестныя вещи, какъ «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Кавказскій плѣнникъ» и не стало Пушкина: нельзя же серьезно относиться къ такимъ вещамъ, какъ «Евгеній Онѣгинъ»!..

Съ такою же горестью жаловались на упадокъ литературы и позже, даже въ эпоху Тургенева, откровенно совѣтовали великому художнику—не писать, не безпокоить публику своими ни на что негодными упражненіями. Намъ странно вѣрить, а между тѣмъ такого рода совѣты—фактъ, увѣковѣченный исторіей русской литературы.

Слѣдовательно, толки объ оскудѣніи талантовъ не имѣютъ серьезнаго значенія. Это вѣрно и относительно нашего времени, въ особенности относительно русской литературы. Стоитъ сравнить хотя бы нашу журнальную беллетристику съ заграничной,—чтобы утратить мрачное настроеніе и перестать толковать о худосочіи, будто бы угнетающемъ современное русское искусство.

Дѣло не въ томъ. Мы говоримъ о запросахъ современныхъ читателей, о настроеніи, съ какимъ они приступаютъ къ литературѣ, о томъ, чего они ищутъ въ ней. Существенная часть вопроса о положеніи современной литературы кроется именно здѣсь. Когда-то было иначе,— и общая картина литературнаго движенія въ нашемъ отечествѣ производила совершенно другое впечатлѣніе. Въ такія времена русской публикѣ завидовали издалека, завидовали люди, видѣвшіе у себя блестящее вѣковое развитіе искусства.

Не особенно давно извѣстный французскій критикъ — Мельхіоръ Вогюэ — сравнивалъ нравственное значеніе литературы въ Россіи и заграницей и результатъ сравненія оказывался для насъ въ высшей степени лестнымъ.

Вогюэ говоритъ о славѣ Тургенева во Франціи и откровенно сознается, на чемъ собственно была основана эта слава среди современной французской публики. «Мы требовали отъ его творчества», пишетъ критикъ, «лишь того, что требуемъ вообще отъ всякаго произведенія искусства, при томъ состояніи цивилизаціи, до котораго мы дошли, т.-е. пріятнаго, утонченнаго времяпрепровожденія, отвлеченія отъ насущныхъ интересовъ жизни, впечатлѣнія мимолетнаго и поверхностнаго; мы читаемъ книги такъ, какъ прохожій любуется на картину, выставленную въ окнѣ магазина, мимоходомъ, однимъ глазомъ, спѣша по своимъ дѣламъ».

Такъ, по мнѣнію Вогюэ, относятся къ литературѣ и искусству въ культурнѣйшей странѣ Европы. И факты, дѣйствительно, съ поразительнымъ краснорѣчіемъ подтверждаютъ этотъ взглядъ. Вспомните хотя бы натуральные романы. Темы ихъ весьма часто удручающаго свойства. Авторы изображаютъ въ самыхъ откровенныхъ образахъ и сценахъ бѣдствія современной общественной жизни, бѣдноту, страданія обдѣленныхъ и слабыхъ. Все это, повидимому, должно бы производить на читателей сильное и благотворное впечатлѣніе. Должны бы даже обнаруживаться и практическіе результаты такихъ смѣлыхъ, вопіющихъ картинъ...

На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго. Натуральные романы съ большой охотой раскупаются и перечитываются именно той публикой, какая, на первый взглядъ, болѣе всего должна бы обезпокоиться въ виду разоблаченій новѣйшей литературы. Буржуа—горячіе поклонники натуральныхъ романовъ, и эти романы отнюдь не разстраиваютъ пищеваренія у того самаго эксплуататора, который можетъ видѣть свое отраженіе въ томъ или другомъ литературномъ типѣ. Это, дѣйствительно, чтеніе мимоходомъ, для комфортабельнаго наполненія нѣсколькихъ часовъ, остающихся у дѣльца послѣ тѣхъ самыхъ подвиговъ, какіе подвергаются жесточайшей критикѣ въ модной книгѣ. Критика скользитъ по поверхности толстокожаго общественнаго животнаго и онъ даже чувствуетъ истинное удовольствіе при мысли, что его особой занимаются литераторы. А какъ занимаются и съ какою цѣлью—для него безразлично, потому что въ его глазахъ литература не можетъ имѣть никакихъ серьезныхъ цѣлей.

Такой читатель рисуется французскому критику на его родинѣ. Совершенно иначе представляется ему русская публика.

«А еслибъ вы знали, какъ читаютъ поэтовъ тамъ, въ Россіи!» — восклицаетъ Вогюэ.— «Что для насъ не болѣе какъ баловство, предметъ роскоши, для нихъ составляетъ насущный

хлѣбъ для души. Это золотой вѣкъ для великой литературы, тотъ золотой вѣкъ, который она переживала у всѣхъ юныхъ народовъ—въ Азіи, въ Греціи, въ средніе вѣка. Писатель—вождь своего племени, вмѣститель множества смутныхъ идей, отчасти даже создатель своего родного языка; поэтъ—въ древнемъ и полномъ смыслѣ этого слова, *vates*, поэтъ, пророкъ».

Настроеніе читателей при такихъ условіяхъ, въ такіе періоды совершенно другое, чѣмъ въ наше время. Они читаютъ литературныя произведенія, какъ нравственныя руководства. Они глубоко убѣждены въ могуществѣ человѣческаго генія, они вѣрятъ, что любимый писатель скажетъ имъ таинственное могучее слово, способное разрѣшить всѣ житейскіе вопросы и затрудненія. Для нихъ писатель—вождь, его книги—неисчерпаемый источникъ идей. Читатели непремѣнно ищутъ здѣсь извѣстной доктрины, извѣстнаго міросозерцанія, ищутъ идеаловъ, которые бы освѣтили ихъ жизненный путь. Они съ трепетнымъ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ откровеній писателя, они подвергаютъ разностороннему толкованію каждую его строчку, каждое его слово. Образы, имъ созданные, становятся моментами ихъ личнаго опыта и духовнаго развитія...

Тургеневъ разсказывалъ, какъ ему удалось слышать разговоръ крестьянъ, проходившихъ мимо памятника Пушкина. Одинъ изъ нихъ высказалъ догадку: «это—памятникъ учителю». Догадка была высказана случайно. Крестьянинъ не читалъ произведеній поэта,—во въ этихъ наивныхъ словахъ заключена глубокая истина, сказалось безсознательно идеальное воззрѣніе на дѣятельность писателя. Кому же и ставить памятники, какъ не наставникамъ и умственнымъ руководителямъ родного народа!..

И здѣсь талантъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Важенъ смыслъ художественной дѣятельности, стремленія писателя, его тѣсная связь съ жизнью своего народа, съ надеждами и чаяньями общества. Рѣдкій читатель способенъ вникнуть въ художественныя совершенства поэтическаго созданія, оцѣнить изящество формы, яркую жизненность и пластичность образовъ. Для этого надо обладать особымъ чувствомъ—эстетическимъ, исключительнымъ чутьемъ на художественныя красоты. Но зато—идеи, воззрѣнія автора будутъ строго взвѣшены. Именно они отвѣчаютъ на жгучую духовную жажду читателя.

Это—не фантастическая картина. Такія явленія дѣйствительно происходили въ русской литературѣ, и восторги иностраннаго наблюдателя совершенно основательны. Одно только поколѣніе отдѣляетъ насъ отъ этой «золотой эпохи».

Да, одно поколѣніе,—и какая страшная перемѣна! Попробуйте отыскать въ современной русской публикѣ читателей, вызвавшихъ разсужденія Вогюэ о нравственной свѣжести, объ идеальныхъ запросахъ, о серьезнѣйшемъ отношеніи къ искусству... Все это—преданія старины, и Вогюэ отказался бы отъ своего эффектнаго сравненія отечественной публики съ русскою. Онъ призналъ бы, что и мы перешли въ тотъ «зрѣлый» періодъ цивилизаціи, когда литературой интересуются мимоходомъ, между дѣломъ, когда на писателя смотрятъ, какъ на забавника, на занятнаго собесѣдника въ минуты праздности и отдыха отъ настоящаго дѣла.

Вспомнимъ недавнее прошлое. Съ тѣхъ поръ прошло всего тридцать лѣтъ. Оно на памяти у многихъ пашихъ современниковъ,—и какимъ страннымъ, едва вѣроятнымъ оно должно казаться имъ!

Вышелъ романъ «Отцы и дѣти»... Для русскаго общества это оказалось потрясающимъ событіемъ. Люди, не бравшіе въ руки книги со школьной скамьи, вынуждены прочесть—*романъ*. И никто не остался равнодушнымъ, безучастнымъ къ идеямъ и намѣреніямъ автора. Каждый читатель искалъ отвѣта на свою личную тоску, стремился авторитетомъ писателя оправдать то или другое отношеніе къ современной жизни.

Одинъ генералъ велъ такую бесѣду съ своими знакомыми: «признаюсь,—я эту дребедень, называемую повѣстями и романами,—не читаю. Но куда ни придешь—только и разговоровъ, что объ этой книжкѣ... Стыдятъ, уговариваютъ прочитать... Дѣлать нечего—прочиталъ»...

Прочиталъ,—и остался въ восторгѣ отъ автора, хотя совершенно превратно истолковалъ его произведеніе.

На всемъ пространствѣ Россіи не осталось, повидимому, ни одного интеллигентнаго семейства, гдѣ бы не обсуждалось множество вопросовъ, невольно возникшихъ по поводу романа.

Журналы были переполнены полемическими статьями. Въ полемику втянули самого автора. Онъ принужденъ былъ разъяснять свой романъ, излагать психологію своихъ героевъ... Сколько разнообразнѣйшихъ идей высказано, сколько затронуто сторонъ русскаго прошлаго и русской дѣйствительности! И все по поводу—*романа*.

Намъ трудно представить всю горячность споровъ, все обиліе поднятыхъ вопросовъ, всю глубину и силу впечатлѣній, вызванныхъ литературнымъ явленіемъ. Пульсъ общественной жизни билъ могучимъ тактомъ,—и одно воспоминаніе объ этой эпохѣ искренняго оживленія—въ литературѣ и въ публикѣ—кажется еще больше сгущаетъ сѣрую атмосферу переживаемаго нами затишья.

Что же собственно волновало страсти и вызывало подчасъ самыя странныя соображенія на счетъ авторскихъ цѣлей и идей?

Не романъ, какъ бы талантливо и художественно онъ ни былъ выполненъ, не сама исто-

рія, разсказанная съ такимъ искусствомъ, однимъ словомъ — не та сторона произведенія, которая навсегда останется лучшимъ достояніемъ русской литературы. Интересъ читателей и критиковъ сосредоточился исключительно на одномъ *геров* романа, на *одной личности*. Ради нея забыли о цѣломъ, забыли о неподражаемомъ искусствѣ автора, забыли о всей его литературной дѣятельности. Одинъ образъ, созданный имъ, поглотилъ все общественное вниманіе.

Были подвергнуты тщательному изслѣдованію мельчайшія подробности, характеризующія героя, взвѣшено каждое его слово, каждое его дѣйствіе. Происходилъ въ полномъ смыслѣ судъ, непосредственно отражавшійся на самомъ авторѣ,—судъ безпощадный, часто жестокій, и всегда придирчивый.

Совершался именно тотъ процессъ, какой описанъ французскимъ критикомъ.

Читатели во что бы то ни стало рѣшили добиться опредѣленнаго представленія насчетъ *доктрины, міросозерцанія* автора. Они никакъ не могли помириться съ однимъ фактомъ: романъ интересенъ самъ по себѣ, представляетъ прекрасный матерьялъ для чтенія. Нѣтъ. Читателю нужно было открыть *смыслъ* произведенія. Онъ заранѣе былъ убѣжденъ, что романъ не можетъ возникнуть случайно, безъ опредѣленной цѣли. Напротивъ, не только существуетъ цѣль, но авторъ непремѣнно имѣетъ въ виду сообщить публикѣ новую руководящую идею, дать новый лозунгъ для личной и общественной жизни. Что же это за идея?..

И въ результатѣ — нескончаемые анатомическіе опыты надъ героемъ романа. Именно его личность въ глазахъ читателей являлась отвѣтомъ на всѣ вопросы, на ней отражались во всей полнотѣ авторскія воззрѣнія. Былъ тщательно разобранъ каждый шагъ героя и каждый намекъ автора. Рѣдко люди съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ слѣдили и слѣдятъ за реальной личностью. Созданіе художника силой своего вліянія на умы превзошло всякую дѣйствительность. И это впечатлѣніе осталось на долгіе годы. Оно, повидимому, обладаетъ даже свойствомъ по временамъ оживать съ былой свѣжестью и съ былою мощью волновать страсти...

Въ чемъ же смыслъ и разгадка этого изумительнаго для насъ факта?

У людей—все равно на какой бы высотѣ культурнаго развитія они ни стояли, какія бы убѣжденія ни исповѣдывали — есть одно непреодолимое влеченье — къ *личности*, мы хотимъ сказать—интересъ выдающейся, исключительной личностью. Въ самыхъ демократическихъ обществахъ этотъ интересъ живучъ и распространенъ не менѣе, чѣмъ во всякой другой средѣ. Аѳиняне—въ періодъ высшаго расцвѣта республиканской свободы и общественной самодѣятельности – создаютъ Перикла и цѣлый рядъ менѣе замѣчательныхъ *личностей*, но непремѣнно *личностей*, гражданъ, выдѣляющихся изъ общества, одаренныхъ рѣзкими индивидуальными отличіями.

Культъ личности—настоящая стихія человѣческой природы. Борьба съ нею безцѣльна и прямо невозможна. Увлеченье личной силой, личными талантами, часто даже личнымъ счастьемъ—своего рода инстинктъ человѣка, будь этотъ человѣкъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ независимъ, обладай сильной критической мыслью и развитымъ чувствомъ свободы. Недаромъ интересъ высшаго рода художественнаго творчества—драмы—всецѣло *личный, героическій*. Безъ личности нѣтъ драмы, другими словами—нѣтъ захватывающаго психологическаго и даже внѣшняго интереса. Личность—центръ, нравственное солнце, вокругъ котораго вращаются событія и второстепенныя лица.

Это вѣрно не только относительно драмы. Припомните,—всѣ наиболѣе оживленные періоды литературы непремѣнно отмѣчены появленіемъ на сценѣ искусства *личностей, натуръ*. Это они сосредоточиваютъ на себѣ всеобщее вниманіе, они возбуждаютъ безконечные споры, дѣлятъ общество и критику на партіи —и становятся своего рода девизами новыхъ эпохъ.

Исторію литературы можно составить изъ отдѣльныхъ характеристикъ, изъ біографій героевъ, появлявшихся одинъ за другимъ,—и исторія будетъ очень точная – не только—литературы, но и самаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите такія обозначенія — *Евгеній Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ*. Развѣ съ каждымъ именемъ предъ вами не возстаютъ съ поразительной яркостью цѣлыя эпохи—одна за другой—со всѣми подробностями: идеи, чувства, костюмы, общественная и будничная жизнь,—все это объединяется въ вашемъ представленіи тѣмъ или другимъ именемъ.

Самый точный и серьезный историкъ не можетъ обойтись безъ этихъ именъ, и его изслѣдованіе выиграетъ въ полнотѣ и живости красокъ ровно настолько, насколько онъ сумѣетъ собрать и изложить бытовыя и нравственныя черты – личности и общества, скрытыя за каждымъ изъ названныхъ героевъ.

Современники всегда чувствуютъ глубокій смыслъ художественной личности, создаваемой поэтомъ,—чувствуютъ невольно, часто не отдавая отчета въ талантливости созданія, нерѣдко отрицая ее. Этотъ фактъ особенно любопытенъ. Произведеніе въ цѣломъ возбуждаетъ множество нареканій, прямо не признается, —но герой продолжаетъ «жечь сердца»—тѣмъ

или другимъ чувствомъ, возбуждаетъ восторги, сочувственныя подражанія или гнѣвъ и насмѣшки. Какъ бы то ни было общество не въ силахъ отнестись равнодушно къ *личности*, воплощенной въ художественномъ образѣ, и будто по мановенію волшебной власти собирается вокругъ нея, какъ фокуса.

Надолго герой остается злобой дня, возбуждаетъ мысль даже у людей, при иныхъ условіяхъ совершенно равнодушныхъ къ общимъ вопросамъ.

Личность берется художникомъ, конечно, изъ той самой дѣйствительности, какая отлично знакома громадному большинству читателей. Можетъ быть иной читатель встрѣтилъ не одинъ прототипъ героя раньше чѣмъ прочесть романъ. И все-таки онъ прошелъ мимо, не почувствовалъ и малой доли того интереса, какой удалось возбудить поэту воплощеніемъ всѣмъ извѣстнаго типа. Воплощеніе вдругъ всѣмъ кажется ослѣпительной новостью и въ то же время чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ. Соединеніе этихъ впечатлѣній и даетъ въ результатѣ могучее чувство интереса, охватывающее публику. Она только подъ вліяніемъ художественнаго типа начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ окружающихъ явленіяхъ, вдумываться въ современныхъ людей, присматриваться къ мелкимъ житейскимъ фактамъ, придающимъ извѣстную окраску эпохѣ и дѣйствующему поколѣнію. Здѣсь громадное культурное значеніе литературы. Она сосредоточиваетъ мысль общества на существенныхъ чертахъ переживаемой дѣйствительности и воспитываетъ вѣрный здравый взглядъ на современныхъ «жертвъ и героевъ». Она становится, слѣдовательно, источникомъ общественнаго самосознанія.

Процессъ этотъ совершается не безъ болѣзненныхъ симптомовъ, и эти симптомы въ свою очередь свидѣтельствуютъ, какъ глубоко возбуждено общество извѣстнымъ фактомъ литературы.

Когда появился романъ Тургенева,—нѣкоторыхъ добродушныхъ и слишкомъ пугливыхъ читателей, плохо разобравшихъ въ чемъ дѣло, охватилъ настоящій паническій страхъ. Разсказываютъ, напримѣръ, про чиновницу-старуху, заподозрившую своего мужа-старика въ нигилизмѣ, потому что онъ по старости лѣтъ не захотѣлъ дѣлать праздничныхъ визитовъ начальству. Въ результатѣ старуха выгнала изъ дома своего племянника-студента, очевидно, увидѣвъ въ немъ источникъ заразы для своего супруга.

Не явись романъ, не запечатлѣй великій художникъ общественнаго явленія неизгладимыми чертами,—семейный міръ чиновницы, навѣрное, не былъ бы нарушенъ. Бурное теченіе идей, вызванное романомъ, захватило своими волнами и темные углы, куда десятки лѣтъ не проникали никакіе вопросы и тревоги, помимо будничныхъ дрязгъ.

И опять предъ нами все тотъ же герой. Это его личность мерещится и другамъ и недругамъ, проникая въ глубочайшіе слои общества.

Весь смыслъ факта, слѣдовательно, заключается въ томъ, что авторъ создалъ *личность*, героя, олицетворяющаго молодое поколѣніе, создалъ нѣчто сильное, оригинальное, яркое. И люди, по непреодолимому врожденному чувству, устремились къ этому созданію и стали вкривь и вкось судить его и его создателя.

Такъ было и раньше. Такая же участь постигла и другихъ героевъ, хотя шуму и споровъ было гораздо меньше: это исключительно зависѣло отъ количества читающей и критикующей публики. Въ шестидесятыхъ годахъ такой публики стало несравненно больше, чѣмъ было тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ,—и естественно на долю Онѣгина и Печорина выпало меньше привѣтствій и меньше порицаній, чѣмъ на долю Базарова.

Мы сказали, что интересъ тургеневскимъ героемъ длился многіе годы. И это понятно. Въ нашей литературѣ это былъ послѣдній герой, мы хотимъ сказать—послѣдняя художественно воплощенная *личность*, послѣдняя богато-одаренная оригинальная *натура*. Но публика не хотѣла этому вѣрить и никакъ этого не ожидала.

Дѣйствительно, въ нашей литературѣ *личности* правильно смѣняли одна другую, герои непрерывнымъ рядомъ слѣдовали одинъ за другимъ. Можно сказать, интересъ читателей къ одному типу не успѣвалъ охладѣть,—появлялся другой типъ, еще болѣе любопытный, вызывающій еще больше идей и соображеній.

И вдругъ этотъ порядокъ рѣзко нарушается. Почему?.. Фактъ вполнѣ опредѣляется еще при жизни геніальнаго художника, онъ ясенъ писателю, но публика продолжаетъ требовать новой личности, новаго героя. Она чувствуетъ будто пустоту въ отсутствіи новаго типа. Ее томитъ литература, посвященная исключительно массѣ, толпѣ. Ей нуженъ яркій образъ, который бы снова раскрылъ ей отличительныя черты современнаго общества и далъ бы руководящую нить.

Но такого образа нѣтъ, и авторъ говоритъ, что его и не дождаться.

Въ семидесятыхъ годахъ къ Тургеневу обратилась съ запросомъ одна дама. Запросъ выражалъ только что указанную тоску русскаго общества.

Что же отвѣтилъ Тургеневъ?

«Блестящихъ натуръ», писалъ онъ,—въ литературѣ, вѣроятно, не проявится».—И не проявится потому, что такихъ натуръ нѣтъ и не будетъ больше въ дѣйствительности. Эпо-

ха интересныхъ, увлекательныхъ личностей миновала и больше не вернется. Это — печальный приговоръ,—но въ справедливости его увѣренъ одинъ изъ лучшихъ наблюдателей нашей жизни.

«Времена перемѣнились», продолжаетъ Тургеневъ... «Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго. Нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеска и треска, нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы — я беру слово: жизненной—въ смыслѣ простоты, безхитростности, *terre à terre'a*. Что можетъ быть, напримѣръ жизненнѣе, какъ учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ—тутъ даже о *призваніи* говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что нужно».

Здѣсь—цѣлая программа новой общественной дѣятельности, скромной на видъ, но по замыслу писателя, въ высшей степени достойной и плодотворной. Но авторъ особенно настаиваетъ на полной будничности, ординарности, прозаичномъ характерѣ этой дѣятельности. Трудъ — дѣло скромное и отнюдь не эффектное. «Смѣшно толковать», пишетъ Тургеневъ, «о герояхъ или художникахъ труда». Смѣшно, поэтому, жить надеждой на энтузіазмъ, на увлеченье.

Наступаетъ царство «сѣренькой среды», царство *только полезныхъ* людей. А *красивыхъ, плѣнительныхъ* среди такихъ людей очень мало.

И такой строй будетъ длиться долго. До другого времени не надѣялся дожить авторъ, хотя вдали и не отказывался рисовать увлекательную перспективу, предсказывая появленіе «крупныхъ, оригинальныхъ личностей».

Тургеневъ видѣлъ это въ отдаленномъ будущемъ, а пока его раздражали потуги современной молодежи на героизмъ, на исключительное призванье, на эффектную героическую дѣятельность. Онъ не видѣлъ нравственной силы, развитой умственной дѣятельности, основательныхъ *широкихъ* знаній, выдающагося дарованія, —а при такихъ условіяхъ стремленье юноши изобразить изъ себя героя заслуживало только сожалѣнья. И мало отрадныхъ чувствъ возбуждало у писателя поколѣніе, выставлявшее такихъ героевъ...

Со времени письма Тургенева прошло около двадцати лѣтъ, но идеи, здѣсь высказанныя, оказались роковыми для русской литературы. «Блестящихъ натуръ» она не создала и врядъ ли создастъ въ ближайшемъ будущемъ. Тургеневъ надолго далъ характеристику русскому художественному творчеству, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, не подозрѣвая даже всего значенія своего предсказанія, опредѣлилъ общественную роль литературы и настроеніе публики.

Мы видѣли, что исключительный идейный интересъ общества литературой всегда вызывался появленіемъ той или другой «блестящей натуры»; изображенія «сѣренькой среды» — какъ бы они ни были талантливы и реальны — проходили сравнительно незамѣтно. Они, въ высшей степени полезны для общества: благодаря имъ оно узнаетъ, при какихъ условіяхъ совершается жизнь всевозможныхъ тружениковъ и какія лишенія царятъ рядомъ съ невозмутимымъ счастьемъ. Такая литература — истинное гражданское служеніе. Но ей никогда не зажечь сердецъ такимъ огнемъ, какой мгновенно вызывается художественно-созданной *натурой*, воплощающей въ себѣ цѣлое направленіе общественной жизни. Послѣ романовъ Тургенева и даже одновременно съ этими романами русская публика прочла не мало истинно-художественныхъ произведеній, но ни одно изъ нихъ даже отдаленно не напомнило бурныхъ и глубокихъ впечатлѣній, вызванныхъ однимъ героемъ Тургенева... Естественно было послѣ всей этой литературы ощутить своего рода эстетическую тоску и нравственную пустоту...

Постепенно эти ощущенія улеглись, «сѣренькая среда» водворилась невозбранно въ литературѣ, — и въ результатѣ читатели утратили всякое нервное возбужденіе, опустились, усвоили способность — спокойно, почти безстрастно и равнодушно относиться къ литературѣ. Она вошла въ кругъ будничныхъ, едва замѣтныхъ отправленій, она проходитъ среди публики смиренной, давно примелькавшейся гостьею. Она не возбуждаетъ страстей и не вызываетъ умственной дѣятельности. Когда то она заполняла собою лучшія парадныя комнаты, теперь ей отведенъ уголъ и только особенные любители уединяются сюда — для бесѣды съ новой сандрильоной...

Кому теперь придетъ на умъ заявить, что современный писатель—пророкъ, vates своихъ читателей, умственный вождь? Такое заявленіе немедленно вызвало бы общій смѣхъ. На всякаго, дерзнувшаго это высказать, посмотрѣли бы какъ на выходца изъ другого міра, какъ на человѣка съ луны. Хороши вожди, чьи произведенія публика читаетъ лежа на диванахъ и всегда готова промѣнять какой угодно романъ на безпардонную, чаще всего безтолковую и пошлую болтовню газетнаго борзописца. Какой вопросъ можетъ быть здѣсь объ идеяхъ, о міросозерцаніи? Если все это и есть у автора—читатели не замѣтятъ, не

захотятъ замѣтить. Читаютъ же современные герои «Жерминаль», «Деньги», «Борьбу за существованіе» и преспокойно продолжаютъ вести самую дикую и варварскую войну съ основными требованіями справедливости и гуманнаго чувства.

Писатель больше не жжетъ сердецъ, о чемъ мечтали авторы недавняго прошлаго. Достаточно, если сотни печатныхъ страницъ коекакъ пробѣгаются снисходительной публикой и она «между дѣломъ» и карточной игрой благоволитъ вставить словечко о томъ или другомъ произведеніи. Это уже популярность, если читатели въ минуту праздности и послѣобѣденной болтовни бросятъ благосклонное слово по адресу писателя. Самый сѣрый, ничтожный, шаблонный до послѣдняго нерва современный «умный человѣкъ»—чувствуетъ себя меценатомъ, своего рода рѣшителемъ судебъ, когда дѣло зайдетъ о литературѣ.

Его могутъ привести въ безысходное смущеніе какія угодно служебныя дрязги, самая обыкновенная канцелярская бумага. Онъ едва найдетъ у себя умѣнья—толково отвѣтить на самый простой запросъ, но заговорите съ нимъ о литературѣ и на лицѣ запуганнаго созданья, вертящагося всю жизнь на одномъ мѣстѣ, вдругъ появляется самоувѣренное, даже ироническое выраженіе. Здѣсь онъ хозяинъ и взрослый человѣкъ. И никому это не кажется страннымъ. Такой ужъ предметъ литература: достаточно быть грамотнымъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія...

И такъ идетъ годъ за годомъ. Былой источникъ живыхъ идей, энергической общественной мысли кое-какъ пробирается сторонкой, проселочными путями среди современныхъ поколѣній.

И вина лежитъ не на совѣсти писателей. Сама по себѣ литература не при чемъ. Мы видѣли, что она лишена главнѣйшей возбудительной силы, она не создаетъ «блестящихъ натуръ», у нея нѣтъ, слѣдовательно, исконнаго средства—сосредоточивать интересъ публики на художественныхъ явленіяхъ, поддерживать у нея чувство уваженія къ этимъ явленіямъ, къ ихъ смыслу и практическому вліянію. Но откуда литературѣ взять эти «блестящія натуры?»

Великій художникъ не видѣлъ ихъ въ дѣйствительности. Онъ указывалъ на поколѣніе людей *исключительно полезныхъ*, скромныхъ, неоригинальныхъ, безцвѣтныхъ, даже не особенно талантливыхъ тружениковъ. Но это еще было бы хорошо. Такіе люди не порываютъ своихъ связей съ общими вопросами. На нихъ не перестаетъ дѣйствовать *идея*. Общественная жизнь, вопросы, выходящіе за предѣлы будничной житейской борьбы, сохраняютъ для нихъ весь свой смыслъ. На самомъ дѣлѣ оказалось несравненно хуже...

Пришли люди, о какихъ и не думалъ Тургеневъ. Выросло поколѣніе—вялое, невѣрующее, худосочное органически и нравственно,—поколѣніе, исполненное эгоизма и равнодушія, зараженное ироніей едва ли не съ первой минуты сознанія.

Среди современныхъ писателей этотъ вопросъ не пользуется большимъ вниманіемъ. Литература переполнена обычными романическими героями, возможными во всякое время. Влюбляться, жениться, измѣнять—все это акты менѣе всего характеризующіе личность. Все зависитъ отъ внѣшнихъ условій и сцѣпленія случайностей. Можно прочитать десятки такихъ исторій и не составить даже приблизительнаго представленія о людяхъ, какъ продуктахъ извѣстнаго времени, извѣстной эпохи.

Но одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ стремится идти другимъ путемъ, не повторять романическихъ шаблоновъ, хочетъ проникнуть въ душу современнаго человѣка независимо отъ случайныхъ интригъ. Авторъ хочетъ дать характеристику нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. Другой вопросъ,—справедлива ли эта характеристика и точны ли авторскія наблюденія. Одно несомнѣнно,—вопросъ поставленъ на опредѣленную и въ высшей степени любопытную почву, при томъ въ современной литературѣ—совершенно оригинальную. Наблюденія, кромѣ того, слагаются въ образы, — живые, типичные, свидѣтельствующіе о несомнѣнной психологической и художественной талантливости автора.

Насколько авторскія представленія правдивы, мы можемъ рѣшить съ самаго начала, по крайней мѣрѣ—намѣтить рѣшеніе. Герои, создаваемые авторомъ, такого свойства, что рядомъ съ ними становится совершенно понятнымъ положеніе современной литературы въ обществѣ, отсутствіе въ ней могучихъ захватывающихъ мотивовъ, ея полное практическое безсиліе. Въ извѣстной средѣ иныя явленія и немыслимы.

Писатель, затрогивающій общій вопросъ о переживаемомъ времени и современныхъ людяхъ—г. Чеховъ. Онъ давно пріобрѣлъ репутацію литератора, совершенно равнодушнаго къ какимъ-либо идеямъ, своего рода чистаго художника, непосредственно и безцѣльно сообщающаго публикѣ плоды своихъ наблюденій. Такъ, можетъ быть, думаютъ объ авторѣ и до сихъ поръ. Послѣднія произведенія г. Чехова идутъ безусловно наперекоръ такому представленію объ его талантѣ. Именно здѣсь подняты серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія, именно здѣсь съ полной ясностью—сказалось стремленіе литературы отдать отчетъ въ знаменіяхъ времени!

Происходитъ это даже съ извѣстной тенденціей. Авторъ будто торопится высказать свой личный взглядъ, представить читателямъ общіе

выводы. Герои нерѣдко разсуждаютъ, очевидно, за счетъ автора,—и такія разсужденія подчасъ настоящія публицистическія рѣчи. Можно даже указать пробѣлы въ фактическихъ доказательствахъ, подмѣтить извѣстную стремительность въ обобщеніяхъ.

Одинъ изъ разсказовъ оканчивается такимъ заявленіемъ: «Нашему поколѣнію — крышка. Съ этимъ мириться надо». Это говоритъ человѣкъ, принадлежащій къ этому самому поколѣнію. Другой представитель того же поколѣнія съ такой же откровенностью клеймитъ свой нервный вѣкъ, обзываетъ себя жалкимъ неврастеникомъ.

И здѣсь, очевидно, участь та же: медленное истощеніе организма, вымираніе вида, не способнаго къ борьбѣ за существованіе.

Въ третьемъ разсказѣ—на сценѣ все тотъ же неудачникъ, даже два, и оба осуждены на тягучую, безцвѣтную, прозябательную жизнь — и одинокую заброшенную смерть.

Развѣ это не тенденція? Мѣняются—и то слегка—характеры, въ сущности только подробности всякій разъ другія, другая обстановка,— общій смыслъ неизмѣнно одинъ и тотъ же.

На современной сценѣ дѣйствуютъ неврастеники, особи худосочныя, немощныя, безпомощныя, осужденныя на неизбѣжное вымираніе. Авторъ обнаруживаетъ очевидное пристрастіе къ больнымъ героямъ. Болѣзнь эта иногда въ скрытомъ состояніи, иногда проявляется наружу, въ формѣ физическаго или душевнаго недуга.

Очевидно, вопросъ только времени и случая — недугъ проявится непремѣнно: онъ живетъ въ натурѣ современныхъ людей, повидимому, рождается вмѣстѣ съ ними—и сводитъ ихъ въ преждевременную могилу.

Недуги проявляются различными симптомами. Описаны они у автора съ большой тонкостью. Больные люди, кажется, стоятъ у насъ передъ глазами и мы ощущаемъ даже затхлый больничный воздухъ.

Любопытна одна черта у этихъ больныхъ: всѣ они отлично сознаютъ свое положеніе. Каждый изъ нихъ когда угодно можетъ опредѣлить свой недугъ и высказать при этомъ чувство презрѣнія къ себѣ и своимъ современникамъ, раздѣляющимъ одинаковую съ нимъ участь. Даже душевно больной знаетъ о своей болѣзни и разсуждаетъ о ней съ искусствомъ и проницательностью настоящаго, въ высшей степени вдумчиваго, психолога. Анализъ достигаетъ у этихъ людей высочайшей степени развитія. Можно сказать, у нихъ на каждый день приходится по гамлетовскому монологу.

Это—фактъ во всѣхъ отношеніяхъ интересный. Обыкновенно, нравственно-недужные люди не сознаютъ своихъ изъяновъ, — напротивъ, способны любоваться ими, какъ украшеніемъ. Возьмите какое угодно преданіе нашей литературы и общественной жизни: вы увидите *безсознательность* душевнаго уродства, нравственнаго недомоганія.

Когда, напримѣръ, москвичи щеголяли въ гарольдовыхъ плащахъ, и производили на всѣхъ людей здоровыхъ несомнѣнно жалкое и комическое впечатлѣніе, — сами они переживали истинный праздникъ и, не отрывая глазъ, любовались на свою особу.

Дальше. Рудины сыпали блестящими рѣчами, волновали чужую кровь,—а сами не жертвовали при этомъ ни однимъ атомомъ своего организма,—развѣ они сознавали неестественность, ложь этого явленія? Напротивъ. Самолюбованіе и здѣсь было главнѣйшимъ условіемъ словесныхъ подвиговъ.

И такъ безъ конца. Даже Базаровъ, повидимому, фанатически преслѣдующій критическимъ взглядомъ всякое явленіе личной и чужой жизни, слишкомъ часто оказывается жертвой стихійныхъ порывовъ. Всеразлагающій анализъ вдругъ умолкаетъ. Отрицаніе сразу опускаетъ свои крылья,—и герой, будто застигнутый въ расплохъ, находитъ единственный исходъ — негодованіе на самого себя, на случай, вызвавшій искушеніе. Все это факты душевной жизни, не имѣющіе ничего общаго съ критикой, съ самопознаніемъ, съ психологіей.

Совершенно иного характера современный герой. Этому герою, повидимому, доставляетъ особенное удовольствіе—самобичеваніе. Онъ знаетъ исторію своей духовной жизни, знаетъ настоящее состояніе своего нравственнаго міра,—и то и другое рисуется въ крайне безнадежныхъ чертахъ. Но для героя это безразлично. Какъ это ни странно, но фактъ несомнѣнный: чѣмъ больше у героя основаній унижать себя, тѣмъ на душѣ у него спокойнѣе. Будто онъ всю жизнь затѣмъ и живетъ, чтобы въ результатѣ собственноручно подписать свой смертный приговоръ.

Одинъ изъ этихъ господъ представляетъ такую исповѣдь другому господину, вздумавшему напугать его правдой объ его жизни и характерѣ.

— Да, моя жизнь ненормальна, испорчена,—говоритъ герой,—не годится ни къ чорту, а начать новую жизнь мнѣ мѣшаетъ трусость.

Немедленно за этимъ признаніемъ готово и оправданіе. Герой увѣренъ, что онъ только одинъ изъ многихъ. Эта мысль для него истинное утѣшеніе. Мало этого, герою кажется, что вся негодность его и людей ему подобныхъ нѣчто весьма полезное, во всякомъ случаѣ безусловно необходимое.

Онъ разсуждаетъ: «мы ослабѣли, опустились, пали, наконецъ, наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы

только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины безумія общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической свой солидный raison d'être. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ съ головы безъ воли Отца Небеснаго,—другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не творится зря. Все обосновано и все необходимо. А если такъ, то чего же намъ особенно безпокоиться и бить себя по персямъ?»

Откровеннѣе трудно уничтожить самого себя и еще труднѣе отыскать болѣе прочное утѣшеніе: я никуда негоденъ нравственно, я тщедушенъ и слабъ, но такъ угодно судьбѣ. А фатализмъ можетъ оправдать рѣшительно всякое извращеніе и помирить со всякимъ уродствомъ въ личной и общественной жизни.

Это говоритъ важный чиновникъ, совершенно установившійся, вполнѣ организованный тунеядецъ, недоступный никакимъ внѣшнимъ вліяніемъ и сросшійся окончательно съ той плѣсенью, которую онъ считаетъ священной необходимостью своего существованія.

Другой герой—молодой человѣкъ, съ неулегшимися волненіями, даже съ нѣкоторыми порывами, одаренный безпокойной, вѣчно, хотя и безъ всякаго результата, мятущейся мыслью. Въ минуты раздумья онъ также подвергаетъ себя и свою жизнь безпощадной критикѣ.

Въ своемъ прошломъ онъ видитъ только порокъ. Обманъ заклеймилъ годы его ученья и практической дѣятельности. Въ университетѣ онъ учился дурно и забылъ, чему его учили. На службѣ ничего не дѣлалъ, жалованіе получалъ даромъ. Службу свою онъ называетъ прямо гнуснымъ казнокрадствомъ, за которое не отдаютъ подъ судъ.

Герой ясно видитъ всю мелочность, весь эгоизмъ своего тунеяднаго существованія. Онъ, совершая свой жизненный путь, будто чужой среди людей, будто «нанятый съ другой планеты». Въ общей жизни людей онъ не принималъ никакого участья, хранилъ полное равнодушіе къ ихъ страданіямъ, идеямъ, знаніямъ, стремленіямъ. Людямъ онъ не оказалъ ни малѣйшей услуги, а просто ѣлъ ихъ хлѣбъ, пилъ ихъ вино, увозилъ ихъ женъ и заимствовалъ отъ нихъ разныя теоріи, оправдывающія его паразитную жизнь...

Это настоящій сказочный «сонъ подъ новый годъ». Такъ все это вѣрно и въ то же время удручающе безнадежно. Вѣдь послѣ этого жить нельзя. Разъ человѣкъ пришелъ къ выводу, отрицающему всякій смыслъ у прошлаго и настоящаго и не оставляющему ни малѣйшей надежды на лучшее будущее,—единственный исходъ—смерть, или радикальная перемѣна всего жизненнаго строя.

Такъ кажется съ точки зрѣнія совѣсти и здраваго смысла. Но мы уже видѣли лазейку, спасающую современнаго героя отъ рѣшительнаго шага. Это—фатализмъ и глубокое убѣжденіе, что самъ герой не болѣе какъ жертва стихійнаго повѣтрія, заразившаго цѣлую эпоху.

«Нашъ нервный вѣкъ—ничего не подѣлаешь». Вѣдь это то же самое: «нашему поколѣнію—крышка. Съ этимъ мириться нужно». У молодого героя есть даже особое соображеніе: «Мы, дворяне, вырождаемся»... А разъ признанъ фактъ повальнаго вырожденія,—развѣ виновата отдѣльная личность? Не виноватъ же ребенокъ, унаслѣдовавшій отъ своихъ родителей чахотку, худосочіе или душевное разстройство. Это—несчастье, а не вина, здѣсь мѣсто не осужденію, а состраданію.

Именно это чувство возбуждаютъ современные герои во всѣхъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ положеніяхъ жизни. Они сами, немощные и слабые, чувствуютъ глубокое смущеніе предъ проявленіемъ силы, страсти, здороваго организма. Они отступаютъ въ такихъ случаяхъ, подавленные паническимъ ужасомъ. Это—дѣйствительно жалкое зрѣлище.

Особенно интересный эпизодъ происходитъ съ важнымъ чиновникомъ. Этотъ господинъ противъ всѣхъ идей вооруженъ неистощимой ироніей. Онъ много читаетъ, но дѣлаетъ это будто изъ снисхожденія къ бѣдной литературѣ. О чемъ бы въ книгѣ ни говорилось, у героя одно впечатлѣніе: презрительный смѣхъ надъ авторомъ и надъ тѣмъ, что онъ силится доказать. Все герой знаетъ заранѣе. «Всѣ идеи, малыя и великія, мнѣ хорошо извѣстны», говоритъ онъ и находитъ, что все это гораздо ниже той жизни, которую онъ самъ называетъ ненормальной, ни къ чорту не годной. Да, именно такъ онъ выражается и точно выполняетъ эту программу. Въ службу онъ не вѣритъ, портфель съ бумагами вызываетъ у него такую же ироническую улыбку, какъ и литературныя произведенія. Но онъ продолжаетъ служить и читать.

«Я пустой, ничтожный, падшій человѣкъ»,—сознается одинъ изъ этихъ господъ. Другой заявляетъ влюбленной въ него женщинѣ: «вы воображаете, что я герой и что у меня какіе то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку-то вышло, что я самый заурядный чиноша, картежникъ и не имѣю пристрастія ни къ какимъ идеямъ. По убѣжденіямъ и по натурѣ я обыкновенный чинодралъ, служака, щедринскій герой»...

Трудно вѣрится, чтобы человѣкъ съ такимъ упорствомъ развѣнчивалъ самого себя и въ гла-

захъ кого же—влюбленной и въ извѣстномъ смыслѣ любимой женщины. Такъ естественно, что человѣкъ, по крайней мѣрѣ ради чувства любви, старается казаться лучше, красивѣе, увлекательнѣе. Для современнаго героя не существуетъ и этого закона. Онъ будто гордится, что онъ слишкомъ баналенъ и ничтоженъ, бравируетъ надеждами, какія на него возлагаетъ ослѣпленная, увлеченная имъ женщина. «Я—не герой! Я не блестящая натура»,—это говорится въ настоящее время совершенно съ такимъ же самоуслажденіемъ, съ какимъ во время оно герой бросалъ вызовъ цѣлому свѣту и окружалъ себя ореоломъ таинственной непобѣдимой силы.

Полное отсутствіе героизма новые люди доказываютъ и на дѣлѣ. Сколько страха и смятенія переживаетъ одинъ изъ нихъ, видя предъ собой стремительные порывы женской страсти! Это такой мучительный диссонансъ въ его паразитномъ существованіи! Онъ совершенно теряетъ почву подъ ногами, позорно бѣжитъ,—и только съ пріятелями, такими же пошляками, какъ онъ самъ, отводитъ душу. Интересно, какъ это дѣлается.

Герой во всемъ обвиняетъ Тургенева. По его мнѣнію, этотъ писатель изображалъ всевозможныхъ героевъ и героинь и вскружилъ головы женщинъ. Въ результатѣ читательницы тургеневскихъ романовъ стали требовать героизма отъ всякаго, кто будетъ имѣть несчастіе вызвать ихъ любовь. Это крайне неудобно. Гораздо спокойнѣе посѣщать женщину, когда она прекрасно настроена и самъ кавалеръ здоровъ и веселъ, ласкать и отдаваться ласкамъ, не примѣшивая къ этому никакихъ идей, а просто исправляя житейскую потребность, такую же обыкновенную и будничную, какъ, напримѣръ, обѣды, сонъ, писаніе канцелярскихъ бумагъ.

«Тургеневъ писалъ, а я вотъ теперь за него кашу расхлебывай», жалуется прижатый къ стѣнѣ современный не-герой. Жалоба—характерная. Этотъ человѣкъ инстинктивно чувствуетъ, откуда надвигается опасность. Писатель, обладающій волшебной силой управлять нравственнымъ міромъ своихъ читателей, писатель, поднимающій новыя идеи и чувства въ груди всѣхъ, кому дано чувствовать и думать,—это съ одной стороны. Съ другой—послѣдніе обломки когда-то страстно отзывчивой публики, глубоко почитающей своего любимаго писателя, готовой проникнуться каждымъ его словомъ... Можетъ-быть, въ данномъ случаѣ Тургеневъ не при чемъ, героиня дѣлаетъ рѣшительный шагъ, покидаетъ ненавистнаго мужа, ради любимаго, хотя и чужого человѣка, независимо отъ какихъ бы то ни было книгъ. И у Тургенева, дѣйствительно, трудно вычитать нравственное оправданіе подобнымъ предпріятіямъ. Но дѣло не въ этомъ. Современному немощному коптителю неба—все сильное, страстное, идейное невольно грезится въ недалекомъ прошломъ, въ творчествѣ писателя, воплотившаго въ своихъ произведеніяхъ иныя поколѣнія.

Это непреодолимая вражда пресмыкающагося, безобразнаго, слабаго ко всему прекрасному, благородному, органически-мощному.

У современнаго человѣка есть своя философія. Это также основная черта въ характерѣ этихъ господъ. Они твердо стоятъ на теоретической почвѣ. Ихъ міросозерцаніе обосновано и доказано. Одни изъ нихъ ищутъ основъ и доказательствъ въ книгахъ, въ чужихъ рукахъ. «Я долженъ обобщать каждый свой поступокъ, я долженъ находить объясненіе въ оправданіе своей нелѣпой жизни въ чьихъ-нибудь теоріяхъ, въ литературныхъ типахъ».—Такъ разсуждаетъ одинъ.

Другой, болѣе взрослый и смѣлый, предлагаетъ теорію отъ себя. «Я не тургеневскій герой», говоритъ онъ,—«если мнѣ когда-нибудь понадобится освобождать Болгарію, то я не понуждаюсь въ дамскомъ обществѣ».

Вы не обращайте особеннаго вниманія на послѣднюю, повидимому, особенно злую фразу. Дѣло въ томъ, что современный герой «не понуждается въ дамскомъ обществѣ» вообще для какой бы то ни было идейной, общественной дѣятельности. По очень простой причинѣ: для него женщина дѣйствительно не человѣкъ: признать за ней право на человѣческую роль—значитъ создать для себя бездну безпокойствъ.

Герой продолжаетъ: «на любовь я прежде всего смотрю, какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ толкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не стѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ всякихъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, что застану ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она будетъ нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ ней только когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, веселъ и расположенъ къ любовнымъ изліяніямъ. И намъ обыкновенно всякій разъ удается обмануть другъ друга настолько, что мы расходимся въ самомъ радужномъ, даже поэтическомъ настроеніи».

Здѣсь есть одно слово насчетъ духа. Пожалуй, съ перваго взгляда можно подумать, что современный герой преслѣдуетъ какія-то необыкновенно возвышенныя идеальныя цѣли, несовмѣстныя съ любовнымъ увлеченіемъ, что онъ нѣчто въ родѣ шиллеровскаго маркиза Позы, не допускавшаго личныхъ сердечныхъ при-

вязанностей рядомъ съ неустанными заботами о вселенной...

Но нечего и говорить, до какой степени въ данномъ случаѣ неумѣстно подозрѣвать какіе бы то ни было идеалы и стремленія. Герой просто хочетъ набросить красивое покрывало на свой цинизмъ и развратъ.

Въ другомъ случаѣ онъ выражается вполнѣ откровенно, хотя не менѣе лицемѣрно. «Что же касается любви», говоритъ юный господинъ въ новѣйшемъ стилѣ, «то я долженъ тебѣ сказать, что жить съ женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край свѣта, такъ же неинтересно, какъ съ любой Анфисой или Акулиной. Также пахнетъ утюгомъ, пудрой и лѣкарствами, тѣ же папильотки каждое утро и тотъ же самообманъ!»

«Я не могу хотѣть мѣдныхъ кастрюль и нечесанной головы», — немедленно присоединяетъ свой голосъ другой любитель изящныхъ наслажденій.

«Женщинѣ прежде всего нужна спальня», — продолжаетъ первый, — и онъ глубоко убѣжденъ, что женщинѣ трудно разстаться съ нимъ только потому, что у нея извѣстнаго сорта темпераментъ.

Въ такомъ смыслѣ рѣшены всѣ вопросы. Вдумайтесь въ эти рѣшенія — и вамъ съ совершенно безпристрастной точки зрѣнія представится больной, сидящій на гноищѣ и до такой степени отупѣвшій и сжившійся съ міазмами, что малѣйшій намекъ на свѣжій воздухъ, на иное существованіе — является для него личнымъ оскорбленіемъ.

А между тѣмъ, авторъ беретъ типы изъ круга безусловно интеллигентнаго. Эти люди много знаютъ и превосходно разсуждаютъ. Они даже проявляютъ признаки высшей человѣческой мудрости — они *знаютъ самихъ себя*. Вообще, глупыхъ и наивныхъ вещей они не говорятъ. Въ обществѣ они должны производить впечатлѣніе людей необыкновенно почтенныхъ, даже импонирующихъ. Съ ними невозможны комическія приключенія, выпадавшія на долю прежнимъ героямъ: пережить романъ Базарова и безсильное негодованіе на свою юношескую ошибку — для этихъ господъ немыслимо. Они если и ошибаются, то слегка, ровно настолько, чтобъ загладить грѣхъ ироніей и остроумнымъ словцомъ.

Таковы герои, выдаваемые современнымъ писателемъ за представителей нынѣшняго поколѣнія.

Болѣе полъ-вѣка тому назадъ поэтъ негодовалъ на своихъ современниковъ. Но что значитъ это негодованіе предъ тѣми чувствами, какія вызвали бы у поэта охарактеризованные нами образы!

Поэтъ негодовалъ на свое поколѣніе за то, что въ наше время слѣдовало бы считать прямо заслугами. Онъ говорилъ о бремени сомнѣнья, создающаго преждевременныхъ стариковъ, о затаенныхъ надеждахъ и подавленномъ голосѣ страстей, о стремленіи сберечь въ груди остатокъ чувства, даже объ огнѣ, кипящемъ въ крови...

Вдумайтесь въ эти обвиненія и сопоставьте съ ними нравственный міръ современнаго героя — вы не найдете словъ выразить свое отчаяніе, если только вамъ доступны тѣ же чувства, какія вызвали *Думу* поэта.

Сомнѣнія!... Какое счастье изнемогать подъ бременемъ сомнѣній — не для самихъ сомнѣвающихся, а для общества, для времени. Вѣдь сомнѣнія — краснорѣчивѣйшее свидѣтельство о неустанной работѣ мысли, о неумирающемъ стремленіи человѣка къ извѣстнымъ идеаламъ, объ его недовольствѣ окружающей дѣйствительностью и жаждѣ болѣе совершеннаго будущаго. Сомнѣваться — это *жить* въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Кто сомнѣвается, тотъ совершенствуется и совершенствуетъ другихъ.

Современные герои ни въ чемъ не сомнѣваются. Имъ просто смѣшны всевозможные вопросы. Вы видѣли — ироническая улыбка не сходитъ съ лица героя — за что бы онъ ни брался, о чемъ бы онъ ни думалъ. Онъ прямо убѣжденъ, что ему всѣ идеи — и большія и малыя — извѣстны. Чего же онъ еще будетъ возиться съ ними?

Дальше нѣтъ нужды и сравнивать. О какомъ чувствѣ, о какомъ голосѣ страстей можетъ быть рѣчь? Когда все это, обнаруживаемое другими, повергаетъ въ безпомощный страхъ новаго человѣка и заставляетъ его отступать, какъ предъ нашествіемъ какой-то дикой, опасной силы?

Старое поколѣнье, возмущавшее поэта, должно было еще дожидаться чужого суда, горькой насмѣшки потомства. Современные герои и здѣсь ушли гораздо дальше: они сами себѣ изрекли смертный приговоръ, сами себя осмѣяли, выказали едва вѣроятную способность — жить спокойно и счастливо, питая глубочайшее презрѣніе къ своимъ личностямъ и своему существованію.

Не сгустилъ ли авторъ краски? Не представилъ ли онъ вмѣсто живыхъ людей — отвлеченную формулу всевозможныхъ нравственныхъ уродствъ и немощей?

Нѣтъ, этого не чувствуешь, когда читаешь его разсказы. Напротивъ, герои поражаютъ жизненной правдой своихъ фигуръ, они безусловно реальны, они до мельчайшихъ подробностей остаются въ вашей памяти. Образы, очевидно, имѣютъ своихъ прототиповъ въ дѣйствительности. Публика лучше всего доказала этотъ фактъ своимъ интересомъ къ новѣйшимъ произведеніямъ г. Чехова. Всякая выдумка, все мерт-

вое и искусственное не пріобрѣтаетъ широкой популярности. Его можно сколько угодно раздувать, лелѣять—это останется прихотью отдѣльныхъ поклонниковъ: публика пройдетъ мимо—равнодушная и безучастная. Судьба произведеній, характеризующихъ, по замыслу автора, «наше поколѣнье»—совершенно другая, и здѣсь заключается одновременно приговоръ и надъ самими произведеніями, и надъ ихъ темами и героями.

Рядомъ съ описанными героями современная литература знаетъ дѣятелей другого склада,—людей здоровыхъ, полезныхъ, даже, можетъ быть, убѣжденныхъ и стремящихся. Но все это нисколько не характерно для нашего времени. Подобные герои—внѣ времени и пространства, всегда и всюду они возможны. Это—толпа, а не герои,—толпа въ сущности безличная и шаблонная. Рядомъ съ ней—мы видѣли—всякая эпоха выдвигаетъ *особенныхъ* личностей, отмѣченныхъ оригинальными чертами, возможными только въ извѣстный періодъ общественной и культурной жизни. Эти черты не встрѣчались раньше, не повторятся и позже. По этимъ чертамъ историкъ впослѣдствіи разгадываетъ тайны минувшаго, о какихъ не въ состояніи разсказать ему достовѣрнѣйшіе исторические документы и памятники.

«Наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи». Это искренное заявленіе современнаго человѣка дойдетъ до отдаленнаго потомства и останется въ его глазахъ краснорѣчивѣйшимъ знаменемъ времени. Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ—своего рода культурно-историческое откровеніе. Весь эффектъ заключается въ томъ, что поколѣніе съ такимъ безпристрастіемъ и ясностью само свидѣтельствуетъ о себѣ.

Въ этомъ заключаются результаты нравственнаго и умственнаго наслѣдства, полученнаго отъ предковъ.

Эпоха всевозможныхъ романтическихъ иллюзій миновала. Взглядъ у новаго человѣка необыкновенно ясенъ и объективенъ. Этотъ человѣкъ уже неспособенъ впасть въ грубое заблужденіе насчетъ себя и другихъ. Въ теченіе десятилѣтій онъ научился понимать, что скрывается въ глубинѣ личныхъ и общественныхъ явленій. Недаромъ онъ пережилъ эпоху расцвѣта опытныхъ знаній и познакомился съ научными пріемами, помогающими искусному изслѣдователю разъяснять душевную жизнь съ такою же увѣренностью и строгостью наблюденій и выводовъ, съ какою анатомируютъ любой организмъ. Анализъ достигъ высшей степени развитія,—и онъ ежеминутно готовъ развернуть свою уничтожающую власть, лишь только человѣку грозитъ опасность поддаться какому-нибудь «неосновательному» впечатлѣнію, богатому всякими «безпокойными» послѣдствіями.

Анализъ—умственная сила—вступилъ въ союзъ съ извѣстнымъ нравственнымъ настроеніемъ и въ этомъ союзѣ весь вопросъ. Анализъ можетъ совершать свое дѣло подъ вліяніемъ двухъ различныхъ стремленій—или съ цѣлью найти истину, предметъ вѣры, или съ совершенно противоположной—убѣдиться въ невозможности какой бы то ни было идеи, достойной вѣры. Въ прежнее время люди шли первымъ путемъ. Самые горячіе отрицатели, вродѣ Базарова, непремѣнно въ результатѣ искали предмета вѣры,—все равно, гдѣ бы онъ ни оказался. Базаровы были убѣждены, что такіе предметы отыскиваются только изученіемъ природы, естественными науками. Это—безразлично. Важно настроеніе, одушевляющее умственную работу. Оно отражается на всемъ человѣкѣ и на всей его жизни.

Посмотрите, какое непреодолимое сознаніе личной силы проникаетъ этихъ людей! А въ чемъ таится это сознаніе? Въ твердомъ, хотя и невысказанномъ убѣжденіи, что есть нѣчто, за что стоитъ бороться, ради чего стоитъ работать и во что можно вѣрить. Человѣкъ можетъ искренно и благородно уважать самого себя только при одномъ условіи,—когда онъ знаетъ смыслъ своей жизни, уважаетъ цѣль своей дѣятельности, а главное, когда убѣжденъ, что эта цѣль настолько ясна и дѣйствительна, что и другіе могутъ понять и оцѣнить ея значеніе. А это возможно только, когда въ этой цѣли заключена *вѣра* человѣка, когда она для него символъ и руководящая истина.

Здѣсь анализъ—сила положительная, нравственная, культурная. Онъ придаетъ человѣку особенный ореолъ власти, мы видимъ героя въ полномъ смыслѣ слова, предъ нами встаетъ безсмертный образъ мужественнаго борца, годами сомнѣній, годами анализа завоевавшаго право заявить о своей вѣрѣ, не смотря ни на какую опасность: «А все-таки она вертится»!...

Теперь представьте другой фактъ. Человѣкъ неустанно разбираетъ свою и чужую жизнь. Всякое личное впечатлѣніе, чужая рѣчь вызываютъ у него процессъ критики. Но къ какой цѣли направленъ этотъ процессъ?

Вы помните одну изъ эффектнѣйшихъ сценъ въ драмѣ *Уріэль Акоста?* Юный изслѣдователь является предъ защитниками вѣковыхъ преданій во всеоружіи критики, отрицанія,—но онъ критикуетъ и отрицаетъ, затѣмъ чтобы *утвердить* новые идеалы, убѣдить людей въ *положительномъ*, но только другомъ, чѣмъ *ихъ* положительное. Какъ же встрѣчаютъ это стремленіе представители старины? Одинъ изъ нихъ нѣсколько разъ повторяетъ весьма характерную фразу: «все это было»,—и разска-

зываетъ даже давнюю исторію одного изъ критиковъ и отрицателей.

Эти слова: «все это было», т.-е. ничего не можетъ быть новаго— страшныя слова. Въ нихъ хранится тлетворное дыханіе нравственной и умственной смерти, они освящаютъ косность и застой, подъ ихъ защитой можетъ царствовать какое угодно зло и насиліе—только потому, что оно освящено временемъ. Въ этихъ словахъ заключается гораздо больше отрицанія, скептицизма, чѣмъ въ самыхъ страстныхъ выходкахъ Уріэля. Въ этихъ словахъ есть еще одно, чего нѣтъ въ отрицаніяхъ юноши: невѣріе въ человѣческія силы, презрѣніе къ человѣческимъ стремленіямъ, насмѣшки надъ человѣческими идеалами.

«Ничего нѣтъ и не будетъ новаго подъ солнцемъ»— рѣчь, возможная только у человѣка нравственно-немощнаго, извѣрившагося въ себѣ и во всѣхъ людяхъ. Если эта рѣчь становится общимъ голосомъ—значитъ наступила эпоха душевныхъ недуговъ, равнодушія, умственнаго мрака.

Припомните, — современный герой говоритъ въ сущности то же самое, увѣряя, что всѣ идеи ему отлично знакомы и онъ этимъ идеямъ предпочитаетъ существованіе «ни къ чорту негодное», но за то спокойное, совершенно установившееся.

Эти люди забываютъ, что вѣдь и само солнце не новость и ничего нѣтъ старше и обычнѣе дневного свѣта, смѣны временъ года и всевозможныхъ людскихъ радостей и людского счастья. А между тѣмъ—за все это судорожно хватаются ненавистники идей: имъ дорогъ каждый день и малѣйшее сокращеніе жизни привело бы ихъ въ ужасъ. Идеи, по крайней мѣрѣ, обладаютъ однимъ свойствомъ, выгоднымъ даже для нашихъ скептиковъ: онѣ часто забываются, сходятъ со сцены и черезъ извѣстный промежутокъ времени могутъ показаться новостью. О жизни—въ томъ видѣ, въ какомъ ею пользуются современные герои, этого отнюдь нельзя сказать. Почему же имъ такъ дороги ихъ будни, какъ двѣ капли воды похожія другъ на друга, и ненавистны идеи?

Потому что—жизнь дѣло инерціи, а идеи—вопросъ самодѣятельности и—главное—способности вѣрить и стремиться. Анализъ современнаго человѣка совершается не съ цѣлью *отыскать*, *пріобрѣсти*, а съ цѣлью *утратить*, *забыть*. Онъ систематически усиливается—всякій предметъ подвести подъ одну рубрику: старое, знакомое. Онъ приступаетъ къ идеѣ съ готовымъ предубѣжденіемъ, — и, несомнѣнно, при помощи одной мысли, безъ участія нравственной силы, легко и быстро развѣнчиваетъ все что угодно. Мы видѣли, что одинъ изъ описанныхъ выше героевъ принимается за всякое дѣло, за чтеніе, за служебныя занятія—съ иронической улыбкой. Это — превосходное оружіе противъ всевозможныхъ искушеній — увлечься, заинтересоваться, задуматься.

Эта иронія свидѣтельствуетъ о безсиліи человѣка, затаенной трусости, стремленіи замкнуться въ свой маленькій эгоистическій мірокъ и оградить себя отъ необходимости воспринимать впечатлѣнія и разбираться въ нихъ. Скептицизмъ, не одушевленный жаждой истины, новыхъ идеаловъ, смертельная душевная болѣзнь. Ничто до такой степени не принижаетъ человѣка, какъ этотъ недугъ, ничто не дѣлаетъ его такимъ мелкимъ, безпомощнымъ, часто презрѣннымъ.

Всѣ эти черты мы находимъ у современнаго героя. Откуда онѣ,—что опустошило его душу, какія силы, какія явленія внѣшней жизни вытравили въ ней вѣру въ человѣка и его лучшія задачи—вопросы, не подлежащіе разрѣшенію въ данную минуту. Мы хотѣли только описать явленіе и указать на его роль въ современной литературѣ.

И то и другое намъ ясно.

Несомнѣнно, само современное общество дало писателю извѣстные мотивы, представило ему извѣстные типы. Но въ этихъ мотивахъ и типахъ не можетъ быть и слѣда той изумительной идейной власти, какою обладали созданія русской литературы въ недавнее прошлое.

О новыхъ герояхъ читатели скажутъ: эти люди отъ нашей плоти и крови,—это будетъ грустное признаніе, оно станетъ еще грустнѣе оттого, что у читателей не окажется былой отзывчивости, ихъ сердца не забьются подъ наплывомъ захватывающихъ неизвѣданныхъ ощущеній, въ ихъ умахъ не возникнетъ рядъ идей, съ неотразимой властью требующихъ суда и отвѣта.

Что могутъ испытывать наши современники, когда предъ ними проходятъ новые герои? Талантливый авторъ умѣетъ заинтересовать разсказомъ, увлечь изящной художественностью подробностей и жизненнымъ реализмомъ образовъ. Но сами эти образы—какое другое чувство могутъ вызвать у читателей, кромѣ душевнаго томленія, или въ лучшемъ случаѣ того равнодушія, о какомъ заявлялъ французскій поэтъ у гроба одного изъ подобныхъ героевъ:

Эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы ни вреда—
И мы безъ горести, безъ страха и волненья
Глядимъ на падшаго, достойнаго паденья.

Съ такимъ чувствомъ встрѣчаетъ публика плоды современнаго художественнаго творчества. Въ обществѣ нѣтъ былого страстнаго интереса къ литературѣ; времена, когда художественные образы, созданные авторомъ, волновали читателей — безъ различія умственнаго развитія и общественнаго положенія—миновали. На этотъ разъ у насъ полное право—присвоить

себѣ слова, обращенныя поэтомъ къ другому поколѣнію:

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ.

Разница только въ одномъ. Когда поэтъ произносилъ свою негодующую рѣчь, въ то самое время ему самому удалось вызвать «сладостный восторгъ» у своего поколѣнія. А потомъ эти восторги широкой волной въ теченіе десятилѣтій царили въ русскомъ обществѣ, вызываемые другими авторами, наслѣдниками поэта. «Блестящія натуры» смѣняли одна другую...

Теперь, на мѣсто ихъ — «неврастеники», «нытики», скептики-эгоисты, одновременно — циничные и трусливые, но неизмѣнно удручающіе насъ немощами своего нравственнаго міра... Когда же ихъ смѣнятъ другіе люди и когда литература снова явится просвѣщающей и вдохновляющей общественной силой? А такая роль литературы нигдѣ такъ не цѣнна, нигдѣ такъ не желательна, какъ въ нашемъ отечествѣ, хранящемъ столько воспоминаній о писателяхъ-гражданахъ, о писателяхъ-наставникахъ.

Ив. Иваковъ.

К. Н. Рыбаковъ въ роли Облопошева („Гусь лапчатый", др. И. А. Салова).

Свободный театръ.

Какъ жаль, что литературная статистика у насъ только что зарождается и потому не сможетъ отвѣтить точными цифрами на вопросъ, сколько рабочихъ рукъ въ настоящее время занято на Руси воздѣлываніемъ беллетристики во всѣхъ ея видахъ и развѣтвленіяхъ, отъ романа и поэмы до легкой комедіи и газетнаго очерка! Даже по приблизительному исчисленію и болѣе или менѣе правдоподобной догадкѣ должна получиться цифра очень внушительная; еслибъ собрать всѣхъ поэтовъ, романистовъ, драматурговъ и, выстроивъ ихъ, двинуть впередъ «рядами и шеренгами», образовалась бы писательская армія, способная вызвать уваженіе и страхъ. Но никакая статистика въ мірѣ не опредѣлитъ, сколько произведеній творится кромѣ того втихомолку, не проходитъ ни въ печать, ни на сценическіе подмостки, и гибнетъ, едва успѣвъ расцвѣсть,—сколько такихъ «аспирантовъ» беллетристики (какъ сказали бы въ Германіи), которыхъ неудача и «несправедливость» не остановятъ отъ лихорадочной производительности. Къ печатной литературѣ присоедините груды этой негласной словесности, къ именамъ, мелькающимъ хоть на страницахъ грошовыхъ изданій, прибавьте невѣдомыя никому имена мучениковъ творчества, и еще величественнѣе разростется литературная армія. Принявъ въ разсчетъ число рабочихъ рукъ и среднюю цифру творческой дѣятельности писателя, можно было бы дойти до вычисленія, сколько въ каждый часъ механизмъ русскаго творчества изготовляетъ разнообразныхъ издѣлій...

Въ этихъ соображеніяхъ нѣтъ преувеличенія. Наведите справки въ редакціяхъ, въ театральныхъ комитетахъ, у антрепренеровъ, наконецъ, у лицъ, которыя почему нибудь пріобрѣли среди неопытной пишущей братіи репутацію аристарховъ, и всюду послышится одинъ отвѣтъ: никогда такъ много не писали, никогда литературная лихорадка не поднималась до такой температуры. И это не одиночное русское явленіе; это тоже — «болѣзнь вѣка». Забавный проектъ налога на журнальныя повѣсти, недавно предложенный кѣмъ-то въ Англіи, является тщетной попыткой чѣмъ-нибудь остановить очевидное «перепроизводство».

Но въ необозримой массѣ произведеній не все же носитъ отпечатокъ стихійнаго движенія, психическаго повѣтрія, направляющаго по временамъ сотни умовъ по одной и той же дорогѣ, и нѣсколько столѣтій не отстающаго отъ человѣчества*).

*) „Et il faut remarquer cecі que *la plupart étaient devenus poëtes par contagion*“, говорилъ еще въ 1662 г. предшественникъ Мольера, остроумный романистъ Сорель.

То, что не принимается въ журналъ или не проникаетъ на сцену, не всегда лишено достоинствъ; непризнанные поэты могутъ дождаться признанія, быть можетъ, славы, новички-драматурги населятъ со временемъ сцену живыми людьми и будутъ увлекать изображеніемъ неподдѣльныхъ чувствъ и страстей. Но ни большой публичной сценѣ, ни руководящему журналу не до производства опытовъ и не до воспитанія будущихъ, едва намѣченныхъ талантовъ. Сама публика безжалостно отвернется отъ драмы, въ которой для опытнаго критика есть уже намекъ на что-то не совсѣмъ плохое, и читатель пожалуй даже не перелистуетъ повѣсть, которая съ первыхъ же страницъ не захватила его живымъ интересомъ. И попытка человѣка сказать что-нибудь новое, свое, легко можетъ быть отброшена въ ту же груду труповъ, гдѣ сложено множество безцвѣтнаго и безличнаго литературнаго товара. Но, съ другой стороны, прогрессъ творчества не можетъ зависѣть только отъ случайнаго успѣха немногихъ, чьи дарованія болѣе опредѣлились и скорѣе были замѣчены. Необходимо хоть сколько-нибудь овладѣть массовой работой, направить ее въ приготовленное для нея русло, и среди сора и ила отличить блестящія золотыя песчинки. Это было бы подъ стать демократическому направленію вѣка, плохо уживающемуся и въ литературѣ съ культомъ избранниковъ. Литературное общество, доступное для малоопытныхъ писателей, журналъ, спеціально для нихъ назначенный, небольшой *опытный* театръ, могутъ оказать въ этомъ отношеніи большую пользу.

Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Парижѣ сдѣлана была попытка основать повременное изданіе для литераторовъ-новичковъ, въ которомъ они могли бы свободно состязаться между собою (самое названіе журнала *Le Tournoi littéraire* вызывало ихъ на такой турниръ) и получать указанія и оцѣнку ихъ работъ, я познакомилъ русскихъ читателей (въ газетѣ «Недѣля») съ этимъ любопытнымъ нововведеніемъ, замолвилъ слово за пересадку его къ намъ въ виду особенной его необходимости въ странѣ, гдѣ и за литературное и за сценическое дѣло сплошь и рядомъ люди берутся безъ всякой подготовки. Журналъ этотъ не сладилъ съ своею задачей, за то рядомъ возникли такія свободныя соединенія молодыхъ литературныхъ силъ, какъ журналъ *La jeune France* и другъ. Въ русской же печати если гдѣ и замѣтны были попытки сгруппировать начинающихъ писателей, то съ преимущественной цѣлью завести ихъ себѣ «числомъ поболѣе, цѣною подешевле», и такимъ образомъ позаботиться объ экономіи, а не объ успѣхахъ словесности.

Немного позже «Литературнаго турнира» возникъ въ Парижѣ своеобразный турниръ драматурговъ, извѣстный *Théâtre libre* Антуана. Не приходится, кажется, напоминать главные факты его исторіи (потому что у него уже *есть* исторія),—они извѣстны и у насъ, даже въ массѣ читателей. Двѣ цѣли, сливаясь, опредѣлили и оправдали назначеніе новаго предпріятія, на которое старшее поколѣніе смотрѣло сначала иронически, какъ на чудачество. Въ сторонѣ отъ торныхъ дорогъ пробита была тропа, по которой свободно могли идти люди новые, еще не вошедшіе въ персоналъ жрецовъ литературы, и работать, какъ умѣютъ, не спрашивая позволенія у авторитетныхъ судей; въ то же время лозунгомъ ихъ стало исканіе новыхъ литературныхъ формъ, независимое отношеніе къ жизни и поэзіи, признаніе законности всякаго рода опытовъ. Эмансипація литературныхъ дебютантовъ и заложеніе новой школы европейской драматургіи придали «Свободному театру» такое значеніе, что послѣ ряда ошибокъ и неудачныхъ починовъ то въ томъ, то въ другомъ направленіи, онъ занялъ прочное мѣсто во французскомъ театральномъ мірѣ, признавшемъ наконецъ законность и пользу усилій этихъ убѣжденныхъ волонтеровъ словесности; мало того, примѣръ Антуана вызвалъ къ жизни и въ другихъ странахъ однородныя явленія. Лондонъ, Берлинъ обзавелись такими же независимыми кружками драматурговъ и актеровъ-новаторовъ, и изъ частнаго прозвища одного учрежденія «свободный театръ» сталъ типомъ цѣлаго ряда учрежденій, предвѣщающихъ формы литературнаго движенія въ двадцатомъ вѣкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, побѣду за побѣдой одерживаютъ соединенными усиліями новые люди, все смѣлѣе выходящіе на путь реформы. Такой даровитый драматургъ, какъ Гергардъ Гауптманнъ, казалось, былъ осужденъ долго не выходить съ своими горячими и оригинальными созданіями изъ тѣснаго круга «Вольной сцены», но передъ его возростающими успѣхами склонилось и академически-строгое оффиціальное драматическое искусство, гостепріимно распахнуло двери торжествующему новичку, и послѣдняя пьеса Гауптманна, преисполненная къ тому же на этотъ разъ самою смѣлою фантасмагоріей, поставлена на сценѣ королевскаго Schauspielhaus. «Ткачи» того же автора, съ ихъ яркими картинами рабочаго движенія и мастерскимъ изображеніемъ народныхъ страстей, собрали въ Парижѣ все, что есть избраннаго, авторитетнаго, неумолимаго въ литературномъ и сценическомъ мірѣ Франціи — и побѣдили. Около театра Антуана возникло въ Парижѣ еще двѣ сцены съ такимъ же назначеніемъ — служить новымъ людямъ и новымъ художественнымъ цѣлямъ; самъ Антуанъ уже становится чѣмъ-то въ родѣ вождя или руководителя цѣлаго направленія, совершаетъ путешествія по

главнымъ городамъ Европы, завязываетъ сношенія съ мѣстными дѣятелями; онъ изучалъ напримѣръ недавно постановку въ Берлинѣ новой пьесы Гауптманна, чтобъ въ томъ же вкусѣ поставить ее у себя. А тѣмъ временемъ старая, правильная драма и покоющійся на дѣдовскихъ устояхъ театръ продолжаютъ жить своей жизнью, понемногу примиряясь съ существованіемъ возлѣ нихъ этихъ сценическихъ «francs-tireurs'овъ и по временамъ принимая ихъ въ свое священное лоно. Конечно, все это—признаки времени, предвѣстія перелома. Иначе и быть не можетъ. На рубежѣ новаго вѣка отовсюду поднимаются сомнѣнія и запросы; слышатся толки о томъ, что измѣненіе соціальныхъ условій и художественныхъ вкусовъ вызоветъ въ недалекомъ будущемъ новыя формы и содержаніе такихъ стародавнихъ родовъ литературы, какъ романъ, какъ лирика, драма. Мы уже были свидѣтелями броженія, вызваннаго натурализмомъ; впереди другія, быть можетъ еще болѣе сложныя, переходныя ступени эволюціи словесности. Для нихъ нужна подготовка матеріала, формированіе отрядовъ будущихъ двигателей реформы. Въ области сцены «свободные театры» съ широко развитымъ въ нихъ началомъ конкуренціи новыхъ силъ, изъ которыхъ удерживаются на виду только несомнѣнно талантливыя,—вполнѣ пригодные факторы такого движенія.

Того, кто близко, непосредственно сталъ бы наблюдать и изучать судьбы современной русской драмы, поразитъ прежде всего ограниченность круга писателей, овладѣвшихъ въ извѣстной степени техникой дѣла и образующихъ своими трудами текущій репертуаръ,—затѣмъ слабый притокъ новыхъ силъ при громадной производительности, явной и негласной,—и, въ отличіе отъ «свободныхъ драматурговъ» западной Европы, почти полное отсутствіе у начинающихъ писателей для сцены влеченія къ новшествамъ, къ ошибочнымъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ, эксцентрическимъ, но все же новымъ и независимымъ опытамъ,—фатальная склонность въ сотый разъ обработывать тѣ же сюжеты при помощи давно извѣстныхъ эффектовъ. Жалобы на оскудѣніе слышатся въ этой сферѣ такъ часто, что начинаютъ нагонять скуку на читателя и зрителя, становятся общимъ мѣстомъ, и зритель, идя въ театръ на представленіе новой пьесы, ничего не ждетъ хорошаго, впередъ уже настроенъ враждебно, не удостоитъ замѣтить ни одной удачной черточки, примиряющей съ пьесой, ни одного искусно проведеннаго штриха, который обѣщалъ бы дальнѣйшіе успѣхи автора; онъ привыкъ выносить обвинительные приговоры, съ удовольствіемъ видитъ, какъ единодушно его поддерживаетъ въ этомъ печать, и преуспѣваетъ въ столь полезномъ занятіи. И такъ изо дня въ день, въ дѣлѣ живомъ, призванномъ воспитывать, поднимать массу!.. Но нельзя же примириться съ идеей оскудѣнія; нельзя вѣрить вообще въ творческія силы своего племени, и въ то же время допускать мысль, что одна изъ важнѣйшихъ чуть не безнадежно атрофирована. Вмѣсто того чтобъ пассивно сносить зло, если оно есть,—лучше бы позаботиться о возбужденіи новой жизни во временно ослабѣвшемъ, но не мертвенномъ организмѣ. Однимъ изъ наиболѣе пригодныхъ къ тому средствъ, конечно, явилось бы устройство у насъ «свободнаго театра».

Дѣло, разумѣется, не въ томъ, чтобы возникло гдѣ-нибудь учрежденіе, которое безъ разбору давало бы доступъ на сцену всякимъ кропаніямъ литературной мелкоты и льстило самолюбію поэтовъ-диллетантовъ, не признанныхъ потому, что и признавать въ нихъ нечего,—и не въ томъ, чтобъ къ числу существующихъ театровъ, разработывающихъ извѣстный репертуаръ, присоединился еще одинъ, на которомъ выступали бы новыя лица, но со старыми словами, приглядѣвшимися сценическими пріемами и истомившей всѣхъ прѣсной рутиной. Это было бы лишь внѣшнимъ оживленіемъ театральнаго дѣла, усложненіемъ денежныхъ оборотовъ рынка, своего рода спекуляціей, хотя и въ благовидномъ нарядѣ. На знамени истинно «свободнаго» или точнѣе независимаго театра должно бы стоять исканіе правды и красоты внѣ избитыхъ путей, соревнованіе свѣжихъ силъ въ такой работѣ, готовность вынести рядъ ошибокъ, неудачъ, напрасныхъ затратъ денежныхъ средствъ, холодность публики и критики, и современемъ только достигнуть, быть можетъ, своей цѣли. Не погоня за вычурной новизной формы, но искренняя эстетическая потребность въ просторѣ для творчества должна руководить иниціаторами дѣла,—и на ряду съ этимъ желаніе ввести въ драму оставленные почему нибудь до сихъ поръ внѣ ея области мысли и вопросы соціальнаго или нравственнаго характера. Выполнить это не особенно легко. Безъ помѣхъ охранительнаго свойства дѣло не обойдется; не забудемъ однако, что ихъ пришлось выносить «свободнымъ театрамъ» и на западѣ, гдѣ лишь понемногу проявлялась уступчивость и со стороны общества, и со стороны администраціи. Но въ предѣлахъ наличнаго порядка вещей все же нашлась бы возможность выполнить значительную часть программы; ссылаться на то, что нельзя осуществить ее вполнѣ, и въ этомъ видѣть оправданіе своего невмѣшательства было бы непростительно, — если только за душой есть что провести въ жизнь и сказать свѣту.

Во главѣ такого театра долженъ бы стать человѣкъ опытный въ литературномъ и сценическомъ дѣлѣ, способный направлять, руководить и совѣтовать,—или же пусть это будетъ небольшая

ассоціація драматическихъ писателей, еще не подчинившихся рутинѣ и располагающихъ надежнымъ запасомъ боевыхъ способностей. Скромный на первое время складочный капиталъ предпріятія будетъ довольно долго покрывать убытки, пріучая участниковъ къ жертвамъ и выносливости. Со временемъ равновѣсіе можетъ возстановиться. Одна изъ многочисленныхъ въ обѣихъ столицахъ миніатюрныхъ частныхъ сценъ, назначенныхъ спеціально для любительскихъ упражненій, была бы вполнѣ подходящею ареной для производства опытовъ, привлекая въ зрительную залу кромѣ представителей печати и адептовъ новаго дѣла немногочисленную стороннюю публику, а присяжными исполнителями можно бы сдѣлать членовъ одного изъ кружковъ актеровъ - любителей, которые до сихъ поръ затрачивали свой пылъ, дарованія и любовь къ искусству на то, чтобъ по слѣдамъ настоящихъ артистовъ разыгрывать всѣмъ давно извѣстныя пьесы. Въ данномъ случаѣ они пріобрѣли бы два цѣнныхъ преимущества: свой собственный репертуаръ и репутацію распространителей новаго направленія въ драмѣ, что подняло бы ихъ надъ уровнемъ остальной дилетантской братіи и пріохотило бы къ работѣ. Не будетъ недостатка и въ драматургахъ; предложеніе навѣрно сторицею превыситъ спросъ, и заботой руководителя или коллективной воли участниковъ въ комитетѣ или ассоціаціи будетъ выбирать пригодное и важное, и ассенизировать свою сцену отъ хлама и сора. Избранниковъ, конечно, будетъ привлекать надежда на то, что успѣхъ на подобной сценѣ откроетъ и имъ, какъ Гауптманну, доступъ на тѣ сцены, которыя обыкновенно украшаются эпитетами образцовыхъ, національныхъ, государственныхъ. Словомъ, ни съ какой стороны не видно неодолимыхъ препятствій къ тому, чтобъ въ числѣ вольныхъ сценъ Европы завелся и русскій «свободный театръ».

Все зависитъ оттого, есть ли еще энергія въ людяхъ, близко стоящихъ къ театру, не изсякла ли въ русскомъ творчествѣ драматургическая жилка, способны ли мы поработать для идеи, жертвуя ей и силы, и средства, сознаемъ ли мы законность исканія истины какими бы то ни было путями. Бывало мы гордились всѣми этими свойствами; передовые люди двадцатыхъ головъ повторяли самоувѣренный девизъ Московскаго Телеграфа: «man kann was man will». Посмотримъ, такъ ли это на дѣлѣ, и доживемъ ли мы до свободной и искренней попытки помочь умирающей русской драмѣ....

Алексѣй Веселовскій.

Credo.

Я хочу быть свободной, какъ вѣтеръ степей,
Какъ волшебная пѣсня поэта,
Вырвать душу свою изъ мертвящихъ цѣпей,
Изъ оковъ лицемѣрнаго свѣта.

* * *

Я хочу никогда никого не просить,
Я хочу безграничной свободы—
Я хочу безъ стѣсненья ласкать и любить
Межъ красотъ вѣчно юной природы.

* * *

Я хочу, чтобъ къ тебѣ приводила луна,
Въ часъ скользящихъ и призрачныхъ тѣней,
Лишь меня; чтобы я наполняла одна
Рой весеннихъ твоихъ сновидѣній.

* * *

Я хочу, о мой другъ, любоваться съ тобой
И звѣздами, и алой денницей;
Я хочу быть твоею безвольной рабой—
Я хочу быть твоею царицей!

Т. Щепкина-Куперникъ.

„ТАНЦОВАЛЬНАЯ СЮИТА“

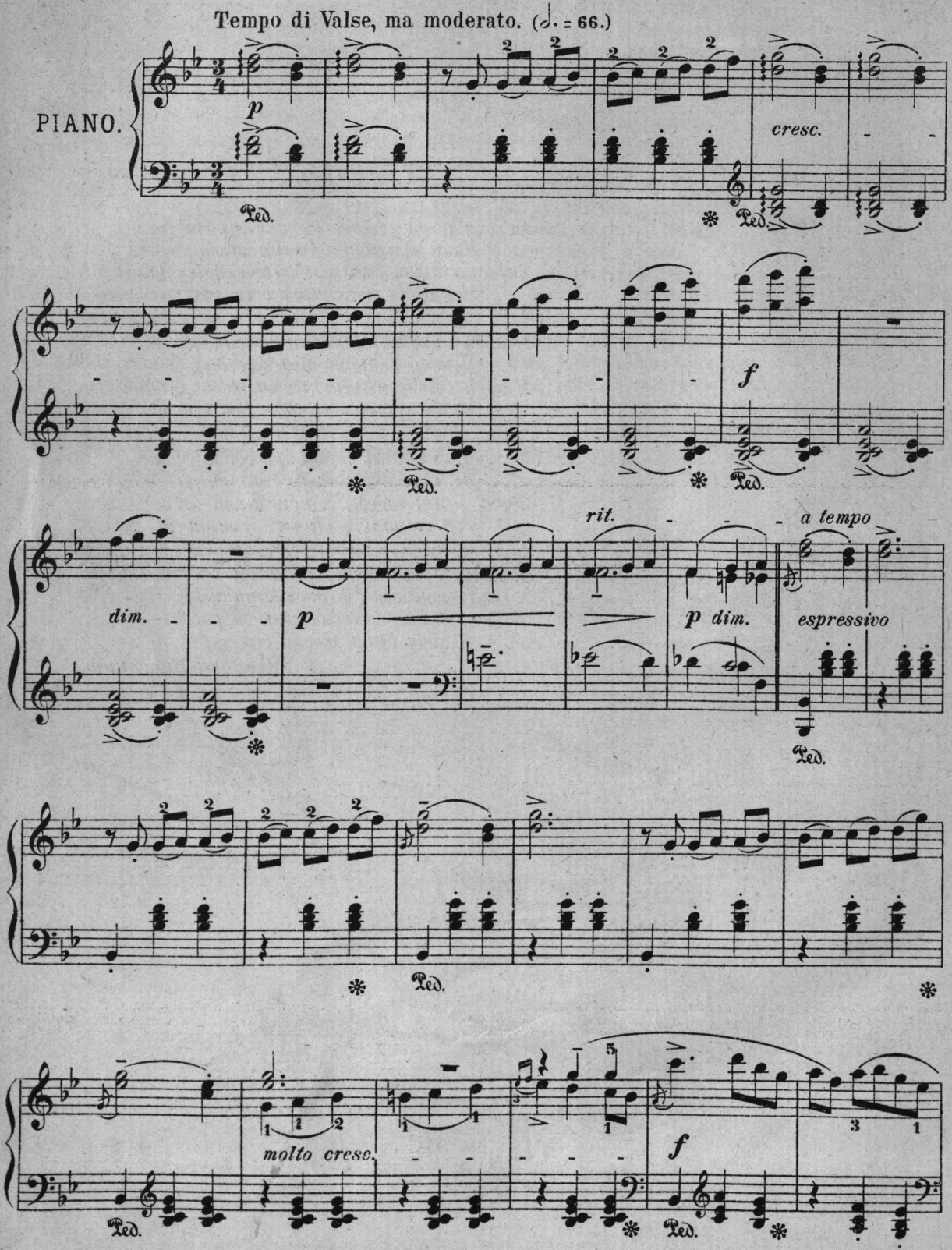
для фортепіано:

1.) Вальсъ, 2.) Казачокъ, 3.) Полька

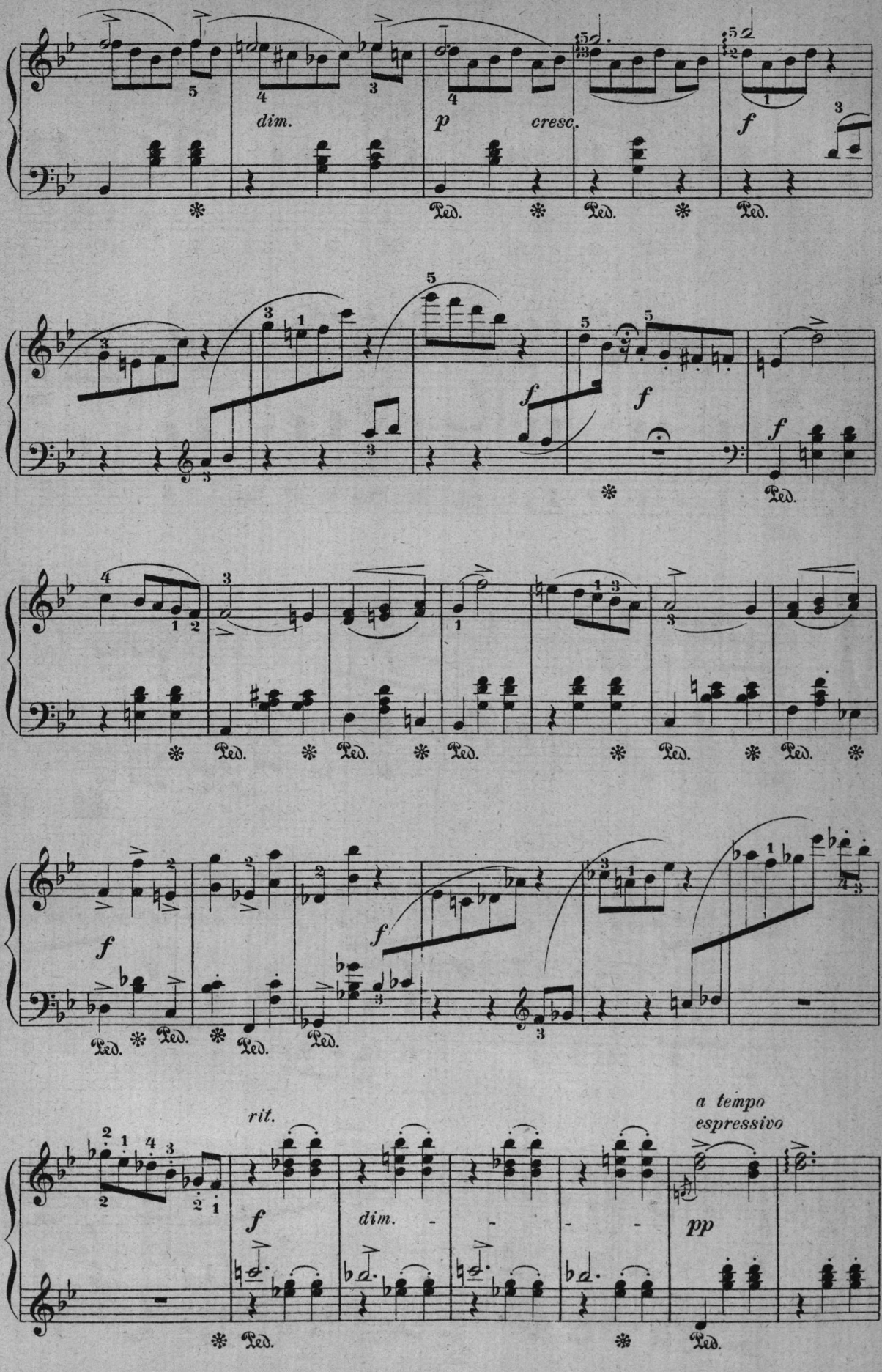
и 4.) Русская пляска.

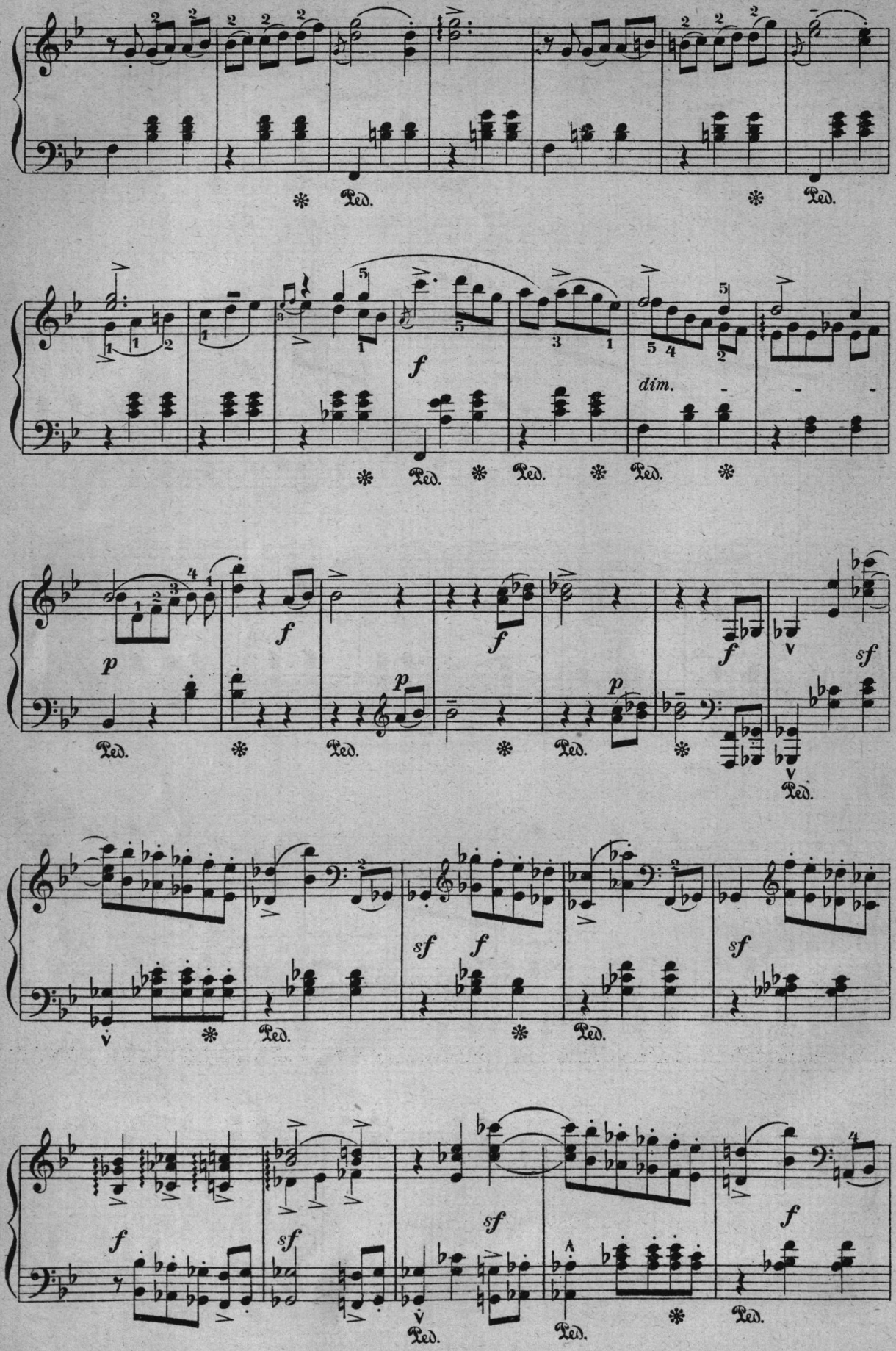
Муз. Э. Ф. НАПРАВНИКА. Соч. 57.

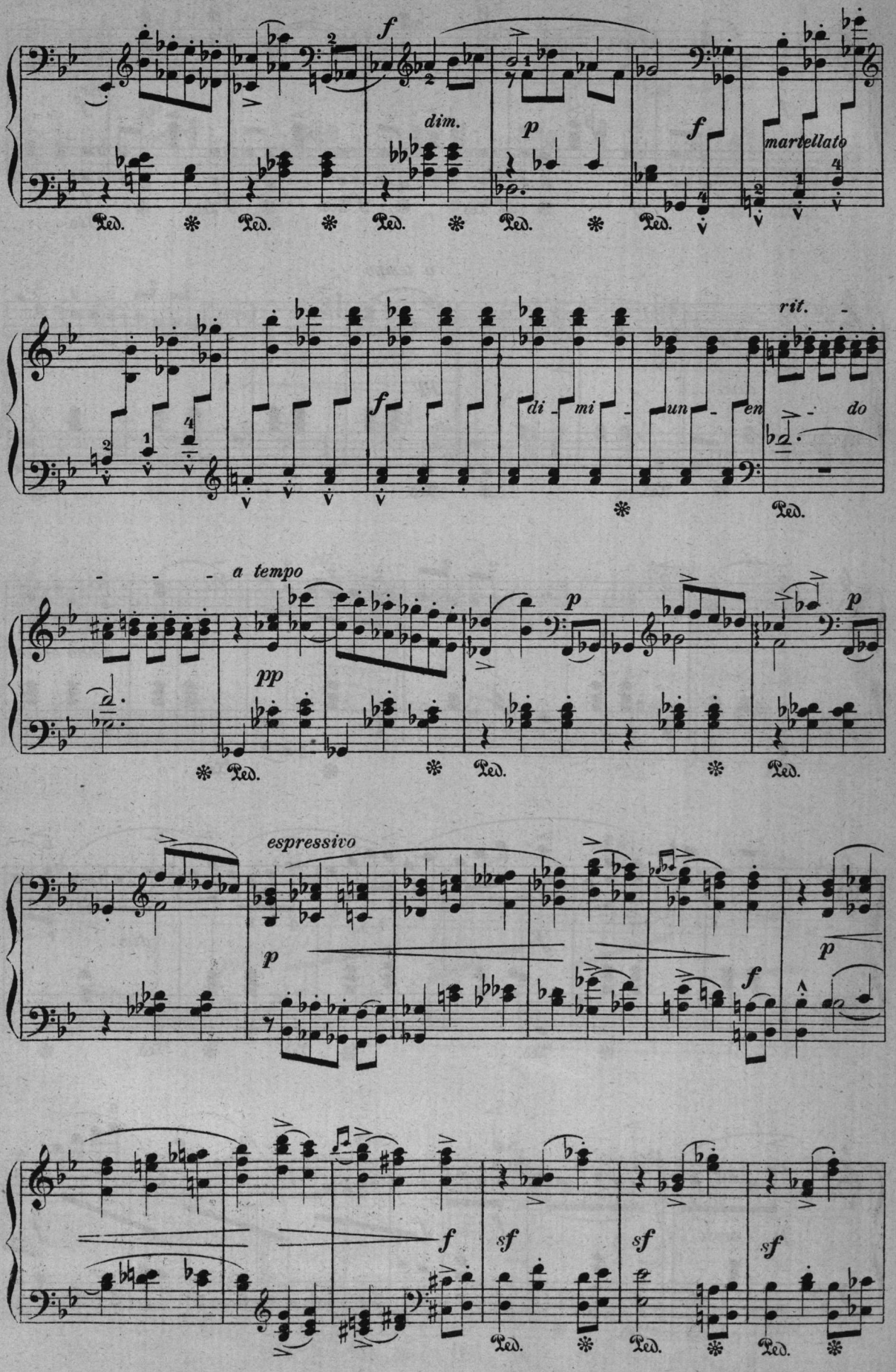
№ 1. ВАЛЬСЪ.*)

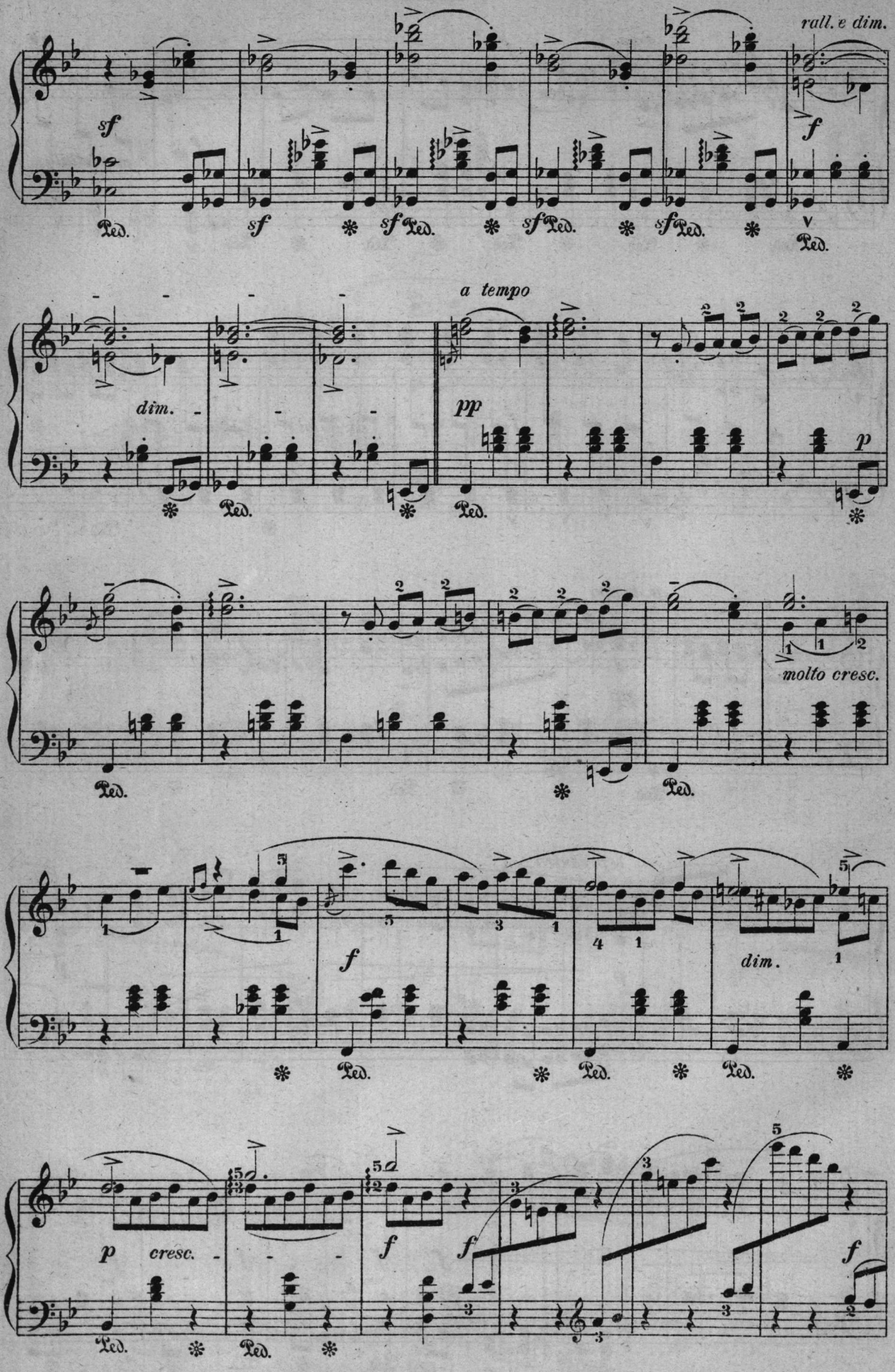


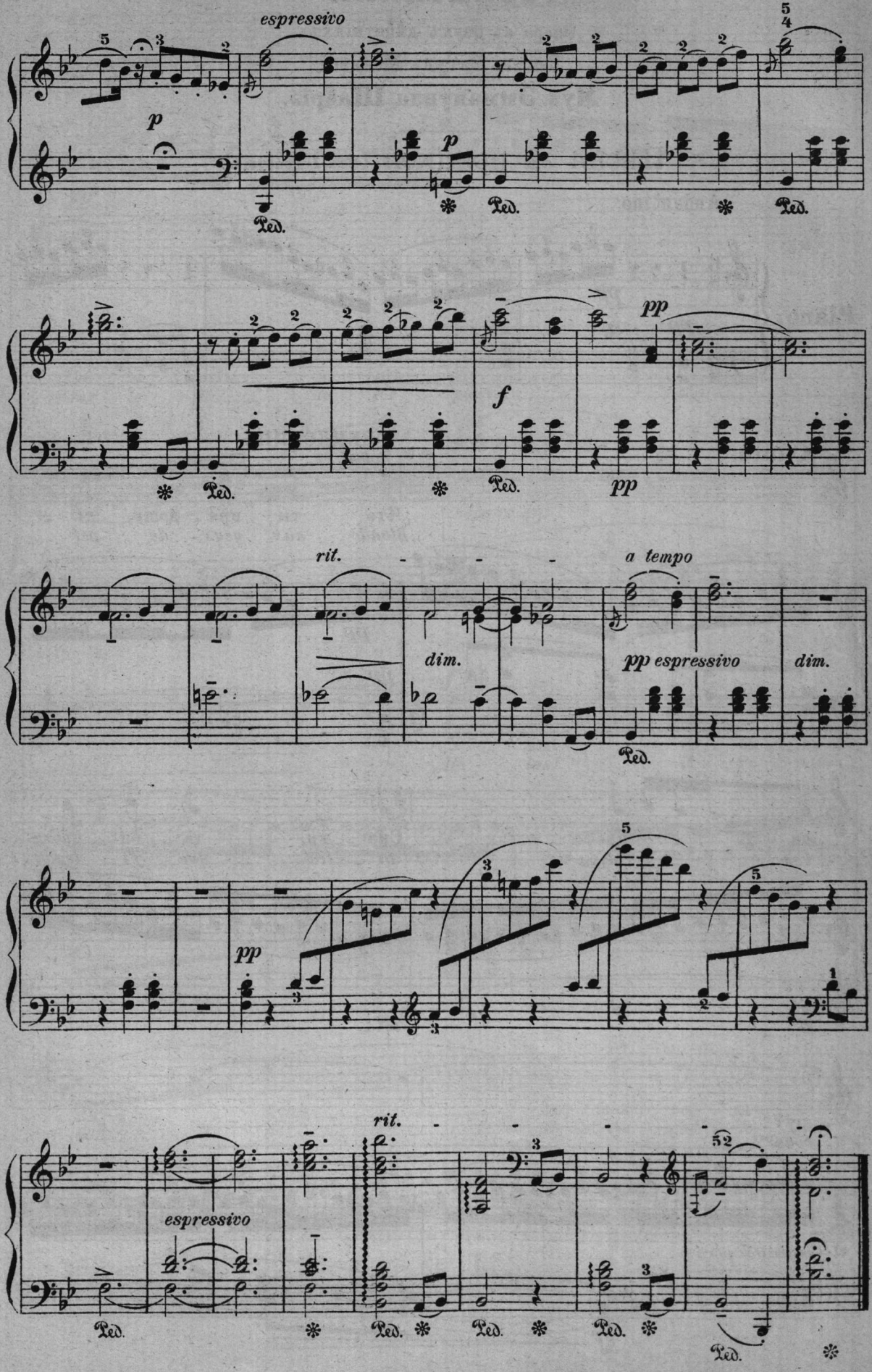
*) Остальные №№ сюиты помѣщены будутъ въ приложеніяхъ къ журналу „Артистъ“ съ нѣкоторыми промежутками.


dim.
p
cresc.
f
Ped.
rit.
a tempo
espressivo
pp


Ped.
f
dim.
p
sf


f
dim.
p
f
martellato
rit.
f
di - mi - un - en - do
a tempo
pp
p
p
espressivo
p
f
p
f
sf
sf
sf
Ped.


rall. e dim.
sf
f
Ped.
a tempo
dim.
pp
p
molto cresc.
f
dim.
p
cresc.


espressivo
p
Ped.
pp
f
rit.
a tempo
dim.
pp espressivo
espressivo

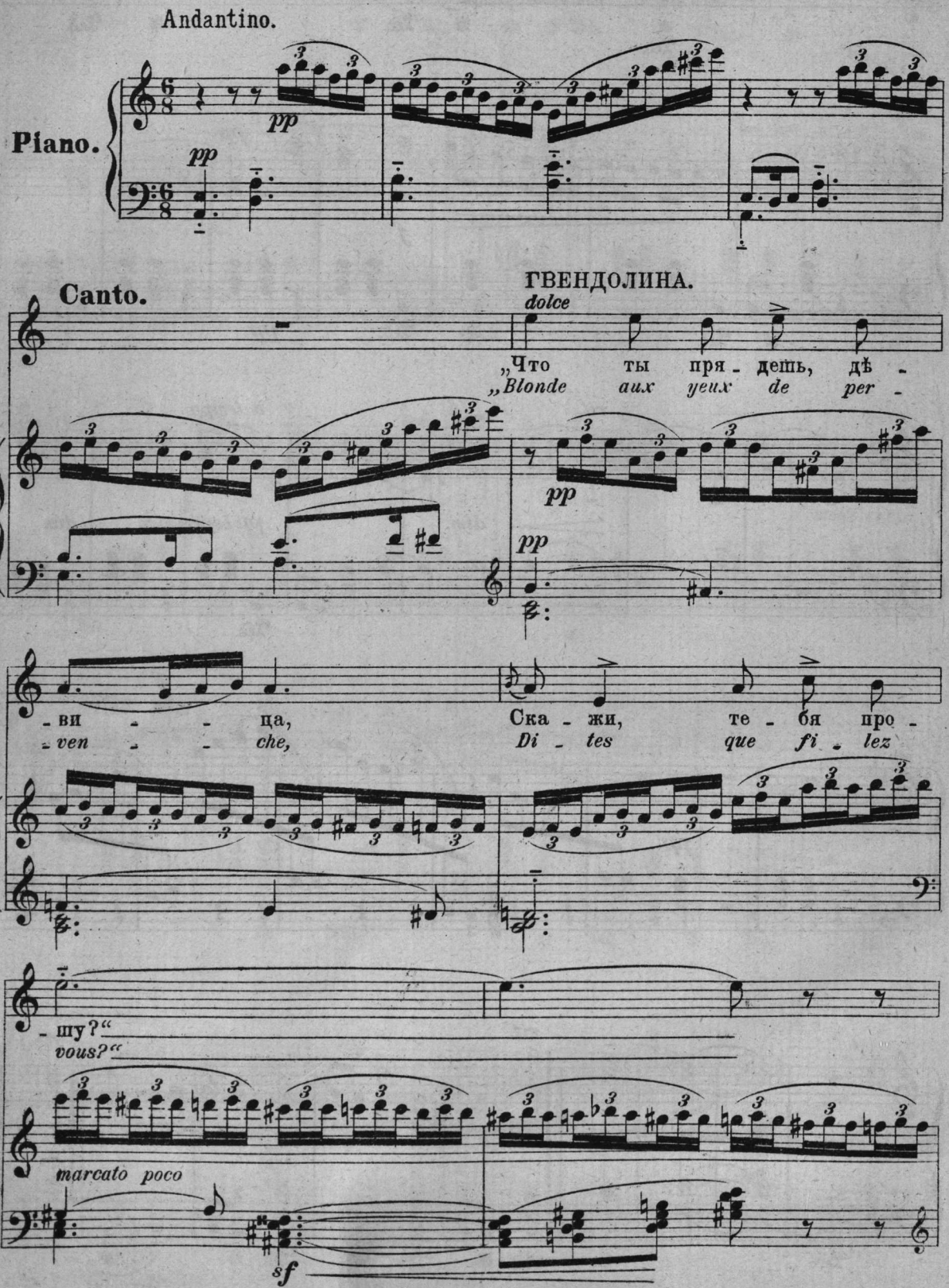
„ГВЕНДОЛИНА“

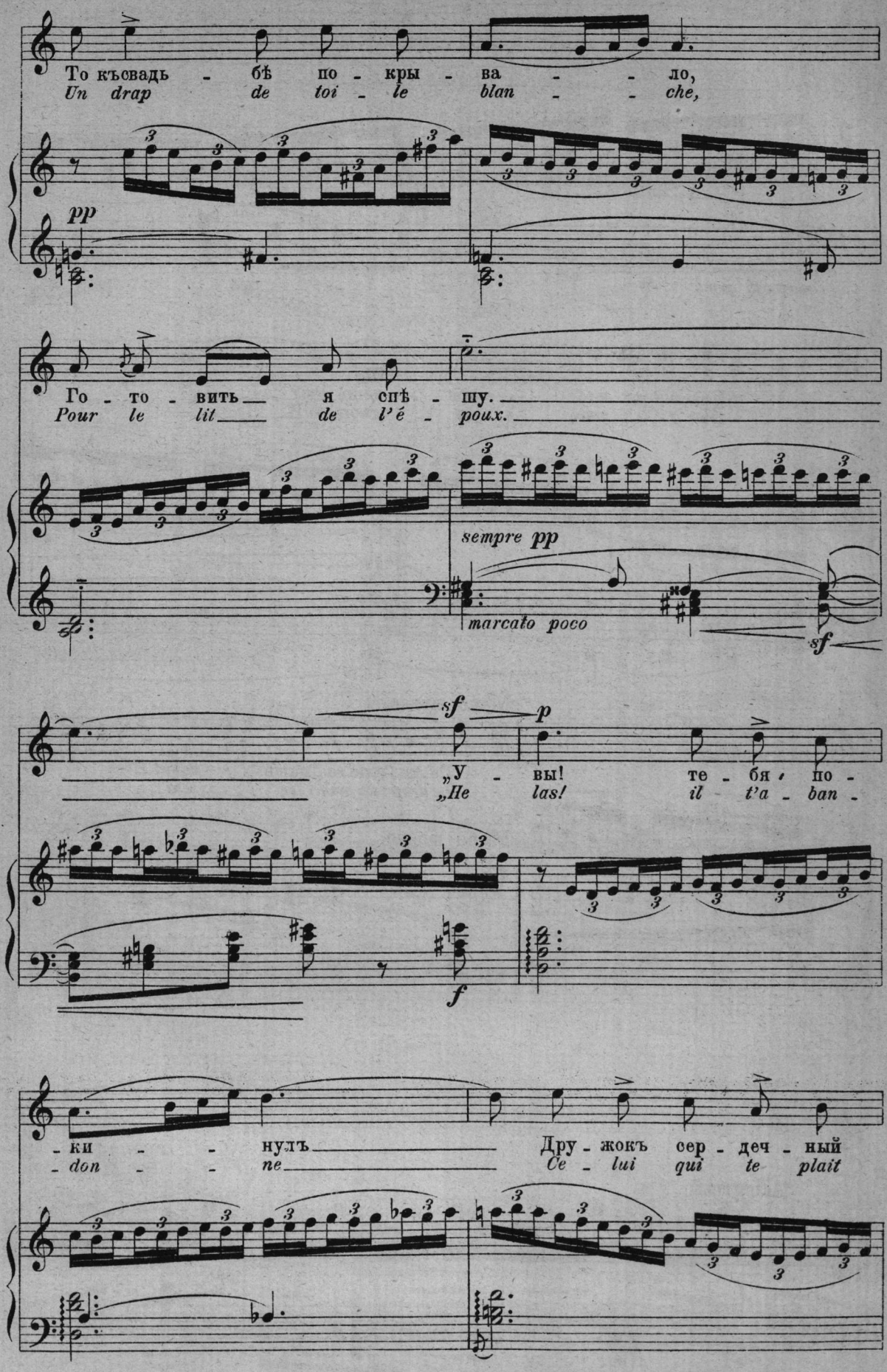
Опера въ двухъ дѣйствіяхъ.

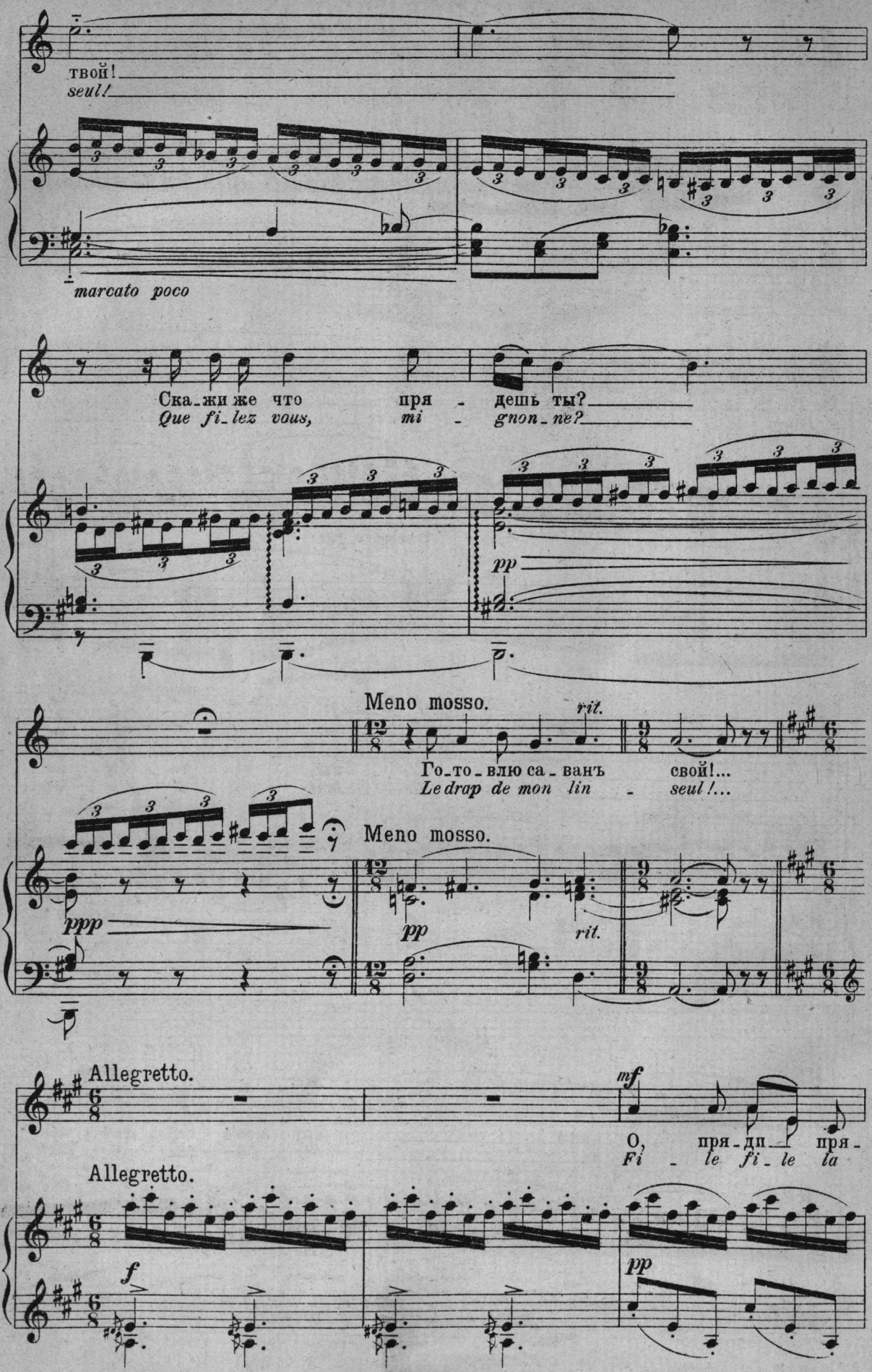
Текстъ Катулъ Мендэса.

Муз. Эммануила Шабріэ.

Пѣсня за прялкой (Изъ I дѣйствія.)




То късвадь - бѣ по - кры - ва - - ло,
Un drap de toi - le blan - - che,
pp
Го - то - вить я спѣ - шу.
Pour le lit de l'é - poux.
sempre pp
marcato poco
sf
sf
p
„У - вы! те - бя по -
„Ne las! il t'a - ban -
f
- ки - - нулъ Дру - жокъ сер - деч - ный
- don - - ne Ce - lui qui te plait


твой!
seul!
marcato poco
Скажи же что пря - дешь ты?
Que fi_lez vous, mi - gnon_ne?
pp
Meno mosso.
rit.
Го_то_влю са_ванъ свой!...
Le drap de mon lin - seul!...
Meno mosso.
ppp
pp
rit.
Allegretto.
mf
О, пря - дп пря -
Fi - le fi - le la
Allegretto.
f
pp

-ди, ро - дна - я! И за - чѣмъ — ты
bel - le blon - de, Tour - - ne tour - ne fu -

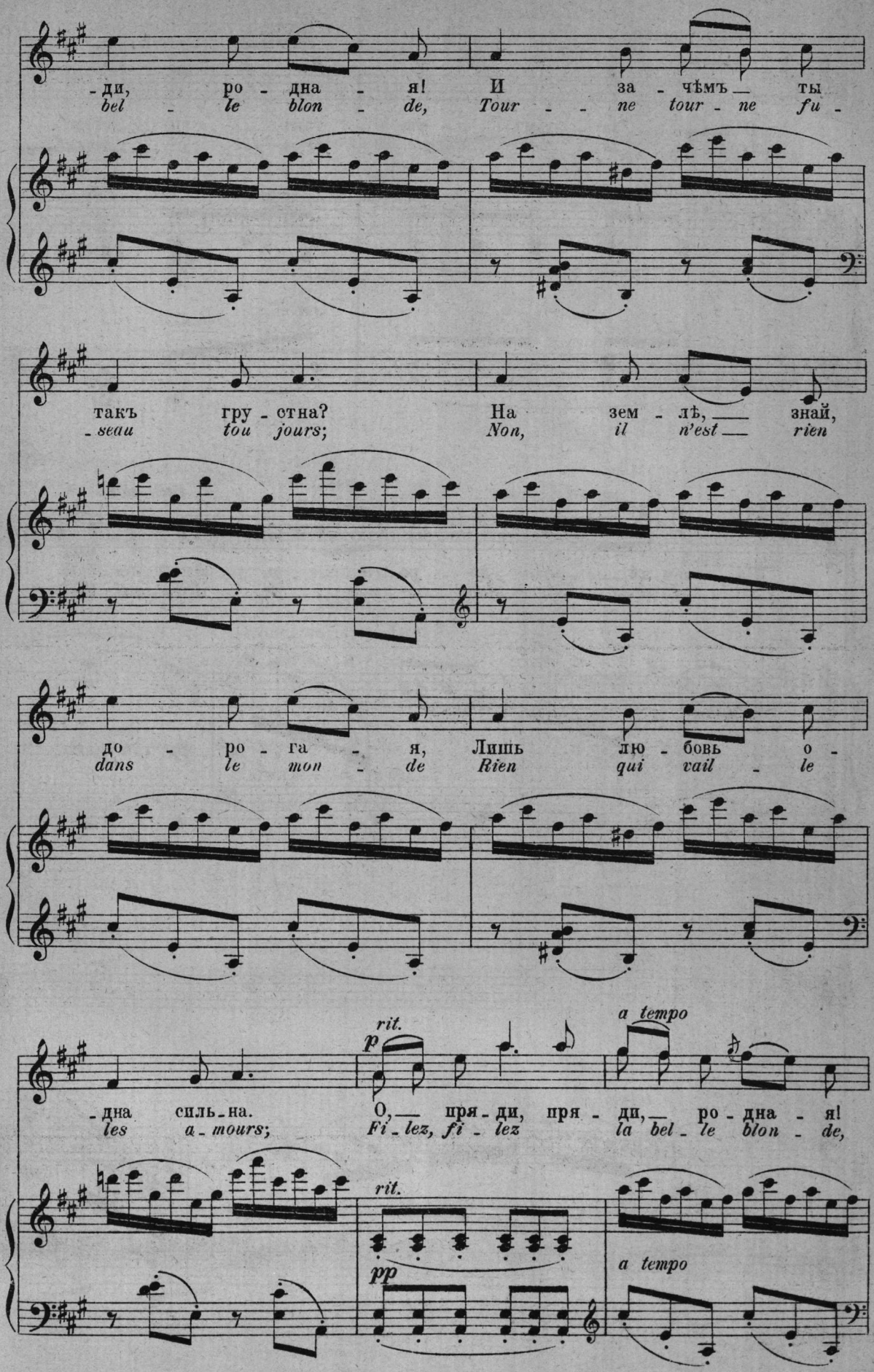
такъ гру - стна? На зем - лѣ, — знай,
- seau tou jours; Non, il n'est — rien

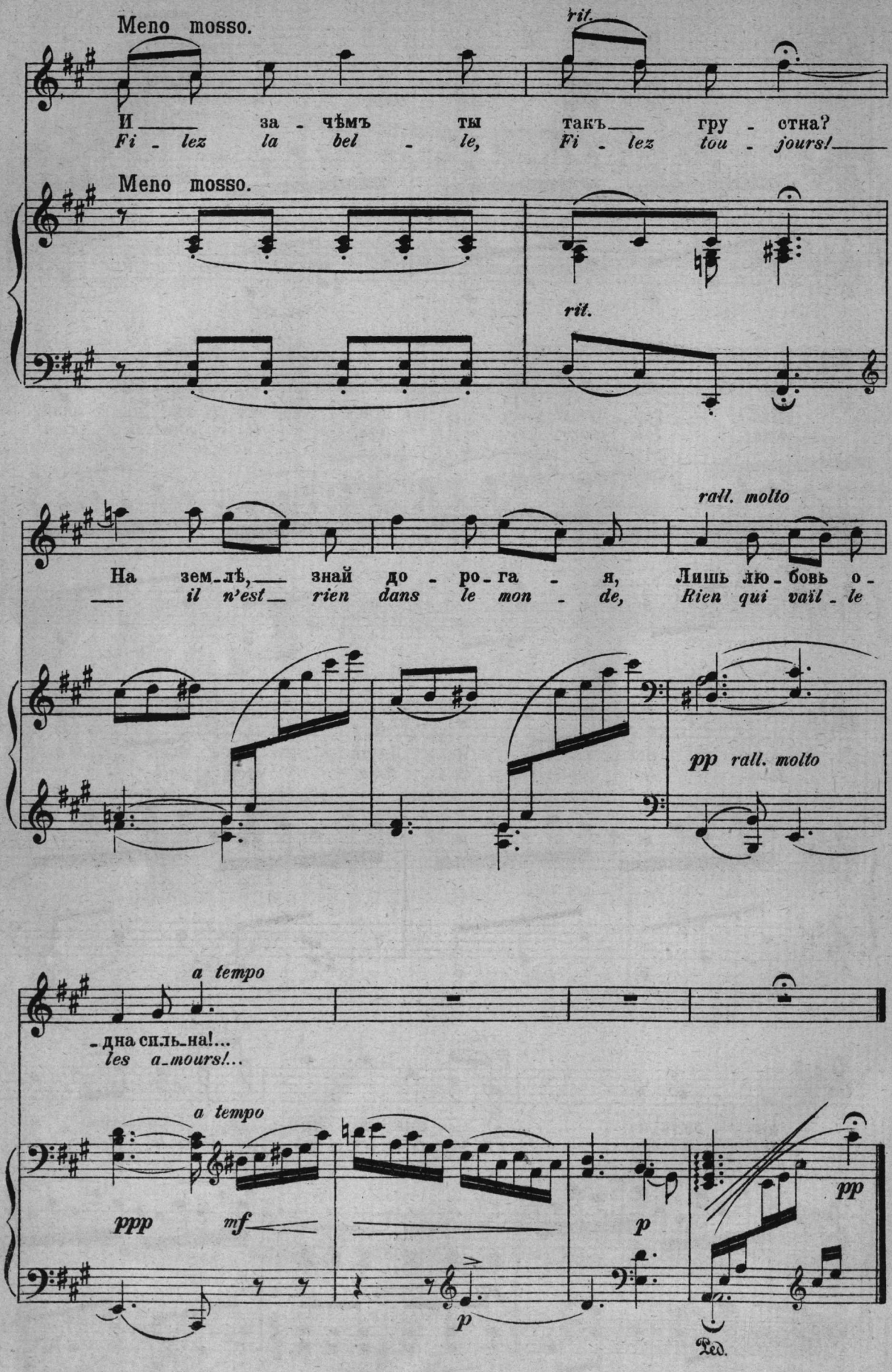
до - ро - га - я, Лишь лю - бовь о -
dans le mon - de Rien qui vail - le

rit. *p* *a tempo*

-дна силь - на. О, — пря - ди, пря - ди, — ро - дна - я!
les a - mours; Fi - lez, fi - lez la bel - le blon - de,

rit. *pp* *a tempo*




Meno mosso.
rit.
И за - чѣмъ ты такъ гру - стна?
Fi - lez la bel - le, Fi - lez tou - jours!
Meno mosso.
rit.
rall. molto
На зем-лѣ, знай до - ро-га - я, Лишь лю-бовь о-
il n'est rien dans le mon - de, Rien qui vaïl - le
pp rall. molto
a tempo
-дна силь-на!...
les a-mours!...
a tempo
ppp
mf
p
p
pp
Ped.

Изъ Шахъ-Азиса

(съ армянскаго.)

Моя участь.

Обличить желая зло, пишу я
Про дѣла порочныя людей.
О любви, всю лживость ихъ бичуя,
Говорю имъ въ пѣснѣ я своей...

* *
*

Предо мной тернистая дорога,
Цѣлый адъ поднялся на меня...
Злыхъ враговъ кругомъ я вижу много,
А друзей не встрѣтилъ въ жизни я.

* *
*

Но впередъ я смѣло выступаю,
Я стоять за истину готовъ!
И открыто я благословляю
Въ пѣснѣ Бога—и своихъ враговъ!...

Юрій Веселовскій.

Сирены, карт. Барріаса (Парижскій Салонъ).

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій. *)

(1813—1869.)

(Посвящается **Владиміру Васильевичу Стасову**).

I.

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій родился 2 февраля 1813 года въ деревнѣ Тульской губерніи, куда его родители удалились изъ своего имѣнія, находившагося въ Смоленской губерніи,—во время отступленія великой французской арміи.

Отецъ Александра Сергѣевича—Сергѣй Николаевичъ былъ незаконный сынъ одного вельможи и названъ по имени села *Даргомыжска*, Смоленской губерніи. Онъ родился въ 1789 году, воспитаніе получилъ въ московскомъ благородномъ пансіонѣ и въ 1806 году поступилъ на службу въ московскій почтамтъ. Онъ въ молодости увезъ жену свою, Марью Бори-

*) При составленіи предлагаемой біографіи Даргомыжскаго въ моемъ распоряженіи были слѣдующіе *главные* матеріалы:

1) Письма Даргомыжскаго, напечатанныя В. В. Стасовымъ въ „Русской Старинѣ“ за 1875 г.

2) Записки Глинки.

3) Письма Сѣрова, помѣщенныя въ „Русской Старинѣ“ за 1877 г.

4) „Воспоминанія Юрія Арнольда“.

5) Воспоминанія В. Т. Соколова („Русская Старина“, 1885 г.).

Кромѣ того В. В. Стасовъ обратился къ лицамъ, знавшимъ покойнаго Даргомыжскаго, съ просьбою сообщить свои воспоминанія о немъ. Слѣдующія лица исполнили его просьбу:

6) В. П. Энгельгардтъ, приславшій В. В. Стасову письмо съ своими воспоминаніями о Глинкѣ и Даргомыжскомъ.

7) М. Р. Щиглевъ, разсказавшій свои воспоминанія, которыя и были записаны мною.

8) В. Ѳ. Пургольдъ разсказалъ свои воспоминанія В. В. Стасову.

9) Ц. А. Кюи сообщилъ мнѣ нѣсколько свѣдѣній о Даргомыжскомъ.

10) Н. Н. Римская-Корсакова и А. Н. Молласъ также сообщили В. В. Стасову нѣсколько свѣдѣній о своемъ знакомствѣ съ Даргомыжскимъ.

11) С. Ц. Радзишевская прислала В. В. Стасову свои воспоминанія.

12) Племянникъ Даргомыжскаго, М. П. Кошкаровъ, доставилъ мнѣ возможность воспользоваться письмами различныхъ лицъ къ Даргомыжскому, а также оставшимися послѣ смерти Даргомыжскаго нотами и бумагами.

Въ спискѣ сочиненій, во многихъ изъ нихъ выставленъ годъ и число цензурнаго пропуска лишь съ тою цѣлью, чтобы показать крайній предѣлъ времени написанія произведенія. Нѣкоторые цензурные пропуски не относятся даже къ первому изданію. Многія юношескія произведенія Даргомыжскаго не могли быть отысканы. Въ прилагаемомъ спискѣ отзывовъ печати о Даргомыжскомъ помѣщены только главные, и преимущественно изъ петербургскихъ газетъ и журналовъ.

Настоящій трудъ былъ предпринятъ по иниціативѣ В. В. Стасова, который всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами помогалъ мнѣ при моей работѣ. Только благодаря его неусыпнымъ, смѣло могу сказать, безпримѣрнымъ стараніямъ, удалось мнѣ получить для біографіи большую часть свѣдѣній, помѣщенныхъ въ ней.

Искренно и сердечно благодарю его и съ глубочайшимъ уваженіемъ посвящаю ему свой первый трудъ.

И. Корзухинъ.

совну, урожденную княжну Козловскую, и женился на ней противъ воли ея родителей, вслѣдствіе чего оба семейства находились долгое время во враждебныхъ отношеніяхъ. Дѣтей у него было 6 человѣкъ: Викторъ, Эрастъ (рано умершій отъ чахотки), Александръ (род. въ 1813 г.), Людмила, Софья (род. въ 1816 г.) и Эрминія (род. въ 1826 году). Въ домѣ Даргомыжскихъ всѣ очень любили музыку, кромѣ самой матери Александра Сергѣевича. Эрастъ, старшій братъ А. С., очень хорошо игралъ на скрипкѣ, а сестра его, Людмила,— на арфѣ, бывшей въ то время моднымъ инструментомъ. Страстно любя музыку, Сергѣй Николаевичъ устраивалъ у себя дома квартетные вечера, причемъ первую скрипку въ квартетѣ исполнялъ его сынъ Эрастъ, очень способный къ музыкѣ. Квартеты эти пользовались въ свое время большою извѣстностью въ Петербургѣ.

Впослѣдствіи Сергѣй Николаевичъ перешелъ на службу въ Коммерческій банкъ въ Петербургѣ. Въ 1829 году было пожаловано ему потомственное дворянство, а въ 1840 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ д. ст. сов. Онъ былъ человѣкъ очень дѣловитый, положительный, но суровый. Къ домашнимъ своимъ онъ относился съ большою строгостью, переходившей иногда даже въ деспотизмъ. До конца дней своихъ онъ обращался крайне сурово и съ сыномъ Александромъ, не смотря на то, что послѣдній былъ его славою и гордостью.

Относясь такъ строго къ членамъ своего семейства, Сергѣй Николаевичъ не отличался большою снисходительностью и по отношенію къ постороннимъ людямъ. Онъ очень любилъ посмѣяться надъ другими, отыскать въ человѣкѣ какое-нибудь слабое мѣсто и уязвить его. Способность его въ этомъ отношеніи унаслѣдовали и его дѣти. Особенно отличался умѣньемъ сказать ѣдкое и острое словцо старшій сынъ, Викторъ, хотя и другіе члены семьи тоже не отставали отъ него. Сергѣю Николаевичу такъ нравилось это направленіе, что онъ даже платилъ дѣтямъ за удачную и ѣдкую остроту по 20 к., съ цѣлью развить въ нихъ эту способность.

Маленькій Саша Даргомыжскій началъ говорить очень поздно, будучи уже 5 лѣтъ; родители его уже думали, что онъ будетъ совсѣмъ нѣмой. Проведя первые годы своей жизни въ деревнѣ, онъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1817 г. былъ перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ и началось его образованіе. Учился онъ, по обычаю того времени, дома и никогда не былъ ни въ какомъ учебномъ заведеніи. Между его учителями былъ и Николай Ѳедоровичъ Пургольдъ, который училъ маленькаго Сашу математикѣ и исторіи. Даргомыжскій учился всѣмъ наукамъ очень хорошо и усердно.

Съ ранняго дѣтства была у него рѣшительная наклонность къ театральному дѣлу; онъ самъ устраивалъ маленькіе кукольные театры и сочинялъ для нихъ водевили. Другой его страстью была любовь къ музыкѣ и къ музыкальному сочинительству. Будучи всего 7 лѣтъ отъ роду, Даргомыжскій уже спорилъ со своимъ учителемъ, не желая заниматься развитіемъ техники фортепіанной игры, а предпочитая сочинять маленькія сонаты, рондо и т. д.

Исторію музыкальнаго образованія его находимъ въ его автобіографіи *): «Въ 1819 г. я началъ брать уроки на фортепіано у дѣвицы Луизы Вольгеборнъ, а въ 1821 году у весьма хорошаго музыканта, Адріана Трофимовича Данилевскаго. Въ 1822 году началъ учиться на скрипкѣ у П. Г. Воронцова, скрипача изъ оркестра г. Юшкова. Страсть и прилежаніе мое къ музыкѣ были такъ сильны, что я, не смотря на многочисленные уроки, которые долженъ былъ приготовлять для приходящихъ русскихъ и иностранныхъ учителей, на 11 и 12 году моего возраста, уже сочинялъ самоучкой разныя фортепіанныя пьески и даже романсы**). Забавно, что Данилевскій не любилъ поощрять меня къ сочиненіямъ, и уничтожалъ мои рукописи. Однако нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и понынѣ хранятся у меня. Окончательное образованіе мое въ фортепіанной игрѣ поручено было извѣстному ученику Гуммеля и отличному музыканту—Шоберлехнеру, а первоначальныя правила вокальнаго искусства и нѣкоторыя свѣдѣнія объ интервалахъ передалъ мнѣ учитель пѣнія Цейбихъ. Въ 1830-хъ годахъ я былъ уже извѣстенъ въ петербургскомъ обществѣ какъ сильный піанистъ. Шоберлехнеръ называлъ меня первымъ своимъ ученикомъ. Ноты читалъ я какъ книгу, и участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ. Въ квартетахъ я исполнялъ вторую скрипку и альта, можно сказать, безукоризненно. Лучшіе артисты, какъ-то — Бемъ, Мейнгардтъ, Ромбергъ, оставались мною довольны».

Русское общество 30-хъ годовъ еще не было погружено въ ту безпросвѣтную тьму поклоненія итальянскимъ пѣвунамъ, въ которую оно спустилось съ 1844 года, когда Рубини и др. пѣвцы, пріѣхавшіе съ нимъ, увлекли своимъ пѣніемъ рѣшительно всѣхъ***). Правда, музы-

*) Напечатанной полностью первоначально въ „Русской Старинѣ“. 1875. Т. XII, стр. 341.

**) Изъ сохранившихся произведеній Даргомыжскаго самымъ раннимъ нужно считать: Contredance pour le pianoforte, dédiée à M-lle Sophie de Titoff et composée par A. Dargomijsky“. Оно написано въ 1824 г., т. е., когда Даргомыжскому было 11 лѣтъ.

***) Въ Петербургѣ и до 1844 года была итальянская опера, но поклоненіе ей не носило того общаго и безусловнаго характера, какой она получила послѣ пріѣзда Рубини въ 1844 г.

ка не была такъ распространена, какъ теперь; правда, петербургскіе театры не находились въ особенно блестящемъ положеніи; — но зато многіе изъ богачей того времени держали свой оркестръ или же составляли свой квартетъ *). На музыкальныхъ вечерахъ устраивались оперные ансамбли. Глинка въ своихъ запискахъ говоритъ, напримѣръ, что у графа Сиверса былъ исполненъ однажды финалъ перваго акта «Водовоза», а въ другой разъ были сыграны два квинтета Моцарта и Гайдна.

Особаго, рѣзко выраженнаго направленія, какъ это было потомъ при появленіи итальянской оперы, не существовало. Были очень многіе дома, гдѣ любили классическую музыку; вообще же Гайднъ, Моцартъ, отчасти Бетховенъ, Мегюль, Керубини, Оберъ, а изъ русскихъ композиторовъ—Верстовскій, были во всеобщемъ уваженіи, и всякій выбиралъ себѣ между этими авторами своего любимца.

Даргомыжскій быстро нашелъ то, что ему было по сердцу: онъ рѣшительно примкнулъ къ композиторамъ французскимъ. По свидѣтельству Влад. Ѳед. Пургольдъ, онъ въ театрѣ особенно часто слушалъ Мегюля и Керубини, впослѣдствіи Обера, Галеви и наконецъ Мейербера.

Причины такой рѣшительной склонности нельзя искать только въ томъ, что Даргомыжскій въ молодости своей, подобно большинству людей его круга, получилъ французское воспитаніе. Въ то время не только въ Россіи, но и въ Европѣ все французское пользовалось громаднымъ успѣхомъ, и французскій языкъ, французскіе гувернеры, французская литература окружали Даргомыжскаго съ раннихъ лѣтъ; но однимъ этимъ нельзя объяснить долговременной и постоянной склонности Даргомыжскаго къ французскимъ композиторамъ. А между тѣмъ, даже въ концѣ своей жизни, онъ говорилъ, что «*Бронзовый конь*» Обера, для французовъ то же самое, что «*Русланъ*» для русскихъ **). «Руслана» же онъ цѣнилъ очень высоко.

Причины этого увлеченія нужно искать въ близкомъ сродствѣ многихъ сторонъ таланта Даргомыжскаго съ одною изъ главныхъ отличительныхъ чертъ музыки французской.

Задача ея—«*воплощеніе слова*». Еще со времени Глука, Руссо и др. у французовъ музыка всего чаще есть средство, а не цѣль. Обладая значительною способностью къ красивой мелодіи, къ изящной гармоніи, владѣя кокетливымъ ритмомъ, французы никогда не примѣняютъ ихъ ради нихъ самихъ. Всѣ эти факторы служатъ вышеупомянутой цѣли: воплощенію слова.

Музыка французская тщательно слѣдитъ за каждымъ изгибомъ мысли текста и выражаетъ его. Изъ этого слѣдуетъ, что она есть преимущественно музыка вокальная.

Но задаваясь такою высокою цѣлью, какъ воплощеніе слова, она не всегда бываетъ достаточно широка и значительна. Ей очень часто свойственна извѣстнаго рода мелочность и незначительность.

Даргомыжскій композиторъ по преимуществу вокальный; оркестровыхъ вещей у него сравнительно немного. Цѣль его музыки есть «*воплощеніе слова*» въ звукахъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, 9 декабря 1857 года къ Л. И. Кармалиной онъ выражается такъ: «Хочу правды. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово» *).

Понятно, что Даргомыжскій не сразу уяснилъ себѣ свои стремленія; вначалѣ онъ ихъ только смутно предчувствовалъ. Для удовлетворенія ихъ онъ искалъ отвѣта въ музыкѣ, которая окружала его. Музыка французская была для него откровеніемъ. Отсюда увлеченіе его. Ему нравилась она въ то время не только своими хорошими сторонами, но и дурными. Даргомыжскій этого періода не любилъ широкихъ формъ въ искусствѣ и оказывалъ предпочтеніе мелкимъ и незначительнымъ. Лишь впослѣдствіи освободился онъ отъ этой узкости своего міровоззрѣнія.

Подражаніемъ начинали всѣ великіе композиторы. Въ первый періодъ своего развитія они брали готовую форму и пользовались ею, пока не развивались до такой степени, что она становилась для нихъ тѣсною. Тогда они разбивали ее.

Рѣшительно примкнувъ къ французамъ, Даргомыжскій сталъ писать романсы на французскій текстъ и т. д.

Въ своей автобіографіи Даргомыжскій называетъ слѣдующіе романсы, сочиненные имъ въ этотъ періодъ: «O ma charmante», «Дѣва и роза», «Ты хорошенькая», «Камень тяжелый», «Голубые глаза», «Владыко дней моихъ», «Баба старая».—Между ними всего одинъ французскій романсъ. Но надо помнить, что автобіографія была написана въ 1866 году, когда Даргомыжскому пріятно было указать на русское свое направленіе въ молодости. Мы же можемъ съ увѣренностью сказать, что между «множествомъ романсовъ» (по выраженію Даргомыжскаго) того періода, было множество на-

*) Оркестры бывали у богачей не только въ Петербургѣ; многіе помѣщики составляли большіе оркестры и очень заботились о нихъ. Такой оркестръ былъ, между прочимъ, и у дяди Глинки. (*Записки Глинки*).

**) По свидѣтельству М. Р. Щиглева.

*) Мы коснемся ниже подробнѣе этихъ свойствъ таланта Даргомыжскаго. Теперь же только беремъ готовыя данныя.

писанныхъ на французскій текстъ. Къ такому заключенію можно прійти прямо изъ того, что даже первую свою оперу Даргомыжскій написалъ на французскій текстъ, что требовало, конечно, особенной и большой привычки писать на французскіе тексты.

Кромѣ романсовъ, Даргомыжскимъ было написано въ разсматриваемый юношескій періодъ его жизни много фортепіанныхъ вещей, два квартета, много сочиненій для фортепіано со скрипкой и кантатъ. Всѣ эти сочиненія, вмѣстѣ съ отличнымъ умѣньемъ играть на фортепіано, доставили Даргомыжскому широкую извѣстность въ любительскихъ кружкахъ Петербурга.

Зимою 1833—34 г., будучи всего 20 лѣтъ, онъ познакомился съ Глинкой. Знакомство произошло, по разсказу Глинки, слѣдующимъ образомъ: «Пріятель мой, огромнаго роста, капитанъ Копьевъ, любитель музыки—привелъ мнѣ однажды маленькаго человѣчка въ голубомъ сюртукѣ и красномъ жилетѣ, который говорилъ пискливымъ сопрано. Когда онъ сѣлъ за фортепіано, то оказалось, что этотъ маленькій человѣчекъ былъ весьма бойкій фортепіанистъ, а впослѣдствіи весьма талантливый композиторъ, Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.»

Знакомство это имѣло громадное значеніе въ жизни Даргомыжскаго. По разсказу самого Даргомыжскаго, Глинка передалъ ему теоретическія рукописи Дена, привезенныя ему изъ-за границы, и Даргомыжскій собственноручно списалъ ихъ *). Усвоивъ очень быстро теорію, онъ принялся за изученіе оркестровки. Опыты были, по словамъ Даргомыжскаго, удачны. Все это онъ дѣлалъ съ цѣлью приняться за трудъ болѣе обширный. Къ этому побуждалъ его примѣръ Глинки, который въ 1834 году писалъ «Жизнь за Царя» и дѣлалъ оркестровыя репетиціи этой оперы у князя Юсупова съ его оркестромъ. Даргомыжскій, увлеченный своими успѣхами въ обществѣ, не желалъ отстать отъ Глинки и рѣшилъ тоже приняться за оперу. Но тутъ-то и сказалась вся его неопытность, незрѣлость для такого обширнаго труда. Изъ всѣхъ его дѣйствій этого времени видно, что значеніе Глинки тогда ему было совершенно неясно. Въ томъ, что Глинка написалъ оперу, и что эта опера сразу прославила имя своего автора на всю Россію, онъ не видѣлъ ничего кромѣ примѣра, который поощрилъ и его писать оперу. Какъ писать, что писать—это для него было все равно. Національное значеніе Глинки и его оперы ускользнуло отъ него совершенно.

Знакомство съ Глинкой доставило ему знакомство съ Брюлловымъ, Кукольникомъ и другими членами «братіи», тѣсно окружавшей Глинку. Сойтись съ ними близко Даргомыжскій однако никогда не могъ, такъ какъ не могъ сочувствовать ихъ образу жизни. Черезъ Глинку же Даргомыжскій познакомился съ Жуковскимъ. Къ этому же времени, вѣроятно, относится начало его поклоненія таланту Пушкина, которое не ослабѣвало до самой смерти Даргомыжскаго.

Даргомыжскій быстро составилъ планъ французской оперы «Лукреція Борджіа» на сюжетъ В. Гюго и тотчасъ же сталъ писать на нее музыку. В. А. Жуковскій, принимавшій, какъ извѣстно, живое участіе въ «Жизни за Царя» и понимавшій ея значеніе, уговорилъ Даргомыжскаго оставить начатую работу, какъ совершенно негодную для русскаго общества. Даргомыжскій послушался и сталъ искать другого сюжета. Однако и послѣ увѣщаній Жуковскаго онъ все-таки остановился на французскомъ сюжетѣ. Это была «Эсмеральда» того-же Гюго, на сюжетъ романа «Notre Dame de Paris», появившагося въ то время въ печати, увлекшаго всю Европу и сразу получившаго громадную извѣстность.

Въ 1836 году В. Гюго сдѣлалъ для дочери издателя J. des Debats, г-жи Бертэнъ (Bertin) изъ упомянутаго романа либретто для оперы, написанной этой г-жей Бертэнъ. Въ предисловіи къ своему либретто Гюго говоритъ, что при написаніи его, онъ имѣлъ постоянно въ виду музыку, вслѣдствіе чего волею неволею долженъ былъ нѣсколько перемѣнить характеръ драмы романа. Онъ проситъ при этомъ читателей не оцѣнивать его произведеніе само по себѣ, но видѣть въ немъ лишь нить, изъ которой должна образоваться «богатая ослѣпительная вышивка, называемая музыкой».

Даргомыжскій воспользовался сюжетомъ Гюго цѣликомъ. Лишь въ немногихъ мѣстахъ онъ позволилъ себѣ сдѣлать незначительныя измѣненія.

«Эсмеральда»—произведеніе слабое; неопытность композитора видна на каждомъ шагу. Сознавали это всѣ окружавшіе Даргомыжскаго люди, несмотря на свое обожаніе его. Не сознавалъ этого пока только самъ авторъ. Когда впослѣдствіи вышли затрудненія при постановкѣ оперы на сценѣ, то онъ для своего утѣшенія устроилъ однажды въ 40-хъ годахъ домашній спектакль, на которомъ любители и любительницы пѣнія исполнили всю «Эсмеральду» подъ руководствомъ самого автора. Въ этомъ спектаклѣ участвовалъ, между прочимъ, Вл. Ѳ. Пургольдъ, который и сообщилъ изложенный фактъ.

Интересно, что несмотря на полное непониманіе своихъ силъ, Даргомыжскій сумѣлъ выбрать такой прекрасный сюжетъ для своей оперы, какъ «Эсмеральда», который даетъ богатый матеріалъ композитору. Съ одной стороны, сильная психологическая драма, съ другой

*) См. автобіографію Даргомыжскаго.

разнообразіе и разнохарактерность сценическихъ положеній. Большія народныя сцены, процессіи монаховъ, возможность ввести въ оперу восточный колоритъ (Эсмеральда — цыганка) — все это въ высшей степени благодарно въ музыкальномъ отношеніи. Даргомыжскій не сумѣлъ воспользоваться всѣми этими данными. Подражательный безцвѣтный стиль, въ которомъ написана вся опера, лишилъ его возможности дать колоритную окраску всѣмъ этимъ элементамъ.

Музыка оперы большею частью жидка и дрябла, какъ и въ самыхъ образцахъ, которымъ подражалъ Даргомыжскій. Только въ одномъ мѣстѣ драматическій талантъ композитора сказался: это во второмъ дѣйствіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Квазимодо, привязанный къ позорному столбу, томимый невыносимой жаждой, умоляетъ народъ дать ему напиться. «A boire!» — кричитъ онъ, и эти то слова переданы великолѣпно Даргомыжскимъ (*c*, *des*, *g*, *g*).

Даргомыжскій самъ созналъ впослѣдствіи всѣ недостатки своей оперы, но совсѣмъ отдѣлаться отъ пристрастія къ юношескому своему произведенію не могъ. Такъ въ письмѣ 1859 г., уже будучи 46 лѣтъ отъ роду, онъ писалъ Л. И. Кармалиной, по поводу шедшей въ то время въ Петербургѣ «Эсмеральды»: «Вы знаете, что я писалъ эту оперу на 22 — 24 годахъ моей жизни. Музыка не важная, часто пошлая, какъ то бываетъ у Галеви и Мейербера; но въ драматическихъ сценахъ уже проглядываетъ языкъ правды и силы, который впослѣдствіи старался я развить въ русской своей музыкѣ».

Работа шла скоро. Въ 1839 году опера была уже окончена и переведена на русскій языкъ.

Полный розовыхъ надеждъ на славу, Даргомыжскій представилъ свой трудъ въ дирекцію. Все ему казалось такъ просто, такъ ясно: дирекція приметъ его оперу, поставитъ ее, опера понравится публикѣ, успѣхъ будетъ громадный, будущность композитора упрочена. На дѣлѣ вышло не то. Хотя опера и была одобрена капельмейстерами театровъ (по свидѣтельству самого Даргомыжскаго) *), дирекція не захотѣла поставить ее; и вотъ началась восьмилѣтняя борьба автора оперы съ дирекціей. Въ концѣ концовъ опера была поставлена въ 1847 году.

Неудача эта сильно повліяла на Даргомыжскаго. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ: «Эти восемь лѣтъ напраснаго ожиданія и въ самые кипучіе годы жизни, легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность». — Въ 1843 г. (10 августа) онъ писалъ въ письмѣ къ Кастріото-Скандербеку слѣдующее: «Эсмеральда» уже около двухъ лѣтъ вполнѣ окончена. Не смотря на всѣ бури, поднятыя противъ этой несчастной дѣвочки, которой вся вина состоитъ въ томъ только, что она явилась на свѣтъ непрошенная, — она была принята театральной дирекціею, которая, однако же, до сихъ поръ все находитъ препятствія сдѣлать ее публичною, къ чему она назначена. Я со своей стороны вооруженъ терпѣніемъ и жду! Можно, кажется, по всей справедливости пропѣть мнѣ французскій романсъ: Beau chevalier, attendras longtemps!»

Какъ видно, Даргомыжскій былъ глубоко оскорбленъ этой исторіею. Но, не смотря на нее, онъ все еще надѣялся на будущность свою, какъ композитора. Въ томъ же письмѣ къ Кастріото-Скандербеку онъ пишетъ: «Намедни, когда Брюлловъ спрашивалъ меня, какіе у меня виды относительно моего труда, я отвѣтилъ ему, что сравниваю первую славу съ молодой дѣвушкою, хорошенькою, но капризною, которой хочешь сдѣлаться любовникомъ, но которая тебя еще не любитъ. Вообрази себѣ, сколько надо употребить для этого обольщеній, какъ она противится, плачетъ и уступаетъ только силѣ. За то какой потомъ рядъ наслажденій, когда... когда, наконецъ, она начинаетъ тебя любить!»

Вотъ, въ надеждѣ на эту будущую славу, Даргомыжскій и продолжалъ свою композиторскую дѣятельность: кромѣ большого количества мелкихъ пьесъ, онъ написалъ также за это время большую кантату съ хорами и тремя партіями для пѣнія соло, содержащую 5 большихъ музыкальныхъ нумеровъ.

Про эту кантату Даргомыжскій писалъ къ Кастріото-Скандербеку 10 августа 1843 года: «Я взялъ текстъ у нашего безсмертнаго Пушкина: «Торжество Вакха». Я ничего не измѣнилъ въ этой поэмѣ, вакхической и сладострастной отъ начала до конца. Я еще не давалъ пробовать мою кантату и никому не игралъ ея; но, если ты хочешь знать, что я самъ про нее думаю, то я тебѣ скажу, что мнѣ кажется, я никогда ничего лучше этого не напишу. Впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь».

Даргомыжскій, къ счастью, ошибался. Кантата эта, получившая впослѣдствіи названіе оперы-балета, не принадлежитъ къ его лучшимъ вещамъ. По отношенію къ стилю музыки, «Торжество Вакха» — произведеніе болѣе самостоятельное, чѣмъ «Эсмеральда», хотя и въ этомъ отношеніи оно не является характернымъ для творчества Даргомыжскаго. Оно менѣе всего заслуживаетъ названія оперы. Танцы, которые вставлены Даргомыжскимъ въ 1848 году въ готовую уже кантату, не дѣлаютъ послѣднюю годною для сценическаго представленія, а исполненіе ея въ концертѣ тоже неудобно вслѣдствіе этихъ же танцевъ.

*) См. автобіографію.

А. С. Даргомыжскій.

(Съ портрета, находящагося въ Петербургской Публичной Библіотекѣ).

Для того, чтобы вполнѣ предаться музыкѣ, Даргомыжскій въ 1843 году вышелъ въ отставку. На службѣ же онъ находился цѣлыхъ 16 лѣтъ, съ 1827 до 1843 года. Поступивъ сначала въ контроль министерства Императорскаго Двора, онъ въ 1834 году перешелъ въ департаментъ Государственнаго казначейства, откуда и вышелъ въ отставку съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Служака онъ былъ превосходный: аккуратный, точный, исполнительный, такъ что его начальство и товарищи не мало удивлялись его поступку, говоря, подобно Скалозубу, что ему

Чинъ слѣдовалъ,—
Онъ службу вдругъ оставилъ...

Въ декабрѣ 1844 года Даргомыжскій поѣхалъ заграницу. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ про это путешествіе слѣдующее: «Въ 1844 — 45 годахъ ѣздилъ я заграницу, гдѣ лично познакомился съ Оберомъ, Мейерберомъ и другими европейскими композиторами, но ближе всѣхъ сошелся я съ Фетисомъ въ Брюсселѣ и Галеви въ Парижѣ. Хотя я заграницей не являлся какъ композиторъ ни въ какихъ публичныхъ концертахъ, но исполненіе разныхъ моихъ сочиненій на частныхъ вечерахъ въ Брюсселѣ, Парижѣ и Вѣнѣ вызвало лестныя одобренія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ».

Путешествіе это принесло Даргомыжскому громадную пользу. Если онъ, уже подъ вліяніемъ неудачи «Эсмеральды», сталъ серьезнѣе относиться къ музыкѣ и болѣе строго оцѣнивать какъ свои, такъ и чужія произведенія, то путешествіе и общеніе съ такими авторитетами, какъ Фетисъ, Оберъ и т. д., не могло не усилить еще болѣе это направленіе. Изъ-заграницы онъ вернулся уже съ вполнѣ сложившимся взглядомъ относительно европейской музыки, съ опредѣленнымъ критеріумомъ на вещи.

Первое, что подверглось его критикѣ, были предметы его юношескаго увлеченія, — французская опера и музыка. Даргомыжскій въ это время уже настолько созрѣлъ и развился, что для него форма и содержаніе французской оперы становились узки, — и вотъ онъ начинаетъ находить уже въ ней недостатки. Такъ, напримѣръ, про Мейербера онъ пишетъ: «Мейерберъ въ драмѣ не силенъ. Сюжетъ «Роберта» — преданіе, фантастическая сказка среднихъ вѣковъ, и онъ совершенно впадаетъ въ колею призванія Мейербера. Въ «Гугенотахъ» — религіозный фанатизмъ и сильная драма; неистовство народное и злоба католицизма выражены превосходно: въ нихъ есть нѣчто сатанинское, сродное перу Мейербера; но драматическія сцены — туманны, замысловаты и куда какъ далеки отъ натуры! Сидя въ оперѣ, я держалъ въ рукахъ либретто. Каждую драматическую сцену я зналъ впередъ и, слушая музыкальную идею вслѣдъ затѣмъ, не нашелъ ни одной идеи, писанной по увлеченію. Мастерство и умъ — неимовѣрные, но никакое мастерство, никакой умъ не поддѣлаются подъ сердце человѣческое. Самый великій художникъ не есть еще поэтъ».

О Галеви Даргомыжскій писалъ: «О «Жидовкѣ» писать нечего. Вы знаете музыку и лошадей въ золотыхъ попонахъ».

Въ то время, когда Даргомыжскій былъ въ Парижѣ, всѣ парижане сходили съ ума отъ появившагося композитора Фелисьена Давида; его торжественно провозглашали вторымъ Бетховеномъ. Даргомыжскій съ трудомъ досталъ билетъ на концертъ Давида, въ которомъ, между прочимъ, исполнялась его симфонія-ода «Пустыня». Однако дѣйствительность далеко не удовлетворила ожиданій. Даргомыжскій кратко, но выразительно написалъ: «нельзя отказать Давиду въ нѣкоторомъ талантѣ, но онъ столько же Бетховенъ, сколько мой кукишъ Вандомская колонна». Нельзя не подивиться на смѣлое и вѣрное опредѣленіе Даргомыжскаго, совершенно одиночное среди того энтузіазма, который обуялъ тогда французскую прессу и публику. Увлеченіе было настолько сильно, что даже Берліозъ поддался ему и видѣлъ въ Ф. Давидѣ нѣчто новое и многообѣщающее.

Исполненіе во французской оперѣ невполнѣ удовлетворило Даргомыжскаго. Онъ сравниваетъ ее съ развалинами греческаго храма: «Видя обломки этого храма, художникъ можетъ заключить о величествѣ и изяществѣ самаго храма, а между тѣмъ храма уже не существуетъ. Такъ точно, слышавши Falcon, Duprez и полный стройный оркестръ Большой оперы, я могу себѣ вообразить, что это было въ цвѣтущіе годы!»

Но что въ Парижѣ рѣшительно восхитило Даргомыжскаго, это концертъ консерваторіи. Про него онъ пишетъ слѣдующее: «оркестровое исполненіе до такой степени совершенно, что я уже не могъ восхищаться, а мнѣ было смѣшно! Ежели я когда-нибудь, читая оркестровую партитуру, вмѣстѣ съ тѣмъ воображалъ слышать оркестръ въ полномъ его совершенствѣ, то въ концертѣ консерваторіи этотъ оркестръ осуществился въ ушахъ моихъ. Это волшебство, превосходящее всякое описаніе!»

Интересно, что Глинка, бывшій въ Парижѣ въ одно время съ Даргомыжскимъ, совершенно иначе отнесся къ этимъ концертамъ; онъ сказалъ слѣдующее: «играли 6-ю симфонію Бетховена; исполненіе было превычурное, такъ что я симфоніи Бетховена не узналъ и тогда же сказалъ: on m'a escamoté la symphonie. Кромѣ того духовые иногда срывались, въ особенности валторны и кларнеты».

Мнѣніе Даргомыжскаго — мнѣніе публики и аматеровъ; Глинки — мнѣніе великаго мастера ин-

струментовки. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, Даргомыжскій значительно перемѣнилъ свои воззрѣнія на оркестровое исполненіе (письмо изъ Брюсселя 1865 г. 31 января).

Путешествіе заграницу имѣло на Даргомыжскаго еще другое вліяніе, такое, какого онъ вовсе не предвидѣлъ и не ожидалъ. Огорченный своимъ неуспѣхомъ на родинѣ, Даргомыжскій отправился заграницу съ цѣлью сблизиться съ западно-европейскимъ искусствомъ. Вышло же какъ разъ наоборотъ. Онъ увидѣлъ, что заграницей вовсе не такъ хорошо, какъ ему казалось прежде, и по врожденному ему чувству справедливости, призналъ, побѣдивъ свое собственное оскорбленное самолюбіе, что въ Россіи лучше. Въ письмѣ, писанномъ къ Вл. Т. Кастріото-Скандербеку послѣ пріѣзда изъ-заграницы (19 мая 1845 г.), онъ говоритъ: «шестимѣсячнаго путешествія для тебя довольно будетъ, чтобы убѣдиться, что нѣтъ въ мірѣ народа лучше русскаго, и что ежели существуютъ въ Европѣ элементы поэзіи, то это въ Россіи».

II.

Даргомыжскій познакомился съ Глинкой, какъ уже мы сказали выше, въ 1833 году. Съ тѣхъ поръ знакомство обоихъ композиторовъ продолжалось до самой смерти Глинки. Въ своей автобіографіи Даргомыжскій такъ говоритъ про свои отношенія къ Глинкѣ: «Одинаковое образованіе и одинаковая любовь къ искусству тотчасъ сблизили насъ, несмотря на то, что Глинка былъ десятью годами старше меня. Мы въ теченіе 22 лѣтъ сряду были въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ».

Однако, хотя отношенія обоихъ композиторовъ и были дѣйствительно очень близкими, ихъ въ сущности поддерживали общіе интересы въ искусствѣ, а не душевная симпатія. Даргомыжскій никогда не могъ сойтись съ той компаніей, которая окружала Глинку въ продолженіе столькихъ лѣтъ; это первая и, такъ сказать, внѣшняя причина отсутствія близости между ними. Но кромѣ того истиннымъ дружескимъ отношеніямъ мѣшало также и настроеніе духа Даргомыжскаго. Дѣло въ томъ, что, не смотря на неуспѣхъ «Руслана», Глинка былъ признанъ русскимъ композиторомъ публикою и, что самое важное, высшею властью. Его положеніе было таково, что никто не рѣшился бы назвать его дилетантомъ: въ своемъ непониманіи могли сожалѣть объ упадкѣ его таланта, несмотря на то, что послѣ «Руслана» онъ сочинилъ такія великія вещи, какъ «Комаринская» и «Хота»; могли не одобрять его по той причинѣ, что онъ напрасно пытается найти нѣчто новое въ искусствѣ,—но музыкантомъ его признавали всѣ. Съ Даргомыжскимъ дѣло было совершенно въ другомъ положеніи: «Нашъ талантливый любитель» — вотъ положеніе, которое занималъ Даргомыжскій въ глазахъ у публики, а также и у театральной дирекціи. Мы видѣли съ его стороны попытку выдвинуть себя; она въ сущности была сдѣлана для того, чтобы пріобрѣсти въ глазахъ публики значеніе композитора; мы видѣли также ея неудачу. Неудача эта сильно подѣйствовала на самолюбіе Даргомыжскаго. Сопоставляя свое положеніе съ положеніемъ Глинки, онъ не могъ не видѣть громадной пропасти между собою и Глинкою и завидовалъ Глинкѣ. На этомъ фактѣ настаиваютъ всѣ знавшіе Даргомыжскаго лично. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, признаніе его объясняетъ намъ многіе его поступки, которые трудно объяснить, не допустивъ существованія у Даргомыжскаго зависти къ Глинкѣ.

Зависть эта была вполнѣ понятна и законна, и притомъ Даргомыжскій велъ себя такъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права обвинять его въ чемъ бы то ни было. Какъ человѣкъ въ высшей степени честный, онъ никогда не позволялъ себѣ дать своему чувству волю. Оно тщательно скрывается имъ и отражается единственно въ томъ, что въ отношеніяхъ Даргомыжскаго къ Глинкѣ не было настоящей, задушевной сердечности. Интересно, что въ своей автобіографіи Даргомыжскій, говоря о своихъ отношеніяхъ къ Глинкѣ, замѣчаетъ, что никакія сплетни не могли поссорить ихъ: «образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями». Этими словами онъ какъ бы говоритъ, что ихъ отношенія были дѣломъ разума, и только. Вотъ этими двумя факторами и объясняются всѣ отношенія Даргомыжскаго къ Глинкѣ. Онъ высоко почиталъ талантъ Глинки; съ другой стороны онъ видѣлъ также свое положеніе въ обществѣ и съ полнымъ правомъ желалъ стать въ глазахъ публики рядомъ съ Глинкою. Можетъ быть инстинктивно, но именно этимъ чувствомъ руководился Даргомыжскій, когда много говорилъ о своей дружбѣ съ Глинкой, часто называя его: «мой другъ, Михаилъ Ивановичъ»...

Похвалы Глинки его твореніямъ онъ цѣнилъ очень высоко; Глинка однажды похвалилъ дуэтъ изъ «Русалки» (князя съ Наташей); 12 лѣтъ спустя Даргомыжскій вспомнилъ объ этой минутѣ, какъ объ одной изъ самыхъ счастливыхъ въ своей жизни. Нѣкоторые горячіе поклонники Глинки сильно увлекались и личностью самого Глинки; Даргомыжскій все изъза того же желанія, стать въ глазахъ ихъ рядомъ съ Глинкой, старался иногда показать имъ, что и солнце не безъ пятенъ, т.-е. что и у Глинки были свои недостатки. Это онъ дѣлалъ такимъ образомъ, что, якобы отъ души сожалѣя о Глинкѣ, указывалъ на его недостатки. Такими побужденіями и надо объснять всѣ тѣ мѣста изъ писемъ Даргомыжскаго, которыя возбудили противъ себя негодованіе П. А. Сте-

панова, когда они были напечатаны. (См. «Русская Старина», 1875, ноябрь, стр. 502—505).

Но если у Даргомыжскаго истинной любви къ Глинкѣ не было, то было зато истинное уваженіе къ его таланту; онъ любилъ музыку Глинки такъ сильно, что мы по всей справедливости должны сказать, что Даргомыжскій былъ первымъ поклонникомъ Глинки. Чтобы не быть голословнымъ, выпишемъ изъ писемъ Даргомыжскаго нѣсколько словъ его о музыкѣ Глинки. Въ 1843 г. онъ пишетъ про «Руслана»: «Вотъ славная вещь, которая не достигла своей цѣли! А сколько надо таланта и труда, чтобы написать ее! Много есть нумеровъ, которыми я отъ души восхищаюсь». Въ 1848 г. въ письмѣ къ Кастріото-Скандербеку: «Ежели Глинка у тебя въ деревнѣ, то обними его отъ меня и скажи, что не смотря на то, что онъ не пишетъ мнѣ и оказываетъ ко мнѣ нерасположеніе, я все также принимаю участіе въ его твореніяхъ и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ прочитываю всѣмъ, кто ни бываетъ у меня, его музыкальные очерки, изъ коихъ особенно нравится мнѣ Souvenir d'une mazurque. Глинка человѣкъ — какъ и всѣ мы грѣшные, а талантъ онъ въ глазахъ моихъ зѣло великій». Въ другихъ письмахъ Даргомыжскаго мы находимъ слѣдующее: «Я считаю его произведенія весьма важными не только для русской, но даже вообще для всякой музыки. Все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера — ново и интересно». Про «Жизнь за Царя» Даргомыжскій пишетъ въ 1857 г.: «Мастерское, оригинальное произведеніе: столько красотъ, что промаховъ не хочется и замѣчать».

Но поклоняясь генію Глинки и ясно сознавая, что сдѣлалъ Глинка для русской музыки, Даргомыжскій видѣлъ и тѣ стороны ея, которыя Глинкой не были затронуты, или же были затронуты лишь въ недостаточной степени. Очень ясно высказываетъ онъ это въ своемъ письмѣ къ князю В. Ѳ. Одоевскому (3 іюня 1853 г.): «Глинка, который одинъ до сихъ поръ далъ русской музыкѣ широкій размѣръ, по моему мнѣнію затронулъ еще только одну ея сторону — сторону лирическую. Драма у него слишкомъ заунывна, комическая сторона теряетъ національность. Говорю о характеристикѣ его музыки, потому что фактура у него вездѣ превосходная. По силѣ и возможности я въ «Русалкѣ» своей работалъ надъ развитіемъ нашихъ драматическихъ элементовъ. Счастливъ буду, если успѣю въ этомъ, хотя въ половину противъ Михаила Ивановича».

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Корзухинъ.

Портретъ А. С. Даргомыжскаго, помѣщенный въ этой книжкѣ «Артиста», пока нигдѣ не былъ изданъ. Онъ — копія съ оригинала, писаннаго масляными красками въ 1845 г. пріятелемъ Даргомыжскаго, живописцемъ *Платономъ Тимофѣевичемъ Бориспольцемъ*. Портретъ — собственность Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ и находится теперь. Поступилъ онъ туда, какъ даръ отъ Ал. Петр. Опочинина, близкаго человѣка и Даргомыжскаго и Бориспольца. Копію намъ удалось получить, благодаря любезному посредству В. В. Стасова. По свидѣтельству самого Даргомыжскаго, портретъ отличается большимъ сходствомъ: онъ живо изображаетъ творца «Русалки» и «Каменнаго Гостя» не такимъ, какимъ всѣ его знаютъ по портретамъ позднѣйшаго времени, — а молодымъ, 32-лѣтнимъ.

П. Т. Борисполецъ — сначала артиллерійскій офицеръ, затѣмъ ученикъ Брюллова. Изъ работъ этого художника имѣется въ Академіи Художествъ копія съ огромной картины Тиціана — «Убіеніе св. Петра мученика». Сама картина сгорѣла въ Венеціи и теперь остается извѣстною лишь по великолѣпной копіи Бориспольца, признанной классическою.

Ред.

Современное обозрѣніе.

МОСКВА.

Малый театръ.

«Жизнь», пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ г. Потапенко.

Г. Потапенко свое первое драматическое произведеніе назвалъ очень скромно и неопредѣленно — «пьесой», а между тѣмъ врядъ ли какая изъ новѣйшихъ драмъ имѣетъ столько правъ называться *драмэй*, сколько можно признать ихъ за пьесой г. Потапенко. Можетъ быть, этихъ правъ даже слишкомъ много. Драматическіе мотивы захватываютъ здѣсь личную, семейную и общественную жизнь героя, тяготѣютъ надъ нимъ отъ начала и до конца и разрѣшаются въ полномъ смыслѣ трагической развязкой.

Герой пьесы взятъ авторомъ изъ среды именно тѣхъ людей, которые искони попадаютъ во всевозможныя драматическія положенія. Общественный дѣятель, убѣжденный идеалистъ, но очень дурно вооруженный для мелкой житейской борьбы—вѣдь это всѣ условія, чтобы жизнь рано или поздно наградила человѣка жестокими испытаніями, а при извѣстномъ стеченіи чисто внѣшнихъ обстоятельствъ,—закончилась настоящей катастрофой. Такъ это и происходитъ въ пьесѣ. Автору въ общемъ не приходится прибѣгать къ хитрымъ вымысламъ, достаточно было взять рядъ совершенно будничныхъ фактовъ, и драма сложилась сама собой. Ее принесъ на сцену главный герой съ первымъ же своимъ появленіемъ.

Бѣлозеровъ, Петръ Григорьевичъ, врачъ-профессоръ сорока лѣтъ. Втеченіе пьесы онъ неоднократно касается своего прошлаго, своихъ убѣжденій, своего нравственнаго міра. И неизмѣнно его освѣщаетъ благороднѣйшій идеальный свѣтъ. Въ сорокъ лѣтъ профессоръ остался такимъ же юношей,

какимъ былъ на университетской скамьѣ. Научныя познанія, конечно, умножились, завоевано общественное положеніе и имя,—но житейскіе взгляды, отношеніе къ дѣлу и къ людямъ остались прежніе.

Онъ питаетъ чисто-религіозное чувство къ наукѣ. Онъ любитъ ее не только умомъ, но и сердцемъ. Ея интересы волнуютъ его до глубины души, возбуждаютъ страсти, господствуютъ надъ каждымъ его дѣйствіемъ и помышленіемъ. Эта преданность наукѣ сливается съ другимъ качествомъ, еще выше поднимающимъ профессора. Бѣлозеровъ не только даровитый ученый,—онъ—сильный, принципіальный и мужественный человѣкъ. Быть убѣжденнымъ для него значитъ защищать убѣжденіе; искать истину—значитъ страдать за нее; изучать науку—значитъ приносить ей жертвы, забывать ради нея личные интересы, личный покой, личное счастье.

Это—героизмъ въ высшемъ смыслѣ слова, древній эллинъ—сказалъ бы—божественный героизмъ, потому что нѣтъ ничего священнѣе и благороднѣе, чѣмъ вѣра въ идею, въ истину, въ цѣли, направленныя къ обще-человѣческому благу.

Такой образъ рискнулъ авторъ показать намъ на современной сценѣ. Да, это—рискъ. Мы такъ привыкли ежедневно созерцать борьбу маленькихъ себялюбивыхъ страстишекъ, вмѣстѣ съ драматургами—разрѣшать потрясающіе вопросы на счетъ того, что станется *съ ней*, если отъ *нея* уйдетъ *онъ* и какія событія произойдутъ, если *она* вдругъ разлюбитъ *его* и полюбитъ *другого*, на посторонній взглядъ отнюдь не болѣе любопытнаго субъекта. И вдругъ послѣ этой шашечной игры въ чисто-физіологическіе процессы на сценѣ появляется герой, заявляющій намъ о совершенно другихъ вопросахъ. Сначала это, кажется, даже будто неестественнымъ и мало вѣроятнымъ. Откуда упалъ къ намъ этотъ человѣкъ, такъ смѣло говорящій объ убѣжденіяхъ, о жертвахъ ради истины и съ явнымъ презрѣніемъ взирающій на такія вещи, какъ «осторожность», «репутація», «карьера»? И ни одного слова о *ней*. Странно. И публика, захваченная врасплохъ, готова произнести смертный приговоръ замыслу автора.

Развѣ возможны такіе идеалисты, да еще медики? Профессія до такой степени прозаична, матеріальна, отчасти груба, что рѣшительно не остается мѣста поэтическимъ порывамъ и идеальному краснорѣчію. Одни станутъ высказывать подобныя соображенія просто потому, что въ первый разъ на сценѣ видятъ такого героя, а большинство современной публики вооружится ироніей и скептицизмомъ, весьма незамысловатыми и крайне дешевыми, но въ извѣстной средѣ выгодными.—«Я не вѣрю, чтобы можно было до такой степени влюбиться въ науку и приносить личныя жертвы своимъ убѣжденіямъ. Ясно, — самъ я имѣю право совершенно равнодушно относиться къ наукѣ, къ какимъ угодно убѣжденіямъ и невозбранно лелѣять свое драгоцѣнное *я*».

Такова нехитрая логика тѣхъ читателей и зрителей, которые въ наше время на каждомъ шагу поражаютъ менѣе опытныхъ людей такъ называемымъ практическимъ взглядомъ на вещи. Не вѣрьте этому практическому взгляду: это—щитъ трусости и пошлости, потому что вѣрить въ благородство, стойкость и высказывать открыто эту вѣру,—дѣло весьма отвѣтственное и въ извѣстное время требуетъ настоящаго мужества. Не лучше ли спрятаться за практическій взглядъ?

Мы поэтому оставимъ въ сторонѣ житейскія соображенія скептиковъ и посмотримъ, сумѣлъ ли авторъ создать дѣйствительно живое лицо изъ своего идеальнаго профессора?

Въ общемъ это удалось автору несомнѣнно.

Въ чемъ заключается жизненность художественнаго типа? На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно. Вспомните, что разумѣетъ каждый изъ насъ, говоря о комъ-либо: «это—живой человѣкъ». Это значитъ — человѣкъ одаренъ разносторонней нравственной жизнью, обладаетъ вдумчивой мыслью и глубокимъ чувствомъ. Если бы онъ отдалъ свои силы исключительно теоретической дѣятельности, замкнулся отъ дѣйствительности, свой міръ превратилъ въ кабинетъ Вагнера, — мы его не признали бы *живымъ*. Съ другой стороны, если бы онъ совершенно подавилъ въ себѣ высшіе умственные процессы, весь предался матеріальнымъ интересамъ, поработилъ себя своему организму и внѣшней жизни,—такого урода мы лишили бы права считаться *человѣкомъ*.

Всѣ эти соображенія примѣнимы и къ художественному типу.

Профессоръ—горячій поклонникъ науки, но это не значитъ, что умственная дѣятельность поглотила всю его натуру, не оставила въ его груди ни одного уголка для другихъ стремленій и сочувствій. Если бы было такъ,—мы видѣли предъ собой жесткаго, ослѣпленнаго фанатика, недоступнаго гуманнымъ движеніямъ, равнодушнаго къ людскому существованію. При такихъ условіяхъ—всѣ научные подвиги профессора утратили бы въ нашихъ глазахъ всякій смыслъ,—и такой герой не заслуживалъ бы даже критической оцѣнки.

Но у Бѣлозерова ничего нѣтъ общаго съ нимъ. Сердце профессора живетъ полной реальной жизнью. У него есть семья. Онъ глубоко любитъ жену, сына. О своей матери онъ говоритъ съ безграничной нѣжностью. Это—человѣкъ, всѣми силами души привязанный къ близкимъ людямъ. Среди нихъ—его ассистентъ.

Въ душѣ этого человѣка живетъ самоотверженная преданность, восторженная любовь къ профессору, какъ къ личности. Для ассистента его учитель— «лучшій изъ людей». Такія чувства не пріобрѣтаются только познаніями и талантами. Надо умѣть самому любить, чтобы вызвать такую любовь у товарища и помощника.

Отношенія Бѣлозерова къ другимъ людямъ также гуманны, и—гдѣ умѣстно—искренне сердечны. Онъ—любимецъ студентовъ, — и эта любовь вполнѣ заслужена. Онъ, какъ истинный идеалистъ, не можетъ любить, не питая въ то же время чувства уваженія,—и онъ *уважаетъ* своихъ учениковъ, онъ, въ рѣшительную минуту не затрудняется посвятить ихъ въ важную тайну, изъ среды ихъ выбираетъ секундантовъ. Онъ и умираетъ на ихъ глазахъ.

Можетъ быть, всѣ эти факты свидѣтельствуютъ объ увлеченіи автора, можетъ быть, идеальныя черты проведены здѣсь слишкомъ рѣзко въ излишнемъ количествѣ. Такъ можетъ казаться,—и все-таки каждая черта совершенно гармонируетъ съ общимъ складомъ характера. Человѣкъ, въ сорокъ лѣтъ продолжающій говорить о своей матери съ чувствомъ чисто-дѣтской привязанности, — не можетъ холодно и формально относиться къ людямъ, честно работающимъ вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляющимъ его вѣру и его стремленія. Онъ непремѣнно изъ учителя станетъ товарищемъ своего ассистента, изъ профессора—покровителемъ своихъ студентовъ. Это—цѣльный человѣкъ,— а путь доброты и гуманности безконеченъ, если онъ приноситъ личное удовлетвореніе. Именно такое чувство испытываетъ Бѣлозеровъ.

До сихъ поръ мы разсматривали только розы. Терній гораздо больше и сѣетъ ихъ на пути идеалиста всякій, кто можетъ и хочетъ. Сопротивленія навѣрное не встрѣтится. Профессоръ не умѣетъ бороться на почвѣ личной вражды, и не сталъ бы вести борьбы, если бы даже и умѣлъ. Онъ мужественно будетъ защищать свою идею, ради нея онъ пойдетъ противъ кого угодно,—но онъ безсиленъ въ тѣхъ безчисленныхъ житейскихъ стычкахъ и засадахъ, которыя именно и отравляютъ жизнь. Для такой борьбы надо снизойти до враговъ, измельчать ровно настолько же, насколько мелки они, вооружиться не идеями, а личными чувствами. Первый сильнѣйшій врагъ профессора—его жена.

Семейныя отношенія Бѣлозерова — лучшая часть пьесы. Здѣсь каждый моментъ—правдивъ, драматиченъ и совершенно умѣстенъ. Въ сущности новаго ничего нѣтъ. На каждомъ шагу встрѣчаются подобные союзы,—и сама судьба особенно имъ благопріятствуетъ. Бѣлозеровъ очень плохо знаетъ людей, и еще меньше знаетъ женщинъ. Первое, часто единственное, впечатлѣніе для такихъ людей рѣшаетъ вопросъ всей жизни.

Профессоръ увидѣлъ дѣвушку у постели ея больной умирающей матери. Какая дочь въ такой обстановкѣ не покажется симпатичной и—несчастнэй! Состраданіе у Бѣлозеровыхъ—сильнѣйшее чувство. Подъ вліяніемъ его они готовы жертвовать собой до самозабвенія.

Профессоръ восхищенъ дѣтской простотой, искренностью и правдивостью скорбящей дѣвушки, этого достаточно. Ничего, конечно, нѣтъ общаго между ощущеніями сиротѣющей дочери и достоинствами жены. Бѣлозерову нѣтъ никакого дѣла до такихъ соображеній. Онъ слишкомъ вѣритъ въ благородство и цѣльность человѣческой природы вообще,—а здѣсь впечатлѣніе несомнѣнно въ пользу дѣвушки,—и она становится г-жей Бѣлозеровой.

При другихъ условіяхъ это была бы прекрасная жена, особенно у мужа, способнаго всю жизнь играть роль кавалера, а при случаѣ—и господина. Ольга – отнюдь не злая и безсердечная женщина. У кея есть и сердце, и способность любить, и даже воля—оставаться честной женой. Она любитъ мужа. Но все это исключительно безсознательныя, стихійныя добродѣтели. Мысль не принимаетъ здѣсь никакого участія. Ольга любитъ Бѣлозерова, какъ мужа—въ высшей степени добраго, уступчиваго, снисходительнаго. Но это чувство – грубое, примитивное. Ольга не понимаетъ и не цѣнитъ своего мужа, *какъ человѣка*. Она совершенно безучастна къ его задушевнѣйшимъ стремленіямъ. Его идеи — для нея звукъ пустой. Его научныя занятія—не только для нея безразличны, они даже оскорбляютъ ее: благодаря имъ у мужа остается слишкомъ мало времени занимать ее!

Между этими людьми въ сущности нѣтъ общей, *человѣческой* связи. У нихъ различные взгляды на существенные вопросы ихъ жизни. У жены, впрочемъ, нѣтъ никакихъ взглядовъ, а только инстинктивныя отношенія, свойственныя молодому женскому организму. Ольга любитъ наряды, желаетъ, чтобы ею занимались, дѣлили съ ней ея длинные досуги. Какъ это будетъ происходить—для инстинкта безразлично. Вѣдь умъ не играетъ здѣсь никакой роли. И первый встрѣчный фатъ и пошлякъ—въ родѣ Ратищева—будетъ желаннымъ кавалеромъ.

Какая благодарная почва для всевозможныхъ недоразумѣній! Сколько обидъ можетъ нанести такая жена своему мужу—совершенно безсознательно, играя, какъ дѣти, напримѣръ, бросаютъ камнемъ въ птичку и перебиваютъ ей крылья, не отдавая отчета въ своемъ поступкѣ. Такъ поступаетъ Ольга,—и незамѣтными путями приводитъ мужа къ катастрофѣ. И все несчастіе не въ безнравственности жены, не въ ея безсердечіи, а въ отсутствіи сознательной си-

лы въ ея отношеніяхъ къ мужу, въ недостаткѣ пониманія, вдумчивости. Это—типъ совершенно реальный, удачно очерченный во всѣхъ подробностяхъ.

Драма начинается издалека. Въ концѣ перваго акта является троюродная сестра Бѣлозерова и сообщаетъ ему о сплетняхъ—на счетъ Ольги и Ратищева. Кузина эта больше не появляется въ пьесѣ и съ большимъ удобствомъ могла бы совсѣмъ не появляться. Она только создаетъ лишнюю искусственно и преднамѣренно устроенную сцену. А между тѣмъ въ первомъ актѣ и безъ того не мало техническихъ недостатковъ. Быстрота операціи, исключительно опасной, даже невозможной по мнѣнію всѣхъ докторовъ кромѣ Бѣлозерова,—прямо невѣроятна. Еще быстрѣе профессоръ Тройновъ, учитель Бѣлозерова, убѣждается въ удачномъ исходѣ операціи. Все это напоминаетъ намъ обычные пріемы ложно-классической драмы: тамъ вѣстники въ теченіе получаса могли сообщить зрителямъ о событіяхъ, только что происшедшихъ чуть-ли не на противоположныхъ концахъ міра. Такую роль вѣстниковъ играютъ Бѣлозеровъ и Тройновъ. И въ заключеніе всѣхъ этихъ головокружительныхъ происшествій является какъ deus ex machina—кузина à propos. Для пьесы достаточно было сообщеній, какія дѣлаетъ во второмъ актѣ относительно того же предмета — отецъ Ольги. Внѣшняя завязка устроена неумѣло, но психологическія основы драмы выдержаны въ первыхъ двухъ актахъ.

Прекрасна первая же сцена мужа съ женой. Онъ въ восторгѣ отъ удачной операціи; онъ весь поглощенъ торжествомъ своей идеи, но жена не понимаетъ этого настроенія. Она—какъ истое созданіе terre à terre, живущее элементарными и эгоистическими впечатлѣніями, радуется, что теперь въ ея квартирѣ будетъ больше удобства, не будетъ пахнуть больницей... Что можетъ сдѣлать весь идеализмъ профессора при такихъ условіяхъ? Его рѣчи—языкъ боговъ для его жены. У нея просто нѣтъ органа, чтобы воспринимать нравственную жизнь мужа. Восторженное настроеніе профессора падаетъ. Наивный, чисто женскій эгоизмъ Ольги тлетворно дѣйствуетъ на Бѣлозерова—именно потому, что эта Ольга самый дорогой и близкій для него человѣкъ. Въ ней заключено *личное* счастье профессора. Онъ—при всей своей идеальности—человѣкъ съ головы до ногъ и ничто человѣческое ему не чуждо, не чужда жажда любви, мирнаго семейнаго счастья, не чуждо жгучее желаніе—во что бы то ни стало удержать это счастье за собой. Такіе люди не выносятъ одиночества. Всякій, кого доведется имъ полюбить, становится ихъ нравственной опорой, звеномъ ихъ существованія. Совершенный, истинно-человѣческій, дѣятельный идеализмъ идетъ всегда рядомъ съ развитой жизнью сердца. Здѣсь любовь—плоть и кровь идеи.

Какая поразительно драматическая сцена происходитъ у Бѣлозерова съ женой послѣ того, какъ въ немъ возбудили сомнѣніе! Этотъ сдержанный гнѣвъ при одномъ имени Ратищева—а это имя безъ умолку лепечетъ безсознательный, безотчетный языкъ Ольги—эта невольная вспышка при видѣ хлыста, предмета мелкаго, но въ данный психологическій моментъ, невыносимаго для профессора, потому что въ этомъ хлыстѣ олицетворяется все, что профессоръ считаетъ пошлымъ, ненавистнымъ, нахальнымъ, все, что кажется внѣшней развращающей силой, проникшей въ его семью... Бѣлозеровъ возвышаетъ голосъ, въ немъ начинаетъ просыпаться звѣрь: такъ онъ самъ выражается и ясно сознаетъ свое паденіе. Драма началась—въ душѣ идеалиста. Необходимость ставитъ его въ положенія, совершенно противорѣчащія его характеру, всей его жизни. Ходъ внѣшнихъ обстоятельствъ можетъ быть самый простой, и онъ такимъ остается. Весь вопросъ въ томъ, что противъ человѣка идей стоитъ герой хлыста, грубой животной силы. Женщина, не вѣдая что творитъ, столкнетъ эти силы,—и результатъ заранѣе опредѣленъ.

У Бѣлозерова нѣтъ оружія для физической борьбы,—нѣтъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Дуэль съ Ратищевымъ неминуемо должна оказаться простымъ убійствомъ. Но это только заключительный эпизодъ. Интересъ не въ немъ, а въ той захватывающей душевной борьбѣ, какую переживаетъ профессоръ раньше, чѣмъ стать къ барьеру.

Онъ выгоняетъ Ратищева вонъ,—для иного это обыкновенный актъ возмездія нахалу,—для профессора эта вражда—измѣна самому себѣ, превращеніе человѣка въ звѣря — позорнѣйшее *паденіе*, какое только могъ представить идеалистъ. И Бѣлозеровъ не знаетъ, какъ загладить свою *вину*: онъ послѣ каждаго рѣзкаго слова проситъ прощенья у жены, онъ готовъ принести извиненія Ратищеву, его совѣсть страдаетъ при одной мысли, что онъ могъ грубо возвысить голосъ, оскорбить кого бы то ни было.

Ничего сантиментальнаго, вымышленнаго здѣсь нѣтъ: Бѣлозеровы иначе и не могутъ дѣйствовать. Разъ мы признали основной тонъ идеализма вѣрнымъ — все остальное только подробности, отдѣльные звуки. Правда, авторъ не скупится на терніи. Помимо семейнаго разлада, Бѣлозеровъ долженъ еще бороться съ интригами своихъ коллегъ. Но вѣдь и это фактъ безусловно реальный. Авторъ съ большимъ искусствомъ переплетаетъ эти интриги съ мотивами семейной драмы: коллеги принимаютъ главное участіе въ распространеніи сплетенъ про жену профессора. Можетъ быть, лишняя сце-

на—появленіе главнѣйшаго сплетника, доктора Загницкаго, съ цѣлью оправдать себя предъ Бѣлозеровымъ и кстати сообщить ему о газетномъ пасквилѣ. Мы и безъ этой сцены знаемъ роль Загницкаго, и о пасквилѣ профессоръ узнаетъ совершенно независимо отъ бесѣды съ Загницкимъ. Сцену можно выпустить. Она безъ нужды усложняетъ ясную и точно намѣченную психологическую драму. Это, слѣдовательно, новый техническій недостатокъ пьесы.

Съ третьяго акта начинаются болѣе важныя ошибки. Профессоръ вынужденъ согласиться на дуэль. Почему онъ соглашается? Онъ говоритъ, что всю жизнь боролся съ нелѣпымъ предразсудкомъ. Это, конечно, преувеличенье. Вѣрнѣе всего, профессору совсѣмъ не было времени думать о дуэляхъ и вопросахъ чести, столь варварски разрѣшаемыхъ нѣкоторыми господами. Во всякомъ случаѣ, дуэль противорѣчитъ всѣмъ его воззрѣніямъ и онъ рѣшается драться только потому, что Ратищевъ предлагаетъ извинительное письмо — съ намеками на Ольгу. Этого не выноситъ Бѣлозеровъ. Звѣрь снова пробуждается... Но зритель плохо вѣритъ, чтобы подобнаго человѣка одной нахальной фразой ничтожнаго фата можно было сбить съ пути цѣлой жизни и толкнуть на низкое, звѣрское, по его мнѣнію, дѣло. Вѣдь находитъ же Бѣлозеровъ достаточно силы, чтобы относиться съ презрѣніемъ къ интригамъ коллегъ и идти твердо къ намѣченной цѣли. А вѣдь онъ страстно любитъ науку. Неужели его чувство къ женѣ до того болѣзненно-чутко, что даже косвенный намекъ на ея имя—совершаетъ рѣшительный переворотъ въ его нравственномъ мірѣ? Правда, незадолго предъ этимъ у Бѣлозерова происходитъ съ женою разговоръ о дуэли, Ольга оказывается сторонницей бреттерскаго героизма, но не могла же эта бесѣда сбить съ толку сорокалѣтняго идеалиста—все равно какъ жалобы той же Ольги не могутъ заставить профессора ни на одну минуту измѣнить свой образъ жизни, нарушить планъ своей дѣятельности.

Рѣшительный моментъ драмы, слѣдовательно, мотивированъ слабо, случайно. По крайней мѣрѣ, мотивъ не стоитъ на уровнѣ характера героя и, конечно, не является сильнѣе, значительнѣе давно установившейся натуры профессора. А между тѣмъ, именно *такой* долженъ быть мотивъ, круто поворачивающій драму къ катастрофѣ.

Самочувствіе профессора послѣ рѣшенія драться—снова идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ представленіемъ, какое мы составили о героѣ на основаніи первыхъ двухъ актовъ.

Бѣлозеровъ оказывается чувствительной, слезливой, едва ли не мелодраматической жертвой обстоятельствъ. Задыхающимся голосомъ онъ произноситъ длинный прощальный монологъ по адресу дорогихъ ему людей. Эта бесѣда съ самимъ собой мало естественна, она является кромѣ того прямо утомительной, досадной, такъ какъ каждая фраза здѣсь свидѣтельствуетъ о малодушіи, овладѣвающемъ душою идеалиста въ критическую минуту. Совершенно другого настроенія ждали мы отъ Бѣлозерова, умѣвшаго въ первомъ актѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ благороднымъ сознаніемъ своей правоты и силы — бросать вызовъ всѣмъ противникамъ, проходить съ гордо поднятой головой среди всѣхъ препятствій... Неужели у человѣка, обнаружившаго столько нравственной мощи ради идеи, не хватитъ самообладанья въ личномъ вопросѣ? Не значитъ ли унижать героя, заставивъ его сначала наполнить сцену громовыми рѣчами, а потомъ показать на его глазахъ слезы, въ его сердцѣ—дрожь, замѣшательство, чувство безпомощности? Вѣдь Бѣлозеровъ не юноша,—въ сорокъ лѣтъ подобные люди умѣютъ быть послѣдовательными, вѣрными себѣ.

Но авторъ вступилъ на путь чувствительности и уже не сойдетъ съ него до конца. Слѣдуетъ сцена профессора съ Ольгой — и даже Ольга, при всемъ своемъ верхоглядствѣ, подмѣчаетъ волненіе мужа. А вѣдь онъ только что обнаруживалъ особенную заботу объ ея спокойствіи. Значитъ, не овладѣлъ собой. Также Бѣлозеровъ ведетъ себя съ сестрой жены, съ ассистентомъ. Это все жалкія картины. Онѣ увѣнчиваются картиной смерти — уже прямо искусственной, разсчитанной на дешевый мелодраматическій эффектъ.

Бѣлозеровъ смертельно раненъ. Онъ умираетъ на сценѣ, но передъ смертью успѣваетъ развить предъ окружающими цѣлую систему нравственной житейской философіи, выдержать чувствительную сцену съ своими учениками, увидѣть солнечный утренній свѣтъ, прислушаться къ шуму просыпающагося города — и высказать по этому поводу нѣсколько лирическихъ глубокомысленныхъ замѣчаній...

Вотъ это значитъ умирать «въ стихахъ», а не «на самомъ дѣлѣ». Когда-то говорили:

Le mal est bien divers
De mourir en effet et de mourir en vers...

Дѣйствительно,—мы это видимъ. Жизненная, реальная драма, столь правдиво обоснованная, разрѣшилась тенденціознымъ вымысломъ. И отъ этого страдаетъ не только главный герой. Изумительно поведеніе Ольги. Сначала она въ страшномъ отчаяніи, намѣрена умереть вмѣстѣ съ мужемъ. И это понятно. Сердце, наконецъ, проснулось,—умъ прояснился, а отъ природы Ольга — честная, любящая жена. И вдругъ послѣ всего она говоритъ умирающему мужу: «да, я буду тверда какъ камень!... Да, я всю жизнь буду думать о сынѣ, я воспитаю въ немъ тебя!... Тебя, милый, честный»...

Хорошія слова, но сказаны совершенно некстати. Вѣдь они означаютъ—примиреніе Ольги съ трагической судьбой мужа, которую она сама же вызвала. Такъ по крайней мѣрѣ она утверждаетъ. Какъ могло произойти подобное превращеніе въ то время, когда, казалось бы, горе прозрѣвшей женщины должно подниматься все выше, выше! А она вдругъ читаетъ мужу отходную и подписывается подъ его послѣдней волей.

Это рядъ фальшивыхъ чувствъ и явно выдуманныхъ положеній. И на этотъ разъ недоразумѣнія автора не чисто внѣшняго характера, они обнаруживаютъ ошибочныя *психологическія* представленія. Кто способенъ изобрѣтать такія «новыя чувства», какія проявляетъ вдругъ Ольга, и устраивать подобныя декораціи смерти—тотъ грѣшитъ противъ основныхъ законовъ духовной жизни человѣка и наноситъ тяжелые удары собственному произведенію...

И все-таки эти удары не способны разрушить общаго, въ большинствѣ сценъ художественнаго и сильнаго впечатлѣнія, производимаго драмой. Никакая ошибка не можетъ изгладить въ памяти зрителя ни образа главнаго героя, ни этихъ сценъ супружескаго разлада, ни глубокой психологической драмы, постепенно захватывающей насъ жизненной правдой, раскрывающей предъ нами вѣчную борьбу благороднѣйшихъ силъ человѣческаго духа съ низменными стремленіями земли... Все это черты истинно-литературнаго произведенія, онѣ, несомнѣнно, спасутъ пьесу г. Потапенко отъ общей участи, постигающей современныя драмы...

Это доказалъ первый же спектакль. Успѣхъ «Жизни» оказался единственнымъ за послѣднее время. Авторъ имѣетъ всѣ основанія видѣть въ немъ законный поводъ—продолжать работать для театра.

Исполненіе драмы не можетъ похвалиться особенной стройностью.

Главную роль исполнялъ г. Ленскій, имѣлъ большой успѣхъ—и совершенно заслуженный. Первые два акта не оставляютъ желать ничего лучшаго: съ такимъ глубокимъ, сильнымъ чувствомъ умѣлъ артистъ вести всѣ сцены, характеризующія идеализмъ профессора, его возвышенную преданность наукѣ и идеѣ! Рѣчь Бѣлозерова, обращенная къ Тройнову—учителю, забывшему свои завѣты, и толкующему о карьерѣ и репутаціи—художественнѣйшій моментъ всего спектакля. Къ сожалѣнію, г. Рыбакову, играющему роль ассистента, по волѣ автора приходится разрушить впечатлѣніе совершенно ненужной банальной выходкой: онъ подаетъ профессору стаканъ воды... Это комично и неумѣстно. Г. Ленскій ведетъ роль въ благородномъ тонѣ. Искусство артиста въ сильной степени смягчаетъ бьющіе въ глаза технические недостатки перваго акта. Г. Ленскій является на сцену послѣ операціи такимъ утомленнымъ и въ то же время торжествующимъ, переживаетъ столько разнообразныхъ, но одинаково прекрасныхъ ощущеній, что зритель перестаетъ интересоваться вопросомъ, возможно ли было совершить такой подвигъ въ такое короткое время... Всѣ сцены профессора съ женой исполняются г. Ленскимъ превосходно: столько художественнаго такта въ каждой фразѣ, съ такимъ искусствомъ всѣ подробности приведены въ гармонію и подчинены одному цѣльному замыслу! Это — дѣйствительно воспроизведеніе жизни, а не игра. Стоитъ только прослѣдить постепенно накипающее чувство раздраженія въ сценѣ съ хлыстомъ, присмотрѣться къ этимъ едва уловимымъ переходамъ отъ недостойныхъ вспышекъ къ обычному безконечно гуманному чувству.

Съ третьяго акта—мы видѣли—начинаются психологическія недоразумѣнія автора и артистъ принужденъ подчиняться имъ. Г. Ленскій изображаетъ крайне нервныя настроенія, его герой—человѣкъ, близкій къ ясновидѣнію и бреду, ежеминутно у него готовы брызнуть слезы... Г. Ленскій послушно воспроизводитъ весь этотъ чувствительный аппаратъ, пущенный въ ходъ авторомъ. Можно желать, чтобы артистъ по своей иниціативѣ позаботился, хотя бы отчасти, спасти внутреннюю связь между обѣими половинами драмы и не такъ рѣзко подчеркивалъ душевное паденіе своего героя. Оно немыслимо въ такой мѣрѣ, какъ это изображаетъ авторъ,—иначе нужно измѣнить весь типъ отъ начала до конца. Сцена смерти, мы видѣли, фальшива и въ драматическомъ, и въ психологическомъ смыслѣ: г. Ленскій искусно справляется съ задачей,—умѣетъ вызвать сочувствіе зрителей простѣйшими и поэтому истинно-художественными средствами.

Роль Ольги исполняется г-жей Лешковской. Это одна изъ самыхъ неудачныхъ ролей артистки. Г-жа Лешковская съ самаго начала совершенно ошибочно представила себѣ характеръ своей героини. Это отнюдь не флиртирующая, рисующаяся кокетка, всю жизнь проводящая будто передъ зеркаломъ. Ничего подобнаго. Г-жа Лешковская не кстати пользуется своими обычными пріемами изобразить въ лицѣ Ольги одну изъ героинь современныхъ модныхъ драмъ, посвященныхъ вопросу о супружескихъ измѣнахъ. Ольга по натурѣ неспособна ни на какія измѣны. Это наивное, простое, умственно-недалекое, но нравственно чистое существо. Даже было бы умѣстно, если бы Ольга на сценѣ не старалась во что бы то ни стало проявлять особенную грацію и всевозможныя внѣшнія женскія добродѣтели. Г-жа Лешковская, напротивъ, всѣми силами старается представить львицу, правда, не особенно высокаго полета и изящ-

наго тона, но отъ этого еще менѣе похожую на дѣйствительную Ольгу.

Вторая часть пьесы, когда на сценѣ происходитъ драма, прошла для г-жи Лешковской еще неудачнѣе. Артистка своей игрой даже не намекнула на чувства и впечатлѣнія, внезапно овладѣвшія молодой женщиной. Мы не слышали въ голосѣ артистки ни одной искренней задушевной ноты, на сценѣ не было драмы, пока говорила и дѣйствовала Ольга, потому что исполнительница роли не чувствовала или оказалась не въ силахъ воспроизвести внутренній смыслъ рѣшительныхъ моментовъ. Вся игра ограничивалась рѣзкими жестами, быстрыми движеніями, повышеніемъ голоса: *человѣка*, дѣйствительно страдающаго за свою слѣпоту и ошибки, не было и слѣда. Это въ сильной степени вредило игрѣ г. Ленскаго и подрывало впечатлѣніе зрителей.

Совершенно иначе исполнилъ свою роль г. Рыбаковъ. Въ теченіе всего спектакля онъ возбуждалъ живѣйшее сочувствіе публики къ своему, въ сущности довольно обыкновенному и мало замѣтному, герою. Какая прекрасная, глубоко-любящая и мужественная душа чуялась въ этомъ, извнѣ неловкомъ, простодушномъ, отчасти даже смѣшномъ поклонникѣ своего учителя! Сосредоточить вниманіе зрителей на сущности предмета, показать имъ *личность* героя съ большей ясностью, съ большей силой, чѣмъ это сдѣлалъ г. Рыбаковъ—врядъ ли возможно.

Такого же нравственнаго склада сестра Ольги—Варвара. Но роль исполняла г-жа Нечаева, до сихъ поръ обнаруживающая недостаточное умѣніе говорить со сцены и держать себя «не мудрствуя лукаво», а просто, естественно, правдиво. Эти достоинства совершенно чужды игрѣ г-жи Нечаевой, вѣчно окруженной какой-то фатальной атмосферой и переносящей въ самыя будничныя положенія отрывки какой-то драмы, вѣдомой одной только исполнительницѣ. Эта наклонность всему сообщать минорную или трагическую окраску разрушаетъ всѣ добрыя намѣренія и старанія артистки.

Г. Южинъ съ большимъ тактомъ исполнилъ роль Ратищева. Игра артиста, можетъ быть, была ужъ слишкомъ солидна, даже отчасти тяжела, — но это во всякомъ случаѣ пріятнѣе для зрителя, чѣмъ детальное любовное воспроизведеніе пошлости. Въ такихъ случаяхъ лучше не дойти до границъ, чѣмъ перейти ихъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на студентовъ-статистовъ. Они пребывали на сценѣ совершенно безучастно къ тому, что происходило на ихъ глазахъ. Умираетъ любимый профессоръ, а ученики держатъ себя такъ, будто все это не касается ихъ и совершается не серьезно, между прочимъ это вредитъ впечатлѣнію всей сцены.

Ив. Ивановъ.

«Кручина»—др. И. В. Шпажинскаго.

По нѣкоторымъ причинамъ чисто-закулиснаго свойства новая драма И. В. Шпажинскаго,—«Тайная сила», которую прежде предполагалось поставить на сценѣ Малаго театра еще въ этомъ сезонѣ, и которая была напечатана въ предыдущей книжкѣ нашего журнала, отложена до будущаго сезона. Освободившееся такимъ образомъ въ репертуарѣ мѣсто занято давно, двѣнадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, написанною, «Кручиной» того же автора. Драма «Кручина»—одна изъ очень немногихъ нашихъ неклассическихъ, но не старѣющихъ пьесъ; она полна дѣйствительно-художественнаго интереса, даетъ богатый матеріалъ и широкій просторъ актерскому творчеству; и во всякомъ случаѣ, какъ бы ни смотрѣть на «Кручину», она неизмѣримо болѣе у мѣста на образцовой русской сценѣ, чѣмъ убогія драматургическія подѣлки послѣднихъ лѣтъ, громадное большинство которыхъ еле-еле выдерживаютъ одинъ коротенькій театральный сезонъ и потомъ гибнутъ безъ слѣда, оставивъ по себѣ даже въ самыхъ внимательныхъ зрителяхъ лишь очень смутное, расплывающееся воспоминаніе. «Кручина» достойна много лучшей участи и, конечно, будетъ имѣть ее. Во всемъ «театрѣ» г. Шпажинскаго, ей принадлежитъ первое мѣсто, по крайней мѣрѣ—первое послѣ «Майорши», которой «Кручина», быть можетъ, уступаетъ въ художественной цѣльности, красотѣ и оригинальности отдѣлки, но превосходитъ ее глубиною замысла и силою драматизма.

Дѣйствительно, «Кручина» задумана и разработана, какъ вполнѣ серьезная драма, со сложнымъ психологическимъ сюжетомъ. Внѣшнимъ содержаніемъ пьесы служитъ адюльтеръ, который завязывается между Маничкой Недыхляевой и молодымъ Рубежниковымъ; тутъ нѣтъ уже и тѣни тонкой поэзіи, а осталась одна голая, только чувственная сердцевина, даже безъ слабаго налета возвышеннаго чувства. Но драматурга мало занимаетъ этотъ адюльтерный, пошлый романъ самъ по себѣ; его интересуетъ главнымъ образомъ то, какъ этотъ романъ, какъ эта любовная игра отражается въ своеобразной душѣ мужа Манички, Фортуната Ефимыча Недыхляева, какую страшную работу самыхъ разнообразныхъ чувствъ поднимаетъ она въ немъ. Въ психикѣ Недыхляева—весь центръ драмы, и психика эта разработана авторомъ мастерски, разносторонне. Предъ зрителемъ встаетъ цѣльный образъ, полный серьезнаго психологическаго интереса, и съ кристальною ясностью выступаютъ тѣ постепенные переходы въ ду-

шевномъ состояніи Фортуната Ефимыча, которые приближаютъ катастрофу. Но, дорожа прежде всего этимъ анализомъ душевныхъ движеній своего героя, авторъ не даетъ однако какой-нибудь психологической абстракціи, не ограничивается такъ сказать драматургической формулой ревности. Недыхляевъ вмѣстѣ съ тѣмъ—вполнѣ характерная фигура, съ чисто бытовыми, вѣрными нашей дѣйствительности и ярко нарисованными чертами; и въ мастерскомъ сочетаніи такихъ чертъ героя «Кручины» съ общечеловѣческимъ, собственно-психологическимъ содержаніемъ — самое главное и очень, конечно, крупное достоинство драмы И. В. Шпажинскаго. Оба элемента постоянно и тѣсно переплетаются, взаимно вліяютъ другъ на друга, помогаютъ одинъ другому ярче выступать передъ зрителемъ и въ итогѣ даютъ такой художественный образъ, какихъ, право, совсѣмъ немного во всей нашей драматической литературѣ. Пусть читатель постарается разобраться въ Недыхляевѣ, пусть прослѣдитъ за нимъ на всемъ протяженіи драмы, и онъ согласится съ сейчасъ нами сказаннымъ, согласится что это образъ, полный сложнаго интереса...

Недыхляевъ — забитая жизнью, въ конецъ загнанная нуждою и гнетущимъ, сквернымъ трудомъ натура; онъ—человѣкъ темный, темный нравственно, въ которомъ некому было затеплить истиннаго, чистаго свѣта, въ которомъ, напротивъ, все кругомъ способно только загасить такой свѣтъ, но въ которомъ заложено природою доброе, свѣжее зерно. Безпощадная, какъ осенняя ночь, угрюмая жизнь занесла это зернышко ворохами всякой грязи и скверны, но не заглушила его совсѣмъ. Она принизила Недыхляева, сдѣлала изъ него жалкаго, всегда готоваго пресмыкаться человѣчишку, разбудила всѣ хищническіе инстинкты, заставила, заморивъ совѣсть, «у купцовъ на послугахъ гонять, должниковъ ловить, шпіонить, выслѣживать, скупать векселишки и драть съ живого и съ мертваго», обратила, словомъ, въ гадкаго паука, потерявшаго образъ и подобіе,— и все же не убила совсѣмъ человѣческой души. Она только загнала ее куда-то глубоко-глубоко, въ самый тайный, невидимый другимъ уголъ, затянула ее въ узенькую оболочку. Живя сначала какъ кротъ, потомъ какъ коршунъ, творя дѣла отвратительныя, привыкнувъ къ нимъ, какъ къ чему-то необходимому и правому, весь уйдя съ головою въ то, чтобы какъ-нибудь накопить казну побогаче,— Недыхляевъ лелѣетъ среди всего этого одну мечту: когда-нибудь бросить все, обзавестись семьей, и свѣтлымъ, чистымъ счастіемъ семейной жизни, отцовскими радостями вознаградить себя за жизнь ползучаго гада, за всѣ лишенія и пресмыканія, за чужую и собственную жестокость. Эта мечта озаряетъ Недыхляеву двадцатилѣтнюю каторгу, придаетъ ей даже смыслъ, какъ средству къ цѣли. Но такія средства не проходятъ даромъ, они налагаютъ свой слѣдъ, и онъ дѣлается понемногу все глубже и глубже, все неизгладимѣе; привычки «каторжной жизни» среди униженія и затаенной злобы всасываются въ душу, навсегда отравляютъ ее своимъ страшнымъ ядомъ,—и когда цѣль уже близка, когда внѣшнимъ образомъ она осуществляется, Недыхляевъ неспособенъ вполнѣ насладиться ею. Онъ самъ хорошо понимаетъ это, самъ лучше, чѣмъ кто другой чувствуетъ, кто онъ, и въ этомъ весь трагизмъ его положенія. Онъ чуетъ, что счастье его съ Маничкой построено на зыбкой почвѣ, что не можетъ оно быть прочно, и причина будущей бѣды не во внѣ, а въ немъ самомъ. Вотъ почему съ перваго же появленія Недыхляева на сценѣ вы чувствуете въ немъ великую тревогу, душа у него, пользуясь ходячимъ выраженіемъ, не на мѣстѣ. Конечно, онъ просто робѣетъ передъ красавицей-женой, робѣетъ по старой привычкѣ робѣть передъ каждымъ, пока его нельзя совсѣмъ придавить къ землѣ; онъ боится жены, но еще больше боится за свое счастье. Г. Ленскій прекрасно передаетъ этотъ страхъ, эту гложущую тревогу, окрашивая въ это настроеніе свои первыя сцены — съ женою, Таисой, Ревякинымъ. И когда рѣзкій, прямолинейный Ревякинъ, не придавая никакого значенія своимъ словамъ, говоритъ Недыхляеву, что въ маленькомъ городкѣ «и женѣ меньше соблазновъ» — эти слова отзываются въ Недыхляевѣ сильнѣйшею болью, такъ какъ они увеличиваютъ ту тревогу, которая все время не даетъ ему покоя, и которую онъ напрасно силится унять. Также, *но только также*, дѣйствуетъ на Недыхляева и первое появленіе у него въ домѣ молодого человѣка, Рубежникова. Г. Ленскій ведетъ сцену съ Рубежниковымъ такъ, будто въ Недыхляевѣ сразу загорается яркимъ пламенемъ ревность, охватываетъ всего его пожаромъ,—и актеръ передаетъ эту ревность въ самыхъ яркихъ краскахъ. Нѣтъ, Недыхляевъ еще не ревнуетъ, въ немъ еще не просыпается этотъ страшный звѣрь съ ядовитыми зубами, но только усиливается та, такъ сказать, безпредметная тревога, съ которой не разстается его душа, не смѣя повѣрить счастью. Ревность — впереди. Да и въ чисто-сценическомъ отношеніи то толкованіе этой сцены перваго акта, какой держится талантливый исполнитель роли Недыхляева, кажется намъ очень невыгодной для актера: оно обрекаетъ его игру на неподвижность, игрѣ этой уже почти некуда развиваться, такъ какъ составляющая главное ея содержаніе ревность съ первыхъ же шаговъ достигла своего апогея; въ послѣдующихъ актахъ исполнителю приходится только повторять себя, и оттого его исполненіе значительно

проигрываетъ въ силѣ производимаго на зрителя впечатлѣнія.

Только со второго акта безформенная тревога понемногу перерождается въ ревность. Но Недыхляевъ еще не отдается ей вполнѣ. Какъ прежде онъ, внутренно-трусливый, не рѣшался повѣрить своему счастью, такъ теперь не рѣшается повѣрить своему несчастію. Быть можетъ, еще ничего страшнаго не случилось, быть можетъ тревогѣ нѣтъ основаній переходить въ болѣе опредѣленное и мучительное чувство? Недыхляевъ жадно цѣпляется за эту призрачную надежду, пытается какъ-нибудь возстановить тотъ ладъ, искусственный, фальшивый, обидный, но все-таки ладъ, какой былъ въ ихъ супружеской жизни до злополучнаго появленія Рубежникова. Теперь ему безконечно дорога даже та видимость счастья, которая прежде вызывала только тревожное чувство. Таковъ внутренній смыслъ первой сцены Недыхляева съ женой во второмъ актѣ. Недыхляевъ гонитъ отъ себя страшную правду, отъ которой въ дребезги разлетится взлелѣянная въ теченіе двадцати лѣтъ мечта. Но трудно бороться съ этой правдой, «мысли ползутъ нехорошія», не можетъ онъ съ ними сладить,—и когда Недыхляевъ опять застаетъ Маничку съ Рубежниковымъ, мысли эти сразу берутъ надо всѣмъ верхъ, и сердце закипаетъ жгучею, доводящею до изступленія ревностью. Это—именно *взрывъ* ревности. Въ первыя минуты Недыхляевъ ничего не соображаетъ, не отдаетъ себѣ даже отчета во всей бездонной глубинѣ своего несчастія, онъ теряетъ разсудокъ, его заливаетъ страстная волна бѣшеной злобы, больно ужаленнаго мужского чувства. Но привычка пресмыкаться, таить все въ себѣ, не нападать на жертву, а подкрадываться къ ней, наконецъ—просто страхъ чѣмъ нибудь проявить свою личность, опять таки развитый и глубоко вкорененный всей прошлой жизнью,—все это сказывается тутъ съ полною силою, и ревность не вырывается у Недыхляева наружу. Вмѣсто того, чтобы броситься на Рубежникова, показать ему весь «адъ души», Недыхляевъ съ искривленными злобою губами, съ пожелтѣвшими глазами, съ лютою мукою въ сердцѣ, начинаетъ униженно любезничать съ тѣмъ, кто укралъ у него единственное счастье. Недыхляевъ точно хочетъ еще глубже затоптать себя въ грязь, еще ниже придавить себя къ землѣ, упиться гноемъ собственныхъ ранъ. Какъ жалокъ онъ въ эту минуту и какъ гадокъ, гадокъ не смотря на то, что въ этой коллизіи глубокаго, хотя и обезображеннаго жизнью, искренняго чувства и жажды грубо-чувственныхъ наслажденій высшая правда—на сторонѣ Недыхляева, и ему должны бы принадлежать нравственныя симпатіи зрителя. Г. Ленскій очень хорошо и сильно ведетъ эту, и сейчасъ за нею слѣдующую (за столомъ) сцену, но придаетъ имъ, на нашъ взглядъ,—ошибочный оттѣнокъ. Недыхляевъ-Ленскій какъ бы хочетъ выпытать у Рубежникова и у жены горькую правду, точно хочетъ, по выраженію ихъ лицъ, по игрѣ въ глазахъ, угадать, до чего они дошли, и какъ глубоки его позоръ и его несчастіе. Но въ эти минуты Недыхляевъ не размышляетъ, разсудокъ у него помутился, и не нужно ему пока никакихъ доказательствъ: вся кровь горитъ злобой, ревностью, и нѣтъ мѣста ни для какихъ сомнѣній. Они прійдутъ потомъ. И если Недыхляевъ начинаетъ говорить съ Рубежниковымъ объ интрижкѣ съ замужнею женщиною, о томъ, какъ «сдержанность невольная, при другихъ, на свободѣ распаляетъ страсти», — это не хитрая уловка съ его стороны, не крючокъ, на который онъ хочетъ поймать смущеніе молодого человѣка. Совсѣмъ нѣтъ. Въ Недыхляевѣ говоритъ тутъ одна болѣзненная, но такъ вѣрная всей его натурѣ жажда мучить самого себя, раздражать себя, давать все новую пищу своей ревнивой злобѣ, именно, говоря его же словами, «распалять себя» страстными картинами измѣны жены... И Недыхляевъ понемногу доводитъ себя, дѣйствительно, «до кипѣнія мозга въ костяхъ». Только при такомъ пониманіи этой сцены дѣлается вполнѣ понятнымъ ея изступленный финалъ, когда Недыхляевъ бѣжитъ купаться. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ душевномъ складѣ его получается новая, очень важная черта. Она еще не разъ скажется въ дальнѣйшемъ развитіи душевныхъ страданій нашего героя, она заставитъ его такъ жадно искать доказательствъ измѣны жены, и не для того, чтобы, убѣдившись въ правдѣ, извѣстнымъ образомъ дѣйствовать, но только для того, чтобы еще больше замучить себя, подбросить новую пищу сжигающему его душу адскому огню...

Только когда первый взрывъ ревности, самый острый, проходитъ, когда холодная вода немного утишаетъ огонь въ крови, можетъ Недыхляевъ подумать, что за бѣда стряслась надъ его несчастной головою. Все дурное, все нанесенное жизнью уходитъ куда-то вдаль, и обнажается доброе свѣжее зерно. Предъ вами—глубоко страдающій человѣкъ, человѣкъ, способный на возвышенное чувство, поднимающійся почти на идеальную высоту. Недыхляевская гнойная оболочка, всегда отталкивавшая отъ него, заставлявшая чувствовать къ нему не состраданіе, а лишь гадливую жалость, разсыпается пепломъ,—и выростаетъ почти въ величественной красѣ жрецъ чистаго культа семьи, который божеству своему отдалъ всю свою душу, всю жизнь, безъ остатка, и который видитъ, что надругались надъ алтаремъ, и осквернено божество. Въ эти минуты Недыхляевъ высоко-симпати-

ченъ, зритель долженъ искренно, до слезъ, сочувствовать ему, иначе драма теряетъ нравственный свой смыслъ. И затронутая тутъ сочувственная струна должна звучать въ васъ уже до конца драмы, ясный свѣтъ отъ этого момента долженъ до конца падать на Недыхляева, смягчая мрачность послѣдующихъ картинъ. И авторъ сдѣлалъ все, чтобы этотъ моментъ, этотъ замѣчательный монологъ, начинающійся словами: «Маничка, Маничка! Что ты со мной дѣлаешь!.. Измѣрь глубину чувствъ моихъ и т. д.»—производили именно такое впечатлѣніе. Вчитайтесь въ этотъ монологъ, написанный чуть не размѣренною рѣчью,—и вы проникнетесь къ Недыхляеву величайшимъ состраданіемъ. Во всѣ послѣдующіе моменты пьесы онъ не вызоветъ уже въ васъ этого чувства въ такой мѣрѣ, и потому тѣмъ необходимѣе сильно выдвинуть впередъ настоящій моментъ, чтобы не сотворить несправедливости относительно этого страдальца, страдальца вдвойнѣ, потому что въ его страданіи нѣтъ обычной страданію красоты. Г. Ленскій, конечно, вполнѣ вѣрно оцѣнилъ значеніе этого монолога въ общей «экономіи» драмы, но въ его передачѣ у артиста не хватало силы, искренности; и здѣсь постоянно прорывались тѣ жидкія, отталкивающія теноровыя нотки, которыми г. Ленскій постоянно пользуется при передачѣ роли Недыхляева. И потому его слова слабо отдавались въ сердцѣ зрителя, не поднимали въ немъ, какъ бы слѣдовало, сильной сочувственной волны. Должны, впрочемъ, оговориться: мы видѣли г. Ленскаго два раза, въ первый и въ четвертый спектакли, и во второй разъ разбираемая сцена вышла значительно теплѣе и сердечнѣе, чѣмъ въ первый; и вообще, вся игра симпатичнаго артиста во второй разъ показалась намъ болѣе стройной, какъ бы болѣе увѣренной и цѣльной, лишенной нѣкоторыхъ излишнихъ рѣзкостей, хотя бы, для примѣра, того дикаго крика, которымъ онъ закончилъ въ первый спектакль четвертый актъ.

Мы уже говорили, изъ чего складывается, на нашъ взглядъ, послѣдующая душевная жизнь Недыхляева. Ему нужны доказательства того, что его позоръ—полный, что Маничка измѣнила ему не одною душою, не въ однихъ только чувствахъ своихъ; и доказательства эти нужны только затѣмъ, чтобы еще больше растравить ими раны, чтобы дать новую пищу ревности. Въ поискахъ за такими доказательствами приходитъ Недыхляевъ къ Ревякину, у котораго живетъ Рубежниковъ. Иного внутренняго смысла въ этомъ поступкѣ мы не можемъ видѣть; внѣ такого объясненія, которое напрашивается само собою, и на которое имѣются намеки и у автора, эти сцены оказываются совершенно безцѣльными въ ходѣ развитія драмы и ненужными для обрисовки душевнаго облика героя. Мы хорошо помнимъ, какъ велъ эти сцены Вл. Н. Давыдовъ, старательно выдвигавшій впередъ въ каждой своей репликѣ, въ цѣломъ рядѣ мелкихъ движеній, именно эту цѣль посѣщенія Ревякина. Его Недыхляевъ жадно и съ какимъ-то злорадствомъ придирался къ каждому слову Ревякина, которое можно было какимъ-нибудь образомъ обратить въ доказательство, онъ лихорадочными глазами оглядывалъ комнату, въ надеждѣ, что какая-нибудь мелочь, какая-нибудь вещица, бумажка дадутъ ему неоспоримое доказательство. Едва Ревякинъ выходитъ въ кухню къ Маланьѣ, Недыхляевъ-Давыдовъ вскакиваетъ, дрожащими пальцами перелистываетъ книги, трогаетъ вещи на столѣ, нервно бѣгаетъ по комнатѣ, охваченный одной безумной мыслью — уличить!— и посреди этого подозрительнаго осмотра, говоритъ свой монологъ: «хандритъ... бывать пересталъ» и т. д. Сцена выходила чрезвычайно живой, естественной и, вмѣстѣ, полной смысла. И каждый лишній доводъ, каждый «фактъ къ заключенію» вызываетъ въ Недыхляевѣ не столько страданіе, сколько какую-то макабрскую, почти сладострастную радость, отъ которой жутко-жутко дѣлается зрителю, и которая достигаетъ своего мрачнаго, зловѣщаго апогея при словахъ: «о, еслибы увидать ихъ вмѣстѣ!» Это было бы, конечно, безспорнѣйшимъ доказательствомъ и это дало бы возможность вполнѣ упиться страданіемъ... Такова болѣзненная психологія Недыхляева въ эти минуты, которая, хотя и не въ такой яркой формѣ, знакома каждому ревнивцу... Когда въ послѣдующей сценѣ Недыхляевъ бросается за портсигаромъ Рубежникова,—имъ, очевидно, опять руководитъ эта же жажда доказательствъ, а не желаніе, хотя бы и притворное, услужить. У г. Ленскаго, не придерживающагося такого толкованія всего третьяго акта, и эта сцена, и предыдущія, выходятъ блѣдными и несовсѣмъ понятными, ничего не прибавляющими къ уже нарисованному раньше образу. И у автора онѣ нѣсколько растянуты, въ нихъ слишкомъ много однообразнаго матеріала, который трудно сдѣлать отъ начала до конца одинаково интереснымъ.

Въ Недыхляевѣ начинается уже чисто болѣзненный процессъ, со своею особою, больною логикою. Ревность, не находя выхода, уходитъ все глубже внутрь, сосредоточиваетъ на себѣ всѣ мысли Недыхляева; и чѣмъ старательнѣе скрываетъ онъ это чувство, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не выдать окружающимъ своего позора, тѣмъ тяжелѣе дѣлается его бремя. И понемногу, сначала откуда-то робко выползаетъ, потомъ все сильнѣе завладѣваетъ имъ мысль о смерти. Человѣкъ религіозный, выросшій въ вѣрѣ, Недыхляевъ боится самоубійства, какъ грѣха, гонитъ отъ себя мысль о немъ, но не въ силахъ совладать съ нею, уступаетъ и ищетъ оправда-

ній. И его душа, источенная постоянно скрываемою злобою, привыкшая блуждать въ самыхъ темныхъ закоулкахъ, понемногу выдвигаетъ изъ себя, вмѣстѣ съ оправданіями, новый жестокій мотивъ для самоубійства: — «наказать», наказать тѣхъ, кто казнилъ его, чтобы «мертвецъ, не сущій страдалецъ, всюду имъ мерещился». «Вѣдь это что? — пытка, предвкушеніе ада!», въ какомъ-то дикомъ, изступленномъ восторгѣ восклицаетъ Недыхляевъ и упивается мыслью о такой мести. Чисто-недыхляевская месть; мысль о ней могла вырости только въ больной душѣ, пріученной дѣлать зло изподтишка, искусившейся въ измышленіяхъ козней и вмѣстѣ трусливой. Предъ нами раскрываются самыя мрачныя низины человѣческой души... Г. Ленскій ведетъ эту сцену съ Ревякинымъ превосходно, еще одинъ коротенькій шагъ, и померкнетъ совсѣмъ лучъ сознанія, погаснетъ разумъ — вы ясно видите это.

Только изрѣдка мелькнетъ вдругъ, менѣе утонченная въ своей внутренней жестокости, мысль — убить не себя, а тѣхъ, кто раздавилъ его душу и отнялъ у жизни всякій смыслъ. Какъ эта послѣдняя мысль побѣждаетъ первую и какъ она выростаетъ въ преступную рѣшимость, мы не видимъ, авторъ закрываетъ отъ насъ эту заключительную часть душевнаго процесса Недыхляева. Зритель понимаетъ всю естественность развязки, когда Недыхляевъ съ ножемъ въ рукахъ подкрадывается къ Рубежникову и заноситъ надъ его спиною ножъ; но мы недостаточно подготовлены къ этой развязкѣ; между нею и тѣмъ психическимъ моментомъ, на которомъ мы разстались съ Недыхляевымъ, не хватаетъ какого-то звена. И потому этотъ ножъ производитъ больше впечатлѣніе внѣшняго ужаса.

Никакого впечатлѣнія не производитъ заключительный моментъ — какого-то внезапнаго, таинственнаго просвѣтленія Недыхляева — звучащій очень фальшиво и съ большою пользою для цѣльности впечатлѣнія совершенно выбрасываемый нѣкоторыми исполнителями. Заключительная сцена эта введена авторомъ, очевидно, для того, чтобы открыть передъ зрителемъ какой-нибудь просвѣтъ и ослабить мрачность впечатлѣнія отъ пьесы. Но цѣль эта не достигается, и сцена только звучитъ диссонансомъ въ томъ гармонически построенномъ цѣломъ, какимъ является «Кручина».

Неудачной кажется намъ еще заключительная сцена четвертаго акта съ кольцемъ, неудачной — по чрезмѣрной своей искусственности, вычурности, изъ-за которой громадное большинство зрителей, знающихъ пьесу только по сценическому ея исполненію, почти не понимаютъ ея. Недыхляевъ застаетъ у себя Рубежникова, снимаетъ съ своей руки обручальное кольцо и передаетъ его Рубежникову со словами: «надѣньте... если... оно... здѣсь... на мѣстѣ». (Послѣднія слова у г. Ленскаго почти не слышны). Рубежниковъ роняетъ кольцо и убѣгаетъ изъ комнаты; съ Недыхляевымъ дѣлается нервный припадокъ. Зритель понимаетъ эту сцену въ томъ смыслѣ, что Недыхляевъ символически уступаетъ, съ передачею кольца, жену Рубежникову, отказывается отъ супружескихъ правъ своихъ. Но тогда вся жестикуляція г. Ленскаго кажется какъ-то странной; и потомъ, почему-же отказъ Рубежникова отъ кольца и, слѣдовательно, отрицаніе имъ своихъ правъ на Маничку, такъ дѣйствуетъ на Недыхляева? Зритель недоумѣваетъ и чувствуетъ, что тутъ что-то не такъ. Дѣйствительно, не такъ. У автора сцена построена совсѣмъ иначе: Недыхляевъ даетъ Рубежникову кольцо съ тѣмъ, чтобъ послѣдній надѣлъ кольцо назадъ на *его*, *Недыхляева*, палецъ, если оно *здѣсь*, *на этомъ пальцѣ*, «на мѣстѣ». Бросая кольцо, Рубежниковъ даетъ Недыхляеву послѣднее доказательство Маничкиной измѣны Отсюда — припадокъ... Все это — слишкомъ ужъ натянуто, вычурно и въ сценической передачѣ остается положительно непонятнымъ. Только заглянувъ въ текстъ пьесы, богатый авторскими ремарками, догадываетесь вы, въ чемъ дѣло.

Мы отмѣтили уже въ разныхъ мѣстахъ нашей статьи тѣ моменты въ сценической передачѣ роли г. Ленскимъ, которые кажутся намъ неудачными, невѣрными, напрасно упрощающими замыселъ драматурга. За вычетомъ этихъ моментовъ, артистъ ведетъ свою роль очень умно, потративъ на ея разработку несомнѣнно много внимательнаго труда. Но артисту все-таки не удалось вполнѣ овладѣть ролью, она какъ-то гнететъ его своими отдѣльными частями, отдѣльными деталями, а потому нѣтъ въ ней надлежащей стройности, а тѣмъ менѣе искренности. Мы вовсе не требуемъ, чтобы артистъ непремѣнно *переживалъ* роль, но зрителю-то должно казаться, что это такъ; а тутъ онъ постоянно чувствовалъ игру, видѣлъ усилія артиста изобразить такое-то чувство, такое-то душевное состояніе, видѣлъ, словомъ, самый механизмъ исполненія, и это расхолаживало его. Нѣкоторыхъ отдѣльныхъ шероховатостей игры, мелкихъ недочетовъ мы не касаемся, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе спектакли ихъ стало много меньше, чѣмъ въ первые.

Мы нѣсколько подробнѣе остановились на роли Недыхляева потому, что она, на нашъ взглядъ, представляетъ большой, незаурядный интересъ, а также и потому, что въ ней весь центръ пьесы и почти все ея содержаніе. Остальныя роли неизмѣримо проще и имѣютъ лишь побочное, служебное значеніе. Среди нихъ впереди всѣхъ надо, конечно, поставить Ревякина. Фигура этого грубаго на видъ, рѣзкаго, слишкомъ прямолинѣйнаго, на близорукій

взглядъ даже черствaго человѣка, но съ младенчески-чистой душой и нѣжнымъ, любвеобильнымъ сердцемъ,—фигура малооригинальная, часто эксплоатируется беллетристами, въ частности—драматургами, и всегда производитъ самый хорошій эффектъ. И у г. Шпажинскаго она вышла очень яркой, сразу притягиваетъ къ себѣ симпатіи зрителей. Въ сценическомъ отношеніи это въ высшей степени благодарная роль, «выигрышная», и г. Рыбаковъ, почти безупречный Ревякинъ, имѣетъ въ ней крупный успѣхъ. Особенно хороши у него тѣ сцены, гдѣ прорывается наружу истинная натура этого гиганта-идеалиста изъ маленькихъ почтовыхъ чиновниковъ, нѣжная, любящая, глубоко-честная. Артистъ вкладываетъ въ эти сцены массу искренняго чувства, теплоты, захватываетъ ими зрителей, а въ сценѣ первой встрѣчи Ревякина съ Полинькой (въ 3-мъ актѣ) вызываетъ даже слезы, хорошія слезы сочувствія и эстетическаго восторга. Нѣсколько менѣе удаются г. Рыбакову, выходятъ какъ-то дѣланными моменты, противоположнаго характера, въ которыхъ должна выступать впередъ ревякинская грубая оболочка; Ревякинъ совсѣмъ напрасно сбивается у артиста на барина-сибарита, любящаго поболтать и покапризничать, съ бархатистымъ баритономъ и округленными, плавными движеніями. Въ первый спектакль замѣчалось еще нѣкоторое однообразіе тона, но эта монотонность совсѣмъ пропала въ послѣдующіе спектакли. Въ общемъ, роль Ревякина одна изъ лучшихъ въ репертуарѣ этого артиста и заслуживаетъ большой похвалы.

Съ такою же похвалою надо отозваться и объ исполненіи г-жей Лешковской роли Манички Недыхляевой. Исполненіе это безукоризненное, столько же правдивое, вѣрное жизни, сколько и красивое, столько же удачное по стройности и законченности цѣлаго, сколько по остроумію и изяществу деталей. На общемъ фонѣ мелкой, пошлой чувственности, неспособной подняться до страсти, авторомъ намѣченъ рядъ тѣней, и г-жа Лешковская искусно передаетъ каждую изъ нихъ, но такъ, что онѣ ни на минуту не заглушаютъ совсѣмъ основного тона. Артистка умѣетъ передать и ту чувствительность, почти сантиментальность, которая, безспорно, есть въ Маничкѣ, хотя и въ самой маленькой дозѣ, и которая капризнымъ образомъ уживается рядомъ съ черствостью; и ту алчность, доходящую до скаредности, мелочность, душевное убожество, которыя не мѣшаютъ однако Маничкѣ жаждать искренняго, молодого чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея игрѣ, какъ всегда, много внѣшняго изящества и кокетства, которое какъ нельзя болѣе кстати въ роли Манички. Нѣкоторые слишкомъ рѣзкіе у автора моменты, напримѣръ сцены съ Таисой изъ-за какой-то матеріи или изъ-за сахара, дѣлаются въ исполненіи г-жи Лешковской не такъ кричащими, правдоподобными и вполнѣ совмѣстимыми со всѣмъ образомъ Манички.

Таису Ефимовну, представляющую послѣдній, немного запоздавшій, миніатюрный сколокъ съ блаженной памяти Кукшиной, этой жалкой изнанки свѣтлаго общественнаго и идейнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, превосходно исполняетъ г-жа Никулина. Правда, ея Таиса немного изящнѣе и женственнѣе, чѣмъ Таиса автора; но такое толкованіе роли, такое отступленіе отъ авторскаго замысла кажется намъ только симпатичнымъ, да и болѣе соотвѣтствующимъ нашему времени, для котораго строго выдержанная въ своемъ безобразномъ стилѣ Таиса Ефимовна была бы совершеннымъ анахронизмомъ. Эти примазавшіеся къ «нигилизму» выродки, его накипь, понемногу ушли изъ нашей жизни, вмѣстѣ съ крайними, но искренними увлеченіями новымъ теченіемъ, и остались лишь рѣдкіе послѣдыши, облѣзшіе и полинявшіе. Для такого неглубокаго явленія и двѣнадцать лѣтъ очень значительный срокъ. Быть можетъ, когда «Кручина» писалась, этихъ эпигоновъ было и много больше числомъ, и больше было въ нихъ ихъ уродливой цѣльности. Теперь они сильно убыли и количественно и качественно.

Двѣ остальныя роли въ драмѣ, Рубежникова и Полиньки, обрисованы авторомъ совсѣмъ блѣдно, а послѣдняя и съ излишнею, немного слащавою сантиментальностью, во вкусѣ мелодраматурговъ. Въ передачѣ г. Ильинскаго и г-жи Щепкиной образы эти выигрываютъ немного, не пріобрѣтаютъ особеннаго интереса и проходятъ какъ-то незамѣтными, заслоненныя фигурами Недыхляева, Ревякина и Манички.

X.

Кромѣ «Жизни» и «Кручины» на сценѣ Малаго театра поставлены были еще три одноактныя пьесы.

«*Сельская честь*», драма въ 1 д. Д. Верга, была поставлена 26 ноября, въ томъ же переводѣ г-жи Веселовской, въ которомъ она напечатана въ № 30 «Артиста». Д. Вергъ пользуется на Западѣ славой талантливаго романиста и драматурга. Его драма „Сельская честь“, какъ извѣстно, послужила либретомъ для оперы Масканьи, того же названія, быстро обошедшей всѣ сцены Европы. Знаменитая Э. Дузе съ большимъ успѣхомъ играла въ драмѣ Верга главную роль Сантуццы—во время своихъ послѣднихъ гастролей въ Берлинѣ.

Драма Верга является оригинальнымъ произведеніемъ своеобразнаго характера. Прежде всего въ ней поражаетъ мастерская концентрація сильно-драматическаго сюжета. На протяженіи одного небольшаго акта передъ зрителемъ развертывается цѣлая драма; сцены быстро

смѣняютъ одна другую, не страдая въ тоже время какими-либо пробѣлами—все мотивировано, ясно, просто и кратко. Въ текстѣ нѣтъ ни одного лишняго слова, монологовъ нѣтъ совсѣмъ. Піеса представляетъ крайне любопытный образчикъ современнаго бытового итальянскаго реализма. Авторъ рисуетъ передъ зрителемъ яркую, живую картину деревенской жизни современной Италіи, съ характерными особенностями ея обитателей, ихъ страстностью, живостью, быстрыми и яркими проявленіями страстей.

Исполняется піеса превосходно г-жей Ермоловой и гг. Южинымъ и Горевымъ въ главныхъ роляхъ.

Вмѣстѣ съ «Кручиною» И. В. Шпажинскаго была поставлена 29 ноября новая одноактная шутка Д. В. Гарина «*Я играю большую роль*». Сюжетъ піесы не сложенъ. Молодая артистка Шура Рыжикова, служащая на выходныхъ роляхъ въ провинціальномъ театрѣ, случайно, за болѣзнью одной изъ первыхъ артистокъ, получаетъ «большую» роль. Она въ восторженномъ упоеніи возвращается домой, въ свою маленькую комнатку и начинаетъ предаваться сладкимъ мечтамъ о предстоящемъ успѣхѣ, о счастливой будущности. Она то мечтаетъ наединѣ, то дѣлится впечатлѣніями съ своей квартирной хозяйкой, Матреной Ивановной. Ея монологи мѣстами написаны очень удачно и пересыпаны довольно бойкими, мѣткими и остроумными замѣчаніями о современномъ положеніи театральнаго дѣла, о современныхъ режиссерахъ, ихъ любимцахъ, о рецензентахъ, публикѣ и проч.—Радужныя мечтанія счастливой Шуры нарушаются приходомъ театральнаго разсыльнаго, который приноситъ извѣстіе, что заболѣвшая было «премьерша» выздоровѣла и будетъ сама играть ту роль, на которой бѣдная Шура строила всѣ мечты своего будущаго благополучія.

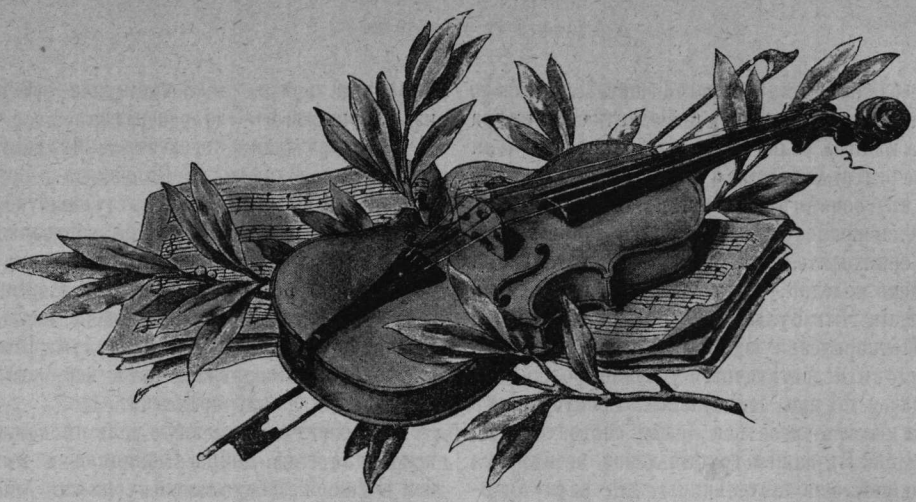
Роль Шуры даетъ хорошій матеріалъ для водевильной артистки, требуя въ тоже время отъ исполнительницы большой выдержки и такта. Вся пьеса почти сплошь занята одними монологами Шуры. При этихъ условіяхъ избѣжать однообразія и сохранить въ публикѣ интересъ задача не изъ легкихъ. Г-жа Помялова, игравшая эту роль въ спектаклѣ 29 ноября, вполнѣ удачно выполнила эту задачу.

Роль квартирной хозяйки, Матрены Ивановны—роль небольшая, но тѣмъ не менѣе не лишенная нѣкоторыхъ комическихъ черточекъ, воспользоваться которыми г-жа Порошина сумѣла очень мало.

Публика просмотрѣла пьесу съ интересомъ. Пьеса г. Гарина несомнѣнно сдѣлается одной изъ любимыхъ въ репертуарѣ водевильныхъ артистокъ.

Въ спектаклѣ 15 декабря въ первый разъ была поставлена ком.-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера «*На тотъ свѣтъ*». Сюжетомъ шутки послужилъ тайный побѣгъ изъ родительскаго дома двухъ подростковъ—гимназиста Паши Быстрицкаго и Мани Слѣпцовой, ночью, на лодкѣ, по пути въ «Новый Свѣтъ», въ Америку. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ по рѣкѣ, храбрые путешественники рѣшаютъ сдѣлать первый привалъ. Съ первыхъ же шаговъ ихъ постигаютъ всевозможныя неудачи. Выпрыгивая изъ лодки, Паша промачиваетъ ноги. Разложивъ костеръ, они рѣшаютъ приготовить себѣ ужинъ изъ захваченнаго изъ дома провіанта. Но искусство жарить цыпленка имъ не знакомо. Паша упрекаетъ Маню въ невѣжествѣ по части кулинарнаго искусства и учитъ ее, какъ надо жарить: завернуть цыпленка въ бумагу и положить въ огонь. Цыпленокъ превращается въ уголь, бутылка вина разбивается, сапоги Паши, положенные къ костру для просушки, подвергаются риску сгорѣть. Провизія вся, больше не захватили. Голодъ начинаетъ вызывать сожалѣнія объ оставленныхъ удобствахъ, о мирномъ вечернемъ чаѣ, съ закусками, домашними лепешками и прочей вкусной снѣдью.—Утомленные бѣглецы рѣшаютъ лечь спать. Вскорѣ является погоня; французъ гувернеръ и нѣмка гувернантка съ помощью лодочника отыскиваютъ бѣглецовъ и такъ сонными и кладутъ ихъ въ лодку, чтобы возвратить подъ родительскій кровъ.

Пьеса написана очень живо и смотрится съ интересомъ. Роль гимназиста Паши превосходно играетъ г-жа Щепкина. Артистка мастерски передаетъ всѣ характерныя особенности манеры держать себя и говорить, присущія подростку-мечтателю. Не дурна и г-жа Музиль 2-я въ роли Мани.



Большой театръ.

Характеръ репертуара.—Гастроли г-жи Булычевой.—Новые исполнители нѣкоторыхъ ролей.

За истекшій мѣсяцъ (съ 15 ноября по 15 декабря) въ Большомъ театрѣ не было поставлено ничего новаго. Возобновлены были три оперы изъ прошлогодняго репертуара: «Фаустъ», «Гугеноты» и «Риголетто».

Чаще всего за это время даны были «Іоланта» и «Паяцы». «Фаустъ» шелъ съ обычнымъ, кстати сказать, вполнѣ хорошимъ распредѣленіемъ ролей: Маргарита—г-жа Фостремъ, Зибель—г-жа Крутикова, Марта — г-жа Никольская; Фаустъ—г. Донской, Валентинъ — г. Хохловъ и Мефистофель—г. Власовъ.

Оперные спектакли нѣсколько оживились участіемъ Н. В. Булычевой (лирико-драматическое сопрано), которая приглашена была на гастроли и имѣла значительный внѣшній успѣхъ, впрочемъ неодинаковый во всѣхъ исполненныхъ ею роляхъ. Съ г-жей Булычевой поставлены были «Гугеноты», «Аида» и «Жизнь за Царя»; артистка послѣдовательно являлась въ роляхъ Валентины, Аиды и Антониды—матеріалъ достаточный, чтобы выяснить степень талантливости артистки, а также пригодность ея для нашей оперной труппы. Въ пользу г-жи Булычевой говорятъ ея вокальныя средства. У нея очень сильный, густой и теплый голосъ съ красивыми средними нотами. Верхній регистръ нѣсколько тронутъ, и пѣвица пользуется имъ съ трудомъ, рѣзко даетъ предѣльныя его ноты и непріятно на нихъ вибрируетъ. Г-жа Булычева вообще поетъ и фразируетъ музыкально и, если вращается въ тесситурѣ средней голосовой сферы, интонируетъ вѣрно. Склонность къ форсировкѣ и однообразіе фразировки составляютъ существенные недостатки въ исполненіи пѣвицы и часто портятъ впечатлѣніе, производимое ею на слушателя. При всемъ этомъ г-жа Булычева артистка опытная; она держится хорошо на сценѣ, жестами не злоупотребляетъ и избѣгаетъ ходульныхъ пріемовъ. Далѣе этого игра ея не идетъ. Для мимики лицо артистки недостаточно подвижно и выразительно.

Исполненіе роли Валентины въ «Гугенотахъ» не прошло безъ случайной погрѣшности: въ дуэтѣ третьяго дѣйствія (съ Марселемъ) пѣвицѣ не удалось верхнее *до*, взяла она его не увѣренно и не выдержала надлежащимъ образомъ. Этимъ она себѣ испортила успѣхъ. Четвертый актъ проведенъ былъ безъ всякихъ инцидентовъ. Если исполненіе большого дуэта съ Раулемъ (г. Донской) и не могло претендовать на художественную цѣльность, все-таки въ немъ были нѣкоторые симпатично и сильно сказанные моменты. Внѣшнее сценическое олицетвореніе роли не поражало оригинальностью, особенно если припомнить прежнихъ болѣе талантливыхъ исполнительницъ роли Валентины, подвизавшихся на нашей сценѣ. Лучшее мѣсто въ исполненіи г-жи Булычевой первая картина четвертаго акта; здѣсь игра ея достаточно детальна и вполнѣ осмысленна.

Аида была передана и въ вокальномъ, и въ сценическомъ отношеніи много удачнѣе: г-жа Булычева съумѣла придать лирическому характеру партіи должное выраженіе. Арія на берегу Нила была ею спѣта со вкусомъ и съ вѣрною интонаціей, хотя не столь тонко, какъ ее исполняетъ г-жа Маркова. Заключительный дуэтъ между Аидою и Радамесомъ (г. Кошицъ) насъ удовлетворилъ менѣе: онъ могъ быть исполненъ нѣжнѣе и болѣе выдержанно въ ритмическомъ отношеніи. Въ Антонидѣ г-жа Булычева была слабѣе; партія эта по тесситурѣ слишкомъ высока для нея и по своему классическому характеру мало подходитъ къ индивидуальности артистки. Для этой пар-

тіи необходимо пѣніе строгой школы, котораго у г-жи Булычевой нѣтъ. Дебютантка не имѣла успѣха въ этой роли; скажемъ болѣе: ансамбли (тріо перваго дѣйствія и молитва-квартетъ въ третьемъ) совсѣмъ пропали по ея винѣ, такъ что ихъ исполненіе было даже со стороны нашей снисходительной праздничной публики встрѣчено холодно. Но техническіе промахи въ исполненіи г-жи Булычевой (подводимъ сюда и неудовлетворительную интонацію) могли произойти отъ недостаточнаго усвоенія роли. Если это такъ, то при дальнѣйшихъ повтореніяхъ пѣвица можетъ оказаться болѣе состоятельною Антонидой. Въ нашей труппѣ давно не имѣется подходящей исполнительницы для роли Антониды и гг. режиссерамъ слѣдовало бы серьезно подумать о томъ, чтобы отыскать хорошую лирическую пѣвицу для подобныхъ ролей. Г-жа Булычева врядъ ли можетъ быть полезнымъ пріобрѣтеніемъ для оперной труппы Большого театра.

Нѣсколько словъ объ исполнителѣ Сусанина. Г. Трезвинскій рѣдко выступаетъ въ этой роли, хотя она ему вполнѣ подходитъ какъ по характеру, объему и силѣ вокальныхъ средствъ, такъ и по фигурѣ. Артистъ однако не вполнѣ еще освоился съ ролью. Нѣкоторыя мѣста ея, гдѣ нужно и можно щегольнуть звуковыми эффектами и гдѣ требуются сила, энергія и мощь (напр. фраза «страха не страшусь»), не удались пѣвцу и не производили впечатлѣнія. Однообразная фразировка и неумѣстныя ферматы тоже не мало вредили дѣлу. Передача аріи «Чуютъ правду» вышла блѣдною вслѣдствіе недостаточно рельефнаго и стильнаго выдѣленія деталей. Воспоминанія Сусанина послѣ аріи были переданы болѣе или менѣе осмысленно и искренно. Все высказанное здѣсь даетъ намъ въ итогѣ основаніе пожелать артисту поработать надъ ролью Сусанина посерьезнѣе, тогда она будетъ одна изъ лучшихъ въ его репертуарѣ.

3 декабря дали «Риголетто». Заглавную роль впервые исполнилъ г. Пиньялоза. Вокальная сторона передачи была вполнѣ удовлетворительна. Вокальныя средства пѣвца настолько хороши, что онъ могъ бы отдѣлать свою партію съ большею рельефностью. Игра г. Пиньялоза и здѣсь не выходила за предѣлы итальянской шаблонности. Новая Маделена, г-жа Нечаева— ансамбль не испортила, вотъ все, что можно сказать въ пользу артистки.

Въ «Іолантѣ» заглавную роль нѣсколько разъ исполняла г-жа Дейша-Сіоницкая и имѣла въ ней большой заслуженный успѣхъ. Аріозо, да и вся партія передаются ею съ большимъ вкусомъ.

Въ «Паяцахъ» (въ спектаклѣ 7-го декабря) участвовалъ г. Власовъ, замѣнившій въ роли Тоніо г-на Пиньялоза. Появленіе артиста въ новой оперѣ было не безуспѣшно. Детали роли были имъ хорошо обдуманы, но далеко не все олицетворялось интересно въ музыкальномъ отношеніи и по игрѣ: недоставало послѣдней истиннаго комизма. Прологъ въ исполненіи г. Власова имѣлъ значительный внѣшній успѣхъ; пѣвецъ повторялъ его. Г-жа Маркова, исполнявшая послѣ г-жи Фостремъ, роль Недды, имѣетъ свои достоинства и свои слабыя стороны. Голосъ ея звучалъ сочнѣе и вообще красивѣе, нежели у г-жи Фостремъ, и въ дуэтѣ съ Тоніо она выразительнѣе своей предшественницы. Въ аріи «о птичкахъ» она слабѣе ея. Интермедію г-жа Маркова провела талантливо и умно, хотя не такъ пикантно-граціозно, какъ г-жа Фостремъ. Трагическій конецъ оперы произвелъ въ передачѣ артистки довольно сильное впечатлѣніе.

В. В.

Наша сцена съ точки зрѣнія художника.

Постановка «Орлеанской дѣвы» Шиллера въ бенефисъ г. Гельцера на сценѣ Большого театра.

Въ предъидущихъ очеркахъ мнѣ приходилось уже не разъ говорить о постановкахъ Малаго театра, къ числу которыхъ относится въ данномъ случаѣ и поставленная на Большомъ театрѣ «Орлеанская дѣва» Шиллера. Отличительная черта этихъ постановокъ въ такъ-называемыхъ «ковровыхъ» піесахъ — необыкновенная жизненность, реальность и самая мелочная правдивость въ каждой сценѣ, въ каждой самой незначительной детали. Самая придирчивая критика безсильна въ отысканіи какого нибудь самого пустого упущенья, и многія изъ постановокъ Малаго театра поистинѣ могутъ поспорить съ любой мейнингенской постановкой. Но все это остается такимъ лишь до тѣхъ поръ, пока постановка не выходитъ изъ сферы современной, близко знакомой намъ обстановки, съ нашими привычными костюмами, манерами и т. п. Но какъ только передъ

зрителемъ развертываются страницы исторіи, давно прошедшихъ временъ и совершенно чуждыхъ намъ нравовъ или картина мало знакомаго намъ деревенскаго быта (не даромъ его такъ не любятъ на нашей сценѣ), какъ тотчасъ же выступаетъ масса недочетовъ. Подчасъ и при этомъ на сценѣ развертываются передъ зрителемъ превосходныя и воистину художественно выполненныя картины, хотя бы напримѣръ въ родѣ сцены ночью въ ратушѣ въ «Ризоорѣ» или нѣкоторыхъ сценъ «Рюи Блаза», «Вольной волюшки», «Венецейскаго истукана» и т. п. Но затѣмъ тутъ же рядомъ съ ними грубымъ диссонансомъ звучатъ промахи, сильно напоминающіе самую примитивную условность какого-либо провинціальнаго театра.

Постановка «Орлеанской дѣвы» Шиллера служитъ довольно хорошимъ подтвержденіемъ всего сказаннаго и потому я снова останавливаю на ней вниманіе читателя.

Она обставлена заново, выполнена, очевидно, съ громаднымъ стараньемъ, да и по самому характеру всей драмы не представляетъ такихъ трудностей, какія представила бы постановка такой же, но *реальной* драмы. Драматическая поэма Шиллера, гдѣ даже сама историческая фабула принесена въ жертву общей идеѣ, написана въ подчеркнуто романтическомъ тонѣ. Условно повышенный тонъ всѣхъ рѣчей требуетъ и соотвѣтственно повышеннаго характера жестовъ и движеній, а такой характеръ движеній требуетъ и нѣкоторой условности костюма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и декорацій и всей вообще постановки, а все это, конечно, несравненно легче строго-реальнаго исполненія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ярче выступаютъ и тѣ промахи, которые приходится подмѣтить чуть ли не въ каждой картинѣ.

Такъ какъ драма была поставлена г. Гельцеромъ въ его бенефисъ, то съ его произведеній я и начинаю свой разборъ.—Несомнѣнно, что г. Гельцеръ серьезно потрудился надъ своими декораціями и далъ рядъ такихъ работъ, которыя навсегда упрочатъ за нимъ славу умѣлаго, талантливаго и хорошо знающаго свое дѣло декоратора. Хотя мы и видѣли на Большомъ театрѣ не мало превосходныхъ декоративныхъ постановокъ *) и видѣли эти чудеса исполненными въ двѣ-три недѣли, а не въ результатѣ цѣлой чуть ли не годовой работы, какъ въ данномъ случаѣ, но тѣмъ не менѣе большая часть декорацій г. Гельцера должна быть отнесена къ числу наилучшихъ декорацій Большого театра. При этомъ нельзя лишь согласиться съ выборомъ г. Гельцера и оправдать его желаніе обставить своими бенефисными декораціями такое произведеніе, какъ «Орлеанская дѣва».—Соображенія г. Гельцера въ этомъ отношеніи могутъ быть очень понятны, но аксіома, что рама не должна убивать картины, все-таки остается аксіомой. Декорація въ драмѣ все-таки не болѣе какъ рама или фонъ, на которомъ происходитъ рядъ захватывающихъ зрителя сценъ, и если эта рама или этотъ фонъ приковываетъ прежде всего къ себѣ вниманіе зрителя, то самая драма несомнѣнно въ силѣ теряетъ и въ данномъ случаѣ такъ именно и произошло, и нашъ талантливый декораторъ на этотъ разъ уклонился отъ своего прежняго строгаго проведенія этого принципа въ своихъ работахъ. Когда въ сценѣ пролога зритель вмѣсто того, чтобы слушать Іоанну, старательно разсматриваетъ раскидистый дубъ и силится понять, какъ построено это воистину цѣлое архитектурное произведеніе, и монологи Іоанны и сама она при этомъ несомнѣнно теряютъ въ интересѣ, а когда въ сценѣ страданій Іоанны въ Реймсѣ вы слышите за собою споръ о томъ, написана лѣстница на заднемъ занавѣсѣ или построена, вы чувствуете, что вниманіе публики отвлечено отъ дѣйствующихъ лицъ къ декораціи и что интересуетъ ее не только картина, но и рама, которая служитъ уже не для того только, чтобы оттѣнить картину, но и сама по себѣ выставлена напоказъ и изо всѣхъ силъ подчеркнута въ глазахъ зрителя.

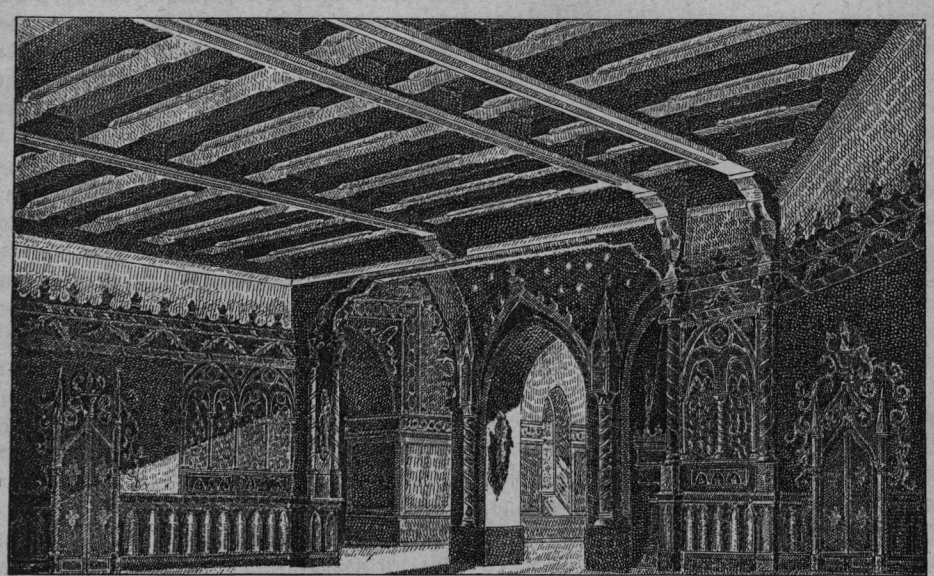
Среди сценическихъ произведеній есть цѣлый рядъ такихъ, въ которыхъ декорація имѣетъ гораздо большее и главнѣйшее значеніе. Для примѣра стоитъ вспомнить хоть бы злосчастное «Кольцо любви», которое обратилось бы въ совершенный мыльный пузырь безъ декорацій и постановки. Не мало существуетъ ихъ, конечно, и помимо винигрета г. Крылова. И если бы г. Гельцеръ избралъ для своего бенефиса какую-либо феерію или большую обстановочную пьесу, это было бы конечно гораздо естественнѣе.

Впрочемъ, было бы несправедливо серьезно нападать за это на г. Гельцера. Въ данномъ случаѣ онъ только очень характерно оттѣнилъ то отношеніе къ дѣлу сцены, которымъ отличаются у насъ всѣ власть на ней имущіе и о которомъ я неустанно повторяю въ каждомъ моемъ очеркѣ. Декораторы наши рѣдко думаютъ о томъ, что роль ихъ по большей части только служебная и что всѣ ихъ усилія сплошь и рядомъ должны клониться къ тому, чтобы оставить ихъ совсѣмъ въ тѣни и прежде всего и какъ можно ярче оттѣнить наиболѣе характерныя мѣста происходящаго на сценѣ дѣйствія. Не задумался надъ этимъ въ данномъ случаѣ и г. Гельцеръ, давъ цѣлый лабиринтъ декоративныхъ построекъ, въ которыхъ стушевались и Шиллеръ, и М. Н. Ермолова, и яр-

*) Стоитъ припомнить хотя бы нѣкоторыя декораціи изъ „Волшебной флейты“, появленіе корабля и дно моря въ „Фликъ-Флокѣ“ и т. д.

кій Дюнуа-Южинъ и многіе другіе. Относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ другихъ, впрочемъ, это было, пожалуй, даже и кстати...

Перехожу однако къ болѣе подробной оцѣнкѣ произведеній г. Гельцера.—Одно изъ главныхъ достоинствъ его декорацій это совершенно незамѣтныя кулисы и паддуги, которыя способны обыкновенно испортить самыя совершенныя декораціи. Ни въ одной изъ десяти картинъ, не смотря на то, что изъ нихъ половина декорацій изображаетъ пейзажъ, ни кулисы ни паддуги не только не рѣжутъ глаза, но даже съ трудомъ ихъ можно почувствовать въ деталяхъ, которыми онѣ искусно замаскированы. Условія мѣстности, выводимой во всѣхъ картинахъ на сцену, весьма благопріятны для декоратора: стволы деревьевъ, скалы и высокія зданія очень удобны для того, чтобы замаскировать и паддуги и кулисы, но тѣмъ не менѣе каждый знающій условія сцены пойметъ, насколько это не легко, и уже за одно это честь и хвала г. Гельцеру. Второе отличительное достоинство его декорацій—это чистота тона и сила свѣта, выдержаннаго въ каждой декораціи. Благодаря этому какъ въ прологѣ, такъ и въ сценѣ передъ Реймсскимъ соборомъ и въ эпилогѣ, задній занавѣсъ ни на минуту не производитъ впечатлѣнія расписанной тряпки и все время полонъ воздуха и свѣта. Для усиленія этого впечатлѣнія во всѣхъ трехъ сценахъ свѣтъ рампы уменьшенъ сравнительно съ заднимъ планомъ, дѣйствующія лица, стоящія въ одномъ случаѣ подъ навѣшеннымъ пологомъ тканей, а въ другомъ—подъ нависшими вѣтвями дерева, рисуются рѣзкимъ силуэтомъ на ярко-освѣщенномъ заднемъ планѣ, и въ результатѣ красивое и правдивое впечатлѣніе. Нельзя сказать, чтобы это было совершенною новостью, но припоминая многое множество видѣнныхъ и на Маломъ и на Большомъ театрахъ и совершенно нелѣпыхъ по освѣщенію сценъ, нельзя не остановиться на этомъ свойствѣ декорацій г. Гельцера и не порадоваться, что онъ сумѣлъ такъ успѣшно справиться съ освѣщеніемъ въ этихъ картинахъ. Нельзя также не отмѣтить и того умѣнья, съ какимъ г. Гельцеръ справился и съ задуманными имъ цѣлыми архитектурными постройками, каковы напримѣръ дубъ въ прологѣ, паперть реймсскаго собора и скалы въ декораціи дикой мѣстности во 2-мъ актѣ. Дерево, построенное изъ цѣлаго ряда занавѣсей съ прорѣзями, производитъ впечатленіе настоящаго дуба, раскинувшаго надъ сценой свои вѣтви, и если бы не портили дѣла краски и жесткость контуровъ въ прорѣзяхъ, дубъ былъ бы положительно безукоризненъ.—Впрочемъ, рѣзкость красокъ, чрезмѣрная ихъ яркость и опредѣленность и жесткость прорѣзей представляютъ собою общій недостатокъ почти всѣхъ декорацій г. Гельцера. Избѣжала ихъ только декорація съ папертью Реймсскаго собора—наилучшая изъ всѣхъ. Желая достигнуть силы свѣта и тона, г. Гельцеръ впалъ въ крайность и въ жесткость, въ тотъ же недостатокъ, который приходится отмѣчать въ произведеніяхъ художниковъ на картинныхъ выставкахъ. Партіи дубовыхъ листьевъ рѣзко рѣжутся своимъ контуромъ на фо-



„Орлеанская дѣва“, актъ 3-й, карт. 1-я.

нѣ неба и не тушуются воздухомъ, а между тѣмъ этого легко достигнуть, обводя ихъ воздушнымъ тономъ или зазубривъ контуры мелкими зубцами. Точно также прекрасно выдержанный темный тонъ листвы въ тѣняхъ оказывается совершенно ненатуральнымъ въ свѣтлыхъ партіяхъ, гдѣ чувствуются уже не свѣтъ и не листва, а просто зеленыя краски, чего также легко было избѣжать, сдѣлавъ тонъ свѣтлой зелени болѣе воздушнымъ. Вѣдь освѣщенная рефлексомъ воздуха листва никогда не бываетъ зеленой, какъ листъ разсматриваемый въ рукахъ, и нельзя писать ее зеленой, если не желаешь уничтожить всякую иллюзію. Точно то же слѣдуетъ сказать и о скалахъ пролога, которыя кажутся облитыми лиловыми чернилами кусками папье-маше, а не камнями. Жесткое грубое письмо и жесткія краски портятъ и стволъ дуба, который рядомъ съ настоящимъ круглымъ чурбаномъ, стоящимъ на сценѣ, выглядитъ расписаннымъ холстомъ; то же надо сказать и о часовнѣ, которая совершенно не дѣлится со скалой.

Лучше всего въ декораціи этой картины задній занавѣсъ, написанный въ тонѣ свѣтлаго, подернутаго бѣлесоватой дымкой, теплаго лѣтняго дня, и въ ней можно подмѣтить только одну погрѣшность въ рисункѣ рѣки, которая кажется не текущей по горизонтальной поверхности, а скатывающейся по сильно наклонной плоскости.

Декорація 1-го дѣйствія изображаетъ малую тронную залу дворца и очень красиво распланирована.—Красиво и помѣщенное въ глубинѣ залы большое съ разноцвѣтными стеклами окно, но и здѣсь впечатлѣніе отъ декораціи слишкомъ сильно и когда вы слышите за собою шепотъ какой-то дамы, обращающейся къ своему сосѣду съ вопросомъ: «Неужели это настоящія разноцвѣтныя стекла?», вы чувствуете, что декораторъ вышелъ изъ своей роли, выдвинулся изъ глубины кулисъ и, расталкивая дѣйствующихъ лицъ, всталъ среди нихъ съ кистями и палитрою въ рукахъ. Отбрасывая однако все это въ сторону и обращаясь къ самой декораціи, надо сказать, что она прекрасно выполнена. Окно производитъ впечатлѣніе настоящаго окна со стеклами, и когда Дюнуа отворяетъ его, чтобы взглянуть на площадь въ растворъ окна, до полной иллюзіи правдиво врывается полоса яркаго свѣта. Если можно сдѣлать какой либо упрекъ г. Гельцеру за эту картину, то лишь за ту же излишнюю яркость, и жесткость красокъ. Благодаря ей, декорація не даетъ впечатлѣнія фона, а надвигается и лѣзетъ на дѣйствующихъ лицъ.

Благодаря этой же жесткости тоновъ, она производитъ впечатлѣніе какой-то ненатуральной новизны. Зала какъ будто только вчера заново отдѣлана и открыта для публики, а между тѣмъ тутъ же на обѣихъ стѣнахъ блеклыя пятна двухъ большихъ гобленъ, написанныхъ въ смягченномъ тонѣ, и когда дѣйствующія лица располагаются противъ нихъ, между ними и декораціями чувствуется и воздухъ, и перспектива, и получается красивое и правдивое впечатлѣніе. Нельзя только согласиться съ рисункомъ этихъ гобленъ. Онъ очень правдивъ и можетъ быть исторически совершенно вѣренъ, но онъ излишне опредѣленъ и снова развлекаетъ вниманіе зрителя, отвлекая его отъ дѣйствующихъ лицъ. Ни одинъ художникъ, изображая на первомъ планѣ группу дѣйствующихъ лицъ, не нарисуетъ подробностей картинъ или ковровъ, висящихъ въ глубинѣ фона. Уже по одному устройству человѣческаго глаза этотъ фонъ нельзя видѣть подробно въ одно и то же время съ группой лицъ перваго плана и для того, чтобы разсмотрѣть дальній планъ, зрителю необходимо оторваться отъ дѣйствующихъ лицъ, такъ сказать перевести фокусъ своего зрительнаго объектива и направить его вдаль, т.-е. для того, чтобы видѣть подробности фона, необходимо оторвать свое вниманіе отъ дѣйствующихъ лицъ.

Такимъ образомъ совершенно естественно, что декораторъ сплошь и рядомъ пишетъ подробности декорацій нѣсколько какъ бы спутанными, находящимися не въ фокусѣ глаза, но очень жаль, что г. Гельцеръ, желая доказать публикѣ свое хорошее знакомство съ стилемъ гобленъ XV вѣка, не послѣдовалъ этому обычаю декораторовъ. Какъ бы то ни было, однако, но и эта декорація все-таки очень хороша и проникнута духомъ эпохи въ каждой мелочи, въ каждой детали архитектуры, въ рисункѣ тканей, въ толстыхъ восковыхъ свѣчахъ, стоящихъ на парапетѣ камина, и обличаетъ въ г. Гельцерѣ такое изученіе эпохи, которое во всякомъ случаѣ крайне пріятно видѣть.

Декорація 2-го дѣйствія, изображающая скалистую мѣстность ночью, должна быть также отнесена къ числу очень удачныхъ. Благодаря ли удачному освѣщенію, или потому, что декорація мягче написана, но въ ней даже не чувствуется такой жесткости красокъ, какъ въ другихъ, и вся картина была бы одною изъ самыхъ удачныхъ, если бы не портила ее слишкомъ сильно пущенная рампа. Дѣло происходитъ ночью, а ночью всѣ фигуры темныя и почему онѣ оказываются освѣщенными отъ зрителя рампой, остается непонятнымъ. А между тѣмъ, если бы свѣтъ рампы былъ значительно ослабленъ и свѣтъ костровъ, въ глубинѣ сцены, ярче,—дѣйствующія лица рисовались бы темными силуэтами на отблескѣ костровъ и вся сцена получила бы весьма оригинальный и сильный характеръ. Въ этомъ, впрочемъ, винить г. Гельцера было бы пожалуй несправедливо. Актеры не привыкли

играть безъ освѣщенія рампой и все должно покориться этой привычкѣ, хотя отъ этого и проигрываетъ ансамбль всей сцены.

Пожаръ англійскаго лагеря представленъ также не достаточно натурально. Хотя и получается нѣкоторое впечатлѣніе клубящагося багрового дыма, но отблескъ пожара слишкомъ ограниченъ. Его нѣтъ на скалахъ задняго плана, ни на деревьяхъ перваго и второго плановъ и отъ этого вся картина неизбѣжно проигрываетъ въ эффектѣ, который опять таки былъ бы гораздо сильнѣе, если бы на фонѣ пожара еще съ большею рѣзкостью обрисовывались темные силуэты дѣйствующихъ лицъ, а на ходѣ дѣйствія это не могло бы отозваться вредно, потому что главный интересъ сцены скорѣе въ общемъ ея настроеніи, нежели въ игрѣ отдѣльныхъ лицъ, а къ сценѣ примиренія Дюнуа съ Филиппомъ Добрымъ начинающійся разсвѣтъ можетъ дать достаточно свѣта для того, чтобы игра дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ подробностяхъ видна была зрителямъ.

„Орлеанская дѣва", актъ 3-й, карт. 2-я.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я впадаю въ нѣкоторое противорѣчіе, что, съ одной стороны, я упрекаю декоратора за излишній интересъ декоративной обстановки въ первыхъ двухъ сценахъ, а въ этой сценѣ, наоборотъ, ставлю ему въ упрекъ недостаточность декоративнаго эффекта. Но противорѣчіе это только кажущееся. Дѣло въ томъ, что въ каждой, даже глубокой по своему интересу, драмѣ могутъ быть сцены, въ которыхъ весь интересъ сосредоточивается не на игрѣ того или другого отдѣльнаго лица, а на ансамблѣ, на томъ общемъ впечатлѣніи, которое должна произвести на зрителя сцена, взятая во всемъ своемъ цѣломъ, и если въ сценахъ, полныхъ драматическаго интереса и съ игрою отдѣльныхъ лицъ, декорація отступаетъ далеко на задній планъ, то въ этихъ сценахъ ансамбля за декоративной обстановкой остается едва ли не первенствующее значеніе. Мейннингенцы явились для насъ во многомъ учителями, и вспомните какъ строго проводили они по большей части эту разницу въ требованіяхъ декоративной обстановки.

Попробуйте вспомнить наиболѣе эффектныя декоративныя обстановки и передъ вами тотчасъ же воскреснетъ рядъ именно такихъ сценъ съ преобладаніемъ ансамбля: лагерь солдатъ Валленштейна, пиръ Пиколомини, пожаръ Парижа въ «Кровавой свадьбѣ», битва въ «Юліи Цезарѣ» и т. п.

Но попробуйте вспомнить обстановку другихъ сценъ, гдѣ декорація служила лишь фономъ картины, вы вспомните лишь нѣчто неопредѣленное, хотя и очень характерное и красивое...

Для того, чтобы покончить съ этою сценой, отмѣчу лишь еще два небольшихъ упущенія, на которыя слѣдовало бы обратить свое вниманіе декоратору.—Солдаты, сбѣгая съ го-

ры, такъ стучатъ плохо сколоченными досками, что надо большую силу фантазіи, чтобы вообразить ихъ себѣ бѣгущими по дѣйствительной горѣ; точно также непріятно дѣйствуетъ на зрителя, когда брошенный Іоанною мечъ со стукомъ падаетъ на полъ, а и того и другаго, конечно, не трудно избѣжать. Но перехожу къ слѣдующимъ сценамъ.—Относительно декораціи 3-го дѣйствія приходится повторить то же, что было сказано и о декораціи 1-го дѣйствія: и здѣсь тоже красивая, хотя и не представляющая ничего оригинальнаго распланировка, тѣ же яркія и сильныя краски, но вмѣстѣ съ тѣмъ и та же жесткость и отсутствіе полутоновъ. Въ декораціи это яркое пятно освѣщенной арки съ рыцарскими доспѣхами даже еще болѣе жестко, и совершенно непонятно, зачѣмъ она понадобилась г. Гельцеру. Такому яркому свѣту упасть здѣсь не откуда, но напиши онъ его мягче, оно не лѣзло бы такъ впередъ, и рыцарскіе доспѣхи, написанные на немъ, не производили бы того диссонанса, который бросается въ глаза каждый разъ, когда подъ нимъ зритель видитъ актера въ настоящихъ латахъ. Странное впечатлѣніе производитъ это пятно еще и потому, что свѣтъ, падающій на него, ничего кромѣ него не освѣщаетъ. Люди, стоящіе подлѣ ярко освѣщенной солнцемъ арки оказываются стоящими въ тѣни.

Досадное впечатлѣніе производитъ и декорація 2-й картины съ башнями Реймса вдали. Въ декораціи этой есть несомнѣнно иллюзія послѣднихъ лучей солнца, освѣщающихъ башни, въ самой композиціи есть оригинальная и чисто романтическая суровая прелесть, вполнѣ гармонирующая съ ходомъ дѣйствія на сценѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непонятно, почему она изображаетъ желтую осень, когда предыдущія сцены и эпилогъ происходятъ лѣтомъ.

И зачѣмъ понадобилось г. Гельцеру это желтое освѣщеніе деревьевъ, когда башни Реймса освѣщены уже розовымъ отблескомъ заката?! Еслибы г. Гельцеръ ограничился болѣе умѣреннымъ эффектомъ: сосредоточилъ розовый свѣтъ на башняхъ Реймса, а лѣсъ написалъ темнымъ и уже погруженнымъ въ тѣнь, получилась бы несравненно болѣе эффектная картина и башни Реймса ушли бы въ даль, и вся сцена приняла бы еще болѣе суровый характеръ, особенно еслибы къ концу ея и на башняхъ Реймса погасалъ освѣщающій ихъ послѣдній отблескъ заката.

Перехожу, однако, къ самой сильной и красивой декораціи Реймсскаго собора. Декорація поистинѣ превосходна, и будь домики по лѣвой сторонѣ сцены нѣсколько характернѣе и побольше величиною, декорацію можно было бы съ гордостью показать и какимъ хотите мейннингенцамъ. И порталъ собора, и дальній планъ, и полутѣнь на авансценѣ, и масса воздуха и свѣта въ небесахъ, все исполнено превосходно, и если приходится сдѣлать г. Гельцеру упрекъ, то уже не за декорацію, а за грозу, которая къ концу картины надвигается надъ городомъ. Для того, чтобы у зрителей получилось впечатлѣніе громовыхъ ударовъ, недостаточно, однако, оглушительнаго треска пересыпающихся въ барабанѣ камней и даже скорѣе наоборотъ, чѣмъ глуше, и отдаленнѣе раскаты грома, тѣмъ болѣе имѣли бы они зловѣщаго впечатлѣнія.

Кромѣ того здѣсь упущенъ и другой эффектъ. Когда шумъ повторяется съ одинаковою силой два или три раза, онъ производитъ впечатлѣніе только въ первый разъ и для избѣжанія этого при каждомъ повтореніи шумъ долженъ быть въ значительной степени сильнѣе, и если бы первый ударъ грома былъ слышенъ лишь въ видѣ отдаленнаго глухого рокота, второй въ видѣ болѣе близкаго, но все-таки глухого удара, и только третій въ видѣ близкаго удара, съ отблескомъ молніи, впечатлѣніе было бы несомнѣнно сильнѣе. Точно также значительно сильнѣе было бы впечатлѣніе, еслибы съ каждымъ новымъ ударомъ на сценѣ становилось темнѣе отъ надвигающейся грозы и въ воздухѣ дальняго плана чувствовались надвигающіяся тучи.

Правда, въ ремаркахъ у Шиллера ничего не сказано ни о надвигающейся грозѣ, ни объ полутьмѣ на сценѣ, но вѣдь у него ничего не сказано и въ другихъ случаяхъ, гдѣ г-нъ Гельцеръ нашелъ однако возможнымъ прибѣгнуть къ самымъ разнообразнымъ эффектамъ. Да и наконецъ развѣ не очевидно, что надъ Реймсомъ надвигалась гроза, когда слѣдующая сцена прямо съ грозы же и начинается. Въ сценѣ этой приходится сдѣлать г. Гельцеру тотъ же упрекъ какъ машинисту. Гроза, происходящая на сценѣ,—увы,—совершенно не производитъ соотвѣтственнаго впечатлѣнія. Раздающіеся за сценой отрывистые удары барабана производятъ впечатлѣніе не грома, а пушечныхъ выстрѣловъ, и вспыхивающій за пратикаблями свѣтъ, не дающій почти ни на что своего отблеска, нимало не напоминаетъ отблеска молніи въ лѣсу.

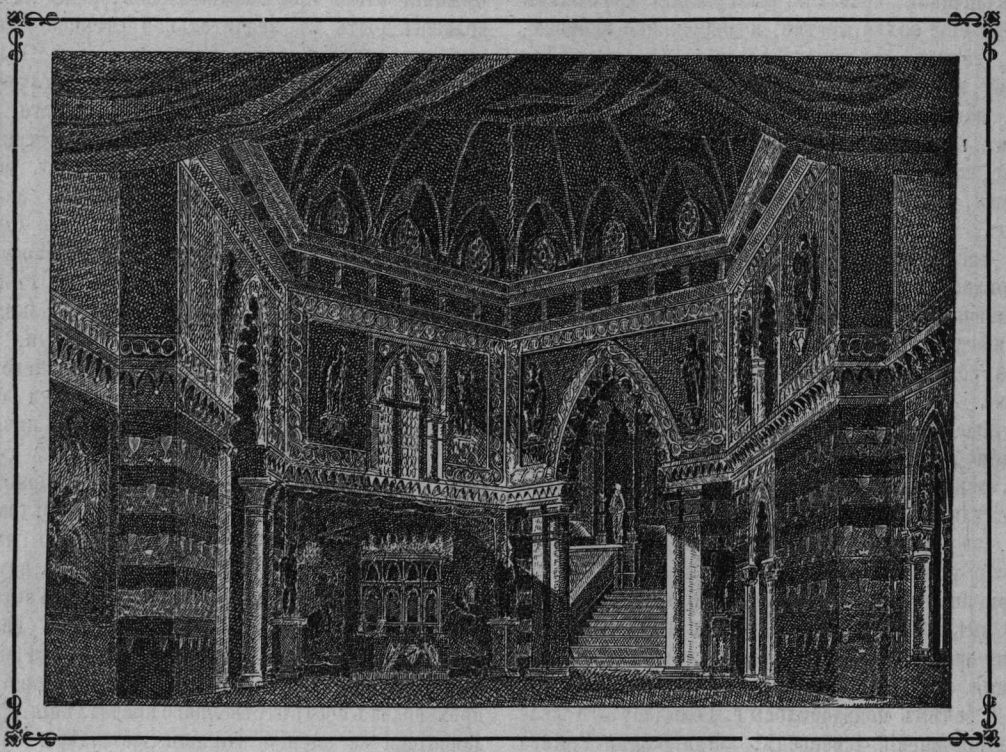
Если же прибавить къ этому, что удары грома вовсе не слѣдуютъ за вспышками молніи, а происходятъ совершенно съ ними врозь, то отъ грозы и совсѣмъ ничего не остается, тѣмъ болѣе, что сцена все время неподвижно освѣщена краснымъ отблескомъ спокойнаго заката, чего никогда и ни при какой страшной грозѣ не бываетъ. Наоборотъ, непрерывно и безпорядочно повторяющіеся глухіе и отрывистые удары барабана и вспышки свѣта въ нѣсколькихъ мѣстахъ за пратикаблями при спокойномъ освѣщеніи декораціи производятъ впечатлѣніе очень удачно выполнен-

наго сраженья, но сраженья не происходящаго вдали за лѣсомъ, а здѣсь, непосредственно за первой же кулисой, чего, по ходу дѣйствія, опять совсѣмъ не требуется.

Выходя изъ хижины, угольщикъ говоритъ:

„Среди бѣла дня ночь, и страшно
„Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли какъ гнутся
„Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?“
. . . . . .
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны
Мнѣ выстрѣлы....
Того и жди, что битва загорится“.

Гдѣ же здѣсь и спокойный красноватый закатъ и страшное сраженіе за сценой и вовпечатлѣніе толпы, но для этого они должны быть исполнены съ гораздо большимъ совершенствомъ и большею силой. Кромѣ того г. Гельцеръ сдѣлалъ и другую ошибку. Какъ бы ни были хорошо написаны такіе пратикабли, они никогда не въ силахъ произвести впечатлѣніе живой, т. е. все-таки, движущейся толпы и для того, чтобы они не рѣзали глазъ, линіи такихъ пратикаблей необходимо въ нѣсколькихъ мѣстахъ перебивать группами статистовъ, стоящихъ какъ бы на небольшихъ возвышеніяхъ почвы и тогда пратикабли могутъ оказать значительную услугу и въ постановкахъ сценъ съ толпою, при такомъ же



обще все происходящее на ней? Г. Гельцеръ и какъ машинистъ въ этомъ случаѣ вдался въ ту же погоню за излишнимъ и жесткимъ эффектомъ, которую я отмѣтилъ у него, какъ и у декоратора, и надо надѣяться, что при томъ умѣньи, какое г. Гельцеръ обнаружилъ въ другихъ удачныхъ сценахъ своей постановки, онъ въ своихъ послѣдующихъ постановкахъ скоро сумѣетъ справиться и съ этими недостатками и остановиться на той точкѣ, гдѣ впечатлѣніе, не переходя въ излишне подчеркнутую жесткость, достигается мягкими пріемами.

Что касается декораціи эпилога, то я уже отмѣтилъ ея достоинства и мнѣ остается сказать только два слова о пратикабляхъ съ написаннымъ на нихъ войскомъ. Подобные пратикабли, конечно, могутъ сильно увеличивать

расположеніи, какъ въ эпилогѣ «Орлеанской дѣвы»—увы—они только сильнѣе оттѣняютъ разницу между живой толпой и написанной на картонѣ. Да и вообще нельзя сказать, чтобы г. Гельцеръ воспользовался всѣмъ эффектомъ, котораго онъ могъ достигнуть въ сценѣ эпилога. Если бы вмѣсто довольно ровной горизонтальной поверхности онъ придалъ своей декораціи видъ ложбины межъ холмовъ и на холмахъ этихъ полукольцомъ въ живописныхъ группахъ съ знаменами расположилось войско, переходящее мѣстами въ написанную на пратикабляхъ толпу, а въ центрѣ, въ ложбинѣ, помѣстилась группа съ умирающей Іоанной—вышло бы несравненно и эффектнѣе, и правдивѣе. Нельзя также похвалить г. Гельцера и за лучъ электрическаго свѣта, которымъ онъ

зачѣмъ-то освѣщаетъ сверху умирающую Іоанну, но объ этихъ совершенно ложныхъ и безсмысленныхъ эффектахъ я говорилъ уже не разъ. Зачѣмъ здѣсь этотъ феерическій эффектъ, переносящій зрителя сразу въ какую-то балетную обстановку? Если же г. Гельцеръ хотѣлъ дать впечатлѣніе солнечнаго луча, пробивавшагося сквозь листву и освѣтившаго умирающую Іоанну, то развѣ солнечный лучъ бываетъ когда-нибудь такого холоднаго голубоватаго цвѣта, и развѣ натурально, чтобы онъ изо всей сцены упадалъ только на голову одной Іоанны? Если онъ хотѣлъ дать впечатлѣніе такого солнечнаго луча, любовно согрѣвшаго умирающую героиню, то и надо было освѣтить сильнѣе всю сцену, начиная отъ задней завѣсы, какъ бы проглянувшимъ изъ-за облака солнцемъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ бросить на толпу, сквозь прорѣзъ деревьевъ пучки желтоватаго электрическаго свѣта, сосредоточивъ его на умирающей Іоаннѣ. Вышло бы и натуральнѣе и красивѣе. На этомъ я и заканчиваю свой разборъ работъ г. Гельцера, такъ какъ послѣдняя неразобранная мною декорація башни ничего особеннаго не представляетъ и довольно обыкновенна. Да не посѣтуетъ на меня г. Гельцеръ за многія очень придирчивыя нападки на его произведенія. Если бы я не признавалъ г. Гельцера за несомнѣнно очень талантливаго и умѣлаго декоратора, я не вдавался бы во всѣ эти подробности и не просматривалъ бы каждую его декорацію отъ одного угла до другого. Кромѣ того г. Гельцеръ выступилъ съ своими декораціями въ бенефисъ и такимъ образомъ зритель въ правѣ обратиться къ нему съ самыми строгими требованіями.

Перехожу къ самой постановкѣ драмы, къ режиссерской ея части, выполненной режиссеромъ г. Кондратьевымъ. Я старательно избѣгалъ до сихъ поръ всякой параллели между постановкой «Орлеанской Дѣвы» на сценѣ Большого театра и постановкою ея у Мейннингенцевъ. Между двумя этими постановками разница настолько велика, что даже и параллель провести между ними не представляется никакой возможности, и прежде всего необходимо помириться съ тѣмъ, что вся постановка драмы на нашей сценѣ не выходитъ за предѣлы самой обыкновенной условности, и если можно ее разбирать, то, конечно, лишь съ точки зрѣнія самой этой условности.

Съ этой точки зрѣнія весь прологъ проходитъ вполнѣ благополучно и въ первомъ актѣ можно отмѣтить только одинъ промахъ въ сценѣ, когда въ залу приходитъ Іоанна. Совершенно невѣроятно, чтобы появленіе вдохновенной дѣвы во дворцѣ, ея рѣчи и поступки производили такое ничтожное впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ и чтобы они, только въ одномъ мѣстѣ, точно по командѣ начинали размахивать руками и выражать удивленіе, точно также сразу умолкая и успокоиваясь при первыхъ же новыхъ словахъ Іоанны. Еслибы не г. Южинъ, который одинъ только все время живетъ и играетъ, то вся эта, полная жизни и волненій, сцена оказалась бы совершенно мертвой, и если бы на нее смотрѣлъ глухой, незнакомый съ сущностью всего происходящаго на сценѣ, то можно побиться объ закладъ, что онъ даже не заподозритъ, какое громадное историческое событіе совершается на сценѣ. А между тѣмъ труппа Малаго театра умѣетъ жить на сценѣ, и мы не разъ видали ее въ сценахъ превосходнаго ансамбля, и на сценѣ все время находятся далеко не статисты и не выходные актеры.

Ненатурально проходитъ и 2-й актъ и не даетъ почти никакой иллюзіи, хотя бы даже условной.

Кучка солдатъ, сидящихъ на корточкахъ передъ красными электрическими лампочками, срывающаяся съ мѣста и убѣгающая по командѣ Филиппа, не даетъ даже и самаго условнаго впечатлѣнія, расположившихся бивуакомъ и усталыхъ послѣ сраженія, солдатъ. Ни мало не похожи на нестройныя полчища XV вѣка и кучка французскихъ солдатъ съ пиками, «вольно» бѣгущихъ чуть ли не въ ногу въ маскарадныхъ костюмахъ за графомъ Дюнуа. Точно также и все сраженіе, производимое за сценой однимъ только лязгомъ сабель другъ о друга и обрывающееся сразу, точно по командѣ, ни на одинъ моментъ не заставляетъ зрителя вообразить себя вблизи поля битвы. Но объ этомъ уже нечего и говорить, и если можно за что упрекнуть режиссера, то за то, что онъ совершенно упустилъ очень эффектную сцену, которая даже въ ремаркахъ у Жуковскаго до крайности величественна и красива. Выписываю эту ремарку: «на высотахъ виденъ пылающій англійскій лагерь; бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Іоанна является вдали на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара.» —Правда, ремарки эти относятся къ началу сцены съ Монгомери, которая выброшена, но не естественно ли было оставить ее въ силѣ въ слѣдующей сценѣ рыцаря, ищущаго убить Іоанну. Вмѣсто того, дѣйствующія лица преспокойно выходятъ изъ-за кулисъ, повторяютъ по расположенію ту же скучную сцену, съ которой и начиналась картина *).

Наиболѣе удовлетворительной (хотя и съ условной точки зрѣнія) является лишь сцена шествія въ Реймсскій соборъ короля и свиты. Хоть здѣсь и нѣтъ ни типичныхъ костюмовъ,

*) Къ слову говоря, не мѣшало бы режиссеру обратить вниманіе и на эту первую сцену между англійскими вождями, придать ей какое-либо красивое расположеніе и не оставлять дѣйствующихъ лицъ стоять въ одинаковыхъ интервалахъ вдоль рампы.

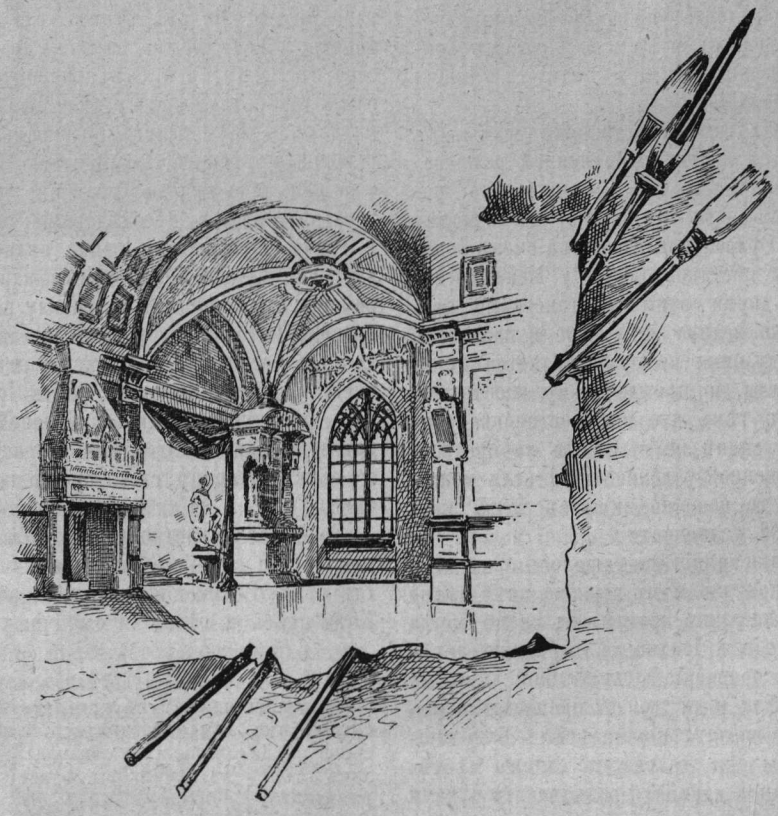
ни исторически вѣрныхъ подробностей, все-таки сцена красива и не шокируетъ зрителя, если не считать слишкомъ безучастнаго отношенія толпы къ въѣзду короля. Даже лошадь не стучитъ копытами по доскамъ и не похожа на коня, съ котораго только что слѣзъ жандармъ, стоявшій у подъѣзда, а послѣ разныхъ курьезовъ, которыхъ не мало приходится видѣть хотя бы на той же Большой сценѣ, и за то спасибо.

Жаль только, что съ окончаніемъ шествія пропадаетъ и всякая забота режиссера о сценѣ и начинается рядъ новыхъ несообразностей. Хотя солдаты и не удерживаютъ толпы, но сама толпа послушно стоитъ за неподвижными стражами, а на авансценѣ оказываются почему-то только одни родственники Жанны д'Аркъ, которые преспокойно расхаживаютъ передъ соборомъ и которымъ никто не мѣшаетъ. А между тѣмъ, даже съ точки зрѣнія самой скромной условности, гораздо естественнѣе было бы подвинуть кольцо стражи къ собору, показать за нимъ толпу слѣва и въ толпѣ—родственниковъ Іоанны. Не мѣшало бы также режиссеру заняться и самой толпой, которая очень безучастно относится и къ шествію, и ко всему происходящему съ Іоанной, и къ самой грозѣ, а затѣмъ сразу прячется въ кулисы по командѣ режиссера, отнимая у сцены даже всякое подобіе иллюзіи и правды.

Вообще и здѣсь, и въ этой сценѣ, и во всѣхъ остальныхъ никто изъ побочныхъ дѣйствующихъ лицъ какъ будто и не думаетъ о томъ, что отъ его игры на половину зависитъ впечатлѣніе исполненія и самихъ главныхъ персонажей. Г. Левицкій, напримѣръ, полагаетъ, что призракъ чернаго рыцаря нельзя представить лучше, какъ выходя руки по швамъ изъ-за кулисъ и стоя вытянувшись передъ Іоанной, а актеръ, изображающій стража въ башнѣ, полагаетъ, что лучшимъ выраженіемъ «изумленія и ужаса» (по ремаркѣ Жуковскаго) служитъ неподвижная и покойная поза человѣка, которому ни до чего нѣтъ дѣла,—но все это упреки, которые я уже неоднократно дѣлалъ режиссерамъ нашей сцены, и можно пожалѣть, что, переходя на подмостки Большого театра, драматическая труппа не только не внесла туда съ собою умѣнья жизненно и энергично передавать ансамбль каждой, даже второстепенной сцены, а, наоборотъ, точно заразилась неподвижностью и неумѣлостью оперная хора и многихъ оперныхъ пѣвцовъ.

О безподобномъ исполненіи г-жей Ермоловой роли Іоанны была уже помѣщена въ «Артистѣ» подробная статья. Кромѣ этой артистки и г. Южина, мы не можемъ указать ни на кого изъ артистовъ, кто бы выдвинулся изъ шаблонной условности, нѣкоторые же были даже ниже и этого уровня.

Глаголь.



Театръ г. Корша.

«Елка».— «Сгоряча».— «Райскій уголокъ».— «Туръ вальса». — «Флипотъ». — «Горькая судьбина».—«Каково вѣтся, таково и мелется».—«Не такъ живи, какъ хочется».

Бенефисный спектакль г-на Вязовскаго, 26 ноября, начался превосходно написанной Вл. И. Немировичемъ-Данченко комедіей въ 1 д. **„Елка“**. Это произведеніе талантливаго драматурга по своимъ, не только сценическимъ, но и *литературнымъ* достоинствамъ, можетъ быть безспорно отнесено къ числу выдающихся произведеній современнаго репертуара.

Теплота, съ какой написана пьеса, гуманное, хорошее, здоровое чувство, крайне симпатичный и оригинальный сюжетъ, ярко нарисованные живые образы—все это невольно приковываетъ вниманіе зрителей къ сценѣ.

Вспомните эту чудную сцену молоденькой Оли съ ея отцомъ, бросившимъ ея маму, вспомните, *что* и, главное, *какъ* чувствуетъ этотъ ребенокъ *и что и какъ* говоритъ отцу, какъ любитъ его, какъ деликатно касается наболѣвшихъ вопросовъ, на которые дѣвочка не можетъ найти отвѣтовъ, эта любовь къ отцу, это чуткое чувство обиды, и отказъ взять деньги на елку для братишекъ и сестренокъ отъ *него, теперь*, когда онъ оставилъ ихъ и устроилъ себѣ другую семью, деньги, которыя онъ какъ будто укралъ для нихъ у своей новой семьи.

Этотъ образъ подростка-дѣвочки, кроткой и нежелающей въ то же время уронить свое достоинство, пытающейся простить и понять любимаго папу, такъ жестоко бросившаго маму, съ пытливымъ любопытствомъ разсматривающей новую обстановку любимаго отца, портретъ той, *другой*, которая заняла въ его сердцѣ мѣсто, принадлежавшее прежде мамѣ; этотъ образъ ребенка съ чистой, наивной душой, любящимъ сердцемъ, вызываетъ у зрителя не только симпатію, но и слезы, хорошія чистыя слезы, будитъ мысль, дѣйствуетъ на душу такъ благотворно, такъ тепло, заставляетъ задуматься надъ однимъ изъ наиболѣе проклятыхъ вопросовъ, надъ вопросомъ семейнаго разлада, отъ котораго болѣе всего терпятъ ни въ чемъ неповинныя дѣти.

И всѣ эти впечатлѣнія даетъ *одна* сцена въ одноактной комедіи. Много ли можемъ мы назвать большихъ пьесъ въ современномъ репертуарѣ, которыя бы производили такое сильное впечатлѣніе, какъ одна эта сцена?

Два другихъ лица—отецъ и его вторая жена, представляютъ также большой интересъ. Онъ—страстно полюбившій свою новую жену, пожертвовавшій для нея всѣмъ, даже дѣтьми, которыхъ онъ все же очень любитъ, готовый на ложь, лишь бы не разстраивать ее, человѣкъ съ слабой волею, парализующей его доброе сердце, рабъ своихъ страстей, человѣкъ обыкновенный,—стоитъ, какъ живой, предъ нами.

А она? Развѣ же это не живое лицо, прямо выхваченное изъ окружающей жизни? Добрая и чуткая по натурѣ, по-женски эгоистичная, съ хорошими порывами, отчасти пустая, отчасти деспотичная, нѣсколько испорченная средой и воспитаніемъ. А какъ безподобно хорошъ этотъ ея стремительный упрекъ мужу за то, что онъ *смѣлъ* считать ее безсердечной, это требованіе отослать лучшія игрушки съ устроенной ею съ такой заботливостью елки *его дѣтямъ*, этотъ симпатичный порывъ добраго сердца, эта чуткость подъ кажущейся холодностью!

Намъ остается пожелать русской сценѣ побольше такихъ произведеній и рекомендовать пьесу не только профессіональнымъ артистамъ, но и любителямъ, которые найдутъ въ ней много благодарнаго матеріала для артистической работы.

И здѣсь, на сценѣ театра г. Корша, пьеса сразу какъ-то подняла артистовъ, они видимо были увлечены той атмосферой художественнаго воплощенія жизни, въ которую ввелъ ихъ авторъ. Они почувствовали подъ собою почву, они воплотили живыхъ людей и играли съ тѣмъ воодушевленіемъ, которое рѣдко встрѣчается на этой сценѣ. И г-жи Кошева и Яворская, и г. Трубецкой смѣло могутъ считать роли Оли и Бабиковыхъ однѣми изъ лучшихъ своихъ ролей.

Г-жа Кошева какъ-то даже прямо слилась съ ролью. Мы видѣли передъ собою не г-жу Кошеву, а живую Олю. Тонъ артистки, теплота, чувство, отдѣлка роли—безукоризненны.

Г. Трубецкой своимъ исполненіемъ часто вызываетъ наши упреки, но на этотъ разъ мы должны отдать ему полную спра-

ведливость, онъ былъ безусловно прекраснымъ исполнителемъ роли Бабикова. Простота, искренность, теплота тона, умѣло сдѣланныя паузы, продуманность—все это было на лицо.

Г-жѣ Яворской выпала на долю болѣе трудная задача—на пространствѣ нѣсколькихъ сценъ передать цѣлую гамму особенностей и свойствъ сложной женской натуры. Задачу эту даровитая артистка выполнила вполнѣ удачно.

Главной пьесой своего бенефиса г. Вязовскій, по давно заведенному порядку, поставилъ новую пьесу, излюбленнаго дирекціей театра г. Корша автора, г. Мясницкаго. Произведенія этого автора, какъ извѣстно, имѣютъ особую притягательную силу для публики, ищущей въ театрѣ смѣха, и только смѣха, во что бы то ни стало. И на этотъ разъ театръ былъ полонъ. Мы неоднократно уже высказывали свой взглядъ на піесы подобнаго рода — Г. Мясницкій авторъ безспорно даровитый, но къ крайнему сожалѣнію не выходящій изъ очень узкаго круга безсодержательныхъ и смѣхотворныхъ фарсовъ.—Эта область такъ узка, такъ избита, что и г. Мясницкому трудно не повторяться на каждомъ шагу. Такъ случилось и съ его новой пьесой **„Сгоряча“**. Сюжетъ новаго фарса, положенія, многія сцены сильно напоминаютъ веселаго „Зайца“ того же автора. Написанъ новый фарсъ далеко не такъ удачно, какъ предшествующія ему пьесы того же г. Мясницкаго. Мѣстами онъ навѣваетъ скуку, а это менѣе всего допустимо для фарса.—Видна спѣшность работы. Какъ будто авторъ отбывалъ какую-то повинность, готовилъ свое произведеніе непремѣнно къ извѣстному сроку.

Новое произведеніе не продумано, блѣдно, лишено остроумія и скучно.—Сюжетъ его старъ и истрепанъ: теща и жена, преслѣдующія зятя и мужа по ложному подозрѣнію въ супружеской измѣнѣ, и все, что изъ этого вытекаетъ—много разъ служило канвой для водевилистовъ и достаточно надоѣло публикѣ.

Избитость сюжета зритель еще можетъ простить автору, если пьеса написана бойко, остроумно, блещетъ юморомъ, но когда и этого нѣтъ, когда должность юмора замѣняетъ, напримѣръ, совсѣмъ несмѣшное появленіе двухъ грудныхъ дѣтей, или двукратное перенесеніе по сценѣ кровати, туфлей и пр., то вся пьеса не нужна ни для публики, ни для славы автора.

Исполнена пьеса, по крайней мѣрѣ, въ 1-й разъ, довольно вяло.—Плохое знаніе ролей и мѣстъ, плохая срепетовка, все это далеко разнилось отъ того увѣреннаго, бойкаго, живого исполненія, отъ того ансамбля, съ которымъ шли прежде такого рода пьесы на сценѣ театра г. Корша,—исполненія, которое создало репутацію этому театру.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей можно указать только на г. Сашина, забавно и живо исполнившаго вводную роль „господина въ цилиндрѣ“, блуждающаго за своей супругой изъ одного магазина въ другой и нагруженнаго ея покупками. Довольно характеренъ и г. Боуръ въ роли нѣмца Розенфельда. Объ остальныхъ артистахъ говорить не стоитъ.

Въ заключеніе шла шутка въ 1 д. г. Оленина **„Райскій уголокъ“**, сюжетъ которой, судя по афишѣ, заимствованъ, но откуда, по обыкновенію, неизвѣстно. Сюжетъ этой шутки не новъ. Надо во что бы то ни стало заставить, только-что поселившагося на дачѣ, чиновника Клюкву уѣхать съ дачи. Для этого молодой человѣкъ Ладиковъ и дѣвица Муратова прибѣгаютъ къ переодѣваніямъ и другимъ ухищреніямъ, и въ концѣ-концевъ достигаютъ своей цѣли. Сюжетъ, какъ видитъ читатель, не новый. Его не разъ уже эксплоатировали наши водевилисты и притомъ съ несравненно большимъ успѣхомъ. Написана пьеса довольно вяло и смотрится достаточно скучно.

—

Въ слѣдующій бенефисный спектакль, 3 декабря, г-жа Кошева поставила комедію Ж. Леметра **„Флипотъ“**, въ переводѣ Э. Э. Матерна. Какъ въ Парижѣ при первоначальной постановкѣ, такъ и въ Петербургѣ на сценѣ Михайловскаго театра эта пьеса талантливаго автора имѣла большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Пьеса полна тонкаго юмора, богата мѣткою наблюдательностью, живыми образами и благодарными ролями. Сюжетъ ея несложенъ: молоденькая артистка Флипотъ, благодаря своему дарованію и благопріятному случаю, дѣлается „звѣздочкою“ на театральномъ горизонтѣ. Она любитъ выходного актера, бездарнаго Леплюше, выходитъ за него замужъ и доставляетъ ему такое положеніе въ театрѣ, котораго онъ не заслуживаетъ ни по способностямъ, ни по уму. Случай выдвигаетъ Люплюше. Публика только что ошикала его, онъ робко, трусливо выходитъ вновь на сцену. Это-то и нужно въ данномъ мѣстѣ пьесы. Публика принимаетъ его личныя ощущенія за *воплощеніе* и *творчество* и дѣлаетъ ему цѣлую овацію. Ле-

плюше—герой дня, въ его лицѣ найденъ *великій артистъ*. Леплюше сразу дѣлается надменнымъ, свысока и покровительственно относится къ Флипотъ. Та, наконецъ, понявшая его, выгоняетъ его и склоняется на мольбы стараго барона, ея неизмѣннаго поклонника. — Кромѣ этихъ лицъ въ пьесѣ много очень тонко и характерно-обрисованныхъ лицъ: „высоконравственной“ тетушки Англошеръ, покровительствующей барону, антрепренера, автора, репортера, маленькой Тотошъ и пр. Мѣсто не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться на этой пьесѣ и мы отсылаемъ читателя къ № 30 „Театральной Библіотеки“, въ которомъ она напечатана.

Переводъ сдѣланъ очень недурно, въ немъ сохранились очень многія особенности языка оригинала, которыя представляли большую трудность для перевода.

Исполнялась пьеса на сценѣ театра г. Корша весьма удовлетворительно, что же касается г. Свѣтлова, то онъ, въ полномъ смыслѣ слова, безукоризненно передалъ благодарную, но въ то же время очень трудную роль Леплюше, воплотивъ очень удачно какъ внѣшнія, такъ и внутреннія его черты.

Роль Флипотъ исполняла г-жа Кошева. Въ ея передачѣ интересный образъ Флипотъ потерялъ характерныя особенности француженки—артистки бульварнаго театра. Въ ея исполненіи Флипотъ явилась ужъ слишкомъ обрусѣвшей. Если не считать этого, правда, существеннаго недостатка, г-жа Кошева очень мило провела въ общемъ свою роль. Хотѣлось-бы кое-гдѣ большей отдѣлки въ деталяхъ.

Г-жи Романовская (Англошеръ) и Домашева (Тотошъ) и гг. Яковлевъ (антрепренеръ Курбазонъ), Сашинъ (драматургъ Монтріе) и Боуръ (репортеръ Моберъ) очень удачно исполнили свои роли и содѣйствовали ансамблю пьесы, которая имѣла выдающійся успѣхъ и шла нѣсколько разъ при полномъ театрѣ, что, впрочемъ, не помѣшало дирекціи снять ее съ репертуара.

Въ началѣ того же спектакля шла ком. въ 1 д. **„Туръ вальса“**, передѣланная изъ разсказа Л. Галеви. Превосходный разсказъ талантливаго французскаго автора, подъ тѣмъ же названіемъ „Туръ вальса“, извѣстенъ нашимъ читателямъ — онъ былъ напечатанъ въ № 24 „Артиста“. Мысль передѣлать этотъ разсказъ въ комедію нельзя назвать удачной. *Комедіи* не получилось, получилась только одна *сцена* или, лучше сказать, *пересказъ* въ драматической формѣ. Этого, конечно, слишкомъ мало для сцены, требующей и движенія и сюжета. Въ результатѣ получилось скучное и неудачное *драматическое* произведеніе, при томъ очень длинное, что не мѣшаетъ, конечно, *разсказу* Галеви оставаться въ *повѣствовательной* формѣ произведеніемъ прекраснымъ.

Исполненіе пьесы г-жей Мондшейнъ, единственно говорившей въ пьесѣ длинные монологи княгини Киры, было довольно заурядное и скучное.

—

Въ свой бенефисъ 10 декабря г-жа Журавлева возобновила **„Горькую судьбину“** Писемскаго. Мы всегда радуемся за театръ г. Корша, когда на его сценѣ возобновляются образцовыя произведенія русскаго репертуара. И на этотъ разъ мы съ благодарностью отнесемся къ выбору бенефиціантки. Что касается до исполненія, то оно не выходило изъ уровня средняго. Оно было добросовѣстное и только. Одинъ только г. Трубецкой явился болѣе яркимъ исполнителемъ роли Чеглова-Соковнина, которая ему очень удалась. Г. Яковлевъ оказался довольно блѣднымъ Ананіемъ. Г-жа Журавлева впадала въ мелодраматическій тонъ. — Г. Свѣтловъ въ роли Никона былъ совсѣмъ не удовлетворителенъ. Въ его исполненіи не было Никона, а оставался г. Свѣтловъ въ мужицкомъ армякѣ, весьма неудачно притворявшійся пьянымъ.

Режиссерская часть была также неудовлетворительна. Особенно плохо поставлена и срепетована сцена убійства.

Въ заключеніе была возобновлена бойко написанная ком. въ 2-хъ д. Тарновскаго **„Каково вѣется, таково и мелется“**. Пьеса прошла съ дружнымъ ансамблемъ. Г-жи Яворская (Нарская), Романовская (Тюбетейкина), Кошева (Настя) и Домашева (Люба) и гг. Сашинъ (Курдюковъ), Боуръ (Фришъ) и Валентиновъ (Платонъ) въ полной мѣрѣ воспользовались своими благодарными ролями и пьеса смотрѣлась съ интересомъ.

—

Въ слѣдующую пятницу, 17 декабря, въ бенефисъ г жи Никитиной, возобновили драму Островскаго **„Не такъ живи какъ хочется“**. Въ общемъ исполненіе и этой пьесы было среднее, добросовѣстное и только. Выдающимся явилось лишь превосходное исполненіе г-жей Красовской роли Спиридоновны. Бенефиціантка играла роль Глаши. Ея исполненіе отличалось обычнымъ однообразіемъ и передача характерныхъ особенностей этого типа оказалась ей не по силамъ.

—

Этимъ бенефисомъ окончился рядъ бенефисовъ первой половины сезона.

27 декабря поставлена была драма *„Какъ поживешь, такъ и прослывешь“* съ г-жей Яворской въ роли Маргариты Готье. Артистка имѣла въ этой отвѣтственной роли большой и заслуженный успѣхъ, выказавъ новыя стороны своего дарованія. Подробный разборъ откладываемъ до слѣдующей книжки нашего журнала.

Р. С. Т.

Малорусская труппа.

Малорусское Товарищество подъ управленіемъ г. Садовскаго и съ участіемъ М. К. Заньковецкой начало свои спектакли 5-го декабря въ театрѣ бывшемъ Парадизъ. Сравнительно съ прежними гастролями труппа явилась въ нѣсколько измѣненномъ составѣ. Изъ среды главныхъ персонажей выбылъ талантливый артистъ А. Н. Максимовичъ, безвременно сошедшій въ могилу. Не участвуетъ въ труппѣ и г-жа Ратмирова, составлявшая крупную силу по своему выдающемуся голосу. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія спектаклей тяжко заболѣла артистка Н. А. Переверзева, по своему разнообразному дарованію и сценической опытности занимавшая одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ.

Наиболѣе солидныя силы, которыми обогатилась труппа, мы видимъ въ лицѣ г-жи Затыркевичъ-Карпинской и г. Левицкаго. Г-жа Затыркевичъ-Карпинская—извѣстная артистка на роли комическихъ старухъ и молодицъ; она не выступала въ Москвѣ со времени перваго пріѣзда сюда малорусской труппы подъ управленіемъ г. Кропивницкаго. Г. Левицкій началъ свою карьеру также подъ руководствомъ г. Кропивницкаго во второй сформированной послѣднимъ труппѣ, теперь уже распавшейся. Его амплуа—комическія и характерныя роли. Въ роляхъ съ пѣніемъ выступаютъ г-жа Базилевская и гг. Мова и Борченко.

Остальной составъ труппы знакомъ по прежнимъ пріѣздамъ. Сюда входятъ г-жи Заньковецкая, Тимаева, Козловская, Волконская, Полянская, Бутенко; гг. Садовскій, Загорскій, Карпенко, Василенко, Глѣбовъ, Матвѣевъ, Любимовъ и др. Русскія пьесы по прежнему исполняются г-жами Волконской, Бутенко, Полянской, гг. Загорскимъ, Карпенко, Глѣбовымъ, Матвѣевымъ, Любимовымъ и Позняченко (изъ вновь приглашенныхъ).

Открыты спектакли были драмою «Цыганка Аза» и затѣмъ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль репертуаръ состоялъ изъ старыхъ пьесъ: «Сорочинскій ярмарокъ», «Не такъ склалось, якъ жадалось», «За двома зайцямы», «Лымеривна», «Наталка-Полтавка», «По ревизіи», «Запорожецъ за Дунаемъ», «Нічь пидъ Ивана Купала» и др.

Русскій репертуаръ состоитъ все изъ однихъ и тѣхъ же водевилей, и въ этомъ отношеніи желательно бы было прогрессивное движеніе.

Изъ пьесъ малорусскаго репертуара мы остановимся на драмѣ «Лымеривна», которая шла раньше въ Москвѣ всего одинъ—два раза. Въ «Лымеривнѣ» на долю г-жи Заньковецкой выпадаетъ трудная роль героини. Сюжетъ драмы заимствованъ г. Мирнымъ изъ народной пѣсни и разработанъ въ пяти актахъ. Главный ея недостатокъ въ растянутости и въ отсутствіи въ нѣкоторыхъ сценахъ движенія, дѣйствую-

щія лица не всѣ достаточно обрисованы (напримѣръ, сама Лымеривна). Содержаніе пьесы таково: Лымеривна (т. е. дочь лымаря, кожевника) (г-жа Заньковецкая) любитъ Васыля (г. Садовскій) пріемнаго сына старика Кнура (г. Василенко). Того же Васыля любитъ и Маруся, дочь Кнура (г-жа Козловская), а самъ Кнуръ ничего такъ не желаетъ, какъ выдать Марусю за Васыля. Въ этихъ цѣляхъ онъ способствуетъ матери Лымеривны, Лымерихѣ (г-жа Затыркевичъ), сосватать, подъ пьяную руку, свою дочь за придурковатаго Шкандыбенка (г. Карпенко), а Васыля Кнуръ уговариваетъ удалиться на время изъ села подъ благовиднымъ предлогомъ. Лымеривну увѣряютъ, что Васыль не вернется больше и этимъ окончательно подрываютъ ея сопротивленіе: она выходитъ за ненавистнаго Шкандыбенко. Лымеривна попадаетъ подъ деспотическій гнетъ своей свекрови Шкандыбихи (г-жа Тимаева). Когда Лымеривна узнаетъ, что Васыль не разлюбилъ ее и долженъ снова вернуться, протестъ ея противъ семейнаго насилія выражается бурными сценами съ родными. Встрѣтившись съ Васылемъ, Лымеривна рѣшается слѣдовать за нимъ хоть на край свѣта. Мужъ и другіе родные удерживаютъ ее, нападаютъ на Васыля, тотъ защищаетъ себя и Лымеривну при помощи ножа. Его обезоруживаютъ, а Лымеривна, которой предстоитъ снова возвратиться къ мужу, выбираетъ другой исходъ и тѣмъ же ножемъ лишаетъ себя жизни.

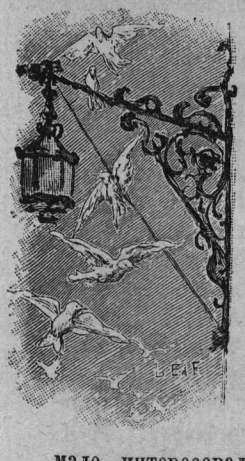
Пьеса оставляетъ сильное впечатлѣніе. Игра г-жи Заньковецкой приковываетъ къ себѣ вниманіе зрителей. Тѣ же качества исключительнаго таланта, что и прежде, характеризуютъ игру артистки: художественная простота, правдивость, сила драматизма. Нѣжность любящей женской души, бурные порывы страсти, безумная рѣшимость безъисходнаго отчаянія—всѣ эти душевныя состоянія переживаются на сценѣ г-жей Заньковецкой и дѣлаютъ для зрителей яснымъ и понятнымъ внутренній міръ изображаемаго ею лица. Заключительная сцена драмы ведется г-жею Заньковецкой съ такой силой, что зрителей положительно охватываетъ ужасъ. Сцены четвертаго акта (протестъ противъ семьи) г-жа Заньковецкая ведетъ на однихъ нотахъ высокимъ тономъ, переходящимъ почти въ крикъ. Утомляя артистку, такая передача, намъ кажется, не составляетъ conditio sine qua non для цѣльности изображаемаго характера и разнообразіе оттѣнковъ, на которые такъ щедра, вообще говоря, г-жа Заньковецкая, придало бы этому мѣсту еще больше внутренней силы.

Г. Садовскій вложилъ въ свою роль много искренняго чувства, которымъ вообще отличается его игра.

Пьяная Лымериха предстала, какъ живая, въ изображеніи г-жи Затыркевичъ. Остальные исполнители, названные нами выше, не только поддерживали ансамбль, но и каждый въ отдѣльности своей игрой удовлетворялъ болѣе или менѣе строгой критикѣ.

Что касается до исполнителей, выступавшихъ въ другихъ піесахъ, то, не говоря о г-жѣ Заньковецкой, укажемъ лучшія у нихъ роли: у г-жи Затыркевичъ—Рындычка («По ревизіи») и Лымериха, у г. Садовскаго — старшиня («По ревизіи») и Назаръ Стодоля, у г. Левицкаго — Выборный («Наталка-Полтавка») и Голохвостый («За двома зайцямы»), у г. Карпенко—Опанасъ («Цыганка Аза), у г. Загорскаго—Возный («Наталка-Полтавка»), у г. Василенко—Апрашъ («Цыганка Аза). Подробнѣе о нихъ, а также и объ остальныхъ персонажахъ, мы поговоримъ впослѣдствіи. Ансамбль труппы, по обыкновенію, превосходный, народныя сцены всегда оживлены, хоры отличаются стройностью, а танцы удалью и непринужденностью.

А. Я—въ.



Гастроли Фредерика Февра.

Съ 29-го ноября по 4-е декабря въ Москвѣ, въ частномъ театрѣ «Парадизъ», гастролировалъ Фредерикъ Февръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ «Comédie française», совершающій теперь артистическое tournée по Россіи. Гастроли прошли у насъ какъ-то незамѣтно, мало интересовали москвичей, даже въ театральныхъ кружкахъ не вызвали обычныхъ споровъ и толковъ, посѣщались очень плохо, словомъ—успѣхъ имѣли совсѣмъ незначительный. Причины такого неуспѣха, пожалуй, понятны. Онѣ кроются прежде всего въ подборѣ пьесъ для гастролей, по большей части—далеко не большого интереса и сомнительнаго художественнаго значенія, затѣмъ въ самомъ характерѣ амплуа г. Февра, амплуа менѣе всего гастрольномъ. И все-таки объ этомъ неуспѣхѣ можно только пожалѣть. Г. Февръ—артистъ

очень крупнаго дарованія и громаднаго сценическаго опыта, и игра его доставляетъ зрителю со сколько-нибудь развитымъ, тонкимъ вкусомъ громадное наслажденіе; наконецъ, это — артистъ, если можно такъ выразиться, чрезвычайно поучительный, и именно для нашихъ русскихъ сценическихъ работниковъ.

Первая, самая характерная для г. Февра и самая симпатичная особенность его игры — ея красота. Что-бы этотъ артистъ ни игралъ, будетъ ли то мольеровскій «Тартюфъ», или вульгарный, несмотря на свою кажущуюся изысканность, «Demi-Monde» Дюма-сына, или совершенно пустой, лишенный сколько-нибудь серьезнаго смысла «Cas de conscience» — онъ играетъ прежде всего поразительно красиво, съ рѣдкимъ изяществомъ. Онъ рисуетъ свои сценическіе образы самыми мягкими чертами и нѣжными тонами, и зритель невольно любуется этой красотою игры, хотя бы воплощаемый передъ нимъ образъ былъ самъ по себѣ вполнѣ отрицательнаго свойства, прямо отвратителенъ. Вы видите передъ собою этотъ образъ, вполнѣ, конечно, понимаете его истинное значеніе, въ васъ шевелятся какъ-разъ тѣ чувства, какія онъ долженъ вызывать, — и все-таки вы наслаждаетесь. Игра г. Февра, стремящаяся прежде всего къ красотѣ, ласкаетъ въ васъ чисто-эстетическое чувство. Когда г. Февръ играетъ свои салонныя роли, въ которыхъ для самихъ ихъ авторовъ дороже всего былъ ихъ внѣшній блескъ, эта особенность еще не такъ обращаетъ на себя вниманіе; но въ «Тартюфѣ» она положительно поражаетъ васъ, поражаетъ и восхищаетъ. Нѣкоторые изъ русскихъ артистовъ очень недурно справляются съ этою знаменитою мольеровскою ролью; мы видали безподобнаго Тартюфа — старшаго Кокленa, который понимаетъ и передаетъ роль, быть можетъ даже глубже, чѣмъ г. Февръ, вкладываетъ въ этого лицемѣра болѣе сложное психологическое содержаніе. Но никто не умѣетъ играть эту роль такъ красиво, какъ это дѣлаетъ г. Февръ. Правда, лицемѣріе, ханжество и злость Тартюфа, лишенныя рѣзкости, слегка какъ будто затушеванныя, не могутъ уже производить такого отталкивающаго, возмущающаго впечатлѣнія; зритель относится къ этому жалкому герою болѣе спокойно. Какъ бы убываетъ, такимъ образомъ, нравственное, воспитывающее значеніе образа, но зато выростаетъ его спеціально-эстетическая цѣнность. Быть можетъ, въ минуту напряженной борьбы съ тартюфами, когда надо бросить имъ перчатку прямо въ лицо, рѣшительно сорвать съ нихъ маски, быть можетъ въ такія минуты исполненія г. Февра и нельзя было бы одобрить, такъ какъ оно не вполнѣ хорошо приспособлено къ такой цѣли. Но въ болѣе спокойное время и особенно относительно образа, внутренній смыслъ котораго давно и безповоротно установленъ, г. Февръ и его красивая игра заслуживаютъ только самой полной похвалы. Наши современные русскіе актеры, и очень талантливые, и искренніе, и вдумчивые, и умѣющіе создавать типичные образы, производящіе подчасъ своею игрою сильнѣйшее впечатлѣніе, — мало, къ сожалѣнію, заботятся объ этой сторонѣ своего сценическаго творчества и не придаютъ ей того значенія, какого она вполнѣ заслуживаетъ. Меньше грѣшатъ въ этомъ отношеніи наши артистки, по крайней мѣрѣ — крупнѣйшія изъ нихъ, которыя дорожатъ красотою игры, хотя и онѣ часто склонны поступаться ею ради будто бы жизненной правды...

Много помогаютъ г. Февру достигать такихъ поразительныхъ результатовъ въ сейчасъ нами отмѣченномъ направленіи его блестящія внѣшнія данныя, щедро отпущенныя природою и заботливо разработанныя, отшлифованныя самимъ артистомъ. У г. Февра прежде всего замѣчательной красоты голосъ, баритоннаго характера и мастерски разработанный, гибкій, способный передавать цѣлую массу звуковыхъ оттѣнковъ. Лицо артиста очень выразительное, подвижное, съ богатою, разнообразною мимикою, и вмѣстѣ симпатичное, какъ-то съ перваго взгляда располагающее къ себѣ. Прибавьте къ этому граціозную, хотя и нѣсколько тучную фигуру, совершенно исключительное, аристократическое изящество манеръ, пластичность жестовъ. Таковы внѣшнія данныя г-на Февра, играющія совсѣмъ не маловажную роль въ томъ впечатлѣніи, которое онъ производитъ.

Вторая особенность игры г. Февра, близко примыкающая къ первой и даже отчасти ее объясняющая — простота, въ лучшемъ смыслѣ этого термина. Артистъ заботливо избѣгаетъ всякихъ подчеркиваній, не добивается эффекта, и даже сцены, которыми авторъ разсчитывалъ произвести такой эффектъ, какъ-то упрощаетъ. Единственно, что себѣ иногда позволяетъ артистъ, это — „концы“, нѣкоторое усиленіе общаго тона игры въ самый послѣдній моментъ акта передъ паденіемъ занавѣса. Въ Comédie française игра всѣхъ дѣйствующихъ въ актѣ лицъ разсчитывается такъ, чтобы заканчивать его слегка приподнято, и, очень можетъ быть, это выходитъ красиво, какъ forte въ заключительномъ аккордѣ музыкальной пьесы. При томъ убогомъ ансамблѣ, какимъ отличались гастрольные спектакли г. Февра, «концы» эти звучали немного странно, диссонансомъ, хотя въ нихъ и оставалась какая-то трудно поддающаяся передачѣ прелесть.

Говоря о простотѣ игры г. Февра, мы должны сдѣлать одну маленькую оговорку. Французскій артистъ не сыгралъ въ Москвѣ ни

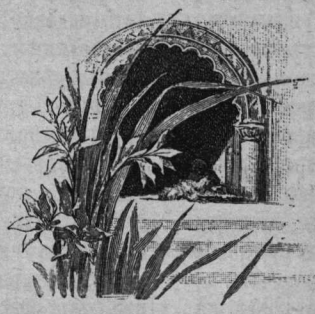
одной такъ-называемой сильной роли, гдѣ нужно захватить зрителя, поднять его, ударить по струнамъ души. Какъ справляется онъ съ такого рода ролями, не измѣняетъ ли онъ тутъ этой своей простотѣ, а если не измѣняетъ, то позволяетъ ли она ему достигать нужныхъ результатовъ? Гастроли г. Феврa не позволяютъ дать сколько нибудь опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы, такъ интересные съ точки зрѣнія сценической техники. Во всѣхъ же роляхъ, какія г. Февръ сыгралъ въ Москвѣ, этотъ его пріемъ, казалось бы—такой нехитрый, а на самомъ дѣлѣ доступный только большому артисту и добываемый только усиленнымъ сценическимъ трудомъ,—пріемъ этотъ даетъ наилучшіе результаты.

Истинная сфера г. Феврa, гдѣ онъ, на нашъ взглядъ, не знаетъ соперниковъ,—діалогъ. Многіе изъ артистовъ превосходятъ его размѣрами своего дарованія, цѣлою головою выше его, какъ истолкователи міровыхъ образовъ, но въ сейчасъ отмѣченномъ отношеніи уступаютъ ему. Г. Февръ, конечно, прекрасно сознаетъ, въ чемъ его преимущественная сила, и, вѣроятно, поэтому-то такъ тяготѣетъ къ современнымъ салоннымъ пьесамъ, особенно къ Дюма-сыну, у котораго даже въ самыхъ слабыхъ произведеніяхъ такъ хорошъ именно діалогъ и всегда играетъ такую первостепенную роль. Положеніе, облюбованное для драмы, очень часто у него фальшиво, разработывается оно искусственно, въ угоду напередъ задуманной тенденціи, самая тенденція узка, образы блѣдны, не типичны и не выдержаны психологически, и т. д., и т. д. Но въ стилистическомъ отношеніи пьеса всегда написана безукоризненно—блестяще, остроумно, со смѣло и красиво льющимися діалогами, съ отточенными фразочками и закругленными парадоксами, съ изящною, кокетливою игрою словъ. И г. Февръ умѣетъ пользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ поистинѣ въ совершенствѣ, не позволяетъ пропасть даромъ ни одной крупинкѣ изъ всего этого словеснаго богатства. Въ каждую свою реплику, въ каждое слово, которымъ онъ не перестаетъ перебрасываться съ другими дѣйствующими лицами, вкладываетъ онъ массу тонкаго смысла, изящества и вмѣстѣ разнообразія, и вы съ неустающимъ вниманіемъ, прямо съ восторгомъ слѣдите за этою causerie. Читка у артиста разработана въ совершенствѣ, голосъ слушается самымъ поразительнымъ образомъ и передаетъ мельчайшіе нюансы. Мы не особенно высоко цѣнимъ самый жанръ такихъ ролей, весь интересъ которыхъ исчерпывается подобной causerie, словеснымъ фейерверкомъ, но въ этомъ жанрѣ игра г. Феврa—истинный шедевръ.

Въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ сыгранныхъ г. Февромъ въ Москвѣ ролей должна быть, безспорно, поставлена роль Оливье де-Жалена въ «Demi-Monde». Эта пьеса Дюма была истиннымъ clou его гастролей, она была сыграна дважды, поставлена для бенефиса артиста, заставила больше всего говорить о себѣ, только она одна дала гастролеру хорошій сборъ. И дѣйствительно, нигдѣ нѣтъ для занимающей насъ сейчасъ способности г. Феврa такого широкаго простора, какъ въ этой роли Оливье, состарившагося богатаго холостяка, постоянно вращающагося въ парижскомъ полусвѣтѣ высшаго сорта, человѣка съ тонкимъ умомъ и присяжнаго остряка. Съ языка Оливье не устаютъ срываться блестящія характеристики, мѣткіе mots, онъ всегда съ кѣмъ-нибудь споритъ, пикируется, философствуетъ, какъ практическій эпикуреецъ, сердитъ однихъ, ублажаетъ другихъ, наставляетъ третьихъ и т. д. И все это дѣлаетъ онъ очень изящно, красиво. Г. Февру есть гдѣ развернуть во всю свои таланты, и онъ производитъ этой ролью чарующее впечатлѣніе. Сама по себѣ скучная, написанная лѣтъ сорокъ назадъ, дѣланная, рисующая совершенно исключительный мірокъ, пьеса пріобрѣтаетъ, благодаря виртуозному исполненію французскаго гастролера, прямо интересъ. Мы смотрѣли «Demi-Monde» два раза и оба раза выходили изъ театра очарованными.

Другія роли, какія намъ удалось видѣть, выходятъ у г. Феврa уже не такъ ярко, не такъ блестяще, но все же щеголяютъ всѣми тѣми качествами, какія мы постарались отмѣтить выше, какъ наиболѣе характерныя для нашего французскаго гостя.

X.



Конкурсъ картинъ въ Обществѣ Любителей Художествъ.

Едва только успѣла закрыться въ залахъ Общества Любителей Художествъ выставка картинъ частныхъ владѣльцевъ, какъ двери Общества снова открылись для желающихъ видѣть, что представлено нашими художниками на соисканіе поощрительныхъ премій по конкурсу картинъ въ трехъ родахъ живописи: въ жанрѣ, въ пейзажѣ и въ портретѣ.

Члены присуждающей коммиссіи, на которыхъ лежитъ трудная, неблагодарная и для многихъ изъ нихъ часто непосильная обязанность рѣшить (и рѣшить въ одномъ засѣданіи, окончательно и безапелляціонно), въ какихъ изъ представленныхъ произведеній заключается наибольшая сумма тѣхъ данныхъ таланта, побѣжденныхъ трудностей и любви къ дѣлу, которыя слѣдуетъ поощрить въ большей или меньшей степени, смотря по величинѣ назначаемыхъ премій, въ настоящемъ конкурсѣ, должны быть поставлены почти въ безвыходное положеніе. Всѣ эти члены коммиссіи избираются изъ членовъ этого же Общества и всѣ они несомнѣнно не разъ были на выставкѣ частныхъ владѣльцевъ. Прекрасные образцы европейскихъ и русскихъ художниковъ, которыми наслаждались они на этой выставкѣ и которые только что вынесены изъ этихъ залъ, конечно, живутъ еще въ ихъ воспоминаніи съ полной ясностію и первое, что они должны почувствовать передъ конкурсными картинами,—это неизмѣримую пропасть, какая лежитъ между дѣйствительно-художественными произведеніями и почти всѣмъ тѣмъ хламомъ, за весьма немногими исключеніями, который выставленъ теперь на ихъ судъ съ претензіей на поощреніе.

Прежде, чѣмъ рѣшить вопросъ, какая изъ этихъ картинъ лучшая, невольно у каждаго безпристрастнаго цѣнителя долженъ возникнуть вопросъ: можно ли на этотъ разъ совсѣмъ не выдавать преміи? Уставъ Общества рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, но воля нѣкоторыхъ завѣщателей, пожертвовавшихъ Обществу капиталы для выдачи премій изъ процентовъ съ нихъ, указываетъ прямо на *ежегодную* выдачу преміи за лучшую картину въ томъ или другомъ родѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ любой подворотной лавкѣ среди масляныхъ картинъ, всегда можно найти сравнительно лучшую всего остального, какъ бы она плоха ни была; но слѣдуетъ ли поощрять эту подворотную живопись, т. е., другими словами, слѣдуетъ ли такъ буквально понимать слова завѣщателя и не ясно ли, что онъ измѣнилъ бы редакцію своего завѣщанія, если бъ ему представлялась эта проблема?—Вотъ вопросъ, надъ которымъ присуждающая коммиссія должна призадуматься. Посмотримъ, нѣтъ ли среди всѣхъ этихъ унылыхъ и безнадежныхъ холстовъ чего-нибудь такого, что не оскорбляло бы глазъ, свѣтилось бы какой нибудь мыслью, подавало хотя бы слабые признаки жизни. Если одно воспоминаніе о герояхъ выставки частныхъ владѣльцевъ, еще такъ недавно побѣдоносно блиставшихъ своими доблестями на этомъ полѣ, заставляетъ насъ невольно дѣлать сравненіе выставки конкурентовъ съ грудою труповъ и смертельно раненыхъ пигмеевъ, оставленныхъ на этомъ же полѣ, то мы постараемся изгнать это воспоминаніе, оставимъ въ сторонѣ лавры, назначенные побѣдителямъ, изъ судей обратимся въ санитаровъ и сестеръ милосердія и подадимъ первую помощь живымъ, если такіе найдутся, отдѣливъ ихъ отъ навсегда погибшихъ товарищей. Пусть

гг. художники не посѣтуютъ на насъ за эту аналогію. Мы говоримъ здѣсь не объ авторахъ, а о ихъ произведеніяхъ. У кого же изъ художниковъ не было картинъ, не только довременно умершихъ для искусства, но и мертворожденныхъ?

Три залы выставки, каждая отдѣльно, помѣщаютъ въ себѣ три рода живописи, соотвѣтственно тремъ категоріямъ премій. Въ первой залѣ разставлены картины бытового жанра, во второй — пейзажи, а въ боковой (на право отъ входа) — портреты. Начнемъ съ жанра.

Первая же картина направо подаетъ несомнѣнные признаки жизни. Сцена представляетъ косогоръ съ церковью на верху, уходящей своими куполами за рамы. Снизу по косогору поднимается лѣстница къ церковной паперти, по которой взбираются богомольцы. Внизу на лавкѣ усѣлась куча бабъ съ котомками, ожидающихъ начала церковной службы. Тутъ есть и солнце, хотя болѣзненно-слабое, есть и воздухъ, хотя онъ мучнистъ и не введенъ въ перспективу. Фигуры достаточно крупны, чтобъ считать картину бытовымъ жанромъ, но человѣческой жизни въ нихъ нѣтъ; онѣ представляютъ только мертвую натуру, стофажъ въ пейзажѣ для солнечныхъ пятенъ и вся картина трактована только съ этой пейзажной точки зрѣнія. Это бы еще не бѣда. Картина могла бы быть превосходна и при такихъ условіяхъ, только, въ виду конкурса, точно распредѣляющаго живопись по родамъ, ее слѣдовало бы отнести къ пейзажу. Оставимъ, однако, въ сторонѣ и этотъ вопросъ: не все ли намъ равно, къ какому роду ее можно причислить, лишь бы въ ней была живая искра художественнаго творчества? Но есть ли въ ней эта искра? При первомъ же взглядѣ вамъ бросается въ глаза, что все то, что въ ней нравится, что въ ней какъ бы живетъ и дышетъ, принадлежитъ не ей и не ея автору, выходитъ не отъ него непосредственно, а заимствовано имъ отъ другого свѣтила, отражаетъ на себѣ почти механически внѣшніе пріемы другого таланта, слишкомъ хорошо намъ извѣстнаго и дѣйствительно оригинальнаго. Мы говоримъ о художникѣ А. Е. Архиповѣ. Отнимите у этой картины все чужое, рабски скопированное не съ натуры, а съ Архиповскихъ картинъ, и въ ней не останется ничего своего. Не только гамма красокъ, но и манера класть ихъ, даже сюжетъ, даже композиція — все это рабское, слѣпое подражаніе г. Архипову, и автора этой картины можно было бы назвать архи — Архиповымъ, plus royaliste, que le roi même, еслибъ по силѣ и гармоніи красокъ и по свѣжести колорита онъ не отсталъ бы такъ далеко отъ своего идеала. Но, можетъ быть, художникъ этотъ еще слишкомъ молодъ. Бываютъ такія страстно-увлекающіяся юныя натуры, которыя, не успѣвъ еще создать своего собственнаго міровоззрѣнія, всецѣло и беззавѣтно отдаются обаянію авторитета и нѣкоторое время смотрятъ на окружающую жизнь только сквозь его очки. Въ такомъ случаѣ намъ остается пока констатировать только полное отсутствіе оригинальности въ этомъ произведеніи, не дѣлая изъ этого никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

«Старикъ-нищій съ мальчикомъ», «Двѣ дѣвочки, сидящія на диванѣ», «Дѣвица, плачущая въ пустой комнатѣ» и «Старушка и молодая дама, сидящія за работой», и далѣе «Ссудная касса», — все это вещи, стоящія по своимъ немощамъ очень близко другъ къ другу, и онѣ могли появиться въ залахъ выставки только по неумолимымъ условіямъ конкурса, обязывающимъ принимать и выставлять въ этихъ залахъ все безъ разбору, что писано красками, вставлено въ раму и прислано къ сроку. Маленькая картинка, представляющая родильницу и акушерку, немного лучше только что названныхъ шести картинъ, но, все-таки, что это за сцена, что это за живопись? Возмутительно лицо у акушерки, представляющее въ одно время ракурсъ и вверхъ и внизъ! Большая картина изъ двухъ крупныхъ мужскихъ фигуръ, сидящихъ за закуской, и маленькая сценка въ паркѣ Останкина еще лучше: первая по нѣкоторой выразительности въ лицахъ, а вторая по эффекту освѣщенія. «Умирающая или умершая женщина въ крестьянской избѣ» могла бы быть интересной вещью, еслибъ рисунокъ и краски были здѣсь хоть на что-нибудь похожи. Сѣрая картина съ бабой, несущей хворостъ среди поля, и затѣмъ рыжій торговецъ-разносчикъ среди пустого базара, — обѣ до нельзя плохо нарисованы, грязно и красочно намалеваны, безъ малѣйшаго смысла и настроенія.

Остаются еще двѣ картины, въ которыхъ есть достоинства. «Деньщикъ, читающій газету у чайнаго стола» представляетъ по крайней мѣрѣ сносный рисунокъ и недурную живопись. Голова деньщика и нѣкоторыя детали обстановки написаны довольно хорошо. Но въ картинѣ нѣтъ никакого художественнаго интереса, фигура не типична и безжизненна. Непонятно, что художникъ нашелъ въ этомъ сюжетѣ, зачѣмъ онъ написалъ эту картину.

Лучше всѣхъ послѣдняя картина въ этой залѣ. Въ ней представленъ художникъ, рисующій акварелью съ натуры женскую фигуру, сидящую передъ нимъ у окна, въ которое сквозь штору ярко свѣтитъ солнце. Темный силуэтъ женской фигуры сильнымъ рельефомъ выдѣляется на свѣтлой амбразурѣ окна. Ближе къ зрителю еще есть окно не завѣшенное шторой, и въ него уже солнце врывается во

всю силу, ослѣпительнымъ пятномъ ложится на полу и горячимъ рефлексомъ отражается во всей комнатѣ. Иллюзія свѣта уловлена прекрасно, хотя вся картинка страдаетъ нѣсколько неестественной рыжеватостью. Во всякомъ случаѣ, если не по замыслу, то по чувству свѣта, по живописи и рисунку эта картина лучше всѣхъ остальныхъ вещей по части жанра и независимо отъ сравненія съ ними она обладаетъ положительными художественными достоинствами. Это оригинальное, живое творчество и если авторъ ея еще далекъ отъ возможнаго совершенства, все-таки можно съ увѣренностью сказать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути, открывающемъ ему широкую и прекрасную будущность.

Среди пейзажей, помѣщенныхъ въ слѣдующей залѣ, такъ же мало утѣшительнаго, какъ и въ отдѣлѣ жанра. Не дуренъ былъ бы маленькій «Зимній пейзажъ» въ какомъ-то городкѣ или поселкѣ, не будь у него внизу на первомъ планѣ скучной широкой полосы бѣло-сѣрой краски вмѣсто снѣга. Отрѣжьте внизу холстъ на полтора вершка и картина выиграетъ на пятьдесятъ процентовъ. Хорошъ былъ бы и вечеръ съ розовымъ облакомъ надъ селомъ, съ церковью и ржанымъ полемъ на первомъ планѣ, еслибъ черный лѣсъ за селомъ не вылѣзалъ такъ безцеремонно впередъ, нарушая воздушную перспективу. «Сѣренькая деревушка весной» съ колодой, соромъ и курами впереди—симпатична, но написана вяло, безжизненно и вмѣсто меланхолическаго настроенія, на которое она претендуетъ, отъ нея вѣетъ инфлюэнцей и малокровіемъ. Не лишенъ поэзіи и нѣкотораго драматизма мотивъ въ картинѣ, представляющей «Вечеръ послѣ грозы» съ бурыми, тяжело нагроможденными на небѣ тучами и съ ярко освѣщеннымъ отдѣльнымъ облакомъ кроваваго цвѣта. Но синева неба не гармонируетъ съ этимъ краснымъ пятномъ, какъ и съ тѣневыми сторонами бурыхъ тучъ. Кромѣ того земля своимъ тономъ и манерой живописи кажется слишкомъ жидка, сравнительно съ воздухомъ, подавляющимъ ее плотностію своихъ скульптурныхъ массъ. Весьма благодарный сюжетъ для поэтическаго настроенія взятъ въ другомъ пейзажѣ «Восходъ луны за вѣтряными мельницами», но авторъ рѣшительно не сладилъ съ нимъ, видимо не владѣя ни рисункомъ, ни красками, такъ что въ результатѣ не получилось ничего. Можно бы найти, пожалуй, нѣкоторое достоинство въ картинѣ «Каменоломни», разсчитанной, впрочемъ, на довольно дешевый эффектъ солнечнаго пятна на бѣлыхъ известковыхъ камняхъ, рѣзко выдѣляющихся изъ фона темнаго кустарника на заднемъ пригоркѣ. Но пріятнѣе, если не лучше всѣхъ выставленныхъ пейзажей—«Вечеръ въ горахъ» съ довольно правдивымъ голубоватымъ тономъ дальнихъ горъ, силуэтно рисующихся на тепломъ воздухѣ и съ очень вѣрно понятымъ и удачно взятымъ по отношенію къ дали первымъ планомъ, по которому прямо на зрителя выбѣгаетъ дорожка.

Вообще говоря, уровень и этого отдѣла очень не высокъ и только нѣкоторые изъ названныхъ здѣсь пейзажей едва выдѣляются изъ посредственности.

Остается сказать о портретахъ. Но тамъ, въ боковой залѣ, гдѣ они помѣщены, еще пустыннѣе и безотраднѣе. Грустное выраженіе на лицѣ старой дамы (несомнѣнно представляющемъ лучшій изъ выставленныхъ здѣсь портретовъ, хотя онъ нѣсколько красоченъ въ тѣневыхъ сторонахъ лица) удивительно гармонируетъ съ тѣмъ настроеніемъ, какое выноситъ зритель, заходящій въ эту залу и придаетъ этому портрету, помимо его художественныхъ достоинствъ, особенную жизненность и значеніе. Именно такое выраженіе печальной полуулыбки должно отразиться на лицѣ каждаго любящаго искусство при созерцаніи всѣхъ этихъ болѣе или менѣе изувѣченныхъ труповъ, писанныхъ, однако, съ живыхъ и большею частію молодыхъ и здоровыхъ людей. Ни въ одномъ лицѣ нѣтъ живого тѣла, почти всѣ личныя кости сдвинуты съ своихъ мѣстъ, торсы и конечности измяты и выворочены, костюмы сдѣланы то изъ гипса, то изъ раскрашеннаго дерева. Вотъ гдѣ дѣйствительно умѣстно подумать о санитарахъ и о врачебной помощи. Единственное исключеніе, кромѣ упомянутаго уже портрета старушки, представляетъ по болѣе правильному рисунку поколѣнный портретъ мужчины брюнета въ бѣломъ пиджакѣ, помѣщенный на противоположной сторонѣ.

Нельзя не замѣтить, что общій художественный уровень картинъ, представляемыхъ на конкурсъ, замѣтно падаетъ годъ отъ году. Между тѣмъ число талантливыхъ художниковъ у насъ съ каждымъ годомъ, несомнѣнно, увеличивается. Въ то же время всѣмъ извѣстно, что въ средѣ нашихъ художниковъ, хотя бы и завѣдомо талантливыхъ, встрѣчается сравнительно очень немного людей обезпеченныхъ, не нуждающихся въ матеріальной поддержкѣ и поощреніи. Почему же они пренебрегаютъ конкурсными преміями, которыя имъ предлагаетъ Общество любителей художествъ безъ всякихъ затратъ съ ихъ стороны? Для названнаго Общества этотъ вопросъ долженъ быть не безъинтересенъ, тѣмъ болѣе, что учрежденіе ежегодныхъ конкурсовъ на преміи, въ силу духовныхъ завѣщаній умершихъ членовъ Общества, входятъ въ обязательную программу всей будущей дѣятельности Общества, пока оно будетъ существовать. Въ виду такого положенія вещей обстоятельное разъясненіе этого вопроса для Общества даже необходимо. Можетъ быть

оно привело бы къ измѣненію нѣкоторыхъ формальностей въ самой процедурѣ конкурса, къ измѣненію правилъ выбора членовъ жюри или къ инымъ какимъ-нибудь мѣропріятіямъ, которыя устранили бы причины, заставляющія нынѣ, какъ очевидно, очень многихъ молодыхъ, талантливыхъ и не обезпеченныхъ матеріально художниковъ уклоняться отъ участія въ конкурсахъ Общества. Въ противномъ случаѣ при дальнѣйшемъ регрессѣ конкурсныхъ выставокъ Общество придетъ къ тому, что выдаваемыя имъ преміи будутъ служить въ мнѣніи публики патентомъ на бездарность.

P. S. Результаты постановленія конкурсной присуждающей коммиссіи, санкціонированнаго въ засѣданіи Комитета Общества, бывшемъ 17 декабря, оказались слѣдующіе:

1-я премія по жанру въ 200 руб. присуждена за картину «Въ мастерской художника» г. В. Н. Мѣшкову.

2-я премія по жанру въ 100 руб. присуждена за картину «Умирающая крестьянка» г. Н. Орлову.

2-я премія за пейзажъ въ 100 рублей присуждена за картинку «Весна» г. В. И. Соколову.

Первую-же премію за пейзажъ и премію за портретъ рѣшено не выдавать никому, на основаніи устава Общества, за отсутствіемъ произведеній, достойныхъ этихъ премій.

Частная итальянская опера.

Дѣла частной оперы за послѣднее время замѣтно оживились. Приглашеніе нѣсколькихъ первоклассныхъ силъ послужило приманкой для публики. Первой изъ таковыхъ явилась г-жа Адель Борги, выступившая въ своей коронной роли—Кармэнъ. Пѣвица уже была въ Москвѣ, и наше мнѣніе о ней не перемѣнилось. Это все та же полная темперамента артистка, до мельчайшихъ деталей изучившая свою роль и сумѣвшая сдѣлать изъ Кармэнъ яркій, живой образъ. Съ драматической стороны ей нельзя сдѣлать никакихъ замѣчаній: здѣсь все не только хорошо, но даже превосходно, увлекательно, сильно. Вокальная сторона оставляетъ желать только меньшаго злоупотребленія грудными нотами и большей простоты передачи сцены «съ картами» въ третьемъ актѣ. Послѣ Кармэнъ, г-жа Борги выступила въ роли Сантуццы и произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Ея Сантуцца чуть ли не выше еще Кармэнъ. Это — сама правда, самъ югъ, неподкрашенный, неидеализированный, реальный; только художники такой силы, какъ г-жа Борги, не боятся показывать со сцены жизнь, какъ она есть.

—

13 ноября поставлены были «Гугеноты»—Мейербера, въ которыхъ выступилъ въ первый разъ г. Дмитреско въ роли Рауля.

Г. Дмитреско уже нѣсколько знакомъ москвичамъ: онъ гастролировалъ въ прошломъ апрѣлѣ въ Большомъ театрѣ и принималъ участіе въ «Гугенотахъ», «Африканкѣ» и «Аидѣ». Тогда же мы констатировали полезность артиста и указали на цѣнныя вокальныя средства его, особенно пригодныя для героическихъ теноровыхъ партій, упоминали о его очень высокихъ нотахъ (пѣвецъ бралъ do, re и re bemoll) и говорили объ его увлеченіи, но и не умолчали о недостаткахъ нѣсколько грубаго пѣнія артиста. Г. Дмитреско имѣлъ тогда шумный успѣхъ, преимущественно въ «Африканкѣ» и въ четвертомъ дѣйствіи въ «Гугенотахъ».

Участіе артиста въ театрѣ Шелапутина имѣло тотъ же характеръ. Условія же сцены могли только благопріятствовать дебютанту. Голосъ его здѣсь звучитъ полнѣе и красивѣе; но зато слышатся болѣе ясно и опредѣленно его переходныя и смѣшанныя ноты, не столь чистыя, какъ грудныя въ верхнемъ регистрѣ.

Г. Дмитреско провелъ роль Рауля вообще музыкально. Отличнымъ исполненіемъ входнаго номера онъ расположилъ слушателя въ свою пользу, но не могъ оставаться въ теченіе всего спектакля на одинаковой высотѣ. Романсъ (съ аккомпаниментомъ на альтѣ) имъ спѣтъ былъ холодно, безъ должныхъ оттѣнковъ; недостаточно тонко также прошли лирическія сцены съ королевой. Высокая нота въ секстетѣ артисту не удалась (г. Донской въ Большомъ театрѣ взялъ ее на другой день лучше, т. е. красивѣе, звучнѣе и свободнѣе). Выручилъ г. Дмитреско четвертый актъ; здѣсь онъ пѣлъ и игралъ съ большимъ увлеченіемъ. Главныя фразы въ дуэтѣ съ Валентиною онъ давалъ широко и опять щеголялъ, можетъ быть, и неумѣстно, высокими, очень звучными и красивыми нотами.

Остальные исполняли: г-жа Марра—королеву, г-жа де-Макки—Валентину, г. Скотти—Невера, г. Брольо—Сенъ-Бри и г. Танцини—Марселя. Колоратурный голосъ г-жи Марра под-

ходитъ къ партіи королевы; но пѣнію ея, особенно фразировкѣ, не доставало граціи и пикантности. И по игрѣ артистка далека отъ совершенства и того образа, который намѣченъ авторомъ либретто. Г-жа де-Макки умѣло поетъ свою партію, но верхнія ноты звучали въ разбираемомъ нами спектаклѣ не особенно красиво; верхнее do могло бы быть выпущено и дуэтъ съ Марселемъ произвелъ бы болѣе пріятное впечатлѣніе на слушателя. Играла г-жа де-Макки старательно и добросовѣстно, но безъ поэзіи и недостаточно иллюзіонно. Не было того изящества въ манерахъ и того благородства, съ которыми напр. г-жа Медея-Мей у насъ исполняетъ эту роль. Г. Скотти элегантно-изящный Неверъ и хорошо говоритъ свои речитативы въ первомъ актѣ. Сцена четвертаго дѣйствія ведется имъ сильно. Г. Брольо очень ужъ добродушный Сенъ-Бри; поетъ впрочемъ свою партію недурно. Г. Танцини—хорошій, типичный Марсель; поетъ и держится просто. Жаль, что голосъ его въ этотъ вечеръ звучалъ тусклѣе обычнаго. За пѣсню «Pif Paf» ему много апплодировали. Въ дуэтѣ съ Валентиной пѣвецъ отлично соразмѣрялъ свои силы съ голосовыми средствами своей партнерши. Г-жа Маркезини въ роли пажа Урбана была очень слаба.

«Гугеноты» повторены были еще два раза и посѣщались публикою довольно усердно, несмотря на то, что и въ Большомъ театрѣ идутъ хорошо.

Изъ вердіевскихъ оперъ поставлены «Трубадуръ» и «Эрнани»; въ первой имѣлъ г. Дмитреско хорошій, заслуженный успѣхъ, во второй чередовались, въ роли Карла, гг. Скотти и Баттистини. Г. Баттистини участвовалъ въ спектаклѣ 15 декабря; театръ былъ совершенно полонъ. Артистъ провелъ свою роль прекрасно въ смыслѣ пѣнія. Игра его обдумана и выдержана и интересовала преимущественно сознательною отдѣлкою деталей и красивымъ изяществомъ жестовъ. Очень хорошъ гримъ г. Баттистини; видно, что артистъ и на эту сторону обратилъ серьезное вниманіе; костюмы его строго соотвѣтствуютъ изображаемой эпохѣ.

Для полноты обозрѣнія замѣтимъ, что дана была еще нѣсколько разъ доницеттіевская «Фаворитка», что г-жа Неслэда очень успѣшно выступила въ роли Маргариты въ «Фаустѣ», и что со второй половины декабря начались гастроли г-жи Эммы Невада. Объ ней поговоримъ въ слѣдующій разъ.

В. В.

Русское Музыкальное Общество.

Экстренное симфоническое собраніе въ пользу фонда для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ музыкантовъ состоялось въ настоящемъ году 4-го декабря и отличалось торжественностію настроенія, не говоря уже объ интересѣ программы. Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ былъ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ «фондъ» и потому концертъ былъ юбилейнымъ. По первоначальному предположенію въ концертѣ въ качествѣ солистовъ должны были принять участіе гг. Фигнеръ и Ауэръ, а П. И. Чайковскій предполагалъ дирижировать своею новою симфоніею; въ память учредителя фонда на эстрадѣ долженъ былъ стоять бюстъ Н. Г. Внезапная кончина Чайковскаго заставила обратить предполагавшійся съ его участіемъ концертъ въ воспоминаніе о немъ, и такимъ образомъ программа должна была состоять исключительно изъ его произведеній. Но явилась необходимость измѣнить и это предположеніе, потому что г. Ауэръ, задержанный своими служебными обязанностями въ Петербургѣ, не могъ принять участіе въ концертѣ 4-го декабря, и его замѣнилъ г. Вержбиловичъ. Передъ эстрадой въ зелени были поставлены бюсты Рубинштейна и Чайковскаго; бюстъ послѣдняго былъ только въ день концерта доставленъ изъ Петербурга и отличается большимъ сходствомъ, особенно въ профиль; бюстъ—работы петербургскаго скульптора фонъ Баха. Главную сущность программы концерта составляла новая симфонія Чайковскаго, исполненная подъ управленіемъ г. Сафонова въ началѣ вечера. Симфонія названа авторомъ *патетической*. Она сочинена въ эскизѣ прошлой весной. Потомъ П. И. Чайковскій уѣхалъ заграницу въ Англію, а по возвращеніи принялся за инструментовку симфоніи, которая и была окончена 19 августа, какъ значится въ собственноручной помѣткѣ композитора на рукописи партитуры. Симфонія написана въ H-moll и начи-

нается очень красивой интродукціей въ медленномъ темпѣ, за которой слѣдуетъ обычное allegro, отличающееся чередованіемъ различныхъ настроеній, иногда рѣзко контрастирующихъ между собой. Первая тема нѣсколько тревожнаго характера, а вторая, такъ называемая побочная партія,—чрезвычайно красивая широкая мелодія, представляющая какъ бы законченное цѣлое само по себѣ. Въ разработкѣ этихъ главныхъ темъ, сдѣланной съ большимъ вдохновеніемъ и искусствомъ, много интересныхъ комбинацій; однажды является тема «Со святыми упокой». Вообще эта часть какъ будто написана на довольно сложную программу, которую композиторъ не пожелалъ привести для поясненія; но музыка дѣйствуетъ сама по себѣ очень сильно, и первая часть симфоніи производитъ глубокое впечатлѣніе. Вторая часть allegretto grazioso имѣетъ очень свѣтлый, ясный характеръ и написана въ $^5/_4$, такъ естественно и непринужденно, что этотъ не совсѣмъ простой размѣръ въ данномъ случаѣ представляется очень легкимъ. Слѣдующая часть (скерцо), написанная съ огромнымъ мастерствомъ, принадлежитъ къ лучшимъ симфоническимъ скерцо въ новой музыкѣ. Скерцо начинается очень быстрымъ движеніемъ въ $^{12}/_8$, а потомъ является маршъ воинственнаго характера въ $^4/_4$ и оба эти движенія соединяются необыкновенно красиво, сохраняя каждое свой особенный характеръ и составляя въ то же время прекрасное цѣлое. Послѣдняя часть симфоніи вопреки всякимъ обычаямъ идетъ въ медленномъ темпѣ и проникнута характеромъ безутѣшнаго, безъисходнаго горя; это плачъ о невознаградимой утратѣ, переходящій въ какую то безнадежную покорность судьбѣ. Эта часть симфоніи дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ, но производитъ тяжелое впечатлѣніе; быть можетъ, въ этомъ случаѣ погребальный характеръ сочиненія слишкомъ напоминаетъ о безвременной кончинѣ его автора и тѣмъ придаетъ особенно острый характеръ впечатлѣнію. Во всякомъ случаѣ симфонія принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ въ новѣйшей музыкѣ и свидѣтельствуетъ, что ея авторъ покинулъ насъ въ полномъ развитіи своихъ силъ и таланта. Симфонія подъ управленіемъ г. Сафонова прошла съ большимъ огнемъ, выразительностію и тщательностію деталей въ оттѣнкахъ.

Г. Вержбиловичъ съигралъ три небольшія пьески: одну г. Кюи и двѣ Поппера. Превосходный віолончелистъ имѣлъ по обыкновенію большой успѣхъ и долженъ былъ еще исполнить сверхъ программы Chanson triste Чайковскаго, арранжированную для віолончели, если не ошибаюсь, самимъ г. Вержбиловичемъ. Г. Фигнеръ пѣлъ арію Ленскаго изъ «Онѣгина», повторилъ ее и затѣмъ исполнилъ нѣсколько романсовъ Чайковскаго, въ томъ числѣ изъ послѣдней, только недавно вышедшей въ свѣтъ тетради романсовъ, посвященныхъ ему самому. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что пѣвецъ имѣлъ колоссальный успѣхъ и что апплодисментамъ, вызовамъ и требованіямъ повтореній не было конца. Въ романсахъ—на фортепіано аккомпанировалъ г. Сафоновъ. Въ заключеніе оркестръ исполнилъ «Леонору» № 3 Бетховена. Зала собранія была полна. «Фондъ» получилъ значительное подкрѣпленіе изъ сбора съ концерта и 1000 рублей, пожертвованную однимъ изъ директоровъ Музыкальнаго Общества, г. Харитоненко.

Четвертое и послѣднее квартетное собраніе первой серіи прошло 25 ноября при участіи г. А. Грюнфельда. Имъ вмѣстѣ съ г. фонъ Глэнъ съиграна была въ началѣ вечера соната Бетховена для фортепіано и віолончели (ор. 69, *A-dur*), а въ заключеніе вмѣстѣ со всѣми членами нашего квартета—извѣстный «Forellen-Quintett» Шуберта. Знаменитый вѣнскій піанистъ свою партію въ квинтетѣ выдержалъ замѣчательно какъ съ виртуозной, такъ и съ художественной стороны, имѣлъ завидный успѣхъ и на *bis* съигралъ цѣлый рядъ пьесъ: ноктюрнъ (*E-dur*) Шопена, серенаду Лало, свою транскрипцію «венгерскихъ танцевъ» Брамса и своего же сочиненія «Пѣсню безъ словъ». Квартетъ Бородина, ставшій посреди программы, отлично былъ принятъ публикой: очевидно, прекрасное сочиненіе покойнаго композитора успѣло завоевать себѣ среди москвичей прочныя симпатіи.

Н. Кашкинъ.

—

Обычный ежегодный **концертъ учащихся въ московской консерваторіи** въ пользу ихъ недостаточныхъ товарищей, состоялся 28 ноября въ Малой залѣ Благороднаго собранія, переполненной посѣтителями.

Концертъ далъ намъ не мало интереснаго. Программа была самая разнообразная и состояла изъ симфоническихъ пьесъ, вокальныхъ и инструментальныхъ номеровъ-соло и одного номера для совмѣстной игры unisono. Инструментальное исполненіе во многомъ можетъ быть названо безупречнымъ, съ ученической, конечно, точки зрѣнія; вокальная же часть была слабѣе, не столько по качеству матеріала участвовавшихъ, сколько по недостаточной степени развитія и разработки его и по причинамъ чисто-музыкальнаго свойства.

Изъ оркестровыхъ нумеровъ были исполнены *восьмая* симфонія (F-dur) Бетховена и увертюра Мендельсона «Аталія». Симфонія довольно трудна, и нельзя требовать отъ учениковъ идеально-законченнаго исполненія. Вполнѣ стройно и съ достаточно тонкими и разнообразными нюансами играли струнные инструменты (особенно скрипки и віолончели); вѣрно инто-

нировали и вступали духовые деревянные инструменты; зато мѣдные иногда путались, понижали и вступали не своевременно. Въ исполненіи увертюры погрѣшностей было меньше. Въ аккомпаниментѣ солистамъ — оркестръ былъ большею частью на высотѣ задачи.

Изъ піанистовъ участвовали: К. Игумновъ (класса г. Пабста) и Ѳ. Кенеманъ (кл. г. Сафонова, а по теоріи — г. Аренскаго); изъ піанистокъ: В. Исаковичъ (кл. г. Шлецера) и В. Маурина (кл. г. Пабста).

Г. Игумновъ обладаетъ прекрасною техникою, красивымъ тономъ и значительнымъ запасомъ физической силы. Выразительно и не безъ темперамента была имъ сыграна мазурка (cis-moll) — Шопена, бравурно и элегантно — этюдъ «Мазепа» — Листа. Г. Кенеманъ фигурировалъ какъ піанистъ и какъ композиторъ: имъ были исполнены варіаціи на оригинальную тему, собственнаго сочиненія, при чемъ слышались въ игрѣ пріемы и результаты отличной школы. Композиція показываетъ въ ученикѣ солидное усвоеніе контрапункта и значительное мастерство въ фактурѣ. Тема, на которой построены варіаціи, мало интересна; но варіаціи сдѣланы талантливо, и въ работѣ видны логика и разнообразіе въ концепсіи. Изъ названныхъ двухъ ученицъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе г-жѣ Мауриной: ея игра достигла значительной зрѣлости и пріятно ласкала слухъ мягкостью туше, пѣвучестью тона и фразировкою, не лишенною музыкальнаго вкуса. Въ игрѣ г-жи Исаковичъ болѣе обращала на себя вниманіе внѣшняя сторона; техническія трудности давались ей легко. Г-жа Маурина исполнила «andante» и «polonaise» (съ оркестромъ) — Шопена, г-жа Исаковичъ *шестую* рапсодію Листа.

Изъ скрипачей участвовалъ г. Дуловъ (кл. г. Гржимали), изъ віолончелистовъ — г. Дубинскій (кл. г. фонъ-Глена). Г. Дуловъ въ смыслѣ техники хорошо справился съ трудной партіей fis-мольнаго концерта («Concerto pathétique») — Эриста, но онъ еще не одухотворяетъ и не оживляетъ передаваемое. Съ развитіемъ ученика появится вѣроятно большая самостоятельность въ игрѣ его. Г. Дубинскій уже не разъ выступалъ публично на эстрадѣ (мы его слышали лѣтомъ въ концертахъ г. Буллерьяна) и теперь — вполнѣ сформировавшійся артистъ. Техника его на высотѣ строгихъ требованій, тонъ отличается рѣдкою пѣвучестью и шириною. Четыре части изъ извѣстной сюиты «Im Walde» — Поппера („Eintritt“, „Gnomentanz“, „Herbstblume» и „Reigen“) были переданы съ должнымъ разнообразіемъ: въ игрѣ были блескъ, грація, чувство и пѣніе.

Превосходное впечатлѣніе произвело исполненіе на 16 скрипкахъ (въ унисонъ) двухъ пьесъ Леклера («Сарабанда» и «Тамбуринъ») съ оркестровымъ аккомпанементомъ г. Г. Конюса. Казалось, что игралъ одинъ смычокъ на громадномъ инструментѣ. Всѣ участники и участницы изъ класса г. Гржимали.

Изъ пѣвицъ въ концертѣ принимали участіе М. Полякова и Б. Абрамовичъ (кл. г-жи Лавровской), Е. Михайлова и А. Гуревичъ (кл. г. Джиральдони), и изъ учениковъ — баритонъ А. Яхонтовъ (того же профессора).

Г-жа Полякова исполнила извѣстную арію изъ «Орлеанской Дѣвы» Чайковскаго очень музыкально, хотя и нѣсколько однообразно по фразировкѣ. У пѣвицы рѣдкій по симпатичности тембра голосъ, очень сильный и достаточно обширный по діапазону. Представительницей колоратурнаго амплуа была г-жа Михайлова, у которой достаточная подвижность и гибкость въ голосѣ, но мало еще вкуса и блеска. Г-жа Абрамовичъ (лирическое сопрано) не дурно справилась съ вальсомъ изъ «Фауста», хотя среднія ноты звучали нѣсколько тускло, а верхнія выходили крикливо.

Двумя ученицами исполненъ былъ дуэтъ для сопрано и альта изъ оперы «Сафо» Пачини (г-жи Е. Михайлова и А. Гуревичъ) не совсѣмъ удовлетворительно: г-жа Гуревичъ какъ то блуждала въ своей партіи.

Г. Яхонтовъ одаренъ симпатичными вокальными средствами, но сильно волновался, такъ что пѣлъ очень неровно. Трудная сцена изъ «Донъ-Карлоса» Верди, порученная ему, мало пригодна для ученическаго исполненія и едва подъ силу очень опытнымъ пѣвцамъ.

—

6 декабря въ консерваторіи, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, праздновали память Н. Г. Рубинштейна. Устроенъ былъ концертъ при исключительномъ участіи учащихся. Исполнялись только morceaux d'ensemble, и программа могла служить какъ бы продолженіемъ описаннаго выше концерта. Одинъ изъ учениковъ игралъ на органѣ. Въ залѣ красовался бюстъ Рубинштейна, утопавшій въ лавровой зелени.

В. В.

Концертъ г. Пабста.

Во вторникъ 30 ноября, въ малой залѣ Собранія, состоялся концертъ г. Пабста, привлекшій очень много публики, наполнившей и даже переполнившей залу. Концертантъ былъ на этотъ разъ особенно въ ударѣ и прекрасно выполнилъ всю чрезвычайно обширную программу концерта. Началомъ была «Крейцерова соната» Бетховена (гг. Гржимали и Пабстъ); за

тѣмъ слѣдовалъ рядъ пьесъ Шопена и Листа, исполненный концертантомъ съ огромнымъ успѣхомъ. Все второе отдѣленіе концерта состояло исключительно изъ новыхъ русскихъ сочиненій, исполнявшихся въ публикѣ въ первый разъ. Наибольшій интересъ представляла фантазія въ 4-хъ частяхъ для двухъ фортепіано г. Рахманинова, написанная на стихотворенія различныхъ поэтовъ, служившія для музыки программой. Все сочиненіе обличаетъ сильный талантъ, особенно своеобразно проявляющійся въ отношеніи гармоніи. Фантазія была отлично исполнена авторомъ и концертантомъ; одна часть была повторена. Далѣе г. Пабстъ были исполнены новыя и очень интересныя фортепіанныя сочиненія гг. Корещенко, Пахульскаго, Аренскаго и самого концертанта. Послѣдней пьесой программы былъ большой полонезъ Чайковскаго, недавно напечатанный и еще ни разу не исполнявшійся. Въ концертѣ принимала участіе молодая пѣвица г-жа Китаева, съ большимъ успѣхомъ спѣвшая романсы гг. Корещенко и Пабста. Изъ-за повтореній концертъ затянулся почти до часу ночи.

Н. Кашкинъ.

Въ лѣсу, картина Коппан.

Московское Филармоническое Общество.

Третье, четвертое и пятое симфоническія собранія.

Вторая сюита Чайковскаго—очень красивое, мастерское сочиненіе; въ ней много тонкаго, поэтичнаго; въ ней очень удаченъ юморъ, вообще мало характеризовавшій музыку ея автора. Но тѣмъ не менѣе она уступаетъ и первой, и третьей сюитѣ того же композитора. Тому, главнымъ образомъ, виною ея расплывчатость. Растянутость особенно чувствуется въ четвертой, чуть ли не самой красивой и поэтичной части («rêves d'enfance»), составляющей въ сущности маленькую самостоятельную сюитку: такъ много въ ней эпизодовъ, пестрящихъ ее, нарушающихъ ея единство. Но какъ въ то же время хороши эти эпизоды; какъ жаль было бы выбросить хоть одинъ изъ нихъ. Очень хорошо разработана первая часть сюиты. Мало только вяжется ея серьезность съ болѣе легкимъ стилемъ остальныхъ частей. Мило звучитъ «вальсъ» съ его курьезнымъ ворчаніемъ кларнетовъ. Вообще при инструментовкѣ второй сюиты Чайковскій съ особенной заботливостью отнесся къ деревяннымъ духовымъ и далъ имъ нѣсколько новыхъ, остроумныхъ эффектовъ. Такъ, въ третьей части («scherzo humoristique»), очень пикантной и дѣйствительно юмористической, онъ удачно копируетъ звукъ *гармоники* (въ партитурѣ авторъ требуетъ участія въ оркестрѣ нѣсколькихъ ручныхъ гармоникъ, но, при исполненіи этой сюиты въ первый разъ подъ управленіемъ Эрдманнсдерфера, опытъ, произведенный съ гармониками на репетиціи, оказался неудачнымъ,—деревянный духовой оркестръ настолько заглушалъ ихъ, что самъ авторъ призналъ ихъ участіе ненужнымъ). Въ послѣдней части («danse baroque»), написанной съ намѣреніемъ поддѣлаться подъ манеру Даргомыжскаго (о чемъ авторъ заявляетъ въ партитурѣ) много задора и блеска. Сюита очень трудна для исполненія. Тѣмъ не менѣе г. Шостаковскій провелъ ее хорошо.

Помимо этой сюиты, оркестровыхъ номеровъ въ тотъ вечеръ не было: такимъ образомъ третье собраніе было посвящено по преимуществу солистамъ: пѣвцу—г. Ріера и скрипачу—г. Крейслеру. Г. Ріера уже знакомъ московской публикѣ по итальянской оперѣ, гостившей нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ театрѣ Шелапутина съ знаменитымъ Таманьо во главѣ. Какъ и тогда, отличительными чертами пѣнія г. Ріера являются, при хорошемъ голосѣ, выразительная фразировка и нѣкоторое *rubato*, свойственное всѣмъ итальянцамъ, за очень рѣдкими исключеніями. Въ настоящій пріѣздъ г. Ріера, голосъ его не развился болѣе; зато въ погонѣ за выразительностью пѣнія артистъ по временамъ сталъ впадать въ утрировку. Г. Ріера спѣлъ двѣ аріи: изъ «Донъ-Карлоса» Верди и изъ «La jolie fille de Perth» Бизэ и двѣ пьесы на *bis*.—Г. Крейслеръ исполнилъ концертъ (№ 2—fis moll) Вьетана, ноктюрнъ Шопена—Саразате, мазурку Шопена въ своей арранжировкѣ, «Souvenir de Moscou» Венявскаго и, сверхъ программы, мазурку Заржицкаго, венгерскій танецъ Брамса и полонезъ Венявскаго. По перечисленнымъ пьесамъ видно, что репертуаръ г. Крейслера чисто виртуозный: онъ желаетъ показать или пѣвучесть своей кантилены (Вьетанъ, Саразате, Венявскій), или элегантность исполненія салонныхъ номеровъ (мазурка, полонезъ), или наконецъ изумительное совершенство флажолетовъ (Вьетанъ, Венявскій и мазурка Шопена). Флажолеты и г. Крейслеръ играетъ удивительно: непогрѣшимо чисто и очень бѣгло. Техника у него вообще очень хорошая, хотя быстрыя гаммы звучатъ иногда нѣсколько неясно. Тонъ его не изъ самыхъ красивыхъ. Публика приняла г. Крейслера очень радушно.

Н. Кочетовъ.

Четвертое симфоническое собраніе представляло особый интересъ, благодаря участію знаменитой колоратурной пѣвицы американки Эммы Невады. Можно быть противникомъ колоратурнаго жанра, но нельзя не признать отраднымъ въ настоящую эпоху упадка вокальнаго искусства появленіе такой замѣчательной артистки-виртуозки (въ лучшемъ смыслѣ слова), какъ г-жа Невада, соединяющей исключительный объемъ голоса (на верху до sol третьей октавы) съ большой природной его гибкостью и совершенной обработкой. Гаммы, трели, стаккато, филированныя ноты звучатъ положительно безупречно. Голосъ г-жи Невада не изъ сильныхъ, но очень симпатичнаго тембра. При этомъ у г-жи Невада и выразительныя мѣста удаются прекрасно. Конечно, г-жа Невада имѣла большой успѣхъ и должна была сверхъ поставленныхъ на программѣ романсовъ «Musoli» Ф. Давида, «Les enfants» Масснэ, «Oiseau dans la forêt» Тауберта и вальса изъ «Диноры», спѣть еще нѣсколько разъ на *bis*.

Оркестровая часть этого собранія заключала въ себѣ все игранныя и даже заигранныя пьесы: «шотландскую» симфонію Мендельсона, увертюру «Робеспьеръ» Литольфа и два номера

изъ сюиты «Щелкунчикъ» Чайковскаго. «Danse des Merlitons» повторили.

—

Въ **пятомъ симфоническомъ собраніи** участвовали г-жа Зембрихъ и г. Маттіа Баттистини.

Г-жа Зембрихъ въ этотъ разъ не могла проявить въ полномъ блескѣ свое высоко-художественное пѣніе, потому что чувствовала себя нездоровою. Артисткѣ пришлось ограничиться исполненіемъ перваго своего номера программы, большой сцены изъ перваго дѣйствія беллиніевской «Нормы» (речитативное введеніе, молитвенная арія «Casta Diva» и allegro). Новаго прибавить къ тому, что въ «Артистѣ» не разъ уже было сказано о г-жѣ Зембрихъ, теперь не приходится; на серебристый тембръ голоса болѣзненное состояніе артистки не вліяло; ноты брались ею, кромѣ двухъ-трехъ въ аріи, вполнѣ чисто. Только для привычнаго уха замѣтно было нѣкоторое усиліе, съ которымъ г-жа Зембрихъ пѣла вообще. Это чувствовалось преимущественно въ недостаточно энергичной передачѣ послѣдней части; молитва же была спѣта съ удивительною простотою и ея исполненіе имѣло требуемый цѣломудренный характеръ. Такія мѣста, какъ извѣстно, всегда производятъ единственное въ своемъ родѣ обаяніе въ исполненіи великой артистки.

Г. Баттистини—пѣвецъ-виртуозъ въ лучшемъ значеніи слова, Мазини въ своемъ родѣ, съ болѣе только тщательною интонировкою. Да и голосъ его, лирическій баритонъ, имѣетъ во многомъ теноральный характеръ и служитъ артисту гибкимъ, податливымъ матеріаломъ, которымъ онъ пользуется съ удивительнымъ умѣньемъ и свободою. По многимъ артистическимъ даннымъ, въ средѣ современныхъ пѣвцовъ, г. Баттистини, кажется, болѣе всѣхъ приближается къ вокальнымъ мастерамъ старой итальянской школы.

Вокальные эффекты у него, правда, доводятся до крайней утонченности и изысканности, отчего получается такое впечатлѣніе, какъ будто пѣвецъ желаетъ именно этимъ поражать слушателя, а не строгою музыкальностью исполненія. Это обстоятельство, а еще болѣе нѣкоторая искусственность въ пѣніи, ставятъ г. Баттистини ниже тѣхъ великихъ представителей старой итальянской школы, у которыхъ «красота пѣнія» (bel canto) шла рука объ руку съ задушевностью, искренностью и простотою фразировки. Причина этого, быть можетъ, кроется въ отсутствіи драматичности въ самомъ голосѣ артиста, въ чемъ онъ, конечно, не повиненъ и что не служитъ помѣхою эстетической сторонѣ дѣла.

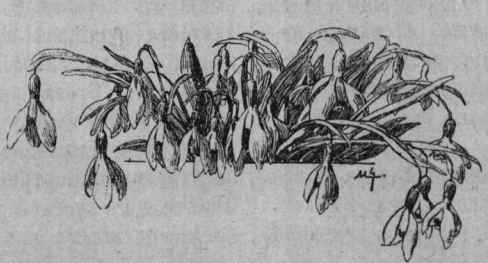
Изъ двухъ оперныхъ номеровъ, исполненныхъ г. Баттистини (пѣсня Вольфрама на состязаніи пѣвцовъ изъ «Тангейзера»—Вагнера и арія изъ «Маріи di Rudenz»—Доницетти), мы нашли примѣненіе сказаннаго. Шаблонная доницетіевская арія, конечно, не утратила шаблонности отъ передачи и тѣхъ техническихъ особенностей щеголеватой виртуозности, которыя вносилъ г. Баттистини въ свое исполненіе; но Вагнера можно было спѣть менѣе изысканно, безъ наклонности къ ферматамъ. Впрочемъ, это съ нѣмецкой и русской точки зрѣнія; для насъ лично г. Мельниковъ былъ идеальнымъ исполнителемъ именно этого номера въ партіи Вольфрама. Былъ еще великій толкователь роли Вольфрама у итальянцевъ, это г. Котоньи, о которомъ невольно вспоминаешь, когда приходится говорить объ исполненіи «Тангейзера» итальянцами.

Г. Баттистини спѣлъ еще нѣсколько небольшихъ пьесъ, преимущественно итальянскихъ композиторовъ, частью обозначенныхъ въ программѣ, частью сверхъ программы.

Изъ инструменталистовъ-солистовъ принималъ участіе молодой скрипачъ г. Безекирскій. Большая фантазія изъ оперы «Отелло»—Эрнста, исполненная начинающимъ артистомъ съ солидною техникою, красивымъ тономъ и другими пріемами раціональной школы, доставили ему одобреніе публики, говорящее въ пользу недюжинной талантливости его, тѣмъ болѣе, что г. Безекирскому пришлось выступить на ряду съ яркими вокальными звѣздами.

Оркестровая часть программы пятаго собранія дала новинку: третью «Норвежскую рапсодію» (A-dur)—Свендсена, пьесу, нелишенную разнообразія въ концепсіи и оригинальности въ подборѣ основныхъ темъ, красивую по гармоніи, колоритную по инструментовкѣ. Еще сыграны были обѣ части неоконченной симфоніи (h-moll) Шуберта, слишкомъ извѣстныя, чтобы объ нихъ здѣсь распространяться.

В. В.



Духовный концертъ въ Синодальномъ училищѣ.

Въ настоящее время Синодальный хоръ—лучшій изъ духовныхъ хоровъ Москвы. Онъ хорошо подобранъ по голосамъ, отлично спѣлся; его регентъ, г. Орловъ, человѣкъ музыкальный, получившій основательное музыкальное образованіе въ Московской консерваторіи. Дарованіе и вкусъ регента сказываются въ характерѣ исполненія подвѣдомственнаго ему хора: оно прежде всего ритмично, чего никакъ нельзя сказать про большинство хоровъ церковныхъ пѣвчихъ, во главѣ которыхъ стоятъ обыкновенно регенты-практики безъ солиднаго общемузыкальнаго образованія. Синодальный хоръ поетъ замѣчательно стройно. Его *fortissimo* полно и не крикливо; *pianissimo*—нѣжно и красиво. Но не все въ этомъ хорѣ доработано до степени, когда уже никакихъ упрековъ сдѣлать нельзя. Его мужскіе голоса нѣсколько давятъ дѣтскіе, а это особенно замѣтно въ *pianissimo*. Кромѣ того оттѣнки, которыхъ добился г. Орловъ, грѣшатъ нѣкоторой манерностью и преувеличенностью: слишкомъ часты рѣзкіе переходы отъ очень громкаго звука къ очень тихому. Впрочемъ, это упрекъ не одному г. Орлову. Онъ вообще относится къ нашимъ концертнымъ и театральнымъ дирижерамъ. Со временъ Эрдмансдерфера, Москва забыла, что значитъ художественная простота исполненія. Намъ преподносятъ не столько музыку, сколько звуковые эффекты. Все подчеркнуто, чтобы контрасты выходили разительнѣе. Правильнаго перехода отъ *forte* къ *piano* нѣтъ, онъ замѣненъ скачкомъ отъ *fortissimo* къ *pianissimo*. Мы знаемъ наперед, какъ исполнять восемь тактовъ, изъ которыхъ вторые четыре — повтореніе первыхъ четырехъ: здѣсь надо ждать сперва громового *presto*, а затѣмъ шепчущаго *adagio*. По счастію, къ эффектамъ контрастовъ послѣдняго рода г. Орловъ не подошелъ; но что и его *forte*, и его *piano* утрированы, такъ это, къ сожалѣнію, вѣрно. Кто говоритъ,—моментальный переходъ отъ звуковой могучести къ еле слышнымъ замираніямъ, эффектъ ошеломляющій и технически очень трудно достижимый. Изрѣдка, какъ очень крайнее средство, отчего и его не употребить. Но онъ не долженъ превращаться въ манеру,—иначе перестанетъ быть эффектомъ, не ошеломитъ уже, а только надоѣстъ и лишитъ исполненіе истинной художественности, такъ какъ внѣшняя, виртуозная сторона передачи изъ средства превратится въ цѣль.

Пусть прекрасный Синодальный хоръ и его даровитый, образованный руководитель имѣютъ это въ виду: манерность въ передачѣ духовной музыки еще, конечно, менѣе желательна, чѣмъ при исполненіи музыки свѣтской; такіе пріемы рѣшительно уже не подходятъ къ складу суроваго напѣва православной церкви, къ умилительной простотѣ ея гласовъ.

Эти размышленія вызваны духовнымъ концертомъ, даннымъ 12 декабря въ залѣ Синодальнаго училища. Вечеръ представилъ интересъ не только потому, что пѣли лучшіе пѣвчіе Москвы. Онъ былъ интересенъ и по программѣ, которую посвятили сочиненіямъ исключительно современныхъ авторовъ: первую половину концерта заняли 6 произведеній покойнаго Чайковскаго, вторая состояла изъ 4 сочиненій гг. Архангельскаго, Сокольскаго, Рахманинова и Римскаго-Корсакова.

Есть ли или нѣтъ у насъ, русскихъ, своя вполнѣ самостоятельная духовная музыка? Не задумываясь, можемъ на это отвѣтить:—«нѣтъ». Въ репертуарѣ нашихъ пѣвчихъ множество, какъ напечатанныхъ, такъ и рукописныхъ духовныхъ сочиненій: въ исторіи русскаго церковнаго пѣнія насчитываютъ длинный рядъ композиторовъ духовной музыки. А все-таки самой ея, вполнѣ типичной, вполнѣ соотвѣтствующей духу нашей церкви, не существуетъ. Мы обладаемъ лишь матеріаломъ для нея, и матеріалъ этотъ, всѣ эти завѣщанные стариной, строго діатоническіе, характерные напѣвы церковные,—превосходенъ, типиченъ, самобытенъ. Но такъ сложились обстоятельства, что прикасались къ нему или иностранцы, или русскіе, не умѣвшіе отдѣлаться отъ музыкальнаго вліянія этихъ иностранцевъ, или дилетанты, мало подготовленные, а то и не подготовленные къ этому отвѣтственному дѣлу, или такія личности, въ которыхъ соединялись элементы ученаго, глубоко изучившаго предметъ, съ элементами полнѣйшей музыкальной несостоятельности. А наша гордость, наши лучшіе композиторы, тѣ, отъ кого мы единственно въ правѣ ожидать настоящихъ образцовъ русской духовной музыки, всегда были увлечены другой стороной родного искусства: ихъ манилъ оркестръ, его краски, а скромное четырехголосіе человѣческаго хора ихъ мало удовлетворяло; они утопали въ звуковыхъ волнахъ свѣтской музыки, къ церковной же подходили изрѣдка и какъ бы неуспѣвая какъ слѣдуетъ погрузиться въ ея смыслъ, складъ, вполнѣ усвоить ея духъ и значеніе. Среди попытокъ писать для русской церкви, наши лучшіе композиторы помнили одно: подражать Сарти и Галуппи нельзя; писать, какъ Бортнянскій, талантливый примѣнитель къ русской духовной музыкѣ нѣсколько упрощенныхъ пріемовъ итальянскаго квар-

тета—тоже нельзя; укладывать мелодіи старинныхъ гласовъ въ рамки современнаго минора съ повышенной VII ступенью, какъ это, искажая ихъ, устраивали Львовъ, Турчаниновъ,—нельзя, конечно. И вотъ гласы окружились гармоніями, основанными на древнихъ ладахъ, очень приличествующими древнимъ напѣвамъ; получились болѣе или менѣе удачныя попытки, то, на чемъ когда-нибудь, можетъ быть, построится наша церковная музыка, — но пока еще ее все-таки нѣтъ. Вы не чувствуете свободы, увѣренности въ духовныхъ сочиненіяхъ нашихъ лучшихъ композиторовъ. Уйдя изъ свѣтской музыки, изъ сферы оркестра, гдѣ они живутъ, какъ рыба въ водѣ, къ смиреннымъ средствамъ хора человѣческихъ голосовъ безъ инструментальнаго аккомпанимента, хора, долженствующаго пѣть русскую музыку *религіознаго содержанія* и по качеству лучшую, чѣмъ у Сарти, Галуппи, Бортнянскаго, Львова и Турчанинова, они стѣснены, связаны по рукамъ и ногамъ, они гдѣ-то на полу-пути, между покинутымъ прежнимъ и не достигнутымъ настоящимъ.

Говоря все это, мы не имѣемъ въ виду херувимской (e-moll) г. Архангельскаго,—она, если и не такъ по музыкѣ совсѣмъ слаба, какъ «Агнче Божій» г. Сокольскаго, но преисполнена совсѣмъ рутиннаго благозвучія приличнаго *регентскаго* сочиненія; не имѣемъ въ виду и «Въ молитвахъ неусыпающую» г. Рахманинова, гдѣ много красиваго, талантливаго, но еще больше молодой самоувѣренности, легкомысленности отношенія къ задачѣ, малаго проникновенія въ выбранный текстъ молитвословія. Насъ занимаютъ исполненныя 12 декабря сочиненія Чайковскаго. Какъ трудно здѣсь узнать высокоталантливаго симфониста, такъ всегда властно умѣвшаго распоряжаться колоритомъ, такъ вдохновенно проникавшагося настроеніемъ изображаемаго музыкой сюжета. Здѣсь онъ только музыкантъ-мастеръ, здѣсь онъ только *дѣлалъ*, а не *сочинялъ*, не *творилъ*; здѣсь онъ сухъ среди своихъ упражненій въ церковныхъ тональностяхъ, среди чисто разсудочныхъ, *невдохновенныхъ* стремленій *декламировать* текстъ; здѣсь его музыка не только не увлекаетъ и не умиляетъ, но даже не настраиваетъ. Кое-что есть еще въ «Свѣте тихій», въ «Вѣрую», въ «Блаженни, яже избралъ»; но какъ зато черства музыка на дивные тексты «Отче нашъ» и «Нынѣ силы», какъ совсѣмъ она не выражаетъ важнѣйшаго изъ моментовъ литургіи—«Тебѣ поемъ».

Надо еще замѣтить, что въ большинствѣ исполненныхъ въ тотъ вечеръ сочиненій въ ходу пріемъ, совершенно не соотвѣтствующій духу нашей церкви: голоса, вступая не одновременно, поютъ въ данный моментъ разныя слова и тѣмъ текстъ молитвы совершенно затемняется. Эту неловкость всегда можно избѣжать, заставляя и неодновременно вступающіе голоса хора какъ можно скорѣе догонять текстомъ другъ друга. Такъ поступалъ Бортнянскій. Тоже видимъ и въ заключительномъ нумерѣ концерта въ «Тебѣ Бога хвалимъ» г. Римскаго-Корсакова. Не обинуясь должны мы назвать это сочиненіе лучшимъ изъ всей программы. Оставляя въ сторонѣ мастерство фактуры, ловкость обращенія съ тематическимъ матеріаломъ, добытымъ изъ мелодіи *третьяго* гласа, чисто звуковые эффекты нѣкоторыхъ голосовыхъ вступленій и освѣжающее введеніе мѣстами такъ называемаго *читка* (когда весь хоръ, совсѣмъ уже по-церковному, одновременно произноситъ слова на нотахъ не измѣняющагося аккорда), мы именно въ этомъ нумерѣ находимъ приближеніе къ стилю музыки, наиболѣе приличествующей складу и духу православныхъ пѣснопѣній.

Сем. Кругликовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«У своихъ», ком. въ 5 д. П. Д. Боборыкина. «Смерть Пазухина», ком. въ 4 д. Щедрина-Салтыкова.

Будущій лѣтописецъ театра, быть можетъ, придетъ въ нѣкоторое смущеніе и станетъ тщетно разыскивать пьесу П. Д. Боборыкина «Расплата», о которой появились извѣстія во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ пьеса подъ этимъ заглавіемъ, принадлежащая перу г. Гославскаго, была дана, какъ это извѣстно, на сценѣ московскаго Малаго театра, пьеса же г. Боборыкина подъ этимъ названіемъ не пошла: авторъ измѣнилъ первоначальное заглавіе, и комедія его была сыграна въ Петербургѣ, въ бенефисъ г-жи Дюжиковой, 1-й подъ названіемъ „**У своихъ**“.

Не смотря на то, что въ комедіи пять дѣйствій, смотрится она безъ утомленія, интрига

развивается быстрымъ аллюромъ, безъ той мѣшковатости и тяжеловѣсности, которыя свойственны большинству нашихъ отечественныхъ драматурговъ. На авторѣ чувствуется безспорное вліяніе произведеній западнаго репертуара, что много «способствуетъ украшенію» пьесы, сообщая ей легкость и подвижность; но съ другой стороны — та же легкость иногда заставляетъ автора скользить по своимъ героямъ слишкомъ поверхностно, безъ должной вдумчивости при разработкѣ серьезныхъ положеній.

Первое явленіе перваго дѣйствія сразу насъ переноситъ въ самую кипень комедіи. Дочь богатой землевладѣлицы Двоетуровой, Анна, внезапно возвращается изъ Америки, гдѣ пропадала цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Бѣжала она изъ Россіи со скандаломъ отъ мужа, котораго не любила, бросивъ на его попеченіе маленькую дочку, Лену. Сообщникомъ ея бѣгства оказался домашній учитель. Изъ Америки она не писала, и ее считали умершей. Даже Лену воспитала бабушка въ убѣжденіи, что она сирота, такъ какъ мужъ Анны вскорѣ послѣ ея бѣгства умеръ. Анна пріѣзжаетъ въ усадьбу матери, когда случайно никого дома нѣтъ; встрѣчаетъ ее старая нянька Власьевна, выняньчившая и ее, и ея дочь. Изъ разсказа няни мы узнаемъ, что старуха Двоетурова постарѣла, опустилась, что всѣмъ имѣніемъ безраздѣльно владѣетъ братъ Анны, Андрей, сухой петербургскій чиновникъ. Андрей женатъ на пустой барынькѣ, Лидіи, которая успѣла уже украсить его рогами. Наконецъ, всѣ пріѣзжаютъ съ прогулки. Старушка не знаетъ—радоваться или печалиться, что нашлась ея дочь: до такой степени она подчинена вліянію своего сына Андрея. И дѣйствительно, Андрей сразу ставитъ вопросъ такъ, что Аннѣ ничего не остается болѣе, какъ покинуть домъ матери. Она успѣваетъ разсказать, что второй ея мужъ тоже умеръ, и въ Америкѣ у ней остались дѣти. Лена, дѣвушка лѣтъ 19-ти, уже совершенно самостоятельная, не успѣваетъ разобраться въ своихъ новыхъ чувствахъ, но сознаетъ всю фальшь положенія не только матери, но и бабушки, и дяди; она не понимаетъ, какъ можно допустить послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки немедленный отъѣздъ матери изъ дома. Но враждебное отношеніе, встрѣченное Анной со стороны брата, жены его и барона Трензеля, неотлучнаго ея спутника, растерянность старухи, изумленіе дочери, еще не перешедшія ни въ какое чувство — все это подсказывало Аннѣ, что оставаться здѣсь нельзя, и она уѣзжаетъ.

Двѣнадцать лѣтъ жизни въ Америкѣ не прошли для нея безслѣдно. Она привыкла къ борьбѣ и уступить брату Андрею не желаетъ. Она находитъ себѣ союзника въ лицѣ нѣкоего Турова, незаконнаго сына ея отца. Туровъ живетъ постоянно въ Петербургѣ. Она къ нему пріѣзжаетъ и встрѣчаетъ въ немъ гораздо болѣе родственныхъ чувствъ, чѣмъ у законнаго брата. Вслѣдъ за ней къ осени перебираются въ Петербургъ и остальныя дѣйствующія лица. Анна заручается чрезвычайно важнымъ показаніемъ Власьевны, что завѣщаніе ея покойнаго отца, по которому братъ Андрей владѣетъ всѣмъ имуществомъ, уничтожается другимъ завѣщаніемъ, позднѣйшимъ, по которому наслѣдство раздѣляется поровну между ею и братомъ; завѣщаніе это хранится у старухи Двоетуровой въ ея бюро, но Андрюша такъ ее запугалъ, что она ни за что этого документа не выдастъ. Случай даетъ въ руки Анны еще оружіе и противъ жены Андрея: вексель съ фальшивой подписью Андрея, сфабрикованной барономъ Трензелемъ, конечно, при помощи Лидіи. Власьевна, всей душой любящая свою питомицу, уговариваетъ ее украсть завѣщаніе, говоря, что она и ключъ дастъ, и посторожитъ, чтобы кто не вошелъ. Анна понимаетъ, что завѣщаніе ей необходимо, даже не столько для нея, сколько для ея дѣтей, оставшихся безъ всякихъ средствъ. У Андрея дѣтей нѣтъ, —деньги идутъ на его аферы, да на наряды жены; Лена обезпечена отдѣльнымъ состояніемъ отъ бабушки. Но все-таки Анна не соглашается на кражу. Прекрасно написанная сцена въ третьемъ актѣ развязываетъ этотъ узелъ: Анна уговариваетъ Двоетурову, во имя памяти къ покойному отцу, отдать ей завѣщаніе; старуха послѣ долгихъ слезъ и колебаній соглашается, и Анна съ торжествомъ уноситъ съ собою этотъ драгоцѣнный для нея документъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи, Анна вмѣстѣ съ Туровымъ заставляетъ Андрея подписать добровольно соглашеніе на выдачу ей половины наслѣдства. Тутъ даже какъ будто немного припахиваетъ шантажемъ, и вексель съ фальшивой подписью играетъ во всей пьесѣ не послѣднюю роль. Тѣмъ не менѣе симпатія зрителя во всякомъ случаѣ скорѣе на сторонѣ дамы изъ Америки, чѣмъ на сторонѣ Андрея.

Покончивъ дѣла, Анна быстро собирается въ Америку. Лена, только что повздорившая со своимъ женихомъ, хочетъ плыть черезъ океанъ съ матерью; но мать уговариваетъ ее остаться при бабушкѣ, примиряетъ ее съ женихомъ и даже устраиваетъ обрученіе, обѣщаясь со временемъ вернуться въ Россію, а пока приглашая дочь съ зятемъ къ себѣ въ гости.

Кромѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ у г. Боборыкина есть цѣлый рядъ второстепенныхъ фигуръ, изъ которыхъ наибольшую типичность представляетъ госпожа Андронина съ своимъ сыномъ Никой,—великосвѣтская дама, занимающаяся учетомъ векселей. Менѣе типичны вышли жильцы меблированныхъ комнатъ «Капернаумъ»—Бурятовъ и Вырвичъ, очень мало

нужные для хода пьесы. Вообще сцены въ «Капернаумѣ» (второй и пятый акты) производятъ болѣе слабое впечатлѣніе, чѣмъ остальныя дѣйствія. При этомъ меблированныя комнаты того пошиба, какимъ онѣ сдѣланы у г. Боборыкина, гораздо скорѣе московскія, чѣмъ петербургскія,—по крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе онѣ производятъ со сцены.

Главную роль пьесы играла бенефиціантка. Г-жа Дюжикова 1-я на сценѣ у насъ уже двадцать лѣтъ и давно составила репутацію прекрасной исполнительницы на сильныя драматическія роли. Въ ея репертуарѣ мы найдемъ такія роли, какъ Катерина въ «Грозѣ», Юдифь въ «Акостѣ», Софья въ «Горе отъ ума», Офелія въ «Гамлетѣ», Марія Андреевна въ «Бѣдной невѣстѣ» и т. д. Всѣ характеры съ демоническимъ оттѣнкомъ удаются ей по преимуществу, почему ею было сыграно не мало мелодрамъ въ семидесятыхъ годахъ.— Нельзя сказать, чтобы роль Анны вполнѣ подходила къ средствамъ артистки. Та зловѣщая драматическая нотка, которая чувствуется въ ея голосѣ, прикрытая какой-то нервной улыбкой, накладывала на все исполненіе тотъ колоритъ, на который едва ли разсчитывалъ авторъ. Очевидно, г. Боборыкинъ желалъ подчеркнуть дѣловитость Анны; въ исполненіи же г-жи Дюжиковой оказалась подчеркнутой шантажная сторона роли, и образъ, и безъ того мало симпатичный, окончательно утратилъ всю женственность. Но при этомъ артистка довольно искусно придала и тономъ, и внѣшностью такую окраску прошлому Анны, какъ будто отправиться въ Америку заставляло ее въ свое время увлеченіе не столько учителемъ, сколько политическими вопросами болѣе или менѣе рискованнаго свойства.

Двоетурову играла г-жа Жулева и безспорно можетъ считать эту роль одной изъ лучшихъ въ своемъ репертуарѣ. Въ изображеніи г. Ленскаго Андрей весьма ярко воплотился въ петербурскаго дѣльца-чиновника. Г-жа Абаринова мило играла дисконтершу Андронину. Турова изображалъ г. Давыдовъ, и хотя мѣстами, какъ всегда, отличался яркою игрой, но въ общемъ сыгралъ слишкомъ серьезно, что тоже едва ли входило въ разсчетъ автора. Г-жа Пасхалова играла Лену за болѣзнью г-жи Мичуриной. На этотъ разъ она отрѣшилась отъ того истеричнаго тона, въ которомъ она обыкновенно ведетъ свои роли, а третій актъ, съ бабушкой, былъ сыгранъ даже хорошо. Изъ остальныхъ участвующихъ можно отмѣтить развѣ только г. Варламова въ роли Вырвича, отставного военнаго, увѣрявшаго, что онъ участвовалъ въ войнѣ Сѣверо-американскихъ штатовъ съ Южными во время ихъ знаменитой борьбы тридцать лѣтъ тому назадъ; при этомъ онъ откровенно сознается, что былъ на сторонѣ Южанъ и бился за свободу имущества, а не за свободу негровъ.

Остальныя роли исполнялись: Лидіи—г-жей Красовской, Власьевны—г-жей Ленской, Кравцова — г. Юрьевымъ, Бурятова — г. Ѳедотовымъ (впослѣдствіи г. Новинскимъ), Ники— г. Озаровскимъ, Куцевеева—г. Шаповаленко.

Г. Варламовъ поставилъ въ свой бенефисъ забытую комедію Щедрина-Салтыкова «*Смерть Пазухина*». Произведеніе Щедрина на Императорской сценѣ—явленіе крайне рѣдкое. Въ 1857 году игрались его сцены «Провинціальные оригиналы», а въ 1867 — «Утро Хребтюгина». «Смерть Пазухина» шла на частной сценѣ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, безъ особеннаго успѣха прошла она въ Петербургѣ. Быть можетъ, неуспѣхъ ея слѣдуетъ отчасти приписать тому тяжелому, почти гнетущему впечатлѣнію, которое оставляетъ по себѣ произведеніе нашего сатирика. Это въ сущности не комедія въ строгомъ смыслѣ слова, а безпощадная сатира, гдѣ всѣ дѣйствующія лица взяты подъ особеннымъ острымъ угломъ зрѣнія, и являются передъ публикой въ самыхъ необычайныхъ раккурсахъ. Но блескъ литературнаго языка и глубокое знаніе изображаемой среды,—скрадываютъ многіе недочеты, длинноты и отчасти несценичность комедіи. Пря всемъ своеобразіи фабулы въ самой постройкѣ пьесы и подборѣ типовъ чувствуется весьма сильное вліяніе Островскаго,—въ гораздо большей степени, чѣмъ вліяніе Гоголя, столь рѣзко проявляющееся въ «Губернскихъ очеркахъ», принадлежащихъ къ тому же періоду литературной дѣятельности Щедрина. Тому обстоятельству, что «Смерть Пазухина» хорошо забыта, способствовало то, что она почему-то не помѣщена въ собраніе сочиненій Салтыкова, и публика, въ огромной массѣ, просмотрѣла ее, какъ совершенно новое, незнакомое произведеніе.

Главныхъ героевъ «Смерти Пазухина», собственно говоря, два. Они поставлены у автора рядомъ, во весь ростъ, не уступая одинъ другому, и представляютъ для артистовъ блестящій сценическій матеріалъ. Обѣ натуры и Пазухина-сына, и статскаго совѣтника Фурначева, интересны зрителю не только какъ типы, но и какъ борцы, готовые пожрать другъ друга для удовлетворенія своихъ алчныхъ инстинктовъ. У Шекспира одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «Нѣтъ ничего пріятнѣе какъ наблюдать столкновеніе двухъ противоположныхъ силъ на одной линіи». И дѣйствительно, никогда такъ не захватываетъ зрителя дѣйствіе, какъ при живомъ наглядномъ столкновеніи двухъ полныхъ силы натуръ, поставленныхъ независимо одна отъ другой. Съ этой точки зрѣнія «Смерть Пазухина» одна изъ наиболѣе яркихъ комедій борьбы.

Статскій совѣтникъ Фурначевъ—близкій род-

ственникъ Юсова изъ «Доходнаго мѣста». Но Юсовъ у Островскаго является резонеромъ, въ дѣйствіи же мы его не видимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Юсовъ не менѣе Фурначева способенъ отворить поддѣльнымъ ключемъ денежный сундукъ умершаго тестя и повыбрать изъ него все, что можно. Пазухинъ-сынъ — своего рода Іудушка и тоже ничѣмъ не погнушается. И вотъ оба они, еще при жизни Пазухина - старика, собираются дѣлить его капиталы. Они готовы для этого вступить въ мошенническія сдѣлки со всѣми окружающими, выкрадывать документы, поддѣлывать ключи, давить и губить другъ друга, чтобы только захватить въ свои руки что можно и сколько можно. Къ этимъ двумъ крупнымъ коршунамъ присоединяется цѣлая группа мелкихъ воронъ и галокъ, чтобы такъ или иначе тоже попользоваться добычей. Борьба ихъ между собою представляетъ отвратительное зрѣлище, а торжество молодого Пазухина въ послѣднемъ актѣ является какимъ-то пиршествомъ Антропофага. Ни одного свѣтлаго луча, ни одного проблеска на всемъ мрачномъ фонѣ картины! И какіе типы беретъ Щедринъ изъ до-реформенной Руси! Отставной генералъ Лабастовъ изъ *сдаточныхъ*; отставной подпоручикъ Живновскій, *выгнанный* изъ гусарскаго полка и нѣсколько разъ *попадавшій подъ судъ*; приказный Праздниковъ, *выгнанный изъ службы*; сирота изъ *благородныхъ* Живоѣдова, живущая у старика Пазухина въ *качествѣ экономки*; — все это подборъ чудищъ, въ которыхъ не проглядываетъ никакого человѣческаго чувства. Женщины такъ же звѣроподобны, какъ и мужчины. Жена Фурначева цѣликомъ сколокъ съ Липочки Островскаго; дочь генерала Лабастова—идіотка, да еще съ золотухой; благородная сирота Живоѣдова хотя и глупа, но не останавливается передъ тѣмъ, чтобы обокрасть покойника, и удивляется, отчего генералъ, согласившись ей помогать, вдругъ почему то вспоминаетъ, что это грѣхъ.

Исполненіе пьесы было ровное, хотя никакими особенными достоинствами не отличалось. Пазухина - сына игралъ г. Давыдовъ съ обычнымъ мастерствомъ и иногда съ яркими оттѣнками мелочей. Но въ послѣдней сценѣ желательно было бы болѣе видѣть звѣроподобія, когда онъ, схватывая всѣ милліоны, украденные изъ подъ постели покойника Фурначевымъ, въ изступленіи кричитъ: «Видите, это все мое, я здѣсь хозяинъ!» Быть можетъ почтенный артистъ, которому по преимуществу удаются характеры мягкіе и комическіе, хотѣлъ сгладить по возможности то ужасающее впечатлѣніе, которое должна производить финальная сцена.

Фурначева игралъ бенефиціантъ г. Варламовъ. Мы не разъ высказывали взглядъ на крупный талантъ этого артиста: по нашему мнѣнію, онъ гораздо болѣе исполнитель чисто драматическихъ ролей, чѣмъ комикъ. Если же онъ является иногда превосходнымъ исполнителемъ комическихъ ролей, то именно ролей съ тонкими, художественными оттѣнками. Для исполненія Фурначева у г. Варламова есть всѣ данныя, и если роль не произвела должнаго впечатлѣнія, то причину этого надо искать болѣе всего въ взглядѣ публики на бенефиціанта, какъ на комика - буффъ. Фурначевъ идетъ грабить покойника; г. Варламовъ ведетъ эту сцену сдержанно, хотя тутъ очень легко впасть въ шаржъ;—а публика смѣется, особенно въ верхнихъ ярусахъ: она привыкла, что Варламовъ всегда шутитъ и въ «серьезъ» его игры принимать не желаетъ. Крупнѣйшимъ недостаткомъ бенефиціанта можно считать тотъ приподнятый тонъ проповѣдника, которымъ онъ ведетъ весь второй актъ. Прописныя морали Фурначева должны были бы говориться проще, самымъ обыденнымъ, будничнымъ языкомъ, несмотря на канцелярскую постройку рѣчи, и являться незыблемымъ выводомъ житейской морали, а не проповѣдью. Послѣдній актъ удается г. Варламову гораздо больше.

Генерала изъ «сдаточныхъ» игралъ г. Медвѣдевъ. Къ сожалѣнію, онъ повторилъ типъ Градобоева изъ «Горячаго сердца», котораго мы только что видѣли. Желательно было бы больше разнообразія въ обработкѣ роли. Г. Сазоновъ, изображавшій гусара Живновскаго,—тоже ничего новаго не далъ и слишкомъ отзывался Мурзавецкимъ изъ «Волковъ и овецъ». Г. Нильскому досталась роль умирающаго Пазухина. Безусловной похвалы заслуживаетъ г-жа Васильева, превосходно сыгравшая сироту Живоѣдову.

Г.

14 декабря въ театрѣ Неметти состоялся спектакль въ пользу лѣчебницы хронически больныхъ дѣтей Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. По этому случаю, въ театрѣ собралась избранная публика, обыкновенно не заглядывающая туда, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ исполненіе отличается большою съиграностію и старательною постановкою, причемъ если и не всѣ участвующіе стоятъ на одномъ уровнѣ, зато безусловно всѣ стараются содѣйствовать общему успѣху. А что послѣдній достигается, это всего лучше подтверждаетъ этотъ самый спектакль, въ которомъ необычные посѣтители театра не только много смѣялись, но и не скупились на выраженія своего одобренія. Въ этотъ вечеръ давались: **«Ни минуты покоя»** Мясницкаго и **«Папенькина дочка»** Ларонжа, передѣланная (а не переведенная, какъ гласила афиша) на русскіе нравы. Еслибы не немного ходульная мораль подмастерья Иванова, пьеса имѣла бы еще большій успѣхъ, такъ какъ она представляетъ нѣсколько очень вѣрно подмѣченныхъ особенностей нашей вседневной жизни конца вѣка. Г. Борисовскій, игравшій роль фельдшера-отца,

создалъ чрезвычайно жизненный и живой типъ обладателя двухъ дочерей, старающагося только о возможно лучшемъ устройствѣ своей собственной будущности путемъ выдачи своихъ дочекъ за состоятельныхъ лицъ, совершенно безразлично относясь при этомъ къ вопросу о качествахъ послѣднихъ. Роль свою г. Борисовскій игралъ просто, безъ всякаго шаржа и подчеркиваній, благодаря чему его объясненіе со старымъ ловеласомъ, сватающимся за младшую дочь, вышло особенно комично. Г. Ленни, который игралъ этого жениха, былъ очень хорошимъ партнеромъ въ этой сценѣ, но въ общемъ переигрывалъ, а мѣстами шаржировалъ. Г-жа Казина, исполнявшая героиню, обладаетъ весьма сценическою наружностію, играетъ бойко. Артистка была очень эффектна въ послѣднемъ дѣйствіи, въ роскошной обстановкѣ ея старика-мужа. Г-жа Полевицкая очень вѣрно передала роль старшей сестры—идеалистки, зарабатывающей хлѣбъ своими руками и беззавѣтно любящей бѣдняка-подмастерья. Изъ роли послѣдняго г. Крамской-Сельскій сдѣлалъ все, что могъ, если принять во вниманіе, что онъ при всякомъ появленіи долженъ читать мораль. Недурна была и г-жа Чекалова въ роли жены фельдшера. Театръ былъ совершенно полонъ.

П. П.

Маріинскій театръ.—Постановка „Паяцевъ“.—«Джамилэ», комическая опера Бизэ.—Возвращеніе г. Васильева 3-го.—Дебютъ г-жи Миры Геллеръ.—Курьезный анонсъ.—Малый театръ.—Русское оперное Товарищество.—Постановка „Кавказскаго плѣнника“ г. Ц. Кюи.—Четвертое и пятое симфоническія собранія Музыкальнаго Общества.—Сюита г. Г. Конюса.—Фантазія для скрипки г. Направника на русскіе мотивы.—Г. Ю. Конюсъ.—Г. Сапельниковъ.—Третье квартетное и экстренное собраніе Музыкальнаго Общества.—1-й общедоступный концертъ гг. Галкина и Архангельскаго.—Русскій квартетный вечеръ.—Четвертое собраніе „молодого“ квартета.—Г-жа Терминская.—Четвертое собраніе Общества камерной музыки.—Альфредъ Рейзенауэръ.

23 ноября состоялось первое представленіе «Паяцевъ» Леонкавалло на сценѣ Маріинскаго театра. Такъ какъ опера эта слишкомъ мала, чтобы занять цѣлый вечеръ, то она была назначена къ исполненію вмѣстѣ съ «Джамилэ» одноактной оперой Бизэ, никогда еще не шедшей въ С.-Петербургѣ. На дѣлѣ же вышло иначе: «Джамилэ» пришлось отмѣнить по болѣзни г-жи Славиной, изъ чего можно было бы заключить, что у дирекціи, при громадномъ составѣ оперной труппы, нѣтъ дублеровъ даже на небольшія роли, еслибы всего черезъ нѣсколько дней г-жа Литвинова-Пиккалуга не замѣнила г-жи Славиной въ заглавной роли; вопросъ является, такимъ образомъ, открытымъ, почему эта замѣна не послѣдовала въ день перваго спектакля. Но даже допуская то весьма невѣроятное, впрочемъ, предположеніе, что 23 числа г-жа Литвинова-Пиккалуга не знала еще своей партіи, которую она пѣла уже 29, нельзя не отмѣтить, что у дирекціи не нашлось возможности дать вмѣсто «Джамилэ», что-нибудь другое, кромѣ—двухъ сценъ изъ «Евгенія Онѣгина», тѣмъ болѣе, что за послѣднее время шелъ цѣлый рядъ одноактныхъ оперъ—«Поэтъ», «Іоланта», «Сельская честь», которыя съ успѣхомъ могли замѣнить «Джамилэ». Но если и это было почему-либо затруднительно, то лучше было бы прибѣгнутъ къ балету, чѣмъ безъ всякой надобности, только для препровожденія времени, выхватывать отрывки изъ произведенія, составляющаго гордость нашей оперной литературы. Такіе пріемы объяснимы на частной сценѣ; на образцовой же они не могутъ и не должны имѣть мѣста.

Обращаясь къ самому исполненію, слѣдуетъ, по справедливости сказать, что въ общемъ оно стоитъ на обычномъ уровнѣ, къ которому мы привыкли на Маріинской сценѣ; а передача роли Каніо г. Фигнеромъ такая мастерская, что врядъ ли можно желать чего-нибудь лучшаго. Превосходно играетъ хоръ, въ особенности во время представленія комедіи, въ продолженіе которой всѣ находящіеся передъ балаганомъ зрители буквально живутъ на сценѣ и поглощены всѣмъ происходящимъ, принимая самое живѣйшее участіе въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ играющихъ паяцевъ. Въ частности же въ исполненіи есть нѣкоторые недочеты, которые прежде не встрѣчались, какъ, напримѣръ, нетвердая трепетовка хоровъ и нѣкоторыхъ солистовъ и довольно странные режиссерскіе промахи. При первыхъ звукахъ вступленія, занавѣсъ поднимается, и взорамъ зрителей представляется какая-то полуразрушенная стѣна, въ серединѣ которой сдѣланы ворота, закрытыя какою-то жиденькою занавѣскою. Благодаря этому, пропадаетъ весь эффектъ неожиданнаго появленія пролога; когда послѣдній уходитъ, стѣна, къ удивленію, самымъ примитивнымъ образомъ поднимается въ облака. Декорація съ балаганомъ и видомъ на мѣстечко, лежащее вдали, очень хороша; но и тутъ мѣсто появленія, а впослѣдствіи бѣгства Сильвіо обстав-

лено ужъ очень рутинно и притомъ такъ, что Каніо, котораго приводитъ Тоніо, чтобы показать ему вѣроломство его жены, долженъ сразу все видѣть, тѣмъ болѣе, что оба они появляются изъ-за балагана, вмѣсто того, чтобы спускаться издали по тропинкѣ, что дало бы имъ возможность вести свои разговоры не въ такомъ положеніи, въ которомъ свирѣпый Каніо съ успѣхомъ могъ бы броситься на Сильвіо и тутъ же убить его. Но самой большой погрѣшностію является то, что послѣднія слова «комедія кончена» говоритъ не Тоніо, наблюдающій со сцены за разъигравшейся, благодаря его мщенію, драмѣ, а Каніо—только что убившій двухъ людей: свою жену и ея любовника; такое восклицаніе въ его устахъ совершенно невѣроятно, не правдоподобно и отнимаетъ у этихъ словъ то значеніе, которое они получаютъ, когда ихъ произноситъ Тоніо.

Распредѣленіе ролей, кромѣ г. Фигнера, тоже нельзя назвать вполнѣ удачнымъ. Г. Яковлевъ, исполняющій партію Сильвіо, былъ бы гораздо болѣе на мѣстѣ въ роли Тоніо; у г. Чернова нѣтъ ни достаточнаго голоса, ни убѣжденности, необходимыхъ для того, чтобы въ прологѣ произвести на слушателей то нравственное впечатлѣніе, которое, очевидно, имѣлъ въ виду авторъ; поэтому въ прологѣ г. Черновъ уступаетъ не только г. Тартакову, лучшему изъ слышанныхъ въ Петербургѣ исполнителей, но и другимъ, менѣе выдающимся; зато въ самой оперѣ г. Черновъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ. Въ партіи Недды намъ посчастливилось слышать двухъ исполнительницъ: г-жъ Фигнеръ и Баулину; говоримъ— посчастливилось, потому что послѣдняя пѣла эту роль всего одинъ разъ, при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Со стороны внѣшности—г-жа Фигнеръ чрезвычайно эффектна, въ особенности при первомъ своемъ появленіи на телѣжкѣ; играетъ г-жа Фигнеръ тоже прекрасно, причемъ ей наиболѣе удаются сильно драматическія мѣста, хотя она и уступаетъ г-жѣ Баулиной, которая такъ рельефно выдвигаетъ впередъ кокетливую сторону характера Недды, особенно подходящую къ сценическому таланту г-жи Баулиной; въ вокальномъ же отношеніи она безусловно превосходитъ г-жу Фигнеръ, благодаря легкости своего пѣнія и большому объему своего голоса, позволяющему г-жѣ Баулиной исполнять роль безъ пропусковъ, дѣлаемыхъ г-жею Фигнеръ. Поэтому будетъ весьма жаль, если г-жа Баулина не выступитъ болѣе въ роли Недды, которая какъ бы создана для нея. Не дуренъ въ роли Пеппе г. Карелинъ, хотя у него совершенно пропадаетъ серенада, благодаря невозможно медленному темпу; впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ г. Направникъ замедляетъ ритмъ въ этой оперѣ.

Въ «**Джамилэ**», кромѣ г. Гончарова, который очень хорошъ въ роли Сплендіано, остальные исполнители, г-жа Литвинова-Пиккалуга и г. Михайловъ, ничего не сумѣли сдѣлать для того, чтобы вдохнуть жизнь въ изображаемыхъ ими лицъ, и весьма посредственны въ вокальномъ отношеніи. Благодаря совокупности всѣхъ этихъ причинъ, опера Бизэ не имѣетъ успѣха. Постановка роскошная, а декорація—зала въ мавританскомъ стилѣ съ бьющимъ на заднемъ планѣ фонтаномъ—восхитительна.

На дняхъ снова приглашенъ въ составъ нашей труппы **г. Васильевъ 3-й**, очень полезный пѣвецъ, главнымъ образомъ на русскія роли, изъ которыхъ многія оставались незамѣщенными, пока этотъ артистъ находился не у дѣлъ. Публика сдѣлала г-ну Васильеву вполнѣ заслуженную встрѣчу при первомъ его появленіи въ роли Сабинина. Состоялось также два дебюта. Первый—**г-жи Вѣрушъ** въ роли Тамары прошелъ совершенно незамѣченнымъ, такъ какъ она пѣла всего одинъ разъ, да и то въ абонементъ. Второй дебютанткой была **г-жа Мира Геллеръ**, появленію которой предшествовали слухи о ея выходящемъ изъ ряда талантѣ и о ея успѣхахъ на другихъ сценахъ съ присовокупленіемъ, что г-жа Геллеръ одна изъ любимѣйшихъ ученицъ знаменитой Лукки, которая будто бы сама разучивала съ ней роль Кармэнъ, выбранную г-жею Геллеръ для перваго выхода. Можетъ быть, благодаря такимъ слухамъ, публика ожидала чего то особеннаго отъ дебютантки и, не найдя въ ней какихъ либо чрезвычайныхъ достоинствъ, отнеслась къ ней болѣе холодно, чѣмъ она этого заслуживаетъ на самомъ дѣлѣ. А между тѣмъ артистка производитъ очень благопріятное впечатлѣніе; оно было бы еще сильнѣе, если бы г-жа Геллеръ не прибѣгала къ переигрыванію своей роли и къ мало художественному хрипу, который она издаетъ во всѣхъ сильныхъ мѣстахъ, изображая этимъ бѣшенство и злобу Кармэнъ. Голосъ у г-жи Геллеръ небольшого объема и не очень сильный, но хорошо поставленный и прекрасно обработанный; вокализація легкая, фразировка музыкальная, произношеніе словъ отчетливое. Играетъ она свою роль мѣстами довольно необузданно, но мѣстами очень хорошо, при чемъ ей удалось придать многому новые оттѣнки, какъ, напримѣръ, въ сценѣ въ тавернѣ, гдѣ она начинаетъ слушать пѣсню Торреадора, сидя къ нему спиной и только постепенно обращаетъ на него вниманіе, переходящее въ увлеченіе. Второй дебютъ г-жи Геллеръ назначенъ въ «Сельской чести», въ роли Сантуццы. Первый выходъ артистки не обошелся безъ приключеній, такъ какъ состоялся недѣлею позже назначеннаго, вслѣдствіе болѣзни г. Пиккалуга, исполняющаго роль Донъ-Хозе; благодаря этому опера была отмѣнена, хотя въ составѣ труппы имѣются два тенора, гг. Фигнеръ и Михайловъ, которые оба поютъ эту пар-

тію. Вмѣсто «Кармэнъ» дали «Джамилэ» и «Паяцевъ», при чемъ въ корридорахъ театра было вывѣшено слѣдующее курьезное объявленіе:

«Вслѣдствіе внезапной болѣзни г. Пиккалуга, оперу «Кармэнъ» пришлось отмѣнить, а для сохраненія спектакля, представляющаго интересъ новизны (!) г-жа Баулина благосклонно согласилась исполнить въ 1-й разъ роль Недды».

Не правда ли безподобно?!

Въ труппѣ **Малаго театра** произошла какая то остановка въ оперныхъ спектакляхъ, которые одно время даже совсѣмъ прекратились. Исключеніе составляла одна «Сельская честь», удержавшаяся на сценѣ; впрочемъ и эта опера давалась съ «Цыганскими пѣснями» и даже съ «королевой брилліантовъ»—г-жей Отеро. Теперь кажется удалось снова пополнить труппу, вслѣдствіе чего опера должна возобновиться при участіи баритона г. Миллеръ и г-жи Никита.

Русское оперное Товарищество перебралось изъ залы Кононова въ Панаевскій театръ, отчего спектакли труппы значительно выиграли. Продолжая свою симпатичную дѣятельность, Товарищество успѣло въ новомъ помѣщеніи поставить вновь «Кавказскаго плѣнника» Ц. А. Кюи, много лѣтъ уже снятаго по неизвѣстнымъ причинамъ съ репертуара Маріинскаго театра. Опера разучена тщательно, поставлена прилично, насколько позволяютъ размѣры сцены и средства частнаго предпріятія. Солисты относятся къ своимъ партіямъ добросовѣстно и по мѣрѣ своихъ силъ стараются о надлежащей передачѣ, что наиболѣе удается г. Егіазарову, недурно исполняющему чарующую арію Абубекера во второмъ дѣйствіи. Публики собралось гораздо болѣе, чѣмъ мы замѣчали въ залѣ Кононова, чему нельзя не порадоваться, какъ признаку возрастающаго интереса къ дѣятельности Товарищества.

Четвертое симфоническое собраніе Музыкальнаго Общества состоялось подъ управленіемъ С. И. Танѣева по программѣ, составленной покойнымъ П. И. Чайковскимъ. Новинкою была сюита г. Г. Конюса, озаглавленная «Изъ дѣтской жизни» и состоящая изъ десяти номеровъ кромѣ вступленія, что нѣсколько много даже для такихъ коротенькихъ пьесъ, какъ тѣ, изъ которыхъ составлена эта сюита. Вотъ перечень ихъ: 1) Сказка про бѣлаго бычка; 2) Игра въ лошадки; 3) Колыбельная пѣсня; 4) Капризки; 5) Старушка няня; 6) Органчикъ; 7) Грезы; 8) Состраданіе; 9) Дѣтскія ласки; 10) Пѣсня про комара. Сюита очень понравилась, при чемъ четвертый и послѣдній номера были повторены. Успѣхъ, который имѣлъ авторъ, былъ вполнѣ заслуженный: г. Конюсъ написалъ не только рядъ талантливыхъ вещицъ, но проявилъ въ нихъ такую наблюдательность надъ дѣтскимъ міромъ и такую любовь къ дѣтямъ, которыя придали этимъ картинкамъ какой то особый оттѣнокъ теплоты. Особенно удались автору первыя четыре пьески, изъ которыхъ «игра въ лошадки», самая удачная. Оркестрована сюита прелестно и изящно, изобилуя многими тонкостями отдѣлки и красивыми деталями; къ сожалѣнію онѣ отчасти стушевались вслѣдствіе недостаточно тщательной и довольно блѣдной передачи. Наименѣе удачно былъ исполненъ послѣдній номеръ, въ которомъ хоръ мальчиковъ, пѣвшихъ пѣсню «про комара», звучалъ нѣсколько грубо и не давалъ иллюзіи дѣтскаго пѣнія. Авторъ былъ вызванъ. Въ этотъ же вечеръ былъ исполненъ въ первый разъ квартетъ П. И. Чайковскаго «Ночь», взятый изъ фортепіанной фантазіи Моцарта, причемъ слова написаны П. И. Чайковскимъ, аккомпаниментъ же инструментованъ С. И. Танѣевымъ; въ общемъ—это довольно неудачная попытка переложенія фортепіанной музыки на голоса, причемъ и слова мало подходятъ къ общему характеру музыки. Квартетъ былъ удовлетворительно исполненъ ученицами и учениками консерваторіи, г-жами Сушковой и Синициной и гг. Карклинымъ и Луначарскимъ. Солистами этого вечера были г-жа Бакмансонъ, которая недурно спѣла «Плѣнницу» Берліоза и два романса Чайковскаго и г. Рубинштейна, и г. Ю. Конюсъ, сыгравшій *re*-минорный концертъ Вьетана, мелодію Чайковскаго и Cal̀aḃrèse Бацини. Г. Конюсъ хорошій скрипачъ, не обладающій сильнымъ звукомъ, но играющій, какъ хорошій музыкантъ, умѣло и толково пользующійся своими средствами. Артистъ имѣлъ успѣхъ, которому нѣсколько повредилъ небрежный аккомпаниментъ г. Коръ де-Ласъ въ пьесѣ Бацини. Остальными номерами программы были увертюра къ оперѣ «Орестейя» г. Танѣева и увертюра къ «Волшебному стрѣлку», прошедшая совершенно безцвѣтно.

Въ **пятомъ симфоническомъ собраніи**, которымъ управлялъ Э. Ф. Направникъ, г. Ауэръ въ первый разъ исполнилъ посвященную ему фантазію послѣдняго на русскіе мотивы. Выборъ сдѣланъ съ большимъ вкусомъ; переходы отъ одного мотива къ другому довольно удачны, но повторенія темъ не достаточно интересно разнообразятся; оркестровка умѣлая, но слишкомъ густая, часто заглушающая скрипку. Г. Ауэръ имѣлъ шумный успѣхъ и долженъ былъ играть на ḃis. Такой же успѣхъ выпалъ на долю г. Сапельникова, который два раза игралъ на ḃis послѣ исполненнаго имъ перваго фортепіаннаго концерта Листа, гдѣ виртуозная сторона была артистомъ выдвинута болѣе чѣмъ слѣдуетъ, въ ущербъ общему, чисто симфоническому характеру этого мастерского произведенія. Въ этомъ же концертѣ приняла участіе г-жа Лавровская; несмотря на нездоровье, артистка исполнила назначенные по программѣ стансы Гуно изъ оперы «Сафо» и два романса Чайковскаго. Вечеръ начался симфоническою поэмою Э. Ф. Направника «Демонъ» и кон-

чился «Аррагонскою хотою» при участіи шести арфъ, весьма красиво выдѣлявшихся на фонѣ нашего громаднаго оркестра.

Въ третьемъ квартетномъ собраніи Музыкальнаго Общества, совпавшемъ съ первымъ русскимъ симфоническимъ собраніемъ, были исполнены квартетъ Моцарта въ mi-bémol-мажорѣ, квартетъ Шуберта въ sol-мажорѣ и тріо Шумана въ re-минорѣ, въ которомъ партію фортепіано играла талантливая г-жа Каппперова. Для курьеза слѣдуетъ упомянуть, что квартетъ Шуберта исполнялся въ первый разъ.

Въ сороковой день кончины незабвеннаго П. И. Чайковскаго, Музыкальное Общество устроило **экстренный вечеръ духовнаго пѣнія**, при участіи соединенныхъ хоровъ графа А. Д. Шереметева и А. А. Архангельскаго, подъ управленіемъ послѣдняго. Въ первомъ отдѣленіи были исполнены: концертъ Бортнянскаго «Скажи ми, Господи, кончину мою» и четыре номера изъ литургіи Чайковскаго: — «Святый Боже», «Херувимская пѣснь», «Милость мира« и «Достойно есть»; вторая часть состояла исключительно изъ произведеній А. А. Архангельскаго. Превосходное исполненіе, отличающееся замѣчательными оттѣнками, стройностію и большимъ мастерствомъ, съ которымъ хоръ по группамъ переводитъ дыханіе, благодаря чему пѣніе течетъ непрерывной волной, заставляютъ простить автору его самообольщеніе своими сочиненіями. На эстрадѣ, среди хора, возвышался на мольбертѣ портретъ Чайковскаго, красиво задрапированный чернымъ бархатомъ съ серебряной бахромой и сильно освѣщенный рефлекторами.

Несмотря на неудачи, которыя постигали до сихъ поръ всѣ попытки устроить **общедоступные утренніе концерты, гг. Галкинъ и Архангельскій** не побоялись попробовать свои силы на этомъ поприщѣ. Первый концертъ, состоявшійся 21 ноября, привлекъ довольно много публики, такъ что остается только пожелать, чтобы это было хорошимъ предзнаменованіемъ для послѣдующихъ концертовъ. Капитальными номерами программы были первая симфонія Чайковскаго и — Stabat Mater Россини, исполненный при участіи артистовъ Малаго театра. Кромѣ того хоръ исполнилъ безъ оркестра четыре вещи Палестрины, Монтеверде и Лотти.

Русскій квартетный вечеръ, по счету третій, устраиваемый одинъ разъ въ годъ, отличался отъ первыхъ двухъ тѣмъ, что программа не заключала въ себѣ ни одного новаго произведенія; тѣмъ не менѣе этотъ вечеръ представлялъ большой интересъ, такъ какъ публика имѣла возможность услышать, кромѣ дивнаго *второго* квартета Бородина, рѣдко исполняемые квартеты г. Римскаго-Корсакова и г. Глазунова. Исполнители остались прежніе: гг. Гильдебрантъ, Гельбке и Вержбиловичъ, а больного г. Альбрехта замѣнилъ г. Гейне, играющій, обыкновенно, второй альтъ въ этомъ составѣ, очень хорошій камерный музыкантъ. Участвующіе имѣли большой успѣхъ.

Въ **четвертомъ собраніи „молодого“ квартета** были исполнены тотъ же *второй* квартетъ Бородина, квартетъ Моцарта № 13 въ *до*-мажорѣ и *второе* тріо Шумана, соч. 80, въ которомъ послѣ долгаго антракта, выступила М. В. Терминская, одна изъ талантливѣйшихъ ученицъ А. Г. Рубинштейна, подававшая въ свое время самыя большія надежды и отличавшаяся удивительною поэтичностію передачи, въ особенности произведеній Шумана, Шопена и своего великаго учителя. Можно искренно пожалѣть о томъ, что за послѣднее время артистка все рѣже и рѣже появляется на эстрадѣ; этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить нѣкоторую несоразмѣрность въ силѣ игры, въ ущербъ струннымъ инструментамъ, и проявляющуюся довольно часто рѣзкость удара, который прежде отличался такой мягкостью и сочностью. Но тѣмъ не менѣе артистка доставила слушателямъ художественное наслажденіе глубиной и прочувственностію передачи и имѣла большой успѣхъ.

Четвертое собраніе Общества камерной музыки состоялось при участіи гг. Вальтера, Ергольца, Юнга и Ѳедорова, членовъ нашего опернаго оркестра, и г-жи Е. Кюне. Въ программу вошли квартетъ Ц. А. Кюи, фортепіанное тріо Чайковскаго и fa-мажорный квартетъ Бетховена, соч. 18. Г-жа Кюне, превосходная артистка и аккомпаньяторша, значительно слабѣе какъ піанистка; хотя игра ея и отличается качествами хорошей музыкантши, но недостаточно отдѣлана и оставляетъ слушателя довольно холоднымъ. Квартетисты хорошо съиграились, обладаютъ ровнымъ, сильнымъ тономъ, но играютъ слишкомъ грубо, что особенно сказалось въ квартетѣ г. Кюи, требующемъ тонкой и изящной передачи.

Послѣ довольно значительнаго промежутка времени, нашу столицу посѣтилъ снова г. **Альфредъ Рейзенауэръ** и снова поразилъ слушателей необычайной техникой своей игры на фортепіано, соединенной съ невозмутимымъ спокойствіемъ и безошибочною увѣренностію. Программа перваго его концерта, начавшаяся симфоническими этюдами Шумана и кончившаяся «пештскимъ» карнаваломъ Листа, чрезвычайно ярко исполненнымъ артистомъ, не заключала въ себѣ ничего новаго; съигранныя же имъ вещи собственнаго произведенія въ старомъ стилѣ оказались довольно сомнительнаго достоинства. Въ результатѣ получилось впечатлѣніе, что концертантъ не пошелъ далѣе того, что мы слышали отъ него въ послѣдній его пріѣздъ; а между тѣмъ средства, которыми его надѣлила природа, таковы, что онъ могъ бы подняться на значительно большую высоту, еслибы онъ искалъ успѣха не въ одномъ лишь совершенствѣ техники.

Лель.

„*Зрители*“, рисунокъ Гротъ-Іоганна.

Провинціальныя корреспонденціи.

Варшава (*отъ нашего корреспондента*). Послѣ неудачныхъ гастролей г-жи Біонделли, опера наша переживала тяжелый мѣсяцъ. Нѣсколько разъ были поставлены: „Галька“, „Таинственный замокъ“ (Монюшки), „Отелло“ (Верди) „Африканка“ и „Жидовка“; нѣсколько разъ балетъ „Панъ Твардовскій“. Репертуаръ являлся слишкомъ однообразнымъ и скучнымъ. Чтобы сдѣлать его разнообразнѣе, былъ поставленъ „Фаустъ“, но чрезвычайно неудачно. Роль Маргариты была повѣрена г-жѣ Домбровской; пѣвица эта обладаетъ контральто невысокаго достоинства; естественно, что она не въ силахъ была справиться съ партіей Маргариты. Въ роли же Фауста выступилъ г. Волошко, который недуренъ какъ Стефанъ въ „Таинственномъ замкѣ“, но безусловно плохой Фаустъ. Кромѣ этихъ оперъ были поставлены дважды „Разбойники“ Шиллера, но второй разъ трагедія шла при совершенно пустомъ театрѣ. Наконецъ въ концѣ декабря выступили вновь ангажированые гастролеры г-жа Гауссманнъ и г. Колли (теноръ) въ „Кармэнъ“. Но и тутъ насъ ожидало сильное разочарованіе. Г-жа Гауссманнъ оказалась пѣвицей безъ голоса. Плоха и игра ея. Лучшимъ пѣвцомъ оказался г. Колли, теноръ пріятнаго тембра, довольно свободный въ высокій нотахъ, но слабый въ нижнемъ регистрѣ. Слабъ былъ также и г. Кротти (Цунига); но очень мила г-жа Пржигодзская, которую намъ впервые пришлось услышать въ роли Микаэлы. Пѣвица эта недавно выступила на сцену и обладаетъ пріятнымъ свѣжимъ сопрано, рѣзкимъ лишь въ верхнихъ нотахъ. Оркестръ, по обыкновенію, исполнялъ свои функціи безукоризненно. Упомяну еще о вечерѣ камерной музыки, посвященномъ исключительно произведеніямъ покойнаго Чайковскаго. Камерные вечера устраиваются при участіи главнымъ образомъ профессоровъ Варшавской консерваторіи и привлекаютъ всегда много публики. Нечего и говорить, что исполненіе и программа этихъ вечеровъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Интересенъ былъ также за декабрь мѣсяцъ и репертуаръ драматическаго театра. Первой новинкой была одноактная комедія Іосифа Близинскаго „Богатая невѣста“. Комедія эта, которую авторъ собственно не предполагалъ ставить на сцену, не прибавляя ничего къ славѣ Близинскаго, все же является миленькой вещицей, которая смотрится на сценѣ съ удовольствіемъ. Въ роли Ядвиги намъ удалось впервые увидѣть начинающую актрису г-жу Федеровичъ, которая очень мило, задушевно передала типъ наивной дѣвушки. Поставлена комедія съ цѣлью почтить память Іосифа Близинскаго. Близинскій род. въ Варшавѣ въ 1827 году, здѣсь воспитывался, потомъ занимался хозяйствомъ въ своемъ имѣніи и наконецъ поселился въ Краковѣ, гдѣ и умеръ 17 апрѣля 93 года. Свою литературную дѣятельность онъ началъ въ „Gazecie codzinnej“ въ 1860 году драматической картинкой „Именины“, послѣ которой стали появляться его повѣсти и комедіи, которыя и поставили его на ряду съ лучшими драматическими польскими писателями. Лучшими произведеніями его считаются: „Marcowy kawaler“ (Мартовскій кавалеръ), „Панъ Дамазій“ (награжденное въ 1877 году на конкурсѣ въ Краковѣ), „Rozbitki“ (Потерпѣвшіе крушеніе) и „Тетка-невѣста“. Послѣднимъ произведеніемъ его была трехъактная комедія „Chwast“ (Сорная трава), о постановкѣ которой намъ приходилось уже говорить и которая является произведеніемъ слабымъ сравнительно съ другими его произведеніями. Характерною особенностью его таланта было умѣніе рисовать типы правдивые, не выдуманные, а живые съ плотью и кровью; онъ не создавалъ въ своихъ комедіяхъ искусственныхъ положеній, не прибѣгалъ къ эффектамъ, а ставилъ своихъ героевъ лишь въ тѣ положенія, какія могла дать жизнь. Второй новинкой была переведенная съ французскаго двухъактная комедія Курталена „Еубурошъ“. Наконецъ третьей новинкой была одноактная комедія (скорѣе фарсъ) Сиг. Пржибыльскаго „Другъ дома“. Авторъ этого произведенія род. въ Краковѣ въ 1857 году и началъ свою литературную карьеру съ извѣстной, переведенной на нѣсколько языковъ и между прочимъ на русскій, комедіи „Вицекъ и Вацекъ“, написанной имъ въ 1887 году. За этой комедіей послѣдовалъ цѣлый рядъ комедій: „Барскій дворъ въ Владковицахъ“, „Первый балъ“ (переведена на русскій языкъ); „Птицы небесныя“, „Первый выходъ въ свѣтъ“, „Сирень цвѣтетъ“ и др. Все это вещи чрезвычайно остроумныя, въ высшей степени сценичныя, выказывающія въ авторѣ мѣткую наблюдательность, но въ то же время

лишенныя глубины мысли и идейности. Такой же легенькой, и сценичной вещицей является и новая комедія „Другъ дома“.

Въ 1860 году въ Варшавѣ было основано „Общество поощренія художествъ въ Царствѣ Польскомъ“. Цѣль этого Общества—сплоченіе любителей изящныхъ искусствъ, распространеніе въ краѣ художественныхъ изданій и возможная помощь начинающимъ художникамъ—достигается по § 2 устава: a) устройствомъ постоянной выставки картинъ, b) покупкой извѣстнаго количества картинъ и розыгрышемъ ихъ между членами Общества, c) безплатной раздачей членамъ репродукцій съ лучшаго произведенія бывшаго на выставкѣ Общества, e) конкурсами и наградами за лучшія картины и т. д. Предсѣдателемъ этого Общества всегда является попечитель Варшавскаго учебнаго Округа. Правительство выдаетъ Обществу ежегодную субсидію въ размѣрѣ 800 руб. и на содержаніе канцеляріи Общества—850 руб. Членовъ, внесшихъ годовой членскій взносъ, было въ 91 году—4659, что дало Обществу 23,295 р. Постоянную выставку посѣтило 24,017 лицъ, что дало сбору 2997 р. 60 к. На выставкѣ помѣщено было 554 картины и изваяній. Куплено Обществомъ, для розыгрыша между членами, 96 картинъ на сумму 11,356 руб., продано 78 картинъ за 9227 р. 75 к. Въ видѣ стипендій и пособій начинающимъ художникамъ было выдано 1125 р.; на конкурсныя награды—1100 р. и на вспомоществованіе обѣднѣвшимъ художникамъ—334 руб. Сверхъ этого выдано Обществомъ художникамъ въ видѣ займа (по 4%) 3165 руб. и принятъ имъ расходъ по содержанію рисовальнаго зала для безплатнаго рисованія съ живыхъ моделей. Эти данныя, указывая на скромную, по существу, дѣятельность Общества, все же являются доказательствомъ, что Общество дѣлаетъ все возможное, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время оно озабочено сборомъ капитала (возросшаго въ 91 году до крупной суммы 53 т.) для постройки новаго зданія для выставки, такъ какъ настоящее зданіе во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Декабрьская выставка Общества не изобилуетъ ни особеннымъ количествомъ, ни качествомъ выставленныхъ произведеній. Пейзажи, по обыкновенію, являются господствующимъ элементомъ. Лучшіе среди нихъ пейзажи Клопфера и Поповскаго. Хороши также пейзажи Алхимовича; большая картина Рапацкаго, и „Затишье“ Вейхерта, изображающее рѣчку съ зелеными берегами—полны свѣжести и изящества. Недурны и „Приморскія скалы“ г-жи Бѣлинской и Россинскаго „Морской видъ“. Обильнымъ является и отдѣлъ портретной живописи. Жанръ почти отсутствуетъ, но за то мы видимъ здѣсь великолѣпную картину Вѣруша-Ковальскаго, изображающую зиму, тройку и волковъ. Хороша картина Бернацкой: „Художница“. награжденная Mention honorable въ Парижѣ. Хороша также картина Яченской „На своей собственности“, изображающая крестьянскаго мальчика, сидящаго, повидимому, въ сараѣ на соломѣ. Также неприхотливо хороша и жизненна „Старуха“, Рейзнера. Затѣмъ нужно упомянуть о женскихъ головкахъ извѣстнаго польскаго художника Жмурко. Среди скульптурныхъ произведеній выдѣляются головки Браумана: „Нѣженка“, „Неаполитанскій рыбакъ“ и „Деревенская дѣвушка“. Недуренъ также „Продавецъ проволочныхъ издѣлій“ Гецевича. Кромѣ этой постоянной выставки въ Варшавѣ передъ праздниками Рождества устраивается ежегодно выставка эскизовъ. Цѣль этихъ выставокъ, повидимому, чисто меркантильнаго характера. Залежалый товаръ въ папкахъ крупныхъ художниковъ и всевозможные наброски талантовъ маленькихъ, въ виду незначительныхъ цѣнъ, какія за нихъ назначаются, довольно бойко раскупаются любителями искусствъ передъ праздниками. И публика довольна и художники довольны. Выставка эта помѣщается въ 4-хъ небольшихъ комнатахъ, въ которыхъ кое-какъ и кое-гдѣ размѣщены эскизы. Здѣсь опять мы встрѣчаемъ женскія головки Жмурко, которыя по своимъ достоинствамъ далеко уступаютъ головкамъ выставленнымъ на выставкѣ Общества поощренія художествъ. Очень недурны эскизики извѣстнаго польскаго художника Герсона, носящіе на себѣ характеръ карикатуръ. Хороши эскизы извѣстнаго карикатуриста и иллюстратора Костржевскаго. Скажемъ еще нѣсколько словъ о большой картинѣ Шимановскаго: „Молитва“, которая выставлена въ залѣ дворянскаго собранія. Картина эта состоитъ изъ трехъ частей, раздѣленныхъ между собой краями рамъ, но составляющихъ одно цѣлое. Правая часть изображаетъ алтарь костела, передъ алтаремъ стоитъ кадильница, изъ которой поднимается кверху кадильный дымъ. Лѣвая часть изображаетъ колокольню и качающійся колоколъ. Средняя и самая большая—внутренность деревенскаго костела съ толпой молящихся поселянъ, стоящихъ на колѣняхъ. Художникъ избралъ моментъ, когда молящіеся поютъ цѣлымъ хоромъ молитвенный гимнъ. Такова внѣшняя сторона картины, освѣщенной снопомъ солнечныхъ лучей, падающимъ на молящихся черезъ окно костела. Задавшись цѣлью изобразить на полотнѣ *идею* молитвы, чистой, безхитростной, поглощающей всѣ помыслы человѣка и возносящей ихъ къ небу, Шимановскій рисуетъ толпу молящихся, на колѣняхъ, со сложенными руками и то поднятыми кверху глазами, то опущенными книзу. И нужно отдать справедливость, что идея изображена вѣрно и всѣ главныя фигуры картины полны правды, дышутъ искренностью. Нельзя того же сказать о заднемъ фонѣ картины, представляющемъ какое то желтое пятно и безусловно портящемъ всю картину. Плохо изображенъ и снопъ свѣта, болѣе похожій на протянутое полотнище, чѣмъ на свѣтъ. Упрекнуть нужно также художника и въ погонѣ за эффектами. Такъ, позади картины поставленъ органъ, который играетъ всевозможные молитвенные гимны.

—

Владиміръ (*отъ нашего корреспондента*). Дѣла нашего театра продолжаютъ идти довольно слабо,—бенефисы и тѣ даже не выручаютъ, несмотря на старанія бенефиціантовъ: гг. Томскій и Каменевъ поставили пьесы Мольера,—„Тартюфъ“ и, „Донъ-Жуанъ“, оба спектакля, особенно первый, прошли слабо. Г-жа Погожева и г. Бурлаковъ поставили новыя пьесы, „Предразсудки“ и, „Расплата“. Г-жа Васильева прекрасно исполнила роль Бѣловой, сама же бенефиціантка къ роли Сашеньки подходила мало; „Расплата“ прошла болѣе удачно. Въ бенефисъ г-жи Юрьевой шла „Русская свадьба“; бенефиціантка отнеслась къ постановкѣ пьесы очень заботливо, хоры были хороши, №№ соло почти всѣ были бисированы; сама г-жа Юрьева показала, что у нея есть очень недурной голосъ и знаніе музыки, на что дирекціи не мѣшало бы обратить вниманіе. При этомъ считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что въ мужскомъ хорѣ на представленіи „Русской свадьбы“ члены Общества почти совсѣмъ отсутствовали, это тѣмъ болѣе странно, что въ числѣ гг. членовъ есть очень недурные пѣвцы,—оркестра для аккомпанимента пѣнію конечно тоже не оказалось. Вообще нужно сказать, что постановка пьесъ сплошь и рядомъ отличается крайней небрежностью, пьесы ставятся, не обращая вниманія могутъ ли они

идти при наличномъ составѣ исполнителей, — такъ поставлены были „Соколы и вороны, „Князь Серебряный“ и „Женское любопытство“; при постановкѣ послѣдней дирекція не озаботилась обставить вновь выступавшую любительницу, оркестръ не былъ подготовленъ, любительницѣ не дано было предварительно сыграть нѣсколько менѣе трудныхъ ролей и только благодаря тому, что у исполнительницы оказался хорошій голосъ и умѣніе пѣть, пьеса прошла сравнительно не дурно. Г-нъ Красовъ для своего бенефиса поставилъ „Горе отъ ума“. Это былъ пока самый удачный изъ бенефисовъ какъ по сбору, такъ и по исполненію. Г. Красовъ очень умѣло провелъ роль Чацкаго, вообще можно сказать, что у этого артиста болѣе удачно идутъ роли классическія и характерныя. Большой интересъ бенефису г-на Красова придалъ г-нъ Лужскій, пріѣхавшій спеціально для этого спектакля, какъ и въ прошедшемъ году, и выступившаго въ роли Фамусова; роль эта имъ видимо обдумана и проведена была весьма удачно. Кромѣ названныхъ пьесъ поставлены были: „Дармоѣдка“, „Въ неравной борьбѣ“, „Василиса Мелентьева“, „Шутники“, „На всякаго мудреца“, „Каширская старина“, „Подъ властью сердца“ и „Доходное мѣсто“ (утр.) Наибольшій успѣхъ имѣли г-жи Васильева и Тамарина и г-нъ Красовъ. Изъ опубликованнаго отчета о концертѣ, бывшемъ 14 ноября въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета, видно, что всего сбора было 637 руб. 40 коп. и затѣмъ за расходами осталось на долю студентовъ 176 руб. 21 коп.

Казань (*отъ нашего корреспондента*). Товарищество драматическихъ артистовъ продолжаетъ вести дѣло съ прежнимъ выдающимся успѣхомъ. Никогда въ прежніе годы драматическіе спектакли на здѣшнемъ городскомъ театрѣ не давали въ общемъ такихъ благопріятныхъ результатовъ въ матеріальномъ отношеніи, за исключеніемъ такихъ случайностей, какъ пріѣзды гастролеровъ, крупныхъ извѣстностей, игравшихъ лишь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или много — одного мѣсяца. Не смотря на глухое для Казани время, совпадающее съ ноябремъ, самымъ тяжелымъ для театральныхъ сборовъ, театръ часто бываетъ наполненъ публикой. Кромѣ указанныхъ въ предшествовавшей нашей замѣткѣ причинъ, большое значеніе имѣетъ и дешевизна цѣнъ. Въ продолженіе 2 мѣсяцевъ только одинъ спектакль далъ менѣе 100 р., но это было въ утренній спектакль, которые вообще не привлекаютъ, за исключеніемъ одного съ комедіей „Каково вѣется“. Товарищество имѣетъ добрый обычай устраивать утренніе спектакли главнымъ образомъ для учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на которые дѣти допускаются безплатно. Потому публикой они посѣщаются мало, хотя этотъ репертуаръ состоитъ изъ классическихъ пьесъ. Конечно, наибольшій сборъ дали спектакли, устроенные съ благотворительною цѣлью, въ которыхъ значеніе и интересъ имѣли не пьесы, а задача спектакля. Такъ 22 октября спектакль на образованіе капитала въ память извѣстнаго профессора математики Н. И. Лобачевскаго и для основанія школы трудолюбія далъ 921 р., а 27 октября въ пользу „Общества вспомоществованія народнымъ учителямъ и учительницамъ“ — 964 р. — наибольшій сборъ въ нынѣшнемъ сезонѣ при полномъ театрѣ. На первомъ поставлены были: „Ночи безумныя“, ничѣмъ не подходящія къ смыслу чествуемаго ученаго, на второмъ: „Маскарадъ“ Лермонтова. Г. Шуваловъ, исполнявшій роль Арбенина, провелъ ее сухо и блѣдно. Лучше другихъ было исполненіе роли Звѣздича; женскія партіи удались сравнительно лучше. Но если было сносно исполненіе „Маскарада“, то постановка такихъ трагедій, какъ „Гамлетъ“, „Отелло“, была совсѣмъ не кстати. Г. Шуваловъ способный актеръ, но и только. Гамлетъ, а тѣмъ болѣе Отелло ему не по плечу. Бенефисы трехъ примадоннъ были удачны по исполненію. Такъ, г-жа Свободина-Барышева сдѣлала хорошій сборъ, поставивъ послѣднее произведеніе Зудермана „На родинѣ“. Г-жа Строева-Сокольская очень удачно возобновила „Чадъ жизни“ Маркевича. Г-жа Строева очень представительна въ роли свѣтской львицы; а въ послѣднемъ предсмертномъ монологѣ она трогаетъ публику. Несомнѣнно, она довольно хорошая Ольга Ранцева, хотя можно желать большаго, а г. Шуваловъ безукоризненный Ранцевъ; но Ашанинъ (г. Константиновъ), а особенно графъ Наташанцевъ (г. Чернышевъ) ослабляли впечатлѣніе. Послѣдній очень мало походилъ на придворнаго. Зато г. Неждановъ (вставная роль армянина), г. Горинъ (Стороженко) и г-жа Александрова (княгиня Шастунова) были очень типичны, особенно первый. Г-жа Анненская въ „Фру-Фру“ была только прилична, но не выдалась въ этой трудной роли; въ послѣднемъ монологѣ не было достаточнаго проявленія чувства. Вообще, наши артистки и артисты играютъ все и берутся за то, къ чему надо подходить съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе успѣхъ сопутствуетъ имъ. Впрочемъ, публика не можетъ быть особенно требовательною, когда труппа играетъ каждый вечеръ новыя пьесы; за все время въ сезонѣ повторился только одинъ „Маскарадъ“. Въ ряду бенефисовъ въ смыслѣ исполненія удались бенефисы г. Нежданова, поставившаго „Друзья-пріятели“ и г. Самойлова, давшаго „Честь“ Зудермана, которая шла еще въ прошломъ сезонѣ съ успѣхомъ. Г. Неждановъ не даромъ пользуется репутаціею умнаго, образованнаго и тонкаго комика; это одинъ изъ выдающихся провинціальныхъ артистовъ и въ своемъ амплуа мало имѣетъ соперниковъ. Онъ хотѣлъ показать себя въ иномъ жанрѣ и достичь успѣха; публика имѣла случай оказать ему больше вниманія, но, какъ извѣстно, цѣнители провинціальныхъ подмостковъ не всегда подготовлены къ своей задачѣ и рѣдко обладаютъ должнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Г. Самойловъ въ роли молодого героя, рыцаря правды и добра, былъ очень хорошъ; у него хорошая читка и представительность. Послѣдній бенефисъ г. Соловьева („Виноватая“) былъ наименѣе удаченъ; почти въ первый разъ театръ былъ пустъ. Бенефиціантъ этого не заслуживаетъ: онъ хорошій резонеръ, особенно въ роляхъ отцовъ. Впрочемъ, отсутствіе публики объясняется совпаденіемъ на одной недѣлѣ нѣсколькихъ благотворительныхъ спектаклей, которые выгодны для Товарищества сами по себѣ, но всегда отражаются на ближайшихъ сборахъ, даже и тогда, когда ставятся болѣе солидныя вещи. Такъ, напр., „Укрощеніе строптивой“, къ удивленію нашему исполненное довольно прилично, прошло при театрѣ, болѣе чѣмъ на половину пустомъ. Между тѣмъ г-жа Строева-Сокольская въ роли Катарины и г. Шуваловъ въ роли Петруччіо были почти на высотѣ положенія. Впрочемъ, первая напрасно горячилась во второмъ актѣ; Катарина не должна быть излишне суетливой и никакъ не выглядывать фуріей; тонъ былъ безъ надобности приподнятъ. Совершенно наоборотъ, г-жа Свободина-Барышева вздумала понизить тонъ въ передачѣ роли Василисы Мелентьевой, будто нарочно передѣлывая на свой образецъ знаменитую „жену“ Грознаго и героиню Островскаго. Не говоря про то, что образъ совершенно особенной доморощенной Василисы, въ изображеніи г-жи Свободиной, не соотвѣтствовалъ ни исторической, ни литературной

Мелентьевой, нельзя одобрить подобныхъ попытокъ извращать на свой образецъ дѣйствительно художественные образы. Василиса - Свободина вышла очень блѣдной копіей оригинала, какая то тѣнь дѣйствительной личности. И все это изъ-за того, что самая роль Мелентьевой была не по силамъ артистки и не въ ея средствахъ. Мѣстные рецензенты стараются объяснить это тѣмъ, что артистка всегда стремится къ „задушевнымъ“ типамъ, которые ей и удаются. Другая премьерша г-жа Строева обладаетъ большими данными для успѣха въ такого рода роляхъ, доказательствомъ чему служитъ роль „Чародѣйки“, но и она остереглась Василисы (послѣ неудачи въ Медеѣ), за что ее слѣдуетъ только похвалить. Изъ новыхъ піесъ текущаго сезона поставлены „Венецейскій истуканъ“ Гнѣдича, вещь сама по себѣ пустая и безсодержательная, и драма „Цыганка Занда“, переведенная съ нѣмецкаго. Первая успѣха не имѣла и самъ іерусалимскій странникъ (г. Гаринъ) не привлекъ на себя вниманіе, какъ это случилось въ Москвѣ. Наиболѣе типичнымъ былъ г. Неждановъ въ комической роли пьянаго Мяздры. Хороши были: г-жа Строева въ главной роли Антонины, г. Шуваловъ въ роли боярина Юренева и г-жа Соловьева въ роли ключницы Козлихи. Что касается до „Цыганки Занды“, то въ заглавной роли выдалась г-жа Строева, вполнѣ овладѣвшая ею, гг. Каширинъ (прокуроръ), Самойловъ (адвокатъ) и Неждановъ въ роли отца; г. Соловьеву удалась сцена смерти. Въ заключеніе отмѣтимъ, что, не смотря на хорошіе сборы и валовую выручку въ $1^1/_2$ мѣсяца 18700 р., въ виду отчисленій обязательныхъ расходовъ и благотворительныхъ сборовъ (11350 р.), товарищи все-таки недополучили до 1 р. и удовлетворены только 87 к. съ марки.

Обращаясь къ музыкѣ, надо прежде всего отмѣтить крайнюю ея скудость. Концерты—большая рѣдкость. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ихъ было только четыре; обходя духовный концертъ архіерейскаго хора и очень скудный въ музыкальномъ отношеніи вечеръ въ пользу университетскихъ студентовъ, мы остановимся на концертѣ ученицъ школы пѣнія г-жи Люценко и на музыкальномъ вечерѣ школы г. Гуммерта въ память Чайковскаго. О. П. Люценко, бывшая артистка Московской Императорской оперы, весьма опытная и знающая пѣвица. На педагогическомъ музыкальномъ поприщѣ она нашла себѣ настоящее мѣсто. Ея школа даетъ прекрасные результаты и этимъ объясняется ея успѣхъ въ городѣ: классы г-жи Люценко переполнены. Ея ученики извѣстны на оперныхъ провинціальныхъ сценахъ; назовемъ теноровъ гг. Закржевскаго и Кассилова. Въ концертѣ, данномъ 10 ноября, выступили ея ученицы: г-жи Чернушевичъ (драматическое сопрано), Нарановичъ (колоратурное сопрано), Лазаревичъ (сопрано), Бечко-Друзина (меццо-сопрано), Кабенькова (контръ-альто), и ученики: гг. Пикерсгиль (теноръ), Кочуровъ (баритонъ). Изъ нихъ г-жи Чернушевичъ и Нарановичъ обнаруживаютъ сценическіе задатки, особенно первая. Г-жа Чернушевичъ обладаетъ представительною внѣшностью, сильнымъ и высокимъ сопрано, вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ драматическихъ партій. Въ аріи Леоноры изъ „Трубадура“ она свободно взяла нѣсколько разъ сильное *si bemol* и верхнее *до* въ заключительной каденцѣ кабалетты, гдѣ сказалась и достаточная колоратура. Въ исполненіи аріи изъ „Пуританъ“ было много чувства. а въ квартетѣ изъ „Риголетто“ г-жа Чернушевичъ проявила всю силу своихъ верховъ. Эти послѣднія качества ея голоса выгодно сказались въ исполненіи на студенческомъ концертѣ аріи изъ Руслана: „Любви роскошная звѣзда“. Г-жа Нарановичъ выдается колоратурной разработкой голоса. Несмотря на то, что она взяла на себя слишкомъ трудную арію королевы изъ второго акта „Гугенотовъ“, она совладала съ нею. Въ дуэтѣ изъ „Нормы“, спѣтомъ съ г-жею Лазаревичъ, ея голосъ сказался со стороны широкаго пѣнія. Послѣдняя произвела впечатлѣніе прочувствованнымъ исполненіемъ аріи изъ „Миньоны“ (по итальянски). Изъ учениковъ слѣдуетъ обратить вниманіе на г. Пикерсгиля, обладающаго металлическимъ высокимъ груднымъ теноромъ, довольно хорошо разработаннымъ. Этотъ пѣвецъ пѣлъ больнымъ въ концертѣ но, не смотря на то, удачно исполнилъ серенаду Альмавивы изъ „Севильскаго цирульника“. Въ студенческомъ концертѣ онъ имѣлъ большой успѣхъ въ аріи Ленскаго изъ Онѣгина, спѣтой не безъ экспрессіи. Пока незабвенная память П. И. Чайковскаго была почтена школою Гуммерта въ концертѣ 27 ноября. Здѣсь интересъ былъ сосредоточенъ на оркестровыхъ нумерахъ и камерной музыкѣ. Хорошо были исполнены: итальянское каприччіо, Souvenir de Harpal, тріо для фортепіано (г. Родзевичъ), скрипки (г. Руссъ) и віолончеля (г. Больтерманъ). Превосходно сыгралъ на віолончели г. Больтерманъ итальянскую баркароллу. Вокальная часть была слабѣе: два-три романса, легенда для хора и дѣтскій хоръ въ унисонъ („Осень“ на слова Плещеева), который не слѣдовало ставить для такого концерта. Будемъ ждать болѣе широкаго чествованія памяти Чайковскаго.

—

Кишиневъ *(отъ нашего корреспондента)*. Румынская „королевская“ опера, о которой я уже писалъ, пользуется здѣсь незавиднымъ успѣхомъ. Главной причиной этого, помимо конкуренціи, объявленной ей разными народными зрѣлищами, слѣдуетъ признать отсутствіе въ оперѣ порядочныхъ голосовъ, плохіе хоры изъ мѣстныхъ вокальныхъ добровольцевъ и систематическое отступленіе отъ анонсированнаго репертуара. Вмѣсто объявленныхъ общеизвѣстныхъ оперетокъ, идутъ какія-то крайне безцвѣтныя и неуклюжія національныя произведенія, названія которыхъ заслуживаютъ того, чтобы ихъ опубликовать: „Баба Хырка“, „Дойна, или Сумасшедшая невѣста“, „Деревенскія піявки“, „Лѣсной царь“, „Сирота изъ Молдавіи“, „Испугъ изъ рая“ (?). Лучшими силами труппы считаются гг. Кайзеръ, Плака, Бобеско и Александреско, и, надо отдать имъ справедливость, они только и оттягиваютъ со дня на день близкую агонію этой первобытной „оперы“, вздумавшей почему-то умирать на чужбинѣ, среди равнодушной публики.

Мѣстное музыкальное Общество въ послѣднее время проявляло себя вяло. Въ теченіе полугода данъ былъ, кажется, только одинъ концертъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что помѣщеніе клуба, въ которомъ Общество ставитъ свои концерты, обходится не дешево, тогда какъ установленная плата съ посѣтителей доведена обществомъ до minimum'а.

„Нахлѣбникъ“ и „Завтракъ у предводителя“, поставленные мѣстнымъ Обществомъ любителей,въ память Тургенева, сыграны были въ общемъ довольно удачно, несмотря на невыдержанность роли Кузовкина и слабую срепетовку пьесъ. Ко дню празднества былъ выписанъ бюстъ Тургенева, и передъ началомъ спектакля г-жа Харжевская прочла стихотвореніе Майкова, посвященное Тургеневу, и возложила на бюстъ вѣнокъ. Этимъ торжествомъ закончилась годовая дѣятельность Общества.

—

Ковно, (*отъ нашего корреспондента*). Нашъ городской театръ на весь зимній сезонъ снятъ отъ антрепренера г. Шумана Товариществомъ русскихъ драматическихъ артистовъ, во главѣ которыхъ находится В. С. Волгинъ. Персоналъ труппы слѣдующій: г. Волгинъ—комикъ (онъ же и режиссеръ), г-жа Е. А. Покровская-Волгина - драматическая героиня, А. А. Лодина—драматическая ingénue, Александрова 1-я—пожилыхъ grande dame и бытовыя роли, Александрова 2-я—характерныя роли и комич. старуха, Дашкова — комич. ingénue и coquette, Баскакова—водевильная съ пѣніемъ, Баранова, Маровичъ и Самарина—акссесуарныя роли; гг. Дьяконовъ—драматическій любовникъ, Митрофановъ—резонеръ, Никольскій—характерныя роли, Мировичъ—простакъ, Грѣховъ—роли молодыхъ людей, Бефани, Баяновъ, Ростовъ и Уствольскій — выходныя роли. Спектакли начались съ 28 сентября. Представленія устраиваются Товариществомъ три—четыре раза въ недѣлю. За истекшее время шли слѣдующія пьесы: „Блуждающіе огни“, „Листья шелестятъ“, „Перемелется мука будетъ“, „Степь матушка“, „Кому весело живется“, „Бракоразводный процессъ“, „Чужая“, „Гибель Содома“, „Уріэль Акоста“, „Горе отъ ума“, „Общество поощренія скуки“, „Гроза“, „Бѣдность не порокъ“, „Лѣсъ“, „Дама съ камеліями“, „Ева“, „Чародѣйка“, „Ванька-ключникъ“, „Женитьба“, „Вольная пташка“, „Отъ преступленія къ преступленію“, „Нищая“, „Дѣти капитана Гранта“, „Велизарій“, „Парижскіе нищіе“, „Жертва интриги“, „На родинѣ“ и „На паяхъ“. Труппа г. Волгина относится къ своему дѣлу съ трудолюбіемъ и усердіемъ, благодаря чему исполненіе производитъ пріятное впечатлѣніе. Видными сценическими силами въ Товариществѣ являются г. Волгинъ, г-жи Покровская - Волгина, А. А. Лодина, гг. Дьяконовъ, Никольскій, Митрофановъ и г-жа Баскакова. Въ лицѣ г-жи Покровской-Волгиной Товарищество имѣетъ усердную труженницу выступающую почти въ каждомъ спектаклѣ въ серьезныхъ драматическихъ роляхъ. Г-жа Покровская-Волгина играетъ правдиво; у нея мягкій пріятный голосъ, правильная читка, ровная выразительная дикція, сценическая внѣшность. Г-жа А. А. Лодина—хорошая ingénue dramatique, пользуется успѣхомъ. Г-жа Баскакова — съ успѣхомъ играетъ въ комедіяхъ, фарсахъ и водевиляхъ. Г-жа Александрова 1-я — удачно передаетъ роли бытовыя. Въ менѣе отвѣтственныхъ роляхъ съ успѣхомъ играетъ г-жа Дашкова (ingénue comique et coquette) и Александрова 2-я (характерныя роли). Г. Дьяконовъ—молодой способный и много работающій артистъ. Г. Митрофановъ (резонеръ и фатъ) заявилъ себя хорошимъ исполнителемъ многихъ ролей своего амплуа. Г. Никольскій — артистъ съ сценическою опытностью, играетъ выдержанно, увѣренно. Изъ артистовъ, играющихъ вторыя роли, обращаетъ на себя вниманіе молодой артистъ г. Грѣховъ. Существенный недостатокъ въ Товариществѣ—это отсутствіе талантливой комической старухи. Товарищество задалось также симпатичною цѣлію познакомить ковенскую учащуюся молодежь съ лучшими произведеніями русской драматической литературы, для чего и устраиваетъ ежемѣсячно по одному даровому спектаклю. Уже были поставлены исключительно для учащихся: „Женитьба“ Гоголя, „Бѣдность не порокъ“ Островскаго, предполагается же поставить: „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“ и „Недоросль“. За театръ Товарищество платитъ г. Шуману по 10% съ поспектакльнаго сбора. Въ теченіе перваго мѣсяца общая выручка отъ представленій достигла свыше 2000 руб., кромѣ вѣшалки. Каждый спектакль даетъ въ среднемъ свыше 200 руб. сбора, кромѣ 4-хъ бенефисныхъ, которые дали полные сборы. Разсчитывать Товарищество на полные сборы не можетъ, такъ какъ большая половина населенія города вообще не сочувствуетъ русскому театру, почему сборы въ 200 руб. слѣдуетъ признать вполнѣ нормальными.

Нижній-Новгородъ (*отъ нашего корреспондента*). Спѣшу хотя отчасти пополнить пробѣлъ, образовавшійся за нѣкоторое время въ театральныхъ извѣстіяхъ изъ нашего города. Нижній, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ по отношенію къ театральному дѣлу. Не говоря о нашей ярмаркѣ, ежегодно приманивающей къ себѣ немало артистическихъ силъ ожиданіемъ успѣха и денегъ, не говоря также и о томъ, что для всякаго Товарищества и для всякой странствующей антрепризы нашъ городъ является однимъ изъ первыхъ этаповъ, порогомъ, за которымъ уже простирается остальная, болѣе или менѣе глухая провинція, съ Казанью, Симбирскомъ, Саратовомъ, Баку, Симферополемъ, Екатеринославлемъ и т. д.,— не говоря обо всемъ этомъ, — и самъ по себѣ Нижній съ давнихъ поръ считался довольно значительной ареной для любой провинціальной труппы, и лѣтопись русской сцены насчитываетъ не мало славныхъ именъ, частію уроженцевъ нашего края, частію же получившихъ впервые извѣстность на нижегородской сценѣ. Къ сожалѣнію, послѣдніе годы (и притомъ не мало послѣднихъ годовъ) значительно омрачили въ этомъ отношеніи добрую славу нашего города. Трудно сказать, отчего это происходило, но только Товарищество за Товариществомъ и труппа за труппой терпѣли здѣсь неудачи, и зрѣлище пустого театра, съ рѣдкими кое-гдѣ фигурами зрителей, унылыхъ и скучныхъ, — стало зрѣлищемъ обычнымъ и неизмѣннымъ. Отъ пустой залы вѣяло холодомъ на сцену, отъ сцены вѣяло апатіей и скукой въ пустую залу. Кто тутъ былъ виноватъ: публика или артисты,— сказать было бы трудно. Публика привыкла жаловаться на артистовъ, вспоминая лучшія времена нижегородскаго театра; артисты обвиняли публику въ равнодушіи, охлаждающемъ всякій артистическій пылъ и вдохновеніе. Получался такимъ образомъ нѣкоторый заколдованный кругъ, вліявшій самымъ печальнымъ образомъ на сборы и отражавшійся на судьбѣ артистовъ. Года три-четыре назадъ дѣло дошло до кризиса: у г. Бѣльскаго, давняго и безсмѣннаго антрепренера городского театра, вышли какіе-то весьма непріятные счеты съ „Товариществомъ“, — счеты, оглашенные въ мѣстной печати, которая встала и, кажется, не безъ вѣсскихъ основаній на сторону Товарищества, противъ г. Бѣльскаго. Послѣдній обидѣлся и—умылъ руки. Неблагодарное и трудное дѣло послѣ этого взялъ на себя г. Корсиковъ-Андреевъ, составившій „Товарищество“, въ которомъ самъ явился распорядителемъ. Это было въ 1889 году и—увы!—уже къ Рождеству кризисъ достигъ небывалыхъ размѣровъ, судьба бѣдствовавшей труппы грозила стать въ Нижнемъ „общественнымъ вопросомъ“, а г. Корсиковъ, угнетаемый (какъ оффиціальный представитель Товарищества) разными неудобоисполнимыми обязательствами, велъ нѣкоторое время проблематическое существованіе настоящаго „невидимки“, пока наконецъ не исчезъ съ нашего горизонта, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ залѣчивать неудачи и печальные удары судьбы. Исторія — увы!—слишкомъ обыкновенная въ жизни артиста, и, разумѣется, неудача г. К — ва не могла ободрить новыхъ иниціаторовъ. „Портфель“ вновь взялъ въ свои руки г. Бѣльскій, кое-какъ довелъ

дѣло до конца сезона, вкусилъ такого же успѣха и уѣхалъ въ Астрахань. Г. Любимовъ, г. Деркачъ, г. Самаринъ смѣняли другъ друга съ перемѣннымъ успѣхомъ и на весьма короткое время, пока въ качествѣ болѣе или менѣе постоянной труппы не водворилось новое Товарищество подъ управленіемъ г. Волгина. Тутъ въ первый разъ получилась нѣкоторая возможность судить о томъ, съ чего слѣдуетъ начинать, чтобы выйти изъ заколдованнаго круга: труппа у г. Волгина была очень порядочная, было въ томъ числѣ нѣсколько довольно замѣтныхъ звѣздочекъ провинціальнаго артистическаго міра. Товарищество приступило къ дѣлу бодро и дружно, и—городской театръ впервые съ давнихъ поръ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ обильную публику, касса—обильные сборы,—и наконецъ, эти невидимые гипнотическіе токи унынія и скуки, которыми взаимно обмѣнивались зрительная зала со сценой, прекратились. Увы!—опять не надолго. Публика не успѣла еще охладѣть, какъ со сцены повѣяло на нее чѣмъ-то неладнымъ: старинная, смертельная болѣзнь нашихъ артистическихъ „сосіэте“ уже царила въ новой труппѣ, поражая прежде всего женскую половину: лучшія силы стали появляться все рѣже и рѣже и притомъ въ самыхъ ничтожныхъ роляхъ, между тѣмъ какъ имя г-жи Волгиной глядѣло съ афишъ, пожалуй, слишкомъ уже часто и въ роляхъ ей далеко непосильныхъ. Это было тѣмъ печальнѣе, что г-жа Волгина на своемъ мѣстѣ и при другомъ отношеніи къ размѣрамъ своего таланта могла бы быть артисткой весьма полезной. Теперь же — дѣло несомнѣнно страдало отъ такого непропорціональнаго распредѣленія ролей, лучшія артистки уходили, и,—что всего хуже,—изъ-за драмы сценической на публику все чаще и чаще стала глядѣть со сцены мелочная драма закулисныхъ отношеній. Повторилось, однимъ словомъ, то же, что было раньше, при суровой антрепризѣ г-на Бѣльскаго. Уже второй сезонъ новаго Товарищества представлялъ ту же знакомую нижегородцамъ унылую картину пустого зала, по которому угрюмо и гулко ходило отраженное эхо со сцены. Г. Волгинъ, въ свою очередь, отрясъ прахъ отъ ногъ, оставляя нашъ городъ. Такова краткая исторія послѣднихъ лѣтъ нашей сцены. Теперь у насъ опять новое Товарищество, подъ управленіемъ Н. И. Собольщикова-Самарина. Г. Собольщиковъ-Самаринъ работалъ въ труппѣ г. Волгина и публика замѣтила его, какъ добросовѣстнаго артиста, серьезно относящагося къ своему дѣлу. Труппа, съ которой пробуетъ счастія г. Собольщиковъ-Самаринъ, подобрана довольно удачно и ровно, хотя женскія амплуа и не даютъ особенно выдающихся талантовъ; среди мужскихъ замѣтны: г. Богдановъ, комикъ, которому, если не ошибаюсь, предстоитъ еще видная роль, г. Собольщиковъ-Самаринъ (на бытовыя роли), г. Новиковъ и другіе. Но что положительно слѣдуетъ отмѣтить, это (дай Богъ не сглазить!)—хорошій ансамбль, ровное и симпатичное исполненіе, которое дается только дружной, дѣйствительно товарищеской работой. Что будетъ дальше, а пока мы видимъ на нижегородской сценѣ артистовъ, работающихъ сообща для одной цѣли, и публика, слѣдя за игрой, оцѣниваетъ пьесу, ту или другую роль, наконецъ, то или другое, болѣе или менѣе удачное исполненіе,—не принимая участія въ мелкой борьбѣ мелкихъ самолюбій, слишкомъ уже явно выступающихъ подчасъ изъ-за кулисъ, изъ-подъ театральнаго грима и костюмовъ. И театръ почти всегда полонъ, и „гипнотическимъ токамъ“ пока нѣтъ мѣста. Мнѣ кажется, господа артисты и антрепренеры недостаточно оцѣниваютъ эту сторону дѣла. Между тѣмъ публика, особенно публика провинціальная, очень чутка и разъ на нее взглянетъ съ подмостковъ, вмѣсто ансамбля, раздоръ, разъ она привлечена къ суду между оттирающими другъ друга персонажами,—съ этой минуты конецъ чистому наслажденію, конецъ иллюзіи! Ну, и, разумѣется, конецъ также и сборамъ. Впослѣдствіи я постараюсь дать болѣе подробный отчетъ о нашей труппѣ, объ ея силахъ и характерѣ нашего репертуара. Пока ограничусь этой общей характеристикой недавняго прошлаго и настоящаго нашей нижегородской сцены.

— W.

Одесса (*отъ нашего корреспондента*). Нынѣшній антрепренеръ городского театра И. Н. Грековъ, наученный горькимъ опытомъ прежнихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ преподносилъ публикѣ и оперу, и драму, въ настоящемъ сезонѣ ограничился только одной труппой—русской оперной. Собранная имъ труппа, какъ оказалось, не совсѣмъ удовлетворяла вкусамъ и требованіямъ одесситовъ, и сборы пошли на пониженіе. Г. Грековъ во время спохватился, выписалъ нѣсколько новыхъ артистовъ, а также гастролеровъ, Адель Борги и Виктора Мореля, и сборы теперь значительно поправились. Въ труппѣ совсѣмъ не было тенора di forza. Дирекція пригласила на гастроли М. Е. Медвѣдева, который вмѣсто того, чтобы пѣть партіи своего прямого амплуа, наприм. (помимо вышеназванныхъ), „Нерона“ (Рубинштейна), Руальда („Рогнѣда“—Сѣрова) и др., исполнялъ такія роли, какъ Германъ (Пиковая дама“), Ленскій („Евгеній Онѣгинъ“), Каніо („Паяцы“), между тѣмъ какъ въ труппѣ имѣется болѣе выдающійся исполнитель этихъ ролей, г. Супруненко. Затѣмъ пригласили новаго тенора di-forza г. Оттовіани, но послѣдній оказался не ко двору. Играть онъ совсѣмъ не умѣетъ, поетъ далеко не ритмично и совсѣмъ не музыкально, щеголяя только своими, дѣйствительно выдающимися, верхами. За то партіи лирическаго тенора имѣютъ выдающагося исполнителя въ лицѣ г. Супруненко. При небольшомъ голосѣ съ тусклымъ верхнимъ регистромъ, артистъ этотъ очень музыкаленъ, прекрасно фразируетъ, поетъ прочувствованно, горячо, съ вѣрной интонаціей и хорошо играетъ. Помимо Германа и Каніо въ вокальномъ отношеніи артистъ очень хорошъ въ „Онѣгинѣ“, „Мазепѣ“, „Русалкѣ“ и во многихъ лирическихъ операхъ иностраннаго репертуара. Этотъ симпатичный пѣвецъ несетъ весь репертуаръ, а это несомнѣнно утомляетъ его небольшой голосъ. Г. Сикачинскій, нашъ второй теноръ, недурно исполняетъ только небольшія партіи (Арлекинъ въ „Паяцахъ“, князь въ „Демонѣ“, Владиміръ въ „Игорѣ“), благодаря своему закрытому, тусклому, быстро утомляющемуся голосу. Г. Довѣринъ-Кравченко интересенъ только въ роляхъ чисто-комическихъ, выдѣляясь своей типичной игрой (недурной Арлекинъ и очень хорошій Ерошка въ „Игорѣ“), но партіи въ родѣ Донъ-Хозе у него блѣдны. Амплуа драматическаго сопрано обстоитъ также не совсѣмъ благополучно. Г-жа Соловьева обладаетъ очень сильнымъ, но и очень рѣзкимъ soprano drammatique, кромѣ того исполненіе ея отличается неровностью, зато у этой пѣвицы хорошія mezza voce и piano и потому ей болѣе удаются лирическія партіи Татьяны, Тамары, Маріи (въ „Мазепѣ“ Чайковскаго). Въ послѣдней операѣ первые два акта, носящіе драматическій характеръ, проходятъ сравнительно слабо, между тѣмъ послѣдній актъ, болѣе лирическій, ей очень удается. У г-жи Филоновой, обладающей красивымъ сопрано средняго характера съ сильными верхами, еще не до-

стаетъ опытности и законченности въ пѣніи, но, благодаря увлеченію въ пѣніи и игрѣ, артистка слушается съ удовольствіемъ въ такихъ операхъ, какъ „Аида“ и „Сельская честь“ и отчасти „Пиковая дама“. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, но драматическое сопрано лучше исполняетъ лирическія партіи, а сопрано mezzo-carat'ere—драматическія. Украшеніемъ нашей труппы безспорно служитъ г-жа Клямжинская, обладательница замѣчательнаго голоса, блестяще обработаннаго съ отличной колоратурой. Самыя разнообразныя роли исполняются ею прекрасно (Антониды въ „Жизни за Царя“, „Лючія“, королева въ „Гугенотахъ“). Лирическое сопрано г-жи Константиновой свѣтлаго симпатичнаго тембра, недурно обработано. Нельзя также умолчать о г-жѣ Милановой, выдающейся исполнительницѣ небольшихъ характерныхъ партій. Партіи меццо-сопрано исполняются г-жами Смирновой, Гинкуловой и Зыковой (во вторыхъ роляхъ). У г-жи Смирновой голосъ большой, но не лишенный недостатковъ: отсутствіе металла въ голосѣ и низовъ. Пѣвица она умѣлая, очень хороша въ „Демонѣ“ и „Онѣгинѣ“ (няня); довольно хороша она также въ „Пиковой дамѣ“ и „Мазепѣ“. Г-жа Гинкулова (артистка Императорскихъ Московскихъ театровъ)—обладательница небольшого голоса съ нѣсколько жидковатыми верхами, но съ красивымъ низкимъ и среднимъ регистромъ. Пѣвица она настолько умѣлая, что въ состояніи исполнять очень недурно отвѣтственныя партіи Вани („Жизнь за Царя“) и Кончаковны („Игорь“). Г-жа Зыкова поетъ партіи контральто по недоразумѣнію, очевидно у нея сопрано чистѣйшей пробы, довольно недурно обработанное. Чему можно порадоваться, такъ это хорошему составу баритоновъ, въ лицѣ гг. Миллера, Герасименко, Борисова и Тартакова. Г. Миллеръ особенно хорошъ въ „Риголетто“, „Пиковой Дамѣ“ (Елецкій) и „Фаустѣ“ (Валентинъ), а г. Тартаковъ (изъ пѣтыхъ имъ партій)—въ „Демонѣ“ и „Онѣгинѣ“. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что г. Герасименко прогрессируетъ въ вокальномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, ему теперь вполнѣ по силамъ хорошее исполненіе такихъ партій, какъ „Мазепа“, „Игорь“, Томскій („Пиковая дама“) и Торреадоръ („Кармэнъ“). Г. Борисовъ, умѣлый пѣвецъ, голосу котораго однако теперь болѣе доступны декламаціонныя партіи (очень хорошій Тоніо въ „Паяцахъ“, хорошій Кочубей въ „Мазепѣ“). Басъ г. Антоновскаго слишкомъ популяренъ, чтобы о немъ распространяться. Остается упомянуть о г. Бедлевичѣ (басъ), недурномъ исполнителѣ партій Кочубея и Гудала (въ другихъ роляхъ голосъ его кажется намъ слабымъ и ненадежнымъ) и о г. Волгинѣ, талантливомъ басѣ - буффъ, своеобразномъ исполнителѣ партіи Скулы (въ кн. „Игорѣ“). Оба эти артиста также извѣстны Москвѣ. Какъ видно, труппа у насъ недурная, но нужны непремѣнно хорошіе сопрано и теноръ для драматическихъ операъ, и тогда публика будетъ вѣроятно болѣе сочувственно относиться къ театру. Затѣмъ нельзя не упомянуть о дирижерѣ оркестра г. Эмануэлѣ, серьезно относящемся къ своему дѣлу. Только гастролеры и дѣлаютъ въ настоящее время сборы, которые позволяютъ антрепренеру даже получать чистый доходъ, довольно изрядный. Какъ г-жа Борги, такъ и г. Морель, гастролировавшіе въ концѣ ноября и въ началѣ декабря, привлекали многочисленную публику. Г-жа Борги выступила въ „Кармэнъ“ и „Сельской чести“, а г. Морель въ „Риголетто“, „Аидѣ“, „Фаустѣ“ (Мефистофель) и въ „Отелло“, и во всѣхъ этихъ операхъ, какъ артистъ и пѣвецъ, оказался на высотѣ своей славы. Изъ новыхъ операъ для одесситовъ или давно не шедшихъ поставлены были также „Паяцы“, „Кн. Игорь“, „Майская ночь“, „Мазепа“, а между тѣмъ времени осталось немного, и врядъ ли успѣютъ поставить остальныя оперы, намѣченныя въ репертуарѣ, которыя разучить не такъ-то легко; мы не говоримъ уже о томъ, что мы не услышимъ глинкинскаго шедевра „Руслана“, оперы Мейербера, Вагнера и др. На очереди стоитъ постановка „Гамлета“ Тома въ бенефисъ г. Тартакова. Не безъинтересно будетъ сообщить, что вопросъ объ эксплуатаціи городского театра былъ рѣшенъ 15 декабря городской думой въ слѣдующемъ видѣ: для завѣдыванія театромъ организовать исполнительную коммиссію изъ 5-ти лицъ; субсидію антрепренеру выдавать въ видѣ городского хора и оркестра, для составленія оркестра и хора ассигнуется 43 т. р. въ годъ. Остальное разработаетъ исполнительная коммиссія. Городскимъ капельмейстеромъ, говорятъ, будетъ І. В. Прибикъ. Въ русскомъ театрѣ далъ 4 спектакля Февръ съ достаточнымъ успѣхомъ; его смѣнила московская оперетка съ А. Л. Глинской-Фалькманъ и Н. П. Новиковымъ - Ивановымъ во главѣ. Въ Новомъ театрѣ играетъ малорусская труппа съ А. К. Саксаганскимъ во главѣ.

Рига *(отъ нашего корреспондента)*. Въ оперѣ преобладаетъ старый репертуаръ. 2 декабря шла „Царица Савская“ Гольдмарка,—опера, въ которой музыкальнаго колорита, оркестровой краски болѣе чѣмъ музыкальнаго рисунка, въ смыслѣ хорошо фразированной и тонко разработанной мелодіи. Какъ природа того Востока, среди котораго происходитъ дѣйствіе оперы, подавляетъ человѣка, такъ въ этой оперѣ массы оркестровыя и хоровыя подавляютъ отдѣльнаго пѣвца. Словомъ, это опера ансамбля, и на мѣстной сценѣ, на которой именно ансамбль вырабатывался въ теченіе цѣлаго столѣтія, „Царица Савская“, прекрасно обставленная по режиссерской части, идетъ очень гладко и эффектно. (Царица—г-жа Лихтенесъ, Асседъ—г. Дворскій, Суламита — г-жа Нольденъ, Соломонъ—г. Бартовскій). 4 декабря шла новинка, „Тришка“, одноактный фарсъ Мейера Гельмунда на русскій сюжетъ (легенда о русскомъ Ринальдини, который, напавъ на Тальони на петербургскомъ шоссе, ограничился тѣмъ, что велѣлъ ей потанцовать передъ нимъ въ грязи, а затѣмъ отпустилъ невредимой). Это композиція скороспѣлая; мѣстный колоритъ выраженъ двумятремя романсиками цыганскаго и, въ лучшемъ случаѣ, Варламовскаго пошиба; балетная музыка неинтересна, оркестровка грузная, и въ общемъ „Тришка“ смѣсь Вагнера и Оффенбаха. Недурно спѣлъ партію романтическаго Тришки мѣстный баритонъ г. Бартовскій. Изъ концертовъ заслуживаетъ вниманія вечеръ въ память Чайковскаго, данный 10 декабря, въ залѣ Черноголовыхъ, мѣстнымъ русскимъ Обществомъ „Ладо“, при участіи мужскаго хора „Баянъ“. Изъ русскихъ любительскихъ вечеровъ послѣднихъ лѣтъ, этотъ вечеръ по музыкальному уровню, нѣсколько выдавался. Хоръ третьяго русскаго Общества (любителей православнаго пѣнія), долженствовавшій пропѣть на этомъ концертѣ два №№ изъ „Литургіи“ Чайковскаго (на что было получено разрѣшеніе), не пѣлъ, вслѣдствіе халатнаго отношенія къ дѣлу русскаго искусства совѣтовъ мѣстныхъ Обществъ. Хоръ „Ладо“ спѣлъ „свадебный хоръ“ изъ «Опричника“ и вальсъ изъ „Евгенія Онѣгина“; „Баянъ“ спѣлъ два мужскихъ хора изъ „Опричника“ и композицію „Блаженъ, кто улыбается“. Солисты спѣли много романсовъ Чайковскаго: дуэтъ „Разсвѣтъ“ и аріи изъ „Пиковой Дамы“, „Іоланты“, „Евгенія Онѣгина“. Были и инструментальные

нумера, и „Прологъ“, прочитанный передъ бюстомъ покойнаго композитора.

Всевол. Ч—инъ.

Съ пятницы 19-го ноября по 12-е декабря труппою г. Фаддѣева даны слѣдующія пьесы: „Маіорша“ (бенефисъ г. Хворостова), „Женитьба“ (утренній спектакль), „Порывъ“, „Спорный вопросъ“, и сцена у Плюшкина изъ „Мертвыхъ душъ“ (бенефисъ г. Головина), „Прахомъ пошло“ (утренній спектакль), „Расплата“, „Ванька-Ключникъ“ (г. Копылова), „Горе отъ ума“, „Предразсудки“ (бенефисъ г. Павлова) и наконецъ „Счастливецъ“. Изъ отдѣльныхъ исполнителей, которые теперь сыгрались прекрасно, такъ что спектакли идутъ съ возрастающимъ успѣхомъ, слѣдуетъ остановиться лишь на вновь приглашенной г-жѣ Холмской, артисткѣ на сильныя драматическія роли. Порывистая нервная игра артистки часто производитъ сильное впечатлѣніе, къ сожалѣнію оно столь же часто расхолаживается именно этою порывистостью: артистка, подогрѣвая себя, порою комкаетъ роль, не оттѣняя смѣняющихъ другъ друга настроеній. Это—главный недостатокъ артистки, въ общемъ заслуженно занимающей едва ли не первое мѣсто въ труппѣ. Не лишне упомянуть еще о г. Добровольскомъ, имѣвшемъ не малый успѣхъ въ роли Чацкаго. Артистъ видимо положилъ на изученіе этой роли массу труда, но изобразилъ Чацкаго преимущественно любовникомъ. Нечего и говорить, какъ ложенъ такой взглядъ на роль героя Грибоѣдова; остается только пожалѣть, что артистъ такъ странно распоряжается своимъ талантомъ: послѣдній ярко выказался даже при такомъ ложномъ пониманіи роли Чацкаго, и въ своемъ родѣ Чацкій г-на Добровольскаго былъ, пожалуй, сыгранъ артистически; это-то больше всего и вызывало досадное чувство. Больно смотрѣть, когда несомнѣнный талантъ уродуетъ такимъ образомъ и автора, и самого себя.

В. Ч.

Самара *(отъ нашего корреспондента)*. Съ половины октября въ составѣ нашей труппы произошли нѣкоторыя перемѣны: скончался г-нъ Казанцевъ, выбыла г-жа Летаръ, такъ что около шести недѣль труппа была безъ резонера и драматической актрисы. Вслѣдствіе этого репертуаръ и исполненіе пьесъ, конечно, сильно пострадало: многихъ пьесъ нельзя было ставить, а если ихъ ставили, то отвѣтственныя роли давали второстепеннымъ актерамъ. Пришлось прибѣгнуть къ гастролерамъ, и пригласили сначала г-на Любскаго, а потомъ г-жу Мазуровскую. Первый выступилъ въ роляхъ „Отелло“, „Семья преступника“, „Шейлокъ“ и „Бѣдность не порокъ“. Г-жа Мазуровская выступила въ „Какъ поживешь, такъ и прослывешь“, „Медея“, „Татьяна Рѣпина“, „Тайна“, „Лизавета Николаевна“ и „Ошибки молодости“. Гастроли ея продолжаются и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, наша публика плохо оцѣнила дарованіе артистки, и спектакли съ ея участіемъ дали очень небольшіе сборы. Впрочемъ сборы въ этомъ сезонѣ вообще ничтожны и даже оперетка не дѣлаетъ сборовъ; но обставлена она въ Самарѣ далеко не удовлетворительно: опереточные актеры настолько смѣлы, что ставятъ оперы какъ, напр., „Карменъ“, „Галька“, „Жизнь за царя“. Объ исполненіи этихъ оперъ лучше и не говорить. Кромѣ вышеприведенныхъ пьесъ были поставлены еще „Уріель Акоста“, „Горе отъ ума“, „Гроза“, „Ревизоръ“, „Жрица искусства“, „Не такъ живи какъ хочется“ и „На порогѣ великихъ событій“.

Саратовъ *(отъ нашего корреспондента)*. Настоящая корреспонденція моя будетъ посвящена почти исключительно гастролямъ Н. П. Россова, такъ какъ присяжные артисты нашего театра, за это время, ничего выдающагося намъ не дали.—Ихъ дѣло шло обычнымъ сезоннымъ порядкомъ; впрочемъ недавно, въ первый разъ, была поставлена опера г. Римскаго-Корсакова „Майская ночь“, но опера эта какъ-то не понравилась публикѣ и не имѣла успѣха.—Причиною тому, надо полагать, была спѣшная и слѣдовательно плохая срепетовка. Посмотримъ какъ пойдетъ „Майская ночь“ при дальнѣйшихъ повтореніяхъ. Въ драматическомъ театрѣ тоже была новинка, а именно дебютъ М. В. Ворониной въ роли Вари, въ драмѣ кн. Сумбатова „Листья шелестятъ“, шедшей 8-го декабря. Г-жа Воронина, драматическая ingénue, приглашенная въ наше Товарищество на мѣсто выбывшей изъ него г-жи Щербаковой, имѣла очень хорошій успѣхъ. По первому дебюту трудно сказать что либо положительное, поэтому я выскажу свое мнѣніе о г-жѣ Ворониной въ слѣдующей корреспонденціи, когда увижу ея дальнѣйшіе дебюты. Г. Россовъ далъ у насъ пять спектаклей: „Гамлетъ“, „Донъ-Карлосъ“, „Уріель Акоста“, „Мизантропъ“ и „Отелло“. Судя по количеству публики, посѣщавшей гастроли г. Россова, слѣдуетъ заключить, что артистъ не понравился большинству публики, такъ какъ въ первый спектакль (Гамлетъ) театръ былъ почти полонъ, а въ послѣдовавшіе затѣмъ спектакли—зрительный залъ былъ уже болѣе чѣмъ на половину пустъ. Прошедшая дѣятельность г. Россова, весьма еще молодого артиста, очень мало извѣстна.—Въ 1890 или 1891 году появились сообщенія о дебютахъ его въ Пензѣ и другихъ городахъ.—Сообщенія эти были крайне противорѣчивы. Въ Пензѣ, напримѣръ, г. Россовъ имѣлъ большой успѣхъ, а въ другихъ городахъ не имѣлъ никакого успѣха. И вотъ съ такою не выяснившеюся и неустановившеюся артистическою репутаціею артистъ явился къ намъ въ Саратовъ. Г. Россовъ, обладающій несомнѣннымъ дарованіемъ, очевидно совершенно отдался избранному, излюбленному имъ дѣлу, такъ сказать цѣликомъ ушелъ въ него. Игра его, всегда серьезно обдуманная, крайне нервная, горячая; и, вслѣдствіе этой нервности исполненія, получается иногда торопливость въ движеніяхъ, быстрота рѣчи и неотчетливость произношенія. Это обстоятельство, хотя только съ одной внѣшней стороны, но все-таки вредитъ артисту. По моему мнѣнію, нужно поставить въ особое достоинство и заслугу г. Россову, его способность совершенно воплощаться въ изображаемое имъ лицо и давать намъ его такимъ, какимъ онъ его понимаетъ.—Вѣрно или нѣтъ понялъ артистъ это лицо, этотъ изображаемый имъ типъ—другой вопросъ, но онъ самостоятельно, безъ подражанія, выполняетъ на сценѣ свою задачу. Остановлюсь на исполненіи г. Россовымъ Гамлета, такъ какъ исполненіе этой роли (по моему мнѣнію лучшей въ репертуарѣ артиста), возбудило среди посѣтителей театра много горячихъ споровъ и раздѣлило ихъ на двѣ враждебныя партіи: поклонниковъ и порицателей г. Россова. „Помилуйте, говорили порицатели, какой это Гамлетъ!? Загримировался не красиво; волосы висятъ какими-то длинными, безпорядочными прядями; костюмъ неряшливый; походка, движенія и вообще вся внѣшность—больного, разслабленнаго человѣка; говоритъ порывисто, нервно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно тихо, какъ бы про себя“.—Вотъ какъ большинство нашей публики отозвалось о Россовѣ-Гамлетѣ и, разумѣется, большинство это уже и не заглядывало на другіе гастроли артиста. Меньшинство же, къ которому принадлежу и я, отнеслось къ артисту совершенно иначе, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и симпатіею. Исполненіе Гамлета г. Россовымъ,

дѣйствительно, крайне своеобразно, оригинально, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени человѣчно, житейски правдиво. И именно этимъ-то жизненно-правдивымъ олицетвореніемъ Гамлета артистъ увлекъ, хотя и меньшинство только, нашей публики, но увлекъ сильно, и по окончаніи спектакля артистъ былъ награжденъ продолжительными и горячими вызовами. Такими же безконечными вызовами оканчивались и всѣ остальные спектакли г. Россова, хотя, какъ я сказалъ уже выше, зрительный залъ былъ болѣе чѣмъ на половину пустъ.—Увлеченіе это, по моему мнѣнію, весьма понятно, ибо дѣло въ томъ, что артистъ прежде всего долженъ намъ дать совершенно вѣрное, до мельчайшихъ деталей, олицетвореніе того человѣка, котораго онъ воспроизводитъ на сценѣ, какъ онъ его понимаетъ. Артистъ долженъ быть даровитымъ художникомъ, обладающимъ способностію проникать въ сокровенные тайники человѣческаго сердца, вѣрно понять и взвѣсить все скрывающееся въ этихъ тайникахъ. Словомъ, артисту нужно забыть самого себя и преобразиться въ другого человѣка. Таковую способность и проявилъ г. Россовъ. Тяжкая, ледянящая кровь катастрофа, совершившаяся въ жизни принца Гамлета, убила душу этого чистосердечнаго, идеальнаго и любящаго юноши; сразу, однимъ ударомъ лишила его всего дорогого, всего, чѣмъ была полна жизнь его; лишила его отца, матери, которыхъ онъ любилъ со всѣмъ пыломъ юной души своей; лишила его святой вѣры въ людскую добродѣтель, попранную, на его глазахъ, наглымъ, гнуснымъ развратомъ матери и безпросвѣтнымъ лицемѣріемъ окружающей его среды. Такое тяжкое душевное страданіе неминуемо должно было искалѣчить и внѣшній обликъ его; должна была исчезнуть красота, измѣниться до неузнаваемости и фигура, и походка, и звукъ голоса; потеряться ясная и отчетливая рѣчь; самая обычная бесѣда будетъ ведена порывисто, непокойно, нервно. Словомъ, сердечныя страданія, какъ и всякія другія, произведутъ страшное вліяніе на внѣшнюю сторону человѣка. Нельзя, по моему мнѣнію, совершенно обвинить артиста, если онъ именно такимъ изобразилъ Гамлета, какимъ онъ его понялъ, и нельзя требовать отъ него, чтобы онъ, въ этой роли, явился эффектно одѣтымъ, красивымъ юношей, съ громкой, отчетливой рѣчью и лишь съ легкимъ оттѣнкомъ грусти и меланхоліи на лицѣ. Я вовсе не имѣю намѣренія ставить г. Россова, по исполненію имъ Гамлета, выше всѣхъ другихъ артистовъ, уже потому одному, что вопросъ о томъ: что такое Гамлетъ и какъ именно слѣдуетъ понимать этотъ крайне симпатичный типъ, до сихъ поръ еще не рѣшенъ и служитъ темою для многочисленныхъ коментарій и разсужденій; но тѣмъ не менѣе я думаю, что г. Россовъ очень близко подошелъ къ истинѣ въ исполненіи этой роли. Въ „Донъ-Карлосѣ“ и „Отелло“ г. Россовъ, какъ я сказалъ уже, произвелъ весьма сильное впечатлѣніе на свою малочисленную публику. Понравился онъ также и въ „Уріель Акостѣ“ и въ „Мизантропѣ“, но эти двѣ пьесы прошли сравнительно съ меньшимъ успѣхомъ. Въ заключеніе скажу, что г. Россовъ, кромѣ несомнѣннаго таланта, которымъ онъ обладаетъ, заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и симпатіи еще и своею страстною любовью къ искусству. Такая любовь къ искусству, такое добросовѣстное и честное отношеніе къ нему сдѣлалось, къ сожалѣнію, весьма рѣдкимъ явленіемъ среди нынѣшнихъ, крайне странныхъ, понятій у большинства артистовъ о своихъ обязанностяхъ къ искусству и о своихъ отношеніяхъ къ нему.

Пожелаемъ же молодому артисту дальнѣйшаго совершенствованія и развитія своего дарованія и полнаго успѣха въ будущемъ.

Инкогнито.

Тифлисъ (*отъ нашего корреспондента*). Первая половина сезона близится къ концу, во всѣхъ театрахъ дебюты давно окончены и потому характеристика нашей театрально-музыкальной жизни можетъ быть сдѣлана теперь до нѣкоторой степени безошибочно. Первое мѣсто въ ряду нашихъ артистическихъ учрежденій занимаетъ казенный театръ, въ которомъ подвизается оперная труппа, армянская драма и иногда даются концерты. Оперная труппа подъ антрепризой В. Л. Форкатти—въ составѣ восемнадцати персонажей, достаточнаго хора и оркестра; репертуаръ объявленъ въ 35 оперъ, изъ которыхъ 9 новыхъ; обѣщаны гастроли знаменитостей; режиссеровъ три, главный изъ нихъ г. Любимовъ. До настоящаго времени дано только 12 оперъ, въ томъ числѣ одна новая—„Паяцы“, имѣвшая большой успѣхъ; изъ остальныхъ идутъ удовлетворительно „Риголетто“ и „Cavalleria rusticana“. Обстановка вообще жалкая, архивная, а на обновку чего-либо трудно разсчитывать, потому что вмѣсто обычной субсидіи въ 42 тысячи руб., которой едва было достаточно для приличной обстановки прошлыхъ лѣтъ, выдано г-ну Форкатти только 10 тысячъ. Г. Любимовъ оказался слабымъ артистомъ (въ особенности въ качествѣ тенора di forza) и еще болѣе слабымъ режиссеромъ, и это обстоятельство еще болѣе вредитъ успѣху спектаклей, чѣмъ сокращеніе субсидіи. Хоры иногда очень хороши; оркестръ, подъ управленіемъ г. Труффи, и того лучше, и на немъ преимущественно сосредоточивается весь интересъ оперъ; особенно удаются оперы Верди. Объ артистахъ труппы можемъ сказать не много: почти всѣ они явились къ намъ прямо со школьной скамьи. Первое мѣсто между ними занимаетъ лирическое сопрано, г-жа Папаянъ, урожденка Астрахани, ученица петербургской консерваторіи, совершествовавшаяся въ Италіи; природныя вокальныя средства ея прекрасны, владѣетъ ими она довольно свободно, верхній регистръ звучитъ безупречно, играетъ хорошо. Далѣе заслуживаетъ вниманія г-жа Снарская, драматическое сопрано съ искусственно вытянутыми верхами и замѣчательной мягкости медіумомъ; остальныя артистки: сопрано—г-жи Монтебіани, Картавина, Каминеръ, контральто—Капланъ, Фингертъ, Бауэръ. Въ мужскомъ составѣ довольно хорошъ г. Агулинъ, небольшой теноръ съ сильной вибраціей; г. Феррари — типъ современнаго недурнаго итальянскаго баритона; г. Дувиклеръ-Кареневъ; г. Шалепинъ (бывшій ученикъ нашего музыкальнаго училища по кл. г. Усатова); баритонъ Тычинскій; остальные артисты: тенора - гг. Давидовъ, Любимовъ, баритоны—гг. Агнивцевъ, Бенари, басъ — г. Сангурскій. Въ томъ же театрѣ играетъ армянская драматическая труппа, несмотря на хорошій составъ и прекрасный репертуаръ рѣшительно не привлекающая публики. То же самое происходитъ съ грузинской труппой, подвизающеюся въ Банковскомъ театрѣ. Въ послѣднемъ играетъ опереточная труппа г-жи Сапаровой-Абашидзе, выдающейся артистки, имѣющей большой успѣхъ какъ на армянской, такъ и на грузинской сценѣ, но не имѣющей достаточно данныхъ для антрепренерской дѣятельности; дѣла ея идутъ недурно, благодаря хорошему режиссеру и извѣстному артисту г. Арбенину, и участію г-жъ Глинской-Фалькманъ, Волынской, гг. Зайцева и Чабана. Обстановка бѣдная. Артистическое Общество ограничило свою дѣятельность любительскими драматическими спектаклями, привлекающими всегда массу публики. Музыкальный кружокъ прозябаетъ на скромныхъ

начаяахъ, на которыхъ трудно создать что нибудь выдающееся и могущее удовлетворить нашу капризную публику. Отдѣленіе Музыкальнаго Общества ставитъ обычные квартетные, симфоническіе концерты и ученическія утра. Въ память П. И. Чайковскаго, котораго Тифлисъ зналъ хорошо и очень любилъ, предполагается экстренное симфоническое собраніе изъ его произведеній и такое же ученическое утро. Въ составѣ директоровъ отдѣленія и преподавателей училища произошли большія перемѣны. Мѣсто директора училища, послѣ ухода г. Ипполитова-Иванова, остается пока вакантнымъ; инспекторомъ приглашенъ г. Экмаліанъ; вмѣсто г-жи Зарудной классъ пѣнія ведетъ проф. Коммиссаржевскій; вакантно и мѣсто директора отдѣленія послѣ ухода г. Питоева; преподаватели въ полномъ составѣ поднесли адресъ и просили почетнаго члена и бывшаго директора и основателя училища, К. М. Алиханова, не отказываться отъ баллотировки и возвратиться въ дирекцію. Открыта ежегодная художественная выставка; выдающихся произведеній живописи и скульптуры не много.

Первый, кто въ Тифлисѣ почтилъ память П. И. Чайковскаго художественнымъ образомъ, это г. Усатовъ. По его иниціативѣ, въ залѣ „Тифлисскаго кружка“, былъ устроенъ 21 ноября концертъ при очень торжественной обстановкѣ, съ чтеніемъ о дѣятельности покойнаго композитора, пѣніемъ „славы“ предъ его бюстомъ, къ подножію котораго положены многіе лавровые вѣнки. Концертъ состоялъ изъ сольныхъ и хоровыхъ пьесъ Чайковскаго. Исполнителями явились ученики г. Усатова. Особенно симпатичная подробность этого „утра“: оно дано было безплатно для учащейся молодежи.

—

Томскъ (*отъ нашего корреспондента*). Память почившаго П. И. Чайковскаго была у насъ почтена концертомъ и симфоническимъ вечеромъ, программы которыхъ состояли исключительно изъ произведеній покойнаго. Симфоническій вечеръ данъ здѣшнимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества—въ театрѣ Королева. Сцена въ театрѣ была украшена вѣнками, а посрединѣ ея, на пьедесталѣ, возвышался бюстъ Чайковскаго изъ гипса, работы мѣстнаго художника Мако. Симфоническій вечеръ состоялъ изъ 3 отдѣленій. Всѣ номера покрыты дружными и шумными рукоплесканіями. Въ первомъ отдѣленіи наиболѣе сильное впечатлѣніе произвели — похоронный маршъ Офеліи, прекрасно исполненный оркестромъ подъ управленіемъ г. Ауэрбаха, дуэтъ „Разсвѣтъ“, исполненный г-жами Герцъ и Томашинской, и арія Гремина изъ „Евгенія Онѣгина“, исполненный г. Котовичемъ, у котораго хорошо обработанъ голосъ и въ пѣніи много чувства. Онъ много биссировалъ. Во второмъ и третьемъ отдѣленіи шумныя овація достались г-жѣ Герцъ, исполнившей нѣсколько романсовъ и между прочимъ „Травушку“ и „Колыбельную пѣсню“. Очень понравились также пѣніе В. И. Розеноэра (серенада Донъ-Жуана) и „Andante“ изъ перваго квартета, исполненное на скрипкѣ Г. Ф. Перковскимъ, преподавателемъ здѣшней музыкальной школы. Афиши украсились портретомъ Чайковскаго. Концертъ въ память Чайковскаго данъ по иниціативѣ управляющаго губерніей К. А. Шапошникова тоже и въ театрѣ Королева. Сборъ съ него предназначался въ пользу образованія фонда на учрежденіе, въ память Чайковскаго, дѣтской больницы при томской общинѣ сестеръ милосердія „Краснаго креста“. Театръ былъ полонъ, такъ что многимъ не хватало мѣстъ и они слушали стоя. Посрединѣ сцены, искусно декорированный возвышался портретъ покойнаго композитора рисованный карандашами, очень хорошей работы молодого начинающаго художника г. Голубина. Концертъ состоялъ тоже изъ 3 отдѣленій, и болѣе сильныя овація выпали на долю г-жи Залѣсской, исполнившей съ г. Жбиковскимъ, аккомпанировавшимъ на второй роялн, первый концертъ (B-moll) Чайковскаго. Хорошее впечатлѣніе произвело также пѣніе г-жи Святловской, исполнившей, между прочимъ, арію Іоанны изъ „Орлеанской дѣвы“. Хорошій голосъ оказался у г-жи Ксирини, пропѣвшей нѣсколько романсовъ. Много апплодировали пѣнію г-жи Зубовой, особенно за романсъ—„То было раннею весной“. Спектакли труппы С. В. Брагина продолжаютъ идти отъ 4 до 5 разъ въ недѣлю. Были поставлены даже двѣ оперы „Травіата“ и „Трубадуръ“,—послѣдній въ бенефисъ О. Е. Святловской. Въ операхъ принимаетъ участіе и преподаватель пѣнія здѣшней музыкальной школы г. Розеноэръ, подъ фамиліей Розанова. Не касаясь частностей, слѣдуетъ сказать, что исполненіе оперъ было удовлетворительное. Пѣніе г-жи Святловской и г. Розанова производитъ всегда хорошее впечатлѣніе, и г-жа Святловская очень мило и граціозно держится на сценѣ. Хоры у насъ вполнѣ удовлетворительные. Лучше прошелъ „Трубадуръ“, гдѣ, кромѣ Святловской — въ роли Леоноры, и г. Розанова — въ роли графа де Луна, обратила на себя вниманіе г-жа Осбергъ—въ роли цыганки Азучены. У г-жи Осбергъ хорошее контральто, хотя мало обработанное. Весьма недурно пѣлъ г. Панинъ (Манрико). Состоялись бенефисы артиста г. Лепковскаго, З. П. Пановой, дирижера А. А. Вивьена, Рудинскаго и др. Г. Лепковскій поставилъ „Гамлета“ и выступилъ въ заглавной роли. „Гамлетъ“ прошелъ и въ общемъ, и въ частностяхъ неудовлетворительно. Самъ бенефиціантъ былъ слабъ, и только одна г-жа Панова исполненіемъ роли Офеліи сгладила тяжелое впечатлѣніе. Особенно жизненно она прозела сцену сумасшествія Офеліи. Таже г-жа Панова, какъ это ни странно, пользуется большимъ успѣхомъ и въ опереткахъ. Игра ея всегда—живая, бойкая и одушевленная. Слѣдуетъ замѣтить, что выборъ пьесъ бенефиціантами для своихъ бенефисовъ большею частью хорошій, свидѣтельствующій о ихъ вкусѣ. Такъ, г. Рудинскій поставилъ въ свой бенефисъ „Ревизора“, г. Метцгеръ и Эрмишевская — „Честь“ и т. д. Исполненіе „Ревизора“ было въ общемъ удовлетворительное. Въ немъ, между прочимъ, принималъ участіе одинъ изъ болѣе талантливыхъ мѣстныхъ любителей г. Н. Н. Верховскій—въ роли Земляники и исполнилъ ее прекрасно.

—

Харьковъ (*отъ нашего корреспондента*). Въ теченіе декабря—до праздниковъ—нашъ оперный театръ дѣлалъ прекрасные сборы, не смотря на то, что это самое глухое время сезона. Интересъ къ оперѣ вызывался въ данномъ отчетномъ періодѣ не только участіемъ знаменитой Никита, но и самимъ ходомъ оперныхъ представленій, наладившихся вполнѣ, а также бенефисами и возвращеніемъ С. В. Тамаровой изъ ростовской оперы, ради которой талантливая артистка покинула было харьковскую. Съ пріѣздомъ любимой артистки составъ нашей оперной труппы пополнился недоставававшимъ ей хорошимъ лирическимъ сопрано и ансамбль поэтому выигралъ очень много. Г-жа Никита спѣла здѣсь Джильду, Сантуццу и Маргариту въ „Фаустѣ“,—послѣднюю партію по русски. Г-жа Никита говоритъ немного по русски, а читаетъ даже свободно. Все время своего отсутствія изъ Россіи она училась русскому языку и приготовила партію Маргариты, которую до того пѣ-

ла по итальянски. Со словъ юной дивы могу заявить, что она это сдѣлала какъ изъ симпатій къ исконнымъ друзьямъ своего отечества, такъ и потому, что расчитываетъ на карьеру въ Россіи. Опытъ г-жи Никита оказался вполнѣ удачнымъ: она выговариваетъ слова правильно съ еле уловимымъ акцентомъ, но съ нѣкоторымъ замедленіемъ, отчего темпы не вездѣ бываютъ вѣрны. Такъ какъ репертуаръ г-жи Никита оказался не подготовленнымъ здѣсь, то она пока уѣхала въ Петербургъ и Кіевъ, а затѣмъ возвратится сюда, чтобъ спѣть въ „Ромео и Джульетѣ“, „Лучіи“, „Миньонѣ“ и „Фра-дьяволо“. Изъ всѣхъ новинокъ, поставленныхъ г. Картавовымъ за три сезона, ни одной не посчастливилось такъ, какъ „Пророку“. Опера эта почти всегда дѣлаетъ полный сборъ. Слѣдомъ за ней идутъ теперь „Паяцы“, получившіе съ пріѣздомъ г-жи Тамаровой, превосходной Недды по пѣнію и игрѣ, особенную привлекательность. Исполненіе этой оперы въ бенефисъ г. Каміоскаго было изъ ряда вонъ выдающимся: г. Преображенскій былъ замѣчательно въ голосѣ и, вдохновляемый тонкой и осмысленной игрой г-жи Тамаровой, достигъ истиннаго паѳоса, такъ что второй актъ сдѣлалъ на публику глубочайшее впечатлѣніе. Первый выходъ г-жи Тамаровой состоялся въ „Евгеніи Онѣгинѣ“; шумными оваціями харьковцы встрѣтили свою любимицу. Артистка успѣла спѣть еще „Травіату“, „Гальку“, „Паяцы“ и два раза сцены изъ „Евгенія Онѣгина“. До сего состоялись бенефисы г-жи Негринъ-Шмидтъ („Риголетто“), гг. Виноградова (та же опера съ участіемъ г-жи Никита) и Каміонскаго („Паяцы“, сцена изъ „Евг. Онѣгина“ и 2-ой актъ изъ „Фаворитки“); на долю послѣдняго бенефиса выпалъ такой шумный успѣхъ, что его повторили для заключенія предпраздничныхъ спектаклей.—Изъ отдѣльныхъ событій въ нашей оперѣ отмѣчаемъ исполненіе г. Секаромъ партіи Рауля. Артистъ этотъ, имѣющій прекрасный голосъ, въ высшей степени неровный пѣвецъ и при томъ часто болѣющій горломъ. Труднѣйшую партію Рауля г. Секаръ спѣлъ такъ, что буквально поразилъ всѣхъ: онъ далъ такую массу звука, такъ горячо и музыкально передалъ свои номера, что ему апплодировали посреди исполненія нѣсколько разъ; пѣвецъ совершенно свободно бралъ *re bémol*, и публика апплодировала ему даже за речитативы перваго акта,—передъ романсомъ. Къ несчастію, г. Секаръ выскочилъ въ окно очень неудачно и повредилъ себѣ ногу; теперь онъ лежитъ въ постели больше двухъ недѣль. Возобновленіе „Отелло“ нельзя назвать удачнымъ: г. Преображенскому эта партія мало подходитъ, а г. Виноградовъ не можетъ похвастаться исполненіемъ Яго; плоха и г-жа Штрейхеръ въ партіи Дездемоны, хотя и подходитъ къ ней наружностью. „Отелло“ былъ поставленъ на-спѣхъ и неряшливо: хоры ошибались, а въ сценическомъ отношеніи была масса недочетовъ. А когда то эта опера сдѣлала здѣсь громадные сборы съ гг. Медвѣдевымъ, Прянишниковымъ, Тартаковымъ (въ очередь) и Лубковской. Разучиваются въ нашей оперѣ: „Майская ночь“ г. Римскаго-Корсакова, „Лучія“, „Ромео и Джульетта“, „Миньона“ и „Донъ-Жуанъ“; послѣдній пойдетъ въ бенефисъ г. Фюрера, въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ мѣстн. отд. муз. общества художественно спѣвшаго арію Лепорелло. Поговариваютъ здѣсь о томъ, что г. Картавовъ оставляетъ Харьковъ и переѣзжаетъ въ Одессу. Вѣрно, что г. Картавовъ, устрашаемый новымъ драматическимъ театромъ, послалъ свои предложенія въ Одессу, но переѣдетъ ли онъ туда—это еще вопросъ. Если Харьковъ не даетъ субсидій и дарового театра, то за то въ этотъ плохой сезонъ, до праздниковъ, далъ нашей оперной кассѣ свыше 70.000 рублей. А общій расходъ г. Картавова можно считать не свыше 20.000 руб. въ мѣсяцъ, и потому, безъ сомнѣнія, ему бросать Харьковъ не слѣдуетъ. Съ уходомъ г. Картавова наша публика и клубъ, у котораго онъ арендуетъ театръ, потеряютъ тоже многое: такого антрепренера, какъ онъ, найти не скоро удастся; удержать его нужно во что бы то ни стало.

Б.

—

Миланъ *(отъ нашего корреспондента)*. Когда два народа раздѣлены, благодаря своему географическому положенію, большимъ разстояніемъ и другими государствами, имъ очень трудно имѣть вѣрное понятіе другъ о другѣ, и тамъ, гдѣ бы могла быть взаимная симпатія, часто могутъ случаться недоразумѣнія. Въ такомъ случаѣ, наукѣ, литературѣ и искусству принадлежитъ почтенная и похвальная роль знакомить чужіе народы съ нравами и обычаями своихъ странъ. Все мною сказанное относится къ Россіи и Италіи. До сихъ поръ насъ въ Италіи очень мало знаютъ и если отдѣльныя личности и завоевали себѣ мѣсто въ итальянской оперѣ, наряду съ итальянскими артистами, то, все-таки, наши нравы и обычаи, наша литература въ Италіи не извѣстны. Кто знакомъ здѣсь съ музыкальными произведеніями Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго и др.? Кто читалъ Пушкина, Лермонтова и прочихъ нашихъ выдающихся писателей? Почти никто. Немногіе знаютъ только, что существуетъ графъ Толстой, да былъ такой писатель, Тургеневъ, и дальше этого ихъ свѣдѣнія не идутъ. Отчего же Э. Росси, г-жа Дузе, пользовавшіеся такимъ громкимъ успѣхомъ въ Россіи, не вздумали взять на себя задачу познакомить публику въ Италіи съ произведеніями, хоть напр. Островскаго, въ пьесахъ котораго для г-жи Дузе масса чудныхъ, эффектныхъ ролей? Исполняя ихъ всюду, она самымъ лучшимъ образомъ доказала бы свою признательность русской публикѣ за восторженный пріемъ. Вѣдь играетъ же она теперь въ Берлинѣ пьесу Зудермана и газеты разсказываютъ, какъ авторъ послѣ представленія цѣловалъ ея руки въ благодарность?! Но вотъ нашелся итальянскій актеръ, никогда не бывавшій въ Россіи, который, между тѣмъ, сумѣлъ понять, что въ русской литературѣ онъ найдетъ богатую пищу для своего выдающагося таланта и принялся знакомить итальянскую публику съ нашими нравами и обычаями. Актеръ этотъ, нынѣ одинъ изъ лучшихъ трагиковъ въ Италіи, Цаккони, началъ съ того, что выступилъ передъ Миланской публикой въ роли Никиты въ „Власти тьмы“ гр. Толстого. Пьеса имѣла такой блестящій успѣхъ, что была повторена много разъ въ теченіе этой осени. Затѣмъ (9-го декабря) для своего бенефиса, онъ поставилъ 2-хъ актную драму Тургенева „Нахлѣбникъ“. „Нахлѣбникъ“ имѣлъ громкій успѣхъ и, къ моему удивленію, всѣ миланскія газеты, посвящая цѣлые столбцы разбору пьесы, не говорятъ ни слова насмѣшки надъ „варварами русскими“. Какъ пьеса Толстого, такъ и Тургенева, единогласно признаны представителями литературнаго міра въ Миланѣ образцами реальной школы; всѣхъ удивляетъ простота изложенія, отсутствіе искусственнаго исканія сценическихъ эффектовъ, а между тѣмъ, эти эффекты вытекаютъ естественно, благодаря ходу дѣйствія и драматизма самыхъ событій. Гр. Толстого сравниваютъ съ Шекспиромъ. Надо отдать справедливость итальянскимъ актерамъ, что обѣ пьесы исполне-

ны образцово и, если въ изображеніи русскихъ мужиковъ и проглядываютъ немного итальянцы, то въ пьесѣ Тургенева вамъ не отличить итальянскихъ отъ русскихъ актеровъ. Для насъ, русскихъ, присутствовавшихъ на представленіи „Нахлѣбника“, было непонятно, какъ это итальянцамъ удалось такъ вѣрно передать столь извѣстные намъ типы: чиновника, занимающаго довольно высокій постъ, помѣщика bon vivant, глумящагося надъ бѣднымъ нахлѣбникомъ и пр.? Но кто замѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ, это самъ Цаккони въ роляхъ Никиты и Василія Семеновича! Ни одно слово у этого умнаго и даровитаго артиста не пропадаетъ даромъ, все обдумано и передано такъ мастерски и съ такими оттѣнками, что просто непонятно, какъ иностранецъ могъ догадаться о разныхъ особенностяхъ чисто русскихъ типовъ, представленныхъ имъ. Насколько эти пьесы исполнены прелестно, настолько mise en scene „Власти тьмы“ была безобразна. Вмѣсто иконы въ избѣ Петра (въ 1-мъ дѣйствіи) виситъ точь въ точь изображеніе Демона (костюмъ баритона въ оп. „Демонъ“ Рубинштейна), бабы въ какихъ-то ночныхъ кофтахъ и сахарныхъ головахъ, а самъ Никита въ темно-зеленой блузѣ, какъ у французскихъ рабочихъ и съ длинными бѣлокурыми локонами. Цаккони принялъ сдѣланныя много по этому поводу замѣчанія съ благодарностью. Такъ какъ, въ виду блестящаго успѣха, обѣ пьесы вѣроятно будутъ даны въ разныхъ городахъ Италіи, надо надѣяться, что теперь и съ внѣшней стороны онѣ будутъ обставлены какъ слѣдуетъ. Увѣренная, что русская публика съ удовольствіемъ прочтетъ объ этомъ торжествѣ русскаго искусства заграницей, спѣшу сообщить объ этомъ событіи и спросить: не найдется ли въ Россіи какой-нибудь отважный антрепренеръ, который бы привезъ въ Миланъ русскую оперную труппу, начавъ представленія съ „Русалки“ и „Евгенія Онѣгина“ какъ болѣе доступныхъ пониманію итальянской публики? Это недурная мысль и заслуживаетъ чтобъ на нее обратили вниманіе.

Т.

Хроника.

МОСКВА.

Предполагавшаяся къ постановкѣ въ нынѣшнемъ сезонѣ на сценѣ Императорскаго **Малаго** театра др. Зудермана, „Честь", въ переводѣ г. Крылова, отложена до будущаго сезона.

М. Н. Ермолова выбрала для своего бенефиса трагедію Гальма—„Ровенскій боецъ", переведенную съ нѣмецкаго В. Крестовскимъ.

На вакантное, послѣ смерти Н. С. Тихонравова, мѣсто члена московскаго отдѣленія театрально-литературнаго комитета назначенъ приватъ-доцентъ московскаго университета, сотрудникъ нашего журнала И. И. Ивановъ. Предсѣдателемъ комитета, на мѣсто покойнаго Н. С., избранъ профессоръ Н. И. Стороженко.

Управляющій московской конторой Императорскихъ театровъ П. М. Пчельниковъ и главный режиссеръ Императорскаго Малаго театра С. А. Черневскій участвовали въ работахъ коммиссіи въ Петербургѣ, обсуждавшей, между прочимъ,— вопросъ объ урегулированіи отношеній между артистами и начальствомъ, а также смѣты по содержанію Императорскихъ московскихъ театровъ.

6 января, въ **Большомъ** театрѣ, по примѣру прошлаго года, былъ устроенъ балъ-маскарадъ въ пользу Общества для пособія сценическимъ дѣятелямъ.

Г. Мендесу данъ и въ этомъ году бенефисъ.

Пѣвица г-жа Мира Геллеръ, принимавшая участіе въ симфоническомъ собраніи Русскаго Музыкальнаго Общества 18 дек., приглашена въ Большой театръ на нѣсколько спектаклей.

Несчастный случай съ г-жей Андерсонъ въ Петербургѣ обратилъ на себя вниманіе дирекціи московскихъ Императорскихъ театровъ, и теперь въ московскихъ театрахъ кромѣ прежде установленныхъ электрическихъ грѣлокъ для нагрѣванія щипцовъ, въ уборныхъ поставлены газовыя грѣлки новой, усовершенствованной системы. Такимъ образомъ возможность несчастныхъ случаевъ съ артистками при нагрѣваніи щипцовъ для завивки волосъ отнынѣ устранена.

Въ театрѣ г. Корша 7-го января, въ бенефисъ г-жи Красовской, возобновляется драма „Соколы и вороны". Въ слѣдующій за этимъ бенефисъ г. Трубецкаго, 14-го января, пойдетъ комедія Фульда „Въ погонѣ за призраками", напечатанная въ январской книжкѣ „Театр. Библіотеки". Въ бенефисъ г-жи Романовской, 21-го января, идетъ ком. Пальерона „Въ царствѣ скуки". Въ бенефисъ г-жи Кудриной, 28 января, пойдетъ новый фарсъ И. И. Мясницкаго „Страшная месть", который будетъ напечатанъ въ ближайшей книжкѣ „Театральной Библіотеки".

При томъ репертуарѣ, который ведется въ театрѣ **„Скоморохъ"** и который мы не разъ характеризовали, представляла интересъ постановка „Ревизора". Насколько можно было разсчитывать на силы труппы театра „Скоморохъ", „Ревизоръ" прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Комедія въ общемъ представляла собою все-таки гоголевскую картину, хотя понятно картина эта была изображена не съ тою тонкостью въ отдѣлкѣ подробностей, которую приходится видѣть въ образцовомъ исполненіи. Важно то, что общій тонъ былъ взятъ вѣрно и гоголевскіе герои не казались карикатурами, какъ это часто бываетъ при неудачной постановкѣ „Ревизора". Во внѣшней обстановкѣ были большіе недочеты, но къ нимъ надо отнестись снисходительно въ виду того, что отъ театра „Скоморохъ" нельзя и требовать соблюденія мельчайшихъ деталей постановки. Срепетовка была почти безукоризненная и суфлеръ, вопреки обыкновенію, не давалъ о себѣ знать. Когда общій ансамбль болѣе или менѣе удовлетворителенъ, то недостатки въ исполненіи отдѣльныхъ ролей становятся менѣе замѣтными. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Останавливаясь болѣе подробно на игрѣ артистовъ театра „Скоморохъ", замѣтимъ прежде всего, что г. Рахимовъ въ общемъ вѣрно задумалъ и довольно удачно передалъ главное лицо — Городничаго. Правда, что въ его игрѣ не было того проникновенія ролью, которое характеризуетъ творчество замѣчательныхъ артистовъ и изъ ихъ исполненія дѣлаетъ художественное созданіе. Но игра г. Рахимова была вполнѣ осмыслена, съ начала до конца артистъ не спадалъ съ тона и не уклонялся въ сторону фарса, который позволяютъ себѣ иногда провинціальные актеры. Въ общемъ Городничій въ исполненіи г. Рахимова производилъ впечатлѣніе правдивое и не лишенное нѣкоторой яркости. Слабѣе былъ г. Брянскій въ роли Хлестакова. Однообразіе интонаціи, свойственное этому артисту, очень вредило ему. Сцены въ гостиницѣ и при полученіи съ чиновниковъ денегъ были проведены имъ хорошо, но сцены опьяненія и признанія въ любви совершен-

но ему не удались. Вообще г. Брянскій старался придать своей игрѣ больше простоты и наивности, характеризующей Хлестакова, но цѣльнаго типа въ его изображеніи мы не видали. И все таки это самая лучшая роль у г. Брянскаго изъ всѣхъ ролей, въ которыхъ намъ случилось его видѣть. Ему, однако, много надо поработать надъ Хлестаковымъ, чтобы этотъ классическій образъ русской комедіи въ его исполненіи подходилъ къ замыслу автора. Очень просто провели роли: Анны Андреевны г-жа Гегеръ-Глазунова и Марьи Антоновны — г-жа Морозова; безъ шаржа и не утрируя жеманствомъ, г-жи Гегеръ-Глазунова и Морозова были живыми фигурами. Г. Колоссовскій играетъ Осипа безъ всякихъ подчеркиваній и основныя черты этого лица намѣчаетъ вѣрно. Изъ уѣздныхъ чиновниковъ лучше всѣхъ былъ Земляника (г. Антоновъ), остальные хотя были и блѣдны, но не каррикатурны. Бобчинскій (г. Поликарповъ) и Добчинскій (г. Перовъ) были недостаточно оживлены и типичны. Общее впечатлѣніе спектакля, снова повторяемъ, было самое благопріятное, отношеніе публики къ комедіи очень внимательное. Все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что хорошій репертуаръ вполнѣ осуществимъ на сценѣ „Скомороха“.

Какъ примѣръ того, чѣмъ въ послѣднее время услаждали себя зрители въ „Скоморохѣ“ приведемъ названія піесъ, шедшихъ въ двухъ спектакляхъ. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что оба эти спектакля шли въ бенефисъ г. Дмитріева-Волынскаго и что дирекція „Скомороха“ въ обыкновенные дни не переполняетъ спектакли такими піесами, какъ этотъ бенефиціантъ. Г. Дмитріевъ-Волынскій, о которомъ мы уже говорили, (Артистъ № 30),—премьеръ „Скомороха“—является типичнымъ представителемъ провинціальной сцены. Въ выборѣ піесъ для своего бенефиса, который г. Дмитріевъ-Волынскій, тоже по провинціальному, празднуетъ три раза въ сезонъ, онъ слѣдуетъ провинціальнымъ традиціямъ, въ значительной степени, впрочемъ, уже отжитымъ. Въ два послѣдніе свои бенефиса г. Дмитріевъ-Волынскій поставилъ слѣдующія піесы. Въ одинъ бенефисъ: *Сынъ дьявола и братъ сатаны или могила колдуна и сила ада*. Вторая піеса: *Живая покойница или пожаръ въ Швейцаріи* (*Сиротамъ Самъ Богъ защита*). Въ заключеніе: *Прекрасный Іосифъ, проданный въ рабство или голодъ въ Египтѣ* (*царство Фараона*).

Въ другой бенефисъ: *Юдифь и Олофернъ или освобожденіе Іерусалима отъ Ассиріанъ*. И, наконецъ, въ заключеніе: *Дочь ада и сынъ дьявола или страшная ночь за Днѣпромъ и заколдованный сонъ въ волшебномъ замкѣ*.

—рце—

Э. Э. Матернъ оканчиваетъ переводъ піесы А. Дюма „Le fils naturel“. Переводъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Театральной Библіотеки“.

Въ помѣщеніи **Охотничьяго Клуба** 10 декабря состоялся любительскій спектакль съ благотворительною цѣлью. Сцену монологъ, соч. Грене-Данкура „Въ слѣдующій разъ“—очень удачно исполнила г-жа Раевская, старательно разработавъ сложныя детали роли. Въ ком. „Шалость“, роль Лики играла г-жа Шаврова; молодая исполнительница извѣстна намъ по спектаклямъ школы филармоническаго училища, въ которомъ она окончила курсъ въ 1893 г. На этихъ спектакляхъ талантливая исполнительница обратила на себя вниманіе прекраснымъ исполненіемъ ролей Васильковой („Свѣтитъ да не грѣетъ“) и Нѣгиной („Таланты и поклонники“). На этотъ разъ роль Лики удалась ей менѣе. Къ г-жѣ Шавровой мы въ правѣ отнестись съ болѣе строгими требованіями.—Она недостаточно передала характерныя стороны этой благодарной роли—граціозной, шаловливой и бойкой Лики. Тонъ исполнительницы былъ нѣсколько тяжеловатъ. Остальныя роли были исполнены:—Викулина г. Кровскимъ, Пелевиной—г-жей Каратыгиной, Хвостовой—г-жей Рябовой, Ботова—г. Ульянинскимъ, Вербатова—г. Духовскимъ, Зарукина—г. Волгородскимъ вполнѣ удачно, особенно хороша была г-жа Рябова.—Спектакль закончился водевилемъ А. П. Чехова „Медвѣдь“.

Управленіе спектаклями въ **Нѣмецкомъ Клубѣ** перешло въ послѣднее время отъ г. Варравина къ г. Львову. Вмѣстѣ съ тѣмъ спектакли оживились участіемъ нѣкоторыхъ вновь приглашенныхъ артистовъ. Г. Павленковъ и г-жа Грузинская съ большимъ успѣхомъ выступили въ комедіи-фарсѣ „На всѣ четыре стороны“, въ роляхъ супруговъ Лѣвцовыхъ. Въ г. Павленковѣ виденъ очень опытный артистъ и, насколько можно судить по первому впечатлѣнію, артистъ съ хорошими способностями, проявляющій артистическое чутье и чувство мѣры даже въ фарсѣ. Тѣ же качества опытной и способной артистки обнаружила и г-жа Грузинская. Изъ остальныхъ персонажей съ успѣхомъ подвизаются г-жи Каратыгина, Литвинова, Черина, гг. Львовъ, Вольфъ и Тарховъ.

Провинціальному антрепренеру Д. А. Бѣльскому разрѣшено открытіе въ Москвѣ театральнаго агентства.

Г-жа Зембрихъ пожертвовала въ фондъ училища Московскаго Филармоническаго Общества 2,000 рублей.

1 декабря, во второмъ **общедоступномъ симфоническомъ** концертѣ, подъ управленіемъ А. П. Дюшена, изъ капитальныхъ сочиненій оркестромъ были исполнены: увертюра „Фаустъ“—Вагнера и симфоническая картина „Франческа ди Римини“—Чайковскаго. Солистами были: скрипачъ г. Колаковскій и пѣвецъ-диллетантъ г. Сѣриковъ (баритонъ). Г. Колаковскій исполнилъ концертъ (d-dur) —Бетховена, романсъ—Рубинштейна, вальсъ-каприз—Венявскаго и нѣсколько пьесъ сверхъ программы. Артистъ имѣлъ солидный успѣхъ. Г. Сѣриковъ спѣлъ два романса Эрлиха. Голосъ симпатиченъ, но требуетъ серьезной обработки.

Обычный **„Армянскій вечеръ“** данъ былъ въ Благородномъ Собраніи. Музыкальною частью руководилъ преподаватель московской консерваторіи г. А. Корещенко. Между прочими пьесами, имѣющими національный колоритъ, были исполнены „Армянская рапсодія“ Карганова и „Армянская сюита“ („Suite Arménienne“) г. Корещенко. Другимъ, подобнымъ же вечеромъ, **грузинскимъ**, дирижировалъ г. Кленовскій.

„Московскимъ музыкальнымъ кружкомъ“ въ нынѣшнемъ сезонѣ управляетъ г. Буллерьянъ. Талантливый капельмейстеръ сумѣлъ притянуть всѣ лучшія мѣстныя любительскія силы и въ подмогу имъ пригласилъ не мало присяжныхъ музыкантовъ, такъ что располагаетъ теперь оркестромъ въ 60 человѣкъ, который уже твердо срепетованъ и отлично дисциплинированъ. Первое исполнительное собраніе состоялось 12 декабря въ залѣ Городской Думы и прошло съ очень большимъ успѣхомъ. Стройно, съ нюансами и большимъ увлеченіемъ исполнены симфонія (№ 3) Мендельсона и увертюра „Эгмонтъ“ Бетховена. Отлично прошли также арабскій танецъ изъ „Щелкунчика“—Чайковскаго и струнная пьеса Рубинштейна „Sphärenmusik“. Она и увертюра повторены. Заключительными нумерами программы служили интродукція и мазурка изъ балета „Коппелія“—Делиба; мазурка исполнена съ огнемъ и большою энергіей. Въ собраніи участвовали піанистка г-жа

Шервинская и пѣвица г-жа Флерова. Г-жа Шервинская играла виртуозно и увѣренно, хотя нѣсколько рѣзко въ деталяхъ. Г-жа Флерова имѣла слабый успѣхъ.

14-го декабря, въ музыкально-драматическомъ училищѣ **Московскаго Филармоническаго Общества**, въ присутствіи Августѣйшей покровительницы Общества, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, происходилъ торжественный годичный актъ. Актъ начался чтеніемъ отчета о дѣятельности училища за минувшій академическій годъ. Изъ общаго числа 297 учениковъ по классу фортепіано состояло 121 человѣкъ, а по классамъ: скрипки—24, віолончели—5, контрабаса—3, духовыхъ инструментовъ—29, пѣнія—67, драматическаго искусства—44 и теоріи музыки—4. Въ отчетномъ году окончили курсъ: по *педагогическому* классу фортепіано—С. Баскаковъ, Е. Парлоръ, Л. Пирожкова, А. Попова, М. Разсадина, С. Русина и С. Суханова; по классу флейты—Е. Рывкинъ и по классу драматическаго искусства—З. Бѣляйкинъ, В. Гембачевъ, Н. Катаева, П. Красавцевъ, Е. Попова и М. Тарасова. По прочтеніи отчета, розданы аттестаты окончившимъ курсъ. Въ начавшемся затѣмъ концертномъ отдѣленіи выдѣлились: С. Лентовская, ученица П. А. Шостаковскаго („Venezia e Napoli“ Листа), Баумъ, ученикъ Ю. Я. Махиной („Non è ver“ Mattheu) и особенно Антонова и Шпигель, ученицы С. М. Бижеича (дуэтъ изъ „Лакмэ“).

Послѣ покойнаго профессора и академика *Н. С. Тихонравова* осталась цѣнная и обширная библіотека, которая по духовному завѣщанію должна перейти къ его женѣ. Библіотека, по словамъ „М. В.“, представляетъ рѣдкое собраніе книгъ, которыхъ насчитывается до 10,000 экземпляровъ; независимо отъ этого въ ней имѣется свыше 900 рукописей разныхъ сочиненій и статей, изъ которыхъ каждая представляетъ историко-литературный интересъ. Въ настоящее время душеприказчиками покойнаго ведется разборка этихъ рукописей и провѣрка по имѣющимся каталогамъ, при чемъ оказалось много рукописей и не обозначенныхъ въ каталогѣ, и неизвѣстно, кому принадлежащихъ. Рукописи и книги складываются въ ящики и будутъ отправлены на сохраненіе въ Румянцевскій музей, такъ какъ жена покойнаго Тихонравова находится на излѣченіи въ больницѣ.

Въ послѣднемъ (годичномъ) общемъ собраніи членовъ **Московскаго Библіографическаго кружка** состоявшемся 1 декабря 1893 г., послѣ чтенія отчета, членомъ корреспондентомъ кружка А. А. Ярцевымъ былъ прочитанъ рефератъ: *Библіографія театра и музыки*. Въ своемъ докладѣ референтъ, высказавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о положеніи въ русской литературѣ библіографіи вообще и въ частности библіографическихъ монографій, указалъ на необходимость составленія библіографіи по театру и музыкѣ. При этомъ онъ изложилъ данныя по исторіи театра и музыки и доказалъ, что въ библіографіи театра и музыки нуждаются, какъ историки этой отрасли искусства, такъ и артистическій міръ и публика. Но чтобы библіографія театра и музыки не была сухимъ перечнемъ названій, не интереснымъ для большинства читателей, референтъ предложилъ планъ такого указателя, который бы соединялъ въ себѣ и библіографію и изложеніе историко-теоретическихъ данныхъ по театру и музыкѣ. Такой указатель можетъ быть распространенъ не только между библіографами и артистами, но и между обыкновенными образованными читателями. Изъ послѣдовавшихъ за докладомъ объясненій оказалось, что по плану, указанному въ рефератѣ, докладчикомъ уже составляется театрально-музыкальная библіографія, отсутствіе которой вообще весьма замѣтно въ нашей литературѣ, и, если обстоятельства будутъ благопріятствовать изданію ея, то появленіе театрально-музыкальной библіографіи въ свѣтъ—дѣло недалекаго будущаго.

Послѣ гастролей Февра между спектаклями малороссовъ въ театрѣ **„Парадизъ“** будетъ восемь спектаклей извѣстнаго французскаго артиста Мунэ-Сюлли, который выступитъ въ Москвѣ 17 января. Репертуаръ состоитъ изъ слѣдующихъ пьесъ: трагедіи Софокла „Эдипъ“ въ переводѣ Жюля Лакруа (муз. Мамбрэ), трагедіи того же автора „Антигона“, приспособленной для сцены Полемъ Мерисемъ и Огюстомъ Вакри (муз. Сенъ-Санса), драмы Виктора Гюго „Рюи-Блазъ“, „Эрнани“ того же автора, „Гамлета“ и трагедій—„Сида“ Корнеля и „Андромахи“ Расина. Въ труппѣ г. Мунэ-Сюлли участвуетъ г-жа Сегонъ-Веберъ, молодая артистка, дебютировавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одеонѣ въ „Якобитахъ“ Франсуа Коппе.

Дирекція „Парадизъ“ г. Щукина взяла за два съ лишнимъ мѣсяца около 40 тысячъ рублей валового сбора.

Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что директоръ Лессингъ-театра, драматургъ г. Оскаръ Блюменталь, намѣренъ пріѣхать предстоящей весной съ частью своей труппы въ Москву, чтобы дать рядъ спектаклей, составленныхъ изъ пьесъ спеціальнаго репертуара Лессингъ-театра.

ПЕТЕРБУРГЪ.

М. Г. Савина выбрала для своего енефиса „Дворянское гнѣздо“ Тургенева, передѣланное для сцены П. И. Вейнбергомъ. Бенефисъ Савиной состоится 18 января.

20 января состоится первое представленіе на сценѣ **Александринскаго** театра драмы И. Н. Потапенко „Жизнь“.

Первое представленіе на сценѣ Александринскаго театра новой комедіи Е. П. Карпова „Рай земной“ прошло 9 декабря съ успѣхомъ. Драма Вл. А. Александрова „Спорный вопросъ“ съ успѣхомъ поставлена на той же сценѣ.

Ходятъ слухи, что съ будущаго сезона балеты будутъ даваться по два раза въ недѣлю въ **Маріинскомъ** театрѣ, а въ одинъ изъ балетныхъ дней опера будетъ идти въ Александринскомъ театрѣ, а не Михайловскомъ, какъ предполагалось, въ виду лучшей акустики Александринскаго театра и большихъ удобствъ его сцены. Ставиться будутъ небольшія оперы, которыхъ въ репертуарѣ теперь много, и преимущественно съ молодыми силами труппы.

Дирекція Императорскихъ театровъ объявляетъ, что предполагаемыя представленія оперъ Вагнера, подъ управленіемъ г. Поллини, въ предстоящемъ Великомъ посту, по независящимъ отъ дирекціи обстоятельствамъ, не состоятся. Говорятъ, что причина—мизерный результатъ, который дала подписка на абонементъ.

Предполагавшійся къ постановкѣ только въ будущемъ сезонѣ балетъ „Лебединое озеро“ П. И. Чайковскаго будетъ поставленъ въ Маріинскомъ театрѣ въ этомъ сезонѣ въ февралѣ съ г-жей Пьерино Леньяни. Балетъ этотъ шелъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ Московскомъ Большомъ театрѣ.

Танцовщицы В. Корсакъ и Андерсонъ, получившія ожоги, оправились отъ болѣзни.

Дебютъ г-жи Пьерино-Леньяни прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Талантливая артистка обладаетъ блестящей техникой, необыкновенной легкостью и граціей.

Представленный въ Маріинскомъ театрѣ новый балетъ „Золушка“ написанъ на сюжетъ извѣстной сказки Перро. Какъ на наиболѣе удачные нумера можно указать на „Grand pas d'action“ и на мазурку во второмъ дѣйствіи. Танецъ „искръ“ въ первомъ дѣйствіи могъ бы быть еще интереснѣе, если бы размѣры кухни не стѣсняли сцены. Несмотря на нѣкоторые недочеты, балетъ смотрится съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ. Новыя декораціи написаны очень хорошо гг. Левотемъ, Шишковымъ и Базаровымъ. Г-жа Леньяни имѣла большой и заслуженный успѣхъ во всѣхъ дѣйствіяхъ.

Въ **Михайловскомъ** театрѣ представлена пьеса Анри Бека—„Les Corbeaux“. Умираетъ скоропостижно нѣкій Виньеронъ, директоръ фабрики и компаньонъ богатаго и скупого старика Тейссье. Вдова покойнаго ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, не знаетъ точно своего состоянія и только убивается по мужѣ. Тейссье съ помощью нотаріуса Бурдона такъ обдѣлываетъ дѣла, что вдовѣ очищается послѣ ликвидаціи ничтожная сумма. Обѣдненіе влечетъ за собою новыя несчастья. Друзья покидаютъ семью Виньерона. Тѣ, кто принималъ какое-нибудь участіе въ дѣлахъ и предпріятіяхъ покойнаго, слетаются какъ вороны на падаль и стараются урвать кусокъ. Взаимный интересъ объединяетъ всѣхъ этихъ мошенниковъ и дѣло дѣлается на чистоту. У Виньеронов три дочери и младшая сходитъ съ ума, такъ какъ мать ея жениха не соглашается на бракъ сына съ бѣдной, хотя и имъ же опороченной, дѣвушкой. Въ концѣ концовъ, одна изъ дочерей, чтобы поддержать семью, соглашается выдти замужъ за дряхлаго и ненавистнаго ей Тейссье. На этомъ занавѣсъ падаетъ и зритель остается подъ впечатлѣніемъ какого-то кошмара. Впечатлѣніе еще усугубляется тѣмъ, что вдова Виньерона представлена женщиной легковѣрной и ограниченной, да и дочки такія же. Пьеса Бека успѣха не имѣла.

Въ бенефисъ г. Лортера, кромѣ одноактной комедіи Эрнеста Додэ — „Marthe“, была представлена новая комедія Леона Гандильо — „Le sous-préfet de Château-Buzard“. Комедія эта шла въ первый разъ въ апрѣлѣ въ театрѣ „Palais-Royal“.

Въ бенефисъ г-жи Балетта, 27-го ноября, поставлена была оперетта „Cendrillonnette“ (либретто Поля Ферье, музыка Гастона Серпеттъ и Виктора Роже), впервые поставленная въ парижскомъ „Bouffes Parisiennes“ въ 1890 году, но успѣвшая уже появиться въ прошломъ году въ Маломъ театрѣ съ пріѣздомъ г-жи Бланшъ-Мари. Пьеса не имѣла успѣха въ Маломъ театрѣ, не понравилась она также и на Михайловской сценѣ.

Г. Стронцъ поставилъ 20-го ноября для своего бенефиса три пьесы въ одинъ вечеръ: комедію Э. Пальерона „Le monde où l'on s'amuse“, двухактную пьесу „La paix du ménage“ Гюи-де-Мопассана, поставленную впервые въ мартѣ текущаго года на сценѣ парижской „Comédie française“ и имѣвшую хорошій успѣхъ, и пьесу „Bouboucheе“ Жоржа Куртелинъ. Эта пьеса чисто реальнаго направленія, имѣетъ совершенно лишній первый актъ, происходящій въ ресторанчикѣ, гдѣ честный, добропорядочный пожилой холостякъ, буржуа Бурошъ, узнаетъ случайно о томъ, что его давнишняя сожительница Адель систематически и давно ему измѣняетъ, сохраняя отношенія къ нему изъ матеріальныхъ разсчетовъ. У Адели дѣйствительно имѣется обожатель, пріютившійся унея очень прочно, такъ какъ Бурошъ живетъ не вмѣстѣ съ нею и даже не имѣетъ ключа отъ ея квартиры. Каждый разъ какъ Бурошъ приходитъ, молодой любовникъ прячется въ большомъ шкафу, гдѣ имѣется столикъ, удобный стулъ и куда онъ беретъ свѣчку, чтобы читать, поджидая ухода Бурошъ. Узнавъ объ измѣнѣ Адели, Бурошъ влетаетъ къ ней какъ сумасшедшій; эта дама немедленно его успокоиваетъ, и даже требуетъ, чтобы онъ осмотрѣлъ всю квартиру. Бурошъ нехотя идетъ исполнять ея желаніе, въ это время тухнетъ лампа и сквозь щели шкафа виденъ предательскій свѣтъ. Измѣна открыта, любовникъ изгнанъ, но Адель, пользуясь довѣрчивостью и привязанностью Бурошъ, убѣждаетъ его въ своей невинности, объяснивъ, что господинъ въ шкафу ей неизвѣстенъ, что появленіе его — чужая тайна, которую она не въ правѣ выдать, узнать которую Бурошъ, какъ честный человѣкъ, даже отказывается.

Артистамъ Императорскихъ театровъ вновь подтверждено, что они ни въ какомъ случаѣ не должны принимать какое-либо участіе въ устраиваемыхъ разными лицами и учрежденіями концертахъ и др. вечерахъ, даже скрываясь подъ звѣздочкой.

12 декабря покончила съ собой балетная артистка Кротикова, по сценѣ *Михайлова*.

Въ Дармштадтѣ 3 декабря скончался бывшій управляющій Императорскими театрами д. т. с. *Карлъ Карловичъ Кистеръ*. Покойный служилъ съ 1837 года въ министерствѣ Императорскаго Двора, а по выходѣ въ отставку проживалъ за-границей.

Въ ночь съ 30 на 31 декабря скончался отъ паралича сердца редакторъ-издатель „Недѣли“ *Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ*.

8 декабря исполнилось 25-ти-лѣтіе со дня смерти извѣстнаго писателя *Нестора Васильевича Кукольника*, автора многихъ драматическихъ произведеній.

А. Г. Рубинштейнъ вернулся въ Петербургъ изъ своего продолжительнаго заграничнаго пребыванія.

Ц. А. Кюи выѣхалъ 15 декабря въ Парижъ, чтобы присутствовать при постановкѣ своей оперы „Le Flibustier“.

Оперный спектакль въ **Василеостровскомъ** театрѣ, 9 декабря, далъ хорошій сборъ. Были представлены сцены изъ „Евгенія Онѣгина“ Чайковскаго и „Жизни за Царя“ Глинки.

Въ **Маломъ театрѣ** состоялось первое представленіе новой, нигдѣ еще не игранной, трехъактной оперетты „Бекъ Ахметъ“, музыка Э. Келлера. Авторъ либретто, г. Осетровъ, вдохновился легендою о Стенькѣ Разинѣ, утопившемъ въ Волгѣ персидскую княжну, переименовавъ Разина въ Волка—атамана разбойниковъ, прибавилъ влюбленнаго въ княжну персіянина, бека Ахмеда, приправилъ все это комическимъ элементомъ въ лицѣ подъячаго, попадающаго въ плѣнъ къ разбойникамъ. Либретто вышло неинтересное и скучноватое. Музыка г. Келлера, впервые дебютирующаго на композиторскомъ поприщѣ, не отличается новизною и оригинальностью. Главныя роли княжны и бека Ахмеда исполняли г-жи Раисова и Фриде; обѣ имѣли успѣхъ.

Въ залѣ Кредитнаго общества, 12 декабря слѣпой французскій піанистъ **Викторъ Денисель** далъ свой концертъ. Слѣпота вноситъ въ дѣятельность артиста такія препятствія, что, разумѣется, судить объ исполненіи піаниста слѣдуетъ относительно. Попадать безошибочно и постоянно на требуемыя клавиши при быстрой игрѣ слѣпому невозможно. Слѣпота вліяетъ также на туше, иногда неувѣренное. Г. Денисель выполнилъ весьма

большую и нелегкую программу изъ шестнадцати пьесъ, въ которую вошли очень трудныя для г. Дениселя пьесы, какъ, напримѣръ „Thème et étude“ Тальберга, требующій постояннаго перебрасыванья лѣвой руки. Болѣе всего г. Денисель понравился въ пьесахъ пѣвучихъ, гдѣ трогаетъ его меланхолическая, полная выраженія передача. Піанистъ исполнилъ сочиненія Бетховена, Шопена, Шуберта, Шумана, Гензельта, Тальберга, Чайковскаго, Бизе, Сенъ-Санса, Листа.

Бывшему редактору газеты „Театральный Міръ“, г. Габриловичу, разрѣшено издавать подъ его же редакціею новую музыкальную иллюстрированную газету на нѣмецкомъ языкѣ „Rusland's Musik-Zeitung“, которая начнетъ выходить съ 1 января 1894 года.

Г. Селиверстову разрѣшено издавать въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ „Музыка и Пѣніе“.

—

Организація частной театральной антрепризы въ Россіи въ скоромъ времени должна радикально измѣниться—вступить на болѣе правильную, болѣе легальную почву. **Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ,** въ лицѣ своихъ членовъ А. А. Потѣхина, Н. А. Лейкина, В. Р. Шемаева, В. П. Далматова, А. К Канаева, В. С. Кривенко, В. П. Погожева и А. Е. Молчанова, выработало проектъ устава новаго **русскаго театральнаго Общества,** имѣющаго своей спеціальной цѣлью содѣйствіе всестороннему развитію театральнаго дѣла въ Россіи. Новое Общество, основаніе котораго можно привѣтствовать только самыми лучшими пожеланіями, ставитъ себѣ чрезвычайно обширную задачу—предметы его дѣятельности будутъ слѣдующіе: эмеритальная и ссудная операціи, назначеніе и выдача разного рода пособій, организація агентуры Общества, поощреніе и содѣйствіе къ устройству частныхъ сценъ, отвѣчающихъ серьезнымъ требованіямъ искусства, дѣлопроизводство справочно-статистическаго бюро, изданіе органа общества и т. д. Подобная широкая программа, конечно, требуетъ, прежде всего, извѣстныхъ средствъ и для выполненія ея 53000 р. наличнаго, въ настоящее время, капитала Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, послѣ переименованія его въ „Русское Театральное Общество“ можетъ оказаться далеко не достаточнымъ, въ особенности для образованія двухъ капиталовъ: эмеритальнаго и ссуднаго. Вслѣдствіе этого, новое Общество ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему взимать опредѣленный сборъ со всякаго рода театральныхъ и увеселительныхъ представленій, причемъ оно предполагаетъ производить этотъ сборъ въ усиленномъ размѣрѣ съ гастролеровъ иностранцевъ, и въ болѣе слабомъ—съ русскихъ антрепренеровъ. Изъ этихъ сборовъ Общество отчисляетъ 75 проц. на образованіе эмеритальнаго фонда для выдачи пенсій, а остальные 25 проц. оставляетъ на свои расходы. Изъ всѣхъ же остальныхъ, поступающихъ въ кассу Общества суммъ, кромѣ пожертвованій спеціальнаго назначенія, оно отчисляетъ 25 проц. въ неприкосновенный капиталъ Общества, 25 проц. на образованіе ссуднаго фонда, а остальные 50 проц. на выдачу пособій и на расходы Общества. Эмеритальный фондъ, конечно, не можетъ начать свои выдачи ранѣе какъ лѣтъ черезъ двадцать. Одною изъ серьезнѣйшихъ и цѣлесообразнѣйшихъ прерогативъ дѣятельности новаго театральнаго Общества является предполагаемая имъ организація театрально-статистическаго бюро. Подобное бюро, имѣющее своей главнѣйшей цѣлью сосредоточіе въ немъ справочныхъ свѣдѣній по спросу и предложенію на артистическій трудъ, положительно необходимо для Россіи: являясь посредникомъ между артистами и антрепренерами, новое бюро можетъ легко поднять наше частное театральное дѣло, если только оно будетъ безусловно строго относиться какъ къ рекомендаціи актеровъ, такъ и въ выбору антрепренеровъ. Именно такъ Общество и собирается поступить: оно предполагаетъ лишать своего посредничества (дароваго или за рублевую плату, безъ всякихъ процентовъ съ жалованія) одинаково и актеровъ и антрепренеровъ, не оправдавшихъ его рекомендаціи. Въ программу театрально-статистическаго бюро, кромѣ посредничества на „актерской биржѣ“, входитъ еще собираніе, обработка и сводъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи театральнаго дѣла въ Россіи, посредничество при покупкѣ, продажѣ, наймѣ и прокатѣ всякаго рода театральнаго имущества и принадлежностей, пріемъ театральныхъ объявленій и выдача справокъ, до театральнаго дѣла относящихся. При вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ существованія новаго Общества—театральное бюро можетъ пріобрѣсти собственныя постановки нѣкоторыхъ, наиболѣе репертуарныхъ пьесъ, и рассылать ихъ по провинціальнымъ театрамъ, какъ это дѣлается въ Германіи и Франціи. Русское Театральное Общество ходатайствуетъ о дарованіи ему права владѣть недвижимыми имуществами, и надѣясь на полученіе его, уже подыскало небольшой домъ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ предполагается устроить общежитіе для бѣднѣйшихъ актеровъ, до пріисканія имъ мѣстъ. Общество будетъ выдавать субсидіи серьезнымъ театральнымъ предпріятіямъ и, время отъ времени, собирать въ различныхъ городахъ Россійской Имперіи съѣзды сценическихъ дѣятелей, для обсужденія различныхъ театральныхъ вопросовъ, отвѣчающихъ цѣлямъ его организаціи.

—

Нѣсколько петербургскихъ капиталистовъ и актеровъ задались мыслью создать въ Петербургѣ новый театръ на акціонерныхъ началахъ. Предполагается выпустить акціи.

Пятый отдѣлъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества устраиваетъ въ С.-Петербургѣ, въ мартѣ 1894 г., **Всероссійскую фотографическую выставку** съ цѣлью представить современное состояніе свѣтописи (фотографіи). Распорядительный комитетъ выставки приглашаетъ къ участію въ ней всѣ русскія правительственныя, общественныя, частныя и фабричныя учрежденія, пользующіяся фотографіею для разныхъ цѣлей, а также приглашаетъ профессіональныхъ фотографовъ и всѣхъ любителей, занимающихся фотографіею. На выставку будетъ приниматься все, касающееся фотографіи и ея примѣненій, а именно: сочиненія по фотографіи, портреты, снимки съ природы, фотографіи внѣшности или внутренности зданій; художественныя композиціи, исполненныя при посредствѣ фотографіи; разнородные мгновенные снимки; увеличенныя копіи; фотографіи, снятыя при разныхъ видахъ искусственнаго свѣта; примѣненіе свѣтописи въ различныхъ отрасляхъ науки и техники; діапозитивы съ примѣненіемъ ихъ къ оптическимъ фонарямъ и стереоскопамъ; фотографіи на фарфорѣ, шелку, целлюлоидѣ, холстѣ, деревѣ, кости и желѣзѣ; примѣненіе фотографіи къ печатному дѣлу; затѣмъ всякія принадлежности къ фотографическимъ процессамъ, какъ то: объективы, фотометры, камеры, стативы, затворы, предметы фотографической обстановки, химическіе матеріалы, свѣточувствительныя пластинки, бумага и пленки; картоны и различные способы и матеріалы для улучшенія отпечатковъ. За особо выдающіяся работы будутъ присуждены

награды экспертной комиссіей, избранной общимъ собраніемъ V отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Распорядительный комитетъ разсылаетъ къ извѣстнымъ ему дѣятелямъ по свѣтописи приглашенія съ приложеніемъ правилъ къ участію на выставкѣ 1894 года. Конечно, многія лица, занимающіяся фотографіею въ Россіи, въ качествѣ профессіоналовъ и любителей, не получатъ приглашенія по неизвѣстности ихъ мѣстожительства; но лица эти, если пожелаютъ принять участіе въ выставкѣ, могутъ письменно обратиться въ распорядительный комитетъ фотографической выставки, по адресу: *С.-Петербургъ, Пантелеймоновская улица, № 2.* Комитетъ немедленно вышлетъ имъ „Положеніе“ и „Правила“ о выставкѣ, а также и накладныя.

—

Въ **гатчинскомъ** общественномъ собраніи состоялась серія представленій труппы подъ управленіемъ артистки В. И. Даниловой. Первый спектакль съ участіемъ г-жи Семеновой и г. Волкова-Семенова ознаменовался успѣхомъ.

—

Драматическіе спектакли въ **Кронштадтѣ**, устраиваемые г. Волконскимъ въ Коммерческомъ собраніи, продолжаютъ привлекать публику. Поставленная 27 декабря пьеса Гангофера и Марко Брозинера „Hochzeit von Valeni“ — „Свадьба въ Валени“ („Цыганка Занда“) — въ новомъ переводѣ г. Влад. М. и А. Морозова, сдѣлала полный сборъ. Роль Занды-цыганки съ успѣхомъ сыграна была г-жей Владиміровой. Но лучше всѣхъ былъ г. Сосновскій въ роли Чуку.

—

Общество благоустройства дачной жизни въ **Терріокахъ** намѣрено построить на принадлежащемъ ему мѣстѣ павильонъ съ заломъ и сценою, читальней и проч.

Провинціальная хроника.

Алатырь. Въ общественномъ клубѣ недавно состоялся любительскій спектакль съ благотворительною цѣлью. По этому поводу корреспондентъ „Волгаря“ говоритъ, что постановка такихъ спектаклей очень желательна, ибо представляетъ единственное осмысленное удовольствіе обывателей. Къ сожалѣнію, мѣстное общество разбилось на кружки и партійки, и это раздробило силы любителей сценическаго искусства.

Астрахань. Драматическое Товарищество подъ управленіемъ г. Лилина составляютъ г-жи Малевская—на роли драматическихъ героинь, Арнольди—на амплуа молодыхъ драматическихъ героинь и грандъ-кокетъ, Лялина—водевильная актриса, Рюмшина—комическая старуха, Медвѣдева—пожилыхъ грандъ-дамъ, Яковлева—вторыя роли, Шумѣева, Тиханова, Нелидова и Кастровская, Гг. Сарматовъ, Сабуровъ—фатъ и комикъ, Добровольскій—на комическія и характерныя роли, Лилинъ—комикъ-буффъ, Тихановъ, Рѣшимовъ, Зубовъ, Некрасовъ, Крамоловъ, Лангфельдъ и Лунинъ. Вся труппа на маркахъ, за исключеніемъ декоратора г. Зиновьева. Дѣла труппы идутъ пока хорошо. Такъ валоваго сбору сдѣлано съ 29 сентября по 28 октября—5418 р. 81 к. Всего марокъ въ труппѣ 3850. На каждую марку артисты получили по 53 к. За ноябрь мѣсяцъ марки возросли въ цѣнѣ до 60 к. Репертуаръ составляли слѣдующія пьесы: „Нина“, „Сорванецъ“, „Гроза“, „Семейныя тайны“, „Безъ вины виноватые“, „Соколы и Вороны“, „Мужъ знаменитости“, „Цѣпи“, „Оболтусы и вѣтрогоны“, „Свѣтитъ да не грѣетъ“, „Расточитель“, „Послѣдняя воля“, „Послѣдняя жертва“, „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, „Нищіе духомъ“, „Дочь вѣка“, „Въ селѣ Знаменскомъ“, „Блуждающіе огни“, „Тяжелые дни“, „Доходное мѣсто“, „Гамлетъ“, „Друзья-пріятели“, „Злобадня“, „Убійца Теодора“, „Праздничный сонъ до обѣда“, „Сумасшествіе отъ любви“, „Коварство и любовь“, „Въ горахъ Кавказа“, „Не все коту масляница“. Изъ новыхъ піесъ поставлены „Клубъ велосипедистовъ“, „Игра въ любовь“, „Честь“, „Расплата“. Спектакли даются по вторникамъ, четвергамъ, пятницамъ, воскресеньямъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ даются утренніе спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ и съ безплатной раздачей билетовъ учащимся. Наибольшимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ пользуются г-жи: Малевская, Андросова, Рютшина, Лялина, и гг.: Сарматовъ, Добровольскій, Лилинъ, Сабуровъ и Тихановъ.

Баку. 30 ноября въ театрѣ Тагіева праздновалъ бенефиснымъ спектаклемъ 25-ти-лѣтній юбилей своей дѣятельности артистъ и режиссеръ оперетточной труппы Н. А. Біязи. Поставлена была оперетка г. Опочинина „Автоматъ“.

Бердянскъ. 17-го октября открылись драматическіе спектакли труппы подъ управленіемъ г. Михайлова-Муравьева. Въ составъ труппы входятъ слѣдующія лица: Г-жи Свѣтлова, Сокольская, Сѣверская, Доммессъ, Северина, Новикова, Дагмарова и Муравьева. Гг. Михайловъ-Муравьевъ, Федоровъ-Рогожинъ, Далидинъ, Либаковъ-Ильинъ, Платоновъ, Ефремовъ, Масинъ, Дагмаровъ, Монаховъ и Даниловъ. Всего сыграно 15 спектаклей. Репертуаръ слѣдующій: „Соколы и Вороны“, „Гувернеръ“, „Преступница“, „Свадьба Кречинскаго“, „Въ старые годы“, „Глухонѣмой“, „Судебная ошибка“, „Двумужница“, „Дармоѣдка“, „Чужое имя“, „Откуда сыръ-боръ загорѣлся“, „Блуждающіе огни, „Парижскіе нищіе“, „Испорченная жизнь“, „Вторая молодость“. Валоваго сбора взято 1560 р. Вечероваго расхода 55 р. Товариществомъ получило по 20 к. на рубль.

Богородскъ, Московской губ. 19-го декабря въ помѣщеніи собранія приказчиковъ при фабрикѣ компаніи Богородско-Глуховской мануфактуры состоялся второй народный спектакль, въ которомъ была повторена пьеса „Костромскіе лѣса“, драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Полевого. Въ заключеніе исполненъ былъ эпилогъ изъ „Жизни за Царя“.

Брестъ-Литовскъ. Съ осени прошлаго года кружкомъ любителей дано нѣсколько спектаклей съ благотворительной цѣлью. Въ послѣднее время открыта дешевая столовая, которая доходами со спектаклей не только можетъ существовать, но и расширить свои дѣйствія.

Варшава. 29-го ноября скончался Леопольдъ Матушинскій, артистъ и режиссеръ варшавской оперы. Леопольдъ Матушинскій родился въ Варшавѣ въ 1820 г. Пробывъ два года въ варшавской театральной школѣ пѣнія, весною 1841 года онъ выступилъ въ „Сомнамбулѣ“ Беллини и затѣмъ въ „Цампѣ“ Герольда. Послѣ того, какъ теноръ Добрскій вышелъ изъ варшавской оперы, Матушинскій съ большимъ успѣхомъ замѣнилъ его во многихъ роляхъ. Въ 1852 г. покойный занялъ должность режиссера оперы и исполнялъ ее до іюля 1893 г., пока болѣзнь не принудила его оставить должность. Познанія покойнаго не ограничивались одной сценой и музыкой; онъ владѣлъ русскимъ, польскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками. Въ продолженіе своей сорокалѣтней режиссерской дѣятельности Матушинскій поставилъ на сцену болѣе ста оперъ и многія либретто ихъ перевелъ на польскій языкъ.

Готовятся къ постановкѣ на сценѣ Варшавскаго театра слѣдующія пьесы: „Коржикевичъ и К°“, ком. въ 3 д. Іорданъ-Венявскаго; „Сказки“, пьеса въ 3 д. М. Балуцкаго и одноактныя: „Это кто“ Любовскаго, „Фотографія Ендруся“ и „Съѣздъ пріятелей“—Прибыльскаго.

14-го минувшаго октября Высочайше разрѣшено Варшавскому музыкальному Обществу устроить, на его счетъ, по составленному чертежу, чугунный памятникъ композитору Ор. Шопену, въ деревнѣ Желязовая Воля, Сохачевскаго уѣзда, Варшавской губерніи, въ паркѣ передъ домомъ, гдѣ родился композиторъ. По проекту памятникъ представляетъ чугунный обелискъ, на каменномъ фундаментѣ, съ бюстомъ композитора, увѣнчаннымъ лавровымъ вѣнкомъ и лирою.

Воронежъ. Въ городскомъ театрѣ, въ спектакль 25 ноября, съ представителемъ драматическаго Товарищества г. Медвѣдевымъ произошло большое несчастье. Въ роли разбойника Швейцера („Разбойники“ Шиллера) онъ такъ неудачно выстрѣлилъ въ себя, что нанесъ себѣ серьезную рану.

Гельсингфорсъ. Для русскаго Александровскаго театра (дирекція А. М. Семибратова) составлена слѣдующая труппа: г-жи Стрѣльская, Муравская, Иларова, Корсакъ, Карская; гг. Строителевъ, Аяровъ, Пальмивъ, Егоровъ, Печоринъ, Дмитревскій, Востоковъ, Андреевъ и др. Спектакли открылись „Каширской стариной“. Пьеса прошла съ ансамблемъ; срепетовка и знаніе ролей—вполнѣ удовлетворительные. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г. Строителева, исполнявшаго роль старика Коркина, и г-жи Стрѣльской (Марьица). На 2-й спектакль была поставлена комедія „Лѣсъ“ съ г. Строителевымъ и г. Печоринымъ въ роляхъ Несчастливцева и Счастливцева. Въ общемъ труппа, какъ видно, имѣетъ успѣхъ у той, къ сожалѣнію, немногочисленной публики, которая посѣщаетъ русскій театръ.

Гомель. Труппа подъ управленіемъ г. Сищевскаго не имѣетъ здѣсь почти никакого успѣха. По словамъ „Минскаго Листка“, средній сборъ равняется всего только 60 р. Причинами этого является, во-первыхъ то, что мѣстная публика предпочитаетъ оперетку драмѣ, а во-вторыхъ, незатѣйливая обстановка и недостатки плохосрепетованной труппы.

Въ Екатеринбургѣ въ театрѣ П. П. Медвѣдева дѣла оперетки плохи.

Екатеринославъ. Харьковское драматическое Товарищество закончило свои гастроли. Изъ интересныхъ новинокъ были поставлены: „Родина“ Зудермана, „Флиртъ“, „Расплата“ и „Изломанные люди“. Пьесы прошли съ довольно дружнымъ ансамблемъ. Несмотря на очень хорошіе сборы, Товарищество заработало только 50 к. на рубль. Причина та, что такой маленькій сравнительно городъ, какъ Екатеринославъ не можетъ окупить громадной Харьковской труппы.

Елецъ. Вечера Елецкаго музыкально-драматическаго кружка пользуются сочувствіемъ мѣстной публики. Второй вечеръ кружка, данный 1-го декабря, былъ такъ же удаченъ, какъ и первый. Вечеръ состоялъ изъ музыкальнаго и литературнаго отдѣленій. Изъ исполнителей выдѣлились г-жи М. М. Ахилло, Н. М. Ветчинкина, О. Я. Булатова и В. А. Гурвичъ.

Казань. Техническое Общество рѣшило открыть въ январѣ безплатную рисовальную школу.

— Оперное Товарищество Н. В. Унковскаго съ началомъ весенняго сезона предпринимаетъ поѣздку по приволжскимъ городамъ. Свой маршрутъ Товарищество начнетъ съ Казани. Въ репертуаръ войдутъ новинки современной оперной сцены.

— Въ Казани предстоитъ открытіе новаго общества любителей изящныхъ искусствъ, которое будетъ преслѣдовать цѣли всесторонняго эстетическаго развитія. Въ кругъ задачъ общества войдутъ: музыка вокальная и инструментальная, сценическое искусство, живопись и проч.

Камышинъ. Кружокъ любителей драматическаго искусства открылъ въ нынѣшнемъ сезонѣ спектакли 21 ноября постановкою „Лакомаго кусочка“ и „Дуэли“. Спектакль былъ удаченъ и по исполненію, и по сбору, давшему около 200 руб. Спектакли даются въ помѣщеніи общественнаго собранія, которое, благодаря спектаклямъ любителей, имѣетъ порядочную библіотеку.

Кельцы. Зимній сезонъ открылся любительскимъ концертомъ съ благотворительною цѣлью, состоявшимся 21 ноября. Въ концертѣ приняли участіе пріѣзжіе изъ Варшавы любители музыки С. Н. Кузнецова, С. П. Гончаренко и П. И. Коссовичъ, а также и мѣстные любители. Сборъ отъ концерта превысилъ 300 рублей.

Кіевъ. Г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, по ходатайству г. Соловцева, разрѣшена къ постановкѣ на сценѣ Кіевскаго драматическаго театра комедія графа Л. Н. Толстого „Плоды просвѣщенія“. Пьеса имѣла колоссальный успѣхъ и была разыграна съ прекраснымъ ансамблемъ. За три мѣсяца сезона (съ 15-го сентября по 15-е декабря) Н. Соловцовъ взялъ болѣе 43,000 валового сбора, безъ вѣшалки и программъ. На весну труппа отправляется въ Одессу, имѣя въ репертуарѣ: „Плоды просвѣщенія“, „Игру въ любовь“ и „Севильскаго цирюльника“.

— Съ 1 сентября по 15 ноября въ городскомъ театрѣ дано было 58 спектаклей, валовой сборъ съ которыхъ составилъ около 50 тыс. руб., а въ среднемъ на каждый спектакль выпало около 850 руб. сбора. Сборамъ каждаго изъ спектаклей ведется правильный контроль городскою управой. Наибольшее число представленій выдержали „Паяцы“ и „Евгеній Онѣгинъ“.

— 26 ноября, въ бенефисъ М. П. Велизарій, шло „Общество поощренія скуки“ и „Іоланта“. Сбору было 1046 руб.

27 декабря скончался въ Кіевѣ извѣстный антрепренеръ *І. Я. Сѣтовъ*, бывшій артистъ Императорскихъ театровъ. Венгерецъ по происхожденію (Сетгофъ), русскій по воспитанію, итальянецъ по методѣ пѣнія, Сѣтовъ, до появленія на русскихъ сценахъ, пѣлъ въ небольшихъ театрахъ Италіи и Франціи. Въ Петербургѣ онъ явился въ 1855 году, въ неблагопріятное для русской оперы время властнаго господства итальянцевъ. Отечественная опера влачила грустное существованіе въ театрѣ-циркѣ, гдѣ акустическія условія оставляли очень многаго желать. Не смотря на такую неблагопріятную обстановку дебюта, онъ удался какъ нельзя лучше: выступивъ въ „Лючіи“, лучшей роли тогдашняго божка Кальцолари, Сѣтовъ имѣлъ большой успѣхъ. Голосъ Сѣтова былъ не силенъ и по тембру не изъ пріятныхъ; но пѣлъ Сѣтовъ съ большимъ умѣньемъ, яркой выразительностью и актеръ былъ превосходный. Съ неменьшимъ успѣхомъ выступалъ онъ затѣмъ въ „Страделлѣ“, „Лукреціи-Борджіа“, „Невѣстѣ-лунатикѣ“ и скоро сдѣлался любимцемъ публики: театръ былъ всегда полонъ на его представленіяхъ. Прослуживъ на петербургской сценѣ сравнительно недолго, онъ перешелъ въ Москву, гдѣ выказалъ себя не только отличнымъ пѣвцомъ и опернымъ режиссеромъ, но и прекраснымъ учителемъ: съ 1866 по 1868 г. онъ былъ профессоромъ пѣнія въ Московской консерваторіи. Затѣмъ онъ снова перешелъ въ Петербургъ, а въ 1874 г. оставилъ казенные театры, создавъ цѣлую вереницу художественно задуманныхъ и силь-

но выполненныхъ сценическихъ образовъ. Среди нихъ Элеазаръ, Мазаньело--неизгладимы изъ памяти хотя бы разъ видѣвшихъ Сѣтова въ „Жидовкѣ“ и „Фенеллѣ“; къ тому же времени относится начало частной дѣятельности покойнаго, весьма плодотворной для развитія театральнаго дѣла въ Россіи и подготовившей цѣлую плеяду выдающихся оперныхъ и опереточныхъ артистовъ. Большой знатокъ театра, умный и всесторонне образованный человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ режиссеровъ, Сѣтовъ умѣлъ находить дарованія и давать имъ солидное направленіе. Въ качествѣ антрепренера І. Я. подвизался въ Петербургѣ, имѣлъ въ Москвѣ оперетку въ Шелапутинскомъ театрѣ, давалъ спектакли въ Петровскомъ театрѣ, одинъ сезонъ держалъ одесскій городской театръ; но большую часть антрепренерской дѣятельности онъ посвятилъ Кіеву, гдѣ имя его было страшно популярно. Сѣтовъ часто терпѣлъ убытки, но не было случая, чтобъ онъ не расплатился, и въ тоже время онъ—чуть ли не единственный изъ антрепренеровъ, сумѣвшій пріобрѣсти приличное состояніе. Скончавшись въ глубокой старости (ему было не меньше 75 лѣтъ), онъ до послѣднихъ дней своей хлопотливой жизни всегда казался несравненно моложе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Собесѣдникъ онъ былъ презанимательный: онъ такъ много на своемъ вѣку видѣлъ и слышалъ; ему было что поразсказать. Разсказывать же онъ былъ большой мастеръ; рѣчь его лилась безъ устали, пересыпанная характерными прибаутками, остротами, проникнутая юморомъ. И при этомъ вся его крѣпкая, бодрая фигура, его подвижное лицо съ бисмарковскими усами жили въ полномъ смыслѣ слова,—такія же неугомонныя и неутомимыя, какъ онъ самъ, этотъ симпатичный и даровитый человѣкъ.

— 26-го ноября скончался оперный артистъ (теноръ) С. А. Каннихъ, по сценѣ *Самойловъ*. Кромѣ Кіева покойный выступалъ на сценахъ Одессы, Тифлиса и Саратова.

Козловъ (Тамбов. губ.). Въ здѣшнемъ коммерческомъ клубѣ есть театральный залъ съ крошечной сценой, дающій сбора болѣе 200 р. по небольшимъ цѣнамъ. Здѣсь то подвизаются иногда заѣзжіе артисты и мѣстные любители, которые почему то дѣлятся на два кружка, носящіе названіе „городскіе“ и „желѣзнодорожники“, конкурирующіе между собою. 6-го декабря состоялся спектакль „желѣзнодорожниковъ“, съ участіемъ профессіональнаго актера г. Строителева. Поставлено было: „Въ бѣгахъ“ и „Предложеніе“; спектакль въ общемъ прошелъ слабо, любители не знали ролей, путали выходы.

Съ 28-го ноября дано нѣсколько спектаклей малороссами г. Мирова-Бедюха при хорошихъ сборахъ.

Курскъ. Съ 26-го декабря въ зимнемъ театрѣ до Великаго поста будетъ играть драматическое Товарищество артистовъ съ Е. Н. Горевой во главѣ, подъ управленіемъ актера П. П. Струйскаго.

Ливны. Первый спектакль Ливенскаго драматическаго кружка былъ данъ 28 ноября. Поставлена была комедія Островскаго „Доходное мѣсто“. Публики собралось очень мало.

Либава. Здѣшнее Товарищество драматическихъ артистовъ прекратило свое существованіе послѣ пятаго спектакля, въ виду того, что сборы не доходили до 100 рублей, при громадныхъ расходахъ. Часть труппы разъѣхалась. За все время было поставлено 5 спектаклей: 1) „Пѣснь горя“ и вод. „На узелки“ (сборъ 88 руб.); 2) „Мужья одолѣли“ и вод. „Съ мѣста въ карьеръ“ (сборъ 40 руб.); 3) „Безъ вины виноватые“, вод. „Герой нашего времени“ (сборъ 50 руб.); 4) „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, вод. „Прежде скончались, потомъ повѣнчались (сборъ 87 руб.); 5) „Горькая судьбина“, вод. „Мышеловка“ (сборъ около ста руб.).

Маріуполь. Въ составъ мѣстной труппы приглашены новые артисты и артистки: г-жи Сталь и Вернье, гг. Истоминъ и Дьяченко. Въ качествѣ гастролера выступитъ г. Россовъ.

Минскъ. Драматическая труппа подъ управленіемъ г. Галицкаго заканчиваетъ свои спектакли въ Минскомъ театрѣ 21-го декабря и переѣзжаетъ въ Вильно. Въ Минскъ же прибудетъ изъ Вильны оперная труппа.

— Въ спектакляхъ труппы подъ управленіемъ г. Галицкаго принималъ участіе въ качествѣ гастролера г. Петипа.

Митавскому латышскому Обществу разрѣшено устройство въ 1895 году латышскаго вокально-музыкальнаго празднества по случаю 100-лѣтія со времени присоединенія Курляндіи къ Россіи. Въ празднествѣ разрѣшено принять участіе и лифляндскимъ латышскимъ пѣвческимъ и музыкальнымъ Обществамъ.

Нахичевань. Спектакли Общества любителей драматическаго искусства въ Нахичевани начались довольно удачно. 28 ноября данъ былъ второй спектакль („Лебединая пѣсня“ и „Сыщикъ“), Въ общемъ собраніи членовъ Общества было ассигновано 1000 рублей на приглашеніе артистокъ и артистовъ для участія въ спектакляхъ Общества. По этому поводу „Приаз. Край“ замѣчаетъ, что изъ этой суммы слѣдовало бы отдѣлить небольшую часть на пріобрѣтеніе декорацій и вещей для сцены, которая обставляется весьма бѣдно. Спектакли Общества усердно посѣщаются публикой.

Одесса. Изъ отчета Одесскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества за время съ 1-го сентября 1892 г. по 1-е сентября 1893 г. видно, что число членовъ увеличилось и выразилось въ цифрахъ: 2 почетныхъ, 73 дѣйствительныхъ и 28 посѣтителей. Число учениковъ съ 106 увеличилось до 167. Общій расходъ составилъ 18,535 руб. 22 коп.

— Въ Одессѣ съ большимъ успѣхомъ начала свои гастроли опереточная труппа, въ составѣ которой находятся: г-жи Смолина и Кестлеръ, гг. Долинъ и Шиллингъ. Первый спектакль далъ 1480 р., второй — 890 р., третій — 420 р. и четвертый — 540 р. Аренды за театръ платится поспектакльно 226 р. Съ 26-го декабря начнутся драматическіе спектакли при участіи М. И. Иванова-Козельскаго, приглашеннаго уже г. Киселевичемъ на гастроли.

— Второй спектакль, устроенный 28-го ноября въ городской аудиторіи Славянскимъ Обществомъ привлекъ огромное количество публики. Комедія „Не въ свои сани не садись“ разыграна была любителями чрезвычайно дружно. Публика, состоявшая изъ простого класса населенія, прослушала спектакль въ высшей степени внимательно. Къ сожалѣнію, Славянское Общество, по словамъ „Од. Нов.“ не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы давать чаще такія разумныя развлеченія народу.

Кіевская драматическая труппа Н. Н. Соловцова съ Пасхи весь весенній сезонъ будетъ играть въ Одессѣ.

Итоги дѣятельности городского театра за ноябрь мѣсяцъ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ. Дано было 25 оперныхъ представленій, доставившихъ валового сбора около 32,350 руб. или среднимъ числомъ около 1300 рублей за спектакль

(полный сборъ равняется 2100 руб.) Въ число этихъ спектаклей входили спектакли по увеличеннымъ цѣнамъ съ участіемъ г-жи Борги. Сравнительно съ октябремъ мѣсяцемъ сборы увеличились тысячи на двѣ рублей).

По словамъ „Kurjer Warszawski", на-дняхъ умерла Ванда Винтковская, дочь покойнаго Аполинарія Конскаго, знаменитаго музыканта, основателя и директора варшавской консерваторіи. Ванда Винтковская также была извѣстная артистка и съ громаднымъ успѣхомъ давала концерты лѣтъ 25 тому назадъ.

Пермь. Очень хорошія дѣла здѣшняго театра зависятъ отъ слѣдующей мѣры, которою антрепренеръ г. Максимовъ облегчилъ публикѣ доступъ въ театръ. Введены въ употребленіе чековыя книжки, по которымъ каждый изъ мѣстныхъ служащихъ въ какихъ-либо учрежденіяхъ можетъ брать когда угодно билетъ въ театръ или нѣсколько со скидкою 10% при чемъ деньги уплачиваются по истеченіи мѣсяца; кромѣ того антрепренеромъ принятъ на себя и благотворительный сборъ, такъ что въ общемъ приходится скидки съ цѣны на мѣсто около 20%.

Сл. Покровская. Въ слободѣ Покровской (близъ Саратова) зимній сезонъ предполагаетъ давать спектакли Товарищество драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ г. Холмина. Помѣщеніе для театра приспособлено въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Распорядителями спектакля будутъ гг. Холминъ и Мосоловъ.

Полтава. Товарищество драматическихъ артистовъ съ М. С. Савиной во главѣ за первый мѣсяцъ заработало 8 копѣекъ на рубль.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ музыкальнаго Общества въ **Ригѣ.**

Ростовъ-на-Дону. 22-го декабря скончался послѣ продолжительной болѣзни извѣстный провинціальный актеръ и антрепренеръ *Георгій Михайловичъ Черкасовъ* (Сохновскій). Покойный былъ сыномъ помѣщика Полтавской губерніи, посѣщалъ харьковскій университетъ, но, по семейнымъ обстоятельствамъ не окончивъ полнаго курса наукъ, отдался всецѣло сценической карьерѣ. Черкасовъ игралъ вначалѣ во многихъ провинціальныхъ городахъ. Въ 1873году онъ былъ представителемъ драматическаго Товарищества въ Николаевѣ, а по выходѣ изъ Товарищества участвовалъ съ большимъ успѣхомъ въ спектакляхъ народнаго театра въ Москвѣ. Г. М. былъ даровитымъ комикомъ; изъ обширнаго репертуара лучшими ролями его считались: Расплюевъ („Свадьба Кречинскаго"), Репетиловъ („Горе отъ ума"), Никашка („Горькая судьбина") и др. Съ 1883 года Черкасовъ посвятилъ себя исключительно антрепренерской дѣятельности, держалъ театры въ Симферополѣ, Севастополѣ, Екатеринославѣ, Новочеркасскѣ и Астрахани и велъ свои дѣла вообще умѣло и добросовѣстно. Въ 1887 году Г. М. снялъ театръ г. Асмолова, въ Ростовѣ-на-Дону. Первые сезоны Черкасовъ держалъ драму и оперетку; три послѣдніе года у него была исключительно русская опера, которая обставлялась солидными артистическими силами.

Послѣ отъѣзда малорусской труппы г. Садовскаго, въ театрѣ Любова начались спектакли опереточной труппы подъ управленіемъ г. Рудзевича.

Среди служащихъ на Владикавказской желѣзной дорогѣ существуетъ кружокъ любителей драматическаго искусства. Кружокъ предполагаетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ дать рядъ спектаклей въ одной изъ удобныхъ для этого залъ, занимаемыхъ службами управленія. 28 ноября музыкальный кружокъ служащихъ той же дороги устроилъ концертъ, посвященный памяти П. И. Чайковскаго, состоявшій исключительно изъ произведеній покойнаго композитора.

Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ И. Е Самарина и г. Житова открыло свои спектакли въ **Рязани,** во вновь отдѣланномъ Городскомъ театрѣ съ 17-го декабря. Театръ снятъ у города г. Хоржановскимъ на 12 лѣтъ. Открытіе состоялось пьесой „Горе-злосчастье" съ участіемъ въ роли Рожнова г. Самарина, въ роли Ольги Павловны—г-жи Варинской, Горошкина—г. Житова, Марьюшки—г-жи Алексѣевой Гг. Самаринъ, Житовъ, Алексѣева имѣли значительный успѣхъ. Въ слѣдующій спектакль шла комедія Н. В. Гоголя „Ревизоръ" (Хлестаковъ—г. Самаринъ, Осипъ—г. Мартыновъ, городничій—г. Боровскій). Въ составъ труппы вошли: гг.: Самаринъ, Вольфъ, Погуляевъ, Марковъ, Шуваловъ, Боровскій, Житовъ, Мартыновъ, Андреевскій, Вербинъ, Серполлети, Ярошенко, Орловъ, Болдыревъ, Дмитріевъ; гг-жи: Трояновская, Томашева, Варинская, Радовичъ, Зайцева 1-я, Алексѣева, Лаврова, Васильева, Стрѣшнева, Маркова, Линская, Зинина, Зайцева 2-я, Сарматова, Перова. Публика, долго не имѣвшая зимняго театра, охотно посѣщаетъ его и поэтому можно судить, что дѣла товарищества пойдутъ надежно.

Въ дополненіе къ напечатанному въ № 32-мъ нашего журнала некрологу артиста *П. И. Казанцева,* умершаго **въ Самарѣ,** добавимъ нѣкоторыя подробности, сообщенныя мѣстными газетами. Покойный, сынъ губернскаго архитектора Безсонова, родился 17-го сентября 1840 года. Дѣтство свое онъ провелъ въ Казани. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи П. И. поступилъ въ Казанскій университетъ по медицинскому факультету. Но страсть къ сценѣ заставила его, уже студента 3-го курса, 19 лѣтъ отъ роду бросить университетъ. П. И. убѣжалъ изъ Казани и, идя вмѣстѣ съ обозомъ, добрался до Оренбурга, гдѣ и поступилъ на сцену. Съ 1878 года начинается антрепренерская дѣятельность покойнаго—сначала въ Ростовѣ на Дону, затѣмъ въ Воронежѣ, Новочеркасскѣ, Ставрополѣ(Кавказскомъ), Николаевѣ, Оренбургѣ и др. городахъ. Его неудачная антреприза частнаго театра въ Петербургѣ была въ 1883-мъ году. Погребеніе П. И. Казанцева состоялось въ женскомъ Иверскомъ монастырѣ. Въ этотъ день въ самарскомъ театрѣ былъ отмѣненъ спектакль.

Саратовъ. 6-го декабря въ Саратовской земской больницѣ скончался артистъ малорусской сцены *И. Е. Бурлака.* Покойный долгое время служилъ въ извѣстной когда то труппѣ г. Старицкаго, пока она существовала. Амплуа его было комическія и характерныя роли. И. Е. Бурлака, какъ артистъ талантливый и опытный, представлялъ весьма полезную силу малорусскаго театра. Нынѣшній сезонъ покойный служилъ въ труппѣ г. Мирова-Бедюха. Умеръ онъ отъ гангрены кожи, окончившейся гнойнымъ зараженіемъ крови. Семья артиста осталась безъ всякихъ средствъ, и его не на что было похоронить; труппа же, къ которой онъ принадлежалъ, въ это время уже была далеко отъ Саратова. На похоронахъ И. Е. Бурлака пѣлъ хоръ мѣстной оперы. Уроженецъ Херсонской губерніи, покойный получилъ воспитаніе въ херсонской гимназіи, былъ учителемъ русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ на сцену, играя сначала при малороссійскихъ спектакляхъ въ русскихъ водевиляхъ.

— По сообщенію „Саратов. Листка", члены Товарищества получили на сторублевую марку: въ сентябрѣ—47 руб., въ октябрѣ—37 руб. и въ ноябрѣ—22 руб., а въ среднемъ около 35 коп. на рубль.

Симбирскъ. Какъ сообщаетъ „Волж. Вѣстн.",

формируются русскіе оперные спектакли съ 10 декабря на два мѣсяца. Организаторомъ спектаклей называютъ А. С. Раппорта.

23-го ноября, въ городскомъ театрѣ, былъ данъ спектакль любителей въ пользу недостаточныхъ учениковъ и учениць начальныхъ народныхъ училищъ г. Симбирска. Первой пьесой шла комедія Островскаго „На бойкомъ мѣстѣ“ и „Женихъ изъ долгового отдѣленія“ соч. Чернышева. Спектакль въ общемъ сошелъ гладко; роль Миловидова исполнялъ Н. П. Никитинъ. Жену Безсуднаго исполняла В. А. Калбукова и провела роль очень хорошо. Въ роли Аннушки А. И. Строгонова, въ первыхъ двухъ актахъ, была естественна. Роль Жука недурно сыгралъ В. А. Варламовъ, особенно ему удалась роль Ладыжкина. Объ остальныхъ исполнителяхъ ролей въ пьесѣ Островскаго: Непутевомъ (В. А. Тепловъ), его приказчикѣ Сенѣ (Н. А. Свѣшниковъ), Разоренномъ (Н. С. Руммель) и Гришкѣ (П. С. Кабановъ) можно сказать, что никто своей роли не испортилъ. Ѳ. П. Мачеваріановъ былъ хорошъ въ роли Чехина. Роль вдовы Грязовской исполнила Н. В. Бекъ. Счаднева игралъ В. Л. Прушакевичъ, они провели роли очень удачно.

Дѣла мѣстнаго театра находятся въ крайне плохомъ состояніи: напримѣръ, актриса, получающая 250 марокъ въ мѣсяцъ, за мѣсяцъ получила всего пять рублей или на каждую марку по двѣ копѣйки.

Симферополь. Пустовавшій въ прошлый сезонъ симферопольскій дворянскій театръ, давно уже выслужившій свой срокъ и мало отвѣчающій своему назначенію, сданъ дворянствомъ на этотъ сезонъ антрепренеру г. Томара, подобравшему очень посредственную и недорогую труппу, изъ состава которой выдѣляются молодая артистка г-жа Лаппо-Данилевская и гг. Лаптевъ и Лихтеръ, пользующіеся относительнымъ успѣхомъ. Репертуаръ театра—легкія комедіи и драмы — носитъ совершенно случайный характеръ, и исполненіе пьесъ въ общемъ не удовлетворяетъ требованіямъ мѣстной публики, избалованной въ послѣднее время пріѣзжими знаменитостями. Поэтому дѣла г. Томара въ матеріальномъ отношеніи очень плохи. Праздничные сборы въ 60 руб. — не рѣдкость. Есть слухи, что съ будущаго года дворянство передѣлываетъ театръ въ помѣщеніе для служащихъ дворянству. Тогда къ услугамъ публики на зимній сезонъ останется одна сцена въ Симферопольскомъ клубѣ, въ домѣ Шнайдера, но при такихъ условіяхъ существованіе въ городѣ постоянной труппы станетъ невозможнымъ.

Слободской. Первый въ нынѣшнемъ сезонѣ любительскій спектакль состоялся въ помѣщеніи манежа 21 ноября. Поставлены были двѣ комедіи: „Побѣдителей не судятъ“ и „Денежные тузы“. Большой успѣхъ имѣли изъ исполнителей г-жа Марасанова и г. Александровъ. Въ оркестрѣ также принимали участіе любители духовой музыки.

Слонимъ. Весь прошлый 93 годъ первое мѣсто относительно развлеченій у насъ занималъ любительскій кружокъ, устраивавшій спектакли съ благотворительной цѣлью. Временно наѣзжала малороссійская труппа г. Василенко, дѣлала большіе сборы, но успѣха особеннаго не имѣла. Изъ пьесъ, даваемыхъ кружкомъ любителей, болѣе выдающимися по исполненію были: „Семейные разсчеты“ (съ участіемъ г-жи Таировой), „Соколы и Вороны“, „Маіорша“, „Нищіе духомъ“ и „Женитьба“.

Смоленскъ. Съ 8-го декабря начались спектакли оперетточной труппы подъ управленіемъ г. Волховскаго. Труппа эта играла до сихъ поръ въ Витебскѣ, куда теперь перебралась изъ Смоленска драматическая труппа г. Волховскаго.

Ставрополь-Кавказскій. 9 декабря въ Зимнемъ театрѣ состоялся юбилейный спектакль и бенефисъ артиста В. Н. Кузнецова-Ершова. Въ этотъ день бенефиціантъ праздновалъ 25-тилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности.

Суджа. Городская дума постановила ассигновать 300 руб. на устройство памятника артисту М. С. Щепкину и рѣшила ту улицу, на которой будетъ поставленъ памятникъ, назвать именемъ Щепкина.

Сумы. По сообщенію „Южн. Края“, въ Сумахъ появился антрепренеръ, который придумалъ изъ пяти вмѣстительныхъ растворовъ бывшихъ когда-то лавокъ приспособить временное помѣщеніе театра, въ которомъ скоро и начнутся спектакли. Въ Сумахъ, гдѣ такъ много учебныхъ и другихъ заведеній и вокругъ десятки заводовъ, не существуетъ постояннаго театра. Вопросъ объ этомъ поднимался не разъ, изыскивались и собирались средства на устройство театра, но не находилось до сихъ поръ энергичнаго предпринимателя.

Таганрогъ. 1 декабря начала въ городскомъ театрѣ свои спектакли труппа драматическихъ артистовъ подъ антрепризою г. Любова. Для открытія сезона поставлена была драма „Листья шелестятъ“. Составъ труппы слѣдующій: А. В. Токарева, Л. П. Петина, Е. А. Баранова, М. А. Микульская, О. С. Таманцева, М. Н. Самарова, М. М. Стеблинская, С. В. Балашова, В. А. Давыдова, В. Н. Шумина, А. Н. Семенова и др.; Е. В. Любовъ, В. Д. Муравлевъ-Свирскій, А. Н. Ягелловъ, Д. П. Владиміровъ, Н. К. Новиковъ-Аверкіевъ, К. И. Шуминъ, Д. Ф. Смирновъ, В. В. Кутыревъ, А. М. Никитинъ, И. П. Островскій, И. И. Семеновъ и др.

8 декабря въ мѣстномъ богоугодномъ заведеніи скончался отъ воспаленія мозга, осложнившагося изъ инфлюэнцы, артистъ драматической труппы Таганрогскаго театра *М. В. Волжанинъ*. Покойный, еще молодой человѣкъ, пользовался успѣхомъ, особенно въ поволжскихъ городахъ.

Тверь. Въ мѣстномъ общественномъ собраніи съ 17-го декабря начались спектакли малорусской труппы, подъ управленіемъ г. Мирова-Бедюхъ.

Темиръ-Ханъ-Шура. 25 ноября музыкально-драматическій кружокъ далъ съ благотворительною цѣлью спектакль въ частномъ театрѣ Парумбекова. Сыграны были „Золотая рыбка“ и „Бабье дѣло“ при участіи любительскаго оркестра.

Тифлисъ. 11 декабря въ Тифлисѣ послѣ продолжительной болѣзни скончался даровитый грузинскій беллетристъ *Александръ Михайловичъ Казбекъ*, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Мочхубаридзе.

Тула. Съ 26-го декабря въ мѣстномъ театрѣ-циркѣ, заново отдѣланномъ, предполагало открыть сезонъ Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ режиссерствомъ С. И. Томскаго.

Харьковъ. 22 декабря состоялось открытіе новаго зданія драматическаго театра Дюковой, устроеннаго на 1200 мѣстъ. Спектакль начался прологомъ въ стихахъ сочиненія Иванова; затѣмъ шло „Горе отъ ума“. Играетъ Товарищество дирекціи Форкатти.

Харьковскій большой закрытый театръ при садѣ „Тиволи“ снятъ на лѣтній сезонъ для оперетточныхъ представленій артистомъ русской оперы Г. Н. Васильевымъ-Ремовымъ.

Начальство Курско-Харьково Азовской желѣзной дороги, сочувствуя мысли объ устройствѣ театральныхъ представленій для рабочихъ въ помѣщеніи вагонныхъ мастерскихъ, предполагаетъ снабдить сцену необходимыми принадлежностями. Спектакли предполагается давать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. На станціи Люботинъ,

Харьково-Николаевской дороги, спектакли продолжаются. Масса рабочихъ сдѣлалась самыми усердными посѣтителями этихъ спектаклей. Низшимъ служащимъ, мастеровымъ и рабочимъ съ ихъ семействами предоставляется входъ безплатный.

Шавли, Ковенской губ. Здѣшняя драматическая труппа ведетъ свои дѣла вполнѣ удовлетворительно и, несмотря на очень трудныя условія, въ которыя поставленъ здѣсь театръ, были поставлены очень недурно слѣдующія пьесы: „На ловѣ природы“, „Соколы и вороны“, „Сорванецъ“, „Татьяна Рѣпина“, „Гроза“, „Маленькая война“, „Столичный воздухъ“, „Клятвопреступникъ“, „Откликнулось сердечко“ и нѣкоторыя другія.

Въ **Ярославлѣ** въ антрепризѣ г. Незлобина дѣла хороши.

Малорусскія труппы. Товарищество малорусскихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Садовскаго, сдѣлало блестящія дѣла въ Ростовѣ-на-Дону, въ театрѣ Любова. Особеннымъ успѣхомъ пользовались спектакли съ участіемъ г-жи Заньковецкой, а бенефисъ ея сопровождался самыми восторженными овраціями. Товарищество г. Саксаганскаго послѣ нѣсколькихъ спектаклей въ Аккерманѣ переѣхало въ Одессу, гдѣ съ 5 декабря начало представленія въ Новомъ театрѣ. Товарищество г. Пономаренко, въ которомъ участвуетъ и г. Кропивницкій, пользовалось успѣхомъ въ Минскѣ и Гомелѣ. Товарищество г. Мирова-Бедюха подвизалось также съ успѣхомъ въ Саратовѣ, въ Очкинскомъ театрѣ, затѣмъ переѣхало въ Козловъ, а оттуда предполагаетъ отправиться въ Воронежъ. Товарищество г. Деркача съ 1 декабря появилось въ Парижѣ.

Одинъ изъ читателей „Церковнаго Вѣстника“ задаетъ вопросъ: „Слѣдуетъ ли, по просьбѣ, служить молебенъ для труппы актеровъ предъ началомъ ихъ дѣятельности или сезона и, если слѣдуетъ, то какой?“ Редакція церковной газеты отвѣчаетъ: „Совѣсть вопрошающаго, очевидно, смущается тѣмъ, что приходится просить благословенія Божія на дѣятельность, съ церковной точки зрѣнія, — зазорную?!.. Но, во-1-хъ, современный актеръ уже совсѣмъ не то, что былъ „позорищный“, противъ котораго такъ справедливо негодовали отцы церкви, а, во-2-хъ, какъ знать, не отниметъ ли благословеніе Божіе даже у злаго дѣла его злобу и дѣятельность недобрую не приведетъ ли къ добрымъ послѣдствіямъ? А потому пусть не смущается вопрошающій и отслужитъ водосвятный молебенъ“.

Берлинъ. Новая комедія въ 3 д. Шницера „Die Grossmama“ (Бабушка) принята на сцену Schauspielhaus'a.

4 ноября (н. с.) безъ всякаго успѣха прошла на сценѣ Лессингъ-театра новая драма Р. Фосса „Arme Maria“ (Бѣдняжка Марія). Содержаніе драмы слишкомъ мелодраматично, а избитые пріемы автора, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, вызывали только смѣхъ у публики.

Новая пьеса Видмана „Jenseit von Gut und Böses“ (За границами добра и зла) съ успѣхомъ прошла на сценѣ „Berliner Theater“.

Новая драма Франца Оппенгаймера изъ жизни горцевъ подъ заглавіемъ „Föhn“ („Фэнъ“) безъ успѣха прошла на сценѣ „Residenztheater“.

Очень удачно прошли на сценѣ Лессингъ-театра четыре одноактныя новинки: „Моя новая шляпа“ Бернштейна, „Послѣ бала“ и „Наперекоръ“ Фрезенинга и „Осторожнѣе съ огнемъ“ Стриндберга.

Антуанъ Анно, извѣстный директоръ Резиденцъ-театра, скончался въ Берлинѣ.

Извѣстный лѣтній оперный театръ Кроля въ Берлинѣ прекращаетъ свое существованіе. Это роскошное помѣщеніе переходитъ въ другія руки.

„Шиллеровскій театръ“ въ Берлинѣ является, повидимому, предпріятіемъ близкимъ къ осуществленію. Для приведенія въ исполненіе намѣченныхъ подробностей избранъ комитетъ, въ составъ котораго вошли проф. Ферстеръ, главный режиссеръ королевскаго театра Грубе, драматургъ Зу-

дерманъ и другіе представители берлинской интеллигенціи. Театръ получитъ, вѣроятно, правительственную субсидію.

„Новый берлинскій театръ“ праздновалъ постановку въ сотый разъ пьесы молодого драматурга Гальбе „Юность“.

Пьеса Зудермана „Родина“ выдержала въ теченіе года въ Берлинѣ сто представленій.

Существуетъ уже остроумно написанная пародія на „Паяцы“, которая пользуется въ Берлинѣ большимъ успѣхомъ. Леонковалло, во время послѣдняго своего пребыванія здѣсь, присутствовалъ при представленіи ея.

Второй концертъ берлинскаго филармоническаго хороваго общества (27 дек.) отмѣченъ мѣстною критикою, какъ одинъ изъ интереснѣйшихъ въ сезонѣ. Главными номерами программы были: шестиголосный хоръ съ аккомпаниментомъ оркестра „Der Mensch und das Leben“ д'Альбера, „Te-deum“—Антона Брукнера и рядъ композицій Гуго Вольфа. Сочиненія д'Альберта и Вольфа имѣются пока еще только въ рукописи. Они имѣли наибольшій успѣхъ.

Г-жа Маркова, лауреатка петербургской консерваторіи, выступила въ Берлинѣ, въ своемъ концертѣ, съ большимъ успѣхомъ.

Въ залѣ Singacademie въ Берлинѣ, въ концертѣ пѣвицы г-жи Ниссенъ (въ первыхъ числахъ декабря), участвовала московская піанистка г-жа Роза Сударская-Меерсонъ. Въ трудномъ этюдѣ г. Шлецера (es-dur) и въ парафразѣ г. Пабста на мотивы „Евгенія Онѣгина“ артистка вполнѣ обнаружила свою блестящую технику. Спустя нѣсколько дней она концертировала съ такимъ же успѣхомъ въ Дрезденѣ, гдѣ между прочимъ исполняла концертъ (b-moll) Чайковскаго.

Приводимъ списокъ новыхъ пьесъ, которыя готовятся къ постановкѣ въ **Германіи:** „Auf Triburg und Rodek“ („На Трибургѣ и Родекѣ“) Клауса Ассена принята на сцену Lessingtheater въ Берлинѣ. Новая драма Л. Адлера „Das Friedendenkmal“ („Памятникъ миру“) окончена недавно; драма Г. Бруно „Rache“ („Месть“) поставлена во Франкфуртѣ на М.; Гангхофера „Вакханка“ пойдетъ на сценѣ вѣнскаго „Volkstheater“; Гьеллерупа „Wuthorn“ появилась въ печати; Лебеля „Die Weisheit der Aspasia“ („Мудрость Аспазіи“); Люблинера „Die hohe Schule“ („Высшая школа“) и Мантау „Die Unterschlagung“ закончены и готовятся къ постановкѣ.

Силезіусъ окончилъ новую пьесу „Sie ist Stumm“; которая пойдетъ на сценѣ Берлинскаго Schauspielhaus'a.

В. Вайгандъ написалъ двѣ новыя пьесы: драму „Der neue Adel“ („Новое дворянство“) и „Der Wahlkandidat“.

Вольцогена и Миша комедія „Фениксъ“ пойдетъ въ Берлинѣ. „Der Tugendwächter“ пьеса, заимствованная Цабеллемъ изъ „El major imposibile“ Лопе де Вега, пойдетъ на сценѣ Schauspielhaus въ Берлинѣ.

Большой, красивый „Globe - Theatre“ въ **Бостонѣ** сгорѣлъ до тла 20 декабря. Весь богатый сценарій, принадлежащій товариществу *Ganlon*, сдѣлался жертвою пламени. Убытокъ, помимо инвентаря названнаго товарищества, слишкомъ въ 500000 долларовъ. Причина пожара — папироска, забытая въ уборной.

„Власть тьмы“, поставленная въ **Венеціи** на сценѣ театра Россини, произвела до того сильное впечатлѣніе, что ее давали подрядъ цѣлую недѣлю ежедневно.

„Clara Dettin“, новая опера, текстъ и музыка М. Мерцера Ольберслебена, съ успѣхомъ прошла на сценѣ въ **Веймарѣ**.

Въ **Вѣнскомъ** оперномъ театрѣ состоялось 400-е представленіе „Волшебной флейты“ Моцарта. Первое представленіе оперы было 24 января 1801 года.

Одноактная „Dramenstoff“. Ф Цобелица принята на сцену вѣнскаго Резиденцъ-театра.

„Das Märchen“ Шницлера принята на сцену вѣнскаго Volkstheater.

Шентана „Zirkusleute“ (Акробаты) пойдетъ въ Прагѣ, въ Нѣмецкомъ театрѣ и въ Лондонѣ въ New theatre.

Вильбрандта „Heigan“ принята на сцену Бургтеатра въ Вѣнѣ.

Въ Вѣнской Raimund theater готовится къ постановкѣ „Die Liebe von Heute“ (Нынѣшняя любовь) Миша. Сахса „Габріелле Марко пойдетъ на сценѣ Берлинскаго National theater.

Карлъ Гольдмаркъ сочинилъ новую симфоническую поэму „Sapho“, имѣвшую въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ большой успѣхъ.

Опера „Паяцы“, какъ извѣстно, обошла въ настоящее время почти всѣ европейскія оперныя сцены. Популярность этого произведенія дала нѣкоему остроумному автору мысль написать пародію на „Паяцовъ“. Пародія эта была недавно поставлена съ успѣхомъ въ **Грацѣ**. Музыка Леонковалло пародируется разными оперными и опереточными мотивами и вѣнскими народными пѣсенками. Что же касается текста оперы, то таковой замѣненъ въ пародіи пантомимою.

„Власть тьмы“, гр. **Л.** Толстого, продолжаетъ пользоваться полнымъ успѣхомъ въ Италіи. Вслѣдъ за Римомъ, Туриномъ, Миланомъ и Венеціею ее дали въ **Генуѣ**, на сценѣ театра Паганини. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ объ этой драмѣ одинъ изъ итальянскихъ журналовъ („Mondo artistico): „Власть тьмы“—великолѣпная картина жизни русскихъ крестьянъ, ихъ достоинствъ, пороковъ, предразсудковъ, преступленій. Это картина, въ которой нѣтъ ни одной ошибочной линіи или ошибочнаго оттѣнка; событія развиваются логически, естественно, необходимо, хотя и неожиданно. Самая катастрофа, столь неожиданная, столь новая, столь отличающаяся отъ всякихъ предположеній, совершенно правдива и логична. Можно было бы сказать, что великій писатель не сочинилъ своей драмы, а просто нашелъ ее готовою въ какой-нибудь русской деревнѣ и перенесъ ее на сцену—до того она объективна“. Затѣмъ журналъ говоритъ, что всѣ дѣйствія были прослушаны публикою „съ религіознымъ вниманіемъ“ и имѣли полный успѣхъ; четвертое дѣйствіе, въ особенности великолѣпной фактуры, вызвало ураганъ рукоплесканій“. При этомъ большія похвалы достаются на долю Эрмета Законе, исполнявшаго главную роль въ пьесѣ Толстого; этого актера критикъ приравниваетъ къ Сальвини.

Въ концѣ ноября, въ Генуѣ, скончалась русская драматическая актриса *Лидія Алексѣевна Тольская*, два года тому назадъ служившая на сценѣ театра „Скоморохъ“ въ Товариществѣ драматическихъ артистовъ и затѣмъ, прошлый зимній сезонъ, игравшая на сценѣ Нѣмецкаго клуба. Театральное образованіе покойная Л. А. Тольская получила въ московскомъ Филармоническомъ училищѣ П. А. Шостаковскаго.

Въ **Дармштадтѣ**, между прочими оркестровыми пьесами, исполнялась въ первый разъ увертюра „Сонъ на Волгѣ“ г. Аренскаго.

Въ репертуарѣ придворнаго опернаго театра въ **Дрезденѣ** прочнымъ успѣхомъ пользуются „Дѣти степей“—г. Рубинштейна, „Армида“ – Глука. Элеонора Дузе гастролировала здѣсь впервые съ блестящимъ успѣхомъ.

Во время рождественскихъ праздниковъ въ Дрез-

дѣ iѣ поставлена была чрезвычайно интересная нѣмецкая опера „Frauenlob“ Рейнгольда Беккера. Сюжетомъ ея служитъ извѣстный миннезенгеръ Генрихъ Фрауэнлобъ, котораго хоронили въ 1318 г. и гробъ котораго майнцкія женщины украшали цвѣтами и несли на рукахъ, орошая слезами, за то, что этотъ пѣвецъ-рыцарь въ пламенныхъ стихахъ отстаивалъ ихъ права. Либретто составлено очень удачно; музыка написана подъ вліяніемъ Вагнера.

Женева. Въ соборѣ св. Петра состоялся концертъ соборнаго органиста профессора Отто Барбланъ. Въ концертѣ принялъ участіе псаломщикъ русской церкви въ Женевѣ П. И. Спасовходскій съ своимъ хоромъ. Пользуясь случаемъ, г. Спасовходскій посвятилъ свой отдѣлъ памяти П. И. Чайковскаго, причемъ задался мыслью ознакомить публику съ неизвѣстными еще ей духовными произведеніями покойнаго композитора. Цѣль достигнута была вполнѣ. Оригинальные величественные напѣвы, особенно „Херувимская“, въ превосходномъ исполненіи хора произвели на публику глубокое впечатлѣніе. Русская женевская колонія также предполагала почтить память П. И. Чайковскаго музыкально-литературнымъ вечеромъ.

Кенигсбергская музыкальная академія, по случаю своего юбилея, пригласила А. Г. Рубинштейна дать три концерта въ Кенигсбергѣ. Въ первомъ была исполнена его ораторія „Потерянный рай“, а во второмъ симфонія d-moll, концертъ для фортопіано g-dur и нѣсколько пьесъ для фортопіано, сыгранныхъ авторомъ и г-жей Якимовской, его ученицей, а также романсы, спѣтые г-жей Жеребцовой и г. Цуръ-Мюленомъ. Концерты имѣли огромный успѣхъ.

Лейпцигъ. Максъ Фогрихъ, до сихъ поръ извѣстный какъ талантливый композиторъ пѣсенъ, написалъ большую оперу „König Artur“ и поставилъ ее на сценѣ въ Лейпцигѣ, но безъ успѣха.

Сынъ Рихарда Вагнера, г. Зигфридъ Вагнеръ выступитъ въ качествѣ дирижера въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ исполнитъ исключительно сочиненія Вагнера и Листа.

Въ послѣднемъ концертѣ въ Гевандгаузѣ, въ Лейпцигѣ, исполнялась пятая симфонія—Чайковскаго. Произведеніе имѣло большой успѣхъ.

Лондонъ. Московскій піанистъ г. Зилоти продолжаетъ концертировать за границей. Въ концѣ ноября и началѣ декабря онъ далъ цѣлую серію концертовъ въ Дармштадтѣ, Мюнхенѣ, Висбаденѣ и Франкфуртѣ. Мѣстная пресса всюду констатировала за г. Зилоти блестящій успѣхъ. Съ неменьшимъ успѣхомъ онъ недавно игралъ въ Лондонѣ.

— Въ началѣ 1893 года въ Лондонѣ возникло литературное Общество, поставившее себѣ цѣлью сближеніе двухъ великихъ государствъ—Англіи и Россіи. Цѣль эту Общество думаетъ осуществлять путемъ установленія связи между тѣми русскими и англичанами, которые посвятили свою дѣятельность изученію исторіи, литературы, научнаго и художественнаго творчества и экономическаго строя обѣихъ странъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1892 года, Э. А. Казалетъ прочелъ въ Лондонѣ лекцію, въ которой указывалъ на необходимость ближайшаго изученія Россіи, для чего онъ предложилъ учредить особое Общество въ Лондонѣ. На призывъ Э. А. Казалета отозвались слѣдующія лица: В. Ф. Мачинъ, Эдуардъ Дельмаръ Морганъ, переведшій на англійскій языкъ труды знаменитаго путешественника Пржевальскаго; полковникъ Джонъ Дависъ; Джонъ Полленъ; Александръ Яковлевичъ Кинлохъ. Усиліями этихъ лицъ организовано было въ Лондонѣ „Англо-русское литературное Общество“, открывшее свои дѣйствія съ января 1893 года въ обширномъ зданіи „Императорскаго института“ (Imperial Institute). Здѣсь разъ въ мѣсяцъ, въ первый вторникъ каждаго мѣсяца, происходятъ засѣданія, на которыхъ читаются рефераты, посвященные изученію вопросовъ, относящихся до Англіи и Россіи. Вдоль стѣнъ залы, гдѣ собирается Общество, стоятъ шкафы съ книгами, преимущественно на русскомъ языкѣ, принадлежащими библіотекѣ Общества. Въ дни засѣданій зала наполнена обычной публикой, посѣщающей собранія англо-русскаго Общества. Большинство изъ этихъ лицъ свободно говоритъ по русски, изучивъ русскій языкъ въ Лондонѣ подъ руководствомъ секретаря „Англо-русскаго литературнаго общества“ А. Я. Кинлоха. Общество издаетъ свои „Труды“, которыхъ въ настоящее время появилось уже четыре выпуска. Эдуардъ Александровичъ Казалетъ—предсѣдатель Общества—родился въ Россіи, гдѣ отецъ его пользовался особеннымъ благоволеніемъ Императора Николая I-го. Мать Э. А. Казалета—русская, рожденная баронесса Боде. Э. А. Казалетъ извѣстенъ въ литературѣ своимъ трудомъ о Джонѣ Говардѣ, изданнымъ на русскомъ языкѣ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ. За это сочиненіе Э. А. Казалетъ получилъ отъ международнаго уголовнаго конгресса, бывшаго въ С.-Петербургѣ въ 1890-мъ году, почетную награду—медаль. Въ настоящее время Э. А. Казалетъ живетъ близъ Лондона и посвятилъ свою дѣятельность упроченію учрежденнаго имъ англо-русскаго литературнаго Общества. Въ засѣданіи 3-го октября (н. с.) читали свои рефераты два члена общества—судья въ Индіи г-нъ Кинъ и московскій присяжный повѣренный, бывшій профессоромъ Демидовскаго лицея—А. А. Борзенко. Вступая во второй годъ своего существованія, англо-русское литературное Общество насчитываетъ болѣе двухсотъ членовъ, число которыхъ ежемѣсячно возрастаетъ. Заслуживаетъ вниманія, что въ число членовъ записался Ярославскій пѣхотный полкъ въ цѣломъ своемъ составѣ. Дѣятельность Общества вызвала сочувственные отзывы не только въ Англіи и Россіи, но также во Франціи, гдѣ въ благопріятномъ для него смыслѣ высказались Жюль Симонъ, Анатоль Леруа Болье. Членъ французской академіи виконтъ Мелхіоръ де Вогюэ состоитъ членомъ Общества.

Въ **Мангеймѣ** съ успѣхомъ прошла новая драма изъ временъ великой Французской революціи „Права человѣчества“.

Въ **Мюнхенѣ** поставлена новая драма въ 4 д. Р. Фосса „Даніель Даніели“. Это очень сценичная и сильная вещь, въ которой прекрасно обрисованъ характеръ итальянскаго еврея-ренегата Даніели, въ концѣ концовъ вернувшагося къ старымъ богамъ, къ прежнимъ вѣрованіямъ.

Изъ **Нью-Іорка** сообщаютъ, что новый оперный театръ (Metropolitain Opera House) открылся 27-го ноября. Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ и большихъ театровъ въ свѣтѣ; онъ имѣетъ около 5 тысячъ мѣстъ. Для открытія дали оперу Гуно—„Филемонъ и Бавкида“, въ которой выступила г-жа Зигридъ-Арнольдсонъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Парижъ. Въ Большой Операѣ имѣла значительный успѣхъ опера Шебріе—„Гвендолина“.

Въ теченіе этого сезона въ Grand Opera будутъ поставлены двѣ новинки: „Xavier“, Л. Галле, сюжетъ который заимствованъ изъ романа Ф. Фабра, и одноактная небольшая вещица „Портретъ Манонъ“, Ж. Бойэра.

По словамъ „Le Monde Artistique“ въ Парижѣ близокъ къ осуществленію давнишній проектъ третьей оперной сцены „Theatre Lyrique“. Иниціаторомъ называютъ одного изъ крупныхъ провин-

ціальныхъ антрепренеровъ, Жюля Бордье изъ Анжера.

— Вслѣдствіе пожара, происшедшаго въ помѣщеніи декорацій парижской „Оперы“, опера осталась съ обстановкой только для семи операъ. Изъ реестра, сдѣланнаго по прекращеніи пожара, оказывается, что погибли декораціи слѣдующихъ операъ: „Африканки“ (за исключеніемъ корабля, который уцѣлѣлъ), „Вильгельма Телля“, „Пророка“, „Аиды“, „Роберта“, „Риголетто“, „Ромео“, „Гамлета“, „Донъ Жуана“, „Лючіи“, „Фаворитки“, „Жидовки“ и др., между прочимъ и декораціи, притотовленныя для новой оперы „Таиса“ Анатоля Франса и Массне, постановка которой назначена была въ февралѣ. Интересно, что состояніе магазиновъ для декорацій, очень тѣсныхъ и неудобныхъ, давно уже внушало опасенія, и еще въ 1881 г. тогдашній министръ изящныхъ искусствъ Пру сдѣлалъ предложеніе въ этомъ смыслѣ городу.

Парижская публика очень интересуется предстоящей новинкой „Comédie Française“—пьесой Пальерона „Актеры“, въ которой авторъ выводитъ не только профессіональныхъ лицедѣевъ, но также и актеровъ житейской сцены.

— 26 декабря г. Колоннъ посвятилъ вторую половину своего концерта произведеніямъ г. Кюи. Исполнены были романсы на слова Ришпэна (романсъ „Les Petiots“ повторенъ), каватина для скрипки, арія Абубекера изъ „Кавказскаго плѣнника“ и танцы изъ этой-же оперы. Присутствовавшій въ концертѣ авторъ сочувственно былъ принятъ публикой.

Неутомимый директоръ „Свободнаго театра“ въ Парижѣ г. Антуанъ намѣренъ ставить свои спектакли, кромѣ театра „Menus-Plaisirs“, гдѣ они идутъ только для абонентовъ и театральной критики при невозможно высокихъ цѣнахъ, также и въ „Эденъ-театрѣ“, причемъ здѣсь будутъ идти для „большой“ публики тѣ пьесы, которыя раньше ставились въ „Menus-Plaisirs“. Спектакли начинаются „Властью тьмы“ Толстого.

Парижскій Théatre Libre открылъ свои спектакли драмой Бьернстерна-Бьернсона. „Банкротство“. Пьеса имѣла большой успѣхъ.

Въ Opera Comique съ большимъ успѣхомъ идетъ теперь новая опера М. Брюно „Attaque du moulin“.

„La servante“ (Служанка) новая пьеса въ 4 д. М. Лафонтена съ успѣхомъ прошла на сценѣ „Gymnase“, несмотря на свое нѣсколько сантиментальное содержаніе.

Новая пьеса „La Duchesse de Montélimar“, комедія-водевиль въ 3 актахъ Альбэна Валабрега, съ успѣхомъ прошла 19 декабря н. с. на сценѣ театра Gymnase. Mr. Бонардель, кондитеръ фабрикантъ и его жена—неожиданно получаютъ около 6 милліоновъ франковъ въ наслѣдство, покупаютъ замокъ и княжескій титулъ и являются въ большой свѣтъ. Ихъ похожденія и составляютъ сюжетъ пьесы.

Интересное нововведеніе знаменитой Сары Бернаръ—воскресные утренніе спектакли въ „Ренессансѣ“,—сопровождаются конференціями, въ которыхъ происходитъ бесѣда о самой пьесѣ и ея авторѣ. Три воскресенья подрядъ поставлена была „Федра“, предшествуемая конференціей извѣстнаго критика Жюля Леметра, автора пьесы „Les rois“, продолжающей дѣлать въ „Ренессансѣ“ отличные сборы.

Новинка М. Сарду „Confection pour dames“, идетъ на сценѣ Renaissance съ успѣхомъ.

5-го декабря, на сценѣ театра Porte St.-Martin шло первое представленіе съ небывало-грандіозной обстановкой пьесы „Napoléon“. Это—пьеса въ 3-хъ отдѣленіяхъ, 8-ми актахъ и пятидесяти картинахъ. Изобиліе театральныхъ эффектовъ, поражающее даже парижскаго зрителя. Впрочемъ, игры вообще мало въ пьесѣ, и большинство „дѣйствующихъ лицъ“ кажутся просто говорящими статистами. Это почти сплошная батальная феерія, лишь изрѣдка прерываемая сценами изъ интимной жизни „великаго императора“.

На сценѣ Folies-Dramatique очень весело и удачно прошла новая оперетка М. Ордонно, Г. Керуля и Г. Серпетта „Cousin-Cousine“. По случаю пожара въ казармахъ приходится роту стрѣлковъ размѣстить на частныхъ квартирахъ; въ томъ числѣ—въ одномъ женскомъ пансіонѣ. Возникаетъ рядъ веселыхъ недоразумѣній, заканчивающійся свадьбой кузена на кузинѣ.

Новая оперетка въ 3 д. Клервиля и Валлэна, муз. А. Мессажэ „Миссъ Долларъ“ съ успѣхомъ прошла на сценѣ Nouveau Théatre. Вся суть въ томъ, что оригиналъ американецъ Сэмъ Труксонъ отказываетъ въ рукѣ своей племянницы Нелли нѣкоему Гаэтану, только потому, что тотъ не инженеръ. Въ концѣ концовъ свадьба улаживается.

Въ Ambigu-Comique поставлена новая драма въ 5 актахъ и 10 картинахъ „Gigolette“, гг. П. Декурселя и Э. Торбе, произведеніе во вкусѣ старинныхъ мелодрамъ.

На сценѣ Dèjazet 5 декабря поставлена была новая комедія въ 3 д. „Le six femmes de Paul“ Роде и Ролля.

На сценѣ маленькаго театра „Chat Noir“ въ Монмартрѣ въ первый разъ прошли три новинки: „Pierro pornograph“ и „Truc du manifestant“, веселыя шутки съ китайскими тѣнями и музыкой; авторъ первой—Л. Моренъ; второй—Ж. Ферни; третья новинка—„Геро и Леандръ“, драма въ 1 д., въ стихахъ Гаракура.

Въ театрѣ „Варьетэ“ возобновляютъ давно уже не шедшихъ тамъ „Разбойниковъ“ Оффенбаха, съ г-жею Угальдъ въ главной женской роли.

Въ „Bouffes du Nord“ возобновляютъ пьесу „Нана“, передѣланную изъ извѣстнаго романа Зола. Заглавную роль исполнитъ г-жа Эме Марсіаль.

Изъ опубликованнаго въ „Figaro“ второго списка о суммахъ, собранныхъ на памятникъ Гуно, видно, что въ редакціяхъ этой газеты и „Gaulois“ собрано уже свыше 65,000 франковъ. Въ числѣ подписавшихся фигурируютъ имена: Изабеллы испанской (500 фр.), г-жи Карно (2,000 фр.), Полины Віардо (200), писателей Жюля Кларети, Армана Сильвестра и др. Общество авторовъ, издателей и музыкальныхъ композиторовъ подписало 500 фр.

— Въ Парижѣ, въ „Hôtel Drouot“, распродана домашняя обстановка покойнаго Мопассана. Своей наслѣдницей Мопассанъ до наступленія его роковой болѣзни назначилъ дочь своего брата, умершаго помѣшаннымъ, а матери своей предоставилъ взять тѣ изъ его вещей, какія она пожелаетъ сохранить на память. Г-жа Мопассанъ страдаетъ нервами и живетъ въ виллѣ на берегу Средиземнаго моря. Яхта Мопассана продана за 8.000 фр. Авторскія права его даютъ въ годъ 40 тыс. франк. Стѣны его дома были украшены восточными матеріями и немногими пастелями и рисунками углемъ его знакомыхъ и художниковъ. Библіотека Мопассана въ 1.500 томовъ черезъ два мѣсяца пойдетъ съ молотка. Кромѣ нѣсколькихъ рукописей и записныхъ книжекъ съ замѣтками покойнаго она представляетъ мало интереснаго. Любопытно, что большинство романовъ, присылавшихся ему съ посвященіями, найдены не разрѣзанными.

Въ Парижскихъ газетахъ находимъ извѣстіе, что Морицъ Барресъ написалъ пьесу подъ загла-

віемъ „День въ парламентѣ“, сюжетомъ которой являются пресловутыя панамскія событія.

Въ **Стокгольмѣ**, въ королевскомъ оперномъ театрѣ была поставлена въ первый разъ опера Чайковскаго „Іоланта“. Опера дана въ одинъ спектакль съ „Сельской честью“ Масканьи и имѣла блестящій успѣхъ.

L'Erede“—названіе новой пьесы Марко Прага, съ успѣхомъ поставленной на сценѣ въ **Туринѣ**.

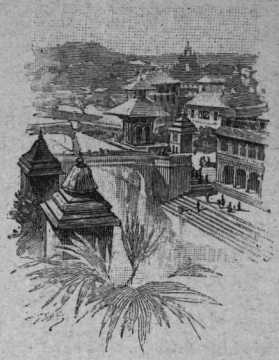
На послѣднемъ **Флорентинскомъ** конкурсѣ драматическихъ произведеній 4 пьесы удостоены награды. Первая—J Dissonesti (Безчестные) I. Роветти, вторая—Докторъ Мюллеръ - Скалиньери, Dura lex (Жестокій законъ) Траверси и „Секретъ“ Лопеца.

Въ **Цюрихѣ** рѣшено въ казенномъ драматическомъ театрѣ давать безплатныя представленія классическихъ пьесъ для учащейся молодежи. Начали съ „Вильгельма Телля“—Шиллера.

Извѣстный виртуозъ А. Контскій отправился въ большое артистическое путешествіе по **Японіи**.

Опечатка: Въ № 32 „Артиста“ въ этюдѣ А. А. Лугового „*Nocturne*“ на 21 страницѣ, во 2-мъ столбцѣ напечатано: ...—garde! ...—tarde!...—eu! слѣдуетъ читать: ...—gare!...gare! ..—eux!

Донъ Карлосъ.



Художественныя новости.

5-го декабря, 1893 года, въ Московскомъ Обществѣ любителей художествъ состоялось экстренное общее собраніе членовъ Общества, въ которомъ происходило избраніе членовъ предварительнаго комитета, разрѣшеннаго въ настоящее время **перваго съѣзда русскихъ художниковъ и любителей художествъ.** Въ засѣданіи членами предварительнаго комитета избраны: В. Е. Маковскій, гр. П. С. Уварова, К. Т. Солдатенковъ, Ѳ. А. Куманинъ, В. К. Трутовскій, С. К. Говоровъ, кн. А. И. Урусовъ, К. А. Савицкій, С. М. Мамонтовъ, В. Д. Полѣновъ, Н. С. Мосоловъ, Г. А. Рачинскій, П. Д. Боткинъ, С. С. Шайкевичъ и Д. В. Грушевскій. Кандидатами къ нимъ избраны: А. Е. Посъ, Л. М. Жемчужниковъ, А. Н. Маклаковъ и А. А. Киселевъ. Въ томъ же засѣданіи рѣшено ходатайствовать о разрѣшеніи открыть съѣздъ русскихъ художниковъ и любителей художествъ 23-го апрѣля 1894 года. Дѣйствіе предварительнаго комитета Общества начались съ 9-го декабря.

Художественные вечера, бывшіе по субботамъ въ **Обществѣ любителей художествъ** въ этомъ сезонѣ, до сихъ поръ имѣли очень оживленный и интересный характеръ. Кромѣ упомянутыхъ нами ранѣе чтеній предсѣдателя Общества К. М. Быковскаго о Трутовскомъ, П. И. Бобрыкина—о значеніи Ип. Тэна въ исторіи эстетики и А. П. Ленскаго изъ разсказовъ Трутовскаго, въ цѣломъ рядѣ слѣдующихъ вечеровъ происходили чтенія: князя Урусова—о статуѣ Вольтера, сдѣланной съ натуры его современникомъ скульпторомъ Пигалемъ; чтенія изъ сочиненій гг. Потапенко и Михеева; чтеніе писемъ изъ за-границы И. Е. Рѣпина. Кромѣ того нѣкоторые вечера были посвящены музыкѣ и пѣнію съ участіемъ М. Н. Климентовой, А. Я. Левенсонъ-Александровой и А. М. Успенскаго. Наконецъ 11-го декабря состоялся художественный вечеръ, на которомъ была исполнена „Крейцерова соната“ Бетховена, при участіи г. И. В. Гржимали и г-жи Э. М. Огусъ-Шайкевичъ, вызвавшая единодушныя и шумныя рукоплесканія. По просьбѣ публики была повторена вторая часть сонаты и между прочимъ была исполнена легенда Венявскаго.

1-го декабря, въ 10 часовъ вечера, закрылась выставка картинъ профессора Н. Е. Сверчкова, помѣщавшаяся въ магазинѣ „Конкурренція“ на Петровкѣ. За время открытія выставку посѣтило болѣе 2.500 человѣкъ. На выставкѣ посѣтителями пріобрѣтено нѣсколько картинъ на сумму около 3.000 рублей.

Недавно на толкучкѣ Смоленскаго рынка пріобрѣтенъ однимъ московскимъ собирателемъ картинъ и рѣдкостей портретъ матери Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, Маріи Николаевны Аксаковой, рожденной Зубовой, болѣе извѣстной по „Семейной хроникѣ“ подъ именемъ Софіи Николаевны Багровой. Портретъ поясной, писанный маслянымъ красками, въ натуральную величину. Въ семьѣ Аксаковыхъ этотъ фамильный портретъ считался утраченнымъ.

С.-Петербургъ. 15 октября послѣдовало Высочайшее утвержденіе проекта временнаго устава Императорской **Академіи Художествъ.** Введеніе его въ дѣйствіе отложено до осени 1894 года.

На основаніи этого устава Академія Художествъ состоитъ изъ: а) собственно Академіи Художествъ или Академическаго Собранія и б) высшаго художественнаго училища живописи, скульптуры и архитектуры. Члены Академіи подраздѣляются на членовъ: почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ сотрудниковъ (§ 18 устава). Въ видахъ облегченія перехода Академіи къ новому положенію и во избѣжаніе затрудненій, могущихъ произойти отъ незнакомства будущихъ членовъ Академическаго Собранія съ Академіей при внезапномъ переходѣ отъ стараго порядка къ новому, Его Императорское Высочество Августѣйшій Президентъ Академіи призналъ полезнымъ организовать нынѣ же, на основаніи новаго устава, Академическое Собраніе въ достаточномъ количествѣ лицъ, которыя и могли бы ближе ознакомиться съ дѣломъ теперь и съ осени повести его безъ перерыва въ желательномъ направленіи. Въ эту вновь организованную Академію будутъ направляемы для обсужденія всѣ вопросы общаго свойства, которые подлежатъ ея компетенціи по новому уставу. Такой порядокъ дастъ возможность изъять эти вопросы изъ вѣдѣнія нынѣшняго Совѣта Академіи, который, такимъ образомъ, получитъ характеръ временнаго педагогическаго совѣта, назначеніемъ коего будетъ закончить до весны начатый учебный годъ.

Въ составъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Академіи по новому уставу вошли слѣдующія лица, Высочайше утвержденныя: въ званіи почетныхъ членовъ Академіи: профессоръ живописи Айвазовскій, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ Веселовскій, почетный опекунъ Дашковъ, членъ театрально-литературнаго комитета Григоровичъ, профессоръ архитектуры Гриммъ, преосвященный архіепископъ Іонафанъ, художникъ Менцель, кн. Паскевичъ, членъ Государственнаго Совѣта Половцевъ, сенаторъ Ровинскій, сенаторъ Семеновъ, шталмей-

стеръ Высочайшаго двора графъ Г. С. Строгоновъ, гофмейстеръ Высочайшаго двора графъ П. С. Строгоновъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа Яновскій; въ званіи дѣйствительныхъ членовъ Академіи: академикъ скульптуры Владиміръ Беклемишевъ, академикъ акварельной живописи Альбертъ Бенуа, академикъ живописи Михаилъ Боткинъ, классный художникъ Павелъ Брюловъ, профессоръ живописи Викторъ Васнецовъ, профессоръ живописи Алексѣй Кившенко, классный художникъ Александръ Киселевъ, академикъ живописи Алексѣй Корзухинъ, профессоръ живописи Архипъ Куинджи, академикъ живописи Кириллъ Лемохъ, профессоръ живописи Владиміръ Маковскій, художникъ граверъ Василій Матэ, академикъ живописи Григорій Мясоѣдовъ, профессоръ живописи Василій Полѣновъ, классный художникъ Иларіонъ Прянишниковъ, профессоръ живописи Илья Рѣпинъ, классный художникъ Василій Суриковъ, академикъ скульптуры Матвѣй Чижовъ, профессоръ живописи Павелъ Чистяковъ, профессоръ живописи Иванъ Шишкинъ, профессоръ скульптуры Марк Антокольскій, профессоръ живописи Алексѣй Боголюбовъ, профессоръ живописи Генрихъ Семирадскій, профессоръ архитектуры Леонтій Бенуа, профессоръ архитектуры Константинъ Быковскій, академикъ архитектуры Григорій Котовъ, профессоръ архитектуры Померанцевъ, академикъ архитектуры Михаилъ Преображенскій, академикъ архитектуры Петровъ, гражданскій инженеръ Николай Султановъ, академикъ архитектуры Владиміръ Сусловъ, профессоръ архитектуры Антонъ Томишко, и. д. шталмейстера Высочайшаго Двора Павелъ Жуковскій, профессоръ СПБ. Императорскаго университета Никодимъ Кондаковъ, профессоръ СПБ. Императорскаго университета Дмитрій Менделѣевъ, сенаторъ Евграфъ Рейтернъ, Павелъ Третьяковъ, Дмитрій Хомяковъ.

Число почетныхъ членовъ, не считая членовъ Императорскаго Дома, ограничено по новому уставу двадцатью; число дѣйствительныхъ — шестьюдесятью. Отъ поступающихъ въ академію будетъ требоваться умѣнье писать съ натуры.

Какъ мы слышали, въ Императорскую Академію художествъ приглашены преподавателями живописи профессора И. Е. Рѣпинъ и В. Е. Маковскій.

По дошедшимъ до насъ слухамъ, И. К. Айвазовскій окончилъ новую большую картину фантастическаго содержанія, нѣсколько напоминающую по замыслу знаменитый „Хаосъ“: темой ея взяты вселенная и планеты. Эта картина будетъ выставлена въ Петербургѣ, въ будущемъ февралѣ, а затѣмъ въ мартѣ она будетъ выставлена и въ Москвѣ.

25-го ноября состоялось открытіе художественнаго кабинета живописи художника г. Потапова. Въ довольно большомъ залѣ размѣщено много картинъ художниковъ, между которыми есть и извѣстныя имена, напримѣръ: „Водяная почта въ Норвегіи“—профессора Лагоріо, „Передъ грозой“—г. Казанцева, „Крымская ночка“—г. Бѣлоусова, „Задумалась“—г. Злыковича и др. Это въ сущности не что иное, какъ постоянная выставка картинъ... Цѣль открытія подобнаго кабинета заключается въ томъ, чтобы дать возможность пріобрѣтать публикѣ художественныя произведенія не черезъ посредство торговцевъ-барышниковъ, а прямо изъ первыхъ рукъ, у самихъ художниковъ.

2-го декабря въ залахъ Императорскаго Общества поощренія художествъ открылась годичная выставка, устраиваемая **Обществомъ поощренія женскаго художественно-ремесленнаго труда**. Эта выставка по числу экспонентовъ и по количеству и качеству экспонатовъ значительно превосходитъ прошлогоднюю и служитъ прекраснымъ доказательствомъ того, что недавно образовавшееся Общество твердо идетъ къ намѣченной цѣли. На этотъ разъ очень много предметовъ женскаго художественно-ремесленнаго труда прислано изъ разныхъ отдаленныхъ концовъ русской провинціи.

Выставка представляетъ большой интересъ разнообразіемъ работъ, хотя по большей части пока еще подражательнаго характера, но въ нѣкоторыхъ экспонатахъ чувствуется уже стремленіе къ самобытности и оригинальности.

Очень интересны на выставкѣ гобелены (копіи съ оригиналовъ, находящихся во Флоренціи), г-жи Остафьевой, сервизъ и другія вещи (тарелки и т. п.), разрисованные (живописью по фарфору) г-жей Рикманъ, богатая коллекція разныхъ плато, табуретовъ и др., выставленныхъ баронессой Гревеницъ (живопись по дереву—имитація выжиганію; особенно интересенъ разрисованный такимъ образомъ комнатный ледникъ), пано г-жи Мельниковой (выжиганіе по дереву), миніатюры г-жи Ламанской, изящно сдѣланныя ширмы, вышитыя шелками г-жею Кригеръ, разнообразные предметы (выжиганіе по дереву и кожѣ въ древнерусскомъ и старогерманскомъ стилѣ), выставленные г-жею Л. А. Штрамъ. Ею же выставлены очень красивыя фото-миніатюры и весьма оригинальная стеклянная посуда, разрисованная финифтіевыми красками (такая работа до сего времени производилась только на Императорскомъ стекляннномъ заводѣ; на выставкахъ же она появляется впервые).

Живопись по дереву и фарфору вообще преобладаетъ на выставкѣ. Разрисованные такимъ образомъ предметы выставлены баронессою Мерценфельдъ (подражаніе севрскому фарфору), г-жами: Казанцевой (одинъ изъ лучшихъ на выставкѣ), Карпенко-Логиновой, Стонне (много небольшихъ и очень дешевыхъ вещицъ), Высоцкой (различныя декораціи для стѣнъ), Назимовой (пейзажи, цвѣты) Ковалевской, Лидертъ, сестеръ Макферсонъ (небольшія подставочки, тарелочки и др.), Лаппа (пейзажи), Поповой, Тепляковой, Ежовой, Лиліенфельдъ, Цимме и др. Очень много на выставкѣ ширмъ,—изъ которыхъ особенно изящны ширмы г-жи Бекетовой.

Заслуживаютъ вниманія работы г-жи Гончаровой (живопись масляными красками, вышивка шелками), искусственные цвѣты г-жи Бларамберг, гобеленъ (подражаніе) г-жи Сиферсъ, мелочи г-жи Пелеховой, столикъ (выжиганіе по дереву, очень изящной работы) г-жи Чистяковой, акверели баронессы Врангель, живопись по дереву (подражаніе мозаики) г жи Фейнбергъ, искусственные цвѣты г-жи Осиповой, подушки (шитье шелками) г-жи Бонди, тисненіе по кожѣ г-жи Мерклинъ. Г-жа Блашко выставила хорошо исполненные мясляными красками и гуашью морскіе виды. Изъ портретовъ г-жа Жукова выставила портретъ графа Делянова (живопись по фарфору), а г-жа Семенова—портретъ г. Пикалуга, написанный сепіею. Г-жа Кандаурова выставила выжженную по дереву голову Спасителя. Богатъ и интересенъ ремесленный отдѣлъ, въ которомъ находится много кружевъ и друг. работъ, присланныхъ кустарями Орловской, Новгородской и друг. губерній. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе коллекціи, выставленныя г-жами Огаревой (кружева), Ризниковой (образцы разныхъ вязаній), Абраменковой, Галкиной и др.

Изъ множества другихъ выставленныхъ въ этомъ отдѣлѣ замѣчательны предметы работы г-жъ: Даниловой (филе гипюръ), Островской (живопись по бархату масляными и бронзовыми

красками), Богдановской (столикъ, рисованный по стеклу прозрачными красками), Мартыновой (тисненіе по кожѣ), Афонасьевой (восковые цвѣты), Ниловой (кружева à Point l'aiguille), Бейдеманъ (акварели и саше), Фіерковской (мозаика изъ перламутра), Орѣшкиной (цвѣты), Ломанъ (разрисованная глиняная посуда) и т. д.

На выставкѣ имѣются и издѣлія профессіональныхъ школъ княгини Урусовой, г-жъ: Аргамаковой, Томиловской и Надежиной и Тверской безплатной швейной мастерской.

Въ Михайловскомъ Дворцѣ, какъ передаютъ газеты, состоялось собраніе дамскаго художественнаго кружка, подъ предсѣдательствомъ извѣстной художницы П. П. Куріаръ. Собраніе было очень оживлено. Рисовали съ натуры. Въ числѣ художниковъ, присутствовавшихъ на вечерѣ, отмѣтимъ извѣстныхъ акварелистовъ Боброва, Бенуа, художниковъ Дмитріева-Кавказскаго, архитектора Бруни, художницъ г-жъ Самокишъ, Скворцову, Константинову, баронессу Врангель, г-жъ Шрамъ, Сѣмечкину, баронессу Гревеницъ, О. П. Рикманъ, баронессу Боръ, г-жу Вернеръ и многихъ другихъ. Въ музыкальной-вокальной части вечера принимали участіе г-жа Аурихъ и баритонъ К., М. Дмитріевъ.

Въ **Берлинѣ** скончался Луи Шпангенбергъ извѣстный пейзажистъ.

Художественная колекція Сакса распродавалась 4-го декабря у Митке въ Вѣнѣ. Въ составъ ея входитъ до 286 номеровъ, изъ которыхъ лучшія картины принадлежатъ Амбергеру, Беллини, Бронцино, Карпаччіо, Міерису, Нефсу, В. Каульбаху, Шарлеману и др.

Въ **вѣнскомъ** художественномъ обществѣ, какъ сообщилъ телеграфъ, сгорѣла извѣстная картина берлинскаго художника Клингнера „Рождество". Картина, оцѣненная въ 8,000 флориновъ, была застрахована только въ 1,500 фл.

Въ **Будапештѣ** въ замкѣ вельможи фонъ-Радо открытъ цѣлый рядъ картинъ старинныхъ мастеровъ; между ними есть вещи Рафаэля, Карла Дольчи, Караваччіо и Тинторетто.

Итальянскимъ газетамъ сообщаютъ изъ Новаго Пешта въ Венгріи, что тамъ буквально *умеръ съ голоду* скульпторъ Феслеръ, пользовавшійся когда-то извѣстностью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Феслеръ ослѣпъ. Отсюда и начались его злоключенія. Обремененный семьей, онъ, чтобы не отнимать у нея имѣющихся въ распоряженіи (послѣ продажи кое-какого скарба) грошей, въ послѣднее время почти ничего не ѣлъ. Организмъ, и безъ того истощенный, не выдержалъ: Феслеръ слегъ. Во время болѣзни онъ такъ-же упорно отказывался отъ пищи, какъ и раньше, и умеръ, наконецъ, въ страшныхъ мученіяхъ.

Въ **Брюсселѣ** открылся цѣлый рядъ поддѣлокъ подъ картины Франца Куртенса. Виновникъ продѣлки Ванъ-деръ-Перре присужденъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и большому денежному штрафу.

Въ маѣ 1894 года открывается въ **Мюнхенѣ** интересная международная художественная выставка.

Проэктъ для новаго зданія Баварскаго національнаго музея, работы Габріэля Зайдля удостоенъ первой преміи и принятъ для выполненія по немъ всей постройки.

Общество южно-германскихъ художниковъ съ января 1894 года учреждаетъ свою постоянную выставку.

Согласно изысканіямъ знатока по исторіи живописи, профессора А. Вотера, подписи Гансъ Мемлингъ, Hans Allemand, Hans von Mainz и Hans von Mömmelingen—принадлежатъ всѣ одному и тому же лицу.

Распродажа картинъ изъ коллекціи князя Камилла де Роганъ дала всего до 52 тысячъ марокъ. Изъ проданныхъ картинъ отмѣтимъ принадлежащія кисти А. Ахенбаха, Г. Бюргеля, Г. Гайнлейна, А. Леу, Роттмана и Шлиха

Въ **Базелѣ** 11 декабря и въ послѣдующіе дни распродавалась богатая коллекція изъ 402 картинъ, принадлежавшая недавно умершему д-ру Гельду изъ Вюрцбурга. Изъ болѣе извѣстныхъ именъ встрѣчаемъ тамъ: Ванэльста, Аллори, Бассано, Боля, Бордоне, Буше, Брегеля, Веронезе, Ванъ Дика, Фабриціуса, Мурильо, Рембрандта, Ф. Каульбаха, Маккарта, Лёфца и др.

Въ **Люцернѣ** открытъ международный конкурсъ на выработку проекта и плановъ для новаго пассажирскаго вокзала Швейцарской Центральной желѣзной дороги. Стиль постройки и выборъ матеріала—зависитъ отъ составителя плана. Общая сумма расходовъ не должна превышать 650 тыс. франковъ. За три первыхъ лучшихъ проекта будутъ выданы преміи, всего въ размѣрѣ 6,000 фр.

Парижъ. Художникъ Фальгіеръ выставилъ модель въ натуральную величину оконченной имъ недавно статуи Гамбетты. Статуя будетъ поставлена въ палатѣ депутатовъ, въ залѣ „des Pas-Perdus".

Въ Парижѣ, въ галлереѣ Durand-Ruel открылась выставка произведеній американской молодой талантливой пастелистки Мэри Кассотъ.

Парижъ. Нашъ извѣстный маринистъ, профессоръ А. П. Боголюбовъ, побывавъ въ Тулонѣ во время встрѣчи русской эскадры, съ порученіемъ написать морскіе виды этого великолѣпнаго торжества, въ настоящее время уже исполнилъ нѣсколько эскизовъ на этотъ сюжетъ, которые и отправлены имъ въ Гатчину на Высочайшее разсмотрѣніе.

По словамъ французскихъ газетъ, соотечественникъ нашъ, извѣстный скульпторъ Бернштаммъ длл предстоящей въ скоромъ времени выставки своихъ произведеній въ Петербургѣ изготовилъ до 50 статуй, между которыми, кромѣ бюстовъ особъ Императорской Фамиліи, обращаютъ на себя вниманіе бюсты барона Моренгейма, адмирала Авелана, Лабуле, Жюля Симона, Ренана и мн. др.

Въ Парижѣ скончался историческій живописецъ, профессоръ Ивонъ. Особенно извѣстна его картина „Возвращеніе изъ Россіи".

Въ апрѣлѣ 1894 года въ **Барселонѣ** открывается международная художественная выставка. Открытіе предполагается 23 апрѣля, закрытіе—29 іюня. За лучшую картину предназначается премія въ 10 т. пезетас. Кромѣ того будетъ выдано до 24 дипломовъ.

Лондонъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Лондонѣ была интересная выставка японскаго живописца Ватанабе Зайтей.

Въ **Нью-Іоркѣ** основано новое общество „Независимыхъ" (Society of Independents). Оно принципіально устранило всякое жюри и назначеніе наградъ, какъ имѣющія косвенное давленіе на общественное мнѣніе. Единственнымъ судьей и рѣшителемъ признается и является сама публика. 1-я выставка общества откроется въ мартѣ 1894 г.

Въ г. **Саратога (Америка)** скончался извѣстный пейзажистъ Дж. Касиларъ.

№ 10. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 10.

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

ЖУРНАЛА

„АРТИСТЪ“.

Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.

Книжный магазинъ журнала „АРТИСТЪ“

принимаетъ на коммиссію постороннія изданія,

ПОДПИСКУ НА ВСѢ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

и высылаетъ иногороднимъ всѣ книги и ноты, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ☞

Гг. подписчики на журналъ „Артистъ“, ПРИ ВЫПИСКѢ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ и тѣхъ книгъ, НАЗВАНІЯ КОТОРЫХЪ ОТМѢЧЕНЫ въ этомъ каталогѣ знакомъ *, ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

NB. Книги могутъ быть выписаны изъ магазина безъ высылки при этомъ денегъ, по почтѣ съ наложеннымъ платежомъ. При выпискѣ свыше, чѣмъ на 10 руб., просятъ прилагать 1/4 стоимости.

☞ **Альбомъ геліогравюръ** съ картинъ русскихъ художниковъ съ поясн. текстомъ проф. А. Н. Шварца. 24 геліогравюры съ картинъ: Ф. А. Бронникова, В. В. Верещагина, К. Гуна, И. Н. Крамскаго, А. И. Корзухина, К. Е. Маковскаго, В. Е. Маковскаго, И. В. Неврева, Г. Г. Мясоѣдова, И. Н. Прянишникова, В. Д. Полѣнова, А. Риццони, Г. И. Семирадскаго, П. А. Свѣдомскаго, В. И. Якобія. Цѣна вмѣсто 30—только 18 рублей, въ роскошной папкѣ 20 рублей. Желающіе могутъ пріобрѣтать „Альбомъ геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ“ выпусками. Условія подписки: при полученіи 1-го выпуска вносится 5 руб., 2-го—3 руб., 3—12 по 1 р. Пересылка каждаго выпуска 25 к. Папка 3 р.—Каждый выпускъ отдѣльно (2 картины 12 верш. длины и 9 верш. ширины) 2 руб. 50 коп.

☞ **Альбомъ геліогравюръ** изъ собранія картинъ К. Т. Солдатенкова. 12 геліогравюръ: И. Рачкова, П. Коровина, Н. Петрова, В. Полѣнова, Г. Мясоѣдова, В. Якобія, П. Чистякова, С. Бакаловича, В. Перова, А. Риццони, К. Маковскаго, Ф. Журавлева. Въ роскошной папкѣ вмѣсто 15—10 р.

☞ **Соколова, П. П.** Альбомъ рисунковъ къ поэмѣ „Евгеній Онѣгинъ“. Фототипическое изданіе рукописи Пушкина и рисунковъ fac-simile. М. 1892 г. Ц. 50р.

☞ **Евгеній Онѣгинъ** съ иллюстраціями П. Соколова и Бѣлянкина. М. 1892 г. Ц. 8 р.

☞ **Капитанская дочка** съ художественными иллюстраціями П. Соколова. М. 1892 г. Ц. 12 р. 50 к.

☞ **Князь Серебряный,** съ 12 рисунками К. Лебедева. М. 1892 г. Ц. 15 р.

☞* **Александровъ, Вл.** Драматическія сочиненія. Томъ 1-й. (*Спорный вопросъ. Пѣснь горя. На жизненномъ пиру. Въ семь Знаменскомъ*).—Ц. 2 р., для подписчиковъ на *Артистъ*—1 р. 50 к.

Александровъ, Д. А. Что читать и что пѣть? Собраніе драматическихъ, юмористическихъ, сатирическихъ и комическихъ монологовъ, сценъ, дуэтовъ, куплетовъ, пѣсенъ и стихотвореній. 1893. 89, 4 стр. Ц. 1 р.

* **Александровичъ, Н.** Немезида. Ком. въ 4 д. (Европ. театръ № 1). Ц. 1 р.

* **Алексѣевъ, А. А.,** артистъ Императ. театровъ. Воспоминанія (съ двумя портретами).—Ц. 1 р.

Алфавитный списокъ драм. сочин. на русскомъ языкѣ дозволен. безусловно къ представленію съ дополнительнымъ спискомъ по 1 апрѣля 1891 г. *Оффиціальное изданіе.* Спб. 1888. 3 р. Съ приложеніемъ списка по 1 октября 1893 г.

Агинъ, А. Сто четыре рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя „Мертвыя души“. 4-е изд. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Аминторъ, Ф.** За правду и за честь женщины противъ „Крейцеровой сонаты“ гр. Толстого. П. 93 г. Ц. 50 к.

* **Амфитеатровъ, Александръ.** Психопаты. (Правда и вымыселъ) 11 разсказовъ. М. 1893. Ц. 1 р.

— * „Сонъ и явь“, разсказы. М. 1893. Ц. 1 р.

☞ **Андреевская, В.** Счастливая доля. Разсказъ для дѣтей. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

☞ **Андерсенъ.** Сказки. Перев. В. Андреевской. Спб. 1893 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

☞ — Иллюстрированныя сказки. Полное собраніе, въ 6-ти томахъ. Съ 530 рис. въ текстѣ и біографіей автора. Ц. каждаго тома 60 к.

* **Л'Аронжъ.** Сильно дѣйствующее средство или лучше поздно, чѣмъ никогда. Ком. въ 5 д., перед. съ нѣмецк. Ѳ. А. Куманина. Ц. 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Артиста“ ц. 1 р.

— * *Папенькина дочка* (Lolo's Vater), ком. въ 3 д., Ларонжа, перев. Ѳ. А. Куманина. Ц. 50 к., 8 экз. по числу ролей—2 р.

☞ * **Б. Ю.** О философскомъ ученіи гр. Л. Н. Толстого. К. 1892 г. Ц. 60 к.

Башкирцевой Маріи. Дневникъ съ приложен. статей Гладстона и Франсуа Коппе и 2 портретовъ автора. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

☞ * **Библіотека крошка.** Миніатюрное изданіе лучшихъ произведеній нашихъ знаменитыхъ писателей. Отъ 5 до 15 к. за книжку. Изд. Іогансона. К. 1892—93 г.

— *Всѣ 18 томиковъ* въ роскошномъ коленкоров. переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 10 р.

Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ прилож. библіографіи этого произведенія Джоржа Буллена. 2 т. (Новая Библіотека Суворина №№ 25 и 26). Ц. 1 р. 20 к.

* **Боккачіо.** Декамеронъ. 2 т. М. 1892. Ц. 10 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Популярное

изданіе (75 выпусковъ, 6 полутомовъ, 1,200 иллюстрацій въ текстѣ, 1 карта). Перев. со 2-го нѣмец. изд. подъ ред. д-ра зоологіи С. Переяславцевой. Одесса. 1893. Вышелъ вып. 3-й (Обезьяны). Ц. 25 к.

— Жизнь животныхъ. Со множествомъ политипажей и хромолитографіями. Въ 10-ти томахъ. Пер. съ 3-го нѣм. исправл. и дополн. изданія подъ ред. К. Сентъ-Илера. Томъ IV. Птицы. Спб. 1893. Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Новые этюды Шишкина. Фототипическое изданіе. 93 г. Ц. 60 к.

— Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Съ 535 рис. Спб. 1886 г. Т. I. отъ А до I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Тоже. Т. II. К—О, съ 529 рисунк. Спб. 1887. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Альбомъ Академической выставки 1887 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к., на велен. бум. 2 р. 50 к., на слоновой бум. 5 р.

— Тоже. Вып. II. Спб. Ц. 2 р 50 к.

— Альбомъ декабрьской выставки 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— 1891 г. три выпуска. Ц. 1 р. 50 к.

— 1892 г. Ц. 3 р.

— 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Альбомъ русской живописи, карт. К. Е. Маковскаго. Ц. 2 р. 50 к.

— И. И. Шишкина. Ц. 2 р. 50 к.

— Семирадскаго. Ц. 2 р. 50 к.

— Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. Спб. Ц. 2 р.

— Наши художники на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія. 2 тома. Спб. 1890. Ц. за 2 т. 7 р., въ папкѣ 18 р.

☛ **Васильевъ, С. (Флеровъ).** Картинки Италіи—(съ фототипіями). М. 1893 г. Ц. 3 р.

* **Веселовскій, А. Н.** Мизантропъ. М. 1871. Ц. 2 р.

* — Старинный театръ. М. 1870. Ц. 2 р.

Веселовскій, Ал. Боккаччіо, его среда и сверстники. Т. I. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вольфъ, А. И. Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1855 до начала 1881 г. Ч. III. Спб. 1884. Ц. 1 р. 50 к. Вмѣстѣ съ I-й и II-й цѣна 3 р.

Гаршинъ. Разсказы. II тома. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

* **Ге, И. Н.** Идеалисты и практики жизни. Др. въ 5 д. П. 91 г. Цѣна 50 к.

* **Гнѣдичъ, П. П.** 17 разсказовъ. П. 92 г. Ц. 1 р.

* — Новые разсказы. П. 90 г. 2 т. по 1 р.

* — За рампой. П. 93 г. Ц. 1 р. 50 к.

* — Перекати-поле. Комедія въ 4 д. М. 1890. Ц. 1 р. 50 к.

* —Кавказскіе разсказы. (Пустынь. — Отецъ. — Бѣлые мальчики Асана.—Счастливый день), съ 71 рисункомъ М. М. Далькевича. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Гофманъ.** Милордъ Кэтъ, сказка для дѣтей. Ц. 30 к.

☛* **Гофманъ, Э. Т. А.** Житейскія воззрѣнія кота Мурра. Переводъ съ нѣмецк. Бальмонта (Дешевая Библіотека А. С. Суворина №№ 244, 245, 246). Спб. 1893 г. Ц. 70 к.

* **Грене д'Анкуръ.** Въ слѣдующій разъ. Монологъ, пер. съ фр. Ѳ. А. Куманина. Ц. 30 к.

☛ **Гюго, В.** Ганъ Исландецъ. Историч. романъ. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

* **Группа артистовъ Малаго театра.** Изд. журн. „Артистъ". Ц. 1 р., для подписчиковъ на „Артистъ" 50 к.

* **Гурляндъ, И. Я.** Въ сонномъ царствѣ. Ком. въ 4 д. Ц. 1 р. Цѣна комплекта въ 12 экз. по числу ролей—6 р.

* **Гутманъ.** Гимнастика голоса. Ц. 50 к. М. 1893 г.

* **Данжанъ.** Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М. 1893 г. П. 75 к.

* **Де-Фо.** Робинзонъ Крузо. М. 1888 г. 2 ч. 4 р.

* **Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ (популярная физика). М. 1893 г. Ц. 3 р.

☛* **Джеромъ К.** Праздныя мысли лѣнтяя.—О лѣни.— О тщеславіи.— О любви.— Объ одеждѣ.— Объ ѣдѣ и питьѣ.—Объ успѣхѣ.—О нуждѣ.—О памяти. Перев. съ 64 анг. изданія. К. 1893 г. Ц. 50 к.

☛ **Диккенсъ, Ч.** Жизнь и приключенія М. Чезльвита, его родныхъ, друзей и враговъ. Иллюстрир. романъ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ Императ. театр. Сезонъ 1890—91 и 92—93 гг. Спб. 1892. Ц. по 3 р. 50 к.

* **Жоржинька,** ком.-шутка въ 2 д. Чека. М. 1891. Ц. 50 к.

☛ **Жоржъ Сандъ.** Бабушкины сказки. 3-е исправл. и значит. дополн. изданіе. Съ рис. Клодта и др. и съ портретомъ автора. Ц. въ папкѣ 2 р. 75 к.

* **Забранскій, О.** Выжиганіе по дереву. Руководство для любителей съ 9-ю таблицами. М. 1893 г. Ц. 75 к.

Золя, Эмиль. Д-ръ Паскаль, романъ. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

* **Зудерманъ, Г.** Честь. Ком. въ 4 д., переводъ Н. К. Цѣна 50 к., цѣна комплекта въ 16 экз.—(по числу ролей)—2 р. 50 к.

— Забота, разсказъ. Спб. 1893. Ц. 60 к.

* „Родина" (Heimat), др. въ 4 д., перев. Ѳ. А. Куманина. Ц. 50 к., комплектъ въ 10 экземпл.—2 р. 50 к.

***Ибсенъ.** Докторъ Штокманъ, драма въ 5 дѣйств. М. 1891. Ц. 50 к.

☛ **Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.** Моя жизнь во Христѣ. Вып. 1-й. Ц. 10 к. Вып. 2-й. Ц. 10 к. Вып. 4-й. Ц. 15. Вып. 5-й Ц. 30 к.

☛ **Квитко-Основьяненко.** Малороссійскія повѣсти. Кіевъ. 1893 г. Ц. 75 к.

☛ **Киселева, М.** Двѣ королевы. Съ рисунк. В. П. Шрейбера. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

☛ **Лабутинъ, И. К.** Непріятный подарокъ. Разсказъ для дѣтей. Рисунки барона Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

***Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. Новелла, перев. съ франц. Л. Жданова. (Изящное миніатюрное изд. съ рис.). М. 93 г. Ц. 80 к.

Карабчевскій, Н. Господинъ Арсковъ. Повѣсть. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Карповъ, Е. П.** Жрица искусства. (Свободная художница). Ком. въ 4 д. Ц. 1 р., цѣна комплекта въ 16 экз. по числу ролей—4 р.

* — Тяжкая доля, др. въ 4 д. и 5 карт. Спб. 1889. Ц. 50 к.

* — На земской нивѣ, драма въ 5 дѣйств. Спб. 1889. Ц. 50 к.

* — Ранняя осень, др. въ 5 д. Цѣна 1 р., цѣна комплекта за 10 экземпляровъ (по числу ролей). М. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

Квитка, Григ. (Основьяненко). Драматич. сочин.: 1) Шельменко, волостной писарь; 2) Шельменко, деньщикъ; 3) Сватання на Гончаривци и 4) Щыралюбовъ. К. 1893 г. Ц. 35 к.

* **Кичеевъ, П. П.** Для публичнаго чтенія. Стихотвор. (Евр. театръ № I.) М. 1890. Ц. 1 р.

* **Климке.** Руководство живописи по фарфору и стеклу. М. 1893 г. Ц 1 р.

Кони. Театръ. 4 т. Спб. 1872. (33 др. соч.). Ц. 8 р.

Коровяковъ. Выразительное чтеніе. Спб. 1892. Ц. 1 р.

* **Короленко** (Рѣка играетъ. На затмѣніи. Атъдаванъ. Черкесъ. За иконой. Судный день или Іомъкипуръ). М. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

☛ **Короленко, Влад.** Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія, замѣтки. (Изъ дневника). Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

☛ **Ковалевская, А.** Наташино хозяйство. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. М. 1893 г. Ц. 30 к.

Крамской, И. Н. Его жизнь, переписка и художест. и критическія статьи. Спб. 1888. Ц. 3 р. 50 к.

* **—Крицынъ.** Краткій курсъ хороваго пѣнія по цифирной методѣ. М. 1892 г. Ц. 50 к.

* **Лавровъ, М.И.** Милостники и опальные. Др. въ 4 д. и 5 карт., и друг. стихотворенія. М. 1889. Ц. 2 р.

* **Ланнекъ.** Живопись по дереву (акварельными красками). М. 1893 г. Ц. 65 к.

Ленскій. Театръ. Сборникъ пьесъ 6 т. Спб. 1874. Ц. 15 р.

* **Лермонтовъ.** Сочиненія. Изд. Кушнерева. 2 т. съ иллюстрац. М. 1891. Ц. 5 р.

☛ * **Лессингъ, Г.** Эмилія Галлотти, траг. въ 5 д. К. 1893 г. Ц. 25 к.

— * Минна фонъ-Барнгеймъ, ком. въ 5 д. К. 1892 г. Ц. 25 к.

— * Натанъ Мудрый, драма въ 5 д. К. 1893 г. Ц. 25 к.

— * Молодой ученый, драма. К. 1893 г. Ц. 25 к.

Лейкинъ, Н. Странствующая труппа. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Лопэ-де-Вега.** Звѣзда Севильи. Драма, перев. С. А. Юрьева. М. 1887. Ц. 1 р.

* **Львовъ, Т. Н.** Энтузіасты. Драматич. этюдъ въ 1 дѣйст. Спб. 93 г. Ц. 40 к.

* **Львовъ, Т. Н.** Картины изъ жизни въ разсказахъ. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Любке. Исторія искусствъ. Спб. 1890. Ц. 2 р. 50 к.

* **Лѣтневъ.** Собраніе сочиненій. К. 1893 г. Подписка на X т —6 р. 50 к. Отдѣльно томъ—1 р.

* **Маковскій, В. Е.** Альбомъ геліогравюръ. Вып. I—XII. Цѣна каждаго т. 6 р. О подпискѣ см. объявленія.

Мережковскій. Д., Символы. (Пѣсни и поэмы). Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Михеевъ, В. М.** Арсеній Гуровъ. Др. въ 5 д. Ц. 1 р. Ц. комплекта въ 14 экз. (по числу ролей)—3 р. 50 к.

— * По хорошей веревочкѣ, ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ изъ сибирской жизни. М. 1891 г. Ц. 20 к.

— * Пѣсни о Сибири. М. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

☛ —* Золотыя розсыпи, романъ въ 2-хъ частяхъ. М. 1894 г. Ц. за 2 тома 2 р.

☛ — * Ложные итоги, ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.

* **Можэнъ, Ж.** и **Мень, В.** Скрипка, альтъ, віолончель, контръ-басъ и гитара. Смычки, канифоль и струны. М. 1893 г. Ц. 1 р.

* **Монгомери** Синяя вуаль. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. М. 1890. Ц. 1 р. 75 к.

Монтегацца, П. Физіологія женщины. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

* **Морлэй.** Вольтеръ. М. 1889. Ц. 2 р.

* **Мясницкій, И. И.** Она одна. Монологъ. М. 93 г. 50 к.

—* Ни минуты покоя. Ком.-ф. въ 3 д. М. 1893 г. Ц. 75 к.

☛ **Надсонъ, С. Я.** Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле, и біографическимъ очеркомъ. Изд. 12-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

☛ * **Немировичъ-Данченко, В. И.** Въ огнѣ. Пов. изъ послѣдней Русско-турецкой войны съ рисун. Чичагова. К. 1892. Ц. 1 р.

— * Ѳедька-Рудокопъ, разсказъ для дѣтей. К. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— * Въ потьмахъ, сборникъ разсказовъ 1892 г. К. Ц. 1 р.

— * Контрабандисты, романъ съ роскошн. рисунк. К. 1892 г. Ц. 2 р.

Ноль. Бетховенъ и его жизнь. Въ II томахъ. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Нордау, М.** „Вырожденіе". Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. Р. Сементковскаго. Въ это русское изданіе вошли 2 книги нѣм. подлинника. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Островскій, А. Н.** Полное соб. соч. X т. М. 90 г. Ц. 16 р.

— Драматическіе переводы. II. 72 г. 2 р.

* **О философскомъ ученіи.** Гр. Л. Н. Толстого. К. 1892 г. Ц. 60 к.

* **Пальеронъ.** Ликвидація. Ком. въ 1 д. Перед. Э. Маттернъ. (Европ. т. № 1.) Ц. 1 р.

Пальмъ, А. Старый баринъ, ком. Спб. 1878. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Спб. 1878. Ц. 65 к.

* **Перовъ, В. Т.** 60 фототипій съ его картинъ, съ біографіей, написанной г. Собко. Изд. Д. А. Ровинскаго. Ц. 10 р., въ пер. 12 р.

* **Переплетчиковъ, В. В.** Альбомъ рисунковъ (фототипіи). Ц. 2 р.

Помочь. Вологодскій сборникъ. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

☛ * **Подкольскій, В. В.** *Будни*, сборникъ разсказовъ. Ц. 1 р.

* **Пушкаревъ, Н.** Ксенія и Лжедмитрій. Др. въ 5 д. и 7 карт. въ стихахъ. (Европ. театр. № 1.) Ц. 1 р.

Путь-дорога, сборникъ въ пользу переселенцевъ. Изд. К. М. Сибирякова. Ц. 3 р. 50 к.

* **Радичъ, В.** Въ чаду кулисъ. Романъ. К. 1892 г. Ц. 1 р.

* **Саловъ, И. А., и И. Н. Ге.** Самородокъ. Ком. въ 4 д. и 5-ти картинахъ. П. 86 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія, повѣсти и разсказы. 2 т. Спб. 1884. Ц. 3 р.

— Ольшанскій молодой баринъ. Спб. 1886. Ц. 2 р. 50 к.

* — Съ натуры—13 разсказовъ. Ц. 1 р.

☛ * — Уютный уголокъ, повѣсть (роскошное миніатюрное изданіе, съ рисунками). Ц. 80 к.

Самсоновъ, Л. М. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера. (1860—1878). Изящное изданіе на цвѣтной веленевой бумагѣ. Спб. 1880. Ц. 2 р.

* **Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествіе Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Съ біографіей автора и примѣчаніями. Съ рисунками. 2 ч. М. 1889 Ц. 4 р. 40 к.

— * **Сказки русскихъ писателей для дѣтей.** К. 1892 г. Ц. 30 к.

* **Склабовскій.** Христіанскій взглядъ на неравенство людей на землѣ. М. 1887. Ц. 50 к.

☛ **Славянскія сказки,** собранныя А. И. Соколовымъ. 2-е дополн. изд. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Современныя нимфы. Альбомъ 12 геліогравюръ, по оригиналамъ Г. Зибенъ. Въ изящной папкѣ вмѣсто 15—10 р.

* **40 народныхъ пѣсенъ.** Кіевъ. Ц. 1 р.

* **Стокгэмъ, А.** Д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. К. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Танѣевъ. Изъ прошлаго Императорскихъ театровъ. Краткій историческій очеркъ. 4 выпуска. Ц. каждаго 75 к. Спб. 71.

* **Tom. Tit.** Поучительныя забавы или опыты и фокусы безъ приборовъ, съ самодѣльными приспособленіями, съ 65 политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к. М. 93.

☛ **Толстой, Л. Н. гр.** Новыя изданія собраній сочиненій въ 13 томахъ съ 18 фототипіями. Ц. 23 руб.

— Дешевое изданіе 13 т. Ц. 9 руб.

☛ **Толстой, Л. Н.** Графъ. Сочиненія („Власть Тьмы". —Плоды просвѣщенія. —Холстомѣръ. —Декабристы). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

***Тысяча одна ночь.** Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. В. Долъмейеръ. Со статьею акад. А. Веселовскаго. Съ рисунками. 3 тома. М. 1889—90. Ц. 8 р. 65 коп.

* **Указатель пьесъ** для любительскихъ спектаклей. Ц. 50 к., для подписч. „Артиста" 25 к.

* **Устройство сцены** для любительскихъ спектаклей. Ц. 50 к., для подписчиковъ „Артиста" 25 к.

* **Филипповъ, С.** Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. М. 93 г. Ц. 1 р. 25 к.

* — Сирень, очерки и разсказы. М. 1893. Ц. 1 р. 25 к.

☛ **Фламмаріонъ, К.** Свѣтопреставленіе. Астрономическій романъ. Съ иллюстраціями. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

* **Чермный, А.** Черный капитанъ (морская легенда). —Азартная игра (разсказъ матроса). —Фрегатъ въ огнѣ (разсказъ очевидца). — Выходъ въ океанъ

(корабельный бунтъ).—Помощь съ берега (прибрежный романъ).—Морская быль.—Какъ люди тонутъ.—Подарокъ на Рождество. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

☞ **Ярошевскій, С. О.** Выходцы изъ Межеполя. Романъ въ 3-хъ част. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

* **Холостовъ, В.** Цитварный ребенокъ. Вод. въ 1 д. Спб. 1889. Ц. 40 к.

Чеховъ, Антонъ. Разск. Изд. 4-е. Спб. 1892. 1 р.

— Дуэль, повѣсть. Изд. 3-е. П. 1893 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка, разсказъ. М. 93. Ц. 40 к.

Чешихинъ, В. Краткія либретто. Содержаніе 100 оперъ современнаго репертуара. Рига. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

* **Шекспиръ.** „Гамлетъ" въ переводѣ П. П. Гнѣдича. М. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія. Спб. 1887—88. Ц. 12 р.

* **Шелли.** Сочиненія. Переводъ К. Бальмонта. П. 1893 г. Ц. 50 к.

* **Шиллеръ, Ф.** Коварство и любовь, траг. въ 5 д. К. 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники, траг. въ 5 д. К. 1892 г. Ц. 25 к.

— Племянникъ-дядя, ком. въ 3 д. К. 1892 г. Ц. 15 к.

— Орлеанская дѣва, траг. въ 5 д. К. 1892 г. Ц. 25 к.

Шпажинскій, И. В. Драматическія сочиненія. Т. 2-й. М. 92 г. 2 р. Т. I. Спб. 1886. Ц. 1 р. 50 к.

* **Щегловъ, И. Л.** Господа театралы. Ком. въ 1 д. Ц. 1 р.

* — Русскій мыслитель. Спб. 1887. Ц. 1 р.

* — Первое сраженіе. Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

* — Гордіевъ узелъ. Спб. 1887. Ц. 1 р. 25 коп.

Юрьевъ. Нѣсколько мыслей о сценич. искусствѣ. М. 1884. Ц. 60 к.

☞ НОТЫ ☜

Леонковалло. Паяцы, опера для пѣнія. Ц. 3 р.; Попурри. Ц. 1 р. 30 к.; Менуэтъ. Ц. 30 к.; Дуэтъ. 90 к.; Баллада. Ц. 60 к.; Прологъ. Ц. 40 к.

Масканьи. Cavalleria rusticana, опера. Ц. 1 р. 50 к.; Intermezzo. Ц. 60 к.; L'amico Fritz. Ц. 3 р.

Верди. Фольстафъ, оп. Ц. 1 р. 50 к.; Риголетто. Ц. 1 р. 50 к.; Травіата. 1 р. 50 к.

Миллекера. Бѣдный Іонафанъ. Ц. 2.

Новѣйшіе танцы, романсы и куплеты.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

☞ **Le Décaméron par Boccace.** Illustrations de Jacques Wagrez. 220 en héliogravure, en taille-douce et en des tons différents, 11 frontispices et 20 hors texte. 3 vol. in 8⁰ colombier broché, au lieu de R. 90—R. 65.

☞ **Histoire de Manon Lescaut et du chevalier des Grieux par l'abbé Prévost.** Ill. par Leloir; 12 Eaux-fortes hors texte et 225 vignettes en gravure, grande édition in 8⁰ colombier broché, au lieu de R. 30—R. 18.

☞ **Histoire de Manon Lescaut et du chevalier des Grieux par l'abbé Prévost.** Ill. par Leloir; 12 aquarelles hors texte et 225 vignettes en gravure. Petite édition in 8⁰ raisin Richement relié en soie rose, avec frontispice impression Iris. Au lieu de R. 7.50.—R. 5.

☞ **Les confessions par J. J. Rousseau,** ill. par M. Leloir; 48 eaux-fortes hors texte et 48 eaux-fortes dans le texte, soient cartouches, en-têtes, culs-de-lampe et fleurons. 2 vol. brochés in 8⁰ colombier. Au lieu de R. 75—net. R. 50.

☞ **Candide ou l'optimisme par Voltaire.** Ill. par A. Moreau 10 eaux-fortes hors texte et 60 en-têtes, culs-de-lampe gravés sur bois sur papier de Marais. 1 vol. in 8⁰ raisin broché, au lieu de R. 25—R. 15.

☞ **Daphnis et Chloé par Longus,** ill. p. R. Collin. 12 planches hors texte, 5 en-têtes, 5 culs-de-lampe, 18 dessins en texte. Gravés à l'eau forte. 1 vol. sur papier Marais portant le titre dans la pâte in 8⁰ raisin broché, au lieu de R. 50—R. 25.

☞ **Voyage sentimental en France et en Italie par L. Sterne,** ill. p. M. Leloir; 12 photogravures hors texte et 225 dessins dans le texte. Sur papier vélin du Marais. 1 volume gr. in 8⁰ colombier broche, au lieu de R. 25—R. 15.

☞ **Hogarth, Zeichnungen.** Mit 93 Stahlstichen und 40 Bogen Text. gr. Lex. 8⁰ in Leinwand gebunden statt R. 10—net. R. 5.

☞ **Memoires de Benvenuto Cellini,** écrits par lui-même. Traduction de **Léopold Leclanché,** notes et index de M. Francko. In 8⁰, imprimé sur papier à la cuve, illustré de neuf grandes planches à l'eau-forte et hors texte gravées par Laguillermie, et dans le texte de nombreuses illustrations en Or et en Argent au lieu de R. 25—net. R. 10.

☞ **Albert Dürer et ses dessins,** par. Ch. Ephrussi. Un volume in 4⁰ illustré d'une centaine de dessins dans le texte ef de nombreuses planches hors texte au lieu de R. 30—net R. 15.

☞ **Les merveilles de l'art ancien en Belgique.** In 4⁰. 196 pages avec 5 chromo-lithogr., 6 eaux-fortes, 17 autres planches, 400 dessins au lieu de R. 30—net R. 15.

☞ **Les chefs d'oeuvre de la peinture italienne,** par Paul Mantz. In folio, av. 20 planches chromo-lithographiées et 30 planches en gravures sur bois au lieu de R. 50—net R. 30.

☞ **Salon des aquarellistes français,** texte de Montrosier. 1 fort vol. in 8⁰ colombier, contenant 40 planches hors texte en tête et culs de lampe en photogravure d'après les aquarelles de M. M. Adam, Boutet de Monvel, Lewis Brown, Benjamin Constant, Détaille, M. Lemaire, M. Leloir etc. Année 1887 au lieu de R. 35—net. R. 15.

☞ **Racinet, Le Costume historique:** 500 planches, 300 en couleurs, or et argent, 200 en camaïeu, avec des notices explicatives et une étude historique. Grande édition in folio, au lieu de R. 250—net R. 150.

— Le même ouvrage—Petite édition in 4⁰ au lieu de R. 125—net. R. 80.

☞ **Falke. Jacob von, Costümgeschichte der Culturvölker.** Mit 377 Abbildungen im Text und einer Farbendrucktafel brochirt. Statt R. 14. 40—netto R. 5.

Album de gallerie contemporain. Ц. 15 р.

Auteurs célèbres, за вып. по 30 к.

» Découverte de la Russie. Ц. 1 р. 75 к.

Album Caran d'Ache Parisiens. Ц. 1 р. 75 к.

Apoux. Pointes sèches. Ц. 2 р. 50 к.

» Les Péchés Capitaux. Ц. 2 р. 50 к.

Aubert, Ch. Les nouvelles amoureuses. 20 вып. кажд. 1 р.

Bourget (Paul).—Un Scrupule. Illustrations de Myrbach, gravées par L. Rousseau. In-18. Ц. 90 к.

Burnier (Charles).—En Russie. Sensations et paysages (vers.) In-12. (Lausanne). Ц. 1 р. 60 к.

Badin (Adolphe). — Minine et Pojarski. In-12. Ц. 1 р. 60 к.

Catalogue illustré. Salon de la société Nationale. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

— de peinture et de sculpture 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Officiel illustré de la société Nationale. Ц. 1 р. 75 к.

Cahiers d'enseignement illustrés: l'uniformes de L'armée russe, française etc. Каждый выпускъ по 25 к.

Cherbuliez, V. L'art et la nature. Ц. 1 р. 60 к.

Coppée, Fr. Rivales. Ц. 90 к.

Destrem. Drame en 5 minutes. Ц. 1 р. 60 к.

Dessins de maitres anciens liv. 1, 2, по 1 р.

Datin (Henri).—Une femme fin de siècle. In-12. Ц. 1 р. 60 к.

Danrit (le capitaine). — La Guerre de de main. Deuxième partie: La Guerre en rase campagne 2 vol. in-12 ill. Ц. 3 р. 20 к.

Elegances parisiennes. Ц. 2 р. 50 к.

Fourcaud. Maitres modernes. Ц. 12 р.

Fantaisies decoratives par Habert-Dys. Ц. 1 р.

Goncourt, Chérie. Ц. 1 р. 60 к.
Gyp. Pas jalouse. Ц. 1 р. 60 к.
Grévin. Les Parisiennes. Ц. 1 р. 75 к.
Hauptmann (Gérard). — Les Tisserands. Drame en 5 actes, en prose. Traduction de Jean Thorel. Gr. in-8. Ц. 2 р.
Hugo (Victor). — Oeuvres inédites. Toute la lyre. Dernière série. In-8. Ц. 3 р. 50 к.
Hessem, Les confessions d'une coméd. Ц. 1 р. 60 к.
Houssaye, Le comédiens. Ц. 1 р. 60 к.
Le Nu au Salon Ц. 2 р. 25 к.
L'art ancien en Belgique. Ц. 12 р.
Les premières illustrées. Кажд. вып. 75 к.
La rue à Londre. Роскошное изданіе. Ц. 35р.
Les dessins du Louvre № 1—15 р.
— № 2—13 р.
Les dessins du Louvre, écoles Flamande. Ц. 16 р. 50 к.
— École Italienne. Ц. 22 р.
Les dessin du siècle. Ц. 15 р.
Loti, P. Japoneries d'automne. 1 р. 60 к.
— Roman d'un enfant. Ц. 1 р. 60 к.
— Matelat. Ц. 4 р. 80 к.
Mars, Aux rives d'or. Ц. 5 р.
— Les plages de Bretagne. Ц. 5 р.
Michel, Rembrandt liv. 1. Ц. 50 к.
Maupassant, G. M-lle Fifi. Ц. 1 р. 60 к.
— Clair de lune. 1 р. 60 к.
Noël (Edouard) et Edmond **Stoullig.** — Les Annales du théâtre et de la musique. Avec une préface par Jules Lemaître. 18-e année, 1892. In-12. Ц. 1 р. 60 к.
Parigot (Hippolyte). — Le Théâtre d'hier. Etudes dramatiques, littéraires et sociales. In-12. Ц. 1 р. 60 к.
Molière.—(Euvres complètes. Tome III: Le Misanthrope. L'Ecole des maris. Les Fâcheux. In-18. (Petite collection Guillaume.) Ц. 90 к.
Paris Noël съ роскошной олеографіей. Ц. 1 р. 75 к.
Pointes sèches par Dachery. 2 вып. по 2 р. 50 к.
Piglheim, Pastels. Ц. 7 р. 20 к.
Revue Illustrée. 1 р. 50 к. за выпускъ.
Renan. Feuilles detachées. Ц. 1 р. 60 к.
Zola, E. Docteur Pascal. Ц. 1 р. 60 к.
— L'argent. Ц. 1 р. 60 к.
Royal academy pictures 1892. Part 1—4. Ц. 3 р. 40 к.
— 1893 part. 1—5. Ц. 4 р. 25 к.
Salon des aquarellistes français 6 вып. Ц. 1 р. 75 к. за выпускъ.
Salon 1891. Ц. 1 р.
Salon Illustré 4 вып. по 1 р.
Sacher-Masoch. Contes juifs. Ц. 7 р. 50 к.
Simon. La femme du vingtième siècle. Ц. 1 р. 60 к.
Sardou. Thermidor. Ц. 3 р.
Six caprices. Ц. 2 р. 50 к.
Somm. Six pointes. Ц. 2 р. 50 к.
Schrœder (Félix). — Le Tolstoïsme. In-12. Ц. 1 р. 60 к.
Schürmann (Impressario).—Les Etoiles en voyage. La Patti. Sarah Bernhardt. Coquelin. In-12. Ц. 1 р. 60 к.
Tinseau, L. Faut-il aimer? Ц. 1 р. 75 к.
6-te Internationale Kunstausstellung zu München. 1892 г. 10 вып. 3 р. 60 к.
Types de Parisiennes. 2 вып. по 2 р. 50 к.
Stinde Julius. Der Liedermacher. Ц. 1 р. 80 к.
Kuhn, Allg. Kunstgeschichte. Ц. 1 р. 20 к.
Moderne Kunst по 50 к. за выпускъ.
Platzoff, A. Romeo's Debüt. Ц. 1 р. 20 к.
Schwind. Die schöne Melusine. Ц. 4 р.
Spielmann, In Tricot. Ц. 60 к.
Welten, O. Wie Frauen strafen. Ц. 60 к.
Vignetten. Ц. 1 р. 20 к.
☛ **L'Art français.** 1789—1889. publ. p. A. Troust. av. illustr. *вмѣсто 32 р. 50 к. только 18 р.*
Album moderne Meister in Heliogravure. Альбомъ современныхъ художниковъ въ фотогравюрахъ: Маккарта, Каульбаха, Семирадскаго, Дефрегера, Грюнцера, Крея, Брандта, Пиллоти и т. д. Цѣна (24 геліогравюры въ папкѣ) *вмѣсто 30 р. только 15 р.*
Figaro-Salon (снимки съ картинъ парижскихъ выставокъ) за 1886 — 1892 года, за всю коллекцію *вмѣсто 42 только 21 руб.*, за одинъ годъ (кромѣ 1888 и 1891 г., которые отдѣльно не продаются) *вмѣсто 6 только 3 руб.* и за отдѣльный выпускъ *вмѣсто 1 руб.—только 50 коп.*
St. Pierre, Paul et Virginie съ иллюстраціями Maurice Leloir. Ц. 5 р.
André Theuriet, Nos oiseaux съ рисунками Giacomelli. Эти два тома, въ роскошныхъ переплетахъ, *вмѣсто 15—только по 8 р.* за томъ; безъ перепл. *5 р.*
André Theuriet, Le secret de Gertrude съ иллюстраціями Emile Adan *вмѣсто 15—только 8 р.*
Le nu d'après François Bouchet — альбомъ, содержащій 20 рисунковъ, съ текстомъ Louis Enault *вмѣсто 15—только 8 руб.*
Goncourt, L'art du XVIII siècle 2 тома, брошюрованные съ 70 рисунками, *вмѣсто 80—только 40 р.*
Pougin. Dictionnaire historique et pittoresque du theâtre, содержитъ 100 гравюръ и 8 хромолитографій *вмѣсто 20—только 10 руб.*
Adolphe Jullien. La comédie à la cour, *вмѣсто 12 руб. 50 коп. только 6 руб.*
Cesare Vécellio. Costumes anciens et modernes, съ французскимъ и итальянскимъ текстомъ 2 тома, брошюрованные, *вмѣсто 15 р. только 12 руб.*
Victor Hugo. Le livre d'or, *вмѣсто 50—только 28 руб.*
Moritz Thausing, Albert Dürer, sa vie et ses oeuvres, *вмѣсто 20—только 10 руб.*
☛ **Lossow, Götterdekameron,** *вмѣсто 6 р. только 4 р.*
☛ **Zick**, Das goldene Zeitalter, *вмѣсто 6 р. только 4 р.*
☛ — Aphrodite und ihr Gefolge *вмѣсто 6 р. только 4 р.*
☛ — Bacchus und sein Gefolge *вмѣсто 6 р. только 4 р.*
Histoire de Napoléon I par M. de Norvins *вмѣсто 5—только 3 руб. 50 коп.*
Garbog, A. Müde Seelen. Ц. 2 р. 10 к.
Spielhagen, F. Sonntagskind. Ц. 6 р.

«Petite Collection Guillaume». Каждый томикъ ц. 90 к.

1) **Bernardin de St. Pierre.** Paul et Virginie.
2) **Goethe.** Werther.
3) **Natessa Sastri.** Le porteur de Sachet. Rom. Hindou.
4) **Daudet, A.** L'Arlesienne.
5) **Prevost, l'abbé.** Manon Lescaut.
6) **Poe, E.** Le Scarabé d'or.
7) **Byron.** Le Corsaire et Lara.
8) **Goncourt, de.** Armande.
9) **Chateaubriand.** Atala.
10) **Printemps Parfumée,** roman coréen.
11) **Porto, da.** Juliette et Roméo.
12) **Voltaire.** Candide.
13) **Diderot.** La Religieuse.
14) **Cervantes.** La Jitanilla.
15) **La Fontaine.** L'Amour et Psyché.
16) **Cazotte.** Le Diable amoureux.
17) **Molière.** Oeuvres. Tome I.
18) — » II.
19) — » III.
20) — » IV.
21) — » V.
22) — » VI.
23) **Chamisso.** Pierre Schlémihl.
24) **Valmiki.** L'Exil de Rama.
25) **Dickens**, (Ch). Le Grillon du foyer.
26) **Tolstoï, L.** Michaël. (Чѣмъ люди живы?). перев. князя Божидара Карагеоргіевича.

Дозволено цензурою. Москва, 5 января 1894 г.

Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.

1835. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** — 1894.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

40 НУМЕРОВЪ „Иллюстрированные романы“.—12 КНИГЪ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Выходятъ ежемѣсячно.—**20 НУМЕРОВЪ „ЖИЗНЬ и ХОЗЯЙСТВО“.—20 НУМЕРОВЪ „ЗАБАВЫ для ЮНОШЕСТВА“.** (Физическіе и химическіе опыты, работы изъ разныхъ предметовъ, ребусы и задачи).—**24 НУМЕРА „Парижскихъ модъ“.** Выходятъ **ДВА** раза въ мѣсяцъ.—**12 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.—12 ВЫКРОЕКЪ.—12 „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ“.—5 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для выпиливанія“.—1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ.**

1) ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЛОРДА БАЙРОНА.

2) ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ РАЗСКАЗОВЪ ШЕХЕРЕЗАДЫ

„ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ“.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, уплатившіе сполна подписную сумму, получаютъ **ДВѢ** прозрачныя картины, замѣняющія живопись на стеклѣ.

1) «ПѢСНЬ ЛЮБВИ» и 2) «РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ:

НА ГОДЪ: безъ доставки въ Спб. **6 р. 60 к.** Съ пересылкою по Имперіи **8 р.** Подписавшіеся одновременно на журналъ **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** и газету **СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“** (первое изданіе) съ доставкою и внесшіе сполна годовую подписную сумму за оба изданія, могутъ получать, на выборъ, альбомъ или картину **БЕЗПЛАТНО.**

Адресъ Главной конторы: С.-Петербургъ. Невскій просп., у Аничкова моста, д. 68—40

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 82-й. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** — 1894.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА (безъ предварительной цензуры)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И КНИЖКАМИ „РОМАНЫ И ПОВѢСТИ“.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, подписчики получатъ БЕЗПЛАТНО:

1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала. 2) **КНИЖКИ „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“.** Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ. 3) **12 НУМЕРОВЪ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“,** замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“. 4) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи), отпечатанный въ ТРИ краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ доставкою по Имперіи): на годъ **8** р., на полгода **4 р. 50 к.**, на три мѣсяца **2 р. 50 к.**, на одинъ мѣсяцъ **1 р.**

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): на годъ **4 р.**, На полгода **2 р.**, на три мѣсяца **1 р.**, за границу (на годъ) **6 р.**

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики перваго или второго изданія газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художественныя изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома: безъ доставки 75 к., съ доставкою ОДИНЪ рубль.

1) БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА **И. И. РѢПИНА:**

„БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ“.

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка. выс. 14 вершк.).

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ

„ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ“.

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. **Айвазовскаго,** проф. **Семирадскаго,** проф. **Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной** и друг.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ
РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ и КОМПОЗИТОРОВЪ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ III.** 2) Е. И. В. Гос. Имп. **МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.** 3) Е. И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ II** (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. **ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ** (Кронштадскій). **Писатели:** 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ **ТРИ** руб. (безъ доставки).

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ—**9** р., полгода—**5** р., 3 мѣсяца—**3** р., одинъ мѣсяцъ—**1** р.; для городскихъ—**8** р., **4** р. **50** к., **2** р. **60** к., **90** к.; заграницу: на годъ **17** р., полгода **9** р.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.

Редакторъ-издатель **А. А. Пороховщиковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„ПРАВДА“.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII-й.

Наши подписчики въ 1894 г. получатъ **ТРИ ОТДѢЛЬНЫХЪ БОЛЬШИХЪ ИЗДАНІЯ.**

ГАЗЕТА „ПРАВДА“ 52—ЖУРНАЛЪ „ПРАВДА“ 52 въ годъ большихъ нумеровъ.

КНИГИ „ПРАВДЫ“. Въ 1894 году будутъ помѣщены новыя произведенія Зола, Доде, румынской королевы Елизаветы, М. Нордау, Б. Прусса, Захеръ-Мазоха и мн. др. въ годъ книгъ 12

Сочин. **Виктора Гюго** — 2 тома,
Сочин. **Вальтера Скотта** — 2 тома,
Сочин. **Мольера** — 1 томъ.

Е. КАРО.—ПЕССИМИЗМЪ.

Подписная цѣна на всѣ три изданія съ пересылкой во всѣ мѣста Имперіи: на годъ **7** р., на полгода **4** руб
Допускается разсрочка.

Редакція и главная контора газеты „Правда“: С.-Петербургъ, набережная Екатерининскаго канала, 102.

Издатель-Редакторъ **П. Н. Подлигайловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ (ИЗДАНІЯ IX ГОДЪ).

ЗВѢЗДА

5 рублей за годъ безъ доставки.
За границу **10** руб.

6 рублей за годъ съ дост. и перес. во всѣ города Россіи.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годовые подписчики въ теченіе 1894 года получатъ:

52 №№ еженедѣльнаго иллюстрированнаго художественно-литературнаго журнала „Звѣзда“.
12 книгъ ежемѣсячнаго „Литературнаго журнала“.
26 №№ „Моднаго журнала“.
26 №№ „Развлеченія“.
12 №№ „Наука и Забава“.
12 №№ „Польза и Дѣло“.
12 №№ „Женскихъ рукодѣлій“.
6 №№ „Музыкальныхъ приложеній“.
6 №№ „Выпиловочныхъ чертежей“.
1 „Табель-календарь“.

РОМАНЫ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

въ 12 томахъ,

составляющіе серію подъ общимъ заглавіемъ:

„РУГОНЫ-МАККАРЪ“.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки пять рублей, съ доставкою въ Спб. и пересылкой по Имперіи шесть руб., за границу десять рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 1 руб., къ 1 іюля 2 руб. и къ 1 октября 1 руб.

Контора журнала „ЗВѢЗДА“: С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Издатель П. Сойкинъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

1894 годъ. **„ОСКОЛКИ“** XIV годъ.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи **Н. А. ЛЕЙКИНА.**

Еженедѣльный (52 №№ въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ съ карикатурами.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики на 1894 г. получатъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

ЮМОРЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА

СЪ РИСУНКАМИ.

Цѣна за журналъ:

на годъ съ перес. и доставкой . . . **9** р. — к.	на полгода безъ перес. и доставки . **4** р. **50** к.
на годъ безъ перес. и доставки . . **8** „ — „	на три мѣсяца съ перес. и дост. . . **3** „ — „
на полгода съ перес. и доставкой . . **5** „ — „	на три мѣсяца безъ доставки . . . . **2** „ **50** „

За пересылку преміи приплаты не полагается.

Подписка принимается въ главной] конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Спасской улицѣ, д. № 17.

Допускается разсрочка подписной платы чрезъ гг. казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ главной конторой журнала. Подписавшіеся съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы.

Редакторы-издатели **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике.**

Въ книжн. магазинахъ „Нов. Времени“ (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА.

На лонѣ природы, юмористическіе очерки подгородной деревенской дачной жизни. Цѣна 1 р. 50 к.

Воскресные охотники, юмористич. разсказы о похожденіяхъ столичныхъ подгородныхъ охотниковъ, цѣна 1 р.

Странствующая труппа, романъ въ 2-хъ частяхъ, цѣна 1 р. 50 к

Гдѣ апельсины зрѣютъ. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ по Ривьерѣ и Италіи. Изд. 5-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Наши за границей. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. 9-е изданіе. Цѣна 1 р. 50 к.

На заработкахъ, романъ. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 20 к.

Актеры любители, разсказы. 2-е изд. Цѣна 1 р.

Подъ орѣхъ, юмористическіе разсказы съ 46 рисунками художниковъ А. И. Лебедева и В. И. Порфирьева, цѣна 2 р.

Голубчики, сборн. юмористич. разсказовъ съ 53 рисунками художн. А. И. Лебедева, цѣна 2 р.

Въ царствѣ глины и огня, романъ, цѣна 1 р.

Въ ожиданіи наслѣдства или Страница изъ жизни Кости Бережкова, романъ, цѣна 2 р.

Сатиръ и Нимфа или похожденія Трифона Ивановича и Акулины Степановны, романъ, цѣна 2 р.

Стукинъ и Хрустальниковъ, романъ изъ жизни банковыхъ дѣятелей, цѣна 2 р.

Пухъ и перья, юмористич. разсказы съ 54 рисунками художника Лебедева, цѣна 2 р.

Ребятишки. Разсказы. Изд. 2-е. Цѣна 1 р.

Сватовство профессора. Романъ. Изд. 2-е. Цѣна 1 р.

Апраксинцы и биржевые артельщики, 3-е изд. Очерки. Цѣна 1 р.

Деревенская Аристократія, очерки сельской жизни. Цѣна 1 р.

Цвѣты лазоревые, разсказы, цѣна 1 р. 50 к.

Христова невѣста. — Кусокъ хлѣба, романъ и повѣсть, 3-е изд., цѣна 1 р. 50 к.

Караси и щуки, разсказы, цѣна 1 р. 50 к.

Теплые ребята, разсказы, цѣна 1 р. 50 к.

Наши забавники, разсказы. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Неунывающіе россіяне, разсказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Гуси лапчатые, разсказы, цѣна 1 р. 50 к.

Мученики охоты, разсказы, цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи „Осколки“ (СПБ., Спасская ул., д. № 17), за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ (15—18 ЛИСТОВЪ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Отдѣлъ I. Беллетристика. **Отдѣлъ** II. Наука и публицистика. **Отдѣлъ** III. Библіографія. **Отдѣлъ** IV. Смѣсь. **Отдѣлъ** V. Приложеніе.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы книжнаго магазина Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха, и контора Печковской — Петровскія линіи и въ книжномъ магазинѣ журнала „Артистъ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **7** р.; за границу **10** рублей; безъ доставки **6** р.

Издательница **А. Давыдова.** Редакторъ **Викторъ Острогорскій.**

VII-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИКА НА 1894 г.** **VII-й** годъ изданія.

„СѢВЕРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

52 №№ иллюстрированнаго журнала въ 56 — 64 столбцовъ каждый. **12 №№** отдѣльныхъ иллюстрированныхъ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ. 12 отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ:

„БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА“

12 томовъ сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и путешественниковъ. Въ предстоящемъ году въ „**Библіотекѣ Сѣвера**“ будутъ напечатаны, изъ пріобрѣтеннаго редакціей въ собственность, полнаго собранія сочиненій

Н. Д. АХШАРУМОВА.

„Чужое имя“, романъ. „Мандаринъ“, романъ. „Концы въ воду“ повѣсть. „Ночное“ разсказъ. „Смерть Слѣпцова“, кавказская быль.

СОЧИНЕНІЯ:

баснописца А. И. КРЫЛОВА. Съ художественными иллюстраціями.

Е. А. БАРАТЫНСКАГО. Стихотворенія.

В. Н. ГОЛОВИНА. КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, подъ редакціей профес. Э. Ю. ПЕТРИ.

МЕЛЬМОТЪ-СКИТАЛЕЦЪ. Романъ **Матюреня.**

Остальныя сочиненія **Н. Д. Ахшарумова** будутъ помѣщены въ библіотекѣ „СѢВЕРА“ 1895 г.

Другое безплатное приложеніе: ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1 томъ „РУССКІЙ СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“. Популярное изложеніе организаціи новаго и переустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ приложеніемъ 7 ми нигдѣ не напечатанныхъ писемъ о сельскомъ хозяйствѣ А. Н. Энгельгардта) соч. **С. Ѳ. Шарапова.** — 1 томъ „КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО“. (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растеній) **Н. Е. Семенова.**

БЕЗПЛАТНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ:

Роскошный альбомъ акварелей къ избраннымъ ***стихотвореніямъ Н. А. НЕКРАСОВА.*** **10** акварелей извѣстнаго художника **Петра Соколова.**

Къ альбому будетъ приложенъ портретъ **Н. А. Некрасова**, исполненный акварелью съ портрета работы **И. П. Крамскаго.**

1 Стѣнной ОТРЫВНОЙ на 12 мѣсяцевъ табель календарь, отпечатанный красками.

Всѣ приложенія „СѢВЕРА“ высылаются подписчикамъ БЕЗПЛАТНО.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . **6 р.**

Безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской . . **6 р. 50 к.**

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи. . . . . **7 р.**

Подписка принимается въ С.Петербургѣ въ Главн. конторѣ редакц. „Сѣверъ“, Екатерининская, № 4.

Издатель **Е. А. Евдокимовъ.** Завѣдующій художественнымъ отдѣломъ **Н. Н. Каразинъ.** Редакторъ **Вл. А. Тихоновъ.**

12 томовъ „Библіотеки Сѣвера“ и 2 тома библіотеки прикладныхъ знаній.

10 художественныхъ акварелей къ избраннымъ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КАТАЛОГА

книжнаго магазина **ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ**, Москва, Петровскія линіи, № 13,

закупившаго цѣлый рядъ богато-иллюстрированныхъ изданій, которыя предлагаетъ по значительно удешевленнымъ цѣнамъ:

Альбомъ геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ съ пояснительнымъ текстомъ. Профессора А. Н. Шварца. 24 геліогравюры, исполненныя въ знаменитой мастерской В. Ангерера въ Вѣнѣ. Цѣна вмѣсто 30—**18 рублей.**

Тоже, въ роскошной папкѣ—**20 рублей.**

Тоже, на японской бумагѣ—50 рублей.

Альбомъ геліогравюръ изъ собранія картинъ К. Т. Солдатенкова въ роскошной папкѣ; вмѣсто 15—**10 руб.**

„Современныя нимфы“, 12 изящно исполненныхъ геліогравюръ, изображающихъ 12 нимфъ, соотвѣтственно 12 мѣсяцамъ года, въ изящной папкѣ вмѣсто 15—**10 руб.**

Русскій художественный архивъ 1892—1893 г. 60 большихъ превосходныхъ фототипическихъ снимковъ и 344 страницы текста; вмѣсто 12—**6 руб.**

Тоже, въ роскошномъ переплетѣ—**8 руб.**

Художественный литературный сборникъ „На память“ вмѣсто 5—**2 руб. 50 коп.**

Кремль въ Москвѣ, сост. Фабриціусъ. Вмѣсто 10—**5 руб.**

Тоже, въ роскошномъ переплетѣ—**6 руб.**

Альбомъ Всероссійской Промышленной выставки въ Москвѣ въ 1882 году въ роскошной папкѣ вмѣсто 25—**6 руб.**

І. Э. Вессели. О распознаваніи и собираніи гравюръ вмѣсто 3—**1 р. 50 к.**

Salon illustré 1892 и 1893 по 4 выпуска=170 гравюръ; вмѣсто 4—**3 руб.** за каждый годъ.

Figaro-Salon (Снимки съ картинъ Парижской Художественной выставки) 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891 и 1892 гг. вмѣсто 6—**3 рубля** за каждый годъ.

Catalogue illustré de la société nationale des Beaux-Arts 1890, 1891 и 1892 гг. вмѣсто 1 р. 75 к.—**1 р.** за каждый годъ.

Illustrirter Katalog der internationale u. Kunstausstellung zu München 1890; вмѣсто 1 р. 75 к.—**1 р.**

Lossow, Götterdekameron; вмѣсто 6—**4 рубля.**

Zick, Das goldene Zeitalter; вмѣсто 6—**4 рубля.**

Zick, Aphrodite und ihr Gefolge; вмѣсто 6—**4 рубля.**

Zick, Bacchus und sein Gefolge; вмѣсто 6—**4 рубля.**

Le nu d'après Boucher; вмѣсто 15—**8 руб.**

L'art français 1789—1889 г.; вмѣсто 32 р. 50 к.—**18 р.**

Société d'Aquarelistes français и grands peintres français et etrangers;; вмѣсто 320—**220 руб.**; а также и отдѣльно: первое **120 рублей,** а послѣднее **100 рублей.**

Racinet, Le costume historique, большое изд.; вмѣсто 250—**150 руб.**

Тоже, малое изданіе вмѣсто 125—**80 руб.**

Grundriss der Keramik in Bezug auf Kunstgewerbe, вмѣсто 25 р. 20 к.—**12 рублей.**

L'Ornement polychrome томъ I, вмѣсто 80—**50 руб.**

Тоже, томъ II, вмѣсто 100—**70 руб.**

La céramique japonaise; вмѣсто 25—**15 руб.**

Histoire de l'Art décoratif; вмѣсто 40—**25 руб.**

Полный каталогъ высылается по требованію безплатно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КАТАЛОГЪ

241 ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ,

напечатанныхъ въ №№ 1—32 журнала „Артистъ“, №№ 1—10 „Дневника Артиста“ и №№ 1—33 журнала „Театральная Библіотека“.

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1. д. **И. Л. Щеглова**, (Къ представленію разрѣшено безусловно, см. „Правит. Вѣстн.“ 91 г. № 176) . . .	—	3
Тоже въ новой редакціи—въ *двухъ* картинахъ **Ивана Щеглова** („Пр Вѣстн.“ 93 г. №№ 247 и 270).	—	31
„Агрономическій листокъ“, ком. въ 1 д. **В. Л. Лашкова** (Пр. В. 93 г. № 221)	—	29
„Ангелъ“, фарсъ въ 1 д. перед. изъ ком. **Ломейера** „*Der Stammhalter*“ **Н. Ѳ. Арбенина** („Прав. Вѣстн.“ 93 г. № 144)	—	27
„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. **В. М. Михеева** („Пр. Вѣстн. 92 г. № 48)	19	—
„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-фарсъ въ 4 д. перед. изъ ком. **Залевскаго—Н. А. Тихановымъ** (91 г. № 144)	—	2
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. **А. Н. Канаева** (90 г. № 202)	7	—
„Безъ исхода“, пьеса въ 1 д. **Ек. Лѣтковой** (93 г. № 144) . . . . . *„Дневникъ Артиста“* №	7	—
„Безъ руля“, др. въ 3 д., въ стихахъ. **О. Н. Чюминой** (93 г. № 11 и 33)	26	—
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. **В. Р. Щиглева** (90 г. № 202)	7	—
„Биржевики“, ком. въ 1 д. **Станислава Добржанскаго** („Zloty cielec“). Передѣлана для русской сцены **Н. А. Тихановымъ** (92 г. № 142)	—	13
„Богатѣй“ („Кротость—что бѣлая зорька“) ком. въ 4 д. **Е. П. Гославскаго** (92 г. № 7)	18	—
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. **П. Д. Боборыкина** (90 г. № 12)	4	—
„Борьба за существованіе“, піеса въ 5 д. **А. Додэ**, перев. **Э. Э. Матерна** (90 г. № 12) . . .	4	—
„Бракъ“, ком. въ 3 д. („Les Maris de leurs Filles“) **П. Вольфа**, перед. для русской сцены **П. П. Гнѣдичемъ** (93 г. № 221)	—	29
„Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. **В. Гете**, перев. **Э. Э. Матерна** (92 г. № 7)	18	—
„Букетъ“, ком. въ 1 д. **И. Н. Потапенко** (92 г. № 242).	—	18
„Бываетъ!“, ком. въ 1 д. **Н. В. Казанцева** (92 г. № 271)	—	19
„Быть или не быть?“ ком.-шут. въ 1 д. **Скриба**, перед. для русской сцены **Э. Матернъ** (92 г. № 216)	—	15
„Бэби“, ком. въ 3 д. **Н. И. Северина** (92 г. №№ 48 и 79)	—	11
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ сценка въ 1 д. **Дрейфуса**, перев. **Н. А. Тиханова** (91г. №№ 144 и 176).	—	4
„Василекъ“, ком. въ 4 д. **В. А. Крылова** (90 г. № 283).	11	—
„Венецейскій истуканъ“, карт. московск. жизни XVII в., въ 4 д. **П. П. Гнѣдича** (93 г. № 247). .	30	—
„Вильгельмъ Тэль“, др. въ 5 д. **Шиллера**, переводъ **А. А. Крилль** (93 г. № 123)	22—25	—
„Виновенъ“ др. въ 3 д. **Рихарда Фосса**, перев. **Н. Ѳ. Арбенина** (93 г. № 247).	—	30
„Viola tricolor“ („Трехцвѣтная фіалка“), ком. въ 1 д. **П. П. Гнѣдича** (93 г. № 88).	—	23
„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, карт. для оконч. спек. **В. Щигрова** (92 г. № 242).	—	18
„Во время“, ком. въ 1 д. **Монтескарбалли** . .	—	32
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго** (90 г. № 12)	3	—
„Волшебный вальсъ“ („Zauberwalzer“), шутка въ 1 д. съ пѣніемъ **А. М. Шмидтгофа** (*съ приложеніемъ клавираусцуга*). (93 г. № 123)	—	24
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго** (91 г. № 31)	—	—
„Вольная пташка“, ком. въ 3 д. **Е. П. Карпова** (91 г. № 276)	—	7
„Вотъ такъ водевиль“, шутка въ 1 д. **Г. Н. Грессера** (91 г. № 276).	—	7
„Встрѣча“, карт. въ 1 д. **П. П. Гнѣдича** (91 г. № 276).	17	—
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. **Н. В. Казанцева** (90 г. № 202).	5	—
„Втируша“ („L'Intruse“), др. въ 1 д. **М. Метерлинка**, пер. **Е. Н. Клетновой** (93 г. № 88)	28	—
„Въ глуши“, др. этюдъ въ 4 д. **В. В. Туношенскаго** (92 г. № 216)	—	17
„Въ лунную лѣтнюю ночь“, этюдъ въ 1 д. **А. Степановой** (92 г. № 7)	—	8
„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. **Н. С. Семенова** (91 г. № 144)	—	1
„Въ неравной борьбѣ“, др. въ 4 д. **Влад. А. Александрова** (91 г. №№ 233 и 120)	16	—
„Въ области фантазіи“, картин. въ 1 д., перед. изъ пов. *„Ursula“* **Ж. Онэ, Софьей Сарнавской** (93 г. № 270)	—	31
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 д. **Грене-Данкура**, перев. съ французск. **Ѳ. А. Куманина** (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31).	8	—
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. **И. Я. Гурлянда** (90 г. № 202)	8	—
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. **И. В. Шпажинскаго** (89 г. № 258)	1	—
„Въ царствѣ поэтовъ“, ком.-ф. въ 2 д. **В. Корнеліевой** (92 г. № 271)	24	—
„Вытурилъ“, ш. въ 1 д. и 2 карт. **Г. Н. Грессера** и **С. В. Чирикова** (92 г. № 242)	—	18
„Вѣчность въ мгновеніи“. Драматическій этюдъ въ 1 д. **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ** (93 г. № 33) .	25	—
„Гамлетъ“, траг. **В. Шекспира**, переводъ **П. П. Гнѣдича**	19—21	—
. . . . . и *„Дневникъ Артиста“* №№	1—4	—
„Гастролерша“, шутка въ 1 д. **Ивана Щеглова** (90 г. № 228)	9	—
„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. **А. Р. Г.** (91 г. № 144).	—	1
„Герой“, ком.-шутка въ 1 д. **Г. Н. Грессеръ** (93 г. № 144)	—	27
„Гибель Содома“, др. въ 5 д. **Г. Зудермана**, пер. **П. К.** (92 г. № 242)	23	—
„Господа театралы“, ориг. ком. въ 1 д. **Ивана Щеглова** (93 г. № 270)	—	31
„Гость“, др. въ 2 д. **Эдуарда Брандеса**, перев. **П. Ганзена** (92 г. №№ 48 и 79)	19	—
„Грамотѣй“, анекд. ш. въ 1 д. **И. Н. Ге** (92 г. № 142)	—	13
„Графъ де Ризооръ“ („Patrie“), др. въ 5 д. и 7 к. **Викторьена Сарду**. Пер. **Н. Ѳ. Арбенина** . .	24	—
„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. **И. А. Салова** (90 г. № 283)	11	—
„Дармоѣдка“, ком. въ 5 д. **И. А. Салова** (90 г. № 202)	8	—
„Дачный мужъ“, ком.-шутка въ 3 д. **Ивана Щеглова** (92 г. № 142)	—	14
„Двѣ знаменитости“, шутка въ 1 д. **Я. Янченко**	—	32
„Двѣ семьи“, ком. въ 5 д. **Эмиля Ожье**, перев. **И. Л. Щеглова** (92 г. № 216).	22	—
„День въ Петербургѣ“, сцены въ 3 картинахъ **М. И. Чайковскаго** (93 г. № 88)	28	—
„Десять минутъ“, монологъ **Коклэна**	—	32
„Джэкъ“, др. въ 5 д. **Альфонса Додэ**, перев. **И. Н. Ге** (92 г. № 79).	—	11
„Докторъ принимаетъ“, шутка въ одномъ д. **И. Л. Щеглова**	1	31
„Докторъ Штокманъ“, др. въ 5 д. **Г. Ибсена**, перев. **Н. Мировичъ** (91 г. №№ 120 и 233) . . .	15	—
„Долгъ чести“, др. въ 1 д. **П. Гейзе**, перев. **Э. Э. Матернъ** (91 г. № 176).	—	3
„Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. **Шиллера**. Приспособленный для сцены переводъ **И. Н. Грекова**. Съ рисунками костюмовъ **гр. Ѳ. Л. Соллогуба**	1—4	—
„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, тр. въ 5 д. **Кальдерона**, перев. **Н. Ѳ. Арбенина** (91 г. № 94) .	2—14	—
„Дочь невѣста“, ком.-шутка въ 4 д. **В. М. Михеева** (91 г. № 276)	—	—
„Драконы“, шутка въ 1 д. **В. Холостова** (93 г. № 270)	—	31

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“
„Другъ Фрицъ“, ком. въ 2 д. Эркмана Шатріана, пер. Э. Э. Матерна (93 г. № 33)	—	20
„Душа-потемки“, сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго (91 г. № 233)	—	5
„Дуэль“, шутка въ 1 д. Вл. А. Александрова (93 г. № 88)	—	23
„Дядюшкина квартира“, шутка въ 3 д. И. И. Мясницкаго. (93 г. № 123)	—	25
„Елка“, ком. въ 1 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 216 и 242)	23	—
„Женихъ пріятный“, сцена-монологъ И. И. Мясницкаго (93 г. № 88)	—	23
„Женская чепуха“, шут. въ 1 д. Ивана Щеглова (93 г. № 88)	—	23
„Женскій вопросъ“, фарсъ въ 2 д. Л. Фульда, перев. Н. Ѳ. Арбенина (92 г. № 48)	20	—
„Жизнь Илимова“, будничная др. въ 5 карт. В. С. Лихачева (91 г. № 233)	15	—
„Жить надоѣло“, ш. въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 176)	—	3
Житье привольное“, др. изъ народной жизни въ 5 д. Е. П. Карпова (92 г. №№ 79 и 98)	—	12
„Жоржинька“, ком.-фарсъ въ 2 д. Чека (91 г. № 94). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 120)	14	—
„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 59)	14	—
Завидный женихъ, сцены въ 3 д. С. Н. Иконникова (93 г. № 144)	—	27
„Загадка“, ком. въ 2 д. въ стихахъ, О. Н. Чюминой (92 г. № 271)	—	19
„За золотымъ руномъ“, сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ въ 4 д., А. Лугового (93 г. № 33)	25	—
„За рюмочку“, картинка будничной жизни В. Р. Щиглева (92 г. № 216)	—	15
За прошлое, сцены въ 1 д. Э. Э. Матернъ (93 г. № 144)	—	27
„Затмились“, раскк. для сцены И. И. Мясницкаго. (93 г. № 144)	—	26
„Заяцъ“, комедія-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго (92 г. № 7)	—	8
„Зеленый яръ“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича (93 г. № 33)	—	21
„Золотая рыбка“, ком. въ 3 д. И. А. Салова и И. Н. Ге (90 г. № 12)	3	—
„Зубъ“, разсказъ для сцены И. И. Мясницкаго. (93 г. № 123)	—	24
„Иванъ да Марья“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 216)	—	17
„Игра въ любовь („Флиртъ“), ком. въ 4 д. Е. М. Габецкаго (передѣл. изъ ком. „Flirt“ М. Балуцкаго (93 г. № 203)	—	28
„Изломанные люди“, пьеса въ 4 д. Вл. А. Александрова. (93 г. № 123)	29	—
„Избытокъ счастья“, комедія-шутка въ 4 д. И. Н. Ге и Г. Смоленскаго (93 г. № 88)	—	22
„И ночь... и луна... и любовь!...“ („Notturno“), шутка въ 1 д. съ пѣніемъ (оригинал.) Г. Н. Грессера, (*съ приложеніемъ клавираусцуга*) (92 г. № 98)	—	12
„Интересная больная“, шутка въ 1 д. В. Холостова (91 г. № 233)	—	6
„Ирэнъ“, ком. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. (93 г. № 123) „*Дневникъ Артиста*“ №	6	—
„Искорка“, ком. въ 1 д. Пальерона, пер. для русск. сцены А. Н. Плещеевымъ (91 г. № 233)	—	5
„Казусъ въ .... театрѣ“, шутка въ 1 д. Ф. Ралнера, пер. съ нѣмецкаго Э. Матернъ (93 г. № 33)	—	21
„Камень при распутьи“, ком. въ 3 д. кн. Н. П. Урусова (91 г. № 176)	—	4
„Кайсаровы“, пьеса въ 4 д. Влад. А. Александрова (92 г. № 48)	—	9
„Какъ куръ во щи“, ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго (Сюжетъ заимствованъ) (93 г. № 203)	—	28
„Клубъ велосипедистовъ“, оригинал. фарсъ въ 3 д. Н. В. Корцинъ-Жуковскаго (93 г. № 144)	—	27
„Клубъ холостяковъ“, ком. въ 3 д. Балуцкаго, перев. съ польскаго Б. Ю. Островской (93 г. № 144)	—	26
„Комикъ по натурѣ“, шутка въ 1 д. Ив. Щеглова (92 г. № 48)	—	9
„Компаньоны“, ком. въ 4 д. П. М. Невѣжина (91 г. № 276 и 92 г. № 7)	18	—
„Кража“, др. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина) (90 г. № 228)	—	9
„Крокодиловы слезы“, ком. въ 5 д. Е. П. Карпова (93 г. № 88)	—	23
„Лебединая пѣсня“, („Калхасъ“), др. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова (89 г. № 274)	2	—
„Ложные итоги“, к. въ 4 д. В. М. Михеева. (93 г. № 270)	—	31
„Лѣтняя картинка“, въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (92 г. № 242)	23	—
„Мамаево нашествіе“, ком.-шут. въ 3 д. Ив. Щеглова (90 г. № 283)	10	—
„Maman“, ком. въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы) (90 г. № 12)	3	—
„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	6	—
„Мельхіоръ“, ком. въ 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г. (91 г. 223)	—	5
„Молодость Людовика XIV“, ком. въ 4 д. А. Дюма (отца), перев. А. Ѳ. Крюковскаго (93 г. № 88)	27	—
„Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 31)	12	—
„Мужъ и жена“, ком. въ 5 д. О. К. Снѣжкина. (93 г. № 123)	29	—
„Муравейникъ“, к. въ 2 д. Н. Криницкаго (92 г. № 97 и 216) „*Дневникъ Артиста*“ №	4	—
„Мухоловка“ („Цвѣтокъ людоѣдъ“), ком. въ 5 д. Л. Г. Г. (93 г. № 123)	—	25
„Мышеловка“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258)	1	—
— Та же пьеса въ новой редакціи. (93 г. № 123)	—	25
„Мюзота“, др. въ 3 д. Гюи де-Мопассана и Ж. Нормана, перев. Н. И. Северина (92 г. № 142)	—	13
„Навожденіе“, ком. въ 3 д. Н. Криницкаго и А. Воронежскаго (92 г. № 79)	21	—
„Наединѣ“, (Unter vier Augen) ком. въ 1 д. Л. Фульда (93 г. № 221) „*Дневникъ Артиста* №	10	—
„Накануѣ золотой свадьбы“, к.-ш. въ 1 д. Г. Н. Грессера (93 г. № 144)	—	26
„На развалинахъ прошлаго“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова (93 г. № 221)	—	29
„На своихъ мѣстахъ“, ком. въ 4 д. Ник. В. Казанцева (92 г. № 7)	—	8
„На станціи“, карт. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (93 г. № 33)	—	21
„На тотъ свѣтъ“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ	—	33
„Не всякому, какъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д., Е. П. Гославскаго (91 г. № 59)	13	—
„Не въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (91 г. № 233)	—	—
„Нежданный гость („Жакъ Дамуръ“), др. въ 1 д. Зиника (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), перев. съ франц. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	5	—
„Незадачный денекъ“, ш. въ 1 д. Н. Каменскаго (91 г. № 232)	—	5
„Незванный гость“, небывалый анекдотъ въ 1 д. Н. Г. Леонтьева (91 г. № 233)	—	6
„Не лги!“ фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго, перед. изъ ком. Шамберта „Iedénácte pricázání (92 г. № 48)	—	10
„Не надо“, др. эт. въ 1 д. Д. В. Гарина (93 г. № 270)	—	31
„Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 59)	11	—
„Неудачный день“, ком. въ 1 д. Т. Барріера, перев. Э. Э. Матерна (92 г. № 189)	—	16
„Нижній въ ярмарку“, ф. въ 1 д. Н. А. Тиханова. (Сюжетъ заимствованъ изъ ком. Доброжанскаго „Wujszek Alfonsa“) (93 г. № 144)	—	26
„Ни минуты покоя“, оригин. ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго (93 г. № 88)	—	22
„Новая линія“ („Чары любви“), ком. въ 4 д. Бухгольца (93 г. № 270)	—	32
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко (90 г. № 283). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31)	10	—
„Ночь“, драм. этюдъ въ 1 д. Валері. на Свѣтлова. (93 г. № 144)	—	27
„Обухъ“ („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dziennik“), ком. въ 3 д. Балуцкаго, перев. для русской сцены Е. М. Б—аго (91 г. № 176)	—	4
„Одурачили!...“ („Мужъ на прокатъ“), („Le mari à Babette“), ком. въ 3 д. Г. Мельяка и Ф. Нилль, перев. съ франц. П. И. Кичеева (92 г. № 216)	—	15
„Озимь“, др. въ 4 д. А. А. Лугового (90 г. № 202)	7	—
„Она жизнь поняла“, др. эт. въ 1 д. Leo Felis (Л. Г.) (93 г. № 221)	—	29
„Она одна“, сцена-монологъ И. И. Мясницкаго (93 г. № 33)	—	21
„Опасные люди“ („Два полюса“), др. въ 4 д. К. В. Назарьевой (91 г. № 176)	—	3
„Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	2
„Осенняя роза“, ком. въ одномъ актѣ Огюста Доршена, переводъ съ франц. А. Н. Мгеевой (92 г. № 98) „*Дневникъ Артиста*“ №	1	—
„Осколки минувшаго“, ком. въ 5 д. и 6 картин., передѣлана изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) „*Въ ожиданіи лучшаго*“ И. Н. Ге. (91 г. № 233)	16	—
„Островъ Мадагаскаръ“, ком. въ 2 д. В. Фирсова (93 г. № 221)	—	29
„Отбитая атака“, ком.-фарсъ въ 1 д. И. Ф. Константинова (93 г. № 221)	—	29
„Отставка“, шутка въ 1 д. (91 г. №№ 144 и 176).	—	4
„Отрѣзанный ломоть“, фарсъ вод. въ 1 д. С. А. Алякринскаго (92 г. № 216)	—	15
„Папенькина дочка“ (Lolo's Vater), ком. въ 3 д. А. Ларонжа (93 г. № 203) „*Дневникъ Артиста*“ №	9	—
„Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 12). (Въ отд. изд. нашего журнала—90 г. № 228)	4	—
„Петербургскій кузенъ“, ком. въ 2. д. В. Кигна и В. Тиханова (92 г. № 142)	—	14
„Плагіатъ“, ком. въ 1 д. К. С. Баранцевича (90 г. № 202)	6	—
„Погоня за призраками“, ком. въ 4 д. Л. Фульда, перев. С. Г.	—	33
„Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П. Неймана (91 г. № 144)	—	1
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Ладыженскаго (89 г. № 274)	2	—

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“
„Подъ душистой вѣткой сирени“, ком. въ 1 д. В. Корнелiевой (92 г. № 189)		
„Дневн. Арт.“ №	5	—
„По красному звѣрю“, ком. шутка въ 2 д. И. Н. Захарьина. (93 г. № 123)	—	5
„По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (90 г. № 283)	10	—
„По памятной книжкѣ“, ком.-шутка въ 1 д. Передѣлана Э. Э. Матерномъ изъ пьесы Г. Мюрже „Le serment d'Horace“ (92 г. № 142)	—	14
„По разсѣянности“, ком. въ 3 д. Н. В. Казанцева (92 г. № 242)	—	18
„По ревизiи“, этюдъ въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго (91 г. № 94)	14	—
„Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. № 31)	12	—
„Послѣднее сокровище“, др. эт. въ 2 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	1
„Послѣдняя воля“, ксм. въ 4 д. Вл. Ив. Немировича-Данченко (92 г. № 48)	—	9
„По старымъ ролямъ“, ком.-вод. въ 1 д. Г. Н. Грессера	—	32
„Похищенiе Сильфиды“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 233)	—	5
„Праздникъ въ Сольгаутѣ“, др. въ 3 д. Ибсена (93 г. № 33)	26	—
„Предложенiе“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 12)	3	—
„Предразсудки“, ком. въ 4 д. М. И. Чайковскаго. (93 г. № 270)	31	—
„Привѣтствiе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина	2	—
„Приданое принимаютъ“, ком. въ 1 д. М. В. Ларiонова (92 г. № 189)	—	16
„Приступомъ“, сцены въ 2 д. И. В. Шпажинскаго (90 г. № 202)	5	—
„Пуганая ворона“, сцены В. Щигрова (92 г. № 142)		
„Дневникъ Артиста“ № 3	—	—
„Рабочая слободка“, др. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 276)	17	—
„Ради милой сердцу“, ком.-вод. въ 4 д. Хаклэндера (93 г. № 221 и 247)	—	30
„Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. (№ 274)	2	—
„Ранняя осень“, др. въ 4 дѣйст. Е. П. Карпова (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала— (91 г. № 31)	13	—
„Расплата“, др. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (93 г. № 270)	31	—
„Ревнивый актеръ“, монологъ въ стих. гр. Ѳ. Л. Соллогуба (89 г. № 258)	1	—
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина 90 г. № 283)	10	—
„Родина“ („Heimat“), др. въ 4 д. Германа Зудермана перев. съ нѣмецк. Ѳ. А. Куманина (93 г. № 144)		
„Дневникъ Артиста“ №	8	—
„Роковая скамейка“, вод. въ 1 д. В. Холостова. (93 г. № 144)	—	26
„Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 дѣйств. Донъ Педро Кальдерона дель Барка, приспособленный къ сценѣ перев. С. А. Юрьева (91 г. № 276)	15—17	—
„Сафо“, трагедiя въ 5 д. Ф Грильпарцера, переводъ Н. Ѳ. Арбенина. (93 г. № 123)	26—29	—
„Сарданапалъ“, тр. Байрона, перев. О. Н. Чюминой (90 г. № 283)	9—11	—
„Сгоряча“, фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго.	—	32
„Сельская честь“, сцены изъ итальян. народн. жизни, въ 1 д. Д. Верга, пер. А. А. Веселовской (93 г. № 247)	30	—
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“ ш. въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ѳ. Арбенина (90 г. № 202)	6	—
„Симфонiя“, ком. въ 5 д. Модеста И. Чайковскаго (90 г. № 228)	9	—
„Скитальцы“, сцены въ 5 д. Н. С. Генкина (90 г. № 202)	6	—
„Случайно случившiйся случай“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 142)	—	13
„Старая погудка на новый ладъ“, ком. въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202)	6	—
„Старообрядецъ“, сцены въ 4 д. Чужаго (92 г. № 189)	—	16
„Степной богатырь“, др. въ 5 д. И. А. Салова (92 г. № 216)	22	—
„Стоячiя воды“, карт. совр. жизни въ 3 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 228)	9	—
„Страшная месть“, фарсъ въ 4 д. И. И. Мясницкаго	—	33
„Супруги Оленины“, др. въ 4 д. П. П. Штеллера	—	33
„Счастливецъ“, пьеса въ 4 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 48)	—	10
„Съ новымъ годомъ!“ (Визиты), ком. въ 1 д. И. Д. Арскаго (93 г. № 270)	—	31
„Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина (91 г. № 59)	13	—
„Сынъ измѣнника“ („Мачиха“), драма въ 5 д. и 7 карт. Бальзака, перев. Ив. Щеглова (93 г. № 123).	—	24
„Сыщикъ“, ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго (93 г. № 33)	—	20
„Сѣверные богатыри“, др. въ 4 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ (92 г. № 48)	20	—
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго (91 г. № 176).	—	3
„Танцующiй кавалеръ“, фарсъ въ 1 д. В. Холостова (92 г. № 142)	—	13
„Такъ ужъ на роду написано“, ш. въ 1 д. Н. Ломакина (92 г. № 242)	—	18
„Театральный воробей“, ком.-ш. въ 2 д. Ивана Щеглова (92 г. № 48)	—	10
„Темная сила“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго	32	—
„Товарищество канительнаго производства“, шутка въ 1 д. Г. Н Грессеръ (92 г. № 189)	—	1
„Трагикъ поневолѣ“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	7	—
„Три встрѣчи“, монол. въ стихахъ М. И. Лаврова (91 г. № 144)	—	1
„Турусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	7	—
„Туръ вальса“, ком. въ 1 д. Л. Галеви, перед. для рус. сцены В. Ф. Плюцинской (93 г. № 247)	—	30
„Угасшая искра“, др. сцены въ 3 д., въ стих., О. Н. Чюминой (92 г. № 79)	21	—
„Уголокъ Москвы“, ком. въ 4 д. Вл. А. Александрова (91 г. № 276)	17	—
„Устроилъ!“, шутка въ 1 дѣйст. А. С. Кушнерева (92 г. № 271)	—	19
„Уѣздный Шекспиръ“, ком. въ 1 д. И. Я. Гурлянда (90 г. № 202)	6	—
„Федра“. тр. Ж. Расина, перев. М. П. С—го (90 г. № 202)	5—7	—
„Флипотъ“, ком. въ 3 д. Ж. Леметра, перев. Э. Э. Матерна (93 г. № 247)	—	30
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. Э. Э. Матерна (90 г. № 202)	6	—
„Холостая семья“, ком. въ 4 д. А. С. Азовскаго (93 г. № 203)	—	28
„Цѣпи“, др. въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова (89 г. № 258)	1	—
„Честь“, ком. въ 4 д. Зудермана, перев. съ нѣмецк. Н. К. (91 г. № 233)	16	—
„Чудакъ“, ком. въ 4 д. И. Л. Щеглова (91 г. № 233).	—	6
Шато-Икемъ“, ком. въ 1 д. В. Гуснахъ, пер. съ франц. Н. А. Тихонова (92 г. № 271)	—	19
„Шашки“, шутка въ 1 д. Н. Криницкаго (92 г. № 142)		
„Дневникъ Артиста“. №	2	—
„Школа гостепрiимства“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева. Сюжетъ заим. изъ повѣсти Д. В. Григоровича (91 г. № 233)	—	6
„Школьная пара“, картинка съ натуры въ 1 д. Е. М. Бабецкаго. (93 г. № 123)	—	24
„Эллида“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Спасской (91 г. № 94)	14	—
„Я играю большую роль“, шутка въ 1 д. Д. В. Гарина	—	33
„Ѳедоръ Басмановъ“, др. этюдъ въ 1 д., въ стихахъ М. И. Лаврова (93 г. № 203)	—	28

Отдѣльные №№ журнала „**Артистъ**“ продаются по **2** рубля, а „**Дневника Артиста**“ и „**Театральной Библiотеки**“ по **1** рублю.

(Цѣна тома «Театральной Библiотеки» (4 книги)—3 руб.).

Выписывающiе изъ конторы редакцiи за пересылку не платятъ.

Экземпляры **№№ 1** и **4** журнала „*Артистъ*“ и **№№ 1** и **3** журнала „*Театральная Библiотека*“ **всѣ распроданы.** („Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданiемъ. Цѣна **1** р. **50** к.).

Вышепоименованныя пьесы разрѣшены къ представленiю безусловно—соотвѣтствующiе №№ «Правительственнаго Вѣстника» указаны въ скобкахъ.

Рай земной.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Евт. Карпова.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ 14 ноября 1893 г. № 5517.

Поставлена въ 1-й разъ 9 декабря 1893 г. на сценѣ Александринскаго театра.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Русскихъ Драматическихъ Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никита Степановичъ Крохинъ—директоръ Московско-Энской желѣзной дороги. Красивый блондинъ съ типичнымъ русскимъ лицомъ, лѣтъ 38. Лицо блѣдное, потасканное, глаза спокойно задумчивые, манеры лѣнивыя. Общій видъ апатичный; иногда, вспышками, онъ оживляется. Одѣтъ по послѣдней модѣ.

Людмила Валерьяновна — его жена. Стройная, красивая брюнетка, съ граціозными но рѣзкими манерами, за 30 лѣтъ. Одѣта нарядно и изящно.

Гаврила Степановичъ Крохинъ, братъ Никиты. Капиталистъ. Лѣтъ 45. Некрасивое, но умное лицо, съ выразительными, живыми глазами. Рыжеватые волосы острижены въ скобку, съ проборомъ посрединѣ; усы и бороду брѣетъ. Говоритъ выразительно, съ комическими жестами, подчеркивая нѣкоторыя фразы. Одѣтъ въ сѣрый длиннополый сюртукъ тонкаго сукна, застегнутый на четыре пуговицы; сѣрые брюки на выпускъ. Крахмальная рубашка. Въ заднемъ карманѣ сюртука красный фуляровый платокъ.

Антонъ Ивановичъ Званцевъ—управляющій Московско-Энской желѣзной дороги, инженеръ. Высокій, статный человѣкъ, съ серьезнымъ лицомъ, лѣтъ 37—8. Густые, вьющіеся волосы; подстриженная по-русски небольшая бородка. Одѣтъ по модѣ, но небрежно.

Татьяна Борисовна—его жена. Симпатичная женщина, лѣтъ 28. Одѣта скромно, но со вкусомъ.

Костя—ихъ сынъ, 8 лѣтъ.

Ольга Алексѣевна Юрасова—учительница музыки. Дѣвушка, лѣтъ 20, съ цвѣтущимъ красивымъ лицомъ. Одѣта небогато, но эксцентрично.

Владиміръ Михайловичъ Муравинъ—инженеръ-механикъ. Нервнаго темперамента человѣкъ, лѣтъ 35. Лицо некрасивое, но умное; съ маленькой русой бородкой. Волосы густые, волнистые. Движенія быстрыя, рѣзкія. Одѣтъ въ пиджачную лѣтнюю пару, опрятно, но небогато.

Марья Михайловна, его сестра, вдова, лѣтъ 40. Учительница. Симпатичное лицо, волосы съ сильной просѣдью, причесаны гладко, съ проборомъ посрединѣ. Одѣта въ темное простенькое платье.

Петръ Петровичъ Рябининъ—солидный человѣкъ, лѣтъ за 50. Держится важно. Одѣтъ по послѣдней модѣ. Въ глазу—монокль.

Иванъ Семеновичъ Шашкинъ—секретарь управленія Энской желѣзной дороги. Дѣлецъ, лѣтъ подъ 40. Густая борода и длинные волосы. Одѣтъ въ пиджачную пару, небрежно.

Иларіонъ—лакей Званцева, лѣтъ 30.
Наташа—горничная Званцевыхъ. Ловкая дѣвушка, лѣтъ 22.
Кронидъ—камердинеръ Никиты Степановича. Почтенный человѣкъ, лѣтъ 45.
Два лакея г. Крохиныхъ.
Ѳедя—деревенскій мальчикъ, лѣтъ 10—12.
Акціонеры и инженеры.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковномъ имѣніи братьевъ Крохиныхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Первое, второе, четвертое и пятое—на дачѣ Званцевыхъ, третье—въ паркѣ, близъ дома Крохиныхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Правильно разбитый цвѣтникъ передъ дачей Званцевыхъ. Въ серединѣ цвѣтника статуя сатира; по бокамъ, на невысокихъ пьедесталахъ,—двѣ нимфы; на первомъ планѣ, справа,—садовая скамья, передъ ней—овальный столъ, кругомъ него четыре стула. Слѣва—скамья; немного отступя въ глубину—качели. Мебель дорогая, изящная. На второмъ планѣ, справа,—красивая дача въ русскомъ стилѣ, съ колонками, башенками и рѣзьбой. Кругомъ дома—галлерея, на углу—крыльцо. Въ глубинѣ сцены—большой, старинный паркъ, освѣщенный синеватымъ, луннымъ свѣтомъ. Вечеръ. На столѣ зажженная свѣча. Вдали раздается заунывная, русская пѣсня.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Юрасова и Муравина.

(Юрасова сидитъ, въ мечтательной позѣ, на качеляхъ, слегка покачиваясь; Муравина—у стола, на крайнемъ правомъ стулѣ, читаетъ книжку журнала. Продолжительное молчаніе.)

Юрасова. Марья Михайловна!..

Муравина *(не отрываясь отъ книги).* Что вамъ?

Юрасова. Что это вы читаете?

Муравина. «Вѣстникъ Европы».

Юрасова. Романъ?

Муравина *(съ легкой досадой).* Нѣтъ... Внутреннее обозрѣніе.

Юрасова *(удивленно и насмѣшливо).* Внутреннее обозрѣніе!.. Скажите... О чемъ же онъ тамъ пишетъ?..

Муравина. Возьмите сами книжку и прочтите!

Юрасова *(насмѣшливо).* «Внутреннее обозрѣніе!..» Покорнѣйше васъ благодарю!...

Муравина. Не мѣшайте мнѣ, пожалуйста!

Юрасова *(съ ироніей).* Pardon!.. Я больше никогда не буду... *(Молчаніе.)*

Юрасова *(тяжело вздыхая).* Боже, какая тоска!.. Мухи дохнутъ...

Муравина *(читая).* Все отъ бездѣлья, душечка...

Юрасова *(смотря на дачу).* И кто это выдумалъ строить дачи въ русскомъ стилѣ?.. Пестрота, пѣтухи, коньки, полотенца... Глупая какая-то дача! Паркъ тоже... Сосна, да береза... Ни красы, ни радости!.. *(Молчаніе.)* Марья Михайловна!

Муравина. Что еще вамъ?

Юрасова. Вы были на югѣ?

Муравина. Была.

(Молчаніе).

Юрасова. И въ Италіи были?

Муравина. Была.

Юрасова. Какая вы счастливая!.. Воображаю, что тамъ за красота!.. Какая дивная природа!

Муравина. Природа тамъ очень хороша... но я скучала о русской деревнѣ...

Юрасова *(съ ироніей).* Еще бы!.. Вы—патріотка!.. Березовая рощица, бархатный лужокъ, тощая фараонова коровка... Растрепанная соломенная крыша... Кудластый, пьяный, голодный мужичекъ, возжами наставляющій бабу уму-разуму!.. Какъ объ этомъ не тосковать!.. *(Съ поддѣльнымъ пафосомъ.)* А эта пѣсня!.. Вы слышали, Марья Михайловна, эту пѣсню?.. Что можетъ сравниться съ русской пѣснью!.. *(Передразнивая поетъ.)* «Ахъ и не одна ли во .. Ахъ и не одна ли во по... Ахъ и во... ахъ и во... во по-о-о-лѣ доро-о... вотъ дороженька-а»... Что за мелодія!.. Что за музыка!.. Неправда ли?!

Муравина. Вы сегодня злы на кого-то?

Юрасова. Я?! Нисколько...

(Молчаніе.)

Юрасова *(мечтательно).* Я воображаю себѣ берегъ Адріатики... Померанцевыя апельсинныя рощи!.. Платаны, магноліи, темные кипарисы!.. Голубое, спокойное, истомленное подъ жгучими лучами солнца, дремлющее мо-

ре... Далеко-далеко уходитъ оно къ горизонту... Бьется оно о берегъ и шумитъ ровнымъ задумчивымъ голосомъ, переговариваясь съ береговыми камнями и утесами...

Муравина. Это вы изъ географіи Смирнова?..

Юрасова *(какъ бы не слыша)*. Лазоревыя волны лижутъ скалы, ласкаются къ нимъ, шепчутъ страстныя рѣчи... И сынъ юга, рыбакъ, поетъ пѣсню...

(Гав Крохинъ входитъ при послѣднихъ словахъ Юрасовой и останавливается въ глубинѣ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Юрасова, Муравина и Гав. Крохинъ.

Гав. Крохинъ *(выходя на авансцену, говоритъ въ тонъ Юрасовой)*... пѣсню изъ «Травіаты»:

«Нальемте, нальемте бокалы полнѣй,
«И выпьемъ, друзья, за любовь!..»

(Снимая картузъ и подходя къ Муравиной.) Здравствуйте-съ! Мое почтеніе, Марья Михайловна!.. Антонъ Ивановичъ не бывалъ еще?

Муравина *(здороваясь)*. Нѣтъ еще.

Юрасова *(лѣниво)*. А вамъ зачѣмъ онъ понадобился?

Гав. Крохинъ *(подходя къ Юрасовой)*. Дѣла-съ!.. *(Беря ея руку и желая поцѣловать.)* Кон-спи-ра-ція!...

Юрасова *(отнимая руку)*. Оставьте!.. Не люблю...

Гав. Крохинъ. Не вѣрю-съ!.. До точки изучилъ женскій вопросъ даже не безъ ущерба для себя, а потому...

Юрасова *(перебивая)*. А потому, — довольно!..

Гав. Крохинъ *(съ легкимъ комизмомъ)*. Вы повелѣли, и я нѣмъ, какъ рыба! Замеръ и кончено!.. *(Садится на скамью и, молча, искоса посматриваетъ на Юрасову.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Юрасова, Муравина, Гав. Крохинъ, Костя и Ѳедя.

(По дорожкѣ парка, слѣва, выбѣгаютъ Костя и Ѳедя. Они играютъ въ лошадки. Костя—кучеръ, Ѳедя—лошадь.)

Муравина *(отрываясь отъ книги)*. Костя, девять часовъ... Спать пора!..

Костя *(останавливая Ѳедю)*. Стой!.. Тпру!.. Я сію минуту, тетя Муся... Только отвезу господина на деревню...

Муравина. Ѳедѣ тоже домой пора... Онъ усталъ...

Костя. Я только одинъ разокъ... Но!.. Трогай, что ли!.. *(Убѣгаетъ.)*

Гав. Крохинъ *(смотря на Юрасову, поетъ съ цыганскимъ пошибомъ)*.

«Что такъ задумчива,
«Что такъ печальна?..»

Юрасова *(съ невольной улыбкой)*. Будетъ вамъ елесничать!.. *(Повелительно.)* Разсказывайте, какія у васъ дѣла?.. Что за конспирація?..

Гав. Крохинъ. Сухая матерія... Денежныя дѣла...

Юрасова *(капризно)*. Ну, говорите-же... безъ предисловій!..

Гав. Крохинъ *(серьезно)*. Сейчасъ изъ Москвы... Мамашу на сто тысячъ обставилъ... Желаю теперь этотъ капиталъ въ оборотъ пустить... Вотъ и пришелъ съ Антономъ Ивановичемъ посовѣтоваться... Мамаша окончательно изъ ума выживаютъ... Государственному банку опасаются капиталъ довѣрить...

Юрасова *(улыбаясь)*. А вамъ довѣрила?..

Гав. Крохинъ. Нѣтъ-съ!.. Что вы... Онѣ меня не иначе, какъ за тонкую бестію понимаютъ... Да-а!.. А я противъ нихъ слово знаю ..

Юрасова. Какое это слово?..

Гав. Крохинъ. Очень просто... Онѣ пуще огня адвоката боятся... Какъ только я ихъ этимъ словомъ постращаю, онѣ все съ руками отдадутъ .. Потому адвокатъ ихъ можетъ вполнѣ оконфузить... Что хорошаго,—сами посудите!..

Муравина. Какія вы гадости про себя разсказываете!.. Какъ вамъ не стыдно!..

Гав. Крохинъ. Марья Михайловна, позвольте!.. Вы женщина строгая, высокаго ума и возвышенныхъ идей, но въ этомъ дѣлѣ—mille pardon—вы ничего не можете понимать. . Капиталъ-съ—вещь, требующая обороту... Онъ, можно сказать, самъ себя питаетъ и роститъ... Зачѣмъ же ему въ нѣдрахъ мамашиныхъ сундуковъ зря гнить, коль скоро я могу на него другой такой же капиталъ нажить!.. Книгу господина Маркса изволили читать?

Муравина. Нѣтъ, не читала...

Гав. Крохинъ. Совѣтую-съ... Поучительная книга... Тамъ все это научно изъяснено...

Муравина *(съ удивленіемъ)*. А вы читали?

Гав. Крохинъ. Читалъ-съ... Хотя и не все постигъ, но...

Юрасова *(иронически)*. Но на счетъ «обставленія мамаши»—постигли?

Гав. Крохинъ. До этого я своимъ умомъ дошелъ...

Юрасова. Горькій опытъ жизни?..

Гав. Крохинъ. Истинно-съ!.. Меня тятенька наукой не утруждали .. Я дальше второго класса уѣзднаго училища не пошелъ... Тятенька ужъ много также эмансипаціи въ домѣ завели... Пользу просвѣщенія поняли... А моя вся наука въ томъ заключалась:—«грабь, но

не попадайся»... Чрезъ это самое образованіе я и отъ родителя черезъ заборъ убѣгъ... И свѣтъ увидалъ... Самъ до всего достукался... Совѣсть имѣлъ... А это къ нашему дѣлу—статья неподходящая... А съ теченіемъ времени пріобвыкъ... Ничего, — обтерпѣлся... Наука родительская въ пользу пошла...

Муравина. Богъ знаетъ, что вы говорите!..

Гав. Крохинъ. Вѣрно-съ... Кромѣ шутокъ, Марья Михайловна!.. Мамаша теперь деньги направо и налѣво раздаютъ... Того и гляди до основного капитала доберутся... Странницамъ тамъ разнымъ, уставщицамъ, пройдисвѣтамъ... Въ скиты, на Иргизъ, души спасенія ради, посылаютъ... Старой вѣры они придерживаются... У насъ въ домѣ отъ страннаго народа не продыхнуть въ комнатахъ... Какъ тутъ хотя бы и мамашу не окоротить... И не примѣтишь, какъ онѣ капиталъ какому-нибудь старцу Пафнутію изъ рукъ въ руки передадутъ... Обидно-съ!.. А мнѣ въ настоящую минуту деньги необходимы... Вы, чай, слышали, какая у насъ агитація идетъ?.. Ежели наша возьметъ, — Викентій Ивановичъ намъ въ годъ изъ рубля два сдѣлаетъ...

Юрасова. Будто?

Гав. Крохинъ. Викентій Ивановичъ?! *(Увѣренно.)* Высокой степени финансистъ!

Муравина *(съ ироніей).* Что мудренаго... *(Вставая.)* Куда-же это Костя дѣлся? *(Идя въ глубь направо.)* Костя!.. *(Уходитъ.)*

Юрасова *(поддразнивая).* А вы, Гаврилъ Степанычъ, хотите чужими руками жаръ загребать?.. Да?..

Гав. Крохинъ. Коли по правдѣ говорить, Ольга Алексѣевна, мы всѣ чужими руками жаръ загребаемъ... Вся наша жизнь, можно сказать, на обоюдномъ грабительствѣ основана... Вы посмотрите...

Юрасова *(перебивая его, лѣниво).* Скучно, Гаврилъ Степановичъ... *(зѣвая)* тоска... Я боюсь задумываться надъ жизнью... Богъ знаетъ до чего додумаешься... Иногда, помимо воли, увидишь какой-нибудь непріятный фактъ, и то сердце заноетъ. Зачѣмъ себѣ непріятность дѣлать?.. У меня и безъ того бываютъ припадки тоски, безпричинной, ужасной... Люди тогда кажутся мнѣ омерзительными, жизнь—безсмысленной, нелѣпой, жестокой... Все окрашивается въ мрачный цвѣтъ... И здѣсь, въ груди, что-то давитъ, мѣшаетъ дышать... И злоба кипитъ въ душѣ на себя, на людей, *(съ ироніей)* на всю вселенную. *(Помолчавъ.)* Нѣтъ, надъ жизнью не стоитъ задумываться. *(Съ улыбкой глядя на Гаврилу Крохина.)* Посовѣтуйте, Гаврила Степановичъ, какъ бы повеселѣй на свѣтѣ прожить!..

Гав. Крохинъ. Влюбитесь... Многимъ дѣвицамъ помогаетъ.

Юрасова. Можетъ-быть,—не спорю... *(Кокетливо.)* Но... въ кого?..

Гав. Крохинъ. Мало-ли!.. Да вотъ въ меня, напримѣръ...

Юрасова *(удивленно посмотрѣвъ на него и помолчавъ).* Какъ ваше здоровье?..

Гав. Крохинъ *(въ ея тонъ).* Ничего... Благодарю васъ... Слава Богу...

Юрасова. Съ какой стати вамъ пришло это въ голову?.. Странно...

Гав. Крохинъ. Ничего страннаго не вижу... Я человѣкъ свободный, богатый... не старикъ еще... Собой не дуренъ... Вы, дѣвушка бѣдная, но съ изящными вкусами... Жаждете удовольствій, блеска и прочихъ земныхъ благъ...

Юрасова *(вставая и потягиваясь).* Кто это вамъ сказалъ?..

Гав. Крохинъ. Да вѣдь изо всего замѣтно... Шила въ мѣшкѣ не утаишь, Ольга Алексѣевна... Жизнь учительницы музыки васъ не ахъ какъ манитъ... Развернуться вамъ хочется!..

Юрасова *(оживленно).* Правда!.. Хорошобы!.. Не люблю я этой честной бѣдности, темныхъ угловъ, трудового чернаго хлѣба, кислой добродѣтели... Стоитъ ли для этого жить на свѣтѣ!.. Подумайте, Гаврилъ Степановичъ!.. *(Съ увлеченіемъ.)* Нѣтъ, ужъ если жить, такъ жить!.. Чтобы духъ захватывало, голова закружилась!.. Ничего чтобы запретнаго не было!.. Что захотѣла, то и мое!.. Жизнь коротка, надо ею пользоваться!.. *(Сильно.)* Ахъ, какъ я люблю славу, блескъ, поклоненіе!..

Гав. Крохинъ *(любуясь ею).* Если бы вы знали, какъ вы хороши теперь, Ольга Алексѣевна!.. Съ ума сойдешь!.. То-есть, вотъ какъ... Все бы, кажись, отдалъ, кабы!..

Юрасова *(кокетливо смѣясь).* Кабы что?.. Ха, ха, ха!..

Гав. Крохинъ. Кабы вы пошли за меня...

Юрасова *(идя и кокетливо оглядываясь).* И денежки?

Гав. Крохинъ *(съ порывомъ).* До свадьбы на васъ запишу!..

Юрасова *(идя налѣво въ глубь сцены).* Мнѣ, вѣдь, много, много денегъ надо!.. Я жадная... Ненасытная!..

Гав. Крохинъ *(идя за ней, съ увлеченіемъ).* Все берите, до чиста!..

Юрасова *(беря его подъ руку).* Ничего завѣтнаго нѣтъ?!. *(Смѣясь.)* Ха, ха, ха!..

Гав. Крохинъ *(уходя съ ней).* Все ваше... безъ остатку!.. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Муравина, Костя, *потомъ* **Званцева.**

Костя *(выходя справа, держась за руку Мураѳиной).* Ты на меня не сердишься, тетя Муся?.. Не сердишься?..

Муравина. Нѣтъ, миленькій, нѣтъ!

Костя. Ты мнѣ разскажешь сказку о царевнѣ-лягушкѣ?..

Муравина. Разскажу.

Костя. О царевнѣ-лягушкѣ, да?.. *(Увидавъ выходящую изъ дома Званцеву.)* Мамочка!.. *(Бѣжитъ къ ней.)*

Званцева *(принимая его къ себѣ)*. Котикъ мой!.. *(Цѣлуетъ.)* Гдѣ ты былъ, мальчикъ?..

Костя. Я, мамочка, съ Ѳедей на деревнѣ былъ... Я только его проводилъ... Ничего?

Званцева. Папа не любитъ, когда ты на деревню бѣгаешь.

Костя. Отчего?.. *(Оживленно.)* Тамъ на улицѣ какъ весело!.. Дѣвки хороводы водятъ!.. Поютъ, пляшутъ!.. Ѳедька, мамочка, на Воронкѣ поѣхалъ въ ночное... Вскачь, мамочка!

Званцева *(съ улыбкой, цѣлуя его)*. Неужели,—вскачь?..

Костя. Онъ нисколько не боится... Мама, пусти меня въ ночное..

Званцева. Объ этомъ мы послѣ потолкуемъ, Костя...

Муравина. Завтра еще будетъ день, а теперь спать пойдемъ...

Костя *(обнимая мать)*. Покойной ночи, мама...

Званцева *(цѣлуя его)*. Господь надъ тобой, мальчикъ.

(Муравина беретъ Костю за руку и ведетъ въ домъ.)

Званцева *(переходя къ скамьѣ налѣво)*. Уложите Костю, приходите посидѣть со мной, Марья Михайловна.

Муравина *(уходя въ домъ)*. Домой пора... Владя, вѣроятно, пріѣхалъ... *(Уходитъ.)*

Званцева *(одна)*. Тихо какъ... Хорошо!.. *(Садится на скамью и прислушивается.)* Поетъ кто-то... На деревнѣ, должно-быть... *(Вздыхая.)* Какой тоскливый мотивъ... *(Задумывается, слушая пѣсню.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Званцева и Званцевъ.

(Званцевъ, съ сигарой во рту, съ пальто на рукѣ, выходитъ изъ глубины парка, справа.)

Званцевъ *(увидавъ жену, насмѣшливо)*. Боже, мы мечтаемъ!.. Она, луна... *(подходя)* и онъ!

Званцева *(обертываясь, спокойно)*. Это ты, Антонъ?.. Сейчасъ только изъ города?..

Званцевъ *(цѣлуя руку жены)*. Нѣтъ... Заходилъ на часокъ къ Никитѣ Степановичу... Дѣло было... *(Опускаясь на скамью.)* Ухъ, усталъ!..

Званцева. Ты обѣдалъ?..

Званцевъ. Да... У нихъ обѣдалъ... Никита не пустилъ... Вино ему какое прислали!.. Хо, хо!.. Удивительнѣйшее!.. Завтра они просили вечеркомъ къ нимъ... *(Куря сигару, взглядываетъ на жену.)* Пойдешь?

Званцева. Не знаю, право...

Званцевъ. Я полагаю, тебѣ необходимо быть у нихъ.

Званцева. Особенной необходимости не вижу...

Званцевъ. Да?.. Но, это, наконецъ, невѣжливо, Таня!.. Людмила Валерьяновна была у насъ нѣсколько разъ... Она не считается визитами, но всему есть предѣлы... Она можетъ обидѣться...

Званцева *(спокойно)*. Господь съ ней... Меня это мало тревожитъ...

Званцевъ *(сдерживаясь)*. Очень вѣроятно... Да я то не могу такъ къ этому относиться... Я связанъ съ ними дѣломъ... Совсѣмъ не желаю ссориться... Мало того, я во многомъ, прямо-таки, завишу отъ Никиты Степановича... Расходиться съ ними ради твоихъ причудъ я совсѣмъ не желаю...

Званцева Этого и не нужно...

Званцевъ *(волнуясь)*. «Не нужно»... Само собой,—не надо!.. Ты совершенно игнорируешь мои интересы... Тебѣ нѣтъ дѣла до меня! Я самъ по себѣ, ты—сама по себѣ... Это всегда такъ было и будетъ!.. Мнѣ надо бы къ этому привыкнуть... Но меня возмущаетъ это факирское спокойствіе!..

Званцева. Я не хочу поступать противъ своей совѣсти... Я дѣлаю, что могу... я молчу...

Званцевъ. Да, вы молчите!.. И если бы я тонулъ на вашихъ глазахъ,—вы также молчали бы!..

Званцева. Это сильное сравненіе и... неподходящее...

Званцевъ. Но вѣдь вы топите меня!..

Званцева *(улыбаясь)*. Какое злодѣйство!..

Званцевъ. Помилуйте!.. Я весь въ ихъ рукахъ... Мы живемъ у нихъ на дачѣ, въ одномъ паркѣ, бокъ-о-бокъ... И ты къ нимъ ни ногой!.. На что похоже!.. Твои капризы могутъ погубить всѣ мои планы...

Званцева *(твердо)*. Я имъ не сочувствую...

Званцевъ *(съ злобой)*. Ха-ха-ха!.. Вы имъ не сочувствуете!.. Ха-ха-ха!.. Какое же нравственное право ты имѣешь мѣшать мнѣ?!..

Званцева *(серьезно, смотря ему въ глаза)*. О нравственныхъ правахъ намъ съ тобой, Антонъ, лучше помолчать...

Званцевъ. Ты думаешь?.. *(Посмотрѣвъ на жену.)* Скажи на милость, Таня, отчего ты такъ высокомѣрно относишься къ людямъ?.. Что ты за перлъ и адамантъ? Что за непогрѣшимое существо, снизошедшее до общенія съ нами, грѣшными? Откуда эта непомѣрная гордыня?.. Всѣ люди, какъ люди!.. Всякъ хорошъ

по-своему. Никто не въ правѣ презирать другихъ за то, что они всѣ не такіе, какъ мы... Никто не...

Званцева (*раздраженно*). Ты на вѣтеръ бросаешь слова, Антонъ... Людмила Валерьяновна мнѣ, просто, не симпатична...

Званцевъ (*съ ироніей*). «Не симпатична»... (*Горячо.*) Что за узкость, нетерпимость, несправедливая строгость къ людямъ, которые не живутъ по нашимъ трафаретамъ!.. (*Вставая.*) Меня возмущаетъ это до глубины души!

Званцева. Ну, а ты... самъ?

Званцевъ (*горячо*). Я, мой другъ, требователенъ къ людямъ, дѣлающимъ со мной одно дѣло... Да, я не позволю никому совать носъ въ мое дѣло... тормазить его глупымъ фантазерствомъ. Въ моемъ дѣлѣ я требую полнаго подчиненія моимъ планамъ... А тамъ, у себя дома, что онъ дѣлаетъ, что думаетъ, какъ чувствуетъ?.. это для меня совершенно безразлично. Симпатичный онъ или нѣтъ?..—не все ли мнѣ равно!.. Необходимый онъ для меня въ настоящую минуту или нѣтъ? — это меня занимаетъ... А какіе у него глаза, носъ, пріятный ли голосъ?.. Какъ онъ смотритъ на искусство?.. Какіе у него идеалы!.. Это мнѣ рѣшительно все равно... Это все сентиментальность, вредящая дѣлу... Польза—вотъ основной принципъ, и кончено дѣло!.. (*Иронически улыбнувшись.*) Однако я удалился въ область принциповъ... Ха, ха... Этой области ни начала, ни конца... Оставимъ философію до другого раза... (*Садясь рядомъ съ женой, мяко.*) Послушай, Таня... Я прошу тебя... Будь добра, пойдемъ завтра къ Крохинымъ... Ты питаешь слабость къ Николаю Степановичу... Онъ уже нѣсколько разъ спрашивалъ, отчего ты у нихъ не бываешь?.. Неловко, Таня... (*Ласково.*) Прости, если я сказалъ, что нибудь непріятное... Я измучился сегодня въ управленіи до нельзя... Дѣла по горло... Все спѣшное, неотложно-важное... Нервы напряжены... А тутъ еще бургонское... Я хватилъ лишній стаканчикъ... Въ головѣ что-то шумитъ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Званцева, Званцевъ и Муравина.

Муравина (*сходя съ крыльца*). Костя заснулъ... Я пойду, Татьяна Борисовна...

Званцева. Попили бы съ нами чайку, Марья Михайловна, да и пошли...

Муравина. Некогда... Спасибо... Въ деревню еще надо забѣжать, дѣло есть...

Званцевъ (*иронически*). Филантропія?..

Муравина. Да, филантропія...

Званцевъ. И какъ это вы всюду поспѣваете, добрѣйшая Марья Михайловна?.. Поразительно!

Муравина. Да вѣдь я сколько ни сдѣлаю,— все ладно... За все мнѣ спасибо... Наше дѣло маленькое, Антонъ Ивановичъ... Бѣгаю себѣ, да бѣгаю...

Званцевъ (*съ улыбкой*). И спасаете по маленьку человѣчество?..

Муравина. Гдѣ ужъ намъ!..

Званцева (*желая перемѣнить разговоръ*). Что это давно не видно Владиміра Михайловича?.. Какъ онъ поживаетъ?

Муравина. Спасибо, Татьяна Борисовна!.. Ничего, — живетъ... Послѣднее время занятъ очень... Цѣлые дни въ мастерскихъ пропадаетъ, а вечерами какой-то проэктъ пишетъ...

Званцевъ (*съ ироніей*). О преобразованіи государства съ помощью ссудо-сберегательныхъ кассъ?

Муравина. Нѣтъ, Антонъ Ивановичъ... О вознагражденіи рабочихъ, искалѣченныхъ желѣзными дорогами... (*Смотря на него.*) Кажется объ этомъ... Хорошенько-то не знаю...

Званцевъ. Занятная тема...

Муравина (*выразительно*). Да, и современная!.. (*Спохватившись.*) Охъ, что же это я болтаю... До завтра, Татьяна Борисовна!..

Званцева (*пожимая руку*). Попросите Владиміра Михайловича ко мнѣ зайти... Мнѣ надо съ нимъ о дѣлѣ поговорить...

Муравина. Хорошо,—скажу... (*Подходитъ къ Званцеву и, молча, подаетъ ему руку.*)

Званцевъ (*изысканно-вѣжливо расшаркиваясь*). Имѣю честь кланяться, милѣйшая Марья Михайловна!..

Муравина. Прощайте, батюшка! (*Уходитъ за домъ, направо.*)

Званцевъ (*съ улыбкой*). Какова птица!.. Прошу покорно!.. «Прощайте, батюшка». Какъ поговариваетъ! а?

Званцева. Ты самъ виноватъ, Антонъ... Неужели ты не можешь говорить съ ней безъ шпилекъ?..

Званцевъ. Не могу... Рѣшительно не могу! Вѣдь, это какая то «Маримьяна-старица, обо всѣхъ печальница». Очень можетъ быть, что она прекрасная учительница! Педагогъ, не хуже Песталоци... Она изучала это дѣло въ Швейцаріи или гдѣ тамъ... Я готовъ даже уважать ее за это... но когда она начинаетъ распространяться о человѣчествѣ и его язвахъ, тогда, слуга покорный, я не могу съ ней серьезно говорить... Она мнѣ на нервы дѣйствуетъ!..

Званцева. Марья Михайловна никогда сама не начинаетъ...

Званцевъ (*перебивая*). Да ужъ одинъ ея видъ чего стоитъ!.. Ты только обрати вниманіе на ея костюмъ!.. Вѣдь это нарочно надѣто... Съ идеей!.. Трауръ о погибающемъ во грѣсѣхъ человѣчествѣ... Къ счастью, это вымирающая разновидность... Въ нѣкоторомъ родѣ—послѣдній Могиканъ!..

Званцева (*холодно*). Оставимъ этотъ разговоръ, Антонъ!..

Званцевъ. Съ наслажденіемъ, мой другъ... Съ величайшимъ наслажденіемъ... Ты не можешь себѣ представить, до чего они съ братцемъ мнѣ надоѣли... Добродѣтельные идіоты.

Званцева (*укоризненно*). Антонъ!..

Званцевъ (*какъ бы не слыша*). Сегодня въ управленіи ея братецъ вздумалъ разводить Никитѣ рацеи о нравственной отвѣтственности передъ обществомъ за якобы непомѣрный трудъ машинистовъ... Я, конечно...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Званцева, Званцевъ, Гав. Крохинъ и Юрасова.

Званцевъ (*увидавъ входящаго Гав. Крохина, радушно и привѣтливо*). А-а!.. Почтеннѣйшій Гаврилъ Степановичъ!.. (*Идетъ ему на встрѣчу и протягиваетъ руку.*)

Гав. Крохинъ (*пожимая руку*). Антону Ивановичу!.. Имѣю честь!.. (*Проходитъ къ Званцевой.*) Добрый вечеръ, Татьяна Борисовна!.. Какъ поживать изволите?

Званцева (*здороваясь*). Ничего, живу... Благодарю васъ, Гаврилъ Степановичъ...

Гав. Крохинъ (*смотря на нее*). Да вы что-съ, Татьяна Борисовна?

Званцева. Ничего...

Гав. Крохинъ. Вы, кажись, опять въ меланхолію ударились.

Званцева (*нервно*). Нѣтъ... Такъ... Раздражена я немного...

Гав. Крохинъ. Съ чего же такъ-съ... Жить-бы вамъ, да радоваться...

Званцева (*съ горькой улыбкой*). Я и то живу, да радуюсь...

Гав. Крохинъ (*покачивая головой*). Нѣтъ, Татьяна Борисовна, не узнаю я васъ... Совсѣмъ вы другая стали... (*Говорятъ тихо.*)

(Во время разговора Званцевой съ Гав. Крохинымъ, Званцевъ стоитъ въ глубинѣ съ Юрасовой, беретъ ея руку и горячо цѣлуетъ. Юрасова тихо смѣется, грозя ему пальцемъ и головой показывая на жену. Званцевъ ловитъ другую руку и цѣлуетъ пальчикъ. Юрасова продолжаетъ тихо смѣяться.)

Юрасова (*вырывая руки и отходя, кокетливо*). Перестаньте... Увидитъ...

Званцевъ (*Юрасовой*). Не бѣда... (*Подходя къ Гав. Крохину и беря его подъ руку.*) Ну-съ, почтеннѣйшій Гаврилъ Степановичъ, какъ же наши дѣла? Рѣшились вы на что нибудь?.. Дѣло не терпитъ...

Гав. Крохинъ. У мамаши сто тысячъ выцыганилъ...

Званцевъ. Превосходно!.. Ну, а сами?..

Гав. Крохинъ. Опасаюсь, Антонъ Ивановичъ ..

(Юрасова подходитъ къ Званцевой, садится рядомъ и что-то со смѣхомъ ей разсказываетъ.)

Званцевъ. Что же тутъ страшнаго?.. Помилуйте, Гаврилъ Степановичъ!..

Гав. Крохинъ. Оно, можетъ быть, и такъ... И ничего нѣтъ страшнаго, а только что съ непривычки все, знаете, какъ-то неловко... (*Со вздохомъ.*) Сны все худые вижу, Антонъ Ивановичъ... Представляется мнѣ вотъ уже которую ночь,—быдто я въ острогѣ сижу.

Званцевъ (*громко смѣясь*). Ха-ха-ха!.. Что за мрачныя мысли!.. Ха-ха-ха!..

Гав. Крохинъ. Кромѣ всякихъ шутокъ!.. Само собой, что это все съ непривычки.. Законнаго предѣла не знаешь... Все какъ-то боязно...

Званцевъ (*съ снисходительной улыбкой, похлопывая его по плечу*). Не безпокойтесь, почтеннѣйшій Гаврилъ Степановичъ!.. Повѣрьте, я не втяну васъ въ бѣду... Я это дѣло знаю...

Гав. Крохинъ. Что говорить-съ... Вы человѣкъ по этимъ дѣламъ—дока!.. Мнѣ, главная причина, Антонъ Ивановичъ, желательно на линіи чести себя содержать... Чтобы безъ сраму...

Званцевъ. Съ честью выйдемъ!.. Побѣдителями!.. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, Гаврилъ Степановичъ, потолкуемъ!.. (*Уводя его.*) Я вамъ все это подробно изложу... Сами увидите,—дѣло чистое!..

Гав. Крохинъ. Я понимаю,—дѣльцо выгодное... (*Уходя.*) Сны только меня смущаютъ... (*Уходятъ въ домъ.*)

Званцева (*продолжая разговоръ съ Юрасовой*). Вы, конечно, отказали ему, Оля?..

Юрасова. О, нѣтъ!.. Я сказала, что подумаю... И, говоря откровенно, я склоняюсь...

Званцева (*удивленно*). Неужели, Оля, вы его любите?..

Юрасова (*смѣясь*). Люблю?.. Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, нисколечко!.. Соблазнительно быть богатой! . Деньги—свобода!.. Съ ними на свѣтѣ нѣтъ ничего запретнаго!.. Я страшно люблю деньги!..

Званцева. Не понимаю я васъ, Оля...

Юрасова (*задорно*). Гдѣ же вамъ меня понять, Татьяна Борисовна!.. Вы романтикъ, а я реалистка... Вы объ идеалахъ тоскуете... (*съ легкой ироніей*) принципы, да идеи въ жизнь проводите... не живете, а существуете... А я смотрю на васъ и удивляюсь... По моему,—пользуйся жизнью, пока живешь!.. А тамъ послѣ меня хоть трава не рости... Не все ли мнѣ равно!..

Званцева. Но вѣдь вы его не любите? да...

Юрасова (*со смѣхомъ*). Вотъ нашли о чемъ сокрушаться... Ха-ха-ха!.. Это еще отъ меня не уйдетъ...

Званцева (*возмущенная*). Подумайте, Оля, что вы говорите?!. Откуда у васъ такіе взгляды?! Такая нравственная безшабашность!..

Юрасова. Мой самоучитель—жизнь, Татьяна Борисовна...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Званцева, Юрасова и Муравинъ.

(*Муравинъ выходитъ изъ глубины парка, справа, и, увидавъ Званцеву и Юрасову, подходитъ къ нимъ.*)

Муравинъ (*здороваясь*). Добрый вечеръ!

Званцева (*привѣтливо*). Владиміръ Михайловичъ!.. (*Протягивая руку.*) Помогите мнѣ!..

Муравинъ (*здороваясь съ Юрасовой*). Что такое?.. Въ чемъ?..

Званцева. Помогите мнѣ убѣдить Олю...

Юрасова (*перебивая*). Напрасныя старанія, Татьяна Борисовна! Владиміръ Михайловичъ давно на меня рукой махнулъ... Онъ знаетъ, что по моему:

«Намъ жизнь дана не для боязни,
«Не для сомнѣній, не для казни!..
«Нѣтъ, въ жизни слышится:—живи
«Для наслажденій и любви!..»

Мы съ нимъ изъ-за этого не разъ ссорились...

Муравинъ. Да, вотъ что!.. Спорить я съ вами объ этомъ, дѣйствительно, не стану... И Татьянѣ Борисовнѣ не совѣтую...

Юрасова (*садясь на качели*). Понятно... Игра не стоитъ свѣчъ...

Муравинъ. Нѣтъ, не поэтому... Словами васъ не убѣдишь... Надо, чтобы сама жизнь вамъ бока помяла... Да хорошенько!.. Какъ схватите горячаго до слезъ, тогда мы послушаемъ, что вы запоете...

Юрасова. Ну, и сидите у моря, — ждите погоды...

Муравинъ. Подождемъ; намъ не къ спѣху!.. (*Званцевой.*) Вы просили, чтобъ я зашелъ, Татьяна Борисовна?...

Званцева. Простите, что я васъ безпокою... Вы заняты очень?..

Муравинъ. У меня теперь есть-таки работишка... Да это ничего... Приналяжемъ,— сдѣлаемъ...

Званцева. Я хотѣла спросить васъ о школѣ?..

Муравинъ (*оживленно.*) А... о школѣ... Кипитъ дѣло, Татьяна Борисовна, кипитъ... Я сегодня тамъ на постройкѣ былъ... Чудо, что за зданіе будетъ!.. Душа радуется!.. Просторно, свѣтло, уютно!.. Залъ какой вышелъ,— прелесть!.. Вы знаете, какая мнѣ мысль въ голову пришла?

Званцева (*съ интересомъ*). Какая?

Муравинъ. Я думаю, Татьяна Борисовна, дѣтишки дѣтишками, а и о взрослыхъ грѣхъ забывать... А какъ вы на этотъ счетъ мекаете?..

Званцева. Конечно, Владиміръ Михайловичъ...

Муравинъ. Вотъ я пораскинулъ мозгами, да и рѣшилъ воскресную школу для взрослыхъ устроить...

Званцева (*сочувственно*). Прекрасная мысль!.. Организуемъ кружокъ преподавателей, распредѣлимъ между собой занятія... Подготовимся за лѣто, а къ осени примемся за дѣло...

Муравинъ. Вы, стало быть, одобряете?.. Отлично!.. Залъ у насъ помѣстительный; человѣкъ до двухсотъ войдетъ... Чтенія будемъ тамъ устраивать, бесѣды, популярныя лекціи... Это, я вамъ доложу, превосходная у насъ выйдетъ штука!.. Со временемъ, когда дѣло прочно установится, можно будетъ и техническіе классы основать... Лиха бѣда начало!..

Юрасова (*съ улыбкой*). Само-собой... А затѣмъ и университетъ для мужичковъ откроете... На что лучше!..

Муравинъ (*съ досадой, Юрасовой*). Эхъ, Ольга Алексѣевна!.. Сказалъ бы я вамъ, да... (*Махнувъ рукой.*) Подождемъ!..

Юрасова (*смѣясь*). Наивный вы человѣкъ! Ха-ха-ха-ха!..

Муравинъ. Ладно, ладно-съ!... (*Званцевой.*) Дѣло все въ томъ, Татьяна Борисовна, чтобы достать тысченокъ пять-шесть на обстановку, учебныя принадлежности и пособія... Необходимо надо добыть!.. Въ управленіе я обращаться не хочу... Знаю навѣрно,—не дадутъ... (*Съ злой ироніей.*) Пятьдесятъ, шестьдесятъ тысячъ на подкупъ ассигновать или въ награду директору — это съ нашимъ удовольствіемъ, а на школу рабочимъ какихъ-нибудь пять-шесть тысячъ, какъ это можно!.. Непроизводительный расходъ, сверхъ смѣты!.. (*Нервно.*) Да имъ не до того!.. Они теперь совсѣмъ не тѣмъ заняты!.. Избирательная агитація идетъ!.. Подставныхъ акціонеровъ фабрикуютъ... (*Горячо.*) Если бы вы только знали, что у насъ на дорогѣ дѣлается?!.. Уму непостижимо!.. Я за послѣднее время изозлился весь... И злоба-то самая обидная... безсильная!.. Что я, мелкая сошка, могу сдѣлать?.. Ничего не могу!.. Одно остается,— бѣжать. Жаль бросать дѣло... Кое-что хочется сдѣлать для рабочихъ... Начато многое! Равнодушно смотрѣть на всѣ мерзости, какія у насъ творятся, не могу, хоть вы меня зарѣжьте!..

Юрасова (*съ лукавой улыбкой*). Какіе же такіе ужасы у васъ на дорогѣ творятся?!. Разбой что ли?.. Намъ Антонъ Ивановичъ ни-

чего не говорилъ... *(Насмѣшливо смотря на Татьяну Борисовну, которая, видимо, очень смущена.)* Вы ничего не слыхали, Татьяна Борисовна?..

Муравинъ *(взглянувъ на Званцеву, смущенно)*. Простите, Татьяна Борисовна... Я увлекся... Не слѣдовало мнѣ такъ говорить...

Званцева *(съ горечью)*. Къ несчастью, вы правы... Я знаю почти все, что у васъ дѣлается... Если бы вы знали, Муравинъ, какъ мнѣ тяжело все это!..

Юрасова *(комически вздыхая, про себя)*. Боже, какъ трогательно!.. Сочувствіе сердецъ!..

Муравинъ *(Званцевой, смущенно)*. Такъ вотъ... Надо гдѣ ни на есть разстараться на школу пять, шесть тысячъ...

Званцева. Я попытаюсь... Можетъ-быть,— достану...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Званцева, Юрасова, Муравинъ, Ник. Крохинъ и Людмила Валерьяновна.

(Ник. Крохинъ выходитъ подъ руку съ женой, слѣва.)

Люд. Вал. *(подходя къ Званцевой)*. А мы за вами, господа!.. *(Цѣлуясь съ Званцевой.)* Скажите на милость. Татьяна Борисовна, что же это вы дѣлаете?! На что похоже?! *(Здоровается за руку съ Муравинымъ.)*

Званцева *(сдержанно)*. Что такое?

Люд. Вал. Да вы совсѣмъ заполонили моего мужа!.. *(Кивая головой Юрасовой.)* Здравствуйте, душечка!.. *(Званцевой.)* Онъ и спитъ и бредитъ вами!.. Я хочу разводъ брать...

Ник. Крохинъ *(подавая руку Званцевой.)* Мое почтеніе, Татьяна Борисовна! *(Молча подаетъ руку Муравину и Юрасовой, опускается на скамью около качель и погружается въ апатію, по временамъ вздыхая.)*

Люд. Вал. Безъ шутокъ!.. Я вызову васъ на дуэль... По американски!.. Это ни на что не похоже... Вотъ уже который день онъ только о васъ и говоритъ.. Сейчасъ,—вышли гулять,—онъ опять: «зайдемъ за Татьяной Борисовной!..» Мимо вашей дачи пройти равнодушно не можетъ!..

Ник. Крохинъ *(апатично)*. Вотъ что называется съ больной головы на здоровую сваливать...

Люд. Вал. Скажешь,—я?..

Ник. Крохинъ *(махнувъ рукой)*. Продолжай, матушка... *(Вздыхая.)* Продолжай!..

Люд. Вал. Право!.. У васъ, должно-быть, какой-нибудь приворотъ-камень есть!.. Вотъ и Владиміръ Михайловичъ... Я его по цѣлымъ мѣсяцамъ не вижу... Сколько разъ земно кланялась ему, чтобы хоть на минутку зашелъ... «Работы по горло... Некогда...»

Муравинъ. Въ самомъ дѣлѣ,—я очень занятъ...

Люд. Вал. Да, я знаю, знаю!.. Только и слышу: «Муравинъ проэктъ подалъ... Муравинъ общество потребителей основываетъ... Муравинъ пенсіонный уставъ разрабатываетъ... Муравинъ школу строитъ!..» Муравинъ—то, Муравинъ—это!.. *(Съ иронической улыбкой.)* Но и себя Муравинъ не забываетъ... *(Грозя ему пальцемъ.)* Чуть не каждый день куда-нибудь заходите...

Муравинъ. Я почти нигдѣ не бываю... Развѣ по дѣлу...

Люд. Вал. Притворяйтесь, притворяйтесь казанской сиротой!.. Такъ я вамъ и повѣрила!..

Муравинъ *(серьезно)*. Это какъ вамъ угодно!..

Люд. Вал. Вы самый опасный изъ Донъ-Жуановъ!.. Другъ и повѣренный женскихъ тайнъ... Нѣтъ опаснѣй для нашей сестры мужчины-друга... Не правда ли, Татьяна Борисовна?..

Званцева *(холодно)*. Я, право, не знаю...

Люд. Вал. Вы не знаете?.. Вы!.. Позвольте не повѣрить... Вы не хотите признаться... Какая же женщина этого не знаетъ!.. Я убѣждена, что даже такая ingénue, какъ Ольга Алексѣевна, и та это понимаетъ!.. *(Къ Юрасовой.)* Не правда ли, душечка?..

Юрасова *(комически)*. Я дѣвочка-пай!.. Я ничего не понимаю...

Люд. Вал *(весело смѣясь)*. Ха-ха-ха!.. Вы дѣвочка-пай!.. Ха-ха-ха!.. *(Званцевой.)* Кромѣ шутокъ, Татьяна Борисовна, я вамъ завидую...

Званцева *(пожимая плечами)*. Чему, Людмила Валерьяновна?

Люд. Вал. Помилуйте, у васъ всегда общество, оживленіе, кавалеры!.. А я сижу, какъ въ теремѣ... Одна съ утра до вечера... никого не вижу...

Ник. Крохинъ *(апатично перебивая)*. Людмила!..

Люд. Вал. *(оглядываясь)*. Что такое?..

Ник. Крохинъ *(апатично)*. Замкни фонтанъ своего краснорѣчія... Перестань, ради Бога!..

Люд. Вал. Зачѣмъ же такъ сильно?.. «Ради Бога...» *(Мимоходомъ.)* А гдѣ же Антонъ Ивановичъ?

Званцева. Онъ дома...

Люд. Вал. *(подходя къ окну)*. Антонъ Ивановичъ, будетъ вамъ въ комнатахъ сидѣть... Идемте гулять!..

Званцевъ *(за сценой)*. Сію минуту!..

Ник. Крохинъ *(вставая и подходя къ Званцевой)*. Татьяна Борисовна, пойдете?..

Званцева. Съ удовольствіемъ.

(Ник. Крохинъ и Званцева уходятъ въ глубину, направо, Муравинъ идетъ съ ними).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, Званцевъ и Гав. Крохинъ.

Званцевъ *(поспѣшно сходя съ крыльца).* Простите великодушно, Людмила Валерьяновна!.. Я и не зналъ, что у меня такіе дорогіе гости!.. Никита Степановичъ, куда же вы?..

Ник. Крохинъ. Гулять, братъ, пошли... *(Уходятъ).*

Гав. Крохинъ *(Юрасовой).* А вы пойдете, Ольга Алексѣевна?..

Юрасова. Мнѣ что-то холодно... Надо платокъ взять...

Гав. Крохинъ *(съ готовностью).* Что же вамъ самимъ безпокоиться... *(Уходя въ домъ.)* Я сію секунду... *(Уходитъ.)*

Юрасова *(вставая).* Спасибо!.. *(Идетъ въ глубину направо, напѣвая:)*

«Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
«Искры гаснутъ на лету...»

(Уходитъ.)

(Людмила Валерьяновна и Званцевъ медленно идутъ въ глубину, направо.)

Люд. Вал. *(дойдя до средины останавливается, смотритъ въ слѣдъ ушедшимъ и быстро оборачивается къ Званцеву).* Антонъ, все уладилось превосходно!.. Онъ даетъ всѣ свои акціи для раздачи выборщикамъ...

Званцевъ *(радостно).* Мила!.. Какъ ты меня обрадовала!..

Люд. Вал. *(кокетливо)* Скажи же мнѣ спасибо, Тоня...

Званцевъ *(цѣлуя ея руку).* Merçi, моя умница!..

Люд. Вал. *(обнимая и горячо цѣлуя его).* Идолъ мой!.. Кумиръ!.. Бурханчикъ!..

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Людмила Валерьяновна, Званцевъ и Гав. Крохинъ.

(Во время поцѣлуя на крыльцо быстро выходитъ Гав. Крохинъ.)

Гав. Крохинъ *(выходя).* Вотъ и платокъ... Теперь вамъ тепленько бу... *(Увидавъ объятія Людмилы Валерьяновны и Званцева, останавливается, удивленный.)* Батюшки!.. Родители!..

Званцевъ *(возвращая поцѣлуй Люд. Вал.)* Дорогая моя!..

Гав. Крохинъ *(закрываясь платкомъ).* Въ глазахъ позеленѣло... Ничевохонько не вижу...

(Званцевъ беретъ подъ руку Людмилу Валерьяновну и уходитъ въ глубину парка, направо.)

Гав. Крохинъ *(осторожно выглядывая).* Ушли... *(Громко.)* Ольга Алексѣевна, ау!.

Юрасова *(вдали за сценой).* Ау-у-у!..

Гав. Крохинъ *(быстро уходя).* Ау-у!.. *(Уходитъ направо.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Званцева. Большая комната, отдѣланная въ русскомъ стилѣ. Въ задней стѣнѣ большое окно, выходящее въ садъ. У окна, справа,—телефонъ. По обѣ стороны окна шкафы съ книгами. Посрединѣ комнаты большой письменный столъ, обращенный лицевой стороной къ публикѣ; передъ нимъ — кресло, спинкой къ окну. Съ противоположной стороны стола—два кресла. Въ лѣвой стѣнѣ—дверь на первомъ планѣ, въ правой — на второмъ. Справа на первомъ планѣ—кушетка; около нея—небольшой столъ и три стула. Слѣва — пѣянино. Въ углахъ, на тумбахъ,— мраморные бюсты Гейне и Вольтера. На первомъ планѣ слѣва—спокойное кресло, обитое кожей. На стѣнахъ картины въ дорогихъ рамахъ. Занавѣсы съ русскимъ шитьемъ.

При открытіи занавѣса на сценѣ никого нѣтъ. За сценой слѣва слышенъ звонокъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Наташа, затѣмъ Шашкинъ.

(Наташа выходитъ справа и быстро проходитъ черезъ кабинетъ въ дверь налѣво. Спустя нѣсколько времени слѣва выходитъ Шашкинъ и за нимъ Наташа.)

Шашкинъ *(входя).* Иди, Наташа, поднимай барина... Спитъ, поди?..

Наташа. Нѣтъ, давно встали... Одѣлись, кофей кушаютъ...

Шашкинъ. Вотъ какъ... Не спится вѣрно!..

Наташа *(переходя направо).* Я доложу сейчасъ, Иванъ Семеновичъ?

Шашкинъ. Доложи, Наташа, доложи!..

(Наташа уходитъ.)

Шашкинъ *(одинъ; вынимая изъ портфеля бумаги и подкладывая ихъ).* Сна-

чала пустимъ служебную канитель... Доклады о несчастныхъ случаяхъ... «О разбитіи двѣнадцати вагоновъ маневрирующимъ паровозомъ... Убитъ одинъ кондукторъ...» Пустое дѣло... «Просьбы о пособіи вдовъ и калѣкъ» сюда же... Телеграмма отъ генерала Палкина о свиданіи съ министромъ... На пирожное... *(Подкладывая.)* «Довѣренности акціонеровъ на право голоса»... *(Съ улыбкой.)* Ну, тутъ пошли дѣла семейныя... *(Кладя на столъ бумаги.)* Везетъ ему, подлецу, какъ висѣльнику...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Шашкинъ и Званцевъ.

(Званцевъ въ изящномъ утреннемъ костюмѣ, свѣжій и бодрый, выходитъ справа.)

Званцевъ *(любезно и фамильярно)*. Иванъ Семеновичъ!.. *(Подавая руку.)* Мое почтеніе!.. Какъ изволите поживать?..

Шашкинъ *(здороваясь)*. Стараемся, Антонъ Ивановичъ!..

Званцевъ *(улыбаясь)*. Стараетесь?.. Превосходно!..

Шашкинъ *(почесывая голову)*. Хорошо-то хорошо, да не очень...

Званцевъ *(озабоченно)*. Неужели — неудача?

Шашкинъ. Нѣ-ѣ-ѣтъ... Какъ можно!.. Да голова-то очень трещитъ... Насилу сельтерской водой отходился...

Званцевъ *(шутливо, похлопывая его по плечу)*. «Не съ головой жить, Иванъ Семеновичъ, а съ добрыми людьми!..»

Шашкинъ. Какъ со службы въ пять часовъ уѣхалъ обѣдать въ «Эрмитажъ», такъ до шести часовъ утра безъ передышки .. Надо это вмѣстить, Антонъ Ивановичъ!..

Званцевъ. Да-а!.. *(Съ интересомъ.)* Ну-съ, а результатъ?..

Шашкинъ. Трехъ радужныхъ какъ не бывало!.. Угостилъ я ихъ на славу!.. Дня три, какъ потерянные, ходить будутъ!..

Званцевъ *(нетерпѣливо)*. А результатъ?.. Результатъ?!.

Шашкинъ. Будемъ, говорятъ, изо всѣхъ силъ стараться!.. Всѣ пружины пустимъ въ ходъ!.. И смѣшкомъ, и серьезными статьями!.. Самыхъ безчувственныхъ проймемъ...

Званцевъ *(потирая руки)*. Отлично!.. Превосходно!..

Шашкинъ. Одинъ только воспылалъ благороднымъ негодованіемъ!.. Вы, говоритъ, забыли, что мы люди принципа, что для насъ на первомъ планѣ должна стоять польза народа...

Званцевъ *(удивленный)*. Скажите пожалуйста!..

Шашкинъ. Да-а... Вы, говоритъ, должны представить намъ гарантію, что вашъ кандидатъ имѣетъ за собой честную и широкую программу... Ну я, знаете, сначала развилъ передъ нимъ нашъ планъ... Въ общихъ чертахъ, разумѣется... Наши заботы о поднятіи производительности той мѣстности, по которой проходитъ линія... Пониженіе тарифа, процвѣтаніе промышленности, улучшеніе экономическаго благосостоянія массъ!.. Нарисовалъ ему этакую, знаете, идиллію въ нѣкоторомъ родѣ... Мужички хлѣбъ везутъ, въ наши элеваторы ссыпаютъ .. Мы имъ въ тридорога платимъ... Скупщики устранены... Земледѣліе процвѣтаетъ... Крестьяне богатѣютъ... Деньги приливаютъ въ деревню... Сельскіе хозяева черезъ наше посредство прямо сносятся съ заграничными рынками!.. Рай водворяется на землѣ и въ человѣцѣхъ благоволеніе!..

Званцевъ. Прекрасно!..

Шашкинъ. Съ одной, молъ, стороны—польза Россіи и населенію, съ другой, — увеличеніе дивиденда акціонеровъ... Эти двѣ цѣли идутъ, молъ, рука объ руку въ нашей программѣ... Тутъ ужъ я развернулся!.. О дивидентѣ-то!.. Дѣло-то знакомое!.. Такія перспективы передъ нимъ открылъ, что онъ и ротъ разинулъ... Калифорнія, да и только!..

Званцевъ *(довольный)*. Ха - ха!.. Остроумно!.. Ну, и что же онъ?..

Шашкинъ. Завтра же обѣщалъ статью помѣстить въ «Торговомъ Обозрѣніи».

Званцевъ *(потирая руки)*. Значитъ, — дѣло въ шляпѣ!.. А какъ стоитъ вопросъ съ редакціей «Созерцателя»?..

Шашкинъ. Пробовалъ я кой черезъ кого закинуть туда удочку, но безуспѣшно... Тамъ дѣло на строгихъ началахъ ведется... Ихъ не купишь...

Званцевъ *(удивленно)*. Да неужели?!.

Шашкинъ *(разводя руками)*. Какъ это ни странно, но это фактъ!..

Званцевъ *(озабоченно)*. Они не на сторонѣ нашихъ противниковъ?

Шашкинъ. Нѣтъ... Они вообще будутъ осторожно, хладнокровно и скучно обсуждать и такъ и этакъ... Но изъ этого ни пользы, ни вреда никому не будетъ... Попишутъ и перестанутъ...

Званцевъ *(пренебрежительно)*. Ну, а этимъ голубчикамъ, много надо заплатить?..

Шашкинъ. Нѣ-ѣ-ѣтъ... *(Раздумывая)*. Тысячъ восемь, десять...

Званцевъ. Всѣмъ?!

Шашкинъ. Да... Десять тысячъ за глаза довольно!..

Званцевъ. Неужели они такъ дешево продаются?

Шашкинъ *(улыбаясь)*. Курочка по зернышку клюетъ...

Званцевъ. Такъ вы, пожалуйста, возьмите

это дѣло на себя, Иванъ Семеновичъ... Съ вами мы сочтемся... Да не забудьте напомнить имъ, чтобы они Обрубова-то пробрали хорошенько!.. *(Садясь къ столу и беря бумаги.)* Есть что-нибудь интересное?.. *(Просматривая бумаги.)* Опять крушеніе?..

Шашкинъ. Легонькое...

Званцевъ *(подписывая резолюцію).* Досадно!.. Начальникъ движенія поѣхалъ?..

Шашкинъ. И начальники тяги, пути и ремонта... Всѣ тамъ...

Званцевъ *(читая).* «Пособія вдовамъ и калѣкамъ». До завтра... Сегодня присутствія нѣтъ... Телеграмма... *(Съ интересомъ.)* Отъ Палкина... *(Радостно.)* Превосходно!.. Много расписано акцій?

Шашкинъ. Тысяча голосовъ есть.. расписали...

Званцевъ *(озабоченно).* Мало... Надо энергичнѣй дѣйствовать!.. Энергичнѣй, Иванъ Семеновичъ!..

(За сценой звонокъ.)

Званцевъ *(съ досадой).* Кого еще тамъ принесло?

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Шашкинъ, Званцевъ и Рябининъ.

Рябининъ *(важно входя слѣва, со шляпой въ рукѣ).* Доброе утро, Антонъ!..

Званцевъ. Здравствуй, Петръ Петровичъ!.. *(Подавая руку.)* Что хорошаго?

Рябининъ *(кладя шляпу на круглый столикъ).* Постой, государь мой!.. Дай мнѣ придти въ себя... Надо тебѣ сказать, что я вчера цѣлый день, какъ гончая собака, рыскалъ... Чуть не съ семи часовъ утра...

Званцевъ *(прочитывая бумаги).* Много набралъ выборщиковъ?..

Рябининъ *(беря со стола и закуривая сигару).* Человѣкъ тридцать набралъ...

Званцевъ. Только-то?!

Рябининъ *(разваливаясь на диванѣ).* Ты не доволенъ?! Я не могу, государь мой, съ улицы брать... У меня зато выборщики все люди солидные, чиновные... Дворяне, купцы первостатейные!..

Званцевъ *(вставая изъ за стола).* Ахъ, Петръ Петровичъ, какой ты наивный!.. Ты мнѣ точно Собакевичъ Чичикову мертвыя души расхваливаешь!.. Пойми ты, ради Бога, что мнѣ нуженъ голосъ, шаръ... А кто его подалъ, дворянинъ или мѣщанинъ, это для меня рѣшительно все равно... Это тѣ же мертвыя души... Цифра мнѣ важна!.. Понимаешь, — цифра!..

Рябининъ. Да... но все же пріятнѣй, когда благородный человѣкъ за тебя...

Шашкинъ *(съ насмѣшливой улыбкой).* Что и говорить... Я въ довѣренностяхъ тоже все больше чинъ не ниже капитана прописываю...

Званцевъ. Довольно о пустякахъ... *(Рябинину.)* Скажи, Петръ Петровичъ, былъ ты у Обрубова?.. Какъ дѣла у нихъ?..

Рябининъ *(оживленно).* О, Антонъ, они очень энергично дѣйствуютъ... Madame Обрубова съ утра до глубокой полночи по Москвѣ визиты дѣлаетъ... Лошадей загоняла... Поднялась вся Плющиха, Арбатъ, Сивцевъ Вражекъ, Собачья площадка... Вся, однимъ словомъ, дворянская округа... Всѣ допотопные рыдваны повыѣхали... У Обрубова въ кабинетѣ какія-то темныя личности... Жидки какіе-то, армяне... Самъ Обрубовъ, какъ сумасшедшій... Вмѣсто «здравствуйте», говоритъ «акція»!.. Ха-ха!.. Честное слово!.. *(Развязно.)* Мнѣ предложилъ взять... Конечно,— я взялъ... Нельзя же обидѣть человѣка... Я далъ ему слово, что за него подамъ... Для тебя, Антонъ, одинъ мой голосъ ничего не значитъ... Я тебѣ тысячу наберу!..

Званцевъ *(недовольный).* Пока и сотни не набралъ...

Рябининъ Пойми, государь мой милостивый, я старался найти благородныхъ, порядочныхъ людей, а, если хочешь всякой шушеры,—я могу въ одинъ день пятьсотъ человѣкъ найти...

Званцевъ. Пожалуйста!.. Ты узналъ, сколько у нихъ расписано акцій?..

Рябининъ. Пятьсотъ, не больше...

Званцевъ. Тебѣ самъ Обрубовъ сказалъ?..

Рябининъ. Да... Самъ сказалъ... Вчера... Честное слово!..

Званцевъ *(отходя въ сторону).* Вретъ несомнѣнно!.. Но кто: Обрубовъ или этотъ?..

Рябининъ *(беря шляпу).* Ну-съ, мнѣ пора за дѣло... *(Развязно.)* Антонъ!..

Званцевъ. *(подходя).* Что тебѣ?..

Рябининъ *(вставая).* Дай мнѣ тысченку!..

Званцевъ. Тысячу?.. Ты вчера взялъ пятьсотъ... Это грабежъ!..

Рябининъ. Что за слова, государь мой!..

Званцевъ *(ходя по комнатѣ).* Не дамъ...

Рябининъ. Пятьсотъ?..

Званцевъ. Не дамъ...

(Во время этого разговора Шашкинъ собираетъ бумаги и кладетъ въ портфель.)

Рябининъ. Ахъ, какой ты упрямый, государь мой!.. Ну, триста, наконецъ?..

Званцевъ. Больше двухсотъ не дамъ...*(Подходитъ къ столу.)*

Рябининъ *(обидчиво).* Это совсѣмъ не по джентльменски!..

Званцевъ. Двѣсти, хочешь?..

Рябининъ *(помолчавъ, пожимая плечами, со вздохомъ).* Давай...

Званцевъ *(достаетъ изъ стола деньги).*

Только помни, Петръ Петровичъ... *(Отдавая.)* Не вилять!..

Рябининъ *(беря деньги)*. За кого ты меня считаешь, Антонъ!.. *(Прощаясь.)* Parole d'honneur!.. *(Прячетъ деньги, затѣмъ подавая руку Шашкину.)* И кончено дѣло!.. *(Быстро уходитъ налѣво.)*

Шашкинъ *(вслѣдъ ему)*. Переметная сума!.. *(Подходя къ Званцеву.)* До свиданія, Антонъ Ивановичъ!..

Званцевъ *(подавая ему руку)*. Если будетъ что интересное,—вы ко мнѣ вечеркомъ навѣдаетесь, Иванъ Семеновичъ?..

Шашкинъ *(уходя)*. Непремѣнно!.. *(Уходитъ налѣво.)*

Званцевъ *(одинъ, ходя по комнатѣ)*. Пока все идетъ хорошо!.. Еще немного и побѣда за нами!.. Славный малый этотъ Шашкинъ... Дѣловой и честный человѣкъ!.. Пріятно съ такими людьми дѣло имѣть... *(Садится за пьянино и начинаетъ играть бравурный мотивъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Званцевъ и Юрасова *(выходитъ справа и останавливается у двери.)*

Званцевъ *(оглядываясь)*. А, Олечка!.. *(Оборачиваясь къ ней.)* Милости просимъ!.. Что это мы сегодня такія буки?!. *(Подходя къ ней.)* Плохо баиньки, да?.. *(Хочетъ поцѣловать ее.)*

Юрасова *(отстраняясь)*. Оставьте!..

Званцевъ *(удивленно)*. Оля!.. Что сей сонъ значитъ?.. Ты сердишься?.. За что, про что?!.

Юрасова. Нисколько...

Званцевъ. Ну, улыбнись же, моя птичка!.. Полно капризничать...

Юрасова *(смотря ему въ глаза)*. Неужели эти глаза лгутъ?.. Не можетъ быть... *(Страстно.)* Ты меня любишь, да?.. Любишь, Антонъ?..

Званцевъ. Мы ревнуемъ?.. Это нехорошо!.. Ревность до добра не доведетъ, Оля!.. Что съ тобой?.. Скажи, моя прелесть...

Юрасова *(грустно)*. Нѣтъ, ничего .. Пустяки!.. *(Улыбаясь.)* Я увидала тебя и все прошло... На сердцѣ снова свѣтло и радостно!..

(За сценой звонокъ.)

Юрасова *(вздрагивая)*. Ахъ!.. *(Испуганно.)* Кто-то къ тебѣ!.. *(Быстро уходитъ направо. У двери оборачивается и съ улыбкой посылаетъ Званцеву воздушный поцѣлуй.)*

Званцевъ *(одинъ)*. Что съ ней?.. Вчера эти намеки на Людмилу... колкости мнѣ .. Теперь меланхолія, совсѣмъ ей несвойственная... Она что-то подозрѣваетъ .. Нехорошо!.. Съ ней шутить опасно... На скандалъ пойдетъ... Людмила узнаетъ... Никита!.. *(Озабоченно.)* Все дѣло можно испортить... Боже сохрани, если теперь какой-нибудь скандалъ... Моя кандидатура провалится!.. *(Молчаніе.)* Что за мрачныя мысли!.. *(Беря себя за голову.)* Нервы... Всякій пустякъ тревожитъ!..

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Званцевъ и Гав. Крохинъ.

Гав. Крохинъ *(входя слѣва)*. Я вамъ не помѣшалъ, Антонъ Ивановичъ?

Званцевъ *(крайне любезно)*. Пожалуйте, Гаврилъ Степановичъ!.. Что вы?!. Милости просимъ... Пожалуйста!.. *(Показываетъ на кресло около стола.)*

Гав. Крохинъ *(садясь)*. У меня маленькое дѣльце къ вамъ, Антонъ Ивановичъ...

Званцевъ *(съ готовностью)*. Что прикажете?.. Весь къ вашимъ услугамъ... *(Садится напротивъ него у стола.)*

Гав. Крохинъ. Видите ли въ чемъ дѣло... На сто тысячъ я пріобрѣлъ акцій и вполнѣ отдаю ихъ въ ваше распоряженіе... Даже и свои я готовъ присовокупить... Потому я понимаю, вы для насъ золотой человѣкъ...

(Званцевъ молча кланяется.)

Гав. Крохинъ. Безо всякой лести скажу... Посади мы въ директора человѣка со взглядами этакими... *(ища слова)* такими... знаете... возвышенными, однимъ словомъ... Вы понимаете?.. Онъ намъ изъ десяти рублей дивиденту полтину сдѣлаетъ... Такъ или нѣтъ?.. А это намъ не рука... Что за сласть,—сами посудите!.. На васъ мы всегда можемъ положиться, какъ на каменную гору... Вполнѣ... Себя вы не забудете!.. Про это что говорить... да и насъ не обидите!.. Правильно ли я говорю?..

Званцевъ *(разглядывая свои руки)*. Да, совершенно...

Гав. Крохинъ. Видимый разсчетъ... И я съ моимъ удовольствіемъ...

Звачцевъ. Зачѣмъ же дѣло стало, почтеннѣйшій Гаврилъ Степановичъ?..

Гав. Крохинъ. Сомнѣніе меня на счетъ выборщиковъ... этихъ... подставныхъ-то беретъ... Между ними попадаются такіе огарки-съ, что любо два!.. Вотъ я и сомнѣваюсь...

Званцевъ. Что же васъ смущаетъ?

Гав. Крохинъ. Распишемъ мы акціи на разныхъ, къ примѣру, Прытковыхъ да Кошкиныхъ... А вдругъ какому-нибудь мѣщанину Кошкину и влетитъ въ башку,—«отъ счастья, молъ, грѣхъ отказываться... Богъ накажетъ... Дай, молъ, задарма нѣсколько тысченокъ получу!...»

Званцевъ *(успокоивая)*. Помилуйте!.. Какъ это можно!.. Мы гарантируемъ себя... На руки имъ даемъ только квитанціи...

Гав. Крохинъ. Да что,—помилуйте!.. Дѣло

бывалое!.. Очень просто, по квитанціи и получитъ. . Ничего въ такомъ разѣ съ нимъ не сдѣлаешь... Потому, какъ ни верти, а дѣло—фальшь!.. Кто такимъ разомъ не воспользуется?.. Всякому лестно денежки за мое почтеніе получить. . Хоша бы на меня доведись... Я бы получилъ...

Званцевъ. Что вы говорите, Гаврилъ Степановичъ?!.

Гав. Крохинъ *(убѣжденно)*. Съ большимъ даже удовольствіемъ получилъ бы... Вѣрьте слову,—получилъ бы... Вотъ мнѣ и боязно... А вдругъ да этакое дѣло?..

Званцевъ *(успокоивая)*. Если это васъ безпокоитъ, Гаврилъ Степановичъ, мы ваши акціи на свою желѣзнодорожную артель распишемъ... Тутъ будетъ дѣло вѣрное...

Гав. Крохинъ. Вотъ это такъ... Они украсть поопасятся, потому артель всегда въ вашихъ рукахъ... Только я вотъ еще что хотѣлъ спросить у васъ, Антонъ Иванъ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Званцевъ, Гав. Крохинъ и Людмила Валерьяновна.

Люд. Вал. *(входя справа)*. Вы вѣчно заняты, Антонъ Ивановичъ!.. Дѣла?.. Я пришла вамъ мѣшать... *(Подавая руку, улыбается, смотря на него.)* У васъ скоро умъ за разумъ зайдетъ отъ дѣлъ...

Званцевъ *(пожимая ея руку)*. Отъ дѣлъ,—не знаю... А вотъ отъ чего другого, можетъ быть...

Люд. Вал. *(задорно, глядя на него, въ полголоса)*. Лжешь!..

Званцевъ *(тихо ей)*. Клянусь!..

Люд. Вал. *(шутливо)*. Ну, что вы тутъ торчите, Гаврилъ Степановичъ?

Гав. Крохинъ *(съ комическимъ видомъ)*. Я-съ, Людмила Валерьяновна?

Люд. Вал. *(улыбаясь)*. Конечно, — вы!.. Не дадите мнѣ и пококетничать съ Антономъ Ивановичемъ...

Гав. Крохинъ. Mille pardon!.. Этакое, въ самомъ дѣлѣ, невѣжество... Виноватъ-съ!..

Люд. Вал. *(лукаво)*. Шли бы утѣшили Ольгу Алексѣевну...

Гав. Крохинъ. А что же такое-съ?.. Случилось съ ней что?..

Люд. Вал. Богъ ее знаетъ... Мрачнѣй тучи сидитъ... Я ее спросила, гдѣ Антонъ Ивановичъ,—она меня такимъ взглядомъ смѣрила...

Гав. Крохинъ. Съ чего же это она?.. Скажите!.. *(Уходя направо.)* Пойду узнаю, что съ ней... Пойду узнаю... *(Уходитъ.)*

Люд. Вал. *(ему вслѣдъ)*. Болванъ!.. *(Садясь на кушетку)*. Иди же сюда, Антонъ... Иди скорѣй!..

Званцевъ *(подходя)*. Сію минуту...

Люд. Вал. Садись вотъ сюда рядышкомъ... Посидимъ рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ... *(Протягиваетъ ему руку для поцѣлуя.)* Вотъ тебѣ!.. Это въ задатокъ!.. Я тебѣ еще подарочекъ привезла... Отгадай, что?..

Званцевъ. Право,—не знаю... Что такое, Мила?..

Люд. Вал. Не отгадаешь!.. А еще умный!.. Пятьдесятъ тысячъ акцій нашей дороги, дурачекъ мой!.. Расписывай!.. *(Вынимая изъ сумочки)*. Вотъ—на... *(Отдавая.)* Прячь скорѣй!..

Званцевъ *(беретъ бумаги, запираетъ въ столъ и затѣмъ цѣлуетъ руку Люд. Вал.)* Мегсі, моя милочка...

Люд. Вал. Вчера онъ мнѣ подарилъ за ужиномъ... Онъ здѣсь... Со мной увязался...

Званцевъ. Ахъ, онъ здѣсь!.. Ловко ли, что я не... *(Хочетъ встать.)*

Люд. Вал. *(удерживая его)*. Сиди, сиди!.. Ничего... Онъ тамъ, у твоей благовѣрной... Философіей увлекся... Симпатія душъ... Боже мой, что это за мазня!.. Если бы ты зналъ, Антонъ, какъ онъ мнѣ опротивѣлъ своимъ унылымъ видомъ... Ходячая тоска!.. Для меня жгучее наслажденіе его дурачить... Меня иногда такъ и подмываетъ поцѣловать тебя у него за спиной... Какое наслажденіе, чудо!.. Я непремѣнно это сдѣлаю!..

Званцевъ *(улыбаясь)*. Нѣтъ ужъ, Милочка, прошу тебя!.. Не дѣлай этихъ опытовъ.

Люд. Вал. Боишься?.. Эхъ ты!.. А хорошо!.. Жутко и весело. Да не бойся!..—Не сдѣлаю... Знаю—все дѣло можно испортить... Глупо рисковать... Онъ и то въ философію вдаваться сталъ... это не къ добру... Либо запьетъ, либо ревновать примется... А тогда—бѣда... Удержу нѣтъ!.. Прежде на него часто это находило, теперь—все рѣже... Я и полюбила-то его за дикость!..

Званцевъ. Вотъ ты какая!.. А не страшно?..

Люд. Вал. И очень даже страшно, а хорошо!.. Страсть, сила!.. А теперь что?.. Тряпка!.. Совсѣмъ подъ стать твоей Таничкѣ... *(Съ лукавой улыбкой, помолчавъ)* Да вотъ, тиха, тиха, а тоже въ любовь играетъ...

Званцевъ *(недовольный)*. Перестань, Милочка, что за пустяки!..

Люд. Вал. И героя же выбрала!.. *(Смѣется.)* Ха,-ха,-ха,-ха!.. Убила сокола, нечего сказать!..

Званцевъ *(вставая)*. Я прошу тебя, Милочка, перестань!..

Люд. Вал. *(продолжая смѣяться)*. Нѣтъ, ты только подумай, Тоня!.. Ха,-ха,-ха!.. Муравинъ—любовникъ!.. Ха,-ха,-ха!.. Умора!..

Званцевъ *(съ досадой)*. Это неправда!.. Ты ошиблась!..

Люд. Вал. Ну вотъ еще... Мы съ тобой не

грудные младенцы, Антонъ!.. Кое-что понимаемъ въ этихъ дѣлахъ, а?..

Званцевъ *(серьезно и горячо)*. Этого не можетъ быть!

Люд. Вал. Мужчинъ труднѣй всего увѣрить въ невѣрности ихъ женъ... Я это знаю... Но изъ-за чего ты такъ горячишься?.. Вещь самая обыкновенная... Развѣ тебѣ не все равно?.. Муравинъ, Вавинъ, Лавинъ... Ты ее не любишь... Изъ-за чего же сыръ - боръ загорѣлся?.. Ну, скажи, развѣ тебѣ не все равно, Муравинъ ли?..

Званцевъ *(раздраженно)*. Рѣшительно все равно!.. *(Останавливается у пьянино.)*

Люд. Вал. *(подходя къ нему)*. Экіе вы, мужчины, эгоисты!.. Самолюбіе задѣто!. Завистники!.. Я бы на твоемъ мѣстѣ радовалась... Все-таки женѣ занятіе... Не такъ приставать съ бабьими глупостями будетъ... «Совѣтъ, молъ, вамъ, миленькіе, да любовь!.. Ха,-ха,-ха,-ха!.. Да право!..

Званцевъ *(съ злымъ раздраженіемъ)*. Да я ничего не имѣю!.. Что же мнѣ!.. Только я думаю,—ты ошибаешься... Татьяна не изъ тѣхъ женщинъ...

Люд. Вал. *(шутливо)*. Э, Тоня, всѣ мы, женщины, однимъ мѵромъ мазаны!..

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Званцевъ, Людмила Валерьяновна *и* **Юрасова.**

(Юрасова входитъ справа и останавливается, смотря на Званцева и Люд. Вал.)

Званцевъ *(неловко)*. Ольга Алексѣевна...

Люд. Вал. *(съ легкой досадой)*. Что это, душечка, у васъ такой видъ, точно вы что-то потеряли?.. *(Съ улыбкой)* «И дума лежитъ на широкомъ лицѣ...» или на высокомъ челѣ... Не помню!.. Къ вамъ это не идетъ... Вы теряете...

Юрасова *(холодно)*. Зато, можетъ - быть, вы выигрываете!.. *(Проходитъ въ дверь налѣво.)*

Люд. Бал. *(ей вслѣдъ)*. Боже, какой трагическій тонъ... *(Званцеву.)* Послушай, Тоня, она влюблена въ тебя... Честное слово!.. Забавная дѣвочка...

Званцевъ, Ну, полно, Мила!..

Люд. Вал. Повѣрь моей женской наблюдательности!.. Я не...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Званцевъ, Людмила Валерьяновна, Званцева, Ник. Крохинъ *и* **Муравинъ.**

Ник. Крохинъ *(входя справа, Званцевой)*. Вы считайте, Татьяна Борисовна, что эти десять тысячъ у васъ въ карманѣ...

Званцева. Спасибо вамъ... Большое спасибо!...

Званцевъ *(подходя къ Ник. Крохину и здороваясь)*. У васъ дѣла съ Татьяной Борисовной?..

Ник. Крохинъ *(пожимая руку Званцеву)*. Да такъ... пустяки...

(Званцева садится справа на кушетку, Ник. Крохинъ около нея на стулъ, Люд. Вал. разваливается въ креслѣ слѣва, около нея стоитъ Званцевъ, Муравинъ садится въ глубинѣ у окна.

Люд. Вал. «Пустяки»... Смотри, муженекъ, я начинаю ревновать... Сейчасъ я того насплетничала про васъ, Татьяна Борисовна, вашему мужу,—ой ой!.. Берегитесь!.. Да и тебѣ, Никита Степановичъ-свѣтъ, поопасливѣй надо... Ты еще не знаешь, что за человѣкъ Антонъ Ивановичъ!..

Званцевъ *(посмотрѣвъ на Муравина)*. Да-съ, шутить не люблю!..

Люд. Вал. Слышишь!.. Каковъ бука!.. У-у!..

Ник. Крохинъ. Полно глупить, Людмила... *(Званцевой.)* Говоря откровенно, мнѣ жаль, что вы ко мнѣ за этими деньгами обратились, Татьяна Борисовна...

Званцева *(удивленно)*. Я васъ не понимаю... Почему же?..

Ник. Крохинъ. Видите... Это трудно объяснить... но вы, я знаю, поймете меня... Мнѣ жаль нашихъ чистыхъ отношеній... Всю жизнь мнѣ отравили проклятыя деньги!..

Люд. Вал. *(кокетливо-шутливо Званцеву)*. Слушай умныхъ людей и поучайся!..

(Во все продолженіе разговора Ник. Крохина съ Званцевой, Людмила Валерьяновна бесѣдуетъ съ Званцевымъ, кокетничая и дурачясь.)

Званцева. Простите, я не думала...

Ник. Крохинъ *(нервно перебивая)*. Да, вы не испытали этого... Вы не знаете какая это пытка чувствовать, что на васъ всѣ смотрятъ, какъ на денежный мѣшокъ... Вы человѣкъ... Вамъ хочется, чтобы къ вамъ относились по человѣчески!.. И всюду, въ вашу дружбу, въ вашу семью... во всѣ ваши душевныя отношенія влѣзаютъ деньги... Это можетъ Богъ знаетъ до чего довести!.. До сумасшествія, до бѣшенства!.. Или до чего я дошелъ... до полнаго презрѣнія къ жизни, къ людямъ... ко всему!.. Я чувствовалъ, что вы мнѣ симпатизируете... И какъ мнѣ тепло, хорошо было въ вашемъ обществѣ... Вотъ женщина, думалъ я, которая симпатизируетъ мнѣ, какъ человѣку... *(Нервно.)* И вдругъ сегодня эта просьба денегъ на школу!.. Такъ меня и рѣзануло по сердцу!..

Званцева. Я обратилась къ вамъ только потому, что уважаю васъ... Къ другому бы я никогда не обратилась съ подобной просьбой, Никита Степановичъ!.

Ник. Крохинъ *(нѣсколько разъ пытавшій-*

ся ее перебить, нетерпѣливо). Да знаю, знаю!.. И цѣню это, и понимаю!.. Но, что же прикажете дѣлать, если деньги меня такъ изуродовали нравственно!.. Это мое больное мѣсто!.. Мнѣ теперь бѣсъ все будетъ на ухо шептать: «Денегъ надо, денегъ... Дойная ты корова и ничего больше». И это мнѣ отравитъ все!.. *(Обертывается и пристально смотритъ на Людмилу, которая особенно игриво бесѣдуетъ съ Званцевымъ.)*

Званцева. Никита Степановичъ!..

Ник. Крохинъ *(опомнясь).* А... Что вы?..

Званцева *(задушевно, протягивая руку).* Будемъ по-старому друзьями!..

Ник. Крохинъ *(горячо пожимая ей руку).* Да, да!.. Забудьте, пожалуйста, что я вамъ наговорилъ.. *(Вставая и пристально смотря на жену. Строго.)* Людмила Валерьяновна, пора-съ!.. Идемте!..

Люд. Вал. *(послушно).* Сію минуту, Никита Степановичъ. Я готова... *(Надѣвая перчатки, тихо Званцеву.)* Чертики въ глазахъ запрыгали...

Ник. Крохинъ *(угрюмо).* Я васъ, Татьяна Борисовна, сегодня вечеромъ непремѣнно жду... Кровно обидите, если не придете!.. *(Протягиваетъ ей руку.)* До вечера!..

Званцева *(пожимая руку.)* Постараюсь, Никита Степановичъ!..

Ник. Крохинъ *(уходя направо, строго).* Людмила Валерьяновна!.. Пожалуйте!..

Люд. Вал. *(любезно).* Прощайте, дорогая моя!.. Такъ мы васъ ждемъ!.. *(Уходя.)* Иду, Китя, иду!.. *(Уходитъ направо.)*

Званцевъ *(беря шляпу и посмотрѣвъ на жену и Муравина).* Я провожу ихъ... *(Съ улыбкой, раскланиваясь.)* Au revoir!.. *(Уходитъ.)*

Муравинъ *(вставая и выходя на авансцену).* Съ какой радости, Татьяна Борисовна, вы позволяете г-жѣ Крохиной такъ разговаривать?.. Что это за небрежно-шутливый тонъ...

Званцева. Мнѣ не хочется съ ней пикироваться... Противно! .

Муравинъ. Я такой госпожѣ не спустилъ бы!.. Я слушалъ, и за васъ злился!.. Намеки какіе-то, смѣшки, шуточки!..

Званцева. Да мнѣ теперь совсѣмъ не до нея... У меня изъ головы не выходитъ эта выборная агитація... Уголовщина какая-то.

Муравинъ *(мрачно).* Ужъ и не говорите...

Званцева. Я старалась не вмѣшиваться ни во что... Но вижу, что это невозможно!.. Онъ всѣхъ запуталъ, зарвался... Богъ знаетъ до чего дошелъ... Мнѣ, просто, совѣстно за него!.. Стыдно порядочнымъ людямъ въ глаза смотрѣть!..

Муравинъ *(съ волненіемъ).* Я давно хотѣлъ съ вами объ этомъ поговорить, Татьяна Борисовна, да все неловко какъ-то... А съ другой стороны, и за васъ обидно!.. Вы случайно эту выборную исторію узнали, и то въ ужасъ приходите... А если бы вы видѣли все, что я вижу... Разсказать невозможно!.. Пробовалъ я съ ними самъ говорить... Куда тебѣ!.. Не подступайся!.. Боги!.. Олимпъ!.. Одинъ, какъ факиръ какой, въ созерцаніе своего собственнаго носа погруженъ... Другой изъ себя идола сдѣлалъ и крушитъ все и всѣхъ направо и налѣво, для собственнаго самоуслажденія!.. Только косточки похрустываютъ!.. Воровство идетъ по всей линіи повальное!.. Воръ вора покрываетъ, одинъ другому подъигрываетъ! . Общество воровской взаимопомощи основали!.. Вотъ недавно на желѣзнодорожныя денежки купили черезъ подставныхъ лицъ лѣсъ, да своей же дорогѣ шпалы въ три-дорога и поставляютъ... Превосходная коммерція... И, замѣтьте, всякая подлость на законномъ основаніи!.. Комаръ носа не подточитъ!.. Бороться съ этимъ безобразіемъ нѣтъ никакой возможности!.. Всякаго сразу мертвой хваткой задушатъ! . И не пикнетъ... А смотрѣть на это...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Званцева, Муравинъ, Юрасова *и* **Муравина.**

(Муравина вводитъ слѣва блѣдную, разстроенную Юрасову.)

Муравина *(входя, ласково Юрасовой).* Идите-ка, Оля, отдохните у себя...

Званцева *(съ участіемъ).* Оленька, что съ вами?..

Юрасова *(несмотря на нее).* Ничего... Такъ .. Голова закружилась ..

Муравина. Чего, матушка, «такъ»... Не хорошо... Иду я по парку, смотрю, а она на берегу пруда легла лицомъ въ траву, да и рыдаетъ... Я къ ней... Спросила: что съ вами?.. А она мнѣ Богъ знаетъ что начала говорить...

Званцева *(ласково, гладя ее по головѣ).* Да что вы, Оленька?..

Юрасова *(тихо отстраняясь).* Не трогайте меня, Татьяна Борисовна... Вы не знаете меня... Мнѣ тяжелы ваши ласки... Не спрашивайте, почему!.. Не скажу!.. Не могу сказать...

Званцева. Полно, Оленька... Я васъ ни о чемъ и не спрашиваю... Богъ съ вами... Подите, отдохните, успокойтесь... *(Званцевъ входитъ слѣва и останавливается въ дверяхъ, съ недовольной миной.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же *и* **Званцевъ.**

Юрасова *(нервно).* Да, я пойду къ себѣ... У меня голова болитъ. . Нервы разстроены... Я не могу больше... Я, Богъ знаетъ, чего могу

наговорить... Я пойду къ себѣ!.. *(Дѣлаетъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ и вдругъ останавливается.)* Господи, какъ я зла на него!.. Какъ возмущена!.. *(Закусываетъ губы, сдерживаясь.)* Что я?.. Что я дѣлаю?!.. *(Уходитъ. Муравина уходитъ за ней.)*

Званцевъ *(съ недовольной миной)*. Что это съ ней такое?.. Припадокъ истеріи, что ли?.. *(Муравинъ, посмотрѣвъ съ пренебрежніемъ на Званцева, уходитъ направо.)*

Званцева *(пожимая плечами)*. Не понимаю... Она весь день сегодня какая-то странная...

Званцевъ *(съ ироніей)*. Весна, природа на нее повліяла, что-ли?!.. *(Съ улыбкой.)* Ты не знаешь, Таня, не влюблена-ли она? *(Пристально смотритъ на жену.)*

Званцева *(разсѣянно)*. Не знаю...

Званцевъ. Мнѣ кажется, что-то есть... Она отчаянно кокетничаетъ съ Гаврилой Степановичемъ .. Меня, признаюсь, это коробитъ... И потомъ, какое вліяніе она имѣетъ на Костю... Я замѣчалъ, что она довольно откровенно говоритъ въ его присутствіи... Въ дѣтскіе годы все врѣзывается глубоко въ душу, имѣетъ вліяніе на всю жизнь... Костя такой нервный, воспріимчивый мальчикъ... *(Помолчавъ.)* Я удивляюсь, Таня, какъ ты можешь хладнокровно смотрѣть на порчу своего ребенка...

Званцева. Ты преувеличиваешь, Антонъ... Костя почти не бываетъ съ Олей... И потомъ, извини меня, но ты по цѣлымъ недѣлямъ не видишь Костю... Когда ты могъ замѣтить пагубное вліяніе Оли?..

Званцевъ. Для этого совсѣмъ не нужно...

Званцева *(начиная волноваться)*. Погоди, Антонъ!.. Разъ ты поднялъ этотъ вопросъ, надо въ немъ разобраться... Воспитаніе Кости для меня дѣло серьезное...

Званцевъ *(съ досадой, но сдерживаясь)*. Знаю, моя дорогая, знаю... И все таки думаю, что держать при ребенкѣ истеричку не годится... Съ Юрасовой намъ надо разстаться.. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Званцева. Зачѣмъ?.. Я не нахожу...

Званцевъ *(съ досадой, перебивая)*. А я нахожу самымъ положительнымъ образомъ!.. Я не хочу, чтобы портили моего ребенка,—это разъ, а во-вторыхъ, я не желаю, чтобы въ моемъ домѣ ловили богатыхъ идіотовъ-жениховъ...

Званцева *(смотря на него)*. Не понимаю, какія соображенія заставляютъ тебя требовать удаленія Оли?.. Еще такъ недавно ты былъ въ восторгѣ отъ нея!..

Званцевъ. Никогда этого не было!..

Званцева. Да? Можетъ быть... Все таки для меня совершенно ясно, что воспитаніе Кости въ отказѣ Олѣ не причемъ...

Званцевъ. Это прекрасно!.. «Не причемъ»... Что значитъ женская логика и женское самолюбіе!.. *(Съ ироніей.)* «Какъ это можно, чтобы не я, мать, а отецъ первый замѣтилъ изъянъ въ воспитаніи ребенка»?.. А между тѣмъ что можетъ быть проще. . Вы глупой филантропіей занимаетесь... Устраиваете ясли и школы для дѣтей работницъ и не видите, что дѣлается съ вашимъ сыномъ... Самая обыкновенная исторія!..

Званцева *(возмущенная)*. «Женская логика»... «Женское самолюбіе!.. Пустыя слова!.. Но, разъ ты такъ заговорилъ, разъ ты попрекаешь меня яслями, школой,—я выскажу тебѣ все!..

Званцевъ *(съ злой ироніей)*. «Все»!.. Ха, ха!.. Сдѣлайте одолженіе!.. Послушаемъ!.. *(Садится въ кресло, закуривая сигару.)* Весьма интересно!..

Званцева. О моей дѣятельности я не хочу съ тобой говорить... Я знаю, какъ ты на нее смотришь... Оправдываться мнѣ не въ чемъ... Я поступаю, какъ велитъ мнѣ совѣсть, долгъ передъ людьми...

Званцевъ. Какъ это все возвышенно и какъ приторно-лживо!.. «Совѣсть... долгъ передъ людьми»...

Званцева. У насъ съ тобой, Антонъ, разные взгляды на вещи... Ты смѣешься надъ моими увлеченіями, я не понимаю тебя... Насколько могла—я терпѣла... Умышленно закрывала глаза на многое .. Молчала!.. Что мнѣ пришлось перечувствовать за это время,—нельзя передать!.. Да ты и не поймешь!..

Званцевъ *(пуская дымъ, сквозь зубы)*. Очень можетъ быть...

Званцева. Ты не брезгалъ никакими средствами, лишь бы добиться цѣли!.. Подкупъ, лесть, запугиваніе трусливыхъ,—все позволительно!.. Было бы удовлетворено твое я!.. Я все видѣла, но молчала!..

Званцевъ. Скажите, какое великодушіе!..

Званцева. Наконецъ, ты Богъ знаетъ до чего дошелъ!.. Въ семью ты вносишь ложь, насиліе... Подумай,—у насъ есть ребенокъ!.. Ты заставляешь меня, ради твоихъ дѣловыхъ комбинацій, бывать у Крохиной, которую я считаю непорядочной женщиной!..

Званцевъ. Сильно сказано!..

Званцева. Сегодня ты, ни съ того, ни съ сего требуешь увольненія учительницы... До сихъ поръ ни я, ни сынъ не пользовались ни твоимъ особымъ вниманіемъ, ни любовью... И ты упрекаешь меня въ небрежномъ воспитаніи Кости!.. Ты!..

Званцевъ *(вставая)*. Остановись, пожалуйста!.. Во всемъ этомъ много пафоса, огня, чувства даже... У тебя хорошія данныя для драматической актрисы... Но, извини, мало правды!.. Къ дѣлу... Ты не хочешь отказать г-жѣ Юрасовой; такъ я ей откажу... Вотъ и все... А слушать высокія слова и ломать копья изъ-за пустяковъ я не намѣренъ...

Званцева *(оскорбленная)*. Я давно дала слово,— никогда не говорить съ вами о своихъ взглядахъ и чувствахъ... И очень сожалѣю, что не смогла сегодня сдержаться...

Званцевъ. Искренно сожалѣю и я!.. *(Вспыльчиво.)* Меня бѣсятъ, наконецъ, эти высокія слова!.. Говорить ихъ очень легко... Слова ни къ чему не обязываютъ!.. Не хотятъ понять одного... Все, что я дѣлаю,— я дѣлаю для моей семьи, для счастья моего сына... Я не хочу оставить его нищимъ...

Званцева. И это не фразы?!.

Званцевъ *(горячо)*. Вы пользуетесь всѣми благами!.. Живете, ни о чемъ не думая, ни о чемъ не заботясь!.. Вы окружены роскошью!.. Не будьте же наивны!.. Вамъ не пятнадцать лѣтъ!.. Не съ неба все это падаетъ!.. Все достаю я...

Званцева *(горячо, съ нервной дрожью въ голосѣ)*. Замолчите!.. Или я напомню вамъ, что вы забыли!.. Я вышла за васъ, когда вы были бѣднякъ!.. Мама, знакомые говорили мнѣ, что вы женитесь изъ-за денегъ. За мной было пятьдесятъ тысячъ... Я не допускала и мысли!.. Мы повѣнчались... Вы скоро охладѣли ко мнѣ... По цѣлымъ мѣсяцамъ мы не говорили другъ съ другомъ ни слова... Я тогда же хотѣла уйти... Но, у насъ родился Костя... Вы неожиданно обнаружили чувства нѣжнаго отца... Умоляли меня не лишать васъ ребенка... Я осталась... Я старалась создать свою особую душевную жизнь... Вы иронизировали, вышучивали все, что я дѣлала... Совсѣмъ перестали церемониться со мной. Нравственная связь между нами давно порвана... А теперь... *(прерывающимся голосомъ)* все то, что вы продѣлываете... окончательно повергаетъ меня въ ужасъ!.. Я не сплю ночи, думая, на что рѣшиться?!. Я плачу, какъ безумная, припоминая ваши поступки... Мнѣ стыдно за васъ!.. Сколько разъ я хотѣла уйти... но Костя!.. нашъ сынъ... Я живу здѣсь только ради ребенка... *(Со слезами.)* Поймите это!.. Не нужна мнѣ роскошь... тряпки... все это... Незапятнанное честное имя отца... моего ребенка... Вотъ что мнѣ нужно... Поймите!..

Званцевъ *(съ злобой)*. Понимаю - съ... Постараюсь оправдать ваши надежды... Но, извините... Все я могу выносить... но *(беря шляпу)* трагедій не выношу... *(Уходя налъво.)* Къ обѣду меня не ждите... *(Уходитъ.)*

(Званцева опускается на кресло и тихо плачетъ.)

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Поляна надъ обрывомъ въ паркѣ, вблизи дома Никиты Крохина. — Рѣдкіе кустики березника и мелкій ельникъ. — На первомъ планѣ налѣво скамья; направо растетъ изогнутая старая береза, на которой можно присѣсть. — Въ глубинѣ, на срединѣ, надъ обрывомъ полукруглая, дерновая скамья. — Изъ-за обрыва видны верхушки деревьевъ. — За обрывомъ обширное пространство низменности съ извивающейся рѣчкой, лугами, полями, перелѣсками и деревенъками. — По всей низменности тянется насыпь полотна желѣзной дороги. — Вдали, верстъ за пять, панорама Москвы. — Потухающая заря.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Муравина и Гав. Крохинъ.

Гавр. Крохинъ *(сидя на скамьѣ рядомъ съ Муравиной)*. Нѣтъ - съ, какъ вамъ угодно, Марья Михайловна, а я Антона Ивановича очень даже уважаю...

Муравина. Кто же вамъ мѣшаетъ... Уважайте себѣ на доброе здоровье...

Гав. Крохинъ. Нельзя не уважать!.. Ума палата!.. Сейчасъ слышали?!. Каково?!.

Муравина. Довольно гнусно!..

Гав. Крохинъ. Какъ вы изволили сказать?.. Гнусно?.. Нѣтъ - съ, это вы напрасно!.. А я, признаюсь, любовался на него... Красивый, представительный!.. Говоритъ плавно, рачительно, не спѣша, умно... Картина!.. Людмила такъ въ него безстыжими глазами и впилась... Не оторвется!.. А онъ то разливается, онъ то на всѣ лады перекатывается... Хорошъ!!. Смотрю я на него,—сердце у меня играетъ... Цицеронъ, да и только!.. Грѣшный человѣкъ, люблю умныхъ людей послушать... Слушаю я его съ истиннымъ умиленіемъ, а про себя, знаете, невольно думаю: «Скушаешь ты насъ, голубчикъ, всѣхъ безъ остатка!.. Ой, скушаешь!.. И такъ ловко сглотнешь, что мы и не услышимъ». Только облизнется, и кончено дѣло!.. Ужъ на что Владиміръ Михайловичъ—ершъ ершовичъ и его сглотнетъ! .

Муравина. Авось подавится...

Гав. Крохинъ. Антонъ Ивановичъ?.. Никогда!.. Безъ остатка сглотнетъ... Подумалъ я такъ-то, и вдругъ, знаете, оторопь меня взяла... Жутко мнѣ стало!.. Морозъ даже по кожѣ побѣжалъ...

Муравина. Да, ему на зубки попасть не дай Богъ!..

Гав. Крохинъ. Спаси Царица небесная!..

Муравина. Онъ ужъ скушалъ не мало... Теперь за вами очередь.

Гав. Крохинъ (*съ комическимъ оттѣнкомъ*). Ой, что это вы!.. Такія слова, да еще къ ночи!..

Муравина (*улыбаясь*). Струсили!..

Гав. Крохинъ. Не то что струсилъ, а такъ... не по себѣ что-то... Вы знаете, Марья Михайловна, я вѣдь жениться хочу...

Муравина. Что же?.. Зачѣмъ дѣло стало?..

Гав. Крохинъ. За невѣстой...

Муравина (*улыбаясь*). Дѣло за малымъ... Невѣсты нѣтъ...

Гав. Крохинъ (*вздыхая*). Есть то она есть... Такая дѣвица, что чудо!.. Пальчики оближешь!.. Красотка, умница, пикантна, какъ француженка!.. Задору, веселья хоть отбавляй!.. Хоть бы и не мнѣ, такъ и то пара!

Муравина. Кто же такая?

Гав. Крохинъ. Ольга Алексѣевна!.. (*Съ гордостью.*) А, каково?..

Муравина. Оля Юрасова!.. (*Съудивленіемъ.*) И она дала вамъ слово?..

Гав. Крохинъ (*недоумѣвая*). Да что это вы словно испугались?!

Муравина. Ничего я не испугалась... Съ чего вы взяли?..

Гав. Крохинъ. Mille pardon!.. Слова она мнѣ еще не дала, и не отказала... И я имѣю надежду...

Муравина. На что же лучше!.. Смотрите, только какъ бы не скушали вашу невѣсту...

Гав. Крохинъ (*что-то соображая*). Они-съ?..

Муравина. Да, они-съ...

Гав. Крохинъ. А что вы думаете?.. И очень просто... Вѣдь это кто?.. Геній!.. Честное слово—геній!.. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!.. Ничего нѣтъ мудренаго... Женское дѣло слабое!.. (*Соображая.*) То-то ее вчера такъ всколыхнуло, какъ я ей про Людмилу разсказалъ... (*Качая головой.*) Те-те-те!.. Вотъ оно что!.. Ахъ, я телятина!.. Ахъ, простофиля!.. А!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Муравина, Гав. Крохинъ и Юрасова.

(*Юрасова задумчиво выходитъ справа, никого не замѣчая.*)

Муравина (*вставая*). Посмотрите-ка, Гаврилъ Степановичъ... Видъ-то у ней совсѣмъ не радостной невѣсты! (*Отходитъ въ глубину, смотритъ вдаль и затѣмъ уходитъ.*)

Гав. Крохинъ. (*смотря на Юрасову*). Да-а-а-съ... (*Подходя къ ней.*) Ольга Алексѣевна!..

Юрасова (*вздрогнувъ*). Ахъ!.. (*Смотря на него.*) Гаврилъ Степановичъ!..

Гав. Крохинъ. Что это вы на себя не похожи?..

Юрасова (*грустно улыбаясь*). На себя не похожа... Развѣ?.. Я устала немного... Въ комнатахъ душно... Пошла пройтись...

Гав. Крохинъ. Присядьте, побесѣдуйте!..

(*Юрасова медленно подходитъ къ скамьѣ, садится и задумывается.*)

Гав. Крохинъ (*посмотрѣвъ на нее и помолчавъ*). Съ чего это вы, Ольга Алексѣевна, затуманились?.. Вчера еще говорили, что надъ жизнью не стоитъ задумываться... И резонно говорили!.. Право, резонно!.. Судьба—индѣйка, а жизнь—копѣйка!.. Вотъ и все!..

Юрасова (*безучастно*). А вы не задумывались?..

Гав. Крохинъ (*стараясь быть оживленнымъ*). Нѣтъ-съ, никогда!.. Это—человѣкомъ!.. Одному все трынъ-трава!.. А другой, вотъ какъ братецъ мой Никита Степановичъ, какъ только появился на свѣтъ Божій, задумался, такъ весь свой вѣкъ до скончанія дней надо всякимъ пустякомъ упершись въ землю лбомъ и стоитъ... И ни до чего все-таки додуматься не можетъ... Такъ и въ могилу сойдетъ,—ничего не выдумаетъ... Да-съ, это человѣкомъ!.. Да и о чемъ намъ съ вами задумываться?!. Я со вчерашняго дня ногъ подъ собой отъ счастья не слышу... Летаю на седьмомъ небѣ!..

Юрасова (*задумчиво*). Съ какой же это вы радости?..

Гав. Крохинъ (*пристально смотря на нее*). А обѣщаніе-то... Вы развѣ забыли?..

Юрасова (*вспоминая*). Какое обѣщаніе?..

Гав. Крохинъ. А подумать-то?...

Юрасова. Ахъ, вы вотъ про что!.. Я подумала...

Гав. Крохинъ (*робко, но съ интересомъ*). Ну-съ... и что-же?..

Юрасова (*не смотря на него*). Я для васъ, Гаврилъ Степановичъ, буду жена неподходящая...

Гав. Крохинъ (*озадаченный*). Ольга Алексѣевна!.. Что же это вы за меня рѣшаете!?. Позвольте мнѣ самому знать: подходящая ли вы мнѣ будете жена или нѣтъ?..

Юрасова (*опустивъ низко голову, грустно*). Ничего вы не можете знать...

Гав. Крохинъ (*волнуясь*). Да почему же, Ольга Алексѣевна!?. Я въ толкъ не могу взять... Съ чего вдругъ съ вами такая перемѣна?.. Объясните мнѣ... Я готовъ на все... Что за притча!..

Юрасова (*грустно и нервно*). Гаврилъ Степановичъ... извините, что я васъ объ этомъ прошу... Прекратите этотъ разговоръ... Я не могу ничего отвѣтить на ваши вопросы... Потомъ, когда-нибудь, въ другое время... И если можно... будьте добры... оставьте меня одну...

Гав. Крохинъ (*растерянно*). Извольте-съ!.. (*Вставая.*) Съ удовольств... Хорошо-съ... (*Уходя.*) Вотъ тѣ и на!.. (*Смотритъ на задумавшуюся Юрасову, качаетъ головой и уходитъ направо.*)

Юрасова (*одна, сидитъ, положивъ локти на колѣни и обхвативъ руками голову; помолчавъ, говоритъ тихо, забывшись*). Да,

все ясно... Нѣтъ сомнѣній... Онъ явно ухаживаетъ за Людмилой... Она выдаетъ его на каждомъ шагу... Гаврилъ Степанычъ видѣлъ какъ они цѣловались... Чего еще яснѣй... *(Съ злобой.)* Людмилка—тварь!.. А я сама?.. *(Закрывая лицо руками.)* Господи! . *(Помолчавъ.)* Обманута... Опозорена... Чего еще ждать!.. Чтобы со срамомъ выгнали изъ дома?.. *(Со страхомъ.)* Нѣтъ, бѣжать надо отсюда... скорѣй!.. *(Упавшимъ голосомъ.)* Куда бѣжать?.. Отъ своей совѣсти никуда не дѣнешься... *(Съ отчаяніемъ.)* Что же дѣлать?!. Что дѣлать?!. Людей стыдно!.. Сама себѣ отвратительна!.. Ни о комъ не думала, лишь бы мнѣ хорошо. А ему что!.. И горя мало!.. *(Съ злобой.)* Не знаю, что бы я готова сдѣлать ему!.. Убила бы кажется!.. Какъ стыдно мнѣ теперь Татьянѣ Борисовнѣ въ глаза посмотрѣть... Легче умереть!.. *(Вставая, прикладывая руку къ груди.)* Господи, какъ тяжело... Невыносимо тяжело!.. *(Со стономъ.)* Куда отъ самой себя уйдешь!?!. Никуда... Смерть одна избавить можетъ... Смерть!.. *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ)* Съ обрыва!.. Въ рѣку прямо!.. *(Быстро подходитъ къ краю обрыва.)* И всему конецъ... Всему!.. *(Смотритъ внизъ и подавленно вскрикиваетъ, закрывая руками лицо).* Ахъ!.. *(Отступая, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ).* Страшно... Страшно!.. *(Обезсиленная, опускается на скамью. Сидитъ безъ движенія, низко опустивъ голову. Спустя нѣсколько времени справа входитъ Званцевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Юрасова и Званцевъ.

Званцевъ *(входя и оглядываясь)*. Куда она пропала? *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и увидавъ Юрасову.)* Ольга Алексѣевна!..

Юрасова *(быстро вставая)*. Вы!.. Что вамъ надо?

Званцевъ. Ради Создателя, безъ трагедій!.. Ты, Оля, умная дѣвушка...

Юрасова *(вызывающе)*. Не смѣйте говорить мнѣ «ты»...

Званцевъ *(мягко)*. Ну, хорошо, хорошо... Сядьте, и успокойтесь... Мнѣ надо серьезно поговорить съ вами... Я нарочно для этого пришелъ... Сядьте же!.. Выслушайте меня...

Юрасова *(опускаясь на скамью)*. Что вамъ надо отъ меня?..

Званцевъ *(вкрадчиво и мягко)*. Послушайте, Оля, вы ведете себя совсѣмъ неблагоразумно...

Юрасова *(съ горькой иронією)*. Да?.. Неужели?..

Званцевъ. Такъ нельзя, моя дорогая... Я знаю... вы ревнуете меня къ Людмилѣ?.. Это безразсудство!.. Съ моей стороны, увѣряю васъ, нѣтъ ни малѣйшаго увлеченія... Это, если можно такъ выразиться,—непріятная обязанность и ничего больше... Вамъ совсѣмъ нечего отчаяваться. Поймите, это легкое ухаживаніе... Флиртъ...

Юрасова. Конечно... Я понимаю...

Званцевъ. Надѣюсь!.. Къ чему же тогда драмы?.. Вы сдѣлали то, что жена заподозрила въ нашихъ отношеніяхъ нѣчто большее чѣмъ дружбу.. Оставаться дольше въ нашемъ домѣ вамъ немыслимо... Это будетъ чистѣйшій адъ!.. Мнѣ теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, нужно спокойствіе... Не нынче завтра выборы... Мнѣ не до домашнихъ сценъ и дрязгъ... Выборы — вопросъ для меня крайне важный. Я ставлю на карту все!..

Юрасова. Само собой... Еще бы...

Званцевъ *(беря ея руку)*. Будьте же благоразумны, Оля!..

Юрасова *(отнимая руку)*. Оставьте меня...

Званцевъ *(успокоивая)*. Я люблю васъ, Оля!.. Зла не пожелаю... Послушайтесь меня... Переѣзжайте въ Москву... Я найду вамъ хорошенькую квартиру, омеблирую ее... Вы не будете ни въ чемъ нуждаться... Все будетъ къ вашимъ услугамъ, что бы вы ни пожелали... Я буду каждый день навѣщать васъ... Это будетъ мой отдыхъ... мой рай!..

Юрасова *(съ горькой иронією)*. Какой вы добрый, милый!.. Какъ умно вы придумали... Не знаю, какъ благодарить васъ... Съ ума сошла отъ счастья!.. Хорошенькая квартирка—бонбоньерка... Я полная хозяйка... Все къ моимъ услугамъ... И даже вы будете навѣщать меня каждый день... Ха-ха-ха!.. Какая идиллія!.. Какое блаженство!.. *(Со злобой.)* Да!.. Я понимаю... Это для васъ будетъ очень удобно!.. Но, вы забыли обо мнѣ... Я не дѣвочка... Понимаю ваши планы!.. *(Горячо.)* Вѣдь вы лжете!.. Все лжете!.. Жена ваша ничего не подозрѣваетъ... Она слишкомъ чистая женщина. Ей трудно заподозрить такое лицемѣріе... безсовѣстность!.. Она лучшаго мнѣнія о насъ съ вами!.. Людмилы вы боитесь!.. За акціи свои дрожите!..

Званцевъ. Опять начались трагедіи!..

Юрасова *(нервно)*. Я полюбила васъ... Къ несчастію, и теперь люблю... Но во мнѣ что-то произошло.. Я не знаю сама что... Мнѣ стыдно самой себя... Больно и совѣстно за васъ... Вы... Вы безчестно поступили со мной!.. Но, я въ долгу не останусь... Я отплачу вамъ!..

(За сценой голоса.)

Званцевъ. Перестаньте же!.. Уймитесь, ради Бога!.. Пожалѣйте себя, Оля!.. Сюда идутъ!..

Юрасова *(сильно)*. Себя мнѣ теперь нечего жалѣть... Вы все у меня отняли!... Мнѣ терять нечего... Я погибшая дѣвушка!..

Званцевъ *(беря ее за талію)*. Что за нелѣпость, Оля!.. Олечка!...

Юрасова *(вырываясь)*. Пустите же меня... Пустите же или я закричу!.. *(Быстро уходитъ налѣво.)*

Званцевъ *(идя за ней)*. Вотъ вамъ!.. Прошу покорно!.. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-ое.

Ник. Крохинъ, Гав. Крохинъ, Муравинъ, Рябининъ и Шашкинъ.

(Ник. Крохинъ идетъ впереди, разговаривая съ Муравинымъ; за ними, оживленно разговаривая между собой, идутъ остальные.)

Муравинъ *(продолжая разговоръ)*. Вотъ ты относительно порядочный человѣкъ, честный... съ хорошими задатками... Но, чортъ ли въ этомъ проку?.. Ты на все рукой махнулъ!.. А вѣдь ты какой постъ занимаешь... Сколько людей отъ тебя зависитъ...

Ник. Крохинъ *(апатично)*. Прерви, пожалуйста, на минуту свое краснорѣчіе... *(Обращаясь къ остальнымъ.)* Господа, не расположиться ли намъ здѣсь лагеремъ?.. Какъ думаете?

Рябининъ. Превосходно!..

Шашкинъ. Мѣсто располагающее къ выпивкѣ...

Ник. Крохинъ. Петръ Петровичъ! Не въ службу, а въ дружбу... Сходи, братъ, въ домъ; скажи, чтобы намъ сюда столъ принесли, крюшончикъ, ликерцу и прочаго... Пожалуйста!..

Рябининъ *(съ готовностью)*. Съ величайшимъ удовольствіемъ... *(Быстро уходитъ.)* *(Ник. Крохинъ садится направо, на берегу, Муравинъ становится около него. Гав. Крохинъ и Шашкинъ отходятъ, разговаривая, въ глубину, къ краю обрыва.)*

Ник. Крохинъ *(усаживаясь)*. Ну, вотъ теперь продолжай!..

Муравинъ *(продолжая)*. Я говорю, что тебѣ все равно...

Ник. Крохинъ *(апатично перебивая)*. Да, братъ... это правда... Мнѣ рѣшительно все равно...

Муравинъ *(горячась)*. А такое халатное отношеніе къ дѣлу,—безобразіе!.. Хуже того!.. Преступленіе!..

Ник. Крохинъ. Ну ужъ и преступленіе!..

Муравинъ. Конечно, — преступленіе!.. Ты вотъ кейфу предаешься... Лѣнтяйничаешь, а у тебя на дорогѣ—чортъ ногу сломитъ...

ЯВЛЕНІЕ 5-ое.

Тѣ-же, Рябининъ и два лакея.

(Рябининъ показываетъ лакеямъ, гдѣ поставить столъ, и затѣмъ отходитъ къ Шашкину. Лакеи выносятъ круглый столъ и ставятъ на срединѣ, приносятъ крюшонъ, ликеры, стаканы, рюмки, ящикъ съ сигарами, двѣ свѣчи съ фонарями и стулья.)

Ник. Крохинъ *(апатично)*. Хорошій ты парень, Владиміръ... за одно я тебя не люблю... Все-то ты тормошишься, все бурлишь...

Муравинъ *(горячо)*. А что же?! По твоему, хладнокровно смотрѣть на всякія мерзости?!. Нѣтъ, братъ, слуга покорный!.. Господа Званцевы будутъ подлости учинять, а я молчи. Всякое хорошее дѣло тормазятъ, подъ сукно прячутъ!.. До сихъ поръ, стыдно сказать, ни пенсіонной кассы нѣтъ для рабочихъ, ни порядочныхъ помѣщеній, ни больницы, ни школы... Управленіе торгуется за человѣческія жертвы, чтобы только дать побольше дивиденда акціонерамъ!.. Вѣдь это чортъ знаетъ что!.. Мерзость это, подлость!.. Пойми ты это, Никита!.. Нельзя на это хладнокровно смотрѣть!.. Преступно!.. А ты сдалъ дѣло на руки Антону Ивановичу и руки умылъ!.. Моя, молъ, хата съ краю... Онъ свое дѣло знаетъ... Вотъ хоть бы эти выборы?.. Вѣдь это прямой подлогъ... И ты главный во всемъ виновникъ!..

Ник. Крохинъ. Ну вотъ... Ты скажешь!.. Я-то тутъ при чемъ?..

Муравинъ. Твои вѣдь акціи на Ивановыхъ, да на Сидоровыхъ расписываютъ!.. А пройдетъ онъ въ директора, онъ вамъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ!.. И что всего возмутительнѣй,— всѣ его чуть не за генія считаютъ!.. А онъ самый обыкновенный, ловкій дѣлецъ безъ стыда и совѣсти!.. Да проснись ты, Никита, ради Бога!.. Пойми, что ты дѣлаешь?!.

Ник. Крохинъ *(лѣниво)*. Понимаю, Владиміръ, понимаю... Все это ты правду говоришь... Вѣрно... А сдѣлать ничего не могу... Такъ ужъ вся машина заведена... Безъ Антона Ивановича мы пропадемъ ..

Муравинъ *(нетерпѣливо)*. Да что за нелѣпость!..

Ник. Крохинъ. Погоди... Не горячись... Пропадемъ мы, братъ, безъ него въ конецъ!.. Языкъ у него хорошо привѣшенъ... Голова на плечахъ есть... Энергіи хоть отбавляй... Безпринципный онъ, нечестный человѣкъ, но это ничему и никому не мѣшаетъ... Всѣ знаютъ, что онъ за птица... Смѣю тебя увѣрить, — всѣ знаютъ... И не въ осужденіе это ему, а въ похвалу!.. Съ честностью, съ чуткой совѣстью нельзя быть хорошимъ дѣльцомъ... Я это по себѣ знаю... Повѣрь мнѣ,—никто ни въ грошъ не ставитъ у насъ честность... Быть честнымъ - значитъ быть чудакомъ и безпокойнымъ человѣкомъ!.. Не ко двору намъ честные люди... Такъ,—ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ... И сами они это понимаютъ... Вотъ ты, напримѣръ... Шумишь, хлопочешь, обличаешь... А въ душѣ прекрасно сознаешь, что это толченіе воды въ ступѣ... Противъ рожна, братъ, не попрешь... И

самъ ты себя неловко чувствуешь... Словно ты бѣлый волкъ. И вѣчно опасаешься, какъ-бы тебя не затравили... Счастье еще твое, что ты мой товарищъ по техническому училищу, а то давно бы ты съ своей честностью съ нашей дороги вылетѣлъ. И нигдѣ тебя держать не будутъ... Вѣрно я тебѣ говорю... *(Беря его подъ руку.)* Пойдемъ-ка, Володя, выпьемъ за чудаковъ. *(Подходя къ столу.)* Господа, милости прошу! *(Наливаетъ стаканчики.)*

(Всѣ подходятъ къ столу.)

ЯВЛЕНІЕ 6-ое.

Тѣ же и Званцевъ.

Званцевъ *(входя слѣва)*. А!.. Вотъ вы какъ устроились!.. Прекрасно!..

Ник. Крохинъ *(поднимая стаканъ)*. Господа, предлагаю тостъ за чудаковъ—честныхъ людей!..

Званцевъ *(съ снисходительной улыбкой)*. Что же?.. Выпьемъ за чудаковъ!..

(Всѣ чокаются, пьютъ и садятся вокругъ стола.)

Рябининъ. Остроумнѣйшій тостъ!..

Шашкинъ *(улыбаясь)*. Это, Петръ Петровичъ, не за насъ съ тобой пьютъ...

Рябининъ. Что за шутки!.. Грубо, государь мой милостивый.

Муравинъ. А я, господа, предлагаю выпить за развитіе въ русскомъ обществѣ энергіи и нравственности!..

Рябининъ *(восторженно)*. Браво... Ура!..

Званцевъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать, господа, по поводу этого тоста нѣсколько словъ... Я буду кратокъ...

Рябининъ. Пожалуйста!.. Мы слушаемъ!.. Вниманіе, господа!.. Антонъ Ивановичъ хочетъ говорить... Silence!..

Званцевъ *(съ легкой ироніей)*. Милостивые государи!... Мы пили за чудаковъ — честныхъ людей... Теперь предлагаютъ выпить за процвѣтаніе нравственныхъ принциповъ и энергіи... За энергію я готовъ всегда выпить... Дѣло тутъ ясно!.. Но «нравственные принципы»?!. Что-то неопредѣленное... туманное... неуловимое... Журавли въ небѣ!.. Всякій молодецъ на свой образецъ... Общаго понятія о нравственности нѣтъ, и быть не можетъ... Мѣрило нравственности лежитъ въ каждомъ развитомъ, интеллигентномъ человѣкѣ. Онъ одинъ и свершитель, и судья!.. Всѣми людьми въ мірѣ руководитъ одна сила, — эгоизмъ!.. Онъ заставляетъ человѣка жить, бороться, подличать, совершать высокіе подвиги!.. Эгоизмъ — двигатель жизни!.. Его формула: «все для меня»!.. На каждомъ шагу мы видимъ борьбу за этотъ девизъ... *(Увлекаясь и слушая себя.)* Борьба—всегда борьба!.. Она требуетъ жертвъ!.. Въ борьбѣ, — побѣжденные и побѣдители, униженные и торжествующіе!.. Таковъ законъ природы... Противиться этому было бы напрасно!.. Природа возьметъ свое!.. Не будемъ же сантиментальничать!.. Не будемъ лицемѣрить... Отдадимъ должное тѣмъ, кто одержалъ верхъ въ жизненной борьбѣ... Они, конечно, соль земли!.. Для нихъ радости и блага жизни... Ихъ умственное превосходство—орудіе ихъ побѣды!.. Ихъ мысль освѣщаетъ путь человѣчеству, ихъ энергія двигаетъ за собой массы!.. Имъ, и только имъ, какъ побѣдителямъ, принадлежитъ право диктовать законы нравственности!.. Поднимаю мой бокалъ за побѣдителей!..

Рябининъ *(чокаясь)*. Ура!.. Браво!.. Превосходно!..

Шашкинъ *(чокаясь)*. Ловкая философія!.. Выпьемъ!..

Гав. Крохинъ. Здорово вы, Антонъ Ивановичъ, по нашимъ спинамъ прогулялись!..

Муравинъ *(съ досадой)*. Вы волчью мораль проповѣдуете... Пить за такую мерзость я не стану!..

Званцевъ *(иронически)*. Это какъ вамъ будетъ угодно... *(Подходя къ Ник. Крохину.)* А ты, Никита?..

Ник. Крохинъ. Я съ тобой не согласенъ... но вообще сегодня выпить не прочь!.. *(Чокаясь.)* Сердце что-то «расколомшись»... Тоска... *(Выпиваетъ.)*

Званцевъ. У тебя, кажется, это нормальное состояніе?..

Ник. Крохинъ. Да... Но сегодня какъ-то особенно сильно забираетъ... Чувствую я, что добромъ это не кончится... Такихъ «дѣловъ» натворю, что небу жарко будетъ!..

Званцевъ *(улыбаясь)*. Силушка по жиламъ похаживаетъ... Россійское нутро просыпается...

Ник. Крохинъ. На то похоже... *(Выпиваетъ залпомъ стаканъ.)* А въ сущности, — подлецы, братъ, мы всѣ!..

Званцевъ. Вотъ-вотъ... Самобичеваніе начинается... Характерно!..

ЯВЛЕНІЕ 7-ое.

Тѣ же, Людмила Валерьянозна и Званцева.

Люд. Вал. *(входя справа)*. Вотъ вы гдѣ, господа!.. А я велѣла на террасѣ столы приготовить... Въ карты, можетъ-быть, кто будетъ играть?..

(Ник. Крохинъ пристально смотритъ на жену.)

Рябининъ *(вставая)*. Дѣло не плохое!.. Составимъ винтикъ... съ выходящими... Антонъ Ивановичъ, вы будете?

Званцевъ. Отчего же... Не прочь...

Рябининъ. Гаврилъ Степановичъ, Иванъ Семеновичъ, зачѣмъ терять золотое времячко?.. Идемте!..

Люд. Вал. Я вамъ чай приготовлю...

Ник. Крохинъ. Татьяна Борисовна, куда это вы собрались?..

Званцева. Я домой... Костю надо уложить...

Ник. Крохинъ. Погодите минутку!.. Посидите со мной... Побесѣдуемте!..

Званцева. Развѣ минутку, Никита Степановичъ!..

Люд. Вал. *(Муравину лукаво).* Владиміръ Михайловичъ, вамъ чай сюда прислать?..

Муравинъ *(вставая).* Нѣтъ, благодарю васъ... Я пойду въ комнаты. . *(Уходитъ.)*

(Рябининъ, Шашкинъ и Гав. Крохинъ уходятъ направо, разговаривая. Званцева подходитъ къ Ник. Крохину и подаетъ ему руку, прощаясь.)

Званцевъ *(предлагая руку Люд. Вал).* Позвольте?...

Люд. Вал. *(беря его подъ руку).* Merçi... *(Оборачиваясь къ мужу; съ улыбкой.)* Совѣтъ вамъ и любовь!.. *(Тихо Званцеву, уходя.)* Ты сегодня осторожнѣй, Тоня... *(Уходитъ.).*

Ник. Крохинъ. Татьяна Борисовна!.. Вы не сердитесь на меня?

Званцева. За что, Никита Степановичъ?..

Ник. Крохинъ. За то, что я вамъ утромъ по поводу денегъ наговорилъ...

Званцева. Нисколько...

Ник. Крохинъ *(задушевно).* Не сердитесь на меня, Татьяна Борисовна!.. Я самъ знаю, что пошлость сказалъ... Да что подѣлаешь!.. Исковерканъ я весь... *(Помолчавъ.)* Татьяна Борисовна, я немного выпивши... и потому хочу поговорить съ вами по душѣ... Вы поймете меня, я знаю вамъ моихъ денегъ не надо... Если вы мнѣ симпатизируете, стало быть во мнѣ есть что-нибудь... искра...

Званцева *(ласково).* Конечно, Никита Степановичъ...

Ник. Крохинъ. Спасибо на добромъ словѣ... Я, Татьяна Борисовна, васъ какъ сестру люблю... Вы настоящій человѣкъ,—купить васъ нельзя... А остальныхъ всѣхъ можно... Володьку—нельзя... Но онъ не человѣкъ... Онъ пятая спица въ колесницѣ... Безпріютный... Онъ хорошій малый... Я его со школьной скамьи знаю... Но съ нимъ я не могу по душѣ говорить... онъ не пойметъ... Прямолинеенъ... Всегда я на людяхъ и всегда одинокъ... Это ужасно, Татьяна Борисовна!.. Я богатъ, независимъ... Все, что бы я ни захотѣлъ, все къ моимъ услугамъ... Но, если бы вы знали, какая страшная тоска для меня жизнь... *(Съ горькой улыбкой.)* Съ жиру, скажете?.. Можетъ быть оно и такъ... только не совсѣмъ... Исковеркало меня богатство... Волю, способность къ труду, пониманіе... Нѣтъ, не то слово... Чувство мое изломано... Не вижу я кругомъ ни искренности, ни любви настоящей... Все одно подхалимство, лесть, покушеніе на мой карманъ... Я завидую послѣднему рабочему на нашей дорогѣ... послѣднему грузовщику... У него есть семья, не купленная за деньги... Настоящая семья, сердечная... по душѣ... Товарищи его любятъ за его личныя достоинства... за то, что онъ парень-рубаха... На гармоникѣ хорошо барыню играетъ... И онъ ихъ любитъ душевно... по настоящему... А я?.. Не могу я душевно почувствовать чужую нужду, чужое горе... Отвлеченно, теоретически—сколько угодно!.. «Пауперизмъ... Страждущее человѣчество»... Принципы все... Людей для меня нѣтъ... Сердце молчитъ... Все я хотѣлъ сдѣлать хорошо, честно... для пользы меньшаго брата... Ничего не вышло... Нельзя, видно, въ одно и то же время служить и мамонѣ и народу... Нельзя!.. *(Съ отчаяніемъ беря себя за голову.)* А лжи-то, обмана!.. Призрачнаго, какъ дымъ!.. Среди близкихъ людей!.. Въ своей семьѣ!.. Вѣдь отъ этого голова треснуть можетъ!... *(Помолчавъ.)* Вотъ и теперь... Людмила, навѣрно, кокетничаетъ тамъ .. Смѣется надъ нами!.. Идіотомъ меня величаетъ... *(Быстро вставая.)* Простите, Татьяна Борисовна!... Я на минутку оставлю васъ... Мнѣ только взглянуть на нихъ... полюбоваться... Я сейчасъ... *(Уходя направо крайне возбужденно.)* На счастье свое семейное порадуюсь... *(Быстро уходитъ.)*

Званцева *(желая удержать его).* Никита Степановичъ!.. Не слышитъ... Ушелъ... *(Опускаясь на скамью.)* Несчастный... *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-ое.

Званцева *и* **Юрасова.**

(Юрасова медленно выходитъ изъ глубины сада и въ раздумьи останавливается на краю обрыва.)

Юрасова *(въ раздумьи).* Опять пришла сюда... Словно кто тянетъ... На людяхъ стыдно, тяжело... А одной еще ужаснѣй... невыносимѣй!.. Сердце изболѣлось... измучилась я... *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и замѣчаетъ Званцеву.)* Татьяна Борисовна?.. Не могу!.. Надо уйти... уйти скорѣй!... *(Дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ.)*

Званцева *(оглянувшись).* Оля!.. Вы?..

Юрасова *(останавливаясь).* Я, Татьяна Борисовна...

Званцева. Куда это вы бѣжите?..

Юрасова *(медленно подходя).* Я... никуда... гуляла... *(Растерянно.)* Вечеръ какой хорошій...

Званцева. Да, хорошо... Ну, какъ ваша голова?.. Прошла?..

Юрасова *(смущенно).* Голова?.. Теперь ничего... Благодарю... Прошла... Тяжела немного... Какая мука!.. *(Нервно и порывисто.)* Нѣтъ... я не могу больше!.. Не могу... Совѣсть меня замучитъ... Все равно... я при всѣхъ... на площади готова это сказать... Не

могу больше скрывать... А его мнѣ что жалѣть... Онъ меня не жалѣетъ...

Званцева *(участливо)*. Оля?.. Что съ вами?..

Юрасова *(нервно, искренно)*. Татьяна Борисовна... Простите меня... Я нечестно поступала съ вами...

Званцева *(недоумѣвая)*. Оля, что вы говорите?!.

Юрасова *(въ порывѣ искренности)*. Да, я говорю правду. . Я цѣловала васъ, ласкалась... Въ то же время... Господи, какъ трудно это высказать!.. Я отплатила вамъ за любовь ко мнѣ подлостью... Я обманывала васъ... Вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ...

Званцева *(пораженная и взволнованная)*. Опомнитесь... Оля!.. Я не могу повѣрить...

Юрасова. Я знаю... Вамъ, такой чистой, трудно этому повѣрить... Но, это правда!.. Да, я безчестная дѣвушка!..

Званцева. Вы?.. Оля?.. Обманывали меня?!. Съ нимъ?..

Юрасова. Вы презираете меня, да?!.. Я заслужила... Не смѣю вамъ въ глаза взглянуть... Господи, до чего я дошла!.. Только теперь я поняла, Татьяна Борисовна, какую низость сдѣлала!.. Все поняла!.. Онъ увѣрялъ меня, что вы давно чужіе другъ другу люди... что между вами нѣтъ другихъ отношеній, кромѣ дружбы, что вы живете вмѣстѣ только ради Кости... Онъ увѣрялъ меня, что у васъ есть другая привязанность...

Званцева *(взглянувъ на нее, съ горькой улыбкой)*. И вы повѣрили?..

Юрасова *(крайне возбужденно)*. Я повѣрила!.. Я всему вѣрила, что онъ говорилъ... Если бы вы слышали, какъ онъ клялся!.. какъ увѣрялъ!.. Я никогда не допускала мысли, что человѣкъ можетъ такъ убѣжденно лгать... *(Съ злобой.)* Онъ также подло измѣнилъ мнѣ... Теперь онъ клянется въ любви Людмилѣ...

Званцева *(перебивая ее)*. Нѣтъ!.. Не можетъ быть... Неправда... *(Вставая.)* Вы ошибаетесь, Ольга Алексѣевна... Это такъ низко!..

Юрасова *(съ злобой)*. «Ошибаетесь!..» Если бы я ошибалась!.. Нѣтъ, я знаю!.. Убѣждена въ этомъ!.. Я сама не вѣрила, но теперь, послѣ того, что я сегодня видѣла... *(Останавливаясь.)* Что я?.. *(Съ раскаяніемъ.)* Зачѣмъ я сказала вамъ?.. Опять о себѣ... о себѣ только и помню, и думаю... Татьяна Борисовна, простите меня!.. Я не знаю, что говорю!.. Не презирайте меня... Я очень виновата... Но вы добрая... Вы простите меня!..

Званцева *(сосредоточенно и грустно)*. Богъ съ вами, Оля... Мнѣ жаль васъ...

Юрасова *(сдерживая рыданія)*. Спасибо!.. И на томъ спасибо, Татьяна Борисовна... *(Уходя налѣво.)* Мнѣ легче теперь... на душѣ легче!.. *(Быстро уходитъ, сдерживая рыданія.)*

Званцева *(послѣ продолжительнаго молчанія)*. Я въ себя придти не могу... Что же это такое?.. У меня въ домѣ... на глазахъ... Безсовѣстно клеветать на меня. . Обмануть дѣвушку... налгать ей... обольстить!.. замѣшать во всю эту грязь мое имя!... Это ухаживанье за Людмилой!.. Нѣтъ, это что-то до того низкое, что я отказываюсь понимать!.. Приходить съ открытымъ лицомъ ко мнѣ... цѣловать мои руки... разыгрывать изъ себя нѣжнаго мужа, отца... *(Съ нервной дрожью.)* До какого позора я дожила!.. Господи!..

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Званцева и Муравинъ.

(Муравинъ въ пальто и шляпѣ выходитъ быстро справа, увидавъ Званцеву, останавливается.)

Муравинъ. Татьяна Борисовна, вы однѣ?..

Званцева *(безпомощно)*. Одна...

Муравинъ *(подходя и смотря на нее)*. Татьяна Борисовна!.. Вы больны?!. *(Съ тревогой.)* Случилось что-нибудь?.. Да?..

Званцева *(спокойно, но какъ бы въ забытьи.)* Нѣтъ... Ничего особеннаго не случилось... Я здорова... Такъ... маленькая непріятность... *(Съ дѣланной улыбкой.)* Обыкновенная исторія...

Муравинъ *(съ тревогой)*. Вамъ надо домой идти, Татьяна Борисовна... Вы не хорошо себя чувствуете...

Званцева. Да, надо домой... *(Дѣлаетъ шагъ и пошатывается.)* Дайте руку!.. Не хорошо мнѣ... *(Беретъ подъ руку Муравина, силясь улыбнуться.)* Голова кружится. . Не хорошо... *(Тихо уходятъ по аллеѣ влѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Ник. Крохинъ, Кронидъ, *затѣмъ* **Людмила Валерьяновна.**

(Ник. Крохинъ быстро выходитъ справа, осматривается, подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ вина, залпомъ выпиваетъ и садится, положивъ голову на руки. Кронидъ останавливается поодаль и смотритъ съ снисходительной почтительностью на Крохина. Молчаніе.)

Ник. Крохинъ. Кронидъ Петровичъ!

Кронидъ *(подходя, съ достоинствомъ)*. Что прикажете?

Ник. Крохинъ. Вели Ивану заложить тройку... Вина положи въ экипажъ, кулька два .. Приготовь мнѣ поддевку и русскіе сапоги...

(При послѣднихъ словахъ Ник. Крохина входитъ Людмила Валерьяновна.)

Люд. Вал. *(подходя къ Крохину, съ ласковой улыбкой)*. Куда это ты, Китя, собираешься? .

Ник. Крохинъ *(мрачно)*. Въ народъ иду!.. *(Кониду.)* Живо, Петровичъ, одѣваться!

Кронидъ *(степенно.)* Слушаю... *(Уходитъ.)*

Люд. Вал. *(ласкаясь къ Крохину)*. Китя, что съ тобой?.. Вспомни, у насъ гости... Ты хозяинъ, Китя...

Ник. Крохинъ *(съ ироническою улыбкой)*. Гостей вы безъ меня займете... Мнѣ не втерпежъ больше... Опостылѣли они мнѣ... Не могу!..

Люд. Вал. *(съ легкимъ укоромъ)*. Полно, Китя!.. Точно маленькій... Ну, я прошу тебя... Не дѣлай скандала, не обижай гостей... Пойдемъ туда, къ нимъ...

Ник. Крохинъ *(смотря съ злой улыбкой на жену)*. Зачѣмъ-съ? Смотрѣть, какъ вы съ Званцевымъ кокетничаете?.. Меня въ дурака рядите?.. Благодарю покорно, Людмила Валерьяновна!

Люд. Вал. *(холодно, съ достоинствомъ)*. Опять на васъ нашло, Никита Степановичъ? Какъ вамъ не стыдно говорить подобныя глупости! Давно у насъ сценъ не было... Соскучились?

Ник. Крохинъ *(внезапно вспыхнувъ)*. Да перестаньте же! Не лгите мнѣ въ глаза... Неужели вы полагаете, я слѣпой.—Что вы мнѣ очки втираете!.. Вижу я хорошо, что вы съ нимъ въ любовь заигрываете.

Люд. Вал. *(пожимая плечами)*. Съ чего вы взяли...

Ник. Крохинъ *(не слушая ее)*. Бѣсъ какой-то въ васъ сидитъ... Званцевъ не обращалъ на васъ вниманія. . не ухаживалъ за вами. И это оскорбляло .. злило васъ... какъ онъ осмѣлился быть равнодушнымъ... Надо вскружить ему голову... Для васъ все шуточки... Игра въ любовь... Я знаю, вы жить безъ этого не можете... а до другихъ вамъ что за дѣло!.. Вы никогда ни о комъ не думали.

Люд. Вал. Я всегда помнила, Китя, что ты...

Ник. Крохинъ *(перебивая)*. Я о себѣ не говорю... Знаю я, какъ вы ко мнѣ относитесь... Вы, Людмила Валерьяновна, хоть бы вспомнили о томъ,—что у него есть жена. Вѣдь ваши заигрыванія заставляютъ страдать эту чудную женщину... Вѣдь это низко...

Люд. Вал. *(ласково, уговаривая его)*. Китя, успокойся... Я прошу тебя... Ты ошибаешься, Китя... увѣряю тебя, ошибаешься...

Ник. Крохинъ *(сильно)*. Ошибаешься?! Нѣтъ, я всѣ ваши шашни вижу и всегда видѣлъ, Людмила Валерьяновна... Я долго терпѣлъ, долго молчалъ... Полагалъ, что вы сами образумитесь... въ себя придете... Но всякому терпѣнію конецъ бываетъ!.. *(Болѣе и болѣе волнуясь.)* Совѣтую вамъ поосторожнѣй быть... Вы, вѣдь, меня не первый годъ знаете... Со мной шутки плохія... Давно ужъ у меня сердце кипитъ! Чувствую я, что во мнѣ мужикъ просыпается... А ужъ въ этомъ состояніи я ничѣмъ не дорожу!.. Ни передъ чѣмъ не остановлюсь!..

Люд. Вал. *(стараясь успокоить его, кладетъ ему руку на плечо)*. Ради Бога!.. Прошу тебя!.. Изъ-за чего такъ волноваться, Китя!..

Ник. Крохинъ *(отталкивая жену)*. Оставьте-съ!.. Теперь лучше не трогайте меня. Я за себя не поручусь. Идите къ гостямъ. Да только помните, Людмила Валерьяновна, что я сказалъ... Ни слова я вамъ больше говорить не стану! И если, Боже упаси, я что нибудь у васъ съ нимъ замѣчу, какъ гадину раздавлю!.. Слышите-съ!

Люд. Вал. *(робко взглянувъ на него)*. Клянусь, милый...

Ник. Крохинъ. Довольно!.. Къ гостямъ извольте идти... Занимайте ихъ... *(Быстро уходитъ.)*

Люд. Вал. *(умоляюще)*. Китя!.. *(Оправившись, съ негодованіемъ.)* Хамъ!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная на дачѣ Званцевыхъ. Большая комната, обитая дорогими обоями. Въ задней стѣнѣ—дверь, выходящая на балконъ въ садъ, и два окна. Стекла въ окнахъ и двери разноцвѣтныя. Налѣво, на второмъ планѣ—дверь въ кабинетъ Званцева; направо двѣ двери, на первомъ планѣ—въ комнату Званцевой, на второмъ—во внутреннія комнаты. У задней стѣны, налѣво — роялъ, передъ нимъ—табуретъ и стулъ; направо, у окна, небольшой столъ, окруженный стульями. На столѣ—газеты, журналы, папки съ гравюрами. Въ углу, изъ-за растеній, виденъ бюстъ красивой, смѣющейся дѣвушки. На первомъ планѣ, налѣво,—диванъ, столъ и нѣсколько креселъ. По сторонамъ дивана—высокія тумбы; на нихъ изящныя лампы. Направо, на первомъ планѣ — стулъ; въ простѣнкѣ между дверей,—кушетка; около нея—маленькій, низкій столикъ и два стула. На столикѣ раскрытая книга. На стѣнѣ, у кушетки, пуговка электрическаго звонка. Мебель свѣтлая, модная, изящная. Дверь на балконъ открыта. Солнечный, жаркій день.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Муравина и Костя.

Костя сидитъ за роялью на табуретѣ и играетъ гаммы, Муравина около него на стулѣ.

Муравина *(считая)*. Разъ, два, три... Разъ,

два, три, четыре... Не спѣши, Котикъ!.. Разъ, два...

Костя *(переставая играть)*. Отчего, тетя Муся, сегодня ты со мной занимаешься, а не Оля?..

Муравина. Оля больна...

Костя. А зачѣмъ она уѣзжаетъ?..

Муравина. Перестань болтать, Котя... Играй! *(Костя играетъ.)*

Муравина. Разъ, два, три, четыре, пять... Разъ, два, три.

Костя *(переставая играть)*. Папа сегодня ужасно сердитый. Я былъ у него... Онъ меня даже не поцѣловалъ... Онъ, должно быть, на маму разсердился?

Муравина *(недовольная)*. Да играй же!.. Окончимъ, тогда будемъ говорить...

Костя. Тетя Муся, я больше не могу играть... У меня руки устали... Я потомъ, послѣ обѣда...

Муравина. Ну, хорошо... Ты сегодня страшно разсѣянъ... Занимался плохо, а игралъ еще хуже..

Костя. Мнѣ сегодня скучно...

Муравина. Не выдумывай, пожалуйста...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Муравина, Костя и Званцева.

(Званцева, съ усталымъ, грустнымъ выраженіемъ блѣднаго лица, выходитъ изъ своей комнаты справа.)

Званцева. Вы кончили, Марья Михайловна?

Костя *(подходя къ ней и ласкаясь)*. Кончили, мамочка...

Званцева. Владиміръ Михайловичъ теперь дома?.. Не знаете?..

Муравина *(отходя къ столику налѣво и садясь)*. Вѣроятно дома... Онъ сегодня не собирался въ городъ...

Званцева *(нажимая пуговку звонка)*. Мнѣ надо его повидать... передать ему деньги...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Наташа.

Наташа *(входя справа изъ внутреннихъ комнатъ)*. Вы звонили, барыня?

Званцева *(отдавая письмо)*. Наташа, будьте добры, отнесите это письмо на дачу Муравиныхъ... Владиміру Михайловичу...

Наташа *(беря письмо)*. Слушаю-съ...*(Уходитъ.)*

Костя *(ласкаясь къ матери)*. Мамочка, дай я тебя поцѣлую...

Званцева *(садясь на стулъ)*. Съ чего это у насъ сегодня такія нѣжности... *(цѣлуетъ его.)* Ну, какъ ты учился?..

Костя *(грустно)*. Плохо... *(Муравина у стола просматриваетъ газеты.)*

Званцева. Что-же такъ?.. Это не хорошо!..

Костя *(разводя руками)*. Не хорошо-то не хорошо... да ужъ такъ...

Званцева *(лаская его)*. Надо учиться, мальчикъ...

Костя. Да, я знаю... *(Смотря на Званцеву.)* Мама, отчего у тебя глаза красные?.. Ты опять плакала, мама?...

Званцева *(вставая, смущенно)*. Нѣтъ, мальчикъ... Съ чего ты взялъ?...

Костя *(грустно)*. Тебя кто обидѣлъ?.. Папа, да?

Званцева. Никто... Ты говоришь глупости, Костя... Пусти, мнѣ надо идти...

Костя *(ласкаясь)*. Позволь мнѣ пойти къ тебѣ, мама... Пожалуйста!..

Званцева *(беря его за руку)*. Пойдемъ, баловень, пойдемъ... *(Уходятъ направо.)*

Муравина *(съ досадой)*. Сами-то себѣ жизнь отравляютъ, да и ребенка-то портятъ... Семейная идиллія, нечего сказать!... *(Энергично перевертываетъ газету.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Муравина и Гав. Крохинъ.

Гав. Крохинъ *(входя съ балкона)*. Никого нѣтъ... *(Оглядывая комнату и увидавъ Муравину.)* А, Марья Михайловна!... *(Подавая руку.)* Глубокое почтеніе!

Муравина *(здороваясь)*. Здравствуйте!

Гав. Крохинъ. Сами-то у себя?

Муравина *(взглянувъ на него)*. Кто это «сами»?

Гав. Крохинъ. Антонъ Ивановичъ... понятно! Кто же больше...

Муравина. У себя... *(Кивнула головой на дверь)*. Тамъ...

Гав. Крохинъ *(съ таинственностью)*. Заняты-съ?..

Муравина. Вѣроятно.

Гав. Крохинъ. Гмм!.. *(Садясь)* Чтой-то я слышалъ, Марья Михайловна... правда это или нѣтъ?.. Быдто Ольга Алексѣевна отъ Званцевыхъ уѣзжаетъ?..

Муравина. Правда.

Гав. Крохинъ *(удивленный)*. Правда?! Вотъ что-съ!.. Скажите, пожалуйста!.. Что же за причина?..

Муравина *(рѣзко)*. Подите, спросите ее сами!

Гав. Крохинъ. Марья Михайловна, что это вы такъ окрысились?!

Муравина. Вы съ ума сошли!.. *(Закрывается газетой.)*

Гав. Крохинъ. Mille pardon!.. Такая неотесанность!.. Виноватъ-съ!.. Такъ уѣзжаютъ-съ?.. Гмм.. Такъ-съ... А куда, не знаете, Марья Михайловна?..

Муравина. Пока къ намъ... А потомъ куда нибудь на мѣсто.

Гав. Крохинъ. Стало быть они скушали?..

Муравина. Ничего я не знаю!..

Гав. Крохинъ. Давно я примѣчалъ, что у нихъ разговоръ глазами идетъ... Этакъ, знаете, я полагалъ — шутка-съ... Видно, Антонъ Ивановичъ шутить не любитъ!.. *(Съ сокрушеніемъ.)* Вотъ тѣ, Гаврилъ Степановичъ, и невѣста!.. Нѣтъ, Марья Михайловна, какова штучка!.. Прошу покорно!.. Вотъ ужъ истинно—молодецъ!.. Вотъ молодчина!... *(Качая головой.)* Ай, ай, ай!.. Какъ же теперь?!.. При чемъ же остается Ольга Алексѣевна!!.

Муравина *(съ досадой)*. Сказала-же я вамъ, что я ничего не знаю!.. Ни что за причина, ни кто при чемъ останется!..

Гав. Крохинъ *(горячо)*. Эхъ, какая вы сухая, безсердечная, Марья Михайловна!..

Муравина. Какая есть... Что же теперь съ этимъ дѣлать?!

Гав. Крохинъ. Право!.. Я не по пустякамъ васъ спрашиваю... Мнѣ, я думаю, жалко эту-то, верченую. Дѣвченка, вѣдь, еще совсѣмъ... Налетѣла на огонекъ и обожглась... Несчастная дѣвочка!.. Я, можетъ, сегодня ночь не спалъ...

Муравина. Да я то тутъ при чемъ?!. Подите, утѣшьте ее.

Гав. Крохинъ *(вставая, махнулъ рукой)*. Нѣтъ, съ вами не сговоришь!.. *(Подумавъ, говоритъ съ непріятной гримасой.)* Къ «самимъ» надо еще по дѣлу зайти...

Муравина. Вотъ съ «самими» вмѣстѣ и пособолѣзнуете...

Гав. Крохинъ *(горячо)*. То есть такая вы, Марья Михайловна, злюк... Эхъ, молчи, Гаврила, молчи!.. *(Подходитъ къ двери въ кабинетъ и осторожно стучитъ.)* Можно?

Голосъ Званцева *(за сценой)*. Пожалуйста!

(Гав. Крохинъ, коротко кашлянувъ, входитъ въ кабинетъ.)

(Муравина посмотрѣла ему вслѣдъ и снова принялась читать газету.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Муравина и Юрасова.

(Юрасова быстро выходитъ справа изъ внутреннихъ комнатъ и, увидавъ Муравину, сконфуженно останавливается.)

Муравина. Васъ Гаврила Степановичъ спрашивалъ... *(Указывая на дверь въ кабинетъ.)* Онъ тамъ...

Юрасова *(смущенно)*. Онъ тамъ?..

Муравина *(смотря на нее)*. Можетъ быть, вы хотѣли пойти проститься?

Юрасова *(испугавшись)*. Нѣтъ, нѣтъ!.. Что вы?!. Съ какой стати... *(Сконфуженно.)* Мнѣ надо бы проститься съ Костей и съ Татьяной Борисовной.

Муравина. Она у себя въ комнатѣ, и Костя тамъ...

Юрасова *(опуская голову)*. Мнѣ такъ совѣстно... неловко... *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери направо, но вдругъ опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками.)*

Муравина *(подходя къ ней, съ участіемъ)*. Оля, что съ вами?..

Юрасова *(порывисто, беря ея руку)*. Марья Михайловна!.. Голубушка!.. Я все лгу... все лгу!.. Изолгалась я... Я шла сюда, чтобы увидать его... Мнѣ послышался здѣсь его голосъ...

Муравина *(садясь рядомъ съ ней на стулъ)*. Да зачѣмъ онъ вамъ, Оля?.. зачѣмъ?..

Юрасова *(нервно)*. Не знаю... Ничего не знаю... Во мнѣ какая-то двойственность... Словно два человѣка въ душѣ борются. Ничего сама сообразить не могу... Ненависть у меня въ сердцѣ къ Званцеву... Непримиримая злоба!.. И страстное желаніе его видѣть, говорить съ нимъ.. Браню я себя за это, казнюсь... Сознаю всю его подлость по отношенію ко мнѣ. Его эгоизмъ узкій, себялюбивый!.. И кто-то словно тянетъ меня къ нему... Я придумываю что бы еще сказать ему... Къ чему бы придраться, чтобы увидать его... Ловлю я себя на этомъ... безпощадно казню себя!.. и иду... Сейчасъ я къ нему шла... и хотѣла о чемъ-то говорить съ нимъ... А о чемъ,—сама не знаю...

Муравина *(сурово)*. Не о чемъ вамъ, Оля, говорить съ нимъ... Все ужъ, кажется, сказано...

Юрасова *(съ нервнымъ возбужденіемъ)*. Люблю я его, Марья Михайловна!.. Цѣпями прикована здѣсь... Что-жъ мнѣ дѣлать?!

Муравина *(сурово)*. Скорѣй убираться вамъ надо отсюда подобру-поздорову... Нечего распускать себя, Оля!... Уложились вы, что ли?.. А то пойдемте,—я помогу...

Юрасова *(машинально)*. Уложилась.!.

Муравина. Ну и съ Богомъ... Подите съ Татьяной Борисовной проститесь и уходите поскорѣй!..

Юрасова *(послушно вставая)*. Хорошо... Пойду... *(Нервно, съ злобой.)* Нѣтъ, нѣтъ!.. нѣтъ!.. Не хочу!.. Не пойду! Врагъ она мой!.. Зачѣмъ я ей все разсказала?.. Зачѣмъ?.. Лучше я себѣ этимъ сдѣлала?.. Какъ это глупо было!.. Она добрая, хорошая... Она ничего мнѣ кромѣ хорошаго не сдѣлала... а я теперь ненавижу ее!..

Муравина. Ну, вы, матушка, совсѣмъ зарапортовались!..

Юрасова *(съ тихими слезами)*. Что дѣлаю, что говорю, сама не понимаю... Боже мой, съ ума я схожу!..

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Муравина, Юрасова и Гав. Крохинъ.

Гав. Крохинъ *(выходя изъ кабинета, въ*

дверяхъ). Хорошо-съ!.. Что же дѣлать?.. Три рубля на рыло,—дѣло небольшое... Хорошо-съ... (*Юрасова быстро оборачивается, вытираетъ платкомъ глаза и идетъ къ двери во внутреннія комнаты.*)

Гав. Крохинъ (*увидавъ ее*). Ольга Алексѣевна!.. (*Подходитъ къ ней и здоровается*)

Юрасова (*останавливаясь, рѣзко*). Что вамъ?

Гав. Крохинъ (*мягко*). Мнѣ бы хотѣлось, Ольга Алексѣевна, вамъ нѣсколько словъ сказать... Будьте добры, выслушайте меня...

Юрасова (*переходя налѣво и садясь на кресло*). Говорите... (*Задумывается.*)

Гав. Крохинъ (*не рѣшаясь*). Видите ли...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Костя.

Костя (*выбѣгая изъ комнаты Званцевой*). Тетя Муся, мама позволила въ лѣсъ идти... (*Увидавъ Юрасову, подбѣгаетъ къ ней.*) Оля!..

Юрасова (*прижимая его къ себѣ и крѣпко цѣлуя*). Котикъ, прощай!.. Я уѣзжаю!..

Костя. А зачѣмъ?

Юрасова (*сквозь слезы.*) Такъ... Мнѣ надо... (*Затрудняясь.*) Необходимо уѣхать...

Муравина (*подходя*). Я тебѣ сказала, Котикъ, что Ольга Алексѣевна больна... Пойдемъ-ка въ лѣсъ... Ну, живо!.. (*Беря его за руку.*) Маршъ!... (*Уводитъ его на балконъ.*)

Костя (*уходя*). Оля скоро опять пріѣдетъ къ намъ, тетя Муся?..

Муравина (*уходя*). Не знаю!... (*Уходятъ.*)

Юрасова (*нетерпѣливо*). Что же вы хотѣли сказать мнѣ?.. Говорите!.

Гав. Крохинъ (*смущенно*). Трудно все сообразить... вотъ такъ... сразу... Дѣло, видите ли, въ томъ... Однимъ словомъ... я теперь о своемъ предложеніи не буду вамъ напоминать... Что ужъ... Я понимаю, — вамъ теперь не до того... Вы...

Юрасова. Господи!..

Гав. Крохинъ (*задушевно.*) Простите, ради Христа... Не умѣю я тонко это высказать... Однимъ словомъ... я такъ буду считать, что у меня есть еще надежда... Можетъ быть, когда нибудь... потомъ... Въ жизни всякій оборотъ бываетъ... Такъ позвольте мнѣ, Ольга Алексѣевна, хоть надѣяться... И еще я прошу васъ... Что бы съ вами ни случилось—бѣда ли какая, болѣзнь ли, въ средствахъ ли недостача... Мало ли съ человѣкомъ что можетъ случиться... Вы безъ гордости, безъ церемоніи обратитесь ко мнѣ... Вѣрьте слову, я за счастье почту для для себя хоть самой малостью услужить вамъ... Какъ вамъ что понадобится, — вы и вспомните о Гаврилѣ Крохинѣ, а онъ—тутъ, какъ тутъ!..

Юрасова (*съ чувствомъ*). Спасибо вамъ, Гаврилъ Степановичъ!..

Гав. Крохинъ. Не на чемъ покамѣстъ... Я за васъ, Ольга Алексѣевна, и въ огонь, и въ воду!.. Понять я васъ могу... Все могу понять-съ... Потому много я на своемъ вѣку видѣлъ, и горя всякаго, и радости!.. Да что объ этомъ... нестоющій разговоръ... (*Робко посмотрѣвъ на нее.*) Ольга Алексѣевна... позвольте мнѣ хоть изрѣдка... навѣщать васъ.

Юрасова (*задумавшись*). Пожалуйста, Гаврилъ Степановичъ.

Гав. Крохинъ (*обрадованный*). Низкій поклонъ вамъ за это!.. Это для меня дороже всего!.. Приду, побесѣдую съ вами по душѣ, побалагурю, пошучу... Авось и вы когда улыбнетесь... Вотъ у меня на сердцѣ и праздникъ... Радостнѣй мнѣ будетъ на бѣлый свѣтъ глядѣть... Для меня ничего...

ЯВЛЕНІЕ 8 е.

Юрасова, Гав. Крохинъ и Званцевъ.

Званцевъ (*выходя изъ кабинета*). Вотъ вы тутъ съ кѣмъ бесѣдуете, Гаврилъ Степановичъ?

(*Юрасова, услыша голосъ Званцева, быстро встаетъ, нервно кусая губы, и дрожащею рукой опирается на спинку кресла.*)

Гав. Крохинъ (*смущенно и угрюмо*). Да... Мы вотъ тутъ... съ Ольгой Алексѣевной... о житейскихъ дѣлахъ...

Званцевъ (*съ улыбкой*). Дѣло хорошее!.. (*Юрасовой, любезно.*) Что-жъ, Ольга Алексѣевна, вы не раздумали?.. Покидаете насъ?..

Юрасова (*бросивъ на него взглядъ*). Да... уѣзжаю...

Званцевъ. Очень жаль... Я бы на вашемъ мѣстѣ...

Гав. Крохинъ (*подходя къ Юрасовой*). До свиданія, Ольга Алексѣевна!..

Юрасова (*протягивая ему руку*). Прощайте...

Гав. Крохинъ (*холодно Званцеву*). Имѣю честь кланяться... (*Подаетъ руку.*)

Званцевъ (*пожимая руку, крайне любезно*). Мое почтеніе, добрѣйшій Гаврилъ Степановичъ!

(*Гаврилъ Крохинъ быстро уходитъ; Званцевъ смотритъ ему вслѣдъ съ улыбкой ироніи.*)

Званцевъ. Какая его муха укусила?..(*Смотритъ на Юрасову.*) А... Ревность... Понимаю... (*Подходя къ ней.*) Улеглась ли ваша злоба?.. Утро вечера мудренѣе... Можетъ быть, Оля, вы теперь иначе отнесетесь къ моему предложенію?..

Юрасова (*взволнованная*). Оставьте меня въ покоѣ... Прошу васъ... Я теперь не могу отвѣтить на вашъ вопросъ, какъ бы хотѣла.

Я рѣшила и переѣзжаю сейчасъ къ Муравинымъ...

Званцевъ *(съ улыбкой)*. Къ Муравинымъ... Вотъ какъ!.. Общіе благодѣтели!.. Такъ мы будемъ сосѣди съ вами?

Юрасова *(безпомощно)*. Мнѣ некуда больше дѣться... На мѣсто я не могу поступить... Къ роднымъ — нельзя... *(Потупляя глаза.)* Я больна...

Званцевъ *(поморщившись)*. Да?.. Это непріятный инцидентъ... *(Ласково.)* Послушай моего совѣта .. Пожалѣй себя... Вѣдь я люблю тебя... Оля!..

Юрасова *(порывисто, громко, съ боязливой просьбой въ голосѣ)*. Не говорите!.. Прошу васъ... Не говорите такъ со мной... *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери во внутреннія комнаты.)*

Званцевъ. Ну, хорошо-съ... Хорошо... Только не волнуйтесь и не кричите!..

Юрасова *(обернувшись)*. Вы боитесь?... Боитесь, что Татьяна Борисовна услышитъ?!

Званцевъ. Я думаю, и вамъ, и мнѣ это будетъ одинаково непріятно.

Юрасова *(съ злобой)*. Я все разсказала... Женѣ вашей во всемъ призналась...

Званцевъ *(удивленно)*. Признались женѣ?! *(Съ злобой.)* Покорнѣйше васъ благодарю!..

Юрасова *(въ тонъ ему)*. Не на чемъ!.. У меня теперь нѣтъ секретовъ ни отъ кого!... Что же скрывать!.. Я готова разсказать всему свѣту!.. *(Уходя.)* Все равно,—не скроешь!

Званцевъ *(стоитъ нѣкоторое время, пораженный)*. Женѣ разсказала... *(Съ злобой.)* И гордится этимъ!.. Героиня!.. Сумасшедшая!.. *(Подумавъ.)* И Людмила, пожалуй, знаетъ?!.. Вотъ положеніе, я вамъ скажу!.. *(Ходя по комнатѣ.)* Чортъ знаетъ, что за положеніе!.. Никакъ не думалъ, что Олинька до этого дойдетъ!.. *(Останавливаясь.)* Непріятная исторія!.. *(Раздумывая.)* Противъ жены у меня есть нѣкоторый противовѣсъ... *(Съ гримасой.)* Во всякомъ случаѣ,—объясненія, сцены, дрязги, слезы... Терпѣть не могу!.. Людмила!.. Вопросъ серьезный... Она мнѣ большой кавардакъ можетъ сдѣлать! Перейдетъ на сторону Обрубова, и кончено!.. погибло все!.. Женщина, да еще изъ ревности,—на все способна!.. У женщинъ вѣдь нѣтъ ничего святого!. Вотъ и эта... Все ревность проклятая. *(Съ иронiей)* Татьяна Борисовна меня не ревнуетъ, конечно... Но она будетъ рада случаю уѣхать отъ меня... *(Съ злобой.)* Нѣтъ-съ!.. Напрасныя мечты!.. Этого не будетъ!.. Скандалъ на всю Москву!.. «У Званцева жена сбѣжала съ Муравинымъ»... Мнѣ теперь не до скандаловъ!.. Съ господиномъ Муравинымъ у меня разговоръ короткій будетъ... Знаю я этихъ героевъ честности... Струситъ, сожмется, какъ сморчокъ... и шмыгъ въ нору... *(Озабоченный, молча ходитъ по комнатѣ, затѣмъ останавливается.)* Этотъ еще гамлетизированный мужикъ Никита!.. *(Съ отчаяніемъ.)* Вотъ положеніе!.. Самъ чортъ ногу сломитъ,—вотъ какое положеніе!.. Но мы еще подумъ...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Званцевъ и Шашкинъ.

Шашкинъ *(выходя изъ кабинета, съ бумагой)*. Вотъ что я написалъ, Антонъ Ивановичъ...

Званцевъ *(беря бумагу)*. Позвольте... *(Читаетъ)* Да... Хорошо... Съ дѣломъ подряда о поставкѣ шпалъ, значитъ, покончено... Все формально, на законномъ основаніи сдѣлано...

Шашкинъ *(самодовольно улыбаясь)*. Да ужъ... Съ тѣмъ возьмите!.. Самый опытный юристъ иголки не подточитъ...

Званцевъ. Да!.. Теперь милости просимъ контроль... Все лицомъ покажемъ...

Шашкинъ. А на счетъ артельщиковъ какъ, Антонъ Ивановичъ?

Званцевъ. Да что же дѣлать?.. Чортъ съ ними... Выдайте имъ по три рубля... Только послѣ баллотировки... Еще недѣля до генеральнаго сраженія?

Шашкинъ. Ровно недѣля... У насъ дѣло шибко идетъ. Только бы Рябининскіе не сплутовали.

Званцевъ. Ихъ не такъ много... Да Рябининъ не дуракъ... Противъ Крохина не пойдетъ .. Онъ имъ только и дышетъ... У Обрубова не больно пообѣдаешь.

Шашкинъ. Да, это, пожалуй, вѣрно.

Званцевъ. Но, вообще, Иванъ Семеновичъ, ухо надо востро держать... Малѣйшій промахъ, и все дѣло рухнетъ.

Шашкинъ. Пока Никита Степановичъ съ нами,—ничто не страшно!.. Гора акцій,—всѣ наши!..

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Званцевъ, Шашкинъ и Муравинъ.

(Муравинъ входитъ съ балкона и, увидавъ Званцева, останавливается, видимо, недовольный встрѣчей.)

Званцевъ *(увидавъ Муравина, Шашкину)*. Простите, добрѣйшій. Мнѣ надо сказать два слова Владиміру Михайловичу.

Шашкинъ *(уходя поспѣшно въ кабинетъ)*. Пожалуйста!.. *(Уходитъ.)*

Званцевъ *(протягивая руку Муравину)*. Добро пожаловать!..

(Муравинъ сухо кланяется, подавая руку.)

Званцевъ. Я очень радъ, что вы зашли... Я хотѣлъ самъ навѣстить васъ.

Муравинъ *(сухо)*. Татьяна Борисовна просила меня по дѣлу.

Званцевъ *(съ легкой иронiей)*. Очень хорошо-съ... Но дѣло не медвѣдь,—въ лѣсъ не

уйдетъ... Я также хочу побесѣдовать о важномъ для насъ съ вами предметѣ .. *(Подвигая кресло.)* Прошу!.. *(Садится.)*

Муравинъ *(садясь)*. Вы имѣете сообщить мнѣ что нибудь по службѣ?

Званцевъ. Нѣтъ-съ... *(Съ удареніемъ.)* Пока не имѣю... Бесѣда наша будетъ интимнаго характера.

Муравинъ *(спокойно и холодно)*. Такой бесѣды между нами быть не можетъ.

Званцевъ *(съ улыбкой)*. Да?.. Вы думаете? Но, тѣмъ не менѣе... Надо вамъ сказать, любезнѣйшій Владиміръ Михайловичъ, что я не имѣю чести принадлежать къ тѣмъ наивнымъ, покладистымъ мужьямъ, которые ничего не видятъ и позволяютъ супругамъ...

Муравинъ *(удивленный)*. Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите?.. Признаюсь, меня мало интересуетъ, къ какимъ мужьямъ вы принадлежите.

Званцевъ. Ахъ, это васъ мало интересуетъ!.. Вы недоумѣваете, да?.. *(Мѣняя тонъ.)* Въ такомъ случаѣ, я спрошу васъ прямо, безъ обиняковъ!.. *(Иронически.)* По какому нравственному праву... Вы, вѣдь, все дѣлаете по «нравственнымъ правамъ»... Не правда ли?.. Такъ вотъ... Скажите пожалуйста, по какому праву вы открыто ухаживаете за моей женой?

Муравинъ *(нервно)*. Вы говорите пошлости, и мнѣ нечего вамъ отвѣчать!

Званцевъ *(съ ироніей)*. Зачѣмъ же такъ горячо!.. Дѣло самое житейское!.. На каждомъ шагу мы это видимъ... Будемъ хладнокровны!.. Вы всякій почти день изволите посѣщать нашъ домъ... Проводите съ Татьяной Борисовной цѣлые часы... Вечерами вы гуляете съ ней вдвоемъ по парку... Вы ея лучшій другъ и совѣтчикъ... Надо вамъ сказать, что въ безкорыстность мужской дружбы съ молодой, красивой женщиной, — я не вѣрю...

Муравинъ *(съ достоинствомъ)*. Я не стану васъ въ этомъ разувѣрять. Это было бы напрасно... Вы не поймете...

Званцевъ *(съ злой улыбкой)*. Такъ же, вѣроятно, какъ и всѣ смертные!.. Но мнѣ теперь не до философскихъ диспутовъ... *(Вставая, говоритъ грубо.)* Я прошу васъ, господинъ Муравинъ, избавить мой домъ отъ столь частыхъ посѣщеній... Ваши уединенныя прогулки... интимныя дружескія бесѣды съ моей женой я тоже совѣтовалъ бы вамъ прекратить. Вы компрометтируете *(иронически)* вашей горячей дружбой и меня, и мою жену!.. Я не хочу, чтобы на меня указывали пальцемъ, какъ на рогоносца!..

Муравинъ *(нервно, но сдерживаясь)*. Оправдываться передъ вами я нахожу недостойнымъ себя... Оскорбить меня вы не можете... Я слишкомъ хорошо знаю васъ, господинъ Званцевъ...

Званцевъ *(съ злой иронiей)*. Да-съ?. Ну-те...

Муравинъ *(съ негодованіемъ.)* Но я не могу сдержаться... не могу не высказать вамъ моего глубокаго негодованія!.. Вы позволяете себѣ такъ цинично, такъ грубо говорить о вашей женѣ... Позволяете себѣ подозрѣвать ее... Вы?! — господинъ Званцевъ?! Да, я другъ Татьяны Борисовны... И по праву дружбы къ ней...

Званцевъ *(съ злой иронiей)*. «По праву дружбы?»... Ха-ха!...

Муравинъ *(бѣшено)*. Да перестаньте же глумиться!.. Вѣдь это подло и пошло!.. Поймите!..

Званцевъ *(растерявшись)*. Что-съ?.. Что вы сказали?!.. *(Подходя къ нему, задыхаясь отъ злобы.)* Сейчасъ же извинись... или мы будемъ драться!..

Муравинъ *(твердо, съ достоинствомъ)*. Ни извиняться, ни драться съ вами на дуэли я не буду, господинъ Званцевъ... Я сказалъ то, въ чемъ глубоко убѣжденъ... И готовъ повторить это сотню разъ!

Званцевъ *(съ бѣшенствомъ)*. Такъ я убью тебя!...

Муравинъ *(овладѣвъ собой, спокойно и холодно)*. Перестаньте, пожалуйста... Къ чему говорить пустяки... Меня вы не запугаете... Никого не убьете... Мнѣ вы ничего не сдѣлаете... *(Съ холодной улыбкой.)* Вы слишкомъ любите свою великолѣпную особу... На такое дѣло васъ не хватитъ!.. *(Уходя на балконъ.)* Больше мнѣ нечего вамъ сказать... *(Спокойно уходя.)* До свиданія, господинъ Званцевъ!..

Званцевъ *(одинъ, съ волненіемъ)*. Нахалъ!.. Въ моемъ домѣ позволяетъ себѣ... Но мы еще съ нимъ поговоримъ... У меня духъ захватило отъ бѣшенства... Каковъ молодчикъ!.. Ухаживаетъ за чужой женой, нисколько не стѣсняясь, и еще героя изъ себя строитъ!... Прошу покорно!... «Принципы, нравственность, альтруизмъ, долгъ, чортъ въ стулѣ»... А на самомъ дѣлѣ, — ловкій нахалъ и ничего больше! И еще наивничаетъ, каналья! Рыцаря благородства изъ себя корчитъ... *(Со злобой.)* А будь вы прокляты со всѣми вашими принципами!.. Фразеры подлые!..

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Званцевъ и Людмила Валерьяновна.

(Людмила Валерьяновна быстро входитъ съ балкона.)

Люд. Вал. *(Подходя къ Званцеву)*. Тоня!.. Ты одинъ?.. *(Оглядывается.)* Какъ я рада, что застала тебя... Мнѣ надо... *(Смотря на него.)* Да что съ тобой?.. Ты взволнованъ?.. Случилось что-нибудь?!

Званцевъ *(успокоивая ее)*. Ничего, Мила... Пустякъ... Ты хотѣла мнѣ что-то сказать?

Люд. Вал. Ахъ, да!.. Я пришла украдкой...

Ты знаешь, онъ сдѣлалъ мнѣ вчера дикую, грубую сцену. . Хамъ!.. Изъ-за тебя... Онъ ревнуетъ... Ходитъ за мной, какъ привязанный... Ради Бога, будь остороженъ... Онъ способенъ на все... Сегодня утромъ, чуть свѣтъ, онъ по телефону вызвалъ изъ Москвы Рябинина.. И теперь что-то съ нимъ совѣщается... Я боюсь, Антонъ...

Званцевъ *(встревоженный)*. Ты думаешь, онъ можетъ перейти на сторону Обрубова?

Люд. Вал. Я не знаю... Отъ него всего можно ожидать... У него еще вчерашній хмѣль не прошелъ... *(Пренебрежительно.)* Онъ всю ночь на селѣ съ деревенскими дѣвками и мужиками пилъ, оралъ пѣсни, плясалъ... Перепоилъ, говорятъ, всю деревню!.. *(Съ отвращеніемъ.)* Саврасъ какой-то!..

Званцевъ *(раздумывая)*. Дѣло серьезное!.. Намъ надо принять мѣры, Мила... Моя жена тоже начинаетъ косо посматривать... Она подозрѣваетъ, вѣроятно... Иначе я не могу ничѣмъ объяснить ея пристрастія къ тебѣ... Послѣднее время она особенно раздражена...

Люд. Вал. *(искренно удивляясь)*. Ей-то что еще надо?! Вотъ ужъ не понимаю!

Званцевъ. Да... Мнѣ необходимо со всѣмъ этимъ считаться. Я боюсь, что она способна на скандалъ... Уйдетъ, и тогда...

Люд. Вал. *(съ испугомъ, перебивая)*. Ради Бога, Тоня, устрой какъ-нибудь, чтобы она не уходила... Никита тогда совсѣмъ взбѣленится... Онъ и то вчера кричалъ, что я отравила счастье чудной женщины... Если она уйдетъ, мнѣ нельзя будетъ пріѣзжать къ тебѣ... Теперь я бываю у Татьяны Борисовны... Ты пойми, это очень удобно... Если она уйдетъ,—все пропало!.. Онъ упрямъ, какъ оселъ!.. Его ничѣмъ не убѣдишь, что она ушла къ Муравину... Не повѣритъ... Я боюсь за насъ... Ради Бога, уладь это дѣло, Тоня...

Званцевъ *(озабоченно)*. Мила, намъ придется прекратить наши встрѣчи.

Люд. Вал. *(испуганно и удивленно)*. Какъ, Тоня?!.. Прекратить?..

Званцевъ *(успокоивая)*. На время, конечно... Пока разсѣются подозрѣнія.

Люд. Вал. *(капризно)*. Тоня, я не хочу этого!..

Званцевъ *(убѣждая)*. Это необходимо, Мила!.. Для нашего общаго блага необходимо.

Люд. Вал. Я не буду видѣть тебя нѣсколько дней!.. Это ужасно!.. Я умру!.. Сидѣть дома, съ Никитой!.. Если бы ты зналъ, Тоня, что за смертная тоска у насъ въ домѣ... Въ Москву онъ меня теперь не пуститъ .. Нѣтъ, я умру!..

Званцевъ. За то подумай, Мила, какъ радостно будетъ наше свиданіе...

Люд. Вал. Противный!.. Ты не будешь тосковать обо мнѣ... Я знаю васъ, мужчинъ...

Званцевъ *(серьезно)*. Мила, развѣ ты мнѣ не вѣришь?

Люд. Вал. *(страстно)*. Вѣрю, милый!.. Вѣрю!..

Званцевъ *(нѣжно)*. А ты, Милочка, будь умница!.. Не раздражай своего медвѣдя... При немъ будь похолоднѣй со мной... Не подавай ему вида... Поласковѣй съ нимъ, повнимательнѣй...

Люд. Вал. *(съ лукавой улыбкой)*. Учи, учи... *(Трепля его по щекѣ.)* Дурашка ты, Тоня... Развѣ женщину надо этому учить... Женщины эту науку хорошо знаютъ... *(Боязливо.)* Однако, что же это я?! Онъ, пожалуй, хватится меня...

Званцевъ *(озабоченно)*. Да, да... Иди, Мила, иди! .

Люд. Вал. *(лукаво)*. А ты ужъ и радъ радешенекъ?

Званцевъ *(нѣсколько смутившись)*. Нѣтъ, Мила, я не радъ... Но... подумай сама...

Люд. Вал. *(подавая руку, съ грустью)*. Прощай!..

(Званцевъ цѣлуетъ ея руку.)

Люд. Вал. *(уходя, съ грустью)*. Пиши, Тоня... Моя Паша—надежный почтальонъ.

Званцевъ *(провожая ее на балконъ)*. Непремѣнно, Мила, непремѣнно.

Люд. Вал. *(на балконѣ, уходя)*. Милый! *(Званцевъ стоитъ на балконѣ, смотря въ садъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Званцевъ и Званцева.

(Званцева выходитъ изъ своей комнаты и, увидавъ на балконѣ мужа, останавливается.)

Званцева *(задумчиво)*. Антонъ... Кстати... Къ чему откладывать... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!.. *(Нервно потирая руки.)* Что же я такъ волнуюсь?.. Сердце забилось...

(Званцевъ выходитъ съ балкона.)

Званцева *(съ волненіемъ, холодно)*. Вы не заняты?

Званцевъ *(озабоченно)*. У меня пропасть работы... но, если что-нибудь особенно важное... я къ вашимъ услугамъ... *(Садится на кресло.)*

Званцева *(не смотря на него)*. Я узнала вчера... такой фактъ... Онъ мнѣ многое открылъ... и я рѣшила... Я уѣзжаю отъ васъ...

Званцевъ *(со вздохомъ)*. Начинается...

Званцева *(нервно волнуясь и стѣсняясь)*. Вы, вѣроятно, догадываетесь... Я говорю о вашемъ поступкѣ съ Олей Юрасовой...

Званцевъ *(смущенно)*. Да... Но я боюсь, что Ольга Алексѣевна... и ты, Таня... придаете всей этой исторіи... черезъ-чуръ боль-

шое значеніе... Нельзя, мнѣ кажется, такъ серьезно...

Званцева *(нервно)*. Не оправдывайтесь!.. Я вамъ не вѣрю... Все я теперь поняла... Все знаю... И ваши отношенія къ г-жѣ Крохиной... и желаніе удалить Юрасову... все.. *(Съ пренебреженіемъ.)* Не подумайте, что я васъ ревную... Нисколько!.. Зачѣмъ же мнѣ ваши оправданія?!..

Званцевъ *(мягко)*. Я не думаю оправдываться... Я, можетъ быть, и виноватъ... Я увлекся... Но, кто же не увлекается?.. Изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что намъ необходимо разстаться... разбивать семью... дѣлать несчастными и меня, и ребенка...

Званцева *(взволнованно)*. Да!.. Все это очень тяжело... Но, что же дѣлать? . Мы съ вами ничѣмъ не связаны нравственно... Сердцемъ мы давно чужіе... Я не раздѣляю вашихъ воззрѣній на жизнь, вы—моихъ... Кромѣ супружескихъ отношеній между мужемъ и женой должны быть и человѣческія отношенія...

Званцевъ. Я никогда этого не отрицалъ, Таня...

Званцева. Можетъ быть... Но вы поступили какъ разъ наоборотъ... Ради ребенка я рѣшила остаться и все переносить, молча... Мнѣ казалось, что я должна подавить въ себѣ все личное, что протестовало противъ нашей супружеской жизни, чтобы не лишить ребенка отца... И что же?.. Къ чему это повело? У Кости нѣтъ душевной, хорошей, здоровой семьи... Онъ инстинктивно чувствуетъ ложь нашей жизни... Онъ уже теперь задаетъ мнѣ такіе вопросы, на которые мнѣ нечего ему отвѣчать... Онъ ростетъ, развивается... Все, что онъ видитъ здѣсь, только портитъ его... Между нами нѣтъ ни любви, ни уваженія, ни чести! Да, что я говорю!.. Какая любовь?! Какое уваженіе?! Обманъ, ложь, притворство на каждомъ шагу... Я съ ужасомъ думаю теперь, что при такой семьѣ мы сдѣлаемъ изъ Кости?! *(Съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ.)* Когда онъ своими чистыми глазенками засматриваетъ въ мое лицо... Боже мой!.. Мы сознательно губимъ нашего ребенка!.. *(Закрываетъ лицо руками и опускается на стулъ около кушетки.)*

Званцевъ *(взволнованно)*. Все это... можетъ быть... и такъ... Да, я виноватъ... Я слишкомъ увлекающійся человѣкъ... Я сознаю свою вину, Таня... *(Подходя къ ней.)* Я совершенно искренно раскаиваюсь... Прости меня, Таня... Увѣряю тебя,—больше этого не будетъ... *(Съ чувствомъ, нѣсколько приподнято.)* Уходить отъ меня... лишать меня ребенка... Это жестоко, Таня... Не перенесу я этого... Ты знаешь, какъ я люблю Костю... Если ты уйдешь... увезешь Костю... мнѣ не для кого будетъ жить... Я застрѣлюсь... Даю тебѣ слово... Я не переживу...

Званцева *(съ негодованіемъ)*. Перестаньте!.. Вы хотите запугать меня... Но я слишкомъ хорошо знаю васъ... Не рисуйтесь передо мной... Мнѣ противно!..

Званцевъ *(сильно)*. Клянусь, Таня... Я говорю, что чувствую...

Званцева *(съ горькой иронiей)*. У васъ быстро одно чувство смѣняется другимъ... Я рѣшила уйти... Я буду презирать себя, если не исполню этого...

Званцевъ *(серьезно, смотря на нее)*. Это ваше послѣднее слово?

Званцева. Да.

Званцевъ *(раздраженно)*. Но, вы забыли, что я тоже человѣкъ, что я мужъ!.. Я имѣю нѣкоторыя права!... Вы думаете только о себѣ!.. Какое вамъ дѣло, что вы отнимаете у меня ребенка... лишаете меня семьи!.. Мало того, своимъ уходомъ вы разрушаете всю мою жизнь... портите мою карьеру...

Званцева. Какъ это омерзительно!..

Званцевъ *(болѣе и болѣе злобно раздражаясь)*. Еще бы!.. Карьера... Какое низкое слово!.. Для васъ съ господиномъ Муравинымъ такихъ словъ не существуетъ!..

Званцева *(удивленно)*. Для васъ съ г. Муравинымъ?!.. Что это значитъ?!..

Званцевъ *(со злобой)*. Ха, ха!.. Она удивлена!.. Я, вѣдь, знаю... Вы влюблены въ Муравина... Это и заставляетъ васъ уходить отъ меня... Къ чему маскироваться...

Званцева *(сильно)*. Вы лжете!..

Званцевъ *(съ сильной злобой, не слушая ее)*. О, вы люди принципа! Не правда ли?... Вы думаете построить ваше счастье на моемъ униженіи, на моемъ позорѣ!.. Но, я отравлю ваше счастье!.. Я заставлю васъ, Татьяна Борисовна, жить со мной!..

Званцева *(гордо)*. Никогда!

Званцевъ *(съ иронiей)*. «Никогда!..» *(Со злобой)*. Такъ я буду преслѣдовать васъ по пятамъ и добьюсь своего!.. Коли на то пошло, я насильно заставлю васъ жить со мной, пользуясь правомъ законнаго мужа!.. Все на моей сторонѣ... И законъ!.. И мнѣніе общества!.. Я не отдамъ вамъ ребенка!.. Нѣ-ѣ-ѣтъ!.. Не попадусь въ просакъ!.. Общество будетъ противъ васъ!.. За меня!.. Оно обязано стоять на сторонѣ общественной нравственности!.. обязано оберегать семью!.. Оно не должно поблажать...

(Званцева бросаетъ на мужа презрительный взглядъ и молча уходитъ въ свою комнату.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Кабинетъ Званцева.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Званцевъ *(одинъ).*

(При открытіи занавѣса Званцевъ, видимо взволнованный, ходитъ по комнатѣ.)

Званцевъ *(послѣ продолжительнаго молчанія).* Что то тамъ теперь?.. Что то тамъ?.. *(Смотря на часы.)* Одинъ часъ,—и все кончено!.. «Либо панъ, либо пропалъ!.. Страшно, чортъ возьми!.. Не могъ дождаться конца... Голова закружилась... Духота... шумъ невыносимый... Нервы напряглись... Боялся выдать свое волненіе... *(Садится въ кресло и задумывается.)* Да-а, если не сорвется,—карьера сдѣлана... Въ тридцать шесть лѣтъ директоръ Энской дороги... *(Съ улыбкой.)* Чего еще мнѣ отъ Бога желать?!. Все въ моихъ рукахъ. Знай только работай!.. Энергіи у меня не занимать стать... Умомъ, кажется, не обиженъ... *(Мечтая.)* А тамъ, чего на свѣтѣ не бываетъ!.. И въ предсѣдатели правленія пройдемъ... *(Вставая.)* Фу ты, какая нелѣпость!.. Размечтался, какъ школьникъ!.. *(Нервно смѣется.)* Ха-ха-ха!.. Даже самому смѣшно!.. *(Останавливаясь.)* А впрочемъ, что же?!. *(Улыбаясь.)* Горшки не боги обжигаютъ!.. *(Подходитъ къ телефону, звонитъ.)* Интересно... *(Въ телефонъ.)* Соедините съ дворянскимъ собраніемъ. Общее собраніе акціонеровъ Энской желѣзной дороги...

(Звонокъ телефона.)

Званцевъ *(въ телефонъ).* Я... Званцевъ... Попросите къ телефону Ивана Семеновича... Вы, Иванъ Семеновичъ?.. *(Слушаетъ.)* Какъ дѣла?.. Что?.. Досчитываютъ, да?.. А, хорошо... Благодарю!.. Скоро, говорите?.. Спасибо!.. *(Нервно потирая руки, отходитъ отъ телефона.)* Вѣроятно, не сорвется!.. Прекрасно. Но... finis coronat opus!.. Подождемъ-посмотримъ!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Званцевъ и лакей.

(Лакей выходитъ изъ гостиной съ письмомъ на подносѣ, подаетъ письмо Званцеву и уходитъ.)

Званцевъ *(взглянувъ на конвертъ).* Опять отъ Ольги!.. *(Съ досадой разрывая.)* Это, наконецъ, скучно!.. *(Пробѣгая письмо.)* До сихъ поръ успокоиться не можетъ... Злоба-то, вѣдь, какая!.. Поразительно!.. Упреки, угрозы глупыя, жалкія слова!.. *(Читая.)* «Вы не отвѣчаете на мои письма, избѣгаете объясненія со мной, не хотите лично переговорить»... Вотъ еще навязчивая особа .. *(Разводя руками.)* О чемъ еще я буду съ ней говорить?,. Я все сказалъ, кажется, и довольно ясно!.. *(Мнетъ письмо и бросаетъ въ корзину.)* Дура!.. *(Озабоченный, ходитъ по комнатѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Званцевъ и Званцева.

(Званцева выходитъ изъ гостиной; Званцевъ, мелькомъ взглянувъ на нее, дѣлаетъ недовольную мину.)

Званцевъ *(про себя).* Этой еще что надо, не понимаю?..

Званцева. Антонъ Ивановичъ!

Званцевъ *(съ холодной любезностью).* Что прикажете?..

Званцева. Я уѣзжаю сегодня въ Москву и завтра ѣду заграницу...

Званцевъ. Очень жаль... Вотъ все, что я могу вамъ отвѣтить. . Я дѣлалъ все, чтобы остановить васъ... Объ одномъ я еще прошу васъ... Если возможно,—отложите отъѣздъ до завтра... Сегодня выборы... Ко мнѣ, можетъ быть, кой-кто пріѣдетъ... Неловко...

Званцева. Я уже отправила всѣ вещи на станцію... И, говоря откровенно, мнѣ тяжело будетъ присутствовать при этомъ торжествѣ...

Званцевъ *(съ злой иронією).* Виноватъ-съ!.. Насильно удерживать я не могу...

Званцева *(гордо).* Это было бы напрасно!..

Званцевъ. Кто знаетъ?!. Во всякомъ случаѣ, я не могу понять васъ... Да, я виноватъ... Но къ чему же дѣлать исторію?.. Къ чему кричать на весь свѣтъ, афишировать!.. Это и непрактично, и невыгодно... На васъ будутъ указывать пальцемъ...

Званцева. Я поступаю, какъ велитъ мнѣ совѣсть... Меня оскорбляетъ ваше поведеніе...

Званцевъ *(съ усмѣшкой).* «Совѣсть»... «Поведеніе»... Кому это нужно знать?.. Вы—«разводка», и этого довольно... Словно у насъ однихъ... Въ порядочномъ обществѣ сплошь и рядомъ—мужъ и жена—друзья, и ничего больше... Никому нѣтъ дѣла до ихъ интимныхъ отношеній. «Сдѣлайте одолженіе, устраивайтесь, какъ хотите»!.. Но расторгать бракъ, разстраивать семью, лишать ребенка отца... наконецъ, портить свое общественное положеніе... Это болѣе, чѣмъ странно... Это нелѣпо!.. Извините за рѣзкость выраженія .. Мы должны быть терпимы къ слабостямъ другъ друга... «Всѣ люди, всѣ человѣки»...

Званцева. Это цинично!..

Званцевъ. Цинично—нисколько; правдиво—да!.. Я глубоко убѣжденъ, что вы, какъ благоразумная женщина очень скоро раскаетесь .. вернетесь въ нашу семью и все снова...

Званцева. Не обманывайте себя надеждами... Этого никогда не будетъ!..

Званцевъ. Тѣмъ хуже для васъ... Впрочемъ, теперь вы иначе не можете говорить... Весьма понятно... но пройдетъ годъ, другой...

Званцева. Я не дѣвочка, Антонъ Ивановичъ... Я обдумала свой шагъ... Прекрасно понимаю всю важность его... (*Съ горькой ироніей.*) Десять лѣтъ семейной жизни съ вами дали мнѣ хорошій урокъ... Я взвѣсила все и готова лучше бѣдствовать, перенести всевозможныя лишенія, умереть съ голоду, чѣмъ жить въ такой семьѣ, какъ наша...

Званцевъ (*нервно*). Обычныя рѣчи уходящихъ отъ семьи женъ... Ничего новаго!.. Что касается до лишеній, бѣдствій и прочаго вплоть до «голодной смерти» все это—ораторскіе пріемы, орнаменты... Вамъ не надо объ этомъ говорить. Я аккуратнымъ образомъ буду высылать вамъ, гдѣ бы вы ни были, шесть тысячъ въ годъ... Простите, больше я не могу...

Званцева. Благодарю васъ... Я не возьму отъ васъ ни гроша... У Кости есть небольшія деньги отъ бабушки, на которыя я могу его воспитать... Для себя я всегда заработаю .. Вашихъ денегъ мнѣ не надо...

Званцевъ (*нервно и зло*). Возвышенно!.. Благородно!.. Но врядъ ли возможно... Поживемъ-увидимъ!.. Впрочемъ, не смѣю васъ разочаровывать... (*Помолчавъ.*) Мнѣ бы хотѣлось проститься съ Костей...

Званцева. Я сейчасъ позову его... (*Уходитъ въ гостиную.*)

Званцевъ (*одинъ, взволнованный ходитъ по комнатѣ*). Богъ знаетъ что!.. Вся жизнь перевернулась... Изъ-за пустяка... (*Угрюмо.*) Вздоръ всякій въ голову приходитъ... Молодость вспоминается... Первые мѣсяцы нашей любви... Рожденіе Кости!.. И теперь все это куда-то уходитъ и расплывается... (*Задумывается, смотря въ одну точку.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Званцевъ, Званцева и Костя.

(*Званцева выводитъ за руку Костю.*)

Костя (*робко подходя къ отцу и оглядываясь на Званцеву*). Прощай, папа!..

Званцевъ (*съ чувствомъ, нѣжно*). Сынокъ!.. (*Обнимаетъ и горячо цѣлуетъ сына.*) Ты уѣзжаешь отъ папы, да?..

Костя (*грустно, недоумѣвая*). Да... Мы съ мамой за границу поѣдемъ...

Званцевъ. Будешь ты помнить папу, сынокъ?..

Костя (*тихо*). Буду, папа...

Званцевъ (*растроганный, со слезами въ голосѣ*). Не забудешь его?.. Милый... дорогой!.. (*Крѣпко цѣлуетъ.*) Не забывай своего папу!..

Званцева (*стоящая въ глубинѣ, съ страданіемъ*). Господи!..

Званцевъ (*вставая, растроганный*). Въ послѣдній разъ, Таня... Ради нашего ребенка...

Званцева. Антонъ, прошу тебя!.. Не дѣлай Костю свидѣтелемъ нашихъ сценъ... Умоляю тебя!.. Я не измѣню своего рѣшенія... Не могу измѣнить!.. Моя личная жизнь кончена... Навсегда кончена!.. Я хочу только одного, чтобы Костя былъ честнымъ, хорошимъ человѣкомъ!.. Мои личныя чувства умерли!.. Прощай, Антонъ!

Званцевъ (*протягивая ей руку*). Прощай, Таня!.. (*Цѣлуя сына.*) До свиданія, Котикъ!.. До свиданія, мой мальчикъ!..

Званцева (*беря за руку Костю*). Пойдемъ, Костя... Намъ пора... (*Со слезами въ голосѣ.*) Прощай... (*Уходитъ.*)

(*Званцевъ дѣлаетъ движеніе къ двери, словно желая удержать жену, но останавливается, смотритъ на дверь, смахиваетъ слезу и опускается на кресло.*)

Званцевъ (*съ волненіемъ*). Все кончено... (*Помолчавъ.*) Остался одинъ... Безъ семьи... безъ ребенка... (*Съ горькой улыбкой.*) На положеніи соломеннаго вдовца... Не хорошо!.. Пустота какая-то кругомъ... Готовъ, кажется, броситься передъ ней на колѣни, умолять о прощеніи... Не знаю, что бы готовъ сдѣлать... (*Порывисто вставая.*) Опять сантименты... Сердце заговорило!.. Вздоръ какой!.. (*Энергично.*) Весь, безъ остатка отдамся дѣлу... У меня, благодареніе Всевышнему, есть цѣль въ жизни... Не только свѣту, что въ окнѣ... (*Размышляя.*) Она одумается... Вернется... Трудовой хлѣбъ не сладокъ... Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ... А пока, работа, работа и работа!.. И главное — вѣра въ свою звѣзду... Стоитъ только сильно захотѣть и все будетъ мое!..

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Званцевъ и Людмила Валерьяновна.

(*Людмила Валерьяновна, оживленная, радостная, быстро входитъ въ кабинетъ изъ передней, слѣва.*)

Люд. Вал. (*увидавъ Званцева*). Побѣда, Тоня!.. Побѣда!..

Званцевъ (*съ радостнымъ волненіемъ*). Выбранъ?.. да?!..

Люд. Вал. Громаднымъ большинствомъ!.. На три сотни у тебя больше голосовъ... (*Протягивая руку.*) Поздравляю, милый!.. Поздравляю!..

Званцевъ. Мегсі, Мила!..

Люд. Вал. (*смотря на него*). Тоня, ты словно не радъ?..

Званцевъ (*съ улыбкой*). Съ чего ты взяла, Мила?

Люд. Вал. А если бы ты могъ чувствовать, противный, что я за тебя выстрадала!! Ужасъ!.. Я чуть съ ума не сошла отъ нетерпѣнія пока эти проклятые выборы тянулись... Голова даже у меня разболѣлась... (*Кокетливо указывая на високъ.*) Поцѣлуй меня сюда...

(*Званцевъ цѣлуетъ ее.*)

Люд. Вал. (*смотря ему въ глаза и улыбаясь*). Вотъ и легче!.. Когда начали считать голоса, у меня сердце чуть не разорвалось!.. Право, милый!.. А какъ только объявили, что ты выбранъ, я бросилась, какъ сумасшедшая, въ коляску и къ тебѣ... Не могла поѣзда дождаться... Скакала сломя голову... Первой хотѣлось тебя поздравить... И про мужа даже забыла...

Званцевъ (*небрежнымъ тономъ*). Есть о комъ помнить...

Люд. Вал. (*со смѣхомъ*). Конечно!.. Да, да!.. Наплету чего-нибудь—и все!.. Знаешь, Тоня, и Ольга была тамъ... на выборахъ...

Званцевъ (*смущенно*). Вотъ какъ...

Люд. Вал. (*садясь*). Да, была... И все волновалась, металась по залѣ, точно кого искала... Ты съ ней жестоко поступилъ, Тоня...

Званцевъ (*какъ бы недоумѣвая*). То-есть?..

Люд. Вал. (*грозя пальцемъ, кокетливо*). Не хитри со мной, пожалуйста... Я все знаю... Ты мальчикъ-бяка... Нашалилъ...

Званцевъ (*съ укоромъ*). Мила!.. (*Садится съ ней рядомъ.*)

Люд. Вал. Да что—«Мила!» Надо бы тебѣ уши надрать!.. Для сегодняшняго дня прощаю! Ты и меня было подвелъ... Ольга приходила къ намъ... Хотѣла Никитѣ на насъ нажаловаться...

Званцевъ. Неужели?!..

Люд. Вал. Все дѣло могла испортить... да на меня налетѣла, я ее и выпроводила... Она совсѣмъ невмѣняемая, ты берегись ее, Тоня. Она мнѣ дерзостей наговорила... Точно я въ самомъ дѣлѣ виновата, что ты ее бросилъ... О какихъ-то правахъ толкуетъ... Совсѣмъ помѣшанная!.. Ахъ, я не спрошу!.. Какъ ты кончилъ съ супругой?.. Она, конечно, примирилась съ своимъ положеніемъ и, великодушно простивъ тебя, осталась?..

Званцевъ (*недовольнымъ тономъ*). Нѣтъ, она уѣхала.

Люд. Вал. (*удивленно*). Уѣхала?.. Скажите!.. (*Съ ироніей.*) Навсегда, конечно?..

Званцевъ (*угрюмо*). Да, навсегда...

Люд. Вал. (*оживленно и кокетливо*). Такъ ты теперь соломенный вдовецъ... Ой-ой!..Берегись!.. Отъ нашей сестры отбою не будетъ... Вѣдь ты у меня красавчикъ... Побѣда за побѣдой!.. Мнѣ надо принять свои мѣры... Ты въ опасности!..

Званцевъ (*съ недовольной миной*). Перестань, Мила... Мнѣ не по себѣ что-то...

Люд. Вал. (*кокетливо иронически*). Ты одинокъ, бѣдняжка!.. Тебя покинули!.. Ты страдаешь!..

Званцевъ (*съ раздраженіемъ*). Прошу тебя, Мила!.. Перестань!..

Люд. Вал. (*ласкаясь къ нему*). Не сердись же!... Не сердись, мой милый... Уѣхала—скатертью дорога... Есть о чемъ сокрушаться?.. Все самолюбіе ваше мужское, неутолимое... «Зачѣмъ - она, а не я первый бросилъ?»

Званцевъ. Совсѣмъ не то... Досадно... Изъза пустяка лишать меня сына, дѣлать скандалъ, служить темой для разговоровъ... Десять лѣтъ прожили—не шутка!..

Люд. Вал. (*съ улыбкой*). Не сокрушайся, Тоня... Осенью вернется... Уѣхала на лѣчебный сезонъ за-границу—и все... Кому какое дѣло!.. (*Ласкаясь.*) Полно же... Мнѣ обидно, наконецъ!.. Развѣ ты меня не любишь, Тоня?..

Званцевъ. Къ чему этотъ вопросъ, Мила?..

Люд. Вал. Развеселись же!... Я не узнаю тебя... Вели ка подать крюшончикъ... Я хочу поздравить тебя... (*Путаетъ его волосы.*) Да встряхнись же, Тоня!.. Это совсѣмъ на тебя не похоже!.. Ты, вѣдь, у ней въ долгу не остался!.. О чемъ же сокрушаться?.. Встряхнись же!.. Обернись яснымъ соколомъ!.. Подними свою буйную головушку!.. Вспомни—ты сегодня герой дня!.. Побѣдитель!..

Званцевъ. (*вставая, энергично*). Правда, Мила!.. Рано еще мнѣ голову вѣшать .. Мы еще постоимъ за себя...

Люд. Вал. (*въ его тонъ.*) Вотъ такъ то лучше!.. Что и жить, коль тужить!..

Званцевъ. Вѣрно, Мила!.. Кутнемъ-ка!.. Эй, человѣкъ!..

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Званцевъ, Людмила Валерьяновна и лакей.

(*Лакей входитъ и молча останавливается у двери.*)

Званцевъ. Вели накрыть столъ въ саду, на верандѣ!.. Въ семь часовъ обѣдъ... Скажешь повару...

Лакей. Слушаю-съ...

Званцевъ. Принеси крюшонъ и виноградъ... Живо!

(*Лакей уходитъ.*)

Званцевъ (*смотря на часы*). Поѣздъ пришелъ... Скоро пріѣдутъ... Эхъ, и кутну же я лихо!..

(*Лакей вноситъ крюшонъ, виноградъ и уходитъ.*)

Люд. Вал. Сегодня я у тебя буду хозяйкой, Тоня... (*Подходя и наливая стаканчики, подавая стаканъ Званцеву и чокаясь съ нимъ.*) За твою побѣду, милый!.. За наше счастье!..

Званцевъ (*цѣлуя ея руку*). Мегсі, дорогая!

Люд. Вал. (*капризно*). Я недовольна тобой, Тоня... Холодно!..

(*За сценой стукъ подъѣзжающихъ экипажей*)

Люд. Вал. Я не того ожидала... (*Прислушиваясь.*) Ѣдутъ... (*Испуганно.*) Мужъ!.. (*Торопливо.*) Я пройду въ садъ. (*Лукаво улыбаясь.*) Меня здѣсь не было, Тоня!.. (*Уходитъ въ гостиную.*)

Званцевъ (*одинъ, волнуясь и желая сдержаться*). Все не по себѣ что-то!.. И радость не въ радость... Весь день мнѣ испортила Татьяна Борисовна... Выбрала время уѣзжать... Нечего сказать,—хороша!.. (*Выпиваетъ залпомъ стаканъ и ставитъ его на столъ.*) На душѣ какая-то мразь!..

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Званцевъ, Ник. Крохинъ, Гав. Крохинъ, Рябининъ, Шашкинъ, нѣсколько человѣкъ акціонеровъ, выборщиковъ и инженеровъ.

(*Ник. Крохинъ входитъ первый слѣва, за нимъ толпятся остальные.*)

Званцевъ (*дѣлая нѣсколько шаговъ имъ навстрѣчу*). Добро пожаловать, господа!.. Милости прошу!.. (*Останавливается посрединѣ у письменнаго стола.*)

Ник. Крохинъ (*выходитъ впередъ, смущенно, откашливаясь*). Собраніе акціонеровъ... (*запинаясь*) выборщиковъ... Энской желѣзной дороги... просило меня... то-есть... всѣхъ насъ... здѣсь присутствующихъ... принести вамъ... многоуважаемый... Антонъ Ивановичъ... (*Извиняясь.*) Я не ораторъ, господа...

Шашкинъ (*тихо Рябинину*). И по всему замѣтно.

Ник. Крохинъ. Да, говорить я не умѣю... Но... во всякомъ случаѣ, какъ директоръ... лучше сказать, одинъ изъ директоровъ Энской желѣзной дороги, я долженъ былъ... то-есть, я взялъ на себя пріятную обязанность принести вамъ...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Людмила Валерьяновна.

Люд. Вал. (*шумно выходя изъ гостиной*). Что это значитъ?.. Весь домъ точно вымеръ... Гдѣ же виновникъ торжества? (*Увидавъ всѣхъ и какъ бы смутившись отъ неожиданности.*) Ахъ, простите, господа!.. Я не знала... (*Посмотрѣвъ на Ник. Крохина, который стоитъ совсѣмъ растерянный.*) Прости, Китя... Я помѣшала... Продолжай, пожалуйста... (*Отходитъ къ дивану направо.*)

Ник. Крохинъ (*угрюмо и торопливо*). Я взялъ на себя обязанность принести вамъ поздравленіе... поздравленіе всего собранія акціонеровъ... съ выборами... Однимъ словомъ... вы выбраны въ директора правленія... (*Поникъ головой, что-то соображая.*)

Шашкинъ (*Рябинину*). Начинай, Петръ Петровичъ... А то онъ, пожалуй, опять заговоритъ.

Рябининъ (*гордо выступая впередъ*). Позвольте и мнѣ, скромному акціонеру общества Энской желѣзной дороги, сказать вамъ, достоуважаемый Антонъ Ивановичъ, нѣсколько глубокопрочувствованныхъ словъ...

(*Ник. Крохинъ облегченно вздыхаетъ и, махнувъ рукой, отходитъ въ глубину.*)

Рябининъ (*увѣренно и громко*). Русская жизнь далеко небогата иниціаторами, энергичными и безкорыстными дѣятелями на пользу общую... Быть иниціаторомъ — удѣлъ немногихъ избранныхъ натуръ!.. Я нисколько не погрѣшу противъ правды, если скажу, что вы, достоуважаемый Антонъ Ивановичъ, именно принадлежите къ этимъ счастливымъ, избраннымъ натурамъ... Не жалѣя своихъ трудовъ, не жалѣя здоровья... забывъ, можно сказать, личное счастье, личное спокойствіе, вы всего себя безраздѣльно посвятили на службу обществу! Самоотверженно трудясь на крайне отвѣтственномъ посту управляющаго Энской дороги, вы довели нашу линію до блестящаго состоянія.. наши акціи до никогда небывалаго повышенія. Рѣдкій общественный дѣятель можетъ похвалиться такими плодотворными трудами рукъ своихъ!.. Да, не даромъ ваше избраніе вызвало неподдѣльный энтузіазмъ всего собранія акціонеровъ!

Шашкинъ (*про себя*). И въ особенности артельщиковъ!

Рябининъ (*съ увлеченіемъ*). Печать и общество единодушно поддержали вашу кандидатуру!.. Безкорыстное служеніе на пользу общую никогда не пропадаетъ безъ награжденія въ Русской землѣ... (*Растроганный, со слезами въ голосѣ.*) Поздравляю тебя, дорогой Антонъ Ивановичъ!.. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ его.*)

(*Всѣ присутствующіе апплодируютъ.*)

Званцевъ (*растроганный, съ волненіемъ*). Милостивые государи!.. Я такъ взволнованъ, что не могу выразить вамъ... какъ бы хотѣлъ, моей глубокой благодарности...

(*При начальныхъ рѣчи Званцева, Рябининъ подходитъ къ Людмилѣ Валерьяновнѣ, что-то тихо говоритъ съ ней, а затѣмъ уходитъ поспѣшно въ гостиную.*)

Званцевъ (*съ волненіемъ въ голосѣ*). ...за ту честь, которую вы оказали мнѣ, избраніемъ въ директора правленія...

(*Рябининъ выходитъ изъ гостиной и опять подходитъ къ Люд. Вал. и говоритъ съ ней.*)

Званцевъ. По мѣрѣ моихъ силъ я буду трудиться на пользу общества и постараюсь оправдать...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Юрасова.

(Юрасова, блѣдная, сильно взволнованная, выходитъ слѣва изъ боковой двери и останавливается, смотря на Званцева.)

Званцевъ *(взглянувъ на Юрасову, поблѣднѣлъ и смутился, говоритъ неувѣренно).* ...оправдать тѣ надежды... надежды, питаемыя избирателями...

Люд. Вал. *(испуганно).* Боже мой!.. Зачѣмъ это она?.. Какая сумасшедшая!..

Гав. Крохинъ *(подходя къ Юрасовой).* Ольга Алексѣевна!.. Голубушка!.. Зачѣмъ вы пришли сюда?.. Что съ вами?..

(Общее смущеніе.)

Юрасова *(взволнованно, нервно).* Со мной ничего... Зачѣмъ я пришла?... Зачѣмъ!.. Погодите, сейчасъ узнаете... Я тоже хочу поздравить Антона Ивановича съ избраніемъ... пожелать ему счастья, благополучія... Я, вѣдь, его хорошая знакомая... Мы съ нимъ были друзьями... *(Быстро дѣлаетъ два шага впередъ, вынимаетъ револьверъ и нацѣливается въ Званцева.)*

Званцевъ *(со страхомъ, отступая).* У ней револьверъ... Возьмите, ради Бога!..

Люд. Вал. *(падая въ кресло).* Ахъ!.. Тоня!.. Она убьетъ его!..

Ник. Крохинъ *(растерянно).* Очень можетъ быть!..

Гав. Крохинъ *(отнимая револьверъ у Юрасовой).* Ольга Алексѣевна!.. Голубушка!.. Что вы!.. Что вы съ собой дѣлаете!..

Юрасова *(не давая револьверъ).* Пустите!.. Зачѣмъ вы помѣшали мнѣ?!... Зачѣмъ? Пустите!.. *(Сильно.)* Отдайте!.. Отдайте же, говорю вамъ!..

Гав. Крохинъ *(пряча револьверъ).* Не отдамъ, нѣтъ-съ!.. Не отдамъ, Ольга Алексѣевна!

Юрасова *(обезсиленная, едва держась на ногахъ, со слезами въ голосѣ).* Что же мнѣ теперь дѣлать?.. Что мнѣ дѣлать?.. Кто за меня заступится? Кто отплатитъ за мой позоръ?!

Гав. Крохинъ *(утѣшая ее, растерянно).* Не плачьте, Ольга Алексѣевна! *(Задушевно.)* Не сокрушайтесь... Богъ отплатитъ... На него одного вся надежда!.. *(Утѣшаетъ Юрасову.)*

Рябининъ *(придя въ себя, возмущенный).* Что же это такое?! Дневной разбой!.. Безобразіе!.. Надо послать за полиціей!

Званцевъ *(обращаясь къ нему, съ волненіемъ).* Нѣтъ, Петръ Петровичъ!.. Пожалуйста, не волнуйтесь!.. Она, видимо, больна... Доктора надо...

Рябининъ. Виноватъ, Антонъ... Я думалъ...

Юрасова *(упавшимъ голосомъ, нервно).* Нѣтъ!.. Нѣтъ, я не больная... Я сознательно все обдумала... При всѣхъ, господа, это говорю!.. *(Званцеву.)* Прошу васъ... Какъ милости прошу,—не щадите меня... Господа, вы всѣ слышали... Я при всѣхъ сознаюсь... Я хотѣла убить его!... Онъ безчестно поступилъ со мной... Я не хочу его прощенья... не хочу...

Званцевъ *(сдерживая себя).* Хорошо... Хорошо-съ...

Гав. Крохинъ *(беря ее за руку).* Ольга Алексѣевна... матушка... не губите себя... Прошу васъ, пойдемте со мной...

(Лакеи вносятъ шампанское. Рябининъ торопливо подходитъ къ нимъ.)

Гав. Крохинъ *(уводя ее).* Пойдемте, Ольга Алексѣевна!..

Юрасова *(растерянно посмотрѣвъ на всѣхъ, послушно).* Пойдемте... *(Опустивъ голову.)* Пойдемте!.. *(Медленно уходитъ съ Гав. Крохинымъ.)*

Люд. Вал. *(приходя въ себя, томно).* Китя, онъ живъ?

Ник. Крохинъ. Живъ, матушка!.. Слава Богу!

Званцевъ *(обращаясь ко всѣмъ).* Простите, господа... *(Стараясь иронически улыбнуться.)* Этотъ инцидентъ не входитъ въ программу торжества...

Рябининъ *(шумно).* Да, могу сказать!.. Сюрпризъ!.. Ты, Антонъ, и здѣсь выказалъ себя героемъ... смѣлымъ и великодушнымъ... *(Лакеямъ.)* Подавай!.. *(Беря бокалъ.)* Господа! Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!

(Лакеи разносятъ шампанское.)

Рябининъ. Прискорбный фактъ, свидѣтелями котораго мы были, далъ намъ блестящее доказательство, что Антонъ Ивановичъ не только высокодаровитый, безкорыстный общественный дѣятель, но и истинно великодушный человѣкъ За здоровье побѣдителя!.. Ура!..

Всѣ *(громко).* Ура!..

(Званцевъ скромно опускаетъ глаза и склоняетъ голову.)

Занавѣсъ.

Жизнь.

Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ.

И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко.

Къ представленію дозволено 23 ноября 1893 г. № 5605.

Поставлена въ 1-й разъ на сценѣ Московскаго Малаго театра 13 декабря 1893 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бѣлозеровъ Петръ Григорьевичъ, врачъ-профессоръ, 40 лѣтъ . . . . г. *Ленскій.*
Ольга Павловна, его жена . . . . . г-жа *Лешковская.*
Варвара Павловна Тавлинова, сестра Ольги. . . . . г-жа *Нечаева.*
Тавлиновъ Павелъ Александровичъ, отецъ ихъ, помѣщикъ, 50 лѣтъ . г. *Ѳедотовъ.*
Синицынъ Федоръ Михайловичъ, ассистентъ Бѣлозерова, 36 лѣтъ . . г. *Рыбаковъ.*
Ратищевъ Владиміръ Николаевичъ, 35 лѣтъ. . . . . г. *Южинъ.*
Тройновъ Дмитрій Алексѣевичъ, профессоръ, 60 лѣтъ . . . . . г. *Правдинъ.*
Загницкій Иванъ Степановичъ } врачи . . . . . г. *Музиль.*
Боржикъ } врачи . . . . . г. *Гаринъ.*
Галкинъ } врачи . . . . . г. *Ленскій 2-й.*
Карчеевъ } студенты-медики 5-го курса. . . . . г. *Корсакъ.*
Линскій } студенты-медики 5-го курса. . . . . г. *Худольцевъ.*
Баронъ Штифель . . . . . г. *Невскій.*
Чебышевъ. . . . . г. *Строевъ.*
Туняева, троюродная сестра Бѣлозерова. . . . . г-жа *Самойлова.*
Лакей. . . . . г. *Талановъ.*
Горничная Бѣлозеровыхъ. . . . . г-жа *Таланова.*
Студенты.

Дѣйствіе въ университетскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ ученаго человѣка.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ратищевъ и лакей.

(Входитъ Ратищевъ, за нимъ лакей.)

Лакей. Барыня просятъ обождать ихъ.

Рат. Здѣсь?

Лакей. Онѣ просили здѣсь.

Рат. Странно... *(Ходитъ по комнатѣ, нюхаетъ воздухъ и выражаетъ на лицѣ недоумѣніе.)* Послушай, братецъ, что это у васъ такой странный запахъ? Точно въ больницѣ...

Лакей. Это карболка-съ,—физикціонное средство...

Рат. Какъ?

Лакей. Физикціонное средство для уничтоженія міазмы при больномъ.

Рат. *(киваетъ головой направо).* Это оттуда?.. А что, другъ любезный, долго еще вы будете уничтожать эту міазму?

Лакей *(сосредоточенно).* Смотря по тому, каковъ будетъ крезусъ болѣзни.

Рат. *(оглядывая его).* Экій ты ученый... Мнѣ тебя даже не понять.

Лакей *(почтительно, но съ достоинствомъ).* Дѣйствительно, кто не состоитъ при ученомъ занятіи, тому понимать затруднительно.

Рат. Попробуй, однако, объясни....

Лакей. Это очень трудно... не смогу-съ... А вотъ и барыня. *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ратищевъ и Ольга.

Ольга. Вы удивительно точны. *(Подаетъ ему руку.)*

Рат. *(цѣлуя ея руку).* Какъ всегда.. А у васъ вѣчно что-нибудь необъяснимое .. Что за фантазія принимать меня въ кабинетѣ?

Ольга *(садится)* Двѣ минуты въ обстановкѣ серьезнаго человѣка васъ уже утомили? *(Указываетъ на стулъ.)*

Рат. *(садится).* Нѣтъ, не то... Но я вижу въ этомъ несправедливость...

Ольга. Да? Въ чемъ же?

Рат. Помилуйте—я вашъ поклонникъ,—въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Но поклоняться можно только въ храмѣ. А храмъ женщины, это — ея будуаръ...

Ольга. У васъ сегодня высокій стиль... Продолжайте, это забавно.

Рат. Извольте. Я очень скроменъ и удовольствуюсь ролью вашего забавника. Насколько свободно мы чувствуемъ себя въ будуарѣ, настолько стѣснены въ кабинетѣ. Мы примиряемся съ гостиной, потому что это нейтральная почва. Но кабинетъ—это непріятельскій лагерь.

Ольга *(смѣется).* Право же, вы сегодня забавны...

Рат. Надѣюсь, не смѣшонъ, по крайней мѣрѣ!... Впрочемъ, бываютъ положенія, когда оказываешься немного глупымъ и немного смѣшнымъ... А въ общемъ ощущаешь высочайшее наслажденіе, изъ-за котораго только и стоитъ жить... Впрочемъ, стоитъ ли жить вообще, это для меня еще вопросъ...

Ольга. Который, однакожъ, вы не торопитесь разрѣшить, и живете себѣ по немногу...

Рат. Жестокое замѣчаніе въ устахъ женщины, которая слишкомъ хорошо знаетъ, изъ-за чего я живу. .

Ольга. Не имѣю понятія...

Рат. *(волнуясь).* Изъ-за чего я жилъ, когда Ольга Павловна была еще mademoiselle Томилина? И изъ-за чего живу теперь... Право же для меня ничто не измѣнилось.

Ольга *(смѣясь).* Даже и то, что mademoiselle Томилина стала madame Бѣлозерова?

Рат. Это до меня не касается... Я признаю только тѣ факты, которые мнѣ пріятны.

Ольга. Такимъ образомъ можно легко устроить себѣ вѣчный день и вѣчную весну, стоитъ только не признавать ночи и зимы.

Рат. Я такъ и дѣлаю... Но, однако, Ольга Павловна, насъ ждутъ лошади... Это ваше вчерашнее приказаніе...

Ольга. Я его отмѣняю, согласно вашей теоріи, потому что сегодня оно мнѣ не подходитъ.

Рат. Это безчеловѣчно... Но почему же?

Ольга. У насъ въ домѣ больной...

Рат. Это родственникъ Петра Григорьевича? Знаю, но вѣдь онъ былъ боленъ вчера и третьяго дня... И до сихъ поръ это ничему не мѣшало.

Ольга. Сегодня ему дѣлаютъ операцію...

Рат. О, ужасъ!..

Ольга. Не смѣйтесь, операція очень важная. До сихъ поръ она считалась смертельной; мой мужъ хочетъ доказать, что она возможна... Я ничего въ этомъ не понимаю, знаю только, что это должно сдѣлать какой-то переворотъ въ наукѣ; сейчасъ будутъ врачи, консиліумъ...

Рат. Но все-таки вамъ-то что до этого? Если не ошибаюсь, къ больному вы не питаете особенно нѣжныхъ чувствъ. А также не можете ни помѣшать, ни способствовать его смерти.

Ольга. Вы хотите сказать: что же мнѣ до интересовъ моего мужа? Ха-ха-ха! Это даже не забавно, а только парадоксально. Вѣдь я же сказала вамъ, что это очень важный вопросъ для моего мужа и... для науки...

Рат. Можетъ быть... Только это очень скучно... согласитесь!..

Ольга. Но вамъ стоитъ только не признавать этого факта... Ха, ха, ха! *(Входитъ справа Синицынъ, видъ озабоченный.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ольга, Ратишевъ и Синицынъ.

Син. *(искоса кланяется Ратищеву, который привстаетъ и отвѣчаетъ ему офиціальнымъ поклономъ).* Вы позволите мнѣ, Ольга Павловна, распорядиться на счетъ льду? Больному нуженъ ледъ...

Ольга. Разумѣется... Пожалуйста, Федоръ Михайловичъ, распоряжайтесь, какъ дома...

Син. Благодарю васъ!.. *(Уходитъ въ главную дверь.)*

Ольга. Чему вы улыбаетесь?

Рат. Когда я вижу этого почтеннаго мужа, мнѣ почему-то сейчасъ же представляется армія...

Ольга. Армія?

Рат. Да, армія, позади которой тяжело плетется нагруженный всякой всячиной обозъ. Несомнѣнно и онъ, подобно обозу, доверху нагруженъ всякими знаніями.

Ольга. Во-первыхъ, въ этомъ нѣтъ ничего смѣшного, а во-вторыхъ, Синицынъ очень талантливый и передовой человѣкъ.

Рат. Передовой? Гм... Въ такомъ случаѣ мы можемъ назвать его іерихонской трубой науки, которая всегда идетъ впереди и дуетъ на пропалую...

Ольга. Быть злымъ, еще не значитъ быть остроумнымъ, Владиміръ Николаевичъ. При томъ же вы могли бы вспомнить, что Федоръ Михайловичъ — другъ моего мужа.

Рат. Другъ дома, хотите вы сказать? Я признаю это родство только по женѣ...

Ольга *(слегка вспыхнувъ)*. Въ такомъ случаѣ примите къ свѣдѣнію, что я тоже очень уважаю Синицына...

Рат. *(кланяясь)*. Этого совершенно достаточно, чтобы я тотчасъ же началъ питать къ нему уваженіе и преданность. *(Входитъ Синицынъ, неся въ рукахъ тарелку со льдомъ.)*

Ольга *(съ особенной любезностью)*. Вы достали, Федоръ Михайловичъ?

Син. Благодарю васъ, досталъ... *(Торопливо уходитъ направо.)*

Рат. Почувствовавъ уваженіе и преданность, я сталъ искать для этого мужа какое-нибудь классическое сравненіе. Не напоминаетъ ли онъ вамъ Вагнера, мечтающаго создать гомункула въ ретортѣ? Вагнеръ, какъ извѣстно, былъ очень умный человѣкъ... Притомъ и Фаустъ на лицо.

Ольга. Кто же это?

Рат. Вашъ мужъ, конечно...

Ольга *(вспыхнувъ)*. Но вамъ еще слишкомъ многаго не достаетъ, чтобы годиться имъ въ мефистофели...

Рат. Ну, а отъ роли опернаго Зибеля я и самъ отказываюсь. *(Поднимается.)* Въ концѣ концовъ, все это почти трагично, если вы наотрѣзъ отказываетесь ѣхать.

Ольга. Да, я не поѣду...

Рат. Тогда мнѣ остается съ сожалѣніемъ откланяться, такъ какъ я не могу принимать участія въ консиліумѣ... Еще одинъ день испорченъ! *(Кланяется.)*

Ольга. Мнѣ немного жаль васъ, хотя вы этого сегодня не заслужили... Заѣзжайте черезъ часъ. Если все кончится благополучно, можетъ быть я поѣду...

Рат. *(цѣлуетъ ея руку)*. Превосходно! Повѣрьте, что вамъ гораздо больше идетъ къ лицу миловать, чѣмъ карать. *(Входитъ лакей.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Ольга, Ратищевъ, лакей; *потомъ* **Варя.**

Ольга. Что тебѣ?

Лакей. Отъ профессора Тройнова человѣкъ пришелъ.

Ольга. Зачѣмъ?

Лакей. Сказать, что они будутъ къ часу.

Ольга. Ахъ, это, должно быть, имѣетъ отношеніе къ консиліуму. Я въ этомъ ничего не понимаю. Ты скажи Федору Михайловичу.

Лакей. Намъ запрещено входить туда.

Ольга. Ну, такъ Варѣ... *(Слѣва входитъ Варя.)* Вотъ кстати. Объясни Варварѣ Павловнѣ.

Варя. Что такое? *(Мимоходомъ подаетъ руку Ратищеву.)* Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ...

Лакей Отъ профессора Тройнова посыльный. Они будутъ къ часу-съ.

Варя. Хорошо. Ступай. *(Лакей уходитъ.)* Имѣй въ виду, Ольга, что врачи можетъ быть будутъ завтракать у насъ ..

Ольга *(Ратищеву)*. Не останетесь ли и вы позавтракать?

Рат. *(съ ужасомъ)*. Съ врачами? Послѣ операціи? Простите! Это - подвигъ! *(Мѣняя тонъ.)* Нѣтъ, безъ шутокъ, благодарю васъ, я въ виду нашего катанья уже позавтракалъ. И такъ, черезъ часъ! *(Кланяется обѣимъ и уходитъ.)*

Варя. Что это будетъ черезъ часъ?

Ольга. Да въ сущности ничего не будетъ. Я сказала, что можетъ быть поѣду кататься верхомъ, но, разумѣется, не поѣду...

Варя. Я думаю, ты взволнована, Ольга?

Ольга. Я? Почему? Развѣ надо быть взволнованной?

Варя. Не надо, но мнѣ такъ казалось... Сегодня Петръ Григорьевичъ дѣлаетъ такой рѣшительный шагъ... Если кончится удачно, то это произведетъ цѣлый переворотъ въ медицинѣ.

Ольга. Да вѣдь я ничего не понимаю въ медицинѣ, какъ и ты тоже, Варя... Митя вернулся съ прогулки? Я пойду къ нему. *(Уходитъ. Входитъ справа Синицынъ.)*

Варя *(идетъ къ нему)*. Тройновъ будетъ къ часу!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Варя и Синицынъ.

Син. Чудесно! Тройновъ необходимъ, чтобы усмирять Загницкаго. Онъ, я знаю, будетъ противъ операціи. Вѣдь это идетъ въ разрѣзъ съ его ученой работой. А и докажемъ же имъ мы, Варвара Павловна!

Всѣмъ докажемъ. *(Потираетъ руки.)* Я уже предвкушаю ихъ посрамленіе!

Варя. Какой вы восторженный! Я вамъ завидую... У васъ все готово, Федоръ Михайловичъ? Заказъ изъ аптеки принесли?

Син. Все, все готово. Хоть сейчасъ приступать къ дѣлу. Знаете, у меня сердце бьется, какъ передъ любовнымъ свиданіемъ...

Варя. А у васъ было когда-нибудь любовное свиданіе?

Син. По совѣсти говоря—никогда не было... Это я такъ, теоретически...

Варя. А не боитесь вы?

Син. Я? Да я вѣрю въ Петра Григорьевича, какъ въ Юпитера... Если бы онъ мнѣ сказалъ: вотъ, Синицынъ, для пользы науки вамъ надо руку отрѣзать, такъ я только спросилъ бы: правую или лѣвую, Петръ Григорьевичъ?.. Вотъ, какъ я вѣрю въ него!

Варя. Сколько вамъ лѣтъ, Федоръ Михайловичъ?

Син. О, я старая собака. *(Спохватившись.)* Извините за выраженіе!... Мнѣ тридцать шесть!...

Варя. Между тѣмъ вы такъ юны, словно вамъ двадцать лѣтъ...

Син. А сколько вамъ лѣтъ, Варвара Павловна?

Варя. Вотъ когда надо было сказать: извините за выраженіе! Развѣ вы не знаете что дамъ объ этомъ не спрашиваютъ? Впрочемъ у меня это не тайна: мнѣ двадцать пять... А что? Я кажусь старше, не правда ли?

Син. О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Но выдержки у васъ бездна. Какъ это вы умѣете всегда быть ровной и никогда не выходить изъ себя?

Варя. Да развѣ стоитъ изъ-за чего-нибудь волноваться?

Син. Да оно пожалуй... И у васъ это всегда такъ было?

Варя *(задумчиво).* Нѣтъ, Федоръ Михайловичъ, не всегда.

Син. *(послѣ паузы).* Завидую я вашему спокойствію, Варвара Павловна.

Варя. Не завидуйте этому, Федоръ Михайловичъ. *(Входитъ Бѣлозеровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Варя, Синицынъ, Бѣлозеровъ, *потомъ* **лакей.**

Бѣл. *(оживленный).* Здравствуйте, Варя!.. *(Цѣлуетъ руку. Синицыну.)* Здравствуйте, мой другъ! *(Пожимаетъ его руку.)* У насъ все готово? О, конечно, что же я спрашиваю? Сейчасъ придутъ врачи и мы приступимъ къ дѣлу. Ну, Федоръ Михайловичъ, у васъ, по прежнему, никакихъ сомнѣній?

Син. Ни малѣйшихъ! Вотъ ужъ, повѣрьте, рука не дрогнетъ, словно бы я разрѣзывалъ грушу. Только...

Бѣл. А, только... Значитъ есть оговорка?!

Син. Нѣтъ, не къ тому, а то, что на коллегъ я мало надѣюсь. Ужъ Загницкій будетъ въ опозиціи, это, какъ Богъ святъ... Другіе потянутъ за нимъ...

Бѣл. Это было бы досадно. Но развѣ можно остановиться передъ чѣмъ бы то ни было, когда вѣришь въ свое дѣло? Тройновъ отвѣтилъ?

Варя. Онъ будетъ къ часу...

Бѣл. Вотъ и отлично. Сейчасъ и другіе соберутся. *(Входитъ лакей.)* Кто-нибудь пріѣхалъ?

Лакей. Господинъ Загницкій, господинъ Галкинъ и господинъ Боржикъ.

Бѣл. Проси. *(Лакей уходитъ.)* Вамъ, Варя, придется насъ оставить. У медицины есть старая дурная привычка: прятаться отъ непосвященныхъ.

Варя *(Указываетъ направо).* Но я пройду туда. Можетъ быть что-нибудь помогу. *(Синицынъ одобрительно киваетъ головой. Варя уходитъ направо. Синицынъ за ней Входятъ Загницкій, Галкинъ и Боржикъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Бѣлозеровъ, Загницкій, Галкинъ и Боржикъ, *потомъ* **лакей.**

Бѣл. *(пожимаетъ всѣмъ руки).* Спасибо вамъ, что такъ живо откликнулись на мое приглашеніе. Вы понимаете, что если я попросилъ именно васъ, то потому, что разсчитывалъ на ваши знанія и опытность.

Заг. *(льстиво и въ тоже время ядовито).* Мы очень польщены, уважаемый профессоръ, но полагаемъ, что ваша, всѣми признанная, ученость едва ли нуждается въ помощи нашихъ скромныхъ познаній.

Бѣл. Полноте, коллега, оставимте этотъ тонъ академической любезности. Всѣмъ намъ, господа, одинаково дороги успѣхи науки и я увѣренъ, что каждый изъ васъ уже считаетъ мое дѣло своимъ.

Борж. *(говоритъ нервно, весь подергиваясь, каждую минуту поправляя очки).* Извините, профессоръ... Я хотѣлъ бы знать, почему больной не помѣщенъ въ клинику? Простите пожалуйста.

Бѣл. Это дальній мой родственникъ. Онъ самъ пожелалъ остаться у меня въ домѣ; послѣ операціи онъ будетъ переведенъ въ клинику...

Заг. Если выдержитъ ее, конечно...

Бѣл. О, за это можно поручиться.

Заг. Сколько я понимаю, за это можетъ ручаться только организмъ больного...

Бѣл. Вы сейчасъ познакомитесь съ нимъ, господа. *(Входитъ лакей.)*

Лакей. Профессоръ Тройновъ.

Заг. *(удивленный).* Тройновъ? Вотъ какъ!

Бѣл. Проси, проси! *(Лакей уходитъ.)*

Заг. *(Галкину).* Не понимаю, зачѣмъ насъ пригласили, когда ждутъ такихъ свѣтилъ. *(Входитъ Тройновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Тройновъ.

Бѣл. *(идетъ ему навстрѣчу).* Спасибо, Дмитрій Алексѣевичъ. *(Здоровается съ нимъ.)* Васъ только и ждемъ.

Тр. А, сколько здѣсь почтенныхъ коллегъ! Это хорошо, основательно. Чѣмъ больше мнѣній, тѣмъ вѣрнѣе путь къ истинѣ.

Заг. *(пожимая ему руку).* Мы ждемъ васъ, глубокочтимый профессоръ, только затѣмъ, чтобы присоединиться къ вашему мнѣнію...

Тр. Благодарю васъ, но зачѣмъ же напередъ присоединяться? У каждаго должно быть свое мнѣніе.

Заг. Да, конечно, но... Какъ здоровье вашей супруги, профессоръ? Анна Ивановна, кажется, слегка прихворнула?

Тр. Благодарю... Она ужъ выѣзжаетъ.

Бѣл. Такъ прошу васъ, господа, осмотрѣть больного и приступить къ консиліуму. *(Указываетъ на дверь справа. Тройновъ приглашаетъ жестомъ другихъ идти впередъ. Загницкій жестомъ уступаетъ ему эту честь. Тройновъ идетъ, за нимъ другіе и Бѣлозеровъ. Они уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лакей и Синицынъ.

Син. *(проходитъ изъ правой двери къ главной и полуотворивъ ее, останавливается).* Иванъ! *(Входитъ лакей.)* Пожалуйста будте внимательны и прислушивайтесь... Какъ только *(указываетъ на дверь справа)* тамъ позвонятъ, сейчасъ же бѣгите туда...

Лакей. Само собой разумѣется.

Син. И вотъ что: велите подать что-нибудь,—чай или кофе...

Лакей. Слушаю съ. *(Уходитъ.)*

(Справа входитъ Карчеевъ.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Синицынъ и Карчеевъ.

Син. Ну, что наши коллеги? Кажется, ихъ и звать было не къ чему?..

Карч. Да, видно, что они пріѣхали съ готовымъ рѣшеніемъ,—особенно Загницкій...

Син. Что Загницкій? Отъ него и ждать нечего. Нѣтъ, Тройновъ, Тройновъ каковъ! Какъ мѣняются люди! Вѣдь я помню его, когда онъ былъ настоящимъ орломъ; а теперь... *(Машетъ рукой.)* Идутъ! Вы отправляйтесь туда, Карчеевъ... *(Справа входятъ Тройновъ, Загницкій, Галкинъ, Боржикъ и Бѣлозеровъ.—Карчеевъ уходитъ направо.)*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Синицынъ, Тройновъ, Загницкій, Боржикъ, Галкинъ, Бѣлозеровъ и горничная.

Бѣл. Сядемте, господа, и я попрошу васъ высказаться окончательно. *(Всѣ, кромѣ Синицына, садятся, Синицынъ остается въ сторонѣ, въ выжидательной позѣ. Пауза. Горничная приноситъ чашки съ кофе и подаетъ всѣмъ.)* Для меня это слишкомъ важно. *(Загницкому.)* Итакъ, Иванъ Степанычъ...

Заг. Я могу повторить только то, что высказалъ: допустить подобную неслыханную операцію значило бы просто на просто зарѣзать больного, межъ тѣмъ его состояніе допускаетъ возможность для него прожить еще нѣсколько лѣтъ...

Бѣл. *(нахмуривъ брови, Галкину).* Ваше мнѣніе, коллега?

Гал. Я не могу присоединиться къ слишкомъ, такъ сказать, рѣзкому выраженію доктора, но совершенно раздѣляю его... его, такъ сказать, заключеніе...

Бѣл. *(Боржику).* А ваше мнѣніе, докторъ?

Бор. Къ сожалѣнію, не вижу достаточныхъ данныхъ, чтобы допустить столь опасную операцію, на которую до сихъ поръ не рѣшались самые знаменитые врачи... Извините, профессоръ ..

Бѣл. *(спокойно, почтительно).* Вы что скажете, Дмитрій Алексѣевичъ?

Тр. *(мяко).* Дорогой мой... Какъ вы знаете, я считаю операцію рискованной...

Бѣл. *(волнуясь).* Но мыслимой, возможной?

Тр. *(ласково и какъ бы съ сожалѣніемъ).* Нѣтъ, мой дорогой другъ, немыслимой и невозможной.

Заг. И было бы странно думать иначе.

Бѣл. *(выразительно).* И вотъ я думаю иначе.

Тр. И напрасно, мой милый, напрасно... Вы же знаете... Не было еще случая, чтобы больной выдерживалъ подобную операцію...

Бѣл. „Не было“.—Но значитъ ли, что и не можетъ быть?

Тр. Конечно, конечно... Но, милый мой другъ... Въ данномъ случаѣ, если бы вы рѣшились... чего я не допускаю... Вы пошли бы противъ очевидности...

Бѣл. Противъ очевидности? *(Задумываясь.)* Для васъ это очевидно. *(Сильно оживляясь.)* А если вы всѣ ошибаетесь? Если...

Заг. *(иронически).* Мы всѣ слѣпые, а вы одинъ видите?

Бѣл. *(твердо и сильно).* Да, вы ошибаетесь. Я утверждаю: вы ошибаетесь. И я такъ глубоко вѣрю въ это, что если бы сюда собрались врачи всего міра и стали бы доказывать мнѣ противное, то я и тогда сказалъ бы: вы ошибаетесь.

Заг. Не понимаю, зачѣмъ же тогда остановка: берите ножъ, идите и... кончайте больного. Помѣшать мы вамъ не можемъ. Но я даю свою голову на отсѣченіе, что больной умретъ подъ ножемъ.

Син. *(мрачно).* Не слишкомъ ли много вы даете, докторъ?

Заг. Смѣю думать, что и другіе... *(обращаясь къ врачамъ)* подтвердятъ то же самое.

Бор. Долженъ присоединиться... Извините...

Гал. *(дѣлаетъ движеніе, означающее, что онъ принужденъ раздѣлить мнѣніе Загницкаго).*

Тр. *(кладетъ руку на плечо Бѣлозерова).* Послушайте, мой другъ, я говорю съ вами, какъ старикъ, какъ вашъ учитель, любящій васъ сердечно, я говорю какъ отецъ... Вы не должны на это рѣшаться. Нѣтъ и нѣтъ! Я понимаю этотъ благородный пылъ увлеченія, я вполнѣ признаю ваши основанія. Ну, да, ваша теорія блестяща, я заявляю это торжественно,—я читалъ, внимательно читалъ... Но, мой милый другъ, осторожность нужна, осторожность... подумайте, чѣмъ вы рискуете, принимая на себя такую страшную отвѣтственность. Вы ставите на карту всю свою ученую репутацію и можете разомъ погубить вашу блестящую карьеру. Наконецъ я принужденъ заявить, дабы васъ образумить, что если васъ постигнетъ неудача, что весьма возможно, ибо въ подобной операціи она уже постигала другихъ,—мы во избѣжаніе нареканій... должны... должны будемъ опубликовать подробности консиліума и вся отвѣтственность падетъ на васъ...

Бѣл. *(въ теченіе рѣчи Тройнова волнуется; быстро поднимаясь).* И это говорите мнѣ вы—профессоръ Тройновъ, горячо любимый учитель, нѣкогда плѣнявшій насъ смѣлостью мысли и служившій намъ такимъ обаятельнымъ примѣромъ твердости духа!? А давно ли прошло то время, когда мы, затаивъ дыханіе, стоимъ, бывало, вокругъ вашей каѳедры и чутко внимаемъ вамъ?! А помните, профессоръ, тѣ дивныя слова, которыми вы напутствовали нашъ курсъ? Я не забылъ ихъ до сихъ поръ; они глубоко запали въ мою душу... Они были для меня символомъ вѣры, оберегая меня на пути жизни отъ паденія... Пожимая наши руки, вы сказали намъ: „Юные друзья мои! Любите науку и смѣло идите впередъ! И если на вашу долю выпадетъ высокое счастье возвѣстить новую истину, то никакія препятствія, никакія трудности не должны останавливать васъ. Помните, что пламя истины обжигаетъ руку, несущую его, и потому приносите ей въ жертву всѣ ваши интересы и возвѣщайте ее смѣло во всеуслышаніе, потому что она одна стоитъ нашихъ усилій и трудовъ“. Это ваши слова, профессоръ... А теперь вы мнѣ вмѣсто истины подсовываете осторожность, какъ высшую добродѣтель. Вмѣсто прежняго смѣлаго призыва, вы пугаете меня страхомъ отвѣтственности. Эти добродѣтели годятся для практиковъ-рутинеровъ, которые охотно предали бы науку анаѳемѣ и стали бы превозносить знахарство, если бы это имъ было выгодно... *(Загницкій дѣлаетъ движеніе.)* Нѣтъ, учитель, не этихъ рѣчей я ждалъ отъ васъ... „Осторожность!“ „репутація!“ „карьера“! Но что общаго все это имѣетъ съ наукой? „Отвѣтственность!“ Да, я беру на себя отвѣтственность! Тысячу разъ беру на себя отвѣтственность. И знаю, какъ поступлю, если... Но нѣтъ, для меня здѣсь не можетъ быть „если“... Истина стоитъ передо мной—ясная и яркая, какъ солнце... *(Пауза. Старается успокоиться. Синицынъ даетъ ему стаканъ воды, онъ выпиваетъ. Къ Синицыну.)* Идемъ! *(Быстро уходитъ направо. Синицынъ съ восторіомъ слѣдуетъ за нимъ. Нѣсколько секундъ молчаніе. Боржикъ въ чрезвычайномъ волненіи порывисто ходитъ на среднемъ планѣ сцены; Галкинъ—тоже на заднемъ. Загницкій стоитъ спокойно и иронически смотритъ на общее смущеніе. Тройновъ сперва остается на мѣстѣ, потомъ съ волненіемъ подходитъ съ столу, садится, беретъ книгу, пробуетъ читать, но тотчасъ откладываетъ ее и задумывается.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же, безъ Бѣлозерова и Синицына.

Заг. *(подходитъ къ Тройнову).* Позвольте заявить вамъ, глубокоуважаемый профессоръ, что я возмущенъ подобнымъ посягательствомъ на авторитетъ, стоящій столь высоко и непоколебимо. *(Протягиваетъ руку.)*

Тр. *(встаетъ и отстраняетъ его).* Не время-съ... *(Про себя.)* Но какъ же можно?.. Что же это? Неужели онъ рѣшится?.. Вѣдь онъ безумецъ... *(Тревожно подходитъ къ двери направо, какъ бы желая войти туда. Колеблется, возвращается, подходитъ къ камину и тамъ остается, повернувшись спиной къ остальнымъ и закрывъ лицо руками. Боржикъ и Галкинъ садятся въ разныхъ углахъ, сохраняя видъ неспокойный.)*

Заг. Однако... Что же это на нихъ словно столбнякъ нашелъ?! Гм... Практики-рутинеры. Гм... *(Подходитъ къ Боржику.)* Что это вы, коллега, такъ мрачно смотрите? Не ощущаете ли нѣкотораго колебанія, а?

Борж. *(нервно).* Нахожу ваши шутки неумѣстными, извините!...

Заг. О, да, вы правы. Не слѣдуетъ шутить, когда въ двухъ шагахъ рѣжутъ человѣка... *(Входитъ слѣва Варя.)*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Варя.

Заг. *(къ ней, съ изысканной любезностью).* Мое почтеніе, Варвара Павловна! Однако у васъ много мужества...

Варя. Мужества?

Заг. Да, нервы крѣпкіе... Въ подобныхъ кровавыхъ случаяхъ, дамы предпочитаютъ уѣзжать изъ дому. Ну, тамъ кататься верхомъ или на лодкѣ. Я готовъ держать пари, что ваша сестрица, Ольга Павловна, такъ и сдѣлала...

Варя. Вы проиграете пари, докторъ... *(Справа раздается звонокъ. Поспѣшно входитъ лакей изъ главной двери, навстрѣчу ему Карчеевъ справа.)*

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же, Карчеевъ *и* лакей.

Кар. Воды... Пожалуйста скорѣе. *(Всѣ въ волненіи.)*

Лакей. Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Варя *(подбѣгаетъ къ Карчееву).* Ну что?

Кар. Ничего еще неизвѣстно... Сейчасъ все выяснится.

Вар. Но однако же... Какъ идетъ?

Кар. Ахъ, развѣ можно судить?.. Все зависитъ отъ одного момента. *(Входитъ лакей съ кувшиномъ воды; Карчеевъ беретъ кувшинъ и уходитъ направо.)*

Лакей. Больше ничего не понадобится?

Варя. Васъ позовутъ, когда надо будетъ...*(Лакей уходитъ. Тройновъ говоритъ съ Варей.)*

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же, безъ лакея и Карчеева.

Заг. *(Галкину).* Что-то тамъ не ладно... Видѣли, какъ онъ былъ взволнованъ?

Гал. А вы, кажется, уже готовы служить, такъ сказать, панихиду... по больномъ?...

Заг. А вы будто сомнѣваетесь, коллега, что для больного это понадобится? *(Входитъ Бѣлозеровъ взволнованный съ горящими глазами, но съ напряженнымъ спокойствіемъ на лицѣ, съ засученными рукавами, въ фартукѣ. Останавливается у порога.)*

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же *и* Бѣлозеровъ, *потомъ* Синицынъ.

Бѣл. *(указывая на комнату больного).* Прошу васъ.

Тр. Неужели? *(Быстро уходитъ въ комнату больнаго. Варя вопросительно и тревожно подходитъ къ Бѣлозерову. Онъ киваетъ головой утвердительно и жметъ ея руку. Заѣницкій, Боржикъ и Галкинъ стоятъ въ недоумѣніи. Входитъ Тройновъ.)*

Тр. *(низко кланяясь).* Ну, Петръ Григорьевичъ, бьемъ вамъ челомъ... Посрамили вы насъ... И мнѣ, старику, стыдно... стыдно... и стыдно...

Заг. Какъ? Неужели?

Тр. Простите... Теперь вижу, что былъ слѣпъ. *(Протягиваетъ Бѣлозерову руки.)*

Бѣл. Благодарю васъ отъ души... Благодарю за тѣ чувства, которыя вы питали ко мнѣ, рекомендуя осторожность. Высказанное вами сомнѣніе, можетъ быть, заставило меня строже отнестись къ работѣ и тверже держать ножъ... Но *(съ воодушевленіемъ)* за то теперь я переживаю минуты такого высокаго счастья, подобнаго которому не знаетъ человѣческое чувство. Ради одной такой минуты, дорогой учитель, стоитъ жить, чтобы работать и отдавать всѣ свои силы любимому дѣлу! Да что я говорю? Вы, старый нашъ учитель, испытали это лучше, чѣмъ кто другой!

Тр. *(растроганный).* Да... Было время... Умѣлъ и я быть стойкимъ. Умѣлъ и я забывать все ради науки. А теперь

ослабѣлъ... Старъ сталъ... *(Оживившись.)* Но сегодня ко мнѣ словно молодость вернулась .. Да, вспомнилъ старину... Вспомнилъ старину... Вы мнѣ напомнили меня въ мои лучшіе годы! Позвольте же обнять васъ и расцѣловать! *(Горячо обнимаетъ и цѣлуетъ его, Загницкій, Галкинъ и Боржикъ пожимаютъ руки Бѣлозерову.)*

Заг. *(тихо Боржику).* Цыплятъ, однако, по осени считаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ же и Синицынъ.

Заг. *(къ нему язвительно).* Поздравляю, коллега... Примите, однако, мой совѣтъ не торопиться съ торжественнымъ оповѣщеніемъ въ газетахъ... Подождемъ дальнѣйшаго.

Син. Не безпокойтесь, докторъ, въ газетахъ мы сообщимъ другое... *(Комически важно.)* На самомъ видномъ мѣстѣ и самыми крупными буквами будетъ начертано, что завтра, на парадной площади доктору Загницкому будутъ отсѣкать голову.

Заг. Это что еще за шутки?

Син. Докторъ, вы же сами сказали, что дадите голову на отсѣченіе, если больной выживетъ. Это было, ей-ей было... А онъ не только живетъ, а и кушать проситъ... *(Всѣ смѣются.)*

Заг. *(въ сторону).* Скоморохъ! *(Холодно.)* До свиданія! *(Быстро уходитъ.)*

Тр. *(качаетъ головой).* Разобидѣли коллегу...Ну, ничего, обойдется какъ-нибудь! *(Подходитъ къ Синицыну и треплетъ его по плечу.)* Славный у васъ ассистентъ, Петръ Григорьевичъ! Онъ напоминаетъ мнѣ то время, когда вы были моимъ ассистентомъ... Хорошее было время! Чудное времячко!.. Ну, однако пора... Вамъ надо успокоиться, отдохнуть... *(Пожимаетъ руку Бѣлозерову, потомъ другимъ.)* Прощайте. Давно не чувствовалъ я себя такимъ молодымъ и такимъ счастливымъ, какъ сегодня! *(Уходитъ.)*

Бор. Пора и мнѣ! Простите! *(Прощается, Галкинъ тоже.)*

Бѣл. Спасибо вамъ, спасибо, господа!.. *(Галкинъ и Боржикъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Бѣлозеровъ, Варя, Синицынъ.

Син. *(въ ребяческомъ восторгѣ).* Ну, и молодцы же мы съ вами, Петръ Григорьевичъ, просто заглядѣніе! Знаете, чего мнѣ до страсти хочется? Давайте поцѣлуемся!

Бѣл. Охотно, съ восторгомъ! *(Цѣлуются.)*

Син. А теперь пойду къ больному. А вы присядьте, да отдохните. *(Уходитъ направо.)*

Бѣл. *(Варѣ).* Ну, Варя, вы довольны? Знаю, что довольны, и по лицу вижу. *(Пожимаетъ ей руку.)* А гдѣ же Ольга? Я хотѣлъ бы ее видѣть.

Варя. Она у Мити. Она еще не знаетъ, какъ кончилось. Я позову ее. *(Уходитъ налѣво.)*

Бѣл. *(садится въ кресло и, усталый, закрываетъ глаза. Пауза. Входитъ Ольга.)*

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Бѣлозеровъ и Ольга; потомъ Синицынъ, горничная и лакей.

Бѣл. *(вздрогнувъ, встаетъ, идетъ ей навстрѣчу и цѣлуетъ ея руку).* Ну, Ольга, поздравь меня, поздравь съ замѣчательной удачей!

Ольга. Поздравляю, Петя... Я такъ рада, что это кончилось!.. *(Бѣлозеровъ дѣлаетъ недовольное движеніе.)* Ты не сердись. Я рада и твоему успѣху. Но согласись, Петя, что жить полтора мѣсяца въ больницѣ—тяжело, а нашъ домъ походитъ на больницу... Ужъ я не говорю о себѣ, но вѣдь и ты отъ этого страдаешь. У всякаго человѣка долженъ быть уголокъ, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть отъ трудовъ и заботъ. Ты такъ много работаешь, ты весь отдаешься своему дѣлу и для тебя это нужнѣе, чѣмъ для кого бы то ни было... Но какой же это отдыхъ, когда ты, придя изъ клиники, дома находишь ту же клинику... Развѣ я не права? Или ты, можетъ быть, хотѣлъ бы, чтобы я это думала и не говорила тебѣ?

Бѣл. О, нѣтъ, пожалуйста всегда говори все, что думаешь .. Развѣ ты не знаешь, какъ я это цѣню въ тебѣ?.. И ты, пожалуй, права... по своему.

Ольга. Ну, вотъ видишь... Значитъ, ты согласенъ со мною?

Бѣл. Да... Согласенъ... Но видишь ли мой другъ... Отъ одного твоего замѣчанія мое восторженное настроеніе, какъ-то вдругъ понизилось... Это немного жаль.

Ольга. Такъ забудь, что я сказала. Вѣдь это у меня такъ... вырвалось... Я рада, что ты, наконецъ, свободенъ, посидишь со мной, отдохнешь. *(Справа звонокъ.)*

Бѣл. *(тревожно).* Что-нибудь случилось съ больнымъ. Извини, Ольга...

Ольга. Вотъ видишь, это отравляетъ каждую минуту.

Бѣл. *(укоризненно).* Ольга!.. *(Спѣшно уходитъ направо. Ольга сидитъ съ недовольнымъ видомъ. Торопливо вбѣгаетъ Синицынъ.)*

Син. Ради Бога, льду... Распорядитесь льду...

Ольга *(сухо).* Хорошо. *(Синицынъ уходитъ обратно. Ольга звонитъ. Входитъ горничная.)* Дайте туда льду.

Гор. Слушаю-съ. *(Уходитъ, сейчасъ же возвращается со льдомъ и проходитъ въ дверь направо. Ольга вздрагиваетъ нервно, входитъ лакей.)*

Лакей. Владиміръ Николаевичъ пріѣхали... *(Лакей уходитъ. Входитъ Ратищевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Ольга и Ратищевъ.

Рат. Какъ? Вы не готовы? Но почему же? Вѣдь все кончилось благополучно! По дорогѣ сюда я встрѣтилъ двухъ докторовъ и по ихъ угрюмому виду заключилъ, что операція была блестяща... И такъ, у васъ должно быть повышенное настроеніе и желаніе пуститься въ бѣшеный галопъ...

Ольга. Нѣтъ, я просто разстроена, нервничаю и ощущаю только желаніе сидѣть въ креслѣ и не двигаться съ мѣста... А вы во всеоружіи? Садитесь и разсказывайте какія-нибудь глупости... Можетъ быть это развлечетъ меня...

Рат. *(садится).* Глупости? О, этого у меня большой запасъ. Въ моей жизни я ихъ надѣлалъ не мало.

Ольга. Тѣмъ лучше. Итакъ, начинайте.

Рат. *(подумавъ).* Ну, вотъ хоть это; называется „Дуэль на рапирахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни орловскаго помѣщика".

Ольга. У васъ для каждой глупости особенное заглавіе?

Рат. Непремѣнно, иначе я потерялся бы въ ихъ безконечномъ множествѣ.

Ольга *(нетерпѣливо).* Ну-те.

Рат. Это было въ эпоху моей зеленой молодости, когда я, путешествуя по Италіи, съ ловкостью дикой козы взбирался на вершины скалъ и съ неустрашимостью браваго кадета вызывалъ на бой небо, землю и могучія стихіи.

Ольга *(смѣясь).* Начинается очень фантастично.

Рат. То-есть, глупо? Погодите, дальше будетъ еще глупѣе. *(Ольга смѣется. Входитъ Бѣлозеровъ, встревоженный. Они продолжаютъ разговоръ тихо.)*

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Бѣлозеровъ.

Бѣл. Вдругъ сдѣлалось худо... Непонятно... Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ. *(Наскоро пожимаетъ ею руку.)* Простите... Я долженъ послать въ аптеку... *(Идетъ къ столу и пишетъ.)*

Рат. *(встаетъ.)* Петръ Григорьевичъ такъ озабоченъ... боюсь, что я мѣшаю... Позвольте раскланяться, Ольга Павловна...

Ольга. О, нѣтъ... Я хочу дослушать вашу исторію... Начало такъ много обѣщаетъ... Вотъ что: пойдемте въ гостиную, Владиміръ Николаевичъ! *(Ратищевъ кланяется.)* Петя, мы будемъ въ гостиной, чтобы не мѣшать тебѣ...

Бѣл. *(углубленный въ писанье.)* Хорошо, мой другъ, хорошо... *(Ольга и Ратищевъ идутъ къ двери, на порогѣ ихъ встрѣчаетъ Туняева.)*

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и Туняева.

Тун. *(наскоро цѣлуется съ Ольгой и пожимаетъ руку Ратищева).* Здравствуй, Ольга! Bonjour, monsieur Ratistcheff!.. А гдѣ же кузенъ? Я должна его поздравить...

Ольга. Онъ очень занятъ, кузина!

Бѣл. *(оглядывается).* Иванъ! *(Замѣчаетъ Туняеву.)* А, кузина! Простите... я сейчасъ... *(Ольга машетъ рукой и уходитъ, Ратищевъ уходитъ за нею.)*

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Бѣлозеровъ, Туняева и лакей.

Тун. *(идетъ къ Бѣлозерову, который продолжаетъ писать).* Кузенъ! кузенъ! Я отъ васъ въ восторгѣ! Вы, говорятъ, просто совершили подвигъ! Ахъ, я всегда ждала отъ васъ чего нибудь необыкновеннаго... Поздравляю, поздравляю!

Бѣл. *(озабоченно).* Благодарю, кузина, но, къ сожалѣнію, я очень занятъ... Иванъ! *(Входитъ лакей.)* Сейчасъ же послать въ аптеку...

Лак. Слушаю-съ! *(Беретъ рецептъ и быстро уходитъ.)*

Бѣл. *(пожимаетъ ей руку).* Простите же, кузина... Я долженъ быть у больного ..

Тун. *(задерживаетъ его).* Нѣтъ, нѣтъ... два слова... Только два слова... я тороплюсь... но я должна, понимаете—должна вамъ сказать...

Бѣл. *(недовольный.)* Ахъ... Ну, говорите!.. Вѣдь пустяки какіе нибудь!..

Тун. *(обиженно).* Ну, вотъ, я вамъ желаю добра, а вы меня обижаете! Я встрѣтила доктора Загницкаго. Вѣдь онъ вашъ заклятый врагъ, кузенъ... Совѣтую вамъ остерегаться его и не дразнить... Вы знаете, что онъ мнѣ сказалъ? Вѣдь онъ такой ядовитый и способенъ на все... Н-да,

говорятъ, тотъ занятъ наукой, а тотъ катаньемъ... у всякаго свой вкусъ...

Бѣл. (*строго*). Я не понимаю, о чемъ вы говорите, кузина...

Тун. (*удивленно*). Не понимаете? Это такъ ясно... Гнусный намекъ на Ольгу и Ратищева...

Бѣл. (*выйдя изъ себя*). Да, гнусный намекъ... И вы не постыдились повторить его мнѣ!.. Вы не могли отказать себѣ въ удовольствіи подобрать эту грязь на улицѣ и принести ее въ мой домъ...

Тун. Кузенъ!

Бѣл. (*по прежнему*). Помните же, что если вы посмѣете повторить это громко гдѣ-нибудь, слышите ли гдѣ-ни-будь...

Тун. Этого я отъ васъ никогда не ожидала, кузенъ...

Бѣл. (*въ высшей степени нервно*). Ахъ, оставьте же меня въ покоѣ... Прошу васъ!

Тун. (*отступаетъ*). Вотъ какъ! Отлично! Покорно васъ благодарю, кузенъ! Покорно благодарю! (*Уходитъ.*)

Бѣл. (*задумывается. Входитъ Карчеевъ и останавливается на порогѣ*).

Кар. (*тревожно*). Профессоръ!.. (*Бѣлозеровъ не слышитъ.*) Профессоръ!

Бѣл. (*очнувшись*). Хорошо... я... я сейчасъ... (*Карчеевъ уходитъ. Бѣлозеровъ опять задумывается. Потомъ отгоняетъ мысль.*) О, что за нелѣпыя мысли! Дѣло ждетъ!.. (*Громко вслѣдъ Карчееву.*) Я иду! (*Рѣшительно идетъ къ комнатѣ больного.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ Бѣлозеровыхъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Варя и Тавлиновъ.

(*Варя сидитъ въ креслѣ и читаетъ книгу. Входитъ Тавлиновъ.*)

Варя (*удивленно*). Папа? (*Встаетъ и идетъ къ нему на встрѣчу.*) Когда ты пріѣхалъ? (*Цѣлуется съ нимъ.*) Я рада!

Тав. Вчера ночью, мое дитя... Изъ самой Тавлиновки на лошадяхъ .. Пріѣхалъ разбитый, усталый,—прямо въ Европейскую и спать... А сегодня визиты дѣлаю...

Варя. Намъ — визитъ? Какъ тебѣ не стыдно?

Тав. Ну, что тамъ?! Я пошутилъ... Какой тамъ визитъ?... Пріѣхалъ навѣстить...

Варя. Надолго?

Тав. Денька на два... а отсюда въ Парижъ...

Варя. Опять? Какой ты непосѣда... И такой же франтъ, какъ всегда. А впрочемъ,—весна, ты вѣдь безъ парижской весны жить не можешь... Здоровъ?...

Тав. (*садится*). Совершенно здоровъ... если не считать ревматизма, невралгіи и катарра желудка... Ну, а у васъ тутъ какъ? Благополучно?

Варя Да, папа.

Тав. Все? Рѣшительно все?

Варя. Рѣшительно все. Почему ты такъ спрашиваешь?

Тав. Та-акъ... (*Пауза.*) А скажи, Варя, не находишь ли ты, что Ольга ведетъ себя нѣсколько... неосторожно... да, неосторожно?

Варя Что ты хочешь этимъ сказать?

Тав. Знаешь, я не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла... Терпѣть этого не могу... Но мнѣ кажется... что поведеніе Ольги...

Варя. Что ты, папа? Ольга такая милая, хорошая...

Тав. Я въ этомъ ни на минуту не сомнѣваюсь... ни на минуту! Ты знаешь, какъ горячо я люблю васъ обѣихъ, и что Ольга—моя слабость. И я не хочу сказать, чтобы въ поведеніи Ольги было что-нибудь... что-нибудь нехорошее. Я не хочу этого сказать!.. Но на свѣтѣ, милая моя, все условно. И то, что хорошо въ данномъ мѣстѣ, въ другомъ можетъ быть неудобно, да... неудобно.

Варя. Я не понимаю, папа, о чемъ ты говоришь.

Тав. А о томъ, дитя мое, что образъ жизни Ольги, эти катанья верхомъ съ этимъ... гмм... Ратищевымъ, и тому подобное,—все это было бы и считалось бы всѣми... въ порядкѣ вещей... да, въ порядкѣ вещей... если бы она принадлежала къ другому кругу. Но въ качествѣ жены такого серьезнаго и почтеннаго человѣка, какъ Петръ Григорьевичъ, это всѣ находятъ... какъ бы тебѣ сказать.. дисгармоничнымъ... да, именно: дисгармоничнымъ...

Варя. И пусть находятъ... Надо только, чтобъ онъ этого не находилъ...

Тав. Въ этомъ взглядѣ я узнаю вліяніе Петра Григорьевича, да его вліяніе. И знаешь что, Варя? глядя на твой ровный характеръ, я иногда думаю, что Петру Григорьевичу болѣе подходила бы такая жена, какъ ты...

Варя Полно, папа!.. Ты Богъ знаетъ, что говоришь. Петръ Григорьевичъ любитъ Ольгу, значитъ она ему и подходитъ. *(Входитъ справа, изъ кабинета Бѣлозеровъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Варя, Тавлиновъ и Бѣлозеровъ.

Бѣл. А! Дорогой гость! *(Цѣлуется съ Тавлиновымъ.)* Радъ васъ видѣть... Давно? Надолго? А что-же Ольги нѣтъ? Она знаетъ? Вотъ для нея будетъ радость!

Варя. Ольга не знаетъ. Я сейчасъ скажу ей! *(Уходитъ налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тавлиновъ и Бѣлозеровъ.

Тав. Ну, признаюсь, Петръ Григорьевичъ, я испытываю истинное удовольствіе имѣть такого зятя, какъ вы. . да, именно истинное удовольствіе.

Бѣл. О, вотъ какъ!

Тав Какъ же! Я за сегодняшнее утро ужъ успѣлъ столько наслышаться о васъ... Въ гостиныхъ только и разговору, что о вашей замѣчательной операціи... только и разговору.. Газеты кричатъ о ней. Говорятъ: что-то новое, смѣлое... да, именно: смѣ-ло-е. Рѣшительно у меня знаменитый зять!...

Бѣл. Ну, что-жъ,—поздравляю васъ съ знаменитымъ зятемъ. Впрочемъ, тутъ есть кое-что утѣшительное: все-таки въ гостиныхъ толкуютъ о научной работѣ, а не о цирковой наѣздницѣ.

Тав. Все это хорошо... да, это прекрасно, но...

Бѣл. А, и у васъ есть „но“... Вы хотите сказать: не увлекаюсь ли я?

Тав О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ... Я не объ этомъ... Я о другомъ.

Бѣл. О другомъ? Я васъ слушаю, Павелъ Алексѣевичъ!

Тав. *(встаетъ и нѣжно обхватываетъ правой рукой его талію).* Вы меня простите, мой дорогой... вы знаете, я терпѣть не могу соваться въ чужія дѣла... но я позволю себѣ нѣкоторую откровенность. Я человѣкъ старый, люблю васъ сердечно, и мнѣ можно извинить это...

Бѣл. О, безъ сомнѣнія!

Тав. Такъ вотъ, видите ли... Сказалъ я вамъ, что въ гостиныхъ говорятъ о вашей операціи. Это правда, но говорятъ также и о другомъ...

Бѣл. Какое же мнѣ дѣло до этого?

Тав. Погодите, дорогой мой. Выслушайте! Конечно, свѣтъ любитъ злословить, и гостиныя всего міра разрушились бы... о, непремѣнно разрушились бы... если бы каждый день не появлялась на свѣтъ какая-нибудь милая гнусность про ближняго... Свѣтъ ненавидитъ тѣхъ людей, про которыхъ нельзя сказать ничего дурного. Именно: ненавидитъ... Все это такъ... Но когда толки касаются такого... почтеннаго, безупречнаго, такъ высоко стоящаго въ общественномъ мнѣніи человѣка, какъ вы...

Бѣл. Толки обо мнѣ, какъ о человѣкѣ? Кого же это можетъ интересовать?

Тав. О, многихъ, многихъ, мой другъ! Всюду говорятъ о васъ не только, какъ объ ученомъ, но и какъ о человѣкѣ... о вашей семьѣ... объ Ольгѣ. . да, и объ Ольгѣ... Ольга, конечно, выше всякихъ толковъ... О, конечно! Я терпѣть не могу совать свой носъ въ чужія дѣла... Но у этого господина... я говорю о Ратищевѣ... ужъ такая репутація, что одно только появленіе его въ домѣ, гдѣ есть молодая женщина, даетъ... даетъ нѣкоторый поводъ для... толковъ и намековъ...

Бѣл. *(подавляя волненіе).* Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы слышать это отъ васъ, Павелъ Алексѣевичъ... Вы сами говорите, что Ольга выше всякихъ подозрѣній. И это правда. И это достаточно. Ольга такое правдивое существо, ея натурѣ не свойственна ложь... И если бы меня постигло это страшное горе, и въ ея чувствѣ ко мнѣ явилось бы малѣйшее колебаніе, то она пришла-бы и мнѣ первому сказала бы объ этомъ. Къ чему же эти рѣчи? Къ чему повторять здѣсь какіе-то праздные толки праздныхъ людей, которыхъ мы съ вами даже не уважаемъ? Я люблю Ольгу и знаю, что она меня любитъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна мыслить, какъ я, и выбирать себѣ общество по моему, а не по своему вкусу. Ратищевъ, конечно, человѣкъ не въ моемъ вкусѣ. И его присутствіе въ нашемъ домѣ не доставляетъ мнѣ удовольствія... Я этого не скрываю.. Но онъ давній знакомый вашъ и Ольги, и мы не можемъ отказать ему въ порядочности. А этого вполнѣ достаточно, чтобы онъ имѣлъ право посѣщать нашъ домъ. Вотъ мой взглядъ, Павелъ Алексѣевичъ. И я думаю, что этимъ исчерпывается вопросъ. Не такъ ли?

Тав. Прекрасный взглядъ, рыцарскій взглядъ... Да, именно: ры-цар-скій. Если бы мы не жили въ извѣстной средѣ и такъ или иначе не зависѣли отъ нея,..

Бѣл. *(горячо).* Я этого не признаю. Если мы стоимъ выше среды, то мы должны подчинять ее себѣ, а не подчиняться ей. Я не могу такъ жить, чтобы съ ка-

ѳедры проповѣдывать истину, а, выйдя на улицу, лгать вмѣстѣ съ другими. И... вотъ что, Павелъ Алексѣевичъ, люблю я васъ искренно,—вы это знаете... Но даже вамъ это не позволяю. Давайте же пообѣщаемъ другъ другу, что въ этомъ домѣ болѣе никогда не будетъ высказано малѣйшее сомнѣніе на счетъ нашей милой Ольги!

Тав. Ну, вы меня совсѣмъ пристыдили... совершенно пристыдили... Дайте же, я васъ расцѣлую! *(Цѣлуетъ его.)* Лишній разъ только убѣждаюсь, какому благородному человѣку я отдалъ свою дочь!... *(Ольга входитъ Ольга.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тавлиновъ, Бѣлозеровъ и Ольга.

Ольга *(съ радостью идетъ къ Тавлинову и цѣлуетъ его).* Ахъ, папочка, какой ты милый! Ты всегда внезапно пріѣзжаешь! *(Цѣлуетъ его.)* И какой красавецъ! Ты помолодѣлъ, право! Ну, ты, конечно, никуда больше не поѣдешь и обѣдаешь съ нами!... Мы давно съ тобой не болтали.

Тав. Признаюсь, что я красавецъ и довольно еще молодъ, и пообѣдать, и поболтать не прочь, дѣтка моя. Но сейчасъ у меня есть дѣло. *(Смотритъ на часы.)* О, я едва-едва успѣю въ банкъ... *(Беретъ шляпу.)* Обѣдаете, по прежнему, въ пять?

Ольга. Конечно. Только это досадно, что ты уѣзжаешь. Мнѣ, право, такъ скучно...

Тав. И ты думаешь, что я развлеку тебя? Ха, ха! Ну, едва ли! За этимъ обратись къ твоему мужу... Дѣло, дитя мое, дѣло... Я не прощаюсь. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Бѣлозеровъ и Ольга.

Ольга *(садится).* Ты теперь будешь дома, Петя? Никуда не уѣдешь?

Бѣл. Полчаса еще пробуду дома, Ольга, а тамъ у меня лекція. Я сегодня въ первый разъ демонстрирую нашего больного въ клиникѣ...

Ольга. Опять?!

Бѣл. *(подсаживаясь къ ней).* Не сердись, мой дружокъ. Я знаю что не правъ, вѣчно оставляя тебя одну. Ты почти никуда не ѣздишь изъ-за меня. И ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ грустно сознавать это... Да, наука слишкомъ многаго отъ насъ требуетъ. Она беретъ всего человѣка, со всѣми его силами...

Ольга *(ласкаясь къ нему).* Я ревную тебя къ ней... Нѣтъ, серьезно, серьезно... И я хотѣла бы, чтобъ ты доказалъ мнѣ, что любишь меня больше, чѣмъ свою науку...

Бѣл. Чѣмъ же, Ольга?

Ольга. Ну, хотя бы тѣмъ, что поѣхалъ бы съ нами за городъ. Сегодня такой чудный весенній день...

Бѣл. Ты говоришь это серьезно?

Ольга. Серьезно. Я сегодня ставлю тебѣ дилемму *(полушутливо)* наука или я,

Бѣл. Но такая дилемма невозможна. Видишь ли, Ольга, когда я былъ еще юношей, я любилъ только науку и любилъ ее горячо, не только умомъ, но и сердцемъ. И въ моихъ пылкихъ мечтахъ она рисовалась мнѣ въ видѣ женщины—живой, прекрасной. И мнѣ грезилось, что эта женщина когда-нибудь встрѣтится на моемъ пути. И когда я первый разъ увидѣлъ тебя,—помнишь, у постели твоей умирающей матери,—я былъ пораженъ какой-то дѣтской простотой, искренностью и правдивостью, въ которыхъ выражалась твоя скорбь. Тогда я сказалъ: вотъ она. И полюбилъ тебя. Въ этой любви, Ольга, слились для меня всѣ грезы юности. И мнѣ всегда казалось, что если бы я былъ какъ нибудь неправъ по отношенію къ тебѣ, то былъ бы неправъ и передъ наукой. И если бы я въ чемъ-нибудь не исполнилъ мой долгъ передъ наукой, то этимъ оскорбилъ бы тебя. Она и ты—вы для меня одно существо, которому я отдаю всю мою душу...

Ольга. Мнѣ это не нравится...

Бѣл. Значитъ, ты не понимаешь меня, Ольга...

Ольга *(осторожно отстраняется отъ него).* Можетъ быть... *(Нервничаетъ.)* Что же дѣлать? Очевидно, для меня это слишкомъ возвышенно... Я простой человѣкъ и хочу, чтобы меня любили, какъ меня, а не какъ олицетвореніе науки...

Бѣл. Ну, ты просто придираешься и нервничаешь. Это не хорошо. Я замѣтилъ, что ты какъ то утратила свою прежнюю, беззаботную веселость.

Ольга Не совсѣмъ. И вчера, напримѣръ, я очень много смѣялась...

Бѣл. Чему?

Ольга. Владиміръ Николаевичъ разсказывалъ мнѣ смѣшную исторію...

Бѣл. О чемъ же тебѣ разсказывалъ Владиміръ Николаевичъ?

Ольга *(смѣется).* Ахъ, у него была дуэль съ какимъ-то французомъ, съ которымъ онъ встрѣтился гдѣ то въ Италіи, когда былъ еще почти юношей... Это очень смѣшно... Но у него была потомъ другая дуэль—серьезная. И онъ, ты знаешь, убилъ своего противника.

Бѣл. Ты говоришь это такимъ тономъ, какъ будто въ этомъ есть что-нибудь хорошее...

Ольга. А что-жъ? Это во всякомъ случаѣ говоритъ о его храбрости и ловкости.

Бѣл. Это говоритъ, мой другъ, о грубости и жестокости... Дуэль—остатокъ варварства... она имѣла смыслъ, когда умъ человѣческій былъ слабъ и безпомощенъ. И всѣ вопросы поневолѣ разрѣшались грубой силой оружія. Теперь въ нашемъ распоряженіи есть другіе способы, болѣе достойные развитого ума...

Ольга. А дуэль все таки существуетъ... И ты самъ навѣрно сдѣлалъ бы вызовъ, если-бъ... ну... напримѣръ...

Бѣл. Не трудись напрасно подыскивать примѣръ... Подобный случай невозможенъ.

Ольга *(беретъ хлыстъ и безсознательно размахиваетъ имъ).* Какъ, ты не вызвалъ бы, если-бъ тебя оскорбили?

Бѣл. Что это у тебя?

Ольга. О чемъ ты?

Бѣл. Откуда этотъ хлыстъ?

Ольга. Ахъ, это Ратищевъ вчера забылъ...

Бѣл. Странная манера оставлять въ гостиныхъ жокейскія принадлежности.

Ольга. Но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить... Ну а если-бъ тебя вызвали... Неужели ты отказался бы?

Бѣл. Да. Если бы я былъ въ чемъ-нибудь неправъ, то нашелъ-бы другой, болѣе разумный способъ дать удовлетвореніе. *(Искоса взглянувъ на хлыстъ.)* Странно, что тебя забавляетъ этотъ... эта игрушка...

Ольга *(съ полуулыбкой, замѣтивъ, что его это волнуетъ).* Такъ, хочется что-нибудь держать въ рукахъ... И такъ, ты не принялъ-бы вызовъ, рискуя быть обвиненнымъ въ трусости?.. А я не знала, что у тебя такой взглядъ на дуэль...

Бѣл. Этотъ взглядъ, Ольга, вытекаетъ изъ всего моего міросозерцанія. Трусость или храбрость здѣсь ни причемъ. И было бы странно, если бы я думалъ иначе... *(Ольга слегка машетъ хлыстомъ. Вспыхнувъ.)* Оставь, пожалуйста, этотъ хлыстъ. Я не могу этого видѣть... Это меня раздражаетъ... Оставь!...

Ольга *(встаетъ и бросаетъ хлыстъ. Смотритъ на него съ недоумѣніемъ).* Вотъ ты какой! Я этого отъ тебя не ожидала...

Бѣл. *(овладѣвъ собой).* Прости, пожалуйста... У меня нервы разстроены... *(Беретъ ея руку и цѣлуетъ.)* Видишь ли, я очень озабоченъ. Этотъ докладъ, интриги, и тысячи мелочей... Ради Бога, извини эту вспышку...

Ольга. Да, ты ужасно нервенъ. Ты заработался... Тебѣ надо отдохнуть. А кстати, я послала за ложей. Не поѣдешь ли ты съ нами въ оперу? И Варя ѣдетъ. Вотъ и развлекся бы...

Бѣл. Сегодня? У меня въ семь часовъ докладъ въ обществѣ врачей... Чрезвычайно серьезный докладъ...

Ольга Вотъ видишь! Какъ жаль!.. Въ такомъ случаѣ намъ придется пригласить Ратищева...

Бѣл. *(слегка вздрагиваетъ, хмурится, но тотчасъ овладѣваетъ собой).* Да..Ну, что-жъ... разумѣется. Отчего-же не пригласить?.. *(Подумавъ.)* А впрочемъ, я, можетъ быть, потороплюсь съ докладомъ и успѣю. Да и навѣрно успѣю... Вѣдь начало въ восемь? Разумѣется, успѣю!... *(Входитъ лакей.)*

Лакей. Федоръ Михайловичъ Синицынъ...

Бѣл. Синицынъ? Странно! Онъ долженъ бы ждать меня въ клиникѣ... Проси! *(Лакей уходитъ.)* Не сердись же на меня, мой другъ, за эту глупую вспышку!... Видишь ли, вся бѣда въ томъ, что мы созданы изъ духа и плоти, этихъ вѣчныхъ, непримиримыхъ враговъ, которые ежеминутно борются и наступаютъ другъ на друга. То былъ моментъ слабости духа... И я, конечно, былъ жалокъ и смѣшонъ. Но вотъ я теперь совсѣмъ другой... Ты уходишь? *(Цѣлуетъ ея руку.)*

Ольга. Я хочу съѣздить въ гостиный. У меня на сегодня нѣтъ перчатокъ.

Бѣл. Отлично. *(Смотритъ на Ольгу.)* Такъ имѣй въ виду, что я постараюсь поспѣть къ оперѣ...

Ольга. Ты не можешь представить себѣ, какъ я буду этому рада! *(Уходитъ налѣво. Тотчасъ входятъ Синицынъ и Карчеевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Бѣлозеровъ, Синицынъ и Карчеевъ.

Бѣл. *(подавая имъ руку).* А я вѣдь къ вамъ собираюсь... Развѣ вы забыли, что въ два часа мы демонстрируемъ больного пятому курсу?

Син. *(нервный и растерянный).* Н... нѣтъ... Какъ же. Я знаю, но мы такъ—забѣжали...

Бѣл. Что нибудь случилось? Ой, что то у васъ есть... Лица неспокойны у обоихъ... Неужто скрываете отъ меня? Больному худо?

Син. Мы оставили его въ хорошемъ положеніи.

Бѣл. Напрасно вы оставили его, Федоръ Михайловичъ... я никому не вѣрю, кромѣ васъ... Этотъ вашъ помощникъ Фроловъ...

онъ мнѣ не нравится... Ну-съ, такъ что-нибудь другое?

Кар. Право же, профессоръ, ничего... *(Переглядывается съ Синицынымъ.)*

Бѣл. Приходится вамъ вѣрить... И тѣмъ лучше... Ну, пойдемте въ клинику.

Син. Я только хотѣлъ на счетъ вечерняго доклада... Загницкій открыто агитируетъ среди врачей противъ васъ, и разумѣется, находитъ сторонниковъ... *(Заикаясь отъ волненія.)* Они спо... способны сдѣлать скандалъ... Не лучше ли было бы отложить докладъ.

Бѣл. О, стану я бояться этихъ подпольныхъ крысъ, которыя вредятъ только въ темнотѣ, а чуть завидятъ свѣтъ, тотчасъ боязливо разбѣгаются!... Правда на моей сторонѣ и мнѣ нѣтъ до нихъ дѣла... Идемъ же въ клинику!

Син. *(тихо Карчееву).* Идите съ нимъ и смотрите въ оба... А я останусь...

Кар. Я съ вами пойду, профессоръ. А Федоръ Михайловичъ догонитъ насъ...

Син. Да... мнѣ надо сказать два слова Варварѣ Павловнѣ...

Бѣл. Поторопитесь. Вы мнѣ нужны въ клиникѣ. Идемъ! *(Бѣлозеровъ и Карчеевъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Синицынъ, лакей.

Син. *(выждавъ нѣсколько секундъ, отворяетъ дверь въ переднюю).* Послушайте, Иванъ! *(Входитъ лакей.)* У васъ получаютъ „Вѣстникъ“?

Лакей. Какъ-же-съ!.. Только его мы не читаемъ.

Син. Гдѣ сегодняшній?

Лакей. Лежитъ въ передней, даже не развернутъ...

Син. Принесите. *(Лакей уходитъ и тотчасъ возвращается съ газетой.)* И сейчасъ же попросите сюда Варвару Павловну. Скажите: очень нужно.

Лакей. Слушаю-съ! *(Уходитъ налѣво. Синицынъ разворачиваетъ газету и отыскиваетъ глазами какую-то статью. Слѣва входятъ Варя и Ольга. Послѣдняя въ накидкѣ и шляпкѣ. Синицынъ торопливо складываетъ газету.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Синицынъ, Варя и Ольга.

Ольга *(мимоходомъ).* Здравствуйте, Федоръ Михайловичъ... А Петя уже ушелъ?

Син. *(съ смущеніемъ).* Да... я тоже сейчасъ... Варвара Павловна просила одну научную справку... Такъ я... *(Варя съ недоумѣніемъ смотритъ на него.)* Помните, Варвара Павловна... насчетъ... мм... насчетъ...

Варя. Д... да... Благодарю васъ.

Ольга. Ты занимаешься наукой, Варя?

Варя. Немного...

Ольга. Вотъ какъ... Ну, до свиданья, Федоръ Михайловичъ... Такъ, Варя, если зайдетъ Ратищевъ, не забудь сказать, что мы сегодня въ оперѣ... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Синицынъ, Варя и горничная.

Варя. Что случилось? Зачѣмъ вы выдумали справку? Какая справка?

Син. *(не сдерживаясь).* Никакой справки, а просто—гнусность, гнусность безпредѣльная... Вотъ въ этой мерзкой газетѣ—пасквиль... Понимаете? Имена вымышлены, но такъ прозрачно, что дуракъ пойметъ...Отвратительные намеки на Петра Григорьевича, Ольгу Павловну, Ратищева... Понимаете вы? Понимаете? Гаже ничего нельзя придумать.

Варя. Но кто же посмѣлъ это сдѣлать?

Син. Кто? Анонимъ! Подобныя вещи всегда анонимны... Но можно догадываться, кто... Ну, да не въ этомъ дѣло. А въ томъ, чтобы ни Петръ Григорьевичъ, ни Ольга Павловна ни подъ какимъ видомъ не прочитали этого и чтобы какая-нибудь гадина,—извините, что я такъ выражаюсь,—не намекнула имъ... Карчеевъ оберегаетъ Петра Григорьевича... Онъ отъ него не отходитъ... А вамъ нужно быть около Ольги Павловны. Вотъ эту же гнусную газету мы сейчасъ сожжемъ... *(Подходитъ къ камину, зажигаетъ спичку и сжигаетъ газету.)*

Варя. Какъ все одно за другимъ... Пожалуй я потеряю спокойствіе... Такъ я пойду въ пассажъ и буду съ Ольгой... Маша! *(Входитъ слѣва горничная.)*

Маша. Что угодно, барышня?

Варя. Накидку и шляпу! *(Маша уходитъ и приноситъ накидку и шляпу. Варя быстро одѣвается и идетъ къ двери. Маша уходитъ. На порогѣ Варя встрѣчаетъ Тавлинова.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Синицынъ, Варя, Тавлиновъ.

Тав. Куда, куда, дитя мое? Постой... Ты мнѣ нужна... А, здравствуйте, Федоръ Михайловичъ... Что это у васъ тутъ дѣлается? У меня голова кругомъ идетъ... Да что онъ, слѣпъ, что ли, мой зять?

Варя. Ты говоришь, папа, о статьѣ?

Тав. Разумѣется... А ты знаешь? Весь

городъ читаетъ и посмѣивается... Что же это такое?

Варя. Поговори, папа, съ Федоромъ Михайловичемъ. Мнѣ надо спѣшить! (*Уходитъ.*)

Тав. Ну, какъ же съ Федоромъ Михайловичемъ? Все-таки онъ посторонній человѣкъ... какъ же о такомъ дѣлѣ? Извините, пожалуйста!...

Син. Э, что тутъ извиняться!.. Я близкій человѣкъ Петру Григорьевичу и головой ручаюсь, что въ статьѣ все клевета отъ перваго до послѣдняго слова. Но надо его охранять, чтобы онъ ничего не узналъ... Вы должны способствовать... Проклятую газету мы сожгли уже... Однако, добрые люди, навѣрно, постараются сообщить... Ахъ, вы не знаете, сколько враговъ у Петра Григорьевича! Его научный успѣхъ создалъ ихъ цѣлую шайку.

Тав. Знаю, знаю, видѣлъ, постигъ!.. Да, надо оберегать его, охранять. Будемте вмѣстѣ!.. Ахъ, какъ это все прискорбно!.. Я говорилъ, что этотъ господинъ всюду вноситъ несчастье...

Син. (*нервно*). Мнѣ пора въ клинику, однако. (*Раздается сильный звонокъ.*) Что еще тамъ? (*Быстро входитъ Бѣлозеровъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Синицынъ, Тавлиновъ и Бѣлозеровъ.

Бѣл. (*сильно взволнованный.*) Ну, ужъ этого я даже вамъ не могу простить, Федоръ Михайловичъ! Я говорилъ вамъ, что нельзя оставлять клинику на минуту... Я говорилъ, что этотъ Фроловъ—человѣкъ ненадежный.. И вотъ все это оправдалось...

Син. Что же случилось?

Бѣл. Какъ только вы ушли, тотчасъ же Фроловъ разрѣшилъ больному сдѣлать прогулку... Что я говорю: разрѣшилъ? Посовѣтовалъ... И, разумѣется, тотчасъ же ему сдѣлалось хуже... Я не могъ демонстрировать, я долженъ былъ отложить... И Богъ знаетъ, къ чему это поведетъ... И какъ же вы?.. Ахъ, Боже мой... Вы же знаете, что Фроловъ креатура Загницкаго. Но нѣтъ, какія возмутительныя средства употребляютъ эти господа, чтобы достигнуть своей цѣли! Что общаго это имѣетъ съ наукой? Зачѣмъ эти люди называются врачами, а не торговцами мясомъ?.. Возмутительно, возмутительно!..

Син. Виноватъ, простите... Не ожидалъ этого...

Бѣл. Ну, полно! Въ чемъ вы виноваты? Это я погорячился... Не вы тутъ виноваты... Развѣ можно жить на свѣтѣ, подозрѣвая на каждомъ шагу подлость?

Син. Но успокойтесь, Петръ Григорьевичъ... Нельзя такъ разстраиваться... Вамъ нуженъ отдыхъ... Вамъ бы уѣхать куда-нибудь на недѣлю, на двѣ...

Бѣл. Мнѣ уѣхать! Въ самомъ разгарѣ работы, когда дѣло кипитъ, я брошу его для отдыха? Что же я, по вашему, такое?

Тав. Федоръ Михайловичъ правду говоритъ. Да, вамъ нужно отдохнуть, дорогой мой... непремѣнно надо. И самое лучшее: ко мнѣ въ деревню, въ Тавлиновку. Ваша матушка какъ будетъ рада... Она вѣдь соскучилась по васъ... ужасно стосковалась... А главное для Ольги это хорошо. Она нервничаетъ, блѣдна... Подумайте, какъ это полезно... деревенскій воздухъ и проч...

Бѣл. (*успокоиваясь*). Можетъ быть, вы и правы... Это было бы хорошо... (*Задумывается.*) Ахъ, да, вотъ что, Павелъ Алексѣевичъ: не поѣдете ли вы сегодня въ оперу?..

Тав. (*удивленно*). Въ оперу? Почему это вдругъ въ оперу?

Бѣл. Такъ, Ольга взяла билетъ... А я не могу... У меня докладъ... Хотѣлось бы, чтобы вы поѣхали...

Тав. Пожалуй... Я поѣду... Съ удовольствіемъ поѣду...

Бѣл. (*жметъ ему руку*). Спасибо вамъ!.. Вы меня очень, очень обяжете... (*Вспоминая.*) Я ничего не знаю возмутительнѣе этого поступка!.. Какъ работать съ такими товарищами? Съ этимъ нельзя примириться... никогда... (*Входитъ лакей.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Иванъ Степановичъ Загницкій.

Син. (*съ изумленіемъ*). Загницкій?

Бѣл. Да, это въ самомъ дѣлѣ нѣсколько странно...

Тав. Кто такой этотъ Загницкій?

Син. (*тихо ему*). Самый заклятый врагъ Петра Григорьевича и, можетъ быть, авторъ... Понимаете?.. (*Громко Бѣлозерову.*) Неужели вы его примете, Петръ Григорьевичъ?

Бѣл. Какъ-же я могу не принять, если онъ ко мнѣ пріѣхалъ? (*Лакею.*) Проси! (*Лакей уходитъ.*) Но это не спроста... люди становятся особенно любезны съ нами, когда они сдѣлали намъ какую-нибудь гадость... (*Синицынъ и Томилинъ переглядываются и садятся въ отдаленіи. Входитъ Загницкій.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Загницкій.

Заг. (*кланяется.*) Профессоръ... Я пріѣхалъ къ вамъ очистить душу... Вы должны это понять...

Бѣл. (*указывая на стулъ*). Прошу васъ...

Заг. (*садится*). Этотъ третьягодняшній эпизодъ... Нѣкоторыя невольно вырвавшіяся рѣзкости... Если вы вспомните, профессоръ, всѣ мы, не исключая и васъ, были въ тѣ минуты нервно настроены... Вѣдь вы не можете этого не признать, не такъ ли?..

Бѣл. Я признаю это, но... право, не могу понять зачѣмъ возвращаться къ этому предмету ..

Заг. Я же говорю вамъ, профессоръ: хочу очистить душу... Мысль, что вы можете придать моимъ словамъ какой-нибудь особенный смыслъ.. Эта мысль лишаетъ меня покоя... Повѣрьте, что для меня было бы очень тяжело, если бы этотъ эпизодъ повліялъ на наши отношенія и далъ бы вамъ поводъ думать, что мое всегдашнее уваженіе къ вамъ, профессоръ...

Бѣл. Извините меня, докторъ...

Заг. Позвольте мнѣ высказаться... Едва ли найдется на свѣтѣ человѣкъ, у котораго не было бы враговъ... Вы это сами знаете, профессоръ...

Бѣл. Да, я это слишкомъ хорошо знаю, докторъ...

Заг. Такъ вотъ-съ, и у меня есть враги... Они имѣютъ дерзость намекать, что будто разные злонамѣренные слухи и сплетни... (*Синицынъ безпокойно дѣлаетъ Загницкому знаки, чтобы онъ молчалъ.*)

Бѣл. Слухи и сплетни... Какое же мнѣ до всего этого дѣло?

Заг. Я не сталъ бы затрогивать этого непріятнаго вопроса, если бы сюда не впутывали мое имя... Но могу васъ увѣрить, профессоръ, что я возмущенъ этимъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой... (*Синицынъ энергично повторяетъ знаки.*)

Бѣл. (*безпокойно*). О чемъ вы говорите? Я васъ не понимаю...

Заг. Я говорю, профессоръ...

Син. (*встаетъ*). А скажите, докторъ... Простите, что я васъ перебиваю... Вы, вѣроятно, знаете, какая программа сегодня въ обществѣ врачей...

Заг. Гм... Въ обществѣ врачей? Гм... Не помню... (*Бѣлозерову.*) Такъ я хочу сказать, что возмущенъ до глубины души... И наконецъ, эти господа осмѣливаются приписывать мнѣ даже такую гадость, какъ...

Син. (*во время произнесенія послѣдней фразы жестами убѣждаетъ Тавлинова вмѣшаться*).

Тав. (*поспѣшно перебивая Загницкаго, Бѣлозерову*). Ахъ, Боже мой, я совершенно забылъ... (*Изысканно-вѣжливо Загницкому.*) Извините, пожалуйста... я перебиваю васъ, рискуя быть невѣжливымъ, но дѣло экстренное. (*Бѣлозерову.*) Вотъ что, дорогой мой... Я сейчасъ былъ въ банкѣ... И тамъ... э-э... Помните наше обязательство? Такъ э-э...

Заг. (*встаетъ*). Въ такъ случаѣ... я... вижу, что пріѣхалъ не во время... Имѣю честь кланяться. (*Кланяется.*)

Бѣл. Я извиняюсь...

Заг. Нѣтъ, что-жъ... Не въ пору гость... Это ужъ видно... Это видно... (*Уходитъ.*)

Бѣл. (*стоитъ нѣкоторое время въ раздумьѣ. Потомъ къ Синицыну и Тавлинову*). Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Въ его присутствіи я чувствую себя такъ, словно меня насильно погружаютъ въ грязь... Что это за намеки? О чемъ онъ говорилъ? Что все это значитъ?

Син. Ахъ, Петръ Григорьевичъ, не обращайте вниманія... Знаете, собака лаетъ— вѣтеръ носитъ!..

Бѣл. Нѣтъ, нѣтъ.. Такіе люди ничего не дѣлаютъ даромъ... И вы помѣшали ему что-то досказать... Я ничего не понимаю, но чувствую, чувствую... Словно воздухъ отравленъ ядомъ... Тысячи мелочей, пустяковъ врываются въ мою жизнь... Что вы отъ меня скрываете? Говорите все...я не боюсь правды...

Тав. (*подходитъ къ нему и нѣжно обнимаетъ его талію одной рукой*). Дорогой мой... Ничего такого нѣтъ... Право же, ничего...

Бѣл. Хотѣлось бы мнѣ вамъ вѣрить... Но... Что-то мнѣ мѣшаетъ... И къ чему имъ это? Ну, пусть они продѣлываютъ сами мерзости, если это ихъ забавляетъ... Но зачѣмъ имъ нужно втаскивать ихъ въ мой домъ?.. Ахъ, какъ все это меня разстраиваетъ... Какъ бы я хотѣлъ бѣжать отъ всего этого. .

Тав. Полноте. (*Беретъ его подъ руку и ведетъ къ двери направо.*) Подлости на земномъ шарѣ всегда было вдоволь... О, достаточно .. Къ этому надо привыкнуть, мой другъ. Пойдемте въ кабинетъ и поболтаемъ. Мы давно не болтали. (*Уводитъ его въ кабинетъ. Синицынъ уходитъ за ними. Входятъ Ольга и Варя.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Варя и Ольга, за ними горничная.

Ольга (*горничной*). Не заѣзжалъ Ратищевъ?

Гор. Нѣтъ, не бывали... (*Снимаетъ съ*

нея накидку и шляпу.) Варвара Павловна, васъ Митенька спрашивали!

Варя. А, Митя? Я сейчасъ! (*Горничная уходитъ.*)

Ольга (*утомленная садится*). Варя, голубушка, побудь съ нимъ, я отдохну.

Варя. Я побуду, не безпокойся!.. (*Уходитъ налѣво. Входитъ горничная.*)

Гор. Владиміръ Николаевичъ... Можно принять ихъ?

Ольга. А! Проси, проси! (*Горничная уходитъ. Ольга нервно потягивается. Входитъ Ратищевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Ольга и Ратищевъ.

Ольга. Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ!

Рат. (*съ мрачнымъ, немного натянутымъ видомъ, кланяется*). Здравствуйте, Ольга Павловна!

Ольга. Садитесь! Что это отъ васъ сегодня дуетъ такимъ сѣвернымъ вѣтромъ? Давно не видала васъ такимъ.

Рат. Ольга Павловна, къ сожалѣнію, я сегодня не въ состояніи забавлять васъ, хотя желалъ бы дѣлать это всю жизнь...

Ольга. Что значатъ эти рѣчи и этотъ взглядъ?

Рат. Они значатъ, что на меня нашло благоразуміе, и я попрошу васъ на минуту сосредоточиться и выслушать меня...

Ольга. Я слушаю.

Рат. Вы знаете, Ольга Павловна, что всякая игра кончается выигрышемъ для одной и проигрышемъ для другой стороны. Бываетъ и розыгрышъ, когда обѣ стороны ничего, кромѣ времени, не теряютъ и не пріобрѣтаютъ. Но эта игра, которая тянулась слишкомъ долго—цѣлыхъ семь лѣтъ, Ольга Павловна, какъ вы знаете—эта игра, повидимому, кончается страннымъ образомъ: я проигрываю все, а вы въ то же время ничего не выигрываете... (*Ольга прикусила нижнюю губу.*) У меня есть достаточно причинъ, Ольга Павловна, наконецъ спросить васъ: какъ вы думаете: правъ ли я, полагая, что ничего никогда я не выиграю?.. Предупреждаю васъ, что это для меня имѣетъ огромное значеніе...

Ольга (*съ волненіемъ*). Я не могу ничего сказать вамъ, кромѣ того, что вы знаете, Владиміръ Николаевичъ...

Рат. (*кланяется*). Благодарю васъ и за это. Я не изъ тѣхъ, которымъ нужно договаривать все до конца; я понятливъ и ясно вижу положеніе... Безъ сомнѣнія, васъ нисколько не тронетъ, если я скажу, что всѣ эти семь лѣтъ мучительно любилъ васъ. (*Ольга дѣлаетъ движеніе.*) Успокойтесь, я пріѣхалъ съ самыми благоразумными намѣреніями. По поводу моихъ отношеній къ вамъ, которыя всегда были самыми чистыми, въ городѣ стали ходить недостойныя сплетни и дошло даже до...Но не будемъ объ этомъ говорить. . Это слишкомъ низко и я слишкомъ уважаю васъ, чтобы повторять это... Чтобы положить этому конецъ, я рѣшилъ уѣхать... я уѣзжаю заграницу надолго, можетъ быть, навсегда... Я пришелъ проститься съ вами мирно, по-дружески и поблагодарить васъ за то, что вы все же были ко мнѣ благосклонны и выносили мое присутствіе. Васъ удивляетъ этотъ тонъ? Но каждый человѣкъ хоть разъ въ жизни бываетъ благоразуменъ...А затѣмъ... Безъ сомнѣнія, вы захотите получить обратно ваши письма, въ которыхъ вы все же оказывали мнѣ нѣкоторое довѣріе... Вотъ они... А я попрошу васъ возвратить мнѣ мои... Они вѣдь вамъ ни на что не нужны, Ольга Павловна. (*Даетъ ей пачку писемъ. Она беретъ.*)

Ольга (*смущенная*). Если вы хотите... Хотя въ нашихъ письмахъ не было ничего такого, что мы должны были бы скрывать отъ другихъ...

Рат. Тѣмъ менѣе они цѣнны и тѣмъ скорѣе ихъ слѣдуетъ уничтожить... Я какъ-то говорилъ вамъ, что въ своей жизни надѣлалъ много глупостей, но такой продолжительной у меня не было ни одной. Я просто не хотѣлъ бы, чтобъ у кого-нибудь, а въ особенности у васъ, былъ памятникъ моей семилѣтней глупости...

Ольга. Хорошо... Я сейчасъ принесу ваши письма... (*Уходитъ. Ратищевъ въ раздумьи ходитъ по сценѣ. Справа входитъ Тавлиновъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Ратищевъ *и* **Тавлиновъ**, *потомъ* **лакей**.

Тав. (*не замѣчая Ратищева*). Кто тутъ есть? Нѣтъ-ли какого-нибудь спирта или одеколону? Онъ совсѣмъ расхворался... (*Замѣчаетъ Ратищева.*) А, Владиміръ Николаевичъ! (*Здоровается.*) Это почти кстати, что я васъ увидѣлъ... очень кстати...

Рат. (*мрачно кланяется*). Чѣмъ могу служить?

Тав. (*понижая голосъ*). Вы, вѣроятно, знаете объ этихъ... сплетняхъ... Статью эту гнусную читали, разумѣется... Вѣдь тамъ все ясно... Не можетъ быть сомнѣнія...

Тат. Да, я читалъ, къ сожалѣнію...

Рав. Ну, разумѣется, къ сожалѣнію... Такъ вотъ... Все это очень печально и... признаюсь... хотя я и не люблю лѣзть со своими совѣтами, когда меня не спрашиваютъ... Но... Я предостерегалъ моего зятя отъ... однимъ словомъ отъ неосторожныхъ посѣщеній... Вы понимаете теперь сами!.. О, конечно, понимаете... какъ вамъ надо вести себя...

Рат. *(вспыхнувъ).* Извините, я не признаю ни за кѣмъ права дѣлать мнѣ подобныя указанія; я самъ хорошо знаю, какъ мнѣ надо вести себя...

Тав. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!.. Значитъ намъ и говорить не о чемъ... Не о чемъ и говорить... *(Входитъ лакей съ письмомъ на подносѣ и направляется къ кабинету.)* Постой, братецъ, куда это? Кому? Кто принесъ?

Лакей. Письмо Петру Григорьевичу... Почтой...

Тав. *(разсматриваетъ конвертъ).* Почтой? Гм... Кажется, ничего такого. *(Замѣчаетъ взглядъ Ратищева и смущается.)* Гм... Неси... *(Лакей уходитъ въ кабинетъ.)* Да... Такъ тѣмъ лучше... Именно: тѣмъ лучше... И я, слѣдовательно, могу разсчитывать на ваше обычное благородство. *(Изъ кабинета выбѣгаетъ Синицынъ разстроенный.)*

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Ратищевъ, Тавлиновъ, Синицынъ, *потомъ* **Ольга.**

Син. Что вы надѣлали? Зачѣмъ вы не задержали письма? Негодяй прислалъ вырѣзку изъ газеты... Это ужасно!

Тав. *(хватаясь за голову).* Что вы говорите? Можетъ ли это быть?

Син. Вы не можете представить, что съ нимъ сдѣлалось. Онъ внѣ себя. Я боюсь за него. *(Тревожно смотритъ на Ратищева. Входитъ Ольга, дѣлаетъ два шага, но, увидавъ Тавлинова и Синицына, останавливается. Всѣ въ волненіи смотрятъ на дверь кабинета.)*

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и Бѣлозеровъ.

Бѣл. *(въ кабинетѣ).* Мерзавцы! Негодяи! *(Выходитъ, гнѣвный, держа въ рукахъ вырѣзку изъ газеты.)* Вотъ низость, которой нѣтъ имени... *(Замѣтивъ Ратищева, останавливается внѣ себя.)* А!.. Вы здѣсь! Зачѣмъ вы ходите сюда? Зачѣмъ нарушаете миръ въ моемъ домѣ? Что вамъ нужно отъ насъ? Смотрите! Любуйтесь!.. Чѣмъ мы обязаны вашимъ посѣщеніямъ... *(Швыряетъ по направленію къ нему скомканную бумагу.)*

Рат. Вы съ ума сошли! *(Дѣлаетъ движеніе.)*

Бѣл. Уйдите, уйдите... *(Теряя самообладаніе.)* Слышите ли! Уходите отсюда...

Ольга *(растерянно).* Петя... Ахъ!..

Рат. *(глядя на Ольгу и овладѣвая собою).* До свиданья, Ольга Павловна! *(Быстро уходитъ. Тавлиновъ и Синицынъ бросаются къ Бѣлозерову. Ольга, шатаясь, держится за спинку кресла.)*

Бѣл. *(закрываетъ лицо руками).* Въ какого звѣря превратился я!.. Какое безумiе! Какое паденіе!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Линскій, Карчеевъ, *потомъ* **Бѣлозеровъ и лакей.**

Кар. Тебѣ не показалось, что онъ какой-то странный?..

Лин. Да, есть что-то... Видно, чѣмъ-то озабоченъ... Кажется мы не во время пришли...

Кар. Да и вообще онъ въ послѣднее время какъ-будто самъ не свой... Даже въ лицѣ измѣнился... *(Входитъ Бѣлозеровъ съ книгой въ рукѣ.)*

Бѣл. *(отдаетъ книгу Линскому).* Вотъ книга. Вы сами найдете въ ней что нужно... *(Ходитъ по кабинету.)* Этихъ источниковъ вамъ будетъ достаточно. Но если хотите быть вполнѣ обстоятельными, возьмите журналъ „Medicinische Zeitung“ за... за позапрошлый годъ... Тамъ былъ рядъ интересныхъ статей по этому вопросу... Вы читаете по нѣмецки?

Кар. Линскій читаетъ, но это все равно...

Бѣл. *(ходитъ нѣкоторое время молча).* Да... Такъ вотъ... Виноватъ, мы говорили... Да, да! И потомъ еще вотъ что: четыре года назадъ вышла по французски брошюра доктора Грелье. Не знаю, была-ли она переведена у насъ? Запишите: „Новые клиническіе методы“ Грелье. Тамъ вы найдете удивительно ясную постановку вопроса... Но, главное, опирайтесь на клиническій опытъ... У насъ въ этомъ году богатая клиника... Какой у васъ срокъ для сочиненія?

Лин. Шесть мѣсяцевъ... *(Карчеевъ въ это время стоитъ лицомъ къ книжному шкафу и съ восхищеніемъ разсматриваетъ библіотеку.)*

Бѣл. Это не много... Впрочемъ... Да, это не много... Что вы такъ внимательно смотрите?

Кар. Я не могу наглядѣться на вашу библіотеку, профессоръ! Вотъ это богатство! Никогда ничему не завидовалъ, а тутъ завидую.

Бѣл. Да? Это хорошо. Это, можетъ быть, единственный случай, когда зависть является добродѣтелью. *(Задумывается.)*

Лин. *(встаетъ)*. Мы, кажется, вамъ помѣшали, профессоръ...

Бѣл. *(встрепенувшись)*. О, нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! Вы никогда не можете мнѣ помѣшать... Васъ удивляетъ моя неровность... Да, я нѣсколько взволнованъ, разстроенъ немного. Меня безпокоитъ нашъ больной. Послѣ такого блестящаго исхода операціи состояніе его начинаетъ какъ бы колебаться... Эта прогулка ему очень повредила... Но давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Я еще не видѣлъ послѣднихъ книжекъ журналовъ. А ужъ вы, навѣрно, прочитали ихъ отъ доски до доски. Присядьте-ка да поразскажите, что есть интереснаго? *(Линскій и Карчеевъ садятся. Входитъ лакей.)* А что? Федоръ Михайловичъ? Проси, проси!

Лакей. Нѣтъ-съ, это утрешніе господа! Вотъ карточки!.. *(Подаетъ двѣ карточки.)*

Бѣл. Ахъ, эти? *(Смотритъ карточки недоумѣвающе, но съ тревогой)*. Баронъ Штифель... Чебышевъ... Ни того, ни другого не знаю... *(Лакею.)* Ты сказалъ, что я больныхъ не принимаю?

Лакей. Какже, докладывалъ-съ. Они сказываютъ: мы не больные... А дѣло у насъ важное...

Бѣл. Проси! *(Лакей уходитъ.)* Я надѣюсь, что это не отниметъ у насъ много времени... *(Входятъ Штифель и Чебышевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, Штифель *и* **Чебышевъ**, *которые, войдя, кланяются.*

Бѣл. Прошу извинить меня... Утромъ вы меня не застали. Чѣмъ могу служить?

Чеб. Дѣло, о которомъ мы поставлены въ необходимость говорить съ вами, господинъ профессоръ, касается лично васъ...

Бѣл. Такъ, прошу васъ, садитесь... *(Указывая на Линскаго и Карчеева, которые стоятъ.)* Это—мои друзья, они не могутъ помѣшать намъ...

Чеб. Дѣло такого характера, господинъ профессоръ...

Бѣл. Но если, какъ вы говорите, оно касается только меня...

Шт. И господина Ратищева, по порученію котораго мы имѣемъ честь...

Бѣл. Да... Вотъ что? Въ такомъ случаѣ... *(Линскому и Карчееву.)* Пять минутъ въ пріемной... Мнѣ было бы очень непріятно, если бы вы ушли...

Кар. Мы подождемъ! *(Линскій и Карчеевъ уходятъ налѣво.)*

Бѣл. Я вполнѣ признаю, что господинъ Ратищевъ долженъ считать себя оскорбленнымъ... Я самъ очень скорблю по поводу этого эпизода... Но, извините меня, я не могу понять, зачѣмъ господину Ратищеву понадобилось вмѣшивать сюда постороннихъ лицъ?

Чеб. Есть общепринятыя правила, господинъ профессоръ, отъ которыхъ нельзя отступать...

Бѣл. Правила?

Шт. Очевидно, мы не понимаемъ другъ друга. Позвольте объяснить дѣло просто. Владиміръ Николаевичъ Ратищевъ, какъ вы справедливо изволили замѣтить, считаетъ себя тяжко оскорбленнымъ вами и поручилъ намъ передать вамъ вызовъ...

Бѣл. Вызовъ? Онъ хочетъ, чтобъ я дрался на дуэли? *(Штифель и Чебышевъ киваютъ утвердительно.)* Это совершенно невозможно. На это я не могу согласиться ни подъ какимъ видомъ.

Чеб. Другими словами, вы уполномочиваете насъ передать, что вы рѣшительно отказываетесь принять вызовъ?...

Бѣл. Да, вы можете передать это... Я не могу драться на дуэли...

Шт. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится напомнить господину профессору, что въ такихъ случаяхъ оскорбленный считаетъ себя свободнымъ отъ общепринятыхъ формъ возмездія и ищетъ случая... въ свою очередь нанести оскорбленіе какимъ бы то ни было, хотя бы и самымъ грубымъ способомъ...

Бѣл. Едва ли господинъ Ратищевъ уполномочилъ васъ дѣлать мнѣ подобное напоминаніе... Прошу васъ передать ему, что я глубоко сожалѣю о случившемся, вполнѣ сознаю свою неправоту и готовъ принести ему самыя искреннія извиненія...

Шт. Въ такомъ случаѣ наша задача упрощается, если профессору будетъ угодно принести это извиненіе въ извѣстной формѣ.

Бѣл. Какая же форма удовлетворила бы господина Ратищева?

Шт. Вотъ единственная редакція извиненія, которое вы въ такомъ случаѣ должны были бы принести ему въ видѣ письма... Если профессору угодно, я могу продиктовать...

Бѣл. Я прежде долженъ выслушать...

Шт. *(вынимаетъ бумагу и читаетъ).* „Я глубоко сожалѣю о своемъ поступкѣ, считая его грубымъ... неприличнымъ...

Бѣл. Пусть такъ...

Шт. „И недостойнымъ благовоспитаннаго человѣка...

Бѣл. *(раздражаясь).* Допустимъ, что и это необходимо...

Шт. Это не все, господинъ профессоръ: Далѣе: „я признаю, что во все время нашего знакомства вы", т.-е. господинъ Ратищевъ, „вели себя безупречно по отношенію ко мнѣ и къ другимъ близкимъ мнѣ лицамъ..."

Бѣл. *(больше раздражаясь).* Рѣчь должна идти только обо мнѣ... Близкія или дальнія лица здѣсь не при чемъ...

Шт. Я только исполняю порученіе, господинъ профессоръ, и читаю то, что здѣсь написано...

Бѣл. Продолжайте, прошу васъ!..

Шт. ... „и утверждаю, что подозрѣніе, послужившее поводомъ...

Бѣл. Какое подозрѣніе?

Шт. *(продолжая съ подчеркиваніемъ).* „...подозрѣніе, послужившее поводомъ къ оскорбленію, было незаслужено и несправедливо, такъ какъ отношенія ваши (т.-е. господина Ратищева) къ лицу, которое..." Господинъ профессоръ, конечно, понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь „...Къ лицу, которое...

Бѣл. *(вставая въ гнѣвѣ).* Довольно! Прошу васъ прекратить это. Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о какомъ лицѣ... И я требую, чтобы вы никогда нигдѣ этого не повторяли. Такъ вотъ чего желаетъ отъ меня господинъ Ратищевъ?

Шт. Да, господинъ профессоръ, или...

Бѣл. *(перебивая).* Знаю... Можете передать, что... я принимаю вызовъ...

Шт. Такимъ образомъ, вы категорически отказываетесь извиниться передъ господиномъ Ратищевымъ въ предлагаемой имъ формѣ? *(Бѣлозеровъ дѣлаетъ отрицательное движеніе.)* Въ такомъ случаѣ, господинъ профессоръ, мы считаемъ свой долгъ исполненнымъ. *(Кланяется.)* У васъ имѣется мой адресъ, по которому вы благоволите прислать вашихъ уполномоченныхъ сегодня въ три часа... Господинъ Ратищевъ торопится съ отъѣздомъ заграницу. Имѣемъ честь кланяться, господинъ профессоръ! *(Уходятъ.)*

Бѣл. *(одинъ).* Итакъ, я принялъ вызовъ... Я, быть можетъ, убью...или меня убьютъ... Это безсмысленно!.. Но къ чему разсуждать, если за меня думаетъ и рѣшаетъ кто-то другой, и я живу чужой волей?.. Ахъ, стоитъ только разъ опуститься до пошлости, и она уже начнетъ затягивать тебя въ свое болото... Шагъ сдѣланъ... Въ три часа... Теперь больше двухъ... *(Отворяетъ дверь въ гостиную.)* Войдите, господа! *(Входятъ Линскій и Карчеевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Бѣлозеровъ, Линскій, Карчеевъ.

Бѣл. Друзья мои, ради Бога, простите... Я очень озабоченъ... Въ другой разъ мы поговоримъ спокойно... Въ другой разъ. *(Пожимаетъ имъ обоимъ руки.)*

Лин. Вы слишкомъ взволнованы, профессоръ...

Бѣл. Слишкомъ? Да, вы правы... Много заботъ у меня...

Кар. Мы не будемъ мѣшать вамъ... *(Хотятъ уйти.)*

Бѣл. *(подумавъ).* Постойте. Вы можете оказать мнѣ величайшую услугу...

Кар. Мы готовы, профессоръ!..

Бѣл. Только дайте мнѣ прежде слово: вы не будете спрашивать: почему и зачѣмъ? Такъ надо... Слышите ли? такъ надо, и это все, что я могу сказать вамъ. Дайте же мнѣ слово...

Лин. }
Кар. } Даемъ, безъ сомнѣнія!..

Бѣл. И не удивляйтесь... И ничему не удивляйтесь, друзья мои! Когда человѣкъ, который всю жизнь боролся съ какимъ-нибудь нелѣпымъ, оскорбительнымъ для ума человѣческаго, предразсудкомъ, вдругъ самъ становится не только жертвой, а даже героемъ этого предразсудка, не удивляйтесь и этому. И если какое-нибудь слово будетъ дико звучать для вашего уха, стоитъ только прислушаться къ нему, мысленно повторить его сто разъ и вы сроднитесь съ нимъ. Вотъ вамъ примѣръ: представьте, что я вздумалъ бы драться на дуэли. Это противорѣчитъ моей натурѣ, моимъ убѣжденіямъ, всей моей жизни. Это дико, это немыслимо, не такъ ли? Но подумайте и вы найдете, что могли бы отыскаться такія обстоятельства, когда это было бы неизбѣжно... Не правда ли?

Лин. }
Кар. } *(подумавъ).* Да, пожалуй...

Бѣл. Вы правы... И... я дерусь... Нѣтъ, нѣтъ, вы дали слово не спрашивать, почему и зачѣмъ... Такъ надо, такъ надо, друзья мои... Вы мнѣ вѣрили, когда я вамъ говорилъ съ каѳедры... Вѣрьте же и теперь: такъ надо и иначе нельзя!

Лин. Но это ужасно!

Бѣл. И все-таки: такъ надо и иначе нельзя! Окажите же мнѣ услугу. Примите

на себя эти печальныя обязанности. Я довѣряю вамъ вполнѣ. Я охотнѣе довѣрюсь вашимъ юнымъ и пылкимъ понятіямъ о чести, чѣмъ правиламъ вѣками выработаннаго кодекса, которымъ люди почему-то руководствуются, не ощущая въ груди ни малѣйшаго призыва къ чести... Вотъ адресъ. *(Даетъ карточку.)* Оружіе?.. Въ дѣтствѣ я стрѣлялъ изъ игрушечнаго пистолета, а шпаги никогда не держалъ въ рукахъ. Но все равно: это одинаково глупо... Скажу еще: въ этой исторіи я былъ неправъ. Идите же... И никому ни слова!.. *(Пожимаетъ имъ руки.)*

Кар. Какъ ни ужасно это, профессоръ, но мы... мы должны исполнить!

Бѣл. Да, вотъ что! По дорогѣ зайдите къ Федору Михайловичу и попросите его ко мнѣ сейчасъ, сію минуту... Но, ради Бога, не выдавайте меня... Ради Бога!.. *(Линскій и Карчеевъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Бѣлозеровъ *одинъ, потомъ* **Ольга.**

Бѣл. Я чувствую, будто у меня на плечахъ не моя голова, не та, что такъ ясно смотрѣла на вещи и такъ легко разбиралась въ нихъ. Мой мозгъ словно отравленъ. Я вижу, что передо мною раздвигается пропасть и машинально двигаюсь къ ней... Но что же это за сила, толкающая меня по дорогѣ, которая противна всему моему существу, всей моей жизни?.. Не остановиться ли? Не повернуть ли обратно? Письмо!.. Но развѣ я могу написать эти ужасныя слова, которыя для того и придуманы, чтобы еще разъ пробудить во мнѣ звѣря? Нѣтъ, слово сказано, надо идти дальше... Да, вотъ оно: „блаженъ, кто безъ высокой цѣли не возстаетъ, но бьется за песчинку, когда задѣта честь“... Вотъ—и я бьюсь за песчинку... Съ чего начать? *(Идетъ къ столу и вынимаетъ бумаги изъ ящика.)* Надо все привести въ порядокъ... Ничего не забыть... Мой докладъ... *(Пишетъ.)* Синицыну въ наслѣдство... Здѣсь все выяснено... Онъ поведетъ дальше... Добрый товарищъ! Онъ былъ мнѣ вѣрнымъ другомъ!.. *(Откладываетъ.)* Два слова декану. Я хотѣлъ бы, чтобы моя каѳедра перешла къ Синицыну. Пусть это будетъ моимъ завѣщаніемъ. *(Пишетъ и кладетъ въ конвертъ.)* Матушкѣ... Бѣдная старуха!.. Ты отдала мнѣ свою жизнь... Я для тебя былъ все на свѣтѣ... Святая, непреклонная... Ты, для которой жизнь была рядомъ обидъ и горькихъ утратъ... Ты вѣрила только въ меня... Только моя шутка разглаживала морщины на твоемъ челѣ. Только я одинъ привязывалъ тебя къ жизни... Сможешь ли ты перенести этотъ страшный ударъ и простить мнѣ? Бѣдная моя, я разбиваю твою послѣднюю надежду!.. Ужасъ!.. Ужасъ!.. Это свыше моихъ силъ! Вмѣстѣ съ собой я убиваю другихъ... Я разбиваю столько дорогихъ жизней!.. Ради чего? Ради дикаго предразсудка, который люди выдумали себѣ, чтобъ замѣнить имъ совѣсть! Я, всю жизнь положившій на борьбу съ предразсудками, преклоняюсь и складываю оружіе передъ самымъ нелѣпымъ изъ нихъ!.. *(Тихо.)* Да... Это такъ... Это такъ и будетъ... Это неизбѣжно!.. Такъ надо, иначе нельзя... вотъ слова, противъ которыхъ борьба безполезна... Ахъ, скорѣй, скорѣй, надо все успѣть... Ольгѣ!.. *(Пишетъ.)* Всѣ эти событія послѣднихъ дней лишили ее веселости. Она смутно чувствуетъ драму!.. Горе и дѣтей дѣлаетъ мудрыми!.. *(Роняетъ перо и закрываетъ лицо руками.)* Ахъ, Митя, Митя!.. Мой дорогой, ненаглядный мальчикъ!.. Сколько радужныхъ надеждъ я лелѣялъ на тебѣ! Всѣхъ разомъ я отрываю отъ сердца... *(Пауза. Входитъ Ольга. Онъ торопливо прячетъ бумаги въ ящикъ и запираетъ ящикъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Бѣлозеровъ и Ольга.

Бѣл. *(быстро подымаетъ голову и встаетъ. Говоритъ развязно и шутливо).* А, Ольга, ты пришла пристыдить меня!..

Ольга. За что, Петя?

Бѣл. Ну, какъ же? Я сегодня не нашелъ случая повидаться съ тобой и пожелать тебѣ добраго дня... *(Подходитъ къ ней и цѣлуетъ руку.)* Здравствуй, моя милая! Надѣюсь, ты здорова? Не очень... Что-то блѣдна... Это мнѣ не нравится... Ты должна цвѣсти, какъ роза... Извини за нѣсколько избитое сравненіе... Но, право же, я не знаю ничего прекраснѣе розы. Это цвѣтокъ радости и здоровья, не правда ли?

Ольга. Въ самомъ дѣлѣ, Петя, ты такъ хорошо настроенъ? Я была бы очень рада, если бы...

Бѣл. Если бы?

Ольга. Если бы выраженіе твоихъ глазъ было такъ же весело, какъ твои слова. .

Бѣл. Выраженіе моихъ глазъ?.. Вотъ странно, а между тѣмъ я отлично настроенъ... Ну, что вашъ благотворительный базаръ? Кажется, онъ сегодня открывается... Ты вѣдь должна тамъ быть...

Ольга. Ты это помнишь? Да, къ сожалѣнію, должна... Въ три часа.

Бѣл. Почему же, къ сожалѣнію? Къ сожалѣнію для бѣдныхъ? Да?

Ольга. Почему для бѣдныхъ?

Бѣл. Гм... Ну, признайся, сколько стоило тебѣ платье для этого базара?

Ольга. Двѣсти... Да, это правда, что проще было бы отдать эти деньги бѣднымъ...

Бѣл. Но будемъ правдивы: еслибы ты не заказала платья, то этихъ денегъ ты все-таки не отдала бы бѣднымъ... Не правда ли? Итакъ, поѣзжай на этотъ базаръ и будь мила и прекрасна, какъ всегда ..

Ольга. Я не знаю, почему, но мнѣ кажется, что ты какой-то странный... Петя, ты ничего не скрываешь отъ меня?

Бѣл. Ровно ничего, мой другъ... Ахъ, впрочемъ, есть секретъ, котораго ты не знаешь... Я, можетъ-быть, уѣду дня на два...

Ольга. Ты уѣдешь? Куда? Зачѣмъ?

Бѣл. Къ одному товарищу... Въ деревню... Есть дѣло и кромѣ того это меня разсѣетъ немного... Видишь, какъ я развинтился за послѣднее время, но я отдохну и успокоюсь Прощай же, мой другъ... *(Цѣлуетъ ея руку.)*

Ольга. Ты прощаешься?

Бѣл. Да... На два дня вѣдь... А ты старайся не скучать тутъ... *(Беретъ ея руки и смотритъ въ глаза.)* Въ послѣдніе дни я много доставилъ тебѣ огорченія. Но ты простила мнѣ?.. Нѣтъ, не совсѣмъ... Ты даже не улыбаешься мнѣ...

Ольга. Что ты, Петя? Ты сегодня какой то... непонятный!.. Ты пугаешь меня!

Бѣл. Полно, полно! Я такой же, какъ всегда... Поѣзжай же, поѣзжай! *(Цѣлуетъ ее въ лобъ.)* Ты этимъ меня успокоишь... А потомъ, когда вернусь, я возьму отпускъ и мы поѣдемъ въ Тавлиновку. Мы проведемъ чудную недѣлю... Я буду жить только съ природой и моей семьей. *(Поспѣшно входитъ Синицынъ.)* А, какъ я радъ, что вы пришли!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Бѣлозеровъ, Синицынъ, *потомъ* **Варя.**

Син. *(здороваясь съ Ольгой).* Вы за мной присылали, Петръ Григорьевичъ?... Мнѣ сказали, что спѣшное дѣло...

Бѣл. *(Ольгѣ, нѣжно провожая ее).* Иди же, иди, мой дружокъ... чтобы не опоздать тебѣ!.. *(Ольга съ недоумѣніемъ смотритъ на него и уходитъ.)*

Бѣл. *(торопливо).* Что съ больнымъ?

Син. Вы слишкомъ много о немъ безпокоитесь, Петръ Григорьевичъ. Вы себя не жалѣете... Значительной перемѣны нѣтъ. Осложненіе же, по моему, случайное, и я увѣренъ, что мы восторжествуемъ. Господинъ Загницкій слишкомъ рано затрубилъ побѣду.

Бѣл. О, навѣрное, слишкомъ рано. Температура?

Син. Тридцать девять и четыре...

Бѣл. Было тридцать восемь и семь... Но это ничего... Помните, мы съ вами говорили объ этомъ?.. Вѣдь мы предвидѣли, допускали... Но методъ вѣрный, не правда ли? Вы видите это, вы чувствуете? А это все, что надо... *(Задумывается.)* Погодите... Что я хотѣлъ сказать вамъ? Что-то важное... Голова у меня плохо работаетъ...

Син. Дайте отдохнуть ей, Петръ Григорьевичъ... Дайте нервамъ своимъ отдохнуть... Такъ нельзя...

Бѣл. Да, да, я отдохну... Но погодите... А, вотъ, я вспомнилъ! Температуру все-таки надо дисциплинировать. Понижайте во что бы то ни стало. И вотъ что, мой другъ: былъ разговоръ съ Тройновымъ. Онъ сомнѣвается... Но, ради Бога, не дѣлайте уступокъ! *(Оживляется.)* Идите неуклонно по намѣченному пути. Истина очевидна, оттого-то они всѣ такъ и волнуются. Другъ мой, когда истина рождается на свѣтъ, враги это чувствуютъ и подстерегаютъ ее. Они прикидываются друзьями, встрѣчаютъ ее, служатъ ей повивальной бабкой, пеленаютъ, предлагаютъ себя въ воспріемники, и все это для того, чтобы взять ее въ свои руки и изуродовать... Берегитесь ихъ! Да... Я еще что-то хотѣлъ сказать вамъ... Дайте припомнить... *(Думаетъ.)* Нѣтъ, не могу припомнить... Зачѣмъ вы на меня такъ смотрите? Развѣ я говорю что-нибудь странное?

Син. Я не смѣю сказать вамъ это, дорогой Петръ Григорьевичъ... Но у меня сердце сжимается... Вы не такой, какъ всегда... Вы неспокойны... взволнованы... Вы пугаете меня... Простите, если я сказалъ не то...

Бѣл. *(горячо пожимаетъ его руки).* Нѣтъ, добрый мой товарищъ, вы сказали то, что есть. Вы сказали отъ сердца. Да, я разстроенъ, это правда... Но это пройдетъ... *(Вспомнивъ.)* Да, вотъ еще: строго слѣдите за тѣмъ, чтобъ въ комнатѣ больного температура была равномѣрна... Скажите объ этомъ куратору... *(Входитъ Варя. Онъ торопливо идетъ ей навстрѣчу и беретъ ея руки.)* А, Варя, вы кстати пришли... Я уѣду дня на два... Одинъ товарищъ мой зоветъ... У него тамъ... есть трудный больной... Да хочу и провѣтриться, отдохнуть... Такъ ужъ вы *(шутя)* покрѣпче держите бразды правленія въ домѣ... Вы вѣдь всегда фило-

софъ..Чтобъ Ольга не тревожилась... Чтобы за Митей смотрѣли... Гдѣ мой мальчикъ? Онъ въ дѣтской?..

Варя *(съ недоумѣніемъ)*. Да!..

Бѣл. Я хочу взглянуть на него... *(Синицыну.)* Не уходите же! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Синицынъ и Варя.

Варя *(быстро подходитъ къ Синицыну)*. Федоръ Михайловичъ, что это значитъ? Онъ на себя не похожъ... И что это за внезапная поѣздка? Онъ никогда къ больнымъ не ѣздитъ... Тутъ что-нибудь скрывается...

Син. Ничего не понимаю... Самъ теряюсь. Все до послѣдней степени странно. Вдругъ прислалъ за мной... Только что былъ у больного, вдругъ опять разспрашиваетъ, торопится, придумываетъ средства... И все это такъ нервно... Я боюсь, Варвара Павловна...

Варя. Чего боитесь?

Син. Боюсь за его мозгъ... Нельзя безнаказанно наваливать на человѣка столько волненій... Извините, я не смѣю вникать... Но эта вчерашняя сцена... Она потрясла его .. Онъ вѣдь ничего не умѣетъ воспринимать и чувствовать вполовину...

Варя. Да, это можетъ быть...

Син. *(съ горькимъ упрекомъ)*. Вотъ ужъ... извините... я этого не въ состояніи простить... Можно бы поберечь отъ всего этого такого человѣка... Его голова нужна не намъ только, а всѣмъ... Эхъ, право!.. Какъ мы не умѣемъ беречь сокровища...

Варя. Вы правы, Федоръ Михайловичъ... Но объ этомъ говорить поздно... *(Послѣ молчанія.)* Вотъ замучили же человѣка... Кому это нужно? Зачѣмъ? *(Входитъ Бѣлозеровъ, взволнованный, растроганный, подходитъ къ креслу и безсильно опускается въ него.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Бѣлозеровъ, *потомъ* **Линскій и Карчеевъ.**

Варя *(подходитъ къ нему)*. Петръ Григорьевичъ, что съ вами?

Бѣл. *(какъ бы про себя)*. Растрогалъ меня Митя... Милый мой мальчикъ! Когда прощаемся, мы узнаемъ, какъ насъ любятъ... У дѣтей тонкая чувствительность... Зачѣмъ онъ заплакалъ, бѣдный мальчикъ! Обнялъ меня, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и залился слезами... Совсѣмъ разстроилъ меня!

Варя. Вы измучены, Петръ Григорьевичъ... Вамъ надо остаться дома, отдохнуть... Вамъ никуда нельзя ѣхать... Право, останьтесь съ нами... Лучше будетъ...

Бѣл. *(послѣ короткаго молчанія)*. Пустое! Минутная слабость... *(Встаетъ.)* Я отлично могу владѣть собой... Я слишкомъ много времени провожу съ женщинами, и оттого сталъ чувствителенъ... Я обѣщалъ поѣхать... Какъ же я могу не поѣхать?

Варя. Знаете что, Петръ Григорьевичъ? Я этому... почти не вѣрю...

Бѣл. *(стараясь шутить)*. О, вотъ какъ, Варя? Ужъ вы мнѣ и не вѣрите? За что же такъ?

Варя *(отворачиваясь, дрожащимъ голосомъ)*. Простите, ради Бога!.. Я просто не привыкла видѣть васъ такимъ...

Син. Я поѣду съ вами, Петръ Григорьевичъ! Пожалуйста, не откажите мнѣ въ этомъ.

Бѣл. *(испугавшись)*. О, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! На вашихъ рукахъ клиника... Помните, какой у насъ отвѣтственный больной... Его нельзя на полчаса покинуть...

Син. *(съ прорвавшимся чувствомъ)*. Да пропади она совсѣмъ, эта клиника, и всѣ на свѣтѣ больные!..

Бѣл. *(беретъ за руки Синицына и Варю)*. Когда у человѣка есть такіе вѣрные друзья, какъ вы, когда его окружаетъ столько любви и преданности, можно ли падать духомъ и не вѣрить въ счастье и жизнь? О, полноте, друзья мои, не бойтесь за меня, со мной ничего не случится дурного...Слышите?*(Убѣжденно.)* Со мною ничего не случится... Я освѣжусь, разсѣюсь и вернусь къ вамъ бодрымъ и твердымъ, какимъ былъ всегда... И какъ еще мы будемъ работать съ вами, Ѳедоръ Михайловичъ! Какую могучую рать новыхъ наблюденій и выводовъ двинемъ на нашихъ враговъ! *(Входятъ Линскій и Карчеевъ.)* А, вотъ и вы... Я вамъ нуженъ?... Не правда ли?..

Кар. Да, профессоръ...

Бѣл. Я готовъ. Идемте!.. Прощайте же! *(Торопливо, порывисто обнимаетъ Синицына и горячо цѣлуетъ руку Вари. Карчееву и Линскому.)* Идемте, друзья мои! *(Бѣлозеровъ, Линскій, Карчеевъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Синицынъ и Варя *(растерянные, говорятъ съ паузами)*.

Варя *(подумавъ)*. Что значитъ все это?

Син. Не знаю... не знаю...

Варя. Куда они пошли? Почему онъ такъ странно прощался съ нами?

Син. Ахъ, я совсѣмъ глупъ... Все спуталось въ моей головѣ... Ничего не понимаю...

Варя. Что значатъ слова: „У дѣтей тонкая чувствительность“?.. Сегодня у него два раза были два господина... какой-то баронъ и еще другой... Когда они ушли, онъ послалъ за вами...

Син. Два господина?.. Баронъ...

Варя. Можетъ быть отъ Ратищева?... Послѣ этой ужасной исторіи...

Син. *(съ ужасомъ).* Ахъ, я идіотъ... Какъ же я не понялъ этого раньше?.. Ратищевъ вызвалъ его... Это—дуэль!..

Варя. Что вы! это невозможно!.. Онъ не пойдетъ на дуэль...

Син. Бываютъ обстоятельства, когда ничего больше не остается...

Варя. Да, вы правы... Теперь все понятно. И его тонъ, и все... Но этого нельзя допустить... Надо спасти его... Ратищевъ его убьетъ... Онъ славится, какъ стрѣлокъ... А Петръ Григорьевичъ вовсе стрѣлять не умѣетъ... Да онъ и не станетъ стрѣлять... Развѣ онъ способенъ выстрѣлить хотя бы въ врага?.. Вѣдь это... это просто убійство!.. Нельзя допускать этого...

Син. Но какъ мы можемъ воспрепятствовать? Я, не задумываясь, пожертвовалъ бы своей жизнью, чтобы спасти его... Его жизнь стоитъ тысячу такихъ головъ, какъ моя... Эта глупая башка, которая не можетъ даже придумать ничего...

Варя *(подумавъ).* Постойте... Дуэли запрещены... Дуэль — преступленіе... Мы должны донести властямъ, мы должны потребовать, чтобъ ее остановили... Да, да, мы должны это сдѣлать...

Син. Это средство только—женское и никуда не годится...

Варя. Почему? Почему?

Син. Дуэли помѣшать нельзя, когда она рѣшена не мальчишками, но такими людьми, какъ Петръ Григорьевичъ, который безъ глубокихъ основаній не сдѣлалъ бы подобнаго шага... Вы можете помѣшать, но она все-таки въ концѣ концовъ состоится. Если же заявить властямъ, то этимъ только глубоко оскорбимъ его, и больше ничего...

Варя. Вы правы... Мы оскорбимъ его... Но, что же дѣлать? *(Подбѣгаетъ къ окну.)* Поѣзжайте за нимъ... догоните .. убѣждайте... умоляйте его... Пойдемъ вмѣстѣ, будемъ его умолять... *(Идетъ къ главной двери, входитъ слѣва Ольга, одѣтая къ благотворительному базару. Варя останавливается.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Синицынъ, Варя, Ольга.

Ольга. Развѣ Петя уже уѣхалъ?..

Син. *(нетвердо).* Да... Онъ... онъ уже уѣхалъ...

Ольга *(смотритъ на нихъ внимательно).* Почему же такъ скоро? *(Синицыну.)* А вы... Вы остались... Вы какіе-то странные оба... Федоръ Михайловичъ блѣденъ... Почему ты такъ встревожена, Варя?.. Это на тебя не похоже... Ты не волнуешься изъ пустяковъ. Что нибудь случилось? Да... Вы скрываете... Я это вижу... Что же случилось? Говорите!

Варя. Ольга, милая, право же...

Ольга. Нѣтъ, я вижу... Я вошла сюда, и у меня сердце сжалось... Петя былъ какой-то странный... Что же вы молчите? Гдѣ онъ?.. Ради Бога... Умоляю васъ, скажите... Онъ заболѣлъ? Съ нимъ какое-нибудь несчастье?.. Варя, вѣдь я вижу, что ты знаешь... За что же ты обижаешь меня? *(Истеричнымъ голосомъ.)* За что вы меня такъ презираете?

Син. Успокойтесь, Ольга Павловна... Что вы говорите?

Ольга *(настойчиво).* Я должна знать... Слышите ли? Я имѣю право знать... Я не хочу тайны... Вы смотрите на меня, какъ на ребенка, вы боитесь, чтобъ я не расплакалась... Гдѣ онъ? Куда уѣхалъ мой мужъ? Почему онъ рылся въ бумагахъ такъ поспѣшно? Зачѣмъ онъ торопливо пряталъ что-то въ ящикъ? Вы все знаете, я вижу по вашимъ глазамъ... Говорите же, говорите!.. *(Подбѣгаетъ къ столу, быстро отпираетъ ящикъ и вынимаетъ бумаги.)* Вотъ его работа... А это... *(Схватываетъ письмо.)* „Декану медицинскаго факультета“... *(Бросаетъ его и схватываетъ другое.)* „Ольгѣ“!.. Это мнѣ... Ахъ... Боже мой... Сердце разрывается... *(Рветъ конвертъ, руки дрожатъ, читаетъ запинаясь.)* „Милый другъ... я твердо знаю... что ты не виновата ни въ чемъ... Всему виною... безумныя обстоятельства... Я не могъ отвести чашу... Если что случится... Воспитай сына“... Ахъ... Что же это? Что же это значитъ? Вы молчите? Дуэль? Да... Да... Дуэль!.. Вы смѣетесь надо мной? Онъ идетъ на смерть, а она разодѣлась на благотворительный базаръ... Да, вы правы... Я дурная женщина... Я отвратительная жена... Я буду его убійцей, если... О, да нѣтъ же, нѣтъ... Этого не будетъ. Я... Я остановлю ихъ... Я крикну имъ: не смѣйте! Гдѣ же онъ? Вы молчите? О, я найду его... Я найду!.. *(Бѣжитъ къ двери.)*

Варя *(удерживаетъ ее.)* Оля, приди въ себя, дорогая!..

Ольга. Пусти! *(Вырывается.)* Пусти меня! *(Убѣгаетъ.)*

Варя *(Синицыну)*. Ради Бога, за нею! Она внѣ себя...

Син. Я буду съ нею... *(Уходитъ.)*

Варя *(одна)*. Господи!.. Неужели же, неужели онъ погибнетъ?..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ольга, *потомъ* **горничная**.

Ольга *(одна. Сидитъ въ креслѣ, охвативши голову обѣими руками, и смотритъ въ одну точку. Молчаніе. Входитъ горничная).*

Гор. Барыня, уже второй часъ. Митенька безпокойно спятъ безъ Варвары Павловны. Прикажете вамъ въ дѣтской послать? *(Ольга не слышитъ. Молчаніе.)* Барыня! Гдѣ постель вамъ стелить? *(Ольга молчитъ. Горничная машетъ рукой.)* Господи, ты, Боже мой! Ни отъ кого ничего не добьешься... Всѣ словно помѣшались!.. *(Уходитъ. Въ передней раздается звонокъ. Ольга вздрагиваетъ и вскакиваетъ съ мѣста. Входитъ Варя въ пальто и шляпкѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ольга и **Варя**.

Ольга. Что?

Варя. Ничего... Была у губернатора... Полиція исходила всѣ окрестности... За десять верстъ ѣздили... Ничего нѣтъ...

Ольга *(ломаетъ руки)*. Боже! *(Подходитъ къ камину, опускаетъ на него голову и опять застываетъ.)*

Варя. Ольга, милая... Быть можетъ, мы ошиблись... Не уѣхалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ къ товарищу?..

Ольга *(качая головой)*. Нѣтъ!..

Варя. Какъ его любятъ, Ольга!.. Студенты взволнованы... Въ городѣ всѣ освѣдомляются, спрашиваютъ... *(Подходитъ къ ней.)* Ольга, я начинаю думать, не пошутилъ ли онъ...

Ольга. Ты хочешь утѣшить меня... Зачѣмъ вы всѣ такъ добры ко мнѣ?

Варя. Нѣтъ, право же, я такъ думаю...

Ольга. Неправда, Варя... Ты такъ не можешь думать... Онъ не умѣетъ такъ шутить... Ратищевъ тоже уѣхалъ. Ты же сама справлялась... Баронъ Штифель, Чебышевъ... Карчеева и Линскаго до сихъ поръ нѣтъ... Ты же знаешь это... Нѣтъ, неправда... Ахъ, какая мука! *(Опять склоняется на каминъ.)*

Варя. Ты бы пошла въ спальню... Отдохнула бы... *(Въ передней звонокъ.)*

Ольга *(порывисто)*. Кто-то пришелъ... Не онъ ли? О, Боже, еслибъ это былъ онъ... *(Бросается къ двери. Входитъ Синицынъ. Она бросается къ нему.)* Гдѣ онъ? Говорите же, говорите!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ольга, Варя и **Синицынъ**.

Син. Ради Бога не волнуйтесь... Ничего опаснаго... Ради Бога!..

Ольга. Дуэль?

Син. Да, была дуэль... Мы не ошиблись...

Ольга. Была... И что же?

Син. Успокойтесь же... Петръ Григорьевичъ...

Ольга *(вскрикиваетъ)*. Раненъ?

Син. Да... нѣ... тъ... то-есть не опасно... Довольно легко... Успокойтесь же, прошу васъ...

Ольга. Что вы еще знаете? Гдѣ онъ? Вы скрываете что-то. Ахъ, зачѣмъ меня обманываютъ?..

Син. Увѣряю васъ, ничего больше... Я получилъ телеграмму отъ Карчеева...

Ольга. Гдѣ она? Покажите...

Син. Я... я забылъ ее дома...

Ольга. А-а... Неправда, неправда! Вы боитесь показать мнѣ ее...

Син. Увѣряю васъ... Они боялись драться близъ города, уѣхали за двадцать верстъ... Въ шесть часовъ вечера это случилось...

Ольга. Но гдѣ же онъ?

Син. Скоро будетъ здѣсь... Рана легкая, но была потеря крови... Онъ долженъ былъ полежать въ земской больницѣ. Теперь онъ ѣдетъ домой... Вотъ что, Варвара Павловна, — велите приготовить ему постель—помягче и пошире...

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ, я сама... Я сама все сдѣлаю... *(Уходитъ направо.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Варя и **Синицынъ**, *потомъ* **горничная**.

Варя Вы не все сказали, Ѳедоръ Михайловичъ!..

Син. *(не сдерживаясь, сжавъ кулаки).* А-а! Проклятые люди! Не пощадили! Добились своего! Да, Варвара Павловна, не все... Вотъ телеграмма...

Варя *(схватывая телеграмму и читая).* „Приготовьте родныхъ... Рана тяжелая... Боюсь, довеземъ ли живого“... Боже мой! за что же это ему?!

Син. *(едва сдерживая слезы).* Но не волнуйтесь... побольше мужества... Еще не все потеряно... Карчеевъ можетъ ошибиться... и навѣрное ошибается. Что онъ понимаетъ? Зачѣмъ падать духомъ!.. Мы спасемъ его... Надо послать на всякій случай за Тройновымъ... И какъ-нибудь успокойте Ольгу Павловну...

Варя. Что же я ей скажу? Я просто не въ силахъ...

Син. Ну, будьте хоть вы мужественны! Возьмите себя въ руки. Вы такъ умѣете это дѣлать...

Варя. Хорошо... я пойду къ ней... *(Уходитъ направо.)*

Син. *(идетъ къ столу и пишетъ сперва рецептъ, потомъ письмо; затѣмъ отворяетъ главную дверь).* Кто тутъ есть? *(Входитъ лакей.)* Живо сходите въ аптеку и принесите все это... Затѣмъ сейчасъ же отнесите записку профессору Тройнову... Да приготовьте льду, самаго чистаго и порубите помельче! *(Лакей беретъ рецептъ, письмо и уходитъ.)* Да, мужества, мужества... А самъ готовъ разревѣться, какъ женщина... *(Входитъ горничная съ подушками и бѣльемъ.)* Вотъ здѣсь на диванѣ все приготовьте *(Помогаетъ ей.)* Вотъ такъ... вотъ... Ну, теперь ступайте съ Богомъ. Да смотрите, чтобъ наготовѣ былъ огонь въ кухнѣ, вода, кипятокъ...

Гор. Слушаю-съ! *(Уходитъ. Въ главную дверь поспѣшно входитъ Линскій, въ то же время справа входитъ Варя.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Синицынъ, Линскій и Варя.

Син. *(бросаясь къ нему.)* Вы одинъ? Что это значитъ?

Син. Я ускакалъ впередъ предупредить васъ..! *(Къ Варѣ.)* Дайте мнѣ воды ради Бога!.. *(Варя даетъ ему воды.)* Какъ все это ужасно!

Варя. Да говорите же!

Лин. Мы не могли выбрать мѣста здѣсь, вблизи... Всюду ходятъ и ѣздятъ... Пришлось отправиться далеко... Въ шесть часовъ мы были на мѣстѣ... Ахъ, я не могу разсказывать подробностей!.. Они должны были стрѣлять одновременно... Мы устроили барьеръ... Оба они взяли пистолеты... Баронъ Штифель подалъ сигналъ, махнувъ шляпой... Профессоръ въ ту же минуту былъ у барьера... Ратищевъ сдѣлалъ къ нему четыре или пять шаговъ... Оба начали цѣлить... Вдругъ раздался выстрѣлъ... Профессоръ былъ раненъ и упалъ... Мы подбѣжали къ нему... Онъ потерялъ сознаніе... Потомъ пришелъ въ себя и уже болѣе не лишался чувствъ... Мы положили его въ коляску и довезли до земской больницы... Онъ очень страдалъ, но не жаловался...

Син. Куда онъ раненъ?

Лин. *(показывая лѣвый бокъ).* Сюда.

Варя *(Синицыну).* Это опасно? Безнадежно?

Син. Очень опасно... Но надо видѣть. Все сдѣлаемъ, чтобъ спасти... Я послалъ за Тройновымъ... Повторите приказаніе... *(Варя выходитъ, потомъ возвращается.)* Кто дѣлалъ перевязку?

Лин. Земскій врачъ Петровъ.

Син. Опытный врачъ... Вы, Линскій, идите къ студентамъ и успокойте ихъ... Они волнуются...

Лин. Я пойду! *(Уходитъ.)*

Варя. Ольга на себя не похожа! Что съ нею будетъ? Ахъ, сколько несчастій разомъ... *(Входитъ Ольга, шатаясь подходитъ къ креслу, опускается въ него и сидитъ неподвижно. Синицынъ и Варя умолкаютъ. Нѣкоторое время молчаніе.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Синицынъ, Варя и Ольга.

Син. *(тихо).* Успокойте ее какъ-нибудь... Ея видъ можетъ привести его въ отчаянье и ухудшитъ положеніе...

Варя *(подходитъ къ Ольгѣ. Говоритъ осторожно, нѣжно).* Ольга, здѣсь былъ сейчасъ Линскій... Ничего нѣтъ опаснаго... Успокойся, милая!

Ольга *(не перемѣняя положенія, какъ бы сама съ собой).* Я во всемъ виновата... Я легко смотрѣла на жизнь... Мало цѣнила его... Я была неосторожна... Я играла, какъ ребенокъ... Я довела до этого... Я дурная... злая... бездушная...

Варя. Ну, полно, Ольга... Что ты? Ты слишкомъ мрачно смотришь на вещи...

Ольга *(мрачно).* Ты такъ думаешь? А знаешь ли ты, что я была виновницей этой дуэли? Ты не знаешь!..

Варя. Ты теперь готова Богъ знаетъ въ чемъ обвинить себя...

Ольга. Я послала его... я заставила его драться...

Варя. Полно, полно, Ольга... кто этому повѣритъ?

Ольга. Да, да... Ты не знаешь!.. Передъ тѣмъ, какъ это случилось... Эта ужасная сцена съ Ратищевымъ... былъ разговоръ... Я разсказала ему о дуэли Ратищева съ кѣмъ то... Онъ говорилъ, что не признаетъ дуэли... а я .. я почти смѣялась надъ нимъ... я... я почти назвала его трусомъ. Я не могла предвидѣть это... Я шутила. Слышишь, Варя, — я шутила... Ахъ, я всю жизнь шутила!..

Варя. Ольга!..

Ольга *(не слушая)*. Это оттого, что мы не знаемъ жизни... Вѣдь мы не глупы, а дѣлаемъ непоправимыя глупости... Вѣдь мы не злы, а дѣлаемъ на каждомъ шагу зло... Мы только тогда начинаемъ понимать правду жизни, когда насъ поразитъ страшное горе. У тебя, Варя, было горе и ты не такая, какъ я!.. *(Съ сильнымъ волненіемъ.)* Варя... Слушай!.. Если онъ... Если съ нимъ случится что-нибудь дурное, я... я убью себя!..

Син. Ольга Павловна, прошу васъ, успокойтесь... Ради него, ради него...

Ольга *(со слезами)*. Ахъ, еслибы вы могли видѣть мою душу!.. *(За сценой шумъ и топотъ. Всѣ прислушиваются. Ольга съ крикомъ стремительно бросается въ переднюю и тамъ раздаются ея рыданія. Карчеевъ, швейцаръ и нѣсколько человѣкъ вводятъ Бѣлозерова.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Ольга, Варя, Синицынъ, Бѣлозеровъ, Карчеевъ и лакей.

Ольга *(припадая къ плечу Бѣлозерова)*. Милый, милый!.. Что я надѣлала?!..

Бѣл. *(стараясь быть шутливымъ)*. О, ничего, пустяки... Завтра пойду на лекцію.

Син. Сюда вотъ... *(Укладываетъ Бѣлозерова на диванъ.)* Удобно вамъ, Петръ Григорьевичъ?

Бѣл. *(удерживаясь отъ стона)*. Отлично, мой другъ, отлично. Если всѣмъ больнымъ въ нашей клиникѣ такъ удобно лежать, то я за нихъ спокоенъ...

Ольга *(беретъ его за руку)*. О, какъ все это ужасно!.. И я во всемъ виновата.

Бѣл. Право же, Ольга моя, ты ни въ чемъ не виновата... И ничего ужаснаго нѣтъ... Вотъ Синицынъ посмотритъ и подтвердитъ... Онъ успокоитъ тебя... Дамы пусть уйдутъ, мы полѣчимся... *(Синицынъ тихо уговариваетъ Ольгу и Варю уйти. Онѣ уходятъ, Варя поддерживаетъ Ольгу.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Синицынъ, Бѣлозеровъ, Карчеевъ и лакей.

Бѣл. *(Синицыну)*. Плохо, братъ... Пуля засѣла крѣпко... Полюбуйся... *(Синицынъ осматриваетъ рану.)* Что? Хороша? Знаю, братъ, знаю... Не даромъ... учился...

Син. Дорогой... Лучшій изъ людей... Я надѣюсь... я... я увѣренъ... О, изверги!! *(Рыдая припадаетъ къ его рукѣ, потомъ энергично вытираетъ слезы.)* Да что же это со мной?.. *(Лакею.)* Корпію, примочку!.. Льду сюда!.. Мы спасемъ васъ!.. *(Карчеевъ и лакей подаютъ все.)*

Бѣл. Говори мнѣ „ты“... Мнѣ такъ хочется... Только не лги... Хорошъ бы я былъ профессоръ, еслибъ не могъ предсказать себѣ смерть!.. Женѣ лги... Это нужно!.. А мнѣ не надо!.. *(Синицынъ дѣлаетъ перевязку. Быстро входитъ Тройновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Тройновъ.

Бѣл. А, коллега и учитель! Какъ вы добры!

Тр. *(подходитъ къ нему близко)*. Это что еще за фантазія, мой милый? Жизнью шутить вздумали? Ай-ай-ай, какъ это непохвально! *(Беретъ его за руку.)* Развѣ вы не знаете, что ваша жизнь нужна не только вамъ, но и намъ и всѣмъ нужна?... *(Синицыну.)* Ну, въ чемъ дѣло? Разскажите!

Син. *(отводитъ его въ сторону и говоритъ сдержаннымъ голосомъ)*. Раненъ въ полость живота... Я не могъ прощупать пулю, но признаковъ воспаленія нѣтъ...

Тр. Это еще слава Богу... Абсолютный покой... Можетъ быть извлечемъ пулю... Помните, въ прошломъ году, какъ блестяще онъ сдѣлалъ такую операцію! Какая горькая насмѣшка судьбы!..

Син. О, мы тоже сдѣлаемъ, если не будетъ осложненія... Намъ самъ Богъ поможетъ... Профессоръ, вы вѣрите въ возможность спасенія?

Тр. Не знаю, почему, но вѣрю, вѣрю... *(Продолжаютъ разговоръ тихо. Входитъ Варя.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Варя.

Бѣл. *(маня пальцемъ, тихо).* Варя, Варя!.. *(Варя подходитъ.)* Смотрите на этихъ авгуровъ... Они по привычкѣ дѣлаютъ видъ, что могутъ помочь... А между тѣмъ все кончено, Варя...

Варя. Но вы ошибаетесь!..

Бѣл. Спросите ихъ шопотомъ... Они вамъ шопотомъ скажутъ правду.

Варя *(подходитъ къ Синицыну и Тройнову).* Ради Бога... Есть надежда?

Тр. Мы вѣримъ, что спасемъ его!

Бѣл. *(закрываетъ глаза и впадаетъ въ забытье. Потомъ бредитъ.)* Закрой лицо... Въ твоихъ глазахъ огонь... Твоя душа горитъ... горитъ...

Син. Это бредъ... Это ничего... Онъ просто ослабѣлъ... *(Подходитъ къ Бѣлозерову и беретъ его за руку.)* Другъ мой! Что ты говоришь?

Бѣл. *(очнувшись).* Это ты, Синицынъ?... Мнѣ представилась страшная нелѣпость— женщина съ огненными глазами... Дай мнѣ льду... Жажда... Ахъ, какая тоска!.. *(Ему даютъ льду. Онъ глотаетъ и натираетъ себѣ виски. Кусочекъ льду выскальзываетъ. Онъ хочетъ взять, шаритъ рукой. Карчеевъ подаетъ ему ледъ. Бѣлозеровъ задерживаетъ руку Карчеева.)*

Кар. *(взволнованно).* Профессоръ!

Бѣл. *(не выпуская руки Карчеева, подзываетъ Синицына).* Синицынъ, мою библіотеку — ему... И Ольгѣ скажи это... Теперь ужъ не надо завидовать. *(Жметъ и выпускаетъ руку Карчеева. Тотъ хватаетъ руку и цѣлуетъ.)* Который часъ?..

Син. Три часа... *(За сценой шумъ и гулъ. Варя уходитъ туда и возвращается.)*

Бѣл. Что это за шумъ?

Варя. Масса народу пришла... Передняя и зала полны... Всѣ справляются о вашемъ здоровьѣ...

Бѣл. Спасибо имъ... Однако жъ Ольгѣ скажите, что все идетъ хорошо... они ее пугаютъ... *(Синицынъ щупаетъ пульсъ.)* Что, братъ, падаетъ? Плохо...

Син. О, нѣтъ, отлично!.. Мы тебя вылѣчимъ!..

Тр. Не стыдитесь боли, не удерживайте стоновъ... Легче будетъ!.. Ну, я не прощаюсь... Скоро буду. *(Синицыну.)* Каждыя четверть часа извѣщайте меня! *(Уходитъ.)*

Бѣл. Нѣтъ... Жена услышитъ... И смѣшно же это, чтобы такой вздоръ меня пересилилъ... Слушай, Синицынъ! А больной нашъ?

Син. Я не видалъ его... Тебя спасти надо...

Бѣл. Нѣтъ, онъ важнѣе теперь. Иди твердо... Не уступай ни іоты. Они прозрѣютъ... Помнишь у Сакья-Муни: когда родился Будда, нѣмые заговорили, глухіе стали слышать, слѣпые прозрѣли... Воздуху нѣтъ!.. Позовите жену... *(Варя уходитъ.)* Дай мнѣ льду. *(Ему даютъ; глотаетъ и натираетъ виски.)* Такъ легче... *(Нетерпѣливо.)* Что же жена? Мити не надо. Мнѣ стыдно смотрѣть ему въ глаза. *(Входитъ Ольга за ней Варя.)*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и Ольга.

Ольга *(порывисто идетъ къ нему, схватываетъ и цѣлуетъ его руку).*

Бѣл. *(нѣжно гладитъ ее по головѣ).* Ничего, ничего, все хорошо!.. Будь тутъ... И гляди на меня долго, долго... Вотъ такъ...

Ольга *(плача).* Милый!.. *(Садится около и неподвижно смотритъ на него.)*

Бѣл. *(Открываетъ глаза.)* Дышать мнѣ трудно... Смерть идетъ!

Ольга *(встаетъ, ломая руки, полуотвернувшись).* Я не вынесу этого! Я съ ума сойду!

Бѣл. Ольга! *(Ольга напряженно слушаетъ.)* Будь тверда!.. Думай о сынѣ!.. Воспитай его честнымъ человѣкомъ!..

Ольга *(поднимаясь, говоритъ сосредоточенно, проникнутая новымъ чувствомъ.)* Да, я буду тверда, какъ камень!.. Да, я всю жизнь буду думать о сынѣ, я воспитаю въ немъ тебя!.. Тебя, милый, честный, достойный. *(Становится передъ нимъ на колѣни.)* Прости, прости меня! *(Онъ кладетъ руку ей на голову. Въ передней сдержанный говоръ.)*

Бѣл. Что тамъ? *(Входитъ лакей.)*

Лакей *(сдержанно).* Студенты желаютъ видѣть...

Син. *(машетъ ему руками).* Невозможно... Никого не пускайте...

Бѣл. *(оживляясь).* Студенты? Впустите ихъ! *(Лакей уходитъ.)* Мнѣ всегда пріятно ихъ видѣть. Мнѣ кажется, что они приносятъ мнѣ жизнь! *(Входитъ Линскій и нѣсколько студентовъ.)* Вы очень добры, друзья мои... Вы очень добры... *(Начинается разсвѣтъ, который, увеличиваясь все больше и больше, виденъ въ окна.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е

Тѣ же и студенты.

Лин. *(запинаясь отъ слезъ).* Дорогой профессоръ... Намъ поручили товарищи...

ихъ тяжелое горе... ихъ отчаянье... и... и надежда... Простите... Я не могу высказать... (*Вытираетъ слезы.*)

Бѣл. Скажите всѣмъ товарищамъ, что я ихъ люблю отъ всего сердца... (*Синицыну.*) Кто вмѣсто тебя около нашего больного?

Лин. Мы принесли вамъ радостную вѣсть, профессоръ. Кризисъ болѣзни миновалъ благополучно. Температура 38. Больной точно воскресъ и чувствуетъ себя прекрасно...

Бѣл. (*радостно*). А! значитъ я не умираю... Продолжай же, Синицынъ, продолжай!.. А вы—вѣрьте ему, какъ мнѣ вѣрили... У него чистая душа... И вы берегите и лелѣйте чистоту души... Силы падаютъ... Жизнь кончена... Жаль жизни... Всего жаль... И этихъ книгъ... Съ ними я испыталъ столько счастья. И этихъ (*смотритъ на портреты на стѣнахъ*) дорогихъ образовъ, которые всегда будили во мнѣ вдохновеніе... До свиданія .. тамъ... Жаль этихъ цвѣтовъ... И этого начинающагося дня... Откройте окна!.. Погасите свѣчи! (*Студенты открываютъ окна, Варя гаситъ свѣчи. Врывается день, солнце восходитъ. Вдали слышенъ городской шумъ, отдаленный гулъ экипажей. Отдаленный благовѣстъ. Бѣлозеровъ приподнимается.*) Слышите? Тамъ жизнь... Тамъ все идетъ по старому; и вѣчно, вѣчно будетъ раздаваться этотъ шумъ будничной жизни, заглушающій всѣ наши стоны, всѣ наши драмы... Къ свѣту... поверните къ свѣту! (*Кушетку поворачиваютъ къ окну. Вдохновенно.*) Ночныя тѣни ушли... Солнце восходитъ... Какое странное чувство!.. Мнѣ вдругъ сдѣлалось хорошо... Такъ свѣтло въ головѣ... я такъ ясно все вижу и понимаю... Ахъ, еслибъ люди всегда могли такъ ясно видѣть и чувствовать!... (*Закрываетъ глаза и говоритъ какъ бы въ бреду.*) Все прошлое проходитъ передо мной... Непрерывная борьба духа съ плотью, неба съ землею, великаго съ пошлымъ и ничтожнымъ... Пустяки двигаютъ нами... Ахъ, какія мы бѣдныя, маленькія существа! А сколько счастья было бы на землѣ, еслибъ люди умѣли жить... О, какъ прекрасна жизнь... при свѣтѣ солнца... (*Синицынъ и Карчеевъ поддерживаютъ его. Ольга припадаетъ къ нему. Варя склоняетъ голову на каминъ. Студенты стоятъ, наклонивъ головы.*)

ОБЪЯВЛЕНІЯ

(БЕЗПЛАТНО)

гг. антрепренеровъ и ищущихъ ангажемента артистовъ.

Арановичъ, Іосифъ Марковичъ, суфлеръ, и **Ленская**, Альбертина Александровна, комическая старуха и gr. d., на лѣтній сезонъ 94 г. Г. Кременчугъ, зимній театръ.

Вехтеръ Николай Соломоновичъ—драм. резонеръ и режиссеръ. Свободенъ на текущій сезонъ. Также даетъ уроки драматическаго искусства и режиссируетъ любительскіе спектакли—Москва. Тверская, меблир. комн. Фальцъ-Фейнъ № 214.

Виноградовъ, Л. И.—вторыя роли—г. Сѣвскъ, соб. д.

Гончаровъ—М. И. комикъ-резонеръ,—Ростовъ-на-Дону, уголъ Пушкинской и Почтоваго пер. д. Рѣзниченко.

Дубровичъ, Екатерина Никандровна,—комич. и драм. старуха—Кіевъ, Крещатикъ, гостин. «Эрмитажъ», М. И. Велизарій для передачи.

Коленко В. И.—Молодая пѣвица-контральто.—Желаетъ получить мѣсто на зимній сезонъ (1893—94 г., въ оперѣ, а также можетъ играть въ комедіи; адресъ: г. Москва, Пречистенка, домъ Воскресенскаго, квартира генерала В. И. Панскова.

Мельховскій, на вторыя роли въ комедіи и драмѣ. Г. Орелъ 2 Посадская, д. Батуриной.

Райскій Левъ Борисовичъ, исполняющій роли 2-хъ простаковъ-комиковъ и молодыхъ людей, свободенъ на лѣтній сезонъ $9^{4}/_{5}$ г. Г. Кременчугъ, Полтавской губ. драматическій театръ Н. Т. Филипповскаго.

Солонинъ, Рафаилъ Александровичъ, суфлеръ, резонеръ и комикъ-резонеръ, на зиму $9^{3}/_{4}$ г. Кіевъ, Фундуклеевская ул. №№ Кана, 7.

Чернякъ М. М.—опытный помощникъ режиссера и **Яснова** Е. П.—актриса ingénue comique на вторыя роли, свободны на предстоящій лѣтній и зимній сезоны, а также и до конца настоящаго зимняго сезона. Одесса. Редакція „Новороссійскій Телеграфъ", Новая улица, д. № 2, Озмидова.

☞ Каждое объявленіе печатается **три раза**. Желающіе продолжать печатаніе ихъ объявленій благоволятъ вновь увѣдомлять о томъ контору журнала. Гг. артисты, получившіе уже ангажементъ, благоволятъ также сообщать о томъ конторѣ для прекращенія печатанія ихъ объявленій.

АДРЕСЫ гг. АНТРЕПРЕНЕРОВЪ и АРТИСТОВЪ.

Ванченко (Писанецкій), Константинъ Ипполитовичъ. Постоянный адресъ: г. Житомиръ, ст. Жандармская, д. Катерберга, И. М. Писанецкому, для передачи.

Велизарій, М. И.—Кіевъ-Крещатикъ гост. „Эрмитажъ".

Ивановъ-Козельскій.—Одесса, Крымская гостиница.

Карамзина-Жуковская, оперная пѣвица—Кіевъ, М. Владимірская, д. Зотовой, № 26.

Карини, Е.—оперн. пѣвица. Миланъ. S. Pietroall' Orto № 20.

Корбинъ, Константинъ Григорьевичъ. Гродно. Театръ (антрепренеръ).

Корсаковъ, И. А.—Омскъ.—Театръ.

Мазуровъ, Я Я. Бронная, мебл. комн. Андреева № 66.

Медвѣдевъ, Никифоръ Александровичъ—Воронежъ. Театръ.

Россовъ, Н. П. Москва, Донская ул., д. Простякова, П. Ф. Кузисъ для передачи.

Соколовъ-Жамсонъ, Павелъ Ананьевичъ (Антрепренеръ)—Орелъ. Театръ.

Чарскій, Владиміръ Васильевичъ и **Лола** Ольга Дмитріевна, Пенза Б. Б. Полтарацкому для передачи.

☞ Вслѣдствіе часто поступающихъ въ контору нашего журнала запросовъ объ **адресахъ гг. антрепренеровъ и артистовъ**, контора проситъ означенныхъ лицъ доставлять ей свои адресы, которые будутъ **безплатно** печататься въ отдѣлѣ объявленій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

ГОДЪ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка на газету и пріемъ объявленій. Въ *Орлѣ*: Въ книжн. маг. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ *Ельцѣ*: исключительно у В. Е. Рощупкина, на Торговой улицѣ, контора „Надежда". Въ *Брянскѣ*—въ библіотекѣ М. И. Юдина. Въ *Ливнахъ*—въ магазинѣ г-жи Черемисиновой.

XVI годъ. О ПОДПИСКѢ годъ XVI.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

„ШУТЪ“

на 1894 годъ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ „ШУТЪ“ ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе **трехсотъ** раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія).
Болѣе **тысячи** карикатуръ—перомъ и карандашемъ.
Не менѣе **семисотъ** столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.
Тысячи стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.
Карикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.
Карикатуры на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п.
Портреты выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ номерѣ журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

„портретная галлерея извѣстныхъ личностей“.

Безплатная премія для годовыхъ подписчиковъ:

„ЦАРЕВИЧЪ МАЙ“

(СКАЗКА О ЛЮБВИ).

Текстъ Алёши Чудиловича.

10 ГЛАВЪ ВЪ СТИХАХЪ СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ.

Условія подписки съ перес. и дост.:	**Условія подписки безъ перес. и дост.:**
На годъ . . . . . 7 р.	На годъ . . . . . 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ . . . . . 4 »	На 6 мѣсяцевъ . . . 3 » 50 »
За границу . . . . . 10 »	
Разсрочка по соглашенію съ конторой.	Адресъ редакціи: С.-Петер. Спасская, 17.

За пересылку преміи приплаты не полагается.

За редактора—издатель **Р. Голике.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

X годъ изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 Г.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

X годъ изданія

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №№. и 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книгъ.

Каждая книжка будетъ въ этомъ году представлять собою томикъ до 150 стран., имѣющій содержать или отдѣльный романъ или законченный сборникъ разсказовъ, стихотвореній и пр.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ **двухъ печатныхъ листовъ**, со множествомъ отдѣльныхъ рисунковъ и иллюстрацій (всего въ годъ болѣе 2000 столбцовъ текста и до 400 рисунковъ).

Въ журналѣ по прежнему будутъ участвовать: *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ,* проф. *А. Н. Гренъ* и многіе другіе.—*Иностранная литература.*

РЕДАКЦІЯ въ 1894 г. предлагаетъ при доплатѣ 1 р. за пересылку

ПРЕМІЮ 6 РОСКОШНЫХЪ КАРТИНЪ (ПАННО)

съ акварелей Н. Н. Каразина.

Эти картины размѣр. кажд. $6^1/_2 \times 13$ вершк. изображаютъ собою въ лицахъ и аксессуарахъ природу и людей всего земного шара.

Подписная цѣна на журналъ **„ВОКРУГЪ СВѢТА“** съ доставкой и пересылкой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

НА ГОДЪ 4 Р. | НА $^1/_2$ Г. 2 Р. 50 К.

Допускается разсрочка подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля и 1-го іюля по одному рублю.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Сытина.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и друг. городовъ Россіи.

СЪ 31-го ОКТЯБРЯ 1893 года БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ РОСТОВѢ НА-ДОНУ ЕЖЕДНЕВНАЯ

политическая, экономическая и литературная газета

„ЮГЪ“

въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ: на годъ **9** р., на полгода **5** р., на мѣсяцъ **1** р.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ: на годъ **8** р., на полгода **4** р. **50** к., на мѣсяцъ **80** к.

Отдѣльные нумера по 5 к.

Подписка на газету и объявленія принимаются въ главной конторѣ газеты въ Ростовѣ на-Дону, Николаевскій переулокъ, домъ Тимоѳѣевой, книжный магазинъ И. В. Камлюхина.

Подписная цѣна съ 31-го октября по 1 января 1895 г. 10 р. съ доставкой и пересылкой и 9 руб. безъ доставки и пересылки.

Издатель *Минасъ Балабановъ.* Редакторъ *И. В. Камлюхинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 годъ

НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XV годъ.

„ИГРУШЕЧКА“

XV годъ.

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Въ журналѣ помѣщаются также разсказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

При журналѣ „ИГРУШЕЧКА“ существуетъ особый отдѣлъ

Годъ VI. „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ Годъ VI.

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками.

Подписчики „ИГРУШЕЧКИ“ въ продолженіе года получатъ ОДНУ даровую премію, съ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ ДВѢ преміи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: журналъ „ИГРУШЕЧКА“ за 12 книгъ съ дост. и перес. на годъ 3 р. За границу на годъ 5 р. Съ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ на годъ 5 р. За границу на годъ 7 р.

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“

будетъ выходить 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2 до 3 печат. листовъ каждая. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 3 р. За границу 5 р. Вмѣстѣ съ журналомъ „Игрушечка“ и одной безплатной премій 5 р. За границу 7 р. Съ журналомъ „Игрушечка“, съ особымъ отдѣломъ „Для Малютокъ“ и двумя безплатными преміями 7 р. За границу 9 р.

Адресъ редакціи: *С.-Петербургъ, Фурштадтская ул. д., 44.* Гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВѢРОВА.

Поздравляемъ! Открыта подписка на 1894 годъ!

XIX ГОДЪ. ХУДОЖЕСТВЕННО - ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ XIX.

„СТРЕКОЗА.“

Есть вещи, которымъ свойственно вызывать всегда, всюду и у всѣхъ только одно чувство: чувство радостнаго удивленія. Къ ихъ числу безспорно принадлежатъ и преміи „Стрекозы“. Въ нынѣшнемъ 1893 году ихъ было три. Всѣ онѣ уже лежатъ у васъ на столѣ. Это были: изящный сборникъ колоритныхъ и нѣжныхъ лирическихъ стихотвореній, роскошное изданіе классической „Пѣсни о Колоколѣ“ Шиллера съ рисунками Лиценъ-Майера и легонько—увеселительный календарь „Стрекозы“ на 1894 годъ. Отъ добра добра не ищутъ. Можно и повторить, съ варіантомъ, то, что хорошо. Въ 1894 году приложеніями къ годовой подпискѣ на „Стрекозу“ будутъ служить: 1) II томикъ „РУССКОЙ ЛИРЫ“ въ роскошномъ переплетѣ. Въ составъ его войдутъ наиболѣе удачныя стихотворныя вещицы преимущественно поэтовъ новѣйшаго времени. 2) Роскошный АЛЬБОМЪ-КАЛЕЙДОСКОПЪ in folio, въ изящной обложкѣ, отпечатанный на превосходной бумагѣ и содержащій разнообразныя вещи изъ области живописи, литературы, музыки, игръ, задачъ и гаданій и проч. и проч. Эта небывалая главная премія „Стрекозы“ будетъ первымъ у насъ по своей оригинальности изданіемъ. Наконецъ 3-ю премію составитъ КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ“ на 1895 годъ, съ многочисленными рисунками, во вкусѣ парижскихъ новогодныхъ „альманаховъ“. „Стрекоза“ издается уже 18 лѣтъ. Дѣвицы, которыя родились въ годъ ея основанія, смѣло могутъ уже теперь выходить замужъ. За это никакой приплаты не требуется. Молодые люди, сверстники „Стрекозы“, давно ѣздятъ на велосипедахъ. Родители и тѣхъ, и другихъ, читавшіе „Стрекозу“ въ теченіе всѣхъ восемнадцати лѣтъ ея изданія, до сихъ поръ сохранили отличное пищевареніе, бодрость духа и чувство жизнерадостности. Въ журн. будетъ открытъ новый отдѣлъ—франко-русскій. Въ немъ обѣщали принять участіе: Pierre Cubat, Sarah Bérnard, Cornélius Herz, прозванный Moribond, и два поэта—солдата: французскій—Деруледъ и русскій—Петръ Мартьяновъ, доставившій намъ уже свой великолѣпный переводъ извѣстнаго гимна парижскихъ бульвардьеровъ „Rien n'est sacré pour un sappeur!“ („Nichto nie sviato dlia sapppior'a!“). Въ „Стрекозѣ“ будетъ продолжаться „Юмористическая философія“ и, кромѣ того, посильно будутъ разрабатываться нѣкоторыя отрасли самой новѣйшей русской философіи, какъ-то: травояденіе (вегетеріянство), ничего-недѣланіе, сапожное мастерство, факирская догма, анти-куреніе и злу-непротивленіе. Кромѣ того, подняты и разсмотрѣны будутъ вопросы: однимъ мужчиною „О всеобщемъ истребленіи женщинъ“ и одною дѣвицею (старою) „О всеобщемъ истребленіи мужчинъ“. Послѣ напечатанія этихъ трактатовъ, авторы ихъ будутъ немедленно обвѣнчаны на счетъ журнала.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ съ преміями: во всѣ города 10 р., за границу 12 р. По $^1/_2$ годіямъ: во всѣ города безъ премій 5 р. во всѣ города съ преміями по 5 р. 50 к. (при подпискѣ на оба $^1/_2$ годія). За границу безъ премій 6 р. Редакція и контора помѣщаются: 80, Фонтанка, на углу Лештукова пер., въ СПБ. Изд. Г. К. Корнфельдъ. Ред. И. Ф. Василовскій (Буква).

Подписка на 1894 годъ на ежемѣсячный литературный журналъ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВМѢСТѢ СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ ЖУРНАЛОМЪ

„СЕМЬЯ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на 1894 годъ съ доставкой и пересылкой на оба журнала ВМѢСТѢ:

12 книгъ и 52 №№ иллюстрированнаго журнала въ годъ съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

4 р.

12 книгъ и 52 №№ иллюстрированнаго журнала въ годъ съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

Журналъ „СЕМЬЯ“ издается по слѣдующей программѣ:

1) Изящная литература: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія—оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческіе очерки, путешествія. 4) Біографіи. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. (Бѣговой, скаковой, велосипедный и пр.). 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры. 8) Ноты. Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ выдающихся современныхъ европейскихъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портретамъ выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ и виньетки, преимущественно на злобы дня. 11) Объявленія и рекламы.

52 №. въ годъ:

IV годъ изданія

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр. Журналъ этотъ внимательно слѣдитъ за иностранной литературой и даетъ своимъ читателямъ возможность знакомиться съ произведеніями лучшихъ писателей всего міра. Въ вышедшихъ въ текущемъ году ежемѣсячныхъ книжкахъ были помѣщены: Американка—соч. *Жюля Кларети*. Bene Nati—соч. *Элизы Оржешко*. Примиреніе—соч. *Болеслава Пруса*. Космополиты—соч. *Поля Бурже*. Михаилъ Тейсье — соч. *Эдуарда Рода*. Т. Д. Гарманъ и Борзе.—соч. *Киланда*. Званый вечеръ—соч. *А. К. Лефлеръ*. Желаніе—*Зудермана*. Въ странѣ янки—соч. *Вакано*. Обѣтованная земля—соч. *П. Бурже*. Лоцманъ и его жена—соч. *Іоны Ли*. „Право на любовь“—соч. *К. Арнольда*. „Осень женщины“—соч. *М. Прево*. „Жертва“—соч. *д'Аннунціо*. Желающіе могутъ выписывать и всѣ вышедшія книжки.

„Новости Иностранной Литературы“ вмѣстѣ съ „Семьей“ являются самыми дешевыми журналами въ Россіи. Подписка принимается въ конторѣ журнала „Новости Иностранной Литературы“, Москва, Мясницкая, д. Ананова.

Издатель **А. Липскеровъ.**

Русскій Листокъ

Ежедневное изданіе, выходящее въ форматѣ большихъ газетъ и печатающееся убористымъ шрифтомъ въ семь колоннъ.

Открыта подписка на 1894 (изданія V) годъ.

Въ 1893 году на столбцахъ „РУССКАГО ЛИСТКА“ напечатано двадцать большихъ романовъ, свыше ста разсказовъ, а также помѣщались ежедневно телеграммы и сообщенія не только изъ всѣхъ выдающихся городовъ Россіи, но и изъ многихъ селеній.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой

5 руб. въ годъ, 3 руб. въ полг.; 60 коп. въ мѣс.

Адресъ: МОСКВА, „Русскій Листокъ“.

Ежедневная политико-общественная, литературная и биржевая газета

„ВОЛГАРЬ“.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1894 годъ:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Въ Ниж.-Новгородѣ съ доставкою	7 руб.	4 руб.	1 р. 25 к.
Иногороднимъ съ пересылкою . .	8 »	5 »	1 » 50 »

Подписка принимается:

Въ Нижнемъ-Новгородѣ: въ Главной конторѣ редакціи, на Малой Покровской ул., и въ Рождественскомъ газетн. кіоскѣ, на Нижнемъ базарѣ.

Вышла двѣнадцатая (декабрьская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 26 ноября 1893 года. I. Мамзель. (Разсказъ стараго пріятеля). Окончаніе. **И.А.Салова.**—II. Усадьба Торпа. Повѣсть **Тора Гедберга.** Переводъ со шведскаго **В. М. С.** Окончаніе.—III. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Продолженіе. **А. П. Чехова.**—IV. Стихотвореніе. **А. М. Ѳедорова.**—V. Мелочи иностранной литературы. **М.**—VI. Стихотвореніе. **М. М. Гербановскаго.**—VII. Духовидцы. **А. И. Эртеля.**—VIII. Семья Поланецкихъ. Романъ **Генрика Сенкевича.** Переводъ съ польскаго. **В. М. Л.** Продолженіе.—IX. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ пятидесятыхъ годахъ. Окончаніе. **В. И. Семевскаго.**—X. Изъ исторіи современной грузинской литературы. **А. С. Хаханова.**—XI. Вопросы сравнительной преступности половъ. (По поводу статьи г. Фойницкаго: „Женщина-преступница“). **Е. Н. Тарновскаго.**—XII. Къ вопросу о мелиоративномъ кредитѣ. **М. Я. Герценштейна.**—XIII. Юбилей великой книги. **В. Е. Ермилова.**—XIV. Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. **М. А. А.**—XV. Научный обзоръ: Итоги IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. **М. С. Корелина.**—XVI. Внутреннее обозрѣніе — XVII. Альфредъ де-Мюссе. **И. К — ной.**—XVIII. Иностранное обозрѣніе. **В. А. Г.**—XIX. Письма о литературѣ. М. А. **Протопопова**—XX. Очерки провинціальной жизни. **И. И. Иванюкова.** —XXI. Современное искусство. **Ан.** — XXII. Библіографическій отдѣлъ. Объявленія.

Открыта подписка на 1894 годъ (пятнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ доставкой и пересылкой	годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу.	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годового экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ конторѣ журнала—Леонтьевскій, 21, въ книжномъ магазинѣ журнала „Артистъ“. **Въ С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°. Невскій.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества.

(Годъ 5-й, съ 1 января 1894 года.)

Въ журналѣ за предыдущіе года принимали участіе слѣдующія лица:
Н. А. Абрикосовъ, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Н. Н. Баженовъ, проф. А. Н. Бекетовъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. Н. В. Бугаевъ, В. А. Вагнеръ, проф. А-ѣй И. Введенскій, проф. Ал-дръ И Введенскій, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, П. А. Каленовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, проф. С. С. Корсаковъ, проф. Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. М. А. Мензбиръ, П. Н. Милюковъ, Л. С. Миноръ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскій, проф. П. П. Соколовъ, Вл. С. Соловьевъ, Всев. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Чижъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки, какъ и прежде.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева.

Условія подписки: НА ГОДЪ (съ 1-го января 1894 года по 1-е января 1895 года) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ перес. въ др. города—**7** р., за границу—**8** р.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Съ 1894 г. журналъ переходитъ въ собственность Московскаго Психологическаго Общества.

Редакторы: { проф. **Н. Я. Гротъ**
проф. **Л. М. Лопатинъ.**

Годъ XXXVI. **Годъ XXXVI.**

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“.

Журналъ политическій, литературно-художественный и сатирическій съ карикатурами.

Открыта подписка на 1894 годъ.

Подписная цѣна на журналъ „Развлеченіе“ съ доставкой и пересылкой

НА ГОДЪ 6 РУБЛЕЙ.

Пробный нумеръ высылается за ТРИ семикопѣечныя марки.

Подписка принимается:

Въ Главной Конторѣ журнала «Развлеченіе»: на Страстной площади, въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинцій.

Le Journal de Saint-Pétersbourg

est le seul organe russe publié en langue française.

Ses informations sont puisées aux meilleures sources. Elles embrassent toutes les communications officielles, les traités et conventions conclus par le gouvernement imperial, toutes les nominations diplomatiques et administratives de quelque importance, les faits courants. Une rubrique speciale est consacré à la

Revue des Journaux russes.

Une large partie du journal est réservée aux nouvelles de l'étranger. Ses correspondences, ses feuilletons littéraires, sa rubrique bibliographique sont très appréciés des connaisseurs. Ajoutons que le

Journal de Saint-Pétersbourg

ne s'est jamais dèparti des exigences auxquelles doit repondre un organe destiné à la bonne Société.

Prix d'abonnement:

	EN ROUBLES.			
	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
St.-Petesbourg	2.—	5.50	10.—	18.—
Russie	2.50	6.74	12.25	22.—
Etats de l'Union postale . .	2.50	7.—	12.50	24.—

On peut s'abonner à tous les bureaux de poste russes: de plus à St-Petersbourg à l'administration du Journal, Maximilianovsky péréoulok, 13, et au bureau special du Journal, librairie ancienne Mellier, pont de Police, maison de l'eglise hollandaise: à Paris, à l'Agence Havas, place de la Bourse 8; à Londres, chez MM. Dilizy, Davies et C°, 1, Finch Lane, Cornhill, London E. C.; à Berlin, M. Rudolf Mosse, Jerusalemerstrasse 48; à Vienne à Hambourg, ches MM. Haasenstein et Vogler; à Strasbourg, chez M. Aug. Ammel, rue Brûlée 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1894** г. на

РУССКІЙ АРХИВЪ

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 году будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями. ●● Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1894 году съ пересылкою и доставкою — **9** руб., для чужихъ краевъ — **12** руб. ●● Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ № 175-й, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ { *Петръ Бартеневъ.* / *Юрій Бартеневъ.* }

XVI г. изданія. Открыта подписка на 1894 г. XVI г. изданія.

на еженедѣльную политическую и литературную газету

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“.

(50 №№ въ годъ). Выходитъ по воскресеньямъ.

Подписная цѣна: на годъ . . . . . **6** р. —
„ полгода . . . . . **3** р. **50** к.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **начальныхъ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по **уменьшенной цѣнѣ**, а именно: за годъ **4** рубля, за полгода **2** руб. **50** коп. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ** въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель *А. М. Симоновъ.* Редакторъ *П. Н. Галинъ.*

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. съ 44-го вып. Т-ва А. Гранадъ и К°, бывш. Т-ва А. Гарбель и К°.

Изданіе имѣетъ цѣлью въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ явленіямъ жизни; оно стремится открыть возможность для каждаго значительно пополнить пробѣлы образованія, содѣйствовать болѣе разностороннему развитію и облегчить сознательное отношеніе къ каждому крупному вопросу науки, литературы, искусства и общественнаго быта въ его прошломъ и настоящемъ.

Все изданіе составитъ 108 — 115 выпусковъ или 8 томовъ (10000 столбцовъ убор. печати) и будетъ закончено въ 1894 г.

Вышло 75 вып., т.-е. 5 томовъ и 5 вып. 6-го тома, въ которыхъ изданіе доведено до сл. **НѢМЕЦКОЕ ИСКУССТВО.**

Цѣна выпуску (въ 3 печ. листа) на обыкновен. бум. 30 к., на лучш. бум.— 40 к., тому безъ перепл. на об. бум.—4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. на об. бум. 4 р. 50 к., на лучш. бум. 6 р. За пересылку приплачив. 10 к. на рубль стоимости, за перес. каждой серіи „Снимковъ“ (9 картинъ) 28 к. **По окончаніи изданія, цѣна будетъ повышена.** Учащіе, учащіеся, учебныя заведенія, равно какъ и всѣ казенныя и общественныя учрежденія при совмѣстной подпискѣ неменѣе 3 лицъ пользуются уступкой въ 10%. **Допускается разсрочка** съ ежемѣсячнымъ платежомъ **отъ 1 р. 20 к.** на условіяхъ, изложенныхъ въ проспектахъ. Гг. служащіе и лица съ высшимъ образованіемъ, пользуясь разсрочкой, получаютъ при подпискѣ всѣ вышедшіе тома изданія.

Подробныя проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій пер., д. №. 3.

Второй годъ изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

на 1894 г. **„КУРЯНИНЪ“.** **на 1894 г.**

въ городѣ КУРСКѢ.

Подписная цѣна годовому изданію съ пересылкой—**5** р.; полугодовому—**3** р.; мѣсячному—**50** к.; безъ пересылки **4** р.;—**2** р. **50** к.;—**40** к.

Плата за иногороднія объявленія на 1-й страницѣ 15 к., а на 4-й стр. 10 к. за строку петита

При желаніи г.г. подписчиковъ получать газету „КУРЯНИНЪ“ ежедневно полными номерами съ собственными телеграммами, подписная сумма за годъ 7 руб.

Редакторъ-издатель причисленный къ Министерству Народнаго Просвѣщенія **Өед. Гр. Подоба.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1894 году.

(18-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписная цѣна: съ пересылкою въ другіе города на годъ **7** руб.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты „Саратовъ, Нѣмецкая, д. Уфимцева“. Въ г. Вольскѣ въ книжномъ магазинѣ гг. Хохрякова и Фармаковскаго.

Издатель **Н. Штерцеръ.**

XXVI г. изд. О ПОДПИСКѢ на 1894 годъ XXVI г. изд.
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“
ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается „Педагогическій Листокъ“, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **5 р.** | Съ доставкою въ СПБ. и пересылкою во всѣ гг. Россіи **6 р.** | За границу **8 р.**

Подписка приним. въ главной конторѣ ред.: СПБ., Разъѣзжая ул., д. № 3, кв. 12.

Открыта подписка на 1894 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РОССІИ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 12 мѣсяцевъ 8 р. 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ: 12 мѣсяцевъ 9 р. 6 мѣсяцевъ 4 р.

За пересылку газеты заграницу взимается сверхъ подписной цѣны 60 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты „Приазовскій Край“, Большая Садовая, д. Фронштейна и въ собств. домѣ, уголъ Больш. Садов. и Братскаго пер.

„РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ предстоящемъ 1894 году вступаетъ во второе двадцатипятилѣтіе своего существованія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ пересылки и доставки.		Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ.	
На годъ	6 руб. —	На годъ	8 рублей.
„ полгода	3 „ —	„ полгода	4 „
„ 3 мѣсяца	1 „ 50 коп.	„ 3 мѣсяца	2 „
„ 1 мѣсяцъ	— „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ	1 „

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкою на годъ пять р. и на полгода три р.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Больш. и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица, № 27|2.

ПОДПИСКА
НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1894 году.

(32-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой въ Саратовѣ: на годъ 7 руб., на полгода 4 р., на 1 мѣс. 1 руб.
Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.
За границу на годъ 14 р. Контора редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Онезорге, и въ Вольскѣ— у Ивана Ѳедоровича Волкова.

Редакторъ-издатель **П. О. Лебедевъ.**
Издатель **И. П. Горизонтовъ.**

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ

журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ на 1894 г.

Жизнь — лотерея, въ которой мало кто выигрываетъ. Редакція **„Будильника“**, празднуя 30-тилѣтіе журнала, открываетъ подписку на юбилейную безпроигрышную лотерею, отъ которой всѣ будутъ въ выигрышѣ. **Годовые подписчики** (въ Москвѣ **9** руб., для иногородныхъ **10** руб.) въ теченіе цѣлаго года выигрываютъ: 1) **200,000** фактовъ и курьезовъ столичной и провинціальной жизни, мелкихъ веселыхъ разсказовъ, мудрыхъ совѣтовъ, изрѣченій и проч. 2) **75,000** каррикатуръ и рисунковъ изъ общественной дѣятельности столицъ и провинціи, политики, театра и различныхъ явленій обыденной жизни. 3) **10,000**, а можетъ быть и меньше, художественныхъ каррикатуръ знаменитаго иностраннаго каррикатуриста **Фр. Гретца**, приглашеннаго, по случаю юбилея, къ участію въ журналѣ „Будильникъ“. 4) **50 №№** журнала „Будильникъ“, съ упомянутыми выигрышами и, кромѣ того, **приложенія** къ нимъ съ **постояннымъ юмористическимъ календаремъ** (новость!), съ веселыми піесами новаго репертуара и **разсказами изъ иностранной юмористики** (опять новость!). Наконецъ 5) Будетъ выданъ юбилейный выигрышъ—роскошно изданное

безсмертное твореніе ГЕТЕ **„ФАУСТЪ“** въ лучшемъ переводѣ П. В. ТРУНИНА

съ 10 большими иллюстраціями художника-академика **К. А. Савицкаго**, отпечатанныхъ фототипіей въ лучшей фотографіи О. Ренаръ. Нежелающимъ получать преміи редакція охотно уступаетъ изъ подписной суммы **1** р. **Полугодовые подписчики** (въ Москвѣ **4** р. **50** к., для иногор. **5** руб.) получаютъ ровно **половину** всѣхъ выигрышей, къ сожалѣнію, безъ права на полученіе юбилейнаго выигрыша („Фаустъ“). По просьбамъ, редакція „Будильника“ великодушно допускаетъ разсрочку—**5** р. при подпискѣ и **5** р. 1 іюня 1894 г.

Подписныя деньги—**10** руб. за годъ и **5** руб. за ½ года—просятъ адресовать: **въ Москву**, въ редакцію журнала **„Будильникъ“**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА ежемѣсячный, литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Въ 1893 г. въ „Сѣв. Вѣст.“ было между прочимъ напечатано: „Суратская кофейня“ гр. *Льва Толстого*, „Пустоплясы“ разск. *Н. Лѣскова*, „Мечтатель“ разск. въ стих. *Я. Полонскаго*, „Семейный очагъ“ ром. *К. Баранцевича*, „Али“ разск. *П. Боборыкина*, „Царевна Наиджана“ ск. *Кота Мурлыки*, „Въ слободкѣ“ разск. *Ольги Шапиръ*, „Семейная исторія“ пов. *И. Потапенко*, „Конецъ Бирюковской дачи“ разск. *А. Михайлова* (*Шеллера*), „Въ облакахъ“ пов. *В. Каренина*, „Порученіе“ пов. *Л. Гуревичъ*, „Въ огонь и въ воду“ пов. *С. Смирновой*, статьи: „Не-дѣланіе“ гр. *Льва Толстого*, „Книгоноши и офени“ *А. Пругавина*, „О вліяніи музыки“ проф. *И. Тарханова*, „Женщина-преступница“ проф. *И. Фойницкаго*, „Общественныя доктрины прошлаго вѣка“ проф. *М. Ковалевскаго*, „Письма великаго человѣка“ *В. Стасова*, „Жизнь художника 60-хъ годовъ“ *Н. Ге*, „Нищенство на Руси“ *Л. Весина*, „О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей“ д-ра *Якубовича*, „Гюи-де-Мопассанъ“ проф. *Л. Шепелевича*, „О женщинахъ-врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ“ д-ра *Герценштейна*, „Наука, философія и религія“ *А. Волынскаго*, „Современныя нервныя болѣзни нашего общества“ проф. *П. Ковалевскаго*, „Бѣлинскій“ *А. Волынскаго*, „Факторы преступности“ проф. *И. Фойницкаго*, „Психологія творческаго процесса“ проф. *Д. Овсяника-Куликовскаго*, „Волга и Волгари“ *А Субботина* и мн. друг. Кромѣ того печатались въ теченіе всего года:

Записки А. О. Смирновой:

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг.). Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бесѣды *Государя*, *Пушкина*, *Жуковскаго*, *Вяземскаго*, *Гоголя*, *Лермонтова*, *Глинки* и др.

Новымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разослана безплатно напеч. въ 1893 г. I ч. записокъ *Смирновой* въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненнымъ въ Парижѣ.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ, 2) Провинціальная печать *Л. Прозорова*, 3) Новыя книги, 4) Письма: изъ Америки *В. Макъ-Гаханъ*, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая лѣтопись, 7) Театръ, 8) Литературныя замѣтки *А. Волынскаго*.

Условія подписки:

Безъ доставки въ Спб. конторѣ журнала на годъ 12 р. Безъ дост. въ Москвѣ въ конт. Печковской и маг. Карбасникова 12 р. 50 к. Съ дост. въ Спб. 12 р 50 к. Съ перес. въ Имперіи 13 р. 50 к. Заграницу 15 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года безъ повышенія годовой цѣны. Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ. Для учащихъ и учащихся льготныя условія по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной конторѣ журнала. Спб., Троицкая ул., 9, и въ отдѣл. конторы: въ книжн. магаз. Фену и К°, Спб., Невскій, 40. Въ Москвѣ въ книжн. магаз. журн. „Артистъ“, въ конт. Н. Печковской, Петровскія линіи.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

НА ГОРОДА съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 руб. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 коп. три мѣсяца, 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ.

ВЪ ГОРОДѢ съ доставкою на домъ: 10 руб. въ годъ, 6 руб. полгода, 3 руб. 50 к. три мѣсяца, 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя В. В. Навроцкаго, рядомъ съ городскимъ театромъ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

Открыта подписка на 1894 годъ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ охоты и животноводства

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Органъ Отдѣленія Охоты при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Обществѣ Акклиматизаціи животныхъ и растеній.

Выходитъ еженедѣльно (50 №№) въ объемѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, съ рисунками, портретами, чертежами и т. п. въ текстѣ.

„РУССКІЙ ОХОТНИКЪ".

Цѣна на годъ **6 руб.** съ доставкой и пересылкой. **Допускается разсрочка по 1 руб.** | **Кромѣ того** всѣ годовые подписчики **получатъ безплатно ОСОБУЮ ЦѢННУЮ ПРЕМІЮ.** | Цѣна на полгода **3 руб. 50 коп.** За границу на годъ **9** руб., на полгода **5** руб.

пробный нумеръ безплатно.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ: МОСКВА, Гагаринскій пер., д. Курилко.

Редакторъ-издатель кн. **В. П. УРУСОВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ"

на 1894 годъ.

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

Подписная цѣна на газету:

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ САМАРѢ:		СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ДРУГІЕ ГОРОДА:	
На годъ	6 руб.	На годъ	7 руб.
На ½ года	4 руб.	На ½ года	5 руб.
На 1 мѣсяцъ	1 руб. 50 к.	На 1 мѣсяцъ	2 руб.

Иногородніе, подписавшіеся на 1894 годъ въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года, получаютъ газету со дня подписки до 1 января 1894 года безплатно.

Подписка принимается въ: САМАРѢ 1) въ главной конторѣ редакціи, на Дворянской ул., въ д. Соколова; 2) въ редакціи, по Воскресенской ул., д. Новиковой.

Редакторъ-издатель **И. П. Новиковъ.**

X годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1894 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ **X годъ изданія.**

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ",

журналъ моды, хозяйства и литературы, съ приложеніями и преміями.

Полный переводъ французскаго журнала „Moniteur de la Mode". Оба журнала: „Moniteur de la Mode"—въ Парижѣ и „Вѣстникъ Моды"—въ Петербургѣ выходятъ одновременно. 52 модныхъ нумера въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	Безъ доставки въ Москвѣ.	Съ доставкою и пересылкою.
I-го ИЗДАНІЯ (съ 12-ю выр. выкройками, 12 ю раскр. узорами и 24-мя выкр. листами):		
На годъ **3** рубля.	На годъ **3** руб. **50** коп.	На годъ **4** рубля.
II-го ИЗДАНІЯ (съ 24-мя вырѣзн. выкройками, съ 24-мя раскраш. узорами и 24-мя выкр. листами):		
На годъ **5** рублей.	На годъ **5** руб. **50** коп.	На годъ **6** рублей.
III-го ИЗДАНІЯ (съ 12-ю раскр. карт., 24-мя вырѣзн. выкр., 24-мя раскр. узор. и 24-мя выкр. лист.):		
На годъ **6** рублей.	На годъ **6** руб. **50** коп.	На годъ **7** рублей.
IV-го ИЗДАНІЯ (съ 52-мя раскр. карт., 24-мя вырѣзн. выкр., 24-мя раскр. узор. и 24-мя выкр. лист.):		
На годъ **10** рублей.	На годъ **11** рублей.	На годъ **12** рублей.
V-го ИЗДАНІЯ (съ 106-ю раскр. карт., 24-мя вырѣзн. выкр., 24-мя раскр. узор. и 24-мя выкр. лист.):		
На годъ **25** рублей.	На годъ **26** рублей.	На годъ **28** рублей.

Годовымъ подписчикамъ II, III, IV и V изд. будетъ разослано безплатно по выбору два рода премій: однимъ—**Альбомъ „Суташъ и его примѣненіе"** и другимъ—**„Большая панорама модъ".**

Адресъ редакціи „Вѣстникъ Моды": Спб., Михайловская площ. (уг. Б. Итальянской), д. 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

(*ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.*)

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“,

научно-популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей.

Въ „*ПРИЛОЖЕНІЯХЪ*“ имѣется въ виду между прочимъ напечатать: 1) *Воображеніе и его разновидности у ребенка.* (Этюдъ по экспериментальной психологіи). Фридриха Кейра, проф. философіи въ Колледжѣ Моріака. Перев. съ франц. Лебедевой. — 2) *Душевныя разстройства дѣтей, обучающихся въ школахъ, и 13 исторій болѣзней.* Ф. Уфера. Перев. съ нѣмец. Г. К.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ Журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки **5** р., съ доставкой и пересылкой **6** р., съ пересылкой за границу **7** р. **50** к; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на **1** р.; кромѣ того допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская дѣтская больница, кв. гл. д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

Редакторъ-издатель д-ръ *Е. А. ПОКРОВСКІЙ.*

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

въ 1894 году,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіи газеты: при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова.

Условія подписки:

Безъ доставки и пересылки: На 1 мѣсяцъ **1** р. На 6 мѣсяцевъ **6** р. На 12 мѣсяцевъ **12** руб.
Съ доставкою и пересылкой: На 1 мѣс. **1** р. **20** к. На 6 мѣс. **7** р. **20** к. На 12 мѣс. **14** р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.

Редакторъ издатель *М. Озмидовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XI.

„КОЛОСЬЯ“

За годъ 8 р. $^1/_2$ года 4 р. Заграницу 11 р.

Редакція: С.-Петербургъ, Николаевская, 16.

Ежемѣсячный журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни.

1894 г. **„НУВЕЛЛИСТЪ“** 55-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

и МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

ПРЕМІЯ.

Каждый подписчикъ на «НУВЕЛЛИСТЪ» получитъ безплатно премію: ПОЛНУЮ ОПЕРУ въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и ДВА ПОРТРЕТА выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ **5** руб. Съ пересылкой или доставкой **6** руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «Нувеллиста» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда. Большая Морская, № 26.

Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ

роскошнаго художественнаго изданія А. Г. Кузнецова

„ФОТОГРАВЮРЫ СЪ КАРТИНЪ“

В. Е. МАКОВСКАГО.

Выпуски 1-й—10-й вышли и выдаются подписчикамъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска 6 руб.

Подписка на изданіе принимается въ конторѣ журнала „**Артистъ**“. **При подпискѣ,** при полученіи 1-го выпуска, вносится **12** руб., коими уплачивается стоимость 1-го и послѣднихъ 3-хъ выпусковъ. При полученіи каждаго промежуточнаго выпуска уплачивается **3** руб.

1894.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политико-общественную и торгово-промышленную газету

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписка принимается въ конторахъ редакціи: при Паровой Новой Русской Типографіи (Пароходная улица, соб. домъ) и въ домѣ Рѣпина, уголъ Табачнаго ряда и Эсплонадн. улицы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою въ Астрахани: на годъ 7 руб., съ пересылкою во всѣ города на годъ 7 руб. 50 коп.

Допускается РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 руб., къ 1 іюня 2 руб. и къ 1 сентября остальныя, а также по соглашенію съ конторой: при подпискѣ 2 руб. и по 1 руб. къ 1 числу каждаго мѣсяца до мая включительно.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1894 г. БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

„НОВОЕ СЛОВО“

научно-литературный и политическій журналъ.

Программа: романы, повѣсти, стихи, драматическія произведенія, научныя статьи, историческіе очерки, путешествія, обзоръ искусствъ, публицистика, критика и библіографія, обозрѣніе внутреннее (письма изъ провинціи) и внѣшнее (политическая жизнь Европы), фельетонъ, театры и пр.

Сотрудничество „*НОВОМУ СЛОВУ*“, на первыхъ порахъ, обѣщали слѣдующія лица: *Д. А. Аверкіевъ*, проф. *В. А. Бильбасовъ*, *Г. К. Градовскій*, *Д. В. Григоровичъ*, *А. Н. Майковъ*, *Н. К. Никифоровъ*, *В. И. Немировичъ-Данченко*, *Я. П. Полонскій*, *М. И. Пыляевъ*, *Д. И. Стахѣевъ*, *Н. Н. Стахевичъ*, *П. И. Танѣевъ*. *С. И. Уманецъ*, *В. В. Чуйко*, *О. Н. Чюмина*, *Ольга Шапиръ*, *А. К. Шеллеръ*, *І. І. Ясинскій* и др.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книжками около 25 печатн. листовъ. Подписная цѣна: на годъ съ пересылкою **10** р., на полгода **5** р., за границу **15** р. Допускается разсрочка подписныхъ денегъ по третямъ черезъ казначеевъ или по соглашенію съ конторою.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Новое Слово“, Саперный пер., д. № 6.

Редакторъ-издатель *И. А. БАТАЛИНЪ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Третій годъ изданія. **„НАШЕ ВРЕМЯ“.** Третій годъ изданія.

Въ 1894 году журналъ „Наше Время“ будетъ выходить еженедѣльно по значительно расширенной программѣ, при участіи выдающихся русскихъ писателей, композиторовъ и художниковъ.

Подписчики журнала „Наше Время“ получатъ въ 1894 году: 52 большихъ №№ съ художественными иллюстраціями, составленныхъ по самой широкой журнальной программѣ. 24 большихъ тетради НОТЪ (салонныя пьесы, романсы, танцы и т. п.). 12 КНИГЪ „Библіотеки Нашего Времени“, романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научныхъ статей (съ политипажами), путевыхъ очерковъ и т. п. 6 выпусковъ „Хозяйства и Домоводства“ (въ годъ большой томъ, до 300 страницъ), могущаго замѣнить спеціальный сельско-хозяйственный журналъ. 6 выпусковъ „МОДЪ“ (въ годъ большой иллюстрированный томъ, до 300 страницъ), составленныхъ по новѣйшимъ иностраннымъ журналамъ, съ прибавленіемъ самыхъ разнообразныхъ статей и замѣтокъ по вопросамъ „ЖЕНЩИНА и ЖИЗНЬ“.

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Поэма **Кольриджа**, въ полномъ стихотворномъ переводѣ съ англійскаго **АПОЛЛОНА КОРИНѲСКАГО**, съ приложеніемъ 41 КАРТИНЫ Густава Дорэ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ, безъ доставки въ С.-Петерб. . 5 руб. Съ пересылкою въ Россіи . . . . . 7 руб.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . 6 руб. За границу . . . . . 10 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Наше Время“: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 30 (книжно-музыкальный магазинъ Бр. Д. и М. Ѳедоровыхъ).

Издатель Д. Д. Ѳедоровъ. Редакція: Загородный просп., 27.

Открыта подписка на 1894 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:		ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:
съ доставкой:	безъ доставки:	
На годъ . . . . . 7 р.	На годъ . . . . . 6 р. 5 к.	На годъ . . . . . 9 р.
— полгода . . . . . 4 р.	— полгода . . . . . 3 р. 25 к.	— полгода . . . . 5 р.
— 3 мѣсяца . . . . 2 р. 25 к.	— 3 мѣсяца . . . . 1 р. 75 к.	— 3 мѣсяца . . . . 2 р. 75 к.
— 1 мѣсяцъ . . . . — 75 к.	— 1 мѣсяцъ . . . . — 60 к.	— 1 мѣсяцъ . . . . 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ **Волжскаго Вѣстника** на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второй (1894) годъ

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ“.

Программа изданія остается прежняя: статьи и матеріалы по исторіи русскаго искусства и художественно исполненные снимки съ произведеній русскаго искусства.

Число экземпляровъ очень ограничено и потому, по прекращеніи подписки, *цѣна будетъ увеличена.*

Подписка принимается въ редакціи (Москва, 2-я Мѣщанская, д. Перлова), въ магазинѣ Беггрова (С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 4), въ редакціяхъ „Артиста“ и „Русскаго Обозрѣнія“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ. Подписка безъ доставки принимается только въ редакціи (для Москвы) и въ магазинѣ Беггрова (для Петербурга).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою и пересылкою . . . . **12** р. въ годъ.
Безъ доставки и пересылки . . . . **10** р. „ „
За границу . . . . . **15** р. „ „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

При подпискѣ **4** р., предъ полученіемъ II-го и III-го выпусковъ по **3** р. и остальныя предъ полученіемъ IV-го выпуска.

Служащіе могутъ подписываться чрезъ своихъ казначеевъ, уплачивая по 1р. въ мѣсяцъ.

Кромѣ того, печатается 20 экземпляровъ веленевыхъ по **25** р. за экземпляръ.

Москва. 2-я Мѣщанская, д. Перлова.

Редакторъ *А. П. Новицкій.* Издатель *В. А. Головинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА *на* 1894 *г.*

НА ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

И

ЛИТЕРАТУРЫ

„Артистъ“.

(годъ 6-й)

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО, ДВѢНАДЦАТЬ разъ въ годъ, книгами большаго формата отъ 20—30 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 10 р., на полгода 6 р.; съ доставкой и пересылкой на годъ 12 р., на полгода 7 р.; съ пересылкою за границу на годъ 14 руб., на полгода 8 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „АРТИСТЪ“ и „ТЕАТРАЛЬНУЮ БИБЛІОТЕКУ“ вмѣстѣ—безъ доставки на годъ 13 руб., на полгода 8 руб.; съ доставкой и пересылкой на годъ 16 руб., на полгода 10 руб.

☞ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ журналъ—2 руб. и затѣмъ ЕЖЕМѢСЯЧНО по **1** руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба жур нала вмѣстѣ — 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Для учащихся въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ—подписная цѣна на „Артистъ“ 9 руб., съ пересылкою 10 руб.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по 2 руб.

Редакція журналовъ „Артистъ“ и „Театральная Библіотека“ въ Москвѣ, Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

☛ Въ 1894 г. будутъ значительно расширены отдѣлы художественный и литературный.

Въ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ обѣщали свое сотрудничество: **К. М. Быковокій**, проф. **Вилье**, **Н. Н. Ге**, **Н. В. Досѣкинъ**, **П. В. Жуковскій**, **А. А. Киселевъ** и друг.

ВЪ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ будутъ печататься *преимущественно оригинальныя произведенія*. Будутъ напечатаны романы, повѣсти и разсказы **А. П. Чехова**, **П. Д. Боборыкина**, **П. П. Гнѣдича**, **И. Н. Потапенко**, **Л. Ф. Нелидовой**, **Д. М. Мамина (Сибиряка)**, **И. А. Салова**, **К. Н. Станюковича**, **Вл. И. Немировича-Данченко**, **Е. П. Гославскаго**, **Т. Л. Куперникъ** и др.

☛ Съ 1894 года будетъ прибавленъ отдѣлъ „ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ періодически появляться: „ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ“ **И. И. Иванова.**

Въ журналѣ по прежнему будутъ появляться *статьи по искусству;* статьи по исторіи искусства, *драматическія произведенія*, оригинальныя и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ, *съ снимками* съ декорацій, планами сценъ, *портретами* артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ и проч.; *режиссерскій отдѣлъ*, постановка пьесъ, указанія авторовъ, виды и планы декорацій, монтировки, костюмы (съ рисунками), статьи по гримму (съ рисунками), снимки съ извѣстныхъ артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ, снимки съ картинъ и портретовъ историческихъ лицъ. Виды и планы театровъ съ чертежами. Устройство театровъ съ чертежами и смѣтами; *критическія статьи* по всѣмъ вопросамъ искусства; *историческія статьи* и очерки эпохъ, изъ коихъ взяты сюжеты для историческихъ драматическихъ произведеній, статьи по исторіи театра и друг. искусствъ, біографіи артистовъ, ихъ воспоминанія, записки, дневники, автобіографіи и проч., съ приложеніемъ портретовъ, видовъ и проч.; *хроника*, корреспонденціи, свѣдѣнія о произведеніяхъ искусства въ Россіи и на западѣ Европы, статистическія свѣдѣнія, отчеты разныхъ артистическихъ и художественныхъ Обществъ и проч.; библіографія и смѣсь.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

а) **оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты артистовъ и писателей** и т. п., исполненные

ГЕЛЕОГРАВЮРОЙ, ФОТОТИПОГРАВЮРОЙ, ФОТОТИПІЕЙ, ХРОМОЛИТОГРАФІЕЙ и т. п.

и б) **музыкальныя произведенія** для пѣнія и игры на инструментахъ: отрывки изъ оперъ, романсы и проч.

Въ вышедшихъ книжкахъ (1889—1893 гг.) между прочимъ **было помѣщено:**

ГЕЛІОГРАВЮРЫ, ФОТОТИПІИ, ГРАВЮРЫ, АВТОТИПІИ И ПР.

съ картинъ (преимущественно Передвижныхъ выставокъ) и рисунковъ:

Рѣпина И. Е. „Явленная икона“, „Запорожцы“, „Св. Николай“, „А. К. Глазуновъ“, „гр. Мерси д'Аржанто“, „П. А. Стрепетова“, „Э. Дузе“, „Гр. Л. Н. Толстой“. **Маковскаго В. Е.** „Наемъ прислуги“, „Помѣшали“, „Портретъ Е. С. Сорокина“, „Не пущу!“, „Первый фракъ“, „Бесѣда“, „Благотворительница“. „Крахъ банка“, „Охотники“, „Оправданная“, „Полученіе пенсіи“. „Свиданіе“, „Швейцаръ“. **Маковскаго К. Е.** „Турчанка“, „Красавица“ и „Женская головка“. **Киселева А. А.** „У сліянія рѣчекъ“, „Подъ облаками“, „У пруда“ и др. **Шишкина И. И.** „Дождь“. **Ленскаго А. П.** Гримъ г. Ленскаго въ роляхъ: Пропорьева („Цѣпи“), Столбцова („Новое дѣло“), Христіанина („Смерть Агриппины“), Д. Гомецъ де-Сильва („Эрнани“), Пришельцева „Семья“) и Фольстафа. **Клодта М. П. бар.** „Вѣдьма“. **Корина А. М.** „Больной художникъ“, „Опять провалился“. **Коппаи** „Осенью“, „Танцовщица“. **Лебедева К. В.** „Угощеніе шута“. **Лемоха К. В.** „У колыбели“. **Неврева Н. В.** „Актеръ Мочаловъ“. **Пастернака Л. О.** „Муки творчества“, „Вдова“, „Старички“, и др. **Пелевинъ И.** „Странникъ“, **Пимоненко Н. К.** „Свадьба въ Малороссіи“. **Прянишникова И. М.** „Въ ожиданіи шафера“. **Рыбакова Г. Ѳ.** „Коробейникъ“ и др. **Савицкаго К. А.** „Бѣглые въ Сибири“, „На богомольи“, „Съ больнымъ ребенкомъ“. **Степанова А. С.** „Отецъ и сынъ“. **Сергѣева Н. А.** „На рѣчкѣ“. **Трутовскаго К. А.** „Бабушка и внучка“, „Коршуны“, „Сироты“ и др., **Фріана** „Милостыня“. **Ярошенко Н. А.** „Подруги“. **Шанкъ Э. Я.** „Новенькая“ и „Наемъ гувернантки“.

и худ. Андреотти, Аллерса, (серія театральныхъ типовъ) Баярдъ, Баргъ, Бекеръ, Бенжаменъ-Констанъ, Бенліура, Богатова, Бодуина, Бонна, Бретонъ, Бугеро, Бурхгардта, Вагре, Гельдри, Гертерихъ, Даньянъ, Демонъ Бретонъ, Дафрегеръ, Жанре, Жеромъ, Жоффруа, Зарѣцкаго, Зихель, Кампенридеръ, Карріеръ Белезъ, Кнаусъ, Кларкъ, Клодта, (Н. А.), Кумансъ, Куртуа, Лоранъ, Мартенсъ, Меньянъ, Мишленъ, Моро, Мункачи, Лефевръ, Макъ, Менка, Обле, Пеллузъ, Пелль, Переплетчикова, Перро, Ренаръ, Ролль, Рошгроссъ, Руссо, Рыбакова, Самокиша, Спитцера, Стивенса, Танзи, Татегрена, Фалеро, Фраппа, Хендшель, Шаплэна, Шлезингера и др.

СЕРІЯ СНИМКОВЪ СЪ ЭТЮДОВЪ И КАРТИНЪ

Бриджмана, Гогарта, Киселева, Б. Констана, Мейсонье, Милле, Рѣпина, Скадовскаго, Сурикова и скульптуръ Антокольскаго (съ статьями о нихъ).

8 АКВАРЕЛЬНЫХЪ (ФАКСИМИЛЕ)

РИСУНКОВЪ **гр. Ѳ. Л. СОЛЛОГУБА**

къ сказкѣ „О золотомъ пѣтушкѣ“ А. С. Пушкина.

ГРУППА Гг. АРТИСТОВЪ МАЛАГО ТЕАТРА (г-жи Ермолова, Лешковская, Никулина, Панова, Рыкалова, Садовская, Щепкина, Яблочкина и Ѳедотова, и гг. Грековъ, Кондратьевъ, Ленскій, Макшеевъ, Музиль, Правдинъ, Рыбаковъ, Садовскій, Черневскій и Южинъ).

ПОРТРЕТЫ г-жъ: Абрамовой, Александровой-Кочетовой, Валберховой, Бартэ. С. Бернаръ, Борги, Брошель, Ванъ-Зандтъ, Гейтенъ. Дузе, Дюровой, Ермоловой, Жулевой, Жюдикъ, Заньковецкой, Зембрихъ, Ильинской, Каратыгиной, Кочетовой, Лавровской, Лешковской, Львовой-Синецкой, Малибранъ, Мерси д'Аржанто, Мей-Фигнеръ, Мравиной, Никулиной, Пановой, Рашель, Ристори, Рыкаловой, Садовской, Савиной, Семеновой, Снѣтковой, Стрепетовой, Струйской, Троепольской, Эйхенвальдъ, Ѳедотовой и др., и гг.: Адамьяна, Антокольскаго, Берліоза, Бриджмана, Брянскаго, Вагнера, Волкова, Гоголя (съ рис. художн. Волкова), Горбунова, Глазунова (съ рис. И. Е. Рѣпина), Глинки, Гаршина (съ портр. И. Е. Рѣпина), Ге, Го, Гогарта, Горева, Гуно, Дмитревскаго, Ибсена, Каратыгина, Киселева, Коклэна, Б. Констана, Корсова, Ленскаго, Листа, Макшеева, Маковскаго В., Мельгунова, Мельникова, Милле, Мольера, Мочалова, Мусоргскаго (съ портр. И. Е. Рѣпина), Мейссонье, Моцарта, Музиля, Мюнэ-Сюлли, Мюссе, Никифорова, Направника, Охотина, Островскаго, Поссарта, Плавильщикова, Ренана, Рыбакова, Римскаго-Корсакова, Росси, Россини, Рубинштейна, Рѣпина, Садовскаго, Сандунова, Свободина, Скадовскаго, гр. Соллогуба, Сорокина (съ портр. В. Е. Маковскаго), Сурикова, Трутовскаго (съ рис. В. Е. Маковскаго), Таманьо, Толстаго Л. Н. (съ портр. И. Е. Рѣпина), Фигнера, Фонъ-Визина, Хохлова, Чайковскаго, Шекспира, Шиловскаго, Шостаковскаго, Шумскаго, Щепкина, Эрвинга, Южина, Юрьева, Яковлева и др.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ДЛЯ ПѢНІЯ и Ф.-П.

гг. Арендса, Аренскаго, Бларамберга, Бизе, Веймарна, Верди, бар. Врангеля, Глазунова, Делиба, Ильинскаго, Кочетова, Кюи, Леонковалло, Масканьи, Мошковскаго, Направника, Римскаго-Корсакова, Ребикова, Сенъ-Санса, Симона, Чайковскаго и др.

Св. Николай, съ карт. **И. Е. Рѣпина**, гравюра В. В. Матэ.

Романы, повѣсти и разсказы гг.: **П. Д. Боборыкина** „*Все на карту*“; **Е. П. Гославскаго** „*Учитель*“, „*Малиновый звонъ*“, „*Вѣчная память*“, „*Двѣ ночи*“, „*Заяцъ*“; **П. П. Гнѣдича** „*Курочкинъ*“, „*Изъ воспоминаній театральнаго старожила*“; **кн. Д. П. Голицына (Муравлина)** „*Вдова*“; **И. Я. Гурлянда** „*Послѣдняя вспышка*“ разск.; **А. А. Лугового** „*Теплымъ повѣяло*“ разск.; „*Nocturne*“; **Д. Н. Мамина (Сибиряка)** „*Буянка*“; повѣсть, „*По желанію публики*“, „*Не то*“ разск., **В. М. Михеева** „*На натурѣ*“ разск.; „*Золотыя розсыпи*“ романъ; **Вл. И. Немировича-Данченко** „*У моильнаго креста*“, „*Съ дипломомъ*“ повѣсть; **И. Н. Потапенко** „*Слово и дѣло*“, романъ въ 2 част., „*Самородокъ*“, повѣсть, „*Проклятая слава*“, этюдъ; „*Блудный сынъ*“; **В. В. Подкольскаго** „*Анютка-пружинка*“, „*Діезы и бемоли*“; **М. П. Садовскаго** „*Дикій человѣкъ*“, „*Высокое призваніе*“, разск.; **И. А. Салова** „*Старый комикъ*“, „*Ученая экспедиція*“, „*Добрая*“, „*Злючка*“, „*Denttelles Espagnolles**, **В. Я. Свѣтлова** „*Все въ прошломъ*“; **П. М. Свободина** „*Лицедѣи*“, очерки; **И. Л. Щеглова** „*Корделія*“, повѣсть; **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ** „*Кулисы*“, разск.; **Галеви** „*Парижскіе очерки*“; **Кларти** „*Веревка*“ и др.

СТИХОТВОРЕНІЯ гг.: Д. С. Мережковскаго, гр. Ѳ. Л. Соллогуба, А. А. Фета, О. Н. Чюминой, М. А. Давидовой, Е. Богдановой, К. Д. Бальмонта и др.

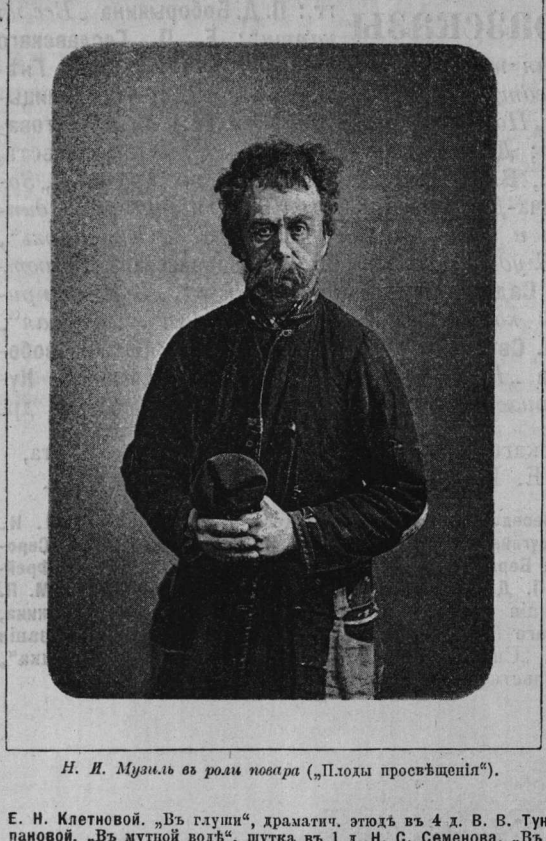
Статьи: **С. А. Юрьева, П. Д. Боборыкина, А. Н. Веселовскаго. В. А. Гольцева, Н. В. Досѣкина, И. И. Иванова, Н. Д. Кашкина, А. А. Киселева, С. Н. Кругликова, Ц. А. Кюи, Н. И. Стороженка, А. Н. Сиротинина, В. С. Сѣровой, Н. С. Тихонравова** и др. и **Берліоза. Коклена, Легувэ. Пидерита, Сальвини, Фрейтага.** Письма. **А. Н. Островскаго.** Воспоминанія: **П. Д. Боборыкина, Л. М. Жемчужникова, Легуве, М. П. Садовскаго, Ристори, Росси, В. Сѣровой** и др. Лекціи о сценическомъ искусствѣ **П. Д. Боборыкина.** Опытъ курса театральнаго грима, **К. С. Шиловскаго** (съ рис.). Постановки и режиссерскія указанія съ рисунками. („Пиковая дама“, „Князь Игорь“, „Симфонія“, „Новое дѣло“, „Вольная волынка“, „Іоланта“, „Марія Стюартъ“, „Фольстафъ“, „Гамлетъ“, „Озимь“ и др.).

Ярославъ Мудрый, скульптура **М. М. Антокольскаго.**

КАТАЛОГЪ

235 драматическихъ сочиненій,

напечатанныхъ въ №№ 1 — 32 „Артиста“, №№ 1 — 10 „Дневника Артиста“ и №№ 1—32 „Театральной Библіотеки“.



Н. И. Музиль въ роли повара („Плоды просвѣщенія“).

„Автора въ театрѣ нѣтъ“, шутка въ 1 д. И. Л. Щеглова. Тоже въ новой редакціи—въ двухъ картинахъ, Ивана Щеглова. „Агрономическій листокъ“, комедія въ 1 д. В. Л. Лашкова. „Ангелъ“, фарсъ въ 1 д., перед. изъ комедіи Ломейера „Der Stammhalter“, Н. Ѳ. Арбенина. „Арсеній Гуровъ“, драма въ 5 д. В. М. Михеева. „Ахъ мужчины, мужчины!“ комедія-фарсъ въ 4 д., перед. изъ комедіи Залевскаго—Н. А. Тихановымъ. „Бабье дѣло“, шутка въ 2 д. А. Н. Канаева. „Безъ исхода“ пьеса въ 1 д. Ек. Лѣтковой. „Безъ руля“, драма въ 3 д., въ стихахъ, О. Н. Чюминой. „Безъ кинжала“, шутка въ 1 д. В. Р. Щиглева. „Биржевики“, комедія въ 1 д. Станислава Добржанскаго („Zloty cielec“). Передѣлана для русской сцены Н. А. Тихановымъ. „Богатѣй“ („Кротость—что бѣлая зорька“), комедія въ 4 д. Е. П. Гославскаго. „Божья коровка“, комедія въ 4 д. П. Д. Боборыкина. „Борьба за существованіе“, піеса въ 5 д. А. Додэ, перев. Э. Э. Матерна. „Бракъ“, комедія въ 3 д. („Les Maris de leurs Filles“) П. Вольфа, перед. для русской сцены П. П. Гнѣдичемъ. „Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. В. Гете, перев. Э. Э. Матерна. „Букетъ“, комедія въ 1 д. И. Н. Потапенко. „Бываетъ!“ комедія въ 1 д. Н. В. Казанцева. „Быть или не быть?“ ком.-шутка въ 1 д. Скриба, перед. для русской сцены Э. Матернъ. „Бэби“, комедія въ 3 д. Н. И. Северина. „Вамъ такія сцены не знакомы?“ сценка въ 1 д. Дрейфуса, перев. Н. А. Тиханова. „Василекъ“, комедія въ 4 д. В. А. Крылова. „Венецейскій истуканъ“, карт. московской жизни XVII в., въ 4 д. П. П. Гнѣдича. „Вильгельмъ Тэль“, драма въ 5 д. Шиллера, переводъ А. А. Крилль. „Виновенъ“, драма въ 3 д. Рихарда Фосса, перев. Н. Ѳ. Арбенина. „Viola tricolor“ („Трехцвѣтная фіалка“), комедія въ 1 д. П. П. Гнѣдича. „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, карт. для оконч. спект. В. Шигрова. „Во время“, комедія въ 1 д. Монтескорбалли. „Водоворотъ“, драма въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. „Волшебный вальсъ“ („Zauberwalzer“), шутка въ 1 д., съ нѣмецкаго, А. М. Шмидтгофа. „Вольная волюшка“, драма въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. „Вольная пташка“, комедія въ 3 д. Е. П. Карпова. „Вотъ такъ водевиль“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера. „Встрѣча“, карт. въ 1 д. П. П. Гнѣдича. „Всякому свое“, комедія въ 4 д. Н. В. Казанцева. „Втируша“ („L'Intruse), драма въ 1 д. М. Метерлинка, перев. Е. Н. Клетновой. „Въ глуши“, драматич. этюдъ въ 4 д. В. В. Туношенскаго. „Въ лѣтнюю лунную ночь“, этюдъ въ 1 д. А. Степановой. „Въ мутной водѣ“, шутка въ 1 д. Н. С. Семенова. „Въ неравной борьбѣ“, драма въ 4 д. Влад. А. Александрова. „Въ области фантазіи“, картинк. въ 1 д., перед. изъ повѣсти „Ursule“ Ж. Онэ, Софьей Карнавской. „Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 д. Грене-Данкура, перев. съ французскаго Ѳ. А. Куманина. „Въ сонномъ царствѣ“, комедія въ 4 д. И. Я. Гурлянда. „Въ старые годы“, драма въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. „Въ царствѣ поэтовъ“, ком.-фарсъ въ 2 д. В. Корнеліевой. „Выгурилъ“, шутка въ 1 д. и 2 карт. Г. Н. Грессера и С. В. Чирикова. „Вѣчность въ мгновеніи“, драматическій этюдъ въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. „Гамлетъ“, трагедія В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича. „Гастролерша“, шутка въ 1 д. Ивана Щеглова. „Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г. „Герой“, ком.-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ. „Гибель Содома“, драма въ 5 д. Г. Зудермана, пер. П. К. „Господа театралы“, оригинал. комедія въ 1 д. Ивана Щеглова. „Гость“, драма въ 2 д. Эдуарда Брандеса, перев. П. Ганзена. „Грамотей“, анекд. шутка въ 1 д. И. Н. Ге. „Графъ де Ризооръ“ („Patrie“), драма въ 5 д. и 7 картин. Викторьена Сарду, перев. Н. Ѳ. Арбенина. „Гусь лапчатый“, драма въ 5 д. И. А. Салова. „Дармоѣдка“, комедія въ 5 д. И. А. Салова. „Дачный мужъ“, ком.-шутка въ 3 д. Ивана Щеглова. „Двѣ знаменитости“, шутка въ 1 д. Я. Янченко. „Двѣ семьи“, комедія въ 5 д. Эмиля Ожье, перев. И. Л. Щеглова. „День въ Петербургѣ“, сцены въ 3 картинахъ М. И. Чайковскаго. „Десять минутъ“, монологъ Коклэна. „Джэкъ“, драма въ 5 д. Альфонса Додэ, перев. И. Н. Ге. „Докторъ Штокманъ“, драма въ 5 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ. „Долгъ чести“, драма въ 1 д. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ. „Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій“, трагедія въ 5 д. Шиллера. Приспособленный для сцены переводъ И. Н. Грекова. Съ рисунками костюмовъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба. „Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, трагедія въ 5 д. Кальдерона, перев. Н. Ѳ. Арбенина. „Дочь невѣста“, ком.-шутка въ 4 д. В. М. Михеева. „Драконы“, шутка въ 1 д. В. Холостова. „Другъ Фрицъ“, комедія въ 2 д. Эркмана Шатріана, перев. Э. Э. Матерна. „Душа-потемки“, сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго. „Дуэль“, шутка въ 1 д. Вл. А. Александрова. „Дядюшкина квартира“, шутка въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Елка“ комедія въ 1 д. Влад. И. Немировича-Данченко. „Женихъ-пріятный“, сценка-монологъ И. И. Мясницкаго „Женская чепуха“, шутка въ 1 д. Ивана Щеглова. „Женскій вопросъ“, фарсъ въ 2 д. Л. Фульда, перев. Н. Ѳ. Арбенина. „Жизнь Илимова“, будничная драма въ 5 карт. В. С. Лихачева. „Жить надоѣло“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина. „Житье привольное“, драма изъ народной жизни въ 5 д. Е. П. Карпова. „Жоржинька“, ком.-фарсъ въ 2 д. Чека. „Жрица искусства“, комедія въ 4 д. Е. П. Карпова. „Завидный женихъ“, сцены въ 3 д. С. Н. Иконникова. „Загадка“, комедія въ 2 д., въ стихахъ, О. Н. Чюминой. „За золотымъ руномъ“, сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ въ 4 д. А. Лугового. „За рюмочку“, картинка будничной жизни В. Р. Щиглева. „За прошлое“, сцены въ 1 д. Э. Э. Матернъ. „Затмились“, разсказъ для сцены И. И. Мясницкаго. „Заяцъ“, комедія-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Зеленый яръ“, комедія въ 4 д. П. П. Гнѣдича. „Золотая рыбка“, ком. въ 3 д. И. А. Салова и И. Н. Ге. „Зубъ“, разск. для сцены И. И. Мясницкаго. „Иванъ да Марья“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера. „Игра въ любовь“, („Флиртъ“), комедія въ 4 д. Е. М. Бабецкаго, передѣл. изъ комедіи „Flirt“ М. Балуцкаго. „Изломанные люди“, пьеса въ 4 д. Вл. А. Александрова. „Избытокъ счастья“, комедія-шутка въ 4 д. И. Н. Ге и Г. Смоленскаго. „И ночь... и луна... и любовь!...“ („Notturno“), шутка въ 1 д. съ нѣмецкаго (оригинал.) Г. Н. Грессера. „Интересная больная“, шутка въ 1 д. В. Холостова. „Ирэнъ“, комедія въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. „Искорка“, комедія въ 1 д. Пальерона, передѣл. для русск. сцены А. Н. Плещеевымъ. „Казусъ въ .... театрѣ“, шутка въ 1 д. Ф. Ралнера, пер. съ нѣмецкаго Э. Матернъ. „Камень при распутьи“, комедія въ 3 д. кн. Н. П. Урусова. „Кайсаровы“, пьеса въ 4 д. Влад. А. Александрова. „Какъ куръ во щи“, ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Клубъ велосипедистовъ“, оригинальн. фарсъ въ 3 д. Н. В. Корцинъ-Жуковскаго. „Клубъ холостяковъ“, комедія въ 3 д. Балуцкаго, переводъ съ польскаго Б. Ю. Островской. „Комикъ по натурѣ“, шутка въ 1 д. Ив. Щеглова. „Компаньоны“, комедія въ 4 д. П. М. Невѣжина. „Кража“, драматич. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина). „Крокодиловы слезы“, комедія въ 5 д. Е. П. Карпова. „Лебединая пѣсня“ („Калхасъ“) драматич. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова. „Ложные итоги“, комедія въ 4 д. В. М. Михеева. „Лѣтняя картинка“, въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. „Мамаево нашествіе“, ком.-шутка въ 3 д. Ив. Щеглова. „Maman“, комедія въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы). „Медвѣдь“, шутка въ 1 д. А. П. Чехова. „Мельхіоръ“, комедія въ 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г. „Молодость Людовика XIV“, комедія въ 4 д. А. Дюма (отца), перев. А. Ѳ. Крюковскаго. „Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина. „Мужъ и жена“, комедія въ 5 д. О. К. Снѣжина. „Муравейникъ“ комедія въ 2 д. Н. Криницкаго. „Мухоловка“ („Цвѣтокъ людоѣдъ“), комедія въ 5 д. Л. Г. Г. „Мышеловка“, шутка въ 1 д. И. Л. Щеглова.—Та же пьеса въ новой редакціи. „Мюзота“, драма въ 3 д. Гюи де-Мопассана и Ж. Нормана, перев. Н. И. Северина. „Навожденіе“, комедія въ 3 д. Н. Криницкаго и А. Воронежскаго. „Наединѣ“, (Unter vier Augen) комедія въ 1 д. Л. Фульда. „Наканунѣ золотой свадьбы“, ком.-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера. „На развалинахъ прошлаго“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова. „На своихъ мѣстахъ“, комедія въ 4 д. Ник. В. Казанцева. „На станціи“, картин. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. „Не всякому, какъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д., Е. П. Гославскаго. „Не въ добрый часъ“, шутка въ 1 д. И. Л. Щеглова. „Нежданный гость“ („Жакъ Дамуръ“), драма въ 1 д. Энника (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), перев. съ французск. И. Л. Щеглова. „Незадачный денекъ“, шутка въ 1 д. Н. Каменскаго. „Незванный гость“, небывалый анекдотъ въ 1 д. Н. Г. Леонтьева. „Не ли!“ фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго, перед. изъ комедіи Шамберта „Ledé-

nacte pricázání". „Не надо", драматич. этюдъ въ 1 д. Д. В. Гарина. „Пенастье", комедія въ 1 д. П. П. Гнѣдича. „Неудачный день", комедія въ 1 д. Т. Барріера, перев. Э. Э. Матерна. „Нижній въ ярмарку", фарсъ въ 1 д. Н. А. Тиханова. (Сюжетъ заимствованъ изъ комедіи Добржанскаго „Wujszek Alfonsa"). „Ни минуты покоя", оригинальн. ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Новая линія" („Чары любви"), комедія въ 4 д. Бухгольца. „Новое дѣло", комедія въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко. „Ночь", драматич. этюдъ въ 1 д. Валеріана Свѣтлова. „Обухъ" („Ни съ того, ни съ сего") („Nowy dziennik"), комедія въ 3 д. Балуцкаго, перев. для русской сцены Е. М. Б—аго. „Одурачили!..." („Мужъ на прокатъ"), („Le mari à Babette"), ком. въ 3 д. Г. Мельяна и Ф. Жилль, перев. съ французск. П. И. Кичеева. „Озимь", драма въ 4 д. А. А. Лугового. „Она жизнь поняла", драматич. этюдъ въ 1 д. Leo Felis (Л. Г.). „Она одна", сцена-монологъ И. И. Мясницкаго. „Опасные люди" („Два полюса"), драма въ 4 д. К. В. Назарьевой. „Осень", комедія въ 3 д. В. М. Михеева. „Осенняя роза", комедія въ одномъ актѣ Огюста Доршена, переводъ съ французск. А. Н. Михеевой. „Осколки минувшаго", комедія въ 5 д. и 6 картин., передѣлана изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) „Въ ожиданіи лучшаго" И. Н. Ге. „Островъ Мадагаскаръ", комедія въ 2 д. В. Фирсова. „Отбитая атака", ком.-фарсъ въ 1 д. И. Ф. Константинова. „Отставка", шутка въ 1 д. „Отрѣзанный ломоть", фарсъ-водевиль въ 1 д. С. А. Алякринскаго. „Папенькина дочка" (Lolo's Vater), комедія въ 3 д. А. Ларонжа. „Перекати поле", комедія въ 4 д. П. П. Гнѣдича. „Петербургскій кузень", комедія въ 2 д. В. Кигна и В. Тиханова. „Плагіаты", комедія въ 1 д. К. С. Баранцевича. „Подвижной лагерный сборъ", карт. въ 1 д. Н. П. Неймана. „Подъ властью сердца", драма въ 5 д. И. Н. Ладыженскаго. „Подъ душистой вѣткой сирени", комедія въ 1 д. В. Корнеліевой. „По красному звѣрю", ком.-шутка въ 2 д. И. Н. Захарьина. „По кровавымъ слѣдамъ", фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера. „По памятной книжкѣ", ком.-шутка. Передѣлана Э. Э. Матерномъ изъ пьесы Г. Мюрже „Le serment d'Horace". „По разсѣянности", комедія въ 3 д. Н. В. Казанцева. „По ревизіи", этюдъ въ 1 д. М. Л. Кротивницкаго. „Порывъ", драма въ 4 д. Н. О. Ракшанина. „Послѣднее сокровище", драматъ. этюдъ въ 2 д. В. М. Михеева. „Послѣдняя воля", комедія въ 4 д. Вл. Ив. Немировича-Данченко. „По старымъ ролямъ", ком.-вод. въ 1 д. Г. Н. Грессера. „Похищеніе Сильфиды", комедія въ 1 д. В. В. Билибина. „Праздникъ въ Сольгаугѣ", драма въ 3 д. Ибсена. „Предложеніе", шутка въ 1 д. А. П. Чехова. „Предразсудки", комедія въ 4 д. М. И. Чайковскаго. „Привѣтствіе искусствъ", лирическая сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина. „Приданое принимаютъ", комедія въ 1 д. М. В. Ларіонова. „Приступомъ", сцены въ 2 д. И. В. Шпажинскаго. „Пустая ворона", сцены В. Щигрова. „Рабочая слободка", драма въ 4 д. Е. П. Карпова. „Ради милой сердцу", ком.-вод. въ 4 д. Хакландера. „Разладъ", драма въ 4 д. В. А. Крылова. „Ранняя осень", драма въ 4 д. Е. П. Карпова. „Расплата", драма въ 4 д. Е. П. Гославскаго. „Ревнивый актеръ", монологъ въ стихахъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба. „Револьверъ", комедія въ 1 д. В. В. Билибина. „Родина" („Heimat"), драма въ 4 д. Германа Зудермана, перев. съ нѣмецк. Ѳ. А. Куманина. „Роковая скамейка", водевиль въ 1 д. В. Холостова. „Самъ у себя подъ стражей", комедія въ 3 д. Донъ Педро Кальдерона дель Барка, приспособленный къ сценѣ, перев. С. А. Юрьева. „Сафо", трагедія въ 5 д. Ф. Грильпарцера, переводъ Н. Ѳ. Арбенина. „Сарданапалъ", трагедія Байрона, перев. О. Н. Чюминой. „Сгоряча", фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Сельская честь", сцены изъ итальянск. народн. жизни въ 1 д. Д. Верга, пер. А. А. Веселовской. „Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ", шутка въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ѳ. Арбенина. „Симфонія", комедія въ 5 д. Модеста И. Чайковскаго. „Скитальцы", сцены въ 5 д. Н. С. Генкина. „Случайно случившійся случай", фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера. „Старая погудка на новый ладъ", комедія въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой. „Старообрядецъ", сцены въ 4 д. Чужа о. „Степной богатырь", драма въ 5 д. И. А. Салова. „Стоячія воды", карт. совр. жизни въ 3 д. П. П. Гнѣдича. „Счастливецъ", пьеса въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко. „Съ новымъ годомъ!" (Визиты), комедія въ 1 д. И. Д. Арскаго. „Сынъ измѣнника" („Мачиха"), драма въ 5 д. и 7 картин. Бальзака, перев. Ив. Щеглова. „Сыщикъ", ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго. „Сѣверные богатыри", драма въ 4 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ. „Сюжетъ заимствованъ", фарсъ въ 1 д. В. Н. Каменскаго и В. С. Пичинскаго. „Съ бою", комедія въ 4 д. П. Д. Боборыкина. „Танцующій кавалеръ", фарсъ въ 1 д. В. Холостова. „Такъ ужъ на роду написано", шутка въ 1 д. Н. Ломакина. „Театральный воробей", ком.-шутка въ 2 д. Ивана Щеглова. „Темная сила", драма въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. „Товарищество канительнаго производства", шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ. „Трагикъ по неволѣ", шутка въ 1 д. А. П. Чехова. „Три встрѣчи", монол. въ стихахъ М. И. Лаврова. „Турусы на колесахъ", шутка въ 1 д. И. Л. Щеглова. „Туръ вальса", комедія въ 1 д. Л. Галеви, перед. для русск. сцены В. Ф. Плющинской. „Угасшая искра", драмат. сцены въ 3 д., въ стихахъ О. Н. Чюминой. „Уголокъ Москвы", комедія въ 4 д. Вл. А. Александрова. „Устроилъ", шутка въ 1 д. А. С. Кушнерева. „Уѣздный Шекспиръ", комедія въ 1 д. И. Я. Гурлярда. „Федра", трагедія Ж. Расина, перев. М. П. С—го. „Флипотъ", комедія въ 3 д. Ж. Леметра, перев. Э. Э. Матерна. „Фотографъ любитель", шутка въ 1 д. Э. Э. Матерна. „Холостая семья", комедія въ 4 д. А. С. Азовскаго. „Цѣпи", драма въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова. „Честь", комедія въ 4 д. Зудермана, перев. съ нѣмецк. Н. К. „Чудакъ", комедія въ 4 д. И. Л. Щеглова. „Шато-Икемъ", комедія въ 1 д. В. Гуснахъ, перев. съ французск. Н. А. Тиханова. „Шашки", шутка въ 1 д. Н. Криницкаго. „Школа гостепріимства", шутка въ 2 д. А. Н. Канаева. Сюжетъ заимств. изъ повѣсти Д. В. Григоровича. „Школьная пара", картинка съ натуры въ 1 д. Е. М. Бабецкаго. „Эллида", драма въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Спасской. „Ѳедоръ Басмановъ", драматич. этюдъ въ 1 д. въ стихахъ М. И. Лаврова.

Отдѣльные №№ „Артиста" по 2 р., „Дневника Артиста" по 1 р., „Театральной Библіотеки" по 1 р.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ" ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

ПРОДАЮТСЯ ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПО СЛѢДУЮЩИМЪ ЦѢНАМЪ:

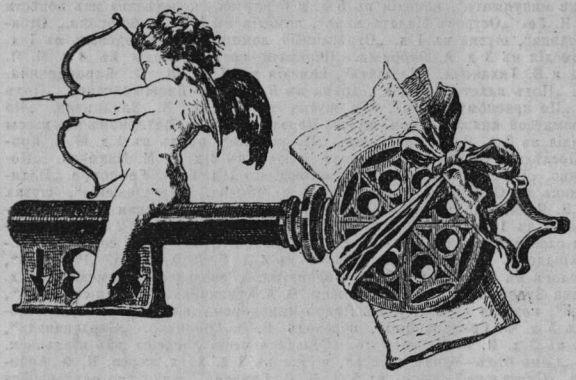
	Безъ доставки.	Съ пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
(Экземпляры №№ 1 и 4 всѣ распроданы).			
5 книгъ 1-го сезона $18^{89}/_{90}$ г. (№№ 2—3 и 5—7) . . .	6 р. 50 к.	8 р. 50 к.	8 р. 75 к.
7 „ 1890 г. (№№ 5—11)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона $189^0/_1$ (№№ 8—14)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 3-го сезона $189^1/_2$ (№№ 15—21).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
9 „ 1892 г. (съ апрѣля 92 по январь 93 — №№ 1—5 „Дневника Артиста и №№ 22—25 „Артиста".)	6 „ 20 „	7 „ 70 „	8 „ — „
12 „ 1892 г. (№№ 19—25 „Артиста" и №№ 1—5 „Дневника Артиста").	10 „ — „	12 „ 50 „	12 „ 80 „
10 „ 1890 г. и $189^0/_1$ г. (№№ 5—14)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
10 „ 1891 г. и $189^1/_2$ г. (№№ 12—21)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ $189^0/_1$ и 1891 г. (№№ 8—18)	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18).	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
16 „ (№№ 2—3 и 5—18)	20 „ 75 „	26 „ 50 „	27 „ — „
19 „ (№№ 2—3 и 5—21)	24 „ 75 „	31 „ 50 „	32 „ 20 „
26 „ (№№ 5—25 „Артиста" и №№ 1—5 „Дневника Артиста")	28 „ — „	35 „ 50 „	36 „ 30 „
28 „ (№№ 2—3 и 5—25 „Артиста" и №№ 1—5 „Дневника Артиста")	31 „ — „	39 „ 20 „	40 „ — „

При выпискѣ съ наложеннымъ платежомъ слѣдуетъ присылать предварительно одну треть стоимости выписываемыхъ книгъ.

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(Годъ 4-й).



ПРОГРАММА:

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), **ОДОБРЕННЫЯ** драматическою цензурою **ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ БЕЗУСЛОВНО.**

2) Монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ.

3) Практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 8 до 12 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные нумера—1 руб.

ЦѢНА ЗА ТОМЪ (4 КНИГИ)—3 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для подписчиковъ на „АРТИСТЪ“ безъ доставки на годъ **3** р., на полгода **2** р.; съ доставкой и пересылкой на годъ **4** р., на полгода **3** р. Отдѣльно отъ „АРТИСТА“ безъ доставки на годъ **7** р., на полгода **4** р.; съ доставкой и пересылкой на годъ **8** р., на полгода **5** р.

Подписка на 1893 г. продолжается и принимается только отъ подписчиковъ на „АРТИСТЪ“.

Подписная цѣна на оба журнала вмѣстѣ безъ доставки на годъ **13** р., на полгода **8** р.; съ доставкой и пересылкой на годъ **16** р., на полгода **10** р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ на одинъ журналъ—**2** р. и затѣмъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО ПО 1 РУБ.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ—**3** р. и затѣмъ ежемѣсячно по **2** р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи** (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ. *Телефонъ № 502*), въ отдѣленіяхъ конторы: въ книжн. магаз. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекепева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“,

Москва, Страстной бул., д. Адельгеймъ,

ПРИНИМАЕТЪ ПОДПИСКУ НА ВСѢ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

и высылаетъ иногороднимъ всѣ книги и ноты, публикован. въ газетахъ и др. каталогахъ

Гг. подписчики на журн. „Артистъ“ ПРИ ВЫПИСКѢ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

NB. Книги могутъ быть выписаны изъ магазина безъ высылки при этомъ денегъ, по почтѣ съ наложеннымъ платежомъ. При высылкѣ свыше чѣмъ на 10 р. просятъ прилагать 1/4 стоимости.

КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

НОВЫЯ КНИГИ, изданія книжнаго магазина „Артистъ“:

УЮТНЫЙ УГОЛОКЪ, разсказъ *И. А. Салова (роскошное миніатюрное изданіе)*. Ц. 80 к.

БУДНИ, 27 разск. *В. В. Подкольскаго*. Ц. 1 р.

ЗОЛОТЫЯ РОЗСЫПИ, романъ въ 2-хъ частяхъ *В. М. Михеева*. Ц. 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ АКТЕРА А. А. АЛЕКСѢЕВА, Ц. 1 р.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ДЬЯВОЛЪ, новелла *Казота*, перев. съ фр. *(роскошное миніатюрное изданіе)*. Ц. 80 к.

СЪ НАТУРЫ, 13 разсказовъ *И. А. Салова*. Ц. 1 р.

СИРЕНЬ, 15 разск. *С. Н. Филиппова*. Ц. 1 р. 25 к.

Указатель піесъ для любительск. спект. Ц. 50 к.

Устройство сцены для любителей. Ц. 50 к.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВА, томъ I (Пѣснь горя, На жизненномъ пиру, Въ селѣ Знаменскомъ, Спорный вопросъ). Ц. 2 р. Для подписчиковъ на журн. „Артистъ“ 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ книжн. магаз. журн. „Артистъ“ **за пересылку не платятъ.**

Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ.

Дозволено цензурою. Москва, 10 декабря 1893 г.

Тино-литогр. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°., Пименовская ул., соб. д.

Стр.

Петербургъ. „У своихъ“.—„Смерть Пазухина“, ст. **Г.**—„Папенькина дочка“, ст. **П. П.**—Маріинскій театръ: Постановка „Паяцевъ“.—„Джамилэ“.—Возвращеніе г. Васильева 3-го.—Дебютъ г-жи Мирры Геллеръ.—Курьезный анонсъ.—Малый театръ: Русское Оперн. Т-во.—Постановка „Кавказскаго плѣнника“, г. Ц. Кюи.—4-е и 5-е симфоническое собр. Музык. Общества.—Сюита г. Г. Конюса.—Фантазія для скрипки г. Направника.—Г. Ю. Конюсъ.—Г. Сапельниковъ.—3-е квартетное и экстренное собр. Музык. О-ва.—1-й общедоступный концертъ гг. Галкина и Архангельскаго.—Русскій квартетный вечеръ.—4-е собраніе „молодого“ квартета.—Г-жа Терминская,—4-е собраніе О-ва камерной музыки.—Альфредъ Рейзенауэръ, ст. **Леля**. 177

Корреспонденціи изъ Варшавы, Владиміра, Казани, Кишинева, Ковно, Нижняго-Новгорода. Одессы, Риги, Самары, Саратова, Тифлиса, Томска, Харькова и Милана. 185

XX. ХРОНИКА. 197

XIX. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ. 212

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XXI. РАЙ ЗЕМНОЙ, ком. въ 5 д., **Е. П. Карпова.**

XXII. ЖИЗНЬ, пьеса въ 4 д. **И. Н. Потапенко** и **П. А. Сергѣенко.**

XXIII. ЛИХАЯ СВЕКРОВЬ, картина **Н. В. Лебедева.** } **ГЕЛІОГРАВЮРЫ БЁШЕ ВЪ БЕРЛИНѢ.**

XXIV. ПО ЭТАПАМЪ, карт. г. **Архипова.** }

XXV. ПОРТРЕТЪ А. С. ДАРГОМЫЖСКАГО.

Клише снимковъ съ картинъ, заставокъ и виньетокъ работы фирмъ Ангереръ и Гёшль въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Бонгъ въ Берлинѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Отъ редакціи.

Контора редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ. *Телефонъ № 502*) **открыта** ежедневно, отъ 10 до 7-ми часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 2 часовъ.—Личныя **объясненія съ редакторомъ** по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 12 до 2 час. дня, **а съ завѣдующимъ музыкальнымъ отдѣломъ С. Н. Кругликовымъ**—по четвергамъ отъ 12 до 2 час. дня.

Редакція **отвѣчаетъ только на тѣ письма**, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. **Билеты на полученіе журнала высылаются** только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются **исключительно** въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленныя въ редакцію **статьи** должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—**Гонораръ** уплачивается **только** за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. **Авансы не выдаются.**—Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, **сокращенію** и **исправленію**.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, **возвращаются** авторамъ безъ объясненія причинъ.—**Обратная пересылка** такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, **хранятся** въ редакціи въ теченіе **шести** мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты и гг. антрепренеры благоволятъ присылать въ редакцію свои адресы, которые **безплатно** печатаются въ журналѣ.

Дозволено цензурой. Москва, 5 января 1894 г.

„АРТИСТЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО, ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ,

книжками отъ 20 до 35 листовъ.

Подписная цѣна **на годъ 10** р., съ доставкой и пересылкой **12** р., за границу—**14** р.; **на полгода**—**6** р., съ доставкой и пересылкой **7** р., за границу **8** р.

вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ на годъ 13 р., съ перес. 16 р., за границу 18 руб.; на полгода 8 р., съ доставкою и пересылкою 10 р., за границу 11 р.

☛ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ журналъ—**2** руб. и затѣмъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО** по **1** руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба жур нала вмѣстѣ — **3** руб. и затѣмъ ежемѣсячно по **2** руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для учащихся въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артистъ“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по 2 рубля,

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $^1/_4$ и 5 р. за $^1/_8$ страницы.

„Театральная Библіотека“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), **одобренныя** драматическою цензурою **для представленія безусловно**; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою для публичныхъ чтеній; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 8 до 12 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные нумера по 1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для подписчиковъ на „Артистъ“ безъ доставки на годъ **3** р., на полгода **2** р.; съ доставкой и пересылкой на годъ **4** р., на полгода **3** р. Отдѣльно отъ „Артиста“ безъ доставки на годъ **7** р., на полгода **4** р.; съ доставкой и пересылкой **на годъ 8 р., на полгода 5** р.

☛ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ журналъ—**2** руб. и затѣмъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО** по **1** руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба жур нала вмѣстѣ — **3** руб. и затѣмъ ежемѣсячно по **2** руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.** *Телефонъ № 502*), въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ музыкальномъ магазинѣ г. Бесселя и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

Издатель **Ѳ. А. Куманинъ.** Отвѣтственный редакторъ **Е. Е. Коршъ.**